МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Социологический факультет

XIV Международная научная конференция
«СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

«ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В XXI ВЕКЕ»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

МОСКВА
МАКС Пресс
2020

ISBN 978-5-317-06450-1

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Социологический факультет

XIV Международная научная конференция
«СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

«ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В XXI ВЕКЕ»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Электронное издание комплексного распространения

МАКС ПРЕСС

МОСКВА – 2020

УДК 316
ББК 60.5
Т65

Т65 **Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке** : XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения - 2020». Сборник материалов / – Москва : МАКС Пресс, 2020. – 1516 с (Электронное издание комплексного распространения).

e-ISBN 978-5-317-06450-1
https://doi.org/10.29003/m1402.978-5-317-06450-1

Сборник тезисов составлен на основе материалов, присланных российскими и иностранными учеными в Оргкомитет XIV Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2020». Тезисы публикуются в авторской редакции. Материалы цензуре не подвергались; мнение Оргкомитета может не совпадать с позицией авторов.

Издание предназначено для преподавателей и научных сотрудников, аспирантов, магистрантов и студентов, интересующихся актуальными проблемами и разработками социологической науки.

Ключевые слова: социология, социальные конфликты, цифровизация, Сорокинские чтения, международная конференция.

УДК 316
ББК 60.5

Все материалы публикуются в авторской редакции

Traditional and new social conflicts in the XXIst century: the XIVth International Scientific Conference “Sorokinskie Readings – 2020”. The materials’ book / - Moscow: MAKS Press, 2020. – 1516 p. (Electronic publication of complex distribution).

e-ISBN 978-5-317-06450-1
https://doi.org/10.29003/m1402.978-5-317-06450-1

The current book includes materials by Russian and international scientists who participated in the XIV International Scientific Conference «Sorokinskie Readings – 2019». Materials are published in authors' edition. Materials have not been censored; organizing committee's opinion may not match with authors' opinions. The book is aimed at professors and scholars, aspirants, masters and bachelors, who are interested in current problems and trends in sociology.

Keywords: sociology, social conflicts, digitalization, Soroking readings, international conference.

Электронное издание комплексного распространения

Данное издание доступно:
https://www.socio.msu.ru/documents/science/SorokinskieSbornik2020.pdf

Издательство ООО “МАКС Пресс”
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/93. Тел./Факс 8(495)939-3891.

ISBN 978-5-317-06450-1

© Коллектив авторов, 2020
© Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

XIV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

«ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В XXI ВЕКЕ»

ОБЩИЙ РЕГЛАМЕНТ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

17 февраля 2020 года
Социологический факультет МГУ, 3-й гуманитарный корпус

Время	*Название мероприятия*	*Место проведения*
10:00 – 11:00	Регистрация	**Фойе 522 аудитории**
11:00 – 14:00	Торжественное открытие конференции. Пленарное заседание	**522**

18 февраля 2020 года
Социологический факультет МГУ, 3-й гуманитарный корпус
Заседание секций

Начало в 11.00	*Ауд.*
Секция 1. Новые формы социальных конфликтов в XXI веке: генезис, сущность, динамика (рук. проф. Н.Г. Осипова)	**226**
Секция 2. Социокультурные аспекты современных конфликтов (рук. проф. А.К. Мамедов)	**522**
Секция 3. Экономические интересы как причина социальных конфликтов: история и современность (рук. проф. А.А. Осеев)	**415**
Секция 4. Конфликт ценностей семьи, личности, государства (рук. проф. А.И. Антонов)	**511**
Секция 5. Методология и методика социологического анализа социальных конфликтов (рук. проф. Ю.П. Аверин)	**414**
Секция 6. Политические конфликты современности: методологии исследования, технологии урегулирования (рук. проф. Н.С. Федоркин)	**408**
Секция 7. Кризис глобального общества в современную эпоху (рук. проф. В.И. Добреньков)	**416**
Секция 8. Межпоколенческие конфликты в современных организациях (рук. проф. С.А. Барков)	**413**
Секция 9. Гармонизация интересов социальных групп в государственном управлении (рук. доц. В.П. Васильев)	**101**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

17 февраля, 11:00, Социологический факультет, 522 аудитория

СКВОРЦОВ НИКОЛАЙ ГЕНРИХОВИЧ
Декан Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор
Приветственное слово участникам конференции

ОСИПОВА НАДЕЖДА ГЕННАДЬЕВНА
Декан Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой современной социологии, доктор социологических наук, профессор
Социальный конфликт в истории социологии: уровни анализа и ключевые дискуссии

ВЕЛЬЦ ФРАНК
Профессор Факультета социальных и политических наук Университета Инсбрука, Президент Европейской социологической ассоциации в 2015-2017 гг.
Изучение социальных конфликтов в современной европейской социологии

ЛЬВОВ СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ
Директор по стратегическому развитию ВЦИОМ
Конструирование конфликтной повестки в современном обществе

ШАТИЛОВ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ
Декан факультета социологии и политологии Финансового университета
Поколенческие разрывы как фактор роста политической конфликтности в современном российском обществе

КОЗЫРЕВ ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ
Профессор кафедры политической социологии РГГУ, профессор кафедры социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева
Патриотизм и предательство как причины конфликта идентичностей в современном российском обществе

Содержание

«Секция 1. Новые формы социальных конфликтов в XXI веке: генезис, сущность, динамика (рук. проф. Н.Г. Осипова)» 7

«Секция 2. Социокультурные аспекты современных конфликтов (рук. проф. А.К. Мамедов)» 190

«Секция 3. Экономические интересы как причина социальных конфликтов: история и современность (рук. проф. А.А. Осеев)» 418

«Секция 4. Конфликт ценностей семьи, личности, государства (рук. проф. А.И. Антонов)» 536

«Секция 5. Методология и методика социологического анализа социальных конфликтов (рук. проф. Ю.П. Аверин)» 791

«Секция 6. Политические конфликты современности: методологии исследования, технологии урегулирования (рук. проф. Н.С. Федоркин)» 898

«Секция 7. Кризис глобального общества в современную эпоху (рук. проф. В.И. Добреньков)» 1010

«Секция 8. Межпоколенческие конфликты в современных организациях (рук. проф. С.А. Барков)» 1121

«Секция 9. Гармонизация интересов социальных групп в государственном управлении (рук. доц. В.П. Васильев)» 1282

«Секция 1. Новые формы социальных конфликтов в XXI веке: генезис, сущность, динамика (рук. проф. Н.Г. Осипова)»

Руководитель секции:
проф., д.с.н. Н.Г. Осипова
Секретарь секции:
доц., к.с.н. Д.Е. Добринская, ст.пр., к.с.н. Т.С. Мартыненко

Основные вопросы секции:

- Концептуализация социальных конфликтов в современных социологических теориях
- Новые формы социальных конфликтов в различных сферах общественной жизни: причины и факторы проявления
- Социальные конфликты глобального, регионального и локального масштаба
- Социальные последствия новых форм социальных конфликтов

Seitalieva Gulmiza Askarbekovna
Международный Университет Кыргызстана, Бишкек, Кыргызская Республика

Конфликт мировоззрений в понимании прав женщин

Конфликт религиозного и светского понимания прав личности появился в Кыргызстане вместе с возрождением исламской идентичности после обретения Независимости. Однако, научные исследования прав женщин в исламе в современном Кыргызстане отсутствуют. Серьезные исследования этого вопроса проводились преимущественно в советское время. Нужно также отметить, что в социалистическом обществе права женщин защищались на государственном уровне, а коммунистическая идеология и атеистическое мировоззрение были гарантом сохранения ее прав.

В отличие от научного подхода к правам женщин в исламе, в современном Кыргызстане активно распространяется богословско-религиозная литература о высоком статусе женщин в исламе. Нужно отметить что вся эта литература имеет пропагандистский характер, призванный распространять религиозное мировоззрение. Что касается прав женщин в исламе, то эта пропаганда откровенно вводит в заблуждение большую

часть нашего населения. Вся существующая реальность, в которой совершается насилие над девочками, девушками и женщинами, где идет дискриминация прав женщин, говорит о том, что религиозно-богословская концепция о высоком статусе женщины в исламе не соответствует истине и действительности.

Ислам, как и христианство или буддизм вот уже несколько тысячелетий, действительно, помогают распространять в обществе многие необходимые и важные гуманистические и нравственные положения такие как: не убий, не воруй, не прелюбодействуй, не лги, люби ближнего своего, помоги ближнему и т.д.

Однако, патриархальное мировоззрение, независимо от своей религиозной начинки всегда ставит женщину на второй план. Патриархальность исламского мировоззрения прослеживается в желании фанатичного мусульманина сегрегировать женщину от всего общества. И если она появляется в нем, то хотя бы укутать ее в хиджаб или паранджу, дабы чужой глаз не обозревал его собственность.

Вопрос о правах женщин в исламе, отмечает Саббах Фатна, возникает не на пустом месте: «Различие между полами и отношения доминирования представителей мужского пола над женским далеки от того, чтобы быть нетипичным или неважным в исламе. Наоборот, это и есть фундаментальная формулировка, которая поддерживается, осмысляется и отражается в строительстве мусульманской вселенной [5, p.69].»

Поскольку Коран является Священным для всех мусульман, многие мусульманские и немусульманские авторы предпочитают критиковать шариат, утверждая, что именно здесь произошло искажение прав женщин.

Профессор теологии, иранка Сейдикхе Васмагхи отмечает, что именно шариат привнес консервативность в понимание прав женщин. Но шариат может быть изменен в соответствии с требованием времени, так как «законы и правила, принятые в исламе при Пророке, могут быть применены к определенному времени и условиям, распространенным при Пророке [6, p.28].» Российская исследовательница Бараева З.М., считает, что дискриминация прав женщин продолжается благодаря интерпретации шариата отдельными мусульманскими богословами, которые «оправдывают религиозную доктрину как средство обслуживания патриархальных ценностей [2].»

Однако, большая часть исламских правоведов все же считают шариат неизменным и вечным. Более того, следование каждого мусульманина шариатскому пониманию права должно быть, с их точки зрения, беспрекословным.

В отличие от исламского мира, Западная культура в своем развитии сохраняя приверженность христианским ценностям, в то же время, разграничила развитие права от религии. Право стало частью государственного строительства. Религия осталась в сфере семьи и общины. Таким образом, прогрессивное право, поддерживаемое государством, оказывает эффективное влияние на соблюдение прав женщин в семье и общине.

Особенностью ислама является то, что религиозное мировоззрение претендует на тотальное господство в государственном строительстве, в обществе и семье. Религиозные принципы не отделены от политики и экономики. Поэтому положения Корана и шариата воспринимаются верующими как основополагающие для их поведения в повседневной жизни, даже если они живут в современных светских государствах. Вследствие этого страдают права женщин. Они растворяются в ее вторичности, неравенстве и несвободе.

С точки зрения современных мусульманских феминисток, можно безошибочно утверждать, что ислам - это религия мужчин [5, p.70]. Женщина - это прежде всего тело, наделенное душой, предназначенное для сексуального удовольствия мужчины [2, Сура 2:223]. Абд аль Разак Эйд также отмечает, что в исламе, женщина воспринимается как тело, владельцем которого является мужчина. «При этом женщина теряет все права что-то говорить, представлять себя, так как больше не владеет собой ни физически, ни духовно; ее тело было передано в собственность мужскому патриарху [4, p.484].»

В правовом государстве «Правовое равенство есть равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере, равенство свободных и равенство в свободе, общий масштаб и равная мера свободы индивидов [3, с.30].» Поэтому, только секуляризм может обеспечить соблюдение прав женщин.

Кыргызстан, следуя своей советской традиции пока сохраняет светскость конституционного устройства. И это, пожалуй, одно из самых главных достижений нашей действительности, которое необходимо сохранить вместе с расширением правового образования каждого гражданина, как носителя правовых ценностей данного общества.

Источники и литература

1) Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. Главный редактор д-р Мухаммед Саид Аль Рошд. Publisher: International Publishing Co. Tehran – Islamic Republic of Iran. Seventh Edition: 2008-1429

2) Бараева Заира Магомедовна. Женщина в мусульманском обществе (Проблемы трансформации социального и правового статуса): Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 : Махачкала, 2003 140 с. РГБ ОД, 61:04-9/163.

3) Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 848 с.

4) ‘Abd al-Razzaq ‘Eid Patriarchy and Human Rights// Human Rights in Arab Thought: A Reader. Edited by Salma K. Jayyusi. New York, I.B. Tauris Co Ltd., 2009. P. 670.

5) Sabbah, Fatna A. Woman in the Muslim Unconscious. Translated by Mary Jo Lakeland. 1984 Pergamon Press Inc. P. 132.

6) Sedigheh Vasmaghi. Women, Jurisprudence, Islam. Gottinger Orientforshungen. Iranica, Neue Folge 11. Translated by Mr Ashna and Philip G. Kreyenbroek. Harrassowitz Verlag – Wiesbaden, 2014. P. 162.

Абагеро Даниэль Джемалович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Вовлеченность индивида в городское планирование как социальный конфликт: социологические подходы

Одним из наиболее актуальных социальных конфликтов, вызывающих интерес у исследователей в сфере урбанистики и социологии города второй половины XX-начала XXI веков, является городское планирование, не ставящее своей приоритетной целью построение комфортного для индивида городского пространства. Суть данного конфликта заключается в том, что градостроительство и трансформация городов диктуется преимущественно экономическими и политическими целями, игнорируя потребности и интересы жителей города.

Исторической предпосылкой социологического осмысления данного конфликта являются урабанизационные процессы и становление крупных индустриальных городов. Методологическим основанием в анализе данного конфликта выступает переход к неклассическому этапу в развитии науки, для которого характерно смещение акцента в сторону субъекта (в случае с социологией города - в сторону жителя города).

Социологическое осмысление данного конфликта начинается с классиков социологии, которые рассматривают города как экономические центры. На ранних этапах развития социологии уже отмечаются такие проявления данной проблемы как отчуждение индивида (К. Маркс), отсутствие общности между людьми в городах (Ф. Тённис), одиночество и духовная отдаленность (Г. Зиммель). Интенсификация урабанизационных процессов инициировала возникновение концепций, активно критикующих сложившиеся социально-городские реалии. Среди негативных социальных последствий урбанизации отмечается:

· Формирование в крупных городах «мертвого анонимного» публичного пространства [5, с. 23], где механически циркулируют индивиды, нейтральные и безразличные по отношению друг к другу (Р. Сеннет);

· «Смерть улиц» [2] в результате доминирования классического модернизма, функциональной изоляции в градостроительстве и городского планирования с «высоты птичьего полета» (Дж. Джекобс);

· «Расхищение повседневности», рутинизация городской жизни человека и превращение ее в набор механических привычек; превращение городского пространства в капиталистический «пассивный контейнер» [3, с. 123] (А. Лефевр);

· Ограниченность пространства, помехи на путях перемещения, шум, загрязнение воздуха, риск попасть в дорожное происшествие и в целом проектировка города, исходящая из целей создания активного автомобильного (а не пешеходного) потока (Я. Гейл).

Социологи, консультанты по городскому планированию, урбанисты и архитекторы, обращаясь к обозначенным проблемам, предложили ряд идеально-типических и прикладных способов решения данного конфликта, среди которых стоит отметить:

· Городское планирование по принципу работы с сообществом британского социолога и градостроителя П. Геддеса, в соответствие с которым градостроители должны исходить из того, что они проектируют не только пространство физическое, но и социальное [6]. П. Геддес воплотил данный принцип в рамках создания мастер-планов Тель-Авива, Иерусалима и Бомбея.

· Городское планирование с позиции пешехода в рамках концепции американской урбанистки Дж. Джекобс, которая постулировала, что тесное расположение улиц и близость зданий, безопасность, городское разнообразие являются неотъемлемыми условиями построения комфортного коммуникативного пространства города [2, с. 49].

· «Право на город» [7] - собирательная категория, впервые введенная А. Лефевром, подразумевающая развитие правосознания и претен-

зий жителей города на доступ к городской жизни и участие горожан в принятии рещений относительно той городской среды, в которой они проживают. «Право на город» трактуется как потенциал, который можно и необходимо развивать. Данную концепцию также развивали Д. Митчелл и Д. Харви.

· «Города для людей» [1] датского архитектора и консультанта по городскому планировнаию Я. Гейла - подход, обосновывающий построение комфортного инклюзивного городского пространства для пешеходных потоков; экологичный, безопасный город, выполняющий функцию «места встреч». Я. Гейл в рамках деятельности своего архитектурного бюро Gehl Architects реализовал данные принципы в проектировании публичных пространств в Нью-Йорке, Лондоне, Алматы, Копенгагене и Москве.

· Соучаствующее проектирование Г. Саноффа, которое базируется на принципах партисипаторной демократии, и предполагает участие жителей города в принятии решений относительно дизайна городской среды и градостроительном планировании [4, с. 7]. Массовые опросы, интервью, фокус-группы и воркшопы позволяют собирать у представителей городского сообщества информацию, которая становится основой для определения направлений городских трансформаций. Г. Саннофф привлекал городские сообщества для ревитализации и трансформации городов в США, Мексике, Австралии, Японии.

Социологическая критика низкой вовлеченности индивида в городское планирование стала частью более широко процесса демократизации градостроительства, которую Я. Гейл назвал «отвоеванием общественного пространства» [1].

Источники и литература

1) Гейл Я. Города для людей. М., 2012. 276 с
2) Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Л. Мотылева. М., 2011. 460 с.
3) Лефевр А. Производство пространства /пер. с фр. И. Стаф. М., 2015. 432 с.
4) Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда, 2015.170 с.
5) Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002. 424 с.

6) Geddes S. P. Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. – London : Williams & Norgate, 1915.

7) Lefebvre H. The Right to the City // Lefebvre H. Writings on Cities / sel., trans. and introd. by E. Kofman, E. Lebas. Cambridge, Mass., 1996. P. 63–181

Ардашев Роман Григорьевич

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Конфликт иррациональности сознания современного человека

В современном мире все больше вопросов относительно рациональности совершаемых нами выборов, ответственности за собственные поступки. Люди верят не собственному здравому смыслу, а коллективным представлениям, гороскопам, целителям и экстрасенсам, НЛО и тайным заговорам и прочим иррациональным явлениям в современном обществе. Значительная доля наших современников верит в пророчества и гороскопы, обращается к народным целителям, разгадывает сны через сонники и так далее. Согласно проведенному ВЦИОМ опросу, как отмечается, в 1990 году 63% россиян верили в гипноз, в то время как в 2019 году лишь 22% респондентов верят в это. Кроме того, за последние несколько лет уменьшилось количество тех, кто верит в существование колдовства и порчи - с 48% до 31%. Уточняется, что число верующих в приметы также за последние несколько лет сократилось - с 50% до 33%. Ко всему прочему, менее 15% респондентов верят в астрологические прогнозы, в то время как раньше эта цифра составляла 33%. [1].

Но мы не просто вербализируем приметы, заложенные в нашей культуре, укрепляя его тем самым в общественном сознании, мы воспроизводим весь ритуал: стучим по дереву, плюем через плечо, держим дулю в кармане, кидаем соль через плечо и так далее. Изучая примитивные общества, Л. Леви-Брюль [2] отмечал также именно эти черты - ориентация на коллективные представления, ритуалы и традиции, нелогичные причинно-следственные связи и так далее.

В основе данного поведения, по нашему мнению, лежит то, что люди не чувствуют уверенности в завтрашнем дне, не знают на что и на кого опираться, поэтому ищут опоры в иррациональных процессах и явлениях. В результате срабатывает закон «мистического сопричастия» (Л. Леви-

Брюль). Это предположение стало нашей научной гипотезой.
Исследование на тему «Формы иррациональности общественного сознания» проходило в 2019 году, в нем приняли участие 2200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, разных социально-демографических стратификационных групп, проживающие на территории Сибири и Дальнего востока.
Отвечая на прямой вопрос: «В повседневной жизни вы чаще опираетесь на рациональные или субъективные доводы и аргументы?» мы получили следующие ответы. Женщины в 44,2% случаев опираются на объективные, рациональные данные, мужчины в 67,5%. Причем, чем старше мужчины, тем этот процент выше, а среди женщин эти ответы распределены равномерно по всем возрастам. В целом, женщины более иррациональны, чем мужчины.
Возникает вопрос в мотивах опоры на иррациональные и рациональные вещи. Для этого мы выявили мотивы доминирования тех или иных аргументов в объяснении событий или явлений личной или социальной жизни.
Для мужчин, доминирующим мотивом выступает нежелание брать ответственность на себя за свой выбор, и тогда включаются такие аргументы как «судьба», «карма», то, на что они не влияют, лишь вынуждены подчиниться (24,4%). На втором месте желание удивить всех своим решением, поступков - во много это стратегия предъявления себе и другим задач большего порядка, чем ты можешь решить или реализовать на данный момент и тут только надежда на высшие силы (Бога, духов-покровителей, ангелов и иных существ) - 23,5%. Третье место - увлеченность эзотерической культурой и литературой (16,5%) и достаточно близкое к нему четвертое место - хобби (14,5%) занимают близкое значение и по процентному распределению, так как отвечают за мировоззрение и интересы мужчин, участвующих в исследовании.
Для женщин распределение несколько иное. На первом месте увлеченность эзотерической культурой и литературой (24,4%), хобби только на четвертом - 16,2%. На втором месте нежелание брать ответственность за рациональный выбор - 20,5% и на третьем влияние семейных ценностей - 19,4%. Оба аргумента позволяют опираться на кого-то другого (высшие силы или свою семью, но не на саму себя). Своего рода инфантилизм.
Отвечая на вопросы о том, почему возникают иррациональные стратегии объяснения той или иной ситуации или процесса, респонденты говорили чаще о том, что от них не зависит и что сложно изучить, проследить, проанализировать - о судьбе или карме или тех, кто может за них принять решение и нести ответственность (старшие родственники, мужья

или жены, реже дети). В то время, когда делался выбор в пользу рациональных аргументов - говорилось о верифицируемых данных - статистке, закономерностях, причинно-следственных связях и так далее. При рациональном выборе аргументов учитывалось больше рисков и возможностей не получения желаемого результата.
По мнению респондентов, среди их окружения те же вопросы и проблемы (80%), т.е. они находятся в кругу тех же, кто мыслит также как и они сами. Следовательно, их решения поддерживает их окружение, их поступки понятны и принимаются окружением. И как результат - рефлексивность, критичность к тем или иным аргументам в данной ситуации не актуализируется.
Таким образом, пралогичность мышления современников очевидна, также как и очевидны иррациональные формы и стратегии объяснения социальной реальности, выбора жизненных целей, мотивов и стратегий личной и социальной реализации. Мистичность сознания и доминирование коллективных представлений прослеживаются в обществе достаточно убедительно.

Источники и литература

1) Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
2) Насколько россияне верят в приметы и колдовство, показал опрос/ Газета.ру [электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/social /news/2019/07/02/n_13160959.shtml (дата доступа 20.01.20)

Ахмедова Муслимат Газиевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Теоретические и идеологические аспекты теории социального конфликта

К концу 60-х годов XX века теория конфликта заняла одной из центральных мест в американской социологии, противопоставив всеобъемлющей концепции академической науки «теории порядка и равновесия» систематизирующую - концепцию социального конфликта. В отличие от функциональной модели развития общества полагающих, что интеграция и устойчивость социального развития являются важнейшей характеристикой социального взаимодействия социальных субъектов, позволяющей удерживать систему в равновесии и устойчиво стабильном состоянии, конфликтологическая модель общества - приоритетное место

отводит социальному конфликту, являющемуся условием и результатом социальной деятельности.

Распространению точки зрения на конфликт как неизбежный в социальной жизни феномен способствовали работы К.Маркса. Практически ни одна современная западная социологическая теория, претендующая на более или менее целостный охват социальной реальности не прошла мимо идейного наследия К.Маркса. Так американские социологи С.Коул, Г.Рочер, Л.Козер, считали К.Маркса «классическим теоретиком конфликта». Однако, их признание далеко не всегда сопряжены с правильным пониманием отношения теории марксизма к социологии конфликта. Признавая огромный вклад марксистской теории в разработки концепции общественного развития, тем не менее, они отвергают ее научно-материалистическое содержание. Следует учитывать действительное влияние марксизма на западную социологию, в частности на теорию конфликта. Американский социолог Д.Тернер, считал К.Маркса одним из создателей теории конфликта, в то же время утверждал, что главным источником современной социологической теории конфликта выступают теоретические положения Г.Зиммеля, выдвинутые им в своей работе «Социология конфликта».

Исследую общественные отношения, и место конфликта в сложной структуре общества Г.Зиммель пытался выявить природу конфликта: его интегративную и дезинтегративную функциональность. Г.Зиммель полагал, что конфликт в обществе неизбежен и неотвратим, поскольку социальная структура состоит не столько из господства и подчинения, сколько из разнообразных, неразрывно связанных процессов ассоциации и диссоциации, которые можно выявить и отделить друг от друга только в ходе анализа. Рассматривая конфликт не просто как столкновение интересов, Г.Зиммель приходит к выводу, что основным источником конфликта выступает внутренняя биологическая природа человека. Приоритет инстинкта враждебности или инстинкта любви определяет остроту происходящих конфликтов. Современные конфликтологические концепции более свободны от биологизаторских интерпретаций. Но вместе с тем они непомерно психологизируют социальные противоречия.

В отличие от К.Маркса, который считал, что социальные противоречия, в итоге приобретают революционный характер и приводят к структурным изменениям системы, Г.Зиммель обращает внимание на менее острые конфликты, которые способствовали к интеграции системы, стимулировали ее упорядочиванию изменения. Прежде всего, его интересует, при каких условиях, может изменяться острота конфликта и каковы его интегративные последствия.

Непосредственное влияние на развитие теории конфликта оказали также работы М.Вебера. Свой взгляд на природу социальных отношений выразил М.Вебер: «Содержание социального отношения может изменяться: так, например, в политических отношениях солидарность может превратиться в коллизию вызванную столкновением интересов. Содержание социального отношения может быть также частично неизменным, частично меняющимся» [1, С. 32].

Согласно М.Веберу конфликты внутренне присущи любому обществу. Глубинные источники макросоциальных конфликтов заложены в самой человеческой природе и «люди приговорены терпеть насилия, тяжелый труд, страдания» [2, С. 249]. Но М.Вебер не сводит суть социального конфликта только к природе человека. В его социологической модели общества ключевое значение отводится статусным группам, обладающими собственными потребностями и ценностями. Самоутверждение статусных групп в различных социальных сферах неизбежно сопровождается конфликтами. Конфликты между группами дополняются конфликтами между групповыми ценностями и действиями политических институтов. Статусные группы представляются субъектами социальных конфликтов. Вебер в отличии от Маркса не концентрировал внимание на проблемах антагонистических противоречий и классовых конфликтов, а уделяет внимание прежде всего институциональным, статусным и социокультурным средствам их разрешения.

Результатом философско-социологической мысли развиваемой К.Марксом, М.Вебером и Г.Зиммелем явилось то, что в современной социологической мысли сложилось два основных направления: диалектическая теория конфликта и конфликтный функционализм. Первое направление делает акцент на изменении и конфликте, второе - на стабильности и сотрудничестве. Несмотря на некоторые различия, каждая из представленных концепций социальных отношений считает конфликт объективным, закономерным, необходимым атрибутным свойством социальной действительности. Обе модели социального взаимодействия постоянно присутствуют в социальном мире, следовательно, целостное применения совокупности этих моделей при социологическом анализе способно понять внутреннюю противоречивость и сущность социальных отношений.

Источники и литература

1) Вебер М. Избранные произведения. М.: 1990.
2) Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

***Баталова Анастасия Ивановна*[1]*, Андреевна Кристина Андреевна*[1]**

1 - Тольяттинский Государственный Университет, Тольятти, Россия

Терроризм и экстремизм как способы дестабилизации социума

На сегодняшний день одним из самых актуальных и острых предметов внимания общества является угроза терроризма и экстремизма. Религиозный экстремизм и терроризм являются острой социальной проблемой, так как они проявляются в невероятных масштабах и влекут за собой огромное количество человеческих жертв, а также разрушают какие-либо духовные и материальные ценности человечества. Только по данным 2017-2018 годов было совершенно 23 террористических акта с большим количеством жертв. Нельзя не заметить, что в современных условиях терроризм и экстремизм стали опаснее, чем когда-либо. Это связано с созданием и использования современного оружия массового поражения.

В настоящее время ни один человек и ни одно государство не застрахованы от возможности стать жертвой террористического акта. Как показывает практика, теракт может произойти в любом людном месте. Установлено, что зачастую террористические акты происходят в тех странах, где власть снисходительно относилась к радикальным движениям. Теракт нацелен на массовое убийство людей в целях протеста. Зачастую таким способом террористы или экстремисты пытаются противиться каким-либо устоям, выступают против сложившейся ситуации в стране и протестуют против чего-либо. По данным опроса ВЦИОМ об экстремизме было выявлено, что 24 % респондентов считают смыслом деятельности экстремистов именно стремление к власти [1].

Сейчас терроризм и религиозный экстремизм представляют собой один из самых опасных способов дестабилизации общества. Существует множество способов подрыва социума, которые требует вовлечения большого количества людей, заинтересованных в этом. Для этого создаются специальные запрещенные группировки, вовлекающие и вербующие людей любого возраста, доказывающие свою правоту и верность своей религии. В исследовании Всероссийского центра изучения общественного мнения 47 % респондентов ответили, что видят угрозу для себя и своей семьи в деятельности экстремистских группировок [1].

Как показывает история, в моменты значительных перемен в государственном устройстве, которые могут возникнуть в любом обществе

в процессе его развития, связанными с крупными изменениями условий и жизни общества, резко изменяющимся укладом жизни и изменением материальных и духовных ценностей, а также размытостью дальнейших жизненных перспектив и, как следствие, обострение противоречий на данной почве; экстремизм и терроризм очень трудно изжить. Становится понятно, что экстремизм является очень сложным и разнородным социальным явлением. И, к сожалению, с каждым днем он все чаще и чаще дает о себе знать, проявляясь в социально-политической, экономической, религиозной и других сферах жизни современного российского социума.

Сейчас экстремизм и терроризм опасны для общества не только разрушениями различных материальных ценностей, убийствами и многочисленными жертвами, становится гораздо опаснее тот факт, что сама их идеология распространяется и может вести к искажению миропонимания человека, а также к тяжелым психическим расстройствам и заболеваниям. Охватывая большие группы людей, экстремизм оказывает разрушающее влияние на их сознание, а также психику, преобразуя их в деструктивные группы, которые ориентированы на агрессивные и противоправные действия, направление на уничтожение ныне существующего социального порядка. Однако по данным того же опроса ВЦИОМ, у большинства (94 %) в окружении нет радикально настроенных людей, которых можно было бы назвать экстремистами. А также 88 % опрашиваемых ответили, что не поддерживают экстремистские идеи [1].

Каждый человек ежедневно подвергается возможности стать жертвой террористического акта, независимо от своего желания. Терроризм не обошел ни одну страну в современном мире. Бороться с этим злом необходимо сообща, начиная от бдительности каждого человека и заканчивая межнациональными антитеррористическими соглашениями.

К сожалению, в последние годы число террористических актов растет. Это связано с недовольством властью различных группировок, которые хотят свергнуть ту самую власть, доказать свою правоту и искоренить неверных; бедностью, кризисом и различными внутригосударственными политическими конфликтами и проблемами.

Источники и литература

1) Пути борьбы с экстремизмом, терроризмом и прочими девиациями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mos.ru/upload/documents/files/1676/ext.pdf (дата обращения 29.01.20 г.).

Бросов Александр Сергеевич
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Социальные страхи работающих пенсионеров как конфликтогенная детерминанта

Одну из специфических социальных категорий современного российского общества составляют работающие пенсионеры. Мы исходим из установки, что «современные пенсионеры являются важнейшим элементом социальной структуры российского общества, поскольку их поведение, социальные установки, экономическое положение, а также темпы роста данной социально-возрастной группы оказывают влияние на социальные, экономические и политические процессы в обществе, на взаимодействие различных социальных институтов и жизнедеятельность общества в целом. Поэтому изучение данной группы остается актуальным и востребованным в современной науке [3, с. 141].

Исследование социальных страхов данной категории пенсионеров - задача социологии, решение которой лежит на пути выделения следующих направлений анализа. «Социальный страх - устойчивый страх перед социальными ситуациями, то есть ситуациями, в которых другие (особенно «значимые другие») могут увидеть, проверить, оценить, обвинить, унизить. Социальные страхи основываются на неуверенности личности в собственных возможностях и качествах, они всегда подразумевают типическую боязнь негативной реакции других» [2, с. 7].

Мы выделили несколько направлений исследования социальных страхов работающих пенсионеров. Страхи работающих пенсионеров витального характера: страх влияния работы на ухудшение состояние здоровья; страх профессиональной дисфункциональности в связи с плохим состоянием здоровья; страх быть уволенным, попасть под сокращение по состоянию здоровья (инвалидность); страх умереть на работе.

Страхи коммуникативного характера в системах «коллектив-работающий пенсионер»; «руководство организации - работающий пенсионер»; «молодые коллеги - работающий пенсионер»; «коллеги-пенсионеры - работающий пенсионер».

Социальные страхи работающих пенсионеров в контексте проблем социального самочувствия:

Профессиональные страхи работающих пенсионеров: страх не справиться с требованиями современного общества, обусловленными его информатизацией. цифровизацией; страх не освоить новые технологии; страх недостаточно качественного выполнения трудовых функций.

Страхи, связанные с семейными отношениями: страх неодобрения семей (мужем, детьми. внуками и др.) продолжения трудовой деятельности; страх осуждения продолжения трудовой деятельности; страх непонимания желания пенсионера быть социально активным и полезным; страх индифферентного отношения семьи к продолжения трудовой деятельности; страх потери работы в связи с необходимостью выполнять семейные функции.

Страхи финансового и материального характера: страх невозможности прожить на одну пенсию; страх малоимущности; страх ухудшения питания; страх невозможности приобретения необходимых лекарственных препаратов и медицинских услуг.

«Факторами, как вынужденной, так и добровольной активизации в сфере труда, могут являться ряд причин экономического, социального, профессионального характера. - пишут А.В. Ермилова и А.А. Судариков. Их сочетание создает образную модель постпенсионной жизни индивидуума, в которой обязательным элементом становится трудовая активизация. Объективно можно выделить ряд движущих механизмов трудовой активизации пожилых: низкий уровень пенсии, желание быть «нужным», уникальность опыта в своей области деятельности. Сочетание указанных и иных причин создает феномен «работающего» пенсионера. Как бы ни парадоксально звучала данная формулировка, она является образом настоящей действительности и максимально точно отражает положение большинства людей данной возрастной категории» [1].

Итак, мы полагаем, что столь обширное проблемное поле выявления социальных страхов работающих пенсионеров требует хорошо проработанного инструментария. Кроме того, мы предполагаем, что необходимо определиться с тем, какие именно социально-профессиональные общности должны стать предметом исследования. Так, например, изучение социальных страхов работающих пенсионеров - преподавателей вузов с необходимостью должно включать такие проблемы, как страх не справиться с повышенными требованиями к компьютерной грамотности преподавателя, страх освоения новых технологий преподавания в информационной среде вуза, страх перед необходимость подготовки обширной документации в условиях меняющихся ФГОСов и др.

Выявление социальных страхов работающих пенсионеров в проблемном поле социологии конфликта позволит выявить, какие именно страхи могут стать причиной неблагоприятной ситуации в коллективе, связанной с социальным самочувствие данной категории пенсионеров.

Источники и литература

1) Ермилова А.В., Судариков А.А. Potential of the elderly people in the perception of the young generation: sociological aspect // Социальный потенциал пожилых людей: условия, опыт, проблемы эффективного применения: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Саранск, 15 ноября 2018 г.) [электрон. ресурс] / МГУ им. Н. П. Огарева, Ист.-социол. инс-т ; каф. соц. работы ; под общ. ред. проф. Л.И. Савинова. — Электрон. текстовые дан. — Саранск : Издатель Афанасьев В.С., 2019. — ISBN 978-5-907131-26-2. — Режим доступа : http://13rusprint.ru/books/2019/SocialPotential/

2) Зуева О.С. Социоструктурный анализ социальных страхов наемных работников в региональном сообществе. – Ставрополь, 2013. – 24 с.

3) Николаева О.В. Пенсионеры в современных условиях: ценности и социальное самочувствие (на материалах конкретно-социологического исследования в г. Казани) //Вестник Чувашского университета. – Чебоксары: Изд-во Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – 2010.– №2. – С. 141-144.

Бурьянов Максим Сергеевич

Институт свободы совести, Москва, Российская Федерация

Глобальные цифровые права человека как условие преодоления угроз, связанных с развитием новых цифровых технологий

Мы живем в эпоху глобальных процессов, а также глобальных проблем и угроз [5]. Также наша эпоха именуется научным сообществом как антропоцен, которому характерно сильнейшее влияние человека на естественную экосистему Земли посредством индустриализации, колонизации, сжигания горючих ископаемых... Среди знаковых следствий этих влияний, можно выделить таяния ледников, вымирания видов, изменения климата, истощение ресурсов, загрязнения и др. Говоря о глобальных проблемах, чаще всего имеют в виду изменения климата и прочие вытекающие из него последствия, губительно разрывающие планетарную экосистему.

В январе 2020 г. Генеральным секретарем ООН Антониу Гутерришем были названы следующие глобальные угрозы: геостратегическая напряженность, изменения климата, рост недоверия на глобальном уровне и

опасность новых технологий. Особо отмечено, что нам необходимо обратить внимание на темную сторону цифровизации, ведь новые технологии развиваются до такой степени стремительно, что мы не успеваем не только отреагировать на них, но даже иногда осознать их сущность и ту агентность, которую они в себе несут [6]. Помимо того, что цифровые технологии и искусственный интеллект [4] несут колоссальные преимущества, они становятся инструментом тотального контроля, вмешательства в частную жизнь, подстрекательства, распространения ложной информации, эксплуатации людей, а также совершения правонарушений.

Сегодня цифровые технологии внедряются все в большее количество систем общественных отношений. Но если эти системы являются старыми и не эффективными, то цифровизацией мы лишь негативно усилим их работу. Скорее всего, за счет «цифровой оболочки» старым иерархическим и централизованным формам управления мы не придём к позитивному будущему, а обречем себя на погибель. А ведь мы хотим, чтобы новые технологии помогали и расширяли возможности каждого человека. В реальности в каждую технологию встроены определенные ценности, которые вложены в них с появления первоначальной идеи. Это нужно учитывать, проводя цифровую политику и внедряя ноу-хау без должных на то оснований и без оценки рисков.

Отмечу, что цифровизация не должна существовать ради самой себя, как самодостаточного и бесчеловечного процесса. Для этого необходимы глобальные цифровые права человека, которые должны закладываться, как заранее предписанная цель, внедряя себя как правовой глобальный сверхимперативный принцип для публично-правовых отношений. Кроме того, они должны быть отражены на уровне кода, алгоритма и языка машинных процессов. Не менее важно, чтобы глобальные цифровые права человека были приняты в качестве образовательного стандарта в эпоху гиперскоростной цифровизации общественных отношений [2; 3]. Цифровая оболочка для прав человека - фундаментальный принцип и отправная точка регулирования современных глобальных процессов, сопровождающихся политическим, техногенным и природным дисбалансом.

Итак, определим глобальные цифровые права человека - как полученные каждым с рождения, существенные возможности человека, которые устанавливаются и обеспечиваются системой форм международного и внутригосударственного права, дающие доступ к общественным благам, вытекающим из цифровых технологий. Глобальные цифровые права человека, как неуклонный базисный принцип цифровизации, раскрывающийся через систему принципов: технологии прав человека по замыслу, а не по умолчанию; первично формировать системы ориентированные

на человека, а не технологии поддерживающие не вполне эффективные системы, склонные к цифровым диктатурам; расширять возможности инновациями, а не ограничивать их; приоритет прав человека и гуманистические ценности необходимо закладывать изначально на стадии разработки и проверять на всех этапах создания.

Выделим основные составляющие глобальных цифровых прав человека: право на доступ к цифровым технологиям; право на доступ к информационно-коммуникационным средствам и технологиям; право на доступ в глобальный интернет; право на защиту частной жизни и личных данных (персональных и биометрических); право на уважение персональных данных (в контексте рисков технологии интернет вещей); права, связанные с защитой генетической информации; имущественные права в цифровом имущественном обороте; возможности реализации личных, социальных и культурных прав на базе технологических платформ; неукоснительный приоритет сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта; цифровые избирательные права; и другие.

В качестве финального вывода отметим необходимость теоретико-правовой разработки и правового закрепления нового поколения глобальных цифровых прав человека, как важного условия преодоления глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию мирового сообщества и отдельных государств, включая Россию [1, с. 72]. Среди прочих выводов есть перспектива реформирования публично-правовой сферы в соответствии с взаимозависимым контекстом эпохи, где принципы децентрализации способны быть воплощены за счет распределенных реестров, больших данных и прочих технологий, встроенных в человеко-ориентированные правовые системы управления общественными процессами в масштабе планеты. Глобальные цифровые права человека - существенный вклад, способный уменьшить дифференциацию, избавить общество от перспектив цифровых диктатур и проложить дорогу в устойчивое светлое будущее глобального сообщества.

Источники и литература

1) Бурьянов М.С. Перспективы развития российской государственности в условиях современных глобальных процессов и вызовов. Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире. Сб. мат-лов VI Всероссийской научно-практической конференции, МГУ имени М.В.Ломоносова 4-6 июня 2019 г. / под ред. И.В. Ильина. М., МООСИПНН Н.Д.Кондратьева, 2019. 466 с. С 67-73.

2) Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): монография: в 2 кн. под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. 1. М.: МГПУ, 2019. 200 с.

3) Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): монография: в 2 кн. под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. 2. М.: МГПУ, 2019. 276 с.

4) Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies Reprint Edition. Oxford University Press. 2014. 352 p.

5) Buryanov S.A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization. Amsterdam, 2018. 228 p.

6) Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business. New York. 2017. 192 p.

Вохмина Анна Александровна

Новосибирский государственный технический унивеситет, Новосибирск, Россия

Экологические проблемы как возможный источник социального конфликта

В современном мире возникает и нарастает опасность различных экологических угроз и катастроф. Это приводит к новым формам социальных конфликтов, разрешение которых может иметь сложности в виду их новизны и непредсказуемости. Представляется актуальным рассмотрение наиболее острых экологических проблем и опасностей для попытки дальнейшего прогнозирования и урегулирования возникающих социальных конфликтов в сфере экологии.

В ноябре 2019 - январе 2020 года было проведено девять интервью с экспертами города Новосибирска в области экологии. Эксперты имеют большой стаж работы в данной сфере, занимаются как практической деятельностью, так и научными изысканиями. Интервью были направлены на выявление в современной экологической ситуации основных проблем и угроз.

Эксперты оценили сегодняшнюю экологическую ситуацию в мире как плохую, лишь два эксперта отметили, что в среднем ее можно назвать удовлетворительной, так как есть регионы с очень плохой ситуацией, а

есть регионы с достаточно хорошей, и это в среднем позволяет оценивать ситуацию как удовлетворительную. По мнению экспертов, экологическая ситуация в последние годы практически не меняется, и даже по мнению двух экспертов немного ухудшается.

Если сравнить с опросом россиян, проведенным ФОМ в октябре 2019 года, то 50% считают экологическую ситуацию в мире плохой и 39% считают ее удовлетворительной, а 64% отмечает, что она продолжает ухудшаться. Следовательно, в обществе нарастает недовольство современным состоянием окружающей среды.

Эксперты выделили наиболее острые экологические проблемы. Наиболее острая проблема - это загрязнение: отходами, выбросами в атмосферу и в водные источники. Источник всех этих загрязнений - деятельность человека. Особенную опасность по мнению экспертов представляет загрязнение пластиком. Опасность заключается в том, что пластик является ксенобиотиком, веществом, не разлагающимся на минеральные компоненты, но вовлекаемым в круговорот естественной переработки и попадающий в звенья пищевой цепи, и тем самым он может накапливаться в организме человека и провоцировать различные заболевания.

В том же опросе ФОМ большинство россиян (21%) отметило как наиболее острую экологическую проблему мусор, пластик и его переработку. В качестве других острых проблем было отмечено загрязнение воды (15% опрошенных) и атмосферы (12% опрошенных).

Если сравнить с оценкой экспертами места, где они проживают (в данном случае это г. Новосибирск), то оценка экологической ситуации региона, где проживают эксперты отличается от общемировой. Большинство экспертов считает ее хорошей, три человека считают ее удовлетворительный и только один называет «отвратительной». Эксперты объясняют это своими практическими знаниями показателей загрязнения воздуха, которые соответствуют принятой в стране норме.

Если сравнить с опросом россиян, проведенном ФОМ в декабре 2018 года, то 50% опрошенных считает экологическую ситуацию в своем регионе удовлетворительной, 32% плохой и 15% хорошей. Таким образом, большинство людей оценивает экологическую ситуацию в своем регионе лучше, чем в мире в целом.

По мнению экспертов, сегодня в мире проблемам экологии уделяется недостаточно внимания, отмечается, что зачастую больше шума, чем действий и конструктивных решений, иногда это просто дань моде или за этим скрываются другие интересы, например, политические.

В вопросе от кого в большей мере зависит экологическая ситуация: от руководителей государств, предпринимателей или обычных людей, экс-

перты разделились на три группы. Одна группа считает, что ото всех поровну, вторая группа, что от предпринимателей, а третья группа от руководителей государства и от уровня экономического развития государства.

В вопросе что могут делать обычные граждане для защиты окружающей среды и могут ли вообще. Лишь один эксперт высказал сомнение в возможности обычных граждан что-то сделать. Остальные эксперты сошлись во мнении, что граждане могут защищать окружающую среду. Эксперты отметили, что в первую очередь, своим собственным примером, воспитывая себя, обыватели могут способствовать защите окружающей среды, а именно: не мусорить, убирать за собой, быть ответственным и активным, принимать участие в решении экологических вопросов.

Эксперты отмечают, что экологическая культура населения повышается, хотя очень медленно. Заслугу в этом они видят в деятельности инициативных и общественных групп, и в меньшей степени СМИ. Деятельность таких инициативных и общественных групп эксперты одобряют, но отмечают, что она должна осуществляться со знанием дела, а не только на эмоциональном подъеме.

В современной экологической ситуации эксперты видят угрозу именно в последствиях деятельности людей. Необходимо более пристальное изучение данного вопроса для составления более подробной картины имеющихся проблем и конфликтов в этой сфере. Взгляды экспертов и рядовых граждан на проблемы окружающей среды вполне схожи. Повышенное внимание необходимо к проблеме увеличения мусора и отходов, загрязнению атмосферы и водных источников, как наиболее уязвимых областей для возможного социального конфликта.

Вукичевич (Vukicevic) Слободан (Slobodan)
Университет Черногории, философский факультет, кафедра социологии, Никшич, Черногория

Иллюзии и иронии (нео)либерализма

Основная ошибка либерализма, лежащая в основе всех его иллюзий и ироний, заключается в том, что он сводит потребности человека к интересам и, прежде всего, к экономическим интересам. Это ограничивает человеческую природу, потому что ее суть в человеческих потребностях, а не в интересах. Индивид и сообщество теряют свою идентичность, на которой может быть построена их общая законность взаимоотношений

и характер симметричных сетей, создаваемых глобализмом. Глобализм имеет прогрессивное стремление к реализации основных человеческих ценностей на глобальном и национальном уровнях. Однако его также сопровождают и асимметричные тенденции: а) либерализованно монополизированные глобализационные сети с их транснациональной абстракцией ставят во главу угла интерес капитала и узкий круг владельцев капитала; б) государственно-национальные сети не имеют полного характера в обеспечении «онтологической безопасности» своих граждан. Сущность современного мира и обнаружение иллюзий и ироний теории и практики либерализма не может быть объяснены без идентификации этих симметричных сетей и их качественного посредничества.

Ограничение человеческих потребностей интересами.

Основная ошибка либерализма, лежащая в основе всех его иллюзий и ироний, заключается в том, что он сводит потребности человека к интересам и, прежде всего, к экономическим интересам. Это приводит к двум фатальным последствиям для человека и общества, а именно к онтологическим иррациональностям, которые унижают человеческую природу и природу человеческого сообщества (Вукичевич 2011). Логос человека и сообщества стремятся к общему благу в направлении развития общего характера человека и его сообщества. Основой для достижения общего блага в направлении развития общего характера человека и его сообщества являются потребности, а не интересы (Вукичевич, 2019 а). Потребности и интересы - это два общественно-социологических факта: потребности - это внутренние детерминанты сущностно-экзистенциального существования человека и его сообщества; общий демиург существования человека и его сообщества; демиург взаимной обусловленности необходимости и свободы родовой природы человека и природы его сообщества; общее благо человека и его сообщества; общее свойство возникновения, существования и развития человеческого рода с точки зрения целостности человеческой природы и природы человеческого сообщества; характер удовлетворения потребностей определяется уважением принципов ответственного устойчивого развития природы человека, природы его сообщества и вселенной природы; природа наша и природа в целом не могут быть завоеваны и подчинены интересам, поскольку таким образом природа человека и природа в целом теряют свою сущность;интересы являются детерминантами удовлетворения потребностей, игнорирующие при этом всю человеческую природу и природу человеческого сообщества; интересы - это индивидуальная или коллективная направленность (осознанная необходимость) определенных субъектов на получение выгоды или нанесение вреда при удовлетворении индивидуальных или кол-

лективных потребностей; интересы являются посредниками между потребностями и их удовлетворением; интересы являются субъективным фактором социально обусловленного (дифференцированного) удовлетворения потребностей с точки зрения ограниченности природных и человеческих ресурсов; пристрастность интересов обязательно ставит под сомнение уважение принципов ответственного устойчивого развития человека и его сообщества; интересы всегда направлены на удовлетворение частичных ценностей, что существенно для соотношения сущности и существования с его положительными и отрицательными последствиями для общего развития человека и его сообщества; положительная роль интереса заключается в накоплении богатства, распределении средств, бесперебойной работе инициатив, блокировании роли губительных страстей; интересы наиболее эффективно борются с «глупостью деспотизма»; влияние интереса на характер политической системы может быть только в том случае, если они характеризуются материально-технической значимостью удовлетворения потребностей человека в направлении развития общего характера человека и его сообщества; интересы подавляют и устраняют некоторые из наиболее разрушительных и пагубных составляющих человеческой натуры, но только если они действуют в контексте общего характера человеческой натуры и природы ее сообщества; предвзятость интересов существенно снижает потребность в общей целостности, свободе, творчестве, гуманности и нравственности человека и его сообщества; противоречие потребностей и интересов - это вечная легитимность природы человека и природы человеческого сообщества, проявляющаяся во временной абсолютной нулевой точке человеко-социального времени.

Вечный индивидуум и сообщество без сообщества.

Сообщество обладает своей полной объективностью, потому что оно является продуктом не только нынешних отдельных членов, но и вселенной природы, прошлых и будущих поколений. Сообщество, только в своей метафизической и физической целостности, обладает силой жанра человеческого рода. Иллюзия либерализма - это свободный индивидуум, ориентированный на преследование личных (прежде всего, экономических) интересов, которые оставляют роль сообщества избранным представителям. Индивид и сообщество теряют свою идентичность, на чем может строиться их общая легитимность взаимоотношений.

Иллюзия либерализма заключается в том, что он сводит индивида к интересам, прежде всего экономическим, и, таким образом, сводит его к настоящему, оставляя его без прошлого и без будущего, а также и без его сообщества, а ирония заключается в том, что такому индивидууму,

которого никогда не было в истории человечества, он предлагает свободу. Иллюзия либерализма исключает необходимость из свободы, при этом свобода личности проявляется только в осознании необходимости его родового характера. В этой взаимосвязи необходимости и свободы они сталкиваются с правом индивидуума управлять собой и правом сообщества управлять собой. Эти два права имеют свою собственную естественную автономию, но также и необходимость их естественной связи. Разрыв связи естественного права человека управлять собой и естественного права его сообщества управлять собой является неестественным и имеет негативные последствия для человека и сообщества.

Позитивная корреляция этих двух прав, отрицаемая либерализмом, является единственной истинной естественной связью между человеком и его сообществом.

Глобализм и либерализм

Глобализм - это не саморефлексия глобального, отражающая единое поле мирового общества и не *tabula rasa* мотивационно-познавательной фигуры человека мира, основанной на техноэкономической монополии, которая существует сегодня как следствие теории и практики либерализма (Вукичевич, 2019б). Глобализация охватывает социальные отношения в самом широком смысле: не только экономические, но и социальные отношения в сфере политики, культуры, морали, религии, традиций, эстетического и морального сознания, гражданских прав и т.д. Социальный процесс глобализации носит двойственный характер: а) характер объединения фундаментальных человеческих ценностей по принципу свободной ориентации на достижение общего характера человека и его сообщества; б) монополистическое, агрессивное навязывание чужих ценностей определенным обществам и отдельным лицам. Следовательно, глобализм заключается в симметрии, а также в асимметрии этих двух моментов. Оба аспекта глобализма обусловлены характером сети симметрии идентичности отдельных обществ и их взаимосвязями.

Симметричные сети, созданные по этой дифференциации современного общества, глобализационные и государственно-национальные, имеют прогрессивное стремление к реализации фундаментальных человеческих ценностей. Однако они также сопровождаются асимметричными тенденциями: а) либерализованно монополизированные сети глобализации с их транснациональной абстракцией подчеркивают интерес капитала и узкого круга владельцев капитала; б) государственно-национальные сети не имеют полного характера в обеспечении «онтологической безопасности» своих граждан. Сущность современного мира, а также открытие иллюзий и ироний теории и практики либерализма не могут

быть объяснены без идентификации этих симметричных сетей и их качественного посредничества.

Источники и литература

1) Вукичевич, С. (2011) Онтологические иррациональности современного мира (Vukićević, S.Ontološke iracionalnosti savremenog svijeta (2011) Nikšić, Institut za sociologiju i psihologiju Filozofskog fakulteta, 289 str.,21 cm.)
2) Вукичевич, С. (2011) Антропоцентризм: существование против сущности (Vukićević, S. Antropocentrizam: egzistencija protiv esencije (2011) Beograd, Institut za sociološka istraživanja Filozofskog fakulteta Beograd, Zbornik: Društvo i zaštita životne sredine)
3) Вукичевич, С. (2011) Классовый характер глобализма Москва, Социологическиый факультет, Московский государственый университет имени М.В. Ломоносива (научная конференция „Сорикинскя чтения“)
4) Вукичевич, С. (2019б) Национализм и глобализм в качественном посредничестве (Vukićević, S. (2019b) Nacionalizam i globalizam u kvalitetivnom posredovanju, Zagreb , Revija za sociologiju)

Гриб Дарья Михайловна

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Уровень цифровой грамотности (или ИКТ-компетентности) как фактор (профессиональной) конфликтогенности

В XXI веке успешная профессиональная деятельность невозможна без продуктивного использования информационно-компьютерных технологий. В настоящее время значимыми проблемами становятся не только технологические вопросы, но и вопросы формирования социальной коммуникации, правовой и институциональной организации процессов электронного взаимодействия граждан и субъектов, предоставляющих электронные услуги, в том числе, государственных органов.

Навыки ИКТ стали важным требованием на рынке труда, но при этом значительная часть населения все еще испытывает недостаток в базовых умениях, необходимых для функционирования в новом цифровом мире. Не владея знаниями и навыками в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), человек теряет определённые связи с

обществом, ему становятся не доступные многие достижения и блага, способные повысить качество жизни, снижается конкурентоспособность на рынке труда. Эта проблема особенно значима для социально уязвимых групп населения - людей старшего возраста, одиноких, безработных, низкоквалифицированных работников, людей с ограниченными возможностями.

Все большее число исследователей вовлекаются в изучение и анализ проблем, связанных с расширением влияния информационных и коммуникационных технологий на жизнь общества и на формирование личности человека XXI века. В числе наиболее важных проблем - доступ к ним различных социальных слоев, доходно-имущественных и половозрастных групп населения, вопросы цифрового неравенства.

Значительная часть усилий в сфере развития цифровых навыков сосредоточена именно на младших и юношеских возрастах. Возникает парадоксальная ситуация, при которой группа населения, уже обладающая наибольшей осведомленностью о технологических инновациях, получает наибольшие ресурсы с точки зрения уровня общего развития цифровых навыков. Усилия корпоративных структур и работников по развитию цифровых навыков продолжают демонстрировать устойчивое отставание с точки зрения адекватной институциональной и регуляторной поддержки, не уделяя достаточного внимания вопросам повышения ИКТ-компетентности и цифровой грамотности сотрудников различных возрастов и уровней квалификации.

Сотрудниками отдела социологии социальной сферы Института социологии НАН Беларуси в 2018 году было проведено эмпирическое исследование, одной из задач которого стало изучение распространённости навыков и опыта владения ИКТ-сервисами среди населения Беларуси, анализ частоты их использования в повседневной жизни, выявление факторов, обуславливающих уровень цифровой грамотности социо-демографическими группами.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в разрезе возраста наименее активными пользователями информационно-коммуникационных технологий являются представители старшего поколения, а именно лица в возрасте 50 лет и выше. Заметно также различие среди работающих и неработающих пенсионеров: 51,8 % профессионально не занятых пожилых людей отметили, что не владеют навыками ИКТ, в то время как 63,1 % работающих пенсионеров владеет основными компьютерными навыками.

Люди пожилого возраста являются социально уязвимой группой населения в данном контексте. Очевидно, что решение этой проблемы тре-

бует активного участия самих людей пенсионного возраста и ключевых субъектов социальной жизни, особенно органов власти, образовательных учреждений, неправительственных организаций и бизнеса в разработке совместных инициатив, направленных на повышение качества жизни пенсионеров.

В условиях развития ИКТ, сопровождающегося изменениями во всех сферах жизни общества, важное значение приобретает проблема социализации разных слоев населения, особенно социально-уязвимых, поскольку наблюдается диспропорции и неравенство граждан в возможностях в зависимости от уровня владения и доступа к ИКТ.

В связи с этим могут возникать ролевые конфликты, например, в профессиональной сфере, связанные со статусной рассогласованностью. Люди старшего поколения, обладая более высокими профессиональными компетенциями в отличие от молодых людей, могут испытывать недостаток квалификации во владении информационно-коммуникационными навыками. Это может приводить к снижению должностных статусов и, соответственно, возникновению напряжённости в трудовом коллективе и возникновению профессиональных конфликтов. Поэтому данная проблемная ситуация должна приниматься во внимание и регулироваться руководством.

Таким образом, цифровая трансформация общества оказывает существенное влияние на жизнедеятельность и мироощущение людей старшего возраста, обуславливает необходимость вовлечения представителей старшего поколения в сферу цифровой экономики. Вопреки сложившимся стереотипам наиболее активная часть представителей старшего поколения осознает необходимость освоения новых информационных технологий и проявляет готовность к обучению компьютерной грамотности.

В рамках реализации концепции непрерывного образования на протяжении всей жизни объективно возрастает роль неформального образования пожилых людей, в том числе в области цифровых технологий. В связи с этим изучение специфики освоения пожилыми людьми компьютерной грамотности имеет большую практическую значимость, поскольку обогащение интеллектуального и социального багажа позволит представителям старшего поколения более успешно адаптироваться к новым условиям, укрепить межпоколенные связи, сохранить активное долголетие.

1 Исследование выполнено при поддержке БРФФИ НИР №Г18М-112 «ИКТ-компетентность как фактор развития информационного общества», науч. рук. [U+2012] м.н.с. Гриб Д.М. Представлены данные национального опроса, проведѐнного Институтом социологии НАН Бе-

ларуси по репрезентативной выборке объѐмом 2129 человек в сентябре 2018 года.

***Грошева Ирина Александровна*[1]*, Грошев Игорь Львович*[2]**
1 - Тюменский филиал АНО ВО Институт деловой карьеры, Тюмень, Россия; 2 - Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Тюмень, Россия

Подросток у опасной черты: социальные конфликты в бинарной системе воспитания

Современная Россия представляет собой скопление конфликтогенных факторов на макро- и микроуровне - глубокий экономический кризис, поляризация доходов, социальная аномия, дезорганизация и др. В непростых условиях окружающей повседневности особую значимость приобретает исследование социальных конфликтов на микроуровне, деформирующих развитие подростков и вызывающих деструктивные последствия для личности.

Школа является важнейшим институтом социализации, формирующим навыки решения проблем в сфере адаптации к новым условиям жизнедеятельности, в том числе и межличностному взаимодействию. Социальная среда школы выступает сильнейшим стрессором для человека, вследствие социальных антагонизмов: формализации социальных отношений и характера предъявляемых требований к обучающемуся, конкурентной атмосферой и потребностью в самоорганизации. В течение всего периода обучения психика учащихся трансформируется в череде кризисных периодов, возникающих как в результате взросления (психофизиологических), так и в ходе освоения новых социальных функций (статусно-ролевых). Субъекты подвергаются влиянию как внутренних, так и внешних обстоятельств - особенности физиологии; отношения в семье, с друзьями, противоположным полом; наличие материальных проблем и др. Конфликты на микроуровне стимулируют личность к летальным исходам, о чём свидетельствует тревожная статистика Следственного комитета РФ о количестве детских самоубийств. По данным ведомства, в 2017 году зафиксировано 692 детских суицида, а в 2018 - 788 случаев, т.е. за год показатель вырос на 14%. Причём 20% детских самоубийств приходилось на май - время сдачи Государственной итоговой аттестации (ОГЭ и ЕГЭ) [1].

Конфликты в педагогической среде латентны, поэтому сложны для изучения независимыми исследователями. Опыт проведения опросов в школах показывает закрытость системы, недоброжелательность к внешнему воздействию, отсутствие культуры участия в социологических исследованиях [2]. В условиях высокой формализации и бюрократизации образования самая распространённая реакция официальных лиц образовательных учреждений на конфликтную ситуацию - это замалчивание или «насильственное» примирение конфликтующих сторон. В педагогическом коллективе вместо тщательного разбора ситуации практикуется навязанное принятие конфликта обучающимся («Я понял, я больше не буду») [3, с. 21-22].

В марте 2019 года, с целью выявления конфликтов, способствующих формированию суицидальных наклонностей среди несовершеннолетних обучающихся Тюменского района, авторами статьи проведён опрос, охвативший 117 человек, учеников 8-9-ых классах (юноши - 55 (47%), девушки - 62 (53%). Более половины опрошенных - подростки в возрасте 15 лет (52,7%). Среди проблем, которые, по мнению учащихся, могут вызвать серьёзные негативные последствия (*термин «самоубийство» был исключён из анкеты после согласования инструментария с руководством учебного заведения*) лидирует потеря близкого человека (90,3% девушек и 74,5% юношей). Показательно, что половина девушек на второе место по значимости поставила конфликты с родителями (побои, унижения и др.), на третье - ощущение одиночества и ненужности (у юношей - второе место, на третьем - потеря домашнего питомца). Согласно результатам, юноши в большей степени опасаются потерять домашнего питомца, чем конфликтовать с родителями или пострадать от неразделённой любви. Кстати, среди девушек неразделённая любовь фигурировала на предпоследнем месте вопреки расхожему мнению о высокой частоте самоубийств по этой причине.

Причины конфликтов с родителями и педагогами подростки видели в недооценке проблем взаимодействия в школе и с друзьями: «Неумение слушать, утверждение, что он/она всегда правы» (м., 15 лет); «Давление учителей на учащихся по поводу экзаменов не мотивирует, не оставляет надежду на хороший результат» (ж., 15 лет) и др. Кроме того, школьники жаловались на унижения со стороны педагогов («да вы не сдадите!», «никуда не поступите!» и т.д.).

Несовершеннолетние не доверяют учителям, не пойдут на консультации к психологам, не считают нужным пользоваться телефоном доверия. Практически всё, что рассматривается как приемлемые направления профилактики, таковыми по результатам опроса не являются.

В итоге удалось выявить, что авторитарное подавление детей по принципу «мы могли, и он сможет», укрепляющее комплекс вины и низкой самооценки, формирует патологический тип воспитания в семьях подростков. Своими действиями как родители, так и педагоги оказывают серьёзное эмоциональное давление на несовершеннолетнего, заставляя его самостоятельно решать свалившиеся на него проблемы в школе, даже не пытаясь нивелировать возникающий негатив. С одной стороны, родители, практиковавшие свободный стиль воспитания, с опозданием пытались реанимировать достижительную стратегию и сориентировать детей на получение высоких баллов. С другой стороны, педагоги, добиваясь высоких показателей школы, старательно гипертрофировали мотивацию школьников на успешное прохождение Государственной итоговой аттестации любыми средствами.

Продолжить исследование в контексте заявленной проблематики не представляется возможным ввиду отсутствия заинтересованности официальных структур в конструктивном разрешении проблем. Авторы статьи настоятельно рекомендуют организовать в школах Тюменской области социологический мониторинг, направленный на оперативную диагностику состояния образовательной среды и её влияния на обучающихся.

Источники и литература

1) Баландина А. «Крик о помощи»: почему подростки не хотят жить // Газета.Ru https://www.gazeta.ru/social/2019/04/25/12321139.shtml (дата обращения: 18.01.2020).

2) Саралиева З. Х., Судьин С.А. Трудности перевода: опыт компаративного исследования школьного насилия // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). [Электронный ресурс]. Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 346-349.

3) Гридчин А.А., Цыганкова Е.Н. Актуальные проблемы управления конфликтными ситуациями в школьном социуме // Теория и практика общественного развития. 2018. №3(121). С. 19-23

Гужавина Татьяна Анатольевна

ФГБУН ВолНЦ РАН, Череповец, Россия

Социальный капитал и социальный конфликт. К вопросу о взаимосвязи.

Междисциплинарный подход к изучению столь многомерного явления как социальный капитал породил и многообразие подходов к его трактовке. При этом в центре внимания исследователей оказались такие вопросы, как понятие социального капитала и его отличительные признаки (П. Бурдье), условия и предпосылки формирования социального капитала (Р. Патнем, Ф. Фукуяма, П. Штомпка); его ресурсная структура и функции (Дж. Коулман), взаимосвязь с другими формами совокупного капитала (П. Бурдьё, .В. Радаев).

Большинство исследователей склоняются к трактовке социального капитала как совокупности сетевых контактов, имеющих свою специфику и которые сопряжены, во-первых, с ожиданиями некоего предсказуемого поведения от вовлеченных в них контрагентов, а во-вторых, с наличием в этих связях определенных взаимных обязательств. В системе этих связей их участники осуществляют обмен имеющимися ресурсами как материального, так и нематериального характера. Потенциальные возможности участников зависят от имеющихся ресурсов (Э. Гидденс) или капитала (П. Бурдьё).

Ресурсы, используемые участниками конфликта, далеко не всегда материального характера, хотя они играют существенную роль для определения позиций конфликтующих сторон. Однако большее значение имеют такие ресурсы как власть и влияние, которые сущностью своей имеют социальный капитал. Социальное положение субъектов-участников конфликта, наличие высокостатусных компаньонов, обладающих в свою очередь значительными ресурсами, могут оказать существенное влияние на протекание и конфликта и на его результат. Еще одним аспектом можно считать конвертацию форм капиталов. Традиционно наблюдалась конвертация социального капитала в материальный или наоборот. Но сегодня возрастает значение символического капитала, что связано с наличием новых коммуникативных возможностей, возникших в информационном пространстве российского общества. Это позволило значительно расширить сети поддержки. Именно с этой точки зрения можно рассмотреть ряд ситуаций, возникших в российском обществе. Речь идет о ситуациях вокруг журналиста И. Голунова [1], вокруг врачей, преследуемых за врачебные ошибки [2]. Именно крепкие социальные связи в профессиональном сообществе позволили отойти в ряде случаев от обвинительного давления со стороны правоохранительных органов и вызвали громкий резонанс в обществе.

Ресурсные возможности социального капитала могут быть обнаружены при оценке таких установок респондентов как готовность к объединению, инициативность, При этом базовой является установка на доверие, поскольку без нее включение в сети взаимодействия и получение поддержки оказывается весьма затрудненным. Выявить и оценить ресурсные возможности социального капитал в российском обществе представляется возможным на основе оценки уровня его накопления представителями различных социальных групп. Для этого использована разработанная ранее с участием автора, методика измерения уровня накопленного социального капитала, в основе которой лежит индексный метод [3]. Методика позволяет выделить группы респондентов, характеризующиеся различным уровнем накопленного ими социального капитала.

Проведенный в исследовании анализ эмпирических данных опросов общественного мнения в полной мере показал валидность данной методики. При анализе были выделены пять групп респондентов, различающихся по индексу рассчитанного для каждого респондента на основании 49 частных индексов интегральный индекс социального капитала. Представители групп различаются по самым разным признакам: уровню доверия, готовности к объединению, локусу ответственности, участию в различных формах общественной жизни. Различаются они и по таким показателям как уровень материального благосостояния, образованности и ряду других социально значимых характеристик. Это хорошо заметно на эмпирических данных, полученных в ходе проведенного в 2019 опроса общественного мнения по проекту РФФИ №19-011-0724/19 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне». Так, например, готовность к объединению в целом по выборке продемонстрировали 43% респондентов, в то время как обладатели высокого уровня социального капитала составили среди них 88%. Среди них так же значительно больше тех, кто проявлял инициативу в решения своих(65%) или чьих-то (58%) проблем. В то время как в целом по выборке доли положительных ответов составили 41% и 26% соответственно. Примечательно то, что среди носителей социального капитала высокого уровня участие в решении чьих-то проблем выше в два раза, чем по выборке в целом.

Таким образом, социальный капитал можно рассматривать как источник возможностей и ресурсов при решении проблемных ситуаций. Значение имеет как сам факт его наличия, так и уровень его накопленности, что выражается в связях и характере отношений. Чем они богаче, тем более защищенными чувствуют себя его носители, тем активнее они

решают насущные вопросы, демонстрируют свою готовность к объединении и берут на себя ответственность за окружающих.

Источники и литература

1) Уголовное дело против корреспондента «Медузы» Ивана Голунова. Главное // https://meduza.io/feature/2019/06/07/ (дата обращения 22.01.2020)
2) Врачебное дело. 7 примеров уголовного преследования медиков за мнимые ошибки // https://theins.ru/news/164199 (дата обращения 22.01.2020)
3) Региональный социальный капитал в условиях кризиса: монография / Т. А. Гужавина, Д. В. Афанасьев, И. Н. Воробьева и др.: Череповец. 2018. 220 с.

Даллакян Карлен Ашотович

Уфимский юридический институт МВД РФ, Уфа, Россия

Сакрализация как способ решения социальных конфликтов

Конфликт, как столкновение противоборствующих сторон, является универсальным средством разрешения противоречий. При социальных конфликтах особое место,в качестве способа их разрешения, принадлежит идеологической интерпретации необходимости и оправданности применения грубой силы, а порой и насилия. Идеальным средством мобилизации масс и манипуляции ими является сакрализация.

Слово «сакральное» означает священное, божественное, потустороннее, мистическое от лат. sacrum - священное, посвященное Богу и Богом ниспосланное. Насилие, выполняя системосохраняющую функцию, сакрализируется, а людям, его осуществляющим, выдается, как бы божественная гарантия правомерности их деяния. Они, подобно, палачу нуждаются в ощущении себя лишь посредниками высшей воли [1. С.231-239].

Сакрализация насилия часто является сакрализацией смерти, как его первофеномена, выступающего способом решения проблемы посредством устранения ее причины. С другой стороны, люди, подвергающиеся насилию, под страхом смерти объединяются, обеспечивая целостность социальной системы. **Стокгольмский синдром**— явный пример искусственной сакрализации насилия, как средства собственного спасения.

Порой такой жертвой может стать все население страны при правителе-тиране, которого из-за страха народ искренне любит и боится потерять. В этом случае происходит сакрализация не только насилия, но и самого субъекта насилия. Страх, будучи, согласно Серену Кьеркегору, симпатической антипатией, делает свое дело. Люди любят то, чего боятся [2. С.144].

Переживание тотальности, вплоть до утраты самого себя в этом единстве, является смыслом аффекта сакрального [3.С.217]. Сакрализируется не только насилие как средство, но и его специфические формы — жертвоприношение, война, террор, позволяющие заблудшему атомизированному существу как бы вернуться в потерянный рай утраченной целостности с чувством исполненного священного долга.

Сакрализация массового насилия часто сопровождается ацефализацией толпы. Ацефал(с греческого - безголовый)— мифический герой, некогда человек, который лишившись головы, стал безголовым существом, управляемым инстинктами или внешними силами. Словом, идеальным объектом для манипуляции. Сакрализация насилия необходима Ацефалус его комплексами неполноценности для отнесения себя к сверхчеловеку.

В случае недосягаемости объекта насилия происходит транслирование насилия, его замена. Подыскивается подходящий для этого заменитель - «козел отпущения». Сакрализируютсякак сам процесс жертвоприношения в качестве необходимого средства для разрядки нерастраченной агрессии, так порой исубъект, и объект жертвоприношения. Отсюда всякого рода ритуалы жертвоприношения, выступающие аналогом кровопускания во имя здоровья организма. Этим часто и занимаются политики.Поэтому в тоталитарных государствах наблюдается особая любовь к демонстративному насилию.

Поиск «козла отпущения», общего врага, которого можно обвинить во всех внутренних проблемах, присущ в большей мере закрытымсоциальным системам. Интересно, что в Древней Греции жертва называлась pharmakos, то есть целительное средство, обеспечивающее цельность. Однако слово pharmakos означает также «изверг» - чудовище, тот, кто извергает инородное для социальной системы существо, обеспечивая тем самым ее целостность. Отсюда сакрализация тиранов и извергов в тоталитарных государствах как «эффективных менеджеров».

С другой стороны сакрализируется и жертва, которую могут превратить в объект почитания, как происходило с многими святыми. Это также обеспечивает целостность системы, но уже через покаяние.

Исследования показывают, что важнейшим фактором рабского отношения к субъекту насилия, является недостаток любви в детстве, который в будущем нередко компенсируется фанатической преданностью лидеру, фасцинацией[4]. Сакрализация лидера компенсирует чувство собственной неполноценности, приводя к подражанию и желанию слиться с ним, стать... сверхчеловеком. Причем, чем ничтожнее личность, тем сильнее это стремление, завершающееся сакрализацией собственной личности.

Источники и литература

1) Зенкин С.Н.Небожественное сакральное. Теория и художественная практика М.: РГГУ.2015. С.231-239.
2) Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика. 1993. С.144.
3) Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. 2008. С.32.
4) Даллакян К.А. Террор как форма социальной экзистенции. Уфа. УЮИ МВД РФ. 2016. 150 с.

Данилова Ксения Александровна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Смысловой голод как фактор внутриличностного конфликта потребителя в обществе потребления

Невозможно говорить о том, что современный потребитель ничем не отличается от потребителя, с которым маркетологи сталкивались в доцифровую эпоху. Так, исследователи отмечают, что с развитием цифровизации происходит увеличение возможностей коммуникаций, однако, нельзя не обратить внимание на тот факт, что вместе с возможностями возрастают социо-экономические угрозы для нашего общества. К таким, подтвержденным исследованиями, угрозам относятся, в частности, атомизация и смысловой голод.

О.Ю. Юлдашева и Е.А. Смирнова в своем докладе «Потребитель завтрашнего дня. Как завоевать доверие?» на дискуссии Росконгресса в 2018 году отметили, что в обществе отмечается рост спроса на смысл и личностное развитие. В то же время Е. Каптев, на которого ссылаются авторы доклада, как и многие другие исследователи соц-гуманитраной отрасли знания, уделяют особое внимание наличию у потребителей смыслового голода.

Однако, исследований, которые были бы нацелены на изучение причин и следствий этого феномена не так много и фактически недостаточно для составления полного образа современного потребителя, с точки зрения его как социального, в общем, так и потребительского, в частности, поведения. С целью нивелирования ограничений, вызванных недостатком данных, нами было проведено авторское эмпирическое исследование - анкетирование - целью которого был поиск корреляций между субъективным ощущением смыслового голода, атомизацией (сокращением количества социальных связей) и потребительским поведением - его импульсивностью, эмоциональностью, демонстративностью и другими характеристиками.

Выборочная совокупность составила 408 человек, которым было предложено пройти онлайн-анкетирование, состоящее из 29 полузакрытых вопросов. Ключевым вопросом анкеты для данного исследования является: «Ощущаете ли Вы в своей повседневной жизни «смысловой голод»?» Положительный ответ на этот вопрос дали 44,2% респондентов (группа 1), 15,5% затруднились ответить. Рассмотрим, какое потребительское поведение имеют те, кто дал положительный ответ, и чем оно отличается, если отличается, от тех, кто ответил отрицательно (группа 2). Поскольку причина, по которой респонденты затруднились ответить нам неизвестна, мы не будем учитывать ответы данных анкет в исследовании.

По результатам проведенного анкетирования получены следующие данные:

1. Потребители первой группы иначе оценивают свое потребительское поведение. Так, не испытывающие смыслового голода покупатели оценивают свое поведение как «не импульсивное» в 32% случаев, в то время как в группе 1 этот показатель равен лишь 20% (отклонение 12%). Ответы «очень импульсивное» и «умеренно импульсивное» в группе 1 встречаются у 3,6% и 17% респондентов, соответственно, тогда как из группы 2 первый вариант не выбрал ни один человек, а за умеренность проголосовало лишь 9,9% (отклонение 3,6% и 7,1%). При этом респонденты первой группы оценивают свое поведение как менее демонстративное, так отрицательно на вопрос про демонстративность поведения ответили 73%, против 66% респондентов во второй группе. В то же время респонденты, ощущающие смысловой голод, проголосовали за большую эмоциональность своего потребительского поведения, выбрав следующее распределение ответов: «больше рациональное» - 39% (против 44%), «больше эмоциональное» - 8% (против 3%), «рациональное» - 9% (против 21%), «рационально-эмоциональное» - 43% (против 32%).

2. Ответы на ряд вопросов подтверждают, что потребители группы 1 не так хорошо, по их собственной оценке, управляют имеющимися денежными средствами: придя домой, они чаще понимают, что «погорячились» с покупкой на 6% (76% положительных ответов в группе 1, против 70% ответов в группе 2), при этом причиной такого осознания служит то, что потребители не рассчитали свои денежные средства в 36% случаев в группе 1, против 22% среди тех, кто не ощущает смыслового голода. На 3 процентных пункта чаще респонденты группы 1 согласились с тем, что часто приобретают то, что им не по карману (5% против 2%), в то же время вариант «никогда» выбрало на 6% респондентов меньше в группе 1, чем в группе 2 (32% и 38%, соответственно).

3. С тем, что «часто» и «регулярно» приобретают те товары, в которых нет необходимости согласились 21% и 5%, соответственно, респондентов группы 1 (против 15% и 1%). Толчком к таким покупкам чаще служит измененное настроение, причем как в положительную, так и в отрицательную сторону: «апатия, упадок сил» выбрали 31% респондентов (против 22%), «приподнятое настроение» - 63% (против 51%), вдвое чаще респонденты выбрали одновременно и тот, и другой вариант - в 19% случаев, против 10%. На таких покупателей легче повлиять продавцу (в процессе личной продажи, либо посредством акций, скидок, выкладки), варианты, указывающие на влияние продавца, выбрали 23% респондентов группы 1 (против 18%). При этом меньшее влияние имеют родные, знакомые или желание иметь то, что есть у других. В то же время первая группа респондентов отмечает, что чаще не знакома со всеми характеристиками приобретаемых «сложных» товаров (25% против 18%)

4. Также стоит отметить, что потребители группы 1 реже соглашались с тем, что не имеют потребности в подтверждении статуса 59%, против 65%. Данная тенденция поддерживается более редким выбором варианта «никогда» на вопрос о том, как часто приобретаются товары, в первую очередь, с целью подтвердить статус - 36%, против 43% во второй группе.

5. Более часто потребители, ощущающие смысловой голод, посещают магазины, не относящиеся к продуктовому ритейлу, с целью «купить то, что приглянется» - согласились с этим вариантом 50% респондентов, против 35% второй группы. Одновременно, реже они выбирали вариант только «приобрести необходимое» (33% против 47%) и «развлечься» (20% против 26%).

6. Кроме того, люди, испытывающие смысловой голод, чаще не имеют собственный бизнес и не планируют организацию своего дела (54%, против 39%), а также обладают признаками отчужденности (в большей

степени имеют от 4 до 7 «сильных» социальных связей - 54%, против 32%).

Таким образом, подтвердились авторские гипотезы о трансформации потребительского поведения при наличии субъективного ощущения смыслового голода: поведение таких потребителей становится более эмоциональное и импульсивное, при этом они чаще нуждаются в подтверждении своего статуса, несколько хуже распоряжаются имеющимися ресурсами. Такие потребители, будучи в измененном эмоциональном состоянии, гуляют по магазинам с целью приобрести что-нибудь, что приглянется, продавцу проще повлиять на принятие решения о покупке.

С точки зрения экономического поведения, люди, испытывающие смысловой голод, менее активны, а также более атомизированы (отрицательную корреляцию между атомизацией и экономической активностью выявили ранее в РАНХиГС в рамках проекта «Евробарометр»).

Добринская Дарья Егоровна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Проблематизация социального конфликта в концепции общества платформ

Начиная с 2000-х гг. цифровые платформы уверенно завоевывают место ключевых акторов новой технологизации [1], что позволило исследователям говорить о наступлении «революции платформ» [2]. Под цифровой платформой понимают совокупность цифровых посредников, соединяющих вместе людей, информацию, товары и услуги [3, p. 293]. В различных исследовательских перспективах платформы описываются по-разному. К примеру, цифровая платформа рассматривается как новая бизнес-модель [4], как элемент технологической инфраструктуры [5] и т.п. Авторы концепции «общество платформ» [6] Й. ван Дейк, Т. Поэлл и М. де Вааль полагают, что рассматривать платформы исключительно как новое экономическое явление или как часть технологической инфраструктуры неверно. Платформизация определяет функционирование социальных институтов, осуществление экономических операций, реализацию социальных и культурных практик [7]. Исследователи предлагают использовать термин «общество платформ» для того, чтобы подчеркнуть неразрывную связь между цифровыми платформами и существующими общественными структурами.

Специфика любой цифровой платформы рассматривается через описание ее базовых компонентов. Работа платформы организована и ав-

томатизирована посредством набора алгоритмов и программных интерфейсов. Источником функционирования платформы являются потоки данных. Само ее функционирование формализовано отношениями собственности в рамках конкретной бизнес-модели, а регулирование деятельности платформы осуществляется посредством пользовательского соглашения [6].

Концепция общества платформ раскрывает роль платформ в современном обществе. Масштабы распространения платформ ставят вопрос об их влиянии на организацию общественной жизни. Совместимы ли частные интересы владельцев крупнейших платформ с общественными ценностями? Подробно анализируя процессы сбора данных, их последующую коммодификацию и селекцию на платформах, авторы концепции общества платформ констатируют наличие конфликта частных и общественных интересов в различных сферах общественной жизни.

Й. ван Дейк и ее коллеги показывают, что в настоящее время в мире существуют две крупнейшие экосистемы платформ - китайская и американская. В Китае ядро этой экосистемы образует «большая пятерка», в которую входят компании Tencent, Alibaba, Baidu, JD.com и DiDi. Ядром экосистемы, доминирующей в цифровом пространстве Северной Америки и Европы, являются Alphabet, Facebook, Apple, Amazon и Microsoft. В российском цифровом пространстве также велико влияние «большой пятерки» этих компаний. Однако в настоящее время серьезными игроками на рынке являются и отечественные инфраструктурные платформы, такие как Яндекс, Мэйл.ру и т.д. [8]. В экосистеме платформ главную роль играют инфраструктурные платформы, которые предоставляют услуги поисковых систем и браузеры, серверы данных и облачные вычисления, электронную почту и обмен мгновенными сообщениями, социальные сети, рекламу, магазины приложений, платежные системы, службы идентификации, аналитику данных, видеохостинг, геолокационные и навигационные сервисы и т.д. Очевидно, что цифровое пространство в США, в России и в европейских странах, а также во многих развивающихся странах обеспечивается экосистемой «большой пятерки» компаний, физически расположенных в США. В результате государственные структуры, общественные организации и бизнес-компании являются зависимыми от ядра этой экосистемы. Платформы, которые не связаны с этим ядром, имеют ограничения в доступе к ценным информационным ресурсам и данным о пользователях. Фактически такое положение дел свидетельствует еще об одном аспекте цифрового неравенства, которое становится результатом дифференцированного доступа к экосистеме платформ. Таким образом, заключают авторы концепции общества платформ, в на-

стоящее время внутри сложившейся экосистемы платформ нет реального публичного пространства. Инфраструктурные платформы пронизывают все существующие общественные механизмы, поскольку государство и различные социальные институты (к примеру, образование или здравоохранение) свои платформы создают на базе крупнейших частных платформ ядра.

В результате эти экосистемы, представленные совокупностью крупнейших платформ, не просто являются посредниками в экономических, политических и общественных отношениях. Именно эти частные платформы-гиганты определяют правила, нормы и ценности, являющиеся доминирующими в новом обществе платформ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект No 18-011-01106 «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России».

Источники и литература

1) Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 5. С. 29–48.

2) Паркер Д., ван Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.

3) Casilli A.A., Posada J. The Platformisation of Labor and Society / Society and the Internet. How Networks of Information and Communication are Changing Our Lives. 2nd ed. (eds. Graham M., Dutton W.H.). Oxford University Press, 2019. P. 293–306.

4) Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2019. 128 с.

5) Helmond A., Nieborg D.B., van der Vlist F.N. Facebook's evolution: development of a platform-as-infrastructure // Internet Histories. 2019. Vol. 3, № 2. P. 123–146.

6) Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. Oxford: Oxford University Press, 2018.

7) Poell T., Nieborg D., van Dijck J. Platformisation // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8, № 4. P. 1–13.

8) Еферин Я.Ю., Россотто К.М., Хохлов Ю.Е. Цифровые платформы в России: конкуренция между национальными и зарубежными многосторонними платформами стимулирует экономический рост и инновации // Информационное Общество. 2019. № 1–2. С. 16–34.

Дроздова Юлия Алексеевна
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Городские конфликты как механизм формирования территориальной общности (по материалам гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ»)

Территориальная общность горожан имеет ряд признаков, позволяющих её определить. Её можно рассматривать и как множество социальных отношений, осуществляемых на определенной территории, и как сеть взаимодействующих индивидов, проживающих в одном городе, на одной улице, в одном дворе, и как некую локальную группу, меньшую, чем все общество, но имеющую свою территориальную идентичность, свою категоризацию "мы"- жители нашего города, улицы, двора и "они" - жители другого города, улицы, двора. Также важно наличие у членов общности общих интересов и участие в самоуправлении. Территориальная общность позволяет удовлетворять социальные потребности людей, и поэтому является одним из условий человеческого бытия, выражением социальной природы человека. Городские конфликты как форма взаимодействия также являются признаком социального освоения городского пространства. Среди ученых не существует единого определения городских конфликтов. Как "проявленное противостояние интересов (потребностей, целей, мотивов и т.п.) между жителями города и властью, воплощающей проекты изменения городской среды", - определяет городские конфликты В. Н. Верхоглазенко [1]. Представители московской школы конфликтологии считают, что городские конфликты возникают из-за состояния и изменений городской среды (строительство домов, дорог и др.), которые оказывают различное влияние на городских жителей. Такой точки зрения придерживается Л. Н. Цой [5, с. 173], О. В. Келасьев [2], А. И. Кольба, А. В. Соколов [3] и др.

Учитывая множественность факторов, влияющих на возникновение городских конфликтов: социальное неравенство жителей, доступность

среды для инвалидов и маломобильных групп, миграционные процессы, безопасность среды, виртуализация социальных связей и т.д., - для нас интерес представляют городские конфликты, связанные с участием горожан в решении вопросов обустройства городской среды и развития города. Данные конфликты происходят между определенными группами населения, между властью и населением, способствуют консолидации территориальной общности, артикуляции и отстаиванию её интересов, изменению городского ландшафта. Как показало проведенное исследование в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 "Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ" (анкетный опрос, города Волгоградской области, n = 516, июль - август 2019), 51,7% опрошенных горожан считают проблемой, значимой для их города, его благоустройство; 28,1% респондентов отметили неразвитую инфраструктуру; 23,6% - отсутствие интереса власти к проблемам горожан; 30,5% опрошенных отмечают некачественные медицинские услуги; «низкий уровень заработной платы, пенсии, стипендии» беспокоит 70,7% респондентов. Проблемы с трудоустройством, безработица в городе волнует 69,9% участников опроса; а 29,3% опрошенных горожан выбрали вариант ответа «эта территория не имеет будущего». Проблемы с трудоустройством, безработица в городе волнует 69,9% участников опроса, а 29,3% опрошенных горожан выбрали вариант ответа "эта территория не имеет будущего".

Полученные данные свидетельствуют о серьезных проблемах в развитии города, и латентной конфликтности, которая подтверждается ответами на другие вопросы социологического исследования, позволяющими выявить ментальные стратегии населения по методике В. А. Ядова [4] и констатировать преобладание инертной среды горожан Волгоградской области как территориальной общности. Инертная среда не характеризуется активными формами конфликта как протест, демонстрация, пикеты, но содержит большую опасность для формирования территориальной общности и поддержания социальных связей. Инертная городская среда разрушает доверие между горожанами и субъектами управления, способствует возникновению враждебности между социальными субъектами. Так, по мнению 72,8% опрошенных горожан, в их городе «чаще всего каждый занимается своим делом, не мешает другим», и только 11,7% опрошенных выбрали вариант ответа «преобладают отношения взаимопомощи и поддержки». Доверие к власти, как к местной (показатель 2,22), так и к федеральной (2,27), население оценило, как среднее (шкала от 1 (нет доверия) до 5 (высокое доверие), что также позволяет

говорить о наличии городских конфликтов, которые нуждаются в выявлении, диагностике и управлении.

Для объяснения ситуации латентных городских конфликтов можно использовать понятие "рессентимент" [6]. Это такое состояние, когда человек (или общность) переживает проблему, которую он (она) вначале не может, а потом и не хочет решить, потому что сживается с этим состоянием и начинает находить его естественным. Самоаттестация и самооправдание строится в таком состоянии на постулатах: "Наш город - бесперспективен"; "Мы - серая провинция"; "Мы - неудачники, если живем здесь". При состоянии рессентимента проблематично формировать территориальную общность. Об этом говорили и эксперты нашего гранта: "..в городе территориальная общность не существует..И люди все как-то пытаются уединиться именно, там, в своей квартире или переехать, чтобы как можно меньше взаимодействовать с кем-то другим" (эксперт, автор проекта "Горожане").

Таким образом, городские конфликты являются механизмом формирования городской общности, так как соглашения и противостояния, столкновения групповых интересов в городской среде, не только выступают гарантом демократии, но и при грамотном управлении способствуют солидарности, укрепляют значимые социальные отношения, что является важным фактором, непосредственно воздействующим на развитие города и его будущее.

Источники и литература

1) Верхоглазенко В. Н. Роль методолога в разрешении градостроительного конфликта. Режим доступа: http:// http://www.acmegroup.ru/node/264 (Дата обращения: 27.01.2020.

2) Келасьев О. В. Уровни взаимодействия субъектов конфликта в процессе принятия градостроительных решений. Режим доступа: http:// http://conflictmanagement.ru/urovni-vzaimodejstviya-subektov-konfliktov-v-processe-realizacii-gradostroitelnyx-proektov. (Дата обращения: 27.01.2020).

3) Кольба А. И., Соколов А. В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления// Конфликтология. 2016, № 4.– С. 234-252.

4) Процессы идентификациии российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999 – 2002 гг.). Мастер-класс профессора В. А Ядова. Методологический практикум для студентов социологов. – М., 2004. –326 с.

5) Цой Л.Н. Городской конфликт в градостроительной практике: технология согласования интересов. В кн.: Практическая конфликтология. Книга первая. М.: Изд-во ООО ИЦП «Глобус», 2001. 233 с.

6) Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А. Н. Малинкина. СПб.: Изд-во: Наука, 1999. 232 с.

Елишев Сергей Олегович

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Факторы и предпосылки для осуществления «цветных революций»

Одним из важных и перспективных направлений современных социологических исследований в рамках изучения новых форм социальных конфликтов в XXI веке является масштабное теоретико-методологическое осмысление технологий и практики осуществления так называемых «цветных», «бархатных», «твиттерных», «современных» революций, как разновидностей государственных переворотов и искусственно сконструированных социальных конфликтов, возникавших и возникающих в различные эпохи в целом ряде стран и регионов мира.

«Цветные» («бархатные», «твиттерные», «современные») «революции» - спецоперации англосаксонских спецслужб и связанных с ними институтов и структур, по организации, искусственному конструированию извне и осуществлению государственных переворотов, дестабилизации обстановки в том или ином государстве, смене в них политических режимов и элит, посредством применения методик и технологий, т.н. «ненасильственных» действий (массовых протестных акций гражданского неповиновения).

Для того, чтобы успешно выбрать, запустить, а затем и довести до своего логического завершения тот или иной сценарий осуществления «цветной революции» в конкретной стране, их организаторам при осуществлении её стратегического планирования необходимо учитывать самые разные факторы-обстоятельства (как внешнего, так и внутреннего характера), которые могут помешать или способствовать успеху данного «мероприятия» и процесса.

На наш взгляд, можно выделить 14 факторов, источников и предпосылок, оказывающих значимое воздействие на осуществление государственного переворота в форме «цветной революции»:

1. Трансформационные процессы в различных сферах человеческой жизнедеятельности (экономической, политической, социальной, духовной сферах) и связанные с этим неурядицы.

2. Ценностный кризис общества и кризис большинства институтов социализации.

3. Отсутствие чётко сформулированной национальной идеи и стратегии национального развития, идеологический вакуум, дискредитация государственной идеологии, вера в революцию.

4. Дезорганизация общества, отсутствие национального единомыслия и единения.

5. Отсутствие у государства всей полноты государственного суверенитета, прямое внешнее управление.

6. Тираническое, олигархическое и/или компрадорское правление, коррупция и полная дискредитация и/или делегитимизация действующей власти, политика репрессий в отношении своих граждан.

7. Закрытость элит, социальная несправедливость, отсутствие социального люфта, вертикальной мобильности, возможности подняться вверх по социальной лестнице.

8. Национальное унижение, геноцид, неумелая и неэффективная национальная политика, межнациональные конфликты и противоречия.

9. Консолидация нации, национальное, демократическое народное или протестное движение.

10. Наличие «антисистемы», как движущей силы революций и государственных переворотов.

11. Отсутствие/наличие национального лидера, паралич власти, неспособность властей контролировать ситуацию в стране, междоусобная борьба различных олигархических кланов, процессы массообразования, игра «в поддавки» с заговорщиками.

12. Своеобразная «национальная традиция» осуществления революций (например, во Франции) и государственных переворотов (например, в Африке и Латинской Америке)».

13. Агрессивная, неуспешная внешняя политика, военные поражения, территориальные приобретения или потери.

14. Закамуфлированное или прямое неприкрытое внешнее воздействие, поддержка, агрессия и интервенции.

К сожалению, многие из этих факторов крайне актуальны для современной России.

К факторам, которые, безусловно, могут привести к возникновению в Российской Федерации «революционной ситуации», искусственному кон-

струированию извне и осуществлению государственного переворота можно отнести:

- трансформационные процессы, протекающие в современном российском обществе в различных сферах человеческой жизнедеятельности и связанные с этим неурядицы;

- ценностный кризис общества и большинства институтов социализации;

- отсутствие чётко сформулированной национальной идеи и стратегии национального развития, идеологический вакуум;

- отсутствие у государства всей полноты государственного суверенитета;

- наличие и значимое влияние на происходящие в российском обществе процессы «пятой колонны» и «антисистемы»;

- нахождение у власти различных олигархических кланов (финансовых, бюрократических и партийных);

- практически полностью отсутствующая в современном российском обществе вертикальная социальная регуляция, мобильность;

- наличие импортированного с Запада и закрепляющегося в России «массового общества»;

- распространение и рост проявлений экстремизма и терроризма в современном российском обществе и государстве;

- внешняя активность наших геополитических недругов, прежде всего, англосаксонских держав, в рамках ведущейся ими против России «Большой Игры» и др.

Внешний фактор, к сожалению, традиционно оказывает, крайне негативное воздействие на Россию. Развитие «революционного» (а по сути террористического, экстремистского) движения в России, «революционные» события 1905-1907 годов, а также 1917 года, были инспирированы в значительной степени извне. Они представляли собой своеобразный «проект», эпизоды «Большой Игры», - глобального противостояния англосаксонского и Русского мира, продолжающегося с переменным успехом, начиная с начала XIX века по наши дни.

Взятый нашим национальным лидером и главой государства - В.В. Путиным курс на обретение Российской Федерацией всей полноты государственного суверенитета, а также интеграцию постсоветского пространства встретил активное противодействие со стороны Запада и подконтрольных ему представителей «пятой колонны», стремящихся не допустить возрождения России, саботирующих многие решения Президента.

В 2007 и 2011-2012 годах по шаблону методички Джина Шарпа в Российской Федерации ими уже были предприняты попытки реализовать на практике очередной «цветной» «революционный» сценарий. Попытки эти будут также иметь место и в дальнейшем. Надо понимать, что угроза осуществления очередной «цветной революции» для Российской Федерации достаточно злободневна и реальна при сохранении настоящего вектора и направления её развития.

Необходимо продолжить идти в сторону обретения Российской Федерацией всей полноты государственного суверенитета. Важным шагом в этом направлении является разработка и принятие чётко сформулированной национальной идеи, стратегии национального развития, базирующихся на определённых идеологических установках, системе и иерархии традиционных базовых ценностей общества, определение выбора приоритетов национального развития. Преодоление духовного кризиса закономерно приведёт к нормализации обстановки в экономической, социальной и политической сферах деятельности, национальному единению, эффективному функционированию институтов социализации.

Создание эффективно функционирующей корпоративной системы является одним из реальных шагов, направленных на воссоздание традиционных основ существования гражданского общества, восстановления системы «вертикальной мобильности», обретения стабильности и устойчивости политической системы, а также противодействию установлению общества масс и торжества олигархий. Реальное воссоздание гражданского общества в России станет серьёзным барьером на пути запуска процесса осуществления очередной «цветной революции». Будем надеяться, что грядущая конституционная реформа в Российской Федерации будет одним из важных, первостепенных шагов по выполнению этих стратегических задач.

Источники и литература

1) Елишев С. О. О сущности современных революций и государственных переворотов. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация". 2017. — 336 с.

2) Елишев С. О. Социальное манипулирование молодёжью. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 2018. — 336 с.

Желнина Евгения Валерьевна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Инновационные конфликты: эмпирический анализ современного состояния в регионе

Материал публикуется при поддержке гранта РГНФ «Концептуальная модель региональной идентичности населения Самарского региона» (18-411-630001).

Интерес к проблеме инновационного развития сегодня достаточно высок. Исследования в этом направлении приводят к мысли о том, что важной составляющей данного процесса выступает проблема инновационной открытости, готовности к нововведениям со стороны населения. Разработок в данном направлении представлено достаточно много. Однако их подавляющее большинство сконцентрировано вокруг инновационной восприимчивости организаций и предприятий. При этом упускается из виду одна из наиболее многочисленных групп потребителей инноваций - население. Именно от готовности населения к инновациям во многом зависит успешность этих инноваций, а также снижение социальной напряженности к данным инновациям - минимизация остроты инновационных конфликтов.

В процессе анализа полученные в ходе авторского эмпирического исследования данных выявлено, что население Самарской области достаточно осторожно относится к внедряемым новшествам. Так, практически треть (31,49%) граждан с различной долей интенсивности не испытывают положительных состояний в современных быстроменяющихся условиях (социальных, экономических, политических и др.): 5,96 % респондентов чувствуют себя очень плохо, не могут приспособиться, хотят вернуть все, как было; 25,53% - испытывают удовлетворительное состояние, не любят перемены, но понимают, что они неизбежны. В регионе сложилась достаточно спокойная обстановка относительно конфликтности инновационных процессов. Несмотря на то, что треть респондентов указала на нежелательность различного рода изменений в жизни области, все же большинство граждан в достаточной степени лояльно относятся к инновациям. Для сохранения социальной стабильности и минимального уровня социальной напряженности необходимо, чтобы в дальнейшем данная пропорция не менялась или менялась в сторону увеличения доли лояльных обновлениям граждан.

Отраден тот факт, что лишь 5% опрошенных не желают иметь вообще никаких дел с инновациями. Интересно, что россияне практически в два раза чаще готовы использовать новшества в своей личной жизни, нежели на работе (20.85 % и 11,77 % соответственно). Кроме того, пя-

тая часть участников опроса утверждают, что в инновациях нуждается страна, государство. Примечательно, что в такие сферы, как семья и друзья респонденты в наименьшей степени стараются допускать различного рода новшества. Таким образом, наименьший конфликтный потенциал несут в себе инновационные процессы, затрагивающие государственный уровень, а наибольший - семейную и дружественную сферы. Возможно, это связано с восприятием государства как чего-то далекого и отстраненного, на которое респонденты не могут оказать своего влияния; а семьи и друзей, наоборот, как ближнего круга, зоны комфорта респондентов. На среднем уровне конфликтный потенциал имеют изменения в производственной сфере (работа респондентов). Возможно, это можно объяснить осознанием респондентами необходимости постоянной модернизации процессов для обеспечения их конкурентоспособности.

Для снижения уровня напряженности инновационных конфликтов необходимо выявить основные препятствия, которые встречаются на пути инноваций. Что касается исследуемого региона, что, по мнению респондентов, самыми частыми и существенными барьерами выступают коррупция и бюрократизм (59,01% от общего количества респондентов), а также отсутствие поддержки со стороны государства, региона, руководства, лидера (49,22%). Практически половина участников опроса (45,67%) полагают, что важным барьером освоения инноваций является их оторванность от нужд повседневной жизни, их невостребованность среди населения. Кроме того, среди барьеров освоения инноваций респондентами были указаны отсутствие должного информирования населения о новшествах (38,87%), а также наличие негативного примера освоения инноваций (9,93%). Таким образом, для снижения остроты инновационных конфликтов в регионе необходимо более подробное информирование граждан о значимых нововведениях, просветительская работа в отношении инноваций и модернизации, развития вообще.

Подводя итог, необходимо отметить, что остроту инновационных конфликтов можно контролировать посредством проведения грамотной информационно-просветительской работы среди населения региона.

Зязин Сергей Юрьевич

ФГБОУ ВО Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Фактор культуры в процессе реабилитации и ресоциализации бывших заключенных

В социальном контексте дезадаптированность людей, освобождающихся из отечественных пенитенциарных учреждений, представляет собой серьезную проблему, преодолевать последствия которой необходимо совместными усилиями общества и властных институтов. Существенным вкладом можно считать создание новых возможностей для реализации и использования социальных ресурсов культуры в деле реабилитации и ресоциализации личности. Если в прошлом традиционные общества вполне успешно задействовали факторы культуры для осуществления социального контроля и введения девиаций, обусловленных дезадаптированностью отдельных личностей и некоторых групп в социально-приемлемое русло, то в настоящее время современным социумом именно возможности задействования культурного потенциала на поприще этой борьбы осмыслены и задействованы явно недостаточно, что особенно ощущается в условиях отечественных мегалополисов.

Вовлечение бывшего осужденного после его освобождения в обычные условия жизни общества должно стать одним из критериев определения эффективности работы учреждений, исполняющих наказания, - поскольку именно это может служить показателем, отражающим эффективность реализации той стороны их (этих учреждений) деятельности, которая сопряжена с ее общественной направленностью. Сегодня имеется, как минимум, две причины, позволяющих говорить о необходимости введения в практику подобного рода показателей успешности работы пенитенциарных учреждений.

Первая из них состоит в том, что, поскольку грамотная и эффективная работа учреждений исполнения наказаний в этом направлении поможет человеку после освобождения, - на первых порах, - более или менее успешно справляться с восстановлением утраченных им в местах лишения свободы навыков, необходимых для реализации наиболее важных в обычных условиях жизни общества социальных ролей.

Вторая причина связана с более отдаленной перспективой деятельности таких учреждений в этом направлении, и заключается в том, что результаты такой деятельности составят основу базы для восстановления соответствующего объема функций нормального члена общества. В то же время она предъявляет особые требования к условиям отбывания наказаний. Хотя они, несомненно, должны быть значительно менее комфортными, чем средние условия жизни в целом, тем не менее, они должны быть достаточными для обеспечения того, чтобы осужденный не терял навыков и привычек поведения, практикуемых в обычных условиях общества. Рассмотрение этого требования в работе пенитенциарных учреждений поможет преодолеть значительный недостаток в идеологии

воспитания, который в течение многих лет согласуется с условиями, существующими в местах лишения свободы, которые препятствуют эффективной организации процесса ресоциализации в его психологической, педагогической, экономической, медицинской и юридическо-правовой составляющих.

Пенитенциарные учреждения не могут готовить заключенных для освобождения без помощи других организаций гражданского общества. Поэтому необходимо поощрять государственные и общественные организации, работающие с бывшими заключенными, установить отношения с ними до освобождения и начать планировать процесс их реинтеграции в общество. Очень важным, и крайне слабо проработанным на сегодня, представляется вопрос о распределении ответственности за результаты ресоциализации осужденных в процессе и после отбытия ими сроков наказания между пенитенциарными учреждениями и заинтересованными организациями, не имеющими отношения к ФСИН РФ, а также - подкреплении этой ответственности необходимыми ресурсами.

Иванян Рузанна Гургеновна

Высшая школа печати и медиатехнологий, Saint-Petersburg, Россия

Конфликты гражданских активистов: чья правда лучше? (на примере истории создания «Культурной прачечной» (г. Москва)

В две тысячи девятнадцатом году российское общество стало свидетелем нескольких примеров конфликтов в гражданской активности. Они отличаются друг от друга по тематике, но схожи том, что представляют собой конфликт различных элементов гражданского общества, в частности, его институциональной (представленной зарегистрованными НКО) и ситуативной, несистемной части (представленной группами инициативных жителей).

В Коньково жители одного собрали подписи против проживания семей с детьми с онкологическими заболеваниями, испугавшись, что раком можно заразиться. В Красноярске были протесты против открытия на первом этаже обычного дома инклюзивной школы, куда приезжали бы инвалиды. Самый свежий на данный момент конфликт связан с передачей зданий гинекологического отделения онкобольницы № 1 в Москве Центру паллиативной помощи. «Альянс врачей» 18 декабря 2019 года сообщал, что в связи с закрытием медучреждения всех сотрудников вынуждают уволиться.

Однако, пожалуй, самый нашумевший конфликт 2019 года в лоне добра, благотворительности и гражданской активности произошел в Савеловском районе Москвы между жителями и Санкт-Петербургской благотворительной общественной организацией «Ночлежка», инициировавшей создание «Культурной прачечной» - благотворительной прачечной для бездомных.

Конфликт разгорелся в связи с нежеланием жителей микрорайона иметь на своей территории пункт, где бездомные могли бы постирать свои вещи. Жители не только создали онлайн-петицию с призывом не допустить открытия «прачечной для бомжей», но и обратились в полицию, Роспотребнадзор, префектуру, и даже вынудили местное кафе отказаться от проведения благотворительной акции «Эспресс-помощь» в поддержку пунктов обогрева для бездомных людей. Эти действия, а также большой поток коммуникативных агрессий онлайн и офлайн (по всей видимости, идущих от сторонников обеих сторон) вынудили организаторов отказаться от своей идеи.

Конфликт сопровождался широким медийным освещением, поляризацией, языком вражды онлайн и офлайн. Из основным тематических ракурсов, проявившихся в медиа, отметим несколько:

1. обвинения в неготовности к равноправному диалогу и плюрализму мнений и оценок,
2. обвинения в неготовности и неумении вести дискуссии, переход в обвинения,
3. апелляция к стереотипам и предрассудкам и их усиление, (например, на уровне «Санкт-Петербург-Москва» или «бомжи-рассадники агрессии, криминала и антсанитарии»)б
4. дискурс об мотивах благотворительности и гражданской активности (истинных, «правильных» и ложных, «неправильных»), обвинение противоположной стороны в «неправильной», «неискренней» благотворительности и гражданственности,
5. снижение доверия к институционализированным форматам благотворительности и гражданской активности,
6. потери личного и семейного характера в связи с развитием благотворительности для других членов общества.

Традиционно гражданская активность считается позитивным явлением. Самоорганизация населения для защиты своих прав и интересов воспринимается как индикатор демократии и сильного гражданского общества в стране. Однако примеры столкновения интересов, борьбы различных структур внутри самого гражданского общества или элементов

гражданского общества, представляющих разные, полярные точки зрения, в России пока еще приобрели однозначную оценку. Которая из сторон представляет «неконструктивную» гражданственность и почему, какие ценности подвергаются угрозам и рискам - вот одни из немногих вопросов, которые могут заинтересовать исследователей.

Игнатьев Владимир Игоревич
Новосибирский государственный технический университет, кафедра социологии и массовых коммуникаций, Novosibirsk, Россия

Человек и искусственный интеллект на рынке труда: конфликтогенность мотиваций к "технологической безработице

Цифровая революция заставляет людей заново вернуться к поиску ответа на вопрос - что есть человечность. Конфликт эпохи - перерастание конкуренции человека с высокотехнологичными машинами за все сферы деятельности в схватку за рынок труда. И речь идет не просто о людях, оснащенных очередным новым видом машин, а о вторжении техносубъектов - устройств с искусственным интеллектом (ИИ), делающих их автономными от создателя. Они стремятся овладеть важнейшим объектом устремлений человека - сферой трудовой деятельности. Необходимо разделять этот объект - как причину масштабного социального конфликта - более решительно, оставляя машине пространство реализации ее искусственной сущности, а человеку - человеческой. Тем самым поддерживая дистанцию между социо- и техносферами. Регуляция этой дистанции и есть если не устранение конфликта, то его регулирование. Процесс автоматизации и внедрения ИИ не останавливается на замене ручного труда и офисной работы. Под удар попадают интеллектуальный и управленческий труд. Что является мотивацией к безграничному совершенствованию и внедрению технологий? Действует сила желания создавать что-то сравнимое с человеком и его интеллектом, срабатывает честолюбие ученого и изобретателя. Коммерческий риск ведет к вложению в венчурные проекты. Бизнес заинтересован получать более дешевую и сговорчивую рабочую силу в результате замены ее роботами. Замена в боевых действиях людей дронами и боевыми роботами сохраняет человеческие жизни. А замена человека в управлении сложными и опасными системами и транспортными средствами делает процесс их эксплуатации менее опасным. Преследуется и цель минимизировать субъективность в принятии управленческих решений путем замены экспертов на

алгоритмы. Открывается возможность компенсировать ограниченность возможностей человека в скорости обработки информации алгоритмами Больших данных. Наконец, сильна вера в то, что ИИ и автоматизация приведут к более справедливому обществу будущего. Прогнозы дают противоречивую картину возможности нарастания "технологической безработицы" от автоматизации. По оценкам, например, К.Б.Фрея и М.А.Осборна из Оксфордского университета, из 702 профессий по американской классификации 47% окажутся под угрозой из-за машинного обучения и мобильной робототехники. В Индии этот риск до 69%, в Китае 77%. Только менее 0,5% американских работников нашли работу в высокотехнологичных областях. По прогнозу Э.Хэлдейна, к 2020 году в США исчезнет 15 млн. рабочих мест [1, с.261]. Это означает, что технологии не создают больше рабочих мест, чем уничтожают. Вопреки утверждению, что автоматизация не уничтожает рабочие места, а позволяет использовать работников на более продуктивных ролях, выявлена обратная тенденция: на любые функции выгоднее установить робота-манипулятора. Наступило время "нового фордизма", когда от сократившейся рабочей силы требуют делать больше, быстрее и за более низкую зарплату. Происходит переход на краткосрочные фиксированные контракты, алгоритмизацию темпа работ с разбивкой на мелкие простые операции, хорошо подходящие для контроля и хронометража. Вместо почасовой оплаты происходит переход на поминутную с фиксацией с помощью электронных датчиков поведения работника в производственном процессе. Это обеспечивает наблюдение за соответствием действий работника графику, разработанному алгоритмом с помощью "корпоративных носимых устройств": Theatro и Business Microscope от Hitachi [1, с.265]. Более того, носимая электроника синхронизируется с рабочими станциями, давая менеджерам полное представление о поведении работников - его цифровой портрет [1, с.267]. Так человек как работник превращается в машину, разновидность техносубъекта, продукт биотехнологической эволюции, что ведет разрешение конфликта между человеком и ИИ в пользу ИИ. Алгоритмы Больших данных постепенно вытесняют профессии связанные и с умственным трудом. В управлении становится достаточным немногих работников и управленцев, работающих с помощью сверхмощных алгоритмов, заменяющих экспертов-аналитиков. Постепенно исчезает необходимость в руководителях среднего звена, сокращаются и исчезнут рабочие места квалифицированных аналитиков, а большинство связанных с анализом задач уже сейчас выполняют обычные сотрудники средней квалификации [2, с.132]. В начале XXI века все больше компаний пользуются услугами громадных централизованных

вычислительных центров, делегируя им функции своих ИТ-подразделений с увольнением ИТ-специалистов [2, с.147]. Происходит исчезновение тысяч рабочих мест для высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий, поскольку программное обеспечение перемещается в Облако, которое стало плацдармом вторжения во все сферы занятости и уничтожения рабочих мест для белых воротничков, связанных с работой на компьютере [2, с.148]. Перепоручение работы и любых видов деятельности ИИ означает отречение человека от самого себя. Работа и занятость вообще - это главный объект, контроль над которым позволяет определять и достигать жизненные цели. Если же его передать ИИ, то к полному овладению этим объектом будут стремиться два носителя целеполагающей автивности - человек и ИИ, тем самым воспроизводя и углубляя конфликт. Их столкновение неизбежно, но его можно минимизировать - либо разделяя этот объект, либо/и переводя из состояния конфликта в состояние соревнования или сотрудничества.

Источники и литература

1) Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2018. 424 с.
2) Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 430 с.

Иоффе Гавриил Анатольевич

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Некоторые аспекты онтологии социологической теории конфликта

Можно отметить движение современной социологической теории в сторону онтологической открытости. Это означает, что социология перестает выступать инстанцией онтологического ограничения, а именно арбитром в вопросах о том «что есть» как в смысле бытия вещей как такового (от их существования до их существенности), так и в смысле бытия «дисциплинарного»: все менее определенным признается ограничение «социального» и «социологического». Соответственно происходит движение эпистемологии. Социология не перестает пытаться достоверно описать действительность, но совершает движение от разоблачения собственных пристрастий через признание сущностной связи пристрастия

с действительностью к пониманию пристрастия как фундаментального эпистемологического принципа. Можно привести пример. Для описания религии главным эпистемологическим принципом становится вера, неверие или безразличие того, кто совершает описание. Этот парадокс гениально показал Достоевский в самой художественной структуре романа «Бесы», центром которой является позиция веры самого читателя. Эпистемология здесь отражает онтологическую открытость предмета: центром онтологии религии является Бог. Только в этом случае мы действительно говорим о религии. В зависимости от того, верим мы в Бога или нет, меняется сам предмет нашего мышления. Нужно отдавать себе отчет в том, что ряд социологических теорий религии вообще ничего не говорят собственно о религии для верующих. О чем же тогда они говорят и для чего они нужны? Социологическая теория подступает сегодня к возможности корректировки фундаментального веберовского принципа «отнесения к ценности». Речь идет об «отнесении к реальности». Возможно, наука, начиная с социологии, берет на себя сегодня, во время резкого падения социального влияния философии, онтологическую ответственность, а именно бережное отношение к возможному существованию вещей, о которых «говорят», «думают» и которые «чувствуют», в то время как раньше наука занималась скорее развоплощением вещей. Действительно, так как сегодня то, о чем говорит наука, принимается «на веру», наука вынуждена смещать акценты от борьбы с невежеством к прояснению своих собственных слов, тем самым постепенно возвращаясь от нововременного преходящего значения самой себя в качестве безличной рациональной процедуры к более древнему и широкому пониманию себя как мудрости.

В этой связи самое широкое понимание конфликта как столкновения вещей для социологической теории приобретает ряд онтологических измерений. Я предложу здесь ряд онтологических демаркационных линий. Во-первых, отмечу самое общее и классическое различение природы конфликта и его феноменологии. Например, если конфликт выражен в речевых актах или семиотических структурах, то совсем неочевидно, что его природа коммуникативна. Во-вторых, следует различать сущностные и несущностные теории конфликта. Первые говорят о конфликте, заложенном в самой природе вещей. Вторые говорят о возникновении конфликта из определенной конфигурации вещей, о фигуративности конфликта и, следовательно, формально его большей способности к разрешению. Социологии следовало бы обратить внимание на возможность сосуществования этих позиций. В частности, христианское вероучение показывает, что конфликт возможно мыслить как сущностный, но раз-

решимый: конфликт вызванный грехом может быть разрешен с помощью благодати. Логически эту ситуацию можно описать в духе неоплатонической философии, через мышление сущностей разного уровня. Такой подход для социологии особенно важен, так как позволяет говорить о многих конкретных социальных конфликтах с одной стороны сохраняя сущностную глубину их причин, а с другой все-таки уповая на возможность общения без столкновения. В частности как возможно мышление межэтнических или межнациональных конфликтов без понимания реальности бытия из предмета, ведь именно его реальность создает поле напряжения, хотя принято понимать наоборот. Социологическую теорему Томаса следует онтологически перевернуть: только реальное имеет последствия. В-третьих, необходимо различать конфликты между вещами и конфликты между интерпретациями вещей. Развести эти онтологические модальности чрезвычайно сложно, но это различение оказывается парадоксально очевидно, когда они сталкиваются друг с другом, смешиваются. Речь идет о разнице между спором о «разных вещах» и спором о подходах к пониманию одной и той же вещи. В-четвертых, важно различать конфликт вещей и конфликт языков. И это различие чрезвычайно сложно провести, так как область связи слова и вещи в философии таинственна. Но обратить на него внимание необходимо, так как реальность слов как вещей может открыть нам многое в природе столкновения вещей. В-пятых, необходимо различать политический и неполитический конфликт. Речь идет о том, что феномен политического, по сути, заключается в деонтологизации, в разрушении сущности. Политическое - таким образом, есть особый онтологический статус, который можно присвоить или принять. Любое действие можно представить как политическое, то есть как преследующее, сознательно или бессознательно, некую субъектную цель, связанное с интересом. И так же любое действие можно представить как неполитическое, то есть бескорыстное. В этой связи обращение внимания на обе модальности необходимо в социологии в свете вышеотмеченной онтологической ответственности: наука может осветить действительность не только холодным светом пользы, но и теплым светом добра. В-шестых, необходимо внимательнее относиться к привычному различению социального и несоциального конфликтов. Здесь следует, напротив, указать на неочевидность двух принятых различий: социального и индивидуального с одной стороны и человеческого и нечеловеческого с другой. Сегодня социология начинает принимать в свою предметную сферу все вещи, и общество начинает пониматься скорее как пространство общения вещей. В-седьмых, следует различать исторический и внутривременной конфликты как связанные в первом случае со

столкновением эпох и во втором со столкновением внутри одной эпохи. Подобного рода различения в применении к конкретным случаям с неизбежностью выводят социологию в эстетическую плоскость, а ее текст приближают к поэтическому. Также эстетическое измерение общества касается и последнего для этого списка, восьмого различия. Речь идет о привычной нам оценке конфликта как разрушительного или созидательного. Да, парадоксально, но этот этический вопрос, как мне кажется, непосредственно связан с эстетическим мышлением. Оценка влияния и последствий конфликта в своей сущности основана на постижении некой исторической красоты, скорее, нежели на следовании этическому императиву.

Таким образом, социология как область онтологически открытого общения вещей предлагает большие возможности для мышления конфликта как столкновения вещей.

Казаренкова Татьяна Борисовна
Международный научный центр СОЦИУМ 2035, Москва, Россия

Социальные конфликты в высшей школе в условиях развития цифрового общества

Высшая школа обеспечивает развитие личности в цифровой поликультурной образовательной среде. Образование представляет собой мощный фактор культуры, обеспечивающий целостную многомерную самореализацию человека в условиях цифрового общества. Развитие цифровых технологий стимулирует раскрытие задатков человека, способствует обнаружению его талантов. Социальные конфликты в системе высшего образования представляют собой чаще всего латентную стадию развития конфликтной ситуации, которая проявляется в изменении психологического состояния участников образовательного процесса, а именно в устойчивом рассогласовании интересов, потребностей, норм социальных субъектов данного процесса (студенты, преподаватели, сотрудники, руководители). Причиной такой напряженности является неудовлетворенность реальным существующим положением дел в самой системе образования, а также ходом развития социальных событий в самом российском обществе. Наиболее характерными формами проявления социальной напряженности являются групповые эмоции, которые приводят к возникновению конфликта и требуют своевременного разрешения возникших ситуаций. Организация является основным элементом

в социальной структуре современного общества. Социальная жизнь людей протекает в составе тех или иных организаций (коммерческих, образовательных, научных, финансовых, общественных и т.д.). Сложная система отношений в организации предполагает возможность возникновения самых различных социальных конфликтов, которые специфичны как по содержанию и динамике, так и по способам разрешения. Одной из важнейших особенностей управления организационными конфликтами в системе высшего образования является то, что их регулирование и разрешение основывается на прочной правовой базе (Конституция РФ, закон об образовании и т.д.). Одним из основных правовых документов, регламентирующих отношения в системе «работник-работодатель» является Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», а для отдельных вузов - коллективный договор, в котором, как правило, оговариваются возможные варианты урегулирования трудовых споров и конфликтов. Принимая то или иное управленческое решение, руководитель вуза может руководствоваться существующими нормативно-правовыми актами в системе высшего образования; от этого напрямую зависит эффективность принятых решений. Современная организация характеризуется внутренней и внешней средой; основу внутренней среды организации составляет ее функциональная структура, цели и задачи, ресурсы, технологии и коммуникации. Внешняя среда организации включает в себя факторы и социальные условия окружающей среды; Факторы внутренней и внешней среды организации могут становиться причиной усиления социальной напряженности и, как следствие, становиться причиной конфликтов. Конфликты в системе высшего образования - это конфликты, возникающие между субъектами социального взаимодействия внутри конкретной организации. При анализе таких конфликтов важно учитывать не только внутреннюю среду вуза, интересы и ценности субъектов социального взаимодействия, но и его внешнюю среду. В данном контексте представляет интерес рассмотрение основных моделей поведения личности в конфликтной ситуации. В современной литературе выделяют три основных модели поведения личности: конструктивную, деструктивную и конформистскую. Каждая из этих моделей обусловлена предметом конфликта, образом конфликтной ситуации, ценностью межличностных отношений и индивидуально-психологическими особенностями субъектов конфликтного взаимодействия. Модели поведения отражают установки конфликта на его динамику и способ разрешения вопросов.

1.Конструктивная. Руководитель стремится уладить конфликт, нацелен на поиск приемлемого решения, отличается выдержкой и само-

обладанием, доброжелательным отношением к «сопернику», открыт и искренен в общении, лаконичен и немногословен.

2.Деструктивная. Руководитель постоянно стремится к расширению и обострению конфликта, постоянно принижает партнеров по работе, негативно оценивает их личности, проявляет подозрительность и недоверие, нарушает этику общения.

3.Конформистская. Руководитель пассивен, склонен к уступкам, непоследователен в оценках, суждениях, поведении; легко соглашается с точкой зрения соперника.

Деструктивная модель поведения руководителя не может быть оправданной, так как способствует нарастанию уровня социальной напряженности. При определенных условиях она способна превратить конструктивный конфликт в деструктивный. Конформистская модель поведения руководителя способствует агрессивности «соперника», провоцирует ее, поэтому данная модель представляет собой скрытую опасность. Данная модель, по сути дела, является деструктивной, только с противоположным знаком. Однако конформистская модель поведения может играть и положительную роль при принятии управленческих решений, если противоречия, вызвавшие конфликт, носят несущественный характер, то конформистское поведение ведет к быстрому разрешению конфликта. Давая общую оценку приведенным выше моделям поведения руководителей различных образовательных структур, отметим, что желательной и необходимой является конструктивная модель. Данная модель способствует реальному и эффективному снижению социальной напряженности в коллективе вуза и, как следствие, уменьшению конфликтных ситуаций в образовательной среде в условиях цифрового общества.

Калинич Владислав Сергеевич

Московский государственный университет имени М.В, Ломоносова, Москва, Россия

Информационные и цифровые войны как фактор влияния на возникновение и развитие конфликтов в современном мире

21 век уже стал революционным в развитии цифровых технологий. В повседневную жизнь внедрено большое количество каналов распространения информации, базирующихся в сети интернет. Общение с людьми из разных стран и континентов, чтение интерактивных СМИ без привязки к месту нахождения автора и читателя являются для многих по-

вседневным занятием. Второе десятилетие 21 века стало эрой развития мобильного интернета и приложений.

Такое стремительное развитие каналов обмена информацией расширило возможности одного из видов влияния в социальных или политических конфликтах - информационной войны. В современном мире борьба за умы людей - неотъемлемое и, порой, самая важное условие победы в социальных, политических и военных конфликтах.

В настоящее время самым мощным игроком в театре информационных и цифровых войн являются США. Эта страна может оказывать серьёзное воздействие на информационное пространство в мире посредством не только собственных информационных ресурсов, но и работы специальных служб, влияния на общественное мнение и СМИ так называемых «союзников» и «партнеров» - лояльного политического руководства государств в разных концах земного шара.

Крупнейшими антагонистами США в этом противостоянии являются Россия и Китай.

В Китае к вопросу информационной безопасности правительство подошло весьма радикальным для современного мира образом: введена цензура. Доступ к ряду иностранных сайтов в этой стране ограничен. Интернет-СМИ, базирующиеся на территории Китая, не могут ссылаться и публиковать новости, взятые из зарубежных новостных источников, без специального одобрения. Веб-страницы фильтруются по ключевым словам, связанным с государственной безопасностью, а также по «чёрному списку» адресов сайтов (в рамках так называемого проекта «Золотой щит»).

В России первая доктрина информационной безопасности была принята почти 20 лет назад, 9 сентября 2000 года. В 2016 году указом Президента принята новая доктрина, которая отвечает современным реалиям и является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности. Текущее состояние информационной безопасности и направления её обеспечения рассматриваются в разрезе стратегических национальных приоритетов, обозначенных в Стратегии национальной безопасности. Следующим шагом, направленным на обеспечение контроля цифрового пространства и обеспечение защиты от возможных мер влияния на Российский интернет, стал так называемый «Закон о суверенном интернете» (Федеральный закон № 90-ФЗ от 01.05.2019), который вступил в силу 1 ноября 2019 года.

На протяжении длительного времени руководство некоторых стран Запада придерживается стратегии создания негативного имиджа России.

Самым ярким элементом информационной войны против нашей страны в первом десятилетии 21 века стала работа западных СМИ во время грузино-осетинского конфликта 2008 года. Репортажи сопровождались видеороликами с подменой комментариев о ходе боевых действий вплоть до прямого обмена участников местами (грузинские войска, обстреливающие Цхинвал, выдавались за российских военных, уничтожающих мирное население Гори и Тбилиси. Впоследствии, в США (с участием Грузии) был снят ряд художественных и документальных фильмов на тему этого конфликта, ориентированных на западную аудиторию, поскольку содержание их было наполнено рядом откровенно абсурдных и пропагандистских сцен и сюжетных линий. В России тоже были сняты фильмы по истории этого конфликта, но более сдержанные в эмоциональном плане.

Начало прошлого десятилетия обозначило подавляющую роль интернета в большинстве социальных процессов и выдвинуло на передний план мобильный интернет (распространение стандарта 3G), что способствовало бурному развитию мессенджеров и социальных сетей.

Цифровая война за последние годы стала не менее важным инструментом манипуляции в конфликтах, как и информационная война. При их помощи можно оказывать значительное влияние на информационную повестку, общественное мнение и даже социальную реальность. Успех в цифровой войне может дать стратегическое преимущество в реальном политическом или военном противостоянии: войне за обладание информацией или нанесение ущерба цифровым ресурсам оппонента. В общественное информационное поле и СМИ иногда попадают участники этих событий, создавшие широкий общественный резонанс. Например журналист Джулиан Ассанж, который после 7 лет жизни в здании посольства Эквадора в 2019 году был задержан за размещение секретной информации на сайте WikiLeaks или бывший сотрудник АНБ США Эдвард Сноуден, который скрылся в России после передачи журналистам информации о глобальных системах слежения спецслужбами США.

В последнее десятилетие происходит значительное количество гражданских, военных, политических и социальных конфликтов (Тунис, Египет, Украина, Сирия, Испания, Франция, Китай). Ключевую роль в разжигании большинства из них играет интернет: социальные сети, СМИ, мессенджеры. Цифровые средства используются для мобилизации сторон конфликта, координации действий участников. Эти явления часто носят управляемый характер и выработка эффективных средств противостояния этому - одна из важнейших задач уже сегодняшнего дня.

Канашевич-Адыгезалова Дарья Анатольевна
Частное учреждение образования Могилевский филиал «БИП – Институт правоведения», Могилев, Республика Беларусь

Межкультурный конфликт в образовательных практиках за рубежом

Современные тенденции развития мира ведут к стремительному росту числа кросс-культурных контактов в сфере бизнеса, на профессиональном и бытовом уровне, в области образования, что одновременно может порождать недоразумения и даже конфликты в межкультурных коммуникациях. Данные обстоятельства обусловливает актуальность и социальную востребованность эмпирического изучения заявленной проблемы. С этой целью в мае 2018 года методом анкетного опроса автором проведено пилотажное социологическое исследование, направленное на выявление коммуникативных проблем иностранных студентов. Базой избрано Государственное учреждение высшего профессионального образования «Белорусско-Российский университет» (Могилев), которое как университет совместного ведения, пользуется статусом высших учебных заведений Республики Беларусь и Российской Федерации. В опросе приняли участие 108 иностранных студентов дневного отделения - преимущественно граждане Туркменистана, а также ряда азиатских и африканских стран. Важно отметить, что оценивая деятельность руководства университета, абсолютное большинство иностранных студентов (94,4 %) дали положительную оценку работе ректората, деканатов (96,3 %), отдела международных связей (97,3 %). Важным показателем адаптации иностранных студентов являются их отношения с другими членами поликультурного студенческого коллектива. Однако только 43,5 % респондентов считают, что успешно общаются с белорусскими студентами 46,3 % - ответили «скорее да, чем нет» и 0,9 % респондентов «не общаются с белорусскими студентами». Всего 62,5 % опрошенных обнаружили интерес к их культуре со стороны местных студентов и лишь 37 % уверены, что студенты их группы окажут помощь. По мнению респондентов, в повседневной жизни и в процессе учебы им приходилось сталкиваться с недоброжелательным отношением к себе и представителям их национальности. 32,4 % респондентов отметили холодность в общении и высказывания «за спиной», 21,3 % - указали, что, хотя внешних признаков этого нет, ощущается несправедливость. Сами по себе эти факты должны стать предметом раздумий для агентов, ответственных за професси-

онально-образовательную адаптацию и социализацию иностранных студентов. Вместе с тем, нельзя не отметить, что положительная динамика экспорта белорусских образовательных услуг свидетельствует не только об их качестве и доступности, но и об отсутствии дискриминации в образовательных практиках, благоприятных условиях для пребывания в стране иностранных граждан в связи с толерантной ментальностью населения, отсутствием проявлений национализма и экстремизма. Представляется, что, выявленные нами факты позволяют сделать вывод о необходимости глубоких исследований механизма запуска конфликтного поведения в условиях поликультурной образовательной среды. Обратим внимание на отдельные, эмпирически выявленные моменты, которые в какой-то мере позволяют интерпретировать и полученные нами результаты: - сложности, связанные с языковыми трудностями и различными невербальными коммуникационными стратегиями; - присутствие этноцентрических предрасположенностей: членам мы-группы дается более высокая оценка и более охотно оказывается помощь; - наличие культурных различий в восприятии справедливости, нередко ее контекстуальное понимание, особенно представителями коллективистских культур, в зависимости от принадлежности к своей или чужой группе; - в силу большей привязанности к мы-группе, и меньшему вниманию к личности для традиционных культур характерна более острая реакция на несправедливое отношение к представителям мы-группы, нежели в отношении самого себя [1, с.602, 630, 648]. Понимание специфики механизма запуска конфликтного взаимодействия особенно важно с учетом контингента иностранных студентов, обучающихся в Беларуси, которые в своем большинстве граждане азиатских и африканских стран. По мере урбанизации и индустриализации традиционные отношения в этих странах все более уступают место отношениям, основанным на обмене, и все более важными становятся права личности. Однако значительные слои населения еще во многом придерживаются традиционных ориентаций, которые обычно относят к коллективистским культурам, существенно отличающимся от современных индивидуалистических обществ, что показано в исследованиях Г. Хофстеде, Г.Триандиса, С. Сен-Туми. Процесс профессионально-образовательной и социокультурной адаптации иностранных студентов осложняет не только наличие нередко значимой культурной дистанции от принимающего общества и слабое знание русского языка, но и опыт негативных коммуникативных практик, низкая эффективность групп социальной поддержки. В условиях глобализации межкультурная компетенция является важным образовательным и профессиональным ресурсом и скоро станет императивным требованием во многих

сферах профессиональной деятельности. Межкультурные коммуникационные навыки агентов обучения и социализации иностранных студентов, владение ими языком межкультурного общения, знание особенностей национальной культуры обучающихся должны быть важным компонентом педагогического сопровождения иностранных граждан. Необходима также система межкультурного образования, субъекты которой должны обучать молодых людей навыкам межкультурной коммуникации и решения конфликтных ситуаций в условиях поликультурного образовательного пространства.

Источники и литература

1) Психология и культура / под ред. Дэвида .Мацумото; науч. ред. перевода на русский А.С. Карамзин – СПб.: Питер, 2003.– 718 с.

Карнаух Владимир Кузьмич
Северо-Западный институт управления - филиал РАНХ и ГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Темпоральные конфликты

Все социальны конфликты происходят во времени. Однако среди них можно выделить конфликты, обусловленные существенными изменениями во времени, при которых изменяются продолжительность рабочего и свободного времени, темп, ритм, формы синхронизации и координации деятельности людей. Такие конфликты, на наш взгляд, можно назвать темпоральными конфликтами. Главная причина темпоральных конфликтов связана с изменением форм деятельности и общественных отношений. Темпоральные конфликты происходят во всех сферах жизнедеятельности человека. Особое значение имеют темпральные конфликты, которые происходят в семье и в трудовой деятельности человека.

Одним из существенных социальных изменений, которое произошло во второй половине XX века, стало широкое участие женщин в производстве в качестве рабочей силы. На смену прежней модели семьи, в которой мужчина обеспечивал семью средствами существования, а женщина занималась домашним хозяйством, пришла новая модель семьи, в которой оба супруга заняты на работе.

Для работающих женщин кроме оплачиваемой работы добавляется «вторая смена», предназначенная для выполнения обязанностей по дому и заботы о детях. Это порождает темпоральные конфликты, приводит к

тому, что женщина страдает от дефицита времени больше, чем мужчина. В результате возникает гендерный разрыв по отношению к свободному времени, выступающему важной мерой равенства и свободы.

По отношению к свободному времени следует учитывать плотность времени, его насыщенность разными видами деятельности. У женщин имеется не только меньше свободного времени, чем у мужчин, но их свободное время более насыщено различными практиками по сравнению с мужчинами.

Дефицит времени остро ощущается работающими матерями, совмещающими работу с домашними обязанностями и уходом за детьми. Особо остро нехватка времени ощущается одинокими родителями.

По сравнению с мужчинами женщины имеют меньше досуга без какой-либо сопутствующей деятельности. Мужской досуг реже прерывается другими видами деятельности. В отличие от него женский досуг, как правило, чаще проходит в присутствии детей. [1, p.185]. Продолжительность чистого отдыха у мужчин также больше, чем у женщин. Более того, женский отдых оказывается фрагментарным, раздробленным на периоды более короткой продолжительности. Как видим, мужчины имеют более целостное время для отдыха, чем женщины, у которых фрагментарный, часто прерываемый отдых, нередко сопровождается стрессами.

Фрагментарный характер женского отдыха сказывается на его качестве. Такой отдых обладает меньшими восстановительными возможностями, чем не нарушаемый досуг. При таком отдыхе человек нередко испытывает чувство загнанности. Поэтому фрагментация досуга вызывает ощущение давления времени, порождает темпоральные конфликты.

Темпоральные конфликты обусловлены не только количественной нехваткой времени. Темпоральное давление особенно испытывают женщины, у которых время непропорционально ограничивается домашними обязанностями. И в этих условиях все большее значение придается времени, проведенному с детьми. Поскольку женщины сочетают свое свободное время с уходом за детьми, их свободное время оказывается более напряженным, чем у мужчин.

Общей тенденцией становится возрастающая поляризация рабочего времени между теми членами семьи, кто работает продолжительное время и теми, кто работает сокращенную неделю или не работает совсем [2].

Гибкий рабочий график, семидневная круглосуточная рабочая неделя, работа по контракту - все это создает проблемы координации деятельности во времени.

Работа в вечернее и ночное время, в выходные дни также связана с повышенным давлением времени, что затрудняет контакты с членами

семьи и друзьями, живущими по стандартному расписанию. При такой работе даже до сна люди не всегда находят достаточно времени.

Большинство проблем координации действий возникает на уровне домохозяйств. Если оба супруга работают и графики их работы не совпадают, десинхронизированы друг с другом, организация их совместных действий становится все более сложной, возникают темпоральные конфликты.

В большинстве семей супруги на работе не имеют возможности автономно использовать имеющееся время. Это обусловлено тем, что нестандартные рабочие графики и возможность планировать свое время тесно связаны с формой занятости, родом занятий и положением на социальной лестнице. Только немногие пары могут свободно фиксировать сроки своего рабочего времени. Однако для членов современной семьи все большее значение имеет возможность быть вместе, совместно проводить свое время.

Источники и литература

1) Bittman M., Wajcman J. The Rush Hour: The Character of Leisure Time and Gender Equity // Social Forces. 2000. Vol. 79, No. 1, p.165-189.
2) Edwards P., Wajcman J. The Politics of Working Life. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Кафидов Валерий Викторович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Управление конфликтами и социальная безопасность

Понятие «конфликт» самое изучаемое и до сих пор не понятое. А, значит, есть опасность принятия стратегически не правильных управленческих решений. Процесс конфликта имеет широкий спектр от простого противоречия до непримиримого противоборства. Задача управления заключается в том, чтобы понять к чему могут привести противоречия и как действовать в условиях противоборства.

Опасность непонимания формирующихся противоречий связана с управлением миграционными процессами. Нашей экономике нужна рабочая сила, но неквалифицированная рабочая сила мигрантов демотивирует предпринимателей применять прорывные инновационные технологии и современную технику.

Процесс постепенного вытеснения из города менее технологичных секторов экономики сопровождается освобождением территории, улучшением экологии и потребностью в более квалифицированной рабочей силе. Если это не делать на плановой основе, то сложится ситуация, при которой новые высокотехнологичные рабочие места придется заполнять за счет притока мигрантов или создавать такие рабочие места, на которых выгоднее использовать дешевую рабочую силу опять же иммигрантов. Уже сейчас в системе жилищно-коммунального хозяйства, строительстве, торговле, на транспорте работают преимущественно приезжие. А с расширением позиций «цифровой экономики» еще больше рабочих мест, требующих квалификации, будет сокращаться.

Миграционный конфликт связан и с моделями ассимиляции. С одной стороны, для любых меньшинств должны быть созданы комфортные условия проживания. Но эти условия входят в противоречие с комфортом местных жителей. Сформировавшаяся «диаспорная ассимиляция» не способствует усвоению местной городской культуры, уважению к коренным жителям.

У коренного населения нет «диаспорной» культуры, оно построено на основе простой ассимиляции. Популярная модель «город для людей» на практике легко трансформируется в формулу «люди для города». В городе должно быть комфортно всем, т.е. приоритетно развитие города, как хозяйственной единицы. В то же время от жителей города очень многое зависит. Только жители на генетическом уровне понимают значение и функции города.

Именно поэтому решение о судьбе города могут принимать в определенных условиях люди, с этим городом не связанные исторически и культурно.

Благое дело по предоставлению гражданства соотечественникам за рубежом создает условия для существования двойного гражданства. Этим пользуются представители т.н. «элиты», у которых родственники и дети учатся или проживают в Великобритании, Канаде или США. Способны ли они защищать интересы России? Вопрос риторический. Поэтому важным вопросом социальной безопасности является и совершенствование института двойного гражданства. Необходимо определить категории работников, для которых двойное гражданство должно быть

запрещено и ограничить гражданские права для граждан других государств.

Вызвало оживление общественности сообщение о снятии ограничений привлечения практиков без ученой степени для преподавания в вузах. Но другое противоречие обострится в связи с тем, что вузам не нужны будут доценты и профессора, тем более, что профессорам умные люди запретили преподавать на бакалавриате, а обладателям степени PhD платят зарплату как доктору, профессору и они могут быть членами диссертационных советов. Зачем защищать диссертации в нашей стране?

Реклама существует в определенной культурной и правовой среде. Значит нужно не только формировать принципы и постигать законы, присущие этой деятельности, но и учитывать опыт и культурную ситуацию. Только прошло возмущение общества случаем, когда мальчик читал на улице стихи за деньги, как реклама шоколада «Россия щедрая душа» (правда производитель имеет мало общего с Россией) повторяет ситуацию: хороший мальчик, чтобы купить шоколадку и угостить преподавателя музыки играет на улице и зарабатывает на угощение. Это реклама или пропаганда?

За последние годы совершено много ошибок, связанных с разрушением структур правоохранительных органов, федеральной службы безопасности, продолжающимся разрушением противопожарной службы и др. Основным аргументом преобразований признавалась культура рыночных отношений и необходимость оптимизации. Результат мы ощущаем на себе.

Большое разочарование вызывает провозглашенный принцип построения государственных аппаратов управления, исходящий из постоянства бюджета (увеличение оплаты труда с одновременным сокращением численности работников; дифференцирование оплаты труда в зависимости от сложности выполняемых функций и конечных результатов труда при неизменном бюджете). Управленческого персонала должно быть ровно столько, сколько требуется для выполнения функций в соответствии с поставленной целью при фиксированных технике и технологиях.

Зачастую требования свободы предпринимателей входят в противоречие с защитой прав потребителей, заинтересованных в качестве и безопасности жизни, которые без государственного, профессионального контроля предприниматели не обеспечат.

Приведенные примеры подтверждают необходимость понимания процесса возникновения, развития и прекращения конфликтов и прогнозирования путей и последствий развития конфликтов.

Источники и литература

1) Кафидов В.В. Экономика и социология безопасности. – М.: КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА, 2019 – 254 с.

***Киреев Егор Юрьевич*[1], *Мазаев Юрий Николаевич*[2]**
1 - ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 2 - РГСУ, Москва, Россия

Социальный негативизм в отношениях общества и государства

Обращение к результатам многолетних социологических исследований, посвященных отношениям общества и государства, а также различных по социально-экономическому положению групп населения, позволяет сделать вывод, что социальная реальность большинством «простых людей» воспринимается исключительно сквозь призму тотально взаимопротивоположных сущностей: добро-зло, справедливость-несправедливость, равенство-неравенство и сводится в социальной рефлексии к отрицанию. Систематически регистрируемое в исследованиях социальное и институциональное неравенство разделило массы и «элиту» не только по уровню социально-экономического статуса. Тренд социального негативизма по отношению к противоположным социальным субъектам проявляется как реакция, обусловленная в первую очередь, не потребностью большинства людей в самоутверждении и в защите своего «Я», а вследствие его отчуждения от имущего и власть предержащего меньшинства. Несмотря на некоторую положительную тенденцию в настроениях граждан, основной вектор оценок большинства властных институций, характеризуется отрицательной направленностью показателей [1]. По нашему мнению устойчивый, многолетний негативизм в отношении деятельности субъектов власти и «социальных верхов», является проявлением ментального уровня коллективного сознания, предрасположенного воспринимать социальную действительность определенным стереотипным образом. В данном случае «мы» - это «простые люди». «Они» - это те, кого принято считать властью или элитой, которую «мы» воспринимают как противоположную и обособленную от «нас». Одновременно обозначая их как «чужеродный элемент», персонифицирующийся с «людьми, которым нет никакого дела до простых людей» [2]. Доминирующими «избирательными стереотипами» [3, с.76] восприятия действительности и формирования общественного мнения являются представления, характеризующие с одной стороны, негативное отношение населе-

ния к власть предержащим и имущим слоям общества. С другой - констатацию «социальной изоляции» большинства граждан, не воспринимающих себя в качестве активных социальных субъектов, источника и носителя власти. Осознание неравенства воспринимается населением, как вызов и это, на наш взгляд, приводит к социальной пассивности и политической индифферентности значительной части общества. Об этом свидетельствует практическое отсутствие в обществе поддержки альтернативных по идеологической направленности политических партий. Опросы показывают, что около половины россиян в настоящее время не поддерживают никакую политическую партию, причем доля таких граждан за двадцать лет возросла в 1,8 раза [1]. На наш взгляд, является показательным то, что высокий уровень противоречий, неприязни в современном российском обществе между «народом и властью», «бедными и богатыми», «низшими и высшими классами», «работодателями и наемными работниками» признают, в среднем около 60% опрашиваемого населения. Причем, чем больше статусное или имущественное различие между социальными группами, тем большая доля (до 75%) респондентов считает их значительными [2]. В заключении необходимо отметить, как особенность то, что неприязнь, в форме негативного отношения к другим социальным группам или персоналиям, не сопровождаться массовым протестным поведением граждан. Подавляющее большинство граждан не намерено выказывать свой социальный негативизм, ни в какой форме. [1].

Источники и литература

1) Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLIX этап социологического мониторинга, июнь 2019 года. Под общей редакцией В.К. Левашова. [Электронное издание] – М.: Перспектива, 2019. – 55 с. – Электрон. данн. – Режим доступа: https://itdperspectiva.page.link/ispiranjul2019

2) Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVIII этап социологического м редакцией В.К. Левашова. [Электронное издание] –М.: Перспектива, 2019. – 59 с. – Электрон. данн. – Режим доступа: https://goo.gl/2ZAze1

3) Донцов А.И., Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра //Социальная психология в современном обществе. М.: Аспект Пресс,2002.

Киричек Петр Николаевич
Московский гуманитарный университет, факультет рекламы, журналистики, дизайна, кафедра журналистики, Москва, Россия

Социальное партнёрство как механизм санации общественного конфликта

Либеральная реформация основных сфер российского общества, осуществлённая на стыке веков по отечественной традиции «сверху», изначально носила конфликтогенный характер. Шоковые рыночные меры: передел общенародной собственности, неупорядоченность форм обмена и распределения социальных благ, смена ценностных ориентаций, расслоение социума на группы людей, удовлетворённых и не удовлетворённых переменами, - инфицировали общественную атмосферу вирусом конфронтации. Причём, его дозы, полученные обществом, с каждым годом увеличивались и в итоге вылились в стойкое социальное неблагополучие, способное в любой момент взорвать общество. Как заметил С.И. Кубицкий, в социуме «вновь реанимировался «поиск врага», на которого можно было бы свалить вину за наши беды, а не поиск партнера, с которым можно было бы выкарабкаться из кризиса» [2, с. 4].

Увы, социальная практика в России обычно складывалась так, что на поворотных этапах её развития преобладал не эволюционный, а революционный тип изменений. Он круто менял устоявшуюся структуру общества и прежний характер взаимодействия его движущих сил и закладывал на перспективу вероятность попятного движения, поскольку один - управляющий - субъект (элита) подавлял другого - управляемого - субъекта (массу) насильственно-ограничительными средствами. В этом случае в отношения «победивших» и «проигравших» субъектов изначально закладывалась новая антагонистическая составляющая, предполагавшая возможность реванша по уже пройденному сценарию, только с обратным знаком. Этот фермент антагонизма в принципе свойствен и сегодняшней (пореформенной) атмосфере страны с её непрерывным воспроизводством социальной несправедливости, обретающей в экономической форме выражения колоссальный размер.

Итак, в российском обществе, по мнению Г.А. Зюганова, происходит гипернегативный процесс, разделяющий глубокой пропастью элиту (власть и бизнес) и массу (народ), а именно: «усиление раскола, социального неравенства. Год назад в России было 74 долларовых миллиардера, а стало 110. Один процент самых богатых и ушлых захватил 60% богатств. В руках американских богачей вдвое меньшая доля национального богатства. В руках европейских - втрое меньшая... У половины

граждан есть средства только на дешёвую еду и одежду. 40% получают меньше 20 тысяч рублей в месяц. Самая распространённая зарплата - 23 тысячи. Это откровенная бедность. 61% тех, чьи доходы не достигают прожиточного минимума, - это люди от 18 до 40 лет» [1].

Понятно, что в кризисных ситуациях, подобных нынешней, сложившейся в Отечестве, спорадически возникает масштабный запрос на эффективный способ удержания наэлектризованного конфликтностью общества от вероятного «выяснения отношений» посредством насилия и подавления. Против вируса конфронтации существует апробированное социальное лекарство - неконфронтационное средство разрешения симптоматических общественных противоречий с его методологией договорного согласования сталкивающихся групповых интересов. Это средство - «социальное партнёрство», его сущность - иная (мирная) философия жизни, противоположная её трактовке как борьбы классов при якобы фатальной неизбежности и даже исторической необходимости использования способов насилия и подавления управляющим меньшинством управляемого большинства в процессе эволюции (и наоборот - большинства меньшинством во время революции).

Социальное партнёрство зарождается и интенсивно совершенствуется в постиндустриальном обществе. У последнего на той стадии прогресса, когда истина социальная становится истиной технологической, не остаётся иной альтернативы развития, кроме мирно-согласительной формулы общественного бытия, параметры которого во многом задаются вполне созревшим для толерантного уровня отношений общественным сознанием. К сожалению, в России социальное партнёрство слишком медленно становится работающей данностью пореформенного бытия: специального закона о социальном партнёрстве до сих пор не существует - действует лишь пакет президентских указов, выпущенных в начале 90-х гг., да профильный раздел Трудового кодекса Российской Федерации, принятого в 2001 году.

Между тем социальное неравенство в стране продолжает разрастаться: «Вопрос - почему население нашей страны сегодня настолько бедное? Ответ: ежегодно более половины нефтегазовых доходов страны оседает в оффшорах и меньше половины достаётся бюджету, а из бюджета - едва ли 7% общей суммы достаётся народу, тогда как в других богатых углеводородными энергоносителями странах - все 77%. Возможно ли столь удручающе несправедливое распределение главного национального достояния для социального государства, каким позиционирует себя Россия в своей Конституции?... В реальности Россия находится на 59 месте по

уровню жизни. Выше нас даже такие в прошлом отсталые страны, как Турция (44 место), Мексика (47), Индия (52)» [3].

Коренное изменение с помощью механизмов социального партнёрства сложившейся в России диспозиции «элита (власть и бизнес) - масса (народ)» в пользу второго субъекта станет безусловным общенациональным выигрышем, обеспечивающим всех его участников равноправным голосом в общественной жизни. По результатам такого взаимодействия исчезнут субъекты «победившие» и «проигравшие», а в их повседневных отношениях будет преобладать компонента сотрудничества.

Источники и литература

1) Зюганов Г.А. Мы обязаны выстроить внятную и эффективную программу действий // Советская Россия. 2020. № 3(14827). 16 января.
2) Кубицкий С.И. Социальное партнёрство в России: состояние и перспективы. М.: Изд-во АТиСО, 1999. 184 с.
3) Симчера В., Абрамов М. "Новая нефть", или нефтяной бюджет по-новому // Завтра. 2019, декабрь. № 49(1356).

Ковалевская Елена Викторовна

Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация

Конфликты - теория и история

Конфликты являются неотъемлемой частью общественной жизни. Конфликт - это один из способов разрешения противоречий, которые неизбежно возникают между людьми в процессе их жизни. Трудно представить жизнь в обществе без конфликтов. Весь социальный мир полон противоречий. С одной стороны, конфликты являются проблемой, которая мешает осуществлению нормальной, упорядоченной жизни людей в обществе, с другой стороны, без конфликтов не может осуществляться развитие общества, так как практически любое обновление происходит через конфликт нового со старым. Каждый период относительного покоя может в последствии привести к такому состоянию в обществе, который позже может быть охарактеризован как застой. Социальные изменения в жизни людей свидетельствуют о том, что общество развивается. В оценке результатов этих социальных изменений людьми, которые их осуществляют, тоже можно усмотреть конфликт, так как разные группы людей могут оценивать эти изменения как позитивно, так и негативно, в зависимости от их социального статуса, моральных и нравственных установок.

Как правило, все определяется тем, насколько эти социальные изменения устраивают или мешают людям, живущим в обществе. Революции и войны, которые происходили в обществе, могут наглядно продемонстрировать этот факт.

Философы древности (Гераклит, Платон, Геродот, Эпикур) не употребляли сам термин «конфликт», но говорили о том, что весь мир полон противоречий и с ними неизбежно связана жизнь природы и людей, что все это существует повсюду и не зависит от мнений и оценок людей. В то же время, они отмечали, что конфликт не исчерпывает собой всей жизни, а является лишь ее частью.

Изучать конфликт с социологической точки зрения, одним из первых предложил Георг Зиммель, который ввел в научных оборот термин «социология конфликта». Выделяя и анализируя «чистые формы социации», то есть формы социального общения и взаимодействия, он считал конфликт нормальной и даже очень важной формой общественной жизни среди других относительно устойчивых форм социального взаимодействия таких, как авторитет, договор, подчинение и сотрудничество. Функция конфликта, с его точки зрения, заключается в том, что он способствует интеграции, определяет характер конкретных социальных образований, служит для укрепления принципов и норм их организации.

Современные теории конфликта зародились и широко распространялись в конце 50-х и в начале 60-х годов XX века. В их основу были положены классические теории, которые разработали К.Маркс, М.Вебер, Г.Зиммель. Современные теории конфликта критически оценивали достижения предшественников и были направлены против одного из самых значительных направлений в социологии XX века - структурного функционализма, который основательно разработал Т.Парсонс.

Согласно точке зрения представителей современной теории конфликта, в обществе практически всегда есть фундаментальные конфликты интереса, и социальный порядок возможен только при таком балансе сил, когда интересы сильного содержат и направляют запросы и требования слабого. Такая модель свидетельствует о том, что в такой ситуации социальный порядок не может быть устойчивым, он устанавливается в результате борьбы, приложения определенных усилий для изменения баланса сил, чтобы осуществить социальные изменения.

Среди современных теоретиков конфликта наиболее известными, важными и интересными являются работы Л.Козера, А.Гоулднера, Д.Локвуда, Р.Дарендорфа, Д.Рекса. Общим во взглядах этих теоретиков является то, что все они отмечают, что социология функционализма уделяет недостаточное внимание к конфликту ценностей и интересов в

обществе, иногда относит их ко вторичным явлениям. Они предложили свой подход к рассмотрению проблем социального порядка, выделили роль власти и принуждения, обратили внимание на конфликты, связанные с удовлетворением экономических и политических потребностей в обществе. Современные теории конфликтов не являются однородными образованиями. Каждый из авторов создавал свою теорию под влиянием идей классиков социологической теории и других исследователей, поэтому каждая из теорий конфликта имеет свои специфические особенности.

В современном подходе к изучению конфликтов необходимо обратить внимание на то, что сегодня конфликт считают нормальным социальным явлением, так как на природу человека и общества влияют биологические, психологические, социальные и другие факторы, неизбежно порождающие многочисленные и разнообразные конфликтные ситуации. В процессе общественного развития конфликты выполняют ряд позитивных функций, обеспечивая общее движение общественной жизни, способствуя сохранению единства социальных образований и утверждению общезначимых норм и социальных ценностей. Существует связь и зависимость между конфликтным состояние общественного развития и типом социальной структуры, который порождает данное состояние, то есть так определяют состояние структурного конфликта. Неизбежным и постоянным явлением, которое вызывает разные трения, коллизии, конфликты, является противоположность между правящим меньшинством и управляемым большинством. В результате изменений экономической, политической и духовной сторон общественной жизни могут возникнуть конфликтные ситуации, таким образом определяется состояние функционального конфликта. Для общественного развития важно определить состояние динамического равновесия, когда несовпадающие интересы различных социальных групп взаимно уравновесятся с помощью возникающих и разрешаемых конфликтов.

***Кох Иван Адамович*[1]*, Огородов Александр Сергеевич*[1]**
1 - Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

Факторы конфликтогенности в предпринимательской деятельности в трансформируемом российском обществе

Российское общество переживает процесс глубоких и радикальных изменений, обусловленных переходом от плановой экономики к рыноч-

ной. Процессы социально-экономических преобразований вызвали глубокие изменения экономической сферы, привели к кардинальным политическим и социокультурным трансформациям. Кроме того, эти преобразования совпали по времени и происходят на фоне информационно-технологической революции, цифровизации экономики, роста сферы услуг, зарождения искусственного интеллекта и роботизации во всех сферах жизни с непредсказуемыми социальными последствиями [1, с. 10 -13; 2, с. 176].

Актуальность исследуемой темы обусловлена той значимостью малого предпринимательства, которую оно имеет в экономической жизни современного общества. По статистике малое предпринимательство в некоторых европейских странах достигает до половины от общего количества всех предприятий. Из ряда европейский стран, по данным Института экономики роста, в этом плане выделяются Голландия - 63 %, Финляндия - 60 %, Германия - 53 %, Великобритания - 51 % [3]. В России - около 20 %. Сфера услуг фактически «монополизирована» малым предпринимательством, поскольку здесь важна присущая ему многопрофильность и гибкость.

Таким образом в сложившихся условиях предпринимательская деятельность приобретает большое значение, причем постоянно будет возрастать доля малого предпринимательства, поскольку рост сферы услуг будет обеспечиваться увеличением числа малых предприятий.

В современном российском обществе необходимы меры по развитию предпринимательства, активная государственная поддержка бизнеса. Предпринимательство будет успешно развиваться только при наличии благоприятных условий. Предпринимательская деятельность неизбежно сопровождается различного рода разногласиями, спорами, конфликтами. Оперативное предупреждение и разрешение конфликтов требует изучения и учет факторов, которые приводят к конфликтам - конфликтогенов.

Конфликтоген - это слова, знаки, действия, способные спровоцировать конфликт. Конфликтоген буквально означает «рождающий конфликт». Термин впервые был введен А. П. Егидесом [4]. В различных словарях конфликтоген определяется как слова, действия, способные порождать или привести к конфликту [5; 6; 7]; как жест, взгляд, интонация, которые могут вызвать напряженность и спровоцировать конфликт в отношениях людей или просто разность оценок конфликтующих субъектов [5; 6]; как «действие, порождающее деструктивный конфликт» [7]. Любой провоцирующий конфликтоген вызывает ответную реакцию в форме напряженности или агрессии. Конфликтоген или их совокупность приво-

дят к возникновению конфликтной ситуации, которая часто перерастает в деструктивный конфликт.

К провоцирующим конфликтогенам в сфере предпринимательской деятельности можно отнести противоречивость законодательства, преступные действия, рейдерство, терроризм, некомпетентные действия руководителей. В современном российском обществе выделим в предпринимательской деятельности два особенных конфликтогена: риски и аномию.

Риски, представляющие собой постоянный и неотъемлемый компонент любой человеческой деятельности. В современном российском обществе наиболее рискогенной является предпринимательская деятельность, поскольку многие переходные процессы становления рынка до сих пор остаются незавершенными. Предприниматели в своих действиях и своей деятельности неминуемо сталкиваются с разнообразными рисками. Развитие предпринимательства, в том числе и в первую очередь малого бизнеса, в рыночном обществе всегда будет осуществляться в условиях неопределенности и риска.

Вторым особенным конфликтогеном, снижающим эффективность предпринимательской деятельности, является социальная аномия, которая обычно сопровождает трансформации в обществе и является спутником реформ и многих других социальных изменений. Возникновение аномии связано с тем, какие сферы общественной жизни затрагивают реформы, как они воздействуют на социальные институты, регулирующие общественные отношения.

Крутая ломка сложившихся идеалов, общественных отношений, социальных институтов, образа жизни в условиях динамичных процессов вызывает крушение сложившихся ценностных ориентаций, устоявшихся норм и правил. В этом случае «. . . человек больше не знает, что возможно и что нет, что справедливо и что несправедливо, какие претензии и надежды легитимны и какие безмерны. В конце концов, не оказывается ничего, к чему нельзя стремиться» [8, с. 401]. Противоречивость и постоянная смена законодательства в экономике, изменения налоговой системы, рейдерство и другие экономические преступления создают ситуацию неопределенности для предпринимателя, особенно для малого бизнеса.

Наряду с этим в обществе всегда действуют традиционные конфликтогены, которые можно сгруппировать в три группы: 1) факторы внешней среды предпринимательской деятельности; 2) внутренняя среда - персонал и др. 3) ошибки менеджмента, стиль руководства, нарушение норм профессиональной этики и др.

Таким образом, всю совокупность конфликтогенов в предпринимательской деятельности можно разделить на а) специфические для реформируемого общества и б) традиционные, имеющие место в любом обществе, но проявляющиеся с разной степенью остроты. Знание конфликтогенов и объективная оценка их потенциальных направлений действия важно для профилактики и предупреждения конфликтов.

Источники и литература

1) Десять лет после августа. Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2002.
2) Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, (2002), 2003. – 568 с.
3) РБК: https://www.rbc.ru/economics/30/07/2019/5d403c179a794718406e4102
4) Егидес, А. П. Психотехника синтонного общения / А. П. Егидес [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psychologi.net.ru/book3_isk_ob/egides_sinton.html
5) Анцупов, А. Я. Словарь конфликтолога /А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов.– М.: ЭКСМО, 2010. – 656 с.
6) Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/
7) Кашапов, М. М. Теория и практика решения конфликтных ситуаций: краткий словарь / М. М. Кашапов – М.-Ярославль: Ремдер, 2003. – 183 с.
8) Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1995. – 430 с.

Круглова Елена Леонидовна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ

Социальные роботы в управлении: конфликт или новая реальность?

В течение многих лет ученые, любители научной фантастики и широкая публика были очарованы предпосылкой взаимодействия человека с машиной. Зачастую в сфере литературы и кино интеллектуальные машины представляются негативными героями, что способствует мысли о

том, что компьютеры не только расчетливы и холодны, но и небезразличны и могут проявлять эмоции.

Однако, искусственный интеллект (ИИ) сегодня - это не просто научно-фантастические фильмы. И, несмотря на некоторые тревожные представления о предвзятости общества, теперь благодаря искусственному интеллекту люди могут ежедневно взаимодействовать с устройствами в своих домах, автомобилях и в других местах. Эти устройства, такие как Amazon Alexa и Google Home, могут быть запрограммированы для доставки новостей, обмена расписаниями и даже поиска вещей с помощью голосовых команд. Помимо бытового назначения, ИИ входит и в деловую сферу, а именно - управленческую. Обычные рабочие места в скором времени могут занимать не люди, а социальные роботы. Вопрос «управления» ими в рамках обычных трудовых коллективов остается пока открытым.

Таким образом, социальный робот - это система искусственного интеллекта, которая предназначена для взаимодействия с людьми и другими роботами. Они внешне напоминают человека и способны реагировать на эмоции и проявлять их. Это робот с высокой степенью автономии, способный взаимодействовать с людьми, следуя социальным нормам общества и реагируя на эмоции собеседника. Разработка социального взаимодействия для робота требует решения сложных междисциплинарных задач и совместных усилий специалистов различных областей: инженеров, психологов, культурологов, лингвистов, антропологов и др. Исследователи признают необходимость решения этой задачи. Люди - это социальные агенты, следовательно, для эффективного взаимодействия с ними роботам необходимо развивать «социальный интеллект» [2]. На рабочем месте социальные роботы могут выполнять почти все «человеческие» функции, такие как приветствие и базовое обслуживание клиентов. В домашних условиях социальные роботы могут стать достаточно функциональными, чтобы служить членам семьи и быть преднамеренно созданными с уникальными личностями и причудами для привлечения проживающих людей.

Мы остановимся на примерах тех социальных роботов, которые созданы непосредственно для замены людей на их рабочих местах и оставим в стороне их развлекательную функцию. На данный момент существует несколько основных направлений, по которым роботы эффективно заменяют людей:

- Репетиторство - предоставляют учащимся интересный интерактивный способ практики и овладение новыми навыками обучения.

- Дистанционное присутствие - дают удаленным участникам встречи возможность физического присутствия на деловой встрече.
- Общение - оказывают эмоциональную поддержку молодым, пожилым людям или инвалидам.
- Вовлечение клиентов - предоставляют потенциальным клиентам информации о продуктах и услугах, времени работы магазина и ценах.

Таким образом, социальные роботы могут не только занимать непосредственно рабочие места по некоторым профессиям, но и должности управленцев и менеджеров. Процесс руководства роботами это совсем иное, чем людьми, и нужны будут уже совсем другие специалисты.

Но, хотя роботы, занимающие наши рабочие места, могут быть причиной беспокойства людей в этих профессиях, факт в том, что рост индустрии робототехники также поможет оживить рынок труда, создавая многочисленные новые роли и должности, о существовании которых мы еще даже не представляем. Специалисты относят к ним пластических хирургов, медсестер и туроператоров для роботов, а также организаторов выставок и конкурсов среди них [1].

Исходя из вышеизложенного становится понятно, что в связи с компьютеризацией, информатизацией и общим стремительным развитием мира в сфере управления грядут изменения. Управленцу XXI века необходимо идти не просто в ногу со временем, а опережать его, иначе ситуация грозит обернуться масштабным социальным конфликтом. По сути, перед нами сейчас стоит такая же проблема, как во времена промышленной революции: необходимость увеличить прибыль и производство за счет оптимизации рабочих процессов, но при этом сохранить рабочие места для работников. Это первый момент. Второй - способность принимать верные управленческие решения при условии присутствия в коллективе как людей, так и социальных роботов. Третий момент - это проблема сравнения людей и роботов. Очевидно, что работоспособность человека не может быть на одном уровне с работоспособностью машины. Этот вопрос, однако, можно разрешить путем разделения обязанностей и сфер деятельности. И этим также предстоит заниматься управленцу в недалеком будущем.

Таким образом, развитие робототехники и появление социальных роботов - абсолютно новый этап как в развитии мира в целом, так и в управленческой практике в частности. Появление их в качестве нового участника на рынке труда вызывает огромный теоретический интерес ученых и необходимость решения практических вопросов управленцами

и менеджерами. Мы предполагаем, что в управленческой сфере может возникнуть новое направление обучения: менеджер по работе с социальными роботами, который в своей профессиональной деятельности должен будет уметь сочетать особенности управления человеческими ресурсами и техническое управление роботами.

Источники и литература

1) Denise Duble How social robotics can more closely connect humans to machines. Интернет источник. Цит. по https://www.ca.com/en/blog-highlight/how-social-robotics-can-more-closely-connect-humans-to-machines.html (Дата обращения 28.09.2019).
2) Yang S. et al. Experiences developing socially acceptable interactions for a robotic trash barrel //Robot and Human Interactive Communication (ROMAN), 2015 24th IEEE International Symposium on. IEEE, 2015, 277-284.

Кудрина София Альбертовна

ЯрГУ им. П.Г.Демидова, Ярославль, Россия

Критический подход к революции

Среди оснований критического подхода к революции, предлагаемых социологами прошлого и нашими современниками, в качестве основных можно выделить 1) онтологические, 2) методологические, 3) социально-психологические и 4) этические.

Онтологические аргументы базируются на представлении о революции как катастрофе, поскольку социальные системы, имеющие органические или какие-либо иные основания, должны обязательно сохранять равновесие. Г. Спенсер, сторонник и теоретик органической концепции общества, расценивал революции как катастрофы и нарушение равновесия, которые, тем не менее, при конфликте между чувствами и волей народа, с одной стороны, и политикой власти - с другой, оказываются неизбежными. П.Сорокин в качестве причин революций называл подавление базовых инстинктов, дезорганизацию власти и социального контроля, когда «на вершине общества аккумулируются «бездарные правители», а «головастиков» у основания пирамиды власти становится все больше и больше». При этом бездарная элита усиливает давление, чтобы сохранить власть и привилегии, что чревато взрывом снизу. Этот взрыв

происходит, элита сбрасывается вниз, низы поднимаются - то есть рушится стратификация и система социальных «сит». Затем создаются новые «сита», новые механизмы репрессии и подавления. Они и становятся причиной второй неизбежной стадии революции - контрреволюции, поскольку накапливаются новые «репрессии», «паразитизм» и «разложение» [1, с. 292].

Согласно социально-психологическим критическим аргументам, революции приводят в движение иррациональные агрессивные толпы, способные исключительно к разрушению. «Во все времена и во всех странах убивающая или грабящая толпа считает себя судьей, и тот короткий суд, который она учиняет, странно напоминает по мстительному характеру наказаний, по их неслыханной жестокости... правосудие первобытных времен» [2, с. 293-294]. Проект революционного переворота, каким бы гуманным и тщательно разработанным он ни казался, предполагает большой риск неконтролируемых деструктивных действий, поскольку насилие «губительно привлекает тем, что дает временное избавление от унизительного чувства собственной неполноценности - слабости, бесталанности, никчемности, ничтожества» [3, с. 46], что «позволяет завлекать в сети еще больше новобранцев, жаждущих «большого дела» (которое придало бы смысл - конечно же, благородный - их блеклому, вялому, никчемному существованию)» [3, с. 48]. В XXI веке чувство унижения и гнева подкрепляется усугубляющейся социальной эксклюзией, и для популистов «гнев обездоленных и брошенных - необычайно богатая руда» [3, с. 73].

Методологическая критика направлена на социальную революцию как неотъемлемый элемент утопической инженерии. Холистскому крупномасштабному эксперименту противопоставляется «постепенная технология». К.Р.Попперу идея «постепенной технологии» представлялась более разумной, поскольку она не требует радикального революционного переворота ради светлого будущего, а лишь предполагает разработку методов «для поиска наиболее тяжелых, нестерпимых социальных бед, чтобы бороться с ними, а не искать величайшее конечное благо, стремясь воплотить его в жизнь» [4, с. 200].

Согласно этическим аргументам, революция как насильственное коллективное действие во имя желаемого равенства и справедливости неизбежно ведет к жертвам: «каждый революционный период отмечен ростом убийств, садизма, жестокости, зверств и пыток» [1, с. 267]; «революция есть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс» [1, с. 270]. Жертвами революционного взрыва могут оказаться как виновные, так и невиновные. Усталость, голод, нужда, при-

шедшие на смену выброшенной огромной энергии, делают людей вялыми и послушными. «Люди становятся все менее адаптивными к окружающей среде и взаимным отношениям. Их совокупную оценку можно выразить словами: «Дальше так жить невозможно, нужен порядок, порядок любой ценой»» и тогда «хвала «освободителям» от старого режима сменяется восхвалением «освободителей» от революции, иными словами - организаторов порядка» [1, с. 293]. Поэтому Сорокин утверждает, что революция с молчаливого согласия усталых измученных масс неизбежно порождает тиранию.

В глобальном мире «на нашу жизнь оказывают влияние люди, которых мы никогда не видели и с которыми не знакомы, люди, которые, возможно, живут на другом конце земли от нас» [5, с. 585]. С развитием социальной рефлексивности, о которой говорит Э. Гидденс и которая отличает современное общество, революции становятся управляемыми и могут не назревать естественно в самом обществе, а быть искусственно организованными извне в целях дестабилизации [6]. Но эта же самая рефлексивность позволяет распознать это внешнее влияние и по возможности предотвратить его.

Источники и литература

1) Сорокин П. Социология революции // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 266-294.

2) Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. 416 с. С. 255-412.

3) Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

4) Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Том 1: Чары Платона. Пер. с англ. Под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, 1992. 448 с.

5) Гидденс Э. Социология. Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Едиториал, УПСС, 2005. 632 с.

6) «Что надо знать о «цветных революциях». Под общ. ред. А. Б. Ананченко. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. 135 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=469557 (дата обращения: 24.01.2020).

Курбанов Артемий Рустямович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, Россия

Инвайронментальные конфликты как предмет исследования социальных наук

Взаимодействие социума и природы на различных уровнях - от глобального до локального - в настоящее время является предметом рассмотрения широкого спектра научных дисциплин. Изучение отдельных аспектов этого взаимодействия становится возможно только в рамках коллабораций представителей различных отраслей научного знания. Неизбежное в рамках подобного синтеза взаимовлияние концептуальных моделей и понятийного каркаса, с одной стороны, приводит к использованию для изучения социальных феноменов методов, идей и представлений, зародившихся в естественных науках (примером тому служат социобиология, пик популярности которой пришелся на 70-е- 80-е годы прошлого века, и биополитика, активно развивающаяся в настоящее время) [1], а с другой - к расширению границ социального познания за счет включения в его предметное пространство феноменов, изначально имеющих внесоциальное происхождение (примером этого являются различные направления акторно-сетевой методологии - STS) [2]. Очевидным проявлением этой тенденции становится использование понятийных конструкций, зародившихся в рамках социального познания, для описания взаимодействия человеческих и не-человеческих акторов. К числу таких конструкций можно отнести концепт конфликта, сфера применения которого сегодня включает описание особого типа взаимодействия человека, как правило, рассматриваемого как члена локального сообщества, и самих локальных сообществ, с окружающей средой, вернее, с представителями других биологических видов.

Понятие конфликта человека и природы (human-wildlife conflict) может рассматриваться в нескольких модальностях и описывать несколько уровней их взаимодействия. В самом широком варианте оно применимо к любым формам и видам антропогенного воздействия, поскольку предполагает трансформацию природных биоценозов, которая может быть расценена как нанесение им вреда. Например, Всемирный фонд дикой природы рассматривает конфликты между человеком и природой как «любое взаимодействие между человеком и природой, которое приводит к негативным последствиям для социальной, экономической или культурной жизни человека, для популяций дикой природы или для окружающей среды» [3]. В данном случае речь идет о глобальном уровне взаимодействия природы и социума, не ограниченного конкретными регио-

нами. На этом уровне используемое понятие теряет свой эвристический потенциал, поскольку не позволяет зафиксировать конкретное содержание конфликтного взаимодействия.

В узком смысле речь может идти о взаимодействии человека (вернее, конкретных социумов и локальных сообществ) с определенными биологическими видами, что предполагает сужение границ применения термина до уровня региона или же локального уровня. Рабочая группа по конфликтам между человеком и природой МСОП предлагает более четкое понимание этого феномена - он возникает в том случае, когда животные представляют прямую и повторяющуюся угрозу жизни или безопасности людей, что приводит к преследованию ими этого вида [4]. С этой точки зрения эвристический потенциал понятия возрастает, поскольку с его помощью можно четко нюансировать особенности взаимодействия человека и этих видов, проследить и проанализировать их на определенном историческом промежутке.

Концепт конфликта человека и природы используется, в первую очередь, для описания типических моделей взаимоотношений, имеющих длительную историю формирования и приводящих к модификации ряда социальных практик, связанных с освоением и/или пребыванием человека в окружающей среде [5]. Активная экспансия человека в пространство дикой природы, осуществляемая в течение всего Нового времени, и продолжающаяся сегодня, приводит к формированию социальных практик, связанных как с противодействием отдельным видам, трансформацией биоценозов, так и с сохранением этих видов и консервацией, природоохранными мероприятиями, направленными на минимизацию воздействия на природу. Утверждение на глобальном уровне идеи устойчивого развития и, как неотъемлемой ее части, концепции сохранения биоразнообразия, предполагает пересмотр прежней парадигмы взаимоотношений социума и дикой природы, основанной на императиве подчинения последней интересам человека. В этом контексте концепт конфликта между человеком и диком природой приобретает новое звучание, предполагающее поиск решения подобных конфликтов в рамках модели компромисса, а не элиминации противоположной стороны [6]. Все это дополнительно сказывается на модификации социальных практик, поскольку приводит к возникновению специальных институтов, которые могут выступать в качестве арбитров в таких конфликтах, или же осуществлять помощь его всем его сторонам.

Амбивалентный характер инвайронментальных конфликтов вполне очевидным образом проявляется в случае реализации норм, направленных на сохранение конкретных биологических видов. На уровне локаль-

ных сообществ принципиальное значение имеет то, в какой степени учитываются их интересы и сложившийся повседневный уклад, поскольку недооценка этих факторов способна привести к формированию выраженных негативных установок в отношении того вида (или видов), для защиты которых вводятся соответствующие нормы, и способствовать усугублению конфликта. Как подчеркивает Всемирный фонд дикой природы (WWF), в случае отсутствия адекватного решения конфликтов, поддержка со стороны местного населения в отношении природоохранных мероприятий стремительно уменьшается [7].

Источники и литература

1) Wilson E.O. Sociobiology: The new synthesis. Belknap Press of Harvard U Press, 1975.
2) Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // Логос. 2017. Т. 27, №2. С. 50-94.
3) SARPO, WWF. Human wildlife conflict manual. Harare, Zimbabwe, WWF Southern African Regional Programme Office (SARPO), 2005.
4) Human-Wildlife Conflict. Официальный сайт Рабочей группы конфликтам между человеком и природой Международного союза охраны природы (МСОП). Доступно по адресу: http://www.hwctf.org/about. Дата обращения: 10.02.2020.
5) Bennett N.J., Roth R., Klain S.C., Chan K.M., Clark D.A., Cullman G., Epstein G., Nelson M.P., Stedman R., Teel T.L., Thomas R.E., Wyborn C., Curran D., Greenberg A., Sandlos J., Veríssimo D. Mainstreaming the social sciences in conservation // Conservation Biology. 2017 Vol. 31(1). P. 56-66. DOI: 10.1111/cobi.12788.
6) Manfredo M.J., Ashley D. Concepts for Exploring the Social Aspects of Human–Wildlife Conflict in a Global Context // Human Dimensions of Wildlife. 2004. Vol. 4. P. 1-20. DOI: 10.1080/10871200490505765.
7) Доступно по адресу: https://wwf.panda.org/our_work/wildlife/problems/human_animal_conflict/. Дата обращения: 01.02.2020.

Литвинцев Денис Борисович

ООО УК «Маяк», Новосибирск, Россия

Многоквартирные дома в России: чем многолюднее, тем безответственнее

В России для большинства собственников жилых помещений в многоквартирных домах (МКД) характерны неорганизованность и пассивность, склонность к «государственному и муниципальному иждивенчеству», отсутствие навыков принятия коллективных решений. Основная масса жильцов инертна и проявляет крайне низкий уровень доверия к своим соседям и недостаточную степень выраженности чувства собственности, в том числе на общее имущество в МКД [3, с. 132].

Современный российский город - это «радикальная искусственная среда», воздействующая в значительной мере на поведение и привычки, а также на мотивацию индивидов, в частности, порождая стрессовые состояния вследствие скученности населения. Примером воздействия густонаселенных городов на поведение является «апатия наблюдающих»: люди смотрят на человека, нуждающегося в помощи, но не проявляют желания ему помочь. В крупных городах наблюдается безучастность людей к чужой проблеме, и возникает феномен «группового игнорирования» [4, с. 96].

Наиболее остро в городах стоит проблема с проведением общих собраний собственников помещений в МКД - управляющие организации (УК) и товарищества собственников жилья (ТСЖ) сталкиваются как с пассивностью собственников, так и с намеренным игнорированием общих собраний, без проведения которых невозможно ни провести благоустройство придомовой территории, ни передать в пользование общее имущество, ни утвердить перечень работ по содержанию общего имущества включая размер платы за содержание жилья.

Данные ежегодного социологического исследования ВЦИОМ «Осведомленность россиян о реформе ЖКХ» также свидетельствуют о том, что собственники помещений в большей степени заинтересованы в установке индивидуальных приборов учета коммунальных ресурсов и энергосбережении, нежели в решении проблем своего МКД [7].

Подобная ситуация безусловно складывается не во всех МКД - в домах малой и средней этажности достаточно высока концентрация соседских отношений, что позволяет собственникам проводить общие собрания и достаточно оперативно принимать любые решения по своему МКД.

Обратная ситуация складывается на высотных домах, объемы строительства которых в России растут с каждым годом [1] при том, что средний размер построенных квартир с начала 2000-х г. продолжает падать [9]. Основная масса жителей в таких домах разрознена и практически не общается между собой [5, с. 12]. Соседи даже по одной лестничной

клетке могут быть не знакомы друг с другом, что нередко отмечают и сами собственники [6, с. 4-5].

В целях выдвижения гипотезы о причинах данной проблемы целесообразно обратиться к результатам исследования Л. Бикмана и А. Тегера, которые Жо Годфруа коротко сформулировал как «чем многолюднее, тем безответственнее» [2, с. 97-98].

На первом этапе указанного исследования был проведен эксперимент с разбросанными в холе общежитий «потерянными» письмами, которые были запечатаны и проштампованы, но не имели обратного адреса. В результате эксперимента была подтверждена гипотеза о том, что в более населенных общежитиях студенты демонстрируют меньше помогающего поведения - всего 63% писем были отправлены, в то время как в средних и малых общежитиях эти показатели были 87% и 100% соответственно [10, с. 474].

На втором этапе был проведен опрос, результаты которого демонстрировали, что в более населенных общежитиях студенты проявляют меньше доверия друг к другу, меньше сотрудничают и проявляют меньше социальной ответственности, чем в менее населенных общежитиях. Аналогичные результаты были получены путем эксперимента с потерянными письмами и опроса студентов обоих полов Пенсильванского университета, что подтвердило отсутствие влияния пола студентов на помогающее поведение в общежитиях [10, с. 478, 485].

Таким образом, можно предположить, что на жителей в МКД его размеры влияют также, как и размеры общежитий на студентов в приведенном исследовании. Жители демонстрируют меньше помогающего поведения не только по отношению друг к другу, но и по отношению к общему имуществу, не принимая участия в общих собраниях по вопросам его обслуживания, ремонта и благоустройства.

Подобную гипотезу подкрепляют и результаты исследования Р. Данбара. Количество социальных связей, которые индивид в состоянии постоянно поддерживать находится в диапазоне от 100 до 200 и как правило равняется 150, что принято называть «числом Данбара». Так, средний размер общины гуттеритов, характеризующейся общностью имущества, составляет около 100 человек. Предельный размер фермерских сообществ - 150 человек. Численность сельской горной общины в Восточном Теннеси, члены которой связаны друг с другом и считают себя единой социальной группой, не превышает 200 человек. Даже академические сообщества зачастую соблюдают это правило, а большинство профессиональных армий имеют базовую единицу численностью не превышающую 150 человек [11].

Таким образом, численность жителей МКД, превышающая 150-200 собственников предположительно негативно влияет на плотность соседских связей, сплоченность и эффективность взаимодействия на общих собраниях вплоть до отказа от участия в них. При этом исследователи отмечают, что именно добрососедские отношения являются основой для грамотного и эффективного управления МКД, т.к. российское жилищное законодательство затрагивает интересы каждого из нас [8, с. 3-4].

Складывающаяся ситуация порождает немало конфликтов как между самими собственниками квартир в МКД, так и между собственниками и УК, ТСЖ и органами местного самоуправления.

Источники и литература

1) Ввод общей площади жилых домов по этажности в Российской Федерации / Строительство: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/stroit/stroi_et.xlsx (дата обращения 29.10.2019).

2) Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т. Т. 2 / Пер с фр. – М.: Мир, 1992. – 376 с.

3) Ермишина А., Клименко Л. В поисках эффективных собственников в многоквартирном доме // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. – № 4. – С. 105–136.

4) Ильмухин В.Н. Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН, серия Социология. – 2014. – №3. – С. 87-98.

5) Новиков В. В., Разворотнева С. В., Фролова О.Е. Многоквартирный дом: как эффективно управлять своим домом и решать возникающие проблемы. – М.: Редакция «Российской газеты», 2016. – Вып. 10. – 176 с.

6) Общее собрание собственников помещений / Е. В. Шерешовец, Е. И. Богомольный, Е. М. Блех, О. П. Аринцева. – М.: Проспект, 2017. – 64 с.

7) Общероссийское социологическое исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) «Осведомленность россиян о реформе ЖКХ», проведенное в июне 2019 года / Государственная корпорация Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства [Электронный ресурс].

– Режим доступа: http://fondgkh.ru:443/upload/iblock/f78/f78067da1456089eb71752b8b2dea1ee.pdf (дата обращения 29.10.2019)

8) Фролова О. Е., Сохранов С. С., Яременко С. А., Шепс Р. А. Управляйте домом правильно: что нужно знать собственнику жилья. – М.: Редакция «Российской газеты», 2017. – Вып. 20. – 176 с.

9) Число построенных квартир в Российской Федерации и их средний размер / Строительство: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/stroit/stroi134.xls (дата обращения 29.10.2019).

10) Bickman L., Teger A., Gabriele Th., McLaughlin C., Berger M., Sunaday E. Dormitory Density and Helping Behavior // Environment and Behavior. – 1973. – vol. 5. – PP. 465–490.

11) Dunbar R. I. M. Coevolution of neocortical size, group size and language in humans // Behavioral and Brain Sciences. – 1993. – 16 (4). – PP. 681–735.

Лядова Анна Васильевна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Конфликт интересов в системе "врач-пациент" как отражение социального неравенства в сфере здоровья

Согласно теории конфликта Р.Дарендорфа, основа социальных конфликтов заложена в структуре обществ [1]. Поэтому возникающие противоречия во многом обусловлены уровнем баланса социальных позиций и ролей конфликтующих сторон. В условиях современного социума, определяемом как общество неопределенности и риска и характеризуемом усложнением социальной реальности, складываются новые основания социальных конфликтов, что по мнению Р.Дарендорфа, во многом детерминировано социальным неравенством [1].

Проблема социального неравенства в современном социуме представляет одно из самых актуальных направлений как общественного, так и научного дискурса. По определению экспертов, «социальное неравенство - это глобальная социальная проблема, отягощающая жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу» [2, с.53]. Поэтому ее решение является одной из приоритетных целей, как указано в «Повестке дня в области

устойчивого развития на период до 2030 год», принятой в 2015 году 193 странами-участниками ООН [3].

Из анализа существующих теоретических подходов очевидно, что социальное неравенство - это глобальный феномен, отражающий социальную структуру современного общества и затрагивающий все сферы его жизнедеятельности, что обуславливает разнообразие форм рассматриваемого феномена: трудовое, гендерное, расовое неравенства и т.п. [4, с.124; 5, с.1].

В сфере здоровья социальное неравенство рассматривается как источник различий в уровне здоровья, возникающих вследствие неравномерного распределения в условиях существующей социальной стратификации ресурсов, необходимых для поддержания и сохранения своего здоровья [6]. В данном аспекте под ресурсами понимается не только доступность медицинской помощи, но и возможность в полной мере реализовать свое право на охрану здоровья как высшей человеческой ценности наряду с жизнью.

Однако проблема заключается в том, что в современном обществе, для которого по мнению немецкого исследователя Н.Больца [7, с.13], потребление стало образом жизни, здоровье также становится объектом манипуляций и товарно-денежных отношений, что, на наш взгляд, и порождает соответствующий конфликт «интересов» в системе отношений «врач-пациент».

В рамках структурного функционализма Т.Парсонса, медицина как социальный институт имеет соответствующую структуру с определенными правилами, закреплёнными статусами и ролями, где главными акторами выступают представители медицинской профессии и пациенты [8]. Однако с конца прошлого столетия после перехода к доказательной медицине, развитию информационных технологий, глобализации, медицина как социальный институт претерпела значительные изменения. Прежде всего, они связаны с изменением основ медицинской практики, переходом от иерархической патерналистской модели во взаимоотношениях между врачом и пациентом, к коллегиальной и договорной, когда пациент становится активным участником процесса принятия решения в отношении дальнейшего лечения [9]. Кроме того, благодаря современным коммуникационным технологиям медицинское знание превратилось из секретного материала, обладание которым придавало врачам особый мистический статус чудотворцев, в доступную информацию, изложенную на популярных сайтах и в телешоу о здоровье и болезнях. В результате произошла смена ролей и статусов врача и пациента: врач из «патрона» превратился в советника и информатора, а пациент - из роли

пассивного участника в «заказчика и потребителя медицинской услуги». Данные трансформации способствовали распространению в сфере здоровья идеологии консьюмеризма, когда здоровье из ценности перешло в категорию товаров, что также усилило процесс коммерциализации врачебной практики и привело к трансформации заложенной медицинской этикой и деонтологией идеи пользы и преобладания интересов пациента и его здоровья, поставив их на одни весы с вопросами материальной и личной выгоды, что, на наш взгляд, и обуславливает активно развивающийся конфликт в этой сфере.

Анализ соответствующих публикаций по данной проблеме, а также результаты авторского социологического исследований, позволяют выделить следующие типы конфликтов интересов в системе «врач-пациент»:

1) институциональный;
2) межличностный;
3) ценностный;
4) мотивационный;
5) статусно-ролевой [10, 11].

Рассматривая факторы, их детерминирующие, становится очевидным, что преодоление этих конфликтов зависит от решения, прежде всего, проблемы социального неравенства в отношении здоровья, что в современном социуме, как считает Н.Больц, возможно при условии четких правовых гарантий и механизмов для их реализации [6].

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», проект № 18-011-01106).

Источники и литература

1) Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерк политики свободы. М., 2002.

2) Осипова Н. Г. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, social anthropology, social demography and social psychology. 2013. Vol. 2. N VII.

3) United Nations. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. Available at: http://www.un.org/sustainabledevelopment /health/ (дата обращения: 12.01.2020).

4) Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и полито-

логия. 2019;25(4):124-153. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153 .

5) Therborn G. The Killing Fields of Inequality. Cambridge: Polity Press, 2013.

6) Marmot M. Health inequalities in the EU. Final report of a consortium. 2013. doi:10.2772/34426.

7) Больц Н. Размышление о неравенстве. Изд.дом Высшей школы экономики. Москва, 2019.

8) Parsons T. The social system. NY Free Press, 1951.

9) Лядова А.В., Лядова М.В. От патернализма к консюмеризму: смена парадигмы взаимодействия врача и пациента // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 6. С.1-7.2019

10) Garattini L., Padula A.,Mannucci P.M. Conflicts of interest in medicine: a never-ending story // International Emergency Medicine. 2020. No. 15. P.357–359. https://doi.org/10.1007/s11739-020-02293-4

11) Lo B., Grady D. Payments to physicians: does the amount of money make a difference? // Journal of America Medical Association. 2017. V. 317(17). P.1719–1720.

Ляховенко Олег Игоревич

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, Москва, Россия

Политические конфликты в "умном городе": концептуальные рамки и основные измерения

Несмотря на растущую популярность концепта «умный город» в научной среде и общественном дискурсе, в настоящее время данный феномен еще не в полной мере концептуализирован. В самом общем виде можно выделить несколько направлений, в рамках которых происходит концептуализация понятия «умный город» [1, с. 32-34]. Общим для всех подходов так или иначе является широкое использование в городском развитии и управлении цифровых и информационных технологий, преобразующих городскую среду, все виды коммуникаций, а также повседневные практики горожан.

В данной работе в фокус внимания ставятся политические риски, возникающие в сфере городского управления и городского развития по мере

трансформации обычных городов в «умные». С учетом данных рисков предлагаются основные типологии конфликтов, которые будут развиваться в умных городах (насколько данные процессы можно прогнозировать). Ключевой тезис автора состоит в том, что невозможно вывести универсальную формулу разрешения таких конфликтов, иначе как через учет всей совокупности привходящих факторов, включая политическую составляющую.

Первое большое измерение конфликтов в «умных» городах лежит непосредственно в плоскости городского управления. На текущий момент можно прогнозировать, что по мере развития «умных городов» будут нарастать противоречия между «технократической» и «политической» логиками управления. «Технократическая» логика исходит из того, что «профессионалы» и отраслевые специалисты лучше понимают цели, задачи и проблемы городского развития и поэтому способны предлагать перспективные решения, даже если в краткосрочной перспективе такие решения будут вызывать общественное напряжение (или даже отторжение). Классический пример - это резкое сопротивление жителей значимым проектам городского переустройства, реновациям, строительству новых магистралей и т.д. При этом даже если люди в целом «не против» конкретных мер, чаще всего они против того, чтобы эти меры были реализованы «у них под окнами». «Политическая» же логика исходит из того, что решения в городском управлении должны быть непосредственной проекцией (средней результирующей) некоего «общественного мнения» и «консолидированной позиции жителей».

При согласовании двух логик - «экспертно-технократической» и «социально-политической» - возникает следующий контур напряжения (как в электоральный период, так и между электоральными циклами). На одном полюсе находится требование «прямой демократии» и буквального учета требований граждан (на выборах речь может идти о выдвижении кандидатов с «народной повесткой»), на другом - использование различных опосредующих (вплоть до имитационных) процедур, технологий и площадок, которые должны будут, в большей или меньшей степени опираясь на коллективное мнение, все-таки оставить последнее слово за «экспертами», «профессионалами», «управленцами».

При этом нельзя утверждать, что «политическая» либо «экспертная» логика по умолчанию является выигрышной, а альтернативный подход - ошибочен. Уже сегодня городское управление знает массу примеров, когда необходимые, но «непопулярные» решения откладываются по политическим мотивам, а опирающиеся на непосредственное народное воле-

изъявление решения неисполнимы. В этой ситуации крайне важно будет находить баланс, «золотую середину» между этими направлениями.

При этом, безусловно, большую роль в акселерации городской конфликтной повестки будет играть общее ускорение темпов социальных изменений, которые будут сопровождать имплементацию и развитие «умных городов». Полюсами противоречий в этом случае будут общий обывательский консерватизм (как разумный, так и гипертрофированный, направленный на сопротивление любым изменениям «места, в котором прошло детство»), с одной стороны, и стремление угнаться за самыми передовыми техническими и управленческими инновациями (подчас принципиально необходимыми для поддержания эффективности городского хозяйства).

Отдельно следует отметить проблему несовпадения политических и технических циклов. Реализация конкретного проекта может выходить за пределы срока полномочий конкретного руководителя или выборного органа. Соответственно, уже в первом приближении речь может идти о том, что решения (не всегда удачные) будет принимать одна управленческая команда, а реализовывать их другая, либо сроки завершения проектов (и наступление ответственности) будут находиться за пределами любых политических горизонтов (например, через 10-15 лет), либо при смене управленческой команды будет меняться вся парадигма городского развития, притом что средства, ресурсы и время уже были потрачены на определенный набор мер, и т.д.

С другой стороны, при «разведении» политических циклов и собственно администрирования сложных городских проектов может возникнуть ситуация, когда демократические процедуры влияют на персональный и партийный состав отдельных госорганов, но не способны повлиять на «реальных» менеджеров, управляющих городскими предприятиями и проектами.

Кроме того, отметим также проблематику зависимости от используемых технологий и ранее принятых решений (рамочно обозначаемую понятием “path dependency”). Зачастую выбор конкретного производителя оборудования и поставщика технологий для «умного города» будет определяющим - в том смысле, что заменить его, не разрушая и не подвергая риску коллапса всю городскую инфраструктуру, может быть крайне сложно или в принципе невозможно.

Источники и литература

1) Формирование социально-политической концепции "умный город": мировой и российский опыт // под ред. И.А. Василенко — Компания КноРус Москва, 2019.

Малахова Светлана Игоревна
факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социально-политические конфликты в глобальном мире

Экстремизм в переводе с латинского означает предпочтение крайних средств, преимущественно насильственного характера, для достижения собственных целей. В области политики проявление экстремизма связано со стремлением дестабилизировать общественные и политические институты данного государства. При этом используются методы призыва к насилию, демагогии, приемы партизанской войны и террористические акты. Экстремизм характеризуется такими чертами как бескомпромиссность и действие по принципу «все или ничего». Фундаментальные основы экстремизма в области идеологии проистекают из национализма, религиозного фундаментализма и радикальных идеологических концепций [2].

Политический экстремизм в своем крайнем проявлении насилия называется терроризмом. Слово террор в переводе с латинского означает страх или ужас. Поэтому главной целью террористов является деятельность, вызывающая состояние страха или ужаса не только у людей, которых они взяли в заложники, но и у всего остального населения. В конце 20 века проблема терроризма как социального феномена с разрушительными масштабными последствиями и проблема противодействия террористам стала главнейшей не только для отдельных государств, но и для всего мирового сообщества. Появление международного терроризма как антигосударственного образования в международном масштабе демонстрирует не только возможность успешного противостояния отдельно взятому государству, но и возможность противостояния самой идее государственности. Преодолевая все пункты досмотра, которые противопоставляют им государства, опирающиеся на свои формализованные структуры, террористы взрывают, таким образом, символы государственности. Являясь по своей сути порождением глобализации, терроризм следует ее главным заповедям, которые гласят, что каждый должен быть услышанным и каждому должно быть предоставлено пространство для высказываний. А так как терроризм считает себя обделенным в этих сферах, то он появляется только в цивилизованном мире,

только как шоу, перед объективами теле- и фотокамер, и только там где эти камеры и гласность имеют место быть. При этом убийство заложников, которые являются символом государственной системы, демонстрирует убийство этой системы в лице заложников, подобно тому, как государственная система убивает и самих террористов. В этом противостоянии двух разных способов организации, формальных и неформальных, все развитые государства в мире готовы интегрироваться в формальную структуру против неформального объединения террористов. В противном случае идея государства как системы формализованных связей и структур теряет свой смысл, потому что любое государство создается для того, чтобы защитить своих граждан и обеспечить для них урегулирование взаимоотношений с помощью законного и одинакового для всех свода правил. Однако современные террористы демонстрируют несостоятельность государств выполнить эти обязательства перед своими гражданами [4].

Деятельность террористов может очень сильно дестабилизировать общество, посеять страх, неуверенность и недоверие к институтам власти, независимо от того, какую идеологию проводит в жизнь данное правительство. Особенно разрушительными действия террористов могут оказаться для демократических государств, в которых возмущение граждан может проявиться в поддержке на выборах того кандидата, который единственным своим обещанием сделает решение проблемы терроризма [3].

Таким образом, негативные последствия терроризма проявляются не только в разрушении материальных ценностей и гибели ни в чем не повинных граждан, но и в нестабильности международных отношений, дестабилизации политической ситуации внутри отдельных государств, снижением деловой активности в регионах с высокой террористической угрозой, ведущей к серьезным экономическим потерям. Террористические акты в мировом масштабе приводят к снижению межэтнической толерантности, способствуя возникновению психологического переживания террористической угрозы и формируя у граждан субъективную оценку риска стать жертвой теракта. Что может противопоставить цивилизованный мир терроризму? Современное общество не может дать однозначный ответ на этот вопрос. Как пишет один из исследователей терроризма А. Агеев «. . . может быть, самое лучшее, что может придумать цивилизованный мир в качестве ответа варварству, - продолжать, как ни в чем не бывало прежнюю жизнь. Помня об угрозе и всячески готовясь к ее отражению, но без чрезвычайности. В конце концов, стоять на своем - на своих гуманистических ценностях, на выработанных

десятилетиями законах международного права - это тоже способ ведения войны. А войн без потерь и даже временных поражений не бывает» [1].

Источники и литература

1) Агеев А. Наступил XXI век. // Профиль. 2001. № 34. С. 7.
2) Безносов Д.С., Почебут Л.Г. Психологические аспекты экстремизма и терроризма.//Вестник СПбГУ. Сер.12. 2010. Вып.1.
3) Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
4) Ольшанский Д.В. Психология терроризма. Издательство: Питер. 2002.

Мацевич-Духан Ирина Янушевна

Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Региональная дискриминация в креативном обществе

Выделение в социальном пространстве и времени зон и целых регионов, которые призваны аккумулировать креативный капитал, приводит к дифференциации мира на креативные и депрессивные регионы. На основе такой дифференциации выделяются критерии, позволяющие производить *дискриминацию* в пользу представителей креативного класса, *исключать* из публичного пространства креативной экономики тех субъектов, кто не способен найти своё место в сети креативных акторов. В то же время, в соответствии с новыми критериями отбора достаточно широкого разнообразия социальных субъектов, креативное общество создаёт видимость дисциплинарной инклюзивности и толерантности, применяя свои фильтры для выявления тех акторов и регионов их жизни, которые вписываются в определения экономически привлекательной креативности. Рассмотрим некоторые из данных критериев и продемонстрируем способы иерархического структурирования картины мира в рамках концепции креативного класса.

Творческая личность ищет условий, способствующих реализации её таланта, и соответствующей атмосферы, вдохновляющей её на новые эксперименты. Для выбора места жизни, временного или постоянного, она руководствуется множеством критериев оценки, которые американский социолог Р. Флорида собрал воедино в своём индексе «3-х Т»: показатели

развития таланта, технологий и толерантности [1]. Если первоначальные выводы Р. Флориды о наиболее привлекательных городах с точки зрения креативного класса касались преимущественно США, то в последующие годы он попытался спроектировать их на картину мира в целом и обозначить на ней наиболее привлекательные с экономической и культурной точек зрения места для работы и жизни креативного класса [2].

Современная социальная наука часто прибегает к системе оценок в рамках международных индексов развития регионов по разным показателям [2; 3], не всегда критично оценивая условность их построений и характер компиляции данных в их поддержку. Количество графиков и схем, математический язык их обоснования часто заставляют принять аргумент в качестве валидного, несмотря на отсутствие очевидных посылок и ясности выведения из них ключевого тезиса.

Одним из подобных рейтингов является индекс креативности. Р. Флорида совместно с шведским экономистом Ш. Меландер и канадским экономистом и географом К. Кинг опубликовали *глобальный индекс креативности*, в котором ряд стран обозначены белым цветом в силу отсутствия достаточных статистических данных по отдельным категориям: например, на карте «глобальный креативный класс» [2, p. 15]. Эта карта отображает способность каждой страны «накапливать в себе креативный класс» [2, p. 14]. Последний включает «работников науки, технологов и инженеров; представителей сфер искусства, культуры, развлечения и медиа; работников в сфере бизнеса и менеджмента; а также в сфере образования, здравоохранения и законодательства» [2, p. 15].

Этот индекс создавался в рамках урбанистического проекта института «Martin Prosperity Institute» университета Торонто, исследующего роль городов как ключевых экономических и социальных организующих элементов глобального капитализма. Институт специализируется на исследовании оснований демократической капиталистической экономики, способствующей устойчивому и широко распространяющемуся процветанию. Продукт деятельности данного института в форме международного индекса призван показать проблемные и преуспевающие регионы, однако, не столько с целью исправить ситуацию, сколько с целью привлечь высококвалифицированные и талантливые кадры в наиболее перспективные области с точки зрения теории креативного класса для творческой самореализации современной личности.

Визуализации «наиболее качественной жизни» [2; 3] заставляют сформулировать вопрос о том, насколько этически приемлемыми являются такого рода карты и рейтинги, где целые регионы подвергаются *дискриминации* в силу отсутствия соответствующей информации. По-

добные руководства по дискриминации городов, государств и их граждан превращаются в современные краткие пособия «dolce vita» для молодого поколения, ищущего простого и быстрого объяснения того, что значит быть успешным в современном мире. Им предлагается освоить краткое введение в курс по соответствующему *стилю жизни*, свидетельствующему о прогрессе «первого мира», отображающемся в цифрах отдельных статистических показателей. При этом вопросы о критериях оценки определённой формы развития в качестве универсального социального и морального прогресса выходят за рамки компетенций подобных пособий.

Такого рода дискриминация может приводить к социальной напряжённости и возникновению новых форм конфликтов в борьбе личности, социальных групп и целых регионов за признание их креативного потенциала, за позитивную оценку международного сообщества и возможные поощрения их деятельности с помощью дальнейших финансовых и символических инвестиций.

Источники и литература

1) Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life / R. Florida. – New York: Basic Books, 2002. – 404 p.
2) Florida R., Mellander C. and K. King The Global Creativity Index 2015 / Martin Prosperity Institute [Electronic resource]. – Mode of access : http://martinprosperity.org/wp-content/uploads/2015/07/Global-Creativity-Index-2015.pdf. Date of access : 10.01 2020.
3) Kälin and Kochenov's Quality of Nationality Index: Nationalities of the World in 2018 /ed. by D. Kochenov, Dimitry and J. Lindeboom. – Oxford: Hart Publishing, 2020 – 224 p.

Мохначев Сергей Анатольевич

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Ижевск, Россия

Сфера воспроизводства научных кадров как объект социальной конфликтологии

В современной России социальные конфликты получают своеобразное проявление, в том числе и в сфере воспроизводства научных кадров. Ежегодно количество поступающих в аспирантуру уменьшается, уменьшается и выпуск из аспирантуры, в том числе с защитой диссертации.

Так если в 2010 году из аспирантуры в России было выпущено около 34 тыс. человек, то в 2016 году около 26 тыс. человек. В 2010 году защитили диссертации 9,6 тыс. человек, в то время как в 2016 году только 3,7 тыс., при этом эффективность аспирантуры составила соответственно 28,4% и 14,3% [2, с.81]. В этой сфере налицо негативная тенденция подготовки кадров высшей квалификации. Очевидно, что здесь необходимо создавать мотивы для научных исследований, проводимых по приоритетным научным направлениям, обозначенным в соответствующих нормативно-правовых актах Президента и Правительства РФ. Причем мотивировать необходимо именно молодых ученых, не допуская массового их ухода в производство, где нет необходимости в наличии диплома кандидата наук.

Еще хуже обстоит дело с докторантурой. Так если в 2010 году было принято 1650 докторантов, выпущено 1259, в том числе с защитой 336, то в 2016 году принято в докторантуру 397 чел., выпуск 1346, защит диссертаций 151. Эффективность докторантуры в 2010 году 26,6%, в 2016 году 11,2% [2, с.82].

Суженный процесс воспроизводства кадров высшей квалификации также является одной из главных проблем практически любого учебного и научного заведения. По данным Росстата за 2016 год, 73,3% персонала занятого исследованиями и разработками имеет высшее образование, а в образовании этот же показатель составляет 54,2%. Все это не способствует повышению качества образования и научных исследований.

Нехватку кадров преподавателей часть стран решает путем привлечения в университеты высококвалифицированных кадров из-за рубежа. К примеру, в США по имеющимся данным [3], в середине первого десятилетия 21 века доля иностранцев среди преподавателей инженерных наук составляла 26%, в прикладной и теоретической математике - 33%, в физике - 22%. В начале века доля постоянно проживающих в США докторов наук - выходцев из-за рубежа составила 37%. В основном, это ученые из Азии и Европы с преобладанием таких стран, как Индия, Китай, Великобритания, Тайвань, Канада, Южная Корея.

В 2016 году Росстатом совместно с ВШЭ был проведен опрос. На первый вопрос «Как Вы отнеслись к тому, чтобы ваш ребенок стал ученым?» 57% респондентов ответили, что были бы очень огорчены таким выбором, а 32% были бы рады. На второй вопрос «Хотели бы Вы видеть научным сотрудником своего сына, дочь?», 60% респондентов ответили - скорее нет, а 32% - скорее да.

Таким образом, значительная часть респондентов не считают престижной работу в научной сфере. Исходя из этого, необходимо созда-

вать финансовые мотивы для молодых ученых, что очевидно поднимет престижность научной деятельности.

Выявление и разрешение имеющихся в сфере воспроизводства научных кадров противоречий и конфликтов требует глубокого анализа организации и разделения труда, системы ролей и статусов, распределения власти и управления, регулирования изменений, выявления базовых ценностей.

Существует два аспекта социального конфликта: статический и динамический. Статический аспект характеризует субъекты конфликта и отношения между ними, условия и факторы конфликта, причины и особенности конфликтной ситуации. Динамический аспект требует изучения интересов, целей и задач субъектов конфликта, побудительных сил и особенностей его развития. Динамика конфликта предстает как совокупность ответных реакций на стимулы, по схеме «стимул—реакция» [1, с.182].

На наш взгляд, для сферы воспроизводства научных кадров применима предложенная Черкасской Г.В. [4, с.21] содержательная классификация конфликтов в социально-экономических системах по сущности противоречий (или первопричине), которая носит достаточно общий характер и включает следующие типы противоречий, дающие название и группам (классам) конфликтов:

1) системные противоречия (в т. ч. организационные, структурные, коммуникационные), вызванные погрешностями системного (организационного) дизайна;

2) ресурсные, вызванные величиной и принципами формирования и распределения ресурсов в системе;

3) социально-трудовые, вызванные дефектами соотношения трудового вклада и полученной доли произведенного совместно продукта (здесь имеется в виду труд как живой, так и овеществленный);

4) информационные, вызванные дефектами информации (внутренней и внешней по отношению к системе);

5) персональные, вызванные индивидуально-психологическими особенностями личностей (в системе), а также их субъективным восприятием друг друга, соответствующих статусов и выполняемых ролей.

Учитывая, что такая классификация является общей, поскольку полностью исчерпывает сущностное многообразие взаимодействия в социально-экономических системах, способное создавать, проявлять и разрешать социальные противоречия, требуется проведение дополнительных исследований социальных конфликтов в сфере воспроизводства научных кадров.

Источники и литература

1) Акулич М.М. Противоречия и конфликты современного российского образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 1. С. 175-188.
2) Колесников А.В. Проблемы финансирования инновационного развития // Земля. 2019. №2. С. 78-86.
3) Супян В.Б США: Человеческий потенциал в "экономике знаний"// Россия и Америка в XXI веке. 2009. № 3. С. 12.
4) Черкасская Г.В. Систематизация конфликтов в социально-экономических системах в контексте теории управления социальными конфликтами // Экономика нового мира. 2017. № 4 (8). С. 4-25.

Немчина Вера Ивановна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Фантомный формат персональной идентичности в цифровом мире

В современном информационном обществе имеет место процесс, который В.Дамье называет «приватизацией в социальном смысле этого слова»[1]. Общество становится приватным, ориентированным к индивидуальным, частным, личностным интересам. Оно даже становится не обществом вообще в традиционном смысле. Ф.Хайек даже предлагает не использовать термин «общество» по отношению к анализу современного общественного состояния[3]. Атомизация общества - цивилизационный процесс. Э.Фромм подчеркивал, что атомизация и индивидуализация есть выражение осознания человеком себя как социального субъекта и даже как элементарной социальной структуры[2]. Но, в то же самое время, происходит ослабление, а порой даже разрушение традиционных общественных связей.

Можно констатировать, что произошло переструктурирование всего социального пространства и всей системы общественных отношений, что имеет своим следствием и переструктурирование механизмов идентификации. Соответственно то, что называется «ломкой идентичности», «конфликтом идентичностей» или «кризисом идентичности» является отражением процесса массовой социальной и личностной дезориентации.

Это самым существенным образом сказывается на формировании идентичности и усиливает ее дихотомичность и расщепленность.

Идентификационный процесс всегда основывается на определенной системе ценностей. Для идентификационного процесса в информационном обществе (как и вообще в любом обществе нового типа) характерны так называемые инверсированные, т.е. перевернутые ценности.

Они особенно присущи информационному обществу, поскольку в нем осуществляется резкий (по меркам исторического времени) отход от традиционных ценностей, которые составляли базис идентификационного процесса. Традиционные или классические ценности - это ценности принадлежности к определенной социальной группе (семье, этносу и т.д.). В обществе нового типа осуществляется начинают доминировать ценности пользы (утилитаризма), удовлетворения (гедонизма), достижения цели (прагматизма).

В информационном обществе, основанном на доминировании информации, знания, творчества, саморазвития, квазидуховности, творческого развития и автономии личности, традиционные и классические ценности как бы выпадают из информационного пространства. Они имеют место быть, но теряют свое доминирующее значение. Более того, сужается сфера их действия: они эффективны лишь так, где еще относительно стабильными являются патриархальные отношения.

При этом созданный информационным обществом глобальный цифровой мир обнаруживает себя как фантом. Ценности этого мира, мира господства информационных технологий, медийного мира, мира массового воздействия на психику каждого индивида средствами рекламы, также фантомы, но это доминантные фантомы. Такими же фантомами выступают и ценности традиционного и индустриального общества. Но это уже не доминантные фантомы.

Фантомы информационного общества - это его информационная реальность, основанная на высоких информационных технологиях. Они есть научное, инженерное и технологическое достижение. Но вместе с этим, фантомы оказывают существенное влияние на индивидуальное и массовое сознание, соответственно, они трансформируют и идентификационный процесс и меняют идентичность индивида.

В социальном плане фантомы изменяют социальные топологические (пространственные) и темпоральные (временные) пропорции, меняют масштаб социальных событий, трансформируют представления о правде и неправде, истине и лжи, размывают границы между реальностью и иллюзиями. Можно сказать, что они конституируют индивидуальное и

социальное бытие индивида, трансформируют его и порождают новое бытие, в котором индивид и идентифицирует себя.

И именно в этом технологически развитом социуме, в сложных операционных системах, обеспечивающих глобальное информационно-коммуникационное взаимодействие, и происходит реализация активности и самовыражения, презентации и самопрезентации индивидов, реализуется их общение, удовлетворяются их информационные потребности в развитии, образовании, коммерческой деятельности, в отдыхе, досуге и прочих человеческих потребностях. Это означает, что в этом электронном мире человек реализует себя, познает окружающих, соотносится с их потребностями, интересами и ценностями, т.е. в этом новом мире он формирует свою индивидуальную, а лучше, персональную идентичность.

Соответственно этому, усложняется и идентификационный механизм социума: кроме традиционной идентичности в реальном социуме, которая реализуется под влиянием традиционных социальных институтов таких, как социальный институт семьи, институт воспитания и образования, институт социализации и социальной адаптации, начинают действовать как новые факторы идентификации, неинституциональные системы и фантомные структуры виртуальной реальности, порождая новый формат фантомной персональной идентичности.

Источники и литература

1) Дамье В. Атомизация общества и социальная самоорганизация // [Электронный ресурс]. URL: http://www.rulit.me/author/dame-vadim/atomizaciya-obshchestva-i-socialnaya-samoorganizaciya-rossijskij-kontekst-download-free-197587.html Фромм Э. Бегство от свободы / Перевод Г. Ф. Швейника. — Москва: Аст, 2011. — С. 188 с. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. — М.: Изограф, 2000. — С. 156 с

Никитаев Дмитрий Михайлович

АНО Институт свободы совести город Москва, Москва, Россия

Эффективная реализация принципа светскости государства как важное средство решения кризиса глобального общества: проблемы и перспективы

В современном мире происходит усложнение и глобализация общественных отношений. Данные процессы происходят объективно, характеризуются необратимостью, затрагивают всех [1]. Их противоречивость

лежит в основе кризиса современного общества, где ключевую роль играют этноконфессиональные барьеры [2]. В данной связи, возникает необходимость исследования значения в эффективной реализации принципа светскости для преодоления упомянутых барьеров и преодоления решения кризиса глобального общества. В научной литературе сформулированы различные подходы к понятию «глобализация». Данное понятие рассматривается юристами, социологами, политологами [3, с. 239]. Для всех подходов общими являются следующие черты- взаимная связь, взаимная зависимость, формирование единой общей упорядоченной системы [4, с. 228].

В юриспруденции глобализация - это единый объективный, противоречивый и неравномерный процесс, направленный на формирование единой планетарной техносоциоприродной системы, завершение которой должно привести к качественно новому состоянию глобальности [5, с. 36].

Выработка понятийного аппарата в сфере глобализации будет способствовать, уяснению ее сущности, развитию глобальных исследований и решению глобальных проблем.

Неравномерное развитие подсистем обуславливает возникновение глобальных проблем, угрожающих развитию цивилизации. При развитии экономической, информационной подсистем, политическая и правовая отстают. Представляется возможным решение политической подсистемы через правовую.

Как утверждает А.В. Леопа, глобальный системный кризис - это социокультурный кризис, частный случай масштабного явления, который охватывает все стороны общественной жизни в масштабах мира. Данный кризис обусловлен цивилизационным переходом с экстенсивного пути развития [6, с. 18]. Согласно позиции А.Г. Дугина, глобальное общество - это новый социологический концепт, связанный с процессами глобализации, осмысленными в парадигмальных основаниях [7, с. 134].

Для выживания человеческой цивилизации необходимо преодоление разделительных принципов, затрудняющих коммуникацию и препятствующих решению глобальных проблем [2, с. 10]. Реализация принципа светскости является важным условием достижения согласия и решения кризиса глобального общества.

Современные проблемы принципа светскости государства подразделяются на теоретические и практические [8, с. 90]. Их решение будет способствовать эффективной реализации права на свободу совести и иных прав человека. Следует выработать понятийный аппарат в сфере свет-

скости, свободы совести, совершенствовать принципы и нормы международного права [9, с. 35].

Нарушение принципа светскости государства способствует возникновению конфликтов. Как указывает Н.В. Чудинова, в условиях глобализации встает вопрос о проблемах национальной культуры, идентичности [10, с. 132]. В данной связи, упомянутый принцип выступает как важное условие сохранения мира и согласия.

В итоге отметим, что в современном мире объективно усложняются общественные отношения и происходит формирование единой глобальной системы, состоящей из подсистем. Неравномерное развитие подсистем общества обуславливает возникновение кризиса, порождает глобальные проблемы. Эффективная реализация принципа светскости государств будет способствовать преодолению разделительных принципов, и решению глобальных проблем.

Источники и литература

1) Чумаков А.Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. Выпуск №2 (14)/2014. С. 39-51.

2) Buryanov S.A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization: The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018. 228 p.

3) Никитаев Д.М. Права человека и толерантность в условиях глобализации общественных отношений // Международная защита прав человека и государственный суверенитет. Материалы научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.А. Сошниковой. 2015. С.239-243.

4) Гринин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. М. 2013. 282 с.

5) Бурьянов С.А. Некоторые подходы к определению понятия глобализации образования в контексте проблемы формирования системы управления глобальными процессами в интересах устойчивого развития // Ценности и смыслы. 2017. №6. С. 36-49.

6) Леопа А.В. Глобальный системный кризис: особенности и причины // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. №143. С. 15-18.

7) Дугин А.Г. Социология глобального общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. №2. С. 133-143.

8) Никитаев Д.М., Бурьянов С.А. К вопросу о современном определении понятия и содержании светскости государства // Современный юрист.2019. 3(28). С. 85-96.

9) Никитаев Д.М. Проблемы реализации свободы совести в современных России и мире: монография/ Д.М. Никитаев, С.А. Бурьянов/ под науч. ред. С.А. Бурьянова. М.: РУСАЙНС, 2020. 146 с.

10) Чудинова Н.В. Социологическое осмысление глобализации как нового общественного феномена // Вестник ПАГС. 2008. №2. С. 128-133.

Никитина Алена Сергеевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Актуальные конфликты муниципальной молодежной политики

В настоящее время необходимо проведение эффективной молодежной политики в муниципальных образованиях. Практическое значение изучения данной темы необходимо для совершенствования механизмов управления молодежной политикой, повышения ее эффективности и результативности.

Цель исследования - определить ключевые проблемные зоны реализации муниципальной молодежной политики и предложить рекомендации по ее совершенствованию для г. Екатеринбурга.

Муниципальная молодежная политика регулируется нормами международного, федерального, регионального и местного законодательства.

В результате исследования деятельности Комитета по молодежной политики Администрации города Екатеринбурга были выявлены следующие проблемы:

1. Отсутствие федерального закона «О молодежной политике». Отсутствие единого федерального закона приводит к разногласиям в вопросах интерпретации и трактовки ключевых дефиниций, понятий, определений в сфере молодежной политики. Отсутствие федерального зако-

на осложняет организацию работы и регулирование отрасли. Подтверждением этого служат мнения опрашиваемых экспертов: «Считаем, что принятие базового нормативно-правового акта необходимо. Во-первых, чтобы регулировать достаточно большую сферу общественных отношений, чтобы прописать базовые понятия, исключить юридические неточности, некомпетентность, незнание юридических органов местного самоуправления. Это сразу же упростит задачу работы местного самоуправления, регионального уровня. Поэтому считаю, что он нужен».

Для решения выявленной проблемы рекомендуем:

Государственной Думе РФ осуществить разработку и принятие Федерального Закона, что обеспечит системную институционализацию государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации, и эффективной самореализации молодёжи, для развития её потенциала и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие, обеспечение конкурентоспособности молодёжи и укрепление национальной безопасности.

2. Отсутствие системы информирования молодых людей по всему спектру вопросов жизни молодежи в обществе. В результате проведенного социологического опроса выявлено, что молодые люди часто не имеют доступа к информации о потенциально интересующих их проводимых молодежных мероприятиях и программах. Нет единого информационного портала в городе, который бы мог в полном объеме удовлетворить все запросы молодого поколения, касающиеся досуга, мероприятий образовательных и развлекательных, а также помощи любого характера, например, социальной или психологической.

Для решения выявленной проблемы рекомендуем:

Комитету по молодежной политике разработать Положение об информационном обеспечении молодежной политики, а также разработать подробную структуру сайта: какие разделы должны освещаться, наполнение разделов. Необходимо назначить ответственных по реализации информационного обеспечения молодежи с помощью официального сайта Администрации. С целью повышения прозрачности деятельности Комитета рекомендуем опубликовывать на сайте ежегодные отчеты о проделанной работе, а также результаты проводимых соц. опросах о состоянии и проблемах молодежи Екатеринбурга.

3. Несовершенство официального сайта Комитета по молодежной политике «молодежь.екатеринбург.рф». Как следствие предыдущей проблемы, поиск необходимой информации для молодежи на сайте затруднителен. Проблема недостаточной информированности во многом обусловлена неэффективной работой официального сайта. В ходе анали-

за сайта было выявлено, что многие разделы не обновляются, последние проведенные мероприятия датируются 2018 годом, а многие вкладки находятся в разработке. В целом навигация сайта, его структурированность оставляют желать лучшего.

Для решения выявленной проблемы рекомендуем:

Комитету по молодежной политике модернизировать существующий сайт, обновить устаревшую информацию, проработать функционал сайта с учетом интересов и удобства для пользователей.

4. Отсутствие периодического мониторинга динамично меняющейся социальной группы - молодежи и невозможность ежегодной корректировки и дополнения муниципальных программ с учетом результатов мониторинга.

Наличие полной своевременной и достоверной информации о процессах, происходящих в различных отраслях и сферах жизнедеятельности региона, является необходимым условием организации эффективного управления его развитием. В ходе проведенного социологического опроса установлено, что сегодня Комитетом не проводятся ежегодные мероприятия, направленные на мониторинг состояния молодежи, не проводятся социологические опросы, направленные на выявление базовых ценностей, интересов, проблем молодежи города. Отмечается отсутствие системы опросов и голосований для выявления наиболее актуальных тем среди молодежи.

Для решения выявленной проблемы рекомендуем:

Комитету по молодежной политике совместно с социологами Уральского института управления проводить мониторинг социальных настроений, ценностный установок и ориентаций молодежи Екатеринбурга.

5. Неукомплектованность учреждений органов по делам молодежи профессионально компетентными специалистами; Непринятие профессионального стандарта для специалистов, занятых в сфере молодежной политики. Руководитель Росмолодежи обозначил проблему дефицита кадров и подчеркнул, что в стране не определен статус работника молодежной политики исходя из отсутствия единого закона. Сопоставляя численность сотрудников и значимость направлений муниципальной молодежной политики можно констатировать, что численность управленческого персонала для реализации молодежной политики явно недостаточна. Без участия квалифицированных специалистов, профессионально занимающихся вопросами реализации государственной молодежной политики, невозможно сформировать у молодежи такие свойства личности, как патриотизм, соблюдение гражданских прав и свобод, ответственное поведение, целеустремленность, толерантность. Доказательной

базой послужат ответы респондентов экспертного интервью: «Это один из наиболее важных вопросов для выстраивания работающей системы в сфере молодёжной политики. Необходимо пересмотреть значение данной профессии для общества и страны. Создать достойные условия для работы».

Для решения выявленной проблемы рекомендуем:

Комитету по делам молодежи разработать Профессиональный стандарт по работе с молодежью. Разработка профстандарта позволит: обозначить основную цель вида профессиональной деятельности специалиста по работе с молодежью; разработать функциональную карту вида профессиональной деятельности, включающую описание трудовых функций специалиста по работе с молодежью, входящих в профессиональный стандарт; повысить эффективность и качество услуг, предоставляемых муниципальными учреждениями органов по делам молодежи, что безусловно будет способствовать повышению эффективности человеческого капитала, воспитанию конкурентоспособного и подготовленного к жизни в глобальном мире молодого поколения.

Таким образом, надеемся, что предложенные мероприятия позволят минимизировать проблемы в области молодежной политики муниципалитета.

Источники и литература

1) Никитина А.С., Кязимова В.С. Формирование позитивного имиджа муниципальных служащих в современном информационном интернет-пространстве // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 3 (24). С. 27-35.

2) Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Опыт социального аудита молодежной политики свердловской области // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 1 (2). С. 087-100.

3) Никитина А.С., Чевтаева Н.Г. Профессиональная деятельность государственных служащих: традиции и инновации. Екатеринбург, 2018.

Носкова Ольга Павловна

ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный университет", Санкт-Петербург, Россия

Волонтерство как институт общественной солидарности в преодолении социальных конфликтов

Современное общество обладает рядом особенностей. Динамично развиваясь, оно становится текучим, нестабильным, характеризуется внутренними и внешними изменениями, обладает высоким уровнем неопределенности. Популярным в литературе становится определение «социальный конфликт». Он проявляется в нарушении привычного ритма жизни, вызывая тревогу и стрессы у населения, неся в себе потенциальные и реальные угрозы ценностям и структуре социальных систем. Конфликты в обществе приводят к появлению новых форм социального расслоения, радикальных изменений в ценностных ориентациях личностей и групп, моделей их поведения.

Социологический энциклопедический словарь толкует социальный конфликт как столкновение противоположных интересов, целей, взглядов, идеологий между индивидами, социальными группами, классами.

Известный американский социолог Л. Козер в «Функциях социального конфликта» понимает его как «борьбу за ценности и притязания на обладание недоступными для всех статусом, властью и ресурсами, борьбу, в которой цель сторон заключается в нейтрализации своего противника, нанесении ему вреда или его уничтожении». [1]

Один из основоположников современной конфликтологии, немецкий социолог Г. Зиммель считает источником социальных конфликтов противоречие между формами общественной жизни и индивидами, составляющими общество.

Эти противоречия ведут к деформации структуры общества, дисфункции его элементов, определяются совокупностью ряда характеристик, таких как уменьшение доли позитивных результатов функционирования общества (экономический кризис, падение благосостояния граждан и проч.) и увеличение степени негативных явлений (рост безработицы, инфляции, девиантного поведения и проч.) На индивидуальном уровне это проявляется в энергосбережении. На первом месте стоит индивид и его потребности. Все энергоресурсы затрачиваются на удовлетворение потребностей конкретного индивида, понятие «альтруизм» отходит на задний план. На международном уровне социальная нестабильность проявляется в закрытости, конфликтности, нежелании налаживать коммуникации, помогать и делиться опытом. Снижается уровень доверия между людьми, формируются новые представления о гуманизме. Нарушается общественная солидарность, несущая в себе общую систему ценностей и интересов. Кровное родство, малая родина, этнокуль-

турные традиции, место постоянного проживания в 21 веке уже не так первостепенны и важны. Человек мобилен, он работает и живет где захочет, получает другое гражданство. Социальная функция государства уже не является базовой детерминантой социального единения и солидарности граждан. Общество дезинтергируется под влиянием массовых революционных процессов.

Необходимо искать инструменты, способные преодолеть социальные конфликты и вернуть в общество понятие солидарности. Искать новые формы солидарности, адаптировать их под современные реалии жизни.

В феноменологической социологии А. Шютца солидарность выступает наравне с чувством долга и товариществом как нечто, предписанное группой и выражающееся в рамках средств и целей. Солидарность оказывается предопределена обществом, она воспринимается без всяких критических замечаний, как данность. Члены каждой группы чувствуют свою солидарность с соответствующей группой благодаря общим,

разделяемым группой, ценностям и целям, а также способам достижения целей. Одной из наиболее эффективных форм проявления солидарности сегодня можно назвать волонтерство. Однако волонтерство, также как и общество, находится под влиянием современных процессов дезинтеграции. Поэтому оно должно адекватно трансформироваться. Чтобы сохранять свою значимость, влияние, востребованность.

Стоит рассмотреть понятие волонтерства не как общественного феномена, а через призму социального института, формирующего определенную систему жизненных ценностей и установок, которые возьмут на себя объединяющую функцию, коммуникативную, регулятивную, функцию формирования и закрепления общественных отношений. Ведь именно идея объединения людей вокруг общих целей и ценностей способна эффективно преодолевать возникающие социальные конфликты.

Во всем мире волонтерство играет важную роль. Волонтерством занимаются люди разных культурных слоев, финансового состояния, уровня образования, возраста, вероисповедания, национальности и проч. Волонтерство способно объединить вокруг себя абсолютно разных людей, посредством главных идей - нести добро, помогать безвозмездно, быть неравнодушных к чужим проблемам, реагировать на природные аномалии и мировые катаклизмы. Волонтерство помогает сплотить общество, упорядочить систему взаимодействия между людьми, увеличить объем и частоту контактов, мобилизовать ресурсы, скоординировать социальную деятельность в целях получения общего блага.

Рассматривая волонтерство как социальный институт мы опираемся на важнейшие его признаки:

- наличие определенной документально регламентированной сферы деятельности, в которой существуют общественные отношения между ее членами;

- четкая иерархия властных полномочий, в целях организации деятельности людей, а также для выполнения ими различных ролей и функций;

- специфические правила и нормы, которые призваны регулировать поведение индивидов в том или ином направлении этой деятельности;

- наличие материальных средств для достижения целей института;

- собственная идеология, общепринятые цели и задачи. [2]

Для эффективного преодоления социальных конфликтов важно отметить функцию волонтерства как института общественной солидарности.

Солидарность в контексте волонтерства хорошо представлена П.А. Кропоткиным, который рассматривал ее как взаимопомощь и как фактор развития. Он рассматривает общечеловеческую солидарность, которая настолько присуща обществу, по его мнению, что может выражаться в инстинктах. То есть люди действуют на основе закона всеобщей помощи. [3]

Задачи общественной солидарности напрямую решают вопрос преодоления социальных конфликтов:

- выстраивание стратегии, достижение целей социальной политики;

- формирование условий для разделения ответственности между государством,

бизнесом и обществом за создание и распределение социальных благ, повышение ответственности за достигаемые социальные результаты;

- расширение форм участия населения в формировании государственной политики на региональном и местном уровнях, общественном контроле и самоуправлении, конструктивной социальной активности, сетях взаимной поддержки и благотворительности;

- преодоление «ведомственного» подхода к формулированию и разрешению проблемных ситуаций через развитие межведомственного, межмуниципального и межсекторного взаимодействия и социального партнерства. [4]

Таким образом, рассматривая волонтерство как институт общественной солидарности можно назвать его уникальным инструментом консолидации. Инструментом, с помощью которого возможно решить проблемы кризисного состояния общества, разработать пути предотвращения разобщенности и возникающих социальных конфликтов, объединить об-

щество единым смыслом добровольной помощи нуждающимся во всем мире.

Источники и литература

1) Козер Л. А. Основы конфликтологии: учеб. пособие / пер. с англ. А. А. Крашевского, М. В. Сорокина. СПб., 2001
2) Social Institute: signs. Examples of social institutions. URL: https://trendexmexico.com/obrazovanie/80275-socialnyy.. socialnyh-institutov.html (дата обращения 22.09.2019)
3) Кропоткин П.А. Государство и его роль в истории // Библиотека анархиста. Вып. 21 М.: Московская Федерация Анархистских групп, 1917
4) Социальная политика. Учебник / Под ред. проф. Е.И. Холостовой, проф. Г.И. Климантовой. М.: Юрайт, 2015

Панич Наталья Александровна

Социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Повседневность и новые формы социальных конфликтов в цифровом обществе.

Американский психолог Чарльз Диксон когда-то сказал: «Если в вашей жизни нет конфликтов, проверьте, есть ли у вас пульс». [1. С.7] Конфликты являются неотъемлемой частью повседневной жизни современного цифрового общества. Ограниченность основных ресурсов и безграничность человеческих потребностей, социальная неоднородность общества и различия в уровне доходов, доступа к власти, доступа к благам постиндустриального общества нередко приводят к конфликтам.

Невозможно отрицать то огромное влияние, которое оказывают конфликты на повседневную реальность человека. Не редко случается так, что социальные конфликты приобретают широкий уровень распространения и характеризуются глубоким расколом всего общества, что может привести к бескомпромиссным формам противостояния конфликтующих сторон.

Все это обуславливает пристальное внимание к исследованию причин возникновения, способов урегулирования и разрешения новых форм

социальных конфликтов. В социологической науке под социальным конфликтом понимается «неотъемлемое свойство социальной реальности, объективно существующий, на протяжении всей истории социальной жизнедеятельности человечества, социальный феномен противоборства, столкновения интересов социальных групп, общностей, происходящий из-за отношений социального неравенства, ограничения доступа к ресурсам (материальным, интеллектуальным, сырьевым, территориальным, власти)» [2, с. 72].

В социологии проблематика конфликта как одного из видов социальных отношений ставилась с момента зарождения этой дисциплины. На сегодняшний день в западной и отечественной социологии накоплен значительный опыт в исследовании социальных конфликтов, в том числе их новых форм.

Современная эпоха цифровых технологий характеризуется все большим возрастанием конфликтной напряженности социальных процессов. На сегодняшний день социальные конфликты - неотъемлемая характеристика повседневной реальности.

Понятие конфликта принадлежит не только социальным наукам, наделяющим его своим специфическим смыслом, но и обыденному сознанию. Слово «конфликт» широко используется в повседневной жизни. В современном цифровом обществе социальный конфликт простирается на все сферы жизнедеятельности современного человека. Интернет вещей, дополненная реальность, цифровое производство ведут к появлению новых форм социальных конфликтов. Устоявшиеся выражения, как «конфликт интересов», «виновник конфликта», «последствия конфликта» и так далее, знакомые каждому человеку на протяжении большого количества времени, в современном звучании приобретают иной смысл и как следствие, нуждаются в иной логике урегулирования. Так, рассматривая технологический процесс замены водителей грузовиков на автоматизированных роботов в современной Великобритании [3], можно говорить о социальном конфликте новой формы - безработные водители, потенциально лишенные средств к существованию, а также стратегических целей - открыть, например, свой собственный транспортный бизнес, а также лишенные социального статуса, который сопровождал их повседневную жизнь ранее, с одной стороны и роботы-водители с другой. Эта категория пополняет ряды безработных, приводя к социальной напряженности и последующим конфликтам.

Другой, не менее яркий пример социального конфликта в цифровом обществе - внедрение технологии искусственного интеллекта, в частности, имитирующего человеческие способности. Сектор здравоохранения

является воплощением нового типа социальных конфликтов, связанных с роботизацией, автоматизацией труда медицинских работников и обслуживающего персонала. Внедрение так называемых роботизированных опекунов [4] и прочих технологий призвано облегчить труд работников системы здравоохранения, ожидается, что машины станут более важными для производства в будущем, так что интенсивность труда человека со временем снизится, что в конечном итоге повлечет за собой уменьшение конфликтов в системе врач-пациент. Ожидается, что новые технологии, имитирующие человеческие способности либо посредством механических манипуляций с физическим миром, либо посредством применения интеллекта для решения конкретной проблемы, станут достаточно сложными для выполнения задач, которые ранее были исключительной прерогативой людей.

Совершенно очевидно, что внедрение цифровых технологий в повседневную реальность повлекло за собой формирование новых форм социальных конфликтов. Задача социологической науки на современном этапе заключается не только в том, чтобы описать и понять процессы трансформации социальных конфликтов в повседневной жизни, но и, основываясь на междисциплинарном подходе, разработать теории и практические технологии разрешения социальных конфликтов.

Источники и литература

1) Диксон Ч. Конфликт. Семь шагов к миру. – СПб: Питер. 1997. С.7
2) Соломатина Е.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию социального конфликта // Вестник Московского университета. Серия 18.Социология и политология. — 2012. — № 4. — С. 70–85.
3) Buhr, D.z Christ, C., Frankenberger, R., Fregin, M., Schmid, J., Tramer, M. (2016). On the way towards Welfare 4.0? Digitalisation of the welfare state in labour market, healthcare and innovation policy: a European comparison https://neweconomics.org/2017/01/inequality-digital-society
4) http://www.digitaljournal.com/tech-and-science/technology/social -impact-of-digital-inequality-revealed/article/498805, дата обращения 30.01.2020г.

Патутина Елена Дмитриевна

ВИУ РАНХиГС, Волгоград, Российская Федерация

Управление информационной политикой органов исполнительной власти как способ разрешения конфликтов в современном обществе

Современное общество переживает глобальные метаморфозы, серьезные структурные изменения взаимодействия людей в социальных группах оказывают влияние на все сферы деятельности населения и функционирования органов власти. Каждый город, регион и страна оказывают влияние, развивают и защищают свое собственное информационное пространство, посредством использования которого осуществляется обеспечение конституционных прав населения на информацию. Органы государственной власти в регионах, а также органы местного самоуправления ответственны за состояние информационного пространства на подконтрольной им территории, сохранение стабильности региона (муниципального образования) [7, с. 96]. Но, тем не менее, в силу специфики взаимодействия периодически в информационном поле наблюдается рост социальной напряженности, а также неизбежны информационные конфликты. Информационные конфликты являются атрибутом информационного общества, новым явлением современности, результатом возросшей важности информации в политической, экономической, правовой сферах общественной жизни.

Феномен информационного конфликта является актуальным и имеет различные определения. В общей трактовке информационный конфликт можно представить как социальный конфликт, возникающий по поводу производства и распространения информации, участниками которого должны быть представители средств массовой информации [1, с. 4]. Согласно другой версии, информационный конфликт - это противостояние по поводу владения потоками информации с целью доминирования в информационном пространстве и реализации своих целей, а также недопущение реализации стратегии противника [2, с. 7]. Одной из часто встречающихся причин возникновения информационных конфликтов можно отметить искажение восприятия информации в процессе коммуникации.

Определяемый как социальный, информационный конфликт принимает своим объектом информацию, которая, в свою очередь, обладает некоторым числом присущих ей характеристик. Субъектами информационного конфликта могут выступать: целевая аудитория, общество, средства массовой информации (интернет сайты, социальные сети, газеты, телепрограммы и т.д.), государственные органы. Необходимо отметить, что средства массовой информации можно рассматривать как за-

интересованную сторону конфликта, так как они могут оказывать влияние на целевую аудиторию [3, с. 4]. Виртуозно осуществленная информационная атака легко может спровоцировать информационный конфликт как противостояние интересов целевых социальных групп. Как правило, СМИ имеют собственные интересы и продвигают определенные информационные события, освещая их с позиции заинтересованной стороны или в критическом аспекте. Информационный конфликт можно рассматривать как механизм манипуляции общественным мнением и сознанием целевой аудитории. Скандальные статьи, шантаж, угрозы, непроверенная информация, компромат - все это является способами противоборства сторон информационного конфликта [4, с.1, 5, 3].

Для беспристрастного и объективного освещения всех сфер жизни муниципального образования средствами массовой информации, а также в целях реализации собственной политики органам исполнительной власти необходимо осуществлять управление информационной политикой, взаимодействовать со СМИ. Как правило, информационная политика на муниципальном уровне выстраивается в соответствии со следующим механизмом.

1. Органы исполнительной власти выбирают перечень стратегических тем, которые следует освещать и развивать в средствах массовой информации.

2. В процессе освещения разработанных тем ведется сотрудничество между органами исполнительной власти и средствами массовой информации.

Подобная система проработки избранных актуальных тем способствует правильной расстановке приоритетов муниципального образования, установлению акцентов на некоторых областях деятельности органов власти, формированию положительного имиджа территории, поддержанию патриотизма и высокого уровня самосознания у целевой аудитории. В результате происходит снижение социальной напряжённости и уменьшение количества социальных конфликтов в связи с выстраиванием четкой стратегии информационной политики [6, с. 4]. Подобным образом выстраивается современная картина мира в муниципальном образовании: предоставляется информация, являющаяся общественным достоянием, определяющая основные векторы развития территории, социально значимая, в том числе и освещение деятельности органов региональной власти.

Стабильная информационная среда обуславливает равновесие интересов всех участников информационного пространства, а также гарантирует реализацию конституционных прав граждан на свободный доступ к

информации, повышает информированность населения. Информационные потоки поддаются управлению и должны быть упорядочены органами государственной власти в целях реализации общегосударственной политики и эффективного государственного управления на всех уровнях управления.

Источники и литература

1) Плотников А.А. Проблема познания социального конфликта: современный взгляд // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. №3 (31).
2) Долгополый С.Ю. Международные конфликты XXI столетия: какими они будут? // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. №4.
3) Самаль Е.В. Поликультурная среда: возможности информационных технологий в урегулировании конфликтов // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2018. №4.
4) Зубков Н.А. Трансформация субъективности в коммуникативном пространстве информационного конфликта // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2018. №2 (15).
5) Бекеев К.А. Правовое регулирование информационных конфликтов в государственном управлении // Закон и право. 2019. №8.
6) Жуйков А.А., Каспаров А.Р., Мащенко И.В. Угрозы информационной безопасности как фактор социальных конфликтов в постиндустриальном обществе: социологический анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. №2 (239).

Петченко Яна Романовна

Северокавказский Федеральный Университет, Ставрополь, Россия

Уровень рекреационного пространства города Ставрополя как фактор снижения социальной напряженности

Состояние социальной напряженности свойственно конфликту и сопровождает его. Чтобы избежать подобных ситуаций и устранить их,

людям необходимо поддерживать свое эмоциональное состояние на нормальном уровне. Этому способствуют многие факторы, например, уровень рекреационного пространства. Часто встречающимся пониманием рекреации является её отождествление с отдыхом – совокупностью явлений и процессов, связанных с восстановлением сил во время отдыха и лечения, что, на наш взгляд, является следствием прямого проникновения в определения генезиса понятия [1, с.308] .

В современной научной литературе наблюдается стремительный переход к новому видению рекреации. Учёные предполагали, что восстановление здоровья и трудоспособности должно проходить путём отдыха вне жилища: посредством участия в организованном или неорганизованном туристском походе или проведении отпускного периода в специализированных учреждениях отдыха (санаториях, домах отдыха и т.п.).

В концепции А. С. Орлова термин «рекреация» заменяется понятием «отдых» и означает специфическую, биологическую и социальную активность субъекта, сопровождающуюся переживанием им рекреационного эффекта [2, с. 90]. В. А. Квартальнов в одной из своих работ рассматривал определение понятия «рекреация» как : 1) быстро развивающийся сегмент индустрии досуга, связанный с участием населения в активном отдыхе на открытом воздухе, приходящийся преимущественно на уик-энд; 2) расширенное воспроизводство физических, интеллектуальных и эмоциональных сил человека [3, с. 12].

Как это происходит? В настоящее время рекреационное направление активно развивается и совершенствуется, создаются новые объекты отдыха, курортные зоны, парки и многое другое. В крупных городах и других населённых пунктах проживает большое количество людей, которым необходимо восстанавливать силы после трудовой деятельности и проводить свободное время с пользой. Следовательно, рекреация играет важную роль и в поддержании нормального психологического состояния населения.

Особое внимание заострим на рекреационном пространстве города Ставрополя. Это один из крупнейших городов Ставропольского края, является его культурным, историческим, промышленным и деловым центром. В городе на высоком уровне развита парковая зона, так как муниципальные органы уделяют парковой системе достаточно внимания, из бюджета выделяются средства на благоустройство города, природная система рекреационного пространства развита отлично.

Рассмотрим культурно-досуговую систему рекреации. В городе Ставрополе, по данным 2018 года, насчитывают 4 государственные библиотеки, 25 музеев, 3 театра, 2 концертные организации, 1 литератур-

ный центр, 2 кинопрокатные организации, 1 Государственное бюджетное учреждение культуры Ставропольского края «Ставропольский краевой дом народного творчества». Это говорит о том, что город Ставрополь находится на высоком уровне культурного развития.

Чтобы поддерживать своё здоровье и восстанавливать силы после трудовой деятельности, многие люди выбирают спорт. Для этого в Ставропольском крае имеется достаточно возможностей. В городе Ставрополь присутствует больше 30 спортивных клубов, 9 футбольных полей и стадионов, 3 теннисных корта и т.д. Отметим, что в настоящее время детские площадки оснащаются спортивными тренажёрами, что значительно облегчает занятия спортом самостоятельно. Следовательно, рекреация города Ставрополь предоставляет людям множество вариантов для восстановления своего здоровья, проведения досуга и отдыха с пользой.

8 ноября 2019 года методом анкетирования было проведено социологическое исследование на тему «Оценка жителями муниципальных образований рекреационного пространства населенного пункта». Ответы жителей позволили подробно отобразить картину рекреационного пространства в городе Ставрополе на сегодняшний день. Вот несколько выводов, которые были сделаны в результате опроса: 1) большинство опрошенных мужчин отдают предпочтение спортивному виду рекреации, а женщины–оздоровительному; 2) большая часть респондентов удовлетворена возможностями и условиями для занятия любым видом физической активности; 3) также было отмечено сходство рекреации в города Ставрополя и стран Европы. Способы снижения социальной напряженности в большей степени зависят от вмешательства государственной власти в социальную сферу. Так, выделяя средства из бюджета на развитие рекреационного пространства, муниципальные власти финансируют данное направление, чем заслуживают уважения у населения.

На наш взгляд, данный сегмент общества способен предотвратить социальные конфликты, которые могут иметь негативные последствия для людей. Они восстанавливают силы после активной трудовой деятельности и становятся более уравновешенными и способными адекватно оценивать ситуацию в городе, стране и обществе в целом.

Источники и литература

1) Сазыкин А.М. Полемические заметки Географа о проблемах терминологии в рекреационной географии и туризме // Туризм на Дальнем Востоке: бизнес, инвестиционные стратегии, образование

и экология: материалы, регион, науч. – практ. конф. Дальтур–2001, 16–17 мая 2001. – Владивосток, 2002.– 310 с.

2) Орлов А. С. Социология рекреации. М.: Наука, 1995. –148 с.

3) Квартальнов В. А. Энциклопедия туризма. М.: 2000. –368 с.

Полюшкевич Оксана Александровна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Общественное недовольство как форма социального конфликта

Недовольство - это долгосрочная эмоция, отражающая негативные формы взаимодействия, возникающие между двумя и более людьми, группами и целыми институтами. Недовольство может возникать в результате недопонимания или принципиального противоборства; а также может быть формой целенаправленной политики, конструированием через СМИ, Интернет и социальное взаимодействие в целом негативных, агрессивных и иных образов против человека или группы людей. Недовольство может быть сиюминутной реакцией на какие-то негативные формы взаимодействия. Чем чаще находит подтверждение краткосрочное недовольство, выраженное в адрес какой-либо группы или человека, тем больше вероятности, что оно перерастет в длительную эмоцию недовольства, передаваемую другим членам своей группы, членам своей семьи. Например, негативные эмоции участников второй мировой войны вылились в негативное отношение ко всем немцам, в нескольких последующих поколениях, не бывших ни участниками, ни свидетелями этой воны. Или же, негативное восприятие представителей ислама, формируется благодаря исламским террористическим группировкам. Эмоции, позитивные и негативные, являются частью социального взаимодействия. Они входят в ритуалы социального взаимодействия. Они определяют общий настрой социального взаимодействия; включаясь в сам процесс взаимодействия, они определяют его характер, форму, динамику, качество, массовость и прочее; в конце взаимодействия они выступают маркером эмоциональной энергии (непосредственное взаимодействие закончилось, а эмоции еще длительное время могут определять мысли, поступки и действия участников). Недовольство возникает в результате нарушения ожиданий членов одной группы. Оно становится длительным, когда заведомо ожидаются негативные формы и особенности взаимодействия в будущем. Рассмотрим более подробно, в чем выражается общественное

недовольство сегодня. Для этого, проанализируем результаты анкетного опроса, проведенного в Иркутской области в 2017 году (всего опрошено 1200 человек, 60% женщин и 40% мужчин, в возрасте от 18 до 75 лет). Итак, общественное недовольство россиян вызвано внешними и внутренними факторами. К первым относятся экономические санкции (33%), военные операции (26%) и запрет участия спортсменов в олимпиаде (21%). Ко вторым, сложности трудоустройства по специальности (32%), большими процентными ставками по кредитам (25%) и общей неуверенностью в своем будущем (24%). Общественное недовольство маркируется негативными, пессимистичными и шаблонными словами, способными регулировать социальное настроение целых социальных групп. На прямой вопрос о том, есть ли какие-то группы населения, которые вызывают у вас общественное недовольство, мы получили весьма показательные ответы: недовольны мигрантами (28%), недовольны бедными и больными людьми (24%), недовольны богатыми людьми (25%), недовольны молодежью (15%), недовольны людьми старшего возраста (14%). Практически половина россиян недовольна бедными или богатыми людьми.. С учетом того, что социальное расслоение будет увеличиваться, разрыв между бедными и богатыми расти, то и общественное недовольство будет увеличиваться. Это приведет либо к закрытым кастовым порядкам, либо к бунтам. Треть населения недовольна либо молодежью, либо представителями старшего поколения. Впрочем, конфликт отцов и детей - достаточно давнее явление. Но в современном мире, он приобретает новые формы и особенности реализации, через новые формы брака и семьи, где нет взаимодействия со старшими членами семьи, где может не быть детей (чайлд-фри) и так далее. Данное явление приводит к социальной отчужденности, росту депрессий и чувства одиночества среди представителей всех поколений. В будущем данные тенденции также будут увеличиваться, что приведет к моральной стагнации и нигилизму в общественном сознании. Еще одна треть недовольна мигрантами. Это общий фон общественного недовольства, который может стать основой социальных беспорядков и революций или же мигрантофобией и национализмом. Мигранты - это явный образ «Другого», «Чужого», «Не похожего», то есть всегда враждебного и недостойного. Практики всеобщего исключения и стигматизации уже достаточно очевидны, а в будущем будут иметь еще более весомые формы. В глобализированном обществе эти формы взаимодействия приобретут еще более масштабные формы, тем самым спровоцируют рост общественного недовольства в любой точке страны. Каждая из рассмотренных сфер общественного недовольства подкрепляется в СМИ и сети Интернет событиями, явлениями и процессами,

подтверждающими ее актуальность и «правильность», так как в процессе обыденного, повседневного развития находит свое подтверждение. Чем больше подобной информации в общественном сознании будет конструироваться и постоянно подкрепляться, тем более сильной длительной негативной формой общественного недовольства будет прирастать пространство страны или отдельного региона. Общественное недовольство - это «пожарная кнопка» всего общества. Но будет ли она постоянно включена или будет сигнализировать лишь о разовых мероприятиях, во многом зависит от органов власти, политического курса, идеологической работы и социальных ориентиров общественного развития, распространяемых в социуме.

Полякова Наталья Львовна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социологическая теория конфликта: новые формы

Конфликт является фундаментальным социологическим понятием, а теории конфликта образуют теоретический фундамент концептуализации процессов социальной динамики и изменения. Историко-социологическое рассмотрение теорий конфликта указывает на то, что большинство этих теорий создавалось в рамках структурных подходов, рассматривающих конфликт в перспективе различных форм социального неравенства: классового, расового, религиозного, этнического, гендерного.

Общим горизонтом, в который помещалась теория конфликта, был горизонт доминирования самого различного типа. Даже самые последние по времени исследования повторяют этот устойчивый теоретический тренд: конфликт - это «борьба за превосходство между социальными группами, связанная с противоречиями, разногласиями и соперничеством»[1]. Такое определение, как и исследовательское направление, в целом, однозначно помещает теорию конфликта в сферу политической социологии.

Вместе с тем, в социологии конца XX - начала XXI века достаточно мощно заявило о себе иное направление в исследовании социального конфликта, не связанное с горизонтом различных форм неравенства и политической социологией. Речь идет о теориях конфликта, горизонтом которых являются процессы социальной дифференциации и индивидуализации. В социологии исторически первой теорией подобного рода следует считать теорию конфликта Г. Зиммеля. В современной социологии

к подобного рода теориям можно отнести теорию конфликта наиболее видного представителя третьего поколения франкфуртской школы Акселя Хоннета, а также теорию мегалотимии современного американского социального теоретика Фрэнсиса Фукуямы.

Отправным пунктом работы А. Хоннета «Критика власти» (1985) является теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Хоннет стремится смягчить абстрактность и формализм этой теории. Он пересматривает чрезмерно жесткое, по его мнению, разделение инструментального и коммуникативного действия, труда и власти, с одной стороны, и жизненного мира и интеракции - с другой. Такое разделение не соответствует современному миру. Во-первых, потому что современный мир труда нельзя полностью свести к стратегической рациональности, он включает и интеракционистские компоненты. Во-вторых, тезис о конфликте между двумя рациональностями на самом деле смягчает действительные социальные конфликты, в которые вовлечены конкретные социальные группы с противоположными интересами. Дихотомия стратегического и коммуникативного разума, формальной и эмпирической прагматики, означает, что конфликт утрачивает свою остроту и эволюционное содержание.

В работе «Борьба за признание. К моральной грамматике социальных конфликтов» (1992) А. Хоннет предлагает свое видение природы социального конфликта. Основу его подхода образуют понятия «признание» и «борьба за признание». Он стремится интегрировать измерения социального конфликта и прогресса. Конфликт - это та сфера, в которой осуществляется прогресс.

Хоннет подчеркивает, что конфликт никогда не связан только с доминированием, он никогда не является односторонним. В основе социальной борьбы лежит борьба за утверждение индивидуальной или коллективной «самости». Речь идет в первую очередь о завоевании признания со стороны «другого». В основе конфликта всегда лежит отсутствие признания. Это важнее, чем борьба за использование ресурсов или борьба за навязывание своей воли другим.

В аналогичной системе понятий в рамках концептуализации конфликта работает в современной социологии Ф. Фукуяма, который увязывает понятия «признание», «достоинство» и «идентичность». Он утверждает, что требование признания и уважения своей идентичности - это универсальное требование, которое охватывает многое из того, что происходит сегодня в обществах и в мировой политике.

Таким образом, социологическая теория конфликта приобретает новые формы, отражающие новые реалии современных обществ.

Источники и литература

1) Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия социологии. – М., 2018.
2) Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. – М., 2019.
3) A. Honneth Kritik der Macht. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985.
4) A. Honneth Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.

Попова Светлана Юрьевна

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Социальные эффекты молодежных проектов: ценностно-смысловые конфликты

Современная молодежь активно формулирует запрос на свою эффективную интеграцию в общественные процессы, заявляет о способности брать на себя социальную ответственность, быть полноценным субъектом социально-политической, экономической и духовной сфер жизнедеятельности. Государство заинтересовано в гражданских инициативах подрастающего поколения, поэтому создает необходимые условия для их поддержки.

В частности, Федеральное агентство по делам молодежи РФ, посредством грантов организует системную поддержку молодежных инициатив. Под системой грантовой поддержки понимается безвозмездное целевое финансирование проектов: функционирует сравнительно недавно, стала одним из самым действенных способов вовлечения молодежи в социальную практику, способствующую повышению ее гражданской активности [1, 3].

Выделяя материальные средства на реализацию социально значимых молодежных инициатив, государство и общество ожидают определенные социальные эффекты от их внедрения.

Ряд исследователей под социальным эффектом понимают абсолютный показатель, характеризующий качественную сторону произошедшего изменения [2], другие авторы социальный эффект определяют как

вид, форму и содержание произошедшего социального изменения. Измерения социального эффекта должны показывать произошедшие изменения в сфере услуг, образования, культуры, степень удовлетворенности благополучателями своей работой, социальным статусом, жизненными условиями и пр. [5, 7].

Проанализировав различные подходы к пониманию социального эффекта, изучив авторские определения «социальный эффект», мы получили следующие смысловые единицы этого понятия: социальные преобразования, социальный капитал, социальный результат, социальная стоимость, социальная ценность, социальные блага (благо общества или отдельных групп населения), качество социальной среды, наличие благоприятных условий для всестороннего развития личности.

Проводя исследование в 2019 году среди экспертного сообщества, молодежи, представителей власти, нами были изучены представления желаемого социального эффекта молодежного проектирования.

Мнение экспертов практически совпало с мнением сотрудников Росмолодежи о количественных и качественных показателях эффективности молодежных проектов. Прежде всего, это увеличение доли молодежи в социально значимой деятельности (например, в добровольческой), это формирование позитивного отношения к социально-экономическому развитию России, вера в возможность личностного развития в своей стране, информированность молодежи о существующих формах государственной поддержки их инициатив.

Проведенные автором статьи фокус-группы среди московских студентов, обучающихся по направлению подготовки «Организация работы с молодежью» и имеющих опыт социального проектирования, дали следующий результат. Наряду с положительными социальными эффектами, такими как: изменения в поведении или статусе, популяризация проектной деятельности среди молодежи, информирование молодых людей о их возможностях, личностное развитие, интеграция с другими социальными группами и взаимодействие с органами власти, финансовая грамотность, социальная ответственность, социальный лифт, формирование кадрового резерва, воспитание лояльного отношения к государству, были выделены отрицательные последствия.

Молодые люди отметили отсутствие материального поощрения руководителей проекта, в связи с этим низкую мотивацию продолжать участвовать в проектной деятельности; отсутствие какой-либо поддержки от государства, помимо финансовой; точечное решение проблемы с помо-

щью проекта при невозможности ее системного решения; затруднения в оформлении финансовых документации и отчетности.

Участники фокус-групп, анализируя социальные эффекты молодежного проектирования, обнаружили ценностно-смысловой конфликт, который определяется как «неспособность личности выработать приоритеты поведения в ситуации одновременного существования противоречивых и взаимоисключающих мотивов, ценностных ориентаций и целей» [6].

Получается, что в пространстве проектной деятельности выявлены «благополучные» зоны, где отсутствует существенное рассогласование между значимостью деятельности и ее затратностью, и конфликтные, куда входят такие аспекты проектной деятельности, которые создают значительный разрыв, свидетельствующий о наличии ценностного и смыслового конфликтов.

Помня, что молодежь характеризуется неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций, мы акцентируем внимание на умении молодых людей чутко улавливать и реагировать на меняющиеся общественные настроения и процессы, ее расположенность в большей степени к социальным новациям. Молодежь имеет больше шансов на реализацию активной жизненной стратегии и достижение успеха, но, одновременно, в большей степени подвержена негативному влиянию деструктивных последствий макросоциальных процессов [4]. Приведенные социально-психологические характеристики молодежи могут являться основой ценностно-смысловых конфликтов.

Для разрешения такого рода конфликтов, необходимо помочь молодым людям выйти за пределы самого себя, преодолеть свои актуальные ценностно-смысловые границы и создавать новые смысловые пространства саморазвития и самореализации. Это поможет молодежи оценить перспективы проектной деятельности, использовать ее как инвестиции в свое профессиональное и личностное развитие.

Источники и литература

1) Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Под общей редакцией С.Ю. Поповой. – М.: Аквилон, 2019.

2) Лавров Н. Что такое «социальные инвестиции»? /Н. Лавров, Н. Кричевский // http://www.apn.ru/publications/comments1776.htm] (Дата обращения: 07.05.2019)

3) Попова С.Ю., Пронина Е.В. Экспертиза молодежных проектов: постановка проблемы // Мир науки, культуры, образования. - 2018. №6 (73)

4) Попова С.Ю., Селезнева А.В. Социальная активность молодежи: состояние проблемы и перспективы развития //Образование личности. 2018. №2

5) Рождественская Н.В., Богуславская С.Б., Боброва О.С.: Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив. - СПб, Издательство Политехнического университета, 2016.

6) Степнов А. П.. Ценностно-смысловые конфликты и их преодоление в деятельности гражданских государственных служащих: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.13 /.- Москва, 2012.- 24 с.

7) Стрельч А.С. Социальный эффект проекта и технологии по его измерению. http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/5/economicsmanagement/Strelch.pdf (Дата обращения: 22.09.2019)

Рыжов Владимир Александрович

Сретенский клуб им. С.П.Курдюмова, компания "X-treme Infomatics", Москва, Россия

Смена содержания глобального конфликта в переходном периоде становления сверхобщества в условиях всеобщей информатизации и цифровизации

Исследование глобального конфликта современной цивилизации как следствия обострения противоречия элиты с обществом в условиях переходного периода к глобализации требует ухода от старых научных парадигм для осознания, понимания самого общества и пересмотра природы его конфликтов. Представление общества в виде сложной динамичной системы с её самоорганизацией, саморазвитием и открытостью, даёт представление, что мы часть единого космоса.

Предметом исследования являются перемены в современном обществе, включая всеобщую информатизацию и цифровизацию, чтобы выявить в нём движущую силу главного противоречия. Это позволит при условии глубоких междисциплинарных исследований выявить важные факторы, ранее не очевидные. Современная наука сейчас находится в

очень глубоком системном кризисе, а с другой стороны, этот кризис искусственно провоцируется элитой. В таких обстоятельствах очень важна высокая научная грамотность.

Научные методы при формировании новых междисциплинарных теорий общества находятся на стадии становления, а новые научные парадигмы только формируются. Обозначим важнейшие концепции и категории. Но для начала выстроим основной теоретический каркас планетарного базиса цивилизации: геосфера (физическая среда обитания); биосфера, социосфера.

Имея условно связанные классические понятия "организм" и "вид" для биосферы и социосферы, объединим их синергетической концепцией сложности (диссипативная система, хаос и порядок, саморазвитие, автопоэзис, бифуркация, поле путей развития и т.д.) [1, 2, 3]. Например: организм это растение, животное или человек; а вид для биосферы это ареал, для человека - общество.

В процессе саморазвития общества образуются естественные языки (ЕЯ), различные нормы поведения, социокультурные ценности, деньги и пр. Всё это включает модель динамической самоорганизации общества (ДСО).

Наличие ЕЯ и письменности, способности к абстрактному мышлению и разуму сделали общество технологическим. На фоне сознания и мышления человека появились категории рассудка, когниции, интеллекта и разума. Благодаря разуму общество приобрело способность накапливать научные знания и строить не только прогнозы, но и стратегически влиять на будущее, развивая технологии, технические средства, производство, выстраивая инфраструктуру в своей среде обитания и расширять её вплоть до космоса.

С появлением ЕЯ человечество необратимо выделилось из биосферы. ЕЯ явился рубиконом, разделившим человека и животных, социосферу и биосферу. Для биосферы главное противоречие и глобальный "конфликт" это вертикаль пищевой цепочки её организмов и видов, куда на вершину этой пирамиды благодаря разуму встроилось человечество.

Понятие конфликта в обществе с позиции социальной теории это совершенно новая категория, чем в биосфере. С позиции модели ДСО конфликт - системно структурированное и динамично-многомерное явление, имеющее сложную общественную природу [4]. Его причины, как ситуативные, так и в несовпадении интересов субъектов, что с необходимостью вызывает борьбу за различные ресурсы, удовлетворение витальных, психологических и социальных потребностей личности, а также в составе организованных групп и сообществ. Конфликтность это нормальный и

важный фактор общественных отношений на уровне личности, группы, сообщества и общества в целом и может пониматься как агрессия или отсутствие согласия [5, 6], но «всегда социальное взаимодействие» [7, 8].

Исследуя главное противоречие и глобальный конфликт в обществе, Зиновьев А.А. характеризовал общество, как множество развивающихся сложных человеческих объединений и определил их различие по типу социального времени [9, 10]. Следуя синергетической модели ДСО, социальное время является характеристикой темпомиров [1]. Темпомир предобщества жил своим социальным настоящим. Современное уходящее общество способно владеть настоящим и прошлым. А наступающее сверхобщество - управлять своим будущим. Этим проектированием будет заниматься узкая группа людей, элита. Главный вывод: обществом можно владеть.

Выделим три этапа развития темпомиров общества.

1. Предобщество в начальной фазе имело возможность экспансии, к расширению территорий, освоению и колонизации земель.

2. Развивающееся общество сжимается, все территории на планете уже поделены и ведется борьба за передел мира.

3. В современный переходный этап цифровой трансформации [11] в Сверхобществе встаёт вопрос выбора путей развития человечества:
а) экспансия в космос (освоение Луны, Марса и далее),
б) освоение "матрицы" виртуальной реальности (ВР),
в) конфликтное решение элиты, сохраняя свою власть, повернуть историю вспять, создавая "электронный концлагерь", превращая народы в "зомби", стирая в их памяти социально-культурное наследие и историю.

Каким будет развитие истории: катастрофическим, ведущим к апокалипсису “с последующим разделением человечества на горстку спасенных и тьму вечно проклятых, или же светлым, спасающим всех” - писал Федоров Н.Ф. [12], основатель русского космизма, предшественник и предсказатель открытий Вернадского, Циолковского и Королева.

Мировая элита, целью которой является нажива ценой убийства жизненной силы народов мира, тянет нас в глобальный конфликт. Выходом является созидательная деятельность, нацеленная на гармоничное выживание и развитие. Это бережное освоение экстремальных территорий земли, космоса и контроль цифровой ВР.

Человечество - это часть вселенной и мы за всё в ответе. Человек не гость, а дитя матери вселенной.

Источники и литература

1) Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. - Изд.: Алетейя, 2002. - 414 с.

2) Рыжов В.А. Сложность, сетецентризм и управление самоорганизацией. // Журнал Экономические Стратегии, 2014 №9 стр. 108–119.

3) Рыжов В.А. и др. Механизм самоорганизации социальных процессов. // Журнал Экономические стратегии, 2017 № 4 стр. 164–179.

4) Комлев Ю.Ю. Основы конфликтолоии: теория, анализ и управление конфликтами в ОВД. - Казань: КЮИ МВД России, 2011. - 188 с.

5) Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. – пер. с немецкого и общая редакция: Ю. Н. Давыдов. - М., «Прогресс», 1990. С. 44–271. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. - 10.09.2008. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3637

6) Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. - 1994. - № 5. стр. 142–147.

7) Козер Л. Функции социального конфликта. - пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. - 208 с.

8) Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. - М.: Аспект Пресс, 2007. - 317 с.

9) Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. - Издательство АСТ. 2008. - 800 с.

10) Зиновьев А.А. Сверхобщество и процесс глобализации. Интервью. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 05.02.2007. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/2490

11) Дэвид Роджерс. Цифровая трансформация – практическое пособие. - Издательская группа "Точка". 2018. - 344 с.

12) Федоров Н.Ф. Философия общего дела. - Изд.: Эксмо. 2008. - 752 с.

Савельева Анна Евгеньевна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Инфографика как инструмент снижения информационной нагрузки в современном обществе

Последнюю треть века общество живет в условиях быстрого развития IT-технологий и коммуникационных связей, а также в большом потоке информации. Современное молодое поколение с самого рождения приспособлено к интерактивной, визуализированной среде, о развитии которой велись разговоры с 60-х годов XX века в работах известных социологов: Л. Белла, Ю. Хабермаса, П. Бурдье и др. Сложившаяся социальная среда включает элементы «цифрового разрыва», «цифровой социализации», и цифрового гражданства» и ведет к изменению образа жизни. Из-за переизбытка информации и невозможности её полного осмысления; «информационного шума» (например, рекламы, спама др.); постепенной замены критического мышления людей шаблонным, возрастает риск социальных напряжений в обществе. Поэтому журналисты, социологи, педагоги и др. сегодня все чаще используют визуальные образы для облегчения восприятия информации и привлечения внимания к важным элементам информационного послания [1].

Одним из инструментов визуализации является инфографика. Инфографика - это эффективный способ, позволяющий донести информацию или данные посредством визуальных образов; синтез информационно-аналитической журналистики и дизайна; перевод чисел в форму рисунка, графика, плана [3]. Её цель состоит в совершенствовании восприятия информации, замене сложных данных на простые образы, а также подаче информации в «сжатом» виде с элементами иллюстрации [2].

С.И. Симакова и В.В. Федотовский началом истории инфографики обозначают эпоху Возрождения, которая во многом стала показательной и решающей (в это время появляются аналитическая геометрия, система координат, проводятся социологические исследования). Двадцатый век характеризуется наступлением первого кризиса инфографики; здесь же произошло деление людей на «визуальных» и более «табличных». Вторая половина века позволила реабилитироваться и выйти из кризиса за счет научных работ по визуализации и информационному дизайну. Первой газетой, опубликовавшей инфографику, стала «USA Today», после чего она вошла в пятерку самых читаемых газет в Америке [4].

Современное же состояние инфографики характеризуется постоянным возникновением трендов: видео-инфографика, анимированная, интерактивная и др.

Согласно данным исследований, инфографика способна изменять модель восприятия печатных изданий в «глазах» аудитории. При наличии в статье значительной по размеру инфографики, читатель сначала изучит её, а затем приступит к тексту [5].

Каждый элемент (диаграммы, изображения) должен содержать значимую информацию. Эдвард Тафти в работе 1983 г. «Визуальное отображение количественной информации» создал концепцию соотношения данных (отображение количественных данных в визуальные). По его мнению, необходимо минимальное количество художественных дизайнерских дополнений. Его подход основан на удалении «лишних» декораций: от фона изображения до линии сетки. Однако инфографика - это гибридная среда, в которой есть место иллюстрациям, значкам, фотографиям, которые не отвлекают и могут быть полезными дополнениями.

Главными преимуществами инфографики являются:

- замена сложных текстовых сообщений на визуализированные (с применением графиков, таблиц, схем, иллюстраций);

- полнота информационной нагрузки, а не избыточность сведений;

- предоставление концептуализации темы (выбор образа всегда предполагает отбор графических решений) [5].

Благодаря графическим объектам, сжатой актуальной информации, красочному предоставлению, а также четкой постановки темы инфографика позволяет доступным и быстрым способом донести информацию до общества.

Источники и литература

1) Луцуань, С., Пустовалов, А. В. Понятия «Конвергенция» и «Мультимедийная журналистика» в китайском медиаобразовании // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 239–245.

2) Марченко, М. Н., Покусаева А. Г. Взаимосвязь «клипового мышления» как особого вида восприятия информации и стиля минимализм в графическом дизайне // Открытое знание. 2019. № 1. С. 5–9.

3) Симакова, С. И. Инструменты визуализации информации в СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=29866479 (дата обращения: 02.10.2019 г.).

4) Симакова, С. И., Федотовский, В. В. Инфографика: прошлое, настоящее, будущее // cyberleninka : [https://cyberleninka.ru]. – 2016. – С. 13–24. – URL:https://cyberleninka.ru/article/n/infografika-proshloe-nastoyaschee-buduschee (дата обращения: 07.11.2019 г.).

5) Трушко Е. Г., Шпаковский Ю.Ф. Инфографика как современный способ представления информации // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2017. №4 С. 195.

Сафаргалиев Эрнст Раисович
Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, Набережные Челны, Россия

Профориентация учащихся: её проблемы и пути решения

В настоящее время профессиональная ориентация понимается как оказание помощи в выборе направления обучения, профессиональной подготовки управления карьерой. Проведение профориентационной работы среди школьников позволяет решить острые социальные задачи в обществе, связанные с поиском работы, трудоустройством, обоснованием своих возможностей при собеседовании с работодателем и т.д. Следовательно, чтобы состоялось жизненное и профессиональное самоопределение школьников, необходимо осуществить профориентационную поддержку её личностного, ценностного, жизненного самоутверждения.

Для российских старшеклассников выбор будущей профессии тесно связан с выбором единого государственного экзамена. Выбирая экзамен, школьник определяется со своей специальностью в ВУЗе, а значит, уже должен иметь представление об определённой профессии. Ошибочный выбор школьника оставляет студента с нелюбимой специальностью и, как следствие, с бесполезным дипломом [1].

Выбор профессии определяет будущее человека. Об этом говорит и Федеральный государственный стандарт основного общего образования нового поколения, указывая на необходимость профориентации [2].

Немало старшеклассников, перед которыми стоит задача выбора профессии, не имеют адекватных представлений о современных профессиях и системе профессиональной подготовки. Многие школьники не могут проводить самооценку, определять свои способности и соотносить их с миром профессий.

Таким образом, можно говорить о существующем противоречии между: состоянием профориентационной работы в школе и научной системой профориентационных мероприятий, обеспечивающих её качество, а также динамическим развитием современного рынка труда. Отмечается, что там, где профориентационная работа проводится, она в основном носит традиционный характер и осуществляется в виде разрозненных и бессистемных мероприятий, которые часто сводятся к тому, что раздаются информационные материалы для будущих абитуриентов и проводится тестирование, определяющее склонность учащегося к той или иной профессии [3].

В качестве метода оценки эффективности профориентационной деятельности в школе применялся опрос. В апреле 2019 года был проведен

опрос школьников г. Набережные Челны Республики Татарстан. Анкета включала в себя 20 вопросов. В ходе исследования, было опрошено 1236 школьников г. Набережные Челны Республики Татарстан. В опросе приняли участие все 12 общеобразовательных учреждений города. Среди опрошенных распределение по признаку пола оказалось практически равным: 46,0% [U+2012] мальчики, 54,0% [U+2012] девочки. Возраст респондентов: от 14 до 17 лет.

Наибольшее количество школьников (41,0%) на момент проведения опроса определилось только с видом профиля или направления обучения, а не с конкретной профессией. Треть респондентов делает выбор между несколькими профессиями (29,5%). И только каждый 5 школьник сделал выбор и определил свою будущую профессию.

Далее рассмотрим профессии, которые выбрали школьники в ходе опроса. На первом месте - инженер (19,5%), при этом школьники не уточняют инженером в какой области они хотят быть: инженер-конструктор, инженер-технолог, инженер-биолог, военный инженер. На втором месте - дизайнер (13,0%) и опять без уточнения специализации, на третьем месте - это врач, медсестра, медик (7,8%). При этом очень высок разброс между компетенциями, которыми необходимо обладать в той или иной области, т.е. школьник одновременно выбирает между врачом и программистом, спортсменом и механиком.

На вопрос: «На сколько хорошо вы знаете, где сможете работать после окончания учёбы?», школьники дали, следующие ответы. Большинство респондентов сказали, что знают только в общих чертах (54,2%). Почти ничего не знает об этом 16,9% опрошенных. И только каждый 6 школьник (15,3%) сказал, что знает очень хорошо, где сможет работать в будущем. Поэтому очень важно, чтобы школьник пробовал себя во многих сферах: различные кружки, спортивные секции, посещение центров технического творчества и т.д. [4, с.219].

В России регулярно проводятся десятки социологических исследований, результаты которых отражают, что выпускники школ имеют недостаточное представление о своих возможностях, требованиях к профессии и рынка труда. В связи со сложившейся ситуацией предлагается модель создания профориентационной лаборатории, объединяющая всех участников цепочки: школа - колледж - ВУЗ - работодатель и др.:

1. ВУЗ должен взять на себя роль координатора профориентации путём создания профориентационной лаборатории для следующих участников:

- школьники, которые проходят тест на профориентацию и в соответствии со своими предпочтениями выбирают ЕГЭ, выбравшие итоговые

экзамены по специальностям, подходящим ВУЗу, становятся их потенциальными клиентами;

- студенты, которые через профессиональные лаборатории имеют возможность выбора того предприятия, которое их интересуете;

- работающие специалисты, которые проходят тесты в ВУЗе и в дальнейшем учебное заведение помогает работнику в преодолении кризиса выгорания, смене деятельности.

2. ВУЗ разрабатывает программы дополнительного образования для конкретной категории людей, пополняя свой внебюджетный фонд, имея дополнительный доход.

3. ВУЗ посредством работы профориентационной лаборатории разрабатывает модель, дорожную карту развития человека.

Источники и литература

1) Lyubova O.V., Akhmadeeva O.A., Guzaleva S.Y., Zubkova S.V., Safargaliev E.R. Tenant satisfaction and its evaluation [Asian Social Science]. 2015. no 11. pp. 319 - 328.

2) Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. N 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn–80abucjiibhv9a.xn–p1ai/documents/938 (дата обращения: 19.08.2018).

3) Мухаметзянова Ф.Ш. Кластерная модель профориентационной работы с учащейся молодежью // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016, 24-29.

4) Safargaliev E.; Nikolaeva A. Methodology for the educational activities of the university educational process [National academy of managerial staff of culture and arts herald]. 2017. no 2. pp. 218 – 221.

Седлецкий Александр Викторович

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Социальный конфликт постиндустриального общества

В условиях постиндустриального общества происходящая трансформация выводит всех, кто находит на своем рабочем месте возможности для самореализации и внутреннего совершенствования, за пределы эксплуатации. Круг этих людей расширяется, в их руках находятся знания

и информация - важнейшие ресурсы, от которых во все большей мере зависит устойчивость социального прогресса. Стремительно формируется новая элита постиндустриального общества. При этом социальный организм в целом еще управляется методами, свойственными прежней эпохе; следствием становится то, что в пределах этого расширяющегося круга "не работают" те социальные закономерности, которые представляются обязательными для большинства населения. Общество, оставаясь внешне единым, внутренне раскалывается, и экономически мотивированная его часть начинает все более остро ощущать себя людьми второго сорта; выход одной части общества за пределы эксплуатации оказывается сопряжен с обостряющимся ощущением подавления в другой его составляющей.
По мнению В.Л. Иноземцева, "класс интеллектуалов" обретает реальный контроль над процессом общественного производства, и все более и более значительная часть общественного достояния начинает перераспределяться в его пользу, хотя в системе мотивов деятельности представителей этого класса личное обогащение не играет решающей роли. В то же самое время члены общества, не обладающие ни способностями, необходимыми в высокотехнологичных производствах, ни образованием, пытаются решать задачи материального выживания. Однако сегодня доля их доходов в валовом национальном продукте не только не повышается, но снижается по мере хозяйственного прогресса. Таким образом, люди, принадлежащие к новой угнетаемой страте, не получают от своей деятельности результат, к которому стремятся [1].

Развертывание информационной революции и рост влияния класса интеллектуалов не могут быть остановлены без разрушения всего социального целого. Во власти институтов современного государства создать все необходимые условия для их быстрейшего развития или, напротив, замедлить темп перемен, но не более. По мере прогресса наукоемкого производства естественным образом будет расти и социальная поляризация. Руководство постиндустриальных стран может предпринять попытки смягчить этот процесс. Основными мерами, направленными на достижение такого результата, станут, прежде всего, усиление замкнутости общества и ужесточение иммиграционной политики, сокращение масштабов помощи деклассированным элементам и попытки активизировать спрос на труд тех низкоквалифицированных работников, которые стремятся найти свое место в социальной структуре.

Далее возможны два варианта действий. В первом, более вероятном, но в то же время менее эффективном, правительства предпочтут увеличить масштабы перераспределения доходов посредством вмешатель-

ства государства в хозяйственную жизнь. В таком случае для реального изменения социальной ситуации потребуется резко повысить налоги на корпорации, что станет сдерживать темпы научно-технического прогресса [2].
При этом повышение социальных выплат безработным или неквалифицированным работникам, с одной стороны, снизит стимулы остальных к повышению своего образовательного уровня и более эффективному труду, а с другой - увеличит число желающих жить за счет государственных субсидий. Учитывая, что в течение ближайших двух-трех десятилетий правительствам и без того придется минимум вдвое повысить социальные расходы лишь для того, чтобы обеспечить медицинским обслуживанием стареющее население Европы и США, дальнейшее наращивание государственных расходов будет иметь весьма тяжелые последствия для хозяйственного прогресса. Как только они станут очевидными, ассигнования снизятся, и прежняя ситуация воспроизведется на новом уровне. Тем не менее такой ход событий кажется нам наиболее вероятным, поскольку правительственные эксперты и политики будут выбирать его всякий раз, как только перспектива эскалации конфликта станет казаться достаточно близкой

Иной путь связан с отказом от традиционной стратегии. В этом случае социальные ассигнования должны быть резко урезаны и ограничены вполне конкретными целевыми программами, предполагающими, в первую очередь, организацию удовлетворительного медицинского обслуживания, бесплатные программы переобучения для безработных и также бесплатное предоставление образования для детей представителей низшего класса. Основной задачей современного переходного периода нам представляется не столько смягчение социальной напряженности в отношениях между высшим и низшим классами, сколько такое увеличение материального благосостояния и повышение социального статуса высшего класса, которое привело бы к становлению в его недрах системы мотивов деятельности, имеющей исключительно "постматериалистическую" природу. Как отмечает Р. Коч, "общество должно облегчить процесс создания богатства с тем, чтобы, во-первых, искоренить бедность и, во-вторых, предоставить каждому индивиду возможности и стимулы для свободного раскрытия своего творческого потенциала", заключая при этом, что "богатое общество не обязательно является материалистическим обществом" [3].

Разрешение социального конфликта должно в таком случае произойти естественным образом: с одной стороны, за счет активизации пере-

распределения национального достояния в пользу низших классов и, с другой стороны, за счет изменения менталитета самого низшего класса.

Источники и литература

1) Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. - М.:Логос, 2000. -304 с
2) Полутин С.В., Седлецкий А.В. Влияние научно-технического прогресса на современное общество: региональный аспект// Регионология. 2013. № 1 (82). С. 61-69.
3) Koch R. The Third Revolution. Creating Unprecedented Wealth and Happiness for Everyone in the New Millennium. Oxford, 1998. P. 145.

Семиколеннова Юлия Александровна

Волгоградский институт управления - филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Конфликт интересов при реализации внутренней социальной политики бизнес-организаций: социолого-управленческий аспект

В последнее время одним из факторов, влияющим на успешность функционирования современных бизнес-организаций, является повышение качества трудовой жизни персонала, усиление его заинтересованности в достижении высоких результатов трудовой деятельности и реализация творческого потенциала сотрудников. Тенденции современного мира, приоритетно направленные на «социального человека», сподвигли современные бизнес-организации на участие в решении социальных проблем работников, впоследствии приводящих к стимулированию персонала на более эффективное выполнение производственных задач, где сотрудники всё чаще осознают степень значимости всех социальных выплат и льгот, предлагаемых организацией-работодателем, доля которых составляет совокупный доход работника, направленный на удовлетворение актуальных потребностей.

Ю. Ф. Абдрашитов под внутренней социальной политикой организации понимает деятельность работодателей, менеджмента и наемных работников, направленную на сохранение и изменение их социального

положения (удовлетворение социальных потребностей, согласование социальных интересов, реализация социальных прав и социальных гарантий, предоставление социальных услуг и социальной защиты персонала) [1, с. 270]. По мнению А. А. Дамбовской, внутренняя корпоративная социальная политика представляет собой совокупность организационных действий, ориентированных на повышение качества трудовой жизни сотрудников посредством роста показателей в определенных категориях [2, с. 2038]. По мнению автора, под внутренней социальной политикой бизнес-организации подразумевается направление социальной политики, основной задачей которого является увеличение человеческого и социального капитала посредством удовлетворения социальных запросов и ожиданий сотрудников материального и нематериального характера, выражающегося в предоставлении различных преференций и реализации программ социальной направленности.

Необходимо отметить, что ключевым условием успешного функционирования внутренней социальной политики является не только процесс разработки и последующего внедрения предложений, направленных на удовлетворение социальных потребностей персонала, но и оперативное получение обратной связи (оценки) после реализации запланированных мероприятий как со стороны коллектива, так и со стороны руководства. Данный анализ позволит определить преимущества и недостатки предлагаемых нововведений, на основе которых необходимо проводить своевременные корректировочные действия, способствующие совершенствованию системы социальной политики организации. Весьма важным является тот факт, что выявленные достоинства положительно влияют на всех стейкхолдеров данного процесса, способствуя повышению степени удовлетворенности, а имеющиеся недостатки способствуют возникновению негативной ситуации в компании, где одним из факторов возникновения является конфликт интересов между руководителем и сотрудниками в процессе реализации внутренней социальной политики.

С точки зрения В. С. Нечипоренко, конфликт интересов означает столкновение интересов субъектов общественных отношений, когда личная заинтересованность должностных лиц влияет или может повлиять на объективное исполнение должностного регламента или соблюдение законодательства, а центральным звеном является ситуация принятия управленческих решений должностным лицом [3, с. 54].

В рамках реализации внутренней социальной политики конфликт интересов обычно выражается в разногласии между реальными притязаниями сотрудников и фактической деловой практикой, осуществляемой управленческим штабом. Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что

большинство современных бизнес-организаций при осуществлении любого рода деятельности руководствуются принципом эффективности - получение наибольшего результата при осуществлении наименьших затрат. Соответственно, не все руководители готовы выделять отдельные средства из общего бюджета на удовлетворение запросов персонала помимо тех, которые должны быть соблюдены согласно трудовому законодательству и принятым локально-нормативным актам конкретной компании. Избранная позиция приводит к тому, что управленцы стараются использовать инструменты внутренней социальной политики в сокращенном режиме, предполагающем получение «иллюзорного» эффекта, зачастую использующего подмену понятий, с наименьшим объемом затрат различного характера. Однако, эффективная внутренняя социальная политика должна учитывать и включать в себя наличие затрат, основная цель которых - это не простое удержание персонала с помощью имеющихся ресурсов, используемых компанией, а инвестиции в человеческий капитал, составляющие основу успешной работы любой бизнес-организации.

В заключение следует отметить, что фактическое наличие конфликта интересов и степень столкновения стейкхолдеров при реализации внутренней социальной политики в большинстве случаев зависит от того, насколько учитываются жизненные и социально значимые потребности работников при использовании данного механизма. Современная концепция внутренней социальной политики должна, в первую очередь, включать в себя грамотные действия со стороны управленцев, основывающиеся на признании ценности работников и на создании для них благоприятных социальных условий, которые являются мотивационной основой для экономического роста бизнес-организаций и повышают уровень благосостояния как сотрудников отдельного предприятия, так и общества в целом.

Источники и литература

1) Абдрашитов Ю. Ф. Корпоративная социальная политика в Российской Федерации // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. – 2017. – № 2. – С. 267-277.

2) Дамбовская А. А. Методика диагностики внутреннего и внешнего направлений развития корпоративной социальной политики // Российское предпринимательство, 2015. – № 13 (16). – С. 2035-2044.

3) Нечипоренко В. С. Конфликт интересов в организационно-управленческой сфере // Человеческий капитал, 2015. – № 1 (73). – С. 54-56.

Семина Татьяна Васильевна
Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Культурно-правовой кризис СМИ: движущий фактор эскалации конфликта в медицине

В последние годы участилось освещение СМИ медицинских проблем с поиском скандального сюжета вокруг медицины и врача. Врачебное сообщество сегодня обеспокоено ростом негативной информации, направленной против врачей. В погоне за популярностью СМИ периодически муссируют тему врачебных ошибок в искаженном виде, возводя их в ранг преступлений. Происходит манипуляция общественным мнением через новостные выпуски федеральных каналов, в популярных телепередачах. Недопустимо распространение дезинформации в СМИ, так как недостаток медицинских знаний, в сочетании с большим количеством недостоверной информации порождает ошибочное представление о качестве лечения у пациентов и порождает конфликт социальных взаимоотношений в медицине. Откровенная манипуляция сознанием, является вариантом антисоциальной деятельности, и как следствие оказывает не только существенное влияние на качество жизни пациентов, но порой, при отсутствии своевременного квалифицированного лечения, приводит к летальному исходу тяжелых пациентов.

Стремительные трансформации СМИ в системе глобального мира приобретают особую актуальность в начале второго десятилетия XXI века. Современные исследования журналистики подчеркивают множественность ее социокультурных функций в изменении отношений людей к тем или иным ценностям и феноменам. Разрушается приватность происходящего, не остается времени и пространства для постижения его истинного значения, драматизация повествования с использованием приема ретардации (из трагического события делают еще более трагическое) происходит за счет умышленного затягивания действия, которое глобализируется и типизируется [1].

Отражение этого интереса средствами массовой информации само по себе превратилось не только в предмет широких общественных дискуссий, но вводит в заблуждение общество и формирует в общественном сознании снижения престижа профессии врача.

СМИ "является частью социального пространства и организует социальные практики и представления агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации" [2].

У населения из-за отсутствия познаний в области медицины формируется необъективное мнение о качестве оказываемой медицинской помощи. На подсознательном уровне вырабатывается негативное отношение практически ко всем врачам, вызывая страх, недоверие врачам, и в конечном счете конфликтное поведение пациента.

Как отмечает Л. Г. Свитич, акцентировала "внутренние парадоксы журналистской профессии, которые делают ее едва ли на самой драматической".

Вред от такого вида информации СМИ очевиден, больные люди в последующем, возможно, откажутся от медицинских услуг целой клиники, и будут заниматься самолечением, происходит утрата здоровья населения. Кроме того, прогрессирует в социальном пространстве эскалация конфликта, обострение противоборства, при котором последующие разрушительные воздействия как для пациента так и для врача.

Современная отечественная журналистика: инструмент общественной консолидации и механизма манипуляции сознанием россиян. Обладая культурой и ценностно-нравственными качествами, журналистика может завоевать доверие людей, без культурно-нравственных ценностей журналистика не будет иметь будущего.

Источники и литература

1) Арпентьева М.Р.. Век информации. Журналистика XXI века: поиски теоретического обоснования: матер. конференции междунар. научно-культурного форума ≪Дни философии в Санкт-Петербурге-2015≫. № 1 / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. — СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т; Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций. с.14-18

2) Юдина Е. Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения): автореф. дис. ...докт. социол. наук. М., 2008.с.15-16

3) Свитич Л. Г. Феномен журнализма. М., 2000.с.30.

Соболева Мария Константиновна

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Социальные конфликты в социальных интернет-сетях

С повсеместным распространением Интернета, который играет огромную роль в жизнь каждого человека, также стали распространяться и социальные конфликты в социальных интернет-сетях. Человек сегодня может не только получать дистанционное образование, удаленно работать, искать и получать актуальную и необходимую информацию, коммуницировать с другими пользователями, но также, например, получать деструктивную критику в свой адрес за какие-либо высказывания или действия, что чаще всего приводит к конфликтной ситуации.

По данным на январь 2019 года в России, 85% всех онлайн-пользователей в России заходят в интернет каждый день. 76% населения России или 109,6 миллионов пользователей являются интернет-пользователями [6]. По данным агентства We Are Social и Hootsuite 47% россиян имеют аккаунты в социальных интернет-сетях и активно ими пользуется [7].

Человек переносит все аспекты своей жизни в Интернет. В том числе и социализацию теперь проходят с помощью киберпространства. Мы сталкиваемся с таким термином как «киберсоциализация человека». Это социализация личности в киберпространстве как процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности [3, с. 14].

Так что же такое социальный конфликт, какие существуют его виды в социальных интернет-сетях и каковы причины их возникновения?

Социальный конфликт - один из видов социального отношения; состояние противостояния, борьбы между отдельными индивидами или группами людей, пронизывающее все области общественных отношений и сферы человеческой деятельности [5].

Конфликты в социальных интернет-сетях, условно, можно разделить на две большие группы:

1. Реальные конфликты, имеющие свое продолжение в социальных интернет-сетях, которые в свою очередь можно разделить на:

а) конфликты, с дальнейшей эскалацией и разрастанием конфликта в социальных интернет-сетях;

б) конфликты, с дальнейшим примирением субъектов конфликта в социальных интернет-сетях.

2. Конфликты, возникающие в социальных интернет-сетях, которые, в свою, очередь подразделяются на:

а) выходящие за пределы социальных интернет-сетей;

б) не выходящие за пределы социальных интернет-сетей [4, с.131].

В социологической науке социальные сети Интернета относят к сфере трансграничной коммуникации (симбиоза макро- и микросреды коммуникационной системы) [2]. Интернет-пользователь реализует какие-либо жизненные стратегии и из-за этого проводит много времени в виртуальном пространстве. Зачастую это можно наблюдать среди молодежи, которая является наиболее активной аудиторией и ежедневно использует социальные интернет-сети для самопрезентации, самоутверждения, активной демонстрации реального или мнимого престижного потребления и т.п. Это происходи из-за того, что в «виртуальном мире» киберпространства подросткам легко и свободно находиться, ведь в нём стираются возрастные и статусные границы и можно с большей степенью удовлетворить свои желания и потребности [3].

Пользователь социальных интернет-сетей почти не ощущает социальный контроль за своими действиями из-за существующей возможности оставаться анонимным. Именно поэтому отсутствие реального контакта с оппонентом снижает ещё больше уровень эмпатии. Количество интернет-конфликтов также возрастает в связи с тем, что для человека существует непрерывная доступность глобальной сети, что позволяет пользоваться ею в любой момент своей жизни, например в моменты тревоги, эмоционального напряжения и т.п. Эти факторы благотворно влияют на снижение социальной ответственности личности и ослабляет уровень внутреннего контроля.

Главную роль в возникновении конфликтов играют конфликтогены. Конфликтоген - это слова (знаки), действия (или бездействие), порождающие или способные привести к конфликту [1]. В социальных интернет-сетях такими конфликтогенами можно назвать, например, слова, выражающие отрицательное отношение и слова-насмешки по отношению в какому-либо человеку при оценке его внешности, действий или высказываний.

Именно из-за того, что почти каждый подросток хочет продемонстрировать себя с лучшей стороны в социальных сетях и возникают конфликтные ситуации, так как существуют риски столкновений, противоборства и соперничества с другими пользователями. Ситуация усугубляется высоким уровнем анонимности, о котором мы говорили ранее. Поэтому степень агрессии при общении в социальных интернет-сетях значительно выше, чем в реальной жизни. Можно с уверенностью сказать, что виртуальное пространство является благотворной почвой для развития социальных конфликтов.

Помимо деструктивной критики, к причинам конфликтных ситуаций в социальных сетях интернет-среды можно отнести:

- неверное толкование написанного текста
- разные взгляды на ту или иную ситуацию
- анонимный «троллинг» - написание провокационных сообщений, целью которых является создание кофликтных ситуаций.

Для того чтобы избегать конфликтных ситуаций в социальных интернет-сетях необходимо относиться к деструктивной критике более спокойно, не навязывать свою точку зрения кому-либо, уточнять у собеседника моменты, которые можно истолковать по-разному, не использовать ненормативную лексику при комментировании как-либо фотографий или записей других пользователей и т.д.

Источники и литература

1) Егидес А. П. Психотехника синтонного общения. Режим доступа URL: https://dom-knig.com/read_492584-1 (дата обращения: 7.01.2020)
2) Жуйков А. А., Каспаров А. Р., Нурахмедова А. А. Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. №2 (239).
3) Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'а до Homo Cyberus'а: Монография. - Москва: Прометей,; 2012 - 212с.
4) Салагаев А. Л., Шакуров А. Ф. Конфликты при коммуникации в социальных сетях. // Конфликтология XXI века. Издательство: Фонд развития конфликтологии (Санкт-Петербург), 2014, С. 130-132.
5) Стёпин В.С. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль, 2001.
6) Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. Режим доступа URL: https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/ (дата обращения: 8.01.2020).
7) WebCanape. Интернет 2017–2018 в мире и в России: статистика и тренды. Режим доступа URL: https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/ (дата обращения: 8.01.2020).

Соломатина Елена Николаевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Объективные факторы проявления социальных конфликтов в системе высшего образования России

Особую актуальность в современной социологии приобретает изучение причин и факторов проявления социальных конфликтов в системе высшего образования России, которые обусловлены последствиями серьезных структурных изменений данной сферы.

Во-первых, это внедрение новейших информационных технологий в образовательный процесс. В современных реалиях информация становится одним из наиболее значимых ресурсов, поэтому информатизация учебного процесса позволяет сделать его более эффективным. Также, высокий уровень информатизации становится одним из факторов конкурентоспособности высшего учебного заведения. Например, дистанционные формы обучения, позволяют быстрее производить некоторые операции, становится возможным интерактивно представлять учебные материалы (презентации, видео и т.п.).

Действительно, одним из конфликтогенных факторов в высшей школе выступает компьютеризация образовательного процесса. В процесс обучения активно внедряются новые информационные технологии, влекущие за собой заметные изменения роли и статуса высшей школы, коренящиеся в том, что новые технологии вступают в противоречие с традиционными формами обучения [4, с. 42].

Другим источником роста конфликтности является коммерциализация системы высшего образования. В современном образовании формируется институциональная основа коммерциализации высшего образования: появляются новые законодательные акты, существуют частные высшие учебные заведения, а также растет количество студентов, обучающихся на контрактной основе. С введением платных образовательных услуг значительное влияние на статус студента стало оказывать материальное положение его родителей. Группы студентов из экономически более обеспеченных семей зачастую обосабливаются от остальной части студенчества, что ведет к нарастанию социальной напряженности в студенческих коллективах. Также, в условиях коммерциализации системы высшего образования меняется роль высшей школы: теперь университеты и институты представляют собой не только учебные и научные институты, но и новые культурные и экономические сообщества. В результате формируется особая культурная, политическая и экономическая элиты,

что констатирует значительную трансформацию традиционных академических ценностей.

Конфликты в ходе образовательного процесса в высшей школе являются неизбежными, так как его субъекты обладают неравными социальными статусами и выполняют различные роли [3, с.6]. Изучив возможные источники социальных конфликтов в системе высшего образования, конфликты в высшей школе можно сгруппировать по трем основным типам. Первый тип - конфликты типа «общество - высшая школа» [3, с.6]. Этот тип конфликтов возникает во взаимоотношениях высшей школы с другими социальными институтами. Конфликты типа «общество - высшая школа» отражают сложившееся в обществе отношение к системе высшего образования, причем выявляет реальное, а не провозглашаемое мнение [3, с.8].

Основным источником конфликтов данного типа становится социально - экономическое положение высшей школы в современном обществе. В Российской Федерации основной проблемой высшей школы в сложившихся экономических условиях становится недостаточность государственного финансирования в сфере высшего образования. Так, в период с 2012 по 2016 год доля расходов на образование в общем объеме расходов Российской Федерации сократилось на 10,3% [2, с. 74]. Такая ситуация приводит к тому, что высшая школа во многом становится зависимой от средств, получаемых от студентов, обучающихся на договорной основе [1, с.15].

Второй тип социальных конфликтов в системе высшего образования наблюдается в системе «ректорат - коллективы учебного заведения». Данный тип социального конфликта проявляется в первичных коллективах высших учебных заведений и напрямую связан с управленческими проблемами [3, с. 6]. В нем находят свое отражение уровень мер, принятых для обеспечения эффективного руководства в высшей школе и внедрения нововведений. Этот тип конфликта включает в себя все структурные подразделения высшего учебного заведения: факультеты, кафедры, ученые советы и общественные организации.

Таким образом, в результате трансформации современной системы высшего образования в России, были реализованы такие принципы как единая система академических степеней, мобильность студентов, преподавателей и сотрудников сферы высшего образования, единые стандарты качества образования, активное внедрение новейших информационных технологий. С одной стороны, появились новые перспективы для обучения и профессионального развития, а с другой активизировались ис-

точники социальной напряженности и конфликтность в образовательной среде.

Источники и литература

1) Анохина Ю.А. Проблемы коммерциализации высшего образования: социокультурные и экономические аспекты // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. №9-10. С. 15.
2) Козлова Е.К. Государственное финансирование высшего образования в Российской Федерации // Studarctic forum. 2017. № 6. С. 74.
3) Кухтевич Т.Н. Социальные конфликты в высшей школе (социологический анализ). НИИВО М. 1993. С. 8.
4) Сиволапов А.В. Компьютеризация образования: современные проблемы и перспективы развития // Образование и наука. 2005. №2. С. 42.

Сухорукова Наталья Геннадьевна

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

Цифровое неравенство как фактор напряженности в информационном обществе

Вступление в информационное общество усложняет социальные процессы во всех сферах социальных взаимодействий и отношений, обостряя существовавшие ранее социальные проблемы, способствуя появлению новых областей социальной напряженности. В мире и в России в конце XX - начале XXI вв. формируется и закрепляется новая форма социального неравенства - цифровое неравенство по причине того, что цифровой ресурс становится одним из базовых стратификационных критериев информационного общества [4]. Цифровое неравенство как относительно новый предмет исследования для российской социологии требует пристального внимания, поскольку «информационная революция продолжается, а информационный ресурс оказывает различное влияние на управление, финансовую сферу, образование. Необходимо серьезное внимание уделять основам и формам цифрового неравенства. В противном случае оно может оказать деструктивное воздействие на качество современного развития» [5, с.12].

Понятие «цифровое неравенство» (digital dividing) появилось в западной социологии в 1990-е годы в теориях информационного общества и в

первоначальном смысле означало доступность/недоступность интернета как способа современной социальной коммуникации. В дальнейшем это понятие расширяется не только за счет усложнения технологических характеристик информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), но и включает поведенческие аспекты информационного общества. Так, в начале XXI столетия акцент делался на значимость высокоскоростного доступа в интернет и соответствующих компетенций его использования, а во втором десятилетии на первый план вышли возможность и характер использования на регулярной основе цифровых технологий [3].

В современной интерпретации данного понятия подчеркивается важность «онлайн-жизни» для всех социальных групп, без нее они все больше включаются в цифровую депривацию — «социальный процесс, в ходе которого происходит сокращение для индивидов и групп возможностей удовлетворения их основных жизненных потребностей» [2, с.432].

Характеризуя множественность социологических подходов к изучению цифрового неравенства, можно выделить несколько тематических блоков: рассмотрение разнообразных практик использования ИКТ; изучение причин и факторов неравенства; анализ уровней цифрового неравенства (глобальный, локальный, региональный и т.д.).

Проведение эмпирических исследований цифрового неравенства требует опоры на статистические данные, характеризующие информационное общество в России, но их необходимо дополнять результатами опросных методик, ориентированных на изучение российской социокультурной и технологической специфики в области ИКТ.

В российском социологическом дискурсе о цифровом неравенстве ряд исследователей вместо понятия «цифровое неравенство» предлагает использовать более широкое по своему значению понятие «информационно-цифровое неравенство». Оно включает социальные различия между разными стратами общества по объективным критериям (доступ к мобильным устройствам, интернету, компьютерному оборудованию) и субъективным оценкам (мотивация, компетентность, характер использования цифровых технологий). Расширенное таким образом понятие кроме технологического доступа к цифровым технологиям позволяет оценить готовность и мотивацию их использования различными социальными слоями и группами российского общества [1,6].

Отход от исключительно технократического рассмотрения проблемы цифрового неравенства и включение в социологический контекст исследования проблем пользователей ИКТ имеет огромную практическую значимость для повышения качества жизни россиян, проживающих в разных типах поселений и регионах страны. Выявление возрастных и

социокультурных различий в использовании ИКТ позволяет оценить не только доступность цифровых устройств и готовность самих пользователей, но и выводит исследователей на поиск способов активизации граждан по освоению разнообразных возможностей «онлайн-жизни». Так, социологическое исследование «цифровой» стратификации населения российской провинции (на примере Пензенской и Ульяновской областей) показало, что технологическая доступность онлайн-пространств в разных типах поселения опережает мотивационно-поведенческую доступность. Барьеры освоения цифровых ресурсов (digital divide) носят мотивационный, когнитивный, экономический характер, они присутствуют во всех группах населения, но чаще - среди людей старших возрастных групп, жителей сельской местности, работников с начальным профессиональным образованием, бедных и малообеспеченных людей. Исследование выявило и различные стимулы повышения цифровой активности для разных стратификационных категорий, среди которых наиболее значимыми для всех жителей обследованных регионов являются: необходимость освоения новых гаджетов (41 %), требования в профессиональной сфере (40 %), новые возможности интернета для общения (39 %)[6, с.81].

В заключение следует отметить, что цифровое неравенство как значимый фактор социальной напряженности в информационном обществе требует более пристального внимания со стороны российской социологии. Необходимы, прежде всего, исследования эмпирического характера, направленные на изучение причин, форм и поведенческих характеристик цифрового неравенства в региональном, возрастном, экономическом, образовательном и других социальных контекстах.

Источники и литература

1) Алексеева О.А. и др. Новые возможности и риски потребления электронных услуг людьми старшего возраста / О.А. Алексеева, О.Ю. Бестужева, О.Н. Вершинская, А.Ю. Галюжин, Е.Е.Скворцова // Народонаселение. 2019. Т.22. №1. С. 128-142.

2) Вершинская О.Н. Цифровая депривация // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Москва, 2016. С.431 - 435.

3) Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. №5. С. 163 -182.

4) Горшков М.К. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь мир», 2014. 304 с.

5) Шабашев В.А., Щебакова Л.Н. Тенденции цифрового равенства/неравенства в современном мире // Социологические исследования. 2016. №9. С.3 -12.

6) Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство: поиск эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №4. С. 68 - 85. https: // doi.org /10.14515/monitoring. 2019.4.04.

Титова Людмила Григорьевна
ЯрГУ им. П.Г Демидова, Ярославль, Россия

Социальные конфликты в условиях формирования устойчивого развития территории

Неустойчивость - основная характеристика развития в эпоху глобализации. Сам процесс современного развития - многоуровневый и разноплановый, становится все более противоречивым благодаря субъектам, преследующим свои цели, распределяясь по сферам деятельности, вступая в различные связи и отношения на огромном территориальном пространстве Российской Федерации. Проявление противоречий в реальной практике действующих субъектов, наделенных собственной волей, стремлениями, потребностями, настроениями постоянно воспроизводят конфликтные ситуации. Кроме того, социальные конфликты являются неотъемлемой составляющей периодов социальных трансформаций, следствием нарастающих диспропорций в созидающих и разрушающих процессах, представляют собой посыл общества к власти, трансляция углубляющегося неблагополучия и ожиданий, среди которых не последнее место занимает стремление к упорядоченности, организации, стабильности и устойчивости - как перспективе неразрушаемого мира России. В то жен время - стремление к устойчивому развитию должно учитывать, что это сложный процесс, включающий единство стабильности и динамики, нарушении е баланса между ними приводит либо к явлениям застоя, либо к анархии и стихии неупрявлямости.

Социально-экономические кризисы приобрели затяжной характер, что постепенно приводит к расшатыванию функций всего социального организма - от связей и отношений в социуме до дисбаланса развития на территориальном уровне. Стремление к объединению всей территории России высказано в Послании Президента Федеральному собранию (15

января 2010 г.), предпринимаемые мероприятия, в частности, введение в Конституцию поправки о гарантированном минимуме оплаты труда и пенсий - свидетельство о первых реальных шагах, за которыми необходима комплексная программа создания единой, устойчиво развивающееся российской территории в ее основополагающих базовых значениях - среди которых инвестиции в национальную экономику - первоочередная задача. Другим объединяющим фактором с учетом историко-культурных традиций народов, населяющих территорию Российской Федерации, является сохранение и развитие российской национальной культуры, в ее гражданских, патриотических составляющих - сбережение населения (демографический фактор), национальная безопасность (военный фактор), русского языка как языка межнационального общения (дискурсный фактор).

Наблюдаемый в настоящее время резкий дисбаланс в развитии территорий Российской Федерации, создает серьезные проблемы для управляющих структур, так как требует координации действий на федеральном и региональном уровнях, взаимодействия всех субъектов управленческого процесса, что не просто в масштабах России, климатических и географических, социальных, национальных.

Очевидно, на данном этапе выхода из кризиса в условиях глобальных проблем и ограничений со стороны западных государств необходима мобилизация внутренних ресурсов страны, включение механизма саморегуляции, что, в свою очередь, предполагает наличие самоопределяющихся субъектов, способных к саморазвитию.

Устойчивое развитие территории предполагает самосохранение общества в условиях социальных кризисов, накопления ресурсов для перспективного будущего. Это предъявляет новые требования к каждому индивиду и всей системе его воспитания и образования, существенной перестройки образовательной политики государства, ориентации ее на субъектно-ориентированный процессе, а индивида - на непрерывное образование.

Реализация задач устойчивого развития территории требует также включения всех социальных групп, среди которых приоритетная роль отводится молодежи.

Объектом изучения роли молодежи в развитии территории выбран г. Тутаев Ярославской области. Проблемы развития города - характерны для многих средних и малых городов российской периферии:

- изменение возрастной структуры населения - снижение доли постоянного населения в трудоспособном возрасте и увеличение доли населения старше трудоспособного возраста; - ускоренными темпами происхо-

дит снижение численности занятых в экономике района, - увеличение маятниковой миграции трудоспособного населения, в первую очередь - молодежи.

В городе в течение ряда лет ведется большая работа по сохранению молодежного контингента работающего населения, вовлечения ее в активную социальную деятельность. Группа ученых Лаборатории развития педагогики и психологии (руководитель - доктор педагогических наук В.В.Юдин) Ярославского государственного университета им. К.Д.Ушинского начала комплексное изучение социального потенциала устойчивого развития территории города через призму формирования и проявления субъектности молодежи на территории города. Переход на новый уровень образованности с развитием мышления как главного его результата - не распространенная практика, отличающаяся от применения традиционных форм и методов обучения, путем накопления знаний, умений и навыков, требует нового системного подхода к проблеме как со стороны образовательных учреждений, так и всего социума, понимания необходимости перехода к новой системе мышления и механизму его формирования.

Трофимов Сергей Викторович
социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, Moscow, Россия

Религиозные конфликты в современном российском обществе

Религия занимает заметное место в публичной сфере, оставаясь глубоко интегрированной во многие сферы общественной жизни - культуру, образование, быт, политику. Она стала частью политической риторики и является важным фактором социокультурных трансформаций. Даже в условиях светского общества, мы наблюдаем, что на уровне повседневной жизни она играет важную роль даже для тех, кто не идентифицирует себя с какой-либо определенной конфессией.

На фоне возрастания светскости и плюрализма мнений, Сегодня переоценивается роль религии в обществе как проводника социального единства, интеграции и солидарности, что неизбежно приводит в возрастанию конфликтогенности религиозного фактора. Религия, включенная в реальность противостояния индивидуального и коллективного, становится категорией не только более множественной, но и несущей качественно новые признаки неравенства, соревнования и конфликта.

Религиозные отношения складываются в обществе в соответствии с религиозным сознанием и реализующиеся посредством религиозной деятельности. Они несут разный характер: солидарности и конкуренции, терпимости и нейтралитета, конфликта и борьбы. Важно учитывать, что даже при толерантном сосуществовании нескольких религиозных течений у их адептов всегда имеется представление о превосходстве собственного.

Религиозный конфликт - разновидность социального конфликта, где все его структурные составляющие (объект, стороны или их побудительные силы, мотивы, интересы, цели и ценности) имеют религиозную основу. Вместе с тем, религиозная составляющая может находиться в основе в активные экономических, политических и иные социальных отношений, в которые люди вступают в процессе жизнедеятельности, но подобные связи по своему содержанию не обязательно будут являться религиозными. Под религиозным конфликтом обычно понимают противостояние представителей различных вероисповеданий или противоборство внутри одной религии, в основе которого лежит неприятие иных взглядов.

Весьма редко оказывается, что религиозные взгляды сами по себе становятся причиной конфликта двух сторон без политического, идеологического или иного аспекта. Религиозные конфликты часто принимают форму борьбы за политические права, национальную (этническую) независимость, социальную справедливость, гендерное равенство и т.д. Религиозная идентичность часто связана с национальной (этнической) идентичностью, раскрывая требования иного контекста. Также религиозные конфликты могут быть обусловнены идеологическим ресурсом, которым легко манипулируют политические элиты и правящие группы для достижения не религиозно-духовных, а материальных и политических целей. В таких случаях следует выделять конфликты на религиозной основе, религиозно-этнические, религиозно-политические иные.

Фахретдинова Альбина Баязитовна
ФГБОУ ВО "КГЭУ", Казань, Россия

К вопросу о стимулировании двигательной активности современных работников

Внедрение достижений научно-технического прогресса в трудовую деятельность современного человека привело к резкому снижению мышечных напряжений, физических усилий. Эта тенденция, ведущая к повышенной массе тела, а также проблемам с артериальным давлением,

уровнем глюкозы и холестерина, была замечена более семидесяти лет назад и с тех пор, по мере роста механизации и автоматизации труда, только усиливалась. В условиях существенного сокращения двигательной активности людей и увеличения их психоэмоциональной нагрузки отдых в форме физического бездействия больше не удовлетворяет нужды организма. Как же преодолеть гиподинамию современного работника, добиться его высокой работоспособности и при этом укрепить здоровье, выносливость и способность стойко переносить психологические нагрузки так характерные для современного общества, а также адекватно реагировать на стрессовые ситуации?

Многочисленные исследования свидетельствуют, что к значительному росту производительности труда, творческой активности сотрудников, повышению трудовой дисциплины и добросовестному отношению к работе, уменьшению числа дней нетрудоспособности по причине болезни ведет органическое включение в трудовую деятельность физической культуры и спорта [1].

Среди основных видов корпоративных мероприятий основанных на физической активности сотрудников, прежде всего, назовем корпоративные путешествия и соревнования. Корпоративные путешествия - вид рекреационного туризма, в ходе которого происходит «ненавязчивое» сплочение трудового коллектива. Корпоративные соревнования предполагают состязания между собой двух и более сотрудников или групп сотрудников, либо преодоление сотрудниками каких-либо трудностей и проблем. Здесь следует назвать спартакиады, командные игры (эстафеты, олимпиады, веселые старты и др.) и квесты (прохождение препятствий, командные приключения). Обозначенные мероприятия, проводимые в рамках одной организации или определенной сферы бизнеса, ориентированы не столько на выявление лучших спортсменов и команд, сколько на пропаганду здорового образа жизни и спорта, знакомство и неформальное общение сотрудников, усиление их лояльности к компании.

Для повышения работоспособности и производительности труда, снижения заболеваний и оптимизации двигательной активности на рабочем месте чаще всего рекомендуют следующие мероприятия: обеспечение сотрудников спортивными тренажерами, организация производственной гимнастики на рабочем месте, предложение скидок для посещения фитнес-клубов, проведение корпоративных конкурсов, поощряющих участие в спортивной деятельности [2, с. 37].

К современным технологиям приобщения сотрудников к здоровому образу жизни, физической культуре и спорту относят так называемые фитнес-игры. Фитнес в форме игры увлекает, делает тренировочный

процесс разнообразным и интересным для занимающихся. Исследования показали, что в процессе фитнес-игр увеличивается не только расход энергии, но и в целом физическая активность и мотивация сотрудников; после игры улучшается настроение и внимание [3].

Корпоративный спорт, как совместные занятия сотрудниками компании каким-либо видом спорта, подразумевает организацию спортивных тренировок и последующих соревнований. Такой вид физической активности сотрудников способствует снижению стресса и снятию нервного напряжения; выявлению неформальных лидеров и установлению тесных межличностных взаимоотношений; формированию атмосферы согласия и взаимопомощи в коллективе; проявлению индивидуальных способностей сотрудников и поддержанию их здоровья [4].

Спортивные мероприятия организуемые компанией - хороший способ совместить работу и заботу о здоровье, а также настроиться на выполнение сложных профессиональных задач. Спорт позволяет сформировать такие значимые для трудового процесса качества как дисциплина, сила воли и умение придерживаться цели.

Подводя итог сказанному отметим, что работодателям не выгодно держать в штате часто болеющих сотрудников, поскольку это ведет к снижению производительности труда и издержкам в виде выплат по больничным листам. В современных условиях компаниям следует самим стимулировать двигательную активность своих сотрудников, их потребность в здоровом образе жизни путем привития интереса к физической культуре и спорту.

Целенаправленная работа по внедрению с современных российских компаниях корпоративных физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий как для преодоления гиподинамии работников, так и для усиления корпоративной культуры, к сожалению, пока не получила широкого распространения.

Источники и литература

1) Максимов И.Б. Развитие корпоративного спорта, как способ повышения производительности труда / И.Б. Максимов, И.В. Мамрукова [Электронный ресурс]: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 23 марта 2017 г. – Режим доступа: https://popecon.ru/otrivki/675-korporativnyi-sport-i-proizvoditelnost-truda.html (дата обращения: 12.01.2020)
2) Барковский Е.С. Зарубежный опыт повышения двигательной активности и влияния физической культуры на производительность

труда [Текст] / Е.С. Барковский, Ю.А. Фисенко // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2018. - №10 (164). – С. 34-38.

3) Russell, W.D. Short-Term Psychological Effects of Interactive Video Game Technology Exercise on Mood and Attention [Текст] / W.D. Russell, M. Newton // Educational Technology & Society. – 2008. – 11 (2). – P. 294–308.

4) Кликавка А. Е. Корпоративный спорт как средство популяризации здорового образа жизни [Электронный ресурс] / А.Е. Кликавка // Молодой ученый. – 2017. – №50.1. – С. 22-24. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/184/47320/ (дата обращения: 20.01.2020)

Федоркина Алла Павловна

РАНХиГС, Москва, Россия

Трансграничность информационного пространства как фактор влияния на социальные конфликты

Современное понимание социальных конфликтов невозможно без анализа новых характеристик социального пространства, появившихся в результате глобализации, информатизации, новых коммуникационных и информационных технологий. В основу осмысления этого пространства должно быть положено понятие «сеть», которое в данном контексте используется как сеть Интернета. Природа сети имеет много общего с географическим пространством, но по сути является промежуточным звеном между интеллектуальным и единым мировым материальным пространством [1].

Одной из важнейших характеристик сети является трансграничность, которая расширяет возможности как позитивного, так и негативного информационного влияния на развитие социальных процессов. В настоящее время мы являемся свидетелями нарастания качественно новых тенденций в развитии сети и бурного развития информационных процессов, связанных с расширением информационно-коммуникативного влияния на человека. Различные направления исследований информационно-коммуникативных характеристик сети и ее влияния на современного человека представлены в работах отечественных ученых [3; 4, с. 42-50].

К характерным особенностям сети относятся: увеличение объема и плотности информационно-коммуникационных потоков, дифференциация различных сфер коммуникации, преобразование «естественной» си-

стемы социальной коммуникации в целенаправленно создаваемую и искусственно поддерживаемую. Это пространство, которое подчиняется только принципу функциональной рациональности, а информация в нем превращается в стратегический ресурс развития практически всех сфер жизнедеятельности общества, включая политический кластер, и тем самым создающим условия не только для более позитивного, но и негативного его развития, в том числе по сценариям субъектов их управления. Этому способствует разработка новых технологий обработки, передачи, хранения информации, а также различных способов психологического воздействия на социальные субъекты различного уровня - государства, отдельные регионы, социальные группы, индивиды и т.д.

В этом контексте целенаправленное воздействие может рассматриваться также как информационное управление социальными процессами и использоваться не только для позитивного, но и негативного их развития в виде конфликтного взаимодействия субъектов, участвующих в них. Это относится и к социальным конфликтам на уровне общества. Чтобы понять, как развиваются социальные процессы в варианте социальных конфликтов, необходимо признать, что в настоящее время возникли и развиваются социальные коммуникации нового поколения, которые влияют на стремительно трансформирующиеся структуры современного общества.

Характерные особенности этого общества были предметом исследования в трудах таких авторитетных западных ученых, как М.Кастельс, П.Бурдье, Ж.Делез и др. В результате был сделан вывод о том, что трансграничность информационных сетей открывает новые возможности анализа современного общества и человека в нем через призму многообразия не только воздействия, но и восприятия человеком мира.

В связи с этим обращают на себя внимание идеи Б. Вельмана, который понятие «сети» соотносит с образованием сообществ в виртуальной среде [5]. Сообщества трактуются в этом плане как сети межличностных связей, обеспечивающие взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность. Собственно, такой же трактовки придерживается и М. Кастельс, который в своей работе «Власть коммуникации» анализирует сети с точки зрения процессов коммуникации [2].

Ученые приходят к выводу, что сети создают особые условия жизнедеятельности человека в новой социальной реальности, так как происходит замена социальных связей человека от непосредственных в реальном мире к опосредованным в мире виртуальной среды, в мире сети. В силу появления новых коммуникационных возможностей у человека появи-

лись новые потребности, которые он может удовлетворять без реальной связи с другими людьми.

В связи с этим одним из эффективных средств информационного влияния не только на отдельного человека, но и на состояние социальных групп и общества в целом было заявлено о возможности воздействия на мысли, эмоции и мотивы правительств, организаций, групп и индивидов тех государств, на которых оно направлено. Одной из известных технологий достижения целей стратегии и тактики такого влияния была ориентация на подведение той или иной территории или государства к состоянию так называемой турбулентности или хаоса, которые могут повысить потенциал конфликтности в обществе.

Позднее эти технологии были использованы в произошедших, так называемых компьютерных революциях в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока, которые получили название "Арабские революции". Это было одним из первоначальных вариантов реализации идей по формированию конфликтогенности в других государствах и в конечном итоге примером возможности государственного переустройства на основе специально разработанных компьютерных технологий.

Источники и литература

1) Быльева Д.С. Сеть как новый вид пространства // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016.
2) Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.
3) Сергеев В.М., Сергеев К.В. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Политические исследования. 2003. №3
4) Шенцева Е.А. Сетевой подход в контексте философского дискурса // Вопросы философии. 2012. №8. С.42-50.

Халявкин Александр Викторович

Институт биохимической физики РАН и ФИЦ ИУ РАН, Москва, Россия

Бесконфликтное социальное неравенство – оксюморон или жизненная необходимость для оптимальной устойчивости солидарного общества?

Как известно, социальным неравенством принято называть особый вид социальных различий, приводящих индивидов из разных социальных кластеров к неодинаковым возможностям доступа к так называемым жизненным благам и возможностям реализовать свой личностный потенциал. Оно может приводить, и приводит, к различного рода социальным конфликтам. Усугубляется такое социальное неравенство существенными различиями в вероятностях межкластерных перемещений вверх по иерархической лестнице современного общества и зачастую отсутствием возможностей задействования так называемых социальных лифтов.

Иногда по умолчанию предполагается, что социальное неравенство практически является синонимом социальной несправедливости. В реальных обществах это действительно часто имеет место. Однако социальное неравенство может оказаться и справедливым. Для этого социальные, экономические и иные возможности индивидов из наинизшей социальной страты должны соответствовать вполне определенному реально необходимому прожиточному минимуму (многокомпонентному параметру), достаточному как для адекватного функционирования членов это страты, так и для реальной возможности их личностного развития и, при необходимости, перехода вверх по лестнице структурной иерархии общества.

Большинство полагает, что социализм так и не смог утвердить устраивающее все слои населения гармоничное общество, а правящий класс располагал большими привилегиями. Однако вывод о том, что именно скрывавшаяся внутри него социальная несправедливость и социальное неравенство погубили этот прекрасный по своей идее общественный строй не столь однозначен. Если бы правящий класс состоял бы только из профессионалов, опирающихся на мнение экспертов, был бы менее ригиден и более гибок, планомерно повышая запас прочности и успевая своевременно и адекватно реагировать на возникающие перед страной вызовы, печального исхода вполне можно было избежать. Не хватило политического и социально-экономического визионерства, опоры на выводы экспертов, политической ответственности, воли и смелости принятия нужных решений.

Наш анализ показывает, что адекватно устроенное и устойчиво функционирующее солидарное общество, в основу которого было бы положено социально справедливое неравенство долгоживущих индивидов, не является утопией [1-8]. Но для его осуществления необходима гармонизация всех его социальных страт, подчиненная общей цели. Особенно перед лицом системного глобального кризиса.

Медико-биологические обоснования принципиальной возможности существенного увеличения активной продолжительности жизни человека имеются в современной литературе. В том числе и среди наших публикаций [9].

Поэтому так своевременны и современны идеи по данному вопросу, заложенные еще в трудах выдающегося визионера Питирима Сорокина, который более 70 лет назад выступил с программой «спасения человечества» на базе «альтруистической любви и поведения».

Исследователи его творчества совершенно справедливо полагают, что основная идея Питирима Сорокина как социолога — это идея интегрализма. В соответствие с этой идеей, социологический вектор развития должен быть направлен в сторону построения обобщающей теории структуры и динамики разнообразных социокультурных систем. А противоречивое многообразие реально существующих социокультурных систем в перспективе будет конвергировано в некий интегральный социокультурный контент. Подобная социологическая пан-теория должна стремиться включить в себя всё знание своего времени, как гуманитарное, так и естественнонаучное, представляя собой единую гармоничную систему. При этом мне, как представителю естественных наук, понимающему принципиальную реализуемость данной программы, совершенно ясна необходимость как предварительного анализа и оценки вероятности возникновения новых гуманитарных и иных рисков, так и поиска способов их предотвращения или минимизации [9].

Источники и литература

1) Халявкин А.В. Взаимовлияние медицины и общества на пути к Человеку долгоживущему. Роль социологии в создании сценариев будущего мира // X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». Сборник материалов. Электронное издание. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – 897 с. ISBN 978-5-19-011137-8. С. 141-142.

2) Халявкин А.В. Пути разрешения пенсионного кризиса – взгляд геронтолога // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16—17 марта 2016 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. — М.: АО «ВЦИОМ», 2016. — 1710 с. (ISBN 978-5-9905-9707-5). С. 1132-1134.

3) Халявкин А.В. Включение интегрализма Питирима Сорокина в программу социологического образования для лучшей готовности выпускников к поискам ответов на глобальные вызовы XXI века // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия: XI Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2017»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2017. – 976 с. (Электронное издание комплексного распространения). ISBN 978-5-317-05537-0. С. 540-541.

4) Халявкин А.В. Биомедицинские предпосылки принципиальной возможности переломить демографическую ситуацию в России. Взгляд геронтолога // Материалы VII международной Грушинской конференции «Навстречу будущему». М.: АО «ВЦИОМ», 2017. – 1886 с. ISBN 978-5-9063-4516-5. С. 842-845.

5) Халявкин А.В. Тренды развития геронтологических технологий как прогнозная составляющая социальных изменений // Материалы VII международной Грушинской конференции «Навстречу будущему». М.: АО «ВЦИОМ», 2017. – 1886 с. ISBN 978-5-9063-4516-5. С. 1271-1274.

6) Khalyavkin A.V. Solutions to the pension crisis – the view of a gerontologist // International Conference “Demography, Ageing and Health”. 26-28 September 2017, Oxford, UK. – 2017. – P. 6-7.

7) Халявкин А.В. Социальная (не)справедливость – как она реализуется на уровне клеточных сообществ организма и в человеческих обществах // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 1312 с. (Электронное издание комплексного распространения). e-ISBN 978-5-317-05809-8. С. 748-750.

8) Халявкин А.В. Социолог как конструктор будущего общества долговечных людей // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», 18— 19 апреля 2018 г. / отв. ред. А.В. Кулешова.— М.: АО «ВЦИОМ», 2018.— 482 с. ISBN 978-5-906345-15-8. С. 120-124.

9) URL: https://www.researchgate.net/profile/Alexander_Khalyavkin

10) Халявкин А.В. Потенциал активного долголетия человека и препятствия на пути к его реализации // Аналитика на службе Отечеству: Сборник статей Пятой межрегиональной научно-практиче-

ской конференции (Москва, 14 декабря 2019). – М.: Ритм, 2019. – 208 с. ISBN 978-5-98422-425-3. С. 55-59

Ходыкин Александр Владимирович
Самарский государственный экономический университет (СГЭУ), Самара, Россия

Космос как новое пространство социальных конфликтов

На протяжении всей истории человеческой цивилизации взаимодействие людей осуществлялось в пределах физического пространства Земли. Следовательно, все формы социальной коммуникации, к которым относятся и конфликты, происходили только на Земле, и причины конфликтов также были связаны с действиями людей, не выходящими за пределы нашей планеты. Однако с началом космической эры ситуация изменилась: деятельность человека расширилась в космическое пространство, что привело к появлению новой сферы деятельности - космонавтики, в которой и по поводу которой начали появляться новые причины конфликтов, локализованных как на Земле, так и в космическом пространстве. Разделим новые конфликты, появившиеся вследствие космической деятельности, на два основных типа: 1 - конфликты, происходящие на Земле, но связанные с деятельностью по освоению космоса; 2 - конфликты, локализованные в космическом пространстве.

Конфликты первого типа вызваны противоречиями, возникающими между интересами людей, жизнь которых так или иначе затронута деятельностью по освоению космоса. Рассмотрим причины таких конфликтов:

1) Различное понимание важности и задач освоения космоса. Многие люди не верят в необходимость огромных затрат на космос при наличии нерешённых острых социальных проблем. По данным ФОМ чуть менее 20% россиян говорят, что нужно снижать расходы на освоение космоса [1]. Во время полётов «Аполлонов» на Луну в США даже случались протесты против них граждан, считавших траты на эти полёты неразумными. Однако были и противоположные примеры, когда протесты в США в 2004 году содействовали сохранению программы по исследованию космоса [2]. Кроме того, конфликты могут возникать по поводу понимания людьми приоритета ценностей освоения космоса. Каким должно быть освоение космоса? Национальным или международным? Мирным или военным? Пилотируемым или беспилотным? Ответы на эти и другие во-

просы определяют направления развития космонавтики и поэтому вызывают острые дискуссии как среди специалистов, так и среди обычных граждан, в результате чего нередко возникают конфликты.

2) Разрушение космической деятельностью привычной повседневной жизни людей и социальных групп. Строительство космодромов и космической инфраструктуры иногда коренным образом меняет жизнь людей прилежащих территорий. Жители Французской Гвианы после строительства на их территории космодрома вступили в конфликт с французскими властями из-за режима деятельности космодрома, при осуществлении запусков с которого перекрывалась единственная дорога [3]. Этот пример показывает, как деятельность по освоению космоса может стать фактором, определяющим повседневную жизнь людей, не являющихся участниками этой деятельности.

3) Экологические конфликты. Проблема сохранения и защиты природы от разрушительного воздействия антропогенных факторов - один из крупнейших источников современных социальных конфликтов. Космическое производство и, в особенности, запуски ракет, наносит существенный вред природе - отработанное ракетное топливо загрязняет местность, отравляет животных и растения, наносит вред экосистемам. Однако деятельность по освоению космоса не только создаёт экологические проблемы, но и изобретает ресурсы для их решения, причём на глобальном уровне. Примером тому может служить охарактеризованное Джоном Урри использование международных сетей по освоению космоса для решения проблемы глобального потепления [4].

Конфликты второго типа локализуются в космическом пространстве и, соответственно, предполагают взаимодействие людей в нём. Экипажи космонавтов представляют собой изолированные малые группы. Специфики коммуникации космонавтов придают замкнутое пространство космической станции и её отдалённость от других сообществ. Высокая склонность к конфликтам и направленность на противопоставление своей изолированной группы внешнему обществу отмечались во многих наземных экспериментах, имитирующих длительные полёты в космос, начиная от советских экспериментов 60-х годов прошлого столетия [5] и заканчивая современными экспериментами «Марс-500» и HI-SEAS V. Конфликты в данном случае есть следствие разрушения порядка социального взаимодействия, структурированного системой социальных связей.

Из реальной практики можно вспомнить конфликт Льва Воробьёва и Валерия Яздовского, которые, вступив в конфликт друг с другом, провалили предстартовый экзамен и так и не слетали в итоге в космос, а также проявившаяся уже в космосе неготовность к полёту американско-

го астронавта Джерри Линенджера, у которого на борту станции «Мир» в 1997 году произошёл нервный срыв, и он не смог нормально взаимодействовать с другими членами экипажа.

Из-за подобных случаев проводится множество исследований конфликтного потенциала экипажей космических миссий, а с конца XX века, когда экипажи стали международными, особое внимание стало уделяться обучению космонавтов межкультурной коммуникации.

Таким образом, освоение космоса не только способствует научно-техническому прогрессу, но и сопряжено с рисками возникновения новых социальных конфликтов, поэтому становится актуальным их исследование с целью разработки путей их предупреждения и успешного разрешения.

Источники и литература

1) Опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 8 апреля 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: https://fom.ru/Budushche e/14004 (Дата обращения 04.11.2019).
2) Harris H.E., Russo P. (2015) The in [U+FB02] uence of social movements on space astronomy policy. The cases of “Hubble Huggers”, JWST’s “Science Warriors” and the ISEE-3 “Reboot Team” // Space Policy. Vol. 31. P. 1-4. DOI: 10.1016/j.spacepol.2014.08.009.
3) Redfield P. (2000) Space in tropics: from convicts to rockets in French Guiana. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
4) Urry J. (2011). Climate change and society. Cambridge, England: Polity.
5) Божко А.Н., Городинская В.С. Год в «звездолёте». – М.: Молодая гвардия, 1975. – 159 с.

Хомякова Кристина Львовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальные конфликты в больших городах: специфика и основные проблемы урегулирования

Проблематика социальных конфликтов является одним из ключевых компонентов предметного поля современной социологии и определяет

значимые направления социологических исследований [1, 2]. Высокая скорость трансформаций в различных сферах общественной жизни, рост взаимосвязанности и взаимозависимости субъектов в условиях глобализации, интенсивные процессы миграции, непропорциональное распределение материальных и нематериальных ресурсов, связанные с этим проблемы социальной эксклюзии, доступа и социального неравенства - эти и другие факторы способствуют усилению социальных противоречий, а также возникновению новых форм социальных конфликтов.

В рамках современного научного сообщества подчеркивается сложный характер причин и факторов возникновения социальных конфликтов, среди которых не только экономическое неравенство, но и «этнические и гендерные различия, разница в уровне образования», которые «также ведут к увеличению сегрегации в большинстве европейских городов, что может стать угрозой для стабильности и порядка вследствие роста социальной напряженности» [3].

Особую актуальность социальные конфликты приобретают в больших городах, представляющих собой конгломерат различных социальных субъектов, общностей и групп, их целей, ценностей и возможностей. Именно в мегаполисах концентрируется огромное количество людей, являющихся представителями различных социальных слоев, культур, реализующих жизненные стратегии исходя из условий окружения, стартовых возможностей и собственных интересов.

Интенсивный процесс урбанизации также свидетельствует о необходимости исследования природы и сущности социальных конфликтов как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях научного анализа. По оценкам ООН, доля городского населения в мире к 2050 г. составит 2/3 жителей всего земного шара - 66% (в некоторых регионах, в частности, в Латинской Америке, в Северной Америке городское население будет составлять 80%) [4].

В условиях возрастающей гетерогенности городского населения и многообразия социальных конфликтов особую важность приобретает проблема идентичности в больших городах. Как отмечают исследователи Мичиганского университета, «сложность самоидентификации еще больше усиливается в городах, где люди вынуждены ориентироваться во множестве измерений своей идентичности в непосредственной близости от миллиардов других людей, и где различие между мирными и насильственными действиями все более размывается. Высокий рост социальных и экономических изменений в городах вызывают политическую нестабильность, неравенство и безработицу, что приводит к отчуждению,

дезорганизации и формулированию новых гражданских требований, которые ранее были немыслимы» [5].

Сложность анализа современных социальных конфликтов в городах и проблемы их урегулирования связаны также со сложной морфологией больших городов, способствующих возникновению «микрополитических» порядков со своими представлениями о правах, ценностях и нормах, частично контролируемых гражданскими субъектами.

Таким образом, исследование социальных конфликтов в больших городах предполагает привлечение данных из различных источников, включая как официальную статистику, так и вспомогательные ресурсы (данные социальных сетей и опросов), предполагает анализ факторов социальных конфликтов и выявление их внутренней специфики. Изучение трансформации городской идентичности, а также особенностей форм социального взаимодействия внутри конфликтующих групп являются необходимым элементов процесса разработки мер урегулирования социальных противоречий.

Источники и литература

1) Соломатина Е. Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию социального конфликта // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2012. — № 4. — С. 70–85.

2) Social Conflict Analysis Database. URL: https://www.strausscenter.org/scad.html

3) Осипова Н. Г., Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 153-155.

4) World Urbanization Prospects The 2014 Revision. Department of Economic and Social Affairs. United Nations, 2014. URL: http://www.un.org/en/development/desa/news/population/world-urbanization-prospects-2014.html.

5) The Morphology of Urban Conflict. URL: https://graduateinstitute.ch/communications/news/morphology-urban-conflict

Шамилева Роза Камилевна

Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д.Миллионщикова, Грозный, Россия

Интерпретация справедливости современным либерализмом в условиях социальных конфликтов

Либеральная идеология на пути поиска модели справедливости приобрела такую максиму: справедливость требует равного обращения со всеми лицами, равного уважения их достоинства и возможностей достичь определенного дистрибутивного результата. Подобная интерпретация справедливости требует на указание положения и места самого либерализма в системе социальных реалий.

Достаточно поверхностного взгляда на современную политическую ситуацию в западных странах, чтобы понять неоднозначное положение современного либерализма. Большие успехи, достигнутые им, связаны с защитой индивидуальных прав, с элементами превращений основных прав и свобод человека в важное измерение политической жизни нынешних государств. Либерализм, который достиг огромных успехов при устранении конфликтов, связанных с иерархическими преградами, которые сдерживают индивидуальную свободу и выбор, а также обеспечивают равенство возможностей. Язык прав политики так прочно вошел в культуру и психологию людей, что человек в нынешнем западном мире представляет себя не иначе как носителя определенных прав. Отказ человеку в правах расценивается, как непримиримый социальный конфликт между гражданином и институтом власти воспринимать его как личность. К числу исторических заслуг либерализма можно также отнести возросшую материальную обеспеченность членов либерального общества благодаря политике экономического роста.

С точки зрения Дж. Роулса, люди, желающие создать хорошо организованное, справедливое общество, должны принять, прежде всего, идею равных свобод. Вот почему главный принцип справедливости, заключающий в себе эту идею, определяет логику последующего поведения участников социального контракта, которые должны искать подходящие основания для разрешения любого конфликта, связанного с отклонением от равных свобод, оправдывать их ссылкой на правила приоритета, установленные теорией «справедливости как честности» [1, с. 232].

Но сегодня существует много людей, которые, не умаляя значимости заслуг истории либерализма, тем не менее, говорят о том, что либерализм исчерпал возможности и пережил глубокий упадок. Либералов можно обвинить в неэффективности проводимой политики, в худшем же случае видеть в них источник разрушительных действий, которые ведут к социальной и культурной дезинтеграции и неразрешимым проблемам.

Отвергнув либеральное понятие социальной справедливости, консерваторы акцент на равенстве заменили акцентом на неравенство: «справедливость - это неравенство». Между неравными группами, классами происходят постоянные конфликты и борьба, но причины этого, утверждает Р. Дарендорф, лежат не в отношениях частной собственности, а в структуре власти, господствующей в данном обществе. Отношения власти и авторитета не только центр социальной структуры, но и очаг конфликтов, вызывающих общественные изменения. Либеральное представление о справедливом обществе утопично, так как подобная модель должна быть лишена конфликтов, а бесконфликтного общества не бывает [2, с. 19].

Справедливость, как социальное требование, отражает представления людей о должном уровне благосостояния. Представления о различных явлениях жизни общества, как справедливых и несправедливых - это оценки со стороны различных социальных групп и слоев населения, о чем свидетельствуют данные эмпирических исследований модели справедливости в условиях социальных реалий современного российского общества.

Наглядное представление о восприятии различных аспектов политики государства, направленной на реализацию социальной справедливости дают результаты проведенного нами социологического исследования «Восприятие понятия социальной справедливости чеченской молодежью в условиях современной реальности». Определяя наиболее важные меры для достижения социальной справедливости респонденты в первую очередь считают необходимым «Обеспечение социальной ответственности каждого на своем месте (учеба, работа, семья)» - 27, 7% опрошенных. Значимым для молодежи является и «Создание условий для соответствия профессии образованию и квалификации» - 20,4%, 19,6%» [3, с. 262].

Главными проблемами справедливого общества являются: обеспечение свободной внутренней жизни различных социальных групп, организация их связей на основе равной свободы, обеспечение основ самоуважения человека, желания людей выразить свою природу в свободном социальном союзе с другими. Необходимость разработки нового варианта справедливости либерализмом неизбежно поставила вопрос о его философских и теоретических основаниях, об объединяющем принципе, обеспечивающем преемственность в развитии либеральных идей, о судьбе либерализма в современном мире.

Источники и литература

1) Роулс Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535с.
2) Дарендорф, Р.Г. Элементы теории социального конфликта. Москва : Директ-Медиа, 2007. – 21 с.
3) Шамилева Р. К. Модель справедливости в контексте региональной политики современной России (на примере Чеченской Республики). / «Фундаментальные прикладные исследования: проблемы и результаты» //Материалы Международной научно-практической конференция, посвященной 100-летию ГГНТУ. 02-04 ноября 2017г. Г. Грозный. Том 2. С. 260-264

Шаяхметова Венера Рюзальевна
ФГБОУ ВО "ПГГПУ", Пермь, Россия

«Цифровая» экономика: социальные вызовы к системе общего образования

Перспективы России в развитии «высоких технологий» и, следовательно, цифровом прорыве, оцениваются достаточно скромно. Доля технологий пятого уклада в России составляет 10% только в двух высокоразвитых отраслях: в военно-промышленном комплексе и авиакосмической промышленности [1]. Технологический прогресс мыслится как извлечение максимальной прибыли и социальные последствия при этом вторичны. Экономическая политика по-прежнему основывается на старой парадигме воспроизводства и накопления вещественных элементов национального богатства [2, с. 44].

Где и в чем выход? Требуются инвестиции в человеческий капитал с оценкой его рентабельности, уход от имитации действий по формированию «новой экономики» к ее реальному формированию.

Локомотивом развития должно стать российское образование. Необходимо преодолеть растерянность большинства педагогов в вопросах методологии цифрового обучения. Необходим аддитивный принцип, т.е. постепенное наращивание востребованных компетенций с учетом постоянно меняющихся социальных и личностных запросов.

Центр тяжести переносится на индивидуализацию образовательных программ, развитие онлайн образования, проектно-ориентированное обучение, формирование новых исследовательских компетенций. В рамках нацпроекта «Образование» в большинстве школ РФ административной

мобилизацией усилий проведена компьютеризация рабочих мест педагогов, на смену бумажным УМК постепенно приходят электронные образовательные ресурсы.

Такой феномен, как ЕГЭ, несмотря на негативное отношение общественности, имеет существенные плюсы. Рост поступлений в лучшие вузы детей, живущих вдалеке от «столиц», доказывает факт равных стартовых возможностей.

Формат ЕГЭ соответствует духу цифровизации, предполагая стандартизацию мышления. Несмотря на запрос учителей внести задания метапредметного характера в КИМы ЕГЭ, на экзамене по-прежнему выпускник оперирует знаками, а не знаниями. Возможности для проявления креативности, критического мышления на ЕГЭ минимальны. Образцы нестандартного способа мышления и создания принципиального нового выпускники могут транслировать на конференциях, семинарах, профессиональных конкурсах (JuniorSkills, WorldSkills) и т.д.

Формируется диссонанс между традиционной школой, ориентированной на прежнюю модель «традиционного» выпускника с знанием предметов, и «эпохой состояний неопределенности», заставляющей профессионально и личностно самоопределяться, расширять диапазон социальных ролей без готовых соответствий и инструкций.

Учителя обучают современное «сетевое» поколение, которое быстрее и масштабнее оперирует информационными технологиями. Большинство педагогов не готовы к технологической и дидактической перестройке личной практики, даже опасаясь новых форматов транслирования знаний.

Необходима осмысленная, структурно выстроенная интернет-ориентированная методика, которая преодолеет стереотипы и «информационную» перегруженность. Она должна преодолевать «кликовое» сознание подростков; их склонность к использованию легкодоступной информации; некритичность мышления. Только появление качественных учебных материалов с положительным воспитательно-образовательным эффектом, позволит выстроить индивидуализацию образования. При этом только учитель способен проконтролировать ненужные интернет-контенты, избегая при этом необдуманности в их использовании.

«Цифровой» человек постоянно возобновляет личные запасы знаний, т.к. от эффективности и своевременности «самообновления» зависит качество его жизни. Требования виртуального мира фактически меняют требования реального мира: тот, кто отстал от «цифры» переходит в разряд «лишних людей» цифровой эпохи.

Общие требования к специалисту на рынке труда сводятся к следующим позициям: умение работать с людьми из разных культур, креативность, владение основами проектного менеджмента, логистики и системной интеграции. Продуктивность деятельности наряду с профессиональной компетенцией определяется личностным потенциалом. Идея является личным достижением отдельного человека. Он генерирует мысли и смыслы, решает технологические и жизненные задачи. Поэтому позиция учителя в условиях цифровизации образования переносится в плоскость поиска смыслов и ценностей. Если естественный интеллект уступает искусственному в части обработки массивов информации, то в различении чувств и эмоций ему нет равных! «Очеловечивание» образования как осмысление идеальных, уникальных категорий становится спасением учителя в условиях цифровой эпохи и основой для гармонизации традиции (ценностно-смысловых установок) и инновации (цифровая реальность).

Влияние позитивных тенденций в цифровом обучении может быть нивелировано отсутствием адекватного дидактического осмысления данных тенденций и недооценкой образовательных приоритетов и ценностей обучения. В процессе обучения должен формироваться разумный баланс между «живым» общением «глаза в глаза» с учителем и «виртуальным» форматом обучения. Учителю следует уделять особое внимание развитию универсалий критического осмысления и анализа пройденного материала, творческих способностей обучающихся.

Источники и литература

1) Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. №4. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/ (Дата обращения 21.08.2019)
2) Щетинин В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. - С.42-49.

Шматова Анна Николаевна

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Формирование привлекательности сельских территорий Ставропольского края для жизни как фактор преодоление социальной напряженности

Анализ содержания Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года [1], научных источников [2] позволил выявить ряд факторов привлекательности сельских территорий для жизни, на которых делается акцент в нашем исследовании. Изучение муниципальных программ сельских поселений Ставропольского края в области развития различных сфер жизнедеятельности позволяет утверждать, что местные администрации прикладывают максимум усилий для реализации тех социокультурных практик, которые направлены на создание комфортной среды жизнедеятельности сельских жителей посредством проведения мероприятий культурного, образовательного, физкультурно-оздоровительного характера. Основной массив муниципальных программ ориентирован на устойчивое развитие муниципального образования, на усиление привлекательности сельских территорий для жизни местного сообщества и на развитие личности членов муниципальных сообществ.

Первый фактор - социально-экономический уровень развития села, необходимый для достойной жизни населения сельских поселений [3]. Социально-экономическую политику, направленную на развитие сельских территорий, необходимо рассматривать как сферу взаимной ответственности государства, органов местного самоуправления, науки, бизнеса и гражданского общества за обеспечение достойного уровня жизни сельских жителей. Создание условий для устойчивого развития сельских территорий - это одна из важнейших стратегических целей современной государственной политики, достижение которой позволит не только обеспечить продовольственную безопасность, но и повысить конкурентоспособность российской экономики и благосостояние граждан.

Второй фактор - развитие сельской инфраструктуры и обеспеченность населения жильем, в первую очередь молодых семей, а также - слабозащищенных слоев населения [4]. Инфраструктура - в самом общем представлении - это система обслуживания, создающая благоприятные условия в основных отраслях экономики, удовлетворяющие потребности населения. В составе инфраструктуры муниципальных образований принято выделять следующие основные подсистемы: социальную инфраструктуру (к ее объектам на селе относят медицинские и детские дошкольные учреждения, организации общественного питания, учебно-производственные комбинаты, службы по охране труда, спортивно-оздоровительные организации, связь и информационные службы); инженерную инфраструктуру (в том числе подразделения жилищно-коммунального хозяйства); транспортную и дорожную инфраструктуру (в том числе транспорт, обслуживающий рабочих и служащих).

Третий фактор - социально-культурное развитие села, который включает такие показатели, как развитие культуры сельских поселений; образовательная среда сельских поселений как элемент социокультурного развития территории; развитие физкультуры и спорта сельских муниципальных образований в контексте решения социокультурных проблем; роль молодежной политики в социокультурном развитии сельских поселений; региональный туризм как фактор социокультурного развития сельской местности [5].

Четвертый фактор - инвестиции в развитие сельских территорий: строительство дорог с твердым покрытием различного класса; возведение школ; медицинских учреждений различных категорий; магазинов; структур коммунального хозяйства; водоснабжения; газификации; досуговых и спортивных центров; муниципальных зданий и других. Для выравнивания бюджетной обеспеченности поселений им предоставляется дотации из бюджета субъекта Российской Федерации или из бюджета муниципального района в случае наделения законом субъекта Российской Федерации органов местного самоуправления муниципального района полномочиями органов государственной власти субъекта Российской Федерации по расчету и предоставлению дотаций бюджетам поселений за счет средств бюджета субъекта.

Пятый фактор - формирование на селе условий для здоровьесбережения и профилактики болезни. Доступная медицинская помощь - важнейшее направление деятельности сельских администраций, что отражено в муниципальных программах. Основная проблема - недостаточное число врачей и младших медицинских работников в сельских муниципальных образованиях.

Шестой фактор - рекреационное пространство сельских муниципальных образований. Рекреационные системы бывают нескольких типов: лечебные; оздоровительные; спортивные; познавательные; развлекательные. Рекреационное пространство городской и сельской местности имеет значительные различия. Это объясняется рядом особенностей.

1. Демографические показатели (городское население имеет большую плотность, чем сельское). В городах жителей больше, значит их запросы относительно рекреационного пространства гораздо выше.

2. Также имеют значение территориальные особенности (сельская местность, в отличие от городской, при всем желании, не сможет развить полноценно рекреационное пространство из-за нехватки территории).

3. Уровень развития обслуживания (сферы услуг), то есть, организация всех форм социального потребления.

4. Состояние сознания (специфические для данного населения нормы и ценности). В данном показателе отражается характеристика дифференциации потребностей населения.

5. Уровень доходов населения.

Чем более привлекательна сельская территория для жизни, тем меньше факторов социальной напряженности возникает в местном сообществе.

Источники и литература

1) Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р // КонсультантПлюс.

2) См. например, Галькова А.А. Привлекательность сельского хозяйства как фактор устойчивого развития сельских территорий //Социально-экономические и правовые тенденции развития региона Сборник. – Ставрополь Изд-во «АГРУС», 2017. – С. 54-57; Шумакова О. В., Рабканова М. А. Устойчивое развитие сельских территорий: понятие и сущность // Фундаментальные исследования. – 2014. – №8-7. – С.1643-1646; Барсукова Т.И., Максимов В.Ю Социальный потенциал администрации муниципального образования и пути его реализации //Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – Вып. 2. – Элиста: Изд-во Калмыцкий научный центр РАН. – 2017. – №2. – С. 119-127 и др.

3) Чепурных Н.В., Мерзлов А.В. Социально-экономические факторы развития сельских территорий // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. – 2017. – № 4. – С. 92-101.

4) Программа комплексного развития социальной инфраструктуры муниципального образования села Апанасенковского Апанасенковского района Ставропольского края на период до 2033 года //moapan.ru/documents/611.html

5) Муниципальная Программа «Культура муниципального образования Янкульского сельсовета Андроповского района Ставропольского края на 2019 - 2021 годы» //adm-yankulskaya.ru

Штомпель Людмила Александровна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Недовольство культурой как новая форма социального конфликта

Понимание культуры как особого способа существования человека, способа его бытия, предполагает вывод о вездесущности культуры: вне культуры человек не существует. Разные социальные общности создают свои культуры и каждый отдельный человек живет согласно той культуре, в рамках которой он воспитывался, идеи, ценности и смыслы которой он разделяет. Именно культура соединяет людей свойственным им образом. Однако переломные моменты истории означают и качественные изменения в ценностно-смысловой сфере, то есть «отход» части людей от изначально принятых ими смыслов и значений культуры, поиск ими и переориентация на иные ценности и смыслы, находящие своё выражения в реализуемых ими поведенческих стратегиях. Это порождает ситуацию взаимного неприятия носителей разных культурных систем. Подтверждением этого неприятия явились результаты исследования, проведённого нами в 2018 году в городах Южного федерального округа, которое было посвящено выявлению отношений горожан к местам своего проживания. Несколько вопросов анкеты позволяют определить, что более всего не устраивает горожан в их городах. На вопрос "Что бы Вы хотели изменить в Вашем городе?" (выбрать можно было не более трёх вариантов ответа) ответы распределились следующим образом: респонденты из крупнейших, крупных и малых городов на первое место поставили чистоту, а на 2-ом месте в крупнейших и крупных городах и на 1-ом месте в больших и средних оказался вариант «изменить людей: сделать их поведение более культурным, уважительным и менее агрессивным». В малых городах на 2-ом месте - вариант ответа «Сделать город более красивым» (46,5%), но на 3-ем - всё равно выделяются культурные качества людей (32,3%) [1, с.58-59] Действительно, стиль поведения жителей малых городов (в которых лучше сохранились личностные связи и общественный контроль за поведением) является менее агрессивным, суетливым и более уважительным по отношению к окружающим. Выбор этого варианта ответа - недовольство поведением «других» и их культурным уровнем - является тревожным симптомом неблагополучия нашего общества. Город можно определять по-разному. В.Л.Глазычев рассматривал его как систему договорённостей между горожанами. Эта система неявных (и явных) договорённостей регулируется элементарными правилами человеческого общежития, нормами морали, правовыми норма-

ми. Соответственно, репрезентация культурного уровня горожан проявляется в их реальном поведении, в том числе и в открытых городских пространствах. Поэтому несколько неожиданным для нас был выбор респондентов при ответе на вопрос "Какие эстетически непривлекательные объекты Вы можете отметить в Вашем городе?" (выбрать можно было не более трёх вариантов ответа). Так вот, «человеческая составляющая» (1-ое место занял «мусор») уверенно занимает 2-ое и 3-е места: бранную речь и ссоры отметили респонденты из крупнейших (46,7%), больших (41,9%), средних (48,1%), малых (40,5%), крупных городов (39,8%); бомжи и попрошайки раздражают 34,2% респондентов крупнейших городов, 30,3% [U+2012] крупных, 31,2% средних и лишь 12,7% малых городов; неряшливость прохожих отметили 21,0% респондентов в крупнейших городах, 25,3% в средних, 22,0% в малых [1, с.64-65]. Это недовольство другими выступает новой формой социального конфликта повседневности - конфликта, вызванного не психологическими, экономическими, политическими причинами, а общей неудовлетворённостью поведением, видом, культурным уровнем людей, с которыми приходится сталкиваться ежеминутно и ежедневно. Л.Вирт, давая социологически значимое определение города, к числу его признаков относил (наряду с размерами) плотность населения и постоянный характер поселения. Сегодня эти два признака становятся всё более динамичными: плотность и территория наших городов всё более увеличиваются, социальные связи становятся всё более разнообразными, а культура их носителей «размывается»: снимаются запреты, вторгаются заимствования, отвергаются «устаревшие» нормы (и даже «неустаревшие»: аномия усиливается), меняется сам состав населения. В условиях возрастающей плотности и накопившейся усталости от зарегулированности одних сфер жизни (например, связанные с технологическими процессами или движением на дорогах) и нерегулированности других (поскольку общественный контроль не реализуется в должной мере, а его отдельные эпизоды не получают необходимой поддержки: вспомним хотя бы движение «Автохам») нарастает индивидуальное недовольство, не подкрепляемое каким-либо общественным сплочением. Это недовольство порождается не неприятием чужой культуры, а неприятием внутри своей же культуры. Таким образом, именно в современных городах происходит усиливающийся процесс дифференциации культур, непрерывного возникновения новых границ (что, в частности, подтверждает феномен огораживания «своей» территории и символическим, и физическим способами), отделяющих (согласно представлениям различных групп городского населения) культуру от антикультуры. Именно подвижность этих границ становится концептуальной

основой объяснения существования всё более усложняющейся «мозаики» социальных конфликтов в городе.

Источники и литература

1) Ценность города и ценности горожан: монография /Южный федеральный университет; под общ. ред. Л.А.Штомпель [ред.кол.: Д.С.Берестовская, В.И.Филоненко, О.М.Штомпель и др.]. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019. 304 с.

Штомпель Олег Михайлович
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Культурная аномия как основа конфликтов в городе

В общеметодологическом плане глубинные основы социального конфликта в его различных модификациях лежат в противоречивом единстве социального и культурного. Дисбаланс, дисгармония, рассогласование между ними реализуется в трёх основных предметных сферах: 1/ на уровне общества - как противоречие между его социальными и культурными подсистемами; 2/ на уровне взаимодействия человека, субъекта культурно-исторического процесса, и общества - как отрицание индивидом деградирующего мира социума и культуры; 3/на уровне личности, внутренний мир которой содержит доминантную установку на собственную внутреннюю, духовную «анормальность», «недостроенность» в отношении с миром абсолютных культурных ценностей, а внешнее бытие, её социокультурный статус оценивается в качестве ущербного и подлежащего изменению [2, с.71].

В ходе нашего социологического исследования, посвящённого взаимодействию аудиовизуальной среды городов Южного федерального округа и ценностных установок и предпочтений горожан, выявлен ряд противоречий между социальной и культурной сферами, чреватые возникновением конфликтов как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Так, например, группа вопросов в анкете касалась оценки горожанами архитектурно-планировочной структуры города, состояния его общественных пространств и их эстетической привлекательности. Здесь выявилась интересная закономерность: оказалось, что количество респондентов, которым нравится их город, в значительной степени не совпадает

с количеством респондентов, утверждающих, что их город является уютным и привлекательным. В крупнейших городах положительно ответили на первый вопрос 82,9% респондентов, а на второй только 69,1 % . Во всех других типах городов мы зафиксировали ту же тенденцию [1, с.41].

Примечательно, что и внутри самих субъектов ЮФО складывается противоречивая картина: если в столице Ростовской области 83,2% респондентов утверждают, что им нравится их город и при этом 72,6% считают, что он уютный и привлекательный, то, например, в Гуково количество жителей, отвечавших положительно на первый вопрос [U+2012] уже 40,0% а на второй вопрос [U+2012] только 5,0%. Данное противоречие, в первую очередь, связано с тем, что именно в депрессивных городах люди настроены более пессимистически, и аудиовизуальную среду города оценивают в значительной степени отрицательным образом [1, с.43-44]. При этом одним из главных требований горожан всех типов городов является чистота.

Примечательно, что горожане демонстрируют почти полное отсутствие культурной аномии: мало кто чувствует свою внутреннюю вину за положение дел в городе.

Результаты анкетного опроса показали, что наибольшие затруднения у горожан вызвал вопрос о том, что лично они сделали для своего города. На этот открытый вопрос основные ответы были связаны с участием в субботниках, в процессах озеленения, в уборке территории. Многие отвечали таким образом: "Я не мусорю". Часть ответов была связана с тем, что человек работает и платит налоги в этом городе и т.п. Только единицы указали на участие в волонтерском движении и в общественной жизни города. Пассивность горожан в обустройстве своей жизни в городе, в совершенствовании городской среды обитания является одной из причин отсутствия городского патриотизма, гордости за свою малую родину [1, с.128].

Источники и литература

1) Ценность города и ценности горожан: монография /Южный федеральный университет; под общ. ред. Л.А.Штомпель [ред.кол.: Д.С.Берестовская, В.И.Филоненко, О.М.Штомпель и др.]. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019. 304 с.

2) Штомпель О.М. Социокультурный кризис. Теория, история и современность. Saarbrũcken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 159 с.

«Секция 2. Социокультурные аспекты современных конфликтов (рук. проф. А.К. Мамедов)»

Руководитель секции:
проф., д.с.н. А.К. Мамедов
Секретарь секции:
доц., к.с.н. Э.Д. Коркия, доц., к.ф.н. И.Н. Чудновская

Основные вопросы секции:

- Глобализация и локализация культур как тренды современного социогенеза
- Конфликтогенность в диалогическом поле современных культур
- Интернет как платформа современных конфликтов
- Семиотика конфликта
- Миграция как причина межкультурных противоречий и конфликтов

Абрамов Александр Петрович
ФГБОУ ВО "Юго-Западный государственный университет", Курск, Россия

Социокультурная природа современных войн

Современная реальность XXI века характеризуется нарастанием процессов глобализации, повышенной степенью различного рола рисков, обострением межнациональных, этнических и иных конфликтов, которые усложняют социокультурное пространство и приводят к открытым военным столкновениям. Даже локальные на начальном этапе военные конфликты (например, на севере Африки) приводят к вовлечению в них всего мирового сообщества и становятся проблемой планетарного масштаба. Как вполне справедливо отмечают Е. Шакирова и Н. Герасимов, современные войны существенным образом трансформируют социокультурное пространство, превращая его в локус войны, нивелируя одни ценности и актуализируя другие [8, с. 300]. При этом само социокультурное пространство становится военным по своей сути. Поэтому изучение социокультурной природы современных войн и конфликтов становится требованием времени и нуждается в научном переосмыслении.

Со времен глубокой античности перед человечеством стоял вопрос о природе возникающих войн и конфликтов. В работах Платона мы находим антропологическую интерпретацию их причин. Социокультурная составляющая стал наиболее четко просматриваться в XX столетии, когда все человечество пережило две разрушительные мировые войны, а в научной литературе появились теории, определяющие нарастание конфликтости современного общества, с которым столкнулась современная цивилизация.

Представляя будущий миропорядок, С. Хантингтон построил свою теоретическую конструкцию о роли социокультурного фактора в характере современных войн и конфликтов. В частности он отмечал, что именно культурные причины станут основными в «цивилизационных» конфликтах, заменив экономические и идеологические разногласия [7].

В современных интерпретациях авторы все более склоняются к социокультурному объяснению войн, которые порождены социальным обустройством общества [4], моральными ценностями и культурным разнообразием и ментальностью народов [6]. Например, М. Волочкова утверждает, что современная война - это, прежде всего культурный конфликт, в котором действия сторон направлены на уничтожение (замену) социокультурых основ, норм, ценностей целых народов [3, с. 7].

Иллюстрацией, подтверждающей нарастание социокультурной составляющей в военных конфликтах XXI века, могут служить действия вооруженных формирований ИГИЛ, которые в первую очередь уничтожали памятники тысячелетнего культурного наследия Сирии.

Анализируя характер современных войн, другие авторы приходят к выводу об их гибридности [5], поскольку человечество все более погружается в виртуальную реальность, отходя от реальности своего настоящего бытия. Такая гибридность способствует формированию новых культурных практик, которые зачастую противостоят традиционным идеологиям и культурным ценностям, порождают конфликты и войны.

Современная война существенно изменяет социокультурную реальность, трансформирует аксиологические взаимодействия. Деформации подвергаются и ценностные значения, которые полностью или частично нивелируются. Социокультурность на всех этапах войны с момента ее начала и после ее окончания создает особые зоны конфликтов не только между всеми элементами социальной структуры участников военных действий, но и всего общества в целом.

Авторские исследования, посвященные вопросам модернизации военного образования, подтверждают состоятельность использования социокультурного подхода, как универсального инструмента, поскольку он

позволяет представить социальную реальность различных сфер человеческой деятельности в единстве определяющих его условий и факторов [1; 2].

Поэтому особый интерес могут представлять концепции, объясняющие социокультурную природу войны и выдвигающие особые требования к подготовке профессиональных военных.

Таким образом, можно заключить, что основная проблема современного общества состоит в противоречии между объективной необходимостью трансформации в соответствии с социокультурными, социально-политическими, социально-экономическими и технологическими вызовами XXI века и отсутствием стратегии сохранения своего культурного ядра, в котором "традиционное" и "современное" находились бы в равновесном состоянии.

Динамичная трансформация облика современного мира требует от фундаментных наук о человеке оперативного осмысления складывающейся социокультурной ситуации, определения наиболее эффективных путей и средств адаптации к условиям поликультурной среды, интенсивному межкультурному взаимодействию. Вместе с тем, такой динамичный темп жизни создает большое количество рисков и угроз, способен обострять прежние межнациональные проблемы и противоречия.

Для современной науки и социологии в частности важно определить не только потенциально конфликтогенные зоны, но и обосновать эффективные механизмы влияния социальных институтов по воспроизводству ценностей и норм национальной и общечеловеческой культуры с целью недопущения войн и конфликтов.

Источники и литература

1) Абрамов А.П., Осадчая Г.И. Социокультурный подход к проблеме модернизации среднего специализированного военного образования: диалектика традиционного и современного // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (16). С. 184-190.

2) Абрамов А.П. Об эффективности военного образования // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). с. 140-144.

3) Волочкова М. Культурная война и ее участники // Суть времени. 2012. № 1. С. 7.

4) Завьялова Л.В. Антропологические и социокультурные детерминанты войны: проблемы дефиниций и типологий // Труды моло-

дых ученых Алтайского государственного университета. 2014. № 11. С. 242-246.

5) Золотухин В.М., Логинова Г.Е. К вопросу о природе и сущности гибридной войны в современном мире: философско-культурологический // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41-1. С. 99-104.

6) Розин В.М. Война как форма социальной жизни // Vox. Философский журнал. 2015. № 18. С. 17-32.

7) Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

8) Шакирова Е.Ю., Герасимов Н.Н. Изменение дискурса войны в современном социокультурном пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 3. С. 297-301.

Адамьянц Тамара Завеновна

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Смысловые барьеры в современных смысловых противостояниях

Современные информационные (а точнее, смысловые) войны, которые происходят в глобальном информационном пространстве, качественно изменили информационную среду: здесь циркулируют не только открытые и позитивные по своей интенциональности смыслы, но и смыслы латентные, направленные на сущностные изменения в «картинах мира» людей о стране, политике, экономике, тенденциях развития, морали, нравственности и т.д., причем такая направленность может быть присуща не только внешним (извне), но и внутренним источникам информации [1].

Действенным способом влияния на российскую аудиторию, как показывает анализ особенностей отечественного информационного пространства, оказываются не только информационно-смысловые потоки, но и смысловые барьеры, устанавливающие в обществе или в рамках определенного слоя аудитории моду на определенный вариант реакций по отношению к той или ной публичной личности, жанру, форме подачи информации, причем в желательном для манипуляторов ключе (любая мода сама по себе, как правило, не возникает).

Среди современной молодежи, например, распространена мода на негативное отношение к пропаганде, которая приравнивается к аналитике «на стороне власти», то есть к материалам, объясняющих позицию власти или страны. Однако значение термина «пропаганда» гораздо шире: это «распространение политических, правовых, научно-технических, философских, социологических, медицинских, религиозных и др. знаний, идей, взглядов с целью формирования определенных убеждений и соответствующей организации деятельности людей» [2, с. 270].

Возникшее в постсоветское время негативное отношение к коммунистической идеологии незаслуженно распространилось и на термин, означающий такой аспект освещения процессов и событий, который близок по основным параметрам к государственной. В результате такого переноса значения в представлениях значительной части молодежи, а также в медиа-среде возник смысловой парадокс: если, в силу своих убеждений и понимания реальности, орган СМИ или журналист оказываются на стороне власти, то результат коммуникации, в соответствии с такой (манипулятивной и модной в определенных кругах) точкой зрения, - это пропаганда, и ее надо осуждать. Если же орган СМИ или журналист, тоже в силу убеждений, выступает против решений и действий власти - это независимая журналистика, которую, следуя моде, надо одобрять, хотя на самом деле это тоже пропаганда, только с противоположным знаком! Как следствие такого смыслового «выверта» значительная часть молодежи к аналитическим материалам, которые объясняют действия и политику власти, обращается редко.

Смысловые барьеры могут создавать и распространенные в научной или творческой среде концепции, устанавливающие моду на «правильные» формы и способы коммуникативных взаимодействий. Тому, кто не застал советское телевидение 80-90-ых годов, то есть в период перемен, закончившихся распадом страны, будет странно, наверное, узнать об узаконенном наукой о тележурналистике того времени требовании к журналисту быть предельно нейтральным, причем не только в информационных, но и в аналитических материалах. Нейтральными при подаче новостей были Т.Миткова, В.Флярковский, А.Гурнов и даже Д.Киселев, чья сегодняшняя манера общения с аудиторией прямо противоположная. И только С.Сорокина умудрялась, несмотря на недовольство начальства, заканчивать новостную программу личностной оценкой, за что снискала уважение и любовь зрителей.

Если восстановить последовательность событий, источником требования нейтральности СМИ и, соответственно, журналиста оказались зарубежные концепции, безоговорочно поддержанные нашими отечествен-

ными законодателями мод в сфере коммуникации, свидетельством чему большое число статей, учебников и учебных пособий, выпущенных в этот период. Напрашивается вопрос о том, не было ли требование нейтральности своеобразной смысловой диверсией по отношению к России (и легковерием со стороны представителей отечественной науки о коммуникации)? И где теперь хваленая нейтральность большинства зарубежных СМИ в материалах о России? Впрочем, время от времени требование нейтральности опять звучит из-за рубежа, например, по отношению к каналу RT, который упрекают в предвзятости.

К числу смысловых барьеров следует отнести и следование постмодернистским идеям о многозначности смыслов, перечеркнувших выработанные человечеством на протяжении веков требования константности значений и смыслов, внимания к мотивации автора или собеседника, уважения к реальным фактам истории [3]. И как же при такой вседозволенности договариваться, находить способы конструктивных взаимодействий, которые могут происходить только при наличии общезначимых и общепонятных смысловых опор? Есть у данной ситуации и другая, не менее тревожная сторона: необязательность понимания константных смыслов обесценивает способность человека к адекватному пониманию и ориентированию в сфере социальной коммуникации, то есть создает еще один барьер - непосредственно в ментальной сфере личности. Выполняет роль смыслового барьера и преимущественная установка при обучении гуманитарным дисциплинам на запоминание информации, но - не на обучение пониманию глубинных смыслов.

Для позитивных социальных процессов важен постоянный мониторинг социальных последействий, инициируемых циркулирующими в обществе смыслами, равно как и массовое развитие навыков понимания в сфере социальной коммуникации [4; 5].

Источники и литература

1) Адамьянц Т.З. Латентные технологии информационных войн и «двойных стандартов» // Социологические исследования. 2016. № 12. с.123–127.

2) Пропаганда // Социологическая энциклопедия в двух томах. Том 2. М., Мысль, 2003. с.270.

3) Адамьянц Т.З. Концепции понимания в коммуникации: в поисках платформы для взаимопонимания // Общественные науки и современность. 2014. №4. с. 121-131.

4) Адамьянц Т.З. От человека разумного – к человеку понимающему: к проблеме развития коммуникативных навыков студентов // Вестник Университета (Государственный Университет Управления). 2007. №3(29), с. 275-279.

5) Чудновская И.Н. Коммуникативное образование в обществе знания: проблема обучения пониманию // Коммуникация как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов. Сборник статей и выступлений участников международной научной конференции. М.: НИУ ВШЭ, 2015. С. 168-176.

Антоненко Михаил Артемович

УрГЭУ, Екатеринбург, Россия

Интернет: от полезной задумки до бесполезного воплощения или конфликты были, есть и будут?

Все слышали об Интернете и хотят им пользоваться. Как известно, Интернет может передавать информацию на большие расстояния за считанные секунды. Таким образом, этот курс предоставляет информацию о происхождении, структуре и правилах Интернета. Большое количество информации о развивающемся и развивающемся мире или сообществе Интернета собирается практически во всех частях света. Использование этой информации может быть дорогостоящим и занимать много времени без использования современных информационных технологий. Эти проблемы были решены путем создания Интернета (Международная информационная сеть).

Интернет является неотъемлемой частью нашей жизни. С каждым годом увеличивается охват социальных сетей, интернет-услуг и прочих сервисов. Думаю 20 лет назад люди не могли представить себе концепцию интернет банков в виде программ на телефонах. Сейчас это наша повседневность.

Интернет, по сути, является продуктом холодной войны. Его способность работать даже при частичном повреждении от ядерных ударов Планируемой экспериментальной системой связи была сеть связи ARPANet, разработанная министерством обороны США в начале 1970-х годов. ARPANet - это пакет коммуникаций, который позволяет автоматически обрывать сети и обмениваться информацией между компьютерами в сети. Когда сеть ARPANet была впервые запущена, обмен информацией между 4 компьютерами по выделенному кабелю осуществлялся всего

за 2 минуты. Сначала это считалось секретом. Впоследствии различные предприятия и организации подключаются к сети после возможности модема и телефонной станции. Эта сеть стала Интернет-сетью. финансируется академическими и образовательными организациями, коммерческими структурами и миллионами людей. Сеть управляется Советом по архитектуре Интернета, который организован приглашенными добровольцами.

Интернет представляет собой совокупность тысяч компьютерных сетей, расположенных по всему миру и объединенных в единую сеть. Обмен информацией в интернете осуществляется по стандартным правилам. Правила передачи данных через Интернет называются протоколами (например, TCP / IP - ПРОТОКОЛ УПРАВЛЕНИЯ TRANSMISSON / ПРОТОКОЛ ИНТЕРНЕТА). Все пакеты передаются получателю по протоколу IP, а все пакеты проверяются по протоколу TCP; Как только все пакеты получены, протокол TCP оптимизирует их и создает целостное представление. С созданием и развитием так называемого модемного устройства, которое позволяет компьютерам передавать данные по телефонным сетям (Nayes, 1979), миллионы людей с персональными компьютерами и телефонами имеют доступ к Интернету без специального сетевого оборудования. Он становится одним из важнейших инструментов современного бизнеса в изучении мирового рынка и торговли.

Интернет - это не только сеть взаимосвязи или взаимосвязи данных, но и всеобъемлющая база данных мировых знаний. Важное различие между Интернетом и связанными с компьютером вещами состоит в том, что он также может получить доступ к информации о себе. [3] В связи с развитием информационных технологий способность передавать изображения и звуковую информацию на большие расстояния в 1992 году получила название World Wide Web. [1] Цель этого проекта состояла в том, чтобы найти эффективные способы распространения информации в Интернете и отслеживать ее последствия. Сегодня Всемирная паутина является одной из самых быстрорастущих отраслей в Интернете. Большинство людей понимают Всемирную паутину (Интернет или WWW). Фактически, World Wide Web является частью Интернета, что означает международную сеть пауков.

Интернет переплетается с нашей жизнью настолько сильно, что многие люди испытываю дискомфорт оставаясь без доступа к нему. Это называется Интернет- зависимостью. Интернет- зависимость - это расстройство психики, сопровождающееся навязчивым стремлением подключиться к Интернету. Одной из причин специалисты считают одиночество. Люди используют социальные сети, чаты и различные приложения

для того что бы заполнить одиночество и нужду в общении. Общение в социальных сетях и в принципе в интернете для многих молодых людей дается легче чем при живом разговоре. В сети можно оставаться анонимным или не показывать настоящие эмоции. Такое общение лишь создает иллюзию общение. Люди не развивают свои навыки, а наоборот закрываются в своем «мирке».

Так же одной из проблем интернет общения является определение своей реальной значимости. Люди зачастую в интернете перегибают палку, позволяют себе больше дозволенного, под предлогом: «Мы же в интернете». Лично я считаю в интернете нужно так же уважать своих собеседников, ведь за другой стороной экрана точно такой же человек как и вы.

Кто-то считает, что интернет стал настоящим спасением и намного облегчил жизнь людям. А кто-то решил, что интернет - это мировое зло, его вообще надо выключить и отменить, чтобы не мешал добрым людям жить спокойно. Что же получается, интернет бесполезен и не нужен совсем?

Конечно, это утверждение ошибочно, потому что без интернета сейчас невозможно ничего. Интернет полезен тем, кто использует его правильно, в благородных целях. Конечно, если человек только и делает, что играет в разные компьютерные игры, смотрит глупые видео или бесконечно переписывается с друзьями ни о чем вместо того, чтобы делать уроки или же работу работать, то да, интернет для такого человека - это просто игрушка, бесполезная вещь, убивающая время. Но если человек начинает в интернете зарабатывать, делать проекты, искать нужную информацию и так далее, то для него интернет становится весьма ценной и полезной вещью. И в связи с ускорением жизни сейчас человек не может позволить себе идти в библиотеку и просиживать круглыми сутками за книгами, ища информацию. [2] Интернет позволяет иметь библиотеку прямо на дому. Жизнь так быстра, что нет времени на просмотр любимых сериалов, на новости, а интернет все это выдаст в записи, поэтому можно смотреть то, что хочется, в любое время суток.

Люди, которые не понимают сути интернета и те, кто против любых гаджетов, видят исключительно отрицательное в том, что сейчас создают креативные умы человечества. И в результате они начинают проповедовать эту идею всем желающим и настраивать их против мировой сети. Они ссылаются на знакомых, у которых дети буквально утонули в интернете и не вылезают из него сутками, на тех, кто интернет использует лишь для развлечения, кто в интернете старается найти отдушину от своего одиночества и замкнутости. Да, такие люди не являются

хорошим примером, но таких не слишком много, чтобы записывать интернет в худшее изобретение человечества. Да, в интернете много грязи, много лишнего и ненужного, но умный человек в этом всем разберется обязательно и не станет заложником вредоносных видео, картинок и информации в целом. Ведь многое зависит от целей человека. Если целей у него нет, то он так и будет блуждать по интернету, не видя в нем никаких возможностей и перспектив для себя.

Источники и литература

1) Курилло А. Как побороть зависимость от соцсетей. URL: http://psy.passion.ru/sovety-psikhologa/zavisimost/kak-poborot-zavisimostot-sotssetei.htm
2) Мылтасова О.В. Интернет как ресурс взаимодействия современных подростков // Социальная психология и общество: история и современность. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. – 506 с.
3) Мылтасова О.В. Кибербуллинг в подростковой среде – что это такое и как с ним бороться? // Возможности и риски цифровой среды. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. – 686 с.

Баранов Виктор Алексеевич

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК), Москва, Россия

Современный спорт: соперничество или конкуренция?

События, происходящие в мире спорта в последнее время, заставляют представителей многих наук по-новому взглянуть на его сущность и содержание. Одной из главных составляющих феномена спорта высших достижений выступает соперничество. Если не будет соперничества, то спорт утратит одну из главных своих функций, а именно зрелищную функцию. Однако сегодня соперничество между атлетами, а также и командами порой принимает форму конкуренции, а иногда даже и конфликта.

Так что же все-таки происходит в мире спорта высших достижений на международной арене, куда он идет, к сотрудничеству между странами и спортсменами или к жесткой конкуренции за престиж в мире спорта, а возможно и к конфликту на спортивной арене?

Понимание соперничества исключительно как проявления враждебного начала, извечной конфликтности затрудняет принятие его в качестве разумной созидательной стратегии на социально-культурном и психологическом уровне.

Можно выделить две проблемы, обуславливающие соперничество и конкуренцию в современном спорте. Во-первых, усиление соперничества объясняется внешними факторами, воздействующими на спорт. Этими внешними факторами выступает политика, экономика, усиление противоречий между государствами и некоторые другие. Во-вторых, существенно изменились подходы к соперничеству внутри самого спорта, происходит обострение борьбы за победу, чемпионство, рекорд.

Одной из проблем спорта высших достижений является обострение соперничества, как среди спортсменов, так и стран, претендующих на лидерство, но иногда использующих не вполне законные методы и средства спортивной конкуренции. Эта проблема во многом обусловлена сильнейшим вмешательством политики в спорт высших достижений. Но сюда добавляется еще и конкуренция в неофициальном командном медальном зачете на олимпийских играх, как одного из способа демонстрации превосходства своего образа жизни, своей идеологии, а возможно и своей исключительности.

В последнее время особенностями спортивной конкуренции стали условия, в которых конкретному спортсмену создаются преимущества в достижении результата посредством использования, например, медицинских препаратов, которые другим запрещены. Это есть скрытая непрямая конкуренция, искажающая главную цель спортивного соперничества. Все больше конкуренция для стран выступает одним из факторов повышения своего авторитета не только в спорте, но и на международной арене во всех сферах деятельности. Она проявляется в величии, доминировании или превосходстве той или иной страны. И элементы всего этого мы, возможно, будем наблюдать в спорте в ближайшее время, и, по всей видимости, они еще более обострятся.

Особый смысл приобретает спортивное соперничество в сегодняшних условиях. С одной стороны здесь все ясно, соперничая на спортивных аренах, спортсмены добиваются выдающихся результатов, а зрители созерцают эти действия, восхищаются ими, получают моральное, нравственное и психологическое удовлетворение. Однако сегодняшняя реальность вносит свои коррективы в соперничество. Соперничество все больше напоминает конкуренцию. Объяснение усиливающейся конкуренции в спорте, возможно, кроется в том обстоятельстве, что победа на соревнованиях дается все труднее и труднее, для ее достижения атлеты должны

постоянно наращивать физические нагрузки. Но повышение физических нагрузок не может осуществляться беспрерывно, есть граница физических возможностей человека. Вероятно, данное обстоятельство и способствует тому факту, что в содержание соперничества вносятся дополнительные факторы, которые обеспечивают уже некоторое преимущество до начала соревновательной борьбы.

Все чаще в соперничестве проявляются скрытые моменты, происходящие не на спортивной арене, а за ее пределами. Наша действительность такова, что мы можем свободно общаться в социальных сетях, а это дает право некоторым спортсменам высказывать свои суждения о другом участнике, опираясь не на факты, а просто на свое мнение. Данная информация распространяется с мгновенной скоростью и ее начинают представлять как точку зрения, заслуживающую внимания. Недостоверная информация может очень сильно воздействовать на психику спортсменов, затрагивает их честолюбие, что в последствие может нарушить планы на успех в соревновании.

Другим скрытым элементом соперничества может являться разрешение на использование медицинских препаратов, якобы по предписаниям врачей, что само по себе создает уже преимущества в достижении победы. Отсутствие открытости в вопросах использования медицинских препаратов, когда одним дозволительно, а другим это запрещено, свидетельствует о нездоровой конкуренции в спорте высших достижений.

Таким образом, конкуренция, а зачастую прямое противоборство между некоторыми ведущими мировыми державами, косвенным образом затрагивают, а порой и прямо переносятся на спорт, причем с самыми негативными для него последствиями, где борьба между спортсменами начинается еще задолго до выхода на спортивные арены. Соперничество утрачивает свою гуманистическую ценность, превращаясь все больше в активную конкуренцию с проявлением враждебного начала, излишней конфликтности. В соперничестве может быть нивелирована разумная созидательная стратегия спортивного противоборства, в которой дух соревновательной борьбы долгое время базировался на уважении к сопернику, проникновении к достоинству человека как личности. Все это заставляет по-новому подойти к социально-философскому анализу спорта высоких достижений.

Баталова Анастасия Ивановна
Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Миграция как причина межкультурных противоречий и конфликтов.

На сегодняшний день наблюдается активизация миграционных потоков. Причиной такого явления стала глобализация. Люди мигрируют из одной страны в другую, преследуя различные цели: поиск работы, лучших условий жизни, поступление в престижный ВУЗ и многое другое. Оказываясь в новом месте, они становятся перед выбором: жить по своим традициям и обычаям или же примкнуть к порядкам нового места жительства. И зачастую культурные и этические нормы различаются настолько сильно, что на их основании могут зародиться различные противоречия и даже конфликты.

Причины межкультурных конфликтов могут быть самыми разнообразными, начиная с использования родного языка в чужой стране и заканчивая более серьезными причинами, которые участники могут даже до конца не осознавать. Конфликты миграционного плана обычно касаются двух сторон: постоянных жителей и иммигрантов. Причин возникновения подобных конфликтов достаточное количество. Иногда мигранты даже не подозревают о том, что они нарушают правила и запреты какого-либо общества. Они «бросают вызов» местному населению своими традициями, нормами, ценностями, манерами и даже языком. Некоторые отмечают, что из-за притоков мигрантов они лишаются собственной страны.

Одним из главных оснований межкультурного противоречия или конфликта является культурное различие между народами. Задачей каждого государства должно стать выявление и недопущение открытых и скрытых межкультурных конфликтов, так как любое общество в настоящее время состоит из множества различных культур.

Так же одним из оснований межкультурного конфликта может считаться неравенство. Оно способно охватывать различные области жизни мигранты: как социальную, так и экономическую. К примеру, работодатель может просто отказать мигрантам в работе, без объяснения причины. Здесь также имеет место быть стереотип том, что мигрант способен заниматься лишь физическим трудом, пи том за низкую заработную плату. Очевидно, что местное население на подобную работу не пойдет, а у приезжего населения просто не будет иного выбора.

Личностное восприятие человека - еще одна причина возможных межкультурных конфликтов между мигрантами и, так называемым, принимаемым обществом. В данном случае речь идёт о толерантности и терпимости, затрагивается национальный аспект. Корни подобных

конфликтов уходят в различные исторические предпосылки и простое непринятие иного образа жизни. Зачастую местное население не хочет мириться с порядками мигрантов. Тут стоит отметить, что коренное население может испытывать лишь дискомфорт, а не неприязнь, от традиций и образа жизни мигрантов (например, мусульмане должны совершать молитву несколько раз в день, свадьбы кавказских народов могут сопровождаться убиением животного и т.д.).

Ещё одним важным пунктом является конфликт между властью и мигрантами. Здесь стоит отметить нелегальную миграцию, возможные факты совершения терроризма и купли-продажи наркотиков. Иногда государство ужесточает контроль за миграционными потоками, не пропуская в страну большое количество приезжих. Но и такие действия могут вызвать конфликтные ситуации.

Таким образом, миграция может действительно стать причиной межкультурных противоречий и конфликтов. Но стоит сказать, что в мире нет общей культуры, которая бы являлась единственной общепринятой. Все культуры имеют право на существование и взаимный диалог.

***Белявская Анастасия Николаевна*[1]*, Решетина Арина Олеговна*[2]*, Дукач Екатерина Сергеевна*[1]**

1 - Новосибирский государственный университет экономики и управления НИНХ, Новосибирск, Россия; 2 - Нгуэу, Новосибирск, Россия

Специфика учёта правовых норм национальных общностей в Приволжском, Уральском округах и Арктической зоны Российской Федерации

В рамках нашей работы мы отразим отдельные этнические традиции и специфику их восприятия установленной в Российской Федерацией единой для всей территории страны законодательной базой. Кроме этого, предположим обозначенные законом границы уголовных наказаний с исторически сформированными локальными традициями, рассмотрев данный аспект на конкретных примерах через специфику применяемых к ним уголовных наказаний.

Несмотря на то, что правовая система Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему регулирования разнообразных аспектов жизни многонационального социума, всё ещё проявляются инциденты локального характера на национальной или этнической почве, что выражает потребность детального отражения в законодательстве

сложившихся за столетия традиционных и духовных устоев населяющих территорию страны народов. В рамках работы мы проанализировали специфику сохранившихся традиций в трёх регионах - Уральском и Приволжском Федеральных округах и территориальные единицы (субъекты) Арктической зоны Российской Федерации, выявив особенности применяемых наказаний за правонарушения, связанные с исторически сложившимися традициями.

Исходя из проанализированного нами данных, мы сделали вывод о том, что традиции существуют у каждой отдельной семьи, этноса, народа и отражается на специфике жизни и деятельности региона и государства в целом. В одних случаях традиции могут закрепляться на законодательном уровне для их поддержания или сохранения, превращаясь в нормы законов, в других же они могут существовать параллельно праву - не пересекаясь и не нарушая установленные государством границы. Также существуют традиции, которые вступают в «противостояние» с установленными нормами права. В связи с этим стоит отметить, что ключевой ролью государства выступает гибкое разрешение конфликтов на стыке традиций и поддержание баланса между двумя формами правовой системы - традиционной и официальной. На основании проведённого в работе анализа можно сделать общий для рассмотренных регионов вывод о том, что традиции не всегда выступают гарантом освобождения от уголовной ответственности.

Источники и литература

1) Гайдеров, А. А. Традиционные и религиозные факторы в формировании правовой системы России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. - М, 2002. - 190 с.

2) Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // ISSUU. [Электронный ресурс] URL: https://issuu.com/yandex5928/docs/dokument_0web (дата обращения: 01.12.2019).

3) Несмелая, А. С. Сохранение традиций у коренных малочисленных народов Севера средствами социально-культурной анимации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. - Тамбов, 2013. - 238 с.

4) Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru (дата обращения: 01.12.19)

5) Федеральный закон "Основы законодательства Российской Федерации о культуре" от 09.10.1992 № 3612-1 // Ведомость Съезда

народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1992 г. - Ст. 193-ФЗ с изм. и допол. в ред. от 18.07.2019.

Бестолкова Галина Васильевна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социолингвистический конфликт в Норвегии: Букмол или Нюнорск?

Норвегия находятся в зоне влияния датского языка уже 400 лет и датский язык в разные периоды этих столетий играл весьма разную роль. Как известно, в 1397 году при заключении Кальмарской унии датский король получил под свое начало Норвегию с входившей в ее состав Исландией и Швецию с Финляндией, так Дания стала великой европейской державой.

Одним из главных последствий колонизации Норвегии стала гибель норвежского письменного языка, который постепенно заменил датский. Столь широкому распространению датского языка на территории Норвегии способствовала Реформация, которую проводила датская церковь. И как следствие, письменным языком Норвегии, становится датский, тогда как норвежский сохраняется преимущественно как разговорный язык. При этом в городах складываются смешанные говоры, лексика и морфология которых были в основном датскими, а фонетика и синтаксис — норвежскими. В сельской местности население продолжает говорить на соответствующих диалектах, которые, сохраняя преемственность с древненорвежскими, в то же время претерпевают существенные изменения, и в XVI в. их фонетическая и морфологическая система приобретает вид, во многом соответствующий тому, что мы находим в современных диалектах, особенно архаичных. Вследствие этого между письменным датским и разговорным норвежским языком образуется значительный разрыв. [Шенявская Т. Л., 2007, с. 268-275]

После обретения Норвегией независимости от Дании в 1814 году, встал вопрос о создании общенационального норвежского языка. Страна разделилась на два лагеря: одни стремились “онорвежить” датский язык и в результате, на свет появился риксмол (riksmål, “государственный язык”); другие же задались целью создать новый язык, на основе диалектов населения сельских регионов Норвегии, что помогло со-

здать ландсмол (landsmål, “сельский язык”). Впоследствии, в ходе многочисленных языковых реформ ландсмол был переименован в нюнорск, а риксмол стал букмолом.

В настоящее время ни в одной европейской стране нет такого уникального лингвистического явления, как в Норвегии. В стране с населённостью 4.5 млн жителей есть два официальных языка: букмол (bokmål) и нюнорск (nynorsk):

Ø Дано-норвежский язык (bokmål, “книжный язык”) основан на датской литературе, однако, на него было оказано влияние разговорного норвежского, начиная с реформы правописания в 1907 году. Букмол является первым языком для 88% населения, т. е. порядка четырёх миллионов человек.

Ø Новонорвежский язык (nynorsk) основан на более старых диалектах норвежского и древнескандинавском, хотя в последние десятилетия словарь нюнорска вобрал в себя иностранные слова, употребляемые в букмоле. Новонорвежский является родным для 12% населения, т. е. приблизительно для 500 000 человек, большая часть которых проживает на западне Норвегии, а также в Осло.

Следует отметить, что становление нюнорска и букмола происходило, с одной стороны, на фоне жёсткой политической борьбы, сопровождавшей выход Норвегии из унии с Данией, а, с другой, поиска национального самосознания и языка.

Лингвисты склонны делать акцент именно на коммуникативной функции языка, например, Касевич В.Б. (Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности, 2013). Однако для носителей малых языков на первый план выходит именно функция отражения языком национальной, региональной, локальной и индивидуальной идентичности, чему служит свидетельством норвежская ситуация.

В докладе правительства, посвященном языковому развитию страны, в пункте «Основные функции», говорится, что: «Язык является основой для всех нас. Наша идентичность и наше представление о самих себе в значительной степени привязаны к языку» [Mål og meining, 2009]. Большая часть параграфа посвящена именно этой функции языка, кроме того, упоминается его референциальная функция, и совсем мало сказано о коммуникативной.

Таким образом, развитие букмола и нюнорска, изначально имевших различные социокультурные основания, переросло в открытое противостояние, языковую борьбу и эта борьба остаётся до сих пор незавершённой, одним из самых значительных её результатов является языковой раскол культуры Норвегии.

Источники и литература

1) Касевич В.Б. - Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. - Москва: Языки славянских культур, 2013.
2) Ливанова А.Н. - Языковая ситуация в Норвегии. \\ Материалы XXXII международной филологической конференции, Санкт-Петербург, 2003.
3) Шенявская Т. Л. - Норвежский язык “датского периода” \\ Скандинавская филология, СПбГУ Санкт-Петербург, Выпуск IX, 2007 - стр. 268-275
4) Mål og meining, 2009 - https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/kkd /kultur /sprakmelding_kortversjon_feb2009.pdf - 22.07.2019.

Боев Михаил Дмитриевич

Курский государственный университет, Курск, Россия

Особенности агрессивного типа виртуального поведения: троллинг

Возникновение и развитие виртуального пространства сети Интернет предоставило широкие возможности для осуществления коммуникационного процесса, благодаря чему, человеку стали доступны новые способы и методы реализации потребности в общении. В связи с этим, на сегодняшний день, весьма актуальным становится изучение особенностей виртуальных конфликтов, поскольку они являются неотъемлемой частью как реального, так и виртуального общения. Человек, присутствуя в виртуальном мире в качестве знаков и символов гипертекста, испытывает ложное чувство безопасности, которое позволяет ему вести общение в том стиле, который в реальном мире был бы неприемлем и опасен. Речь идет не только о личностных конфликтах между двумя виртуальными пользователями, но и о конфликтах в группах, поскольку любой Интернет-ресурс с предусмотренной возможностью обсуждения предоставляемой информации является благодатным полем возникновения конфликтных ситуаций [1].

Сетевое пространство Интернет как автономная среда, предоставляя человеку особые условия пребывания (в сравнении с реальным миром), обладает своими отличительными особенностями, которые способствуют продуцированию конфликтных ситуаций.

Дело в том, что социальный контроль над человеком в реальном мире, ослабевает в пространстве виртуальной реальности в связи с технической опосредованность коммуникационного процесса. Человек, легко получая доступ к виртуальному пространству, не осознает последствий собственных действий, что обуславливает остроту высказываний и формулировок, используемых им в процессе общения с другими виртуальными пользователями. В конце концов уровень самоконтроля снижается, что приводит к негативной и агрессивной форме виртуального поведения.

Исследователи отмечают основным источником конфликтных ситуаций в виртуальном пространстве так называемый «троллинг», который является одной из форм сетевого поведения, характеризующейся провокационным стилем общения. «Троллем» является пользователь, который намеренно пренебрегает этическими и социальными нормами с целью вызова ответной реакции, зачастую негативного характера, в результате которой возникает конфликтная ситуация [2].

Провокационный стиль общения не является исключительной особенностью коммуникационного процесса в поле виртуального пространства, он также проявляется в ходе реальной коммуникации, где рассматривается исследователями как разновидность агрессивного речевого поведения [3]. Отличия коренятся в целях его использования. Если в объективно реальном пространстве данный тип общения используется с целью давления на собеседника с последующим захватом коммуникативного пространства, то в виртуальной среде целью агрессивной стратегии общение является вызов отрицательных эмоций конкретного пользователя, проявляющихся в его негативной реакции.

Исследователи отмечают, что троллинг как значимый социально-психологический феномен, несущий в себе деструктивное влияние на сегодняшний день, является основным манипулятивным механизмом общения и уже не представляет собой проявление «шалости» отдельных Интернет-пользователей [4]. Данное явление перешло в сферу профессионального использования с целью достижения экономической, психической, политической или социокультурной выгоды. Вызов «нужной» реакции предполагает воздействие на чувственную и эмоциональную сферу человека, затрагивающий конкретные профессиональные интересы. Отметим, что заниматься троллингом может как отдельно взятый человек, так и организационно упорядоченная группа людей, которая совершает проплаченные информационные атаки на конкретные Интернет-ресурсы, с целью формирования образа негативного общественного мнения [5].

Таким образом, виртуальное пространство, предоставляя более широкие коммуникационные возможности, является благодатным полем для возникновения конфликтных ситуаций. Чувство свободы и безнаказанности, возникающее у пользователя виртуальной сети, порождает агрессивный тип коммуникационного поведения, который находит своё отражение в возникновении таких Интернет-явлений, как «троллинг». На сегодняшний день актуальность изучения особенностей агрессивного типа виртуального поведения соотносится с необходимостью решения вопросов и задач, связанных с поиском преодоления возникновения конфликтных ситуаций в сетевом пространстве Интернет [6].

Источники и литература

1) Бочавер А., Холмов К. Кибербуллинг: Травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. М. 2014. Т. 11. № 3. С. 177–191.

2) Черенков Д.А. Девиантное поведение в социальных сетях: причины, формы, следствие // Naukarastudent.ru. 2015. №. 7. С. 28–29.

3) Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Ижевск, 2016 Т. 26. Вып. 2. С. 109–116.

4) Абдуллина Л.Р. Специфика троллинга в интернет-комментариях // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VI Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 18–21 окт. 2017 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Д.А. Мартьянова, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017.Т. 1. С.7–9.

5) Синельникова Л.Н. Дискурс троллинга – коммуникация без табу // Дискурс-Пи. Екатеринбург. 2016. № 24/25. С. 270–278.

6) Андриянова Т.В. Роль коммуникационных технологий в конструировании гиперреальности культуры: риски и управление // Междисицплинарный подход в исследовании современных этнических проблем / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием XI Санкт-Петербургские социологические чтения 18-20 апреля 2019 года / Отв. ред.: О.В. Васина. Изд.: ООО «Типография продвижение». С.62–65.

Буланова Марина Борисовна

ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет", Москва, Россия

Neet-молодежь: ценностный конфликт

Neet-молодежь является частью поколения Z, т. е. людей, дата рождения которых приходится на конец XX - начало XX в. (в международных классификациях с 1997- 2001 гг.).

В начале XX в. на смену поколениям X (1960-1979 г.р.) и Y (1980-2000 г.р.) пришло поколение Z. По численности, согласно оценкам специалистов, к 2020 г. оно практически сравняется с X и Y. Однако по своим основным характеристикам это поколение вступает в *ценностный конфликт* с предыдущими. В чем он выражается?

Прерывание преемственности по отношению к труду. Труд не является для представителей нового поколения жизненной потребностью. Согласно методике «Ценностные ориентации» М. Рокича, отношение к труду у Z строго инструментально и в этом смысле нейтрально: они не склонны смешивать работу и личную жизнь и, тем более, видеть в работе смысл жизни.

Современные работодатели, столкнувшись с Z, только начинающими свою трудовую деятельность, отмечают, что они сразу четко устанавливают временные и пространственные границы своей работы в коллективе. Ждать от них трудовых подвигов - бесполезно. Исключение составляют случаи совпадения личных карьерных интересов с интересами компании. В таком случае, они, пожалуй, могут поработать сверхурочно. Но если работодатель позволит себе отложить на неопределенный срок их продвижение по карьерной лестнице, трудовой порыв тут же иссякнет.

Это поколение, по сравнению с предыдущими, более требовательно к условиям работы: рабочее место для Z должно быть комфортным, технически оснащенным. Сами же работодатели пока не готовы к созданию «особых условий» такой молодежи, но понимают, что это необходимо, чтобы удержать их в компании. Кроме того, величина заработка для представителя Z, конечно имеет значение, но только одного материального фактора недостаточно, если на работе нет возможностей для самореализации. Управлять ими с позиции силы невозможно. На вызов: «Не сделаешь - уволю!» сразу следует ответ: «Увольняйте!» или «Я и сам(а) уйду!». Руководить, опираясь на авторитет, можно, но только какое-то время. Остается только вариант партнерства в процессе трудовой деятельности [1].

Представители поколения Z ждут от своего работодателя постоянных инноваций в управлении, внедрения новых продуктов и техноло-

гий. Весьма актуальным и для работодателя, и для молодежи оказывается призыв Б. Гейтса «Ждите неожиданного!» в плане постоянной перестройки производства на основе открытий и изобретений.

Важно не забывать, что с приходом на предприятия и в компании этого поколения, представления о корпоративной этике радикально изменятся. Дело в том, что эта молодежь ведет публичный образ жизни, документируя в сети все события жизни, в том числе и трудовой. Призыв «Не выносить сор из избы» для них не только не возможен, но и не понятен. «Все тайное становится явным» здесь и сейчас, будучи тотчас же отданным на откуп в Интернет-сообщество.

Прерывание преемственности по отношению к повседневной жизни. Повседневная жизнь поколение Z соответствует реалиям общества массового потребления. Другими словами, ориентация на досуг, жизнь здесь и сейчас, уважение к своим интересам, настрой на немедленное удовлетворение потребностей - стиль жизни нового поколения.

Кроме того, такие черты, как нетерпеливость, жажда жизни, умение с ходу изменить свое мнение на противоположное, делают этих людей неудобными для общения. Положение усугубляется тем, что они не очень доверяют обществу (политикам, работодателям, медиа), предпочитая жить с опорой на собственный здравый смысл.

И, наконец, это первое поколение, которое в прямом смысле «дружит с цифрой». По мнению части исследователей, это дает основание называть их «цифровыми аборигенами» (digital natives), для которых виртуальная реальность так же обычна, как для других поколений - реальность настоящая. Интернет для поколения Z - не только источник игры, развлечения, но и источник информации, общения, работы, т. е. жизни в целом [2].

Neet - молодежь в составе поколения Z. В составе поколения Z выделяется особая группа NEET-молодежи, которая, с одной стороны, наследует все присущие этому поколению характеристики. С другой стороны, усиливает ценностный конфликт с предыдущими поколениями. По определению, данному Евростатом, NEET (Not in Employment, Education or Training) - это молодые люди 15-24 лет, безработные или экономически неактивные, которые не учатся и не проходят профессиональную подготовку или переподготовку. Численность данной группы получают при общенациональном обследовании рабочей силы на основе разницы между общим числом молодежи трудоспособного возраста и реальным числом работающей молодежи. В настоящее время в Европе она в среднем составляет 14,7% [3]. В чем же Neet-молодежь усугубляет ценностный конфликт?

Предпочитая не работать и не учиться, представители Neet-молодежи образуют группу социального иждивенчества, перекладывая заботу о поддержке своего существования на плечи общества (своих родных и близких, а также государство). Среди всех форм повседневной занятости Neet предпочитают досуг, не имея ни материальных, ни социальных возможностей для полной реализации своих способностей, потребностей и интересов.

Neet, добровольно занявших статус социального иждивенца, отличает от других групп молодежи и то, что они стараются извлечь из него выгоду, не всегда понимая и принимая последствия. Среди них: утрата навыков самообслуживания из-за отсутствия привычки к постоянному труду; проблемы с психическим здоровьем в результате длительной социальной изоляции; полный уход в виртуальную реальность из-за уменьшения социальных контактов. Имея слабое представление о социальной жизни, Neet подвержены влиянию СМИ и информационных систем (Интернет, социальные сети и блоги), что может привести к нарушению ими социальных норм в самых разнообразных формах.

Итак, Neet-молодежь представляет собой социальную группу, сформировавшуюся в рамках поколения Z. Появление такой группы вызывает тревогу у общества в связи с обострением ценностного конфликта по отношению к труду, образованию, профессии и стилю повседневной жизни.

Источники и литература

1) Gen Z: Get Ready for the Most Self-Conscious, Demanding Consumer Segment. URL: https://www.fungglobalretailtech.com/research/gen-z/ (дата обращения 14.01.2020).

2) Alex Williams. Move Over, Millennials, Here Comes Generation Z. The New York Times, 18.09.2015. URL: https://www.nytimes.com/2015/09/20/fashion/move-over-millennials-here-comes-generation-z.html (дата обращения: 14.01.2020).

3) Eurostat. Young people neither in employment nor in education and training by sex, age and labour status (NEET rates). URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=edat_lfse_20&lang=en (дата обращения: 11.12.2019).

Владимирова Татьяна Валерьевна

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия

О новых формах конфликтов в контексте теории коммуникации Н. Лумана

Отсутствие войны называют миром. Еще недавно состояние войны предполагало противоборствующие стороны, имеющие достаточно определенный статус в системе международных отношений и участвующие в боевых действиях, ясный предмет спора между противниками и четкие пространственные параметры вооруженной борьбы, т.е. наличие локализованного поля боя и разделение территории противников на тыл и фронт. Сегодня же исследователи отмечают, что такие признаки войны стали не обязательными. В науке развиваются концепции войн без военных действий («невоенных войн»). Международный терроризм, организованная преступность, контрабандная торговля людьми и опасными веществами, экологические катастрофы, болезни и неконтролируемая миграция не могут быть уже отделены от войн и военных конфликтов. Все более распространенным становится мнение о том, что современная война - это «продолжение политики насильственными методами, в которых вооруженная борьба не является единственным и основным средством». [1] В научной литературе в описании и анализе современных военно-политических, социальных противоречий мы встречаем понятие конфликта низкой интенсивности. Попытаемся подойти к осмыслению и предложим вариант концептуализации этого явления через призму теории коммуникации Н. Лумана.

В традиционных обществах насильственные действия среди присутствующих лиц осуществляются чаще чем в современных. Это вызывает «чрезвычайно обременительное подавление», отклоняющее конфликты. В небольших традиционных мирах, структура которых еще близка к системам интеракции (общению лицом к лицу), подавление конфликтов является жизненно важным. Но с ростом населения и возрастанием комплексности коммуникаций это условие становится все менее жестким [2, с. 64].

По Н. Луману условия эволюции конфликтов формируют три фактора:

Первый фактор заключается в появлении легитимной силы для подавления нелегитимного насилия. По мере развития политического господства, способного утвердить свой собственный тип коммуникации, возникает возможность усиливать отклонение коммуникативных предложений того или иного смысла и одновременно снимать с себя бремя выте-

кающих из этого отклонения возможных конфликтов. Тот, кто распоряжается ресурсами, может сказать «нет», уклоняясь от ожидаемых от него оказания помощи и материальной поддержки, и при этом может не опасаться конфликтов. Он может концентрировать свои ресурсы. Рестабилизация этого достижения происходит благодаря стратификации общественной системы [2, с. 65].

Появление и развитие права составляет второй фактор в эволюции социального конфликта. Теперь в обществе допускаются конфликты, но одновременно они притупляются благодаря тому, что исход спора определяется социальным регулированием или влиянием третьей стороны. Здесь должны соотнестись процедуры умиротворения спора и в конечном счете процесс ориентированного на правила разрешения спора. Н. Луман отмечает, что это производит семантика, воспринимаемая как «право». Он приводит пример, когда богач в любом случае имел возможность вступить в противоречие с предложенным ему любым коммуникативным предложением. Теперь же и бедняк может этим воспользоваться - если, конечно, он прав [2, с. 65-66].

Третий фактор способствует достижению большого числа конфликтов и большего мира одновременно, что характеризует «высокосложностное общество». Он заключается в дифференциации причин конфликтов и тем конфликтов. Н. Луман отмечает, что «унаследованные от марксизма дотошные искания “подлинных” причин конфликта затемняют то, что именно в этой дифференциации причин и тем и состоит эволюционное достижение, поскольку сама система оказывается достаточно большой, чтобы выносить такого рода конфликты (экстернализировать)» [2, с. 66-67].

С точки зрения Н. Лумана развитие в обществе способности порождать внутри общественные конфликты и толерантно к ним относиться составляет фундаментальное условие для поддержания и усиления девиации/инновации. Другими словами, конфликтность и толерантность являются фундаментальными условиями современного периода эволюции социума, знаменующие высокий уровень интенсивности и разнообразия коммуникаций. Конфликтность незначительной силы вызывает умножение толерантности, а толерантность, по своей природе, не противоречит нарастанию конфликтности малой интенсивности.

Конфликт «тестирует» потенциал отклонения: чем более явным и сильным является нарушение нормы, тем сильнее конфликт. Он приводит к всесторонней интеграции поведения участников и к непрерывной рефлексивности. Если результат конфликта получает значение «нет»,

уже можно исходить из того, что конфликт выдержал первое испытание и доказал свою способность утвердиться в коммуникации.

С ростом интенсивности и разнообразия социальных коммуникаций растет потенциал отклонения от нормы. Общество становится все более неустойчивым. Появляются концепты общества риска (У. Бек), «текучей современности» (З. Бауман), новых мобильностей (Дж. Урри) и другие.

Потенциальная и реальная конфликтность становится атрибутом многих коммуникаций. С развитием киберпространства конфликтность все более становится множественной и «диванной». Этому способствует «комфортабельность аномии» пользователя [3, с. 167-168]. К примеру, исследователи протестной активности используют сегодня термин «слактивизм» для описания действий, направленных на поддержание компаний, не имеющих особого результата в политической жизни. Лайки, подписание интернет-петиций, репосты заменяют реальные политические акции и на практике не приводят к каким-либо социальным изменениям.

Нарастающая множественность конфликтов, ведущая к росту относительности социальной нормы, приводят к тому, что они легко выходят из-под контроля. В «высокосложностном обществе» в немалой степени этому способствуют процессы индивидуализации, которые также ведут к «достижению большого числа конфликтов и большого мира одновременно». Именно такие конфликты мы называем конфликтами низкой интенсивности. Их множественный характер и низкая интенсивность позволяют говорить об особой новой форме конфликтов современности.

Источники и литература

1) URL: http://forexaw.com/TERMs/Society/Shocks_and_disasters/War/l249 (дата обращения 18.12.2019)
2) Луман Н. Эволюция / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Логос, 2005. – 256 с.
3) Владимирова Т.В. Социальная природа информационной безопасности / М.: Науч. обозрение, 2014. – 239 с.

Владыко Максим Романович

Студент 1 курса направления подготовки "Организация работы с молодежью"МГППУ, Москва, Россия

Профилактика конфликтогенов в молодёжной среде: постановка вопроса

В современном мире каждый человек испытывает определенное воздействие со стороны социума: желания расходятся с обязанностями, способности не всегда реализуются, надежды не оправдываются. Эти, и другие причины могут приводить к нарастанию напряженности и увеличению конфликтогенности социальной среды, рождению внутриличностного конфликта. По мере взросления у личности формируется конфликтная компетентность, которую психологи считают интегративным качеством личности, включающую когнитивный, мотивационный и регулятивный компоненты [1, с. 242]. В молодежной среде достаточно часто возникают ситуации, характеризующиеся предрасположенностью к возникновению конфликта. Конфликты в молодежной среде в большинстве случаев имеют под собой основу конфликт внутриличностный, основанный на ценностно-мотивационной сфере [2, с.123-126]. Необходимо формировать конфликтную компетентность как у молодежи, так и у тех, кто с ними работает. Напряженность между отдельными личностями и малыми социальными группами проявляется в определенной среде через стимулы (действия) и реакции на них. Все эти провоцирующие конфликт действия и различного вида реакции объединяются понятием конфликтогены. Конфликтоген - дословно означает «рождающий конфликт». В словарях можно найти следующие определения конфликтогена: «коммуникативный (поведенческий) элемент, способный вызвать напряженность и спровоцировать конфликт в отношениях»; «любой предмет, идея, элемент поведения, выявляющий разность оценок конфликтующих субъектов». Таким образом, конфликтоген - это то, что вызывает неприятие, раздражение, агрессию. Любой провоцирующий конфликтоген вызывает ответный конфликтоген в виде напряженности, агрессии, негативной реакции. Понимая под конфликтом столкновение разнонаправленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов субъектов взаимодействия, фиксируемых ими в жесткой форме, очевидно, что за появлением конфликта стоят не только внешние факторы, но и внутренние. Говоря о молодежных коммуникациях, рассматривая биологические и психологические особенности молодого поколения, следует учитывать, что период от 14 до 30 лет является неоднородным (принятые в России возрастные рамки социальной группы «молодежь»). В него входит подростковый возраст, юношество и начало ранней взрослости человека. Физиологическое развитие и становление молодого поколения протекает динамично. Когда ребенку исполняется 12-14 лет, то в этот период он начинает активно расти. Помимо роста непосредственно скелета перестраивают свою работу и внутренние органы, в том числе и нервная система. Поэтому длительное нервное напряжение, вызван-

ное отрицательными эмоциями, большие физические или умственные нагрузки могут стать причиной функциональных расстройств нервной системы. Они проявляются повышенной раздражительностью, утомляемостью, рассеянностью, расстройством сна, ухудшением продуктивности в работе и учебе. Представители юношеского возраста практически имеют достаточно развитую биологическую основу, создающую условия для формирования высших мыслительных функций. Умственное развитие в юношеский период достигает наивысших вершин. Период молодости - начало ранней взрослости, характеризуется некоторым снижением функций памяти, внимания, мышления вследствие возникновения многих межличностных проблем: создание и содержание семьи, освоение новой социальной роли, профессиональная деятельность, окончательное определение жизненной позиции. Физиологические изменения влияют на конфликтогенность молодежной среды [3]. Также конфликтогены могут иметь как внутриличностный, так и социальный характер. Подростковый возраст характерен излишней эмоциональностью. Отрочество, благодаря потребности познать себя (идентификация с собственным «Я») и стремлению открыть через постоянные рефлексии свою ускользающую сущность, лишает подростка спокойной душевной жизни. Для подростка становятся важными дружеские отношения, поскольку в период кризиса самоидентификации так важна поддержка понимающих сверстников. На волне с радикальными попытками найти себя у ребят могут портиться отношения с родителями [4]. Юность, в свою очередь, стремится сформировать внутреннюю позицию по отношению к себе, по отношению к другим людям, а также к моральным ценностям. В период ранней зрелости личность овладевает ролью взрослого человека, правовой зрелостью, избирательными правами, экономической ответственностью - полное включение во все виды социальной активности своей страны. На этой стадии складывается собственная семья и строится собственный образ жизни, осваиваются профессиональные роли. Для каждой из выделенных возрастных категорий молодежи характерны свои ценности и мотивы, которые могут стать конфликтогенами. Для профилактики конфликтогенов необходимы методики, технологии, которые будут способствовать формированию конфликтной компетенции, поддерживать конструктивные социальные отношения. В качестве эффективной методики профилактики конфликтогенов мы рассматриваем психотехнику синтонного общения Егидеса А. П. [5] . Суть техники состоит в том, чтобы молодые люди понимали процессы возникновения конфликтогенов, могли отследить и ликвидировать острые ситуации в процессе общения. Построенные на психотехнике синтонного общения тренинговые

программы должны включать когнитивный, мотивационный и регулятивный модули [6]. Сформированная конфликтная компетентность станет основой профилактики конфликтогенов и социальной стабильности.

Источники и литература

1) Башкин М. В. Конфликтная компетентность личности : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.05, 19.00.01 / Башкин Михаил Валерьевич; [Место защиты: Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова].- Ярославль, 2009.- 242 с.
2) Коноваленко М.Ю. Особенности конфликтных ситуаций в молодежной среде/Сборник статей XV международной научно-практической конференции 21 ноября 2013 г. - Москва, Академия управления МВД России, 2013 г. С.123-126.
3) Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М. Возрастная и педагогическая психология: Учеб. пособие для студентов всех специальностей педагогических вузов. — М.: Педа гогическое общество России, 2003. — 512 с.
4) Мухина В.С. Возрастная психология. - 4-е изд., - М., 1999. - 456 с.
5) Егидес А. П. Психотехники синтонного общения.
6) Пронина Е.В., Попова С.Ю. Психологические основы медиации: новый способ решения проблем: учеб. Пособие. – Владимир, Издательство ВлГУ, 2016. – 84 с.

Власова Наталья Владимировна[1], Кадничанская Марина Ивановна[2]

1 - Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия; 2 - Ульяновский государственный университет, Ульяновская обл, Ульяновск, Россия

Интернет как источник семейных конфликтов

В современном мире неоценимы возможности Интернета. Он позволяет общаться на расстоянии, найти необходимую информацию, приобретать различные товары и услуги. Всемирная Сеть широко применяется в сфере досуга: использование сайтов с онлайн-играми, копирование и

просмотр фильмов и т.д. Интернет помогает в поиске работы, в развитии бизнеса и т.д. В связи с неограниченным пребыванием человека в Интернете, возникает интернет-зависимость. Интернет-зависимость можно рассматривать как нежелание человека отказаться от использования сети Интернет, сопровождаемое нарушение социальных связей в социуме, а также негативными эмоциональными реакциями при невозможности использовать Интернет. В настоящее время интернет-зависимость является мировым феноменом и изучается в социологии, психологии, психотерапии, девиантологии, медицине и т.д. Социологический подход к изучению феномена интернет-зависимости предусматривает анализ влияния факторов, условий и обстоятельств, вызывающих интернет-зависимость, особенности жизнедеятельности интернет-зависимого пользователя, его социального взаимодействия, как результат нарушения процесса социализации. Чрезмерное увлечение компьютерными играми, виртуальное общение, поиск всевозможной информации, сетевые знакомства, интернет-покупки, просмотр фильмов - все это проявления интернет-зависимости современного человека [1, с.20]. Интернет-зависимость влияет на все стороны жизни человека, включая семейные и супружеские отношения [2, с.116] Всемирная сеть Интернет подвергает изменению основы семейной жизни, порождая негативные и деструктивные последствия [4, с.53]. Негативные последствия интернет-зависимости переживает не только сам пользователь Интернета, но и родные и близкие ему люди (дети, супруг(а), родители). Человек, погруженный в Интернет (интернет-зависимый), нарушает социальные связи и отношения: он отвлечен от происходящего, теряет интерес к реальному общению с родными, близкими и друзьями, не замечает происходящего вокруг, равнодушен к домашним обязанностям, теряет доверие детей и т.д. Часто интернет-зависимый становится замкнутым и нервозным. В результате из-за чрезмерной увлеченности Интернетом страдают все члены семьи. В результате возникают многочисленные конфликты. Всемирная сеть Интернет предоставляет широкие возможности для романтических отношений. В одном случае Интернет является каналом создания семьи (некоторые пары посредством Интернета создают семью). Однако виртуальные знакомства в сети Интернет могут стать серьезным испытание для семейных отношений. Желание интернет-пользователя представить себя в идеальном виде, размещение красивых фотографий позволяет без препятствий завязывать новые знакомства. «Виртуальные» измены или флирт вызывают недовольство и недоверие между супругами. Это может привести к напряженности в отношениях, конфликтам, разрыву отношений. Зависимость супругов (или одного из супругов) или детей от онлайн-игр

также оказывает негативное влияние на семью. Такая зависимость отрицательно сказывается на мировоззрении человека, влияет на его принципы и убеждения. Кроме того, компьютерные игры создают иллюзию решения социальных проблем [5, с.37-38]. Кроме того, большая часть онлайн-игр требует материальных затрат, что отрицательно сказывается на бюджете семьи. Особенно опасным становится влияние Интернета на детей. Ввиду отсутствия возможности контролировать потребляемую информацию, дети часто сталкиваются с ненормативной лексикой, вирусами, мошенниками. Дети становятся раздражительными, скрытными, нервозными, агрессивными. Родители, занятые работой или увлеченные решением собственных проблем, часто отдаляются от детей, что приводит к новым конфликтам. Последствиями чрезмерного увлечения виртуальным миром может стать разрыв социальных связей, приводящий к десоциализации личности [3, с. 53]. В 2016 году международной исследовательской компанией IconKids&Youth проведено исследование «Растим детей в эпоху Интернета». В опросе приняли участие 3780 семей с детьми от 8 до 16 лет (один взрослый и один ребенок из семьи) из России, Германии, США, Великобритании, Испании, Франции (по 540 семей из каждой страны). Опрос проводился в Интернете по технологии онлайн-панели [6]. Исследование показало, что цифровая жизнь в домашних условиях имеет большое влияние на семейные отношения. Пятая часть родителей (21%) и детей (22%) признались, что Интернет может стать причиной напряженных отношений в семье. Больше всего опасений вызывает факт, что каждый третий родитель(31%) считает, что Интернет изолирует их от детей. 42% родителей не являются друзьями со своими детьми в социальных сетях и каждый пятый родитель (18%) объясняет это тем, что дети будут чувствовать себя смущенно. Если раньше родители были первыми, к кому дети обращались в поисках ответов на вопросы, то теперь каждый четвертый родитель (23%) указал, что дети предпочитают искать ответы на вопросы в Сети, нежели спрашивать у них. Кроме того, родители признались, что часто приходится оплачивать за онлайн-покупки, сетевые игры детей. Таким образом, результаты ряда социологических исследований показывают, что Интернет может способствовать отдалению детей и родителей друг от друга, игнорированию семейных обязанностей; вызывать недоверие между членами семьи, разногласию в подходах к воспитанию детей; способствовать возникновению финансовых проблем в семье, формированию противоположных интересов, устремлений.

Источники и литература

1) Войскунский, А.Е. Феномен зависимости от Интернета / А.Е. Войскунский. // Гуманитарные исследования в Интернете. – М.: Можайск-Терра, 2000. – С. 100–131.

2) Гайнцев, Е.Г. Социальные последствия интернет-зависимости / Е.Г. Гайнцев. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. - № 6/1. Т.7. – С. 116-118.

3) Джулай, Д.В. Анализ влияния Интернета на современную молодежь / Д.В. Джулай, В.В. Паклина, С.И. Бондарев. // Известия ИСУ. – 2015. - № 2(12). – С. 52-54.

4) Емельяненко, В.Д. Интернет-зависимость: духовно-ценностные основания / В.Д. Емельяненко, Н.С.Амешина. // Альманах современной науки и образования. – 2014. - № 11(89). – С. 51-54.

5) Емельяненко, В.Д. Ценностно-мировоззренческие основания зависимости молодежи от компьютерных игр / В.Д. Емельяненко, Ю.И. Кириенко, Е.С. Чувашова // Альманах современной науки и образования. – 2016. - № 1(103). – С. 35-40.

6) Исследование: Интернет является источником семейных конфликтов и отчуждения // [Электронный ресурс] URL: https:// www. kaspersky.com/ about/press-releases/2016_new-study-reveals-the-internet-is-a-source-of-family-conflict-and-disconnect (дата обращения 09.01.2020)

Воеводина Екатерина Владимировна

ФГОБУ ВО "Финансовый университет при Правительстве РФ", Москва, Россия

Кибербуллинг в подростковой среде как фактор риска в процессе социализации «цифрового» поколения

Начало XXI века ознаменовалось революционными изменениями в сфере массовых коммуникаций за счёт диджитализации. Значительно расширились возможности социальной интеграции, диалога культур, реализации личностного потенциала в творчестве, образовании, труде. Но, несмотря на все «плюсы», цифровая эпоха несет в себе риски. В первую очередь, они затрагивают социализацию индивида, в числе которых размытая идентичность, неустойчивость смысложизненных ориентаций, нарушение личного пространства, страхи и фобии. Многообразие ценностей, отсутствие целостности, стабильности, неустойчивость границ между личным, интимным и публичной сферой - ключевые характеристики

современного общества, в силу которых З.Бауман определяет его в качестве «жидкого», «текучего».

Социальной группой, особо подверженной рискам социализации в цифровом обществе, являются подростки. Данный возрастной период сопровождается рядом противоречий - поиском своей «ниши» в социальной структуре, профессиональным самоопределением, физиологическими изменениями, обусловленными «взрослением» организма. Всё это отражается на социально-психологическом самочувствии, эмоционально-волевой сфере. Общение с окружающими приобретает дополнительную рискогенность - повышенная конфликтность и импульсивность, характерные для ранней юности, могут осложнять коммуникацию и выступать причинами конфликтов, девиантного поведения. Экстремальность, воплощенная в приверженности крайним взглядам, нетерпимости к чужому мнению, может приобретать различные формы. Например, в работе Ю.А.Зубок и В.И.Чупрова можно выделить критерии экстремальности, которые находятся в одной сфере, но при этом прямопротивоположны друг другу: фанатизм в учебе / полное отсутствие интереса; культ богатства / критика «материального мира»; карьеризм / презрительное отношение к труду, а также радикализм и ксенофобия [4, с.74]. Виртуальная коммуникация придаёт этим чертам свою специфику. Экстремальность и конфликтогенность подростков все чаще реализуются в интернет-пространстве, поскольку гаджеты и социальные медиа являются неотъемлемой частью жизненного пространства поколения центениалов. Поскольку интернет позволяет сохранить анонимность, личная ответственность снижается. И нарушение моральных границ общения, и угрозы чаще всего остаются безнаказанными. Как отмечают А.А.Бочавер, К.Д.Хломов, кибербуллинг представляет собой «электронную» форму травли, основанную на агрессивном преследовании жертвы с помощью современных средств коммуникации; действия агрессора направлены на тех, кто «не может себя легко защитить» [2, с.180]. К видам такой травли исследователи относят флейминг, кибехарассмент, секстинг, клевету, мошенничество, «раскрытие секретов».

На наш взгляд, некоторые формы травли могут быть проанализированы с точки зрения социальных игр. Американским психологом Э.Бёрном, игра трактуется как серия трасакций, предполагающая стимул - «выигрыш» одного из участников - это может быть моральное удовлетворение, оправдание своих поступков или бездействий [1, с.245]. С этой точки зрения «подростковые игры» могут быть направлены на повышение самооценки (самоуважения), реализацию потребности в принадлежности и компенсацию неуверенности в себе. Так, подростковая

нетерпимость к чужому мнению может приобретать форму троллинга (флейминга), при котором агрессор вступает со своей жертвой в бесконечные споры, выходящие за рамки моральных норм. Троллинг может быть интерпретирован с точки зрения социальной игры, где основная задача заключается в том, чтобы «дразнить» соперника и тем самым «вывести его из себя». Такую игру легко «прервать» - если агрессор не получает ответной реакции, то вероятнее всего его стимул исчезнет. Большую опасность несут целенаправленные, персональные виды травли в интернете - секстинг или шантаж. В отличие от троллинга, они носят патологичный характер, поскольку в основе заложен стимул насилия. Методами травли могут выступать угрозы, публикация личных данных. В секстинге могут быть использованы интимные фото жертвы с «взломанной» страницы в соцсетях или материалы, снятые агрессором в ситуации, которая унижает жертву, выставляет её в «плохом» моральном облике (например, дело И.Сычевой, бывшей студентки МАДИ). Материалы нередко переносятся в групповые обсуждения на молодёжных форумах и унижение приобретает массовый характер (хейтинг).

Жертва кибербуллинга может быть выбрана «случайным» образом - в группе риска находится любой пользователь интернета, чей контент вызвал интерес агрессора. Эксперты полагают, что каждый третий подросток является жертвой кибербуллинга, при этом наиболее распространенными причинами являются нетерпимость к чужому мнению (22%), низкий уровень культуры (14%) и агрессивность пользователей сети (10%) [3, с.66].

Можно заключить, что кибербуллинг является индикатором современных рисков интернет-коммуникаций в развитии подростковых конфликтов. И субъект, и объект виртуальной травли оказываются в ситуации нарушенной социализации, когда существующие нормы и ценности размыты или отсутствуют, что препятствует гармоничному развитию личности. Основными мерами в борьбе с кибербуллингом должны стать не только законодательные нормы, предполагающие ответственность агрессора, но и разработка технологий мониторинга и сопровождения социализации подростков в цифровой среде.

Источники и литература

1) Бёрн Э. Игры, в которые играют люди: Пер. с англ. А.Грузберга. – М.: Эксмо, 2019. – 256 с.

2) Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий// Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2014. Т. 11. № 3. С. 177-191

3) Ефимова Е.С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред// Успехи в химии и химической технологии, 2014. № 7 (56). С. 65-66

4) Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. – М.: Academia, 2008. – 272 с.

Волнистая Марина Георгиевна

БГУ кафедра социологии, Минск, Республика Беларусь

Методология системного подхода в социальном познании человекоразмерных систем.

В методологических и теоретических конструктах современного социального познания принято считать, что адаптация любых систем имеет изоморфную (подобную) структуру последовательности элементарных событий независимо от природы происхождения адаптивных систем. Поэтому структурная модель адаптации может выступать в роли такого инварианта, который должен быть использован при научном анализе любого социального действия. Таким образом, проблема поиска инвариантной модели адаптивного поведения становится центральной проблемой общественных наук, ориентированных на свое лидерство в решении важнейших жизненных проблем современности. В числе самых актуальных вопросов повышения качества решения социальных проблем существует объективная необходимость буквально революционного изменения миропонимания ученых-обществоведов, которые слишком долго находились под жестким влиянием воинствующего материализма, категорически отрицавшего даже самую возможность существования иного. При этом также необходимо иметь в виду, что существенные особенности больших систем, которые нельзя привести в исходное состояние, при условии использования программно-целевых методов проектирования будущего требуют непосредственного участия ученого в реализации жизненных процессов. Эвристическое моделирование алгоритмов достижения целей требует постоянной корректировки исходных предпосылок в разных их составляющих при первом же соприкосновении с жизнью. Изменения могут возникать в связи с необходимостью корректировки или ценностных предпочтений, или последовательности намечаемых процедур, или для компенсации каких-либо вновь возникших непредвиденных факторов. Процесс инновационного обновления всегда будет связан с очень

высокой степенью неопределенности и только на основе научных знаний возможно принимать приемлемые решения. Особенно это важно в условиях очень большой силы воздействия современных технологий на окружающую среду, которые без учета возможных последствий их применения могут погубить все живое. В этой же связи по-особому должны рассматриваться и этические аспекты научной деятельности. Однозначно, астрономическое разнообразие возможных состояний больших систем, являющихся объектом познания ученых, не может дать никаких гарантий в правильности сделанных ими выводов. Печальным примером подобной научной самонадеянности может служить чернобыльская катастрофа, как известно, спровоцированная недостаточно продуманным экспериментом над реактором. Подобное может случиться и в других областях научного знания. Например, проводя генетические опыты и создавая новые свойства биологических видов, непроизвольно можно создать самые невероятные гибельные последствия, как для самого биологического вида, так и для взаимодействующих с ним других особей и популяций. Тем более опасны всякие «шоковые» эксперименты над людьми и человеческими сообществами. Возможно, этическая сторона деятельности научного сообщества становится одной из самых определяющих в судьбе будущего человечества. Другими словами, мир новой цивилизации, характеризующийся весьма острой экологической проблематикой, сверхмощной энергетикой своих технологий и взявший на вооружение компьютерные средства усиления своего интеллектуального разнообразия, не может далее находиться в методологических оковах простоты материализма и должен осваивать методологию системного анализа социальных процессов , в большей степени отвечающей нынешней реальности. К этому призывают в своих публикациях многие авторитетные ученые и политики. Например, президент Международной социологической ассоциации (в 1994-1998 годах) И. Валлерстайн, отмечая кризис современного обществознания выделяет следующие перспективы решения обозначенных проблем: «Говоря о будущем обществознания, я имею в виду три перспективы, кажущиеся мне одновременно достижимыми и желательными в XXI веке: эпистемологическое воссоединение так называемых двух культур - естественных и гуманитарных наук; организационное воссоединение и новое разделение общественных наук и признание за ними центральной роли в мире знания» [3, с.323]. Широкое распространение новой познавательной парадигмы, направленной на углубление общесистемных представлений об окружающем нас мире, связано и с необходимостью решения целого ряда методологических проблем. Перечень этих проблем был предложен в свое время Дж. ван Гигом, ав-

тором учебного пособия «Прикладная общая теория систем» [2]. Среди них следует назвать следующие: проблема рациональности; оперирование феноменом сложности; оптимизация и субоптимизация; противоречия между централизацией и децентрализацией; количественные определения и измерения; обобщение и формирование рациональных методов исследования в области техники, экономики, права, политики и социологии; соотношение теории и действия на ее основе; этические аспекты проектирования и реализации систем; реализация системных проектов; достижение согласия; соотношение постепенных улучшений и принципиальных нововведений; , связанные с информацией и управлением; стремление к «идеалу» исходя из возможности «реального варианта идеала»; планирование, обучение и экспертиза. Каждая из перечисленных проблем требует особого внимания, и их разработка окажет существенное влияние на формирование методологического инструментария системного анализа социальных процессов. Последняя рассматривается как концептуальная методология, призванная решать задачи социального проектирования на разных иерархических уровнях общества и в различных сферах человеческой деятельности. Адаптационные свойства человека и созданных им организаций становятся важнейшими качествами, требующими проявления принципиально новой культуры поведения человека. Повсеместное целеполагание, согласованное на всех иерархических уровнях, является самым действенным инструментом решения возникающих проблем. И как нельзя своевременно для решения этой задачи можно расценивать прогресс информационных технологий - создание новейших средств вычислительной техники и телекоммуникаций, обеспечивающих высокую оперативность обработки информации и мобильность общения между людьми. Новые угрозы носят ярко выраженный трансграничный характер и, как правило, для их предотвращения будут требоваться коллективные и синхронные действия, возможно в разных частях планеты, в разных сферах хозяйствования. Новый характер целей человеческой деятельности, вооруженной к тому же таким мощным средством усиления интеллектуального потенциала как компьютерная техника, по-новому ставит вопросы и разделения труда, и роли человека в управленческих процессах. В новых условиях каждый человек может и должен стать центром принятия тех или иных решений. Одни из этих решений будут значимы только на локальном уровне, другие - в глобальных масштабах. Но тенденции развития уже очерчены с высокой степенью очевидности - интеллектуальная сущность человека получает приоритет над его физической природой. В этом заключается и самое принципиальное отличие вновь возникающего мира от мира уходящего. [1]

Источники и литература

1) Демчук М.И., Юркевич А.Т. , Республика Беларусь: системные принципы устойчивого развития.– Минск: РИВШ БГУ, 2003.– 342 с.
2) Гиг Дж. ван, Прикладная общая теория систем: В 2 к. / Пер. с англ. под ред. Б.Г. Сушкова, В.С. Тюхтина.– М.: Мир, 1981.– 727 с.
3) Валлерстайн И. , Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева.– М.: Логос, 2003.– 368 с.

Воронина Снежана Николаевна

ГНУ "Институт социологии НАН Беларуси", Минск, Республика Беларусь

Медиаграмотность как способ предотвращения социальных конфликтов

В настоящее время распространение конфликтов в обществе вызвано во многом переходным этапом развития современных общественных процессов. Сегодня социальный конфликт это специфическое поле, на котором взаимодействуют активные социальные субъекты, вступившие в процесс разрешения социального противоречия и особую деятельную связь друг с другом.

В процессе трансформации информационных парадигм, существовавшая традиционная модель распространения информации через СМИ существенно изменилась под влиянием новых медиа - телевидения, интернета, электронной почты, факса.

Суть этой новой парадигмы, которая появилась благодаря широкому распространению интернета как канала получения и передачи информации, можно описать как переход от опосредованного профессиональными журналистами видения мира к личностному видению событий, когда каждый читатель получил возможность создавать собственное средство массовой информации [4, с. 80]. И именно на этой стадии огромную роль играет медиаграмотность как необходимое условие функционирования человека в современном информационном мире, успешной ориентации для предотвращения разрастания социальных конфликтов.

В данной работе под медиаграмотностью мы будем понимать: умение пользоваться (т.е. адекватно понимать и создавать) текстами печатных и

электронных СМИ, включая интернет [3, с.210]. Это умение пользоваться поисковыми системами и находить нужную и полезную информацию, способность отличить добросовестные и вызывающие доверие источники информации от недобросовестных, знание о системах родительского контроля и умение ими пользоваться. Также пользователи должны понимать, что в интернет не стоит выкладывать лишнюю информацию о себе и своих персональных данных, чтобы не стать жертвой мошенников и злоумышленников.

Особое внимание нужно обратить на так называемые "фальшивки", или fake news, которые представляют собой смесь из сплетен, пропаганды и конспирационных теорий. Оно более опасно, чем издавна существующая ложная информация, которую легче изобличить. «Фальшивки» произрастают из дезинформации, однако новизна данного феномена заключается в его беспрецедентном стремлении навредить, поскольку возможности информатики делают его безграничным и трансмедийным [5].

Для Беларуси это также актуально так как 49% пользователей интернета с его помощью следят за новостями в стране и мире, а 69% опрошенных в ходе социологического исследования пользуются интернетом практически ежедневно (данные получены в ходе социологического исследования Института социологии НАНБ в декабре 2019 г. [2].

Важно подчеркнуть роль СМИ в информировании об уже состоявшемся конфликте. Так как информирование о конфликте, всех его структурных компонентах (участниках и причинах конфликта, его контексте, микросреде, мотивациях и целях сторон спора) является одним из важнейших условий, влияющих на самые различные параметры конфликта, в частности на его динамику, длительность, интенсивность [1, с. 116].

Именно поэтому нужно обязательно учитывать растущее влияние цифровых технологий, которые переступили через грань дозволенного. После довольно безобидных явлений, таких как серфинг и общение в чатах, сегодня мы наблюдаем процесс добычи конфиденциальной информации с целью манипуляции и массивной дестабилизации. В данном контексте нельзя не упомянуть про социальные сети. В связи с постоянным расширением цифровой среды, соцсети превращают пассивную аудиторию в активных пользователей, которые обмениваются новостями и интерпретируют информацию. Таким образом, они продвигают недостоверную информацию и слухи. А так как традиционные медиа вызывают недоверие, то соцсети с легкостью становятся инструментом распространения недостоверных данных. Все это используется для манипуляций нашим сознанием, для разжигания разного рода споров и конфликтов.

Именно поэтому, необходимо тренировать критическое мышление, чтобы использовать его как форму противодействия пропаганде и манипуляциям.

В современном мире уже состоявшейся и победившей цифровизации образование невозможно больше представить себе без медиаграмотности. Именно эти умения предотвращают манипулирование общественным мнением и в последствие разжигание социальных конфликтов.

Источники и литература

1) Горшкова, В.В. СМИ как субъект и участник конфликтов в современном обществе / В.В. Горшкова // Вестник СПГУТД. – 2017. - № 1. – С.115-118.
2) Институт социологии НАН Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socio.bas-net.by/. – Дата доступа: 27.01.2020.
3) Стернин, И.А. Медиаграмотность в структуре грамотности современного человека / И.А. Стернин // Вест. ВГУ Сер.: Филология. Журналистика. – 2013. — №2. – С. 209-211.
4) Соловьев, П.Л. Медиаграмотность и медиаобразование в эпоху смены информационных парадигм / П.Л. Соловьев // Как развивать медиаграмотность студента и преподавателя университета: стратегии и техники: сб. ст. Вып. 10 / редкол.: Д. И. Губаревич (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. В. В. Самохвала. – Минск: БГУ, 2017. – С. 79–87.
5) UNESCO COURIER [Электронный русурс]. – Режим доступа: ru.unesco.org/courier/july-september-2017/mediagramotnost-sredstvo-ot-manipulyacii. – Дата доступа: 22.01.2020.

Воронов Кирилл Алексеевич

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Интернет как форма генезиса неодискриминации (виды онлайн-ксенофобии)

Без глобальной сети Интернет мы сейчас не представляем свою жизнь [3; 5]: сетевые коммуникации и цифровые технологии положительно влияют на уровень комфорта и затрат времени на решение повседневных задач. Как известно, любое социальное и технологическое явление несет

в себе также и отрицательные коннотации, способствующие развитию новых социальных «пороков», например, дискриминации в социальном поле интернет-пространства.

Стоит отметить, что Интернет имеет особый статус коммуникативной площадки [1, с. 76], где личность коммуникантов находится как бы «позади» самого процесса обмена информацией: на первый план выходит сам факт сказанного, особенно важна сила эмоциональной нагрузки, вложенной в текст. В совокупности с относительной анонимностью [7, с. 367] каждого коммуниканта это разрушает социальные барьеры, в том числе и межэтнические, что, с одной стороны, положительно влияет на процесс социокультурного обмена, а с другой - порождает новые, более острые формы межэтнических конфликтов, которые могут выливаться во вполне реальные противостояния. Открытость социального дискурса в онлайн среде пробуждает примордиальные инстинкты как при феномене спонтанной толпы на улице, где личность замещается коллективным сознанием в отрицательной коннотации. Современная онлайн-ксенофобия обусловлена данными особенностями, включая в себя новые проявления таких ее форм, как газлайтинг, неоколоризм, лукизм, менсплейнинг, сексуальная объективация, слатшейминг, онлайн харассмент [6]. Как можно увидеть, обозначение новых форм дискриминации состоит из англицизмов, что объясняется более развитым движением в англоязычных странах за социальные права человека и вниманием к данным проблемам. Только сейчас эти термины начинают входить в практику современной социологии в связи с распространением в социуме виртуализации личности [2, 4].

Газлайтинг как форма дискриминации широко распространена не только в сетевом пространстве, но и в реальной жизни, и она намного ближе к нам, чем может показаться. Суть газлайтинга в том, что индивид манипулятивно пытается убедить собеседника в том, что его убеждения, ценности и воспоминания являются ложными и выдуманными, когда он сам в реальности осознает, что это правда. Манипулятор заставляет усомниться человека в адекватности восприятия реальности, обесценивая и нигилизируя все его высказывания. В интернете феномен распространен более широко, поскольку опосредованность коммуникации минимизирует вероятность реального морального порицания и социального отвержения манипулятора. Тактика применяется в основном к различным меньшинствам и тем, чье мнение не соответствует мнению большинства.

Неоколоризм - современная форма дискриминации по признаку расы и цвета кожи. Переход расизма в интернет-среде в более жесткую

ксенофобскую риторику проявляется в виде различных вербальных конструктов: расистские высказывания, шутки, стереотипные образы, «мемы» с представителями различных рас, угрозы физической расправы. За большинство из этих проявлений дискриминирующий может получить реальное уголовное наказание в виде лишения свободы, но из-за объективных причин за колоризм в интернете не происходит соизмеримого наказания, вследствие чего расистский дискурс приобретает более ожесточенный характер. Как правило, расистские высказывания в интернете не коррелируются с реальной моделью социального поведения индивида, по большей части они направлены на создание конфронтационных ситуаций в сети для вовлечения большего количества людей и привлечения внимания.

Другой широко распространённый феномен в сетевом пространстве под названием «лукизм», или позитивная дискриминация по внешним признакам, характеризуется как подсознательное доверие индивидам, которые подпадают под социокультурную картину внешнего облика человека данного общества. Он проявляется в неосознанной и иррациональной позитивной оценке людей, которые субъективно являются красивыми по внешним признакам для данного индивида. Интернет-аудитория формирует такое отношение к популярным блогерам, сетевым селебрити, контент-мейкерам и просто широко известным личностям, которые входят в стандарт красоты в контексте данного времени. Это порождает дискриминацию к людям с дефектами внешности или с несоответствующей фигурой, к ним относятся недоброжелательно, и любой их поступок может трактоваться как негативный и девиантный, в основном, это выражается в оскорбительных комментариях под сообщениями и фотографиями таких людей.

Гендерный аспект дискриминации в интернете сводится к уничижительному доминированию одного пола над другим, здесь работают законы архаичных обществ, где женщина по умолчанию находится ниже мужчины в социальной иерархии. В сети это проявляется в форме слатшейминга - дискриминация женщин за откровенный внешний вид; менсплейнинга - снисходительная манера объяснения материала женщине, которая якобы не способна воспринять информацию без помощи мужчины; сексуальной объективации - сужение личности женщины лишь до объекта сексуального влечения, способного удовлетворить мужские потребности. Сексуальная объективация может работать и в обратную сторону, когда на женских форумах мужчина может обсуждаться только как объект сексуального влечения.

Таким образом, малая изученность новых форм дискриминации в интернете открывает широкие возможности для изучения в предметном поле социологии для объяснения их генезиса и структурирования в системе онлайн-коммуникаций.

Источники и литература

1) Липатова М.Е. Актуализация межкультурного диалога в современном интернет-пространстве / М.Е. Липатова, А.А. Богатырева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. № 1. С. 72-84.

2) Мамедов А.К. Виртуальная личность: социальный эскапизм или новое поле креативности / А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2019. № 1 (13). С. 68-75.

3) Мамедов А.К. Социальное неравенство: новая онтология и вариативность в информационную эпоху / А.К. Мамедов // В сборнике: Философия и социальные науки в современном мире. Материалы Международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. 2019. С. 11-15.

4) Мамедов А.К. Социальные последствия виртуализации личности / А.К. Мамедов // В сборнике: Коммуникативное пространство современного мегаполиса: диалог программ. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова . 2019. С. 44-48.

5) Мамедов А.К. Эскапизм в виртуальную реальность: новые поля социализации / А.К. Мамедов // Социология. 2018. № 3. С. 56-66.

6) От аутинга до эйджизма: словарь злободневных терминов // Wonderzine [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/217613-what-s-the-word (дата обращения: 24.01.2020).

7) Якоба И.А. Особенности интернет-коммуникации (социологический, лингвистический, гендерный аспекты) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. №3 (62). С. 365-371.

Головкин Михаил Алексеевич

ГБОУ Школа №654 им. А. Д. Фридмана, Москва, Россия

Миграция как причина межэтнических противоречий и конфликтов в России

РФ занимает третье место в мире по числу мигрантов — после США и Германии. В марте 2019 года Кремль сформировал структуры, которые будут заниматься реализацией новой концепции миграционной политики до 2025 года. К этому времени власти России хотят сделать новыми россиянами от 5 до 10 млн человек [1]. Миграция будет нацелена прежде всего на замещение сокращающегося трудоспособного населения. По оценкам эксертов, сейчас трудовых мигрантов в России порядка 5 миллионов. Больше половины из них составляют выходцы из Средней Азии. Внутри России же оттоком населения в другие регионы выделяется Северный Кавказ. На фоне миграционного прироста из культурно чуждых стран, а также высокой рождаемости Кавказских республик этническая неоднородность российского общества растет. Если в 1989 году этносов численностью свыше 100 тыс. было 37, то в 2010 году - уже 41. Из них выросли 29, из которых 16 преимущественно исповедуют ислам. [2] Примечательно, что массовая миграция из стран Средней Азии и регионов Кавказа сопровождается многочисленными конфликтами с коренным населением.

Этнический конфликт — это любая конкуренция между группами — от реального противоборства за обладание ограниченными ресурсами до предполагаемого расхождения интересов — во всех тех случаях, когда в восприятии хотя бы одной из сторон противостоящая сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности ее членов [3]. В зависимости от классификации выделяют разные виды этнических конфликтов:

1) межгосударственные, региональные, между центром и регионом и местные;
2) конфликты стереотипов, идей и действий;
3) социально-экономические, культурно-языковые, политические и территориальные.

Наиболее резонансными в России, как правило, бывают местные конфликты действий социально-экономической направленности (Погромы 2006 г. в Кондопоге, протесты 2013 г. в Пугачеве, беспорядки 2013 г. в Бирюлево, погромы 2019 г. в Якутии).

Как правило, к моменту фрустрационной детерминации, общество бывает уже агрессивно настроено по отношению к чужеземцам, поэтому стадия осознания и эмоционального вызревания конфликта часто

резко перетекает непосредственно в стадию конфликтного взаимодействия. Поводом к негативному отношению к мигрантам среди россиян может служить демпинг на рынке труда, повышенная склонность к насильственным преступлениям, а также культурный барьер. На протяжении всего начала XXI века население россии отличалось повышенным уровнем мигрантофобии и ксенофобии по отношению как к приезжим с Кавказа, так и из Средней Азии. В 2016 году 78% россиян выступили за ограничение въезда мигрантов в Россию [5]. В 2019 году рекордно низкий процент россиян выступили за то, чтобы правительство способствовало притоку трудовых мигрантов. Более половины населения России поддерживает идею "Россия для русских" [4]. Только 27% поддерживают рост разнообразия в обществе при 29% против [6].
Привлечение в Россию большого количества этнически чуждых мигрантов неизбежно несёт с собой такие издержки, которые трудно игнорировать. Многообразие, вызванное миграцией, мешает сотрудничетву как в рамках отношений индивидов, так и в рамках межгрупповых отношений [8], что не может не сказаться отрицательно на уровне социального доверия [9] и сплоченности общества в целом [10]. Есть основания полагать, что люди разных рас, национальностей, языков или культур не в состоянии сосуществовать мирно и гармонично в пределах одного государства, если меньшинство превышает определённую долю общей численности населения [11]. Более того, опыт ЕС показывает, что одно из главных положений Конституции РФ, о социальном государстве, может быть поставлено под сомнение в результате наплыва мигрантов [16].

Существует множество стратегий разрешения этнических конфликтов, три основные - это:
1) применение правовых механизмов (программа-максимум — трудно достижимая в реальности — изменение всего законодательства в полиэтнических государствах);

2) переговоры (применяются непосредственно после возникновения конфликта);

3) информационный путь (взаимный обмен информацией между группами. Многие психологи относятся скептически).

Сторонники разных психологических теорий предлагают и другие стратегии (переориентирование агрессии, надгрупповые цели, надгрупповая идентичность, перекрещивание категорий) - однако они или лишь пытаются смягчить проявления агрессии, или срабатывают лишь в отдельных случаях, или противоречат эмпирике, или стремятся к полной декатегоризации общества [3].

Итак, многообразные группы, находящиеся близко друг к другу повышают количество этнических конфликтов и случаев этнического местничества, основанного на этническом фаворитизме, являющемся результатом эволюционных процессов [12] [7]. Возможно, мир достигается не путём близкого сожительства, а благодаря возможности сожительства разным этническим группам в единой стране и разделу их на свои собственные территории. Это снижает напряжение, связанное с межэтническими различиями [13], - непременный элемент полиэтнического общества [3]. Эта теория объясняет, почему в России за пределами городов-миллионников формируются полностью автономные сообщества мигрантов [14], а также почему мигранты в столице не интегрируются в общество и живут отдельно, несмотря на отсутствие явных собственных районов расселения [15].

Источники и литература

1) Мигрантополучатели. Сформированы структуры, которые займутся привлечением в Россию новых граждан. / [Электронной ресурс] - режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3909388 / (Дата обращения 01.02.2019 г.)

2) Миграция меняет лицо России / [Электронной ресурс] - режим доступа: https://www.nakanune.ru/articles/113565/ / (Дата обращения 01.02.2019 г.)

3) Т. Г. Стефаненко. Этнопсихология: Учебник для вузов. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2009. — С. 186-201.

4) Мониторинг ксенофобских настроений / [Электронной ресурс] - режим доступа: https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/ / (Дата обращения 01.02.2019 г.)

5) Мигранты в России: эффекты присутствия / [Электронной ресурс] - режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115969 / (Дата обращения 01.02.2019 г.)

6) How people around the world view diversity in their countries / [Электронной ресурс] - режим доступа: https://www.pewresearch.org/global/2019/04/22/how-people-around-the-world-view-diversity-in-their-countries/ / (Дата обращения 01.02.2019 г.)

7) The Evolutionary Dominance of Ethnocentric Cooperation / [Электронной ресурс] - режим доступа: http://jasss.soc.surrey.ac.uk/16/3/7.html / (Дата обращения 01.02.2019 г.)

8) Ozan Aksoy. Effects of Heterogeneity and Homophily on Cooperation. // Social Psychology Quarterly. - 2015 г. - 78(4). - pp. 324-344.

9) Conrad Ziller. Ethnic Diversity, Economic and Cultural Contexts, and Social Trust: Cross-Sectional and Longitudinal Evidence from European Regions, 2002-2010 // Social Forces. - 2015 г. - 93(3). - pp. 1211-1240.

10) Robert D. Putnam. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century – The 2006 Johan Skytte Prize Lecture. // Scandinavian Political Studies. - 2007 г. - 30(2). - pp. 137-174.

11) Laszlo Thomay. The natural law of race relations. – 9781878465078 – Washington DC:Scott-Townsend, 1993. – P. 118-119.

12) Тату Ванханен. Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме. - 978-5-9950-0428-8. - М.:Кучково поле, 2014. - 288 с.

13) Good Fences: The Importance of Setting Boundaries for Peaceful Coexistence. / [Электронной ресурс] - режим доступа: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0095660 / (Дата обращения 01.02.2019 г.)

14) «Без особой надобности в город не выходить». / [Электронной ресурс] - режим доступа: https://novayagazeta.ru/articles/2019/01/05/79107-bez-osoboy-nadobnosti-v-gorod-ne-vyhodit / (Дата обращения 01.02.2019 г.)

15) Мигранты в Москве вращаются в своей среде. / [Электронной ресурс] - режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177667416.html / (Дата обращения 01.02.2019 г.)

16) Reeskens T. Disentangling the 'New Liberal Dilemma': On the Relation between General Welfare Redistribution Preferences and Welfare Chauvinism. / van Oorschot W. // International Journal of Comparative Sociology. - 2012. - 53(2). - P.120-139.

Голубева Ксения Александровна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Конфликт ценностей поколений в формировании финансовой культуры

Дефиниция финансовой культуры является сложным явлением для исследования, поскольку находится на стыке двух сфер: экономической и духовной. Методологически под финансовой культурой следует понимать систему ценностей и побуждений, определяющих сознание и поведение человека в финансовой среде [1]. При этом ключевыми элементами рассмотрения данного социально-экономического явления будут финансовое поведение, финансовые ценности и установки, определяющие финансовое сознание.

В мае 2019 г. проведено комплексное социологическое исследование, одним из составляющих которого стало исследование ценностей, которые родители транслируют своим детям. Были проведены 4 фокус-группы среди студентов Финансового университета Изучение семьи - ключевой элемент, так как именно здесь формируется и развивается личность, происходит овладение ею социальными ролями и функциями, необходимыми для дальнейшей жизнедеятельности в обществе [2].

Влияние родителей на детей, в частности, пример родителей, как образец для подражания поведения или как показатель того, как не надо жить - блок беседы, который рассмотрен в контексте финансовой сферы. Семья и семейные ценности - это важнейший фундамент, на котором строится жизнь любого человека. Формирование личности начинается именно в семье: семейные ценности прививают нужные навыки для гармоничного развития целостной личности. Кроме того, именно своим примером родители могут показывать, как их правильно надо тратить. Некоторые родители учат детей экономно расходовать деньги, а сами при этом покупают дорогие гаджеты и одежду, тратят деньги на дорогие заграничные поездки и прочие желания.

Во-первых, в отношении финансовой стратегии и финансовой активности отмечена явная дифференциация по гендеру в сторону мужского пола: *«А если они оба диаметрально противоположны?», «Ну вот как папа - да», «Поэтому я рассматриваю мамины советы сквозь эту призму, а я им не хочу следовать».*

По мнению самих же студентов, такой разрыв связан с тем, что «женщины эмоционально тратят деньги». Для женщин чаще всего упоминалась - расточительность и нерациональность. Для мужчин прежде всего отмечалась грамотность в финансах.

Большинство отметило, что *«в первую очередь ты поначалу растешь в этом, в формировании. Ты видишь, как родители это делают. Конечно пока что ты перенимаешь это на себя»*. Далее мнения разделились: кто-то считает, что будет брать пример со своих родителей, кто-то считает, что стратегия родителей - это не то, что они хотели бы транслировать.

Обе группы пришли к выводу о том, что трансляция в будущем ценностей родителей будет зависеть от таких ключевых этапов, как переезд от родителей и самостоятельное зарабатывание денег: *«Мои родители расточительно относятся к деньгам, мы их никогда не копим, мы всегда тратим. Но я тоже могу сам это проделать с деньгами, которые мне дают родители. Если же я сам буду зарабатывать свои деньги, то, возможно, я буду относится к деньгам накопительно».*

Среди положительных качеств упоминались такие, как бережливость, нерасточительность. В свою очередь, излишняя бережливость упоминается в отрицательном контексте.

Таким образом, существует значительный разрыв в формировании ценностных ориентаций молодого поколения, так как сложившаяся система установок и ценностей старшего поколения не всегда соотносится с интересами молодого поколения в силу различных факторов: дохода, финансового опыта, уровня образования и др.

Источники и литература

1) Аймалетдинов Т.А. Роль муниципальной информационной среды в формировании финансовой культуры населения // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.
2) Холостова Е.И. Социальная работа: учеб. пособие. М.: Издательско-торговая корпорация « Дашков и К», 2010. 800 с.

Гречихин Владимир Григорьевич

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Состояние женской безработицы в России на современном этапе

Безработица - это такое состояние общества, когда определенная часть активного трудоспособного населения страны хочет и способна трудится по найму, но не может трудоустроиться по причине отсутствия работы. Безработица относится к крайне негативным явлениям, поскольку она не только тормозит экономическое развитие государства и повышает уровень бедности среди определенных слоев населения, но также провоцирует моральную, нравственную и духовную деградацию, способствует повышению уровня преступности в стране и т.д.

В современной России одной из острейших социально-экономических проблем является проблема женской безработицы. Данный вид безработицы в нашей стране, в период ее рыночной трансформации, традиционно находится на высоком уровне и пока что не наблюдается тенденций ее урегулирования. В стране на уровне Правительства РФ принимаются различные программы по поддержке женщин, однако их эффективность недостаточна для решения проблемы.

Рынок труда, как основной источник женской безработицы, в России. В стране ярко выражена гендерная дискриминация. Большинство работодателей предпочитают брать на работу мужчин, а не женщин. Государственная статистика свидетельствует, что данной дискриминации, чаще всего, подвержены матери-одиночки, многодетные женщины, женщины, имеющие детей-инвалидов, молодые женщины, недавно окончившие учебные заведения.

В Конституции Российской Федерации, в ст. 19 и 37 четко закреплены принципы равноправия мужчин и женщин. В настоящее время в стране узаконены ограничения по работе для женщин по 456 профессиям. Имеется наличие дискриминации вертикальной мобильности работников, наличие неравенства при оплате труда. Доминирующую позицию по количеству рабочих кадров женщины, занимают только в сфере образования, социальных отраслях и здравоохранения. В апреле 2019 года среди безработных в возрасте от 15 до 72-х лет доля женщин составила около 60%.

Мнение женщин о причине своей безработицы (по материалам социологического опроса): 41% женщин назвали в качестве основной причины свое неподходящее образование; 28% указали на наличие детей; 19% опрошенных считают, что в службе занятости не могут найти подходящую для них вакансию; 12% назвали другие причины негативного влияния на возможность их трудоустроится.

Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017-2022 годы». Прошедшие годы показали определенную необоснованность и недостаточность его динамики и направленности выполнения.

Гримов Олег Александрович

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Теоретические и практические конфликты социальной темпоральности

Одной из наиболее перспективных отраслевых социологических дисциплин, однако, ещё не получивших полноценного признания и легитимации в социологической науке, является социология времени. Данная дисциплина, несмотря на относительно давнюю историю исследовательского интереса социологов к темпоральной проблематике, только находится на этапе своей институционализации. Рассмотрим далее те теоретико-методологические и практические аспекты социологии времени, которые составляют главные зоны её конфликтного напряжения.

Время как центральная категория социологии времени обнаруживает её одновременно прочный и в то же время размытый концептуальный базис. Основу исследовательских интуиций социологов темпоральности составляет богатый опыт изучения времени, накопленный ранее (в некоторых случаях - одновременно и параллельно) в естественных и гуманитарных науках. Так, отдельные временные аспекты апроприированы физикой, историей, астрономией, биологией, психологией - поэтому можно говорить, соответственно, о физическом, историческом, астрономическом, биологическом (в частности - физиологическом), психологическом времени. Отдельно стоит выделить категорию философского времени как главную теоретическую основу социологии времени. Многообразие дисциплинарных оптик восприятия времени, с одной стороны, формирует необходимый для социологии времени теоретико-методологический базис, с другой - приводит к крайнему размыванию её собственного предметного поля. Следует отметить, что междисциплинарный аппарат изучения темпоральности при этом ещё не сформирован. Размытость очертаний предмета социологии времени, а также множественность научных дисциплин, претендующих на собственное «присвоение» времени, определяют основную зону теоретико-методологического напряжения, «конфликты» в рамках которого могут быть весьма плодотворными. Именно определение социологией времени своего предметного поля и очерчивания динамичных концептуальных границ должно стать важным шагом на пути к институционализации данной дисциплины.

Другим важным, опорным пунктом является социологическая классификация видов времени (а также темпоральных структур, темпоральных субъектов и т.д.), до сих пор не получившая адекватного разрешения. Отдельным дискуссионным вопросом является возможность признания социального времени социальным институтом.

На практическом уровне также следует выделить ряд зон темпорального напряжения. Сегодня мы являемся свидетелями эскалации конфликтов между различными картинами мира и стратегиями институциональной нормативности. Важной частью таких конфликтов являет-

ся рассогласованность темпоральных структур и представлений различных социальных, политических, конфессиональных и иных групп. Возникающая множественность и гетерогенность в отдельных своих аспектах может быть охарактеризована как «мультиисторизм» (А. Эткинд), кентавр-система (Ж. Тощенко). Основной причиной формирования противоречий в современных условиях является непримиримость большинства современных политик памяти, составляющих значительный элемент историко-культурного и социально-политического ландшафта. В таких условиях необходима постановка вопроса о формировании на теоретическом и институциональном уровне условий культурно-темпорального диалога.

Грошева Любовь Игоревна
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Тюмень, Россия

Этнокультурные характеристики конфликтного взаимодействия в системе руководитель-подчинённые

Значительная часть производственных и военных коллективов обусловлены многонациональным составом, в рамках которого осуществляется формирование сложных систем коммуникации и взаимной оценки. При этом в рамках межнационального взаимодействия столкновение различных традиций может приводить к росту конфликтов, снижающих продуктивность не только деятельности каждого индивида, но и группы в целом. Учитывая данную особенность, управление многонациональным коллективом требует особой подготовки и внимания со стороны руководящего состава, предполагающей анализ и разработку стратегии нивелирования негативных поведенческих интенций.

Полиэтнические коллективы отличаются от иных групп своей социальной организацией [1]. В отличие от этнически однородных образований, в качестве структурной единицы здесь рассматривается не отдельный индивид с его потенциалом и навыками, а группа, обладающая одной национальной принадлежностью, что способствует формированию специфического самосознания, развитию общих интересов, групповых целей и т.д. В данном случае в качестве объекта управленческого воздействия выступает национальная или этническая микрогруппа, как неделимая исходная единица социальной структуры многонациональной группы [2].

В рамках каждого многонационального коллектива может быть выделено несколько микрогрупп, представители которых характеризуются различной степенью реакции на те или иные управленческие решения, что является причиной проблем в области общего руководства и формировании организационной культуры.

С целью определения моделей конфликтных взаимодействий в системе руководитель-подчинённые автором было проведено исследование в марте-октябре 2019 года посредством фокус-групп (18 групп по 5-6 человек). Для получения наиболее объективных данных были отобраны представители коллективов, которые функционируют не менее трёх лет и включают не менее двух количественно значимых национальных включений. В половине фокус-групп были собраны участники под управлением руководителя славянской внешности, в то время как остальные работали под руководством начальника с ярко выраженной тюркской принадлежностью. Всего было представлено 8 национальных групп (русские, белорусы, татары, казахи, киргизы, таджики, армяне и азербайджанцы).

В ходе исследования было отобрано несколько базовых соотношений в системе подчинения, с целью выявления специфики конфликтных отношений иерархического плана. Заслуживающим внимания противоречием является соотношение национальной принадлежности руководителя коллектива и отдельных микрогрупп среди его подчинённых. Исследование позволило выделить несколько наиболее упоминаемых комбинаций.

1. Руководитель - представитель славянской группы - подчинённые смешанного состава. В данной ситуации конфликтное взаимодействие характерно в большей мере для горизонтальных отношений в среде подчинённых. Участники фокус-групп отметили, что в подобном сочетании руководитель стремится максимально абстрагироваться от противоречий и вмешивается лишь при отсутствии предпосылок к самостоятельному разрешению конфликта. Установление более выгодного положения для одной из микрогрупп не приводило к успеху. Как правило, в отношении подобных руководителей не наблюдалась поляризация мнений, и их оценивали нейтрально. Основными причинами конфликта в таком соотношении рассматривались проблемы распределения ресурсов в ходе выполнения задач.

2. Руководитель - представитель национального меньшинства - подчинённые смешанного состава, отличного от принадлежности руководителя. Данную ситуацию опрошенные посчитали наиболее эффективной в работе многонационального коллектива. Они отметили, что в ходе взаимодействия такой менеджер стремится решить конфликт с учё-

том этно-культурной специфики состава группы, что в значительной мере способствует оперативности и эффективности его разрешения. Конфликтные взаимодействия возникают, как правило, при попытках определить лидирующее положение одной микрогруппы за счёт определения культурной близости к руководителю. Однако в большинстве случаев опрошенные отметили, что подобные попытки не имеют под собой достаточных оснований.

3. Руководитель - представитель одной из национальных микрогрупп коллектива - подчинённые смешанного состава. Подобное соотношение опрошенные оценили наиболее негативно. Участники, в особенности представители тюркской этнической группы, указали на невозможность построения эффективного взаимодействия при явно определяющем соотнесении одной из микрогрупп и управленца. Наличие опыта работы в подобных системах, по мнению опрошенных, приводило к возникновению стереотипов и осознанному сопротивлению руководителю даже при отсутствии на то объективных причин. Следует отметить тот факт, что взаимоотношения менеджера с микрогруппой той же национальности зачастую характеризовались как неустойчивые и нестабильные. Микрогруппа, ассоциирующая себя с представителем администрации проявляла к нему высокую критичность и прибегала к саботажу в работе в 1,5 раза чаще, чем другие участники коллектива.

Помимо стандартных причин коммуникативных противоречий, специфика системы управления вносит свои коррективы в планирование организации работы и коммуникации со стороны руководителя. Неоднозначные представления в среде микрогрупп в коллективе в свою очередь требуют тщательного анализа для подбора наиболее эффективной комбинации аппарата управления и соотношения подчинённых.

Источники и литература

1) Алипханова Ф.Н., Омарова А.А. Факторы воспитания интернациональных чувств в многонациональном коллективе. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/faktory-vospitaniya-internatsionalnyh-chuvstv-v-mnogonatsionalnom-kollektive (дата обращения: 15.01.2020).

2) Плесс Н. Управление культурным многообразием требует смены парадигмы // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». URL: http://vasilievaa.narod.ru/9_2_00.htm (дата обращения: 11.01.2020).

Данилов Александр Николаевич

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

От глобальной нестабильности к устойчивому развитию

Результат борьбы за политическое будущее мира не предрешен. Миллениум пугал своей непредсказуемостью и как-то обнадеживал, внушал надежду на мирное и демократическое будущее. Всем казалось, что все самое худшее, связанное с диктатурами, уже позади... люди готовы договориться и мир непременно станет устойчивей, справедливее, добрее. Падение берлинской стены, распад Советского Союза олицетворяли победу либеральной демократии над коммунистической диктатурой. Новые государства очень болезненно переживали «парад суверенитетов», находились в состоянии глубокого кризиса. Демократия воспринималась как вседозволенность. США, единственная оставшаяся сверхдержава, видела себя победителем в «холодной войне» и всем диктовала новые условия жизни, рассматривая свое доминирование как гарантию сохранения демократического порядка по-американски и распространение его до мировых масштабов.

Не прошло и двух десятилетий XXI века, как от тогдашнего оптимизма ничего не осталось. Все больше серьезные аналитики вынуждены констатировать кризис, и даже крах либеральной демократии. Очевидно, что демократическая волна 1990-х годов захлебнулась... и привела лишь к нарастанию по всему миру правого экстремизма, нигилизма и национализма. Причем, не только в государствах, которые вышли из диктатур в конце двадцатого века, а и в некоторых старых демократиях.

Современная демократия перестала культивировать авторитетных и сильных лидеров. Общество не может постоянно находиться в состоянии трансформации или травмы, рано или поздно выстраивается новая реальность. Социальная аномия все же процесс не перманентный иначе он неизбежно становится нормой. Но может ли стать нормой глобальная нестабильность, кризисы, революции, бесконечные смены режимов, идеологий, жизненных смыслов, духовных опор, веры?

Как показал недавний опыт, темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной форме интеграционной активности во многом зависят от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических черт каждой страны. В условиях реформирования прежней системы люди часто становятся заложниками событий, которыми

они не умеют управлять, перманентно находятся в социально-психологическом напряжении.

Нельзя не замечать обострение борьбы за новый мировой порядок. Но кто определит его содержание, по чьим лекалам он будет строиться, что станет основой новых геополитических реалий, базой нравственной солидарности человечества, духовной основой будущей цивилизации? Вот, что сегодня, на мой взгляд, выходит на передний план научного поиска. Недавнее поражение в «холодной войне» вчера, еще ни о чем говорит сегодня.

Новым демократическим правительствам не удалось выстроить систему власти, придать законодательству социально ориентированный характер, защищающий материально уязвимые слои населения. Очевиден процесс постепенной эрозии демократических институтов в их прежней форме, кризис традиционных политических партий, политических движений, где больше стал ощущаться партийный авторитаризм, подменяющий коллективную волю партии. Сказывается недооценка духовной сферы общества, которая чревата усилением правого радикализма в обществе, способствует росту национализма, особенно среди молодежи. В таких условиях запросом все большего числа граждан становится призыв навести порядок, защитить традиционные ценности, сохранить социальные гарантия для населения.

Центральным вопросом становится не способ получения и поддержания власти, а способ ее осуществления. Есть понимание, что нельзя не учитывать экономическую стагнацию, рост неравенства и усложнение процессов социальной мобильности. И хотя кризисы проявляются сильнее в странах, менее богатых, есть ощущение нарастания социального недовольства. Очевидно, что демократические институты ведущих стран мира пробуксовывают. И сильная власть при слабых лидерах, партиях, гражданских институтах - также бесперспективна. Нарастает внешнее давление на новые независимые страны с целью навязывания им «гарантий защиты суверенитета». На смену условно традиционным формам давления (экономический шантаж, объявление войны, разрыв дипломатических отношений, торговое эмбарго, давление через международные организации и т.д.) приходят технологии дестабилизации политических режимов, манипуляции массовым сознанием и ведение информационных войн.

Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы, где неизбежным компонентом выступает ценностный конфликт. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономи-

ческих систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям вызывать кризис человека и системы.

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. В.С. Стёпин размышляя о точках роста новой цивилизации писал: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [1].

Найти свой путь развития - дело чрезвычайно трудное. Более четверти века функционирования постсоветского мира показывают, что новые страны по-разному ведут себя в выборе новых приоритетов. К примеру, белорусской трансформации присущ эволюционный характер преобразований, основанный на ментальности народа и социальной ответственности власти. Модель развития нашей страны в последние два десятилетия можно определить, как социально ориентированную. Не подвергается сомнению ведущая роль государственного сектора. Основная функция государства как раз и заключается в том, чтобы создать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы, обеспечить безопасность граждан, социальную справедливость и общественный порядок, противостоять коррупции и протекционизму. В Беларуси стараются не допустить сворачивание сложившейся системы социальной защиты населения страны, углубления социальной поляризации, ухудшения условий жизни различных категорий населения.

Безусловно, новые риски и вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют своевременных и адекватных действий, но непоколебимыми должны оставаться принципы, которые исключат возможность ухудшение жизни людей.

Источники и литература

1) Стёпин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 10.

Двойнев Василий Владиславович

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Протестные настроения как проявление экологического сознания (на примере глобального молодежного общественного движения «Fridays For Future»)

Экологические движения являются достаточно распространенным способом общественной деятельности в сфере охраны окружающей среды и характерной чертой гражданского общества [3; 5]. Как правило, активными членами подобных движений становятся граждане с достаточно высоким уровнем развития экологического сознания. Это подразумевает осознание и восприятие природной среды как партнера по социальному взаимодействию [1], а также выраженное проявление в социальной практике четырех компонентов экосознания: аффективно-оценочного, когнитивного, поведенческого и социально-нормативного [2]. Однако деятельность экологических движений редко перерастает в активность протестного характера на глобальном уровне, в которую интенсивно вовлекались бы подростки и молодежь. Тем не менее, начиная с лета - осени 2018 года и особенно в течение 2019 года, наблюдается рост международного молодежного экологического движения «Fridays For Future» («Школьная забастовка за климат»/«Пятницы ради будущего»), целью которого является критика экологической политики государств, а главным требованием - соблюдение положений Парижского соглашения [10]. Целью данной статьи является анализ данного движения с точки зрения социологии конфликта и попытка ответить на вопрос, является ли участие в нем школьников и студентов следствием достаточно высокого уровня развития их экологического сознания.

С точки зрения социологической науки контекст деятельности движения характеризуется как проявление социального конфликта, участниками которого являются, с одной стороны, школьники и студенты из более ста стран мира, с другой - правительства государств. Предметом данного конфликта является глобальная экологическая ситуация, т. е. изменение климата. В качестве причины возникновения конфликта можно выделить отрицательную оценку подростками и молодежью экологической политики государств в сфере предотвращения глобального потепления. Следует отметить, что такая точка зрения поддерживается и мировым научным сообществом: ученые разных стран признают факт существования климатического кризиса и, основываясь на этой позиции, выражают поддержку движению «Fridays For Future» путем подписания многочисленных петиций [7].

Содержание конфликтной ситуации и программная позиция «Fridays For Future» в полной мере отражается в открытом письме активистов движения и его лидера Греты Тунберг в британскую газету «The Guardian», опубликованном 1 марта 2019 года под заголовком «Климатический кризис и обманутое поколение». В письме выражается серьезное беспокойство за будущее молодежи в условиях уже наступившего климатического кризиса, современная молодежь характеризуется как поколение без права голоса, а правительства обвиняются в безответственности и бездействии, из-за чего гибнут люди и ставится под угрозу существование всей человеческой цивилизации. Также в письме правительствам предъявляется требование скорейшего принятия действенных мер по предотвращению климатического кризиса, в противном случае молодежь будет вынуждена сделать все сама [6].

Конкретная деятельность движения «Fridays For Future» выражается в организации крупномасштабных забастовок школьников и студентов во многих странах мира по пятницам, на которых провозглашаются программные требования движения, а правительства в жесткой форме призываются к немедленным действиям в сфере охраны окружающей среды. Забастовки организовывались осенью 2018 года и на протяжении всего 2019 года, и привлекали огромное количество участников. В дни организации забастовок школьники и студенты пропускали занятия в своих учебных заведениях.

Реакцию представителей органов высшей государственной власти и инстанций в сфере образования в анализируемой конфликтной ситуации следует считать скорее отрицательной (за исключением мнения канцлера Германии А. Меркель [4]). Высказывания государственных деятелей зачастую звучали крайне резко [9], а пропуски занятий засчитывались их руководством как прогулы по неуважительной причине. В некоторых странах и регионах за это были предусмотрены штрафы [8].

Опираясь на собранные материалы о деятельности движения «Fridays For Future», представляется возможным сделать некоторые заключения об экологическом сознании современной молодежи. Ее активное участие в деятельности движения несомненно говорит об определенном уровне его развития. Однако, если принимать во внимание компоненты экосознания, то факты позволяют сделать следующие выводы. Осознание существования климатического кризиса, обеспокоенность своим будущим и пассивностью правительств свидетельствуют о достаточном развитии аффективно-оценочного компонента. Поскольку у молодежи появилось знание об актуальной экологической ситуации в мире, можно также утверждать, что у участников движения также развит ко-

гнитивный компонент. При этом наблюдается недостаточное развитие поведенческого компонента, поскольку деятельность движения ограничивается забастовками, но не предполагает самостоятельной практической деятельности по защите окружающей среды. Это же свидетельствует о слабом развитии социально-нормативного компонента, поскольку отсутствие участия в экологических практиках говорит о том, что они не воспринимаются активистами движения в качестве значимой ценности. Таким образом, с определенной долей уверенности можно говорить о неравномерном проявлении компонентов экологического сознания современной молодежи, принимающих участие в акциях движения «Fridays For Future».

Источники и литература

1) Двойнев В. В. Экологическое сознание городского населения: состояние и перспективы развития // Автореф. дисс. канд. социол. наук. Смоленск, 2009.

2) Двойнев В. В., Егоров А. Г. Биполярное природомоделирование экологического сознания // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР [Электронный ресурс]: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 9–10 ноября 2017 г. / [отв. ред. И. Г. Кузина]. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. Режим доступа: https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/ С. 17–18.

3) Соловьев А. В., Соловьева А. В. Сетевые гражданские движения (на примере экологического движения «Мусора.Больше.Нет» // Власть. 2012. № 12. С. 40–42.

4) «Я хочу снег на Рождество»: школьники и студенты устроили в Берлине митинг против глобального потепления [Электронный ресурс] // ИНФО/24. 29.03.2019. Режим доступа: https://info24.ru/news/ya-hochu-sneg-na-rozhdestvo-shkolniki-i-studenty-ustroili-v-berline-miting-protiv-globalnogo-potepleniya.html (дата обращения: 25.01.2020).

5) Яницкий О. Н. Социальные движения в современном обществе. Вопросы теории // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 50–59.

6) Climate Crisis and a Betrayed Generation [Электронный ресурс] // The Guardian. 01.03.2019. Режим доступа: https://www.theguardian.com/environment/2019/mar/01/youth-climate-change-strikers-open-letter-to-world-leaders (дата обращения: 25.01.2020).

7) Eine gemeinsame Stellungnahme deutscher, österreichischer und Schweizer Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler #Scientists4Future [Электронный ресурс] // S4F Scientists For Future. Режим доступа: https://www.scientists4future.org/stellungnahme/stellungnahme-als-pdf/ (дата обращения: 25.01.2020).

8) Fridays for Future: German climate protesters face fines for skipping school [Электронный ресурс] // THE LOCAL de. 09.07.2019. Режим доступа: https://www.thelocal.de/20190709/fridays-for-future-student-protesters-face-fines-in-western-germany-for-skipping-school (дата обращения: 25.01.2020).

9) McGuinness A. Theresa May criticises pupils missing school to protest over climate change [Электронный ресурс] // sky news. 15.02.2019. Режим доступа: https://news.sky.com/story/theresa-may-criticises-pupils-missing-school-to-protest-over-climate-change-11638238 (дата обращения: 25.01.2020).

10) Unsere Forderungen für Klimaschutz #FridaysForFuture [Электронный ресурс] // fridaysfofuture.de. Режим доступа: https://fridaysforfuture.de/forderungen/ (дата обращения: 25.01.2020).

Денисова Галина Валерьевна

Социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Диалогическое поле России и Италии: мифы ценностного восприятия

Описывая «Петербургский текст» в русской литературе, В.Н. Топоров делает акцент на том, что миф изначально связан с обрядом, но не с жанром и не с языком: основополагающими в мифе являются его внутренняя структура, совокупность мотивов и возможность трансформационных представлений [12, с. 27]. Развивая теорию Топорова о топонимических текстах, можно утверждать, что в русской культуре глубоко укоренен «итальянский текст».

Культурный диалог Россия - Италия является частью начатой на заре современной эпохи самобытной переработки русской культурой культуры европейской, которая вылилась во взаимовлияния в различных сферах культурной жизни. Русский «итальянский текст», включающий в

себя в себя другие топонимические тексты, самыми крупными из которых являются «венецианский текст» (русская венециана [8]) и «римский текст» (русская римлиана [6]), сформировал собственный устойчивый словарь и разнообразные коннотативные смыслы, через призму которых сам этот «текст» воспринимается как устойчивое целостное образование.

В разные периоды Италия служила только историческим фоном, способным возвращать к истокам, именно по этой причине «русская Италия» часто идеализировалась, представлялась как «святая святых, склад ценностей неизреченных, собранных моими предками и мной преумноженных» (из статьи М.А. Осоргина 1912 г. «По этапам экскурсантских мытарств») [11, с. 29].

Образ Италии в русской картине мира неразрывно связан с именем писателя и искусствоведа П.П. Муратова, который внес неоценимый вклад в ее культурное понимание [9] и одновременно положил начало идеализации страны, которую не остановил даже развивающийся со второй половины XX в. в итальянском послевоенном неореализме «анти-миф», с натуралистичной безжалостностью обнаживший брутальное «дно» нарядно приодетых фасадов [5]. Речь здесь идет о таких «неудобных» классиках итальянской литературы, как П.П. Пазолини и К. Малапарте («Malaparte»: букв. «злая доля»), произведения которых являют собой идеальный образец стиля, этики и эстетики для выстраивания альтернативной логики, опровергающей силу воздействия мифа. Трагический водевиль современной Италии представлен и в совремнной итальянской литературе, прежде всего, в творчестве «юных людоедов» («gioventù cannibale») А. Нове и Н. Амманити, а также в романах М. Мадзантини и в «неаполитанском квартете» Э. Ферранте.

Выступая в передаче «Виени виа кон ме» [www.rai.it.], итальянский актер, режиссер и сценарист Р. Бениньи говорил о том, что детям читают страшные сказки, чтобы донести до их сознания мысль о принципиальной возможности победить зло. Сказанное можно отнести к книге Р. Савьяно «Гоморра» [10], где оплакивается итальянское общество, «которое само не знает, что уже давно живет в постапокалиптических условиях - УЖЕ свершившейся социальной катастрофы. <...> И, надо сказать, ездить после этой книги по Италии как раньше - с муратовскими “Образами” под мышкой - как-то странно» [4]. Силой своего слова автор «Гоморры» последовательно противопоставляет Слово - молчанию/замалчиванию/лжи, возвращая литературе ее высший смысл. Но, вероятно, даже не столько книги, сколько именно медийный обличительный голос Савьяно продолжает вызывать лавину ярости со стороны наиболее видных итальянских политиков (С. Берлускони, например, на

страницах национальной газеты «Ла Репубблика» назвал его главным творцом отрицательного образа Италии [www.ricerca.repubblica.it.]).

Одно из важнеиших определении культуры характеризует ее как «негенетическую» память коллектива [7, с. 280]. Современная итальянская культура показывает Италию как единственную в мире лабораторию, способную порождать Ботичелли и Берлускони одновременно [13, с. 168], в то время как в основе ценностного восприятия Италии в России по-прежнему лежит искусственная модель края бесконечной «dolce vita», во многом создаваемая медиадискурсом [1,2], который строится на интенции убеждения как персуазивного воздействия, что обусловливает наличие в нем риторической модальности с субъективной доминантой. Анализ образа Италии в разных общероссийских СМИ также демонстрирует весьма ограниченное представление о стране в целом, что может быть связано с неполным освещением в прессе фактов и событий.

Источники и литература

1) Вартанова Е.Л. Media theory in Russia: A current wave of fermentation // World of Media: Journal of Russian Media and Journalism Studies. – 2018. – №. 1. – С. 25–32.

2) Вартанова Е.Л. О концептуальных основаниях теории медиа // Медиа альманах. – 2019. – № 3 (92). – С. 8–17.

3) Груша А.В; Багдасарян В.И. Качество экономического анализа в СМИ как фактор эффективности международного делового сотрудничества // Современная пресса: теория и опыт исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 48–59.

4) Данилкин Л.А. «Афиша», 23.11.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://daily.afisha.ru/authors/lev-danilkin.

5) Денисова Г.В. «Russian Italy», или Рай, которого нет [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.premiogorky.com.

6) Джулиани Р., Немцев В.И. Образ Рима в русской литературе. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001.

7) Лотман Ю.М. Беседы о русскои культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). – СПб.: Искусство, 1994.

8) Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999.

9) Савьяно Р. Гоморра. – М.: Гелеос, 2010.

10) Соловьев В.М. Русские на чужбине. Неизвестные страницы истории жиз- ни русских людей за пределами Отечества X–XX вв. – М.: Центрполиграф, 2011.

11) Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.

12) Severgnini B. La testa degli italiani. – Milano: Bompiani, 2006. – P. 168.

Жегульская Александра Андреевна
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Особенности трансформации пространства современного театра в условиях глобализации

На протяжении последних лет одной из широко обсуждаемых тем в научном сообществе выступают процессы глобализации со всей свойственной им многогранностью, противоречивостью и непредсказуемостью. И если ранее большинство теоретиков говорили об однонаправленности как об одной из основных характеристик глобализации, то в настоящий момент научное сообщество пришло к принятию многовекторности этого процесса. И речь здесь идет не только о сферах влияния глобализационных изменений, но и о различных источниках глобализации, которые часто не принимаются во внимание исследователями (например, немалое влияние Азии на Америку и Европу, осуществляемое параллельно с основными европоцентричными и панамериканскими потоками глобализации).

Что касается сфер влияния процессов глобализации, то здесь корректнее будет выделить два поля: экономика, финансовые институты, международное право охотнее и активнее потребляют унифицированные ценности и интегрируют стандарты, тогда как социальные институты семьи, брака, и, в особенности, религии и культуры, идут по другому пути. Каждая культура гордится своей уникальностью и самобытностью больше, чем схожестью с другими, поэтому глобализационные процессы здесь будут происходить медленнее и встречаться с большим сопротивлением.

Однако нельзя отрицать, что глобализация уже повлияла на культуру и искусство: живопись, литературы, архитектура, музыка и кино уже не существуют в рамках тех фундаментальных законов, которые регулировали их деятельность на протяжении столетий. То же самое произошло

и с театром. Как любое другое искусство, он реагирует на актуальные проблемы в политике и обществе. Нас уже не шокируют мужчины на пуантах и темнокожие девушки, играющие в пьесах Шекспира.

Прежде всего, глобализация привнесла универсальность в театральное пространство. Открытый к новым формам, исполнителям и культурам, сегодняшний театр почти добился своего изначального стремления стать космополитом. Глобализация уже усилила интенсивность культурных обменов, а также резко расширила круг тех, кто совершает постоянный процесс перехода из одного культурного мира в другой. Примером может стать фактическое размывание национальных границ для деятелей культуры, не имеющих в современных условиях ограничений как для разовых выступлений, так и для продолжительной деятельности за рубежом. Поэтому результаты творчества в условиях глобализации перестают быть достоянием той или иной национальной культуры, а становятся достоянием всего человечества.

Также важно отметить, что на данном этапе развития данного вида искусства большое количество крупных театральных трупп мультинациональны. Они объединяют исполнителей разных школ, традиций и внешности. Ярче всего мы можем проследить это на примере балетных компаний разных стран. Сегодня можно с уверенностью сказать, что, чем больше путешествует танцор, тем универсальнее он становится, легко меняясь, перестраиваясь и приспосабливаясь к ожиданиям публики.

Ещё один интересный результат глобализации - это репертуарная политика театров. В репертуаре сейчас чаще всего предпочитают объединять классическое наследие, постановки наиболее популярных современников и немного работ локальных режиссеров и хореографов. Разумеется, большую долю рынка все еще занимают «репертуарные театры», чья афиша от сезона к сезону претерпевает лишь минимальные изменения, однако это скорее исключение из правил и попытка сопротивления надвигающимся переменам. Но нельзя отрицать, что и у подобных театров есть своя, крайне лояльная и платежеспособная аудитория. Однако в современных условиях, благодаря развитым технологиям зрители, как и исполнители, получают быстрый доступ к самым интересным постановкам по всему миру. И неудивительно, что позже они хотят увидеть или сыграть эти спектакли в своих театрах.

Говоря о перспективах развития театрального пространства в условиях глобализации, нельзя не заметить, что самым главным изменением внутри искусства стала эволюция роли зрителя. Как и театр, он старается стать космополитом, обретя при этом свои рычаги влияния. Театр меняется относительно того, что хочет зритель. Поэтому каждый куп-

ленный билет в будущем может стать тем особым, решающим фактором, определившим историю театра и изменившим его навсегда.

Зинченко Александр Викторович
Центр международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО МИД России, Москва, Россия

Интернет - платформа информационных операций современных конфликтов

Один из пионеров Интернета Д. Кларк, который в последствии был Председателем Совета по интернет-деятельности (Совет по интернет-архитектуре) пророчески утверждал: «Не надо думать, что сети соединяют компьютеры. Скорее, сети посредством компьютеров соединяют людей. Большой успех Интернета не в физическом соединении компьютеров, а в соединении людей. Технически электронная почта несложное решение, но она стала этапным изобретением, потому что дала людям новый способ общения. Мы создавали Интернет с большим потенциалом роста, и его теперешний рост — вызов всем нам» [1].

Проблема информационной безопасности на международном уровне впервые была инициирована Россией в 1999 г., предложившей в ООН предотвратить совместными целый комплекс актуальных и ключевых на тот период угроз, обусловленных распространением сети Интернет. В контексте рассматриваемой проблемы российская дипломатия, в частности, обращала внимание на следующие угрозы:

— использование информационных технологий и средств в ущерб основным правам и свободам человека, реализуемым в информационной сфере;

— неконтролируемое трансграничное распространение информации, противоречащее принципам и нормам международного права, а также внутреннему законодательству конкретных стран;

— манипулирование информационными потоками, дезинформация и сокрытие информации с целью искажения психологической и духовной среды общества, эрозии традиционных культурных, нравственных, этнических и эстетических ценностей. [2]

Необходимо подчеркнуть, что инициатива российской дипломатии была альтернативой американской внешнеполитической стратегии геге-

монии в цифровом информационном пространстве, отраженной в «Объединенной доктрине информационных операций» 1998 г. Структура и содержание доктрины отражает разработку в США информационных операций с применений цифровых ИКТ, проводимых на этапах мирного, предкризисного и военного времени в социальных сетях Интернет [3]. Практика использования социальных сетей и их влияние на события в арабских государствах (2010-2013гг.) отражена в отечественных и зарубежных исследованиях [4].

В зарубежной научно-популярной литературе проблема стремления США к гегемонии в цифровом информационном пространстве нашла отражение в монографии «Власть коммуникации» американского социолога М. Кастельса [5]. Данный феномен детально проанализирован в главе под названием «Сети сознания и власти», где автор показал применение последних достижений западной нейронауки в изучении эмоционального интеллекта, позволяющих успешно использовать информационные технологии Интернет для манипуляции сознанием обывателя. В исследовании проанализирована теория и практика «троллинга», «хактивизма», «фрейминга», «прайминга», «грассрутинга», «астротурфинга», «хейтерство» и других методов воздействия с применением цифровых ИКТ. В частности, для подтверждения теории общественного информ-манипулирования М.Кастельс использует примеры практических реалий американского информационного влияния на политические процессы в разных странах мира. В главе с примечательным заглавием «Покоряя умы, покоряя Ирак, покоряя Вашингтон: от дезинформации к мистификации» социолог приводит выдержки из доклада палаты представителей США о том, что в поисковой базе данных интернет имеется 237 ложных или вводящих в заблуждение заявлений о причинах войны США в Ираке. Примечательно, что заявителями в 125 разных публичных выступлениях были президент Д.Буш, вице-президент Р.Чейни, министр обороны Д.Рамсфелд, госсекретарь К.Пауэлл и советник по национальной безопасности К.Райс [5].

К сожалению, указанные сетевые понятия не получили должного внимания в российском научном дискурсе лингвистов, социологов и политологов, но прочно закрепились в арсенале сленга блогеров информационных технологий различного толка политтехнологов, имиджмейкеров работающих по грантам русофобских лоббистов в борьбе за влияние на молодежную аудиторию.

За последние два десятилетия политический компонент информационного ресурса Интернет в сочетании с развлекательно-познавательным контентом стал альтернативным для традиционных СМИ особенно в го-

родах-мегаполисах [6]. Наиболее популярными форматами сети Интернет являются: интернет-сайты, блоги, мини-блоги, электронная почта, форумы, чаты, социальные сети, интернет-опросы и онлайн-голосования. Активно развивающиеся цифровые масс-медиа не только предоставили молодежной страте населения онлайн-участие в повседневной жизни страны, но и чувство сопричастности к ее социально-политическим процессам. Вот почему инновационным трендом стало наличие как у лидеров политических партий, так и активистов внесистемной оппозиции микроблогов, аккаунтов в социальных сетях, страниц в Твиттере, видеоматериалов, размещенных на популярных видеохостингах и др. «Политические блогеры» конкурируют между собой не только количеством провокационных информационных материалов, но и количеством «кликов и лайков» пользователей социальных сетей. При этом правомерность различных видов ангажированной информации не всегда регламентирована, что не позволяет ее отнести к нелегальному проникновению провокационного политического PR и русофобской пропаганды на территорию РФ.

Таким образом, на международной арене активизировался тренд использования Интернет как платформы для усиление конфликтного потенциала в информационной среде определенного государства или региона, с применением новейших исследований нейронауки в области эмоционального интеллекта.

Источники и литература

1) История Интернета: ARPANET. Часть I. URL: http://shannon.usu.edu.ru/History/ Internet/1/history_inet.htm

2) Международная информационная безопасность: Теория и практика: В трех томах. Учебник для вузов/ Под общ. ред. А.В.Крутских. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. Т.1. с. 188.

3) Joint Doctrine for Information Operations URL: http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/us/jp3_13.pdf

4) By Richard A. Clarke and Robert K. Knake.Cyberwar. The Next Threat to National Security and What to Do About It. На русском языке книга «Кибервойна. Новая угроза национальной безопасности и пути ее преодоления» издана под названием «Третья мировая война. Какой она будет». URL: https://knigogid.ru/books/471146-tretya-mirovaya-voyna-kakoy-ona-budet/toread; Чэнь Ди. Социальные сети и их влияние на события в арабских государствах (2010–2013гг.) Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып.

4 URL:https://www.dissercat.com/content/sotsialnye-media-v-resheni i-aktualnykh-obshchestvenno-politicheskikh-problem

5) Кастельс, М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. URL: https://id.hse.ru/data/2015/12/22/1132940537/Castells_site.pdf

6) Алборова М.Б. Дипломатия городов, как важный фактор развития современных международных отношений в условиях цифровой цивилизации.// Международный журнал гуманитарных и естественных наук №8-1. 2019 г.URL: http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2019/09/Alborova.pdf

Зудов Данил Евгеньевич

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Виртуальные конфликты, интернет-зависимость и их влияние на межличностные отношения

В конце XX в. - начале XXI в. Активно начала происходить научно-техническая революция, которая благодаря сети интернет объединила мировое сообщество. Интернет - это всемирная система объединённых компьютерных сетей для хранения, обработки и передачи информации.

Интернет играет огромную роль в жизни человека. Мне кажется, сейчас нет такого человека, который не слышал о интернете. С каждым годом интернет-пользователей становится всё больше и больше. И всё большей популярность пользуются сайты, которые принято называть «социальные сети».

Термин «Социальная сеть» появился благодаря Джеймсу Барнсу ещё в далеком 1954г. Он обозначал собой социальную структуру, состоящую из людей и организаций, их взаимоотношений. Сейчас данный термин трактуется по-другому.

Социальная сеть — онлайн-платформа, которую люди используют для общения, создания социальных отношений с другими людьми, которые имеют схожие интересы.

На сегодняшний день виртуальный мир является обычной средой человека, в которой он проводит значительное количество своего времени,

которая стала той зоной, где человек может взаимодействовать и общаться с другими людьми. А значит необходимо рассмотреть и проанализировать проблемы виртуального общения.

Общение - это многоплановый сложный процесс, в ходе которого устанавливаются и развиваются контакты и связи между людьми. Советский психолог Алексей Леонтьев говорил, что межличностное общение осуществляется путём речевого и неречевого воздействия и взаимодействия между несколькими людьми, в результате чего возникает контакт между участниками.

Американский психолог Вирджиния Сатир выделяет несколько областей межличностного общения:

- коммуникативные практики.
- самооценку.
- Психические процессы и состояние, обеспечивающие трансакцию.

После создания виртуальной реальности со своеобразным видом общения. Как результат данного общения возникают раннее неизвестные нормы и связи в среде межличностных отношений.

Интернет-коммуникация - это средство коммуникации, при котором общение между людьми осуществляется с помощью компьютерных технологий и взаимодействия происходит в виртуальном пространстве.

Аспекты виртуальной коммуникации дают возможность человеку оставить свою личность неразглашенной. Порой, участники виртуального общения совершенно не соответствуют тому, кем они являются в реальной жизни.

Например, мужчины могут проявлять излишнюю эмоциональность, женщины начинают быть сексуально раскованными, а мягкие люди склонны проявлять агрессию.

С помощью открытости онлайн общения происходит эмоциональное сближение виртуальных собеседников. Благодаря этому позволяет повысить уровень близости. Но критики сетевых коммуникаций считают, что как легко установить контакт, так же легко его разорвать.

Анализ такого общения выявил, что люди посещающие социальные сети удовлетворяет свои личностные нужды, такие как понимание и поддержка. Человек может найти там то, чего у него не было в реальной жизни. Пользователь сайта получает удовольствие от виртуального межличностного общения.

Люди в своей большей части избегают реального общения, выбирая интернет-общение. И именно такое общение отдаляет людей друг от друга.

А особенно опасна данная проблема для подростков ведь значительную часть времени подросток проводит именно в интернете, а оставшееся время спит. И ему не хватает времени на общение в жизни.

Также проводились исследования для изучения роли виртуального общения в жизни современных школьников и студентов. Было проведено онлайн-анкетирование молодёжи. Было опрошено по 44 представителя.

Результаты оказались следующими:

- Студенты пользуются интернетом более активно, чем школьники.
- Все опрошенные зарегистрированы в социальных сетях.
- Студенты и школьники пользуются интернетом преимущественно для общения, учёбы, развлечения.

Но несмотря на то, что упомянуто ранее, предположение, что подростку легче общаться в интернете опровергнуто, результат показал обратное: студенты и школьники предпочитают живое общение.

Относительно недавно появилось понятие «интернет-аддикция». Интернет-аддикция - это зависимость от интернета, общение полностью затягивает человека и не оставляет времени ни на что другое. Она сопровождается не только зависимостью от виртуального общения, но и интернет-покупками, виртуальными азартными играми и даже пристрастием к сексуальному использованию интернета.

Воздействие «глобальной паутины» на жизнь людей постоянно увеличивается, выделяются социальные, культурные и психологические изменения в особенности личности.

Виды зависимости, которые зависят от развития направления интернета:

- Зависимость от ONLINE игр
- Зависимость от виртуального общения
- Зависимость непрерывного поиска информации

Также выделяют и положительные стороны общения в интернете, которые наполняют человека базовыми потребностями:

- поиск новой информации (познавательная потребность)
- разные виды общения (коммуникационная потребность)
- реализация творческих способностей, самообразование и т.д. (потребность в саморазвитии)

Интернет-аддикция формирует такие психические проблемы как:

- неумение контролировать время нахождения за компьютером
- замена реального мира на виртуальный
- проблема адаптации в обществе
- появляется дискомфорт при невозможности использовать интернет
- Конфликты в общении

М.Орзак разделяла симптомы интернет-аддикции на психологические и на физические.

Она выделяла такие психологические симптомы интернет-аддикции как:

1. Депрессивность, разрежение в дали от компьютера
2. Испытывается эйфория, проводя время в интернете
3. Постоянно увеличивается время, проводимое в сети
4. Отсутствует возможность остановиться
5. Пренебрежительное отношение к близким, друзьям и т.д.
6. Появляются проблемы на учёбе и работе
7. Скрывает или лжёт семье/начальству о своей деятельности

А физические симптомы выглядят следующим образом:

1.Ощущение сухости в глазах
2. Боли головы и боли в спине
3. Нарушение режима дня
4. Расстройство сна
5. Изменения пищеварительной системы из-за нерегулярного питания

Существует множество причин интернет-аддикции такие как:

- Анонимность взаимоотношений между участниками
- Возможность не раскрывать свои влечения, страхи и т.д.
- Нахождение в среде таких же, как и ты
- Участие в неформальных объединениях
- Доступность
- Безопасность
- Доступ к информации

Также выделяют следующие типы интернет-зависимых людей:

1. Интернет-гемблеры - это люди, которые пользуются разнообразными Интернет - играми, тотализаторами, лотереями, аукционами.
2. Интернет-сексоголики посещают различные порносайты, занимаются виртуальным сексом.
3. Интернет-трудоголики реализуют свой работоголизм посредством сети.
4. Интернет-покупатели, реализуют интернет аддикцию к трате денег, совершая покупки в интернете.
5. Интернет-эротоголики - любовные аддикты, когда знакомятся, заводят романы по средствам сети.
6. Интернет-аддикты отношений часами общаются в чатах, без конца проверяют электронную почту.

Интересный факт: одна из самых распространённых форм интернет-зависимости среди молодого поколения является геймерство, оно позволяет представить себя героем в игре.

На сегодняшний день интернет-зависимости активно исследуются, изучают особенности, ведётся разработка рекомендаций, для тех, кто не признаёт зависимость от интернета как патологию создают контрдоводы.

В заключении хотелось бы сказать, что виртуальный мир имеет свою социальную и даже культурную насыщенность. Этот мир может выступать не только как связующее звено виртуального общения, но и значительно влияет на средство общения, на сам характер личности и на метод общения. Это всё сказывается на личности человека и довольно часто изменяет её в негативную сторону.

Источники и литература

1) Интернет и межличностное общение. URL:https://studme.org/220835/sotsiologiya/internet_mezhlichnostnye_otnosheniya
2) Михалец И. В., Волчкова А. Д., Филиппова Е. Д. Виртуальное общение как новый вид общения в современном мире [Текст] // Психология в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). — СПб.: Свое издательство, 2016. — С. 23-25. — URL https://moluch.ru/conf/psy/archive/198/10704/
3) Мылтасова О.В. Окно Овертона – угроза развитию общества //Материалы XXII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»./ редакционная коллегия: Грунт Е.В, Меренков А.В., Антонова Н.Л. - Екатеринбург, УрФУ, 2019. – С. 761-767.
4) Плюсы и минусы виртуального общения. URL:http://kak-bog.ru/virtualnoe-obshchenie-chto-eto-znachit-pravila-vozmozhnosti-i-riski-plyusy-i-minusy
5) Яковин А.Ю., Мылтасова О.В. Влияние информационных технологий на развитие познавательной активности детей // Материалы XVIII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»./ редакционная коллегия: Грунт Е.В, Меренков А.В., Антонова Н.Л. - Екатеринбург, УрФУ, 2017. - С. 1421-1427

Иванов Олег Иванович
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Конфликт культур или культурный конфликт?

К числу основных определений культуры обычно относят следующие:

- знания, умения, верования, обычаи, идеалы, ценности, все то, что помогает людям организовать, упорядочить свою жизнь и социальные отношения;
- образцы, модели, принятые, одобряемые и неодобряемые, способы поведения и мышления;
- система социально значимых видов деятельности и их продуктов, т. е. всего того, что люди создали и постоянно создают.

Как видно, в первой трактовке культуры акцент делается на ее духовных компонентах, во второй — на поведенческой компоненте, в третьей — на деятельностной.

Культуры и их компоненты распределены по всему мировому пространству, и каждая из них существует относительно независимо от других. Конфликт культур невозможен. Невозможен и «диалог культур». Тем не менее в научном сообществе, в СМИ, в выступлениях многих политических давно используется понятие «диалог культур». Некоторые даже в своих высказываниях говорят о прямом диалоге культур. И в этом случае вольно или невольно происходит «аниматизация» культуры. В действительности понятие «диалог культур» не более чем метафора. Эта метафора фиксирует абстрактную гуманистическую ценность, значение которой, конечно, нельзя отрицать. Но реальный социальный мир, многие действующие в нем акторы никогда не хотели диалога культур и не стремились к нему. Напротив, свою культуру, принятые в ней паттерны поведения и мышления, они противопоставляют другим культурам. Эти другие культуры принижаются и практическими действиями уничтожаются. Сегодня в мире идет не диалог культур, а борьба представителей разных культур, их противостояние. И это можно назвать культурным конфликтом. Например, представители так называемой западной цивилизации активно, всеми доступными средствами и с использованием новейших технологий продвигают по культурному пространству всего мира угодные им паттерны поведения и мышления. Эти паттерны поведения и мышления сегодня проникли в культурное пространство многих стран, включая, культурное пространство России. Многие граждане России, особенно молодые люди, приняли и освоили эти паттерны. Между тем среди этих уже используемых гражданами России паттернов поведения и мышления немалое количество дисфункциональных для

российского общества. Вместо диалога культур идут процессы вытеснения национальных культур. Вместо мультикультурализма монополизация культуры, подавление и уничтожение культурного многообразия.

Сегодня стратегия западных стран - принижение национальных культур, отказ в «цивилизованности этих культур, восприятие национальных культур как балагана, как материала для осмеяния. Результат - массовый отказ о национальных традиций, правил, привычек, паттернов поведения и мышления, дефицит самоуважения наций.

В условиях глобализации мировые агенты формирования и использования культурного пространства активно производят угодные им паттерны поведения и мышления и их символику, тиражируют эти паттерны и распространяют с помощью СМИ и через интернет во всех регионах мира. Современное информационное пространство заполнено угодными западным производителям паттернами поведения и мышления Внедрение этих паттернов активно ведется и в постсоветской России. В ее информационном пространстве практически отсутствует конкуренция паттернов поведения и мышления

Открытые миру национальные государства не способны противостоять массированному давлению основных мировых производителей паттернов поведения и мышления. Реально паттерны поведения и мышления в национальных культурах все в большей мере формируются извне. Культурное пространство формируется в результате деятельности его субъектов и агентов. Создание связей с субъектами за пределами существующего национального культурного пространства - основа его расширения и активного распространения в нем новых паттернов поведения и мышления. Сегодня роль субъектов (носителей) национальной культуры в его трансформации незначительна. Ведущая роль в этих процессах принадлежит агентам его формирования. Побеждают те из них, кто организует и контролирует производство паттернов поведения и мышления и их распространение и навязывание. Производство паттернов поведения и мышления, их распространение и навязывание сегодня является одной их эффективных форм символического насилия. На основе изощренных технологий культивируются одни паттерны поведения и мышления и принижаются другие . Кто не следует навязываемым паттернам ,тот не может считаться современным, модным, тот достоин сожаления и унижения .И здесь вряд ли уместно говорить о развитости ,качестве паттернов. Следует говорить об их шаблонизации. А среди тех, кто может противопоставить себя «модному» и «современному», бросить ему вызов, меньшинство [1].

Культурному империализму можно противопоставить разные стратегии защиты национальных культур, среди которых активная защита культурного достояния, критика и демонстрация ущербности навязываемых паттернов поведения и мышления, пропаганда необходимых и эуфункциональных поведения и мышления и др.

Источники и литература

1) Иванов О.И. Культурное пространство как пространство паттернов поведения и мышления.// Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.2015.Т.206.С.19-26.

***Карандин Константин Сергеевич*[1]*, Силла Юсуф*[1]**

1 - Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Кибербуллинг как конфликтогенная технология российского интернет – пространства

Интернет, как и другие технологии, является продуктом деятельности человека, а следовательно, культурным продуктом. Развитие интернета на прямую связано с пользователями (пользователями-создателями и пользователями-потребителями).

Рост значения социальных сетей объясняется растущим количеством пользователей. Весь мир общается и потребляет информацию, используя такие сервисы, как Facebook, YouTube или Instagram. Число активных пользователей социальных сетей в мире в настоящее время составляет порядка 3, 484 миллиарда (что на 288 миллионов (9%) больше по сравнению с предыдущем годом), из которых 3, 256 миллиарда пользуются ими через мобильные устройства (на 297 миллионов (10%) больше чем в предыдущем году) [1].

Социальные сети обладают огромным потенциалом. Если раньше социальные сети использовались в основном для коммуникации пользователей, то теперь они могут служить ещё и источником информации. Они позволяют нам следить за тем, что пишут люди, какие темы они обсуждают. Блогосфера стала мощным конкурентом традиционных медиа. Однако помимо очевидных достоинств социальные сети имеют и свои слабые стороны.

Огромная и многоликая аудитория социальных сетей становится причиной возникновения спорных, неоднозначно воспринимаемых, противо-

речивых, провокационных и откровенно конфликтных ситуаций. С сожалением стоит констатировать что, конфликты в Интернете - это уже привычное явление, особенно для российского сегмента интернета, где представлены пользователи различных регионов страны с диаметрально противоположными мнениями, уровнем образования и материальным достатком. Все это в целом сказывается и на качестве сетевого общения. Например, часто конфликтные ситуации складываются при банальном недопонимании пользователями друг друга. Между гипотетическими участниками сетевого общения может быть огромная разница в культурных, возрастных, интеллектуальных и психоэмоциональных показателях.

Рассмотрим наиболее частые примеры интернет - конфликтов. Зачастую, пользуясь возможностями анонимного общения (многие пользователи регистрируются в социальных сетях под вымышленными именами). Некоторые из них намеренно провоцируют конфликтные ситуации. Одним из наиболее хулиганских проявлений сетевого поведения считается так называемый «троллинг». Троллинг - это когда отдельные пользователи специально размещают посты и комментарии провокационного характера, вызывающие между пользователями конкретного ресурса или социальной сети, конфликт. Троллинг часто затрагивает острые социальные проблемы, межнациональные конфликты, отдельные политические вопросы и т. д. На сетевых ресурсах как правило приняты правила общения, за нарушения которых администрация ресурса принимает соответствующие меры к нарушителям (их временная или полная блокировка).

В целом троллинг является частью более обширного и серьёзного явления - кибербуллинга. Уровень бытовой агрессии при общении в социальных сетях выше, чем в физической, то есть повседневной реальности. Кибербуллинг - общее название для различных способов психологического давления, агрессии или издевательств в интернете. Травля обычно происходит в социальных сетях, сервисах обмена сообщениями (мессенджерах), на форумах, электронной почте и т. д. Травля может выражаться в угрозах, издевательствах, диффамации, взлому учетных записей в социальных сетях, публикации или отправке чужой личной информации, манипуляции и других хулиганских проявлениях. Главное отличие кибербулинга от психологического давления в физической (повседневной) реальности человека заключается в том, что от него трудно избавиться. Угрозы могут поступать где угодно и когда угодно. При кибербулиге сообщения достигают широкой аудитории за несколько секунд, имеют потенциал для привлечения большого количества людей,

могут многократно повторяться за счёт репостов, тем самым переходя на новый уровень травли. Наиболее уязвимыми оказываются дети и подростки (то, что взрослого человека, может раздражать, может стать личной трагедией для ребенка). В целом все это может вызвать негативные эмоции, глубокое разочарование, чувство беспомощности, а в крайних случаях может привести даже к попытке суицида.

Россия на данный момент находиться в лидерах по уровню кибербуллинга среди школьников. По данным исследования компании Microsoft, почти половина опрошенных российских детей и подростков в возрасте от 8 до 17 лет заявила, что они так или иначе становились объектами травли. По этому показателю мы занимаем пятое место (исследование проведено в 25 странах) [2].

Согласно данным исследования ВОЗ, среди детей возрастом одиннадцать лет - 11% мальчиков и 8% девочек сталкивались с травлей - они получали оскорбительные сообщения по меньшей мере два-три раза в месяц. Это самый высокий показатель среди 42 стран (средний — 3-4%) [3]. При этом согласно данным исследований, учителя в российских школах уделяют гораздо меньше внимания проблеме кибербуллинга, чем в других странах. А сами российские школьники гораздо реже рассказывают родителям о своих трудностях, чем их сверстники в Европе.

Таким образом проблема кибербуллинга является актуальной и серьезной угрозой. На сегодняшний день выработано множество практических рекомендаций и методик противодействия этому опасному явлению. Однако не многие в достаточной мере информированы и ознакомлены с ними. Поэтому стоит направлять усилия для ознакомления пользователей с этими практическими рекомендациями и методиками.

Источники и литература

1) Данные результатов исследования "Global digital report 2019" [Электронный ресурс] / We Are Social Inc, Hootsuite – режим доступа: https://wearesocial.com/global-digital-report-2019 (Дата обращения 25.01.2020)

2) Данные результатов исследования "Digital Civility Index reports" [Электронный ресурс] / Microsoft – режим доступа: https://www.microsoft.com/en-us/digital-skills/digital-civility (Дата обращения 25.01.2020)

3) Данные результатов исследования "Травля и издевательство (буллинг) в школах и участие в драках среди подростков" [Электронный ресурс] / Всемирная организация здра-

воохранения. Европейское региональное бюро – режим доступа: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/303486/HBSC-No.7_factsheet_Bullying_RU.pdf?ua=1 (Дата обращения 25.01.2020)

Кармызова Диана Дмитриевна
Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Трансформация коммуникации под влиянием цифровых технологий

Ранние взгляды на компьютерно-опосредованную коммуникацию сосредотачивались на сравнении коммуникационных возможностей новых технологий связи с возможностями связи лицом к лицу. Но вместо того чтобы сосредотачиваться на ограничениях или преимуществах современных каналов связи, стоит обратиться к тому, как пользователи адаптировали появившиеся технологии для передачи сообщений, выражения своей идентичности, создания определенного комьюнити, решения частных и общих для сообщества проблем. Акцент смещается на понимание новых средств и технологий связи как среды возможностей. Важно то, как осуществляется выбор между различными цифровыми информационно-коммуникационными технологиями и каковы социальные и эмоциональные последствия этого выбора. Данный выбор обусловливается уже не столько техническими или экономическими возможностями пользователя, но моральными, социальными и эмоциональными факторами [1] и нормативностью самого медиа.

Отметим, что онлайн-платформы, социальные сети, мессенджеры, видеохостинги с различным функционалом стали пересекаться и делить между собой платформы и функции. Пользователи осмысливают цифровые ИКТ и используют их как структуру возможностей, что сказывается на процессе общения. Как указывают М. Мадиану, и Д. Миллер: «Пользователи переключаются между различными онлайн и офлайн платформами, чтобы достичь своих целей: то, что невозможно сделать посредством электронной почты, можно сделать при помощи мессенджера, веб-камеры или телефонного звонка» [1]. Благодаря многообразию платформ пользователи получили возможность по-настоящему использовать различные возможности коммуникации, не будучи ограниченными функционалом отдельных медиа.

Возможности, ранее доступные только посредством компьютера, теперь буквально умещаются в карманах. Для пользователей смартфонов

выбор платформы больше не ограничен вопросом физического доступа, хотя по мере того как развиваются технологии, людям приходится обновлять и улучшать как физические характеристики устройств, так и свои собственные знания по их использованию [2]. Пользователям приходится не только анализировать и оценивать медиаконтент, но и производить свой. В дискуссиях вокруг цифрового разрыва отмечается, что хотя доступ к технологии - необходимое условие, он сам по себе не обеспечивает достаточного уровня развития медиаграмотности у отдельно взятого пользователя. Более того, новые онлайн-среды могут усиливать неравенство.

Исследования ранних коммуникационных технологий, таких как стационарный телефон и электронная почта, показывали, что и телефон, и электронная почта выполняли важную функцию поддержания отношений с близкими людьми. Кроме того, они облегчали связь и давали чувство уверенности [3]. Исследования в области мобильных технологий, основанные на теории использования и удовлетворенности, показали аналогичные результаты, свидетельствующие о том, что мобильные телефоны удовлетворяют потребность людей в поддержании отношений с семьей и друзьями [3]. Тем не менее, частое использование смартфонов для тесного общения с близкими друзьями может повлечь за собой и более высокие ожидания относительно обратной связи. Что приводит к возникновению зависимости и рутины. Требования все большей вовлеченности и поддержании отношений через общение при помощи смартфона может привести к уменьшению удовлетворенности от дружбы. Когда друзья ищут поддержки, совета и участия друг в друге, дружба становится более интегрированной, что служит основному желанию быть нужным и нуждаться в других. Однако растущая зависимость в отношениях с друзьями приводит к напряжению из-за желания остаться свободным от обязательств. Непрерывные, целенаправленные практики постоянного общения между друзьями могут стать ритуалом или механическим действием, превратившимся в рутинное обслуживание отношений [4, с. 325-326].

Мессенджеры и социальные сети - важный инструмент коммуникации (и один из основных источников распространения и получения информации). Сама коммуникация переместилась в поле приватных диалогов и групп, в пространства различных онлайн-платформ, узконаправленных сообществ, фэндомов и блогов. Люди стремятся делиться новостями или вести переписку в более безопасных и комфортных условиях. Для многих людей социальные сети и мессенджеры (и пр.) - это один из основных способов взаимодействия, ценный ресурс поддержания личных

и деловых контактов, возможность приобщения к сообществу и источник получения эмоциональной поддержки. То есть, возможный/ожидаемый положительный эффект использования социальных сетей, мессенджеров, и иных онлайн-платформ перевешивает потенциальные потери (даже если эти потери связаны с персональными данными).

Таким образом, помимо содействия социальной связности, социальные сети и мессенджеры могут быть важным источником социального капитала и эмоциональной поддержки, то есть материальных и нематериальных ресурсов. Социальные сети и мессенджеры могут дополнять другие каналы коммуникации для удовлетворения социальных потребностей, поддерживать отношения с коллегами и партнерами, соседями и др., а также способствовать обмену информацией. Их социальные функции и эффекты варьируются в зависимости от индивидуальных характеристик пользователей, таких как возраст, пол, личностные факторы и персональные цели, и сетевых характеристик, таких как формат, плотность и состав сети.

Источники и литература

1) Мадиану, М., Миллер, Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении [Электронный ресурс] / Пер. с англ. А. Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2018. – № 1. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/polimedia-novyy-podhod-k-ponimaniyu-tsifrovyh-sredstv-kommunikatsii-v-mezhlichnostnom-obscheni i. – Дата доступа: 02.12.2019.

2) Livingstone, S. On the mediation of everything: ICA presidential address / S. Livingstone // Journal of communication, 2008. – Vol. 59 (1). – 15 p.

3) Chan, M. Mobile-mediated multimodal communications, relationship quality and subjective well-being: An analysis of smartphone use from a life course perspective [Electronic resource] / Computers in Human Behavior, 2018. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/325291068_Mobile-mediated_multimodal_communications_relationship_quality_and_subjective_well-being_An_analysis_of_smartphone_use_from_a_life_course_perspective. – Date of access: 12.11.2019.

4) Hall, Jeffrey A., Baym, Nancy K. Calling and texting (too much): Mobile maintenance expectations, (over)dependence, entrapment, and

friendship satisfaction / Jeffrey A. Hall, Nancy K. Baym // New media & Society. – 2011. – Vol. 14, № 2. – P. 316-331.

Клименко Ирина Сергеевна
Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорск, Россия

Цифровизация и ее неоднозначные последствия: кто виноват и что делать?

Цифровизация как процесс преобразования информации в цифровой формат стирает грань между реальной и виртуальной реальностью, способствует появлению новых отношений в социуме на уровне «человек-общество». Анализ многоаспектного характера цифровизации позволяет выделить, по крайней мере, три самостоятельных направления: человек и его деятельность, как объект цифровизации»; человек и его деятельность, как субъект цифровизации; цивилизационный аспект цифровизации в контексте возможных последствий цифровизации для личности и общества. Очевидно, что цифровизация, как технологический процесс и как этап развития общества провоцирует появление новых социальных конфликтов. Так, появляются публикации о дегуманизации отношений между людьми, появлению в системе предпочтений людей разных поколений новых приоритетов, в частности, общению с людьми современное общество предпочитает общение с виртуальным собеседником [1], проводятся исследования влияния цифровизации на рынок труда [2], исследуются современные социальные конфликты, появление которых заложено в структуре в структуре социума, такие как появление информационно-цифрового неравенства [3]. Очевидно, что все вышеперечисленное и есть последствия цифровизации, неоднозначность которых очевидна. Основой цифровизации на любом уровне является программное обеспечение (ПО), которое разрабатывается людьми и материально-техническая база, работоспособность которой зависит от персонала. Неоднозначность последствий цифровизации очевидна. В системе образования внедрение информационных технологий, наряду с позитивными моментами активизации образовательного процесса, сокращения объемов рутинных операций и т.п. снижают потребность учащихся в личном общении, виртуальная или дополненная реальность зачастую заменяет реальное восприятие ситуации и т.п. Если для системы «ученик-учитель» цифровизация лишь возможность использования новых инструментальных средств, а сведение негативных последствий к минимуму во многом определяется доброй волей, квалификацией и личностными качествами учителя, то

для сфер экономики, транспорта, энергетики, сервиса и т.п. внедрение информационных технологий - неизбежность, обусловленная современными реалиями развития цивилизации и вопросы, вынесенные в название тезисов « кто виноват ? и что делать?» не только не теряют своей актуальности, но являются первоочередными и определяют задачи, стоящие перед обществом. Основой цифровизации на любом уровне является программное обеспечение (ПО), которое разрабатывается людьми и материально-техническая база, работоспособность которой зависит от персонала. Алгоритмические ошибки приводят к авиакатастрофам, сбою работы энергосистем, ложному срабатыванию систем обеспечения национальной безопасности ... Кто виноват? Человеческий фактор как фактор риска при выполнении работ любой сложности - это первопричина негативных последствий цифровизации и появления конфликта, который мы позиционируем как новый хотя бы потому, что отсутствует адекватная система регулирования конфликтов такой природы. Более того, современные разработки в области искусственного интеллекта усугубляют проблему: если машина способна моделировать ситуацию и разрабатывать рекомендации для лица, принимающего решение (ЛПР), то, наделяя ее способностью принимать решения, необходимо определять меру ответственности за последствия этих решений [4]. Одним из возможных вариантов выхода из конфликтной ситуации может стать создание кодекса этических норм разработчиков программного обеспечения, в котором будут введены некоторые условия применимости механизмов принятия решений в критических ситуациях. Такой подход потребует разработки соответствующих норм и стандартов, но не решит проблемы появления конфликта. Существующие разработки в области нейронных сетей и искусственного интелекта не являются аналогами мозга человека, механизм принятия решения которым имеет многогранную природу: от эмоционально-чувственных мотивов выбора до алгоритмически рассчитанных возможных результатов. Помимо проблем этического характера имеет смысл говорить о правовых аспектах негативных последствий цифровизации. Можно ли признавать программное обеспечение субъектом правовых отношений, или все-таки ответственность лежит на разработчиках? Казалось бы, ответ очевиден. В то же время информационно-интеллектуальные системы - это тоже программное обеспечение, и вопрос о их позиционировании в правовом поле до сих пор не решен. Резюме. Феномен цифровизации, как технологического процесса требует корректной идентификации в информационном, этическом, экономическом и правовом пространствах Однозначные ответы на поставленные вопросы вряд ли можно сформулировать . Необходим дифференциро-

ванный подход и исследования цифровизации как фактора появления конфликтов в социуме.

Источники и литература

1) Тугушева Н. А. Использование чат-ботов в различных сферах повседневной жизни // Молодой ученый. — 2017. — №21. — С. 36-39. — URL https://moluch.ru/archive/155/43920/ (дата обращения: 22.01.2020).
2) Арутюнян К.М., Подачина Л.И.Реформирование рынка труда России под влиянием внедрения цифровизации/В сборнике: Теория и практика коммерческой деятельности.- Материалы XIX Международной научно-практической конференции, электронное издание. Сибирский федеральный университет, Харбинский университет коммерции. 2019. С. 249-254.
3) Масленникова Ю.Л., Давыдова А.А. Цифровое неравенство как социальный фактор цифровой экономики// Экономика и предпринимательство. 2018. № 3 (92). С. 953-956.
4) Разин А.В. Этика искусственного интеллекта// Философия и общество, № 1 -2019 57–73.

Кокина Полина Олеговна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Стигматизация мигрантов в условиях глобального города

В современном мире миграция становится одной из главных социальных проблем. Она охватила всё жизненное пространство общества, все континенты, социальные слои и группы, а также различные сферы общественной жизнедеятельности. Данный процесс оказывает непосредственное влияние, как на общество принимающей стороны, так и на то общество, к которому мигрант принадлежал ранее. Под влиянием миграции также находятся социальные отношения, культура, международная и социальная политика государства. Каждый день из средств массовой информации мы можем узнать о переселении народов Ближнего Востока, Средней Азии в Европу, смене их места жительства, а также о конфликтах мигрантов с местными жителями.

Миграция в современном мире превращается в важный источник дополнительных трудовых ресурсов. По прогнозам ООН, для компенсации

сокращения экономически активной части населения необходима существенная нетто-иммиграция. Сейчас в основных странах приема граждан другого государства она составляет от 5 до 35 % от всего населения.

Для Европы до 2050 г. потребуется 1 млн. нетто-мигрантов, чтобы поддержать численность населения, и 1,5 млн. - в экономически активном возрасте. Проблема регулирования миграционных потоков занимает достаточно важное место в политике любого государства. Можно говорить о том, что миграция несёт в себе, как положительные, так и отрицательные черты. Одна из основных проблем - это нелегальная миграция, которая сложно поддаётся регулированию со стороны государств.

Стоит упомянуть количество нелегальных мигрантов на территории России. Согласно данным Федеральной миграционной службы на начало 2014 года оно превышало 4 млн. человек , что приходится на 43% от общего числа иностранных граждан, следовательно, это проблема имеет огромное значение для миграционной политики России, так как данное число практически равно половине. Также немаловажным вопросом становится обострение криминогенной ситуации в обществе. Вопрос стигматизации мигрантов - один из наиболее острых в отношениях принимающего общества и непосредственно мигрантов. Так как стигма оказывает большое влияние на самосознание и поведение человека, неоправданно возвеличивая или унижая его на основе лишь внешних призраков. В принимающих обществах, как правило, превалирует негативное отношение к мигрантам, поэтому очень важно изучить истоки такого отношения, последствия и методы решения проблемы взаимоотношений принимающего общества и общества мигрантов. Социальная стигма, является важным компонентом социальной дискриминации, исследователи концептуализировали стигму, как социально нежелательный атрибут или оценку, используемую для отделения группы от основного населения, поэтому очень важно выделить основные стигмы, провести их классификацию.

Миграция является результатом экономического развития; выступает как естественное следствие процессов экономической интеграции, количество въехавших мигрантов отвечает устойчивому спросу экономики, мигранты, которые въезжают в страну впервые, обычно не имеют намерения обосноваться там постоянно, но по мере того как они приобретают опыт, их мотивации изменяются. С течением времени миграция имеет тенденцию создавать собственную инфраструктуру (сети), частью которой являются диаспоры. Следовательно, трудовая миграция, как внутренняя, так и внешняя, является результатом преобразования общества, в процессе развития социально-экономической сферы жизнедеятельности, а понимание противоречий экономической интеграции яв-

ляется важным фоном для анализа отечественной миграции как положительного явления в условиях глобализации.

Основными тенденциями развития миграционных процессов являются: увеличение объемов и расширение географии миграционных перемещений; появление новых типов мигрантов, большее разнообразие их социокультурных характеристик; расширение вынужденной миграции; феминизация миграционных перемещений; использование эмиграции для решения проблем занятости у себя в стране; повышение роли миграции в социальных изменениях на макро- и микроуровне, происходящих в мире. Основными направлениями в области оптимизации регулирования миграционных процессов в России являются: создание условий для интеграции вынужденных переселенцев и беженцев в России, поддержка и развитие взаимоотношений с соотечественниками за рубежом; содействие эффективному использованию трудовых ресурсов за счет оптимизации внутренних миграционных процессов, привлечение иммигрантов на работу на временной и постоянной основе; разработка и создание единой системы контроля за иммиграционными потоками в Российскую Федерацию, в том числе организация строгого медико-эпидемиологического контроля за здоровьем всех лиц, въезжающих на ее территорию.

Москва как крупнейший мегаполис является и будет в обозримом будущем оставаться весьма привлекательным местом для мигрантов. Нормативно-правовая база, регулирующая пребывание международных мигрантов в Москве (как и в России в целом), структура управления и деятельность соответствующих ведомств нуждаются в первую очередь в создании единой инфраструктуры и системы органов управления миграционными процессами, как на федеральном, так и на региональном уровне. Ужесточение мер запретительного характера или связанных с расширением полномочий правоохранительных органов малоэффективно. Наиболее эффективными мерами миграционной политики должна стать легализация статуса части нелегальных мигрантов, способных принести пользу экономике Москвы, создание программ легализации тех мигрантов, которые адаптировались к московским условиям, создание специализированных гостиниц для мигрантов с упрощенной системой регистрации, а также пунктов регистрации на вокзалах и автотрассах при въезде в город. Социальная стигма производится и воспроизводится в обществе на уровне здравого смысла. Поэтому политика государства, социальные сервисы, а также действия гражданского общества, должны вскрывать механизмы, поддерживающие стигматизацию отдельных групп. В этом процессе необходимым элементом становится критический пересмотр таких механизмов, поиск новых нондискриминационных стра-

тегий и рефлексивных практик различных субъектов социальной политики.

Итак, мы можем составить следующий образ мигранта, сложившийся в представлениях современных молодых людей - это выходец из Азии, готовый работать за низкую заработную плату, который плохо знает русский язык и русскую культуру в целом. Концептуальная и информационная основа миграции и как выводы, которые можно получить при анализе мировой ситуации относительно миграции и миграционных потоков сформулированы В. А. Ионцевым в труде «Международная миграция населения: теория и история изучения» и представляются актуальными и сегодня. В теоретическом плане важным является разработка общей миграционной теории, учитывающей все богатство мировой общественной мысли, изучающей миграцию населения.

К настоящему времени выделено 17 научных подходов в изучении миграции населения, среди которых особую значимость, на наш взгляд, имеют 4 из них: экономический, демографический, социологический и миграционный; Закон роста миграционной подвижности получает дальнейшее развитие, что подтверждается, в частности, беспрецедентными масштабами международных миграционных потоков, их глобализацей; экономический фактор (закон получения максимальной прибыли, капиталистической закон народонаселения, закон неравномерного, скачкообразного развития и др.) по-прежнему является определяющим в международной миграции населения, что наглядно видно на примере ее развития в рамках ЕЭС и особенно общего рынка арабских стран.

Именно экономический фактор (наряду с политическим) обусловливает и такое явление, как “утечка умов”, определяемое не столько “выталкивающими”, сколько “притягивающими” причинами, которая при сохранении существующего мирового порядка не только сохранится, но и усилится, способствуя тем самым дальнейшему расслоению мира на два полюса: небольшого богатого “Севера” и многочисленного бедного “Юга”.

Данная поляризация, как и стремление к получению сверхприбылей, будут способствовать усилению нелегальной иммиграции, которая уже приобрела огромные масштабы.

Действительным противовесом развитию нелегальной иммиграции может быть рост легальной трудовой миграции, который, вместе с тем, в последние годы наталкивается на ряд тенденций, препятствующих этому росту; Таким образом, какой бы ни была разновидность стигмы, мы считаем, что стигматизация - результат сложного взаимодействия процессов, происходящих в обществе и в сознании человека. Стигматизация - это нечто гораздо большее, чем просто «наклеивание ярлыков». Стиг-

матизация - это особый тип отношения между стереотипами индивидов, обусловленных их качественными характеристиками. Отношения к тем или иным явлениям редко оказываются совершенно необоснованными. Они не существуют сами по себе как независимые монады. Система ценностей служит основой определения смысла существования в мире, основой целепологания. Под влиянием окружающих и в силу взаимодействия с ними каждый человек определяет для себя эталоны, при помощи которых дает оценку другим людям.

Источники и литература

1) Васильева, Е. Н. Экономическая активность мигрантов как фактор трансформации рынка труда в Волгоградской области / Е. Н. Васильева, Е. О. Данилова // В мире научных открытий. – 2014. – No 3/4 (51). – С. 1738–1749.

2) Лебедева Н. М., Татарко А. Н.– Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / М.: РУДН, 2009. – 420 с.

3) Липай Т., Мамедов А. Введению в теорию социальной стигматизации.LAP Lambert Academic Publishing, Germany -2011 г. -С. 166

4) Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 136 с. ГРИФ ИФ РАН

5) Сассен С. Глобальный город: введение понятия. (Опубликовано в: Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. -М.: ООО "Аванглион", 2007, с. 9-27)

6) Камиева А.А. Глобализация мировой экономики: проблемы и перспективы // В сборнике «Актуальные проблемы науки, экономики и образования XXI века». — 2012 — с. 137-142.

7) 10 стран Европы с самым большим числом мигрантов – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://news.rambler.ru/europe/40236668/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink дата обращения: 12.03.2019

8) Миграционный кодекс появится в России к 2025 году, сообщили в МВД- [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.pnp.ru/social/migracionnyy-kodeks-poyavitsya-v-rossii-k-2025-godu-soobshhili-v-mvd.html дата обращения 13.03.2019

9) Scheff, T. Building an Onion: Alternatives to Biopsychiatry // Ethical Human Psychology and Psychiatry. –; 2007. –; Vol. 9. –; № 3. –; P. 180–192.

10) Morokvasic M. «Birds of Passage are also Women...»// International Migration Review, Vol. 18, No. 4, Special Issue: Women in Migration (Winter, 1984), pp. 886-907

11) Massey D. A. Synthetic theory of international migration // World in the mirror of international migration. 2002. №10. P. 143-153.

Колесникова Елена Юрьевна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Региональная система высшего образования как фактор социальной консолидации и сдерживания этнокультурных конфликтов на Юге России

Система высшего образования в многонациональном российском обществе является важнейшим фактором национальной консолидации и остается, по сути, ключевым социальным институтом, реализующим долгосрочное и универсальное, «человекоформирующее» воздействие на поколения молодежи. Воспитание рефлексивного, созидательного гражданина страны и региона непредставимо без образования, прежде всего - гуманитарного [1, 85-90].

Региональная система высшего образования Юга России (и в особенности - региональные классические университеты) всегда имела ярко выраженные черты этнокультурной идентичности, выражающейся в территориальном размещении учреждений высшего профессионального образования в социальном локалитете каждой республики. Формирование региональной системы высшей школы, как она сложилась исторически в южнороссийском регионе, реализовывало, прежде всего, социокультурную миссию: стратегию развития этносов, традиций, культур народов Юга России - как органической части общего духовного, культурного и образовательного пространства России. То есть, в основе механизмов развития университетского образования лежали не императивы рыночной эффективности, а потребности социокультурного развития этносов.

Однако продолжающиеся реформы университетского образования по лекалам ультралиберальных моделей, под эгидой императивов экономической прагматики, утилитаризма и технократизма, создают серьезные риски. Как заключают исследователи, впервые за всю южнороссийскую

историю наблюдается редукция системы образования на Юге России, выражающаяся, в том числе, и в серьезном сворачивании ее гуманитарной составляющей. А ведь именно в рамках гуманитарных дисциплин происходит приобщение молодого поколения к национальной и региональной культуре, истории, традиции, системно воспитывается подлинный, «думающий» патриотизм и гражданственность. В работах подчеркивается, что эти плоды «оптимизации» системы высшего образования серьезно снизили потенциал социальных условий для мобильности молодежи, особенно на периферии, усилили социальное неравенство в доступе к образовательным благам, изначально являющимися «общественным благом», а не рыночным. «Сжатие» системы образования, вкупе с ее интенсивно протекающей элитизацией и дифференциацией образовательных учреждений, в том числе, университетов, создает угрозу для дальнейшего развития и вообще существования сегмента массового высшего образования, и эта проблема особенно остро стоит для обширной российской полиэтнической периферии [2, 50-57]. Возрастают риски сужения пути к полноценному участию молодежи в жизни общества, прорыва в более высокие социальные страты для значительного количества молодых людей с невысокими доходами, для которых высшее образование в регионе становится все менее доступным. Эти риски препятствуют формированию конструктивного, рефлексивного, созидательного патриотического и гражданского сознания молодежи региона, которая, утратив доступ к этому важнейшему социальному и культурному ресурсу, становится подвержена влиянию экстремистских идей, разрушающих традиционные ценности российской культуры, национальных культур других народов [3, 36] .

Здесь следует сказать о религиозном радикализме в регионе, который выступает почти исключительно как феномен молодежного сознания и поведения. Ярко выраженный в исламском фундаментализме социальный аспект (наступательная пропаганда социальной справедливости и равенства, критика явных проявлений социальной и духовной деградации в обществе) сделали его эффективной силой мобилизации значительных групп молодежи региона.

Социокультурная, национально-культурная альтернатива религиозному радикализму имеет свои глубокие корни в этнокультурной традиции народов Юга России, прежде всего, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики и Кабардино-Балкарской Республики. Во многом ее действием объясняется сравнительно позднее распространение в этих республиках идеологии исламского фундаментализма. Устойчивое воспроизводство этнокультурных основ национальной идентичности

адыгов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев), карачаевцев и балкарцев, важнейшим институтом которой является высшее образование, способно было бы и в дальнейшем снижать риск деструктивных и массовых проявлений религиозного радикализма.

Также хотелось бы отметить, что в полиэтничных регионах добиться устойчивого развития невозможно без создания критической массы элиты, укорененной на местной почве и одновременно несущей современное мировоззрение, которое открыто для инноваций, для межкультурного диалога, для творческой кооперации. А эта функция в значительной мере реализуется непосредственно системой высшего образования, и, прежде всего, - региональными университетами.

Развитие и сохранение региональной системы высшего образования, как представляется, единственный верный путь решения вечного спора между политикой ассимиляции (как фактором стабильности государства) и бережным отношением к традиционным и самобытным культурам в полиэтничных регионах.

Таким образом, одной из важнейших функций региональной системы образования, особенно университетского, является способность влиять на взаимодействие и взаимопроникновение культур, способствуя тем самым . этносоциальной консолидации региона и российского общества в целом.

Поэтому, предпринимаемая в последнее время реструктуризация системы высшей школы на базе принципов рыночного фундаментализма (с тотальным доминированием экономического спроса) находится в открытом противостоянии с действующими социальными факторами воспроизводства высшей школы в таких полиэтнических регионах, как Юг России. Ведь базовыми мотивами формирования южнороссийской региональной системы образования всегда были целевые стратегии социокультурного и этнокультурного развития региона.

Источники и литература

1) Колесникова Е.Ю. Миссия и ответственность современного университета: к вопросу о поиске идейных оснований. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. № 1. 2013. 85–90.

2) Колесникова Е.Ю. Система высшего образования как фактор устойчивого развития Юга России. // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014. № 1. С. 50–57.

3) Узунова О.Ю. Патриотизм в структуре гражданской идентичности современной российской молодежи: общероссийские и региональные тренды. Автореф. канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 36 с.

Кораблева Ольга Владимировна

ФГБОУ ВО "Поволжский государственный университет сервиса", Тольятти, Россия

Социальная эксклюзия: виктимологический аспект

Термин «социальная эксклюзия» впервые стал использоваться в 1974 г. во Франции для обозначения социально уязвимых категорий населения [1]. Тогда речь шла об умственно и физиологически зависимых, склонных к суициду, инвалидах, детях-сиротах, асоциальных личностях и других лицах, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В современной социологической науке сосуществуют два подхода к интерпретации социальной эксклюзии — французский и англо-саксонский. Французский подход ориентирован на понятие социальной солидарности. С этой точки зрения эксклюзия - это следствие групповой динамики, принудительности социального порядка, который служит интересам инклюзированных. В англо-саксонской традиции акцентируется индивидуальная свобода, равные права для всех граждан. Тогда социальная эксклюзия ассоциируется с неадекватной реализацией социальных прав как следствие социальной дифференциации, экономического разделения труда и общественных сфер [2].

Феномен социальной эксклюзии целесообразно рассматривать во взаимосвязи с социальной интеграцией, социальной депривацией и дискриминацией. Так, потенциальная социальная эксклюзия определяется условиями ранней социализации индивида [3]. Имеет место определенная наследственная предрасположенность к эксклюзии индивидов, принадлежащих к определенным социальным общностям.

Социальная эксклюзия может рассматриваться, во-первых, как ситуация, как совокупность обстоятельств, переводящих индивида или группу индивидов из нормального состояния в состояние социальной

депривации. Во-вторых, как процесс, последовательность состояний относительной социальной депривации. В-третьих, как состояние. Людей, оказавшихся в состоянии социальной эксклюзии, уместно называть ее «жертвами» независимо от причин такого состояния.

На практике имеет место разнообразие ситуаций социальной эксклюзии [1].

Эксклюзия от средств к существованию. Так, сокращение доходов и заставляет отказаться от привычного жизненного уклада. Такая эксклюзия означает наличие опасных жизненных стратегий и проблематичность самоидентификации.

Эксклюзия от благосостояния и сетей социальной безопасности. При этом результатом урезания ряда социальных услуг одним группам населения и сохранения услуг для других становится увеличение численности незащищенных групп.

Эксклюзия от культуры потребления. Для большей части населения такая эксклюзия представляет проблему, связанную с доступом к информации об актуальных моделях потребления.

Эксклюзия из политического выбора. Результаты такого рода эксклюзии могут быть разнообразны: от политической апатии до проявлений агрессии и насилия.

Эксклюзия от массовых организаций и солидарностей. Имеются в виду организации и менее формальные солидарности, посредством которых люди пытаются преодолеть эксклюзию: профессиональные и общественные ассоциации, территориальные, религиозные и этнические сообщества.

Эксклюзия от возможности понимания происходящего. Становление «информационного общества» порождает специфическую форму эксклюзии, связанную с картиной мира и представлениями о будущем.

Очевидно, что специфический социальный статус исключенных лиц и определенные личностные качества создают предрасположенность к более вероятному причинению этим лицам материального, морального или физического ущерба. Личностная уязвимость имеет сложную структуру, в которой предрасположенности превращаются в предпосылки причинения вреда.

Термин «виктимность» был введен в научный оборот Л. В. Франком, который определил индивидуальную виктимность как реализованную или потенциальную способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления или неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима. При этом имеется в виду

повышенная способность стать жертвой «в силу ряда субъективных и объективных обстоятельств» [2].

Индивидуальная виктимность складывается из личностного и ситуационного компонентов. При этом качественная характеристика первого находится в системной зависимости от второго.

Выдающийся виктимолог К. Миядзава выделял как общую виктимность, зависящую от социальных, ролевых и гендерных характеристик жертвы, так и специальную, реализующуюся в установках, свойствах личности. При наслоении этих двух типов друг на друга виктимность многократно увеличивается.

Виктимность как девиация от моделей безопасного поведения проявляется в комплексе социальных (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм индивидуальной и социальной безопасности), психических (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями) и моральных (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, внутриличностные и межличностные конфликты) проявлений.

Последствия эксклюзии для общества, очевидным образом, не способствуют его интеграции. Это обусловлено тем, что представители исключенных общностей обладают, с одной стороны, повышенной виктимностью, с другой стороны, повышенной конфликтностью. Соответственно, конфликтность предполагает неизбежность и легкость вовлечения в криминальные формы поведения в силу высокой степени абсолютной депривации и недоступности легальных способов удовлетворения своих потребностей в следствие исключенности из правового поля.

Источники и литература

1) Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал, 2000, №3/4, С.44-51.
2) Малкина-Пых.И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы.- М.: Эксмо, 2010.
3) Туляков В.А. Виктимология (социальные и криминологические проблемы).- Одесса, 2004.

Коркия Эка Демуриевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Moscow, Россия

Культурный дисбаланс как маркер социальной напряженности в современном обществе

Социальные характеристики современной культуры российского общества выступают как наиболее существенные проблемы, отражающие характер социокультурной среды, однако не имеющие в настоящее время эффективных средств и методов решения. Несомненным является тот факт, что главные причины или же последствия культурного дисбаланса лежат в плоскости социально-экономических и политических проблем. Преобразования в области культуры привели к резкому падению уровня образованности населения, а экономическая неопределенность 1990-х годов - к потребительскому взгляду на жизнь и культуру [2, с.12]. Массовая неосведомленность относительно культурных нововведений, отсутствие механизмов обобщения и интегрирования нового социокультурного общества, приводят к несоответствию между потребностями и запросами общества и человека, а также возможностями их удовлетворения. Как следствие, это приводит к социальному расслоению общества по таким социокультурным показателям как стиль жизни, образование, статус и социальная идентичность [1, с.170]. Это расслоение усиливается такими социально-экономическими и политическими тенденциями как: миграционные потоки, которые разрушают культурную целостность национальных сообществ; урбанизация, «выключившая» из процесса культурного саморазвития громадный пласт социальных групп; этническое расслоение, ставшее результатом национальной политики 1990-х годов. Эти факторы не только обусловили культурную деградацию, но и провоцируют социальную напряженность в обществе.

Духовное обнищание современного российского общества, отсутствие четкой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам (аномия), является, по утверждению А.С. Панарина, результатом неэквивалентного межкультурного обмена. Заимствуя «культуру образов», ценностную систему, уровень притязаний и эталоны образа жизни, реципиент не заимствует у донора «производительную способность», технологическую, инструментальную культуру, способы достижения стандартов жизни, а потому возникает разрыв между «революцией притязаний» и «революцией возможностей» [3, с.98]. Во всяком случае, именно инструментальной культуры, культуры средств, а не целей, сегодня и не хватает для достижения эталонов потребительского образа жизни. И одна из актуальных проблем современного российского общества состоит в осознании того факта, что любые социальные

преобразования невозможны вне культурной основы, являющейся неотъемлемой частью институционального порядка.

Навязанные социокультурные нормы, ценности и стереотипы поведения, входя в противоречия с существующей реальностью, приводят как к внутренним конфликтам личности, за которым следует девиантные взрывы, так и к социальным конфликтам в целом [1, с.33]. Оптимальным для современной российской действительности является концепция культуры, которая проявляет уважение к традициям (уважение к традициям предполагает также и их обновление), национальному менталитету народа, способствует сбережению населения, сохранению национального суверенитета, укреплению позиций страны на международной арене, выходу страны на новый уровень развития и т.д. Но, прежде всего, концепция культуры в условиях модернизационных процессов [4, с.208-210], транзита к постиндустриальному информационному обществу, должна быть ориентирована на стратегию развития человеческого потенциала - достижения определенных (не только экономикоориентированных, но, в первую очередь, духовных) характеристик жизнедеятельности человека и общества, совокупности свойств и способностей, которые обуславливают развитие человеческих ресурсов.

Соответственно, можно констатировать, что общество, в настоящее время находятся в «зоне риска». Ведь государство, не получающее от культуры того, что оно от нее ожидает, то есть той системы ценностей, которую государство как политический институт может эксплуатировать, начинает заменять суррогатами эти ценностные ряды. Следовательно, для реализации поставленных целей государство, не имея внутренних скреп или же ценностей, общих представлений и идеалов, которые объединяют страну поверх национальных религиозных, имущественных и прочих различий, вынуждено удерживать равновесие внешними скрепами - силовыми методами.

Таким образом, власть как часть культурного пространства, рассматривается в качестве силового механизма во многом чуждого обществу, его ценностям и идеалам. А в условиях культурной разнородности современного российского общества это разногласие детерминирует восприятие действительности, способы ее оценки и как следствие - способы политического действия со стороны общества. Решение этой проблемы во многом обусловит эффективность модернизационной парадигмы и будет способствовать социальному балансу в обществе [4, с.203].

Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день современная культура российского общества представляет собой уникальный биполярный феномен, в котором сочетаются социокультурные установки

и императивы национальной традиции, а также либеральные ценности постмодерна. С одной стороны, они являются диаметрально противоположенными установками, которые входят в противоречия друг с другом и обуславливают дисбаланс социального характера, с другой стороны - представляют собой синтез традиций и новаций культуры.

Источники и литература

1) Васильев А.В., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Культура коммуникаций в условиях информационной глобализации. М., 2019.
2) Неретина С., Огурцов А. Время культуры. М., 2016.
3) Философия истории / Под ред. А.С. Панарина. М., 2017.
4) Levy M. Modernization and the structure of societies. Princeton: Princeton University Press. 2006.

Кочетков Владимир Викторович

МГУ имени М.В. Ломоносоввa, Москва, Россия

Международные миграции как причина социальных конфликтов в XXI веке

Одним из факторов, приводящим к социальным конфликтам в XXI веке, становятся миграции. Направления и причины миграционных потоков сегодня изменились. Миграции развиваются в направлении мирового Севера. Развивающиеся страны, составляющие мировой Юг, не могут обеспечить растущее население минимально необходимыми условиями существования, в результате чего едва ли не единственным выходом для значительной части их граждан становится попытка переселиться в более развитые страны [4, С. 185].

Причинами современных миграций становятся желание обеспечить физическую безопасность, спастись от войн, происходящих в государствах, продуцирующих миграцию, избежать преследований по религиозному или этническому признаку, желание обеспечить более благоприятные экономические условия. Значимыми факторами миграции становится возможность помощи со стороны членов миграционных сообществ, достаточно лояльное отношение к мигрантам со стороны правительств многих развитых стран [3, С. 6].

Миграционные факторы этнополитической конфликтности, как правило, имеют долговременный характер. По мнению Л.Л. Хоперской особенно проблемным и дестабилизирующим аспектом выступает изменение этнического баланса на территории государства в целом или отдельного региона [5, С. 10].

Миграция приводит к росту социального неравенства, и, как следствие, повышает социальную конфликтность. Важным фактором этого процесса, провоцирующим конфликты, как нам представляется, можно назвать рост неравенства в обществе, который выражается не только в дифференциации доходов в рамках конкретных обществ, но и в экономических разрывах между странами, принадлежащих к разным типам развития. Миграционные процессы влияют на рост социальной напряжённости по двум основным причинам. С одной стороны, происходит рост антимигрантских движений, выступающих под националистическими, а порой и фашистскими лозунгами. Их недовольство связано как с экономическими, так и с культурными факторами, в первую очередь, с восприятием мигрантов как чужаков. Это ведёт к выработке определённых поведенческих стереотипов в отношении мигрантов, когда они делаются целью насмешек, оскорблений, прямых нападок. В какой-то мере это служит возможностью выпустить накапливающуюся агрессию. С другой стороны, этнические меньшинства, пополняемые новыми волнами мигрантов, все больше маргинализируются. Неустойчивость и неопределённость статуса иммигрантов заставляет их искать поддержки внутри своей диаспоры, которая трансформируется в общность, обороняющуюся от агрессивной внешней среды, что препятствует интеграции (феномен «геттоизации» [2, С. 17-20]). Таким образом, возникает замкнутый круг конфликтности.

Важно также отметить, что миграция прямым образом влияет на этнодемографическую ситуацию в обществе. В мигрантских сообществах, как правило, отмечается гораздо более высокий уровень рождаемости, чем в принимающем обществе. Опасность быстрого разрушения этнического баланса служит важным фактором возникновения этнополитических конфликтов. Существенный риск возникновения конфликтов в сфере этнополитики связан с демографическим фактором. Формирование сторон конфликта происходит быстрее, если существуют различия между ними с точки зрения культурных норм и стереотипов поведения. Создаются условия для формирования конфликта по линии «коренные жители - мигранты».

Отсутствие необходимого контроля над миграцией может привести к деформации структуры рынка труда, росту межэтнической напряжённости, что в настоящее время можно наблюдать в странах Европы.

Возникает угроза экстремально быстрого изменения этнического состава отдельных территорий, в том числе и развитых стран. Её примером могут служить массовые миграции в страны Европы из ближневосточного региона, заселение дальневосточных регионов России китайцами и др.

Таким образом, возникает угроза фрагментации социума на этнической почве, угрожающая значительному количеству стран современного мира, которая может вызвать острые конфликты не только на локальном, национальном, но и на международном уровнях [1, С. 239-240].

Источники и литература

1) Абдуллатипов Р.Г. Этнополитология. Санкт-Петербург: Питер, 2004. С. 239-240.
2) Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996. С. 17-20.
3) Климин Д.Ю. Этнополитические конфликты: теоретико-методологические подходы // Учебные записки Казанского государственного университета, Том 149, кн. 3 Гуманитарные науки, 2007. С. 6.
4) Политическая социология: учебное пособие: в 2 ч. / под общ. ред. В.К. Мокшина, С.И. Шубина; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 185.
5) Хоперская Л.Л. Факторы социально - политической стабильности и стратегия безопасности на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону.: СКАГС, 2000. С. 10.

Кравченко Альберт Иванович

МГУ, Москва, РФ

Ощущение кризиса: 1980-е годы и паллиативная социология

Эпоха середины 1970-х - это время расставания со многими иллюзиями. Стало ясным, что наше поколение никогда не будет жить при коммунизме, что прошло то время, когда все недостатки нашей жизни

можно было списывать на счет “родимых пятен капитализма”. Социологи смелее заговорили о том, что у социализма есть свои собственные проблемы и недостатки, присущие ему как исторически первой и потому незрелой фазе коммунистической формации. Так постепенно формировалась знаменитая концепция развитого социализма. Она отразила более реалистический подход к строительству советского общества, пыталась подсказать приемлемые для ортодоксального марксизма либеральные пути развития, без политических репрессий, призывов к мировой революции и непримиримой классовой борьбе. В этой концепции предлагались достаточно рациональные критерии оценки достигнутого уровня развития, исторически пока, быть может, не очень высокого, но идеологически и эмоционально достаточно приемлемого. Она не могла быть на сто процентов реалистической. Такую теорию никто не пропустил бы и не опубликовал. Она строилась на грани допустимого - чуть в сторону (вправо или влево все равно) и ее существование стало бы проблематичным. Начало 1970-х годов ознаменовалось завершением коллективных усилий советских идеологов по созданию модернизированной или либерализованной версии марксистской теории исторического развития. Она получила название теории развитого социализма, главным выразителем которой стал Р.И.Косолапов [2]. По сравнению с ортодоксальным марксизмом сталинского типа в ней было много нового. Во-первых, отсутствовала теория классовой борьбы и экспорта революции, во-вторых, утверждался принцип мирного сосуществования, всестороннего развития личности, примат социальной сферы над экономической. Возможно, что теория Р.Косолапова явилась реакцией на майские события во Франции и ввод советских войск в Чехословакию 1968 г. Как бы то ни было, она отражала стремление КПСС учитывать новые тенденции в мире и предложить общественности новую модель социализма - социализма с человеческим лицом, хотя, в отличие от более поздней, горбачевской модели такого социализма, более консервативной. Разработка критериев зрелого социализма, а затем и построение соответствующей теории началось после статьи В.А.Медведева "Марксистско-ленинская концепция развитого социализма", опубликованная в журнале "Коммунист" (№ 17, 1979).

Главным в этой модели была не ориентация на изменение, а тенденция к сохранению прежних ценностей социализма, но в существенно гуманизированном варианте. Несомненно, что известный вклад в появлении новой теории, определявшей стратегию общества, внесли исследования социологов, особенно тех из них, кто призывал к гуманизации труда, учету личности работника, совершенствованию социальных отно-

шений на производстве. Пожалуй, это было первым и последним случаем (не считая горбачевскую перестройку, отчасти стимулированную исследованиями новосибирских экономистов и социологов), когда социологи непосредственно влияли на принятие политических решений.

В концепции развитого социализма получила теоретическое обоснование двухступенчатая схема эволюции советского общества:

1. преодоление различий между классами и построение бесклассового общества произойдет в основном в исторических рамках первой фазы - социализма;

2. полное преодоление классовых различий и построение социально однородного общества завершится на второй, высшей фазе коммунизма.

В результате построения вначале бесклассового общества, а затем социально однородного общества должна сложиться принципиально новая система стратификации: на смену "антагонистической", вертикальной системе неравенства постепенно (в течение жизни нескольких поколений) придет "горизонтальная система социального равенства.

Концепция развитого социализма, несомненно, продукт деятельности паллиативной социологии. Но она вместе с тем - необходимый исторический этап движения социологии вперед и, стало быть, преодоления этой паллиативности.

Во второй половине 1980-х годов для многих стало очевидным кризисное состояние социологической мысли и социологической практики в СССР. Несмотря на очевидные успехи в эмпирическом изучении социальных резервов производства, закономерностей трудового поведения людей, семейных отношений и демографических процессов, бюджетов времени и некоторых других проблем, а также в разработке прикладных, социоинженерных проектов на предприятиях и осмысление ряда фундаментальных вопросов социальной структуры советского общества совершенно очевидными становились серьезные противоречия, в частности, между теорией и практикой.

Рассматривая причины кризиса, ученые выдвигали самые разные предположения - от политических до теоретико-методологических и методических. Так, по мнению Р.В.Рывкиной, “связи советской социологии с мировой социологией практически разорваны”, сформировалась устойчивая реакционная традиция, для которой характерна фетишизация идеологической борьбы в науке, подмена изучения объективной реальности набором оторванных от жизни теоретических штампов [3].

Анализируя причины кризисного развития советской социологии в конце 1980-х годов, приходишь к выводу о том, что многие из тех яв-

лений, которые исторически возникали в ней за последние 30 лет и в итоге поразили ее нервную систему, проникли в механизмы роста научного знания, можно назвать “паллиативной социологией”. Под этим явлением нужно понимать искусство выдавать скороспелые плоды мысли за серьезные научные достижения, подменять реальные успехи мнимыми, придавать наукообразную формы обыденным и дилетантским суждениям. Паллиатив представляет грубую фальсификацию научной истины, которая на поверхности прикрыта правоподобными формулами и утверждениями. Короче говоря, под паллиативной социологией следует понимать формотворчество, схоластическое теоретизирование, которые достаточно широко распространились в послевоенной социологии. Базой иллюзорного сознания служат идеи и установки, свойственные утопическому сознанию [1].

У паллиативной социологии можно обнаружить исторические, социальные и идеологические корни. Когда ученый не решается выступить с открытой критикой существующего положения вещей и при том пытается сохранить профессиональное лицо, он неизбежно выдумывает хитроумные способы имитации научной деятельности. Теоретические трактаты при этом напоминают сборники цитат из партийных документов, классиков марксизма-ленинизма и чужих работ. Эмпирические исследования превращаются в произвольный подбор статистических данных и субъективных мнений, выдаваемых за результаты социологических опросов.

Источники и литература

1) Баталов Э. Социалистическая перспектива и утопическое сознание // Коммунист. 1988. № 3. С.77
2) Косолапов Р.И. Развитой социализм. М., 1979
3) Рывкина Р.В. Реакционные традиции и революционные требования // Век XX и мир. 1988. № 3. С.21-24.

Кувшинова Анастасия Анатольевна

МГППУ, Москва, Россия

"Изнанка" российского интернета: как подростки получают доступ к запрещенным веществам посредством социальных сетей

"Если тебя нет в социальных сетях, то тебя не существует вообще. . . " - это одна из самых ярких цитат, характеризующих поколение 21 века, в особенности граждан в возрасте от 13 до 24 лет. В современном мире молодые люди и девушки проводят намного больше времени в интернете, нежели чем представители старшего поколения [1]. При этом многие подростки становятся жертвами наркотиков, проводя свободное время не на улице, а дома за компьютером [2].

Целью нашего исследования является анализ одной их самых популярных социальных сетей среди подростков в России - Вконтакте на предмет наличия информации о запрещенных наркотических веществах. Исследование состояло в том, чтобы выяснить, могут ли подростки получить доступ к информации о покупке запрещенных наркотических веществ, а также применить их на практике. В качестве объекта исследования выступили 20 закрытых групп, в которых находится информация о запрещенных веществах.

В результате проведённого мониторинга вышеупомянутой социальной сети, мы сделали следующие выводы:

1) "кто ищет, тот всегда найдёт": благодаря возможностям приватности любая информация может быть выложена в социальные сети, однако для получения полного доступа к ней нужно получить «разрешение» тех пользователей, которые её выкладывают;

2) "что хитро, то и просто": многие группы в социальных сетях маскируются под иными названиями для того, чтобы не вызвать определенных подозрений, а также сделать информацию доступной только для тех лиц, доступ к которой им разрешен;

3) "плохо овцам, коли волк пастух": социальные сети - пространство, где есть возможность сохранить полную анонимность, но очень часто бывает так, что подростки, которые не знает об этом, попадают под наблюдение правоохранительных органов, а "верхушка" в то же время просто «исчезает» [2];

4) "слово — не воробей, вылетит — не поймаешь": чем напыщеннее, умнее написанная информация о запрещенных наркотических веществах, тем охотнее в неё верят подростки, а, значит, велика вероятность того, что молодые пользователи могут попасть под влияние искажённой информации, сделав для себя неверные выводы.

Для того чтобы узнать, применима ли информация, взятая из социальных сетей, на практике, было проведено анкетирование 45 пользователей закрытых информационных сообществ в возрасте от 15 до 19 года на предмет того, реализовывали ли они знания, полученные в ки-

берпространстве, на практике. Результаты опроса выглядят следующим образом:

- 42 % опрошенных респондентов пробовали запрещенные наркотические вещества или их аналоги;

- 43 % респондентов пытались приобрести запрещенные наркотические вещества через социальные сети;

- 29 % опрошенных респондентов убеждены в том, что употребление наркотиков сделает их популярнее среди своего окружения;

- 24 % опрошенных респондентов признались в том, что в их окружении есть люди, принимающие наркотические средства;

- 57% респондентов не согласны с тем, что употребление запрещенных наркотических веществ может разрушить их жизнь.

Из нашей выборки опрошенных больше половины граждан, состоящих в подобных группах, принимали наркотические вещества, при этом более 50% уверены в том, что употребление наркотиков не изменит их жизнь в худшую сторону.

Таким образом, в настоящее время существует проблема влияния на сознание подростков, которое реализуется на платформе социальных сетей. Влияние осуществляется путем публикации информации о наркотических веществах, способах их применения, употребления [3]. Подобная пропаганда приводит к тому, что подростки начинают интересоваться данной темой, пытаться достать запрещенные наркотические вещества, а кто - то начинает их употреблять [4]. Безусловно, невозможно вычислить все группы, но очень важно донести до сознания граждан подросткового возраста о вреде употребления наркотических веществ, а также последствиях употребления наркотиков: физических, нравственных, социальных, правовых.

Источники и литература

1) Андрейченко А.В., Петровская О.А. Интернет зависимость в молодёжной среде // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: https://scienceforum.ru/2014/article/2014004248 (дата обращения: 07.12.2019)

2) Дети идут за легкими деньгами». Как подростки в России становятся наркоторговцами и как их за это судят [Электронный ресурс] / П. Мерзликин, Е. Антонов. — Электрон. журн. — Москва: 2018. —URL: https://paperpaper.ru/?post_type=pho to&p=335705 (дата обращения: 07.12.2019)

3) Кирсанов А.И. Смертоносный омут для наших детей: наркотики в школе и вузе//Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2010. № 1. С. 75-79.

4) Николаева А.А., Савченко И.А., Павлова Т.С. Совладающее поведение подростков//Образовательные ресурсы и технологии. 2019. № 2 (27). С. 33-39.

Кузьмина Дарья Александровна

Тольяттинский Государственный университет, Тольятти, Россия

Русский язык в России: основные противоречия на примере социологического исследования

В нашей стране сохранению и развитию русского языка, как официально закрепленному средству общения многонационального народа, уделяется огромное внимание. По указу Президента РФ от 09.06.2014 № 409 был создан Совет при Президенте Российской Федерации по русскому языку. Он существует для того, чтобы поддерживать и защищать русский язык и обеспечивать право каждого гражданина России пользоваться государственным языком [1].

Так существуют различные проекты, мероприятия, созданные для укрепления позиций русского языка, среди которых «День русского языка», «День славянской письменности и культуры», «Тотальный диктант». Их главная цель - это показать каждому, что необходимо быть грамотным, объединить людей заниматься русским языком и повышать свои знания [1].

Современное общество активно пользуется сетью Интернет, где они с легкостью могут найти словари, информацию с правилами русского языка, исправить ошибки в правописании. Однако с распространением сети Интернет связаны и негативные последствия. В социальных сетях есть свой «язык сети» - стиль употребления русского языка, в котором люди не задумываются о том, как правильно печатать слова и расставлять знаки препинания. Такой стиль используется чаще всего в чатах, блогах, комментариях под постами. Тем самым исследователи выделяют, что употребление такого языка выступает фактором снижения уровня грамотности молодёжи.

На сегодняшний день изучение позиций русского языка в России достаточно актуально. В связи с этим обратимся к социологическому исследованию, проведённому ВЦИОМ на тему «День русского языка» [2].

Исследование было посвящено выявлению мнений жителей России относительно значимости русского языка, перспектив его развития, а также определению реальной грамотности респондентов на основе их ответов на вопрос о произношении слов. На грамотность человека оказывает влияние большое количество причин, очевидными среди которых являются возраст и уровень образования. В данном аналитическом исследовании поднимается проблема зависимости уровня грамотности (самооценка и реальная грамотность) от таких характеристик, как материальное положение и место проживания. Выборка составила 7000 респондентов.

Одними из центральных вопросов, выражавших конфликт между оценкой собственных знаний и реальной грамотностью, выступали «Как бы Вы оценили свое знание русского языка?» и «Как Вы обычно говорите?» с вариантами ответов слов с различными ударениями. Была проанализирована самооценка знаний русского языка и грамотность респондентов в зависимости от их материального положения. Люди, которые могут позволить себе автомобиль, а на что-то большее денег не хватает, оценивают свои знания на хорошем уровне в отличие от тех людей, что могут себе позволить купить все, их самооценка своих знаний русского на таком же уровне, что у людей, у которых не хватает ни на что денег (48% соответственно).

Что же показывает практика? На вопросы «как вы обычно говорите?» люди со средним заработком подтверждают свою собственную оценку знаний русского языка и выбирают чаще правильное ударение в словах. А люди с высоким и низким заработком имеют одинаковый общий индекс знаний (0,26 и 0,27 соответственно).

Наблюдается тенденция - от крайности в крайность. У кого-то нет денег получить элементарное образование, а кто-то этими возможностями не пользуется.

Далее была рассмотрена самооценка уровня знаний русского языка в зависимости от типа населенного пункта, в котором проживают респонденты.

Больше всех уверены в своих знаниях города-миллионники, практически наравне с ними выступают населенные пункты до 100 тыс., но показатели их грамотности на деле значительно ниже (54% и 53% соотвественно).

Данные расчета общего коэффициента грамотности показывают, что в Москве и Санкт-Петербурге жители наиболее грамотны (0,49), что практически соответствует их собственной оценке (50%). Следовательно, уровень знаний зависит от развития города.

Исходя из проведенного анализа полученных в процессе социологического исследования данных можно сделать вывод, самооценка своих знаний - это субъективный фактор и люди не всегда точно оценивают самого себя. Кто-то может данный показатель завысить, а кто-то занизить. Здесь играет роль и собственная самооценка личности, как человек себя ощущает и в каком положении он находится. Как показала практика, высокое материальное положение не обеспечивает высокого уровня знаний русского языка. Но то, в каком месте человек живет, влияет на его оценку и уровень знаний. Так, например, Москва считается самым развитым городом в стране и доказывает свой статус и в уровне грамотности своих жителей.

Таким образом, можно сказать, что современное состояние русского языка находится в трудном положении. Так, в распоряжении Правительства РФ №2647-р «О концепции федеральной целевой программы "Русский язык" на 2016-2020 г.» указаны проблемы снижения уровня владения русским языком как государственным языком, невысокие результаты единого государственного экзамена по русскому языку, сужение сферы его функционирования как средства межнационального общения в ряде регионов и другие [3].

Источники и литература

1) Шахова Е. В., Максимова С. Г. Особенности функционирования русского языка как основы межэтнического взаимодействия в полиэтничном современном обществе (по материалам социологического исследования). – Текст электронный // Социодинамика. – 2019. – № 6. – С. 23–34. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30004 (дата обращения: 17.01.2020)

2) Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – Текст электронный. – URL: https://wciom.ru (дата обращения: 12.12.2019)

3) Распоряжение Правительства РФ от 20 декабря 2014 г. № 2647-р «О Концепции федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг». – Текст электронный // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70731962/ (дата обращения: 16.01.2020)

Лактионова Наталья Яковлевна
Отделение международных экономических и политических исследований Института экономики РАН, Москва, Россия

Миграционная составляющая стран ближнего зарубежья: вызовы для России.

Портрет российского мигранта, пребывающего с территории бывших советских республик в Россию, характеризуется следующими цифрами: 85 % трудовых мигрантов и лишь 13% идентифицируют себя христианами. Всего 5% имеют высшее образование. Высокий процент, почти четверть (24%), из среды мигрантов имеют незаконченное среднее образование. Самая высокая доля миграции в столицах и прилегающих к ним областях, а также на Урале и в Сибири.

Эта малообразованная мигрантская среда чаще всего имеет представителей молодого поколения (18-29 лет), на долю которых приходится 74% иностранных граждан. Все они родились после гибели Советского Союза и, не знали единой Родины - СССР, в большинстве своем не владеют русским языком или владеют им в крайне примитивной форме, не знакомы с русской историей, особенностями традиционной для России культуры и нормами ее общежития. Самое главное - нет мотивации для адаптации в стране, помогающей мигрантам зарабатывать деньги.

Согласно статистике МВД, в РФ зарегистрировано 16, 5 млн иностранных граждан, поставленных на миграционный учет. Это огромное количество трудовых мигрантов в большинстве своем с психологией «кочевников» во многом определяет изменение среды обитания для коренных жителей регионов. Речь не идет об образованной части трудовых мигрантов, за плечами которой, как правило, - опыт проживания в единой стране.

К сожалению, в России все еще не преодолена практика демонизации прошлого, а это - совместное бытие в рамках большой семьи народов, имевших корневые основы в собственных республиках, входивших в состав единой страны. В современных реалиях государственность целого ряда постсоветских республик строится на отторжении от России, что не может не сказаться на поведении мигрантов, приезжающих из иных, как правило, заряженных русофобией стран постсоветского пространства. В большинстве своем они не стремятся к адаптации, не имеют квалификации, нередко бесправны и унижены собственным работодателем. Причем благодаря, крайне

Необходимо поднять престиж роль России на постсоветском пространстве, реабилитировать оболганное общее советское прошлое, чтобы

хотя бы смягчить негативные последствия пребывания в стране и пренебрегающих этой страной, где приходится зарабатывать деньги, и ее населением трудовых мигрантов.

Ставка на миграцию и дешевую рабочую силу в интересах бизнеса и чиновников - это калька Запада. Современная Россия движется по пути почти отыгранного Европой мультикультурализма. В то время как европейские политики, вплоть до первых должностных лиц, рассматривают наплыв мигрантов как негативный фактор для развития собственных государств, в России проблемы, связанные с миграцией, затушевываются. В целях национальной безопасности принимающей стороны необходимо сокращать огромные потоки трудовых мигрантов.

В недавнем прошлом перемещения внутри страны и в регионах проживания титульной нации были совершенно иными. Приезжали со стремлением к адаптации при сохранении культурных особенностей собственных наций. Это только приветствовалось. Великая русская культура синтезировала культуры других народов, проживающих общей семьей, но и сохраняла национальные культуры одновременно. От России важна миссия на постсоветском пространстве, а не чисто прагматический интерес, игнорирующий исторические и культурные связи гуманитарного порядка.

Ларин Андрей Александрович
РГСУ, Москва, РФ

Конфликтогенность в цифровой грамотности населения Северного Кавказа

Развитие интернета, цифровых технологий и информационных возможностей способствует как общению людей, так и конфронтации между ними. Этот процесс происходит также на Северном Кавказе, и одним из мест возможной конфронтации становится цифровая среда.

Под конфликтогенностью в современном обществе понимается социальное явление, основой которого являются как объективные обстоятельства, так и субъективные факторы, которое формирует социальную напряженность как результат социального взаимодействия. Конфликтогенность представляет собой совокупность нерешенных социальных или

иных противоречий и напряженностей. В то же время наличие такого явления как конфликтогенность не означает обязательное существование конфликта в данный момент времени [2, с. 118.].

Конфликтом же является предельно обострённое противоречие, столкновение целей, интересов, взглядов и т. д. К. Боулдинг считает, что «конфликт знаменует собой осознанные и созревшие противоречия и столкновения интересов». Носителями конфликтов выступают сами социальные факторы: о конфликте можно говорить только в том случае, если мы сами определяем ситуацию как конфликтную. Конфликт имеет динамику: если его не принимать меры по его смягчению или сведению на нет, будут формироваться условия для развития конфликта.

Конфликтогенность какого-либо общества как совокупность напряженностей и противоречий может иметь различную интенсивность:

· скрытое, без явных признаков недовольства ощущения, смутные ощущения в массовом сознании при формировании конфликтогенной среды;

· напряженность, когда удовлетворение их потребностей, интересов и прав находится под угрозой;

· наличие очагов напряженности в отдельных регионах, сопровождаемое активной поведенческой реакцией - в этот период ещё возможно снижение напряженности путём принятие эффективных решений;

· многочисленные очаги напряжения, сопровождаемые неуправляемыми негативными действиями[1];

Улучшение цифровых технологий, повышение доступа к интернету, развитие способов передачи информации и общения, могут приводить к изменениям в обществе. Формируется новый вид информационного взаимодействия. В ходе информационной деятельности объекты вступают в различные отношения, которые могут приводить как к единству и согласию, так и как к конфликтным ситуациям.

А. А. Плотников убежден: «Особую роль в процессе трансформации социального феномена социального конфликта играет одна из доминирующих, основополагающих тенденций - процесс информатизации. В этой связи конфликтогенез представляют изменения в общественных отношениях, связанных напрямую с возникновением принципиально новых сущностей, таких как: глобальное информационное пространство, средства массовых коммуникаций, информационные технологии, информационная культура, информационная экономика, а также виртуальные аналоги отдельных процессов и явлений жизни социума»[2, с. 8].

Основными факторами конфликтогенности Северного Кавказа является его полиэтничность и многоконфессиональность. Повышение циф-

ровой грамотности с одной стороны, означает повышение качества жизни, с другой означает, что увеличивается поле для создания и возникновения конфликтных ситуаций.

Необходимо также отметить, что в этом регионе специфическое отношение к конфликтам и тактика их разрешения: здесь соперничуют законодательство РФ, исламские нормы и обычаи, неисламские традиции.

Многие такие правила существенно претерпевают изменения из-за развития интернета и соцсетей. Это позволяет вести конфликт анонимно, и таким образом уходить от ответственности.

Также цифровая среда позволяет создавать и в то же время решать конфликта прямо в виртуальном пространстве. Например, в 2016 году в Махачкале отменили фестиваль красок, уже проходивший годом ранее в этом городе, после обращения в соцсетях чиновника по делам молодёжи, назвавшим данное событие позорным.

Гастроли группы Flos Forum были сорваны из-за того, что коллектив приняли за субкультуры готов, хотя они не имеют к ним никакого отношения. Угрозам даже подвергались участники студенческой постановки «Мастера и Маграриты», из-за того, что главные герои романа не были мусульманами. В большинстве случаев к таким протестам призывают популярные блогеры, спортсмены или группы в социальных сетях, затем к ним подключаются их сторонники.

Но представлять такой механизм абсолютным злом неверно. Например, в 2018 году в соцсетях удалось организовать массовую акцию протеста, требующую справедливого расследования убийства двух сыновей.

Таким образом, на Северном Кавказе сложилась собственная специфика конфликтогенности в цифровой грамотности. С одной стороны, конфликты возникают и решаются в рамках виртуального пространтсва, с другой, в них решающее значение продолжают иметь старшие уважаемые люди. Большинство ситуаций продолжают оставаться в рамках российской законности, но в цифровой среде её удерживают нити религии и традиций.

Источники и литература

1) Грязнова Е.В., Афанасьев С.В. - Социальный конфликт в информационном обществе: к вопросу о типологии.
2) Нигматзянова А. А. Конфликтогенность в современном российском обществе // Манускрипт. 2016. №1 (63).

3) Плотников, А.А. конфликт в условиях информатизации общества: эволюция, особенности, технологии управления: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. н.: 09.00.11. - Н.Н.: НГТУ, 2016.

Ластовкина Дарья Александровна
ФГБУН ВолНЦ РАН, Череповец, Россия

Социальные сети как ресурс решения социальных конфликтов

Развитие социальных отношений предполагает возникновение противоречий, часто ведущих к конфликту. Социальный конфликт выступает как необходимое условие эволюции общества. Под социальным конфликтом в литературе понимается процесс негативного взаимодействия двух или более социальных субъектов, проявляющийся в их противодействии, направленном на разрешение возникшего противоречия в интересах данных субъектов[3, с. 94]. Конфликтология стремится к изучению новых ресурсов, укрепляющих позиции участников конфликта. Наличие таких ресурсов, как правило, обеспечивает возможность оптимизации конфликтных отношений и конструктивного разрешения противоречий.

В данной статье в качестве подобного ресурса рассмотрим социальный капитал, а более конкретно социальные сети как важную его составляющую.

В определении понятия «социальный капитал» мы опираемся на работы П. Бурдье, трактующего его как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания - иными словами, с членством в группе»[1,с.64]. А также на труды Р. Патнэма, который рассматривает социальный капитал как «связи между индивидами - социальные сети и нормы взаимности, которые из этих сетей проистекают»[5,p.148.].

На основе вышеизложенных определений, нами предполагается наличие долговременных и стабильных взаимодействий, не имеющих выраженой организационной структуры и выполняющих по отношению к индивиду функцию наращивания личного и социального капитала. Они позволяют оптимизировать процессы жизнедеятельности, в частности существенно ускорить, облегчить решение конфликтных ситуаций посредством практик взаимопомощи.

Рассмотрение динамики конфликта по стадиям позволяет выделить следующие особенности социальных сетей как ресурса участников конфликта:

· Наличие соответствующих социальных связей дает возможность оптимизации конфликтных отношений на первоначальном этапе(зарождении конфликта). При возникновении конфликтной ситуации часто достаточно простого упоминания о наличии дружественных отношений с лицами, обладающими определенным статусом, чтобы направить развитие конфликта в конструктивное русло.

· Источники возникновения социальных связей. Это, прежде всего, связано, с природой современных коммуникаций. Активное развитие виртуального общения как основного вида коммуникации привело не только к формированию нового типа социальных связей, но и к необходимости пересматривать степень доверия к членам группы. Возникшая в ситуации конфликта необходимость обращения к контактам, составляющим социальный капитал конфликтера, может привести не к тем результатам, на которые он рассчитывал в связи с виртуальной, а значит анонимной и не несущей обязательств и ответственности природой социальных отношений.

· Устойчивость личных социальных сетей. Современная специфика социальных сетей во многом обусловлена развитием интернет коммуникации. Индивиды, вступая в различные группы по интересам в сети интернет, предполагают, что новые виртуальные друзья в сложной ситуации обязательно придут на помощь. Однако анонимное по факту общение в сети не гарантирует оказания поддержки в сложной, в том числе конфликтной ситуации. В этой связи, очень важно иметь устойчивые, проверенные временем и взаимопомощью отношения. Именно такие связи способны стать серьезным ресурсом для решения конфликта.

· Вариативность социальных сетей и связей. Если социальный капитал представлен устойчивыми связями и доверительными отношениями не только на уровне родственных, но и профессиональных контактов, групп по интересам и увлечениям, то он предоставляет большие возможности для успешного управления конфликтом.

· Долговременность связей и отношений есть показатель их качества и, как следствие их потенциала в разрешении конфликта. Длительность социальных связей предполагает их укрепление и накопление через взаимное оказание услуг.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что роль социальных связей, в качестве ресурса в решении конфликта, довольна значима. Несмотря на тот факт, что полезные знакомства в постсоветском

обществе утратили былую значимость, на сегодняшний день привлечение личных контактов и неформальных связей продолжает быть весьма распространенным и эффективным в российском обществе способом решения различных проблем и конфликтов. Социальные связи могут быть востребованы участниками в самых различных конфликтах — производственных, трудовых, бытовых, экономических, юридических, и др.

Важное аспектом сегодня является осознание необходимости обращения к качеству формирования и развитие социальных сетей в условиях перехода на сетевое общение как основной вид коммуникации. Это может обеспечить оптимизацию конфликтного взаимодействия и успешное разрешение конфликта.

Источники и литература

1) Бурдье П. Формы социального капитала // Экономическая социология: электронный журнал. 2002.Т.3. № 5 С.60-74URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60(Дата обращения 25.01.2020)
2) Келасьев О.В. Социальный конфликт как целостное образование //Вестник СПбГУ Серия 12.Социология 2015 №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-konflikt-kak-tselostnoe-obrazovanie (Дата обращения 25.01.2020)
3) Нагайцев В.В. Социальный капитал участников конфликта // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 4 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 94–101.
4) Рзаева С.В., Решетникова С.А. Социальная сеть как основа социального капитала: содержание и подходы к изучению // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2014. № 8-1. С. 113–122.
5) Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster. 2000. 544 p

Липатова Мария Евгеньевна

Социологический факультет МГУ, Москва, Россия

Этнокультурные стереотипы как потенциальный источник конфликтов

Среди важнейших характеристик современного общества следует выделить активное развитие телекоммуникационных средств связи, трансформацию жизненной среды человека (природной, социокультурной, технико-технологической, информационно-символической), медиатизация общества, сосуществование обыденной реальности и медиасреды. В процесс информационного обмена всё больше вовлекаются различающиеся по статусу, уровню образованию, стране проживания, степени активности участники. Интенсификация процессов создания и распространения информации, увеличение телекоммуникационных и цифровых средств передачи, делают её доступной большому количеству людей и, одновременно, создают проблему отбора нужной информации, обработки и проверки её качества, достоверности.

Глобализация, как ещё один фактор, определяющий развитие современного общества, оказывает воздействие на мировоззрение людей, формирует новое видение мира и своего места в нём. Большая прозрачность границ между странами, создание единых экономических и культурных пространств, усиление миграционных процессов, появление общих глобальных проблем формируют особую социальную среду. Наряду с ростом значимости экономических процессов, не меньшее значение приобретают культурная и политическая составляющие глобализации. Следует отметить, что в современных обществах зачастую поддерживается идея плюрализма ценностей и культурного многообразия, что сказывается на роли традиционных ценностей и местной культуры в формировании личности человека, его самоидентификации.

Открытость мира, сокращение пространства и времени способствуют не только мобильности людей, но и увеличению количества разнообразной информации, которую приходится воспринимать и обрабатывать. Такое многообразие требует определённой систематизации и упорядочения, чему способствует наличие определённых сложившихся шаблонов у представителей той или иной страны или культуры. Как отмечал У.Липпман, для получения упорядоченной и непротиворечивой картины мира, мы используем такой инструмент, как стереотипы, которые, передаваясь последовательно и авторитетно из поколения в поколение, являются неотъемлемой и естественной частью человека. Они позволяют экономить усилия при взаимодействии с внешней средой и выступают в качестве основы личной традиции, защиты положения в обществе [1, с. 107-108]. Стереотипный мир, это «такой мир, какой мы ожидаем увидеть» [1, с. 115]. В условиях интенсификации коммуникации, коммуникативных сфер и ситуаций происходит усиление когнитивной и адаптационной роли стереотипов [2].

Одним из самых эффективных и популярных каналов распространения информации является сеть Интернет, среди основных пользователей которой - молодёжь. Молодые люди, в силу своих характеристик, таких как высокая мобильность, адаптивность, активность, стремление подвергать сомнению и переоценке существующие в обществе правила и ценности активно использует современные технологии для получения новой информации, впечатлений и для выражения своего мнения или выражения протеста против существующего положения дел в социуме.

Согласно последним данным (на начало 2020 г.) в мире 4,54 миллиарда пользователей Интернета (это 59% от общей численности населения - 7,75 миллиардов) [3]. Доля пользователей Интернета в России под данным MediaScope WEB-Index на период июнь-ноябрь 2019 г. составила 78,2% от общей численности населения. Из них молодые люди в возрасте 12-24 года составляют 18,1%, 25-34 года - 23,5% [4]. Здесь происходит получение и обмен различного рода информацией, общение, формируются культурные образцы поведения, новые типы мышления, сознания, получают распространение ценности эпохи глобализации, информационного общества и общества, основанного на знаниях. Так доля потребителей электронных медиа среди 18-24-летних и среди 25-34-летних составляет 70% и 74% соответственно [5]. Следует отметить значительное смещение в сторону видео-контента. Согласно опросу, практически ежедневно молодые люди посещают такой видео-хостинг как YouTube (18-24-летние - 48%, 25-34 летние - 43%), где смотрят видео (53% опрошенных), ставят лайки (13%), подписываются на каналы разных авторов (12%), делятся видео с другими пользователями (7%), оставляют комментарии под видео (6%), загружают своё видео (2%) [6]. Среди видео особой популярностью пользуются роли, посвящённые музыке, культуре, искусству и фильмы (30% всех опрошенных), юмор (23%), семье (16%), спорту (14%), общественно-политической жизни (14%).

Опрос российских и британских студентов в 2017 г. (N=454) показал, что этнокультурные стереотипы присутствуют в их восприятии представителей других культур и отчасти содержат в себе правдивую информацию (77% российских и 65% британских молодых согласны с этим утверждением). Несмотря на это, отношение молодёжи к их оценке исходя из стереотипных представлений отрицательно и воспринимается как обидное (44% и 42% соответственно). Не считают такую оценку обидной - 33% и 34 %. В качестве основных источников формирования культурных стереотипов российские и британские студенты выделили СМИ, книги и фильмы, Интернет, национальную литературу и фольклор, ближайшее окружение, личный опыт взаимодействия с представителем другой

культуры, национальный язык. Согласно полученным данным, в качестве устойчивого источника формирования стереотипов, который по значимости превзошёл семью и ближайшее окружение, респонденты отметили социальные сети, обладающие особой значимостью для молодёжи обеих стран. Фильмы, согласно опросу российских студентов, являются источником представлений о других в большей степени, чем можно почерпнуть в социальных массмедиа или от ближайшего окружения. Для молодых британцев наоборот, роль видео (фильмов) сопоставима с ролью семьи и ближайшего окружения и менее значимо, чем воздействие социальных сетей [2].

Получение первичной информации о другой культуре из источников, которые могут содержать намеренное или ненамеренное искажение реальности, ведёт не просто к жёстко фиксированным представлениям о других, но и к существенному затруднению коммуникативного взаимодействия, получению обратной связи. Возможны неточности в понимании намерений, мотивации и интерпретации поведения субъектов взаимодействия, что чревато недопониманием и может стать источником конфликта. Анализ существующих стереотипов и источников их формирования и разрушения является особенно актуальным и значимым в условиях цифровизации и технологизации социокультурной среды.

Источники и литература

1) Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

2) Chudnovskaya I.N., Lipatova M.E. Impact of Media on Shaping Ethno-Cultural Stereotypes in British and Russian Young People // Media Watch. 2018. Vol. 9. № 3. P. 426-436.

3) WebCanape – digital-агентство. Электронный ресурс: https://www.web-canape.ru/. MediaScope WEB-Index. Электронный ресурс: https://webindex.mediascope.net/

4) MediaScope WEB-Index. Электронный ресурс: https://webindex.mediascope.net/.

5) Аналитический обзор № 3551 от 10 января 2018 г. «Эпоха цифровых медиа: бумага против экрана». Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8876

6) Аналитический обзор № 4109 от 25 ноября 2019 г. «YouTube – «телевидение» XXI века». Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10022.

Липатова Татьяна Николаевна
Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Кризис религиозной идентичности мигрантов-мусульман в эпоху глобализации (зарубежный опыт исследования)

Ученые отмечают, что в настоящее время в западноевропейских обществах среди молодых иммигрантов-мусульман, родившихся на западе, формируется новые формы религиозности, одной из которых является, так называемая «коллективная» форма [1; 7]. Значимость коллективной идентичности основана на образе мировой мусульманской уммы, которая выступает инструментом формирования стабильной идентичности с возможностью «делиться опытом быть другим» [12, с.36]. Часто такая форма характеризуется акцентом на стремлении «очистить» ислам от унаследованных этнокультурных элементов своих родителей. Ученые отмечают, что важной особенностью данной формы религиозности выступает усиление акцента на поиске «истинного нормативного ислама» [7; 8].

Также отмечается, что некоторые представители второго и третьего поколений мусульман-иммигрантов особенно преданны практике более чистой, «аккультурационной» форме ислама [4]. Аналогичная тенденция замечена среди «многих молодых американских мусульман», которые «путешествуют по основам ислама» [10, с.475]. В свою очередь, Рой наблюдает появление свободной от культуры глобальной религиозной идентичности мусульман [11]. Шмидт в исследовании 15-30-летних мусульман западного происхождения с высоким уровнем образования, проживающих в Дании, Швеции и США, демонстрирует, что сам миграционный процесс способствует «очищению» ислама и его аккультурации [12]. Леман связывает такую форму религиозности с особой, иммиграционной формой религиозности [9]. По мнению Сезари, «статус членов пост-миграционного религиозного меньшинства во многом определяет их религиозную идентичность. Так, «ислам первого поколения», обремененный чувством потерянной национальной идентичности и слабая организационная структура все чаще уступает место новым формам религиозности» [1, с.259] .

Новые формы религиозности мусульман, родившихся на западе, развиваются в разных направлениях и не всегда подразумевают снижение активности религиозных практик [13]. По мнению Сезари и Маклагхлина, «утверждение своей «мусульманственности», естественно и чрезвычайно разнообразно с точки зрения религиозного проявления - от стро-

гой ортопаксии до более этически ориентированных форм религиозного участия» [3, с.5].

Одной из основных особенностей новой формы религиозности в контексте молодого поколения иммигрантов, рожденных на западе, является феномен, описываемый как индивидуализация, приватизация или протестантизм мусульманства и его практик [3; 6; 11]. Такое понимание природы и функций религии предполагает, что религиозная идентичность и ее проявления должны ограничиваться только частной сферой. В соответствии с такой формой религиозности, социальные функции религиозных обрядов, заложенные в период премодерна, а также их современные модифицированные проявления в значительной степени отвергаются. Кроме того, индивидуализация проявляется в виде таких тенденций, как снижение верности традиционным религиозным авторитетам, а также эклектизм религиозных практик, основанный на принципе индивидуального выбора религиозных убеждений и практик, релятивизм религии и религиозной истины [6].

Исследование Пола Эйда показало, как избирательно и контекстуально используется религия молодыми мигрантами, а религиозные символы в значительной степени отделены от организационных структур, ранее наполнявших их священными значениями [5]. Молодые люди с легкостью пересекают границы религиозных групп, часто не осознавая этого. В этой связи особенно информативен случай одной из участниц интервью в исследовании Эйда, когда на мусульманке алжирского происхождения, рожденной в Канаде и не считающей себя религиозной, было надето ожерелье с крестом. На замечание о том, что, будучи мусульманкой, она носит крест, девушка ответила, что «это красиво» [5, с.108]. Она призналась, что не религиозна, и что крестик ей подарили друзья на день рождения, поэтому она вынуждена его носить, потому что если «она его не наденет, они ее убьют». Этот случай наглядно показывает, что в современных западных обществах религиозные символы в значительной степени отделены от организационных структур, которые ранее наполняли их священными значениями. Эта девушка, как и многие ее ровесники, участвует в переработке религиозных символов, оторванных от их изначального трансцендентального значения. Еще более интересным является то, что эта девушка чувствовала себя комфортно, случайно пересекая границы религиозных групп, и фактически этого не осознавая. В большинстве арабских стран, где религия, как правило, занимает центральное место в структурах индивидуальной и групповой идентичности, такое случайное пересечение границ было бы невозможным нарушением.

Как продемонстрировала Якобсен в исследовании религиозности и практик молодых норвежских мусульман, процесс индивидуализации следует рассматривать не только с точки зрения освобождения независимых индивидов от религиозных традиций и «протестантизм ислама», но прежде всего в качестве особого продукта пост-модерна [8]. Появление новых феноменов связано как со значительным влиянием миграции, глобализации, модернизации, так и с перспективами трансформации религиозной идентичности и практик по отношению к «воспроизводству нормативности и авторитета ислама», передаче знаний об исламе. Другими словами, новые формы религиозности западных мусульман связаны с новым пониманием ислама и тем, кто имеет авторитет выступать от его имени.

Источники и литература

1) Cesari, J. (2003). Muslim minorities in Europe: the silent revolution. In: Esposito, J. and Burgat, F. (eds.) Modernizing Islam: Religion in the Public Sphere in the Middle East and in Europe. Rutgers University Press, 2003, 251-269.
2) Cesari, J. (2004). Modernisation of Islam or Islamisation of Modernity? In Muslims in Europe-from the Margins to the Centre, ed. Jamal Malik, 61–75. Muenster: LIT Verlag.
3) Cesari, J. and McLoughlin S. (2005). European Muslims and the Secular State. Aldershot: Ashgate.
4) Ebaugh, H. and Chafetz, J. (2000). Religion and the New Immigrants. Continuities and Adaptations in Immigrant Congregations. Walnut Creek, CA: AltaMira.
5) Eid P. (2007). Being Arab: ethnic and religious identity building among second generation youth in Montreal. – McGill-Queen's University Press.
6) Fadil, N. (2005). Individualising Faith, Individualizing Identity: Islam and Young Muslim Women in Belgium. In European Muslims and the Secular State, ed. Jocelyne Cesari and Sean McLoughlin, 143–155. Aldershot: Ashgate.
7) Gilliat, S. (1994). Perspectives on the Religious Identity of Muslims in Britain. PhD thesis, University of Wales, Lampeter.
8) Jacobsen, C. (2005). Religiosity of young Muslims in Norway: the quest for authenticity. In: Cesari, J. and Mc Loughlin, S. (eds.) European Muslims and the Secular State. Aldershot, Ashgate.

9) Leman, J. (1999). Religions, Modulators in Pluri-Ethnic Cities: An Anthropological Analysis of the Relative Shift from Ethnic to Supra-Ethnic and Meta-Ethnic Faith Communities in Brussels. Journal of Contemporary Religion 14 (2): 217–231.

10) Leonard, K. (2005). Introduction: Young American Muslim Identities. The Muslim World 95 (40): 473–479.

11) Roy, O. (2004). Globalized Islam. New York: Columbia University Press.

12) Schmidt, G. (2004) Islamic identity formation among young Muslims: the case of Denmark, Sweden and the United States. Journal of Muslim Minority Affairs, 24(1), 31-45.

13) Voas, D. and Fleischmann, F. (2012). Islam Moves West: Religious Change in the First and Second Generations. Annual Review of Sociology, 38, 525-545.

Лушников Дмитрий Александрович

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Интерпретация и соотношение понятий «дегуманизация» и «демонизация» в современном научном дискурсе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00237 «Деконструирование образа врага в современных социально-политических, этнических и этноконфессиональных конфликтах». В современном западном социально-гуманитарном знании при рассмотрении теории и практики формирования образа врага используются понятия «дегуманизация» и «демонизация». Предполагается, что вопросы их соотношения, разграничения как отдельных понятий или некоторого соподчинения в логике общего и частного должны вызывать на свет определенную научную дискуссию, в ходе которой будут четко установлены их смысловые границы, содержание и объем каждого из указанных понятий.

Одна из наиболее распространенных в массовой культуре и экспертном знании интерпретаций демонизации заключается в использовании ее как общего понятия в универсальной редакции - как некоего синонима формирования образа врага как такового. Другая, определённым образом противоположная точка зрения видит демонизацию как частность относительно дегуманизации. Которая в свою очередь представ-

ляется общим и универсальным понятием относительно процесса формирования образа врага. Демонизация выступает в качестве частного механизма дегуманизации, предполагающего не «недочеловечность», а «нечеловечность» противника в формируемом образе врага, наделение его инфернальными, хтоническими чертами.

Н. Хаслам выделяет две формы дегуманизации, основанные на отрицании двух «чувств человечности»: человеческой видовой уникальности и человеческой природы. В первом случае данное отрицание низводит человека до животного, отсюда он выводит «анималистическую дегуманизацию». Во втором - до деперсонифицированного объекта, автомата, чему соответствует «механическая дегуманизация». С дихотомией, предложенной Н. Хасламом, солидаризируются и другие ученые-психологи, интерпретируя и верифицируя ее в своих эмпирических исследованиях.

Очевидно, что при «анималистической дегуманизации» в качестве основного механизма процесса выступает зооморфизация, а при «механической дегуманизации» - реификация (которую в данном случае можно интерпретировать, как овеществление посредством деперсонификации). Дегуманизация в своих интерпретациях часто сводится к механической, обозначаясь как поведение или процесс,

Поскольку интерпретации демонизации сходятся на том, что она отличается от дегуманизации по механизму, содержанию процесса, утверждается необходимость употребления термина «демоническая дегуманизация», наряду с дегуманизацией анималистической и механической, что снимет двойственность интерпретации понятия «демонизация» в научной лексике. Установленные различия в интерпретации позволяют утверждать частность демонизации по отношению к дегуманизации, виды которой различаются по направленности изменения образа оппонента в эволюционную цепочку: животное - демон - робот.

Макарова Елена Александровна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Основные мотивирующие факторы современного коллекционирования

На различных этапах истории коллекционирования основными социокультурными мотивациями выступают различные детерминанты, такие как экономические факторы, потребности социального престижа, магические потребности в сакральной защите, стремление к познанию, эмоци-

ональные впечатления [12]. Однако под воздействием факторов глобализационного характера и в условиях массовизации культуры потребления сформировался новый тип культурологического мышления. Лидирующим фактором в плоскости мотивационных психологических императивов коллекционирования и его экономической составляющей становится одна из форм демонстрационного поведения, в основе которой лежит потребность в закреплении определенного статусного престижа. Представитель класса «человека потребляющего»/«homo consúmens» вступает на путь своеобразной интерпретации специфического отношения к действительности, стремясь быть причастным к конкретному/элитному общественному кругу или же продемонстрировать свою индивидуальность. Проблема сохранения наследия прошлого как изначальная функция коллекционирования уходит на второй план, а доминировать начинают качественно другие аспекты и мотивы. Базовой специфической чертой этой формы коллекционирования выступает не сколько стремление собирать конкретные коллекции и даже не инвестирование «в прошлое», а именно те черты психологической природы коллекционирования, которые совершенно четко обозначил академик И.П. Павлов в своей работе «Рефлекс цели»: «беря коллекционерство во всем объеме, нельзя быть не пораженным тем фактом, что со страстью коллекционируются часто совершенно пустые, ничтожные вещи, которые не представляют решительно никакой ценности ни с какой точки зрения, кроме единственной, коллекционерской, как пункт влечения. А рядом с ничтожностью цели, всякий знает ту энергию, то безграничное подчас самопожертвование, с которым коллекционер стремится к своей цели. Сопоставляя все это, необходимо придти к заключению, что это есть темное, нервное, неодолимое влечение, инстинкт или рефлекс. Всякий коллекционер, захваченный его влечением и вместе с тем не потерявший способности наблюдать за собой, сознает отчетливо, что его также непосредственно влечет к следующему номеру его коллекции, как после известного промежутка в еде, влечет к новому приему пищи...» [7].

Этот «рефлекс цели» ставит человека в зависимое положение от стандартов того сегмента потребительской культуры которая позиционируется современными СМИ как элитные тренды. В этой трактовке цель коллекционирования коррелируется модными тенденциями. Качество произведения (в его традиционном понимании) уступает место креативности, зачастую выходящей за рамки общественной морали и культурного восприятия. Здесь мы говорим не о тех тенденциях в искусстве, которые «опережают время» и получают признание не у современников, а у их потомков, а о трансформирующейся практике коллекционирования, когда

доминантными формами собирательства становятся тренды арт-потребления. «Самое замечательное качество таких произведений современных художников - это цены, которые готовы за них платить покупатели» [10].

Современное коллекционирование как социальная практика с наибольшей очевидностью показывает те изменения социальной структуры и классового мировоззрения, которые происходят в XXI веке. Если в эпоху Т. Веблена представители «праздного класса», вступая в мир элиты, стремились принять их маркеры и принципы поведения, базирующие на классическом понимании элитного образа жизни и использовали потребление, в том числе предметов коллекционирования, для доказательства обладания богатством [1], то начиная со второй половины XX века мотивационные потребности нового «праздного класса», названного Д. Бруксом «богемной буржуазией» (bourgeois bohemian - «бобо») становятся совершенно иными. На смену таким свидетельствам принадлежности к элите как демонстрационная праздность, этикет, образование и иная демонстрационная платежеспособность приходит философия «бобо» - философия снобизма и финансовой свободы, демократизма и образованности, в которой на первом месте определяется не сколько умением зарабатывать деньги (хотя это важнейший критерий философии «бобо»), сколько свободой самовыражения во всех его проявлениях. Личностная полезность, которую не могут сдерживать никакие барьеры является выражением творческой личности представителя «бобо». Главный критерий самовыражения - новые впечатления, смелость и амбиции. Маркерами «бобо» стал компромисс между богемой и буржуазией, в котором толерантность обозначила *открытость* новой элитной страты и обусловила тренды коллекционирования. Креативность и смелость, естественность и спонтанность идей, экспериментаторство в их воплощении определили вектор современного статусного коллекционирования как демонстрации принадлежности к прогрессивной элите.

Эти тенденции кардинально изменили и рынок коллекционирования, развернув его в сторону культуры массового потребления. Открытость страты «бобо», социальный лифт в которую определяется наличием знаний и умением круглосуточно их реализовывать (продавать), позволяет войти в данный социальный круг представителю любой социальной группы, обусловила формирование гибридной культуры «бобо» и определила трансформацию рынка коллекционирования. Производители товаров роскоши одними из первых заметили эти тенденции и приняли их на вооружение, развернув массированную кампанию по формированию и распространению брендов «новой роскоши». Они начали создавать продукты класса «псевдолюкс», которые рассматриваются пользователями

(представителями среднего класса) как способ удовлетворить свои желания и получить незабываемые впечатления, испытать приятные ощущения, раскрыть себя с новой стороны [3]. В рамках рынка коллекционирования сформировались устойчивые профессиональные группы функционеров (художников, дизайнеров, музыкантов, адвокатов, экспертов и других специалистов) и глобальных медиа-проектов, формирующих трендовые стереотипы коллекционирования. Именно они определяют те тенденции современного коллекционирования, предметом которого является исключительная демонстрация своего интеллектуального потенциала и стремления к комфорту и личностному самовыражению.

Вместе с тем, коллекционирование такого рода во многом представляет собой механическую последовательность выстраивания социальной идентичности, которая лежит за гранью социальной разумности. Демонстрационное коллекционирование не имеет индивидуальности, оно социально, то есть привязано к появлению новых трендов и смены модных тенденций. Коллекционер, находясь в постоянном стремлении к обновлению объекта собирательства, которое позиционируется как символ личностного развития, по сути, утрачивает свое собственное «Я», подменяя его символическим престижем, в которой обличены все новые и новые объекты его коллекции.

В свою очередь, данная тенденция определяет и такой феномен демонстрационного коллекционирования как моральное старение. Социальные изменения обуславливают не только смену объектов (трендов) коллекционирования, но и динамичность изменения их ценовой стоимости. Объекты устаревают по мере изменения моды и утрачивают свою значимость, а, следовательно, в отличие от традиционных коллекций, и стоимость. Этот диссонанс материальной и духовной стороны демонстрационного коллекционирования, в котором ценность (и материальная и духовная) подменена ее символическим восприятием, приводит к моральному опустошению коллекционера. Теряется не только смысл коллекционирования, но и сам коллекционер становится потребителем, не способным генерировать собственные смыслы.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в современном обществе происходят структурные трансформации форм коллекционирования, которые обусловлены развитием культурных трендов общества потребления. Эти изменения являются объективным и естественным процессом, характерным для периода смены парадигмы цивилизационного развития, а именно, от перехода от традиционного индустриального общества к обществу постиндустриальному. В рамках этого перехода формируются качественно новые культурные установки и цен-

ностные ориентиры, изучение которых представляет собой несомненный научный интерес.

Источники и литература

1) Веблен. Теория праздного класса. Глава 4. Демонстративное потребление. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5890/5895
2) Ефимочкина Н.Б., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Роскошь в культурных контекстах: вариативность развития: монография. Н.Б. Ефимочкина, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – С. 186.
3) Павлов И. П. Рефлекс цели. Сообщение на III съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 года. URL: http ://dugward.ru/library/pavlov_i_p/pavlov_reflex_celi.html
4) Томпсон Д. Оранжевая собака из воздушных шаров. СПб., 2018. 350 с.
5) Феномен коллекционирования. Мотивы коллекционирования.URL: http://www.culturemass.ru/lemas-337-2.html
6) Wiltlin A. S. Exhibits Interpretive, Underinterpretive, Misinterpretive: Absolutes and Relative Absolutes in Exhibit Techniques // Museums and Education. Washington, 1968.

Мамедов Агамали Куламович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Диссенсус в социокультурном знании

Выбор оптики социокультурного исследования в точных науках является тривиальностью. В социальных науках качественные характеристики (статус, мнения, потребности) не имеют общепринятых единиц измерения и конструируются в соответствии со спецификой объекта и гипотезой. Полнота измерений зависят от умения найти и обосновать измерительную процедуру, добиться ее принятия. Конструирование включает конвенциональные моменты, требующие качественной классификации объектов, выделенных в качественном анализе свойств, выявления эмпирических индикаторов свойств объекта, поддающихся ранжированию. Один из актуальных методов - контент-анализ - тоже нуждается в переводе качественной информации «на язык счета»

[1, с.29]. Конвенциональность как процедура становится в связи с мировоззренческими принципами, заложенными в основу научной оптики. Отметим, что неопределенность и неоднозначность вводимых конвенций вызвана отсутствием разработанного понятийного аппарата перехода от теоретических конструктов к эмпирическому материалу. Специфика социокультурного знания, трудно поддающегося квантификации, точной верификации, а также экспериментальной проверке, проявляется при компьютерном моделировании. Признание коммуникативности означает, что процесс открытия, обоснования и принятия нового знания не является лишь как субъект-объектным взаимодействием: доминирующим фактором здесь являются научные контакты, субъект-субъектное взаимодействие. Практически любое научное высказывание всегда в чем-то недоопределенно и неоднозначно: ибо велика вероятность регресса, т.е. теоретической редукции к простым основаниям, а также постоянная потребность новых эмпирических подтверждений или опровержений научной теории. В первую очередь, это проявляется в социокультурном знании, где законы носят статистический характер, а само знание имеет многоуровневую культурную структуру, насыщено обобщениями и ценностными суждениями [3, с. 109]. Научные конвенции (соглашения ученых), включают в себя устоявшиеся формы консенсуса, в том числе и в социально-гуманитарных науках, представляют собой некие договоренности:

- систему измерения и стандартов описания культурных явлений и процессов;
- значение научных терминов;
- формы представления результатов исследований;
- закрепление научных приоритетов

Конвенциональными по природе являются языки, а также иные знаковые системы - модели, схемы, правила [4, с. 29-31]. Достижение соглашения между учеными базируется не только на сугубо познавательных критериях; в ситуации выбора теории, опытная верификация или логическая выводимость не являются базовыми основаниями выбора: адекватной признается та теоретическая конструкция, которая оказалась наиболее эвристичной, продуктивной в научном смысле, дающей весомые научные результаты. Выбор теории, по существу, становится «практическим действием», следовательно, социально детерминированным действием. Социальный характер конвенций в социо-гуманитарных науках пытаются обосновать различными способами:

- в соотнесении с идеалами, социальными нормами и оценками;
- через легитимацию языка молчаливым социальным соглашением;

· через смысловую ориентацию на научные сообщества

Социальный характер таких конвенций проявляется также в ответственности ученого за их введение, внедрение, архивацию или отказ от них. Особенности конвенций в социально-гуманитарном знании обусловлены его спецификой и, прежде всего, ориентацией на качественную сторону явлений, на особенности отражения в социальной среде, вовлеченность субьекта в само поле социокультурного исследования [3, с. 101]. Здесь с необходимостью возникают многочисленные разногласия, связанные с переводом качественных свойств и характеристик на язык количественных методов, при помощи которых осуществляется измерение, например, в социологии или экономике.

Следующая особенность конвенций связана с мировоззренческой и ценностной направленностью, а также, тесной взаимосвязи с определенным социокультурным полем, что приводит к отсутствию признанных всем сообществом парадигм [2, с.490]. В этих условиях неизбежен диссенсус и консенсус по трактовке научно-понятийного аппарата. Нередко в гуманитарных науках использовать одновременно несколько конкурирующих друг с другом гипотез, постоянно проверяя их корректность и степень соответствия фактам. Поскольку в социокультурном знании возможна поливариантность истолкования данных, то, здесь типичным является положение, когда при высоком уровне конвенциональности относительно понятий, определений, гипотез нет устойчивого консенсуса даже в рамках одного направления. Определено, что научный консенсус имеет иерархический характер: в нем выделяются низший (фактуальный); средний (методологический, процедурный) и высший (ценностно-целевой) уровни. При этом если в естествознании ценностно-целевому консенсусу не придается особого значения, ибо по умолчанию предполагается, что он незыблем, то в социально-гуманитарных науках мировоззренческие и ценностные различия типичны и могут быть тесно связаны с методологическими установками.

Источники и литература

1) Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 2014.
2) Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Вариативность современного социогенеза: общество знания // «ДИАЛОГ КУЛЬТУР: социальные, политические и ценностные аспекты». Материалы Московского форума. Под ред. Н.М. Мамедова, А.Н. Чумакова, место издания Канон+ МОСКВА, 2015.

3) Кузицын Г.М. Проектирование социально-культурных процессов. П., 2017.

4) Мамедов А.К. Методологические основания социального познания // Социология, издательство Акад. проект (М.), № 4, 2015.

Махаматов Тимур Таирович

Финансовый университет, Департамент социологии, истории и философии, Москва, Россия

«Экзаменационный ад» как решение социального конфликта в китайской образовательной системе

В основе образовательной системы Восточной Азии заложены экзаменационные испытания. В наши дни эту систему подвергают яростной критике, особенно в сравнении с соответствующими западными образцами. Среди недостатков отмечают авторитарность, необходимость заучивать, «зубрить» материал, подавление творческого начала, внешнюю мотивацию и страх «провалиться» [1]. М. Ишисада идёт ещё дальше и называет такую систему государственных испытаний «экзаменационным адом» [2]. Российские исследователи также невысокого мнения о данной практике, например С. Просеков, отдавая должное достоинствам образовательной системы в целом, отмечает, что «образование нацелено исключительно на сдачу экзамена» и «у китайских детей отсутствует индивидуальный подход и инновационный потенциал» [3]. В общей сложности, критика экзаменационной системы продолжается более сотни лет.

Между тем, экзаменационная система в современном Китае прочна как никогда ранее, и большинство китайских чиновников, в чьей компетенции находится образовательная политика, знакомы с западными экзаменационными практиками, а многие из них и сами проходили обучение на Западе.

Китайская экзаменационная традиция имеет глубокие корни: уже со времён древних империй, образовательная система была призвана готовить кадры для чиновничества, а потому, выступала делом государственной важности. Самые первые учебные заведения, которые можно причислить к высшему образованию, были открыты в Китае во времена династии Западное Чжоу (1046-771 гг. до н.э.). Таким образом, Академия Цзися возникла раньше, чем Академия Платона в Древней Греции [4].

Система императорских государственных экзаменов, дававшая доступ к учёному званию и карьере чиновника, получила законченный вид

и просуществовала в практически неизменном виде в течение 13-ти веков: с 606 по 1905 г. н. э.

К концу правления династии Южная Сун (1127-1279 гг.) окончательно сложилась система государственного образования, включавшего, в том числе, высшие учебные заведения.

Современная китайская образовательная система представляет синтез традиционного наследия и передовых иностранных образцов, и включает, в том числе, рейтинговую систему, концепцию «наукоёмкого университета», характерную для немецкого образования, возможность выбора студентами дополнительных дисциплин. Основной упор делается на изучение специальности и иностранных языков. Система строгих конкурсных испытаний, реализуя принцип «образование для всех», по-прежнему обеспечивает социальное продвижение лучших и устойчивость китайского общества. Но теперь в фокусе не владение конфуцианскими текстами, а знание современных образовательных предметов.

Как отмечает В. Малявин, приверженность «идее конкурсных экзаменов как надёжного инструмента отбора в государственную элиту самых талантливых» - одно из проявлений веры китайцев в справедливость и осмысленность жизни#_ftn5.

Одно из возможных объяснений также предложено С. Пэном, который связывает экзаменационную систему со снятием конфликта интересов у тех, в чьей власти находится допуск к образованию. Поскольку в странах конфуцианского наследия нравственной основой существования личности с одной стороны, выступает почтительное отношение к семье, то с другой стороны, ценностью является равный доступ к образованию, также завещанный Конфуцием.

В результате, если к представителю приёмной комиссии обращается кто-то из родственников с просьбой посодействовать с поступлением в учебное заведение, то в случае согласия должностное лицо нарушает общественные этические стандарты, а в случае отказа - нравственные кланово-семейные установления. Единый беспристрастный экзамен помогает избежать данного конфликта и гарантировать, что результат зависит только от самого учащегося [1].

Важно отметить, что китайские студенты как из обеспеченных, так и из семей со скромным достатком одинаково прилежно относятся к получению образования. Многие из них добровольно проходят суровые экзаменационные испытания, не только в силу карьерных притязаний и социальных лифтов, но и для того, чтобы почтить своих родителей, служить укреплению семьи и рода, приносить пользу обществу, что исконно заложено в китайской культурной традиции.

В итоге, задача воспитания нравственно зрелой личности придаёт обучению сугубо практическую направленность, поскольку главным учебным материалом в конфуцианской традиции является сама жизнь во всех её проявлениях.

Источники и литература

1) Ли, Ц. Культурные основы обучения: Восток и Запад. – М., 2017., С.104
2) Ishisada M. The civil service examination: China's examination hell// Chinese education. 1974. Vol.7.
3) Просеков С. А. Особенности образования и воспитания в КНР // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №2 (26).
4) Попов Л. В. История формирования модели высшей школы Китая (первая половина XX В.) // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2016. №3.
5) Малявин В. Очерк образования и педагогики в старом Китае. Иваново: Издательство «Роща», 2018.

Межуева Вероника Алексеевна

БГУ им. И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Миграционные процессы как один из источников социокультурных конфликтов

Современный мир настолько разнообразен, что все его составляющие просто не могут существовать в мире и согласии. Неизбежно конфликты становятся спутником нашей жизни. Но хорошо, если они разрешаются ещё на межличностном уровне. Совершенно другое дело, когда они приобретают глобальный характер. Интенсивные миграционные процессы становятся одной из основных тенденций мирового развития[1]. В данной статье мы хотели бы рассмотреть миграции, как один из источников социокультурных конфликтов. Миграции могут быть как желаемые, так и вынужденные [3]. Именно вторые чаще всего и приводят к сложным ситуациям в социокультурном пространстве. В качестве социокультурных факторов, ведущих к конфликтам, принято рассматривать следующие - язык, этническая культура, стереотипное восприятие других этносов, религиозная идентичность [2, 4]. Они являются культурными и

этническими границами между мигрантами и принимающим стороной, которые становятся почвой для формирования очагов напряжённости. Рост межэтнической напряженности во многих странах мира обуславливает необходимость разработки стратегий контроля миграционных процессов и внедрения эффективных методик адаптации мигрантов [6]. Исследуя процессы адаптации мигрантов, можно выделить следующие аспекты: политико-правовой, экономический и социокультурный [7].Политико-правовая адаптация мигрантов подразумевает легализацию их статуса в принимающей стране, правовую осведомленность, признание действующих правовых норм и предписаний, формирование необходимых навыков поведения. Экономический аспект адаптации делает акцент на преодолении сложностей, которые связанны с трудоустройством, например, дискриминационные практики работодателей страны приема, и решении жилищного вопроса [8]. Социокультурный аспект предполагает долгую и упорную работу по адаптации мигрантов в принимающем обществе. Рассмотрим основные модели интеграции мигрантов в принимающее общество. В мировой практике выделяют следующие три модели интеграции иностранцев в общество [5]. Согласно этнической (немецкой) модели гражданская принадлежность выражается в знании языка, культуры, определенной религиозной принадлежности. Таким образом, считается, что возможности ассимиляции иммигрантов ограничены, и политика не направлена на ассимиляцию и предоставление гражданства [10]. Республиканская (французская) модель направлена, в первую очередь, на приобщение иммигрантов к культуре общества приема, аккультурация, постепенная ассимиляция, причем политика эта реализуется с опорой на общественные институты. Поликультурная (англосаксонская) модель предполагает право каждой этнической общности на приверженность и сохранение своей культуры и самобытности, причем право это может быть оформлено законодательно [10]. Так, принцип мультикультурализма нашел свое законодательное закрепление в конституции страны [9]. Но к нашему сожалению, ни одна из этих моделей не даёт стопроцентной гарантии предотвращения конфликты ситуаций между мигрантами и коренным населением. Самое страшное последствие социокультурных конфликтов — это пугающее будущее детей, на чьих глазах происходили эти ужасные события. Неизвестно, как это на них отразится и каким образом повлияет на их судьбу. Как мы видим, нет никаких определенных правил, которые могли бы с уверенностью предостеречь какое-либо государство от социокультурного конфликта. Но одно мы знаем точно: любые конфликты начинаются с отдельных личностей. Именно

поэтому, чтобы не допустить разрушений, которые они могут принести, каждый должен начать с себя.

Источники и литература

1) Бекяшев, Д. К. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции / Д.К. Бекяшев, Д.В. Иванов. - М.: Проспект, 2016. - 392 с.
2) Веселовский, С.Я. Глобализация рынков труда. Динамика. Проблемы. Перспективы / С.Я. Веселовский. - М.: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2018. - 90 с.
3) Воронов К.А. Освещение социальных аспектов в дискурсе СМИ (контент-анализ по проблеме миграции) / К.А. Воронов, Е.В. Терещенкова, С.А. Шилина // В сборнике: Проблемы формирования
4) Геллнер Э. Нации и национализм.- М., 1991.
5) Киричек П.Н. Массмедийный дискурс этнополитической коммуникации // Коммуникология. — 2016. — Т. 4. — № 1. — С. 29-41.
6) Киричек П.Н. Российская идентичность в модусе либеральной культурной политики / П.Н. Киричек // В сборнике: Культурная жизнь Юга России: Социальная память. Актуализация. Модернизация. — 2018. — С. 168-173.
7) Киричек П.Н. Российская идентичность и либеральный праксис / П.Н. Киричек // Вопросы культурологи. 2018. № 11. С. 49-54.
8) Терещенкова Е.В. Социологическое исследование «Мониторинг дискурса СМИ по проблемам миграции» / Е.В. Терещенкова, К.А. Воронов, С.А. Шилина // Инновационные технологии в науке нового времени. — Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. — 296 с. — С. 252- 254.
9) Этническое многообразие и толерантность сравнение проблем и решений в городах мира. Режим доступа: http://goudpotcpkstsrnmtc.acentr.gov.spb.ru/tolerantnost/ehtnicheskoe_mnogoobrazie.pdf (дата обращения: 14.04.2019).
10) Юдина, Т.Н. Социология миграции. М.: Академический Проект, 2015.

Мещанинова Евгения Юрьевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Конфликты в эпоху Интернета и социальных сетей

Конфликты являются феноменом, который сопровождает человечество на протяжении всей истории существования. Однако в эпоху развития Интернета и социальных сетей конфликт, сохранив свою социальную природу, трансформировался и приобрёл черты, которые отличают его от традиционных форм противостояний. В силу того, что «Интернет превратился в ключевой вопрос в нашем взаимосвязанном мире XXI в.» [3, с.11], стоит подробнее рассмотреть новый статус виртуальных конфликтов в нашем социуме.

«Виртуальная реальность - это созданная посредством технико-технологических средств (так называемых высоких компьютерных технологий) социотехническая среда, где копии объектов реального мира («имитации вещей») зачастую бывают неотделимыми от явлений, событий, объектов физической реальности. Это формирует принципиально новое социальное, социально-коммуникационное и социокультурное пространство» [2, с. 90]. Интернет и социальные сети представляют собой мощный инструмент, который предоставляет широкий спектр возможностей как для созидания, так и для разрушения. Вк-группы, facebook-сообщества, форумы, порталы и персональные странички в социальных сетях - это среда не только для дискуссий и споров, но и для создания конфликтов и откровенно провокационных действий. Ни одно общество никогда не было застраховано от конфликтов, а в настоящее время можно говорить скорее о большей уязвимости современных обществ.

Е.А. Лавренчук указывает, что «социальные сети интернет-пространства представляют собой операционально замкнутые соединения социальных, технологических и психических систем. Они обладают сложной структурой и обширными резервами для собственного аутопойетического воспроизводства. В отличие от остальных медиасистем, социальные сети организуются в результате запуска аутопойезиса, который позволяет определить их как принципиально незавершённые, не равные самим себе и не отвечающие какому-либо одному или нескольким фиксируемым их состояниям» [4, с. 6].

Массовое информационное пространство, публичное по своей природе, есть неоднозначное сочетание информации, данных, фактов, заблуждений, недопониманий, стереотипов, перевираний и преднамеренной лжи. И это пространство стремительно распадается на множество самоизолирующихся (на базе общих идей, взглядов, идеологий, представ-

лений) сообществ, главная черта которых - идейная и информационная оторванность друг от друга, а нередко и откровенно демонстрируемая враждебность по отношению друг к другу.

В виртуальном пространстве конфликты, хоть им и свойственна агрессивность, протекают не столь ожесточённо и не наносят физического вреда в отличие от реальных конфликтов в географическом пространстве. Но в этом-то и кроется некоторая опасность. Конфликты в интернет-пространстве могут легко перекинуться в реальный, повседневный мир.

Например, радикализация межнациональных и межэтнических противостояний в Интернете предшествует усилению влияния националистических группировок и объединений, нарастанию их активности в пространстве физическом. Это верно и в случае обратного влияния. Более того, «отдаваясь во власть этнических чувств, люди действуют в конфликтных ситуациях вопреки здравому смыслу, элементарному расчету и не только не улучшают, но зачастую ухудшают такими действиями свое положение» [1, с. 44]. Мы столкнулись с таким типом конфликта, который имманентно существует как в виртуальном, так и в географическом пространстве.

Социальные конфликты в Интернете не просто существуют, но и постоянно воспроизводятся. Проявление эгоцентризма, нарциссизма, желание быть лидером мнений, демонстративная невежливость, инфантилизм несут в себе риски столкновений и противоборства. «Ситуация усугубляется высоким уровнем анонимности пользователей социальных сетей, которые нередко скрывают свою истинную личность под различными «никами». Поэтому уровень бытовой агрессии при общении в социальных сетях значительно выше, чем в физической, повседневной реальности. Именно так создается благодатная почва для социальных конфликтов» [2, с. 92].

Подобная форма общения в интернет-пространстве имеет ряд негативных характеристик. Во-первых, это снижение или утрата способности критически мыслить и воспринимать полученную информацию. С быстрым ростом объёма информации (в условиях информационного перенасыщения) пользователи резко и массово теряют способность обрабатывать и анализировать эту самую информацию, а также воспринимать и обдумывать слова, которые им не нравятся, или неприятные им аргументы и факты. Чужая (не только противоположная) точка зрения (даже аргументированная) становится не просто непонятной, но и не требующей понимания так такового. Если ты не хочешь выслушивать противоположную сторону, то достаточно её «забанить», что пресекает

процесс выстраивания диалога, который сам по себе есть естественная человеческая возможность.

Во-вторых, анонимность коммуникаторов способствует размыванию ответственности. В массовом «общем» поле Интернета не существует официального ответственного лица. Интернет-пространство предоставляет беспрецедентные возможности не просто высказывать свои мысли, но и делать это без оглядки на социальные нормы, правила поведения в публичном пространстве и принципы совместного общежития. Оно позволяет не брать в расчёт правила вежливости, уклоняться от физического взаимодействия (и нередко даже закона), одним кликом «отсекать» оппонента и пр. Можно беспрепятственно сыпать оскорблениями в виртуальном пространстве, потому что в пространстве физическом мне ничего от этого не будет, никаких последствий не произойдёт. Только в реальном мире за хамство, оскорбление, необоснованные обвинения, разжигание ненависти (и далее по списку) можно получить оплеуху, а потому приходится следить за своими словами, чего нельзя сказать об общении в Интернете.

В-третьих, субъективная безнаказанность сочетается с запредельной уверенностью в собственной правоте и усреднённым знанием, граничащим с невежеством, относительно обсуждаемых вопросов. Вместе с нежеланием выслушивать чужое мнение подобная самоуверенность делает невозможным решение какого-либо конфликта в интернет-пространстве.

Вышеуказанные характеристики становятся причиной усиления идеологического фундаментализма в Интернете. В связи с этим принципиально важным становится вопрос: как, какими способами можно разрешить конфликты (например, межэтнические) в Интернете до того, как они объективизируются в реальном мире?

Источники и литература

1) Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 43-50.

2) Жуйков А.А., Каспаров А.Р., Нурахмедова А.А. Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. №2 (239). С. 90-94.

3) Кин Э. Ничего личного: Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные / Эндрю Кин; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 224 с.

4) Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.

***Милонова Ксения Ильинична*[1]*, Анашкин Андрей Аркадьевич*[2]**

1 - ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия; 2 - ЯрГу им П.Г.Демидова, Ярославль, Россия

Методика профилактики киббербуллинга в молодежной среде

Сегодня, в связи со стремительным развитием IT-технологий интернет стал обладать широким спектром социокультурных функций. Межличностное взаимодействие все чаще перетекает в кибер среду, в социальные сети, тем самым, приводя к появлению и развитию новых форм коммуникационных практик.

Одной из основных угроз для молодежи в киберпространстве становится кибербуллинг. Он является неконструктивной формой решения конфликтных ситуаций возникающих между людьми и представляет собой совокупность агрессивных действий в интернет-среде. Масштабы и новизна рассматриваемой проблемы обуславливают ее актуальность.

Виртуальному общению свойственен ряд отличий от реального. В первую очередь оно характеризуется неопределенность субъекта взаимодействия, соответственно нельзя определить соответствует ли заявленный образ реальной социальной действительности [1, с. 92-93]. Отсутствие визуального контакта приводит к регрессу навыка учета психологического состояния собеседника, в результате интерпретация смысловой структуры общения исходит исключительно из личностных особенностей индивидуального восприятия. Анонимность, предлагаемая интернетом, позволяет людям проявлять черты личности, которые они не демонстрируют в реальной жизни. Эмоциональный отрыв экрана делает взаимодействие менее реальным, что позволяет снизить цензуру. Таким образом, специфика и разнообразие коммуникационных взаимодействий приводит к тому, что в несколько раз повышаются риски возникновения межличностных конфликтов.

Основная опасность кибербуллинга как современной стратегии конфликтного поведения молодежи состоит в том, что, благодаря анонимности агрессор в большинстве случаев чувствует себя безнаказанным, менее

уязвимым и, как следствие, не испытывает чувства вины и общественного давления, оказывая негативное воздействие на другого участника коммуникационного взаимодействия. Жертва, в свою очередь, остается наедине со своим обидчиком, испытывает страх и тревогу.

Кибербуллинг затрагивает глубинные слои человеческой психики. Часто молодые люди не могут самостоятельно справиться с давлением, не могут обратиться за помощью из-за страха дополнительной волны агрессии и чувства унижения. В результате сложившаяся ситуация может привести к формированию глубоких внутриличностных конфликтов. Среди основных последствий кибербуллинга называют суицидальное поведение, развитие депрессивных и тревожных состояний, аутоагрессия, использование психоактивных веществ, психосоматическую симптоматику [2, с.53-54].

Из опрошенных нами 350 человек 62 признались, что являлись источником негатива и давления в отношении других участников социального взаимодействия, 77,1% становились жертвами кибератак. Важно заметить, что почти все (58 человек) из тех, кто выступал в качестве агрессора также отождествляли себя с группой жертв. Мы выделили и сформировали две экспериментальные группы по 62 человека в зависимости от ролевой позиции в данном процессе: агрессоров - тех, кто оказывает давление и жертв - тех, на кого направлено негативное влияние. Обе группы участвовали в тестировании, направленном на выявление доминирующих психосоциальных качеств и ключевых личностных характеристик. Опрашиваемым предлагалось пройти цветовой тест Люшера.

Цветовая диагностика Люшера позволяет измерить психофизиологическое состояние человека, его стрессоустойчивость, активность и коммуникативные способности [3, с.90-92]. Тест Люшера основан на том опытном факте, что выбор цвета отражает нередко направленность испытуемого на определенную деятельность, настроение, функциональное состояние и наиболее устойчивые черты личности, он минимизирует возможность обмана и фальсификации результатов исследования со стороны опрашиваемых.

Анализ результатов позволил выявить сходные личностные характеристики и психосоциальные качества, кардинально отличающиеся у исследуемых групп.

Среди ответов у группы респондентов, которые проявляли давление и травлю в киберпространстве наиболее часто встречаемыми, стали такие личностные качества как «эгоизм», «агрессивность», «низкая культура общения с людьми», «высокомерие», в сочетании со страхом и неуверенностью в себе.

По результатам теста у респондентов, подвергшихся кибератакам, сформированы следующие характеристики: «пассивность», «ранимость», «замкнутость», «тревожность» и «нерешительность».

Исходя из приведенных данных, можно выделить личностные и психоэмоциональные характеристики, свойственные как группе наиболее уязвимой к кибербуллингу и группе людей, которые чаще всего являются агрессорами в киберпространстве.

Нами было выдвинуто предположение, что основываясь на результатах теста Люшера, можно выявлять потенциальных агрессоров и жертв с целью предотвращения кибербуллинга посредством проведения точечной индивидуальной работы с ними. Анализ результатов респондентов, вошедших в контрольную группу (62 человека), показал - данная методика с большой степенью вероятности выявляет участников асоциальных киберкоммуникаций, что подтвердили дальнейшие интервью с участниками контрольной группы. Это позволяет полагать, что используемый психологический тест является валидным и довольно надежным методом своевременного определения в молодежных коллективах людей, которые могут быть подвержены негативным влиянием в среде социальных сетей.

Источники и литература

1) Жуйков А. А., Каспаров А. Р., Нурахмедова А. А. Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – №. 2 (239). - С. 89-94.

2) Кирюхина Д. В. Кибербуллинг среди молодых пользователей социальных сетей //Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8. – №. 3. – С. 53-59.

3) Прохаров А.О. Методики диагностики и измерения психических состояний личности. – Litres, 2019. - С. 176.

Могилевич Бронислава Рафаиловна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, РФ

Языковые конфликты эпохи глобализации

Конфликтологическая парадигма глобализации характеризуется глубокими социокультурными трансформациями как следствием геополитических противоречий, как в отдельных регионах, так и цивилизации в целом. Общеизвестно, что разные ценностно-поведенческие модели и социокультурные предпочтения, влияющие на благосостояние членов социума, служат источниками локальных и глобальных конфликтов. Недаром, почти все области гуманитарного знания, социология в том числе, рассматривают феномен конфликта как один из приоритетных объектов своих исследований, имея конечной целью обеспечение общества арсеналом эффективных механизмов их предотвращения и разрешения. В качестве примера можно проследить эволюцию теории конфликта, начиная с ее становления в середине XIX века. Так, если К. Маркс считал конфликт движущей исторической силой, то, согласно М. Веберу, любой конфликт имеет социокультурную основу. По Г. Зиммелю, любой конфликт, будучи многомерным по своей природе, может нести как позитивное, так и негативное содержание. П. Сорокин, продолжая социокультурную конфликтологическую парадигму, определял конфликт как движущую силу все социокультурной динамики.

Середина XX века знаменуется преобладанием структурно-функциональных концепций исследования феномена конфликта. Причем, внутри этой теории произошло разделение на сторонников функционального подхода и структурного направления. В частности, функциональные теории (Л. Козер и его последователи) трактовали конфликт как фактор поступательного социального развития, в то время как структуралистская точка зрения (Р. Дарендорф и его школа) определяли конфликт как естественный социальный компонент [1].

Начиная с середины XX века, конфликтологические проблемы приобрели решающее значение уже на уровне цивилизации, так как глобальный контекст мирового развития обрел новые характеристики в виде феномена глобальной культуры, с одной стороны, и усилением фундаменталистских тенденций, с другой стороны. Следует отметить, что конфликтные ситуации постоянно возникают, затрагивая все сферы человеческой жизнедеятельности. В эпоху постиндустриального информационного общества особую значимость приобретают проблемы, связанные с языковой актуализацией социокультурной принадлежности (идентичности). Будучи социальным действием и фактом, язык конструирует социальную реальность. В этой связи, правомерно говорить о феноменах глобального и локального лингвистических капиталов в рамках культурных капиталов. Согласно П. Бурдье, социальное неравенство, как почва для возникновения конфликтов обусловлено неравенством в обладании

различными формами капитала. Языковые конфликты, в узком смысле, существуют в рамках одного этноса, особенно в период становления государства и выбора официального языка. В период формирования государства возникает потребность в едином, стандартном языке, выполняющем административные функции по управлению, образованию, социальной поддержке, при этом, официальный язык, имея основой все накопленные языковые ресурсы (все варианты произношения, использования лексических единиц и синтаксических структур) используют только те формы, которые пригодны для установления дискурсов политических групп, отвергая все другие и относя их к диалектам, арго и пейоративной лексике [2]. В широком контексте, языковые конфликты представлены в противостоянии примордиалистских и конструктивистских концепций использования языков в эпоху глобализма. Так, конструктивисты придерживаются точки зрения, что необходимо сокращение количества используемых языков, так как этническое и лингвистическое разнообразие не определяет современную глобальную идентичность, в основе которой лежит массовость и стандартизация. В свою очередь, примордиалисты считают, что именно локальные языки, отражающие социокультурную самобытность и многообразие, требуют поддержания и развития [3].

Несомненно, что языковые конфликты отражают все сложности глобального контекста, что свидетельствует о необходимости их изучения для предотвращения социокультурных конфликтов и улучшения качества жизни людей.

Источники и литература

1) Глухова А.В. Социокультурный конфликт как фактор современного политического процесса // Логос. №4 (49). 2005. С. 201-215
2) Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя. 2001. С. 107-109
3) Crystal D. The English Language. Penguin Books. 1988. P. 89

Молощенков Антон Николаевич

ФГБОУ ВО Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбург, Российская Федерация

Миграция как конфликтогенный фактор в этнокультурных отношениях в современном российском обществе

Миграция сложное и многогранное явление, которое затрагивает различные сферы общества, в том числе и влияет на этнокультурные вза-

имоотношения внутри государства, а также может стать причиной этнических конфликтов. Следует сразу отметить, что сложность миграционных процессов заключается как раз в том, что не все они вызывают этнические конфликты и не всегда это воздействие осуществляется напрямую.

Прежде всего, этническая напряженность внутри общества возникает в результате внешней миграции, сопровождающейся количественным изменением этнического состава местного населения. При этом изменения связаны не с появлением «новых» этносов на территории страны, а с увеличением численности уже существующих. Так, например, в приграничных районах Оренбургской области наблюдается увеличение представителей казахского этноса в сельской местности, где ранее преобладало русское население. И если такие изменения в масштабах всей страны или общества не особенно заметны, то на местном уровне это вызывает определенную напряженность. С другой стороны, подобные изменения напрямую связаны с мобильностью местного населения, в первую очередь молодежи, уезжающей из села как в городские центры, так и за пределы области в целом.

Следует отметить, что в настоящее время сохраняется тенденция к миграции русскоязычного населения из Республики Казахстан. Большей частью это связано с учебной миграцией, однако, с перспективой получения постоянного российского гражданства. При этом на территорию России стремится не только «русская» молодежь Казахстана, но и представители русскоязычного казахского этноса, что связано с внутренними противоречиями самого казахского общества.

Переселение из стран бывшего Советского Союза носит преимущественно легальный характер, поэтому находится под контролем и, в целом, достаточно неплохо регулируется, не приводя к серьезным этническим конфликтам.

Основным конфликтогенным фактором со стороны миграции является ее нелегальная форма. Поскольку этот процесс не только не поддается контролю со стороны государства, но и несет криминогенный потенциал. Однако, предпринятые в последние годы меры в миграционной политике, в том числе изменения в законодательной базе, привели к серьезным трансформациям в области регулирования и предупреждения нелегальной миграции. Прежде всего, это отразилось на снижении нелегальной миграции, на что обращают внимание официальные лица.

Вместе с тем, влияние миграции на экономическую, а, следовательно, и социальную, и этнокультурную сторону жизни российского общества, по-прежнему остается весьма велико. Это не связано с нарушениями

российского миграционного законодательства, напротив, оно выполняется, однако, формирование негативного фона происходит. Речь идет об использовании мигрантами из ближнего зарубежья возможности находиться в России безвыездно не более 3х месяцев со дня въезда в РФ, конечно, при условии, что иностранный гражданин встал на миграционный учет. В течение 90 дней они живут и работают в нашей стране, вызывая недовольство местного населения и формируя негативное отношение к определенным этническим группам. Главным образом недовольство местного населения вызывает временная занятость приезжих, повышающая конкурентную среду в сфере трудовых отношений.

С другой стороны, необходимость покидать территорию России по истечению 90 дней для обновления миграционной регистрации, создает определенные трудности для обучающейся молодежи и тех категорий мигрантов, которые хотят получить российское гражданство. Тем самым создается негативное отношение приезжающих к нашей стране.

Таким образом, анализируя влияние миграции на этнокультурные взаимоотношения в нашей стране, можно отметить, что противоречия, а как следствие и конфликты, связаны, прежде всего, с наличием экономических проблем населения, вызванных прибытием иностранных граждан на территорию Российской Федерации, а не собственно нахождением этих граждан в нашей стране. Тем не менее, миграция по-прежнему остается потенциально конфликтогенным фактором для этнокультурного взаимодействия людей в нашей стране.

Мудрецова Наталья Петровна

Уральский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФой службы, Екатеринбург, Россия

Молодежная политика как платформа для снижения международной конфликтогенности и поддержки соотечественников, проживающих за рубежом.

Усиливающаяся конфликтогенность на геополитическом пространстве всего мира, ставящая под угрозу существование государств, народов и общего миропорядка, еще более обостряет вопросы поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. «Соотечественниками за рубежом (далее - соотечественники) являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации. Соотечественниками также признаются лица и их потомки,

проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица [1, с. 2]». Положение наших соотечественников в ряде стран мира, в том числе бывшего СССР, является фактором, который значительно влияет на выстраивание отношений России с другими государствами. Молодежь как активная социально-демографическая группа может оказаться активным субъектом в сфере международного сотрудничества по выстраиванию диалога и партнерства, проводником гуманитарных связей и отношений между Россией и зарубежными странами. Данное положение диктует нам необходимость рассмотреть сферу работы с молодежью в России и некоторых странах, а также провести их сравнительный анализ. Акцент на целенаправленную политику в отношении молодежи в зарубежных странах появился в 50-60-е годы прошлого столетия. Основанием послужила активность молодежи, проявившаяся через организацию, так называемых, «молодежных бунтов» и студенческих выступлений, в странах Европы и США. Данные социальные явления обозначили молодежь как социально-демографическую группу, владеющую большим количеством потенциала, в том числе протестного, который может быть использован как сила для общественного переустройства. В отличие от Российской Федерации ориентация молодежной политики в странах Западной Европы направлена на международные документы: документы ООН, Международной организации труда, Всемирной организации здравоохранения, ЮНЕСКО, Совета Европы и пр. Состояние экономической сферы страны, выявленные проблемы молодежи, сформированные культурно-исторические традиции также определяют облик работы с молодежью в странах Европы. При этом можно выделить некоторые идентичные направления работы: - разработка законодательства в сфере работы с молодежью - поддержка молодежных программ и проектов - вовлечение молодежи в самоуправление - развития волонтерского движения, самодеятельности молодежи - оценка положения молодежи. «Цель современной молодежной политики европейских стран - бесконфликтная интеграция молодых людей в общество. За 10-12 лет пребывания в молодежной возрастной группе необходимо овладеть профессиональными навыками, усвоить свои права и обязанности, пройти курс гражданского и нравственного воспитания. Таким образом, во взрослую жизнь молодой человек входит как уже сформировавшаяся, полноценная и сознательная личность [2, с. 24]». В 2014 году в России были приняты Основы государственной молодежной политики

Российской Федерации на период до 2025 года. Этот документ на данный момент определяет систему государственной молодежной политики в нашей стране. «Целями государственной молодежной политики являются совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны [3, с. 6]». Приоритетными задачами являются: - формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы нашего государства, - развитие просветительской работы с молодежью, - формирование ценностей здорового образа жизни, - создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, - формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи [3, с. 6]. Сопоставительный анализ целей и направлений молодежной политики стран Западной Европы и России выявил следующее: 1. Основаниями для молодежной политики являются внутригосударственные интересы. 2. Молодежная политика на государственном уровне не влияет на формирование международных интегративных процессов среди молодежи. 3. Молодежь не рассматривается как субъект международных процессов. 4. Поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, не является предметом молодежной политики. 5. Государственная молодежная политика стран Западной Европы носит более конкретный и адресный характер, это организованный и эффективный механизм. Исходя из всего вышесказанного, учитывая необходимость развития и поддержки связей с соотечественниками за рубежом, а также включения молодежи как полноправного субъекта в международные и геополитические процессы, считаем, что в рамках государственной молодежной политики Российской Федерации на уровне федерации и регионов, необходимо ввести отдельное самостоятельной направление по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, и развитию международной активности молодежи. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760.

Источники и литература

1) О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ [электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) Зеленкова М.М. Молодежная политика в России и зарубежных странах // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6.; URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7305 (дата обращения: 30.01.2020).

3) Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 30.01.2020).

Мустафина Диляра Абясовна

магистратура социологического факультета МГУ, 2 курс, Москва, Российская Федерация

Социально-культурные проблемы цифрового номадизма в современных реалиях

Диджитал номады (от англ. Digital nomad) - категория людей, которые живут и работают вне офиса [3]. Данное явление появилось в 21 веке и связано с прогрессом информационных технологий. Цифровые кочевники ведут мобильный образ жизни. Их офис - это дом, кафе, библиотека, коворкинговое пространство, парк. Они не сидят на одном месте, а зачастую путешествуют по разным странам и городам. Диджитал номады могут выполнять свои задания хоть на краю света. Главное, чтобы был доступ к интернету. С коллегами общаются через мессенджеры и веб-сервисы совместной работы.

Преимущества, конечно, очевидны — свобода, ограниченная собственными рамками. Отсутствует фиксированный восьмичасовой рабочий день.

Цифровое кочевничество - следствие и причина активных изменений материальной и духовной культуры человечества, формирования в ней новых типов идентичности (систем духовно-нравственных ориентаций, стратегий понимания себя и мира, моделей общения). В отдельных регионах цифровой номадизм выражен меньше, чем в других: там, несмотря на общую мультикультурность большинства современных территорий, заселенных людьми, сохраняется традиционная культура и ее ценности: процессы и феномены седентаризма сочетаются с традиционными кочеваниями и миграции таким образом, который не нарушает целостности идентичности.

С философской точки зрения, человек современности представляет собой номадический субъект. Сегодняшний номад, не обязательно все время перемещается, меняя страны, он скорее перемещается по отношению к устоявшейся мыслительной и поведенческой системе координат (хотя это часто включает и физическое перемещение).

Современный странник живет в движении, формируется, подвергая себя влиянию разных информационных сфер, не ограничиваясь рамками определенного коллектива людей и территории, на которой он родился или которую он раз и навсегда для себя избрал. Поэтому в противоположность человеку из прежнего традиционного дономадического мира, он в гораздо меньшей степени определён традициями, языком, способом мышления и способами взаимоотношений, общепринятыми в его исходной социальной среде.

Мир номадизма пришел на смену традиционному миру, с его стабильной фиксированной и поэтому более понятной картиной мира. В традиционном мире человек был вынужден исполнять заранее приписанные ему роли, принимать навязанную ему идентичность, наследовать традиции и жизненный уклад предыдущих поколений. Возможностей выйти за рамки этой системы было немного, и они были чреваты социальными гонениями [2, с. 369].

Один из более сложнейшего момента, с которым сталкиваются цифровые кочевники на современном этапе - феномен «потери корней», разрушения социальной идентичности или же разрыва, связанных с результатом отказа от духовно-нравственных ориентиров своей культуры и человечества, а также стремление к свободе. Это связано, скорее всего с тем, что цифровые кочевники привыкли к комфорту и защищенности, освобождению от тяжелого труда и обязанностей. Такие стремления вырабатывают специальные отношения к самому себе и миру, где положительные моменты, связаны с развитием, творчеством, удовлетворенностью жизнью, которые сочетаются с потребительством, оживлением и разрушением личности. В первую очередь страдает этнокультурная, а в итоге и личностная идентичность [1, с. 167].

Итак, в итоге необходимо отметить, что, с одной стороны, цифровой номадизм показывает стремление к свободе, поиск новых способов существования и отношений, интеграции в мировое человечество индивида, с другой стороны, отказ от построения отношения близости и постоянства, традиционных для родной культуры и человечества в целом духовно-нравственных ценностей, маргинализация, что в конечном итоге приводит к возникновению социально-коммуникативных детерминантов в процессе трудоустройства.

С учетом нарастающей мобильности и цифровизации число приверженцев цифрового номадизма будет расти во всем мире. Рост благосостояния и качества жизни, распространение постматериалистических ценностей, а также стремительное развитие цифровых технологий приводит к тому, что постепенно граждане развитых и отчасти развивающихся стран перестают относиться к работе как к самоцели, все чаще воспринимая ее как средство достижения целей. В связи с этим работа и карьера у современной молодежи отходят на второй план, приоритетными же становятся свобода во времени и пространстве, дающая возможность реализовывать свой творческий потенциал и следовать своим увлечениям. Возможность совмещать работу с путешествиями, интерес к которым с ростом мобильности неуклонно повышается, уход от рутины - все это делает цифровой номадизм привлекательным особенно для молодых людей, одними из главных ценностей которых являются свобода, автономность, мобильность, баланс между работой и досугом.

Источники и литература

1) Кужелева-Саган И.П. Культура цифровых кочевников и возможные подходы к её изучению // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. Изд-во ТГУ (Томск), 2017. С. 166-182.
2) Малышева Г.А. Номадная модель занятости в цифросетевом обществе // Молодежь XXI века: образ будущего. Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14-16 ноября 2019 года. / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 367-368.
3) Pofeldt E. Digital Nomadism Goes Mainstream. - URL: https://www.forbes.com/sites/elainepofeldt/2018/08/30/digital-nomadism-goes-mainstream/ (дата обращения: 10.01.2020).

Назаретян Алина Рафаэловна

РГСУ, Москва, РФ

Трансформация межличностных конфликтов в цифровом пространстве

Межличностные отношения это взаимодействия, где объектом выступает другая личность. Давая характеристику межличностным отношениям стоит сказать, что каждый человек основывается на своей индивидуальной системе ожиданий, стереотипов, установок и других факторов, которые влияют на его мировоззрение в целом. Некоторые аспекты, которые конструируют мировоззрение совпадают с мировоззрением другого человека, а иногда настолько отличаются, что это несовпадение приводит к противоречию и открытому конфликту между людьми [1, с.1].

Понятие «конфликт» можно раскрыть, как существенный элемент диалектического противоречия, высшую фазу развития и крайне острую форму его выражения и разрешения [2, с. 2].

Л. Крисберг в своих работах выделяет три базовых характеристики социальных конфликтов.

Во-первых, конфликты как неизбежный аспект социальной жизни общества. При этом по мнению ученого данные конфликты кроме негативного аспекта имеют и позитивный, поскольку могут стать началом изменения и сохранения общества;

Во-вторых, конфликт в роли инструмента социального взаимодействия между социальными группами и индивидами.

В-третьих, имеет деструктивные и конструктивные траектории [3, с.3].

Межличностные конфликты изменяются посредством различных факторов, детерминант, следовательно. Интернет стал не просто ресурсом обмена информации, инструментом для реализации множества процессов и критерием доступности, но и новым пространством, где разворачиваются межличностные конфликты. В период с 2018 на 2019 год, число людеи, которые впервые зарегистрировались в социальных сетях составляет 288 миллионов. Проникновение социальных сетеи в нашу жизнь незаметно для нас самих, но заметно для мировои статистики. Оно увеличивается с каждым годом. В исследовании «Digital 2019: интернет-тренды в III квартале 2019 года» компании DATAREPORTAL совместно с Hootsuite и аналитическим агентством We Are Social, предоставлен отчет, где говорится о том, что среди людеи в возрасте от 13 лет до 65 лет и старше процент проникновения социальных сетеи составил 45% [4, с.4] .

На данный момент при возможности отследить пользователей и их личности есть множество инструментов, которые позволяют остаться анонимным и потеряться в потоке контента и информации.

В цифовом постранстве конфликты можно разделить на анонимные и публичные:

1) Анонимные конфликты. Анонимность выступает инструментом вседозволенности, что часто становится источником конфликта. Анонимный конфликт в цифровом пространстве становится важным аспектом изучения, поскольку социальные сети стали продолжением нашего собственного представления в обществе [5, с.5]. Анонимность это также источник такой проблемы как обезличенности общения и отношения между людьми, поскольку в реальном жизни за каждым мнением, высказыванием стоит человек, который несет ответственность за совершенную деятельность. Те, кто прибегают к анонимным конфликтам не боятся санкций и нарушают нормы морали оскорбляя других Опасность анонимного конфликта в том, что давление и оскорбление по отношению к другому человеку могут вывести его из состояния душевного равновесия, привести к депрессии, суициду и агрессии как к самому к себе так и окружающим. В пример такой трансформации конфликта можно привести случай, когда в Петербурге женщина, которая состояла в чате родительского комитета, присылала неуместный контент, за что родителями было принято решение удалить ее из переписки. После чего женщина начала угражить матери, которая удалила ее из мессенджера и присылала ей сообщении с угрозой, чтобы их не возможно было предъявить, она удаляла их, что позволяла быть ей в некоторой степени анонимной. В итоге угрозы переросли в действия. Агрессивная родительница напала на маму, которая была администратором и нанесла ей ножевые ранения. [6, с.6]

2) Публичные. Такие конфликты нацелены на то, чтобы одна личность разоблачила, обвинила другую, при этом получила поддержку и некую славу за свое действие. Обычно в социальных сетях это выступает как отдельный вид пиара. Публичные конфликты чаще придаются огласке в обществе и быстро популяризируются, что способствует выхода конфликта из цифрового пространства и реальную жизнь, острые конфликты в реальной жизни могут повлечь к массовым волнениям, разделению на противодействующие стороны и большим жертвам.

Изучение межличностных конфликтов в цифровом пространств требует комплексного подхода специалистов из разных сфер, чтобы оценить и реализовать более целое представление о неоспоримой важности профессионального исследования этого аспекта современной жизни и разработки пути разрешения межличностных конфликтов в цифровом пространстве.

Источники и литература

1) Клепцова Е. Ю. Виды межличностных отношений // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. №2-2. [Электронный ресурс]– URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-mezhlichnostnyh-otnosheniy (дата обращения: 31.01.2020).

2) Ковтун Н. А. Психология межличностных конфликтов в научной литературе // Вестник Московского университета МВД России. 2009. №7.[Электронный ресурс]– URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-mezhlichnostnyh-konfliktov-v-nauchnoy-literature (дата обращения: 31.01.2020).

3) Соломатина Е.Н., Игнатчук Я.Д. Концепция трансформации современных социальных конфликтов Льюиса Крисберга // Теория и практика общественного развития. 2016. №7. [Электронный ресурс]– URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-transformatsii-sovremennyh-sotsialnyh-konfliktov-lyuisa-krisberga (дата обращения: 31.01.2020).

4) Digital 2019: интернет-тренды в III квартале 2019 года: [Электронныи ресурс] // DATAREPORTAL., 19.07.2019. [Электронный ресурс]– URL: https://datareportal.com/reports/digital-2019-internet-trends-in-q3. (Дата обращения 8.10.2019)

5) Ивлиев П. А. Анонимность в интернете: проблемы и особенности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №4-2. [Электронный ресурс]–URL: https://cyberleninka.ru/article/n/anonimnost-v-internete-problemy-i-osobennosti (дата обращения: 31.01.2020).

6) Пятый канал. Новости. Рубрика "происшествия". В Петербурге женщина напала с ножом на девушку, удалившую ее из чата в WhatsApp. от 13.02.2019, 5:33. [Электронный ресурс]– URL: https://www.5-tv.ru/news/239737/vpeterburge-zensina-napala-snozom-nadevusku-udalivsuu-eeizcata-vwhatsapp/

Назаров Зинур Исламович

Стерлитамакский филиал БашГУ, Стерлитамак, Российская Федерация

Эвристический потенциал современных теоретических подходов к анализу виртуальных сетевых диаспор мигрантов из Центральной Азии

В современной мировой системе роль и место миграции претерпевают стремительную трансформацию. Снижение экономических и политических барьеров для перемещений, создание единых транснациональных зон, развитие информационно-коммуникативных технологий делает миграцию доступной и привлекательной для миллионов людей планеты. Интернет и мобильная связь, преодолевая фактор расстояния, приводит миграцию в новое качественное состояние. Классические теории рассматривали миграцию как процесс смены локальности с родительского общества на принимающее сообщество. Положение мигранта интерпретировалось как ситуация «двойного отсутствия», где мигрант рассматривался как маргинал, оказавшийся в развилке между двумя обществами - локальностями. Как пути выхода из подобной ситуации рассматривались два варианта: политика ассимиляции и адаптации к новой локальности - принимающему сообществу или «геттоизация», означающая сохранение маргинальности.

В 1990-х гг. западные исследователи, усомнившись в тезисе о локальности мигранта, предложили понятия “трансмигранты” (transmigrants) и “транснационализм” (transnationalism) как основополагающие для новой парадигмы в исследованиях международной миграции. В рамках этой парадигмы транснационализм определяется как социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы. Мигранты становятся трансмигрантами в том случае, когда “развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы” Трансмигранты живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со)общество. Они производят новые взаимозависимости и конституируют сообщества, особым образом связанные с существующими национальными государствами и их территориями. В качестве трансмигрантов могут быть рассмотрены гастарбайтеры, выбирающие челночные стратегии. На новом месте жительства они образуют новые социальные сети, при этом продолжают функционировать в социальных сетях отправляющего сообщества [6, 136].

Сторонники транснационального подхода считают, что основным последствием процессов глобализации выступает создание транснациональных мигрантских сообществ, в рамках которых формируются гибридная идентичность на уровне личности или этнических диаспор и сетевые транснациональные лояльности[3, 296]. Глобализация меняет условия проживания мигрантов, и поэтому Н. Глик Шиллер подвергает сомнению тезис о локализации при помощи ассимиляции, результатом че-

го стало формирование новой парадигмы в исследованиях миграции [3, 296].

Теория транснациональной миграции и транслокальности привлекла внимание отечественных исследователей. Так, возможность её применения в отношении исследования миграции из стран Центральной Азии рассматривает российский исследователь миграции Сергей Абашин, который считает, что если говорить не о миграции вообще, а о сегодняшней миграции из стран Центральной Азии в Россию, то для ее описания наиболее подходящей представляется именно модель транснационализма. Налицо все основные ее признаки: центральноазиатские мигранты более-менее постоянно живут и работают в России на протяжении уже продолжительного времени - иногда до 15 лет; но при этом они сохраняют весьма разнообразные, регулярные и интенсивные отношения со странами исхода, и у подавляющего числа выходцев из Центральной Азии риторика “возвращения” остается преобладающей. Основной мигрантской стратегией является поддержание, даже интен- сификация этих связей, во что они вкладывают значительные материальные, социальные и эмоциональные ресурсы [2, 174].

По моим личным наблюдениям в мегаполисах и средних городах России у каждого гастарбайтера из стран постсоветской ЦА имеется личный смартфон. Даже если он работает на самой низкооплачиваемой должности. И это - не дань моде или демонстративное потребление, а необходимая предпосылка общения со страной отправления и для сетевого общения с мигрантами-соотечественниками в воображаемых сетевых сообществах страны приема. Для большинства выходцев из Центральной Азии «ассимиляция или интеграция» в российское общество не является стратегической задачей. Значительная их часть входит в разнообразные сети, которые построены по родственному, земляческому или этническому принципу. Внутри этих сетей они воспроизводят многие домашние практики, приспособленные к условиям перемещения и временного проживания. В сетевых сообществах создается своя собственная инфраструктура доверия, помощи, оказания тех или иных услуг, проведения досуга[1, 77].

Виртуальным группам мигрантов на платформах социальных сетей Рунета присуща герметичность в диапазоне от предпочтительного общения с соотечественниками до закрытого характера группы только для «своих» [7, 55]. Это, вероятно может быть связано с рекцией на опре-

деленный уровень проявления ксенофобии и конфронтации в реальной жизни и в Сети.

Источники и литература

1) Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение 2012. №4. С.3 -13.

2) Абашин С. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / авт. проекта, науч. и литер. ред. Сергей Панарин. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 174

3) Ананьина В.Т. Теория транснациональной миграции. Концептуальные основы и возможности практического применения // Казанская наука. 2013. № 12. С.295 -300.

4) Андерсон, Бенедикта Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма /пер. с англ. В. Николаева; Вступ. Ст. С. Баньковской. – ,М.: "Канон -пресс-Ц", «Кучково поле», 2001. – 288 с.

5) Зимова Н.С. Социальная адаптация трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России // Миграция и социально-экономическое развитие. – 2017. – Том 2. – № 1. – С. 19-28.

6) Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / под ред. Т.Бараулиной, О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 134 -146.

7) Кужелева-Саган И.П. , Глухов А.П., Ахметова Л.В. и др. «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии:виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей / науч. ред.И.П. Кужелева-Саган. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 168 с.

8) Назаров З.И. Миграция из стран постсоветской Центральной Азии в Россию: основные причины и тенденции // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием; Москва, 10 октября 2019 г.; МГУ имени М.В. Ломоносова: Сборник тезисов

/ под общ. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 428 с., С.. 355 – 358.

9) Степанов А.М. Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 116 – 127.

Николаев Александр Александрович
Финансовый университет, Москва, Россия

Трудовая миграция в Российской Федерации

Для большинства представителей новых этнических общин пребывание в России не повлекло за собой повышение их социального и профессионального статуса, но оно, в конечном счете, способствует улучшению их материального положения (по сравнению с тем, которое было у них на родине).

Не имея реальных возможностей сколько-нибудь приблизиться к «признанным» потребительским и социальным стандартам, иммигранты, тем не менее, продолжают удерживаться в сфере их психологического притяжения. В целом, восприятие иностранцев характеризуется заметным преобладанием эмоциональных моментов над рациональными: увеличивается престижное значение ряда доступных для них материальных и культурных благ, усиливается «анестезирующие» и «тонизирующие» функции потребления [6].

Среди иностранных рабочих усиливается экономическая и культурная геттоиризация почвы. Возникает новый социальный низший слой, где иммигрант отчужден в значительной степени от своей культуры и остается длительно выключенным из общественной жизни страны.

Значительная доля так называемых гастарбайтеров представляет собой неинтегрирующуюся массу. Причина - сильное влияние на повседневный образ жизни исламской культуры. Рабочие-иммигранты сразу по прибытии оказались маргиналами по отношению к российскому обществу. В целом субкультура и сопутствующий ей нездоровый образ жизни выполняет функцию обратной связи в механизме воспроизводства социального слоя, способствуя маргинализации подрастающего поколения задолго до вступления в самостоятельную жизнь.

Дискриминационное, зачастую враждебное отношение местных жителей к иммигрантам связано с желанием укрепить собственное определенное положение. Часть россиян в форме превосходства своей этниче-

ской группы отражают личную неуверенность, ненадежность и неопределенность своих позиций в обществе. Представления, связанные с предрассудками и дискриминацией по отношению к иммигрантам, существуют в неразрывной связи с социально-экономической ситуацией, в которой находятся местные жители.

Распространено мнение, будто гастарбайтеры отнимают рабочие места у местного населения. На самом же деле, россияне не стремятся на эти рабочие места, поскольку большинство рабочих мест, занимаемых иммигрантами, низкоквалифицированные и малооплачиваемые.

Широко распространен тезис о том, что в некоторых регионах преступность импортируется из-за границы. Уровень преступности среди трудовых иммигрантов действительно высок, однако он находится в прямой зависимости от уровня безработицы среди иностранных рабочих, а также продуцируется маргинальной субкультурой, в условиях которой живет большинство приезжих работников. Кроме того, иммигранты нередко сами становятся жертвами преступлений [1].

Дискриминационное, а парою и враждебное отношение к иностранным работникам со стороны некоторой части местного населения имеет социально-психологический аспект, который превалирует над личностным: мне не нравятся приезжие, хотя наш дворник - хороший парень.

Иностранные работники, занимая оставленные местным населением неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие места, тем самым оседают на нижних ступенях структуры наемного труда.

В целом миграция рабочей силы приобретает характер повторяющегося цикла: часть рабочих возвращается к себе на родину, часть из них добивается статуса постоянных жителей, в результате начинает изменяться внутренняя структура иностранного населения. Не только рабочая сила, но и семьи иммигрантов со всеми их естественными претензиями начинают присутствовать в социальной системе Российской Федерации, а половозрастная структура иностранных диаспор становится весьма близкой к структуре российского населения. Это приводит к тому, что численность иностранцев в некоторых крупных городах значительно увеличилась, и они начинают выступать в качестве конкурентов на рынке городского жилья для определенной части российского населения. В результате увеличения доли иностранного населения в некоторых крупных городах изменяется внутригородская структура. Складывается тенденция этнических концентраций и возникает определенным образом параллельно включенная социальная подсистема, которая тоже может вырабатывать для ее составляющих определенные потребности.

Если будет существовать внешняя отчужденность, если в результате низкой квалификации будет возникать социально-экономическая ущербность, а политическая и правовая маргинальность будет устранена лишь формально, то могут возникнуть объективные причины складывания этнических образований. И в них все больше будут преобладать религиозные и националистические ориентации. В этом случае новые национальные меньшинства могут стать «взрывчатым веществом», причиной социальных конфликтов. Поэтому государству следует строго регламентировать процесс привлечения иностранной рабочей силы в страну. Во-первых, трудовую иммиграцию следует строго ограничивать квотами. Во-вторых, периодически осуществлять ротацию иностранных работников. И в-третьих, осуществлять политику «интеграции» в отношении тех иностранцев, которые долго живут в Российской Федерации.

Источники и литература

1) Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Работодатели и трудовые мигранты: конфликтное взаимодействие// Соц. политика и социология. – 2011. – № 4. – С. 21-32
2) Зинченко Н.Н. Причины и сущность социального явления незаконной миграции// СГЗ. – 2012. - № 1. – С. 138-147
3) Иванов С. Международная миграция в России: динамика, политика, прогноз// Вопросы экономики. – 2011. - № 10. – С. 35-53
4) Ивахнюк И. В. Трудовые мигранты и политика интеграции // Служба занятости. — 2015. — № 3. — С. 47–51.
5) Косенко О.И. Трудовая миграция: основные тенденции// Труд и соц. отношения. – 2010. - № 12. – С. 3-13
6) Кожевникова Т. М., Тер-Акопов С. Г. Проблемы миграции населения России // Социально-экономические явления и процессы . 2013. №10 (056).
7) Полевой И., Шуняев А. Демография и миграция – важнейшие факторы формирования трудовых ресурсов в современной России// Человек и труд. – 2012. - № 11. – С. 55-61
8) Степанов С.А. Какие мигранты нужны России для ее модернизации// СГЗ. – 2012. - № 2. – С. 28-47
9) Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. Иностранная рабочая сила на рынке труда России // Демоскоп-Weekly. – Москва: Институт демографии Государственного университета - Высшей школы экономики, 2012. №535

10) Халбаева А.М. Политическое управление миграционными процессами в современной России: опыт, тенденции, риски: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2015.

11) «Миграция и труд все перетрут. Дешевая рабочая сила не ушла из России даже в условиях кризиса». Агентство бизнес-новостей. [Электронный ресурс] URL: http://abnews.ru/2015/03/17/migraciya-i-trud-vse-peretrut-deshevaya-rabochaya-sila-ne-ushla-izrossii-daze-v-usloviyax-krizisa/ - 17.03.15

12) Senek Akturk - Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey // Problems of international Politics – 2012

Новиков Алексей Викторович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Социализация мигрантов: аспекты исследования межкультурных противоречий и конфликтов

В современной социально-экономической политике России одно из центральных мест занимает миграционная политика, выступающая основой повышения человеческого капитала и экономического роста в стране, и требующая разработки оптимальной системы индикации для контроля динамических изменений в социальной адаптации внешних и внутренних мигрантов.

Согласно данным International Migration Report, 2018., в настоящее время Российская Федерация является одной из стран - лидеров по абсолютной численности иммигрантов на своей территории. Темпы роста численности иммигрантов в России (+0.4%) в 2010 -2015 годы сопоставимы с некоторыми европейскими странами: аналогично в Германии и Болгарии, во Франции (+0.5%), в Бельгии (+0.7%). [1; 2]

В октябре 2018 года Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 была утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 года (далее - Концепция), в которой поставлены основные цели, принципы, задачи, основные направления и механизмы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы, исходя из анализа практики регулирования миграционных процессов и современного понимания национальных и глобальных проблем миграции.

В Концепции определены основные направления миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы:

- организация борьбы с пространственной сегрегацией, формированием этнических анклавов и маргинализацией приезжих иностранцев, включая оформление лицам без гражданства документов, удостоверяющих личность;

- разработка и улучшение условий добровольного переселения в Россию лиц, обладающих высоким научным и профессиональным потенциалом;

- обеспечение транспортной связанности регионов, сформированности рынка доступного жилья;

- устранение необоснованных административных барьеров, временных и финансовых издержек, которые связаны с ввозом и регистрацией имущества, включая объекты интеллектуальной собственности, средства производства и иные основные фонды;

- развитие механизмов организованного привлечения иностранных работников;

- организация эффективного использования биометрических технологий идентификации личности в рамках контроля (надзора) в сфере миграции.

Учитывая, что источником тенденций возникновения межкультурных противоречий и конфликтов, как правило, является комплекс проблем в различных сферах жизни российского общества - в политике, праве, экономике, социологии, культуре, образовании и т.д. - возникает необходимость разработки методологии, комплексных методик и организационного порядка для измерения индикативных показателей, характеризующих динамические изменения в социализации различных социально-демографических групп мигрирующего населения, а также создания оптимальной системы индикативных показателей, включающей в себя объективные показатели и субъективные индикаторы, с помощью которой можно достаточно точно описать существующую реальность, в условиях которой произошло возникновение исследуемых межкультурных противоречий и конфликтов, возникших в ходе социальной адаптации мигрирующего населения. [3]

Перед разработкой системы критериев для выбора системы индикативных показателей необходимо выполнить анализ существующих теоретических и методологических подходов к исследуемой проблеме с учетом степени ее изученности, что позволит выбрать систему из оптимального количества критериев, по каждому из которых выбрать оптимальное количество объективных показателей и субъективных индикаторов, объ-

единив их в систему. При этом следует учитывать, что если количество объективных показателей и субъективных индикаторов будет недостаточным, мы ускорим математическую обработку полученных результатов, но можем допустить ошибку в объективности описания исследуемой реальной ситуации, наоборот, если количество выбранных объективных показателей и субъективных индикаторов будет большим, мы сильно увеличим математический аппарат для обработки результатов, однако объективно опишем исследуемую реальность, может быть, с излишней степенью точности.

Представляется, что иммиграция в Россию имеет в целом скорее позитивные социально-экономические и демографические последствия, однако успешная социальная адаптация мигрантов связана с определенными рисками возникновения конфликтов. Например, в настоящее время в некоторых отраслях и регионах России сформировалась «мигрантозависимая» экономика, основанная на дешевом труде иностранных граждан и трудовой эксплуатации мигрантов. Кроме того, процесс успешной социальной адаптации трудовых мигрантов связан с проблемой их интеграции в российскую экономику и культуру населения - реципиента, и проблематика этого процесса все более обостряется и увеличивается масштабность конфликтов, поскольку «накопленное» количество мигрантов в России продолжает расти. Этот процесс осложняется тем, что организационно-содержательная инфраструктура их интеграции и социальной адаптации в среде принимающего населения регионов-реципиентов, как правило, имеет невысокий потенциал или отсутствует, обе группы населения, живя на одной территории, не имеют представления о культуре, быте, религии, питании, обычаях и традициях друг друга. [4, с. 16-128; 5, с. 5-12]

Источники и литература

1) Индикаторы достойного труда. Федеральная служба государственной статистики (по состоянию на 05.02.2019) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/(дата обращения - 14.12.2019).

2) Масленников В.В., Линников А.С., Масленников О.В. Международная миграция и финансы. ФИНАНСЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА / FINANCE: THEORY AND PRACTICE. 2018; (22-2): 54-65. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-2-54-65

3) Camarota S. A., Zeigler K. Immigrants in the United States: A profile of the foreign-born using 2014 and 2015 Census Bureau data. Center for Immigration Studies. 2016.

4) Рязанцев С. В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016;6(2):16-28. DOI: 10.12737/18147

5) Волох В.А., Герасимова И.В. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы. Управление 2019; 7(1):5-12.

***Новикова Лариса Васильевна*[1]*, Гордеев Даниил Алексеевич*[1]**

1 - СПб ГБПОУ Фельдшерский колледж, Санкт-Петербург, Россия

Проблемы исследования межличностных конфликтов в профессиональной сфере (на примере здравоохранения)

В современном мире межличностные конфликты имеют огромное распространение во всех сферах профессиональной деятельности, в том числе - в области здравоохранения, где ежедневно происходит прямое взаимодействие между людьми.

Актуальность изучения данной проблемы обусловлена тем, что межличностные конфликты в медицинском коллективе могут негативно сказаться на отношении к пациенту, замедляя процесс его реабилитации.

По оценке ряда специалистов, распределение конфликтов в жизни медицинских работников выглядит следующим образом: 88% случаев относится к профессиональной сфере, на бытовую сферу приходится 9% и на диффузные группы - 3% [2].

Конфликты в медицинском коллективе могут порождаться психологической несовместимостью работников, различиями в уровне подготовки, неравнозначными условиями труда, несправедливым распределением заработной платы и другими причинами. Поскольку конфликты в медицинской сфере являются довольно частым явлением, встает вопрос об их предупреждении и урегулировании.

Приведем результаты исследования Помыткиной Т.Ю., посвященного оценке конфликтологической напряженности в медицинской деятельности. В целях исследования частоты, специфики и сферы распространения конфликтов в данной профессиональной среде было опрошено 74 врача-специалиста различных направлений лечебной деятельности [3, с. 90].

Исследование показало, что частота межличностных конфликтов у опрошенных составляет 66%. В качестве причин конфликтов респонденты

назвали психологическую несовместимость (29%), неумение разделять личные и деловые отношения (26%), некомпетентность коллег (18%). Среди личностных причин конфликтов указываются эмоциональная несдержанность (29%), неумение распределять время и задачи (20%), отсутствие знаний о способах разрешения конфликтных ситуаций (16%) [3, с. 90].

К изучению конфликтов в медицинской деятельности подключаются специалисты из разных областей научного знания - психологи, педагоги, юристы, социологи. Особого внимания заслуживает работа доктора социологических наук Чириковой А. Е., которая посредством метода глубинных интервью с врачами и руководителями медицинских учреждений Москвы, а также Вологодской и Калужской областей описала неформальные практики взаимоотношений в медицинской среде [1]. Ею рассмотрены «отношения внутри медицинского сообщества», «социальные сети, складывающиеся между врачами разного уровня квалификации», «уровень интегрированности/автономности врачей» [1, с. 114]. В исследовании, в частности, ставилась задача выяснить, сохраняются ли между врачами в современных рыночных условиях «отношения сотрудничества или они носят конкурентный характер» [1, с. 114].

Несмотря на отмеченную респондентами неуверенность в завтрашнем дне («потеря общественного статуса врача»), материальную депривацию и другие переживаемые современным российским здравоохранением трудности, исследование показало, что «молодые врачи осознанно ориентированы на бесконфликтное взаимодействие». Для «многих из них - это общечеловеческая норма, которой нужно следовать...» [1, с. 115].

Исследование Чириковой А. Е. показало наличие следующих «социально-психологических особенностей врачей как профессиональной группы»: 1. «выраженная иерархизация внутренних отношений, при которой решения вышестоящих начальников служат в большинстве случаев руководством к действию» (это имеет место даже «внутри демократически ориентированных врачебных сообществ»); 2. «высокий уровень сформированности коллективных действий, особенно в стационарах, где ответственность за жизнь и здоровье пациента заставляет врачей одного отделения или одной бригады действовать как единый механизм...» [1, с. 118]. Это не исключает наличия конфликтов в медицинских учреждениях, но, как показало исследование, «ориентированность на взаимную

поддержку выше, чем стремление к независимости или автономии» [1, с. 118]. Автор отмечает, что «дифференциация врачебного сообщества существует», но «ценностные предпочтения лежат скорее в области интеграции, нежели автономизации». Это наводит на мысль, «что любые дифференцирующие стратегии во врачебном сообществе должны осуществляться осторожно и постепенно» [1, с. 120].

Однако, несмотря на упомянутый «дух коллективизма», в каждом медицинском учреждении желательно проводить работу по поддержанию благополучного психологического климата и обучению сотрудников приемам саморегуляции и основам компетентного поведения в конфликте.

Источники и литература

1) Чирикова А. Е. Этика взаимодействия врачей друг с другом: социологический анализ неформальных практик // Социологические исследования. 2015. № 4. С.113-120.
2) Полева Т.Н., Моргаева Н.Ю. Межличностные конфликты в медицинском трудовом коллективе // VI Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум», Москва, 2014 г. URL: https://scienceforum.ru/2014/article/2014003769 . Дата обращения - 29.01. 2020.
3) Помыткина Т.Ю. Оценка конфликтологической напряженности в медицинской деятельности // Научный форум: Педагогика и психология: сб. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф. № 6(8). М.: Изд. «МЦНО», 2017. С. 89-94. URL: https://www.researchgate.net/publication/325389314_EXPERTISE_OF_ADVERTISING_TEXTS_OF_COMPETING_MEDICAL_COMPANIES . Дата обращения – 29.01.2020

Новицкая Татьяна Евгеньевна

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Хейтспич: сущность и способы предотвращения

Подавляющее большинство практик, выражающих нетерпимость, создающих ситуации дискриминации и вербального насилия в Интернете, содержат в себе признаки хейтспич. В широком смысле термин используется описания дискурса, который оценивается как крайне негативный и

представляет собой угрозу общественному миру. По определению Совета Европы, язык вражды включает в себя все формы выражений, распространяющих, подстрекающих, поощряющих или оправдывающих расовую ненависть, ксенофобию, антисемитизм или другие формы ненависти, основанные на нетерпимости, в том числе: нетерпимость, выраженную агрессивным национализмом и этноцентризмом, дискриминация и враждебность по отношению к меньшинствам, мигрантам и людям иммигрантского происхождения. Гомофобные высказывания также относятся к риторике ненависти [1].

А.В. Евстафьева выделяет два обязательных компонента в содержании понятия «язык вражды»: негативное значение выражения и его обязательная адресация. Признаки вербальной дискриминации имеют необязательный характер и зачастую встречаются в сочетании (расовая, половая, возрастная, этническая принадлежность, инвалидность, идентификация себя как человека определенного биологического пола, сексуальная ориентация, внешность, этические и политические, религиозные взгляды, владение языком, принадлежность к определенному социально-экономическому классу, род деятельности и др.) [2, с. 11]. Эта интерпретация оправдана, т. к. круг групп и индивидов, потенциально являющихся жертвами интернет-агрессоров весьма широк. Практически любой признак, объединяющий людей (интересы, убеждения, идентификация, внешние, гендерные особенности и т.п.), в глазах хейтера может оказаться поводом для разжигания онлайн-конфликта. Язык вражды - это вид «прямого проявления интолерантности в речи (вариант интолерантности, направленной на человека или группу людей и причиняющей им страдания)» [2, с. 15]. К проявлениям риторики ненависти можно отнести практически любое агрессивное онлайн-поведение, направленное на определенного индивида или группу, сообщество - троллинг, сталкинг, пранкерство, кибербуллинг, флейминг, хейтерство моббинг и пр. Однако хейтспич имеет преимущественно политическую окрашенность (направлен против объединений, групп, сообществ), в то время как вышеназванные практики могут носить характер межличностного конфликта или являться травлей группой-агрессором индивида-жертвы.

Распространение хейтспич в пространстве Интернета актуализирует необходимость разработки теоретических оснований и практических механизмов по его регулированию и эффективным способам борьбы с ним. Основные затруднения, возникающие на данном пути - это проблемы соблюдения баланса между свободой слова и недопустимостью разжигания вражды, идентификации высказываний, которые могут быть квалифицированы как проявления языка вражды. Методы решения первой

проблемы находятся в тесной связи с особенностями национальных законодательств. Наднациональные образования предлагают и имплементируют рекомендации для выработки общих критериев, которое могли бы использоваться отдельными странами. В 1997 г. Комитетом Министров Совета Европы акцентировалось, что такие высказывания могут рассматриваться как приносящие больший вред, если они распространяются СМИ. Еще одна рекомендация - четко разграничивать ответственность автора заявления от публикации СМИ, которое сообщает об этом. Представляет интерес правовая практика, действующая в ФГР с 2017 г. (Закон об улучшении правоприменения в социальных сетях) [3]. Он обязывает социальные сети в течение 24 ч. с момента получения уведомления о жалобе на посты и комментарии ненавистнического характера удалять однозначно оскорбительные записи. Ответственность за сохранение экологии медиапространства возлагается на медиа. Некоторые европейские государства рассматривают концепцию этого закона как приемлемое основание для регулирования Интернета и для себя (Франция и Великобритания). Microsoft и Google разделяют и применяют на практике идею о необходимости удаления публикаций, призывающих к вражде, и дискриминации, пропагандирующих терроризм. Соглашение, направленное на противодействие распространению языка вражды, подписали также YouTube, Facebook, Twitter. В то же время существуют опасения, вызванные возможностями использования его принципов в целях превышения необходимых границ цензуры и ограничения свободы слова недемократических обществах. Правовое регулирование опасного контента в США также имеет свои особенности. Прежде всего они связаны с действием Первой поправки к Конституции: невозможна жесткая регуляция высказываний в медиа как нарушающая свободу слова, разрешение онлайн-конфликтов в правовом поле здесь в большей мере находится в плоскости преступлений, совершенных на почве ненависти, а не просто языка вражды. Специфика российской правовой практики состоит в том, что антиэкстремисткие законы также применимы и к высказваниям в Сети.

Существует корреляция между интернет-агрессией в сетевом пространстве и социальными отношениями оффлайн. Прежде всего, она выражается во влиянии конструируемой медиа картины реальности на социальное сознание и общественное мнение, в возможностях манипулирования ими в политических и иных целях. Активное распространение риторики ненависти может вызывать соответствующие трансформации в восприятии дискриминируемых групп и индивидов, обострять неприятие Другого, способствовать эскалации конфликтов.

Источники и литература

1) Hate Speech // Council of Europe [Electronic ressource]. – Mode of access: https://rm.coe.int/168071e53e. – Date of access: 01.12.2019.
2) Евстафьева, А.В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. Специальность: 10.02.01 – русский язык / Евстафьева А.В. – Тамбов, 2009. – 24 с.
3) Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG). 7. September 2017 // Bundesministerium der Justiz und fuer Verbraucherschutz. [Electronic ressource]. – Mode of access: https://www.bmjv.de/SharedDocs/Gesetzgebungsverfahren/DE/NetzDG.html. – Date of access: 01.12.2019.

Нуриев Радик Раянович

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Интернет как платформа современных конфликтов

Современное глобальное информационное общество базируется на развитых интернет-технологиях. Именно глобальная сеть выступает воплощением научно-технического прогресса XXI в., олицетворением принципиально новой коммуникации, сочетающей в себе индивидуальный, групповой и массовый уровни. Данная конструкция, предельно демократичная по своей сути, в полной мере соответствует формату открытого общества. Рост социальной значимости и влияния Интернета несет в себе не только позитивные моменты, связанные с расширением возможностей образования, бизнеса, генезисом глобального миропорядка и пр. Необходимо принимать во внимание и отрицательные аспекты роста популярности Интернета и интернет-технологий: аддикция, замещение реальности, манипуляции с информацией, распространение некачественной информации - сплетен и слухов и пр.

Одним из основных изменений в социуме начала XXI в. становится рост потенциала виртуализации пространства, вытеснения физической реальности виртуальной. Как полагают исследователи, «Интернет и компьютерные технологии изменяют не только облик системы массовой коммуникации, но и общества в целом.

Виртуальная реальность - это созданная посредством технико-технологических средств (так называемых высоких компьютерных технологий) социотехническая среда, где копии объектов реального мира («имитации вещей») зачастую бывают неотделимыми от явлений, событий, объектов физической реальности. Это формирует принципиально новое социальное, социально-коммуникационное и социокультурное пространство.

Проблема современного общества заключается в том, что «пространство виртуальной среды, основанное на использовании информационно-компьютерных технологий и Интернета, крайне сложно поддается управленческому регулированию. При этом глобальная сеть предоставляет множество разнообразных возможностей маскировки своих действий, придания анонимности коммуникаторам» [1; 11]. Данный факт придает неповторимую специфику интернет-коммуникации, в том числе и в аспекте конкуренции, противоборства, соперничества, учитывая факт осознания коммуникаторами высокой степени безнаказанности за нарушение социальных норм в Интернете.

Интернет - уникальное средство массовой коммуникации. Его структурные элементы представляют собой особое сочетание различных форм, способов, каналов коммуникации, что не характерно для других масс-медиа. Типичным

примером подобного симбиоза массовой, групповой и межличностной коммуникации выступают социальные сети.

В социологической науке социальные сети Интернета относят к сфере трансграничной коммуникации (симбиоза макро- и микросреды коммуникационной системы). Пользователь глобальной сети реализует различные жизненные стратегии, проводя много времени в пространстве социальных сетей Интернета. Зачастую этот сегмент виртуальной реальности активно используется (особенно молодежью и младшим средним возрастом) для самопрезентации, самоутверждения, реализации эгоистических жизненных стратегий, демонстрации реального или мнимого престижного потребления и т.п. [5, 197]

Глобальная сеть в современном обществе заменяет пользователю ту публичную площадку, на которую ориентировался и далеко не всегда получал человек, живший, например, в индустриальном или, тем более, традиционном обществе. Борьба за политическую власть, экономические ресурсы, социальное и духовное доминирование в современном обществе постепенно перемещается из физической в виртуальную реальность - именно в этом видится основная проблема постиндустриального мира. Подобное положение прямо или косвенно влияет на конфликтные

ситуации. Стоит обратить внимание на то, что виртуальные конфликты обладают способностью перемещаться из электронно-коммуникационной в физическую, повседневную реальность. Это обстоятельство придает таким конфликтам особую остроту и уникальный статус в социуме.

Современные исследователи предлагают расширить ракурс анализа социальных сетей Интернета, которые зачастую ошибочно редуцируются до уровня обычных средств и способов передачи сообщений, коммуникации. Однако в реальности социальные сети Интернета заменяют людям многие феномены повседневности, вовлекают пользователей в пространство сетевых коммуникаций. Социальные сети нередко становятся жизненным пространством современного постиндустриального человека.

Е.А. Лавренчук отмечает, что «социальные сети интернет-пространства представляют собой операционально замкнутые соединения социальных, технологических и психических систем. Они обладают сложной структурой и обширными резервами для собственного аутопойетического воспроизводства. В отличие от остальных медиасистем, социальные сети организуются в результате запуска аутопойезиса, который позволяет определить их как принципиально незавершённые, не равные самим себе и не отвечающие какому-либо одному или нескольким фиксируемым их состояниям» [2; 6].

Еще одной важной характеристикой социальных сетей Интернета выступает существенное воздействие на сознание пользователей.

Привлекая людей своими аудиовизуальными атрибутами, социальные сети способствуют возникновению зависимости, «растворению» человека в интернет-пространстве, потере им временных координат и т.п.

Целесообразно обратить внимание на то, что социальные сети Интернета потенциально способны продуцировать социальные конфликты. Социокультурная направленность активности населения в социальных сетях, проявление эгоцентризма, попытки продемонстрировать себя несут в себе риски столкновений, противоборства, соперничества. Ситуация усугубляется высоким уровнем анонимности пользователей социальных сетей, которые нередко скрывают свою истинную личность под различными «никами». Поэтому уровень бытовой агрессии при общении в социальных сетях значительно выше, чем в физической, повседневной реальности. Именно так создается благодатная почва для социальных конфликтов.

Необходимо отметить, что любой конфликт, связанный с деятельностью людей в рамках всего общества, коллектива или группы, может

быть охарактеризован как социальный конфликт. При этом конфликт может нести как позитивные, так и негативные последствия [4; 28-29].

Агрессивные действия пользователей в социальных сетях Интернета создают угрозы нарушения целостности информационных потоков, использования информации для разжигания социальных конфликтов. В этих условиях возникают риски информационной безопасности, которые локализуются не на макро-, а на микроуровне социальной реальности, что зачастую слабо прогнозируется научной мыслью.

Так, в современном глобальном постиндустриальном обществе особую опасность представляют информационные войны, ведущиеся не только на макро-, но и на микроуровне коммуникационной системы, т.е., в том числе, и в социальных сетях Интернета. Информационные войны угрожают информационной и национальной безопасности государства в независимости от места и уровня их локализации[3].

Подводя итоги, следует отметить, что виртуальные конфликты, разгорающиеся в пространстве социальных сетей Интернета, нельзя воспринимать как безобидное явление, своего рода «выпуск пара» гражданами, проводящими много времени в виртуальной реальности. Оскорбления личности, унижение достоинства людей, а также и социальных групп, общностей создает риски дестабилизации социальной обстановки и выхода интернет-конфликтов из-под контроля государства и правоохранительных органов.

В условиях информационного общества особую опасность имеют провокации конфликтов в социальных сетях, которые могут стать элементом общего агрессивного воздействия (например, ведение информационных войн). Ситуация осложняется, во-первых, локализацией конфликтов в социальных сетях Интернета, что может способствовать достижению конфликтов высокого уровня взаимной агрессии; во-вторых, слабым распространением технологий мониторинга пространства социальных сетей на предмет конфликтов - причем не только явных, но и потенциальных, только разгорающихся, «тлеющих» и т.д. Именно поэтому важную роль в управлении конфликтами в социальных сетях Интернета должна играть социологическая наука, прежде всего, ее эмпирический уровень, обладающий адекватными инструментами получения первичной информации.

Подводя итоги, следует отметить, что виртуальные конфликты, разгорающиеся в пространстве социальных сетей Интернета, нельзя воспринимать как безобидное явление, своего рода «выпуск пара» гражданами, проводящими много времени в виртуальной реальности. Оскорбления

личности, унижение достоинства людей, а также и социальных групп, общностей создает риски дестабилизации социальной обстановки и выхода интернет-конфликтов из-под контроля государства и правоохранительных органов.

В условиях информационного общества особую опасность имеют провокации конфликтов в социальных сетях, которые могут стать элементом общего агрессивного воздействия (например, ведение информационных войн). Ситуация осложняется, во-первых, локализацией конфликтов в социальных сетях Интернета, что может способствовать достижению конфликтов высокого уровня взаимной агрессии; во-вторых, слабым распространением технологий мониторинга пространства социальных сетей на предмет конфликтов - причем не только явных, но и потенциальных, только разгорающихся, «тлеющих» и т.д. Именно поэтому важную роль в управлении конфликтами в социальных сетях Интернета должна играть социологическая наука, прежде всего, ее эмпирический уровень, обладающий адекватными инструментами получения первичной информации.

Источники и литература

1) Жуйков А.А. Информационная безопасность в условиях генезиса виртуального пространства трансформирующегося российского общества: дис. канд. со-циол. наук. Краснодар, 2016.

2) Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: дис. канд. филос. наук. М., 2011.

3) Каспаров А.Р. Конфликтологический потенциал в российской полиции: со-ционормативное измерение: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2016.

4) Андрамонова В.В. Социальные сети как фактор становления информационного общества: социокультурный анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2017.

5) Рахматуллина З.Б., Кильсенбаев Э.Р. Информатизация и развитие общества. В сборнике: Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 196-198. Рахматуллина З.Б., Кильсенбаев Э.Р. особенности дистанционного и электронного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья. В сборнике: Инженерное образование и вызовы культуры в XXI веке сборник материалов II-ой Международной научно-методической конференции

"Наука, образование, молодёжь в современном мире". 2017. С. 88-92.

Обозная Мария Владимировна
Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Социальный конфликт в контексте интернет-пространства

Сегодня, с стремительным развитием цифровых технологий, цивилизация столкнулась с новыми барьерами, возникающими в процессе коммуникационной активности - это социальные конфликты. Почему произошло так, что распространение интернета, который предположительно должен был облегчить жизнедеятельность общества, стал неотъемлимым спутником бесконечных трений и противоречий во взглядах? Широкое распространение социальных сетей изменило структуру восприятия информации. Пространство социальных медиа и персональной коммуникации подвергаются качественным перестройкам, смешиваются, образуется единое поле получения и обсуждения только что полученной информации, тем самым превращаясь в среду конфронтации.

Виртуальные конфликты способны перемещаться в разных формах реальности - из электронно-коммуникационной в физическую, повседневную реальность, что придает таким конфликтам особую остроту и уникальный статус в социуме [1].

Конфликт в сети может вспыхнуть молниеносно, как спичка, переходя из небольших недоразумений в серьезные проблемы, вплоть до угроз, а может также быстро и погаснуть. В итоге возникает своего рода кризис, вне зависимости от того, имеет ли отношение лично к человеку и как далеко происходят события, личность концентрируется на информации о этом, кризис на расстоянии вытянутого пальца от экрана смартфона [2]. Зачастую в сети и на телевизоре демонстрируют сцены насилия, агрессии, криминального поведения. Это воздействие способствует формированию агрессивного социального настроения, весьма благоприятного для развития конфликтов.

Наиболее рациональный взгляд на природу социальных конфликтов обосновал известный ученый Р.Дарендорф, утверждая, что в общество постоянно подвергнуто изменениям, в любой момент своего существования оно переживает конфликт.

В настоящий момент не существует общепринятого определения конфликта в виртуальном сообществе. Ряд авторов смешивает конфликт и

агрессивное поведение пользователя, определяя социальный конфликт как степень для которой характерны открытое выражение злости и агрессии, а также конфликтное взаимодействие между виртуальными акторами.

В реальном межличностном взаимодействии субъект коммуникации видит то, с какой мимикой, жестами поступает информация, слышит интонацию и тон голоса собеседника. Глобальная сеть предоставляет множество вариантов для разнообразной маскировки своих действий, придания анонимности коммуникаторам. Особенностью интернет конфликтов является полное отсутствие слуховых и вербальных сигналов от собеседника: человек просто видит текст на экране и по своему интерпретирует эти символы, произносит «своей» интонацией.

Ввиду этого, конфликт в сети обладает рядом характеристик:

· анонимность (никто не знает, кто скрывается под никнеймом, скрытие своей идентичности)

· асинхронность (полное отсутствие взаимодействия, немедленной реакции в режиме реального времени)

· минимизация власти (в сети «все равны», незнание или игнорирование социального статуса собеседника позволяет сказать что угодно)

· невидимость (тесно связано с анонимностью, никто не знает о присутствии пользователя в сети в определенное время)

· диссоциативное воображение (пользователи воспринимают интернет общение как ролевую игру, от которой можно в любой момент отключится)

· солипсическая интроекция (наличие текстовой коммуникации наряду с отсутствием личного контакта приводит к слиянию сознаний сетевых собеседников, разговоры «у себя в голове»)

На основании выделенных параметров, американский психолог Джон Сулер назвал online disinhibition effect (эффект растормаживания в сети) [3].

Эффект растормаживания может быть незначительным или сильным, в определенной степени зависеть от индивида и ситуации. Изучение того, что раскрывают и скрывают люди в широком диапазоне интернет-сред, может стать лабораторией для понимания тонкой динамики личности.

Так, под конфликтом в виртуальном пространстве выступает противоборство социальных субъектов, которое возникает из-за дефицита ресурсов, нарушения правил и норм в ходе борьбы за доминирование, а также в связи с агрессивным поведением пользователей. Конфликтная ситуация становится таковой, если определяется ее акторами в качестве

конфликта, т.е. агрессивное взаимодействие не является обязательным для конфликта, возникающего в виртуальном пространстве.

История общества, ее морали и культуры представляет непрерывную гонку за стремления, борьбу идей и интересов, продолжительное соперничество и жизненные противоречия. Индивид всегда свойственно быть чем-либо неудовлетворенным, не со всеми соглашаться, отражая негатив посредством интернет-пространства. Информационные технологии позволили разделить территорию на виртуальную и реальную, работая в виртуальной и качественно изменять реальную. Глобальная сеть с ее атрибутами доступности, непрерывности, анонимности и интенсивности является значимыми причинами возникновения большого числа социальных конфликтов в контексте сети.

Социальные конфликты в сети —довольно распространенное явление, где встречаются акторы различных точек зрения и мировоззрений ,с диаметрально противоположными взглядами на жизнь, уровнем образования и даже материальным достатком. В совокупности это сказывается на качестве сетевой коммуникации, тем самым агрессивная интернет-среда для коммуникации является постоянным поводом для волнений, стрессовых ситуаций.

Источники и литература

1) Жуйков А.А. Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – №2(239). – С. 89-94.
2) Социальные сети отравлены ненавистью и страхом. Как избежать заражения? // Новая газета. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2016/04/06/68095-171-lyudi-postoyanno-vovlecheny-v-konflikt-8212-budto-u-nih-net-svoey-zhizni-187
3) Сулер Дж. Эффект растормаживания в Сети // Киберпсихология. Немного о психологии создателей и жителей Интернета. URL: http://ru-cyberpsy.blogspot.com/2012/08/blog-post.html?m=1

Ошроев Рубен Германович

ИГИ КБНЦ РАН, г.Нальчик, Россия

Основы делиберативной демократии в профилактике и разрешении конфликтов в современном полиэтническом обществе

Исследование посвящено проблеме применения делиберативной демократии в регулировании межэтнических отношений на примере одного из поликультурных регионов России - Кабардино-Балкарской Республики. Принимая во внимание тенденции развития современного общества, отметим, что векторы межкультурных взаимодействий приобретают такую особенность, когда они как бы преломляются через глобальные ценности, потребности и вызовы времени. Ситуация отягощается трансформацией социальной структуры в направлении поляризации общества, способствующей возникновению конфликтогенных условий, формирующихся комплексом взаимодействующих между собой кризисных факторов - экономических, политических, идеологических, конфессиональных, социокультурных. Важность комплексного подхода к решению имеющихся проблем, а так же необходимость претворения в жизнь федеральных и региональных программ прорывного развития, в основе которых лежит формирование человеческого капитала как главного ресурса развития современного общества и повышение качества жизни, актуализировали необходимость поиска эффективных форм и механизмов профилактики межэтнических противоречий.

Обращает на себя внимание набирающая популярность во всем мире делиберативная демократия, при которой принятие политических решений, формулировка политической повестки и рассмотрение спорных вопросов основывается на делиберативном общественном мнении. Под делиберативным общественным мнением понимается мнение, формирующееся в рамках рационального и аргументированного публичного дискурса, направленного на достижение консенсуса. Для этого представляется необходимым наделение гражданского общества правом вести дискуссии о политических решениях и влиянием на представительную власть при условии обеспечения полной информированности и сознательности общественности. Важно отметить, что принципы делиберативной демократии, указывающие на необходимость усиления курса на вовлечение граждан в принятие решений по значимым вопросам развития современного общества, так или иначе отражены в стратегиях, концепциях, программах федерального и регионального формата. Формирование такой культуры в современной Кабардино-Балкарии, культуры делиберативной демократии, упирается в некоторые проблемы. В первую очередь это отсутствие необходимой культуры диалога. При этом парадоксально, что достаточно часто в республике проходят мероприятия по проблемам диалога культур. Напрашивается вопрос, - о каком диалоге культур может идти речь при условии отсутствия необходимой культуры диалога?! Для иллюстрации отметим, что такая проблема, связанная с

отсутствием культуры диалога, имела место в работе двух общереспубликанских гражданских форумов, прошедших в республике 10 лет назад. Результаты этих форумов вошли в историю в качестве лишь разговоров о благих намерениях. Попытки решительного внедрения культуры делиберативной демократии, при которой принятие политических решений, формулировка политической повестки и рассмотрение спорных вопросов основываются на делиберативном общественном мнении, провалились в силу различных обстоятельств. Главным образом эти мероприятия показали неготовность общества к современным формам рассмотрения проблем, привыкшего к тому, что государственная власть строго регламентирует все стороны жизни и берет на себя функции по решению всех вопросов. Не случайно, что именно выражение «рыба гниет с головы», а не «любой народ заслуживает то правительство, которое он имеет» доминирует в общественном сознании, в оценках населением происходящих в республике процессов. При этом симптоматична поведенческая установка «моя хата с краю» и перекладывание всей ответственности за происходящие события на власть. Также имеет место необоснованное доминирование значимости вертикальных связей над горизонтальными в процедурах рассмотрения вопросов и принятия решений, когда в ходе обсуждения проблем, мнение старшего по возрасту при прочих равных условиях имеет приоритет над мнением младшего, когда убедительность измеряется не силой приводимых аргументов, а годом рождения. Не удивительно, что и соблюдение регламента в ходе выступлений распространяется на них по-разному.

Что касается принимаемых решений в ходе обсуждения различного рода вопросов, то они должны быть репрезентативными в корреляции с основной структурой населения республики. Бывает так, что результатом обсуждения проблем, допустим, молодежи, становятся принимаемые решения, без учета мнения самой молодежи. Такие практики препятствуют полноценному внедрению принципов по активному вовлечению граждан в процесс принятия решений. Более того, они способствуют консервации уже сложившихся практик по укреплению апатии и установки стороннего наблюдателя к происходящим в республике процессам, трансляции унаследованной от советской эпохи иждивенческой психологии, безынициативности, абсентеизма и, в целом, уходу значительной части населения в маргиналии этнического и религиозного фундаментализма.

Следует отметить, что в Кабардино-Балкарии функционирует Общественная палата Республики, общественные советы, другие коллегиальные и совещательные институты при органах исполнительной и муниципальной власти. Но опыт, накопленный в экспертно-аналитической

деятельности в Республике на общественных началах, оставляет желать лучшего. Особенно это касается экспертно-аналитической деятельности с использованием ресурсов научного сообщества. Характерно, что мониторингом, который должен быть регулярным и основательным по самым различным проблемам, в т.ч. межэтническим и конфессиональным вопросам, на профессиональном уровне никто так и не занимается. А ведь без регулярного снятия общественного мнения по самым различным вопросам и их глубокого анализа с последующей выработкой практических рекомендаций на основе использования возможностей современной социологии, политологии, антропологии, этнологии и других направлений гуманитарной науки, говорить о стратегически правильно выверенных задачах и беспроигрышных механизмах их решения будет довольно таки затруднительным. Наряду с разрешением прямых целей и задач, профессиональный мониторинг самых различных вопросов в республике может стать действенным механизмом обеспечения обратной связи между властью и населением, а так же эффективным инструментом в профилактике конфликтов в современном обществе.

***Петрова Ирина Владимировна*[1]*, Петров Александр Александрович*[2]**

1 - РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, РФ; 2 - ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, Санкт-Петербург, РФ

Проблема социокультурного комплаенса в глобальном обществе

Функционирование и развитие общества, зависит от его организации, от экономических, политических, идеологических, социокультурных детерминант, предполагает социальное наследование посредством передачи знаний и культуры. На современном этапе прослеживается влияние глобализации на культурную однородность членов общества (глобальный менталитет). Информатизация и цифровизация общественных сфер значительно увеличила масштабы доступных цифровых данных для «исследователей», информационные потоки проникают и манипулируют сознанием людей, отражаясь в социальных, управленческих, академических и др. практиках. Массовое высокоскоростное распространение определенного некритического мышления, стандартов поведения формирует специфический образ жизни, нивелируя традиционные стандарты индивидуальной, профессиональной, общественной этики. Стихийно-

сформированнная специфическая идентичность сознания информационного общества, изолированная от понятия «информационная культура», несет возможную угрозу стабильности/сохранению социума.

Сегодня прослеживаются признаки увеличивающейся асимметрии между традиционными коммуникациями и Интернет-коммуникациями. Пользователи Интернета обращаются к Биг Дата или к стэкам за актуальной информацией для оперативного, малозатратного и экспертного разрешения различных социальных проблем/конфликтов. Следует понимать, стэки рассматривают пользователей как покупателей (коммерческий интерес) и, несмотря на открытость представленной информации, вызывает недоверие «новое знание», размещенное на подобных ресурсах (вопросы экспертизы). Современники в таких коммуникациях ощущают и идентифицируют себя универсальными экспертами. Важно учитывать, что только обращение и следование указаниям истинных экспертов способно реализовать защитную функцию в разрешении каких-либо эксцессах.

Термин «комплаентность» как правило, фигурирует в сферах экономики, права, культуры (медицины) как точного и осознанного выполнения рекомендаций эксперта клиентом и связан с проблемой социализации человека вообще, именно с социализацией, а не с воспитанием личности (и это уже вопросы социологии). Воспитание носит прерывистый дискретный характер воздействия акторов на субъекта, социализация непрерывна, сменяются лишь агенты - появляются новые сменяя старых, либо синергируют совместно, сопровождая человека на пути адаптации к определенной социальной среде. Безусловно, повышение качества медицинской помощи - это цель государственной политики цивилизованных государств и России, соответственно. В стране успешно реализуется национальный проект «Здоровье» и др. мероприятия, но все ли можно вписать в нормативно-правовые рамки или все же останутся не разрешимыми вопросы, связанные с психологией, этикой и другими отраслями научного знания, являющимися в данном контексте неотъемлемыми знаниевыми составными процесса социализации человека (пациента), где актором выступает медицинская персона/институт здравоохранения, а индикатором - комплаентность?

Предпосылки как для комплаенса так и для нон-комплаенса, аккумулируются в различных общественных институтах (экономики, культуры, политики), соединяются в пул в случае влияния или отсутствия одного фактора - «социального запроса на комплаенс». Необходима определенная степень активности государства (медиация) в процессе формирования информационной культуры российских членов глобального

общества. Соответственно, конструированием и реализацией ответных мер на столь важный вызов (социальный заказ) вправе и способен заняться социально-политический институт - государство, но отсутствие достоверных знаний по проблеме является препятствием для разработки эффективных программ.

Комплаенс следствие социальных конструкций (воображаемых и реальных), внедренных в сознание людей, созданных определенными условиями (социальными, психологическими и, отдельно следует выделить, информационными) и при участии актантов. Перед учеными стоят задачи извлечения, раскрытия, внедрения и поддержания этих специфических контекстов в глобальное сознание информационного общества. Трансдисциплинарный взгляд (социологический, психологический, клинический, информационный и технологический) может быть исследовательским базисом для нахождения функциональных решений. Понимая важность научного изучения дефиниции «комплаенс» необходимо введение ее в категориальный аппарат социологии. Эффективное управление экономикой, политикой, культурой (медицина, образование, право и т.д.) в условиях недоверия потребителей отраслевым экспертам - нон-комплаенса, означает провал бизнес-проектов, фол военно-политических операций, срыв социальных акций, блэкаут программ общественного здоровья и т.п. Социологическая наука отличается универсальностью законов, специфической фактуальностью, обладает необходимой абстрактностью и с учетом актуальных потребностей общества развивается, определяя новые направления (цифровая социология).

Личность неразрывно связана с обществом через систему отношений, но эти отношения гармоничны в случае, если опосредованы культурой как совокупностью актуальных ценностей и легитимных норм. Современное российское общество, являясь частью глобального общества, находится на очередном переходном этапе - в информационное общество и его члены должны быть носителями информационной культуры, позволяющей им и рефлексивно и критически взаимодействовать с информационной средой для комплаенса окружающей действительности.

Попкова Наталья Владимировна
Брянский государственный технический университет, Брянск, Российская Федерация

Техногенный фактор формирования современных социокультурных конфликтов

Культура включает, по словам А.А.Гусейнова, «способы восприятия, манеру чувствовать и думать... неосознанно и автоматически воспринятые установки, общие в целом для эпохи и социальной группы... модели поведения и стереотипы реакций»: благодаря им поведение членов общества становится единообразным и предсказуемым. С помощью ценностей и норм культура упорядочивает поведение людей, накладывая ограничения на возможные пути достижения целей [1, с.39-40]. Поэтому в основании современных социальных конфликтов лежат трансформации культурных норм, вызванные происходящими в глобальном мире изменениями. Поскольку основной тенденцией развития человечества в XX веке был научно-технический прогресс, а современное состояние человечества характеризуется как жизнь в техногенной среде [4,9], то в происходящих социокультурных конфликтах можно выделить техногенный фактор. Техносфера, созданная совокупностью материальных средств деятельности человечества, как считает В.М.Розин, уже приобрела системные характеристики: сегодня для людей характерны «и полная зависимость человека от технических систем обеспечения... и потребности, которые исподволь или явно... формируют технические новации» [8, с. 111]. Поэтому техногенное воздействие на культуру требует исследования [2, 3, 5] и анализа своего воздействия на мировоззрение человека [6, 7].

Можно выделить следующие пути воздействия технического прогресса на культурные процессы, ставшие фактором возникновения или обострения конфликтов.

1. Унификация национальных культур, почти всегда сопровождающая внедрение новых технологий. Поскольку большую часть XX века эти новые технологии имели западное происхождение, результатом становится не формирование единой общечеловеческой культуры, а вестернизация, распространение западного образа жизни. Ответом на этот процесс может являться воинствующий традиционализм - отказ от культурных нововведений.

2. Утрата единства культурного поля - раскол культуры на элитарную и массовую. Основная функция массовой культуры - дать потребителю возможность отдохнуть, а не вызывать недовольства собой и своей жизнью. Она развлекает, но не воспитывает. Как отмечал В.С.Степин, «массовая культура укоренялась в техногенных обществах в связи с преобразованиями повседневной жизни, вызванными урбанизацией, разрушением традиционалистских общинных отношений, распространением массовых форм образования». Причинами были «стандартизация производства и потребления, возникновение индустрии детского воспита-

ния, медицинского обслуживания, досуга и развлечений». К сожалению, «массовая культура стала... пропагандистом идеалов потребительского общества» [10, с.9], затрудняя выработку критического мышления, разработку и реализацию природоохранных мероприятий.

3. Информатизация как создание новых информационных технологий и их внедрение в социальный организм, изменяющее привычные формы деятельности и типы рациональности. Современный человек оказался в целостной информационной среде, воздействие которой на его жизнь и менталитет еще полностью не исследовано. По крайней мере, формирование виртуальной реальности предоставило невиданные ранее способы управления сознанием миллионов людей. Отмечается и феномен фрагментарного, «клипового» сознания, которое вырабатывается у человека, погруженного в океан информации.

4. Формирование особых молодежных контркультур, иногда противопоставляющих себя общечеловеческим нормам культуры и морали. С одной стороны, старшие поколения отстают от потока новых технологий, а молодежь гораздо легче их воспринимает; с другой, увеличивается время, необходимое на образование молодежи, и профессиональное самовыражение долгое время остается невозможным, что компенсируется созданием неформальных групп (благодаря глобальной информационной среде) и отрицанием авторитетов.

Итак, конфликтогенные изменения в культуре современной эпохи связаны с ростом искусственной окружающей среды, техносферы. Поскольку перечисленные тенденции вызваны объективными закономерностями технологического развития, преодолеть их можно не проповедью о «возвращении к истокам», а на пути гуманизации технического прогресса.

Источники и литература

1) Гусейнов А. А. Соционормативная сфера культуры // Вопросы философии. –2008. –№ 8. –С. 39-50.

2) Попкова Н.В. Перспективы культурологии техники // Вопросы культурологии. – 2014. – №1. – С.44-48.

3) Попкова Н.В. Техногенные факторы в современном культурном развитии // Вопросы культурологии. – 2009. – №8. – С.8-12.

4) Попкова Н.В. Техносфера как техногенная среда существования человечества // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №5. – С.324-331.

5) Попкова Н.В. Техносфера как фактор развития культуры // Культура и искусство. – 2017. – №8. – С.43-52. DOI: 10.7256/2454-0625.2017.8.23805

6) Попкова Н.В. Трансформация антропологического дискурса в современном обществе // Мир психологии. – 2017. – №4. – С173-185.

7) Попкова Н.В. Человек в техногенном мире: мировоззренческие противоречия и философский поиск // Мир психологии. – 2018. – №4. – С.22-34.

8) Розин В. М. Диалог технария и гуманитария о кризисе техники и путях его преодоления // Философские науки. –2004. –№ 9. –С. 104-118.

9) Розин В.М. Техника и социальность: Философские различения и концепции. –М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 304 с.

10) Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. – 2011. – №2. – С.8–17.

Прокофьева Дина Владимировна

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Интернет и конфликты в сетевом общении

В 21 веке одним из основных масштабных изменений в социуме становятся компьютерные технологии и глобальная сеть - интернет, который стал неотъемлемой частью повседневной жизни многих людей. Ежедневно они применяют его для общения, получения образования и поиска нужной информации. Число пользователей информационно-коммуникативной среды увеличивается, а сама сеть становится доступной для различных социальных групп, включая и социально незащищенные группы [8].

Проблема современного общества заключается в том, что «пространство виртуальной среды, основанное на использовании информационно-компьютерных технологий и Интернета, крайне сложно поддается управленческому регулированию» [3, С. 90]. Раньше люди получали информацию из газет, журналов, телевидения, радио и обсуждали новости и животрепещущие события с родственниками, соседями, друзьями, то есть с теми людьми, которые относятся к ближайшему окружению [5], [6]. В современных условиях интернет и различные цифровые платформы стерли расстояния между людьми, объединив пространство получения

информации и пространство социальных коммуникаций. Пользователи современных гаджетов, и особенно молодежь, обсуждают новости там же, где получают, и это пространство превращается в среду высококонцентрированной информации, которая имеет как положительный так и негативный характер. Многие молодые люди не смотрят на ситуацию со стороны, не анализируют всесторонне происходящее событие или новость, и им не хватает толерантного отношения к мнению других [4]. В связи с этим зарождается «зерно» конфликта, и малозначительное недопонимание может перейти в травлю или привести к агрессивному выяснению отношений.

В этих условиях необходимо овладеть правилами сетевой этики - грамотно строить диалог с собеседником, уважительно относиться к его мнению и развивать толерантное отношение к окружающим, особенно это касается молодежи [4],[5]. Ведь в интернете у людей нет никаких визуальных и слуховых подсказок для того, чтобы расшифровать намерения, смысл и тон собеседника. Есть только слова на экране компьютера и то, как человек воспринимает их.

Не стоит забывать, что между участниками сетевого общения может быть огромная разница в возрастных, интеллектуальных, культурных, психоэмоциональных показателях. Так, С. Орлов отмечает, что «Социальные сети достигли определенного успеха за счет направленности на конкретную, целевую аудиторию» [2]. Этой целевой аудиторией часто является молодежь. Она, в виду своей активной социализации, готова познавать новую окружающую ее информационную среду и всесторонне развиваться в ней. Как показывает исследование, проведенное в 2016 году в России, минимум 83 млн. граждан старше 12 лет каждый месяц пользовались Интернетом. Их было вдвое больше, чем тех, кто выходил в сеть реже или не выходил вообще. В городах с населением меньше 500 тыс. и селах число пользователей быстро растет, хотя там еще проживает несколько миллионов людей молодого и среднего возраста, которые пока не пользуются Интернетом. 84% пользователей Интернета используют для выхода в сеть больше одного устройства - например, рабочий и домашний компьютеры или компьютер и мобильное устройство. Около 90% пользователей моложе 30 лет выходят в Интернет с мобильных устройств (только с них или наряду с компьютерами). Те, кто используют и компьютер, и телефон, выходят в сеть за неделю в среднем 19 раз, и пребывают в ней более семи часов [1].

Особенности интернет-конфликтов характеризуются ослаблением психологических барьеров, ограничивающих выход скрытых чувств и потребностей, который заставляет людей вести себя в сети так, как они

не поступают в обычной жизни. Это ослабление зависит от различных факторов, среди которых можно выделить анонимность, невидимость и безнаказанность.

При этом следует отметить, что запретительные меры по отношению к социальным сетям являются не самым эффективным способом регулирования социального взаимодействия.

Перед современным человеком стоит сложная задача построения грамотной функциональной модели сетевого общения, эффективно разрешая конфликты. В этой связи необходимо исследовать внутренние механизмы сетевого общения и учитывать возможные направления динамики его развития под воздействием новых социальных вызовов для предупреждения возможных конфликтов. Глобальная сеть может помочь перенести межличностные отношения на новый уровень взаимодействия или, наоборот, после очередного неразрешенного конфликта, отдалить людей друг от друга.

Источники и литература

1) Воронкова О.А. Интернет-активность и гражданское сознание // Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим: Сборник научных статей. / Под ред. Ю. А. Красина (отв. ред.), А. Б. Вебера, А. А. Галкина. - М.: Изд. «Аспект Пресс», 2017. - 256 с. С. 192-208.

2) Долматов Н.В. Влияние современных интернет-коммуникаций на политические конфликты // Научное сообщество студентов XXI столетия. общественные науки: сборник статей по материалам международной студенческой научно-практической конференции № 3(62). url: https://sibac.info/archive/social/3(62).pdf (дата обращения: 20.01.2020)

3) Жуйков А.А., Каспаров А.Р., Нурахмедова А.А Виртуальные конфликты в социальных сетях интернета как угроза информационной безопасности // Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Весник АГУ». Выпуск 2.(239). 2019 С.89-94.

4) Рахматуллина З.Б. Общение как основа формирования поликультурной личности в современном образовательном пространстве // В сборнике: Гуманистическое наследие просветителей народов Евразии в культуре и образовании материалы X международной научно-практической конференции. 2015. С. 250-252.

5) Рахматуллина З.Б., Глебова С.Е. Гетеростереотипы о России в межкультурной коммуникации студентов // В сборнике: Актуальные

проблемы коммуникации: теория и практика материалы XI всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2019. С. 137-141.

6) Рахматуллина З.Б., Королева Н.Л. Информационные технологии в жизни пожилых людей // В сборнике: Стратегии развития России и социальная работа Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием. Южный федеральный университет. 2019. С. 89-91.

7) Рахматуллина З.Б., Королева Н.Л. Роль компьютерных и интернет-технологий в жизни пожилых людей // В сборнике: Социальный потенциал пожилых людей: условия, опыт, проблемы эффективного применения Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Под общей редакцией Л.И. Савинова. 2019.

8) Рахматуллина З.Б. Некоторые вопросы дистанционного обучения детей-инвалидов // В книге: Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина Сборник материалов. 2019. С. 1602-1604.

Прохода Владимир Анатольевич

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Миграция в ракурсе общественного мнения россиян

Миграционные процессы в современном мире, затрагивая все сферы жизни общества, сопряжены с комплексом угроз и вызовов: конкуренцией на рынке труда, криминализацией экономики, ростом преступности, нарастанием угрозы терроризма, деформацией ценностей коренного населения др. Проблемы, связанные с миграцией актуальны для многих государств и в том числе для России. Массовая миграция детерминирует возникновение социальных противоречий между приезжими и принимающим сообществом. Эти противоречия, обостряясь, могут проявляться в форме социальных конфликтов. В таком контексте представляется актуальным рассмотреть установки населения по отношению к мигрантам с использованием материалов авторитетного межстранового исследования.

Публикация базируется на вторичном анализе данных девятой волны трендового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS)», проведенного в 2018

г. «ESS» - проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран. Социологические опросы проводятся каждые два года в трёх десятках европейских государств. Россия участвует в «ESS» с 2006 г. Метод сбора первичной социологической информации - личное интервью (face-to-face) на дому у респондентов. Опрос проводился среди населения в возрасте 15 лет и старше.

В каждой стране опрашивали респондентов по национальной репрезентативной случайной выборке. Российское социальное исследование по программе ESS проведено ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в ноябре 2018 - феврале 2019 г., размер выборки составил 2416 респондентов. Методология исследования описана в технической документации проекта на сайте https://www.europeansocialsurvey .org/. Анализируются данные по 20 странам.

Для выявления отношения россиян к мигрантам использовались следующие вопросы:

В 41. «*Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Россию, в целом плохо или хорошо сказывается на экономике России?*». От «0» - «плохо для экономики» до «10» - «хорошо для экономики»;

В 42. «*Приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России?*». От «0» - «разрушает культуру нашей страны» до «10» - «обогащает культуру нашей страны»;

В 43. «*С притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже?*». От «0» - «становится хуже» до «10» - «становится лучше».

Проведенный анализ показал, что среди россиян доминируют негативные оценки миграции. Такой вывод в целом соотносится с результатами ряда других исследований [1; 2]. Россияне убеждены, что приток мигрантов скорее негативно сказывается на экономике (средний балл - 4,38; SD=2,54), способствует разрушению культуры принимающего сообщества (4,27; SD=2,63), делает страну как место для жизни хуже (3,97; SD=2,44). По своим установкам жители России выделяются на общеевропейском фоне. Хуже оценивают влияние миграции на жизнь в стране только жители Чехии (3,72; SD=2,23), Болгарии (3,91; SD=2,48) и Венгрии (3,94; SD=2,02), а максимальных значений показатель достигает в Ирландии (6,35; SD=2,02), Норвегии (5,93; SD=2,06) и Великобритании (5,78; SD=2,52).

Ситуация отчасти повторяется применительно к оценке влияния мигрантов на культуру коренного населения. Россия соседствует с государ-

ствами, чье население опасается разрушения иммигрантами культурного поля страны, - Чехией (3,67; SD=2,23), Болгарией (4,04; SD=2,59) и Венгрией (3,88; SD=2,38). В тоже время жители Финляндии (6,98; SD=2,05), Норвегии (6,32; SD=2,27), Нидерландов (6,29; SD=1,99) наоборот уверены, что приезжие обогащают культуру принимающего сообщества.

Оценка россиянами влияния мигрантов на национальную экономику схожа с установками жителей Чехии (4,31; SD=2,45) и Словении (4,46; SD=2,62). Наибольший оптимизм относительно роли миграции фиксируется в государствах с мощной экономикой, нуждающейся в привлечении дополнительных трудовых ресурсов, таких как Швейцария (6,18; SD=2,05), Ирландия (6,16; SD=2,38), Германия (6,13; SD=2,33), Великобритания (5,96; SD=2,4) и др. Как угрозу экономике воспринимает мигрантов население Венгрии (3,6; SD=2,29), Сербии (3,93; SD=3), Кипра (4,12; SD=2,33) и Болгарии (4,13; SD=2,6).

Отметим положительную динамику в установках россиян по отношению к мигрантам. Сравнение с предыдущей волной исследования (ESS 2016) показывает, что россияне в целом стали относится к мигрантам лучше. Это касается как оценки влияния миграции на экономику (средний балл в 2016 г. - 3,78; SD=2,31), так и на культуру (соответственно - 3,6; SD=2,33) и жизнь в стране в целом (3,46; SD=2,2).

Таким образом, результаты исследования позволяют констатировать, что россияне по сравнению с населением большинства стран-участниц проекта демонстрируют негативные установки по отношению к мигрантам. Это может способствовать высокому уровню социальной напряженности в российском обществе, является потенциалом для возникновения межэтнических конфликтов. В тоже время анализ динамики показателей за 2016-2018 гг. свидетельствует о некотором улучшении отношения коренного населения страны к мигрантам.

Источники и литература

1) Отношение к мигрантам в России ухудшается – «Левада-центр» [Электронный ресурс]. Ведомости. 27.04.2017. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687871-otnoshenie-migrantam-uhudshaetsya (дата обращения: 14.01.2020).

2) Донцов А.И., Зеленев И.А., Прохода В.А. Макросоциальная динамика и этническая толерантность/ интолерантность в современных Европе и России // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 75–93.

Рахманова Юлия Викторовна

РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Актуализация этнических конфликтов в условиях глобализации

Одним из частных случаев социального конфликта является этнический конфликт, который, в свою очередь, в массовом сознании часто связывается с таким понятием, как «национализм». Данное понятие является одним из тех комплексных понятий, которые довольно трудно однозначно определить [Подр. см.: 3]. Если попытаться описать структуру националистического дискурса, то стоит обратиться к работам Исайи Берлина [Подр. см.: 1]. Автор выделил следующие компоненты/положения, образующие в своей совокупности националистический дискурс:

1) Представление о том, что принадлежность к определенной нации - это базовая черта существования человека.
2) Нация представляет собой единый организм, где люди, принадлежавшие к одной нации, являются его элементами, находящимися во взаимодействии.
3) Польза нации - высший приоритет, с позиций которого рассматриваются все действия/события: «правильно и морально то, что идет на пользу моей нации, даже если это сомнительно с точки зрения общечеловеческих нравственных критериев».
4) Нация - главное основание всех притязаний на власть.

Даже на основании такого краткого описания дискурса национализма, нельзя не заметить, что последний может играть и играет огромную роль при производстве и поддержании этнических конфликтов. Этнические конфликты, в свою очередь, можно рассматривать с позиций различных теоретических подходов, в частности, примордиализма и инструментализма [Подр. см.: 4].

Инструментализм отмечает особую роль интеллектуальных элит в идеологическом обеспечении конфликтов: во-первых, интеллектуалы консультируют действующих политиков; во-вторых, сами непосредственно воздействуют на массовое сознание через средства массовой коммуникации.

Но даже интеллектуалам не под силу создать этнический конфликт, если для него нет социально-культурных предпосылок.

Процесс глобализации высвечивает новые аспекты как в процессе производства этнических конфликтов, так и в проблеме поддержания

суверенитета нации. Глобализация влечет за собой ослабление экономического, а как следствие, и политического суверенитета национальных государств. Кроме того, глобализация открывает этническим меньшинствам новые возможности для их притязаний на суверенитет.

Развитие средств массовой коммуникации, появление и распространение новых информационных технологий способствует усилению воздействия национальных идей на потенциальную аудиторию, в том числе и за счет виртуального преодоления географических расстояний: можно влиять на ситуацию в любом регионе (например, на исторической родине) на расстоянии, провоцируя конфликты, вербуя сторонников, в том числе и тех, кто готов к радикальным действиям.

Сеть становится местом обитания новых воображаемых сообществ, в том числе сформированных по принципу этнической или этно-религиозной идентичности [Подр. см.: 2].

Способствует эскалации конфликта не только обращение к своим сторонникам для их мобилизации посредством средств массовой коммуникации, но и поддержание напряженности в отношениях между этническими группами через обращение к противникам. Таким образом, конфликт приобретает значимость в глазах его участников, становится важной составляющей текущей информационной повестки. Наличие врага - один из наиболее эффективных приемов поддержания этнической мобилизации, если такого врага нет в действительности, его можно сконструировать, используя различные манипулятивные технологии.

Таким образом, можно сделать вывод, что глобализация автоматически не снимает этнические конфликты через осознание единства развития человечества, а наоборот, многие этнические конфликты актуализируются как выражение несогласия с процессами глобализации, которые трактуются как унификация через экономический, политический и культурный диктат более сильных игроков, в качестве которых все чаще выступают не только государства, но и международные корпорации и межгосударственные организации. Взрывное развитие средств массовой коммуникации, появление новых информационных технологий дает возможность даже небольшим этническим группам заявить о себе как о серьезных игроках на мировой политической сцене, с интересами которых необходимо считаться.

Источники и литература

1) Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В.П.Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.

2) Берлин И. Философия свободы. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

3) Рахманова Ю.В. Национализм как социокультурное явление // Homo Eurasicus в системе экологических и социальных связей: коллективная монография по материалам VIII Международной научно-практической конференции 24 октября 2017 г./ Отв. ред. Е.А.Окладникова, А.О.Марова, СПб: L-Print, 2018. С. 29-33.

4) Рахманова Ю.В. Примордиалистсткий и инструменталистский подходы к современным этническим конфликтам // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием; Москва, 10 октября 2019 г.; МГУ имени М.В. Ломоносова: Сборник тезисов / под общ. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2019. С. 289-291.

***Рахматуллина Зиля Борисовна*[1], *Глебова Софья Евгеньевна*[1]**

1 - Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Глобализация и глокализация культур как тренды современного социогенеза

В настоящее время многие исследователи отмечают, что глобализация — это сложный процесс, представляющий собой тождество и различие универсализма и тенденций, имеющих проявления противоположной направленности.

Как справедливо отмечают исследователи, влияние глобализационных процессов носит разноплановый характер, так как, с одной стороны, ограничивает сферу национального, а с другой - пополняет ее общекультурным, тем самым расширяя его рамки [3, с. 27].

Одним из последствий глобализации является неуверенность в оригинальности и подлинности культур. Если исследовать долгосрочный взгляд на глобализацию, то «локальность» уже сама по себе является следствием глобализации. В мире практически нельзя найти такие культуры, которые можно было бы рассматривать как изолированные и не связанные с глобальными процессами.

Также нельзя игнорировать и обратное воздействие — влияние локальных культур на глобализацию. Этим объясняется появление термина «глокальный» и существительного «глокализация», образованных путем симбиоза терминов «глобальный» и «локальный». Словосочетание

«локальная глобализация» пришло к нам из Японии, но его научная интерпретация принадлежит профессору Роланду Робертсону. В ходе рассмотрения проблемы глобализации культур, он сделал вывод, что «большая часть эволюции человеческой культуры, может рассматриваться как обмен, взаимопроникновение, где широко распространено скрещивание, заимствование и адаптация к местным потребностям» [4, с. 185]. Исходя из концепции Р. Робертсона, можно утверждать, что процессы глобализации и глокализации имеют взаимозависимый характер.

Глокализация не обещает мир, который был бы свободен от конфликтов и напряжений, но при этом она предлагает более исторически обоснованный и прагматичный взгляд на понимание сложных социокультурных вопросов. «Глобализация, не принуждает национальные культуры к безоговорочному подчинению, она дает возможность познакомиться с опытом других цивилизаций и вступить с ними в конструктивный диалог для дальнейшего сотрудничества в области культуры» [2, с. 115].

Национальные культуры, по мнению Н. Розенберга, это кирпичики глобального мира. Особенности, а также закономерности и логика развития позволяют им не потеряться в русле глобализационных процессов. Национальные культуры смогут придать глобализации особый колорит лишь при условии признания самоценности каждой из них. Сегодня вряд ли возможно найти этнос, который не ощутил воздействия со стороны культур других народов [3, с. 29].

Заимствование элементов одной культуры другой не может протекать как механический процесс. Когда же это происходит, то заимствуемый элемент культуры переосмысляется и приобретает в иной культуре иное значение [1, с. 157]. Также нельзя забывать о том, что культура — это огромный, мощный ресурс, воздействующий на людей, поэтому необходимо более ответственно подходить к тем ценностям, которые транслируются в нашем обществе и которые должны стать приоритетными в дальнейшем. Однако стоит помнить, что современная массовая культура ярко демонстрирует нам, что происходит смена устоявшихся ценностей, и на их место приходит новое мировоззрение.

Таким образом, процессы интеграции различных мировоззренческих подходов, смешивание отдельных элементов национальных культур совпадают с направлением поиска выхода из многоликого культурного кризиса, охватившего современное общество. Создание новых ценностных установок с учетом особенностей традиционных культур, позволит обществу толерантно относиться к представителям разных национальных сообществ. На сегодняшний день единственным вариантом сосуществования различных типов мировоззрения в условиях глобализирующегося

мира является уважение к жизни, свободе и ценностям каждого индивида. Современный человек, как и весь мир, становится открытой системой, в его сознании переплетаются собственные предпочтения, традиции, новации и влияние глобализации. Учитывая, что глокализация является необратимым и всеобщим процессом, очень важно определить культурные приоритеты для дальнейшего развития человечества.

Источники и литература

1) Овсянникова Т.А. Глобализация или глокализация: стратегия развития локальных культур // Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2018. — С. 155-160.
2) Розенберг Н. Национальные культуры как вызов глобализации // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. 2014. №3(31). — С. 111-117.
3) Розенберг Н. Социокультурные проблемы современности // Вестник Томского государственного университета. Общественные науки: Социокультурные проблемы современности. 2015. Вып. 1(1). — С. 26-30.
4) Khondker H.H. Globalisation to Glocalisation: A Conceptual Exploration // Intellectual Discourse,№2, С. 181-199.

Рвачева Ольга Владимировна

Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Локальная культура донского казачества в условиях социокультурной модернизации (на материалах гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ»)

Локальные сообщества в России с сохранившимися элементами традиционной культуры в условиях модернизационных периодов XX века оказывались нередко в ситуации растворения своей культуры и идентичности в глобальных социокультурных процессах. Яркий пример такого «столкновения культур» (глобальной и локальной) - попытки сохранения традиционной культуры казачеством. Возрождение казачества конца XX - начала XXI вв. происходило в ситуации развития глобализации

и модернизации всех социальных и экономических систем российского государства.

Существование казачества, как общности со специфической культурой, в рассматриваемый период, выявило несколько проблемных областей. Во-первых, российское казачество является неоднородной общностью, а конгломератом локальных культур, обладающих специфическими характеристиками. Донское казачество, преимущественно располагающееся на территории Волгоградской и Ростовской областей, является исторически самой ранней общностью с яркой и самобытной культурой и особенностями менталитета. Социологические исследования выявляли устойчивость локальной культуры донского казачества в современных условиях. Вместе с тем, под воздействием модернизационых процессов традиционная народная культура постепенно уходила из народной среды. Оставаясь важной частью жизнью сообщества, она трансформировалась из народной культуры в культуру «для народа» [3, с. 166].

Во-вторых, социокультурное развитие донского казачества к началу XX века достигло уровня субэтноса, но его дальнейшее развитие было прервано социалистической модернизацией. В итоге с началом возрожденческого процесса, в среде донского казачества происходит реконструкция традиционной локальной культуры, сам процесс приобретает этнокультурную направленность на территориях проживания донских казаков. Возрожденческий процесс породил ситуацию квазиэтнической консолидации донского казачества. Это нередко порождало/усиливало конфликтные ситуации, связанные с удержанием локальной общностью приоритетных прав на территории своего традиционного проживания.

В-третьих, традиционная культура донского казачества сохранилась, в основном, на бытовом уровне. Процесс ее восстановления сочетал, как элементы реконструкции, так и элементы конструирования, порождая ситуацию «создания традиции». На территориях проживания казачества возрождаются/создаются праздники и различные культурные практики донских казаков. Например, конные скачки, рубка лозы, фольклорные фестивали, православные праздники с элементами казачьей культурной специфики, шермиции.

Важной частью социокультурного конструирования является создание праздничной культуры. Современные казачьи праздники начинают организовываться с середины 1980-х г. Первым опытом такого конструирования стал фестиваль Шолоховская весна. Как показало проведенное социологическое исследование в 2019 году в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ» (Волгоград-

ская область, анкетный опрос, n = 844, июль - август 2019 г.) для 38,4% жителей сельских поселений Волгоградской области, наиболее значимыми и запоминающимися событиями регионального и местного значения являются именно праздники, связанные с казачьим возрождением. В местах традиционного проживания казачества значимость казачьих праздников, таких как, «Золотой щит - Казачий спас», отмечает 67% респондентов. Подобные культурные мероприятия представляют собой формы вторичной культуры [1, с. 2-6; 2]. В их рамках традиция приобретает новое качество и одной из важнейших задач таких праздников является актуализация культурно-исторических традиций казачества.

Перечисленные проблемные области породили две тенденции развития донского казачества, как локальной общности в начале XXI века. Первая - социальная и культурная трансформация казачества, как группы со специфической локальной культурой, подвергшейся воздействию модернизационных процессов. Вторая - конструирование новых культурных характеристик группы, адаптированных к новым внешним условиям существования казачества и запросам самого сообщества.

В обоих случаях такие процессы оказывают большое воздействие на состояние локального сообщества. Это воздействие определяется в следующем - сохранение культуры и культурной памяти; воспроизводство идентичности; формирование многоуровневой идентичности.

Источники и литература

1) Бондарь Н. И. Вместо предисловия // Вторичные формы традиционной народной культуры: материалы научно-практической конференции. (Краснодар, 26-27 ноября 2010 г.) - Краснодар: Традиция, 2010. – С. 2-6.

2) Рудиченко Т. С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX – начала XXI века // Вторичные формы традиционной народной культуры. Материалы научно-практической конференции (Краснодар, 26-27 ноября 2010 г.). Краснодар: Б. и., 2010. С. 160-172.

3) Рыблова М. А. Народные праздники в процессах организации времени и пространства: на материалах донской казачьей традиции // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. С. 134-167.

***Решетникова Екатерина Владимировна*[1]*, Сосоров Содном Сергеевич*[1]**

1 - ФГБОУ ВО quot;Иркутский государственный университетquot;, Иркутск, Россия

Локализация бурятской культуры в условиях глобализации

Культура бурятского народа формировалась под влиянием европейских и азиатских культур. Изначально культура и образ жизни бурят были основаны на кочевом скотоводстве. Вхождение бурят в состав Российской империи, создание политической границы между Российским с Китайским государствами, формирование СССР и его развал и многие другие значимые исторические моменты вносили в культуру бурятского народа фундаментальные изменения [2]. После вхождения бурят в состав Российской империи кочевничество начало постепенно трансформироваться в оседлый образ жизни, образование границы с Китаем ограничила территории для кочевников, учитывая факт того, что по ту сторону границы остались традиционные территории бурят-монгольского народа, которые в современности называются территориями Внутренней Монголии. До образования СССР одним из основных вероисповеданий бурят являлся ламаизм, отражающий мировоззрение и образ жизни бурятского человека, и который впоследствии подвергся политическим гонениям. Бурятская культура и на сегодняшний день терпит значительные изменения, способствующие как укреплению традиционности народа, так и к ее упадку.

Глобализация находит отражение во всех сферах жизнедеятельности современных людей, объединяя различные культуры в единое с разрушением их уникальности. Однако, на сегодняшний день стремительно развивается мировая тенденция к росту этничности в ответ на унифицирующую направленность глобализации [3]. Так, этническая идентичность становится основным фактором самоопределения современных людей. Одной из причин данного феномена является факт того, что в условиях одинаковой реальности, где одежда, автомобили, образ жизни становится все более и более идентичным на различных континентах, регионах (к примеру, буряты пользуются такими же сотовыми устройствами, что и американцы, японцы), оригинальность и уникальность современных людей зачастую ограничивается этническим происхождением. Развивая имидж и значимость собственной этнической культуры, современный человек стремится «выделиться», стать популярнее в глобальном мировом сообществе.

Проблематикой локализация бурятской культуры заинтересованы не только общественность, но также представители бизнес-сообщества и государственные, муниципальные органы власти. Согласно долгосрочной государственной программе Республики Бурятия «Культура Бурятии», первой задачей которой являются сохранение и развитие культурного потенциала Бурятии, в рамках сохранения культурного наследия функционирует 3 государственных и 14 муниципальных музеев, 7 театрально-концертных учреждений, 59 образовательных учреждений дополнительного художественного образования детей, 466 культурно-досуговых учреждений [1]. В сфере бизнеса за последнее десятилетие проблема сохранения уникальности бурятской культуры вызвала большой интерес у предпринимателей. В рамках коммерческой реализации производится энто-одежда, создаются новые этнические марки продуктов питания и т.п. Гражданское общество Бурятии проявляет инициативу в грантовых конкурсах Министерства культуры Республики Бурятия, Администрации и Правительства Республики Бурятия, направленных на развитие культуры бурятского народа.

Итак, с учетом исторических изменений процесс локализации бурятской культуры стремительно актуализируется. Система государственных, коммерческих, общественных мероприятий и проектов действует в противовес распространяющейся монокультурности современного мира. Осознанное, рационально-объективное воздействие на развитие культурной уникальности бурятского народа способствует эффективной социализации и самоопределению молодых представителей данного этноса, что, в целом, позитивно сказывается на сохранении культурного разнообразия мирового сообщества.

Источники и литература

1) О государственной программе Республики Бурятия «Культура Бурятии» (с изм. от 14.06.2019) [Электронный ресурс]: Постав. Прав. РБ от 03.09.2012 г. №502. Доступ из эл. фонда прав. и норм.-тех. документации – URL: http://docs.cntd.ru/document/473811380 (дата обращения: 24.01.2020)

2) Балдано С. В. Бурятская национальная идея: непрерывность и/или прерывность традиции / С. В. Балдано // Власть. 2010. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/buryatskaya-natsionalnaya-ideya-nepreryvnost-i-ili-preryvnost-traditsii (дата обращения: 15.01.2020)

3) Каверин А. В. Влияние глобализации на этнокультурные процессы финно-угорских народов России / А. В. Каверин, Н. А. Каверина // Финно-угорский мир. 2016. №4 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-globalizatsii-na-etnokulturnye-protsessy-finno-ugorskih-narodov-rossii (дата обращения: 21.01.2020)

Римский Владимир Львович
Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия

Режимы вовлечённости российских граждан в обоснования справедливости

В 2019 году при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ был выполнен исследовательский проект № 19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства». В социологическом исследовании этого проекта изучались социальные практики российских граждан по обоснованиям или оправданиям ими справедливости и несправедливости в их повседневной жизни и в их наблюдениях за событиями, представляемыми в СМИ, Интернете и социальных сетях. Это социологическое исследование проводилось с использованием настольного анализа, телефонного опроса, фокус-групп и личных когнитивных интервью с гражданами.

Условия и средства обоснования справедливости и несправедливости существенно зависят от ситуаций и социального опыта индивидов, что определяет их разнообразие. Но в этом разнообразии Лоран Тевено выделил некоторые типы - режимы вовлечённости [1; 2].

Чтобы использовать это теоретическое понятие в эмпирическом исследовании операционализация режимов вовлечённости была осуществлена по двум критериям: уровню публичности и типу аргументов обоснования справедливости. Получилась такая типология:

· Режим близости: нет публичности и нет аргументации, а обоснование справедливости достигается совместной жизнью с близкими индивидами - членами семей, родственниками, очень близкими знакомыми.

· Режим планового или рационального действия: нет публичности, а аргументация почти всегда рациональна, нередко апеллирует к функциональности и эффективности - законов, инструкций, общепризнанных социальных норм, включая нормы морали и нравственности, социального порядка и т.п.

· Режим публичности: публичные обоснования справедливости, аргументация апеллирует к общему благу и значительно реже к функциональности и эффективности, как в режиме планового или рационального действия.

Отнесение социальных действий граждан-участников исследования к тому или иному типу режимов вовлечённости осуществлялось по косвенным признакам их ответов на вопросы анкеты и гидов. Причина в том, что в российском дискурсе понятие режимов вовлечённости в обоснования справедливости практически не используется. Потому оно было бы нашим гражданам непонятно, а их ответы во многом случайны.

Результаты проведённого эмпирического социологического исследования подтвердили дифференциацию социальных практик российских граждан по обоснованиям ими справедливости и несправедливости по трём основным режимам вовлечённости Лорана Тевено.

В режиме близости у участников фокус-групп и интервьюируемых в личных когнитивных интервью чаще всего вообще не возникали вопросы об обоснованиях справедливости или несправедливости. Они нередко утверждали, что вообще в семьях нужно обсуждать все возникающие вопросы, но справедливость обсуждать не нужно. В семье справедливое решение ситуации или конфликта оба супруга должны просто чувствовать, а стремление кого-то из них добиться справедливости скорее может приводить к распадам семей, к разводам, чем к решениям, устраивающим обоих супругов.

Выход в режим планового или рационального действия из режима близости обычно представлялся необходимостью при существенных проблемах в отношениях с близкими индивидами. В режиме планового или рационального действия индивиды обосновывают рациональными аргументами справедливость и своим близким, и незнакомцам, и должностным лицам органов власти и частных бизнесов.

Режим публичного обоснования справедливости в исследовании встречался редко. Этот режим должен использоваться для согласования позиций разных социальных групп, нередко плохо совместимых друг с другом. Причины таких различий позиций российские граждане хорошо понимают: они определяются существенной социальной дифференциацией нашего общества. И потому граждане-участники исследования высказывали неверие в саму возможность публичных обоснований справедливости. Они знали о публичных обсуждениях различных общественных проблем, некоторые сами в таких обсуждениях участвовали. Но никто из них не припомнил обсуждений аспектов справедливости обсуждав-

шихся публично решений таких проблем, даже в которых они сами не участвовали.

Практическое отсутствие публичных обсуждений справедливости решений общественных проблем приводит к тому, что у российских граждан нет умений и опыта публичных обоснований справедливости. Например, участники фокус-групп старших возрастов представляли необходимость коллективных действий в режиме публичности обоснований справедливости. Но с кем объединяться для таких целей и что затем коллективно делать они представляли плохо. Поэтому и высказывали весьма пессимистические оценки возможностей коллективными усилиями граждан обеспечить справедливые решения общественно значимых проблем на разных уровнях государственного и муниципального управления.

По этим причинам многие социальные группы российского общества оказываются недовольными предлагаемыми им органами власти решениями общественных, государственных и экономических проблем, их затрагивающих. Ведь аспекты справедливости таких решений с гражданами не обсуждаются почти никогда. А это в свою очередь усиливает ощущения общей несправедливости повседневной жизни у большинства российских граждан.

Источники и литература

1) Тевено Л. (2006) Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. № 77. – С. 285-313.
2) Thévenot, Laurent. (2006) L'Action au pluriel: Sociologie des régimes d'engagement. Paris: Éditions La Découverte.

Русь Анастасия Александровна

АНО "НИЦ", Самара, Россия

Влияние общества потребления на социальное самочувствие населения.

Современное общество - общество потребления. Оно стало закономерным следствием капитализма. Деньги, материальные блага, собственно потребление материальных благ и услуг - вот главные ценности этого

общества. Производство уже не играет такой значительной роли в обществе. Производство и потребление были и раньше, есть и сейчас. Разница лишь в том, как сместились акценты. Главная роль отдана потреблению. Общество потребления диктует ценности и нормы, навязывает моду, идеалы. Оно имеет определяющее влияние на социальное самочувствие индивидов и социальных групп.

В научной литературе существуют разные подходы и определения понятия социальное самочувствие. Мы в нашей статье будем использовать определение Е. И. Головаха, Н. В. Паниной, А. П. Горбачик: «социальное самочувствие - эмоционально-оценочное отношение индивида к системе социальных отношений и к своему месту в этой системе. При этом оно определяется степенью удовлетворения его социальных потребностей, которые, в свою очередь, являются производными от существующей в обществе системы социальных благ, их производства и распределения: чем больше человек ощущает нехватку социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие».

В зависимости от уровня потребления определяется социальный статус человека в обществе, происходит стратификация общества. И, как пишет Бауман, критерием, в соответствии с которым общество потребителей делится на «верхи» и «низы», является степень мобильности — свобода выбора местонахождения [2, с. 124].

Общество потребления жестко навязывает свою моду, образы, которым следует подражать. Мода - это механизм общества потребления, указывающий вектор потребления. Это неотъемлемый элемент данного общества. За мнимой свободой выбора кроется реальная манипуляция мнением. Для утверждения своего статуса потребитель стремится угнаться за последними новинками, за модными брендами - это становится его заветной целью. Уровень дохода может его ограничивать в этой погоне за мечтой. Тогда в ход идут китайские более дешевые подделки и аналоги, чтобы хоть как-то повторять модный образ. Потребитель живет в этой постоянной погоне за модой, за меняющимися тенденциями, боится отстать и таким образом потерять свой статус. Демонстрация которого постоянно происходит посредством социальных сетей и интернета, где потребители собирают ответные отклики подписчиков, как признание и одобрение своего имиджа. В постоянно меняющемся обществе, где ежедневно меняется мода, социальное самочувствие индивидов определяется нетерпением с одной стороны, кратковременным удовлетворением - с другой стороны.

Жизнь человека в обществе потребления становится похожей на игру: исчезает чувство реальности, на смену ему приходит состояние «счаст-

ливой апатии» от увлечения потребительской повседневностью [8, с. 26-28]. Это свойственно людям с более высоким уровнем дохода.

Люди, имеющие более низкий уровень дохода, под влиянием активно рекламируемых товаров, образов ощущают состояние отчужденности, тоски, апатии, либо напротив - агрессии. Таким образом общество потребления приводит к анемичному состоянию, в котором находится население.

Стремление к комфорту, безопасности, которые пропагандирует общество потребления, вызывает социальную апатию: безразличие к жизни общества, желание уединения и замкнутости на личном.

Общество увлечено только потреблением, а не осмыслением реальной картины жизни. Все попытки осмыслить сводятся к такому же потреблению, но информации. Объектами потребления в современном обществе стали не только вещи, но и информация, впечатления, эмоции. Путешествия, экстрим, эпатаж - все это лишь инструменты потребления эмоций.

Таким образом, существующая в обществе идеология потребления, крайне негативно влияет на духовное развитие общества, буквально приводя его к деградации. По верному замечанию Г. Маркузе, человек в обществе потребления фактически лишается духовной свободы, прочно интегрируется в производство как потребитель, жизнь человека замыкается в измерении «производство - потребление». [6, с. 16].

Цель потребления - эмоции, новые впечатления. Отсутствие новых эмоций, вызывает депрессию. Потребление - это наркотик, который отнимает силы, время и жизнь человека (в широком аксиологическом смысле).

Источники и литература

1) Аргунова В.Н., Русь А.А. Проявления социальной апатии у студенческой молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 89-99.

2) Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004.— 188 с.

3) Бауман З. Индивидуализированное общество. - М.: Издательство «Логос», 2002. – С. 184.

4) Бодрийяр Ж. Система вещей. / Пер. с франц. и сопроводит. статья С.Зенкина. - М.: Рудомино, 1999. – 224 с.

5) Иванов Д.В. Феномен потребления: критический подход // Социология потребления / Под ред. Л.Т. Волчковой, Ю. Гронова, В.Н.

Мининой. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001. – 240 с.

6) Маркузе Г. Одномерный человек. / Пер. с англ. А.А.Юдина. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 331 с.

7) Морозова В.Б. Социальная сущность апатии современной российской молодежи // Автореф... к.ф.н., Ростов-на-Дону, 2010.

8) Набок Ю.В. Феномен социальной апатии в современном обществе // Дисс... к.ф.н. Самара, 2005. – 164 с.

9) Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / пер.с англ. А.В. Лазарева; вступ.статья Т.А. Дмитриева, М., 2011. – 592 с.

10) Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. – 688 с.

11) Русь А.А., Аргунова В.Н. Социальная апатия как социальное самочувствие // Материалы IX международной научно-практической конференции Академическая наука – проблемы и достижения 20-21 июня 2016 г., Норт-Чарлстон, США. С. 57-59.

12) Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.

***Самир Ахмад Фаим*[1], *Рыжков Никита Антонович*[1]**

1 - Национальный исследовательский университет lt;lt;Высшая школа экономикиgt;gt;, Москва, Россия

«Война языков»: лингвистическая политика и «нормализация» еврейской идентичности

В рамках доклада будет продемонстрирована одна из множества возможных попыток применения методов семиотики конфликта на конкретном историческом материале - а именно, на примере борьбы языков идиш и иврит за доминирующую роль в формировании израильской (и, что куда более проблематично - еврейской) идентичности. Несмотря на то, что сама наука о знаках уже может похвастаться немалым количеством субдисциплин («частных семиотик»), а социальная семиотика, которая кажется наиболее подходящим теоретическим фундаментом для демаркации границ семиотики конфликта и обоснования легитимности её притязаний на значимость, со времён Р. Ходжа и Г. Кресса [6] оперирует также

понятием «мультимодальности», которое значительно расширяет полномочия исследователя и смещает акценты с собственно лингвистической манифестации культуры и социальности на другие «стили» и «жанры» (выражаемые при помощи визуальных, аудиальных медиумов, напр.), сами авторы доклада намерены вести дискуссию в русле более ригористичной и менее трансдисциплинарной социальной семиотики - такой, какой её представил академическому сообществу М. Халлидей [6] и которую можно обнаружить (пусть и в весьма нечётком, диффузном виде) в семиотике Ю. Лотмана [1, 2], Б. Успенского [4], И. Чернова [5]. Иными словами, речь пойдёт о семиотике конфликта, сосредоточенной на лингвистических культурных артефактах, и конфликт, избранный для демонстрации возможностей такой семиотики - соответственно, конфликт вокруг языка и его статуса в национальной идеологии.

Несмотря на то, что в названии доклада содержится понятие, которым описывается вся ожесточённая дискуссия между идишизмом и гебраизмом на территории оттоманской Палестины (или, в другом измерении - борьба между сионизмом и еврейским автономизмом, в самом широком смысле этих слов), необходимость обсуждать острое противостояние сторонников языка страны рассеяния и возрождённой «лашон-кодеш» (священного языка) последовательно, в хронологическом порядке, принуждает нас затронуть именно палестинские события, непосредственно затрагивающие противоречия между ишувом (древней иерусалимской общиной) и олим хадашим (новоприбывшими репатриантами), в последнюю очередь, притом весьма обзорно. Символической точкой наших рассуждений, вокруг которой возникла вся работа, стала прошедшая в 1913 г. забастовка учителей организации «Эзра», возглавляемых центральной фигурой ивритского возрождения - Элиезером Бен-Йегудой, и сионистски настроенных студентов: и преподаватели, и учащиеся требовали вести обучение в Технионе, накануне открытия которого и случились протесты, на иврите, а не на немецком языке, как предполагалось изначально. Это тот характерный момент, который тоже не останется без нашего внимания, но который, по нашему мнению, является лишь кульминацией куда более жёсткого противостояния в среде европейского еврейства - противостояния между апологетами идиша, который был «билетом» евреев в «семью европейских культур», и сторонниками иврита, затем логичным образом влившимися в сионистское движение.

Таким образом, в центре доклада будет культурный конфликт, конфликт, лежащий в самом основании идеи еврейства, а в понимании его, как нам видится, может помочь семиотический анализ текстов, которые мы могли бы маркировать как программные в рамках рассматриваемой

нами темы. В основном речь будет идти о статьях и выступлениях И.Б. Левинзона [8], П. Смоленскина [3], М. Мойхер-Сфорима [11] и о материалах Черновицкой конференции по языку идиш [14], однако заметим, что использованный текстуальный материал этим вовсе не ограничивается - в поле нашего внимания попали и дискуссия Франкфуртского съезда раввинов-реформистов о литургическом статусе древнееврейского языка, и размышления о диаспорном («галутном») самосознании Э. Бернштейна, О. Вейнингера, Т. Лессинга и т.д. В теоретическом же плане, помимо сугубо семиотических (упомянутые представители московско-тартуской школы и лондонские функционалисты), были применены подходы П. Бурдьё [13], писавшего о «нормализации» разговорного языка и использовании его как инструмента формирования политической общности, а также (опять же - по преимуществу) Ш. Муфф [12] и Э. Лакло [8], в частности - политико-дискурсивный анализ и теория политического как агонистического пространства. Последнее даст нам, при помощи также семантики возможных миров [10], сконструировать смысловые измерения, в которых протекал конфликт носителей «галутного» и «освобождённого» еврейского самосознания, проследить, как меняется символическое содержание «еврейского языка» в религиозной и политической плоскостях, как он приобретает соответствующие коннотации, и самое главное - как вокруг самого знака «еврейский язык» вспыхивают ожесточённые баталии между субъектами двух диаметрально противоположных социокультурных реальностей, продуктов различных семиотических миров.

Источники и литература

1) Лотман Ю. М., Пятигорский А. М. «Текст и функция». Лотман Ю. М. (ред.). III летняя школа по вторичным моделирующим системам: Тезисы: Кяэрику 10–20 мая 1968. Тарту: ТГУ, 1968: 74–88.

2) Лотман Ю. М. 1984. «О семиосфере». Ученые записки Тартуского университета Вып. 641 (Труды по знаковым системам XVII). Тарту: ТГУ, 1984: 5–23.

3) Смоленскин П., [Предисловие,] Hashahar 1 (1868), p. V–VII.

4) Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. 608 с.

5) Чернов И. А. «О семиотике запретов». Учёные записки Тартуского университета. Вып. 198 (Труды по знаковым системам III). Тарту: ТГУ, 1967: 45–60.

6) Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore: University Park Press, 1978.

7) Hodge Robert, Kress Gunther. Social Semiotics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988.

8) Laclau E, Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. L.; N.Y., 2001.

9) Levinsohn I.B., Teudah be-Israel (Vilna, 1828), s. 34-36

10) Lewis D. Possible worlds // The possible and the actual / Loux M.J. (ed.). – Ithaca; L.: Cornell UP, 1979. – P. 182–189.

11) Mendele Moykher Sforim, «Reshimot betoldotai», Kol kitve Mendele Moykher Sforim (Tel Aviv: Dvir, 1947), p. 4-5

12) Mouffe C. On the Political. L.; N.Y.: Routledge, 2005.

13) Pierre Bourdieu. Ce que parler veut dire. L'economie des echanges linguistiques. Paris, Fayard, 1982. P. 23–58.

14) Di ershte yidishe sprakh-konferentz. Vina, 1931, z. 86, 87

Скворцов Николай Генрихович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Этнический предрассудок и дискриминация: конфликтологическая перспектива

В рамках социально-гуманитарного знания сформировались несколько направлений в изучении природы этнического предрассудка и этнической дискриминации. Исходя из понимания этнического предрассудка как устойчивого, негативного и иррационального представления о членах какой-либо этнической группы, а этнической дискриминации - как ущемления в правах и преследования людей по мотивам их этнической принадлежности, можно говорить о том, что по сути этническая дискриминация является практикой реализации этнических предрассудков в системе юридических, политических, экономических и других социальных отношений.

Среди наиболее известных подходов к изучению этнических предрассудков и дискриминации следует назвать психологические, нормативистские и, наконец, конфликтологические. В отличие от нормативных и, тем более, психологических теорий этнического предрассудка и дискриминации, принципиально объясняющих только то, как последние, циркулируют, транслируются и сохраняются в обществе, теории конфликта пытаются найти объяснение их происхождения. Данные теории рассматривают предрассудки и дискриминацию как возникающие при определенных исторических обстоятельствах межгрупповые *конфликты.* В такой - конфликтологической - перспективе этническая дискриминация трактуется как средство нанесения вреда или нейтрализации тех групп, которые воспринимаются доминантной этнической группой в качестве угрожающих ее власти и привилегиям. В свою очередь, негативные стереотипы и предрассудки становятся базисными компонентами идеологии доминантной группы. В своем единстве предрассудки и дискриминация выступают *инструментами*, средствами защиты и реализации интересов этой группы, становясь ее серьезным властным ресурсом.

Таким образом, предрассудок и дискриминация во всем многообразии форм их проявления являются продуктом групповых интересов, которые используются для их защиты и удовлетворения. С этой точки зрения, чтобы понять негативные этнические представления (предрассудки) и поведение (дискриминация), необходимо сосредоточиться не на индивидах с их психологическими особенностями и даже не на принуждениях, порождаемых определенными социальными ситуациями, а на экономической, политической, социальной, статусной конкуренции различных групп внутри полиэтнического общества - прежде всего, доминантной группы и этнических меньшинств.

С точки зрения теорий конфликтов, этнические (расовые) предрассудки и дискриминирующие действия используются доминантной группой - прямо или косвенно - чтобы защитить свою власть, привилегии, а в конечном счете и существующую этносоциальную стратификацию. Когда положению господствующей группы бросается вызов (или, что чаще бывает, какие-либо действия со стороны других групп расцениваются как вызов и посягательство на ее доминирующую роль в данном обществе), происходит усиление и ужесточение предрассудков в отношении той этнической группы, которая воспринимается как угроза.

Когда этническое меньшинство более не готово принимать свое подчиненное положение в системе этнической стратификации, из исторической памяти доминантной группы «вытаскиваются» на свет или конструируются негативные этнические стереотипы расистского, ксенофобского

характера, на основе которых формируется идеология, посредством которой в массовом сознании культивируются и пропагандируются представления о ментальном, культурном, моральном и даже физическом превосходстве доминантной группы. Эта идеология превосходства, включающая негативные представления о группах меньшинств, усиливает ее уверенность в праве на господство, поддерживает паттерны подчинения и служит философией оправдания эксплуатации. Последствия этого, как показывает мировая история, могут быть тяжелыми.

В разных полиэтнических обществах интенсивность проявления предрассудков различна. Это зависит от множества факторов, в том числе от культурных традиций, исторической памяти, характера межэтнических взаимодействий и т.д. Степень и формы дискриминации также колеблются от общества к обществу. В одних случаях интолерантность может выражаться на уровне этнических кличек, прозвищ или анекдотов, но в других - негативные установки и действия могут доходить до отрицания права на существование, физических расправ и даже геноцида (нацизм, «этнические чистки» и т.п.).

Следует отметить, что предрассудки и дискриминация могут выполнять определенную полезную функцию для этнического меньшинства, против которого они направлены. Конфликты между группами, как правило, имеют консолидирующий эффект для обеих групп: внешние угрозы ведут к усилению внутригрупповых связей, появлению чувства солидарности, которое в другом случае могло бы и не проявиться, укреплению идентичности. При этом, предрассудок не является исключительным достоянием доминантной группы. В той же степени он может использоваться и меньшинствами - как по отношению к доминирующей группе, так и другим этническим меньшинствам (напр.: «белый» расизм *vs* «черный расизм»).

Источники и литература

1) Майлз Р., Браун М. Расизм / Пер. с англ. - М.: РОССПЭН, 2004
2) Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
3) van Dijk T.A. Communicating Racism: Ethnic Prejudice in Thought and Talk - SAGE Publications Inc, 1987

Смыкова Евгения Юрьевна
Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Основные тенденции развития музеев в условиях глобализации общества

В современном мире глобализация представляет собой общемировую тенденцию, затрагивающую вопросы экономического, культурного, политического и иного характера. Глобализационные процессы не сводятся сугубо к технологиям, а предусматривают более масштабные изменения, затрагивающие общество в целом и в частности сферу культуры. Более того, культура, взамен экономики как прежде позиционировалось, всё с большей долей уверенности рассматривается в качестве первостепенного фактора глобализации.

В условиях широкого распространения информационных технологий и тем самым повсеместного их внедрения, все чаще в данном контексте говорится о визуализации культуры, предусматривающей утрату навыков восприятия «подлинного», чувства аутентичности и т.д. В связи с чем особо актуализируется значимость такого феномена как «музей», основывающегося в своей деятельности на подлинных музейных экспонатах, и тем самым способствующего нивелированию негативных последствий глобализации. Смена представлений о музее как храме культуры, находящегося в процессе существенных изменений, обусловлена влиянием глобализации и приводит как к трансформации статуса музея, так и содержания, функций и форм его деятельности. Как отмечает Ганс Белтинг, в подобного рода условиях, музеям необходимо ставить на первое место не музейные коллекции, как ранее считалось, а содержание своей деятельности. Это означает, что организованные музеем экспозиции должны преследовать познавательные цели, возможность получения опыта посетителями, а не стремление организовать выставки, исключительно состоящие из не экспонируемых прежде музейных предметов. В целом, результаты воздействия глобализационных процессов на музей, как показывают исследования, носят не однозначный характер. Среди ключевых трансформаций отмечаются следующие.

В силу интеграционных процессов, которые составляют суть феномена глобализации, обусловлено появление многообразного спектра музеев широкой профильной направленности, а также реализация принципа многозадачности данными типами учреждений. Данному факту вторит Б. А. Столяров, по словам которого, обозначенные тенденции «находятся в непосредственной зависимости от социокультурной ситуации и динамики развития музея» [1, с. 85]. Отдельным пунктом в данном кон-

тексте следует отметить тенденцию, связанную с созданием узкоспециализированных музеев, посвященных определенному феномену, явлению, фигуре конкретного человека, той или иной сфере жизнедеятельности. Благодаря чему решаются проблемы связанные, главным образом, с вопросом унификации и желанием подогнать культурные феномены под стандарты актуальные современности. В целом, преодоление негативных тенденций глобализации, как отмечает немецкий музеевед Мартин Прослета, обеспечивается за счет главного принципа - консервативности, на котором музей основывается в своей деятельности.

Традиционный по своей сущности и назначению музей, расширяет свой функционал за счет выполнения социально ориентированных задач, что определяет его в качестве полифункционального учреждения. Это касается акцентирования внимания общественности относительно решения конфликтных ситуаций на межнациональной, религиозной почве, способствования становлению культурного, политического плюрализма в обществе, развитию критического мышления и др.

Кроме того, четко прослеживается тенденция, связанная с возникновение учреждений так называемого музейного типа, которые рассматриваются как учреждения, исполняющие отдельные функции музея и практикующие свойственные музеям формы деятельности [2]. Причины создания подобных учреждений различны, начиная от их объединения, перепрофилирования и заканчивая наличием некоторых признаков, свойственных музею, в результате чего появляются музей-театр, библиотеки-музеи, музей-ресторан и др. Помимо всего прочего, данный факт объясняется и деятельностью самого по себе музея, которая связана с выполнением не свойственных ему направлений работы. Наиболее показательным в этом плане является экомузей, появление которого обусловлено необходимостью сохранения в аутентичном виде культурного ландшафта определенного региона, местного сообщества.

Особым пунктом следует отметить результаты влияния глобализационных процессов, которые связаны с активным налаживанием связей, сотрудничеством музеев друг с другом, другими словами осуществлением межмузейного взаимодействия, проявляемого в виде активного обмена экспонатами, культурным опытом и знаниями, расширении выставочной деятельности. Однако, при всех обозначенных выше положительных моментов процесса коммуникации музеев, возникает проблема хищения, порчи экспонатов и в крайнем случае угроза ареста экспозиции в силу нюансов в законодательстве той или иной страны. Не последнее место в решении подобных вопросов занимает развитие информационно-коммуникационных технологий в современных условиях. Это касается не

только налаживания более качественной внутримузейной деятельности учреждения, затрагивающей учет и хранение экспонатов, но и работу с посетителями по различным направлениям.

Таким образом, начиная с конца XX в. функционирование музея осуществляется в русле глобализационных процессов, задающих вектор дальнейшего развития данного социокультурного феномена. Среди ряда явно наметившихся тенденций в музейной сфере следует отметить - появление учреждений музейного типа, многопрофильность и полифункциональность музеев, активное межмузейное взаимодействие и др.

Источники и литература

1) Столяров, Б. А. Музей в пространстве художественной культуры и образования : учеб. пособие / Б. А. Столяров. – СПб., 2007. – 339 с.
2) Учреждения музейного типа [Электронный ресурс] // РОССИЙСКАЯ МУЗЕЙНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. – Режим доступа: http ://museum.ru/RME/sci_mustip.asp. – Дата доступа: 10.01.2020.

Стеценко Анатолий Иванович

Воронежский Государственный Университет, Воронеж, Российская Федерация

К качеству образования – через конфликты интересов

Центральные категории темы - «качество образования» и «конфликт интересов». Первая определяется в п. 29 статьи 2 ФЗ-273 [1]. Ценно системное понимание образовательной деятельности и подготовки обучающегося. Учтены: степень соответствия деятельности и результатов соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям; потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, а также мера достижения планируемых результатов образовательной программы. Категория должна включать встроенность в процесс, условия жизни, черты результата подготовки. Важны технологии достижения качества образования. Очевидно их различие по уровням образования и трактовкам категории. На уровнях - разные драйверы: в средней школе - ЕГЭ, обязательность получения образования, поурочная система и др., в высшей

- свободный выбор профиля, конкурсный отбор, мера ответственности участников, восприятие санкций и др. Участники проявляют: активность (в т.ч. в преодолении безволия в учёбе, а педагоги - к работе, во взаимных контактах), заинтересованность (в обмене информацией, борьбе с формализмом и т.п.), компетентность (в достижениях познания). В условиях старения норм, технологий изучения и регулирования подготовки специалистов, наличия сил неравенства и т.п. в отношениях участников возникают конфликты интересов. Они не сводятся к единственному, раскрытому в ФЗ-273 (статья 2). Статья - знак борьбы с коррупцией. В целом любой конфликт требует учёта роли всех сторон и условий. Истоки конфликтов есть в информационной сфере (ослабление стремления студентов к активному изучению учебной литературы; пассивность в науке и др.), в морально-дисциплинарной сфере (невыполнение учебных обязанностей, изменение образа дисциплины, свободы и др.). Видны следы недовольства, разочарований, ошибок выбора, безответственности и безнаказанности. В педагогике и администрировании имеют место: дефицит методов воздействия на студентов. Для формирования конфликта интересов важны состояние нормативной базы и порядок её применения. Так, отчисление студентов грозит кафедре потерей ставок. Выход - в пересмотре нормативных актов, например, о минимуме студентов в группе. В интерфейсе сторон ожидаем идеальный результат - нужное качество продукта совместного труда. В поиске соответствия условий и результатов важно знать запросы обучающегося и меру понимания, использования возможностей. Среди студентов бывают отказы от полного использования вузовских ресурсов. Это касается библиотечной сферы, ухода от контроля знаний, общения с педагогами, коллегами по вопросам обучения. Среди внешних причин поведения - возможности выгодного трудоустройства, материальное положение. Среди внутренних - знание рынка, представления о труде, стремление соответствовать запросам. Понимание конфликтов вне антикоррупционного аспекта повышает шансы улучшения качества образования, на восстановление целостности образовательного пространства. Сегодня имеет место особый статус студентов в свете социально-экономических, демографических условий. Они свободны в нарушениях академического порядка. Повышение педагогических требований блокируется негласной позицией кафедр и деканатов. Чтобы заработать на оплату обучения студенты устраиваются на работу, пропускают занятия. Неявки в итоге приводят в потере знаний, перегрузке педагогов. Студенты не являются на зачёты и экзамены, надеясь на пересдачи, зная о принципе финансирования: «деньги следуют за обучающимся». Но спрос со стороны адми-

нистрации направлен на педагога, что и «замыкает» схему конфликта. Качество образования - интегрально. Поэтому для анализа полезна интегральная теория П.А. Сорокина о встроенности индивида в систему ценностей [2, с.22]. Нужное сочетание свойств видно в образовательном поведении студентов. По П.А. Сорокину: общество добивается успеха, балансируя и гармонизируя энергию людей, отданную на службу Истине, Красоте и Добру. Качество совместной деятельности участников образовательного процесса мы можем признать квинтэссенцией культуры в образовании. Нарушение логико-значимой взаимосвязи очень существенны для личности. Нарушения - это массовые пропуски занятий. Культурные ценности знания, не приобретают личного значения, теряется непрерывность восхождения к культурно-ценностным системам, В модели интересно наличие актов - "дозволенно-должного", "рекомендуемого", и "запрещенного" (или "недозволенного") [3, с.24]. «Должное» может восприниматься на основе нормативной системы как внутреннее устремление человека на исполнение долга. В силу расширения свобод студентов (в посещении занятий) они всё более переключаются из области «должного» (нормативного) в область «рекомендуемого» (не обязательного или допустимого). По данным мониторинга качества в ВГУ посещали все занятия: в 2015 г. - 26,5%, в 2018 г. - 28,4% студентов [4]. «Запрещённого» в поведении студентов не становится меньше, о чём говорят неявки на испытания. О связи каждой формы поведения «с соответствующей ей оппозицией - санкцией»: «рекомендуемым» актам соответствуют награды (разрешение не посещать занятия, т.е. - поощрение - А.С.); «запрещенным» формам соответствуют «кары» (студенты амнистируются, а «кара» - как дополнительный труд - удел (долг) педагогов). Карой можно считать личные переживания педагогов. Не воспринимаются ценности: Истины, Красоты (познания), Добра, Пользы.

Есть меры помощи в ситуации: 1) прямой заказ бизнеса на подготовку специалистов; 2) сопоставимое с заработной платой увеличение размера стипендии; с учётом качества учёбы; 3) штрафы за необоснованные пропуски занятий и т.п.

Источники и литература

1) ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»//Российская газета. – 2012. 30 дек.

2) Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество/Общ. ред., А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992.

3) Сорокин П.А. Указ. соч.

4) Архив лаборатории социологических исследований ВГУ, 2018.

Суслова Татьяна Ивановна
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

Интеркультурализм: глобальное и локальное в современной культуре.

Исследование феноменов глобального и локального в культуре, с необходимостью требует обращения к ряду современных универсалий. Ниже остановимся на них подробнее.

По К. Ясперсу, сформулировавшему понятие «Осевое время» как время начала создания культурных образцов, время вступления человечества в культуру, обладающую сходством с культурой сегодняшней, на смену осевому времени приходит эпоха науки и техники, т.е. именно с этого времени начинается процесс глобализации. Результатом глобализации призвана явиться глобальная культура и глобальное общество. Мы говорим, что при этом глобальное сочетается с локальным, т.е. речь идет о новом уровне интеграции.

По мнению Н. Стера ведущим фактором возникновения глобализации является экономический, он и определяет перспективу сближения культур. Среди факторов глобализации Н. Стер выделяет увеличение локального риска, появления риска в глобальном масштабе (в окружающей среде, экономике и культурной практике). При этом Стер не исключает возможность локального воздействия на глобальные трансформации, признает ценность культурной идентичности отдельных обществ. Для культурной гомогенизации же всего мира существуют определенные ограничения, ибо каждая культура усвоила символы современности в своих собственных традициях, и каждый индивид преобразует эти символы в часть своей жизни. Всеобщая устремленность к прогрессу, т.е. глобализация на основе прогресса признает многообразие мира. Одновременно при этом признается наличие гомогенизации и фрагментации мира, локализации и глобализации. Стер считает, что гомогенизация и глобализация есть желаемые тенденции, в то время как фрагментация и локализация выступают в качестве наличной реальности. И с этим нельзя не согласиться. Несмотря на происходящие перемены сохраняются фундаментальные культурно-психологические факторы человеческой жизни, в частности, стремление сохранить, а иногда и возродить

«ушедшие» языки. В настоящее время насчитывается более шести тысяч этнических языков, «а некоторые языки мертвые языки возрождаются (иврит в Израиле, эскимосский язык в США, саамский в Финляндии). [1.С.42] Сохранению локальных особенностей культуры и традиции способствует и возрождение такой идеальной конструкции как нация. При всей подверженности переменам политические лидеры большинства стран мира говорят о необходимости опираться на понятие «гражданской нации, понимаемой как согражданство, воплощающее идею национального суверенитета, то есть общества, овладевшего государством для реализации общественных и в этом смысле национальных интересов». [2.с.43]

Ж. Н. Питерс в свое время вводит понятие глобализации, означающее совмещение ракурсов глобального и локального. Суть нового подхода Питерса состоит в рассмотрении глобализации как гибридизации. Структурная гибридизация предполагает возникновение новых, смешанных форм кооперации, а культурная - развитие транслокальных культур. Структурная и культурная гибридизации взаимозависимы, поскольку новые формы кооперации требуют новых культурных преобразований. Описывая межкультурное взаимодействие, Питерс говорит о креолизации и «овосточнивании мира», т.е. о встречной волне культурных влияний, идущих от незападного мира. В результате выше изложенного, глобализация рассматривается им не как универсализация и мультикультурализм, а как межкультурализм. Гибридизация относится к кросскультурному процессу в ее объективном аспекте, и к кросскатегориальному в ее анализе. В качестве категорий при этом могут выступать географические места, совмещающие в себе «экзотическое и знакомое», нации, культуры, страты. Гибридность - многосторонний процесс. Гибридизация африканской, американской и европейской культур показывает такую сторону гибридности, а именно «транскультурную конвергенцию». Питерс предлагает использовать две концепции культуры: 1)- территориальная (локализованная) культура общества или социальной группы и 2) - более широкое понимание культуры как транслокальной. Локальная культура обращена внутрь себя (inworld-lookinq), а транслокальная культура обращена вовне себя (outworld-lookinq). Понятие гибридизации также относится и к переходу от территориальной к транслокальной культуре, слиянию эндогенного и экзогенного понимания культуры. Таким образом, Питерс рассматривает глобализацию как процесс отделения культурных форм от существующих практик и их перекомбинацию с формами других культурных практик. Культурная гибридность при этом является организационным феноменом, а глобализация понимается

как новая историческая эпоха, противоположная эре господства нации-государства, то есть современности. Современность в качестве антитезы мультикультурализму как направленному на защите этнических, культурных и религиозно-конфессиональных меньшинств выдвигает сегодня требование необходимости соблюдения интеркультурализма, сохранения локального культурного разнообразия в большинстве стран мира.

Источники и литература

1) Э.А.Панин. Нациофобия и национал-популизм: взаимосвязь в условиях глобализации. // Общественные науки современность. №5.2019.

Тупик Елена Сергеевна

Федеральное Государственное Бюджетное Образовательное Учреждение Высшего Образования «Тверской государственный университет», Тверь, Россия

Инновационные процессы в высшем образовании как социокультурный феномен

Модернизация российского высшего образования поставила под активное обсуждение вопрос о соотношении преемственности и инноваций в образовании. Диалектика состоит в том, что, с одной стороны, переплетение данных тенденций является взаимодополняющим началом для трансформаций, с другой, механизмом противоречий относительно друг друга. Поэтому процесс реформирования системы высшего образования в нашей стране должен сопровождаться поиском компромиссного подхода между сложившимися традициями и инновационными внедрениями.

Оценить ситуацию можно поняв насколько складывающиеся тенденции в рамках высшего образования соответствуют требованиям и ожиданиям, каковы место и роль традиций и инноваций в механизме современной образовательной системы.

Так развитие многоуровневой системы высшего образования в России на сегодняшний день имеет спорную позицию относительно ее состоятельности. В качестве преимущества данной системы можно обозначить элемент мобильности, обеспечивающий темп обучения и вариативность в выборе будущей квалификации. Такой подход дает возможность кадровой динамики, т.е. выпускник имеет возможность на базе полученного

образования осваивать новые специальности. Причем, нужно полагать, что осознанность выбора своей профессии на каждом следующем уровне образования осуществляется более рационально и взвешенно.

Однако практика показывает, что традиционная (классическая) система подготовки специалистов обеспечивала более качественную (полноценную) подготовку профессиональных кадров. Сейчас зачастую, при смене направления подготовки после окончания бакалавриата, обучающийся недополучает прикладных знаний по своему базовому образованию и, продолжив обучение в магистратуре, не приобретает полноценных знаний, навыков и умений по другому направлению. Таким образом, вариативность и мобильность создает риск подготовки выпускников-полуфабрикатов.

К тому же не соответствующая подготовка в рамках профессиональной ориентации, общественная динамика, мобильная среда рынка труда и многочисленные субъективные факторы личностного характера не всегда позволяют точно определиться с первоначальным выбором профиля подготовки. Казалось бы, многоуровневая система должна помочь в решении этого вопроса, но профессиональная переориентация ставит под сомнение качество подготовки новых профессиональных кадров.

Таким образом, очевидна необходимость поиска комплексной модели структуры высшего образования не отрицающей традиционных форм, но при этом имеющей мобильные каналы для самоопределения в профессиональном направлении.

Следующая тенденция заключается в интенсивном переходе вузов к использованию информационных технологий в образовательном процессе. Безусловно, это необходимое условие реализации современного образовательного процесса, обеспечивающее возможность применения новых интерактивных методов обучения, организацию дистанционного обучения, доступность методических средств, развитие поисковых и творческих качеств, мобильность деятельности обучающегося и преподавателя.

Однако не все фундаментальные основы научных дисциплин могут быть включены и переданы современными технологиями. Так, информация первоисточников, компетентное мнение и знания преподавателей должны быть основополагающим началом для дальнейшей ориентации обучающегося в информационном поле.

Поиск гармоничного сочетания традиционных и инновационных форм и методов реализации образовательного процесса обеспечит эффективность и качество подготовки обучающихся.

Нельзя не отметить и тенденцию, складывающуюся относительно финансирования вузов. Современный вуз должен быть нацелен не только

на реализацию образовательного процесса и осуществлять научно-исследовательскую деятельность, он должен быть включен в систему поиска источников самофинансирования. Результаты научной деятельности, проекты и достижения должны находить свое применение и реализацию, обеспечивая тем самым финансовую поддержку вуза. Отсюда для многих региональных вузов в качестве основной задачи встает вопрос о завязывании отношений с бизнесом, реализации и внедрении исследовательских проектов на региональном уровне.

Данная тенденция также несет в себе противоречивую ситуацию. С одной стороны, наблюдается стремление вуза к созданию материальной базы, с другой, рассредоточивается внимание относительно образовательного процесса. Таким образом, перед вузом встает задача сочетания различных видов деятельности, привлечение заинтересованных лиц в совместное взаимовыгодное сотрудничество.

Еще одна тенденция российского высшего образования состоит в активном преобразовании в соответствии с мировыми стандартами. В силу этого наблюдается переход всей системы высшего образования в режим опытно-экспериментальной работы. Преобразованию подлежат учебные планы, образовательные стандарты. Инновационный подход коснулся образовательных технологий и структур управления. Отсюда все образовательное наследие вынуждено претерпевать изменение. Однако в рамках всех многочисленных преобразований сохранение корней и традиций остается одной из самых насущных задач.

Для сохранения своей целостности и актуальности современная образовательная система должна всецело характеризоваться устойчивостью и динамичностью в своем развитии. Переплетение двух тенденций (традиции и инновации) нужно рассматривать как социокультурный феномен в образовательной системе, благодаря которому осуществляется развитие системы высшего образования [1, с.16].

Эффективность образования определяет многочисленные качественные характеристики нашего общества. Таким образом, модернизация системы образования является одним из приоритетных направлений государственной политики. Лучшие традиции отечественной высшей школы в сочетании с новыми формами, методами и содержанием высшего образования создают основу для реализации эффективной образовательной системы, способной для дальнейшего самосовершенствования.

Источники и литература

1) Ховина Т. В. Традиции и инновации в образовательном процессе [Текст] // Педагогика: традиции и инновации: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2014 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2014. — С. 13-16. — URL https://moluch.ru/conf/ped/archive/104/5709/

Хазиев Зия Анварович
Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия

Символические действия как источник социального напряжения

Общество есть такая среда, в которой то, что человеком проживается как *долгое и трудное*, может предстать взору людей как *быстрое и легкоосуществимое* или может вообще остаться незамеченным. Такой перевод «большого» в «малое», «значительного» в «незначительное», перевод *бытия* в *небытие*, человеком (особенно когда это касается его бытия) воспринимается как *символическое уничтожение*. Этот акт с символическим значением имеет разные каналы своего осуществления. Например, *долгое и трудное* может показаться *быстрым и легкоосуществимым*, благодаря репрезентирующим бытие формам и средствам (мысленное представление, рассказ, видео и т.п.); или «значительное» может предстать «незначительным» после оценивания людьми результатов деятельности человека; или, бывает, человека обманывают или у него насильственным путем отнимают что-то, ему принадлежащее, и тогда жертва обмана и насилия чувствует себя уничтоженным. Иногда эти события носят случайный характер (кто-то кого-то недооценил, обманул или проигнорировал). Однако чаще всего акты символического уничтожения в обществе имеют устойчивый регулярный характер. Разумеется, эти явления создают напряженность в общественной жизни.

Как так происходит, что одни люди подвергают *символическому уничтожению* других людей? Почему в обществе *долгое и трудное* для одних делается *быстрым и легкоосуществимым* (или вообще ничем) для других? Разные мыслители здесь предлагали разное объяснение. Например, К. Маркс считал, что одна группа людей (эксплуатирующие) в сложившейся экономической ситуации присваивает себе труд других людей (эксплуатируемых); таким образом, *долгое и трудное* для одних делается *быстрым и легкоосуществимым* для других. «Рабочий вкладывает в

предмет свою жизнь, но эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету». Этот предмет присваивает себе другой человек. «Таким образом, чем больше эта его деятельность, тем беспредметнее рабочий. Что отошло в продукт его труда, того уже нет у него самого» [1,с.334]. М. Хайдеггер в книге «Бытие и время» отмечал, что люди в повседневном мире движимы любопытством, они болтают «о том, да о сем» и производят двусмысленности. В разговорах мы хотим понять какие-то вещи, (которые для кого-то, может быть, составляют *долгое и трудное*) мимоходом, не углубляясь (как если бы это было *быстрое и легкоосуществимое*). «Толки, - писал философ, - есть возможность все понять без предшествующего освоения дела. Толки уберегают уже и от опасности срезаться при таком освоении. Толки, которые всякий может подхватить, не только избавляют от задачи настоящего понимания, но формируют индиферентную понятливость, от которой ничего уже не закрыто» [2, с 169]. Э. Фромм утверждал, что есть две фундаментальных позиции человеческого существования - быть и обладать. В современных обществах, где господствует потребление, позиция «обладания» (и связанные с ней ценности) преобладает над позицией «бытия». «Целью нашей жизни должно быть стремление... *быть* многим, а не *обладать* многим» [3, с.30]. «Человек *обладательного модуса* видит счастье в превосходстве над другими, в сознании своей силы, в конечном счете - в своей способности завоевывать, грабить и убивать» [3, с.127], - писал мыслитель. Другими словами, человек склонен творить события *символического уничтожения* и, тем самым, создавать напряженность в общественной жизни.

Вместе с тем, общество есть и такая среда, в которой человек обретает *символическое спасение*, среда, в которой он может видеть себя сбывшимся, - усилия и время словно наполняют человека. Человек стремится к созданию благостного для себя контекста. И это происходит во взаимодействии с другими людьми. Общаясь с учениками, учитель создает для себя благостный контекст; общаясь с сыном, отец создает для себя благостный контекст; через подчиненных начальник создает для себя благостный контекст. Человек заинтересован в том, чтобы всё вокруг выглядело так, будто он преодолел непреодолимое и теперь другие нуждаются в его знаниях и умениях. Желание обрести *символическое спасение*, желание замечать благостные для себя знаки, нередко оборачивается для других людей в такую деятельность, которое несет им *символическое уничтожение*. Счастье для одних, таким образом, оборачивается несчастьем для других. Одни люди, *долгое и трудное* которых подвергается *символическому уничтожению*, посылают в силу своего положения другим людям благостные знаки. Поэтому увидев нищего и

обездоленного, увидев кого-то на низкооплачиваемой работе (или в каких-либо других непривлекательных условиях), человек порой думает: «Со мной не так, я этого избежал, я кое-чего достиг». И это тоже - источник напряжения в общественной жизни.

Источники и литература

1) Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. – 775с.
2) Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. – 452с.
3) Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. – 314с

Цветкова Ирина Викторовна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Российская Федерация

Противоречия динамики ценностей патриотизма и локальной идентичности молодежи (на основе анкетирования выпускников тольяттинских школ)

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-411-630001 р_а «Концептуальная модель региональной идентичности населения Самарского региона».

В современном российском обществе большое внимание уделяется формированию ценностей патриотизма у подрастающего поколения. Это находит выражение в большом количестве мероприятий патриотической направленности, которые проводятся в учебных заведениях различного уровня [1]. Согласно отчетным данным, количество молодежи, принимающих участия в них, возрастает. Однако, как свидетельствуют результаты социологических исследований, ценности патриотизма воспринимаются неоднозначно подрастающим поколением. Патриотические ценности рассматриваются на уровне эмоциональной оценки исторических свершений, гордости за достижения соотечественников [2]. В структуре патриотических ценностей слабо представлена гражданская составляющая, которая находит проявление в позитивной социальной активности молодежи [3].

Патриотические ценности нередко рассматривают в контексте положительного отношения к «малой» Родине, любви к родному краю. Дан-

ный фактор оказывает значительное влияние на патриотические установки. Это дает основание выдвинуть гипотезу о существовании зависимости между формированием локальной идентичности молодежи и ценностей патриотизма.

В социологическом исследовании «Выпускник - 2019», принимали участие девятиклассники и одиннадцатиклассники 20 школ Тольятти. При опросе получено 971 правильно заполненных анкет.

Участникам исследования был задан вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотами своей Родины?». На этот важный для исследования вопрос положительно ответили 49% выпускников, 34% опрошенных не уверены в том, что они являются патриотами, а 17% респондентов ответили отрицательно.

За последние пять лет количество респондентов, которые считают себя патриотами, снизилось на 18%, по сравнению с 2015 годом. Численность подростков, не считающих себя патриотами, увеличилась в два раза с 8% до 17%. Возросло количество подростков, которые не уверены в своих патриотических убеждениях с 26% до 34%.

Таким образом, несмотря на усилия образовательных учреждений по формированию патриотических ценностей, количество молодежи, которые соотносят свои ценности со шкалой патриотизма стремительно сокращается. Факторами, определяющими данную тенденцию, выступают структуры локальной идентичности.

Старшеклассникам было предложено высказать свое отношение к родному городу. Только десятая часть выпускников при ответе на вопрос об отношении к городу Тольятти ответили, что им нравится этот город, и они хотели бы в нем жить в дальнейшем.

41% респондентов, в целом, положительно относятся к городу, но собираются уехать. 20% участников опроса затрудняются выразить отношение к городу. 3% выпускников отрицательно относятся к городу, но собираются жить здесь. 27% опрошенных город не нравится, и они собираются его покинуть.

Сравнение результатов исследования с данными, полученными в 2014 году, показывает, что количество подростков, которые положительно относятся к городу сократилось в 2,8 раза. Следствием этого является увеличение количества подростков, которые хотят уехать в 2,7 раза.

В оценке города выпускниками наблюдаются отрицательные тенденции, вызванные переходным состоянием экономики. Это выражается в том, что большинство условий городской среды, которые влияют на удовлетворение потребностей молодежи, смещаются в сторону «ниже среднего». В частности, это относится к перспективам трудоустройства по

специальности, оценке качества медицинского обслуживания, уровня и качества жизни.

Мнения выпускников о будущем Тольятти разделились следующим образом. 12% респондентов считают, что город преодолеет статус моногорода, будет процветать. 33% опрошенных полагают, что существенных изменений в городе не произойдет. Треть считает, что положение в городе ухудшится. 22% респондентов затрудняются дать ответ на вопрос.

За последние пять лет количество подростков, которые считают, что ситуация в городе изменится к лучшему снизилось до 12% (в три раза). Количество подростков, которые утверждают, что существенных изменений в городе не произойдет, увеличилось на 6%, по сравнению с 2016 годом. Мнение о перспективах ухудшения положения в городе разделяет треть опрошенных. Численность этой группы за последние пять лет увеличилась на 22%.

44% подростков, которые не считают себя патриотами, отрицательно относятся к городу и планируют из него уехать. Этот показатель на 17% превышает данные по массиву. Положительное отношение к городу среди «непатриотической» молодежи выражают только 3% опрошенных, что в четыре раза меньше, чем в среднем по массиву.

Обратная тенденция наблюдается среди патриотично настроенной молодежи. Представители этой группы на 14% чаше выражают положительное отношение к городу, среди них на 10% меньше подростков, которые хотят уехать. Таким образом, противоречивые процессы формирования локальной идентичности, оказывают влияние на патриотические ценности молодежи.

Источники и литература

1) Бандурин А.П., Насибова И.Н. Ценностные и идеологические основания формирования и динамики патриотизма в молодежной среде современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №4. С.27-31.

2) Ежов Д. А. Государственный патриотизм в системе политических ценностей российской молодежи // АНИ: экономика и управление. 2018. №4 (25). С.372-374.

3) Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. №2. С.47-66.

Чудновская Ирина Николаевна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Цифровая медиасреда межпоколенческой социальной коммуникации: медиаэкологический аспект

Медиатизация социальной жизни характеризует то состояние общества, когда медиа становятся не просто средствами коммуникации и информирования, а средой обитания человека, определяющей его мышление и образцы поведения. Медиасреда — это «сфера, которая через посредничество СМК связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует те или иные нравственно-эстетические ценности, оказывает идеологическое, экономическое или организационное воздействие на оценки, мнения и поведение людей» [3, с.11]. И, как любая другая среда обитания, или окружающая среда, она требует научного экологического исследования основных закономерностей взаимодействия ее с человеком. Медиаэкология изучает закономерности и тенденции социально-психологического взаимодействия индивидуумов и социальных групп с информационной средой, которая существует благодаря медиатехнологиям [4]. Степанов В. выделяет три основных уровня в медиаэкологии:1) микроуровень исследует адаптацию человека в медиасреде, 2) мезоуровень изучает взаимодействие медиа и социальных институтов, 3) макроуровень имеет дело с глобальными и наиболее общими принципами и тенденциями развития медиатехнологий [4]. В данной работе мы остановимся на микроуровне. Современная медиаэкология вслед за Постманом Н. анализирует влияние как символических систем, так и технологической специфики, которое оказывают медиа на социальную организацию, когнитивные процессы, философские, политические и другие идеи общества.

Цифровая платформа вносит по сути революционные изменения в состояние медиасреды. Она сегментируется на среду-оффлайн и среду-онлайн, приобретающую собственные дистинктивные социально-коммуникативные признаки, к которым коммуниканты различных социальных групп адаптируются по-разному. Terra incognita для современной науки представляют собой образцы коммуникативного поведения социальных групп цифрового поколения, социализирующегося уже в условиях цифровой медиасреды. Это так называемые поколения Z и A (альфа) (в формате данной работы не будем останавливаться на комментарии правомочности критериев объединения социальных групп в подобные поколения). Представители старших поколений, традиционно транслирующие

в социуме базовые нормы и ценности более молодым поколениям, теперь не имеют возможности выполнять эту культурологическую функцию в полной мере, в силу причин как технологического, так и символьного характера.

Цифровая медиасреда в потенциале дает возможность устанавливать новые социальные нормы, не совпадающие с нормами в режиме оффлайн. Обратим внимание, что расхождения, например, в этических нормах уже заметны в различных социальных сетях. По всероссийскому опросу GfK (пресс-релиз 2020 г.) каждый пятый взрослый россиянин (20,2%), а это более 24 млн человек не пользуется интернетом [1], в то время как, по данным еще 2018 г. о проникновении интернета в России, уже 98% молодёжного населения пользуются интернетом [2]. Важно, что независимо от степени доверия дигитизированной коммуникации цифровая медиасреда молодым поколением, в отличие от старших поколений, не осознается как «другая» и тем более «чужая». Нами замечено даже семантическое переосмысление понятия «онлайн» при его использовании в речевой коммуникации молодежи, когда оно не вступает в оппозицию с понятием «оффлайн», а становится самодостаточным. Количественные данные авторских исследований [5] показывают, что в периоды неопределенности, связанных с выбором жизненных стратегий, новое цифровое поколение молодежи все-таки предпочитает принимать в расчет мнение родителей, однако немаловажную роль играет и медиасреда.

Большое количество отечественных и зарубежных коммуникологов отмечает увеличение степени свободы для презентации личности в виртуальной среде и компьютерно опосредованной коммуникации. Результаты проведенного нами качественного исследования показывают, что повышение раскрепощенности в цифровой медиасреде отражается на степени соблюдения этических оффлайн-норм социальной коммуникации, когда выбор молодежью определенных медиа для поддержания межпоколенческих коммуникативных контактов в официальном регистре демонстрирует отступление от стратификационных, ситуативных, функциональных и оценочных доминант коммуникации, установленных в режиме оффлайн. В частности, проявляется меньшее уважение к социальному статусу преподавателя при выборе способов и средств связи с ним. Возможно, это происходит и на основе того, что сфера образования все больше воспринимается как сфера услуг. Так или иначе, организация собственной цифровой медиасреды нового поколения молодежи способна ухудшать медиасреду коммуникантов других поколений, вызывая репутационные риски и создавая конфликты этического характера.

Источники и литература

1) Исследование GfK: Каждый пятый взрослый россиянин не пользуется Интернетом. Пресс-релиз 14.01.2020. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-kazhdyi-pjatyi-vzroslyi-rossijanin-ne-polzuetsja-internetom/ (дата обращения 21.01.2020)
2) Исследование GfK: Проникновение Интернета в России. Пресс-релиз 16.01.2018. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii-1/ - GFK.com (дата обращения 21.01.2020)
3) Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. – М.: Академический Проект, 2005. – 400 с. – («Технологии культуры»)
4) Степанов В. Наука медиаэкология: понятие, предмет, объект, уровни. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://media-ecology.blogspot.com/2011/02/blog-post_19.html (дата обращения 21.01.2020)
5) Чудновская И.Н., Липатова М.Е. Агенты социально-коммуникативного воздействия на формирование образовательных стратегий нового поколения молодёжи // Общество: социология, психология, педагогика. 2019, № 11 (67). С. 50-58.

Шипунова Татьяна Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Социокультурные конфликтологические аспекты профилактического социального контроля правонарушений молодежи

Отечественная система профилактического социального контроля правонарушений базируется преимущественно на анализе факторов риска первичных правонарушений несовершеннолетней молодежью [см. напр.: 1] и использовании реабилитационных программ с участием представителей данной возрастной группы. В отношении других молодежных когорт дело обстоит иначе: лица, достигшие совершеннолетия, по

статистике проходят как взрослые. При этом из поля зрения исследователей и агентов социального контроля ускользает период интеграции молодежи, прошедшей программу социальной реабилитации в подростковом возрасте, и выбирающей дальнейшие траектории жизненного пути, включая (возможное) продолжение преступной курьеры. Вместе с тем, как показывают данные ФСИН России, на конец 2018 г. в воспитательных колониях для несовершеннолетних содержалось 1354 осужденных в возрасте 14-19 лет, а в исправительных колониях для взрослых лиц в возрасте 18-25 лет было в 46 раз больше (62841 чел.) [2]. С большой вероятностью можно утверждать, что большинство молодых осужденных попадало в поле зрения правоохранительных органов и социозащитных учреждений ещё в несовершеннолетнем возрасте, но необходимых ресурсов для успешного взросления и интеграции в легитимное социальной пространство они не получили. Это, в свою очередь, могло явиться одним из факторов риска дальнейшего развития их преступной карьеры и вторичного попадания в места лишения свободы.

Реализация социального контроля в современном обществе нормализации и дисциплинирования сопряжена с социокультурным конфликтом между теми, кто присваивает себе моральное право продолжать наказывать нарушителей норм, и теми, кто эти нормы нарушил и понес наказание или прошел курс реабилитации. Суть такого диспозиционного конфликта заключается в том, что в обществе формируется негативное отношение к молодым людям, совершившим проступок и осужденным за правонарушение. Приговор, вынесенный решением суда в отношении индивидов, уже сам по себе являются стигмой, которая сохраняется на всю жизнь и имеет негативные следствия при их устройстве на работу, получении образования, поиске круга общения, установлении отношений с соседями и т.д. Происходит это потому, что приговор влечет за собой не просто искупление вины за конкретный проступок, а приписывание индивиду особых («асоциальных»/«преступных») характеристик, которые не позволяют смотреть на молодого человека непредвзято. Усугубляет ситуацию и тот факт, что в криминологии закрепилось понятие «личность преступника» [3, с. 151-178]. При помощи этого понятия описывают устойчивые и слабо поддающиеся изменению «антисоциальные» характеристики правонарушителя, имеющие тенденцию каждый раз проявляться в подходящей (криминогенной) ситуации.

Таким образом, индивид, понесший наказание или прошедший курс социальной реабилитации, может быть лицом с социальным (в реальной жизни) и асоциальным (по закрепленному за ним ярлыку) поведением. Однако общество дисциплинирования (включая лиц, задействованных в

организации процесса реабилитации) при подходящем случае не упустит возможности прибегнуть к дополнительному несанкционированному наказанию лиц, совершивших проступок, создавая тем самым угрозу для выбора молодыми людьми просоциальных жизненных стратегий. Эта неформальная реакция актуализируется в форме социокультурной виктимизации, т.е. в виде проявления различных видов агрессии и насилия (явных или скрытых, осознанных или неосознаваемых) в отношении виктимизируемых лиц, которое дополняет и существенно расширяет, ужесточает формальное наказание. К наиболее значимым видам социокультурной виктимизации относят: социально-структурную, когда большинство приписывает себе особую ценность, а виктимизируемых рассматривает как менее ценных, нежизнеспособных и несостоятельных индивидов; культурную, которая диктуется традицией, религией, политическими или идеологическими установками на выделение некоей группы «изгоев» по разным признакам; институциональную, под которой понимается становление жертвой в или через какой-либо институт вследствие заформализованности и деперсонификации, ведущих к ощущению бесправности, потери контроля над ситуацией и своей жизнью [4, с. 64-69]. Реакцией на виктимизацию второй стороны конфликта - молодых правонарушителей - могут быть различные формы уклонения, совершение новых девиаций и/или рецидивных правонарушений. Недооценка значимости данного диспозиционного конфликта и социокультурной виктимизации ведет к низкой эффективности программ социальной реабилитации и воспроизводству в обществе правонарушаемости (включая рецидивную) представителей разных молодежных когорт.

Источники и литература

1) На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа) / коллективная монография: под науч. рук. М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагурова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт социологии РАН, 2012.
2) Официальный сайт ФСИН России. URL: http://фсин/statistics (дата обращения: 22.01.2020)
3) Криминология /под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 4 изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра–М., 2010.

4) Schneider H. J. Kriminologie für das 21. Jarhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie; Űberblick und Diskussion. – Münster: Lit, 2001.

Ясников Николай Николаевич
Вологодский научный центр РАН, Череповец, Россия

Малая студенческая группа. Провокация конфликта или стимуляция коллективных действий?

Несмотря на все трудности высшей школы (как то закрытие университетов, филиалов или слияние ВУЗов), поток желающих получить высшее образование не ослабевает и количество студентов в ВУЗах в последние десятилетия значительно возросло. Не столь важно, стала ли основным драйвером этого движения государственная политика, направленная на стимулирование экономики знаний или главенствующую роль занял диктат рынка труда, повысившего спрос на высокообразованных сотрудников, результатом стало не только увеличение абсолютного числа абитуриентов, но и крайне сильное разнообразие в характеристиках получившейся массы студентов. Учащиеся с самым разным уровнем подготовки направили свои стопы в ВУЗы, а ВУЗы в свою очередь обнаружили, что далеко не все учащиеся способны справиться с предъявляемыми к ним требованиями[1], которые раннее считались нормой.

Одним из факторов, негативно сказывающихся на успешности получения образования, стала неготовность (а порой и неспособность) студентов к академической и социальной адаптации. Отмечено, что студенты активно участвующие в жизни университета более успешны в учёбе[2], однако очевидно, что далеко не каждый студент обладает достаточно активной жизненной позицией. В связи с этим доктор философских наук Jasperina Brouwer провела исследование, результатом которого стало выявление факта того, что студенты, разделенные на небольшие учебные группы по руководством наставника, благодаря стимуляции практик межличностного взаимодействия, значительно улучшают свои учебные достижения[3]. Взаимодействие и сотрудничество не только положительно сказывается на их академической успеваемости, но и готовит к будущей карьере в реальной рабочей среде, где как правило требуется такой непростой навык как умение работать в команде.

Впрочем, существует и обратная сторона медали. Британский профессор Christine Hockings отмечал, что хотя учёба в небольших группах

и может оказывать положительное влияние на результаты обучения, порядка 30% студентов не получают от этого никакой выгоды[4]. Происходит это предположительно по причине своеобразного конфликта между студентами недостаточно вовлеченными в образовательный процесс или имеющими недостаточный уровень успеваемости и их более успешными коллегами. Не будучи способными сразу установить отношения с преподавателями/наставниками или более успешными студентами, они замыкаются, и их успеваемость только падает, а неаккуратная попытка «достучаться» до них, только провоцирует их на развитие конфликта. Получается, что хотя обучение в малых группах действительно стимулирует в студентах способности к саморазвитию, разнородность обучаемого контингента создаёт определенные препоны на пути этой образовательной стратегии.

На основе приведённой информации можно сделать следующий вывод: доступность высшего образования хотя и спровоцировала множество положительных изменений, но также и создала новую причину для социальной напряженности, когда среди учеников с разным базовым уровнем могут возникать конфликты, а практики традиционно направленные на улучшение взаимодействия (как например обучение в малых группах) будут их только подогревать, если применять их не адаптировано к каждой конкретной ситуации.

Источники и литература

1) Heublein, U. Student drop-out from German higher education institutions. European Journal of Education. 2014, 49(4). doi:10.1111/ejed.12097

2) Beyers, W., & Goossens, L. Concurrent and predictive validity of the student adaptation to college questionnaire in a sample of European freshman students. Educational and Psychological Measurement. 2002, 62(3), 527–538.

3) Brouwer J. Connecting, interacting and supporting: Social capital, peer network and cognitive perspectives on small group teaching. [Groningen]: Rijksuniversiteit Groningen, 2017. 199 p.

4) Hockings, C. Reaching the students that student centred learning cannot reach. British Educational Research Journal. 2009, 35(1), 83-98. doi:10.1080/01411920802041640

«Секция 3. Экономические интересы как причина социальных конфликтов: история и современность (рук. проф. А.А. Осеев)»

Руководитель секции:
проф., д.с.н. А.А. Осеев
Секретарь секции:
доц., к.э.н. И.В.Колодезникова

Основные вопросы секции:

- Борьба за ресурсы как двигатель общественного развития
- Достижения и ограничения экономического детерминизма
- Экономические потребности и интересы в функционировании социальных систем разных эпох
- Конфликт интересов как особый тип современного социального конфликта
- Возможности применения классового подхода к интерпретации исторических и современных явлений общественной жизни

Шестакова Наталия Николаевна
Институт проблем региональной экономики РАН, Saint Petersburg, Россия

Молодежь вне сфер образования и труда: самооценка причин эксклюзии

Молодежь, находящаяся вне сфер труда и образования, представляет собой особую группу молодых людей, выделяемых в статистическом учете целого ряда государств. К числу их относятся страны ОЭСР, США, Канада, Австралия, Япония, Южная Корея, Мексика, Аргентина, а также отдельные страны СНГ.

С 2010 года эта категория молодежи позиционируется и в российской статистике, где она фигурирует под буквальным названием «Молодежь (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков».

На важность исследуемой категории молодежи указывает отнесение соответствующего показателя к числу национальных критериев устойчивого развития. Согласно данным официальной статистики, доля неуча-

щейся и неработающей молодежи в общей численности населения соответствующего возраста составляет порядка 12-14% [1]. То есть в течение последнего десятилетия практически каждый 7-8 российский молодой человек находился вне социально одобряемых сфер деятельности: образования и/или труда.

Однако, как отмечается в наиболее полном на сегодняшний день исследовании молодежи этой группы: ««Множество существующих эмпирических исследований молодежи NEET (*сокращение от англ. «Not in Employment, Education or Training» - молодежь, которая не вовлечена в работу, учёбу или профессиональное обучение*) являются сугубо описательными и посвящены изучению масштаба и характеристик ее представителей в конкретных странах. Однако, несмотря на внешнюю простоту самой дефиниции, выделение категории NEET влечет за собой массу сложных исследовательских вопросов, связанных с фундаментальными темами экономики и социологии труда, социальной стратификации и неравенства. Среди них - качество человеческого капитала молодежи NEET, влияние пребывания в статусе NEET на последующую занятость и уровень заработной платы, бедность и социальную стратификацию, место молодежи NEET в системе социального неравенства. Каковы причины попадания молодежи в группу NEET?» [2, с. 16].

На изучение качественных характеристик современной российской неучащейся и неработающей молодежи было нацелено исследование, проведенное в рамках гранта «Капитализация человеческого потенциала современной российской молодежи, находящейся вне занятости и образования», поддержанного РФФИ.

В частности, методом анкетного опроса в марте-июне 2019 в С.-Петербурге нами было опрошено 356 человек в возрасте 15-29 лет. Из них 58,6% составили молодые люди, 41,4% девушки. Примерно каждый пятый опрошенный (22,4%) обозначил свой статус как «не учусь и не работаю» и «числюсь в школе (колледже и т. д.), но не хожу на занятия». Остальные 77,6% респондентов учились и/или работали. Исследование строилось по принципу сравнения группы неучащейся и неработающей молодежи и <условно> социально благополучной группы молодых людей.

Среди прочих респондентам были заданы вопросы, нацеленные на установление причин, по которым они выбыли из сфер образования и труда.

Из числа причин эксклюзии из сферы образования, предложенных в анкете, ключевой, выделенной более, чем третью (36,4%) опрошенных, оказалось отсутствие интереса к учебе. Можно предположить, что это в

известной степени связано с качеством и профессионализмом педагогических кадров, обеспечивающих учебных процесс. Второй по важности стала причина, неудачного выбора профессии/специальности: ее назвал каждый пятый-шестой (18,2%) молодой человек. И это вполне характерное основание для отказа от продолжения получения образования. На трудности в получении образования указал один из каждых семи (15,1%) опрошенных; еще один из десяти человек (10,6%) выделил в качестве причины проблемы, вызванные состоянием здоровья.

В разряде иных оснований исключения молодых людей из сферы образования были обозначены финансовые мотивы *(«не хватает денег, нужно работать», «невозможность оплаты»*) и наличие альтернативных целей *(«пока другие приоритеты», «нет времени»*).

Как следовало ожидать, самой значимой причиной выбывания молодежи из сферы труда является недовольство уровнем заработной платы: так полагает каждый шестой (15,9%) давший ответ на вопрос, каждый восьмой (13,2%) не смог найти работу по окончании учебного заведения. Более того, один из десяти (11,8%) человек полагает, что полученное им образование не позволяет найти работу в принципе. Такое же количество респондентов отметили неудовлетворенность режимом (11,8%) и условиями (10,5%) труда. Незначительное число опрошенных оказались уволенными по тем или иным причинам (3,9%) либо были вынуждены ухаживать за чем-то из членов семьи (1,3%).

Некоторые респонденты, ответившие на этот вопрос, указали и ориентировочную продолжительность перерыва в трудовых отношениях: он варьировался от двух недель (минимум) до одного года (максимум). Помимо периодов условной передышки, добровольно установленных для себя самими молодыми людьми, респондентами были приведены и вынужденные причины выбытия из сферы труда (*«в поисках», «трудоустраиваюсь»*), а также отсутствие желания или необходимости *(«нет необходимости», «не хочу работать»*. Как правило, последний вариант ответа приходятся на подростков, не достигших 18 лет).

Таким образом, можно говорить об отсутствии интереса к учебе, получению знаний как ключевой причине инклюзии подростков и молодежи из сферы образования, а также о сложностях трудоустройства и неудовлетворенности предлагаемым уровнем заработной платы как основной причине инклюзии подростков и молодежи из сферы труда.

(Статья подготовлена в рамках проекта 19-010-00404 А «Капитализация человеческого потенциала современной российской молодежи, находящейся вне занятости и образования», поддержанного РФФИ).

Источники и литература

1) Материалы сайта Госкомстата РФ URL: http://www.gks.ru
2) Зудина А. А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России : препринт WP3/2017/02 [Электронный ресурс] / А. А. Зудина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (300 Кб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 21 с.

Абдулаев Арсен Джапарович

Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ), Санкт-Петербург, Россия

Влияние реципрокных и редистрибутивных практик на процесс экономического взаимодействия в условиях мегаполиса

Современный город, являет собой многокомпонентное пространство, формируемое не только в процессе рефлексивной, рациональной деятельности человека, но и посредством его спонтанных бессознательных действий [6]. Данное обстоятельство определяет важную роль сферы иррационального, зачастую субъективного поведения городского населения в формировании уже упомянутой многокомпонентной среды. В свою очередь, реализуемые населением практики, являющиеся тем самым инструментом преобразования городского пространства, обеспечивают городу как многокомпонентному социально-экономическому явлению, динамику развития. При этом, неравномерность данного процесса и его возможная иррациональность приводит к соответствующей неоднородности в области социально-экономических практик конкретных сообществ, тем самым определяя высокую конфликтность формируемой среды.

С точки зрения исторического и эволюционного развития города, формы транзакций [5] в исследовании определены в качестве критерия классификации практик на городские и сельские. К становлению города в приближенном к современному виду приводит появление генеральных перераспределителей блага (редистрибуция) и последующее возникновение рынка (обмен), рыночных отношений и городских практик, определяемых наличием выгоды в виде прибавочной стоимости [8].

Соответственно, в каждом отдельном поселении будет наблюдаться специфичное соотношение городских и сельских практик жителей, состояние баланса, обеспечивающее гармоничное развитие городского пространства. Наличие диспропорций приводит в случае городских практик к гиперурбанизации и вырождению городской среды, а в случае сельских - к трайболизму и потере целостности городского социального поля.

Итогом работы стало формирование сравнительной характеристики городских и сельских практик с присущими им чертами в правовом, социальном, экономическом аспектах. Сведение отношений к модели высшей неопределенности в области образа ответных действий (являющихся положительными для инициатора) является признаком сельской практики. Объемом своего вклада в коллективный «пул» (пул как объединение, совокупность) благ, капитал, инициатор, с одной стороны, утрачивает свое исключительное право на вносимый в «пул» ресурс, но, с другой стороны, получает право на другие блага в поле коллективного «пула». Тем самым каждый член сообщества подписывает своего рода негласный коллективный договор, определяя меру персональной, коллективной ответственности, уменьшая меру личного владения и распоряжения своим благом, обеспечивая себя большим (в сравнении с изначальным) правом в области пользования иными благами в общем объеме коллективной собственности.

Сельские практики характеризуются своей укорененностью [4] в сознании агентов, так как имеют тенденцию переходить в разряд обычая, в определенной мере обязывая члена общины осуществлять определенный вклад (трудовой либо материальный) в коллективную активность, но при этом сам факт участия в совместной активности в противовес затратам обеспечивал вступившего в активность агента правом морального ожидания, своего рода социального страхования от непредвиденных ситуаций в будущем.

Немаловажную роль играют консолидационные процессы, определяемые в сельских практиках своим аскриптивным характером, нацеленностью на получение общественной поддержки путем наращивания объемов социального капитала. Сугубо городская практика не предусматривает своей целью создание структур, затрагивающих большое количество агентов, а предполагает нацеленность на построение коммуникации с заинтересованным в товаре или услуге контрагентом до момента совершения транзакции блага. Такая связь не предусматривает каких-либо дополнительных взаимно подкрепляющих факторов помимо получения прямой и конкретно определенной, жестко конвертируемой выгоды.

Сведение отношений к формированию коллективного капитала, «пула» благ посредством реципрокных транзакций и стремление к «идеальному» состоянию системы (где ни один из участников отношений не может повлиять на собственное благосостояние и благосостояние других) являются признаками сельской практики.

Условие уравнительного распределения с учетом гибкой конвертируемости и изначальной эквивалентности производимых транзакций создают условия баланса в распределении благ между агентами. Любые диспропорции, приводящие к выведению системы из равновесного состояния при деградации механизмов конвертации приводят к неравномерному распределению блага, создавая иерархию перераспределения (редистрибуцию).

В заключение необходимо отметить, что социально-экономические практики, несмотря на все разнообразие и многоаспектность, поддаются классификации в рамках указанных групп на исключительно сельские и исключительно городские. Нельзя не сказать о синтетическом характере данного подхода, так как в реальности не представляется возможным наблюдать носителя исключительно одной из групп практик [2]. Для каждой из категорий были определены стержневые характеристики, которые в последующем позволят классифицировать не только абстрактные модели деятельности домохозяйств и иных групп, но и производить анализ феноменов городских сообществ в реальной жизни, сочетающих в себе сложный комплекс, как сельских, так и городских признаков. Подобная расширенная качественная характеристика сообществ города позволит учесть важные факторы, лежащие в поле коммуникаций сообществ города с целью определить степень конфликтности городской среды.

Источники и литература

1) Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. - 2002. - Т. 3. - № 5. - С. 60-74.

2) Вирт Л. Избранные Работы по социологии. Сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; Пер. с англ. Николаев В.Г.; Отв. ред. Гирко Л.В. - М.: ИНИОН, 2005. - 244 с.

3) Гофман А., Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. - М.: Наука, 1991. - 572 с.

4) Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. - 2002. - №3. - С. 44-58.

5) Поланьи К., пер. М.С. Добряковой Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С. 62-73.

6) Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизм // Социологическое обозрение. - 2002. - №3. - С. 19-26.

7) Муфтахова А.Н. Территориальная мобильность в странах Евросоюза // Среднерусский вестник общественных наук. - 2019. - Т.14. - №1. - 145-160.

8) Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 23. - С. 632.

9) Нелин Д. В. Экономическая роль отношений реципрокности // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее : сб. / общ. ред. Р.М. Нуреев. - М.: ГУ ВШЭ, 2006. - С. 287-291.

10) Павлюк С.Г. Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США) // Региональные исследования. - 2015. - № 2. - С. 26–36.

Арсеньева Алеся Валерьяновна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Влияние материальной мотивации на эффективность работы персонала

Любая организация представляет собой социум, который предполагает сложную организационную структуру. Персонал в организации может быть структурирован по двум направлениям: функциональный принцип (каждый отдельный работник, выполняет свои функции, имеет определенные права и обязанности, и несет ответственность за результаты собственного труда) и девизиональный принцип (каждый отдел стремится повысить свои показатели работы, работая усердно и слаженно).

Персонал организации как модель социума, разделенный по дивизиональному принципу, подчиняется известным законам социального развития. Согласно проведенному автором исследованию, в отделе, в котором установлен хороший психологический климат, и налажены социальные

коммуникации между сотрудниками, показатели эффективности работы выше.

Автор разделяет точку зрения широкого круга исследователей, которые утверждают, что одним из приоритетных мотивов стремления к высокопроизводительному труду выступает материальный мотив. Экономические интересы персонала формируют следующее мотивационное поведение:

- стремление либо избегание интенсивного труда;
- стремление либо избегание принятия на себя ответственности.

Таким образом, система мотивации и стимулирования по отношению к персоналу становится единством взаимосвязанных и взаимовлияющих элементов менеджмента. Персонал, организованный по дивизиональному принципу становится способным активно взаимодействовать с окружающей средой, изменять структуру внутренних социальных связей, сохраняя при этом целостность, выбирать одну из возможных линий поведения для достижения общей цели [1, с. 54].

Практика управления диктует необходимость непрерывного совершенствования и модернизации систем управления персоналом, отвечая на вызовы быстроизменяющегося мирового рынка. Отечественные предприятия и организации так же испытывают острую потребность в своевременной адаптации систем управления персоналом в части выбора методов мотивации. Роль экономического принципа построения мотивационных воздействий возрастает все больше день ото дня. Со значительной степенью разочарования, стоит констатировать, что для большинства отечественных предприятий аспект разного рода стимулирования персонала упирается, по большей мере, в материальное вознаграждение за результативный труд и не более того.

На основе обобщения теоретического материала и результатов эмпирических исследований следует сделать вывод, что материальная мотивация сотрудников организации является ключевым фактором в достижении повышения показателей работы персонала

Источники и литература

1) Черных А.Б., Заиграева М.А. Влияние личностных характеристик членов коллектива на эффективность управления групповыми процессами и социальную стабильность организации.Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 3. С. 105-114

Арутюнян Армен Сергеевич
ООО "Директ ИНФО", Москва, Россия

Генезис полифункциональности социальных интересов в регионах

Классик политической экономии А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» рассуждает о том, что в основе всех действий людей лежат собственные интересы: «...не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов» [1, с. 129]. К числу устойчивых и конфликтогенных факторов относятся «интересы обеспечения потребностей». А. Смит видел в частных интересах больше пользы, т.к. именно они способствуют обеспечению роста общественного блага, тем самым развивая конкурентные механизмы развития экономики.

В «Дебатах о свободе печати» К. Маркс отмечает, что среди мотивов деятельности есть «...все то, за что человек борется, связано с его интересом». Проблема «интереса» актуализируется в контексте социальной деятельности социальных групп в условиях взаимодействия с социальными и экономическими институтами. Еще более жесткое противопоставление частного интереса можно наблюдать в статье К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже дров». В ней «...частный интерес выступает под маской мелочного и пошлого, практичного, трусливого и жестокого лесовладельца, для которого конечная цель мира - он сам. Вывод - это выяснение соотношений частного интереса, с одной стороны, и государства, и права - с другой. Государственный строй, его авторитет, учреждения, законы - все подчинено частному интересу» [2, с.553].

В разделе, посвященному анализу земельной ренты, К. Маркс опровергает утверждение А. Смита, будто бы интересы землевладельцев совпадают с социальными интересами общества. К. Маркс показывает, что интересы земельных собственников «...враждебно-противоположны интересам арендаторов, батраков, промышленных рабочих и капиталистов». Кроме того, существует конкуренция и между самими земельными собственниками, в результате которой происходит «...уничтожение различия между капиталистом и земельным собственником, так что в общем и целом остается уже только два класса населения: рабочий класс и класс капиталистов» [2, с. 558].

Иного подхода придерживаются представители ордолиберальной экономической мысли. В. Зомбарт высшим идеалом во внутренней государственной политике считает «согласование различных индивидуальных

или групповых интересов, или «благоденствие» отдельных граждан, входящих в государство, но это именно и значит, что позиция государства в его внутренних делах носит определенно номиналистическо-индивидуалистический характер» [3, с. 52].

В. Ойкен и Л. Эрхард среди опасностей частных интересов выделяли лоббизм интересов и риск возникновения деятельности картелей и синдикатов. По мнению ученых, они в состоянии оказать губительное влияние на частную экономическую инициативу. При этом у Ойкена было понимание что «...проявления индивидуального экономического интереса могут не только войти в противоречие с общим экономическим интересом, но и нанести ущерб другим порядкам» [4, с. 451].

Основатели позитивизма О. Конт и Г. Спенсер выдвинули положение о «солидарности» классов и «гармонии» классовых интересов как движущей силы прогресса. Американский социолог А.В. Смолл [6] (влед за австрийскими социологами Л. Гумпловичем и Г. Ратценхофером) разработал концепцию интересов, как своего рода классификацию «атомов» социальной жизни.

Американские социологи Л.Ф. Уорд [7] Ф.Г. Гиддингс, [8]Э.Л. Росс [8] дали свои классификации интересов. А.Перри, Т.Парсонс и другие американские социологи выдвинули ценностные концепции интересов. В интерпретации А. Смолла социальный процесс отражает постепенный переход конфликта в согласие. Следовательно, он предполагает «...постепенное образование социальных групп вокруг интересов и постоянное воздействие взаимного влияния благодаря групповому действию». А. Смолл определяет интересы «...как оценки, руководящие поведением. В результате социальный процесс определяется как процесс образования оценок, поисков средств их реализации, изменения оценок в связи с трудностями» [9, с.27-28]. Т. Парсонс рассматривает ценности вкупе с материальным миром. «Ценности, нормы, идеи представлены как равноправные с материальными сущностями элементы объективного бытия человека» [10, с.2].

Внутренние и внешние противоречия есть содержательная сторона мотивов действия интересов социальных групп, которые, по сути, выступают в качестве мощнейшего конфликтогенного фактора. Генезис полифункциональности социальных интересов в первую очередь связан с эволюцией социальных интересов в условиях рынка, с дифференциацией статусно-ролевых групп, как на пространственном, так и на региональном уровне. Генезис полифункциональности социальных интересов анализируется сквозь призму реализации интересов социальных групп в регионах. Ролевые диспозиции субъектов взаимодействия, чья статусная

дифференциация носит дескриптивный характер, способствует доминированию корпоративных и властных групп.

Различие этой категории заключается только в том, что если социальные интересы социальных групп направлены на стабильность их функционирования и поддержания жизнеобеспечения, то интересы развития, групп включенных во властный дискурс, направлены на трансформацию и адаптацию институциональных структур в соответствие с целями и социальными установками декларируемые элитными группами, и использующими их в качестве механизмов направленных на продвижение своих интересов в структурах аффилированных с властно-административным аппаратом.

Источники и литература

1) Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I-III). – М.: «Наука», 1992.
2) К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956.
3) Современный капитализм / Вернер Зомбарт; пер. с нем. под общ. ред. В. А. Базарова Т. 3, 1-й полутом. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма. / пер. Ст. Вольского и Б. Я. Жуховецкого; с предисл. И. Альтера, 1930.
4) Борьба классов и классовое господство / Г. Шмоллер; пер. А. Вяхирева. М: В.Д. Корчагин, 1906.
5) Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. / Общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херрманн-Пилата, вступ. сл. О.Р. Лациса. -М.: «Прогресс», 1995.
6) Small A.W. Small A.W. General Sociology. An Exposition of the Main Development in Sociological Theory from Spencer to Ratzenhofer, Chicago. 1905.
7) Уорд Л. Психические факторы цивилизации / пер. с англ. СПб, 1897.
8) Ковалевский М. Современные социологии, СПб, 1905; Хвостов В.М. Социология. Ч.1. Введение. Исторический очерк учений об обществе. М., 1917.
9) Беккер Г., Босков А. От общественной мысли к социологической теории // Современная социологическая теория. М., 1961.

10) Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Информационный бюллетень №23 (38) серия: рефераты и переводы. Вып 2, 1969.

Архина Анна Сергеевна
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Теория перспектив и Октябрьская революция 1917 года

Октябрьская революция 1917 года - один из важнейших социальных конфликтов в истории России и мира. Она явилась причиной множества последующих конфликтов и определила вектор развития 20-го века. Историки выделяют множество причин Октябрьской революции. В данной работе падение уровня жизни в 1916-1917 гг. рассматривается как одна из причин данного конфликта. В качестве инструмента анализа используется теория перспектив.

Теория перспектив - это экономическая теория, описывающая процесс принятия решения индивидом в условиях риска. Она была разработана Даниэлем Канеманом и Амосом Тверски как альтернатива классической теории ожидаемой полезности [4]. Согласно теории ожидаемой полезности рациональные индивиды, сталкиваясь с рисковой ситуацией, выбирают исход, приносящий им наибольшие выгоды. Если в данной теории люди делают свой выбор, основываясь на значениях богатства, то в теории перспектив они обращают внимание на изменения этих значений и не рассматривают один и тот же объем выгод и потерь как эквивалентные. Для таких индивидов предельная полезность потерь выше, чем предельная полезность выгод. Данный эффект обозначается понятием «неприятие потерь». Другими словами, в теории перспектив люди склонны сильнее ощущать потери, чем выгоды, а в теории ожидаемой полезности их ощущения будут одинаковыми. Также в теории перспектив индивиды оценивают результаты относительно точек отсчета. Ими могут являться статус-кво и ожидания индивидов. Более того, люди более склонны избегать риск в случае возможных выигрышей и принимать риск в случае потенциальных потерь. Иначе говоря, они готовы рисковать, чтобы избегнуть потерь, но не готовы принять на себя аналогичный риск для получения выгод.

В конце 19 - начале 20-го веков экономика Российской Империи стремительно развивалась. Чистый национальный продукт Российской империи с 1885 по 1913 гг. вырос по одним оценками в 1,56 раз [6]. Доход на душу населения по одним оценкам увеличился за 1885-1913 гг.

на 63% [6]. Существует точка зрения, что благосостояние населения в указанные периоды так же росло. Доказывают данное утверждение в том числе с помощью анализа изменения веса и среднего дефинитивного роста у населения: данные показатели росли на протяжении последних десятилетий существования Империи. Так, если у солдат и рабочих поколения 1851-1855 годов рождения средний рост составлял 165,8 см., то у поколения 1913-1915 гг. уже 169 см. [7].

В начале Первой Мировой войны уровень потребления находился на нормальном уровне, но уже в 1916-1917 благосостояние население в целом и горожан в частности начало ухудшаться. В первые годы конфликта экономика Российской Империи в отличие, например, от экономики СССР в 1941-1942 гг., не испытывала сильных трудностей: в 1914 году чистый национальных доход империи упал всего на 2% про сравнению с предыдущим годом, а в 1915 году даже превысил показатель 1913 года на 1,6%. Только в 1916 году он снизился на 6,4%, а в 1917 - на 18,1% [5]. Аналогично только в 1916 -1917 гг. промышленное производство гражданских товаров и зерна стало меньше по сравнению с 1913 годом [2]. Так, производство товаров гражданского назначение в 1917 г. По сравнению с 1913 г. упало на 31%, а зерна - на 12% [2]. Жители городов и деревни находились в разных условиях в военные годы. Если крестьяне были относительно обеспечены продуктами питания, то в некоторых городах уже в начале 1916 года была введена карточная система. Несмотря на это, жители городов не находились в состоянии крайней нужды: случаев голода зафиксировано не было.

Тем не менее, уровень жизни все же упал по сравнению с предвоенными годам и в соответствии с теорией перспектив население ощутило его достаточно болезненно. Довоенное процветание большей части населения сменилось военными ограничениями. Другими словами, отклонение от точки отсчета в 1916-1917 гг. усилило и без того негативные настроения жителей империи. Более того, если большая часть людей считала, что война должна была закончится через несколько месяцев после её начала, то отклонение от этих ожиданий (точка отсчета о конце войны) создало дополнительные недовольства.

Основной поддержкой большевиков во время октябрьской революции 1917 года были рабочие и солдаты, то есть люди, чье благосостояние сильнее всего пострадало из-за войны. Согласно теории перспектив, если бы данным слоям населения не грозило дальнейшее ухудшение их благосостояния, то они скорее всего не решились бы взять на себя риск вступления в революционную борьбу. Указанная часть населения предпочла избежать дальнейших потерь, связанных с войной, примкнув к

большевикам, обещавшим выход страны из конфликта. Отчасти поэтому революция произошла в 1917 году, когда падение экономики стало заметным, а поражения на фронте не сулили улучшений. Если бы высоких рисков понести дальнейшие потери не было, значительная часть населения не поддержала бы революцию, так как для большинства людей отклонение от статуса-кво не желательно.

Конечно, были и более фундаментальные причины Октябрьской Революции, такие как, например, спрос в обществе на изменения и справедливость, но избегание потерь, можно сказать, являлось «последней каплей».

Источники и литература

1) Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX - начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003 - 253с.

2) Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. — М.: Новый хронограф, 2010. — 911 с.

3) Первая мировая война: влияние на экономику России и мира: Коллективная монография. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. — 200 с.

4) Dower, Paul & Markevich, Andrei. (2017). Democratic Support for the Bolshevik Revolution: An Empirical Investigation of 1917 Constituent Assembly Elections. SSRN Electronic Journal.

5) Gatrell, Peter, and Mark Harrison. "The Russian and Soviet Economies in Two World Wars: A Comparative View." The Economic History Review, New Series, 46, no. 3 (1993): 425-52.

6) Kahneman, D. Thinking, Fast and Slow — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. —499 pp.

7) Kahneman, Daniel, and Amos Tversky. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. Econometrica, vol. 47, no. 2, 1979, pp. 263–291.

8) Markevich, A., & Harrison, M. (2011). Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928. The Journal of Economic History, 71(3), pp. 672-703.

Беленок Алексей Андреевич
Институт социологии НАНУ, Киев, Украина

Справедливость социально-экономических реалий современной Украины в восприятии ее населения

Нынешнее положение Украины - закономерное следствие неконституционного роспуска СССР и связанной с ним реставрации капитализма, хотя и отложенное во времени. Разрушение социалистического строя, воздвигнутого трудами и оплаченного огромными жертвами старших поколений советских людей, дорого обошлось их потомкам. Огромная финансовая зависимость государства от международного капитала, массовая бедность (особенно - пенсионеров и сельских жителей), повсеместный износ производственных фондов и инфраструктуры, эмиграционные настроения и действия - вот в каких условиях живет трудовая Украина.

Эмпирическую базу тезисов составили результаты Всеукраинского мониторинга общественного мнения, который Институт социологии НАНУ ежегодно проводит с 1992 г. на выборке (n=1800), репрезентативной по основным социально-демографическим признакам для взрослого населения страны.

По многолетним данным Мониторинга, в украинском обществе сформировано стойкое негативное отношение к передаче в частную собственность (приватизации) больших предприятий, например, в 2018 г. так считали 57,6% респондентов. На протяжении более чем 20 лет стабильное большинство опрошенных граждан Украины высказывались за радикальный пересмотр результатов большой приватизации, а именно - национализацию «прихватизированных» предприятий (в 2017 г. так думали 54,5% респондентов).

На вопрос Мониторинга-2018 «Оцените, пожалуйста, степень важности лично для Вас отсутствия значительного социального расслоения (богатые-бедные, высшие-низшие слои общества)» большинство граждан (78,1%) ответило, что им данный аспект общественного устройства в той или другой степени важен («очень важен» - 37,1%, «скорее важен» - 41%), совсем не важна эта характеристика общества оказалась 1,6% респондентов, скорее неважна - 4,9% опрошенных, 15,4% граждан затруднились ответить. Если учитывать динамику соответствующих средневзвешенных баллов по 5-балльной шкале за предшествующие годы, указанная ценность в глазах населения означала не единичный всплеск общественных настроений, а сложившееся мнение: 3,92 (2012 г.), 4,06 (2014 г.), 4,06 (2016 г.), 4,07 (2018 г.).

По вопросу Мониторинга-2019 «Какое чувство вызывают у Вас частные собственники больших предприятий?» (можно было дать 1 ответ) палитра эмоций распределилась следующим образом: 1. Ненависть - 4%; 2. Презрение - 4,4%; 3. Раздражение - 11,6%; 4. Интерес - 13,9%; 5. Сочувствие - 4,5%; 6. Уважение - 27,1%; 7. Другие чувства - 5,6%; 8. Никакое - 21,3% (7,6% респондентов затруднились с ответом).

В 2019 г. оценивали по 5-балльной шкале общество, в котором живут, как совсем несправедливое - 20,6% респондентов, несправедливое - 31,2%, несправедливое и справедливое в одинаковой мере - 37,5%, справедливое - 9,8%, очень справедливое - 0,9% опрошенных. Таким образом, только каждый десятый гражданин усматривает справедливость общественного устройства в государстве как четко выраженную присущую ему черту. Несправедливой в той или другой степени считает разницу в доходах населения 88,7% граждан, распределение богатства в современной Украине (недвижимости, финансовых накоплений, товаров длительного пользования и т.д.) - 86,7% респондентов, систему формирования зарплаты наемных работников - 83,5% опрошенных.

Ныне на наших глазах разворачивается очередной, после буржуазного переворота 1991 г., акт исторической драмы Украины, которая в рамках навязанной ЕС и США второй волны неолиберальных реформ теперь уже окончательно лишается последних завоеваний социалистического строя - всеобщего бесплатного среднего образования, бесплатной медицины, развитого социального, в т.ч. - пенсионного обеспечения. С учетом практически полностью проеденного наследства СССР и кровоточащего вооруженного конфликта на востоке Украины, ситуация гораздо хуже, чем в «лихие» 1990-е годы.

Если бы в государстве был объявлен референдум по ключевым составляющим социально-экономического курса страны, граждане наверняка мирно проголосовали бы за пересмотр в той или иной форме результатов большой приватизации, а также против предполагаемого открытия рынка земли сельскохозяйственного назначения.

Общие классовые интересы трудящихся олигархическими СМИ искусно размываются по частным, групповым, корпоративным или этнонациональным каналам. Тем не менее социальная база протеста против наступления на права трудящихся по мере запуска либеральных реформ-2 будет, безусловно, расширяться. Объективные факторы продолжают действовать в пользу коренного поворота в экономической политике, в пользу левоцентричного курса, а именно - развития национально-ориентированной, а не компрадорской экономики; национализации стратегических предприятий и базовых отраслей промышленности; учреждения

государственного фонда благосостояния всех живущих и будущих поколений, который бы аккумулировал часть ренты от добычи и использования природных ресурсов страны и других мер.

Положение многонационального трудового народа Украины улучшится тем скорее, чем раньше вместо лозунгов о капитализме без олигархов будут подняты лозунги об упразднении эксплуатации человека человеком как таковой, о первенстве труда, а не капитала, о построении общества равных возможностей для представителей всех национальностей, а не только лишь для «титульной нации». И хотя о воссоздании прежнего Союза говорить было бы нереалистично, поиск новых форм взаимодействия и единения бывших республик, а ныне суверенных государств возможен и более того - необходим.

Васильева Леся Николаевна
Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Трансформация экономических интересов и потребностей в цифровую эпоху.

Когда говорят об экономических отношениях, речь всегда идет о социальных взаимоотношениях в процессе производства и распределения. При этом нельзя не затронуть такое понятие, как «власть». При анализе властных отношений необходимо обратить внимание на то, какие ресурсы используются. Объемы ресурсов и их виды связаны с типом политической власти, стадией общественного развития и историческими условиями.

При анализе экономических отношений совершенно невозможно обойти стороной и такую категорию как «собственность». При множестве определений того, что такое собственность, сутью этого явления выступает вся совокупность ресурсов господства, включающих контроль и потенциальный передел. Собственность на средства производства составляет основу социально-экономического уклада. Совокупность производственных отношений влияет на образование социальных структур.

История развития человечества дает немало примеров того, как формировалась собственность, какие способы ее приобретения и контроля существовали. На эти процессы оказывали влияние не только социальные и политические институты, но и культурные особенности. Утверждали и обосновывали право собственности различные идеологии и системы ценностей.

При всем своеобразии форм собственности, однако, можно выделить три основных ее типа - частную, коллективную и государственную. Если учитывать весь комплекс факторов, которые оказывают влияние на становление собственности и механизмы ее защиты и распределения ресурсов, целесообразно рассматривать эти процессы в рамках теории социальной эволюции, которая позволяет включить в анализ природно-климатические, демографические, психологические и культурологические условия. Теоретики, которые обращались к понятию эволюции, выделяют ряд таких систематических изменений, когда в человеческом сообществе действуют те же механизмы, что и в любой из биологических популяций - изменчивость, наследственность, отбор, дифференциация и интеграция. Особенное внимание следует уделить такому фактору, как адаптация, т.е. эффективному приспособлению к изменяющимся внутренним и внешним условиям. Если мы говорим о социальной эволюции, результатом являются коренные и необратимые трансформации социокультурных форм.

Обобщая выводы ряда теорий, которые искали главные движущие механизмы социально-экономического развития, нужно отметить как наиболее значимые факторы возникновение и развитие технологий по производству продуктов питания и повышение производительности труда в расчете на душу населения. При этом основу укрепления власти составляли приращение материальных ресурсов, которое, в свою очередь, влияли на демографический рост и воспроизводство населения, распределенное во времени и пространстве. Структура общества носит в связи с выделением таких приоритетов строго пирамидальный характер, где на самом верху «пирамиды» крайне ограниченная в процентном отношении к общему количеству населения страта, обладающая всей совокупностью ресурсов. Французский историк Фернан Бродель оценивал в количественном отношении размеры этой страты (в разные эпохи и в разных странах) от 2.5 до 10%.

В XXI веке в ходе эволюционных процессов наметился коренной перелом. Его суть состоит в том, что власть начинает рассматриваться как деятельность по накоплению, обработке и хранению знания и информации. Это придает всем властным ресурсам комплексный и нематериальный характер. Многие исследователи отмечают, что оценка эффективности власти лежит теперь в плоскости не количественного увеличения объемов производства и норм потребления, демографического приращения, а в росте качества жизни и развитии тех технологий, которые этому способствуют. Вертикальная иерархия и строго пирамидальные конструкции уходят в прошлое, проигрывая по эффективности функци-

онирования горизонтальным сетевым связям и отношениям. Самоорганизация, реализующая сетевую логику социальных связей и отношений, делает намного более интенсивными социальные процессы и уплотняет социальное время.

Есть много теоретических попыток обнаружить и сформулировать суть новых социальных страт. Передача, хранение, генерация информации может быть профессиональной задачей или просто личным делом. Теперь не нужно иметь высокого уровня образования и специальных профессиональных навыков, чтобы присутствовать в «информационном пространстве», привлекать к себе внимание огромного число людей и производить какую-то информацию, «качество» которой ничтожно. Таким людям приписывается высокая мобильность, но нельзя сказать, что это вертикальная мобильность. Она заменяется ростом потребления. Им также приписывается «внеэкономическая мотивация труда», но часто можно наблюдать «укорененных в сети» индивидов, которые не желают трудиться никоим образом. Если какая-либо трудовая деятельность и присутствует, ее основная мотивация - достичь такого материального положения, чтобы появилась возможность «ничего не делать».

Такие процессы приводят к трансформации ценностных систем. С другой стороны, самый широкий доступ к информационным технологиям значительно повышает тот порог в удовлетворении потребностей, как материальных, так и духовных, при прохождении которого человек чувствует свою самореализацию. Это противоречие составляет основу для стремительно разгорающихся и распространяющихся конфликтов современности. Отчуждение людей от продуктов их труда, рост социального неравенства и напряженности - основная примета современности.

Викторов Александр Шагенович

МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия

Активизация мобильности как предпосылка конфликта интересов в социально-экономической сфере современного общества

Одним из значимых показателей состояния современного общества является рост протестных настроений и обострение конфликта интересов в социально-экономической сфере. Согласно данным различного рода исследовательских центров за 3 квартала 2019 г. в России прошло 1443

протестных акций [1], вызванные тем, что более 70 % россиян не видят совпадения интересов общества и власти, которую мало волнует условия жизни населения [2]. Раскроем объективные и субъективные основы механизма активизации мобильности (в форме «трансферабельности») как предпосылке возникновения конфликта интересов в России.

Социальная мобильность дает возможность выявить особенности механизма решения конфликта интересов в социально-экономической сфере благодаря расширению возможностей индивида за счет перехода из одной социальной группы в другую с целью повышения социального статуса, дохода и прочее. Различные видовые направленности активизации социальной мобильности (горизонтальная и вертикальная, нисходящая и восходящая) характеризуют эффективность (малоэффективность) определенного механизма и выступают в качестве основного критерия социально-экономического развития общества. Причем если горизонтальная мобильность связана с перемещением в одной плоскости, пространстве (миграция), а нисходящая - с выталкиванием в конкурентной борьбе менее способных, то вертикальная - это переход людей
в новые социальные группы.

На наш взгляд, «трансферабельность» является особой формой мобильности, связанной со способностью к активному перемещению субъектов из одного пространства в другое и имеет сегодня в большинстве своем нисходящую направленность. Причем отсутствие возможностей перехода в новую социальную группу (восходящая направленность) по причине перекрытия существующей системой каналов перехода (блокирует обновление социальной структуры) выступает предпосылкой возникновения различного рода протестных настроений, социальных катаклизмов и конфликтов, имеющих неоднозначный характер проявления в различных обществах.

Так, например, если в американском обществе имеются пять основных механизмов восходящей социальной мобильности (экономическая активность; брак; образование; политический механизм; «управление впечатлениями») [3, с.183-184], то в современной России в силу низкой эффективности государственной политики в области социальной мобильности семья как ее канал не только не утратила своего действенного характера, но значительно повысила свой статус среди других способов достижения социального статуса и его изменения [4, с.398].

Как известно, в самом общем плане выделяют два вида показателей социальной мобильности - объективные (могут служить изменения в социальной структуре общества под воздействием различного рода фак-

торов (социально-экономических, политических, культурных и др.)) и субъективные (миграционные настроения в обществе).

В современной социологической литературе миграция рассматривается как процесс, возникающий вследствие принятия решения (с учетом социально-экономических возможностей людей по отношению к определенному региону или стране) об изменении своего социального положения (как правило, материального). По данным Росстат, с 1989 г. по 2015 г. Россию покинуло 4,5 млн. человек. На сегодняшний день среди имеющих миграционную установку наиболее высок процент (до 23 %) у молодежи с высшим образованием из столичных городов, а 19 % трудоспособного населения хотели бы уехать, чтобы быть уверенным в будущем своих детей, но не имеют для этого средств [5].

Согласно данным зарубежных социологов, социальная мобильность населения, подсчитанная в пределах жизни одного или двух поколений, подтверждает жесткую неизменность социальной структуры в стране, т.е. является мифом о равных возможностях.

Таким образом, на основе анализа трансферабельной мобильности населения России можно выделить три группы конфликта интересов, имеющие разные возможности самореализации:

1. Протестующее поколение, чьи социальные возможности исчерпаны (конфликт с государством);
2. Конформистское поколение «охранителей», чьи социальные возможности поддерживаются государством (конфликт с другими группами общества);
3. Поколение мигрантов, чья трансферабельная мобильность ориентирована на переезд в зарубежные страны в надежде на лучшее будущее (конфликт с обществом и государством).

Источники и литература

1) Против мусора, за врачей, шамана и выборы. Газета «Коммерсант». №216 (6696) от 25.11.2019.
2) Их мало волнует, как живет народ. Режим доступа: www.fontanka .ru. 28.11.2019.
3) Бергер П., Бергер Б. Личностно-ориентированная социология. М. 2004. С. 183–184.
4) Волков Ю. Социология. Ростов на Дону. 2013. С. 398.
5) Про «философский» пароход России. Режим доступа: https://burc kina-new.livejournal.com/234206.html

Волобуев Сергей Сергеевич
СКФУ, Ставрополь, Россия

Достижение согласия между субъектами бизнес-сообществ как залог успешной деятельности

В сложных экономических и административных условиях для ведения бизнеса возрастает роль бизнес-сообществ. В самом широком смысле, согласно энциклопедии социологии, сообщество - это объединение индивидов, имеющих общие цели [1, с. 49].

При детальном анализе В.Н. Елкина трактует понятие «бизнес-сообщество» следующим образом. Бизнес-сообщество - это консолидация предприятий бизнеса, вступающих друг с другом в долгосрочные отношения, которые объединены общим интересом в сохранении прибыли, в ее увеличении за счет снижения издержек, экспансии на другие территории и организации бизнеса и, прежде всего, обеспечения удовлетворения и развития потребностей своего потребителя [2, с. 59-64].

Таким образом, представители бизнес-сообществ будут более конкурентоспособны, нежели их коллеги в сопоставимых условиях вне сообщества, за счет информационного и ресурсного взаимообмена. Бизнес-сообщества могут формироваться по товарно-сырьевой цепочке. Это значит, выстраивается определенный взаимовыгодный диалог от поставщика сырья до реализатора продукта конечному потребителю. Кроме того, даже конкурирующие организации могут вступать в бизнес сообщество для совместной защиты или же лоббирования своих интересов. Так, с ростом количества участников бизнес-сообществ усложняются и управленческие структуры, расширяются возможности сообщества.

Многообразие объединений, в которые вступает бизнес достаточно велико, это: ассоциации, гильдии, общества, лиги, союзы, некоммерческие партнерства, иные некоммерческие организации. Они формируются на основе межотраслевого, отраслевого, территориального, продуктового принципов. Деятельность данных организаций может осуществляться на местном, региональном, национальном, международном уровнях рынка [3, с. 55]. Благодаря такому многообразию форм и принципов, которые присущи бизнес-сообществам, они могут быстро изменяться и адаптироваться к новым экономическим и политическим условиям.

При вступлении в бизнес-сообщество для бизнесмена главной целью является решение индивидуальных задач, поэтому важно, чтобы бизнес-сообщество действовало в интересах отдельных бизнесменов из его состава, поэтому необходимо согласовать цели и задачи, которые стоят перед определенным бизнес-сообществом. Достижение согласия между

отдельными бизнесменами в составе бизнес-сообщества является залогом успешности такого объединения. Отдельный бизнесмен готов пойти на уступки при условии того, что выгоды будут значительнее.

Находясь в бизнес-сообществе, социально ориентированный бизнес получает следующие преимущества:

1) своевременное информационное обеспечение;

2) повышение имиджа организации;

3) юридическое сопровождение [4, с. 33].

Минусом может быть создание такого сообщества с размытыми целями и миссией, где организаторы сообщества имеют целью лишь заработок на их участниках, не давая ничего полезного взамен. Поэтому бизнесмены выберут с большей вероятностью бизнес-сообщество, которое уже зарекомендовало себя годами или же создадут собственное с давними партнерами, с которыми уже выстроены доверительные отношения.

Бизнес-сообщества бывают формальные, которые оформлены юридически и неформальные. Порой, неформальные бывают даже более эффективны, чем формальные, что объясняется отсутствием излишних правил и норм, а есть лишь цель, которую необходимо достичь совместными усилиями.

Основа развития бизнес-сообществ - их правильное построение. Независимо от типа, бизнес-сообщества регулируются одинаковыми институтами управления. Основными институтами являются:

1. Центр стратегического управления (клуб) - с него начинается формирование бизнес-сообщества, он координирует его деятельность, на нем принимаются решения о составе бизнес-сообщества и стратегии его развития. Работу клуба организует лидер БС.

2. Центр подготовки и аутсорсинга персонала (кадровый центр) - его цель распространение компетенций внутри бизнес-сообщества.

3. Центр PR, рекламы и социального продвижения - его задача формировать потребности потребителя, обозначать сферу интересов предприятий бизнес-сообщества и создавать вокруг них позитивной среды[5, с. 69].

Формирование успешного бизнес-сообщества требует серьезных навыков и опыта в бизнесе. Ведение данного сообщества может представлять собой бизнес само по себе. Но если в других сферах бизнеса иногда возможно применение каких-либо уловок для извлечения прибыли, при предоставлении услуг, то здесь организатор сообщества сам имеет дело, как правило, уже с опытными бизнесменами, которые будут являться более избирательными клиентами.

Таким образом, членство в бизнес-сообществе играет большую роль как для малого, так и для крупного бизнеса. Отдельные бизнесмены благодаря участию в бизнес-сообществах могут извлечь массу преимуществ для ведения их деятельности. Эти преимущества могут быть совсем незначительными или же обеспечивать взрывные темпы развития отдельного бизнеса. Однако, существует риск того, что организаторы бизнес-сообщества окажутся не добросовестными и будут преследовать только свои интересы, что может обернуться для бизнесменов тратой времени и средств без извлечения каких-либо выгод. Многообразные формы и среды формирования бизнес-сообществ позволяют создавать оптимальные объединения для достижения целей и решения проблем, возникающих перед бизнесом за счет гибкости и устойчивости таких структур.

Источники и литература

1) Энциклопедия социологии Сост. А. Антинази, 2009 г.
2) Елкина В.Н. Становление территориальных бизнес-сообществ как фактор повышения конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 2 (10). С. 59-64.
3) Петиненко И. А., Редчикова Н. А. Бизнес-сообщества в ценовом процессе: теория и практика деятельности в российской экономике // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2011. №3. С. 52-61
4) Brent Wagner, Rick Wolfe, Amy Young, The role of community In business 2014
5) Бойцов А.А., Яковлев А.В., Сафронов С.Б. Курс молодого бойца современного Российского бизнеса (краткое описание методологии 9 ключей бизнеса). Санкт-Петербург, 2010 г.

Говорова Наталья Викторовна

Институт Европы РАН, Москва, Россия

Бедность и социальная эксклюзия как источник социальных конфликтов (на примере Европейского союза)

Сокращение числа людей, подвергающихся риску бедности или социальной изоляции (At risk of poverty or social exclusion, AROPE) в ЕС является одной из ключевых целей стратегии «Европа 2020». В Союзе

наметилась тенденция к снижению доли лиц данной категории, но в 2018 г. 109,2 млн чел. или 21,7% населения, находились под воздействием, по крайней мере, одного из следующих трех факторов: риск бедности после социальных трансфертов (бедность по доходам), серьезные материальные лишения или жизнь в домохозяйствах с очень низкой интенсивностью работы. После нескольких лет, принесших рост числа обездоленных европейцев до 25% или 123,8 млн человек (2009-2012 г.), этот показатель последовательно снижался, достигнув отметки на 2 процентных пункта ниже контрольной точки 2008 г. (116,1 млн без учета Хорватии), что составляет 8,2 млн (включая Хорватию). Цель стратегии «Европа 2020» - снизить число AROPE на 20 млн человек по сравнению с базовым уровнем [1].В 2018 г. более четверти населения Евросоюза подвергалось риску бедности или социальной изоляции в семи государствах-членах: Болгарии (32,8%), Румынии (32,5%), Греции (31,8%), Латвии (28,4%), Литве (28,3 %), Италии (27,3%) и Испании (26,1%). На противоположном конце шкалы - Чехия (12,2%), Словения (16,2%), Словакия (16,3%, 2017 г.), Финляндия (16,5%), Нидерланды (16,7%), Дания и Франция (по 17,4%) и Австрия (17,5%). Среди стран ЕС, по которым имеются данные за 2018 г., уровень риска бедности или социальной изоляции вырос с 2008 г. в девяти: Люксембурге, Греции, Эстонии, Испании, Италии, Нидерландах, Швеции, Дании и на Кипре. Наибольшее снижение наблюдалось в Болгарии, Румынии, Польше, Венгрии и Латвии.

Анализ каждого из трех элементов, способствующих риску бедности или социальной изоляции, показывает, что в 2018 г. почти 17% населения ЕС подвергались риску бедности после социальных трансфертов, что означает, что их располагаемый доход был ниже национального уровня риска бедности в их странах. Более чем каждый пятый житель подвергался риску бедности по доходам в Румынии (23,5%), Латвии (23,3%), Литве (22,9%), Болгарии (22,0%), Эстонии (21,9%), Испании (21,5%) и Италии (20,3%). Самые низкие показатели по данному параметру наблюдались в Чехии (9,6%), Финляндии (12,0%), Словакии (12,4%, 2017 г.), Дании (12,7%), Венгрии (12,8%), Нидерландах, Словении (по 13,3%) и Франции (13,4%). По сравнению с 2008 г. доля лиц, подверженных риску бедности по доходам, увеличилась в 16 государствах-членах, по которым имеются данные, и уменьшилась в восьми.

5,8% населения испытывает серьезные материальные лишения, это означает, что они не могут позволить себе полноценное питание, отопление жилища, крупные материальные покупки, регулярный досуг, включая ежегодный выездной отдых, пользование компьютером с интернетом, имеют просроченные задолженности. Эта доля снизилась по срав-

нению с 2017 г. (6,6%) и 2008 г. (8,5%). Доля наиболее нуждающихся значительно варьировалась в пределах Союза: от 20,9% в Болгарии, 16,8% в Румынии и 16,7% в Греции до менее 3% в Люксембурге (1,3%), Швеции (1,6%), Нидерландах (2,4%), Чехии, Австрии и Финляндии (по 2,8%) и на Мальте (3,0%). По сравнению с 2008 г. доля лиц, подвергшихся серьезным материальным лишениям, увеличилась в семи странах ЕС, по которым имеются данные, и сократилась в 17.

9,0% населения в возрасте от 0 до 59 лет в ЕС жили в домашних хозяйствах, где взрослые работали менее чем 20% от их общего трудового потенциала в течение прошлого года. Эта доля снизилась по сравнению с 2017 г. (9,5%) и 2008 г. (9,2%). В Ирландии, Греции и Бельгии зафиксирована наибольшая доля граждан данной категории, в то время как в Чехии, Эстонии и Словении - наименьшая. По сравнению с 2008 г. доля лиц в возрасте 0-59 лет, живущих в домашних хозяйствах с очень низкой интенсивностью работы, увеличилась в 14 государствах-членах, по которым имеются данные, и уменьшилась в 10 [2].

Источники и литература

1) Говорова Н.В. Социальная политика и рынок труда: осень 2019 г. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 98: сентябрь – ноябрь 2019 г. Ассоциация европейских исследований, 2020.
2) Eurostat. News release. 158/2019 - 16 October 2019. https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/10163468/3-16102019-CP-EN.pdf/edc3178f-ae3e-9973-f147-b839ee522578

Дорофеев Михаил Львович

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Анализ и систематизация концепций зеленых финансов в современных условиях

В 2019 г. мировая общественность в полной мере осознала, что человечество стоит перед серьезным вызовом со стороны накопленных экологических проблем, решать которые следует немедленно. Проблема вызвала конфликт интересов глобальных корпораций, преследующих классические цели капиталиста, и сторонников устойчивого роста и зеленых финансов.

В современной литературе пока нет единства мнений по поводу формулировки термина зеленые финансы [1]. В основном это понятие появляется в контексте инвестиционных проектов и моделей экономического

роста, предполагающих внедрение новых технологий, финансовых продуктов, развитие новых отраслей экономики, новых услуг, видов энергии, позволяющих учитывать экологические риски и решать проблемы глобального изменения климата, остро стоящие перед современным мировым сообществом [2-4]. Таким образом, зеленые финансы сегодня — это более узкое собирательное понятие об экономических отношениях, связанных с перераспределением финансовых ресурсов в экономике на особых условиях. Эти условия обусловлены требованиями снижения объема выбросов загрязняющих отходов, образующихся в процессе общественного воспроизводства. Ключевым принципом зеленых финансов является развитие по модели экономического роста с минимизаций использования углеродов.

Выделяют несколько концепций, связанных с понятием зеленые финансы: модель устойчивых финансов; экологические финансы; углеродные финансы; климатические финансы [5]. Рассмотрим каждую из них более подробно по порядку, с учетом сущностного охвата каждого понятия, чтобы лучше раскрыть смысл термина зеленые финансы. Мы будем давать характеристику каждой из перечисленных концепций по порядку, раскрывая общую систему взаимосвязей как матрёшку.

Наиболее общим и собирательным является понятие модели устойчивых финансов, поскольку его концепция охватывает не только экологические проблемы. Концепция устойчивых финансов предполагает такое развитие, при котором во главу угла ставится создание общественных ценностей посредством реализации инклюзивных, комплексных и расширенных моделей управления экономическими отношениями, учитывающих экологические и социальные аспекты. Более того, в концепции предполагается интеграция используемых финансовых моделей на всех уровнях финансовой системы (публичном, корпоративном и персональном).

Следующим, более узким понятием, является термин экологические финансы. Данное понятие тесно связано с экономическими отношениями по поводу распределения финансовых ресурсов, нацеленными на экологические проекты и, как правило, отвечающие требованиям укрепления безопасности окружающей среды. Данная сфера денежных отношений находится внутри модели устойчивых финансов и в ней появляется запрет на инвестиции в любые проекты, способные напрямую или косвенно оказывать вред окружающей среде. Так, в 2018-2019 гг. суверенный фонд Норвегии существенно сократил свои вложения в развивающиеся страны с сырьевыми экономиками и полностью вышел из акций нефтедо-

бывающих корпораций, в т.ч. и российских, следуя принципам зеленого инвестирования [6].

Еще один разрез рассматриваемой проблемы экологических финансов - это климатические финансы. Концепция климатических финансов сфокусирована на крайне актуальных сегодня вопросах глобального потепления и развивается в контексте этой проблемы. Сфера климатических финансов лежит в границах концепции модели устойчивых финансов, частично пересекается с вопросами экологических и зеленых финансов и включает в себя сферу углеродных финансов. Таким образом, данная концепция связана с экономическими отношениями в области распределения финансовых ресурсов с целью развития низкоуглеродоемкой и гибкой к проблемам глобального потепления и изменений климата экономики.

Последним, наиболее узким и специализированным понятием в данной области можно назвать термин и концепцию углеродных финансов. Сфера этой концепции лежит в границах всех перечисленных ранее концепций и в т.ч. включена в сферу зеленых финансов. Из самого названия концепции очевидно, что ее смысл заключается в всесторонней (в первую очередь финансовой) поддержке инвестиционных проектов, позволяющих эффективно сокращать выбросы диоксида углерода и др. парниковых газов, оказывающих негативное воздействие на атмосферу и экологию на планете Земля.

Таким образом, зеленые финансы как экономическая категория могут быть рассмотрены с двух точек зрения. Во-первых, как направление финансов, сфокусированное на экологии, преимущественно с акцентом на управление экологическими рисками. Во-вторых, как целевое финансирование экономических проектов в парадигме зеленого экономического роста (устойчивое развитие на принципах обеспечения баланса окружающей среды).

Источники и литература

1) Rakić S, Mitić P (2012) Green banking: green financial products with special emphasis on retail banking products. Educons University, Sremska Kamenica
2) Noh HJ (2010) Strategies of developing green finance. Korea Capital Market Institute (KCMI), Seoul
3) Noh HJ (2014a) Financial strategies to activate green company eco system. KCMI, Seoul
4) Noh HJ (2014b) Climate finance. Park Young Sa, Seoul

5) University of California, Berkeley (2017) Berkeley sustainable business and investment forum. https://responsiblebusiness.haas.berkeley.edu/events/bsbif.html.

6) Дорофеев МЛ (2019) Актуальные проблемы управления средствами фонда национального благосостояния РФ и пути их решения. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2019. Т. 46. № 4. С. 652-668

Дюкина Татьяна Олеговна
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Экономические потребности и интересы как причина социальных конфликтов: современные вызовы

В настоящее время в обществе широко обсуждается проблема усиления и углубления социальных конфликтов, причины возникновения которых имеют противоречие экономических интересов, зарождающегося в процессе взаимодействия людей. Экономические потребности стимулируют людей к действиям, и в случае противоречия последних завязывается конфликт. Зачастую конфликт начинается в результате полностью или не в полной мере удовлетворенной экономической потребности конфликтующих сторон.

С одной стороны, многие социальные конфликты обусловлены ограниченностью ресурсов, представляющих совокупность природных, социальных и интеллектуальных сил, которые могут быть использованы для создания материальных благ и оказания услуг, а с другой стороны, безграничностью человеческих потребностей.

С ограниченностью (конечностью, редкостью и дефицитностью) тех или иных ресурсов, доступных в каждый конкретный момент времени, человечеству приходится сталкиваться с давних пор. Необходимо особо выделить, что проблема ограниченности ресурсов лишь усиливает мощь конфликта и приближает его время наступления. Решение проблемы ограниченности ресурсов возможно на основе популяризации имеющихся и создании новых сберегающих технологий, открытии альтернативных источников энергии, целевом финансировании исследований, направленных на поиск технологий, повышающих эффективность, развитии науки и др.

Проблема безграничности потребностей, являясь одной из фундаментальных экономических и социальных проблем, в наши дни представляется особенно актуальной, так как современным потребителям как никогда свойственно неограниченное желание иметь материальные блага и различные услуги, удовлетворяющие их потребности, и приносящие им удовольствие [4]. В России и многих других странах говорят даже о трансформации общества в так называемое «общество потребления» [2].

Альтернативой безграничному потреблению может служить осознанное потребление, поскольку нельзя не согласиться с тем, что «удовлетворять потребности ценой отказа от желаний равносильно тому, чтобы отрубить ноги, когда нужны башмаки [5], и «чтобы жить в гармонии, нужно, чтобы потребности совпадали с возможностями» [6].
Решение дилеммы ограниченности ресурсов и безграничности человеческих потребностей можно обнаружить в известном высказывании Лоренса П.: «Экономика есть искусство удовлетворять безграничные потребности при помощи ограниченных ресурсов» [3].

Таким образом, для предупреждения потенциально возможных социальных конфликтов следует овладевать искусством управления экономикой, поскольку проблемы, которые возникают в современной экономике, требуют комплексного, системного, а порой креативного подхода к оценке происходящих событий экономической реальности, предложения новых принципов эффективной экономической политики, как результата синтеза теоретической экономической науки и прикладных исследований [1].

Источники и литература

1) Ананьин О.И. Экономика: наука и/или искусство (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2007. 66 с.
2) Глухова Т.И. Потребление как фактор изменений в социальной жизни российского общества // Журнал социологии и социальной антропологии 2011. Том XIV. N 5 (58) с.66-78.
3) Лоренс П. Цитата в кн.: Чабанов В.Е. Экономика XXИ века, или, Третий путь развития Санкт-Петербург, 2007.
4) Макконнелл К. Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: Республика, 1992. Т. 1. С. 36-37. 399 с. ISBN 5-250-01534-4.
5) Свифт Дж. Цитата в кн.: Хабаров С. Защита. 2017. с.26.
6) Штраубер Г. Цитата. Режим доступа: https://socratify.net/quotes/gavril-shtrauber/128140

Егорова Дарья Алексеевна
ФГОБУВО "Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации", Москва, Россия

Развитие методологии инвестиций в экологические проекты как основа борьбы за энергетические ресурсы

Отправной точкой для активной реализации экологических проектов в России стало проведение «Года экологии» в 2017 году. По экспертным оценкам, растущие объемы «зеленой» экономики в России в ближайшие 20 лет могут быть обусловлены следующими факторами:

1. Введение углеродного налога в соответствии с Парижским соглашением Рамочной конвенции ООН. Объемы налоговых поступлений к 2020 году в России могут составить до 1 трлн. руб.
2. Потребность в создании инфраструктуры отрасли переработки отходов к 2020 году оценивается в 150 млрд. руб.
3. Повышение внутренней энергоэффективности жилищно-коммунального хозяйства требует около 100 млрд. евро в ближайшие 20 лет.

В целом, для «зеленой» трансформации российской экономики, по оценкам экспертов, требуются долгосрочные инвестиции в объеме около 6 млрд евро ежегодно. Однако, учитывая специфику российской промышленности и большую долю ее убыточных направлений, на практике сумма требуемых инвестиций может значительно превышать заявленную.

Для развития экологической составляющей ответственного инвестирования, необходимого для «зеленой» трансформации российской экономики, на сегодняшний день нет единой нормативно-закрепленной системы стандартов, методологической базы и четкого разделения функций экономических регуляторов. Анализ успешного зарубежного опыта позволил сформулировать ряд наиболее важных на сегодняшний день задач, стоящих перед российскими регуляторами: утвердить требование к обязательному раскрытию компаниями нефинансовой информации; используя предлагаемую авторами методику оценивать систему рисков компаний-участников инвестиционного процесса; на основе нефинансовой информации и результатов оценки системы рисков составлять рейтинг компаний-участников инвестиционного процесса; популяризировать результаты ответственного инвестирования, в частности его экологической составляющей через официальные информационные ресурсы: СМИ, Росстат, издание ежегодного тематического бюллетеня; создать систему сертификации и верификации «зеленых» облигаций и их рейтинговой оценки.

Таким образом, формирование эффективного механизма финансирования инвестиционных экологических проектов, в том числе создание единой методологии, является основой процесса распределения энергетических ресурсов.

Источники и литература

1) Указ Президента РФ от 5 января 2016 г. N 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство: Версия Проф. - Режим доступа: http://base.consultant.ru
2) Тютюкина Е.Б., Седаш Т.Н., Данилов А.И. Экономические инструменты обеспечения охраны окружающей среды: управленческий аспект // Управленческие науки. 2015 №5(4). С.52-61.
3) Официальный сайт Всемирного фонда природы. Принципы ответственного инвестирования ООН [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://wwf.ru/upload/iblock/6d3/sustainable_financing.pdf
4) Предлагаемая модель оценок экологических, социальных и управленческих рисков [Электронный ресурс] / Официальный сайт рейтингового агентство S&P Global Ratings. -Режим доступа: https://fs.moex.com/f/10955/esg-published.pdf
5) Методология оценки зеленых облигаций рейтингового агентства Moody's Investors Service - Green Bonds [Электронный ресурс] / Официальный сайт агентства Moody's. – Режим доступа: https://www.moodys.com/researchdocumentcontentpage.aspx?docid=PBC

Ефремов Ньургун Дмитриевич

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Пауперизация жителей якутских сел и теневые формы занятости в аспекте социальных противоречий

Вследствие полного распада социалистического строя и проведения либерально-рыночных реформ 90-х гг. подвергались трансформации и разрушению целые социальные группы российского общества. В данном аспекте сельское население подвергалось деклассированию. Отметим, что пауперы, находящиеся в процессе деклассирования, не люмпены - абсолютно деклассированные элементы общества [3].

В этот период социально-демографическая структура малых и средних поселений Якутии изменилась вследствие оттока их населения в крупные села, которые становились местом приложения труда [2]. Поселения, численность постоянного населения которых превышает 5000 человек, относительно быстро восстанавливались после экономических потрясений середины 90-х гг., т. к. благоприятные условия в них способствовали появлению новых рабочих мест, благодаря развитию малого и среднего предпринимательства.

Несмотря на относительно благоприятный исход, число пауперизированных сельских жителей не снижалось. Сельские пауперы в крупных селах выживают за счет случайных подработок или теневой занятости. Так, например, Якутии с 2000 по 2016 гг., по данным Службы государственной статистики, средний показатель числа жителей региона с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума был выше средних общероссийских показателей (20% в Якутии и более 13 % в России в целом) [4]. А по мнению Марковой В.Н., Трубиной А.В. и Неустроевой А.Б., «основными причинами бедности являются дефицит рабочих мест, неполная и нестабильная занятость, ее сезонность, относительно низкий уровень заработной платы в сельском хозяйстве, невозможность или нежелание населения трудиться, неготовность сельского населения к изменениям современного мира» [1]. Все это подтверждает, что пауперизация сельского населения Якутии, начавшаяся в 90-е гг., продолжается до настоящего времени.

Общее количество занятых в аграрном секторе экономики Якутии сократилось. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, за период с начала 2000-х годов численность занятых в сельском хозяйстве Якутии снизилась с 50 073 до 40 218 человек, в то время как численность занятых в сфере услуг увеличилась с 48 365 до 55 787 человек [4].

Предполагаем, что в крупных селах Якутии реальная занятость, в том числе и в сфере услуг выше официальных данных. Теневая занятость, в том числе в сельской местности России, подтверждена многочисленными исследованиями. Данная закономерность характерна и для сельской местности Якутии, т. к. деятельность индивидуальных предпринимателей находится в едином экономико-правовом поле страны.

Индивидуальное предпринимательство в селах охватывает такие виды деятельности, как сельское хозяйство, розничная и оптовая торговля, легкая промышленность и др. Однако занятость в сфере малого бизнеса не обеспечивает сельское население, ранее работавшее в сельском хозяйстве, достаточными заработками. Такая занятость часто является

серой или теневой. Предприниматели скрывают от государства реальные масштабы деятельности и получаемые доходы. Зачастую люди трудятся у индивидуальных предпринимателей без оформления документов, без «социального пакета», что сопряжено с низкими зарплатами, отсутствием социальной защиты и поддержки трудовых прав, работающих со стороны государства.

Структура занятости сельского населения Якутии меняется. Занятость в сельском хозяйстве замещается занятостью в сфере услуг [4]. Однако, в силу развития неформальных отношений занятости, люди не могут обеспечить себя достойным доходом. Такое положение вещей ведет к дальнейшему росту бедности, маргинализации и пауперизации сельского населения Якутии. Фактически в сельских территориях региона происходит процесс оформления прекариата - класса социально неустроенных людей.

Пауперизация сельского населения приводит к усилению социальных болезней общества и противоречий, которые, в числе прочих, выражаются в увеличении количества преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Так, по данным статистики органов внутренних дел по Республике Саха (Якутия) за 2018 год, Якутия занимает второе место в стране по числу совершенных «пьяных» преступлений, а также высок процент преступлений, совершенных лицами, не имеющими постоянного источника дохода (4370 преступлений, менее половины из которых - посягательства против собственности). Рост числа таких преступлений зафиксирован в основном в сельских районах Якутии [5].

Таким образом, мы приходим к такому выводу о том, что после развала Советского Союза значительными темпами происходит процесс пауперизации сельских жителей Республики Саха (Якутия). В целях поиска заработка жители маленьких поселений переезжают в крупные села республики, где развиваются новые формы хозяйствования. Однако вследствие развития теневых форм занятости и безработицы и влияния иных социально-экономических факторов негативного характера, сельская бедность в Якутии в течение всех последних лет продолжает расти, значительно превышая общероссийские показатели. Это формирует класс прекариата и порождает серьезные социальные противоречия, выражающиеся в девиантном поведении людей, алкоголизации населения и высоком уровне сельской преступности.

Источники и литература

1) Маркова В.Н., Трубина А.В. и Неустроева А.Б Факторы бедности сельского населения республики саха (якутия) // Исследования мо-

лодых учёных: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика / под ред. О.В. Тарасовой, А.А. Горюшкина. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 432 с.

2) Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений республики Саха (Якутия) по величине числа жителей (людности) // Экономический анализ: теория и практика. 2013. №31 (334). С. 56-62. [электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-selskih-poseleniy-respubliki-saha-yakutiya-po-velichine-chisla-zhiteley-lyudnosti (дата обращения: 04.01.2020).

3) Скорынин С. Л. Трансформация России начала 1990-х годов в зеркале философской маргиналистики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. №20 (92). С. 37-43

4) Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики [электронный ресурс] – режим доступа: http://gks.ru, свободный (дата обращения 09.09.2017).

5) Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел по Республике Саха (Якутия) за 2018 год [электронный ресурс] – режим доступа: https://14.xn–b1aew.xn–p1ai/document/16999711 (дата обращения 05.01.2020)

Заборова Елена Николаевна

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, РФ

Конфликты в малом городе: уровень власти

В настоящее время проблема малых городов в России стоит очень остро: поляризация и диспропорции в развитии малых городов и крупных нарастают, речь идет фактически о выживании малых городов. Как показывает статистика, численность населения малых городов сокращается, экономический потенциал ослаблен, инфраструктура находится в плачевном состоянии, молодежь покидает малые города по причине отсутствия работы и мест проведения досуга. В то же время многие малые города являются историческими центрами, сохраняющими память о славном прошлом, они также нередко оказываются более развитыми поселенческими центрами относительно окружающей местности (сельскохозяйственной, лесной территории). Они являются теми огоньками

жизни, которые освещают и оживляют обширную территорию нашей страны.

Существуют две реакции на факт сокращения (или даже исчезновения) малых городов. Высказывается мнение, что исчезновение малых городов - это естественный процесс создания глобального города [4]; представители противоположной точки зрения настаивают на необходимости сохранения малых городов и упрекают правительство в нежелании взять на себя ответственность за их будущее [1]. Кроме того, в функционировании малых городов наблюдается много внутренних противоречий, препятствующих их развитию.

В качестве эмпирической базы исследования используется материал, собранный в ходе исследования, проведенного в июне-июле 2019г. кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета по заказу Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и центра региональной социологии и конфликтологии. Было проведено три фокус-группы с представителями бизнеса и общественности двух малых городов Свердловской области (Среднеуральска и Ирбита). Кроме того, было заполнено 15 анкет и взято 15 глубинных интервью с экспертами - с главами городов, заместителями глав городов, членами аппарата полпредства, наиболее активными общественниками и представителями бизнеса.

В качестве концептуальной базы был использован подход, который выделяет следующие стадии развития конфликтов: стадию формирования противоречивых интересов, стадию осознания участниками своих верно или ложно понятых интересов, стадию перехода потенциального конфликта в реальный (предконфликтная ситуацуия), стадию конфликтных действий, снятия конфликта, постконфликная ситуация [3]. Участники конфликта - главы муниципальных образований, городская дума и городская администрация, региональная и федеральная власть, население.

Конфликт между главой МО и населением. До недавнего времени во многих малых городах существовала модель, при которой глава города выбирался населением. В настоящее время, согласно принятой практике, выборы главы производит специальная экспертная комиссия, в которую входят как представители думы, так и администрации. Большинство экспертов утверждают, что модель местного самоуправления, при которой глава города выбирается по конкурсу, не подходит для малых городов Урала. Причина в том, что жители малых городов, как правило, хорошо знают своих активных граждан и хотели бы видеть во главе города человека, которому они доверяют. Практически все жители заявляют се-

годня о том, что хотели бы видеть во главе города своего, местного - родившегося и проживающего здесь человека, известного, пользующегося поддержкой и авторитетом среди населения, того, кто знает и понимает проблемы жителей муниципалитета, знаком со спецификой руководства в сфере местного самоуправления, и говорит с людьми на их языке [2].

Эксперты считают, что «Народ должен принимать участие в выборе местной власти», «Механизм выборов по конкурсу представительным органом не эффективен, не отражает интересы населения». Этот конфликт соответствует второй стадии развития конфликта: стадии осознания участниками своих верно или ложно понятых интересов.

Конфликт между населением, муниципальной властью и бизнесом. В уральских малых городах крупный бизнес, как правило, представлен филиалами крупных областных, федеральных и иностранных фирм. Крупный бизнес, представленный филиалами или фирмами с участием иностранных владельцев, нередко отстраняется от участия в жизни города или помогает ему по минимуму. В то же время есть и другой сценарий развития событий, при котором крупный бизнес стремится занять лидирующие позиции во власти.

В Среднеуральске бизнесмены градообразующего предприятия УК «РЭМП-Среднеуральск», получив поддержку большинства местных депутатов (избранных, в свою очередь, благодаря руководству РЭМПа в связке с местной партъячейкой «Единой России»), заявили свои права не только на управление жилыми домами среднеуральцев, но и попытались монополизировать власть в городском округе. Закон позволяет представителям бизнеса становиться и депутатами, и руководителями представительных органов, и мэрами. Однако слияние в одно целое РЭМП, Думы и Администрации - это сращивание бизнеса и власти, что является залогом коррупции. Возникает так называемый «государственный хищник» - чиновник, чьи личные интересы доминируют над общественными [5, с. 103-104]. В результате город и регион потрясла серия скандалов как в прессе, так и в коридорах власти. По мнению экспертов, сотрясающие город скандалы ведут к росту протестной активности населения, что потенциально может перевести конфликтную ситуацию на другую стадию - стадию конфликтных действий.

Источники и литература

1) Воробьева Л.А., Карпенко Е.В. Особенности развития малых городов //Региональное управление и местное самоуправление. 2017. №2. С. 3-8.

2) В Среднеуральске «пахнет дымом»... После досрочной отставки мэра жители всерьез опасаются, что власть в городе перейдет... к местной «управляшке» // Вести Урал. 25.01.19 /Электронный ресурс. URL: http://vedomosti-ural.ru/notes/71170/ [Дата обращения – 23.06.19].

3) Мельникова Н. Социальная психология. М., Эксмо. 2008.

4) Урбанистические инициативы Эльвиры Набиуллиной «Независимая газета», 9 декабря 2011 года

5) Чирикова А.Е,, Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом городе: конфигурация и взаимодействие основных акторв //Полис. Политические исследования. 2014. № 2. с. 88–105.

Закиров Айдар Робертович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Влияние внутрикорпоративных конфликтов на развитие отношений бизнеса с властью

В политической науке взаимоотношения бизнеса и власти отражены в сфере Government Relations (GR). Согласно бихевиоральному подходу структурная организация и поведенческая практика бизнес-акторов детерминируют достижение поставленных целей, экономические ожидания и выбор альтернативных путей развития [1, с. 338-342]. В дальнейшем бихевиоральный подход был использован Р.А. Байером, Р.Г. Куком, А. Хиллманом для исследования мотивации бизнес-структур к политическому участию и их способности к рациональному действию в политической сфере [2, с. 316].

Особенностью крупных бизнес-структур, осуществляющих взаимодействие с органами государственной власти, является наличие специализированных подразделений - GR-департаментов. Их положение определяется в зависимости от структуры самой организации [3, стр. 89-102]. В случае если компания сформирована по принципу унитарного государства, то чаще всего существует один GR-департамент, который координирует и непосредственно осуществляет взаимодействие с властью. По-иному рассматривается ситуация, когда бизнес-организация построена

по принципу федеративного государства, обладающая сильными филиалами в разных регионах одного государства или представлена в различных государствах мира. Тогда каждый филиал обладает собственным GR-департаментом. Соответственно, в таких ситуациях могут возникать конфликты на почве стратегий реализации отношений с органами государственной власти.

По результатам анализа ряда кейсов по взаимодействию с органами государственной власти выделены конфликты распределительные, идеологические и репрезентативные.

1. Конфликты распределительные. В ситуации, когда компания имеет сложную структуру с центральным офисом и региональными подразделениями, могут возникать конфликты по поводу распределения благ от взаимодействия с органами власти.

Одним из примеров проявления такого конфликта является случай, возникший в связи с новой политикой властей США по корпоративной экономии топлива. Одним из условий данной политики было то, что каждая машина, произведенная и реализованная автопроизводителями США, соответствовала новым требованиям по экономии расхода топлива [4, с. 201-203]. В частности, компания General Motors в стремлении сохранить поддержку властей согласилась, чтобы вся продукция соответствовала новой политике. Но в тоже время компания столкнулась с внутренней проблемой, когда наибольшим издержкам был подвержен отдел по производству автомобилей бизнес-класса с большими двигателями, а распределение полученных доходов осуществлялось в равном пропорциональном отношении между всеми отделами.

2. Идеологические конфликты возможны в тех ситуациях, когда центральный GR-департамент компании принимает решение о том или ином варианте GR-стратегии, но региональные департаменты могут быть с этим не согласны. Примером данного рода конфликтов выступают случаи, когда политический курс одного из региональных департаментов компании подрывает общественные и экономические связи другого департамента. Стабильность связи «покупатель-продавец» во многом зависит от социальных связей и благоприятных цен. Например, «Аппалакская энергетика» на протяжении многих лет лоббировала в сенате проект создания нефтяного трубопровода. В тоже время, железнодорожные компании также лоббировали отклонение данного проекта по экономическим соображениям. Они стремились приостановить продвижение данного проекта, напомнив «Аппалакской энергетике» о том, что их взаимоотношения с вице-президентом зависят от железных дорог для транспортировки угля (взаимоотношения «покупатель-продавец») и заказом

на $300 млн. дизельного топлива у самой же «Аппалакской энергетики». Соответственно «Аппалакская энергетика» сочла, что сохранение отношений с правительством и крупным заказчиком выгоднее строительства нового нефтепровода.

3. Репрезентативные конфликты. Корпорация «General Motors» выступала против всех государственных субсидий из-за особых преференций на базе прежних договоренностей. Но имел место случай, когда департамент компании в штате Калифорния стал заряжать по заниженной цене автомобили на электрической тяге в рамках договоренности с местными органами власти для получения дополнительных льгот и субсидий. Было это сделано без информирования центрального GR-департамента. Соответственно, когда центральный офис узнал об этой акции, он немедленно изъял из производства электромобили в данном регионе у собственного департамента в пользу централизованного управления корпорацией. Таким образом, уровень децентрализации корпорации напрямую влияет на независимость и мотивированную деятельность региональных департаментов не только в сфере GR-связей, но и в публичной политики в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что внутренняя форма организации фирмы, компании или корпорации, уровень диверсификации влияют на то, каким образом и какими путями осуществляется GR-деятельность каждой крупной бизнес-структуры.

Источники и литература

1) Argote L. A behavioral theory of the firm – 40 years and counting: introduction and impact. Organization science. 2007. №3. P. 337-349. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/3037/524f67ed52eb8163b83299a6f0c5590137fd.pdf (Accessed 13.9.2017)

2) Getz K.A. Public affairs and political strategy: theoretical foundations. Journal of public affairs. 2002. №4. 316 p.

3) Epstein, E. (1969). The Corporation in American Politics. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, NJ. 365 p.

4) Shaffer, B. (1992). 'Regulation, competition, and strategy: The case of automobile fuel economy standards, 1974–1991'. In J. E. Post (ed.), Research in Corporate Social Performance and Policy, Vol. 13. JAI Press, Greenwich, CT, pp. 191–218.

Зарипова Айгуль Раисовна

Казанский Федеральный Университет, кафедра политологии, Казань, Россия

Асимметрия социально-экономического развития регионов как фактор каталонского кризиса в Испании

Сегодня в испанской автономной области Каталония разворачивается новый виток конфликта между властями центра и региона. Каталонское общество переживает раскол, процесс достижения консенсуса по вопросу самоопределения автономии затруднен как среди общественности региона, так и среди представителей политической элиты. Несмотря на то, что за последние годы число сторонников независимости снизилось по сравнению с периодом 2013-2014 гг [1], когда около половины жителей Каталонии проголосовали на референдуме в пользу выхода автономии из состава Испании, однозначно сказать, что сепаратизм ушел в прошлое невозможно.

Региональный процесс, первоначально разворачивавшийся как экономическое противостояние центральной и региональной властей, приобрел черты социально-политического конфликта, который затронул интересы не только жителей Каталонии, но и всей Испании. В данном случае встает вопрос определения роли экономического фактора в формировании и развитии каталонского конфликта.

Стоит начать с того, что испанское государство всегда существовало в условиях значительной асимметрии в уровне социально-экономического развития регионов. Отставание ряда регионов Испании накладывает отпечаток на политические процессы на региональном уровне. Экономические различия регионов вызваны не только комплексом естественных особенностей региональной экономики, но и являться результатом региональной политики центра, а именно - системой финансирования регионов Испании, которая предполагает параллельное существование нескольких моделей. Речь идет о форальном режиме, действующем в Наварре и Стране Басков и общем режим, распространяющимся на все оставшиеся регионы. Особенность форальной модели заключается в том, что управление основными налоговыми сборами осуществляется региональными властями. Финансирование испанских регионов по двум различным моделям становится источником потенциального конфликта как между регионами, так и между центром и регионами. Для регионов с общим налоговым режимом проблема реформирования системы финансирования стоит достаточно остро. Во-первых, это связано с тем, что форальный режим предоставляет регионам финансовые преимущества. Например, показатели ВРП на душу населения в регионах с форальным

режимом в 1,5 раза выше, чем средние показатели по стране [2]. Во-вторых, спорными являются основания предоставления экономических преференций лишь двум регионам.

Система регионального бюджетного выравнивания, направленная на преодоление экономического неравенства регионов Испании, является одной из главных причин недовольства регионов-доноров. Результатом бюджетного выравнивания становится изменение положения регионов в рейтинге бюджетной обеспеченности. Экономическое положение регионов-реципиентов становится в разы лучше, чем у регионов-доноров, что усиливает противоречия в отношениях «центр - регион». В числе главных сторонников реформирования налогово-бюджетной политики - региональные власти и общественность Каталонии, которые отмечают негативное воздействие бюджетного выравнивания на региональную экономику. Каталонские власти предпринимали неоднократные попытки к изменению экономического положения автономии. В своих требованиях к политическому центру Испании региональные власти Каталонии акцентировали внимание на необходимости реформирования системы перераспределения доходов автономий, расширении налоговых полномочий регионов по образу и подобию форального режима, существующего в Стране Басков и Наварре. Отказ центра расширить налоговые полномочия Каталонии был воспринят населением как экономическая дискриминация со стороны испанских властей. Именно экономическое противостояние каталонских и испанских властей послужило основанием для начала широкой кампании в поддержку идей независимости в регионе. Лозунги «Каталония кормит Испанию», «Мадрид грабит нас» стали ключевыми аргументами сторонников независимости Каталонии. Региональным властям удалось создать среди общественности мнение о том, что Каталония является жертвой существующей системы перераспределения бюджетных средств [3]. За популяризацией лозунгов о грабительской политике центра последовал рост количества сторонников сепаратизма. В период с 2007 по 2014 г. поддержка независимости Каталонии увеличилась среди населения региона более чем в три раза — с 14,5 % (май 2007 г.) до 48 % (январь 2014 г.) [4]. В 2017 г. в Каталонии был проведен референдум о независимости региона, по итогам которого 90,18 % проголосовали за его отделение [5]. Референдум сопровождался активным вмешательством центра, намеревавшегося, несмотря ни на что, предотвратить голосование. Период, последовавший после референдума, можно описать как этап глубокого кризиса в отношениях между испанскими и каталонскими властями, а также раскола в политической элите Каталонии. Судьба независимости Каталонии остается под вопросом, но

можно утверждать, что экономические интересы региональной элиты и стремление расширить полномочия региона в экономической сфере легли в основу политической борьбы развернувшейся сегодня в регионе. До тех пор пока, пока экономические противоречия сохраняют свою актуальность, нормализация отношений политического центра и Каталонии стоит под вопросом.

Источники и литература

1) Political opinion Barometer 2019 // Centre d'Estudis d'Opinio [Electronic resource].URL: http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/7408/Abstract%20in%20English%20-954.pdf
2) Castells A. Autonomia y solidaridad en el sistema de financiacion automica // Papeles de Economia española. 2000. № 83. P.37–59.
3) Pellicer L. Cataluña asegura que aporta a España 16.000 millones más de lo que recibe [Электронный ресурс] // El Pais. Режим доступа: https://politica.elpais.com/politica/2012/03/12/actualidad/1331586807_232711.html.
4) Political opinion Barometer 2017 // Centre d'Estudis d'Opinio [Electronic resource]. URL: http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/6408/Abstract%20in%20English%20-863.pdf
5) Referèndum d'autodeterminació de Catalunya. Resultats definitius [Electronic resource]. URL: http://estaticos.elperiodico.com/resources/pdf/4/3/1507302086634.pdf

Злотникова Лидия Михайловна

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Гомель, Республика Беларусь

Экономическая практика – институциональная система социальных конфликтов

В последние годы наметилась устойчивая тенденция негативного отношения к реализуемой экономической политике. Призывы к увеличению темпов экономического роста стали своеобразной молитвой. При этом крайне редко акцентируется внимание социологов на истинные причины усиления противоречий между экономическими результатами и социально-экономическим положением значительной части работающего населения. Политологи, журналисты без устали повторяют о нарастании

бедности. По нашему глубокому убеждению, страх перед усилением негативных социальных последствий давно стал своеобразным препятствием реализации многих экономических решений государства. О степени его влияния на работоспособность, гражданскую активность, профессиональную ответственность социология не даёт полноценного ответа. В определенной степени данное отношение социологов можно понять. По различным причинам социология оказалась заложницей объективных процессов узкой специализации и дифференциации предметов исследования. Несмотря на научное завещание П. Сорокина о ведущей роли социологии среди гуманитарных наук, приоритетное положение заняла экономическая наука. [2, с.161] И дело не только в том, что социология как наука сформировалась позже экономической теории. Основные выводы, которые предложили родоначальники классической экономической науки до настоящего времени позволяют собственникам, включая государство, воспринимать человека лишь как фактор труда. Основное назначение которого - это создание новой стоимости.

Хотелось бы напомнить, что философ Адам Смит, обратившись к проблемам экономической организации и эффективности производства, в буквальном смысле слова обосновал эмпирические ответы на вызовы развития. Появление новой техники и новых технологий требовали радикальных изменений в производственных отношениях. Высокий уровень занятости трудоспособного населения в натуральном хозяйстве представлял серьёзную систему торможения для крупных владельцев. Разрушение последней нуждалось в методологическом обосновании новых отношений в создании богатства. В опубликованной в 1776 г. работе «Исследование о причинах и природе происхождения богатства» [1]А. Смит предложил высоко абстрактные принципы новой экономики. Универсальный, системный человек по воле учёного и его последователя Ж.Б. Сэя одним росчерком пера был превращён в «частичного». Новый статус социальной и экономической роли человека таким образом стал первой причиной различных по сложности противоречий, соответственно конфликтов человека с окружающим миром. Культивирование статуса частичной социальной роли в течение многих столетий сопровождается методологией «ценности производительного и непроизводительного труда». [1] К сожалению, не только в сознании значительной части общества, но и государства заложена политика высокой значимости представителей материального производства. Усиление различий в заработной плате, социальном статусе и т.д. поддерживаются классической методологией «трёх факторов производства». Труд, земля и капитал сохраняя высокую значимость в производственной деятельности проявляются в

том, что интеллектуальный труд, затраты на создание и использование информации, обеспечение безопасности, сохранение окружающей среды не имеют должного финансирования. Интеллект объявлен слугой.

Признанная на вербальном уровне ценность и высокая значимость интеллектуальной деятельности на практике оказывается в состоянии глубинных противоречий и постоянно действующих конфликтов. Отделение труда от человека неизбежно сопровождается игнорированием затрат на формирование, развитие и поддержание интеллекта человека. Физический потенциал во многом отражает природный дар, относительно легко измеряется, характеризуется определенными проявлениями. Природа интеллектуальной компоненты до настоящего времени мало изучена. Бесспорно, только одно, её развитие и поддержание требует огромных временных, денежных затрат, профессионального подхода и огромных усилий самого человека. К тому же получение отдачи от интеллекта всегда носит непредсказуемый характер. История развития цивилизации переполнена примерами столетних усилий по поиску решения общечеловеческих проблем.

Использование человеческого потенциала только в форме одного из факторов производственной деятельности составляет основу системных противоречий в сфере образования и воспитания. Институт образования в годы реформирования в буквальном смысле превращён в массовое производство. Как уже отмечалось «частичный человек» давно оказался в состоянии конфликта не только с обществом, но и самим собой. Современная система образования, основанная на минимизации издержек и стремлении получать выгоду «сегодня и сейчас» закрепляет противоречие между требованиями сохранения цивилизации, развития человека и темпами экономического роста. В соответствии с используемой методологией и показателями результативности, т.е. рост ВВП затраты на образование и воспитание невыгодны, не приносят видимую отдачу. Только социология способна предоставить доказательства несостоятельности метода экстраполяции и предложить научно обоснованную систему оценки уровня и тенденций развития человека и цивилизации.

Источники и литература

1) Смит, А. Монография: Исследование и природе и причинах богатства народов [Электронный ресурс] /А.Смит. – Электрон. текстовый материал. – Москва: 2002. – Режим доступа: https://e-libra.ru/read/179321-issledovanie-o-prirode-i-prichinah-bogatstva-narodov.html

2) Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество /Питирим Сорокин – Москва: Политиздат, 2004 - 543 с.

Зырянов Владимир Викторович
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Конфликт целей и средств в управлении социально-экономическими системами

Недовольство реформами в российском обществе последних лет вызвало волну серьёзной критики, особенно досталось реформам в образовании и науке, в частности ориентации в оценке научной деятельности на индекс Хирша, импакт-фактор и др. Совсем скоро обнаружилось, что работают эти индексы не так, как ожидалось, более того, ими стали манипулировать. Для объяснения происходящего, «срочно» вспомнили о существовании закона (принципа, эффекта) Гудхарта. Вначале это была скорее гипотеза относительно довольно узкого вопроса, которым занимался Ч. Гудхарт (англ. учёный, профессор, 17 лет проработавший советником председателя Банка Англии). Он предположил, что «попытки центрального банка контролировать уровень кредитования клиентов коммерческими банками всегда могут быть обойдены с помощью альтернативных форм кредитования» [1]. Довольно быстро закон был признан универсальным: «любая наблюдаемая статистическая закономерность будет иметь тенденцию к разрушению, если на нее будет оказано давление в целях контроля» [2]. Далее, принцип Гудхарта получил развитие в формуле известного психолога и социолога Д. Кэмпбелла, «который сформулировал главное последствие использования численных показателей в политических и административных решениях: «Чем больше количественный социальный показатель используется для принятия социальных решений, тем больше он будет подвержен коррупционному давлению и тем более он будет склонен искажать социальные процессы, которые он должен отслеживать...» [3, с. 19].

Для лучшей иллюстрации работы этого закона отметим, что в его действии выделяют три стадии: появление социальной инновации; признание значимости её полезного потенциала и постановка её на контроль; и, наконец, постепенная инверсия инновации в фетиш... [4, с. 92].

1. Университетские рейтинги. Если методика того или иного рейтинга известна, то для улучшения позиции университет подчиняет свои действия достижению прописанных в методике ориентиров, вынуждая вузовский менеджмент нарушать ход естественного развития университета. Тем самым, рейтинг из чисто регистрационной процедуры превращается в активный инструмент воздействия на университеты, чаще всего негативное. Примеры известны: усиленный набор иностранных студентов невзирая на их недостаточную языковую и предметную подготов-

ленность, приглашение дорогостоящих зарубежных профессоров только потому, что они нужны для показателей и т.д.

2. Образовательный процесс. Любое оценочное средство (кейсы, тесты, сквозные задания и т.д.) адекватно отражает сформированность компетенций студентов до тех пор, пока ему не присваивают особый статус в измерении эффективности образования. Как только это происходит, - тут же начинается искажение оценки фактических знаний и умений студентов. Показательно в этом отношении негибкое использование балльно-рейтинговой системы, когда обучение студентов опосредовано добыванием баллов, что зачастую деформирует ход изучения дисциплины.

Другой пример - школьное олимпиадное движение. Изначально его единственной задачей было выявление талантов в отдельных научных областях. Но, когда, для облегчения поступления в вуз талантливым математикам (физикам, и т.д.) стали давать право поступления без экзаменов, то всё встало с ног на голову - теперь отбор талантов, это скорее побочный результат, а для 99% школьников, это технология поступления в вуз.

3. Научная работа. Нет нужды перечислять все пагубные последствия внедрения наукометрических показателей и все «грехи», которые вынуждены «творить» научные и педагогические работники для достижения нужных параметров цитирования [5].

4. Медицина. В 2015 г. по данным статистики Россия за полгода потеряла от ОРЗ, пневмонии и осложнений, связанных ними 70 тыс. чел. при том, что ни эпидемий, ни вспышек неизвестных вирусов не наблюдалось. Как же сложились эти данные, почему столь высокую смертность связали с этими заболеваниями? Этот статистический «флюс» возник в результате борьбы со смертностью от сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ), где мы в мировых лидерах. Значительные средства, вложенные в новые сосудистые центры и отделения должны давать результат, - нельзя же показать, что они не работают (пока или вообще). Поэтому у каждой больницы был стимул показать снижение смертности от ССЗ, а значит, при малейшей возможности смерть регистрировали как случившуюся по другой причине, в частности, от ОРВИ [6].

5. Интернет. Оценка популярности сайта по количеству ссылок на него выглядела адекватной (лучше ресурс - больше ссылок), пока спамеры не стали массово ставить ссылки на продвигаемые ресурсы. Google спровоцировал схожий сюжет начав использовать входящие ссылки в PageRank, чтобы сделать результаты поиска более полезными, - спаме-

ры тут же создали фермы ссылок и спам-блоги для накрутки PageRank индекса своих сайтов [7].

Одной из очевидных причин действия закона Гудхарта является то, что достижение результата пытаются стимулировать, опираясь на два-три параметра системы. При этом недооценивается, что количественное измерение любого социального явления, проведённое по этим выбранным признакам, естественно не отражает всей его сложности - отсюда и ложные цели, и манипуляции в их достижении.

Источники и литература

1) Большая российская энциклопедия. Режим доступа: https://bigenc.ru/economics/text/1934979 (дата обращения 20.01.2020)
2) Данилов И. KPI для внутренней политики: нюансы важнее принципов. Режим доступа: https://politanalitika.ru/posts/2019/05/22/kpi-dlya-vnutrennej-politiki-nyuansyi-vazhnee-printsipov-f2.html (дата обращения 23.01.2020)
3) Балацкий Е. Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика, № 5, 2013, С. 5-24.
4) Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // Высшее образование в России. 2016. № 6 (202). С. 87–97.
5) Дуглас Арнольд и Кристин Фаулер Гнусные цифры Перевод: Сергей Кузнецов, ИСП РАН Режим доступа: http://citforum.ru/gazeta/171/ (дата обращения 23.01.2020)
6) Рыбина Л. Болезнь XXI века — ОРВИ? Почему от простуды и осложнений в России только за полгода погибли 70 тысяч человек. Режим доступа: https://novayagazeta.ru/articles/2015/05/29/64331-bolezn-xxi-veka-8212-orvi (дата обращения 24.01.2020)
7) 10 законов техники: правила, которые определяют наш мир. Режим доступа: http://mixednews.ru/archives/15619 (дата обращения 24.01.2020)

***Иванова Вера Николаевна*[1]*, Колтуновский Кирилл Игоревич*[2]**

1 - Федеральный социологический центр РАН, Москва, Россия; 2 - АО Научно-производственное предприятие Дельта, Москва, Россия

Институты частной собственности и сословности как механизмы минимизация социальных конфликтов

Основным источником социальных конфликтов традиционно считается имущественное неравенство между гражданами конкретной страны. В свою очередь такое неравенство берет свои истоки от института частной собственности, который практически реализован в настоящее время почти во всех странах. Снижение напряженности социальных конфликтов чаще всего ищется в направлении уменьшения разрыва того самого имущественного неравенства, а значит и в направлении ограничения неконтролируемого перетекания собственности между государством и гражданами, а также между самими гражданами. Другими словами ищутся пути по ограничению перемещения финансовых, интеллектуальных и материальных активов в сфере рыночного хозяйствования. В связи с этим резонно ставится вопрос о значимости самого института частной собственности, его происхождения и его функций в хозяйственном и социальном механизмах общества. Частная собственность позволяет реализовывать процессы накопления и сбережения, что в результате дает возможность осуществлять кредитование традиционных экономических проектов и инновационных начинаний. Кроме того, частная собственность, провоцируя неравенство, способствует проявлению амбициозных намерений у граждан, когда у них появляется желание увеличить свою социальную значимость и свои экономические возможности через увеличение собственности, а значит и приводит к хозяйственной их активности. Далее, институт частной собственности ограничивает внеправовое либо насильственное отчуждение имущества у граждан либо у их объединений, ставя на защиту такого имущества довольно жесткие и жестокие законы. Обратимся к отрицательным моментам и функциям частной собственности - это отсутствие как таковых пределов увеличения собственности у отдельных граждан, а также - закрепление за гражданами, в основном по инерции, их соотнесения к различным социальным слоям, у которых оказываются различные возможности по реализации их жизненных интересов. И, наконец, сохранение собственности в руках родственников на основании практики ее наследования, что потенциально ограничивает круг рациональных ее распорядителей. Ранее считалось, что частная собственность появилась с появлением излишков, в основном питания, в условиях раннего человеческого общества за счет повышения внутри его производительности труда, что дало возможность реализовывать функцию кредитования и инвестирования. Однако исследования последнего времени указывают на то, что вероятнее всего институт частной собственности в человеческом обществе зародился как раз в период острого дефицита пропитания, но при этом не сам факт дефицита стал причиной появления такого института, а как раз сам институт частной

собственности стал источником такого дефицита. А причиной появления собственности, присваиваемой и закрепляемой за собой отдельными индивидуумами в раннем человеческом обществе, стала необходимость ограничить силовое посягательство на источники питания. При этом появилась и необходимость перехода от охоты к земледелию. «Понятие о праве собственности было необходимо человечеству потому, что оно снижало частоту и ожесточенность взаимных конфликтов. . . . А уж когда это понятие возникло и было благосклонно принято социумом, оно сделало неизбежным переход к сельскому хозяйству» [1]. Таким образом, частная собственность имеет отнюдь не экономические истоки своего появления, а оказывается - чисто социальные, и функционально «заточена» на устранение опять же в первую очередь социальных издержек от внеправового либо силового посягательства на произведенные в обществе продукты со стороны его же членов. Экономические же функции частной собственности - уже вторичны, но как раз они-то и оказались основой выстраивания хозяйственных механизмов на всех стадиях эволюции общества и без них на сегодня вообще существование общества невозможно как по критериям стабильности, так и по критериям эффективности [2]. Основной целью социальной политики России как государства должна быть минимизация накала социального неравенства, а также и собственно параметров такого неравенства, в том числе за счет смены состава богатых собственников с помощью социальных лифтов. На наш взгляд реализация такой цели была бы возможно за счет формирования в российской действительности сословий, либо похожих на них социальных конгломератов. Последние явились бы фильтрами для чрезмерного перетока собственности между такими сословиями и своего рода «этажами» для социального лифта, необходимого для обновления состава богатых и не очень богатых собственников. Историческая практика реализации сословиями именно таких функций - имущественного фильтра и социального лифта, - может быть рассмотрена на примере ломбардцев в средние века, которые стали главными ростовщиками Франции, да и вообще Европы [3].

Таким образом, основные истоки имущественного неравенства, а значит, и основные истоки социальных конфликтов исходят от института частной собственности, который был первоначально введен в общественную практику с целью реализации функции по обеспечению социальной стабильности в обществе. Из этого следует, что и устранение социальных противоречий в обществе следует искать также в сфере социальной. В том числе через сословную структуризацию современного российского общества [4].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00180 «а».

Источники и литература

1) Алексенко А. Проще, когда есть богатые // https://snob.ru/entry/185230/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. (дата обращения 20.10.2020 г.).

2) Чаянов А.В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства //А.В. Чаянов. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика. 1989. С. 139.

3) Ломбардцы: их ненавидели даже больше евреев // https://zen.yandex.ru/media/id/5d06644470b0790d8ad60444/lombardcy-ih-nenavideli-daje-bolshe-evreev-5dd55e9d3028881357269fb1 (дата обращения 20.10.2020 г.).

4) Социолог описал сословия современной России // https://info.sibnet.ru/article/520722/ (дата обращения 20.10.2020 г.).

Каменева Анастасия Алексеевна

СПБгУ, Санкт-Петербург, Россия

Борьба на нефть как двигатель общественного развития 19-21 веков

Нефть является одним из важнейших ресурсов. Во многих странах нефть - основная статья экспорта, а значит, и экономики этих стран сосредоточены на доходах, полученных от нефтяной отрасли. Значение нефти сложно переоценить: она является основным источником первичной энергии во всем мире, универсальным топливным ресурсом, играющим огромную роль в транспортной отрасли, сырьем для химической промышленности. Потребность в нефти неуклонно растет.

Однако нефть - ограниченный природный ресурс. Оценив все достоинства нефти и ее значение в мировом производстве, сложно не сделать вывод: борьба за нефть неизбежна. Но к чему привела эта борьба и чего ожидать в будущем?

В 1848 году была пробурена первая в мире нефтяная скважина современного типа на Апшеронском полуострове неподалеку от Баку. А уже спустя год, в 1849 году, канадский геолог Абрахам Геснер впервые получил керосин. В 1857 году была изобретена керосиновая лампа. Это

изобретение позволило сохранить мировое поголовье китов, поскольку керосин, заменивший китовый жир, стал более популярным и удобным источником энергии для освещения жилищ. Это стало большим шагом на пути к сохранению экологии, следовательно, шагом в направлении прогресса.

В 1870 году Джон Рокфеллер создал первую нефтяную монополию Standard Oil, контролировавшую 90% нефтедобычи в США. Это стало возможным благодаря эффективным методам борьбы Рокфеллера с конкурентами, однако нефтяники Пенсильвании сделали последнюю попытку вырваться из удушающих объятий Standard Oil с помощью рискованного эксперимента — первого в мире дальнего трубопровода. У проекта, названного «Прибрежный трубопровод», не было прецедентов, как не было и уверенности в том, что он технически осуществим. Тем не менее к маю 1879 г. по нему потекла нефть. [1, с.50] Это было крупным технологическим достижением и примером, как борьба за нефть стала двигателем общественного прогресса. Это также явилось новым этапом в истории нефти.

Следующими глобальными этапами борьбы за нефть стали Первая и Вторая мировые войны. Контроль над месторождениями нефти в Румынии, Закавказье и на Ближнем Востоке был важнейшей частью стратегии противоборствовавших сторон Второй мировой войны. Нацистская Германия и Италия полностью зависели от поставок нефти из Румынии. Одной из целей нападения Германии на СССР была попытка получить доступ к советским месторождениям нефти на Кавказе и в Сталинграде.

Япония получала 88% нефти от канадских, голландских и американских компаний. Япония напала на США, в том числе и потому, что незадолго до этого США ввели эмбарго на поставку нефти, которое поддержали Великобритания и правительство Нидерландов.

Но на этом борьба за нефть не закончилась, а только началась! Рассмотрим страны, обладающие значительными запасами нефти и военные конфликты, произошедшие за последние полвека. На территории Ирака разведаны нефтяные месторождения, в которых находится 112.5 млрд. баррелей нефти, а значит, Ирак обладает вторыми по величине нефтяными запасами в мире, уступая только Саудовской Аравии (261.8 млрд. баррелей). Запасы Кувейта оцениваются в 98.6 млрд. баррелей, Ирана - 89.7, России - 48.6. Стоит отметить, что себестоимость иракской и саудовской нефти самая низкая в мире. А теперь вспомним конфликты: Ирано-иракская война, вторжение Ирака в Кувейт, война США в Ираке, война в Сирии. Можно сделать вывод, что обладание нефтью стало одной из причин конфликтов.

Последствия войн - разрушения. Разрушение природы: например, война коалиции, образованной 32 государствами, с Ираком за освобождение Кувейта сопровождалась экологической катастрофой, в Персидский залив вылилось до 4 млн. баррелей нефти. Разрушения жизни миллионов людей, экономические кризисы, политическая нестабильность. Однако регресс также является направлением общественного развития.

Стоит отметить, что борьба за нефть имеет и позитивные последствия. Она является двигателем научной мысли: именно благодаря борьбе за важный ресурс и место на рынке появился первый нефтепровод, ученые изобрели методы разработки высоковязкой нефти. Российские ученые путем экспериментов и теоретических расчетов доказали, что нефть может формироваться не в результате разложения органических веществ, как гласит общепринятая теория, а абиогенным (небиологическим) путем. Это означает, что нефть не закончится, как зачастую сообщает пресса, через 70 - 100 лет. Тюменские ученые создали биологический препарат «Путидойл», который эффективно устраняет нефтяные загрязнения.

Подводя итог всему вышесказанному, вспомним слова Бориса Акунина из книги «Черный город» о том, что «Нефть — это кровь Земли. А мы цирюльники, кровь земли качаем. Как сердце Земли — бьется медленно или быстро — от нас зависит.» А это значит, что от нашего отношения к нефти, методов ее добычи и способов использования, зависит жизнь всей нашей планеты и наше общественное развитие.

Источники и литература

1) Ергин, Д. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Дэниел Ергин ; пер. с англ. - Москва : Альпина Паблишер, 2018. - 944 с. - ISBN 978-5-96141-538-4. - Текст : электронный. - URL: https://proxy.library.spbu.ru:2056/catalog/product/1077939 (дата обращения: 01.02.2020)

2) Ергин, Д. В поисках энергии: Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Ергин Д. - Москва :Альпина Пабл., 2016. - 712 с.: ISBN 978-5-9614-4379-0. - Текст : электронный. - URL: https://proxy.library.spbu.ru:2056/catalog/product/912389 (дата обращения: 01.02.2020)

Козлова Светлана Александровна

ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет", Красноярск, Россия

Неравенство в доступности медицинской помощи как причина социальных конфликтов

В Российской Федерации право на охрану здоровья и получение бесплатной медицинской помощи для каждого гражданина закреплено в статье 41 Конституции [1]. Реализация этого права для граждан РФ основывается на всеобщем чувстве справедливости, всеобщего равенства. В Российской Федерации действует страховая модель финансирования здравоохранения, когда основой финансового обеспечения оказания медицинской помощи являются средств внебюджетного фонда - Фонда обязательного медицинского страхования. Эти финансовые ресурсы обеспечивают реализацию Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, которая содержит минимальный набор услуг, оказание которых необходимо для поддержания и сохранения здоровья населения.

Это означает, что на территории всей страны граждане имеют доступ к одинаковому набору государственных услуг по оказанию бесплатной медицинской помощи. При этом финансовые ресурсы на реализацию государственных программ небезграничны.

Главными детерминантами несправедливости в здравоохранении Всемирная организация здравоохранения определила условия, в которых люди рождаются, растут, живут, работают и стареют [2]. То есть на равный доступ к медицинской помощи на протяжении всей жизни человека могут повлиять следующие факторы:

- климатические и географические условия (например, удаленность от места оказания медицинской помощи);

- предрасположенность к заболеваниям (например, наличие редких генетических заболеваний влияет потребность в получении высокотехнологичной медицинской помощи);

- условия трудовой деятельности (например, вредные условия труда) и т.д.

Кроме того, ВОЗ отмечает, что сочетание социальных программ низкого качества,

плохое управление и неэффективные экономические механизмы, вызывают несправедливости в отношении здоровья.

По результатам опроса граждан РФ, проведенного ВЦИОМ [3], основными проблемами в сфере здравоохранения являются:

- недостаточный уровень профессиональной подготовки врачей - 15%;

- нехватка врачей - 15%;

- недоступность медицинской помощи для населения (дорогие лекарства, услуги) - 14%;

- недостаточная оснащенность учреждений современным оборудованием - 13%.

Таким образом, результаты опроса показывают, что недоступность медицинской помощи для населения является одной из ключевых проблем.

В этой связи неизбежно возникает вопрос о том, каким образом определять границы личной и общественной ответственности за состояние здоровья гражданина.

Исследования проблем справедливости в доступе к получению медицинских услуг не теряют своей актуальности несмотря на гарантию права на получение бесплатной медицинской помощи, их можно разделить на две укрупненных группы [4]:

1) группа исследователей, основными положениями теории которых является принцип равенства при реализации права на здоровье (экономическое, равенство возможностей или свобода);

2) группа исследователей, чьи теории основаны на идее личной ответственности за здоровье.

Аргументом исследователей, относящихся к первой группе, является значимость социальных факторов, так как индивидуальный выбор в значительной мере определяется влиянием поведенческих аспектов, которые сформированы воспитанием, образованием, благополучием, влиянием окружающей среды. Если социальные факторы признаны, то личная ответственность не может служить основанием для отказа в доступе к медицинским услугам менее ответственным гражданам.

Вторая группа исследователей считает, что состояние здоровья гражданина - это статус, который является результатом выбора человека, так, например, если говорить о трансплантации, то одним пациентам требуется печень из-за употребления алкоголя, а другим - в силу причин, не связанных с поведением. Как в таком случае предоставлять равенство на получение медицинской помощи - трансплантации, ведь необходимость оказания медицинской помощи потребителю алкоголя - это результат его «плохого выбора» в прошлом.

В этой связи в Российской Федерации в рамках существующей системы финансового обеспечения также существуют вопросы универсальности доступа к получению медицинской помощи. Например, с 2013 году на территории РФ введена диспансеризация определенных групп взрослого населения, целью которой является своевременное выявление хронических неинфекционных заболеваний (диабет, сердечно-сосудистые заболе-

вания), а также снизить негативное влияние факторов риска (курение, алкоголь, неправильное питание) с целью предотвращения смертности. Считается, что оказание медицинской помощи на первых этапах развития заболевания в амбулаторных условиях дешевле, чем лечение в стационарных условиях, когда пациент пребывает круглосуточно в медицинской организации, что сопряжено с затратами на лекарственное обеспечение, питание и т.п. Диспансеризация определенных групп взрослого населения должна способствовать своевременному выявлению заболеваний и факторов риска, а следовательно снизить рискованное поведение людей, которое приводит к негативным последствиям для здоровья, и в итоге оптимизировать затраты государства на оказание бесплатной медицинской помощи. В зарубежных странах, в которых также действует страховая система финансирования, существует аналог диспансеризации - ежегодный чек-ап, который представляет собой скрининг состояния здоровья. При этом, в случае несвоевременного прохождения или непрохождения процедуры у гражданина повышается стоимость страховки на следующий год и бремя финансирования возможных рисков перекладывается на индивида.

Таким образом, страховая система финансирования здравоохранения содержит потенциальные риски нарушения равного и справедливого доступа к получению медицинской помощи, сопряженные как с недостаточностью финансового обеспечения, так и связанные с поведением граждан, что влияет на выстраивание социальной политики государства таким образом, чтобы население имело возможность сохранить и поддерживать состояние здоровья.

Источники и литература

1) Конституция Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c815f376c72a61b3df7905bb5aae9f144d2cb0d/.

2) 10 фактов о несправедливости в отношении здоровья и ее причинах /ВОЗ. – 2008. – Режим доступа: https://www.who.int/features/factfiles/health_inequities/facts/ru/.

3) Эффективность российского здравоохранения и система ОМС. Результаты опроса ВЦИОМ. - Москва. - 2017. - Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116534.

4) Мухарямова, Л.М., Кузнецова, И.Б. Равенство и справедливость в отношении здоровья: к поиску аналитических инструментов оцен-

ки // Журнал исследований социальной политики. – 2017. - №4 (15). – С. 651 -659.

Красниковский Владимир Ярославович
МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

Потребительское поведение и стратификационная амбициозность человека как элементы механизма социальной стратификации

Потребительское поведение и стратификационная амбициозность человека как элементы механизма социальной стратификации и поведение потребителей как явление, и его главный результат - потребление вносят весомый вклад в жизнедеятельность общества. Нами предпринята попытка рассмотреть потребительское поведение как элемент механизма социальной стратификации общества.

Существуют различные варианты деления потребителей на группы, и спектр типологий такого рода весьма обширен (см. например: [1, 2, 3]). Нами же, за основу была взята классификация В.И. Ильина [4], которая получила дальнейшее интерпретационное развитие в проведенном совместно с С.А. Сидоровой в феврале-марте 2018 г исследовании, материалы которого опубликованы в работе [5]. Согласно этой классификации, потребители делятся на три типа: «Новаторы», «Последователи» и «Консерваторы», а каждому типу потребителей соответствуют стратегии потребительского поведения: Стратегия № 1 - купить новый появившийся товар сразу, Стратегия № 2 - ждать, пока новый товар освоит большинство и Стратегия № 3 - покупать привычные, давно апробированные товары.

Было выявлено, что «внутри» каждого из рассматриваемых типов потребителей одновременно имеют место люди, склонные практиковать различные стратегии в различных сочетаниях. Это позволило предположить, что в рамках каждого отдельного типа потребителей отсутствует жесткая привязка определенных стратегий к тому или иному типу потребителя; т.е. могут проявляться несколько стратегий потребительского поведения.

Объясняя приведенные факты, мы отталкивались от выработки понимания стратегии потребительского поведения. - как жизненных планов человека, наложенных на его жизненную ситуацию, связанную с по-

требительской сферой жизнедеятельности и проявляющиеся в устойчивой системе установок и связанных с ними действий. Ключевым предметом (или фактором) функционирования этой сферы жизнедеятельности человека являются материальные и духовные блага, выступающие в качестве товара, используемого в дальнейшем в качестве объекта потребления.

Рассматривая жизненные планы человека, как фундамент формирования стратегии его потребительского поведения, можно допустить, что, в современном российском обществе переходного периода их «стержень» связан с достижением или удержанием какой-либо из возможных или желательных стратификационных позиций [6].

В исследовании выяснялось, какой из трех стратегий - новаторской, последовательской или консервативной - потребители склонны следовать в каждой из двух ситуаций совершения покупки каких-либо благ, различающихся своей ценой. В ситуации «А» - когда они покупают что-то очень (или достаточно) дорогое (какой-либо товар не повседневного спроса, приобретаемый редко, потребление которых носит, кроме всего прочего, и престижный характер). В ситуации «Б» - когда они покупают что-то достаточно дешевое (какой-либо товар повседневного спроса, приобретаемый часто).

Было не только установлено, что часть потребителей в разных по потребительской значимости ситуациях склонны следовать разным стратегиям потребительского поведения. Фактором, определяющим связь типа стратегии потребительского поведения и разных по потребительской значимости ситуаций, является стратификационная амбициозность человека - качество-свойство, связанное с его стремлением к изменению или сохранению своей стратификационной позиции. Соответственно, среди людей можно выделить группу стратификационно-амбициозных - тех, кто явно (осознанно) или латентно ориентирован на перемещение в более высокие социальные страты общества (или - на удержание своих позиций в таких, высоких, социальных стратах), и группу стратификационно-неамбициозных - тех, кто не ориентирован на перемещение в более высокие социальные страты, а лишь стремится удержать свои имеющиеся стратификационные позиции (при условии, что они относительно невысоки).

Мы полагаем, что в условиях современного российского общества неодноразовое приобретение (потребление) человеком дорогостоящих товаров, имея демонстративный характер, может рассматриваться и как показатель его явного или латентного стремления к перемещению в бо-

лее высокие социальные страты, его ориентированности на восходящую социальную мобильность.

«Дрейф» стратегий потребительского поведения характерен не для всех людей, но у тех потребителей, для которых характерна перемена стратегии, это происходит именно под воздействием фактора стратификационной значимости ситуации приобретения товара. Фактором, запускающим процесс перемены стратегии потребительского поведения в рамках одного типа потребителей в различных ситуациях приобретения товара является его ценовая и потребительско-стратификационная значимость.

Смена стратегии потребительского поведения, характерная не для всех, а лишь для некоторых людей, - это элемент механизма определения и дальнейшего выявления человеком траектории своего движения в социальном пространстве. Здесь можно провести аналогию с «прощупыванием» физико-географического пространства с помощью радара для определения местонахождения искомой цели как физического объекта.

И смена стратегии потребительского поведения происходит только в отношении тех из них, которые связаны с разметкой социального пространства (интуитивно- или осознанно-желательным для человека образом), причем, - не у всех потребителей, а, преимущественно, у «стратификационно-амбициозных».

Источники и литература

1) Самарбаева Н.К. Потребительское поведение городской молодежи: социально-психологический анализ // Вестник Башкирского университета. 2010. Том 15, № 2. С. 511-516.

2) Тумалева Е.Е. Потребительское поведение студенчества как фактор формирования жизненных стратегий // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 3-1. С. 149-156.

3) Арженовский С.В., Мажара В.В. Социально-экономическая стратификация домохозяйств по потребительскому поведению // Учет и статистика. 2010. № 17. С. 55-58.

4) Ильин В.И. Поведение потребителей. СПб: «Питер», 2000. – 224 с.

5) Сидорова С.А., Красниковский В.Я. Потребительское поведение в современном обществе: экономико-социологический анализ. – М.: Прометей, 2019. – 130 с.

6) Красниковский В.Я. Роль потребительского поведения как элемента механизма социальной стратификации // Мир науки.

Социология, филология, культурология, 2019 № 3, https://sfk-mn.ru/PDF/30SCSK319.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Кривошеев Владимир Вениаминович
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Единый государственный экзамен: появление нового конфликтогенного пространства

Необходимость перехода к системе Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в средней школе официально преподносилась как способ решения многих проблем. Но при этом акцент делался на двух обстоятельствах: возможность понижения уровня коррупционности при сдаче экзаменов в высшие учебные заведения и создание равных условий для абитуриентов. Что едва ли не автоматически должно было понизить и уровень конфликтности в социуме. Например, противостояние российской глубинки и столицы вроде бы должно было быть нивелировано: выпускники всех школ могли студентами и в провинциальных вузах, и в столичных. В одном из интервью в 2003 году тогдашний министр образования В.М. Филиппов утверждал, "во все элитарные и в большинство других вузов можно поступить только либо через репетиторство при данном вузе, либо через платные курсы при нем, либо через целевой прием, который они реализуют, либо через "договорные" школы, которые есть у московских и питерских вузов" [1].

Сейчас, спустя уже более пятнадцати лет после апробирования и введения ЕГЭ, можно оценить, что же изменилось в реальности, насколько исчезли коллизии в сфере образования.

Во-первых, Единый госэкзамен, как считает абсолютное большинство опрошенных во всероссийском опросе 2018 года, не позволил повысить качество образование. Так, 77% респондентов считают, что учащихся натаскивают только на прохождение тестов, в связи с этим ухудшается качество знаний, это число выросло за последние 4 года (с 64% в 2014 г.). В том, что госэкзамен не учитывает индивидуальные особенности школьников уверены 77%. Еще 71% думают, что проверка знаний после введения ЕГЭ стала формальной и поверхностной [2].

Во-вторых, равные условия при поступлении в вузы ЕГЭ также не обеспечивает. Возник обширный и весьма дорогостоящий рынок репети-

торских услуг. К слову заметить, еще и потому, что современная российская средняя школа не ориентирована на приобщение всех учащихся к знаниям. Возникла новая сфера эксклюзии, что не может не создать новое конфликтогенное социальное пространство. По некоторым оценкам, в год родители школьников тратят на дополнительные занятия по математике почти 41 млрд. рублей. А на занятия по английскому языку - еще около 34 млрд. Рынок подготовки к госэкзаменам в России оценивается в 60 млрд. рублей. К 2021 году этот сегмент вырастет до 85 млрд. рублей из-за добавления обязательного экзамена для сдачи английского языка. Средний чек для занятий в Москвев час - 815 руб., а в регионах 410 руб. Рынок IT-предметов (программирование, робототехника и т/д.) пока не очень большой, но растет достаточно быстро относительно остальных исследованных предметов. Сейчас он оценивается 5,3 млрд. рублей, а к 2021 году вырастет до 7,3 млрд. рублей [3]. В конце 2017 года Институт глобализации и социальных движений подготовил доклад "Расходы на ребёнка в семье верхнего слоя среднего класса в Москве". По приведенным оценкам, средние затраты московской семьи на репетиторов составляют более 18 тысяч рублей в месяц, причём брать дополнительные уроки начинают уже с 13-летнего возраста [4]. Не трудно представить, что далеко не все семьи даже в сравнительно богатой Москве могут позволить себе такие траты.

От столицы старается не отстать и провинция. В Калининграде, например, на сайте "Ваш репетитор" представлены фамилии почти 7 тысяч репетиторов. Не нарушая норму о защите личных данных, приведем лишь некоторые сведения о ценах на репетиторские услуги. "Начальная школа: 1200 руб. в час, логопедия: 1000 руб. за 45 мин." "Подготовка к школе: 1200 руб. в час, русский язык: 1200 руб. в час, дистанционно (Скайп): 1200 руб. в час. "ЕГЭ по английскому языку: 900 руб. в час". Таким образом Единый государственный экзамен породил новое поле для конфликтов, как между различными социальными группами, так и внутри социального института образования.

Источники и литература

1) Контрольная работа над ошибками: Единый госэкзамен будут изменять, но не отменят. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/1511840

2) ВЦИОМ: ЕГЭ-2018: общественная оценка. Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236uid=9195

3) Колесникова К. Сколько денег родители тратят на репетиторов (сентябрь 2019): Российская газета. 11 сентября 2019 года. Режим доступа: https://rg.ru/2019/09/11/skolko-deneg-roditeli-tratiat-na-repetitorov.html

4) Кокшарова А., Офицерова Е. Кто зарабатывает на ЕГЭ . Режим доступа:https://batenka.ru/explore/field/ege-and-money/

5) https://kaliningrad.repetitors.info/repetitor/

Ксенофонтова Елена Геннадьевна

МГУ им. М. В Ломоносова, Моска, РФ

Спорные элементы традиционной модели конфликта интересов

Тема конфликта настолько междисциплинарная, и настолько отражает реалии современной жизни, что социологи даже «проигрывают» в количестве публикаций на данную тему. Так, с 2014 по 2019 годы в информационной системе ИСТИНА разместили свои публикации «про конфликты» журналисты - 27 раз, историки - 24, регионоведы, филологи и психологи - по 13 публикаций. Пик в это период пришелся на 2016 год, явное угасание - к 2019 году [1]. И вот новый всплеск: социологический факультет посвятил теме конфликтов XXI века специальную конференцию!

Экономисты говорят о борьбе за ресурсы, политологи - о борьбе за власть, философы о противоречии как источнике развития, социальные технологи о возможностях медиации. Юристы даже разработали методику урегулирования конфликта интересов для государственных служащих. «Конфликт интересов - это ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) служащего влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей. При этом может возникнуть противоречие между личными интересами государственного или муниципального служащего и правами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства», - резонно отмечают они [2].

Интересы отражают потребности и у разных социальных групп разные возможности и немного разные потребности. При этом у каждого представителя каждой социальной группы много разноуровневых потребностей и какой интерес станет в данный момент главным - не известно. У «власть имущих» возможен «соблазн» пополнить ресурсы

семьи за счет общественных средств. Однако возможно и другое: и «высокий» интерес служения обществу как приоритетный мотив личностной самореализации и самоуважения, и иной - выслужиться и продвинуться по карьерной лестнице (а там уж развернуться на больших ресурсах). Что при анализе конкретной ситуации мы увидим? Множество интересов, которые могут менять силу в зависимости от обстоятельств. Кто-то может бороться с собой во внутриличностном конфликте («очень хочется, но сейчас никак нельзя»). Кто-то, ощущая только один «проработанный внутри себя» интерес, интересы другие в данный момент может даже не испытывать (как кассир, работающий с наличностью - немыслимо постоянно «видеть» в потоках купюр возможности собственного обогащения).

Рассмотрим модель конфликта: две или более сторон испытывают столкновение интересов.

Спорный момент №1. Если одной стороне кажется, что действия или даже факт существования второй стороны угрожает реализации ее интересов, возникает конфликтное напряжение, но только у неё. Не факт, что вторая сторона на этой стадии тоже испытывает напряжение. Итак, латентно конфликтная ситуация есть, но до противодействия сторон она может не дорасти в т. ч. из-за изменения отношения или приоритета интересов того, кто испытывает напряжение. Конфликт для потенциального оппонента мог остаться не замеченным - он не был социально-психологическим, но это был конфликт - «виртуальное» столкновение интересов.

Спорный момент №2. Осознание столкновения интересов произошло, остается только «делить пирог»: 100% победителю - 0% проигравшему. Или попытки найти компромисс: нам 51%, так как..., а вам 49% - это же справедливо! Или еще лучше: 50\50 и вечная дружба. Однако интерес каждой из сторон удовлетворен только частично. Поскольку потребности обеих сторон не удовлетворены, нужно ждать следующего нарастания напряжения, хотя обе стороны могут быть горды своей «цивилизованностью». Но это уже другая потребность и другой интерес. Возможно, не менее значимый.

Спорный момент №3. Модель Томаса и Килменна позволяет считать, что не только ориентация на сотрудничество (или win-win) может быть оптимальна в определенной ситуации. Хватает вооружения на 10 лет вперед - можно реализовывать стратегию соперничества, пока не хватает - стратегии уступки или избегания. Однако при несимметричных «долях удовлетворения интересов» возможно нарастание потребности взять реванш, отомстить и т. д. Следовательно, «справедливое

поражение слабой стороны» (или не 100% реализация важного для нее) не означает разрешения конфликта, а только откладывает противостояние во времени. «Выиграть» должен каждый.

Никакие манипуляции не могут надолго сменить приоритетность потребностей, имеющихся у пересекающихся на одном поле сторон. Несомненно, от не-глубинных интересов человека можно отвлечь, потребности социальных групп можно формировать. Но при практической и исследовательской работе с конфликтными ситуациями акцент должен делаться не на предотвращении столкновения сторон, а на работе с набором разноуровневых потребностей одной или более сторон.

Поскольку уважение заключается в признании смыслов, важных для того, с кем мы общаемся, нельзя допускать ущемления чьих-либо интересов. Их необходимо согласовывать при взаимном уважении. Степень трудности конфликтных ситуаций от международной политики до организационного консультирования - очень разная. Но базовой аксиомой модели должно быть признание необходимости полного, а не частичного удовлетворения обеих сторон. Субъекты социального взаимодействия не являются встречно-направленными векторами на двумерной плоскости, следовательно, им нужно помочь перейти к рассмотрению интересов в более широкой, целостной и долгосрочной перспективе, не ограничивая себя при обнаружении конфликтной ситуации убеждением: «Остаться должен только один из нас».

Источники и литература

1) Интеллектуальная система тематического исследования наукометрических данных. Результаты поиска публикаций по теме «Конфликт». Режим доступа: https://istina.msu.ru/publications/search/articles/
2) Методика Генеральной прокуратуры РФ "Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе. Памятка для служащих". Обзор документа . Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71564038/#review

Курганова Светлана Владимировна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, РФ

Трудовые конфликты в России как объект исследования: постановка проблемы

Проблематика социологии труда в современной России вновь стала актуальной. Даже самый поверхностный обзор социологических работ, изданных в последние годы, позволяет обнаружить значительное число работ, посвященных проблемам прекаризации труда [2; 8], анализу проблем трудовой деятельности в различных профессиональных группах [5; 6]. На этом фоне незначительное число работ, посвященных трудовым конфликтам, да и то чаще с уклоном в проблему профсоюзов, вызывает недоумение [7; 9]. При этом довольно активно развивают данную тему историки [3], юристы [4], экономисты [1].

Для заполнения этого пробела рассмотрим некоторые результаты исследования, проведенного методом стандартизированного интервью в 2018 году в г. Саратове, объектом которого выступили жители города трудоспособного возраста. Отбор респондентов проводился по квотной выборке (N = 406). Исследование было направлено на изучение основных параметров занятости, ее различных форм, в том числе затрагивалась и тема трудовых конфликтов.

Итак, среди всех работающих респондентов становились участником конфликта с работодателем 9,8% опрошенных, что указывает на довольно низкий уровень конфликтогенности трудовых отношений. При этом проведенное исследование показало, что работающие горожане чаще всего встречаются с такими нарушениями своих трудовых прав, как работа в свой выходной день по просьбе руководства - 55%, работа после окончания рабочего дня также по просьбе руководства - 53,5%, выполнение чужих трудовых обязанностей - 43%, невыплата двойной оплаты за работу в праздничные и выходные дни - 29%, наличие черной или серой заработной платы - 23%, несоблюдение восьмичасового рабочего дня - 18%. Реже опрошенные заявляли о задержке или невыплате заработной платы, об отказах в оплате больничного листа, выплатах в срок отпускных, отпуске в полном объеме, оформлении трудового договора с записью в трудовой книжке - доля таких ответов составила от 8,5% до 14%.

Прямой вопрос о причинах конфликтов показал значимость как организационных моментов, так и финансовых: 39% респондентов указали как на причину конфликта на перераспределение трудовых обязанностей между работниками, 19,5% - на штрафные санкции, 16% - на особенности начисления заработной платы, 9% - на нарушения дисциплины. Другие причины также упоминались, но крайне редко (не чаще 3-6%). 16,5% опрошенных затруднились с ответом.

К каким способам разрешения конфликтной ситуации прибегали ее участники? Согласно полученным данным, чаще всего - в 42% случаев - они не делали ничего, все успокаивалось само собой (что с большой

долей вероятности можно расценить как переход конфликта в латентную форму), несколько реже - в 26% случаев - респонденты говорили о том, что работодатель пошел на уступки, в 14% отказался от своих требований работник, 5% опрошенных уволились по собственному желанию, в 4% случаев вмешался в ситуацию профсоюз (при том, что о наличии профсоюзной организации заявило 32% всех работающих респондентов), ни один из участников опроса не обращался в судебные инстанции. 23% затруднились с ответом. Другими словами, можно заявить об отсутствии какого-либо институционального механизма разрешения трудовых споров. Конфликтная ситуация либо оставляется в тлеющем состоянии с угрозой последующего обострения проблемы, либо решается на межличностном уровне между конкретными работником и работодателем. Имеющиеся же структуры - профсоюзы и суды - оказываются либо малоэффективными, либо вообще не востребованными.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить наличие парадоксальной ситуации, когда трудящиеся сталкиваются с большим числом нарушений своих прав, знают и говорят об этом, но лишь десятая часть работающих респондентов сообщают об участии в трудовом конфликте. Конечно, данное противоречие легко объясняется бесправным положением трудящихся, отсутствием реальных механизмов защиты их трудовых прав, неверием в саму возможность их отстоять. Положение усугубляется довольно сложной ситуацией на рынке труда, когда работу потерять легко, а найти другую может быть сложной задачей.

Следует упомянуть еще об одном обстоятельстве. На полевом этапе исследования проводились беседы с интервьюерами с тем, чтобы выявить трудности, с которыми они столкнулись. Оказалось, что часть вопросов анкеты вызвала напряжение и даже испуг у респондентов, и это были вопросы не по доходам, а по нарушениям трудовых прав и трудовым конфликтам (не единожды интервьюеры сталкивались с ситуацией, когда респонденты заподазривали их в связи с их работодателями, и требовались значительные усилия, чтобы опрашиваемых в этом разубедить). Поэтому вполне можно предположить, что поученные данные по конфликтам занижены. Об этом же свидетельствуют и высокая доля респондентов, затруднившихся ответить на вопросы о причинах и способах урегулирования конфликтов.

Возвращаясь к мысли, высказанной в начале данных тезисов, хочется еще раз подчеркнуть важность социологического исследования трудовых конфликтов, их причин, особенностей протекания, способов разрешения, а также последствий. Глубина и острота данной проблемы не вызывает

сомнений, тем более важно оценить ее влияние на состояние и динамику развития современного российского общества.

Источники и литература

1) Абакумова Н.Н. Проблемы социально-трудовых отношений и социальное партнерство // Идеи и Идеалы. 2018. Т. 2. № 2 (36). С. 28-40.
2) Анисимов Р. И. Прекаризированная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 9. С. 64-72.
3) Бриль Г.Г. Трудовые конфликты в годы первой пятилетки (1928-1933 гг.): предпосылки возникновения и способы их разрешения // Вестник КГУ. 2017. № 1. С. 251-254.
4) Герасимова Е.С. Коллективные трудовые споры, забастовки и протесты в России: влияние законодательства и правоприменительной практики на их распространенность и применение // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 55-65.
5) Чирикова А. Е., Шишкин С. В. Эффективный контракт и мотивация: способны ли реформы улучшить работу российских врачей? // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 5. С. 36-44.
6) Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 5. С. 14-25.
7) Малышев М.А. Социально-трудовые отношения на предприятиях торговли и общественного питания города Москвы // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Вып. № 62. С. 251-265.
8) Тощенко Ж. Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 9. С. 51-63.
9) Уханова Ю. В. Профсоюзные организации как субъект гражданского участия (опыт Вологодской области) // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 1. С. 54-64.

Лескова Ирина Валерьевна

ФГБОУ ВО РГСУ, Москва, Россия

О готовности применения гражданами новых электронных платежных средств на бытовом уровне

Вопрос понимания и использования россиянами современных способов платежей, объединенных общим термином электронные деньги остается достаточно актуальным. Сущность и понимание нашими гражданами электронных денег остается предметом острых полемик и дискуссий. Неоднозначное понимание их финансового статуса как инструмента платежа в современной экономике, которому присущи свойства обычных денег наблюдается не только на бытовом уровне. Многие ученые склонны относить электронные деньги к категории средств осуществления безналичных расчетов, другие настаивают, что это новая форма наличных денег. Закрепилась версия и о том, что электронные деньги не следует относить ни к одной из имеющихся форм, а рассматривать их как самостоятельный экономический подвиг.

Анализируя результаты социологических опросов о готовности на бытовом уровне пользоваться новыми платежными системами, можно сделать вывод, что наши сограждане относятся с недоверием к электронным деньгам, что продиктовано не столько отсутствием должных знаний, необходимых навыков и опыта, сколько может не соответствовать традиционно-сложившимся повседневным денежным практикам большинства россиян, предпочитающих проверенный и классический вариант - наличные расчеты.

Предпочтение привычным бумажным банкнотам в противовес электронной форме денег продиктовано и рядом житейских причин, например, наличные деньги по-прежнему занимают основное место в привычках и повседневных практиках россиян за исключением жителей больших городов и мегаполисов; банкоматов, особенно в глубинке, недостаточно, им свойственно часто ломаться; частные магазины (не сети), по разным причинам и предлогам, часто отказываются принимать карты; операции по оплате банковской картой иногда занимают много времени; доступ в Интернет может быть ограничен, плохого качества или вовсе отсутствовать; потребность в дистанционных покупках, особенно в малых городах и поселениях, - низка и не востребована.

Вместе с тем, динамика роста числа интернет-пользователей, платежных систем и интернет-банков говорит о том, что в ближайшей перспективе электронные деньги будут совершенно свободно ходить между оффлайном - реальной жизнью и интернетом. Банковские операции, ради осуществления которых сегодня многие наши сограждане идут в банк или на почту, в обозримой перспективе станут совершаться весо-

мым большинством населения удаленно, что позволит существенно сэкономить время, силы и средства не только на уровне домохозяйств, но и на государственном уровне в целом.

1. Преимущества электронных денег неоспоримы. Электронные деньги:

-перспективный платежный инструмент, потенциал которого не раскрыт до конца; конкурентный инструмент в связи с низкими комиссиями, высокой скоростью совершения транзакций, весомой степенью защиты денежных средств;

-способствуют процессу глобализации - экономика, освобождаясь от наличных денег, становится более прозрачной, государству проще контролировать финансовые потоки;

-размывают границы между континентами и государствами, позволяют производить оплату среди работников разных сфер деятельности;

-могут быть ареной социальной, экономической или символической борьбы; создавать преимущества или трудности, выступать маркером социального статуса и т.д.

2. Большинство наших граждан не пользуется или не готово пользоваться электронными деньгами по ряду причин, среди которых:

-потребители недостаточно информированы о функциональных особенностях и способах использования такого финансового инструмента, как электронные деньги;

-не имеют достаточного опыта и необходимых навыков в силу того, что использование электронных денег не соответствует традиционно-сложившимся повседневным денежным практикам большинства россиян;

-отсутствие потребности в электронных деньгах может быть продиктовано отклонением от уровня благосостояния некоторых социальных групп с низкими доходами.

3. Проблема доверия населения электронным формам денег как новым платежным средствам, а также связь электронных денег с экономическими практиками россиян должны стать предметом дальнейших социологических исследований.

Макаренко Екатерина Игоревна

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, РФ

Экономическая стратификация технической интеллигенции как источник конфликтов.

Определим современную техническую интеллигенцию как социальный слой специалистов с высшим техническим образованием, занятых в производстве, а также в сфере разработки интеллектуального продукта для развития науки и техники, обладающий значительными интеллектуальными и профессиональными ресурсами и потенциалом, которые она реализовывает в своей деятельности. Согласно данным Росстата в структуре занятости по видам экономической деятельности и уровню образования в профессиональной, научной и технической деятельности занято 73,5% людей с высшим образованием (среднее по различным показателям имеют: 24,5% занятых в этой сфере деятельности; людей без какого-либо уровня образования в этом сегменте нет) [1].

В научных социологических кругах проблема стратификации и современного неравенства в российском обществе становится все более обсуждаемой. Исследую процессы, характеризующие такой мощный социальный слой как современная интеллигенция проф.Силласте Г.Г. заключает, что она расслоена по имущественному признаку на ряд подстрат (групп): высшую интеллигенцию, массовую интеллигенцию и так называемую полуинтеллигенцию [2, с. 41]. Соглашаясь с таким подходом, стоит отметить, что техническая интеллигенция в настоящее время также подвержена этой классификации. К высшей интеллигенции можно отнести ряд известных ученых, специализирующихся в сфере технических наук, собственников и руководителей крупных промышленных предприятий, имеющих не только менеджерские навыки, но и хорошую техническую подготовку. Среди технической интеллигенции в количественном отношении их мало, но они обладают властным и административным ресурсом. Представителями массовой интеллигенции являются линейные инженеры, высококвалифицированные специалисты, работающие в промышленности, строительстве, на транспорте. Этот слой значителен в структуре технической интеллигенции и, как правило, наиболее подвержен безработице. Полуинтеллигенция - техники, высококвалифицированные рабочие. Здесь необходимо отметить, что этот слой будет увеличиваться в связи введением бакалавриата, выпускники которого пополнят низший слой технической интеллигенции. Необходимо отметить, что здесь много женщин, людей пенсионного и предпенсионного возрастов, совмещающих различную занятость и в т.ч. в промышленности. По уровню жизни преобладающая часть этой страты испытывает

значительные материальные сложности, подвержена распространению бедности.

Внутренняя стратификация технической интеллигенции создает почву для социальных конфликтов. Основой для стратификации является плюрализм форм собственности и закрепление такой ее формы как частная, которая была введена в нашей стране в последнем десятилетии XX в. и оказала мощное влияние и на экономику страны, политическое устройство, а также значительно изменила социальную структуру российского общества. Понимаем, что до этого времени советская интеллигенция была довольно однородный по своим социальным характеристикам. Об этом заявляет чл.-корр. РАН Ж.Т.Тощенко: «Практически в эти годы интеллигенция перестала представлять в своем большинстве гомогенную массу, как это было на предшествующих этапах развития страны [3, с. 20]

Частная собственность привела к конфликту интересов представителей различных страт технической интеллигенции, значительно усилила социальное неравенство, повлияла на повышение бедности, особенно в ее низшей страте. Конфликт интересов заключается в разном уровне и образе жизни технической интеллигенции, понимании перспектив развития страны и, конечно, своем личном благополучии, а также в поведении на рынке труда, занятости и профессий.

Изменение формы собственности, переструктуризация экономики привели к появлению огромных частных компаний, связанных с добычей природных ископаемых, ресурсов, изменили структуру экономики. Так, рейтинг крупнейших частных компаний России (по мнению экспертов Forbes) возглавляет нефтяная компания «Лукойл». Ее выручка за 2018 год составила 8,036 трлн рублей, а в штате компании числятся более 102 тыс. сотрудников [4]. Второе место также досталось нефтяникам - его занял «Сургутнефтегаз» с выручкой в 1,867 трлн рублей. На третьем месте среди частных компаний расположилась X5 Retail Group, управляющая торговыми сетями «Пятерочка», «Перекресток», «Карусель», «Перекресток Экспресс». На четвертом месте рейтинга расположился ретейлер «Магнит», а на пятом - нефтяная компания «Татнефть». Шестую строчку заняла компания «Новатэк», а на седьмой - металлургическая компания «Evraz». Замыкают десятку крупнейших российских частных компаний НЛМК, «Норильский никель» и группа компаний «Мегаполис». Анализируя данные о крупнейших частных компаниях России можно заключить, что они в большинстве своем связаны с добычей природных ресурсов, прежде всего, нефти и торговлей, а не высокотехнологичного производства. Интересы крупных собственников - получение сверх-

прибыли, большей своей частью не направленные на улучшение жизни населения, представителей других страт интеллигенции. Интересы массовой интеллигенции сопряжены с обеспечением стабильной занятости, получением достойного вознаграждения за свой труд, а полуинтеллигенция заинтересована в поддержании минимума для жизни как в биологическом смысле выживания, приспособления, так и в плане социальной адаптации (скорее вынужденной) к жестким условиям рынка труда, занятости и профессий.

В коротком заключении отметим, что внутренняя стратификация технической интеллигенции по имущественному признаку будет усиливаться. Конечно, в этом случае будет создаваться «благоприятная» почва для возрастания конфиктогенности в среде технической интеллигенции.

Источники и литература

1) Российский статистический ежегодник 2018. Режим доступа: https://www.gks.ru/storage/mediabank/year18.pdf
2) Силласте Г.Г. Формирование новой экономической интеллигенции в условиях рыночной экономики: монография/ Г.Г.Силласте; под общ.ред.Ю.В.Борисова. - М.: ИНФРА-М, 2017. – 206 с.
3) Тощенко Ж.Т. Эволюция смыслов жизни русской/российской интеллигенции (ретроспективный анализ)//Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее и будущее: сб.статей, РГГУ, 2019. С.14-24.
4) "Лукойл" сохранил лидерство в рейтинге крупнейших частных компаний России по версии Forbes – ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/6888555

***Малышев Максим Алексеевич*[1]*, Малышева Надежда Семеновна*[1]**

1 - МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет государственного управления, Москва, Россия

Социальные стандарты в программе социально-экономического развития России, в планах Правительства и в Генеральном соглашении

Актуальность серьезной корректировки законодательства в социальной сфере не вызывает сомнения [1]. Наличие значительного по объему

нерыночного сектора создает проблемы в темпах экономического развития страны, но, что не менее важно, отрицательно сказывается на условиях функционирования отраслей, оказывающих населению услуги социального характера. Однако актуальность не является основанием для игнорирования экономических условий проведения реформы. Другими словами, условия и сроки реформирования отраслей социальной сферы, предусматривающие постепенное замещение бюджетного финансирования средствами населения, должны быть жестко увязаны с уровнем и с динамикой денежных доходов основной массы населения. В процессе перехода к рыночной экономике бизнес оказался освобожден от забот о социальной сфере, а его ответственность за уровень оплаты труда (МРОТ) установлена на смехотворно низком уровне. В результате ни государство через бюджетную систему, ни наемный работник, получающий низкую заработную плату, не могут оплатить социальные услуги в необходимом объеме и качестве [2, с. 12]. Имеющаяся информация не позволяет получить объективные данные о реальном объеме социального пакета и о его соответствии воспроизводственным потребностям. В частности развитие платного высшего специального образования ограничивает доступ к нему членов семей наемных работников. При относительно высокой валовой обеспеченности услугами здравоохранения доступ к квалифицированной медицинской помощи наемных работников, членов их семей и пенсионеров предельно ограничен, а на значительной территории страны невозможен. При наличии теневой оплаты услуг социальной сферы ее достоверный объем и распределение фактически оплаченных услуг по доходным группам населения не известны. В связи с изложенным, формирование социального пакета целесообразно начинать с «белого листа». Необходимо определить потребность в его общем объеме для реализации воспроизводственной функции и по каждому направлению использования. Дифференциация заработной платы слабо учитывает индивидуальные характеристики, что негативно сказывается на выполнении ею своих основных функций [3, с. 79], что свидетельствует о масштабности накопившихся проблем в области оплаты труда, но не исключают реальной возможности их поэтапного сближения в обозримые сроки. Переход к новым условиям воспроизводства рабочей силы потребует пересмотра ранее сложившихся принципов формирования заработной платы. Первостепенное значение для установления достойного норматива оплаты труда, способного удовлетворить потребности работника и его семьи, имеет стоимость потребительской корзины (набора продуктов питания, одежды, обуви, предметов хозяйственного обустройства жилища, других материальных благ и платных услуг), определяющая и

уровень их жизни, и возможность воспроизводства «человеческого капитала». Нормы потребления товаров и услуг в зависимости от состояния экономики и целей использования могут быть дифференцированы по уровню потребления. В условиях современной России целесообразна дифференциация норм потребления по следующим уровням: прожиточный минимум - минимальный уровень потребления, обеспечивающий существование отдельно взятого человека; воспроизводственный минимум - уровень потребления, обеспечивающий воспроизводство человека, т.е. включающий нормы потребления для взрослого и его детей в соответствии с демографическими условиями воспроизводства населения; рациональный уровень - уровень потребления, рассчитанный, исходя из рациональных норм и качества продуктов питания, и обеспечивающий потребление непродовольственных товаров и услуг, по составу и качеству соответствующих потребностям среднего слоя населения. Потребительские корзины каждого уровня, кроме того, дифференцируются по половозрастному признаку, климатическим условиям на территории соответствующей административно-территориальной единицы. Нормы прожиточного минимума не включают в себя расходов на приобретение жилья по социальной норме; не принимают во внимание перевода организаций, оказывающих социально необходимые услуги, на коммерческие принципы работы, когда не определены подходы к учету в прожиточном минимуме затрат работающего на содержание и воспитание хотя бы одного ребенка.

Источники и литература

1) Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию. Церемония оглашения прошла в Москве, в Центральном выставочном зале «Манеж» [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 31.01.2020).

2) Курбатова И.А., Пермякова Н.П. Проблемы реализации функций заработной платы в российской экономике // Известия Уральского государственного экономического университета. 2015. № 5 (61). С. 6-13.

3) Соболев Э.Н. Оплата труда в российской экономике: тенденции и проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 79-96.

Мельников Михаил Васильевич

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Российская Федерация

Приватизация права на город и городские конфликты: от прошлого к настоящему

В известной средневековой пословице "Воздух города делает человека свободным" отражена идеология борьбы за создание коммунальных объединений горожан Западной Европы [1; 2; 3.274]. Особенность этой борьбы заключалась в том, что средневековые коммунальные свободы теснейшим образом переплетались с привилегиями и монополизмом средневековых цеховых корпораций и сосуществованием наряду с ними, например, во Флоренции XIV- XV веков, мощных феодальных кланов (консортерий). Члены этих кланов выбирали из своей среды должностных лиц, управлявших кланами по внутрисемейным кодексам частного права и опиравшихся на собственную автономную стражу. По словам историка Ф. Джонса, «во времена Барди и Перуцци юстиция считалась скорее частной прерогативой, нежели общественной» [4, с. 58]. Действия членов подобных групп в политическом, социальном и физическом пространстве города были направлены на защиту собственных частных интересов и все чаще становились препятствиями на пути развития общедоступных городских пространств. Применительно к городам, как средневековой Европы, так и ранее Римской империи, например, ее африканских провинций и Восточной Римской империи [6, с.397], «право на город», о котором писал А. Лефевр, осуществлялось как борьба с приватизацией публичного (общественного) пространства и публичной (общественной) сферы. Борьба, которую вели городские власти, были борьбой с незаконным присвоением частными лицами и группами физических пространств (улицы, площади) и политических пространств (публичных мест, властных институтов) города. Важнейшей стороной этой борьбы было наступление на социально-политические структуры аристократических групп, стремящихся не только сохранить, но и усилить свое влияние на город, превратить его в свой «частный» город. А. Лефевр в «Праве на город» (1963) развивает представление о средневековом западном городе как результате творения не всех горожан, а торговцев и банкиров, то есть места для получения ими прибыли и контроля над потреблением и политической культурой [7, с. 57]. Собственно «право на город» Лефевр связывал с борьбой с сегрегацией и геттоизацией городского социального пространства, которую должны вести рабочий класс, просвещенная молодежь и офисный пролетариат. Д. Харви в развитии идей Лефевра писал уже в своей работе «Право на город» (2008)

об этом праве как об общественном праве свободы доступа к городским ресурсам [8, с. 411]. В настоящее время этому праву угрожают приватизированное богатыми и преступными меньшинствами перераспределение общественных благ и ресурсов и приватизация публичных мест и пространств. Реакцией на эту узурпацию стало появление новых городских движений вроде Occupy Wall Street («Захвати Уолл-стрит») в 2011 году и его влияние на появление аналогичных движений, выступлений и акций во многих странах мира. Известным слоганом движения стали слова «Нас 99%» (We Are the 99 Percent). В терминологии А. Лефевра действия «оккупантов» можно рассматривать как создание новых публичных контрпространств, открытых для общего доступа, дискуссии, включения в действие и, вместе с тем, обитания. Одним из «оккупировнных» мест стал Зукотти -парк в Нью-Йорке, яркий символ приватизации публичного места. Применительно к таким движениям и акциям Дж. К. Рассел и А. Гупта использовали значение слова «захват» (occupation) как попытку борьбы с ранее осуществленной богатым меньшинством приватизацией публичных мест в интересах собственного обогащения [9, с. 29]. В соответствие такому взгляду действия активистов «Захвати Уолл-стрит» можно рассматривать как борьбу, начатую меньшинством, объявившем о том, что оно выражает интересы абсолютного большинства (99%), против приватизации публичных мест, пространства и ресурсов, осуществленной как их узурпация представителями абсолютного меньшинства (1%). Однако движение не получило реальной поддержки со стороны тех самых «99%», что и стало причиной его подавления и поражения. Отношение местных жителей к московским последователям движения, создавшим лагерь у памятника А. Кунанбаеву («ОккупайАбай»), показало, что жители рассматривают «оккупантов» как захватчиков-приватизаторов публичного места, использующих его в своих частных или корпоративных, а не общих интересах. Действия «оккупантов», идеологически «проясняемые» как пример борьбы за «право на город», в действительности привели к фактической приватизации в форме захвата публичных мест и пространств, что также можно рассматривать как приватизацию права на город, то есть контроль над некоторыми его публичными местами и пространствами, осуществляемую другим меньшинством, но тоже меньшинством. Внешне эта приватизация имеет признаки обобществления публичного пространства, но это обобществление является декоративным и условным. Еще одним проявлением приватизации права на город можно рассматривать борьбу между городскими властями, оппозиционными группами и противостоящими им частными группами, которые можно условно назвать «охранителями», за пра-

во осуществлять контроль над символическими публичными местами и пространствами. Оппозиция стремится попасть в эти места, например, на Манежную площадь в Москве, для проведения публичных протестных действий, направленных, по уверению лидеров оппозиции, на благо большинства населения. В действующих против нее в тех же местах активистах-охранителях можно обнаружить признаки нарушения монополии государственных силовых структур на применение силы против гражданских лиц. Фактически, мы встречаемся с приватизацией насилия и борьбы с ним, осуществляемой как публичные действия частных лиц. Общее значение подобных явлений состоит в том, что в условиях приватизированного государства и в значительной степени гражданского общества, и не только в России, все гражданские акции и протесты также являются приватизированными. В них участвует абсолютное меньшинство населения, рассматривающего свое участие в таких действиях как реализацию своего «права на город», страну и государство.

Источники и литература

1) Сванидзе А.А. Средневековый коммунализм как общественный феномен и историческая проблема // Средние века. Выпуск 56. М.: Наука, 1993. 320 с. С.5-32.

2) Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Том III. Организация промышленности и рабочий вопрос в Средние века. М.: Типолитография В. Рихтер, 1903. 434 с.

3) . Луццато Дж. Экономическая история Италии. Античность и Средние века. М.: Издательство иностранной литературы, 1954. 456 с.

4) Краснова И.А. Обычай вендетты и коммунальная политика в записках купцов Флоренции XIV – XV вв. // Право в средневековом мире. Выпуск 2-3. Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2001. 346 с. С.58-68.

5) Эрс Ж. Город в Западной Европе в Средние века. Ландшафты, власть и конфликты. М.: Евразия, 2019. 496 с.

6) История частной жизни: под общ. ред. Ф.Арьеса и Ж. Дюби. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия; под ред. П. Вейна / Поль Вейн, Питер Браун, Ивон Тебер, Мишель Руш, Эвелин Патлажан. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 800 с.

7) Вершинина И.А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 24 (2). С. 48 – 60.

8) Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2019 . 440 с.

9) Бойд Э. Митчелл Д.О. Beautiful Trouble: Пособие по креативному активизму. М.: Радикальная теория и Практика, 2015. 256 с.

Меньшиков Марк Сергеевич

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Потребности и интересы как почва социальных конфликтов

Однозначно у каждого человека, проживающего на нашей планете, есть свои взгляды, предпочтения, вкусы, интересы и потребности. Однако, эти вещи не будут носить никакого смысла, если не придавать им особого значения. Так, наши потребности и интересы будут представлять собой совокупность отношений, которая будет направлена на достижение конкретных вещей, ими могут быть как еда, вода, деньги, так и духовные ценности. Здесь достижение подразумевает собою владение, распоряжение и использование данных объектов в своих целях. Впрочем, такого рода интересы порой затрагивают одновременно двух и более субъектов. Соответственно, эти люди волей-неволей вступают в социально-экономические отношения, которые чаще всего заканчиваются конфликтом.

Углубившись в изучение такого вопроса, первое, что приходит в голову это знаменитый миф Древней Греции о яблоке раздора. Когда богиня раздора Эрида хотела посеять вражду среди богов. Так, «она взяла золотое яблоко из далеких садов гесперид; одно лишь слово написано было на этом яблоке - «Прекраснейшей» [1]. Как мы прекрасно помним из этой легенды, между Герой, Афиной и Афродитой возник спор, так как каждая хотела называться «Прекраснейшей». Безусловно, нельзя в полной степени считать это объектом экономических отношений, однако каждая из сторон, в данном случае богини, проявляет интерес заполучить желаемое и идет в открытый конфликт.

Сам по себе конфликт никогда не возникнет, если любой из его участников не будет испытывать дискомфорта со стороны другого участника [2]. Это выражается, прежде всего тем, что один оппонент может быть

сильнее или умнее второго, также это может зависеть от ограниченности ресурсов или от нехватки других источников, чтобы удовлетворить свою потребность. К сожалению, нет каких-то конкретных путей разрешения конфликта, возникшего по причине, связанной с потребностями конфликтующих сторон. Суть проблемы в том, что ни один из субъектов конфликта не хочет остаться обделенным, а просьба прийти к компромиссу далеко не всегда эффективна в такой ситуации.

Стоит привести ряд таких видов социальных конфликтов, которые возникают на почве неудовлетворенности потребностей и интересов: конфликты, возникающие на основе и значимости своего «Я» (эго); конфликты на базе неудовлетворенных сексуальных потребностей; конфликты из-за отсутствия симпатии и эмоций; конфликты на почве плохих привычек; конфликты из-за отсутствия комфортности и благоустройства в доме; конфликты на почве потребности во взаимопомощи и взаимоподдержке [3]. На самом деле их куда больше, мы привели лишь основные.

Определенно точно необходимо обратить внимание на то, что же в конечном итоге преследует каждый из субъектов конфликта интересов. И здесь уже будет отмечена разновидность в поступках участников социального конфликта [4]. Неважно кто из них получит желаемое, главное заключается в том, как эти индивиды будут использовать данный объект в дальнейшем. Из вышесказанного можно констатировать следующее: нужно понять каких ценностей придерживается человек, чтобы удовлетворить свои потребности. Немаловажно поднять и такой вопрос: А, собственно, как человек сам воспринимает свои интересы и желания? Или они всего лишь его ошибочное увлечение?

Таким образом, говоря об удовлетворенности потребностей, интересов и о достижении что-либо заполучить, необходимо для каждого человека четко поставить перед собой три вопроса. А нужно ли мне это сейчас? Стоит ли объект интересов тех усилий и того времени, потраченных на то, чтобы обладать им? Как мои амбиции и желания повлияют на жизнь окружающих?

Источники и литература

1) Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1954. С. 247-248.

2) Субботина С.Н., Николаева А.А., Савченко И.А. Конфликтное поведение учащихся с экстра- и интропунитивным реагированием // Педагогика и просвещение. 2018. № 4. С. 122-130.

3) Инфопедия: https://infopedia.su/14x51ff.html

4) Конфликт потребностей. Конфликт интересов. Конфликт ценностей.: https://works.doklad.ru/view/9dIvEOhjIFQ/2.html

Михайлова Татьяна Петровна

РОАТ, Москва, Россия

П.А.Сорокин о некоторых актуальных традиционных и новых конфликтах, связанных с современной дифференциацией общества

Обращение к творчеству П.Сорокина актуально и продуктивно не только в теоретическом плане, прикладном, но и с точки зрения, осмысления и предупреждения конфликтных ситуаций в современной России.

В отечественной социологии конфликты рассматриваются как социальное явление, содержанием которого является процесс развития и разрешения противоречивости отношений и действий людей, детерминируемый, прежде всего объективными закономерностями социально-экономического и конкретно-исторического развития общества.

П.Сорокин писал: “Любое плоское экономическое общество (то есть отсутствие перепада уровней в системе социальной стратификации - ВГ), но сопровождающееся нищетой и голодом, либо относительно преуспевающее общество с неизбежным социально экономическим неравенством”. [1,с. 331]

Прав П.Сорокин, когда отмечал: «Какая польза от торжественных деклараций равенства всех людей или даже равных прав всех граждан на «жизнь, свободу и поиски счастья», когда в реальной жизни гигантски возросло огромное неравенство между мультимиллионерами и голодными массами, властными магнатами и зависимым «человеческим прахом, над которым господствуют все миры малых и больших боссов, начиная со старшины присяжных или мелкого политика и кончая политическими, экономическими «заправилами» и рэкетирами? Какова цена свободы прессы и других средств коммуникаций, когда газеты, радио, телевидение монопольно контролируются небольшой группой «властной элиты?» Ценность свободы выбора занятий и поисков счастья тоже невелика, когда миллионы безработных не могут найти работу и когда миллионы несчастливы»[3, с.72]

Антагонизм и борьба классов, наполняющая “своим шумом и грохотом последние века, в основном, на его взгляд, носит характер стихийного движения. “На историческом поле битвы редко борются только класс с классом... Борьба идет одновременно между слоями одной группировки друг с другом и между слоями различных группировок”, ибо класс не монолитен, а стратифицирован. [1, с. 304] Стратификация, по мнению Сорокина, существует, как в не демократическом обществе, так и в обществе с “процветающей демократией”. В любой организованной группе (семье, армии, партии, государстве, предприятии и т.д.) возможны конфликты и конфликтные ситуации.

П.Сорокин, выявляя проблемы классовых групп, очень точно и вместе с тем образно описывает симптомы и сам процесс социальной революции. “Непосредственной предпосылкой всякой революции, - считает он, - всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения [2,с. 272] (голод, личная незащищенность, бесправие, национальное и религиозное подавление и т.д.) Причем и сила “подавления” наиболее значительных инстинктов, и их совокупное число влияют на характер продуцируемого взрыва” [2, с.233] Таким образом, для возникновения традиционных конфликтов необходимо:1) растущее подавление базовых инстинктов; 2) их всеобщий характер; 3) бессилие групп порядка [2, с. 274].

В современных условиях ситуация изменяется, два города прекрасно удовлетворяют не только свои базовые потребности, но и значительно большие. А вот в регионах ситуация значительно хуже, недаром в последнем выступлении в Москве большинство участников было из регионов. Пока эти конфликтные ситуации не носит массовый характер, да и «группы порядка» очень сильны. Однако органам управления стоит обратить особое внимание на уровень жизни в других городах и селах в нашей стране, например на низкую заработную плату, где люди с трудом удовлетворяют свои минимальные потребности. Кроме этого еще и появляются новые коммунальные конфликты между гражданами и этой службой. В результате борьбы половина заработной платы или пенсии остается у граждан после оплаты таких услуг. Также как конфликты из-за закредитованности населения, которые остро влияют на их материальное положение.

Казалось бы, П.Сорокин убежден в закономерности социальных конфликтов, поскольку они приводят к смене системы социальной дифференциации, и именно это и составляет их сущность; он убедительно показал, что социальные конфликты непосредственно провоцируются самой

системой (подавление базовых инстинктов), и чем сильнее это подавление, тем сильнее оказывается разрушительный взрыв. По Сорокину это худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс...

Но где же выход из конфликтов и революций? П.Сорокин был глубоко убежден в том, что все возникающие в обществе проблемы следует решать на основе разумного управления, сознательного разрешения острых противоречий и предоставления каждому человеку возможностей для творческого самовыражения. П.Сорокин указывает на - реформы, вот способ решения конфликтов. [2, с.271] Но, возможно и недовольство реформами, например, проведенной в нашей стране пенсионной реформой, которая, вызвала большую бурю негодований и социальных выступлений, в результате этого усилилось недоверие к правящим властям страны.

Принудительная сила права, безусловно, выступила в качестве "организатора" прямого государственного воздействия, не считаясь с мнением народа. Более того в результате различных социальных конфликтов, только в 2019 году страна потеряла более 260000 человек и это без войны, народ просто тихо уходит. Смертность значительно превышает рождаемость. Неудивительно, что в современных капиталистических условиях снова возрос интерес молодежи к сочинениям К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина, П.А.Сорокина и др.

Необходимо чтобы в обществе хорошо работал механизм социального контроля, формы, которого многообразны. Социальный контроль - это использование различных средств поощрения деятельности людей, отвечающей нормативным представлениям общества и данной социальной группы, а также применении т.н. социальных санкций в случае отклонения от этих норм.

У Сорокина мы находим, по сути дела, три варианта (или, если угодно, сценария) будущего развития России. Первый: власть "еще несколько лет просуществует, но при условии дальнейшей эволюции в сторону капитализма и правового строя. Иначе - она будет сброшена насильственно", - и второй: "Если эта революция будет - в конце ее власть ожидает тоже падение, но более мягкое". Оба эти сценария предусматривали крах большевизма. Что касается третьего варианта - описанной выше ситуации "белого бычка", когда "капитализм" и "коммунизм" попеременно сменяют друг друга, - то его сам Сорокин считал, по-видимому, лишь теоретической моделью, неосуществимой на практике.

Государство берет на себя некоторые функции социальной защиты гражданина, выражающейся в системе мер, призванных обеспечивать достойный уровень жизни каждого человека. [2, с.233]

Главное, чтобы эти меры социальной политики государства были бы реальными и неизменными, тогда можно избежать острых социальных конфликтов, как в обществе в целом, так и отдельной социальной группе.

Источники и литература

1) Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2.Прага 1924.
2) Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество М. 1992.
3) Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени М.1997.

Мищук Светлана Николаевна

ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан, Россия

Трудовая миграция и социальные конфликты (пример южных регионов Дальнего Востока России)

Многие авторы подчеркивают роль экономического фактора в формировании конфликтогенности трудовой миграции [1, 3]. При этом первичная проблема заключается в определении «профиля» поля этнополитических отношений и реалистичности возникающих в этом поле напряжений и конфликтов [7]. Цель исследования - проанализировать возможные изменения в типах социального взаимодействия местного сообщества и иммигрантов в Еврейской автономной области (ЕАО).

В ЕАО доля китайских трудовых мигрантов всегда приближалась к 100%, что не было характерно для других регионов. В области китайские мигранты осуществляют трудовую деятельность в сельском и лесном хозяйстве, строительстве, в торговле и сфере услуг (ремонт автомобилей, рестораны). Учитывая максимальную занятость китайских мигрантов в сельском хозяйстве на территории ЕАО, более ярко отношения с местным населением проявляются в этой сфере. Результаты опроса населения ЕАО в 2015 г. показали, что отношение принимающего сообщества к мигрантам формируется как ответ на их нежелательное поведение в принимающей среде (с нарушением законодательства, традиционных устоев

в обществе и др.); социально-политические события в стране, связанные с мигрантами; закрытость многих диаспор от местного населения [2].

На наш взгляд, в ЕАО возможная напряженность в отношениях между мигрантами и принимающим сообществом во многом обусловлена экономическим и криминальным факторами. Экономический фактор - более распространенная и явная причина возможных вариантов отношений. На региональном уровне более 20 лет складывается два типа социального взаимодействия: кооперация и конкуренция.

По результатам опроса экспертов о состоянии и перспективах привлечения трудовых мигрантов в ЕАО в 2010 г. было показано, что трудовые мигранты являлись привычным явлением для экономики области. Существующие контакты базировались на деловых интересах, не выходя на уровень межкультурного взаимодействия. В это время уже формировались и конкурентные отношения. В исследовании 2014 г. было показано, что местные фермеры не выдерживали конкуренцию с китайскими импортными сельскохозяйственными товарами [5].

Стабилизация и улучшение экономической ситуации в ЕАО в середине 2010-х гг. обозначила обострение отношений между местными фермерами и китайскими сельхозпроизводителями, а именно: возникают конкурентные отношения в вопросах аренды земельных ресурсов. Одним из ограничивающих факторов для российских фермеров была более выгодная кредитная политика китайского правительства для фермеров, осуществляющих деятельность в России.

Усиление негативного фона в отношении китайских иммигрантов во многом обусловлено экологическим фактором, который касается нарушений землепользования. Практики нарушения правил землепользования являются одним из главных факторов повышения уровня конфликтогенности со стороны местного сообщества. Подобные события распространены во многих регионах России. Одним из распространенных аргументов против сдачи китайцам в аренду российских земель сельскохозяйственного назначения служит ухудшение качества почв после их использования китайскими работниками [4]. Кроме распространенных случаев нарушения правил землепользования, отдельные конфликты в ЕАО четко локализуются в пространстве и являются единичными [6].

Таким образом, несмотря на значительную роль китайской миграции в ЕАО, отношения мигрантов и местного населения в целом не носят конфликтогенный характер. На региональном уровне формировались партнерские отношения представителей китайского бизнеса с местными бизнесменами и органами власти. Позже в конце 2010-х гг. кооперация происходит на локальном и индивидуальном уровне. Кроме того, отдельные

сельскохозяйственные предприятия с китайским капиталом нанимают на работу местных жителей (например, для сбора овощей или картофеля). В большинстве случаев, местные жители выбирают фермера-работодателя не по национальности, а по условиям работы (размер оплаты и условия работы).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-32-01100-ОГН.

Источники и литература

1) Крестьянова Л.С. Межэтнические отношения и миграционные процессы на региональном уровне: проблемы и основные тенденции развития // Экономика региона. 2016. Т.12. №3. С. 815-825.

2) Кутовая С.В. Факторы формирования отношения принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам в Еврейской автономной области Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 125-130.

3) Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восприятие мигрантов из Восточной Азии жителями Тихоокеанской России (по итогам социологических опросов 2017 и 2019 гг.) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24. С. 7-22.

4) Мищук С.Н. Китайский фактор в развитии сельского хозяйства и сельской местности Еврейской автономной области // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 4. С. 20-30.

5) Мищук С.Н. Мигранты и принимающее сообщество: региональный аспект (на примере Дальнего Востока России). – Биробиджан: Изд-во ИКАРП ДВО РАН, 2014. – 218 с.

6) Соловченков С.А., Калинина И.В. Село приграничного региона: проблемы и социальные настроения // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 123-128.

7) Устинкин С.В., Морозова Н.М., Куконков П.И. Миграционные потоки и баланс социальных отношений в принимающем обществе // Россия реформирующаяся. 2018. №16. С. 455-471.

Немцева Анжелика Александровна

РАНХиГС, Уральский институт управления, Екатеринбург, Россия

Региональные экономические интересы промышленных организаций: проблемы и противоречия

Региональное промышленное производство определяется направленностью и содержанием промышленной политики. Содержание промышленной политики на современном этапе заключается в обосновании и выборе приоритетных сфер и видов деятельности, которые обеспечат самодостаточность российской экономики на основе оказания им эффективной поддержки [4,с. 17-24].

На сегодняшний день Свердловская область является одним из важнейших промышленных регионов России. Именно в промышленном секторе региона формируется основной объём валового регионального продукта - 32 %.

Промышленность Свердловской области представляет собой крупный многоотраслевой комплекс, в структуре которого отмечается высокий удельный вес базовых отраслей - черной и цветной металлургии, машиностроения, что оказывает определяющее воздействие на социально-экономическое состояние региона.

В свою очередь, промышленный бизнес должен постоянно использовать как федеральные, так и региональные ресурсы, в целях своего развития. В связи с этим он должен осуществлять и согласовывать свою деятельность с региональными и федеральными властными структурами.

Многие исследователи в своих работах делают акцент на партнерскую модель социально-трудовых отношений, в которой главным является поиск и согласование взаимоприемлемых форм взаимодействия бизнеса и власти.

При этом как бизнес, так и власть могут использовать формальные и неформальные инструменты контроля и влияния друг на друга. По своему характеру используемые модельные инструменты взаимодействия власти и бизнеса сводятся, по сути дела, к переговорным процедурам, которые опираются на соглашения о принципах взаимодействия. [3, с.216]

Целью этих соглашений является установление таких партнерских отношений бизнеса и власти, которые обеспечивают баланс их интересов и повышают социальную ответственность крупного бизнеса.

Предприятие, как социально-производственная система находится в постоянном движении, развитии. Это означает, что оно является целеореинтированной структурой, направленной на достижение ряда целей.

Деятельность предприятия как механизма или организации с его целями, структурными единицами и субъектами хозяйствования, а также связями с заинтересованными в нем лицами, общественными группами или институтами регулируется множеством правовых норм (законы, за-

конодательные нормы и договоры). С точки зрения внешних и внутренних связей предприятия его можно охарактеризовать и как центр договоров, причем целенаправленные связи предприятия в широком смысле могут базироваться не только на письменных договорах, но и на устных соглашениях.[1, с. 400].

Многие российские руководители считают отсутствие оборотных средств одной из основных причин всех своих проблем и пытаются лечить ее путем поиска инвестиций или новых заказов. Но на всех этих предприятиях, без исключения, идет значительное дублирование различных операций и функций, а также постоянное пересечение деятельности различных подразделений. По некоторым направлениям деятельности вовсе не учитываются расходы, например, в России ни кто не подсчитывает эффективность работы отдела качества или отдела маркетинга. При таком разбрасывании ресурсов, при издержках, которые позволяют себе российские предприятия, никакие оборотные средства не помогут.

Из всех проблем на промышленных предприятиях можно выделить следующие:

· ухудшение качества комплектующих и материалов, поступающих от поставщиков

· слабая подготовка руководителей различных уровней в вопросах менеджмента, недостаток менеджеров

· отсутствие должного управленческого учета

· деятельность аппарата управления непрозрачна

· автоматизация привела к лишним неоправданным расходам

· недостаток оборотных средств

· постоянный пересмотр организационной структуры не приводит к положительным результатам

· уменьшение числа потребителей некоторых видов продукции

· нечетко определена ответственность руководителей

· неравномерное распределение ресурсов среди подразделений и направлений деятельности

· оборудование изношено и морально устарело

· длительный цикл разработки новой продукции

· низкие цены на продукцию российских предприятий

· выпуск морально устаревшей продукции

· руководство предприятия не является дружной командой

· недостаток у работников информации о деятельности их предприятия

· частая смена посредников-поставщиков

· неплатежи

Российским предприятиям сегодня предстоит решить несколько более сложную задачу: одновременно улучшить систему управления по всем направлениям, в первую очередь, изменяя принципы управления.

Источники и литература

1) Виханский О.С. Наумов А.И. Менеджмент: Учеб. - М.: Экономистъ, 2017г.
2) Кеворков В.В., Кеворков Д. В. Повышение конкурентоспособности компании: формирование рыночной стратегии, и ее практическое осуществление. - ЗАО «Библиотечка РГ», 2016г.
3) Шестаков Л.А. Проблемы российских предприятий, подходы к их решению, причины проблем Quality.- М.: 2018г.

Нормова Юлия Валерьевна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Новая промышленная политика как драйвер регионального развития

Наиважнейшая задача любых национальных экономик состоит, прежде всего, в развитии и повышении конкурентоспособности промышленного производства, что в свою очередь является залогом обеспечения макроэкономической стабильности, экономического роста и экономической безопасности страны в современных условиях. Именно степень конкурентоспособности национальных отраслей и предприятий промышленности и будет определять позиции стран в мировом хозяйстве. В настоящее время первостепенная роль и значимость для национальных экономик и мирового хозяйства в целом сегодня и на перспективу очевидна. Ведь лидерами мировой экономики были и остаются промышленно развитые страны, в которых высокоразвитая глубоко специализированная промышленность является локомотивом их экономического развития и обеспечивает им ведущие позиции на соответствующих мировых товарных рынках.

Необходимость новой промышленной политики "обуславливается наличием проблем в текущей промышленной политике. К таким проблемам относится низкая инвестиционная деятельность, несовременные основные фонды, низкая конкурентоспособность продукции на мировом

рынке, неправильная политика импорта и экспорта, низкая доля спроса на отечественные товары, что вызвано недостаточной долей такого производства. Промышленность плохо структурирована, направлена на добычу и производство полуфабрикатов, которые потом экспортируются за пределы страны. Так же к проблемам можно отнести неэффективность финансовой, научно-технической и кадровой работы в рамках промышленной политики, неправильное государственное регулирование, низкая рефлексия государства на изменения, диспропорциональная система бизнеса и другие.[1, с. 137]. Проблем в текущей промышленной политике много. Все они требуют решения. Создать идеальную промышленную политику невозможно, а точнее невозможно ее применить. Эта теория равносильна теории существования правового государства. В условиях постоянно меняющихся условий в экономике и государстве в целом, сложно создать идеальную систему развития. Однако можно предложить некоторые методы решения отдельных проблем, решение которых отразилось бы на эффективности промышленной политики в целом.

Методы можно разделить на несколько групп. В экономические методы входит финансовые, такие как лизинг, кредитование, инвестирование. Это толчок предприятий к развитию своего производства, а также налаживание взаимосвязей между промышленностью и финансовым сектором. Налоговые методы включают в себя введение специальных налоговых режимов, которые стимулировали бы те или иные предприятия для производства, необходимого для экономики в целом. Таможенные методы - это работа с экспортом и импортом. Для налаживания промышленности необходимо снизить долю импорта и экспорта, для чего наладить внутреннее производство. В таком случае ни санкции, ни потеря международных рынков сбыта не отразится на нашей экономике так глобально, как несколько лет назад, когда из-за санкций экономика переживала кризис. Банковские методы, в основную задачу которых входит регулирование движения капиталов между секторами экономики, помогут сделать структуру промышленности и промышленной политики более четкой и рациональной [2, с. 6]. В отдельную группу методов можно отнести институциональные методы. Это создание новых инвестиционных инструментов, таких как фонды, облигационные займы, ценные бумаги и так далее, это корректировка механизмов банкротства, работы с организациями на грани банкротства, а также разработка политики работы с государственным имуществом в промышленности. В законодательные методы можно отнести всю работу по разработке и упорядочиванию нормативно-правовой базы. Ряд нормативных актов необходимо

пересмотреть на предмет актуальности, внести поправки, или же принять новые законы. Такая работа должна проводиться постоянно. Но на практике законодательство либо устаревает и становится неактуальным, либо просто теряет свою силу, но новых законов и программ не появляется. Это вызывает много проблем в том числе и у государства. Вот почему эти методы так важны. Административные и социально-политические методы направлены на налаживание диалога между государством и промышленностью. Государство знает, что делать, предприятия как это делать, главная проблема - отсутствие взаимного сотрудничества. [3, с. 57]. Важно реформировать промышленную политику в разрезе регионального устройства. Бессмысленно просто выровнять экономику всех регионов. Таким образом, общая система тянет отсталые регионы и душит преуспевающие. Тогда в чем смысл выравнивания? Скорее было бы выгоднее распределение промышленных мощностей между регионами в соответствии с их особенностями.

Источники и литература

1) Овчинникова А.В. Проблемы и перспективы развития промышленности России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. –2015. – с. 188-125.
2) Кутаева Р.А. Направления развития промышленности региона // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – с. 1-7.
3) Еремеев А.А. Концепция инновационного развития промышленности // Экономический журнал. – 2016. - с. 55-62.

Осеев Александр Александрович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет, Москва, Россия

Парадигмы конфликтологии как онтологические элементы метатеоретического анализа социальной природы и причин социальных конфликтов

Актуальность комплексного анализа социальной природы и причин социальных конфликтов обусловлена несколькими обстоятельствами. Повышение качества жизни российских граждан в значительной степени зависит от умения субъектов общества изучать и объяснять причины социальные конфликтов, выявлять экономические потребности и интересы

в функционировании социальных систем и урегулировать конфликтные ситуации. 1. Следует заметить, что при объяснении (диагностики) причин конфликтов, многие исследователи используют весьма односторонний подход, опираясь лишь на одну - две методологические парадигмы конфликтологии. Наглядным примером может служить ситуация, когда факты агрессивного поведения, «немотивированные драки и нападения» объясняются «результатом сезонных депрессий», т.е. исследователи опираются на положения лишь одной - социально-биологической парадигмы (Ч. Дарвин , З.Фрейд и др.). На это утверждение можно бы и не обращать особого внимание, если бы обсуждение 20 сентября 2015 г. велось в узком кругу ученых и специалистов без широкого вынесения вопроса на всю страну в одной из передач на ТВ. Данный подход весьма ограниченно раскрывает сложную природу социальных конфликтов, а потому в методологическом и прикладном плане уводит от сущности реальных причин конфликтного, деструктивного поведения конфликтующих сторон. Это тем более важно, что появились новые социологические методики исследования аффективного поведения личности. 2. Для углубленного и всестороннего анализа сложной природы социальных конфликтов важно использовать и другие парадигмы конфликтологии. Которые в их согласованности и единстве следует рассматривать как онтологические элементы метатеоритического анализа сложной природы социальных конфликтов При этом особое значение в исследовании социальных конфликтов должно отводится классовой парадигме (К.Маркс , Ф.Энгельс , В.И Ленин и др.), согласно которой основой и источником конфликта является разделение людей на различные классы в соответствии с их положением в экономической системе. Именно классовая парадигма наиболее полно и точно объясняет основные причины социального неравенства в обществе, которое в значительной степени служит социальной основой, социальными корнями возникающего в обществе недовольства и социальной напряженности, перерастающей зачастую в отрытые формы протестного поведения. 3. Теория социальной напряженности. (Л. Козер, К. Райт, А.Харитонов, В.О.Руковишников и др.) или социально-психологическая парадигма, в отличие от социально-биологической парадигмы, которая видит источник социального конфликта в биологической природе человека, классовой, которая считает источником конфликта разделение людей на различные классы в соответствии с их положением в экономической системе, структурно-функциональной, где источником социального конфликта является искажение, дисфункциональный процесс в социальных система, нарушение гомеостаза социальных систем (Т. Парсонс) и других парадигм, показывает, что причиной социального и

социально-трудового конфликта является, с одной стороны, реальные социально-экономические проблемы, вызывающие неудовлетворенность человека условиями жизни, своим социальным, экономическим и политическим положением. И, с другой, определенное психологическое состояние человека - депривация - состояние неудовлетворенности потребностей. Длительная депривация как раз и может вылиться в агрессивное поведение субъекта. Таким образом, рассматривая социальные конфликты сквозь призму классовой и социально-психологической парадигмы, мы можем лучше понять факторы агрессивного поведения различных конфликтующих, противоборствующих субъектов общества, включая социально-трудовые конфликты. 4.Диалектико-созидательная парадигма (М.Вебер, Г.Зиммель, Р.Дарендорф, Л. Козер и др.). Ее представители, соглашаясь с К. Марксом, что причинами социальных конфликтов являются классовые различия, придерживались позиции, что, хотя конфликт неизбежен и совсем не обязательно разрушителен. В отличие от К. Маркса они отстаивали позитивное значение социальных конфликтов, поскольку конфликт выполняют инновационную функцию - выработку новых, в том числе организационных форм и правил взаимодействия конфликтующих субъектов, функцию стабильности отношений («служит установлению и поддержанию самотождественности и границ обществ и групп», «способствует упорядочению и поддержанию идентичности групп» и пр.). 5.Новая парадигма (О. Бабурогло, М. Гард) объясняет возникновение конфликтов возрастающим числом перемен, процессом непрерывно трансформирующегося общества Все указанные парадигмы, а диалектико-созидательная и новая парадигмы в особенности, ориентирует на предупреждение социальных конфликтов, на исследование разных стратегий управления конфликтом и варианты исходов: состязательная, уклоняющаяся, приспосабливающаяся, компромиссная или сотрудничающая.

Таким образом, можно сделать вывод, что лишь комплексный анализ социальной природы социальных конфликтов может раскрыть истинные их причины, а в исследовании их сложной природы в условиях современных трансформаций должны быть использованы разные парадигмы конфликтологии - онтологические элементы метатеоретического анализа.

Перекатова Арина Александровна

Северо-Западный институт управления -филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Социально-ориентированное разграничение городского пространства мегаполиса в доступности жителей к благосостоянию

Городской трудовой потенциал является основной формой воспроизводства социального капитала мегаполиса, высоко затратным, тяжело восполняемым, но и исключительно прибыльным ресурсом. Уровень данного показателя влияет на социально-экономическую активность граждан в городском пространстве.

Современный мегаполис характеризуется социальной неоднородностью его жителей, что обусловлено целым рядом факторов, в первую очередь - материальной обеспеченностью населения [3, с.203]. Дисбаланс в материальном положении населения проявляется в таком социальном явлении, как сегрегация, когда люди, близкие в социальном пространстве, становятся близкими и в географическом пространстве, в то время как население, удаленное от «элиты», в меньшей мере имеет доступ к тем благам, которое имеет зажиточная часть населения, в силу географической и социальной изоляции [1, с.69].

Сегрегацию населения можно наблюдать в одном из самых социально-экономически развитых городов России, Санкт-Петербурге, где к 2018 году сложилось неравенство в структуре распределения численности экономически активного и трудоспособного населения по районам.

По данным Петростата, в Калининском (311,2 тыс. чел.), Выборгском (298,7 тыс. чел.) и Приморском (325,4 тыс. чел.) районах сконцентрировалось наибольшее количество трудоспособного населения, поскольку в этих районах зафиксирована максимальная численность проживающих. Напротив же, центральные районы, такие как Адмиралтейский (101,3 тыс. чел.), Петроградский (83,8 тыс. чел.) или Василеостровский (121,6 тыс. чел.) отличаются низкими показателями экономически активного населения [2, с.11]. Это значит, что районы с преобладанием трудового населения являются более экономически активными.

Показатели нетрудоспособного городского населения в среднем по каждому району составляют 40%. Так как Калининский, Выборгский и Приморские районы являются густонаселёнными, то численность экономически неактивного населения здесь преобладает по сравнению с другими. Анализируя нетрудоспособное население, наблюдается дисбаланс между старшим и младшим поколениями в соотношении 36% к 64% соот-

ветственно [2, с.11]. Исходя из данных, можно рассчитать коэффициент потенциального замещения, который указывает, как в ближайшие десятилетия будет замещено современное трудоспособное население. Кроме того, данный коэффициент напрямую связан с рождаемостью в указанном районе. От этого зависит стабильность экономики, а также пенсионное обеспечение старшего населения. Наиболее стабильными в этом плане являются Красносельский (307,9 чел.), Кронштадский (300,3 чел.) и Пушкинский (316,3 чел.) районы.

Относительно заработка экономически активного населения сложилась следующая картина: в Адмиралтейском, Петроградском и Василеостровском районах, где общая численность невелика, проживает население, имеющее высокие размеры оплаты труда: 87,1 тыс. руб., 89,5 тыс. руб. и 73,5 тыс. руб., соответственно, в отличие от отдаленных районов с большим количеством населения [4, с.17].

Таким образом, в Санкт-Петербурге сложилась устойчивая стратификация не только в экономической активности населения, но и в доступе к росту благополучия по доходам. Но если сравнить заработную плату отдельного сотрудника и показатели фонда оплаты труда, то заметны расхождения в разрезе районов. Самые высокие показатели имеют районы с более экономически активным населением (Приморский район - 21 603,4 млн. руб.) в то время, как центральные районы обладают низкими размерами (Петроградский - 7 498,6 млн. руб.). Произошла ситуация, в которой район, где меньше работает население, является наиболее благосостоятельным, нежели районы с большим количеством населения, тем самым образуются зоны сегрегации, чем создают виртуальность благополучия.

При этом, в современных условиях неравенства в доходах, одни профессионально-кадровые группы населения получают больше заработной платы по сравнению с другими. Так, заработные платы руководителей составляют 2 среднемесячные зарплаты по району, когда иные категории работников имеют от силы половину [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что центральные районы (Адмиралтейский и Петроградский) являются перспективными, поскольку на их территорию притягиваются объекты благополучия, как следствие концентрации горожан с высокими доходами, имеющих возможность создавать и потреблять блага, необходимые для комфортной жизни.

Чтобы блага распространялись в больших масштабах, можно обратиться к городскому планированию, а именно возведение архитектурного сооружения на территории густонаселенного района, где могут находится как офисные помещения, так и жилые. Поскольку Калининский и Вы-

боргский районы в отличии от центральных, в меньшей степени застроены историческими памятниками архитектуры, то предлагается возвести такое сооружение, которое будет иметь современный архитектурный стиль, отличающийся многофункциональностью и привлекательностью для жителей и туристов. Подобное решение способствует привлечению инвестиций из разных сфер, а следовательно появление и развитие общественных благ.

Источники и литература

1) Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. - 288 с.

2) Возрастно-половой состав населения Санкт-Петербурга на 1 января 2016 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Территориальный орган по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://petrostat.gks.ru/ (Дата обращения: 02.12.2019).

3) Муфтахова А.Н. Жилищная стратификация в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: Мат-лы V Всероссийского социологического конгресса. - Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года. - М.: Российское общество социологов, 2016. - С. 194-203.

4) Оплата труда в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в январе-июне 2018 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Территориальный орган по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://petrostat.gks.ru/ (Дата обращения 02.12.2019).

5) Оценка средней заработной платы работников по категориям за январь-сентябрь 2018 года в разрезе муниципальных образований // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Территориальный орган по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://petrostat.gks.ru. (Дата обращения: 02.12.2019).

Пушкарева Людмила Васильевна
Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы., Санкт-Петербург, Россия

Социальные конфликты как экономическое противоречие

Наиболее выраженными чертами бедного населения являются слабая мотивация к трудовой, социальной и экономической деятельности, беспомощность, патернализм, склонность к прокрастинации и, как правило, неумение планировать собственный бюджет. Если говорить про субкультуру бедности в России, следует выделить такие характерные черты:

Во-первых, малообеспеченные люди в России не принимают честный, добросовестный труд как способ выхода из бедности. Формированию такого мнения способствовал не один десяток лет финансового застоя. Как бы люди не старались выбраться из кризисной ямы добросовестным путем, их положение не улучшалось. В результате у населения произошел рост иррационального мышления. Ученые называют такое явление «деградацией экономического образа мышления».

Во-вторых, часть бедных россиян не имеют каких-либо жизненных целей. Это может быть следствием отсутствия высокооплачиваемой работы, доступа к управлению, хорошей образовательной базы.

В-третьих, те россияне, доход которых ниже среднего, меньше принимают участие в каких-либо неформальных социальных мероприятиях, (кинотеатры, клубы, светские вечеринки, спектакли и др.). Причиной этого феномена можно назвать коммерциализацию этих мероприятий. Действительно, люди, относящиеся к бедному населению, чаще тратят средства на удовлетворение физиологических потребностей, оставляя прочие нужды на второстепенном плане.

В-четвертых, бедные люди ориентированы на реализацию текущих своих потребностей. Это может говорить, в частности, о том, что малообеспеченное население с меньшим удовольствием перенимают нововведенные потребительские стандарты, так как им придется изменить собственные стандарты потребления.

В-пятых, малообеспеченные части общества не стараются приобретать статусы инвесторов, при выполнении работы они делают акцент не на повышении квалификации, а на получении прибыли, то есть денежный расчет для них является большим преимуществом, нежели карьерный рост. Такие люди крайне редко ставят перед собой цели на долгие сроки.

Заключительной, шестой, чертой бедных людей в России является их негативное отношение к различным видам предпринимательства. Деятельность, которая обеспечивает людям финансовый успех, интерпретируется ими как нечто далекое от действительности.

«Это приводит к тому, что предпринимательство зачастую оказывается за рамками той части неформальных институтов, которые цементируют институциональную среду «белой» экономики. Основным следствием оказывается высокая степень криминальности бизнеса».[1, с.18]

Согласно статистике, Россия является лидирующей страной, в которой все богатства между слоями населения распределены неравномерно. Так, 71% всех национальных богатств приходится на один процент самых богатых россиян. Кроме того, по числу долларовых миллиардеров Россия занимает второе место в мире. Безусловно, целый ряд крупных отечественных предпринимателей занимаются реализацией социально-ориентированных систем и успешно составляют социальные планы и отчетность. Анализ показал, что в настоящее время главным мотивом разработки пока еще немногочисленных социальных программ и подготовки социальной отчетности в российских компаниях является необходимость в «эффективной защите» собственного бизнеса при взаимодействии с государством и властями. Социальная ответственность для российских компаний очень часто не преимущество, а бремя.[2, с. 288]

Некоторые исследователи к признакам бедности общества, а значит, и культуры в целом, относят ограниченный доступ некоторых частей населения к тем благам, которые доступны более обеспеченному населению.

Можно сказать, что бедность способствует изоляции определенных слоев общества. Приобретая специфические черты образа жизни, культура бедности становится в изоляции от других моделей поведения общества (национальных, религиозных и т.д.).

Это дает возможность на более высоком уровне осмыслить и оценить положение малоимущих частей населения, проанализировать механизмы их взаимодействия с остальным обществом. В связи с отделением бедной части общества от богатой у первой группы населения возникают определенные, свойственные только им оценки и убеждения, связанные с их положением. Среди таких особенностей поведения могут быть озлобленность, агрессивность по отношению к другим частям общества, специфическое понимание успеха в жизни, культивирование физической силы, обвинение других в своих неприятностях. «Чтобы избежать комфортного существования в образе нищего, нужно бороться не только

с экономическими причинами бедности, но и с ценностями и нормами, оправдывающими пассивность и иждивенчество. Нужно изжить «маргинальность сознания», его двойственность — основу «культуры бедности».[3, с.45]

Нельзя не отметить тот факт, что среди 52 стран Россия находится в последней десятке по покупной способности населения, а также минимальный размер заработной платы. «Прожиточный минимум выражается в стоимости реальных товаров, а именно: расходы на продукты питания из расчета минимальных размеров и потребления, расходы на непродовольственные товары и услуги, налоги и обязательные платежи». [4, с.17].

Касательно участия бизнеса в решении социальных конфликтов, связанных с бедностью населения, то формирование социально ориентированной системы заключается в добровольном вкладе бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанных напрямую с основной деятельностью компании и выходящей за рамки определенного законом минимума.[5, с.33]

Источники и литература

1) Беглова И. Е. Социокультурные особенности феномена бедности в России //Современные исследования социальных проблем. No9(17), 2012. С.7.

2) Пушкарева Л.В. Теория и методология формирования социально ориентированной системы маркетинга на предприятии.диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет. Санкт-Петербург, 2007

3) Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. No2. С. 9.

4) Климова Н. В. Бедность в России и пути ее преодоления // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 100. С.4.

5) Пушкарева Л.В. Теория и методология формирования социально ориентированной системы маркетинга на предприятии. авторефе-

рат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет. 2007. Санкт-Петербург. С.33

***Самойлов Никита Георгиевич*[1], *Герштейн Илья Захарьевич*[2]**
1 - ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ИМОМИ, Нижний Новгород, Россия; 2 - ННГУ им.Н.И.Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Евроскептицизм в контексте классового подхода на примере парламентских выборов 2019 г. в Великобритании

Референдум по вопросу выхода Великобритании из Европейского Союза показал не просто раскол британского общества по вопросу европейской интеграции, но и различие социально-экономических интересов жителей Соединённого Королевства. Так, адресная помощь из Брюсселя поспособствовала тому, что получавшие её регионы Великобритании проголосовали за членство в ЕС [1, с. 30], основанном на неолиберальных принципах, подразумевающих демонтаж социального государства и отстаивание интересов крупного финансового капитала и европейской бюрократии [1, с. 95, 125]. Но всё же 51,9% проголосовавших при явке 72,2% на референдуме поддержали Brexit [2]. Этими людьми оказались трудящиеся, не смогшие воспользоваться выгодами глобализации, и капитал либо ориентированный на внутренний рынок, либо на внешний.

Внеочередные парламентские выборы, проведённые 12 декабря, подтвердили итог волеизъявления британского народа. Именно чёткая позиция Бориса Джонсона по Brexit обеспечила тори победу на выборах, в то время как «нейтральная» позиция Джереми Корбина [3] обусловила серьёзное поражение лейбористов, даже «традиционно красные округа перекрасились в синий цвет» [4]. Но связан этот результат не с ростом национализма и неприятия по отношению к Европе как к культурно-социальному проекту, а с тем, что общество встало перед выбором или продолжения государством неолиберального курса в рамках европейской интеграции или поиском «нового пути». Поскольку люди отвергли старый экономико-социальный курс, а «новый путь» не был сформулирован в общественном сознании, правые политические силы воспользовались этим [1, с. 130], но это не опровергает классовую подоплёку выбора британцев. Классовые интересы трудящихся Великобритании оказались неразрывно связаны с Brexit, без которого невозможен «новый путь», подразумевающий под собой отстаивание своих прав, в первую очередь,

социального государства или того, что от него осталось в ходе проведения неолиберальных реформ в конце прошлого века [1, с. 132, 141].

Первостепенная важность выхода из Европейского Союза в контексте классовых интересов подтверждается тем фактом, что Дж. Корбин проиграл Б. Джонсону, не имевшему социально-экономической программы сравнимой с лейбористской в плане чёткости стратегии. В манифесте лейбористов содержалась информация о национализации важных средств производства и защите Национальной службы здравоохранения Великобритании [5], которая, по заявлениям Дж. Корбина находилась под потенциальной угрозой из-за лоббируемого консерваторами торгового соглашения между Соединённым Королевством и Соединенными Штатами [6]. Однако получилось, что слоган «Get Brexit done» оказался привлекательнее хорошо подготовленного манифеста, оставляющего неясность по вопросу членства в ЕС.

Источники и литература

1) Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 280 с.

2) EU referendum results. [Электронный ресурс] / BBC News. URL: https://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (дата обращения: 31.01.2020).

3) Corbyn 'neutral' on Brexit as Johnson attacked on trust. [Электронный ресурс] / The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/politics/2019/nov/22/jeremy-corbyn-labour-neutral-second-brexit-vote (дата обращения: 31.01.2020).

4) Where did it all go wrong for Jeremy Corbyn and Labour? [Электронный ресурс] // YouTube. Channel 4 News. URL: https://www.youtube.com/watch?v=v6rj8-_9aZI&t (дата обращения: 31.01.2020).

5) Manifesto 2019. [Электронный ресурс] / The Labour Party. URL: https://labour.org.uk/manifesto/ (дата обращения: 31.01.2020).

6) Jeremy Corbyn reveals 451 pages of uncensored pages 'proving NHS up for sale'. [Электронный ресурс] // YouTube. Guardian News. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Jw-uO38FO_I (дата обращения: 31.01.2020).

Фомина Наталья Николаевна

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, Воронеж, Россия

Бедность как критерий для социального исключения

Статус социального исключения включает в себя множество критериев: бедность, ограниченные возможности для работы и образования, неравный доступ к социальной и общественной деятельности. В контексте растущего числа бедных в России вопросы социального исключения становятся все более важными. Под социальным исключением подразумевается нарушение правильной социализации, которое приводит к выталкиванию за пределы нормального общества, что особенно остро ощущается на детях. Отклоняющееся от общепринятых норм поведение, по мнению ученых-социологов, является формой болезни общества, которая приводит к нарушению внутренней гармонии социума и требует лечения силами социального контроля, порой в принудительном порядке.
Учитывая влияние материальной составляющей, необходимо отметить, что уровень доходов определяет различия в семейных жизненных стандартах-количество и качество потребляемых продуктов и услуг, удобство и комфорт условий жизни, возможность получать качественное образование и т.д. В настоящее время около трети семей с детьми имеют доход ниже прожиточного минимума, так живут почти 9 миллионов детей. Согласно статистике, доля малоимущих семей с детьми до 16 (18) лет в общем количестве малоимущих семей за пять лет увеличилась с 59,7% в 2011 году до 81,0% в 2017 году [3]. Зачастую количество детей становится фактором, предопределяющим бедность: чем больше детей в семье, тем меньше средний доход на душу населения, тем выше процент бедных семей с доходами ниже прожиточного минимума.

Исследования [1, 2] показывают, что низкий социально-экономический статус заставляет людей иметь субъективное восприятие неравенства и определять оценки, отношения и связанные с ним переживания. Низкий социально-экономический статус способствует возникновению состояния страха, неуверенности в себе, низкой самооценки, социальной изоляции, проблем с принятием решений и возможностей контроля. Неравенство уровня жизни определяет неравенство возможностей на рабочем месте; использование эффективных мер и средств для решения новых жизненных проблем.

В книге Х. Чанга «Как устроена экономика» [4] автор утверждает, что постоянное недоедание, отсутствие стимулов для обучения, школы со знаниями ниже среднего уровня (часто функционирующие в бедных районах) ограничивают развитие бедных детей и уменьшают их перспек-

тивы на будущее. Некоторые бедные родители, надо отдать им должное, прилагают много усилий, чтобы дать своим детям максимум из возможного, в отличие от других родителей в аналогичных условиях. Отсутствие личных связей и культурный разрыв с элитой часто означает наличие несправедливой дискриминации в найме и профессиональном продвижении.
Взаимосвязь между развитием структуры мозга ребенка и социально-экономическим состоянием родителей ребенка были обнаружены экспертами детской больницы Элизабет Совелл в Лос-Анджелесе (США). По их данным, уровень образования и доходов родителей был положительно связан с поверхностью мозга ребенка, и эффект был больше в областях, связанных с языком, чтением и пространственными навыками. Выявлено, что низкое социально-экономическое положение может препятствовать развитию мозга из-за регулярного семейного стресса, недоедания и невнимания к детям, воздействия токсинов из некачественной дешевой еды, в то время как более богатые семьи могут иметь возможность представлять больше стимулов для когнитивной деятельности своих детей.

Субъективное восприятие нищеты как критерий для социальной изоляции в обществе чаще всего выражается в смысле ограниченного доступа граждан к социально-экономической ресурсам, таким как здравоохранение, образование, социальные услуги и т.д., а также наличие в семье особых факторов или условий (наличие инвалида в семье, алкоголизме, высокой стоимости жизни в определенной агломерации и др.). Явление социального отчуждения, вызванное вопросом бедности, стало одним из важных показателей понимания источников социального напряжения, что очевидно из Послания Президента РФ Федеральному собранию 2020 года и определения приоритетов государственных программ.

Непринятие мер по преодолению социального исключения может привести к тому, что часть населения будет выпадать из процессов общественного развития, скатываясь в состояние стагнации и полной социальной зависимости [1]. Концепция социальной инклюзии смещает приоритеты социальной политики государства с выделения социальных трансфертов на активное изменение образа мышления в обществе.

Источники и литература

1) Васильева Э.К. К методологии исследования современной семьи // Проблемы социологических исследований семьи. – М., 1976 – С. 7–14.

2) Воробьева В.А. Фомина Н.Н. Роль доходов семьи в развитии личности ребенка / Воробьева В.А., Фомина Н.Н. // Молодежный инновационный вестник. 2018. Т. 7. № 2. С. 26-28

3) Доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет, в общей численности малоимущих домашних хозяйств. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/folder/13807

4) Ха-Джун Чанг. Как устроена экономика. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015 – 304 с.

5) Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения / Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 29-47.

***Черняева Ксения Олеговна*[1]*, Сорокина Наталья Виктровна*[2]**

1 - Южный федеральный университет, Саратов, Россия; 2 - Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Саратов, Россия

Репрезентации трудовых династий в советском медиапространстве: официальные дискурсы

Социально-культурные обстоятельства общественного развития оказывают существенное влияние на все сферы человеческой деятельности. Каждая историческая эпоха декламирует свои культурные ценности, политические лозунги, требования к организации труда и быта людей. Данная работа - следствие социологической рефлексии природы советского общества 1960-1970 гг. с фокусом на положение профессиональных групп и трудовых династий, освещаемых на страницах печатных средств массовой информации. Идейное наследие, отраженное в текстах газетных статей, популяризируемое и транслируемое в массы, служит богатым материалом для исследования, способным вскрыть значимые ориентиры ушедшей эпохи.

Методологическим подходом к анализу текстов выступает критический дискурс-анализ, заключающийся в истолковании особенностей конструирования идентичностей и социальных взаимоотношений, социокультурных феноменов и процессов. Дискурс понимается как «форма социальной практики, которая и конституирует социальный мир, и конституируется» [3, с.110] в социальных практиках, отражая и формируя

социальные структуры, а также как отправляемый властью, проходящий процедуру контроля и ограничения, опирающийся на институциональную поддержку, проходящий процедуру «классификации, упорядочивания, распределения» [4, с. 41] в целях исключения случайности и событийности дискурса. Теоретической основой исследовании служит социология профессий. Профессия рассматривается как общественный маркер социальной структуры, элемент габитуса, идентичности, самосознания членов профессиональных групп. Иерархическое соотношение профессий меняется со временем, но всегда выступает как дискурсивная формация, результат соглашений между государством, профессиональными объединениями, бизнес структурами и обществом [2].

Социальное конструирование профессиональных групп и трудовых династий существенно отражено в медийном пространстве СССР, когда основные дискурсы задаются официальной прессой, прежде всего газетами «Правда» (органом ЦК КПСС) и «Известиями» (органом Советов народных депутатов СССР). Профессиональная династия представляется как «уважаемый род» с набором характерных атрибутов: преданность власти, следование идеологическим взглядам старшего поколения, приверженность к месту рождения и труда (работа на одном предприятии нескольких поколений), получение образования и создание семьи для передачи семейного наследия, состоящего из канона негласных одобряемых стратегий жизненного пути.

Профессиональные достижения и социальная ценность профессий раскрываются в связи с реализацией плана пятилеток и в общем процессе социалистического соревнования. Подобный дискурс отражает часто звучащее в прессе требование к выполнению и перевыполнению плана в самых разных сферах деятельности (будь то производство деталей на заводе или выращивание скота и поставка мяса). В газетных текстах поощряется работа ради общего дела, а не для получения индивидуальной выгоды, инициативность тружеников в интересах своего предприятия, а значит, благополучия страны в целом. Высокая результативность труда связывается с компететностью рабочего и ориентиром на достижительство в интересах партии.

К началу 60-х годов страна была поставлена перед необходимостью выбора стратегии экономического развития на фоне некоторого спада конца 50-х годов. Общественные дискуссии, в которых принимали участие как ведущие экономисты, так и руководители-практики, завершились переходом к новому экономическому курсу, получившему название косыгинской промышленной реформы [1].

Трендом в публикациях 60-х годов становится обращение к науке, как главному драйверу социально-экономического развития страны. Подчеркивается важность естественных наук, психологии, педагогики. Управление начинает осмысливаться в научных терминах.

В середине 60-х годов «Известия» неоднократно обращаются к теме интеллигенции и важности образования. Так в рубрике «Кругозор специалиста. Возвращаясь к напечатанному» тему поднимают непрофессиональные журналисты, а представители данной социальной группы. Примечательна география авторов, которая корреспондирует с масштабом обсуждаемых вопросов.

В период с 1965г. объем и частота публикаций с упоминанием рабочих и сельскохозяйственных тружеников снижается, замещаясь дискурсом интеллигентного труда. В ракурсе рассуждений об интеллигенции (учителях, академиках) усиливается значимость непрерывности образования. В историях о профессиональных группах популярны сюжеты, в которых посредством получения образования, трудящийся может повысить как свою квалификацию, так и занять управленческую позицию. Таким образом, образование выступает лифтом социальной мобильности. Образованность связывается с понятиями о культуре общения, этике и морали. Так конструируется образ интеллигентного профессионала. Поведение интеллигента медийно конструируется в связи с порицанием социальных пороков и регламентацией в сфере гигиены и устройства быта.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320.

Источники и литература

1) Давыдова Ю.А., Громенко В.В. Динамика промышленного развития СССР в 1960–70-е гг. // Экономика, Статистика и Информатика. №5.2014. С.22-24

2) Сакс М., Олсоп Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок Великобритании Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/668/562/1216/olson-sax-profession.doc

3) Филипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. ISBN 966-8324-06-4

4) Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. ISBN 5-85374-006-7

Чесноков Алексей Александрович
Барнаульский ЮИ МВД России, Барнаул, РФ

Конфликт ценностей как фактор становления внутренней политики российской федерации

Прошло четверть века с момента принятия Конституции РФ, ознаменовавшей коренные перемены жизни россиян. Уже выстроена целостная политико-правовая система, произошла перенастройка и адаптация многих социальных институтов, поэтому сегодня можно практически без эмоций обратиться к переломным историческим моментам формирования обновленной государственности, на основе исторического опыта оценить возможные перспективы развития уже сегодняшних событий.

Действительно, российские реформы начала-середины 1990-х гг. сложно оценить однозначно. Провал перестройки привел к рекордному падению производства (до 11% в год) и вызвал острую нехватку товаров первой необходимости. Традиционная административная(«сдаточно-раздаточная») система, на которой основывалась вся система государственного управления, перестала работать в связи с развалом плановой системы заказа и распределения ценностей.

Реформы первой половины 1990-х гг. были направлены на переход от плановой к рыночной экономике. Но существует мнение, что единая концепция реформ в 1992-1993 гг. отсутствовала, а преобразования проводились по рекомендациям и даже требованиям Международного валютного фонда [1, с. 130]. Косвенным образом это подтверждается такими «бомбами замедленного действия», оказавшимися в Конституции РФ 1993 г., как возможность продажи земли (ч. 2 ст. 9); отказ от суверенитета в пользу норм международного права (ч. 4 ст. 15); отделение важнейшей функции - эмиссии денег от государственного аппарата с передачей ее независимому Центральному Банку РФ (ст. 75)

Самой спорной была приватизационная реформа, проведенная в интересах узкого круга лиц и породившая уничтожение целых секторов экономики, массовую безработицу, взрывной рост теневого рынка и коррупции.

Многие меры, предпринятые командой Б.Н. Ельцина в первой половине 1990-х гг., оказались не только неэффективны, но и вредоносны. Реформы проводились в правовом и идеологическом вакууме. Новая правовая система формировалась чрезмерно долгое время не только из-за большого объема работы, но, скорее, благодаря непониманию происходящих процессов.

Активно шло насаждение западных экономико-правовых институтов, без оглядки на среду, в которой они сформировались. Так, на развитие современного западного права в эпоху буржуазных революций большое значение оказала идеология христианского протестантизма. Будучи созданными в качестве базы буржуазных революций, как «антипод» католицизму, отрицающему ростовщичество, лютеранство, англиканство, а особенно - кальвинизм поставили во главу угла такие ценности, как либерализм, частная собственность,индивидуализм, приоритет личных интересов, стяжательство и проч. Большую роль в этом сыграла также западная колониальная политика, не прекращающаяся и сегодня.

Не следует также забывать, что исторически в основе мировоззрения значительной части населения России лежало православие, которое, не будучи подвергнуто реформации, долгие годы опиралось на ценности соборности, нестяжательства, самоограничения. Очевидно, что это не в полной мере вписывается в систему разработанного на Западе права и концепции прав человека, которая. И нет ничего удивительного в том, с каким сопротивлением наш национальный менталитет принимает подобные реформы, насколько снижается на практике эффективность,казалось бы, апробированных на Западе институтов. В европейских странах, положивших в основу ключевой идеи права сакральный характер частной собственности и либерализма, этот процесс занял целые столетия. Нашу страну попытались изменить за считаные годы. При этом либеральные ценности не нашли понимания в широких массах, более того, были дискредитированы, так как под их знаменем произошло обнищание подавляющей части населения.

Важнейшую роль в происходящих событиях сыграли институты, связанные с главой государства. 31 декабря 1999 г. В.В. Путин становится исполняющим обязанности Президента РФ. 26 марта 2000 г. он одерживает уверенную победу на выборах Президента РФ. На тот момент были достаточно очевидными противоречивость и противодействие существующих институтов власти и социума, неспособность государства самостоятельно и целенаправленно осуществлять внешнюю и внутреннюю политику. Поэтому первые реформы начались с укрепления государственной власти и создания действенных инструментов влияния на социальные и экономические процессы.

Понимая важность идеологической среды для эффективной реализации социальных институтов, значительное внимание стало уделяться вопросам патриотизма на основе итогов Великой Отечественной войны, проведения Олимпийских игр, присоединения Крыма, внешнеполитических успехов и повышения международного авторитета РФ.

В период 2000-2012 гг. была вновь воссоздана традиционная российская модель «сдаточно-раздаточной экономики» со значительным влиянием государства на экономические процессы. Но для настоящих изменений требуется постоянная эволюционная адаптация механизма управления, опора на традиционные социально-экономические институты, культивирование в обществе высокой правовой культуры, эффективного деятельного человеческого капитала, как единственно возможных ресурсов прогресса.

Источники и литература

1) Нечаев А. Россия на переломе. М.: Астрель, 2010. 575 с.

Чикарова Галина Игоревна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Династийность как фактор социально-экономического неравенства в современном российском обществе

Социально-экономическое неравенство характерно для всех обществ вне зависимости от стадии их развития и уровня эффективности реализации социальной политики. [1] В связи с этим актуальным, с исследовательской точки зрения, представляется рассмотрение факторов, определяющих современные формы социально-экономического расслоения в российском обществе.

Интерпретируя в рамках данной работы социально-экономическое неравенство как различия индивидов и/или социальных групп в доступе к материальным благам и возможностям удовлетворения своих потребностей, важно отметить, что современное российское общество характеризуется высокой степенью социально-экономического неравенства. Среди основных параметров, по которым неравенство ощущается наиболее остро среди россиян, по мнению самих граждан, являются: доход, доступ к медицинской помощи, доступ к хорошим рабочим местам, жилищные условия, возможность отдыха и проведения досуга, доступ к образованию. Обратим особое внимание, что по данным социологических исследований «доступ к хорошим рабочим местам» входит в тройку основных типов неравенств. [2]

Закрытость определенных отраслей труда, а также тех или иных должностных позиций для основной массы трудоспособного населения определяется целым комплексом факторов, одним из которых может

быть принадлежность к профессиональной династии. Так как профессиональная династия – «локализованная в производственной и социально-экономической сфере социальная группа, характеризующаяся кровнородственными отношениями, в которых несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» [3], помимо своей конструктивной природы, проявляющейся в объединении представителей разных поколений общими интересами, создании высокого нравственного климата в семье, трансляции профессиональных ценностей и опыта, ранней профессиональной социализации индивидов, включает в себя способность устанавливать социальную монополию в трудовой сфере.

Во многом деструктивный эффект профессиональных династий заключается в ограничении доступа индивидов к престижным профессиональным статуса, в нарушении принципов свободной профессиональной конкуренции за топовые позиции, а также конструировании трудовых сегрегаций в социально-профессиональной сфере, примерами которых служат непотизм, фамилизм, фаворитизм, кумовство, эксплуатация семейных связей. [4]

Наиболее яркое влияние династийности как фактора, ограничивающего равный доступ граждан к статусным трудовым позициям, проявляется в сфере предпринимательства. Так как данная отрасль труда в большей степени располагает условиями для проявления основных деструктивных практик профессиональных династий. В данной среде нет институциональных норм, препятствующих членам профессиональных династий наследовать не только социокультурный капитал семьи, но и непосредственно высокий профессиональный статус.

Анализ результатов аналитического исследования, изучающего частный и семейный бизнес в России, позволил выявить, что в последние годы происходит увеличение доли семейных предприятий как таковых, а также степени включенности разных членов семьи в процесс управления бизнесом. При этом непрерывность и устойчивость бизнеса, по мнению руководителей семейных компаний, заключающаяся в наследии компаний потомками проявляется в: создание надежного и доходного бизнеса для следующего поколения, а также хороших условий и финансового благополучия для жизни всех членов семьи; создание и сохранение рабочих мест для членов семьи; сохранение семейных ценностей; обеспечение эффективного управления бизнесом для передачи следующему поколению бизнеса, который становится все более надежным. [5]

Выявленные в ходе исследования параметры позволяют проследить нацеленность представителей трудовых династий на закрепление всех

членов семьи на верхних позициях в структуре профессиональной стратификации общества, тем самым ограничив доступ к статусным трудовым позициям другим индивидам, не являющимся представителями профессиональной династии.

Таким образом, можно сделать вывод, что профессиональные династии, вводя социальную монополию в определенных сегментах сферы труда, ограничивают доступ широких масс индивидов к определенным трудовым статусным позициям, а иногда и целым отраслям производства. Широкое проявление деструктивной природы династийности в настоящее время позволяет исследователям утверждать, что профессиональные династии является одним из факторов социально-экономического неравенства в современном российском обществе. Наиболее ярко влияние данного фактора представлено в сфере предпринимательства в силу институциональных особенностей организации данной отрасли труда.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320.

Источники и литература

1) Шкратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 2. С. 6-35.

2) Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 101-120.

3) Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100–103.

4) Мостовая И. В., Посухова О. Ю., Клименко Л. В. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 6. С. 70-82.

5) Частный и семейный бизнес в России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.ru/ru/assets/fbs-report.pdf

***Шарыгин Александр Юрьевич*[1]*, Соколов Аркадий Олегович*[1]**

1 - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Необходимость равномерного распределения доступности к социально-культурным благам в условиях мегаполиса

Несмотря на актуальность проблемы неравномерности в территориальном распределении точек доступа к социальным благам, в большинстве случаев исследовалась данная проблема только на межрегиональном уровне посредством сравнения количественных показателей и распространенности исследуемых социальных объектов на территории различных субъектов.

Однако исследование особенностей размещения точек доступа к социальным благам на муниципальном и региональном уровнях не проводилось, хоть это и могло способствовать формированию в дальнейшем более оптимальных и эффективных механизмов пространственного распределения социальных объектов в рамках конкретного территориального образования.

Проблему неравенства распределения благ затрагивали многие социологи, так Пьер Бурдьё вывел два противоположных друг друга понятия «эффект гетто» и «эффект клуба», основанных на размере капитала и социальном пространстве [1, с.61].

Джейн Джекобс сформировала понятие «приграничные пустоты», подразумевающие под собой то, что границы районов, разделенных какой-либо преградой (автомагистралью, железной дорогой, береговой линией) формируют территориальную ограниченность в доступе к различным видам благ. [2, с.269].

Яницкий О.Н. в свою очередь рассматривал город как социобиотехническую систему отношений. Это связано с тем, что большинство современных городов уже не являются независимыми друг от друга территориальными образованиями. В процессе глобализации они стали складываться в единую систему, которую необходимо рассматривать в рамках концепции «центр - периферия» [3, с.113].

В данном материале представлены итоги исследования неравномерного территориального устройства городского пространства Санкт-Петербурга, целью которого является изучение особенностей непропорционального территориального распределения учреждений-поставщиков (далее по тексту- провайдеров) социально-культурных услуг и организующих культурно-массовые мероприятия, что препятствует достижению социального благополучия жителей города.

Исследование проводилось путем сопоставления количества культурных объектов с площадью всех районов города, анализа данных учреждений по типу, профилю деятельности и форме собственности [4; 5].

На основании полученной базы данных, была высчитана средняя площадь, охватываемая одним учреждением, это позволило выявить, что максимальная доступность к социально-культурным объектами предоставлена в центральных районах города (Центральный, Адмиралтейский, Петроградский, Василеостровский), а наихудшая - в удаленных от центра, что связано с их обширной территорией и меньшим числом точек доступа к данным благам.

Для более подробного анализа следует обратиться к составу учреждений, разделив их на дворцы и дома культуры, театры, концертные организации и залы, а также спортивно-концертные организации [4].

Анализ данных показывает, что в районах, удаленных от центра города, присутствует однотипность социально-культурных учреждений, представленная лишь наличием дворцов и домов культуры, а в центральных районах присутствуют также театры, концертные организации и залы, и лишь в Московском, Невском, Петроградском районах имеются спортивно-концертные организации. В совокупности это создает ограниченность доступа жителей разных районов к определённым видам социально-культурных благ.

Необходимо обратить внимание также на профиль деятельности данных учреждений, выделив среди них: детские, драматические, оперы и балета, музыкальные, а также общедоступные [4].

Однако лишь в Адмиралтейском и Центральном районах представлены социально-культурные учреждения всех основных направлений деятельности. В то время как в районах, отдаленных от центра, явно отсутствует разнообразие в профиле социально-культурных учреждений, что значительно снижает доступность жителей данных районов к узконаправленным видам социально-культурных услуг.

Данные учреждения можно разделить и по форме собственности на государственные и негосударственные [4].

Это позволяет утверждать, что если в районах, удаленных от центра, все социально-культурные учреждения являются государственными, то в центральных районах присутствуют негосударственные учреждения, для которых характерно расположение в точках с повышенной доступностью для получения более высокой прибыли.

По итогу исследования города Санкт-Петербурга были выявлены особенности территориального развития города и расположения объектов

социальных благ в условиях мегаполиса, а также сделаны следующие выводы:

Проблема неравномерного территориального распределения точек доступа к социальным благам, присутствует не только на межрегиональном уровне, но и на региональном, поскольку имеет свою локальную специфику, связанную с наличием исторического центра города, в границах которого концентрированно расположены точки доступа к социальным благам.

Из этого следует обоснованность невозможного равного доступа для жителей разных районов города к социальным благам. Необходимость понимания, что наличие должного контроля и целенаправленной политики по равномерному распределению государственных объектов, предоставляющих социальные блага, будет способствовать предотвращению сегрегации городских жителей. В ином случае будет происходить процесс деления жителей на проживающих в центральных и удаленных от центра районах, что кардинальным образом будет влиять на различие в уровне жизни и неравенстве в социальном и культурном развитие горожан в данных районах.

Источники и литература

1) Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

2) Джекобс, Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

3) Яницкий, О.Н. Глобализация. Город. Человек: монография / Предисл. Л.М. Дробижевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 177 с.

4) Комитет по культуре Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. - URL: https://spbculture.ru/ru/institutions (дата обращения: 02.12.2019).

5) Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградский области. Площадь районов Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst40/DBInet.cgi#1 (дата обращения: 02.12.2019).

Шевченко Ирина Олеговна

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия

Социальное самочувствие работающего населения России как потенциальная основа конфликтов

Социальное самочувствие - совокупность оценок, которые люди дают себе, повседневным взаимодействиям друг с другом, с организацией, где работают, социальными институтами и территориальными сообществами, социумом в целом. Главные индикаторы – уровни удовлетворенности своей жизнью в целом, работой, степень оптимизма в оценке будущего. Социальное благополучие включает в себя эмоционально-психологическую составляющую [2]. Чем в большей степени человек ощущает дефицит социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие. Особое место в социальном самочувствии занимает работа: мы считаем, что нестабильность, неустойчивость (прекаризованность) занятости в первую очередь влияет на социальное самочувствие и может приводить к прекаризованности жизни в целом [3; 4; 1]. На взгляд, автора, негативное социальное самочувствие является потенциальным источником конфликтов в обществе на разных уровнях.

При подготовке доклада использованы материалы исследований: 1. «Жизненный мир»: всероссийский опрос трудоспособного населения, июнь-июль 2018 г., n=1200. 2. «Жизненный мир»: всероссийский опрос трудоспособного населения, май-июнь 2019 г. (n=900, работники строительства, транспорта, торговли и сферы услуг). Оба исследования проведены коллективом РГГУ под рук. Ж.Т. Тощенко методом формализованного интервью, выборка репрезентативна по возрасту, полу, месту жительства, социально-профессиональным группам.

В исследовании 2019 г. нами были выделены три группы работников, находящихся в нестабильном (прекаризованном) положении на рынке труда. Представлены зависимости, связанные с возрастом, местом жительства, формой предприятия (государственное или частное).

Удовлетворенность жизнью. Представители сфер строительства, транспорта и торговли/сферы услуг чаще говорят о неудовлетворенности, чем работающее население в целом. Неудовлетворенность жизнью возрастает резко в возрасте 50-54. Большую неудовлетворенность демонстрируют работники частных предприятий, средних городов и рабочих поселков.

Проблемы в городе, районе, селе. Представители сфер строительства, транспорта и торговли/сферы услуг не отличаются от всего трудоспособного населения по рейтингу волнующих проблем: здравоохранение,

ЖКХ, образование, экология. Работников частных предприятий больше волнуют проблемы ЖКХ, работников госпредприятий – транспортные проблемы и экология.

Проблемы по месту работы. Лидирует низкая оплата труда, но наши представителей сфер строительства, транспорта и торговли/сферы услуг она волнует меньше, чем все трудоспособное население. На втором месте у трех выделенных групп – отсутствие перспектив в работе, профессиональной карьере, у всех трудоспособных – опасение потерять работу. Работники государственных и частных предприятий выделяют разные проблемы. Есть также возрастные особенности и особенности по месту проживания.

Удовлетворенность работой. Чаще указывают на удовлетворенность работой работники частных предприятий, молодые люди до 24 лет и работники 50-54 лет.

Оценка материального положения. Больше представителей трех прекарных групп указали, что их положение ухудшилось за последние три года. Есть также возрастные особенности и особенности по месту проживания.

Оценка представителями различных профессиональных групп изменения личной жизни и жизни своей семьи за последние 3 года. Представители трех групп более пессимистично оценивают свою жизнь за последние три года, различия по группам невелики. «Провал» опять в возрасте 50-54 года. В худшую сторону выделяются также работники частных предприятий.

Жизненные цели расположились в таком порядке: 1. Обеспечить будущее детей (34,3%). 2. Найти новые источники повышения своего дохода (31,8%). 3 Приобрести квартиру, купить/построить дом или дачу (24,9%). Таким образом, жизненные цели очень просты. Наши работники озабочены выживанием. Небольшое количество людей ставят перед собой образовательные и карьерные цели. 13,6% вообще не имеют цели. Различия по группам невелики. Есть особенности по возрастам, месту жительства.

Эмоциональная сфера. Чувство несправедливости в целом лидирует. Уверенность в своем будущем испытывают больше молодые люди. Страх перед будущим заметно увеличивается с 50 лет. Последовательно к старшим возрастам возрастают чувство беспомощности повлиять на происходящее и чувство несправедливости. Работники частных предприятий чаще испытывают негативные чувства.

Оценка направления развития России. В исследовании 2019 г. существенно выше доля тех, кто думает, что страна развивается в неправильном направлении, по сравнению с 2018 г.

Краткие выводы

1) Три нестабильных группы (исследование 2019 г.) находятся в более сложной экономической ситуации, чем работающие в целом. Их оценки самочувствия ниже. Это связано как с усилением эксплуатации работников вообще, так и худшим, по многим параметрам, положением этих групп.

2) Вырисовываются две проблемные группы по возрасту: старшая – 50-59, молодые – 25-29.

3) Особую тревогу вызывает молодежь – это разочаровавшиеся. Причина «утечки умов».

4) Работники частных предприятий оказываются более уязвимыми, чем работники государственных.

5) Намечается (или уже состоялся) раскол страны – на крупные города и остальную страну.

6) В 2019 г. больше оценок – «страна развивается в неправильном направлении». Вряд ли это связано с особенностями трех нестабильных групп, скорее с общей ухудшающейся ситуацией.

Благодарности: выполнено при поддержке гранта РНФ 18-18-00024.

Источники и литература

1) Анисимов Р.И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44-52.

2) Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 118-127.

3) Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) /Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.

4) Романовский Н.В. Опасный класс? Тема не закрыта (мысли о проблеме) // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 95-105.

Шоль Кристина Вячеславовна
Алтайский государственный университет, Barnaul, Россия

Заработная плата как инструмент стимулирования трудовой деятельности

В условиях развития рыночных отношений заработная плата является основой повышения интереса работников в результате своего труда. Решающий фактор результативности деятельности людей это их мотивация и стимулирование. Проблемы мотивации работников предприятий остаются в настоящее время очень актуальными, т.к. от правильно разработанных систем мотивации зависят результаты деятельности предприятий. В настоящее время уровень трудовой активности в России ниже, чем в странах Европы примерно раза в 4. В разработку вопросов оплаты труда и стимулирования труда в организациях внесли существенный вклад труды зарубежных и отечественных ученых, таких как Л.Аллен, А.Н.Беляев, Ю.В.Михайлов, Дж.Мунн, Ф.У. Тэйлор, С.Томпсон, Р.А.Яковлев и др.

Первой признанной теорией мотивации является концепция Тейлора, предложенная в начале XX века. В соответствии с ней работник демонстрировал лучшие результаты при воздействии на него экономических стимулов - материальных методов стимулирования[1]. Часто, разрабатывая систему стимулирования труда на предприятии, учитывается только ее денежная составляющая. Политика организации в области оплаты труда должна учитывать взаимосвязь между результатами работы каждого сотрудника и его вознаграждением за участие в достижении общего результата и личного. Поэтому каждое предприятие должно планомерно и непрерывно заниматься поиском и разработкой эффективных способов управления трудом, обеспечивающих активизацию человеческого фактора.

В результате роста компании руководители приходят к необходимости расширения штата сотрудников. Отделы по набору персонала пытаются найти талантливых сотрудников, которые помогут в достижении целей компании. Но, как известно, профессиональным сотрудникам надо предложить конкурентные условия. Зачастую новый талантливый сотрудник обходится компании дороже уже имеющихся сотрудников. Но, как быть со старыми специалистами, заработная плата которых едва поспевает за среднерыночной. Пока все сотрудники находятся на равном положении, конфликтных ситуаций может не возникать, но стоит появиться новому сотруднику с окладом выше, чем у остальных сотрудников, конфликта не избежать. Основными причинами конфликтов в

трудовом коллективе можно отнести: неудовлетворенность размером заработной платы; задержка выплаты заработной платы; отсутствие индексации заработной платы в связи с увеличением инфляции ... [2]. Сотрудники воспринимают труд, в первую очередь, как источник существования, а главной мотивационной составляющей являются материальные потребности, определяющие направленность трудового поведения и степень реализации трудового потенциала [3].

Несомненно, конфликты показывают наличие определенной проблемы. Конфликты могут сыграть как положительную, так и отрицательную роль в развитии организации. Положительная сторона в том, что руководство должно знать о наличии той или иной проблемы, знать как ее решить, а значит, видя конфликт, руководители компании будут прорабатывать способы решения появившейся проблемы. Правильно подобранный вариант решения проблемы может повысить эффективность производства. Но не всегда удается удачно и вовремя разрешить конфликтную ситуацию. Причиной этого, обычно является неопытность управляющего персонала. На наш взгляд, руководители должны обладать базовыми знаниями в сфере психологии, уметь понимать истинные причины конфликта и найти способ его разрешения.

Таким образом, очевидно, что конфликты являются неотъемлемой частью работы организации. Они требуют большого внимания, грамотного разрешения. Даже небольшой конфликт, если к нему неправильно подойти, может превратиться в масштабный, что может негативно сказаться на эффективности работы всей организации.

Источники и литература

1) Назарова Е.В. Особенности и перспективы методов современного стимулирования персонала в России // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://ekonomika.snauka.ru/2016/06/11739

2) Омельченко К.А., Хомченко О.А. Конфликты в трудовом коллективе: причины возникновения и способы разрешения. // Психология, социология и педагогика. 2014. № 12 [Электронный ресурс]. URL: http://psychology.snauka.ru/2014/12/4088

3) Попов А. В. Заработная плата как инструмент стимулирования трудовой деятельности // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 40-47

«Секция 4. Конфликт ценностей семьи, личности, государства (рук. проф. А.И. Антонов)»

Руководитель секции:
проф., д.ф.н. А.И.Антонов
Секретарь секции:
нст.п., к.с.н. В.М.Карпова, С.В.Ляликова

Основные вопросы секции:

- Автономия семьи в гражданском обществе, возрастание свободы от семьи как триединства родительства-супружества-родства и бремени домашнего труда
- Перехват социетальных функций семьи, огосударствление детей и детства
- Проблемы семейной и внесемейной социализации подрастающих поколений
- Противоречивость мер семейно-демографической политики и ценностных ориентаций населения
- Отношение к ЗОЖ и реальные практики самосохранительного поведения

Абрамова Софья Борисовна
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Чайлдфри: автономия человека или конфликт ценностей?

Нестабильность современности оказывает влияние на условия российской действительности, для которой характерны снижение значимости традиционных ценностей и образцов поведения. Одним из проявлений нежелания людей соглашаться с принятыми нормами, сложившимися в обществе стереотипами и традициями стало возникновение явления «чайлдфри» - добровольного выбора бездетной жизни, отказа от деторождения, сознательного отказа от совместной жизни с детьми [1].

С одной стороны, чайлдфри есть альтернативная система ценностей, которую для себя формирует индивид и которой следует; с другой - чайлдфри представляет собой социальное движение, сторонники которого за-

нимаются трансляцией идей сознательного отказа от детей ради более, по их мнению, значимых жизненных целей.

На сегодняшний день чайлдфри вызывают интерес у представителей различных научных направлений и изучаются ими в различных контекстах. К числу наиболее актуальных относятся вопросы, связанные с причинами и факторами принятия добровольной бездетности, а также отношения общества к людям с данной ценностной позицией и возникновением столкновения и конфликта ценностей родительства.

Один из первых анализов причин бездетности предприняла Дж. Виверс в книге «Бездетные по собственному выбору» (1980), где она разделила бездетных на три группы: 1) у кого нет постоянного партнера, а растить в детей в одиночестве они не готовы; 2) кто не может стать родителями по здоровью; 3) у кого есть партнер, но детей они не желают добровольно [2]. Исследователи Д. Нил и Х. Джоши предлагают новую типизацию людей, отказывающихся от деторождения, выделяя «волнообразных отказников» и «постоянных откладывателей» [3]. Типология, предложенная М. Л. Тантурри, подразумевает учет пяти переменных: 1) семья, в которой проходил процесс социализации; 2) второстепенные особенности (возраст, здоровье, образование, география проживания); 3) переменные, оказывающие влияние на процесс формирования собственной семьи; 4) работа (профессиональный статус, карьера); 5) отношения и ценности [4].

Помимо этого, ученые выделяют еще ряд факторов, влияющих на выбор в пользу «свободы от детей». Например, к ним относятся общественные стереотипы о полноценной семье и обязательной роли женщины как матери, с которыми молодежь не соглашается. Для многих весомым фактором для добровольного отказа от деторождения является недостаточная поддержка со стороны государства, отсутствие высокооплачиваемой работы, ритм жизни мегаполиса и т. д.

Таким образом, несмотря на множество причин, влияющих на формирование добровольно бездетной модели поведения, смысловое содержание остается схожим. Человек принимает принципиальное решение о том, что не хочет тратить свою жизнь на детей и жестко следует ему, в том числе вступая в противостояние (вплоть до конфликтного) с мнением окружающих людей, социальными нормами и ожиданиями.

Одной из наиболее радикально настроенных форм чайлдфри является чайлдхейт -ненависть к детям, агрессивное выражение своей точки зрения по отношению к ним, к материнству, деторождению и воспитанию. Нередко именно эта позиция вызывает острое неприятие и осуждение со стороны общественности [5].

В 2019 году в Екатеринбурге был проведен массовый опрос жителей в возрасте от 18 до 25 и от 35 до 45 лет для изучения отношения к добровольной бездетности, а также глубинные интервью с идентифицирующими себя как чайлдфри для выявления их ценностей, факторов и мотивов, повлиявших на добровольный отказ от деторождения.

В рамках исследования респонденты оценивали вероятное отношение их друзей и родителей к тому, что они стали бы чайлдфри. По мнению большинства екатеринбуржцев, реакция их друзей была бы спокойной, нейтральной (57%); в то время как родители с высокой долей вероятности дали бы негативную оценку выбору своего ребенка (60%).

Важно отметить, что добровольно бездетным не свойственно вступать в конфликт, активно доказывать свою позицию, пытаться переубедить; напротив, они занимают выжидательную позицию, пока возникшая проблема не решится сама собой: «Мать знает, но, понятное дело, что у нее было сначала отрицание, после - смирение и принятие» [ж, 23].

Одной из отличительных особенностей движения чайлдфри в России является отсутствие такой общественной активности, как у их западных единомышленников - они не агитируют за свои идеи, не призывают вступить в их ряды, максимальное проявление их позиции может быть связано с деятельностью в рамках сообществ в социальных сетях: «В них [в группах] нет ничего плохого, потому что есть такие же группы матерей и прочих. Так почему бы таким людям, которые не хотят в своей жизни детей, не объединиться» [ж, 19].

В то же время есть случаи, когда в Интернет-сообществах разгораются конфликты на почве противоположных взглядов: «Я был в одной группе, там среди участников попадались эти неадекватные не-чайлдфри, и спор закинули, обзывали» [м, 20].

В ходе исследования не выявлен широкий общественный резонанс в отношении чайлдфри. Идеи добровольно бездетных в нашей стране считаются скорее нераспространенными, но очевидно, что их обсуждение не оставляет равнодушными никого из участников исследования. Социологи отмечают стабильный рост тематических сообществ чайлдфри с высокой активностью пользователей (по сравнению с группами, пропагандирующими семейные ценности), допуская, что распространение идей чайлдфри способствует усугублению кризиса института семьи в целом [6].

Источники и литература

1) Горлова Е. В. Выявление основных мотивации отказа от рождения детей у современного «чайлдфри» // Научный диалог: Вопро-

сы философии, социологии, истории, политологии. Сборник научных трудов, по материалам X международной научно-практической конференции 1 ноября 2017 г. Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. С. 14-18. DOI: 10.18411/spc-01-11-2017-04

2) Veevers J. E. Childless by choice. Toronto, Butterworth, 1980. 220 p.

3) Kneale D., Joshi H. Postponement and childlessness - Evidence from two British cohorts // Demographic research. 2008. Vol. 19. Pp. 1935-1968. DOI: 10.4054/DemRes.2008.19.58.

4) Tanturri M.L. The determinants of childlessness among men and women in later adult life in Italy: do they differ? New Orleans, 2012. 21 p. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/3eb1/4bbe6e60abf949a5e5fd2088599498791d04.pdf (дата обращения: 25.01.2020)

5) Бичарова М. М. Феномен «чайлдхейт» как форма социального паразитизма. // Научные итоги 2017 года: достижения, проекты, гипотезы: сборник материалов VII Ежегодной итоговой международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. С. 46-50. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32238651_44848306.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

6) Вильданова С.М., Граничная А.А., Мингалиева А.Р., Саляхиева Л.М. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 192–205. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13.

Анохина Анна Альбертовна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Родительский пример как важнейший механизм формирования личности

Семья является главным социальным институтом, в котором заложены факторы, оказывающие влияние на формирование личности и социализацию индивида. Одной из главных функций семьи, по М. С. Мацковскому, является воспитательная, которая заключается в социализации молодого поколения и поддержании культурной непрерывности общества. Для личности эта функция имеет большое значение, заключающееся в удовлетворении потребности в родительстве, контакте с детьми, их

воспитании и самореализации в детях [3, с. 43]. Несмотря на то, что П. А. Сорокин, занимаясь изучением социализации молодежи, считал, что воспитательная функция семьи передается государству, институт семьи остается главным объектом, выполняющим её, так как ребенок так или иначе находится в семье с самого начала своей жизни: «Семья как социально-психологическая целостность оказывает социализирующее воздействие на личность посредством нормативного и информационного влияния. Чем сплоченнее семья, тем эффективнее нормативное воздействие» [1, с. 124].

Родительский пример играет существенную роль в социализации индивида. Рассматривая данный аспект через теорию психоанализа З. Фрейда [2], следует отметить, что всё, происходящее с нами в детстве оставляет большой отпечаток на всей нашей жизни, эти воспоминания откладываются в подсознании и могут примениться человеком через много лет, причем он об этом даже не догадается. Когда индивид на протяжении длительного времени растет с людьми, подвергаясь с их стороны неправильному и плохому обращению, он нередко начинает принимать это за норму, и при отсутствии такого негативного влияния начинает испытывать его недостаток. Именно поэтому люди могут выбирать в спутники своей жизни человека, сочетающего в себе часто негативные качества их родителей, понимая это лишь подсознательно. Также ребенок в процессе становления своей личности перенимает привычки своих родителей, становится похож на них не только внешне, но и внутренне, и начинает вести себя с окружающими людьми ровно так же, как с ним ведут себя родители. Даже если ему это не нравится и он считает, что никогда не будет подобным образом воспитывать собственных детей - не замечая и не осознавая этого нередко индивид становится копией своего родителя, отражая в себе все то, что ему так не нравилось в его детско-родительских отношениях. Именно поэтому семья все еще остается главным институтом, а родители - агентами социализации личности ребенка. Возникает потребность в более подробном изучении данной темы с целью извлечения ключевых факторов влияния родительского примера на социализацию человека.

Гипотеза исследования состоит в том, что образ родителя в процессе социализации ребенка играет ключевую роль. Дети перенимают на себя поведение родителей, мечтают быть как они, заниматься той же трудовой деятельностью. Тяжелые отношения с родителями, их отсутствие в жизни ребенка резко и негативно сказываются на его формирующейся личности. Результаты исследования позволяют нам прийти к выводу, что гипотеза подтвердилась.

Исследование ценностей и установок мужчин и женщин посредством методики «Семантический дифференциал» не отобразило должным образом глубину данной темы, но все же показало проблемные области детско-родительских отношений и их влияние на социализацию индивида. Выявлены значительные расхождения в оценках по различным объектам у мужчин и женщин. В целом, сравниваемые объекты не отождествляются. Так, в среднем оценки понятий «родительский дом», «профессия родителей», «детская жизнь с родителями», «семейный досуг», «друзья семьи, родителей» совпадают у обеих исследуемых групп, при этом положительными являются понятия, связанные с детством, остальные в большей степени оцениваются как нейтральные. Относительно существенные различия представлены по категориям «брачный партнер на всю жизнь», «возможность смены брачного партнера», «супружеские отношения», «детско-родительские отношения» и «взрослая жизнь отдельно от родителей». Например, женщины наиболее тепло оценивают супружеские отношения, что связано с их большим стремлением к идеализации данного понятия, однако в то же время наблюдается некая тяжесть в их оценках детско-родительских отношений, исходя из чего вскрывается проблемная зона. Также мужчины наиболее склонны к смене брачного партнера, чем женская половина, однако они значительно ниже и негативнее оценивают взрослую жизнь отдельно от родителей, что может говорить о их вероятной несостоятельности на данный момент. Это позволяет нам говорить о том, что на данные установки оказали большое влияние, вероятнее всего, родительские образы и стили поведения.

Вторая часть гипотезы о том, что жесткий уровень воспитания, неполный состав семьи, безразличное поведение родителей по отношению к ребенку негативным образом сказывается на формировании его личности, так же подтверждается. В проведенном психологическом тесте на взаимную любовь детей и родителей выявлены респонденты с проблемами во взаимоотношениях с родителями, поставившие отрицательные оценки на параметры, которые должны присутствовать в теплой и любящей атмосфере семьи. Далее в ходе интервьюирования было выявлено, что родители, а также их отсутствие оказывают главное и очень сильное влияние на формирование личностей своих детей.

Резюмируя, мы приходим к выводу, что родительский пример действительно является важнейшим механизмом формирования личности.

Источники и литература

1) Антонов А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. – 304 с.

2) Обухова Л. Ф. Психоаналитические теории детского развития: теория Зигмунда Фрейда [Электронный ресурс] / Л. Ф. Обухова // Детская психология: теория, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995. – URL: http://psylib.org.ua/books/obuhl01/txt03.htm (дата обращения 31.01.2020).

3) Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики / М. С. Мацковский. – М.: Наука, 1989. – 116 с.

Антонов Анатолий Иванович

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Острые проблемы семейно-демографической политики

Семейно-демографическая политика сфокусирована на экзистен- циальном значении семьи как единственном институте в обществе с атрибутивной функцией воспроизводства новых поколений и социализацией их как будущих родителей. СДП отличается от политики вообще, сосредоточенной на взаимных отношениях личности и общества, на степени респонсивности их относительно интересов друг друга, в современном обществе смещенной в пользу государства, зацикленного на рыночной экономике с ее конкуренцией и максимизацией выгод относительно затрат. Многие принимаемые решения в социуме рыночной экономики, сфокусированном на индивиде - работнике, негативно влияют на благополучие семьи, и это признается всеми, начиная с Адама Смита, сокрушавшегося по поводу равенства зарплат работников с разным числом детей. Тут уместно вспомнить Томаса Мальтуса, восставшего против «семейной зарплаты» бедным или пособий на детей, т.к. беднякам следует воздержаться от вступления в брак и обзаведения детьми. Однако, очевидное в первой трети XX века сокращение рождаемости в Европе в контексте хронического отставания заработной платы от стоимости рабочей силы заставляет правительства европейских стран пойти на провозглашение новой политики велфера, где «благоденствие» связано с огосударствлением детей, взятием государством на себя функций содержания, воспитания и образования их, но при сохранении издержек и расходов связанных с детьми за семьей (и при получении бюрократическим государством

выгод, которые приносят выросшие дети). В таком случае по Г.Беккеру снижается «спрос» на детей, заталкивающий семьи в зону бедности.

Политика в ЕС и РФ в основном не выходит за рамки социальной и семейной политики и сконцентрирована на индивиде-работнике, поэто- му желательный переход к семейно-демографической политике в целях укрепления семейно-детного образа жизни требует серьезной перезагруз- ки в ценностном отношении - с личности на семью. Во избежание горько- го опыта шведских и советских конструкторов семейного счастья СДП должна быть ориентирована на совместную деятельность родителей и детей, на взаимозависимость и взаимную дополнительность старших и младших поколений по обеспечению надлежащего режима воспроизвод- ства населения, по распространению семей с несколькими (3-4) детьми, ведущими здоровый образ жизни на основе преобладания семейно-до- машнего воспитания, обучения и труда над внесемейным. В семейно- хозяйственном домопроизводстве родителей и детей на основе современ- ных технологий должен быть поддержан детский труд, повышающий ценность экономической полезности детей. Сочетание этого труда с ро- дительским трудом, с семейно-домашним обучением детей самими роди- телями таит потенциал реанимации производственной и образователь- ной функций семьи, перехваченных государством в начале XX столетия. При капитализме ориентированном на прибыль, создаваемую работника- ми, исполняющими помимо профессиональных также массу социальных ролей, и тем самым, укрепляющих сложившийся социальный порядок, часто подчеркивается не трудовой потенциал детей (будущей рабочей силы), а эмоциональная значимость их для родителей, личная заинтере- сованность в детях. Пока дети не готовая рабочая сила, а как бы полу- фабрикаты -забота о них удел семьи. В терминах теории обмена расходы на содержание детей компенсируются эмоциями, психологическими удовольствиями от общения с ними. Как только дети становятся взрослой рабочей силой, трудовым ресурсом выясняется их потребительная сто- имость как производителей прибыли и как источника поддержки всех иждивенцев и пенсионеров. Это латентное качество нового трудресурса не учитывается в период детства и не находит в экономике рынка экви- валентного обмена т.к. подготовка рабсилы родителями не учитывается в зарплате. Поэтому именно возникает идея платного родительского тру- да. Бюрократическое государство, социализируя семейные функции ви- дит в семье конкурента в воздействии на индивида и не хочет подлинной автономии семьи, не хочет делиться с автономной семьей даже частью зависимости человека от «социального» государства. И возможно это обстоятельство сильнее

побуждает к бюрократическому разрушению са- модеятельности семьи как института воспроизводства населения и при- ватной, частно-семейной социализации детей. Это стремление сильнее, чем даже желание сохранить семью в качестве несущей «золотые яйца» и ежегодно и бескорыстно передающей рыночной экономике новые тру- довые ресурсы, которые тотчас же начинают производить прибыль. СДП требует соответствия политики государства той политике, которую хо- тела бы видеть суверенная семья по удовлетворению сугубо семейных, а не индивидуальных только потребностей, что возможно при надлежащей организации взаимодействия с наукой, обосновывающей направленность политики, выбор целей и средств в строго определяемые сроки в зависимости от демографического потенциала структуры населения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

***Апанина Алена Владимировна*[1]*, Фионова Виктория Александровна*[2]**

1 - ИГУ, Иркутск, Россия; 2 - ИСН ИГУ, Иркутск, Россия

Личная (семейная) жизнь как превалирующий фактор формирования образа социального благополучия в представлении пожилых людей.

В современном мире обращение к проблеме благополучия является маркером успешности и удовлетворённости жизни современного человека. Важно отметить, что социальное благополучие становится важнейшей интегральной характеристикой развития общества.

Социальное благополучие является интегральным показателем эффективности функционирования социальной сферы, отражением социального самочувствия, уровня благосостояния, качества жизни населения, индикатором социальной безопасности общественной системы в целом.

По данным статьи «Факторы субъективного благополучия личности» Кужильной Анны Вячеславовны для современных людей в большинстве случаев факторами благополучия являются: здоровье, семья, финансо-

вый достаток, комфортные условия проживания, душевное спокойствие, наличие образования и престижной работы.

Среди самых значимых для человека ценностей одно из ведущих мест занимает семья, в особенности для взрослой части населения. В семье не только удовлетворяются, но и формируются материальные и духовные потребности личности, её ценностная система, создаются и поддерживаются бытовые традиции, осуществляются взаимопомощь в ведении домашнего хозяйства, психологическая поддержка.

Если в молодом и зрелом возрасте трудовая деятельность еще конкурирует с семейной по затратам времени и ценности для человека, то в пожилом возрасте семья как среда существования человека становится явной доминантой. По мнению В. Голофаста, без сферы личной, частной семейной жизни существование кажется пожилому человеку ущербным, неполноценным.

С целью выявления факторов социального благополучия нами был проведен социологический опрос. В опросе приняло участие 159 респондентов. Из них 94 женщины и 65 мужчин. Результаты исследования показали, что из главных факторов благополучия семью. Что касается опрошенных в возрасте от 55 до 78 лет, то из 37 респондентов 23 отметили семью, как превалирующий фактор благополучия.

В наши дни для пожилых людей, не имеющих семьи или в силу определенных обстоятельств вынужденных жить отдельно от детей, не способных к самообслуживанию, создаются государственные и негосударственные интернаты для престарелых и инвалидов. Однако учреждение не способно заменить человеку семью, и он все же испытывает одиночество. Продолжительное одиночество постепенно уничтожает жизненные силы человека. Одинокие люди чувствуют себя покинутыми, обделенными, потерянными, ненужными.

Подводя итог, мы можем сказать о том, что семья как малая группа необходима каждому человеку, независимо от пола и возраста. Однако особую необходимость в семейных узах ощущают люди преклонного возраста, поскольку семья дает им чувство защищённости, способствует формированию социальной значимости. Пожилые люди нуждаются в регулярных контактах с близкими, вовлеченности их в общую семейную жизнедеятельность, тогда они чувствуют себя значимыми и защищенными.

Источники и литература

1) Власова А. А. Современные теории социального благополучия / А. А. Власова, Д. В. Дворникова, А. В. Кошелева // Уч.-метод. пособие. — Режим доступа: http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/20170604.pdf, свободный.

2) Гареева З. К. Социальное благополучие в системе социальной работы. Измерение социального благополучия / З. К. Гареева, Л. М. Билалова, О. М. Иванова, Т. А. Черникова // Научная электронная библиотека. — Режим доступа: https://monographies.ru/ru/book/section?id=10906, свободный.

3) Кужильная А. В. Факторы субъективного благополучия личности / А. В. Кужильная // Евразийский Союз Ученых. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-subektivnogo-blagopoluchiya-lichnosti/viewer, свободный.

4) Мустаева Ф. А. Исследование роли семьи в жизни пожилого человека / Ф. А. Мустаева, З. Л. Сизоненко, О. Н. Юлдашева // Здоровье и образование в XXI веке. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-roli-semi-v-zhizni-pozhilogo-cheloveka/viewer, свободный.

5) Российский литературный портал - Проза.ру [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.proza.ru/2017/09/05/578, свободный.

6) Российское информационное агентство - Regnum [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/society/2118129.html, свободный.

7) Центр домашней заботы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://centrzaboty.ru/articles/uchrezhdenija-dlja-pozhilyh-v-Rossii/, свободный.

Аперян Анна Валериевна

аспирант кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Ростов-на-Дону, Россия

Социальные ресурсы семьи и качество семейной коммуникации как эмпирические индикаторы изучения роли семьи в воспроизводстве социального неравенства

Семья в настоящее время является социальным институтом, играющим большую роль в воспроизводстве социального неравенства. Между

тем, её качество в указанном аспекте обладает некоторой двойственностью, которая складывается из того, что, во-первых, социальный статус под ее влиянием может формироваться посредством использования формальных ресурсов, во-вторых, роль может быть опосредованной и выражаться в определенном характере взаимодействия родителей и детей. Обе особенности семьи могут изучаться с помощью применения двух эмпирических индикаторов: социальные ресурсов и качество семейной коммуникации

С первым из двух понятий никакие гносеологические затруднения мы не испытываем. Его можно определить как инструментальные средства семьи, необходимые для обеспечения потребностей ребенка в интеллектуальном и физическом развитии. Фактически оно перекрывается двумя формами семейного капитала - финансовым и человеческим, которые могут быть методологически описаны с привлечением концепции Дж. Коулмана [1, С. 54-55]. Если родители рассчитывают обеспечить своему ребенку достижение высокого социального статуса, то им необходимо создать соответствующие условия, которые бы гарантировали качество ресурсного вложения в его будущее. Наличие самих условий не дает прямой и непосредственной гарантии, но вполне допустимо предположение о том, что семьи с высоким уровнем ресурсов обеспечивают ребенку более высокие стартовые возможности, которые способны трансформироваться в высокий социальный статус при наличии усилий со стороны самого ребенка. Причем чем раньше ребенок осознает свои потребности, экстраполированные затем во взрослую жизнь, тем больше у него объективных шансов занять во взрослой жизни высокостатусные позиции [2, С. 33-37].

Последнее представляется особенно актуальным и в связи с тем, что социальные ресурсы семьи не могут трансформироваться в социальный статус сами по себе, и потому, что социальная стратификация зависит не только от формальных возможностей семьи. Определенную роль здесь играет "качество семейной коммуникации".

Уже само лексическое наполнение данного понятия предполагает необходимость качественного учета тех содержательных коннотаций, которые с ним потенциально могут быть связаны. Это содержит предполагаемые сложности не только для стандартизированных процедур учета данных, которые мы предполагаем получить на основе проведения социологического опроса, но также ряд трудностей, связанных с операционализацией самого понятия. Наличие данных трудностей обуславливается противоречием между тем, что с одной стороны "качество семейной коммуникации" является качественным понятием, но, с другой стороны, оно будет изучаться и оцениваться с помощью методов (социологических

опрос), традиционно применяемых к количественным понятиям. Преодоление указанных трудностей мы предполагаем осуществить за счет максимально точных формулировок, отражающих четко фиксированные грани предлагаемого к рассмотрению понятия.

Итак, под качеством семейной коммуникации мы будем понимать сложившийся порядок взаимодействия между супругами, родителями и детьми, а также лицами, исполняющими функции родителей, который способствует увеличению или уменьшению социального капитала семьи, оказывающего воздействие на результат формирования объема личных ресурсов социальных акторов, в данном случае - молодежи. Что касается сложившегося порядка взаимодействия, то он отражает, прежде всего, особенности коммуникации между членами семьи, которые гипотетически мы постулируем либо как увеличивающие, либо как снижающие качество семейного капитала.

Источники и литература

1) Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3.
2) Каменева Т.Н. Институциональные функции семейных ролей: современное состояние и перспективы трансформации // Auditorium. 2014. Том 3. №3.

Аполинская София Леонидовна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

Противоречивость гендерного равноправия в доступности благосостояния по критериям доходов

В связи с тем, что трудоспособных женщин во всём мире по-прежнему меньше, чем мужчин, разрыв в экономическом участии и возможностях ежегодно увеличивается. В среднем около 78% взрослых трудоспособны в то время, только 55% женщин того же возрастного сегмента активно заняты на рынке труда. Это означает, что более 30% глобального гендерного разрыва в участии в рабочей силе еще не преодолено.

Кроме того, на рынке труда гендерные различия, как правило, увеличиваются вместе с увеличением стажа работы. В глобальном масштабе

женщины составляют 36% руководителей высшего звена частного сектора и должностных лиц государственного сектора, в то время как присутствие женщин в советах директоров корпораций или в качестве ведущих бизнес-лидеров еще более ограничено: только 18,2% фирм во всем мире возглавляют женщины, около 22,3% членов советов директоров в странах ОЭСР-женщины с еще более низкой представленностью в странах с формирующейся экономикой.

Важное значение по-прежнему имеют и финансовые диспропорции. В среднем более чем на 40% заработная плата женщин ниже заработной платы мужчин, занимающего аналогичную должность, также разница ФОТ женщин и мужчин составляет 50%. Это различие частично объясняется тем фактом, что женщины сталкиваются с трудностями в получении руководящих должностей и/или в работе в высокооплачиваемых сегментах экономики [1, с. 11].

Рассматривая Российскую Федерации в отдельности, можно заключить следующее:

1) Российская Федерация к 2020 году преодолела 70,6% гендерного разрыва и сейчас занимает 81-е место в рейтинге;
2) российские женщины в среднем более образованны, чем мужчины, но редко достигают руководящих постов. 91% процент женщин заканчивает среднюю школу (по сравнению с 90,4% мужчин), 89% женщин-выпускников средней школы обучаются в высших учебных заведениях по сравнению с 75% мужчин;
3) российские женщины не только участвуют в рабочей силе на высоком уровне (68,9% - на рынке труда), но и заняты на квалифицированной работе в большей степени, нежели мужчины (62,3% профессионально-технических работников-женщины). Однако, несмотря на их средний уровень квалификации, женщины по-прежнему сталкиваются с финансовыми трудностями: лишь 71,2% разрыва в заработной плате и 57,9% разрыва в доходах были преодолены к настоящему времени. Неравенство в доходах частично объясняется тем, что женщины сталкиваются с сопротивлением в получении доступа к руководящим должностям: 41,8% руководителей и старших должностных лиц-женщины и только 7% членов совета директоров-женщины [1, с. 32].

В Санкт-Петербурге в среднем уровень зарплат мужчин среди работников всех квалификаций и профессий выше уровня зарплат женщин на

33,3%. На каждую трудоспособную женщину, имеющую высшее образование, приходится 1,4 мужчины с данным уровнем профессиональных знаний. Трудоспособных, обладающих средним профессиональным образованием, мужчин на 20% больше, чем женщин с данным уровнем образования [4, с. 47].

Анализируя показатели фондов оплаты труда трудоспособного населения города Санкт-Петербурга за 2018 год, можно сделать вывод - ФОТ трудоспособных мужчин в среднем на 5,2% выше, чем ФОТ трудоспособных женщин. Так, в 10 из 18 районов города данный показатель выше среднего. В таких районах как Курортный и Кронштадтский ФОТ мужчин выше, чем данный показатель у женщин почти на 20%. В Колпинском, Петродворцовом и Адмиралтейском разрыв составляет 12±3% в пользу мужчин. В Красногвардейском и Василеостровском районах разрыв не превышает 1%. При этом в Московском районе ФОТ трудоспособных женщин даже превалирует на 3,7% над ФОТ трудоспособных мужчин. В остальных районах города Санкт-Петербург разрыв в пользу мужчин варьируется от 2,3% до 8,5%.

Несмотря на многолетнюю борьбу с экономическим гендерным неравенством в стране, до сих пор остаются неразрешенные проблемы. К ним относятся:

1) «Маскулинные» государственная политика и политика ведения бизнеса. Государственный сектор, где в советское время было занято много женщин, сузился, а новые работодатели (коммерческие фирмы) предпочитают брать на работу мужчин, нежели потенциальных матерей [3].

Согласно данным Мишель Бадиг, профессора социологии Массачусетского университета, в среднем заработки мужчин увеличиваются более чем на 6%, когда у них появляются дети (если они живут с ними), в то время как заработки женщин уменьшаются на 4% с каждым ребенком. Бездетные, незамужние женщины зарабатывают 96 центов на каждый доллар, который зарабатывает мужчина, в то время как замужние матери зарабатывают 76 центов, расширяя разрыв [2].

1) Закрытость ряда профессий для женщин. К тому же, во многих сферах, традиционно считающихся «мужскими», уровень зарплат чаще всего выше, чем в традиционно «женских», требующих такого же уровня навыков.

Единственное, что можно сделать, чтобы побороть неравенство, это, во-первых, совершенствовать законодательную базу, то есть введение законов, обязывающих работодателей платить одинаковую зарплату мужчинам и женщинам, занимающим схожие должности. Во-вторых, при помощи СМИ бороться с устаревшими стереотипами.

Источники и литература

1) The global gender gap report 2020 // World Affairs Online WAO. 2019. - URL:http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf
2) Claire Cain Miller The Motherhood Penalty vs. the Fatherhood Bonus // The New York Times. September 6, 2014. - URL: https://www.nytimes.com/2014/09/07/upshot/a-child-helps-your-career-if-youre-a-man.html
3) Соболевская О.В. Почему женщины редко становятся начальниками // IQ HSE RU. - 21 ноября 2016 г. - URL: https://iq.hse.ru/news/196881203.html
4) Оплата труда в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в январе-июне 2018 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Территориальный орган по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат). - URL: http://petrostat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/647698804727ab03bfa1bfa9f02e5c1a/op2kv18.pdf

Артамонова Яна Викторовна

ФГАОУ ВО Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Устойчивость жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся социальной реальности (на материалах Ростовской области)

Молодая семья является одним из самых важных ресурсов, влияющих на развитие российского общества. Поскольку российское общество подвержено социально-экономическим, политическим и социокультурным изменениям, то молодые люди конструируют собственную социальную реальность, исходя из этого, что в свою очередь влияет на появление новых моделей семейного поведения. Семья воспринимается молодежью в качестве инструментальной ценности [1], сегодня молодежь

более свободно относится к неформальным бракам [2], также наблюдается ориентированность молодежи на модель семьи с одним ребенком или же чайлдфри [3].

В научной литературе накоплен достаточно массивный пласт исследований по вопросам молодой семьи. Анализируются жизненные стратегии, образ жизни, ценностные ориентации и установки молодой семьи [4,5,6]. Также интерес вызывают репродуктивные стратегии молодой семьи и социальное здоровье супругов [7,8].

Так как современная молодая семья в России подвержена различного рода рискам, то особой актуальностью обладает вопрос, направленный на рассмотрение устойчивости жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся социальной реальности.

Социальная реальность постоянно воссоздается человеком и зависит от тех интерпретаций, которыми ее наделяет сам человек. Опираясь на определение А. Щюца, социальная реальность - это сумма объектов и событий, которые можно наблюдать в социокультурном мире в том виде, как их интерпретируют люди, живущие повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий [9].

Жизненный мир молодой семьи - это субъективная модель социальной реальности, отражающая представления молодых супругов о семье, их семейные ценности, установки и практики, детерминированные факторами макро- и микросоциальной среды [10]. Опираясь на концепцию социологии жизни Ж.Т. Тощенко [11] и рискологическую концепцию Ю.А. Зубок [12], нами была выявлена структура жизненного мира, которая включает в себя молодых супругов (акторов), социальную среду, где кроются рискогенные факторы влияния на жизненны мир, ценностные ориентации и установки молодых супругов, а также социальное поведение молодой семьи.

Стабильность в развитии общества позволяет формировать жизненный мир молодой семьи на основе традиционных моделей семейного поведения. Но современное российское общество представляет собой общество риска, что влияет на накопление конфликтогого потенциала во всех компонентах жизненного мира, который может повлиять на устойчивость жизненного мира и привести к его распаду.

Проанализировав данные, полученные в ходе авторского исследования «Жизненный мир молодой семьи в Ростовской области», нами были выявлены когнитивные, ценностные и поведенческие риски распада жизненного мира молодой семьи.

Когнитивные риски - это риски снижения уровня знаний молодых людей о семье. Результаты исследования подтверждают, что к данным рискам относится снижение уровня семейной культуры (10,4%), низкая защищенность в плане семейного и ювенального права (2,8%), а также утрата религиозности (2,7%).

Ценностные риски - это риски, связанные с девальвацией ценности семьи. Супруги беспокоятся за будущее семьи, так как 25,2% отметили, что они наблюдают тенденцию разрушения семейных ценностей. Но стоит отметит, что в Ростовской области семейные ценности и традиции очень устойчивы: об этом свидетельствуют традиционные взгляды молодых супругов на форму семейных отношений (89,2 %) и основные мотивы создания семьи - любовь (90 %) и дети (17 %).

На поведенческие риски влияет трансформация образа жизни молодой семьи. Поведенческие риски наблюдаются в том случае, если не совпадают когнитивно-ценностные представления супругов в молодой семье реальными социальными практиками. Например, 20,1% респондентов боятся риска экономической нестабильности молодой семьи. Также к одному из поведенческих рисков молодые супруги отнесли риски, связанные с репродуктивным поведением (16,9 %). Отметим прямую зависимость материального положения молодой семьи и репродуктивных установок супругов. Риски гендерного противоречия молодых супругов можно проследить в процессе хозяйственно-бытового поведения.

На наш взгляд, чтобы жизненный мир молодой семьи в исследуемом нами регионе сформировался устойчивым, требуется осознанное понимание рисков, а также их предотвращение. Необходим процесс риск-рефлексии. Данный процесс необходимо осуществлять как общественной системе, так и непосредственно молодым супругам, что позволит минимизировать или полностью устранить риски распада жизненного мира молодой семьи. Процесс рефлексии рисков задействованными субъектами отражается в макростратегиях и микростратегиях когнитивного, ценностного и поведенческого порядка, что позволяет устранить возникающий конфликтогенный потенциал и сделать жизненный мир молодой семьи исследуемого нами региона более устойчивым.

Микростратегии и макростратегии минимизации и преодоления рисков выстраиваются на основе деятельности следующих агентов: семья, образование, государственные и общественные организации, СМИ.

Таким образом, качественная рефлексия со стороны всех задействованных агентов позволит добиться работы успешной, действующей в поддержку молодых семей, семейной политики, а риск-рефлексия со стороны молодых супругов даст возможность самим молодым супругам ак-

тивней участвовать в разработке программ, направленных на поддержку молодых семей.

Источники и литература

1) Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.

2) Рощина Я.М., Мальцева М.А. Неформальный брак в России в 2000–2014 гг. [Электронный ресурс] // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). 2016. Вып. 6. URL: https://www.hse.ru/data/2016/07/28/1118935935/Vestnik%20RLMS-HSE_2016.pdf (Дата обращения 06.12.2019 г.).

3) Демографический прогноз до 2030 года [Электронный ресурс] Федеральная служба государственной статистики URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/materials/news/doc_127253911207 (Дата обращения 06.12.2019 г.).

4) Ахмедова И.Г. Образ жизни – как интегративный индикатор функционального состояния молодой семьи // Методология, теория и история социологии. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012.

5) Преснякова-Осипова И.В. Образ жизни семьи в Российской Федерации как объект социологического анализа // Власть. 2011. № 9. С.83-85.

6) Сорокина Е.С. Жизненные стратегии молодой семьи: социологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. социол. н. М., 2007. 21 с.

7) Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. №2. С. 129-136.

8) Гафиатулина Н.Х., Верещагина А.В., Самыгин С.И. Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9.

9) Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия». 2004. С. 55.

10) Сердюченко Я.В. Жизненный мир молодой семьи: особенности формирования и риски разрушения (на материалах Ростовской об-

ласти): автор. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04/Я.В. Сердюченко, Ростов-на Дону, 2018.

11) Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х.-середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. ЦСП и М, 2016. 367 с.

12) Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.

Бабийчук Ирина Анатольевна

Московский государственный психолого-педагогический университет, институт «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Краснознаменск Московской области, РФ

Феномен конфликтофобии в школьном социуме

Обретение самостоятельности, становления социальной зрелости молодежи в условиях «префигуративной культуры» [1] неизбежно проходит через конфликт. В работах исследователей в области социологии, педагогики и психологии утверждается, что становление и развитие личности (группового или индивидуального субъекта) возможно только на пути преодоления кризисов и разрешения конфликтов [2]. Конфликты неизбежны, но они и необходимы, как показатель развития. Поэтому, образовательная организация должна обеспечить формирование необходимых компетенций и развитие навыков грамотного поведения в проблемной ситуации.

Однако конфликты в школьном социуме чаще всего воспринимаются как негативное явление. При этом конструктивная роль конфликта не осознается, а негативная, напротив, преувеличивается. Реакция руководителей и педагогов на конфликты, сводится к замалчиванию или к формальному, «насильственному» примирению конфликтующих сторон [3].

«Конфликтофобия», как явление социальное, в школьной среде провоцирует применение неконструктивной стратегии избегания конфликтов в ситуациях, объективно требующих активного преодоления противоречий. Отмечаемая исследователями проблема игнорирования конфликтов в школьном социуме является серьезной ошибкой, так как простые схемы разрешения конфликтов малоэффективны и переводят их из категории краткосрочных в категорию вялотекущих, периодически обостряющихся без явных признаков периода полного разрешения [4].

Отсюда проблема неразрешенного конфликта, когда вместо осмысления и подробного разбора ситуации ребенка вводят в ситуацию навязанного принятия конфликта. Причину этого исследователи усматривают в том, что в педагогическом коллективе конфликт считается признаком непрофессионализма самого педагога. Данные проведенных исследований свидетельствуют о том, что 35-40 % детских неврозов является следствием деструктивных конфликтов в отношениях между учителями и обучающимися [5]. В результате чего происходит снижение мотивации к обучению и участию в жизнедеятельности школы, пропуски уроков. Поэтому, практически все участники образовательного процесса к конфликтам относятся негативно.

Советская социология с функционалистских позиций отрицала наличие конфликтов в системе образования. Современный подход структурно-функциональной школы конфликтологии оправдывает и поддерживает явление конфликтофобии, или избегание конфликта. Осознание естественности и неизбежности конфликтов в социуме, раскрытие их конструктивных функций, позволило точке зрения теории позитивного конфликта проникнуть в педагогику в связи с окончанием эпохи «конфликтофобии» [6].

Однако, важнейшее противоречие, на которое указывает Б.И. Хасан в своих работах, это противоречие между «достаточно очевидным пониманием функций конфликта как механизма разрешений противоречий в действии, обеспечивающих тем самым развитие человека и общества» и достаточно очевидным страхом перед конфликтом как экзистенциональном фактом [7]. Данное противоречие, по мнению автора, требует своего разрешения для определения места конфликта как в социальной практике, в том числе и в образовании, так и в индивидуальной психологии и научной предметности. В свою очередь, тема конфликтофобии в школьном социуме также требует соответствующих исследований и практических решений.

Источники и литература

1) Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения: пер. с англ. / М. Мид. - М.,1988

2) Цой Л.Н. Вызовы современного мира: кла конфликтологии [Эл. рес.].-URL: http://conflictmanagement.ru/vyizovyi-sovremennogo-mira-konfliktyi-i-razvitie (дата обращения 5.10.2019).

3) Гридчин А.А., Цыганкова Е.Н. Актуальные проблемы управления конфликтными ситуациями в школьном социуме // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3 (121). С. 19-23

4) Смирнова В.В. Управление конфликтами в образовательном учреждении // Инновационное управление человеческими ресурсами в образовательных учреждениях: коллектив. моногр. СПб., 2014. С. 253-275

5) Ольшанский В. Игры, в которые мы играем, или Почему возникают и как проходят школьные конфликты? // Директор школы. 2000. № 7. С. 3-12

6) Хасан Б.И., Сергоманов П.А. Психология конфликта и переговоры: учебное пособие для студентов высших учеб. заведений. 2-е изд., стер. М., 2006.192 с.

7) Хасан Б.И. Природа и механизмы конфликтофобии. Конфликтология. Хрестоматия. / Составитель: Н.И. Леонов. – М.: Московский психолого - социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – 304 с.

***Байков Николай Михайлович*[1]*, Березутский Юрий Владимирович*[2]**

1 - Дальневостчный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Хабаровск, Россия; 2 - Дальневосточный институт управления - филиал РАНХиГС, Хабаровск, Россия

Здоровый образ жизни городского сообщества: динамика представлений и самосохранительного поведения

Социальный конструкт «здоровый образ жизни» (ЗОЖ) является сегодня неотъемлемой частью информационного пространства, формирующего общественное сознание, о чем свидетельствуют миллионы ссылок на него в сети Интернет. Социологический мониторинг приверженности жителей г. Хабаровска к ЗОЖ, осуществляемый под руководством авторов, свидетельствует о динамике общественного мнения городского сообщества [1]. Методология и методика мониторинга основывается на социологическом измерении этого ключевого понятия как единого комплекса

основных слагаемых: здоровое питание, двигательная активность, отказ от вредных привычек, профилактическая медицина и др.

За семилетний исследовательский период (2013-2019 гг.) самооценки хабаровчан в отношении приверженности к ЗОЖ существенно не изменились. Подавляющее большинство респондентов в 2019 г. (70%) и в 2013 г. (75%) с той или иной степенью утверждает, что «ведут здоровый образ жизни». Однако в реальной повседневности хабаровчане в меньшей степени демонстрируют приверженность к ведению ЗОЖ. Как результат, лишь треть респондентов оценивают состояние своего здоровья как «хорошее». О завышенных самооценках жителей приверженности к ЗОЖ также свидетельствует и тот факт, что абсолютное большинство опрошенных хабаровчан не выработали правильную привычку - профилактику заболеваний. Так, всего лишь 15% хабаровчан в случае заболеваний постоянно обращаются к врачу, остальные либо редко обращаются к врачу, либо вообще занимаются самолечением. Лишь 13,3% обращаются к врачам с целью профилактики тех или иных заболеваний. Примерно третья часть опрошенных (28,4%) иногда или же редко это делают, а большинство опрошенных (58,3%) никогда не посещают врачей с целью профилактики. По-прежнему лишь четверть респондентов (25,5%) обращаются к стоматологу с целью профилактических осмотров. Большая часть опрошенных (60,5%) обращаются только в случае необходимости (боли, протезировании). Обследования для выявления предрасположенности к онкологическим заболеваниям проходила третья часть опрошенных жителей, но лишь единицы «делают это регулярно».

Одним из факторов риска для здоровья является нерациональное и нездоровое питание. Потребительские практики хабаровчан по-прежнему не соответствуют рекомендациям по здоровому питанию. Доля горожан, ежедневно употребляющих в пищу свежие овощи и фрукты, значимо не меняется (36%), так же как и доля тех, кто делает это иногда (43%) и редко (15%). Сохраняется незначительная доля тех горожан, кто употребляет свежие овощи и фрукты в весовом измерении по рекомендуемым (порядка 500 грамм 5 различных видов) нормативам (13,8%). Более половины опрошенных (56,5%) употребляют сладкие газированные и энергетические напитки. Лишь 44,4% опрошенных стараются снизить потребление соли. Более половины опрошенных (52,9%) вообще не задумываются над количеством потребляемой соли.

Двигательная активность населения выступает одним из значимых факторов и условий ведения ЗОЖ и измеряется в опросе по специальной методике [2]. Общий вывод по результатам оценки двигательной активности хабаровчан заключается в том, что она сохраняется оптимальной

лишь у каждого третьего опрошенного (36,8%). Менее чем каждый десятый респондент (7,2%) ежедневно «нахаживает» рекомендуемую ВОЗ норму в 10 тысяч шагов. Большинство хабаровчан (58,0%) проводят ежедневно в сидячем положении от 5 и более часов.

Негативными факторами для ЗОЖ выступают вредные зависимости, оказывая прямое или косвенное влияние на состояние здоровья людей. По данным мониторинга в 2013 г. курил каждый третий (31%), а в 2019 г. - каждый четвертый опрошенный житель города (25%). При этом у части опрошенных курильщиков нет желания бросить эту вредную привычку (37,8%), около трети отмечают наличие такого желания, но самостоятельно бросить не могут (30,7%) и каждый третий (31,5%) считает, что сможет самостоятельно бросить курить. Кроме того, высокий уровень потребления алкоголя, который большинство горожан (79,3%) употребляют с разной степенью частоты алкоголь, нивелируют их декларации о ведении ЗОЖ.

Таким образом, субъективные представления большинства горожан о ЗОЖ как социально одобряемой модели самосохранительного поведения в реальной повседневности наталкиваются на объективные и субъективные «барьеры» обесценивающие мотивацию и реальную приверженность к ведению ЗОЖ. Отношение хабаровчан к ЗОЖ характеризуется состоянием когнитивного диссонанса, преодоление которого в равной степени зависит как от государственной политики привития навыков приверженности к ЗОЖ, так и от осознанного отношения каждого человека к своему здоровью.

Источники и литература

1) Социологический мониторинг «Приверженность населения г. Хабаровска ЗОЖ», Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2013-2019 гг. Объект исследования: жители г. Хабаровска в возрасте от 18 лет и старше (анкетный опрос, n=600±15 в разные годы). Выборка маршрутная (поквартирная) многоступенчатая случайная, квотная по полу, возрасту и району проживания, ошибка не превышает ±5%. Научные руководители – д.с.н., профессор Н.М. Байков и к.с.н., доцент Ю.В. Березутский.
2) Методика двигательной активности // International Physical Activity Prevalence Study. – Электронный ресурс. – URL: www.ipaq .ki.se

Балынин Игорь Викторович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Департамент общественных финансов, Москва, Россия

Как повысить рождаемость населения в Российской Федерации?

Одной из ключевых задач в Российской Федерации в настоящее время является повышение рождаемости населения, для чего, в частности, реализуется ряд мероприятий. В частности, программа материнского капитала. Как известно, в 2020 году в соответствии с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному собранию были приняты решения по ее модернизации (выплате, начиная с 1 ребенка, а также предоставлению дополнительной суммы при рождении 2 ребенка), а также ряд других мероприятий (при рождении 3 ребенка компенсация ипотечного кредита в сумме до 450 000 рублей; выплаты на детей с 3 до 7 лет и др).

По мнению автора, значимость мер социальной поддержки семей с детьми - это неотъемлемая и необходимая часть проводимой демографической политики. Однако в контексте эффективного и ответственного управления общественными финансами [1-2] и социальной справедливости представляется важным обеспечивать рост суммы материнского капитала за каждого рожденного ребенка со стимулированием к рождению третьего и последующих детей (с целью обеспечения прироста населения). Так, по мнению автора, размеры выплат могут быть распределены следующим образом: на первого ребенка - 150 тысяч рублей, на второго ребенка - 300 тысяч рублей, на третьего ребенка - 500 тысяч рублей, на четвертого ребенка - 800 тысяч рублей, на пятого ребенка - 1 миллион рублей (при наличии соответствующих финансовых возможностей суммы могут быть кратно увеличены; так, в частности, если отталкиваться от действующего размера на первого ребенка в 466 тысяч рублей, то на второго должно быть дополнительно не менее 900 тысяч рублей, на третьего - не менее 1500 тысяч рублей, а на четвертого - не менее 2 400 000 рублей, на пятого - 3 000 000 рублей). Для обеспечения максимальной защиты от инфляции представляется целесообразным установления процента индексации с 01.04. года следующего за истекшим финансовым годом, в размере, равном двухкратному значению инфляции за предыдущий год.

При этом, учитывая необходимость роста расходов на реализацию данных мер следует реализовать ряд мер по развитию государственного финансового контроля [3].

Более того, необходимо уделять внимание и мерам моральной поддержки (что, по мнению автора, в настоящее время в Российской Феде-

рации развито недостаточно). В частности, семьи с 3 и 4 детьми должны представляться к Благодарностям Правительства Российской Федерации и Президента Российской Федерации. Также, по мнению автора, с целью укрепления института семьи следует снизить с 7 до 5 порог по числу детей, с которого вручается орден «Родительская слава».

Особенно важно проведение соответствующей информационной кампании, направленной на обеспечение:

1) Оповещения граждан о положенных в соответствии с действующим законодательством мер социального обеспечения, для чего представляется целесообразным:

- создание отдельного приложения на мобильные устройства с авторизацией через портал государственных услуг; в рамках реализации данного предложения может быть осуществлена также синхронизация данных с порталом ЕГИССО;

- запуск коротких (до 40 секунд) видеороликов по отдельным мерам социального обеспечения семей с детьми (особенно важно, формирование регионального контента в каждом субъекте Российской Федерации).

2) Укрепления института семьи в обществе, что может быть реализовано следующими путями:

- формирование цикла передач на государственных телевизионных каналах и фильмов по данной тематике;

- проведение широких дискуссий, конференций и форумов как по проблемам социальной поддержки семей с детьми, так и по вопросам правильной организации воспитания глубоко и широко развитых личностей;

Бесспорно, особую роль должны играть институты гражданского общества. В частности, политические партии и общественные фонды, реализуя свои программы поддержки семей с детьми, в т.ч. в части оказания юридических консультационных услуг.

Таким образом, обеспечение повышения рождаемости населения в Российской Федерации возможно исключительно в условиях максимально взаимодействия органов государственного/местного самоуправления с населением, средствами массовой информации, институтами гражданского общества.

Источники и литература

1) Солянникова С.П. Ответственная бюджетная политика в условиях высокого уровня неопределенности: правила разработки и критерии оценки // Инновационное развитие экономики. 2016. № 3-2 (33). С. 91-96.

2) Ханова Л.М., Чавкин З.В. Совершенствование программно-целевого механизма в управлении расходами регионального бюджета // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 7. С. 2055-2068.

3) Сергиенко Н.С. Санкционирование расходов как метод государственного финансового контроля // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2015. № 1. С. 59-61.

***Банных Галина Алексеевна*[1]*, Ковязина Ирина Владимировна*[2]**

1 - Уральский Федеральный университет, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия;

2 - Уральский Федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Семьи с детьми и меры государственной поддержки: результаты социологического исследования

Пронаталистическая государственная политика в России реализуется на протяжении 10 лет, однако в основном она была направлена на поддержку рождения второго ребенка [1]. В своем последнем Послании Федеральному Собранию Президент РФ обратил внимание органов публичной власти, должностных лиц на ухудшающееся положение семей с детьми в государстве, а также предложил принять определенные меры, чтобы переломить ситуацию.

По исследованиям Росстата в 2019 году о распределении домохозяйств по оценке финансового положения, доля российских семей, которым хватает денежных средств только на еду и одежду, а приобретение товаров длительного пользования не могут себе позволить, увеличивается. Так, по сравнению с 2018 годом во втором квартале 2019 года доля составила 49,4%, что больше на 0,6%[2]. Министр труда и социальной защиты М. Топилин отметил, что «около 60% всех бедных семей в России - семьи с детьми»[3]. Особенно ощущают на себе падение уровня доходов многодетные семьи (от 3 и более детей), так как в 2017 году по сравнению с показателем за 2016 год процент таких домохозяйств вырос на 2,1[4].

Следовательно, можно предположить, что по прежнему острым остается финансовый вопрос для большинства российских семей, имеющих детей. На сегодняшний день социальное обслуживание семей с детьми предоставляется через четыре основные формы:

1) Денежные выплаты: пособия, материнский капитал;

2) Льготы: жилищные, трудовые, транспортные, медицинские и др.;

3) Материальная помощь: бесплатная выдача одежды, обуви, детского питания, медикаментов и др.;

4) Социальные услуги: психологические, юридические, педагогические виды помощи [5]. Данные формы социальной поддержки семей с детьми осуществляются на федеральном и региональном уровнях. Преобладающей формой оказания помощи семье с детьми является денежная форма.

Попробуем определить, как обстоит ситуация с предоставлением мер поддержки семьям с детьми на региональном уровне - в Свердловской области. По данным Министерства социальной политики Свердловской области, с 1.01.2011 до 01.01.2018 г был выдан в общей сумме 51 381 сертификат на материнский капитал. По состоянию на 31 декабря 2017 года в Свердловской области проживала 53 331 многодетная семья, воспитывающая 175 702 ребенка (для сравнения в 2011 году в регионе проживали 25 216 многодетных семей, воспитывающих 81 947 детей).

Наиболее активно развивающейся формой семейного устройства является приемная семья. По состоянию на 31.12.2017 количество приемных семей составляет 5934 семьи, в 2014 году таких семей было 4879. Таким образом, в регионе существует объективная потребность семей с детьми, семей в трудной жизненной ситуации в оказании им мер поддержки со стороны органов власти или некоммерческих организаций.

В рейтинге регионов по уровню благосостояния семей за 2018 год Свердловская область занимает 27 место из 85. Максимально возможный остаток денежных средств среднестатистической семьи с одним ребенком после минимальных расходов составляет 41 945 руб. в мес., с двумя - 31 111 руб. в мес [6].

Также для определения потребностей семей проводился опрос методом анкетирования. Опрос проводился путем стихийного отбора жителей Свердловской области, имеющих детей. Выборочная совокупность составляет 347 человек. Среднестатистическая продолжительность брака составляет около 7 лет. В опросе приняли участие семьи, которые относятся к малоимущим и многодетным семьям.

Прежде всего определялось социально-экономическое положение семьи за последние три года. Больше половины (59%) респондентов отмечает, что их положение изменилось в худшую сторону, для остальных же - не изменилось (37%). Данный факт свидетельствует о том, что проблема материального благополучия для семей играет важную роль.

Опрашиваемые респонденты в подавляющем большинстве состоят в официально зарегистрированном браке, лишь 16 % опрошенных являются неполными семьями, несколько матерей и четыре отца, воспиты-

вающие и ухаживающие за ребенком самостоятельно и относятся к категории одиноких родителей. При ответе на вопрос «Испытываете ли Вы потребность в оказании Вам или Вашей семье каких-либо мер социальной поддержки?» большинство опрошенных ответило положительно (96%).

При высоком субъективном уровне потребности опрошенных в социальной поддержке около 68 % опрошенных при ответе на вопрос «Получаете ли Вы в той или иной форме различные меры социальной поддержки?» ответили, что не получают. 32 % опрошенных ответили, что им предоставляются меры социальной поддержки, а именно: пособия на ребенка, материнский капитал, пособие по потере кормильца, алименты, льготы малообеспеченным и многодетным семьям.

На вопрос «Какие получатели социальных услуг сегодня более нуждаются в поддержке государства или НКО?» около 74% опрошенных утверждают, что больше всех нуждаются в поддержке государства семьи, в которых есть дети, многодетные и малоимущие семьи - для 18% опрошенных категория нуждающихся, сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей - для 6% опрошенных, беременные женщины - для 2% опрошенных. Эффективность мер государственной социальной поддержки семей с детьми в России опрошенные оценили в суммарном среднем балле на 2,78. Данная удовлетворительная оценка показывает, что граждане считают, что существующие государственные меры недостаточны и неэффективны для поддержания достойного уровня жизни семей с детьми.

Источники и литература

1) Kostina S., Bannykh G., Kuzmin A., Zaitseva E. State policy of support of large families: a comparative analysis of the countries of Europe and Russia. Conference Proceedings of the International Days of Statistics and Economics, September 5–7, 2019; Prague, Czech Republic pp.773–782

2) Материалы Информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг». Экономика. [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/economics/22/10/2019/5dad7daf9a7947316759c49c (дата обращения: 22.12.2019)

3) Материалы Информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг». [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/06/09/2017/59aff6859a794749b39bc2bb (дата обращения: 19.12.2019)

4) Население: Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: http://www.rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 19.12.2019)

5) Основы социальной работы: учеб. / отв. ред. П.Д. Павленок. М.: ИНФРА-М, 2007. – с. 148.

6) Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей – 2019 [Электронный ресурс] URL: https://riarating.ru/infografika/20190617/630127526.html (дата обращения: 19.12.2019)

Барсукова Татьяна Ивановна

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Репродуктивное здоровье женщин Ставропольского края (по материалам социологического исследования)

Репродуктивное здоровье является важной составляющей социального здоровья женщин. «Репродуктивное здоровье включает гармоничность и сбалансированность полового, физического, психосексуального развития, соматического и психического здоровья» [1].

Нами было проведено исследование в форме анкетного опроса женщин Ставропольского края (588 чел.) раннего; оптимального и позднего, а также уже вышедших из репродуктивного возраста; имеющих различный уровень образования и проживающих в городской и сельской местности. Мы приведем полученные данные по нескольким показателям: сексуальная жизнь, абортивность, информированность о современных возможностях рождения ребенка через процедуру экстракорпорального оплодотворения и отношение женщин к ряду факторов, детерминирующих ухудшение социального здоровья женщин. Репродуктивное здоровье женщин во многом зависит от качества их интимной жизни, в том числе регулярности и наличия постоянного полового партнера. Результаты позволяют составить представление о границах социальных норм в сексуальных отношениях и их влиянии на репродуктивное здоровье и поведение женщин. Практически половина участниц опроса (43,7%) состоят в постоянных сексуальных отношениях. У 14,3% респондентов сексуальные отношения не носят постоянного характера. Немногим более трети участниц опроса отметили, что не имеют сексуальных отношений; 5,2% респондентов не дали ответа. Среди женщин, имеющих постоянные сексуальные отношения, большинство находятся в оптимальном и

позднем репродуктивном возрасте: 53,3% и 64,9% соответственно. Для представительниц сельской местности более характерны непостоянные сексуальные отношения (отметили 19,2% от числа участниц опроса, проживающих в сельской местности), чем для горожанок (отметили 10,9% от числа участниц опроса, проживающих в городской местности). Отсутствие сексуальных отношений в большей степени проявляется в городской местности (отметили 41,5% от числа участниц опроса, проживающих в городской местности), чем в сельской (отметили 28,4% от числа участниц опроса, проживающих в сельской местности). Наличие постоянных сексуальных отношений в большей степени отмечается в группе респондентов, которые замужем (состоят в зарегистрированном браке) - отметили 70,4% участниц опроса данной категории. И в группе респондентов, которые состоят в незарегистрированном браке - отметили 77,6% участниц опроса данной категории. Для категории незамужних женщин постоянные сексуальные отношения характерны только для 18,6% респондентов; для разведенных - 16,2% и для вдов - 11,1%. На основе анализа статистических распределений, можно сделать вывод, что в обществе поддерживаются и реализуются на уровне сексуального поведения традиционные установки: преобладание постоянных сексуальных отношений в официальном и неофициальном браке, нежели в другом семейном статусе - не замужем, разведенные, вдовы. И регулярность половых связей напрямую зависит от семейного статуса женщин. Таким образом, для поддержания социального здоровья женщин относительно критерия репродуктивного здоровья важно достигать семейного статуса - зарегистрированный брак.

Довольно значительной доле женщин (28,2% в целом по опрошенной совокупности) приходилось делать аборты В количественном отношении ситуация с абортами следующая: хотя бы 1 раз 16,8%, 2 раза - 7,5%, 3 раза - 1,5%, 4 раза - 1,2%, 5 раз - 0,7%, 6 раз - 0,6%, 8 раз - 0,3%. Статистические распределения, характеризующие ситуацию с уровнем и количеством абортов, подтверждают социально ответственное репродуктивное поведение большей части женщин репродуктивного возраста. Среди причин абортов женщинами были названы следующие: нежеланный ребенок (отметили 36,7% женщин, которым приходилось делать аборты); состояние здоровья, не позволяющее вынашивать и рожать ребенка (отметили 30,1% женщин, которым приходилось делать аборты); проблемы с мужем в семье (отметили 36,7% женщин, которым приходилось делать аборты). Только незначительная доля женщин из числа принявших участие в опросе имели в течение жизни венерические заболевания (отметили 2,7% респондентов) и заболевания, передающиеся половым путем

(отметили 7,0% респондентов), что говорит о благоприятной ситуации в части фактического репродуктивного здоровья женщин и характеризует их социально ответственное поведение.

В обеспечении репродуктивного здоровья женщин как неотъемлемой составляющей социального здоровья женщин этой категории важную роль играет информированность о современных возможностях рождения ребенка через процедуру экстракорпорального оплодотворения. Рассмотрим ключевые источники информации в сегментации по группам репродуктивного возраста, уровню образования, типу населенного пункта проживания женщин. Среди статистически значимых отличий были обнаружены следующие. Врачи как источник информации о социальном здоровье женщин репродуктивного возраста, более актуальны для участниц опроса с высшим образованием (отметили 53,5% респондентов), тогда как для женщин со средним образованием и средним профессиональным это значение составляет 44,2% респондентов. Интернет, как источник информации, является более актуальным для женщин раннего и оптимального репродуктивного возраста - отметили соответственно 41,5% и 41,9%. Тогда как для женщин позднего репродуктивного возраста и старше 45 лет соответственно 35,6% и 15,7%.

В исследовании было проверено отношение женщин к ряду факторов, обозначающих ухудшение социального здоровья женщин. Это работа с ненормированным рабочим днем, вредными условиями труда, нерациональное питание. Если в целом рассмотреть ответы женщин, которые приняли участие в опросе, готовность к ненормированному рабочему дню выражают 57,3% респондентов. Скорее отказались бы - 14,5% респондентов, отказались - 13,1% респондентов и затруднились ответить - 15,2% респондентов. Таким образом, большинство женщин готовы к ухудшению социального здоровья для повышения своего материального благополучия. На вредные условия труда согласились бы 8,2% респондентов, скорее согласились - 12,1% респондентов, т.е. только практически каждая пятая. Скорее отказались бы от работы с вредными условиями труда 28,7% респондентов, отказались бы - 40,3% респондентов и затруднились дать определенный ответ 10,7% респондентов.

Источники и литература

1) Сергейко И.В. Медико-социальные факторы, влияющие на репродуктивное здоровье женщин //Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал. http://vestnik.mednet.ru /content/view/544/30/

Басимов Михаил Михайлович
Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

Взаимообусловленность взгляда на «гражданский брак» в молодежной среде и агрессивности

Основой продолжения человеческого рода традиционно является семья, базирующаяся на брачном союзе мужчины и женщины. В связи с этим понятию и сущности брака всегда уделяется много внимания, как со стороны теоретиков, так и практиков. Однако одной из характеристик современного российского общества принято считать распространение незарегистрированных союзов, которые в народе обозначают как «гражданский брак».

Различные авторы в своих исследованиях, монографиях по-разному определяют агрессию и агрессивность: как врожденную реакцию человека для «защиты занимаемой территории»; как установку к господству; как реакцию личности на враждебную человеку окружающую действительность. Очень широкое распространение получили теории, связывающие агрессию и фрустрацию. А. Басс, воспринявший ряд положений своих предшественников, разделил понятия агрессии и враждебности. Создавая свой опросник, дифференцирующий проявления агрессии и враждебности, А. Басс и А. Дарки выделили 8 видов реакций [2, 3].

Рассмотрим подробно те реакции, которые в рамках множественного сравнения выделили как экстремальные группы, сформированные по номинальным ответам на вопросы, касающиеся отношения молодежи к «гражданскому браку» (26 невырожденных групп), которые были добавлены к анкетам по изучению политических предпочтений (63 невырожденные группы). В задаче множественного сравнения, результаты которой приводятся в статье, рассматриваются 120 респондентов и 114 психологических шкал.

1. Физическая агрессия определяется как использование физической силы против другого лица. Была выделена одна группа, для которой физическая агрессия определяется на кране низком уровне. Это группа из 31 респондента, которые считают, что уход от ответственности является причиной вступления молодых людей в «гражданский брак» (сравнительная весомость равна -3785). Можно сказать, что группа объединяет явно пассивных респондентов, которым не свойственен социальный оптимизм, когда физическая агрессия все-таки должна присутствовать, хотя и в слабо дозированной мере.

2. Негативизм - это оппозиционная манера поведения от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов. Негативизм оказался присущ группе из 17 респондентов, которые считают, что у гражданского брака нет недостатков (+2069). Такие респонденты характеризуются, скорее всего, пассивным сопротивлением в рамках оппозиционной формы поведения.

3. Подозрительность рассматривается в диапазоне от недоверия и осторожности по отношению к людям до убеждения в том, что другие люди планируют и приносят вред. С явно выраженной подозрительность отметим группу из 34 респондентов, которые юридический риск выделяют как значимый недостаток гражданского брака (+2079).

4. Вербальная агрессия - это выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (ругань, проклятия, угрозы). Вербальная агрессия выделяет группу из 13 респондентов, которые причиной вступления молодых людей в «гражданский брак» считают проверку сексуальной совместимости (-2846).

5. Чувство вины выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, совершает злые поступки. Такой человек регулярно ощущает угрызения совести. Чувство вины выделяет две группы из 26 с очень ярким проявлением этого качества.

1. Группе из 10 респондентов, которые считают, что «гражданский брак» должен уступить место законному браку, когда позволит материальное положение, очень сильно присуще чувство вины (+9071). Они, скорее всего, ощущают, что поступают нехорошо, бессовестно.

2. Группа из 21 респондентов, которые основным показателем того, что мужчина и женщина состоят в «гражданском браке» определяют общий бюджет, также характеризуется ярким проявлением чувства вины (+8183). Такие взгляды на отношения мужчины и женщины сопровождаются отрицательным мнением респондента о себе самом.

На противоположном полюсе определились одна группа, которой чувство вины абсолютно несвойственно, с практически рекордным по модулю значением сравнительной весомости. Это группа из 8 респондентов, которые считают, что «гражданский брак» никогда не должен уступать место законному браку, они при этом не страдают угрызениями совести (-12472).

Таким образом, по результатам представленной информации можно говорить, что причины, по которым респонденты определяют свое отношение к «гражданскому браку» более экстремально определяются проявлениями агрессии и враждебности (методика Басса-Дарки), чем многими

другими личностными методиками (5-факторная модель личности, типология личности Р. Кеттелла и др.).

Это продолжает наши исследования в рамках изучения нелинейной природы применительно к общественным наукам и наукам о человеке. Хотя при этом нелинейная природа психологических и социологических данных для большинства исследователей актуальной не является, а разговор о традиционных ошибках, возникающих благодаря "новым" правилам статистики, когда следуя невидимым для подавляющего большинства исследователей грубым ошибкам получаются "нужные" результаты, поднимался автором и его единомышленниками на социологических (ESA, ISA) [8,19,20,34,35,36,37] и психологических (ECP, IPC) [12,15-18,21-23] конгрессах (всего 58 презентаций), а также в многочисленных статьях, например [4,6,9-11,14,28,32,33].

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01071а

Источники и литература

1) Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с. http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author

2) Практикум по психологии состояний: Учебное пособие / Под ред. проф. О.А. Прохорова. – СПб: Речь, 2004.

3) Хван А.А., Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А. Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки./Психологическая диагностика, 2008, № 1, - С. 35-58.

4) Basimov M.M. Study of political preferences and type 1 errors in the traditional correlation approach // Advances in Social Science, Education and Humanities Research / ed. by O. D. Shipunova – Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia. – Том. 289. Proceedings of the International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. Pp. 488-494. https://www.atlantis-press.com/proceedings/csis-18/55913876

5) Basimov M.M. Political activity as a cause for political and social preferences of students // Advances in Social Science, Education and Humanities Research / ed. by O. D. Shipunova – Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia. – Том. 289. Proceedings of the International Conference on Communicative

Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. P. 495-499. https://www.atlantis-press.com/proceedings/csis-18/55913876

6) Basimov M.M. Study of political preferences and type 2 errors in the traditional correlation approach // Proceedings of the Internation Conference on "Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects" (HSSNPP 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 333. 2019. P. 11-18. https://www.atlantis-press.com/proceedings/hssnpp-19/articles?q=Basimov

7) Basimov M.M. Accepted idea as a cause for political and social preferences of students // Proceedings of the Internation Conference on "Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects" (HSSNPP 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 333. 2019. P. 350-354. https://www.atlantis-press.com/proceedings/hssnpp-19/articles?q=Basimov

8) Basimov Mikhail Modern Interpretations of Correlations in Sociology As a PATH to Mock-Scientific Results // Book of Abstracts accepted for presentation at the XIX ISA World Congress of Sociology. Toronto, Canada, July 15-21, 2018. P. 109. https://www.isa-sociology.org/en/conferences/world-congress/toronto-2018/

9) Basimov M.M. Non-linear nature of respondents' socialattitudes // RPTSS 2018 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences (Irkutsk National Research Technical University, 26 - 28 April 2018). The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Published by the Future Academy, Volume L, Pages 1- 1464 (18 December 2018) 2018. C. 128-136. https://dx.doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2018.12.1

10) Basimov Mikhail "Convenient" correlational errors in modern psychological science (mathematical aspect) // RPTSS 2018 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences (Irkutsk National Research Technical University, 26 - 28 April 2018). The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Published by the Future Academy, Volume L, Pages 1- 1464 (18 December 2018) 2018. Pp. 137-146. https://dx.doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2018.12.1

11) Basimov M.M., D.V. Semenov*, N.S. Varfolomeeva, N.V. Belyakova, A.O. Blinov, M.A. Kovaleva, A.V. Romanova, A.S. Shcheglova Attitude to Alcohol as Predominantly Nonlinear Psychological Process //

Pharm. Sci. & Res. Vol. 10(11), 2018, Pp. 3001-3004. http://www.jpsr.pharmainfo.in/issue.php?page=111

12) Basimov M. Modern Interpretations Of Correlations In Psychologyas A Path To Mock-Scientific Results // The 15th European Congress of Psychology (Amsterdam, The Netherlands, 11-14 July 2017) / Abstract book (Wednesday. July 12. Poster): Amsterdam, 2017 – P. 59. https://psychologycongress.eu/2017/ download/

13) Basimov M. Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers) // (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017. – Pp. 7–28. http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

14) Basimov M.M. Non-linear nature of tolerance characteristic "The sensation of closeness to one's family" // RPTSS 2017 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences (Tomsk, 18-21 May 2017). The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Published by the Future Academy, 2017. Pp. 156-163. http://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/RPTSS%202017

15) Basimov M. The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology. – Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 851. (P2093). DOI: 10.1002/ijop.12332

16) Basimov M. Vanity in the system of requirements to the teachers profession (non-linear psychology) // International Journal of Psychology. – Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789. (P1848). DOI: 10.1002/ijop.12328

17) Basimova P., Basimov M. Competitiveness as the reason Impulsiveness in non-linear psychology (Five-Factor Personality Model) // International Journal of Psychology. – Volume 51, Supplement S1, 2016. Pp. 903. (P2186). DOI: 10.1002/ijop.12337

18) Basimova P., Basimov M. Commitment to Principles in Pedagogic Activity (non-linear aspect) // International Journal of Psychology. – Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789. (1849 P.). DOI: 10.1002/ijop.12328

19) Basimov M. Modern interpretations of correlations in sociology as a path to mock-scientific results // The 13th Conference of the European Sociological Association (Athens, Greece, 29 August to 1 Sepember 2017) / AbstractBook: Athens, 2017. Pp. 813-814. https://www.europeansociology.org/ publications/esa-conference-abstract-books

20) Kornienko V., Basimov M. Printed publications as a source of information about the policy // The 13th Conference of the European Sociological Association (Athens, Greece, 29 August to 1 Sepember 2017) / AbstractBook: Athens, 2017. P. 563. https://www.europeansociology.org/publications/ esa-conference-abstract-books

21) Basimov M.M., Basimova P.M. Regression psychological defence as cause and effect of interpersonal relationships in youth environment // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2-5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). – Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 1065-1066. https://ecp2019.ru/ru/programme/thematic/

22) Basimov M.M. The sample implementation of the author's method of studying the relationships for mathematical functions // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2-5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). – Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 556. https://ecp2019.ru/ru/programme/thematic/

23) Basimov M.M., Padurina E.A. Positive feelings in the family and their expression among mothers and fathers // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2-5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). – Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 1100. https://ecp2019.ru/ru/programme/ thematic/

24) Basimov M.M. Methods of multiple comparison in psychological research. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2008. – 101 p.

25) Basimov M.M. Methods of multiple comparison in psychological research // The 11th European Congress of Psychology ECP09, Oslo, Norway 7-10 July 2009 / Abstracts, Poster Sessions: Oslo, 2009. – P. 747.

26) Basimov M.M. Method of multiple comparison in sociology // Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010. – P. 569-576.

27) Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.

28) Basimov M.M. Methods of the non-linear psychology // Ponte. International Scientific Researches Journal. Vol. 72, No. 7, Jul 2016. – Pp. 66-92. http://www.pontejournal.net/

29) Basimov M.M. Methods of multiple comparison in psychological research // Ponte. International Scientific Researches Journal. Vol. 73, No. 5, May 2017. – Pp. 110-139. http://www.pontejournal.net/

30) Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

31) Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

32) Basimov M. Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers) // (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017. – Pp. 7–28. http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

33) Basimov M.M. Studying the family as the object of non-linear sociology (Изучение семьи как объекта нелинейной социологии РГСУ) // «Economic and Social Development» 34th International Scientific Conference on Economic and Social Development – «XVIII International Social Congress (ISC-2018)» / Book of Proceedings (18 -19 October 2018) – Moscow: Varazdin Development and Entrepreneurship Agency in cooperation with Russian State Social University, University North, Croatia, Faculty of Management University of Warsaw, Poland, 2018. – Pp. 598-610. https://en.rgsu.net/

34) Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.

35) Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. Pp. 988-989.

36) Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // The 10th Conference of the European Sociological Association (Geneva, Switzerland 7th to 10th September 2011) / Abstract Book: Geneva, 2011. Pp. 413-414.

37) Basimov M. Automatic classification of dependences in sociological research // The 12th Conference of the European Sociological Association (Prague, 25-28 August 2015) / AbstractBook: Prague, 2015. Pp. 1015-1016

Батуренко Светлана Алексеевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия

Трансформация гендерного порядка в современном российском обществе

Современное российское общество характеризуется не только стратификационными процессами классовой структуры, но также и актуализацией социальных различий, которые обусловлены такими параметрами как гражданский статус, пол, возраст, этнос и другими. В результате на фоне изменения роли государства, социальной структуры общества, политической и экономической системы происходят и трансформации гендерного порядка. Начиная с 90-х годов XX века продолжают формироваться разные имущественные группы, демонстрирующие различный образ жизни, семейный уклад, модели домохозяйства. Вместе с происходящими изменениями наблюдаются также перемены в способах осмысления в прежних терминах известных и популярных теорий, принятых еще в советском обществе, называемых исследователями «догендерным» [2, с.6].

Начиная с 1990-х годов происходит заимствование категорий «гендер», «гендерный порядок», что значительно влияет на формирование нового аналитического языка. Использование данных категорий позволяет описать процессы социальной реальности, которые сложно описывались исходя из прежних представлений о ней. Российское общество сталкивается с проблемами конструирования новой социальной идентичности, с формированием множества моделей домохозяйства, гендерных

контрактов, противоречивых идеологий, включающих различные репрезентации феминных и маскулинных ролей. Трансформации российского общества способствовали активному поиску такой идентичности. В российское общество постсоветского периода проникают и распространяются представления о западной женщине-домохозяйке. С неизбежностью встал вопрос о возврате к традиционным представлениям о «естественных» месте и роли мужчин и женщин в обществе. Вместе с тем обнаруживаются различные трактовки в понимании традиционного, природы женственности и мужественности. Одним из идеально-типических представлений о природе и назначении женщины является модель буржуазного семейного устройства с характерным разделением половых ролей женщины-домохозяйки и мужчины-кормильца. В соответствии с данными представлениями, традиционным и желаемым для женщины является выполнение роли домашней хозяйки, концентрация вокруг обязанностей матери, жены, хранительницы домашнего очага. Процессы возвращения к патриархальным традициям получают отражение в отечественной социологии [1, 4]. В настоящее время эта модель остается достаточно распространенной и предпочтительной для большой части населения России. С 2010-х годов до настоящего времени она активно поддерживается на государственном уровне, а также со стороны представителей религиозных институтов.

С другой стороны следует отметить огромное влияние тех представлений о гендерном порядке, которые сложились в советский период. Устойчивой традицией является сложившийся в течении большей части XX века для женщин опыт сочетания разных видов занятости в сфере производства и домашней сфере — традиция «работающей матери» [5]. Данная модель сложилась в условиях государственной поддержки женщины на разных уровнях посредством организации специальных институтов «социальной заботы» (система социальных льгот и выплат для матерей, детские сады, школы, медицинские учреждения и т. д.). Такая модель поддерживалась не только государственной политикой, но и устойчивыми социальными институтами, идеологией.

В настоящее время все больше проявляется еще одна модель гендерного порядка и гендерной идентичности, сложившаяся под влиянием современных рыночных условий. Экономические и глобальные процессы обусловливают повышение общественной активности женщин и их продвижение в некоторых сферах бизнеса и политики. Для этой модели характерно появление нового пространства для женщин, возможности поиска новых стратегий, ведущих к успеху. Женщины добиваются значительных высот в экономике, растет их количество в бизнес-элитах. По

данным современных ученых, представительство женщин в мировой бизнес-элите хоть и медленно, но возрастает, с 1996 до 2018 — увеличилось на 6 % [3]. В российском обществе в разные периоды времени генденрный порядок не был однозначным, всегда наблюдалось совмещение гендерных моделей, гендерной идентичности, в нем могут сосуществовать разные правила [6]. Довольно часто гендерный порядок представляется противоречивым. Следует отметить, что в настоящее время гендерные модели становятся еще более вариативными и неоднозначными. Исследование этих порядков привлекает внимание ученых и требует тщательного анализа в современном российском обществе.

Источники и литература

1) Воронина О. Женщина в «мужском» обществе // Социологические исследования. 1988. №2. С.104-110.
2) Гапова Е. Классы наций: феминистская критика нациостроительства. М.: Новое литературное обозрение, 2016. - 368 с.
3) Рахманов А.Б. Женщины-милиардеры в 2018 году: гендерный анализ бизнес-элит ведущих стран мира // Вопросы экономики. 2018. №8. С.148-157.
4) Римашевская Н. Реформирование социальной сферы в контексте гендерных отношений // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. М.: РОО МЦГИ; Солтэкс, 2006. С.58-69.
5) Тёмкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. №11. С.4-15.
6) Шадрина А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017. - 392 с.

Бегинина Ирина Александровна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия

Насилие над детьми в семьях г. Саратова

Насилие в семье на сегодняшний день является одной из самых острых и распространенных социальных проблем. По данным ООН от произвола родителей ежегодно страдают около 2 млн детей в возрасте до 14 лет. Каждый десятый из них умирает, а 2 тыс. кончают жизнь самоубийством [1]. В России за 2010 г. жертвами насилия стали 126 тыс. детей, из которых 1914 погибли [2]. В 2015 г. от домашней тирании пострадало 11 тыс., погибло около 2 тыс. детей. Однако в полицию обращается не более 40% потерпевших [3]. Однако, отсутствие четких определений, исчерпывающей информации о масштабах и причинах применения силы создают препятствия для усилий, направленных на ее разрешение. Под статьи Уголовного кодекса попадают только действия с очевидным и ощутимым ущербом для здоровья - убийства, телесные повреждения, истязания. Однако, насилие над детьми в семье коренится значительно глубже, в недрах семейных отношений.

Под насилием над детьми в семье понимается любое воздействие родителей без добровольного согласия ребенка. Однако социологическое исследование, проведенное проведенного методом анкетирования в июле-августе 2011 г. по вероятностной квотно-целевой выборке (объем выборочной совокупности составил 460 родителей г. Саратова, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, 42,2% из них воспитывают двоих или трех детей) показал, что лишь треть родителей адекватно понимают термин насилия, остальные ограничивают свое понимание насилия только сексуальным и физическим воздействием.

Большинство респондентов оценили свои семьи как эмоционально и материально благополучные, так как в их семьях царит атмосфера тепла, любви, доверия и понимания, а уровень материального положения является достаточно высоким. Такие условия способствуют нормальному эмоциональному, физическому развитию детей. 80% всех опрошенных воспитывают детей в условиях полной семьи, с двумя родителями.

Однако практически во всех семьях происходят конфликты. У 1% респондентов, они происходят ежедневно. 8% опрошенных конфликтуют 1-2 раза в неделю. Практически треть семей г. Саратова ссорятся 1-3 раза в месяц. Половина опрошенных конфликтуют реже (44%- 3-4 раза в год, 6% - еще реже). При этом, большая часть опрошенных (32%) признают себя виновными в конфликте. 21% предполагают, что разногласия возникают по вине супруг(а/и). Доля респондентов полагающая, что виновником ссор выступают дети, составляет 12%.

При возникновении конфликта 58,5% родителей держат все недовольства в себе. 17,5% - выплескивают свой гнев на окружающих, коллег по

работе, на друзей. Доля опрошенных, срывающихся на супруге, составляет 14,5%. 2,5% респондентов срывают свою злость на детях.

61% родителей наказывают своих детей. В большинстве семей причины наказания детей достаточно весомые (непослушание, капризы, пренебрежения мерами безопасности), а частота наказаний минимальна (1-3 раза в год и реже). В ходе исследования были выделены три типа репрессивного поведения родителей по отношению к своим детям: вербально-агрессивный (42,5%); физически-агрессивный (52,5%); ограничительный (5%). Вербально-агрессивному типу поведения родителей свойственно наказание детей путем ругани словами, а также убеждение ребенка в его неправоте без применения физического или иного рода наказаний. Физически-агрессивный тип поведения родителей, характеризуется применением родителями физической силы для наказания ребенка. Ограничительного типа поведения придерживаются родители, применяющие для наказания ограничения ребенка в пространстве или в материальных ресурсах.

При этом, большинство (56,3%) бьют детей для улучшения дисциплины. Каждый пятый родитель (20,3%) применяющий физическую силу по отношению к своему ребенку пытается тем самым сделать его сильнее. Осознают тяжелые последствия физического насилия 21,8% родителей, считающих, что наносят серьезную травму ребенку и провоцируют тем самым его на жестокость. Причем результаты исследования доказывают, что применяют физическое насилие к собственным детям не только малообразованные родители с небольшим доходом, но и материально обеспеченные люди с высшим образованием. Так, 67,2% «агрессивных» отцов и матерей имеют высшее образование, причем их уровень дохода колеблется от 7 до 15 тысяч рублей на одного члена семьи (68,8% данной категории). Вместе с тем, в ходе исследования эмпирически доказано влияние поколенческой преемственности в выборе типа репрессивного поведения в отношении детей. Так, 73,1% всех родителей, применяющих физические наказания при воспитании собственных детей, испытывали их на себе со стороны собственных родителей.

Такое хроническое враждебное поведение со стороны родителей к собственным детям, причиняет достаточно сильный урон физическому и эмоциональному благополучию ребенка. Подобные моменты воспитания в странах Европы и США являются уголовно наказуемыми, попадая в разряд «жестокого обращения с детьми». Однако в нашей стране до сих пор замалчиваются глобальные масштабы данной проблемы и не разработан законопроект по защите детей от насилия в семьях.

Источники и литература

1) Стратегия борьбы с насилием в семье: справочное руководство ООН. NY, 1998.
2) Дети современной России // "Коммерсантъ". №46 (4101) от 17.03.2009
3) Статистика Насилия. URL: https://vawilon.ru/statistika-nasilija/ (дата обращения 15.11.19)

Белозерова Ксения Сергеевна
СКФУ, Ставрополь, Россия

Проблематика семьи в современном обществе. Вторичный социологический анализ

Семья представляет собой базовую ячейку общества, представляющую собой добровольно заключенный союз между мужчиной и женщиной, ведущие совместное бытовое хозяйство.

Проблемы современной семьи относятся к числу наиболее значимых и актуальных. Ее значимость определяется тем, что:

I.Во-первых семья - один из основных социальных институтов общества;

II. Во-вторых, малая ячейка общества претерпевает глубокий кризис. Поэтому сейчас при характеристике института семьи можно услышать такие выражение, как: призывы «спасите институт семьи» «демографическая катастрофа».

Следует отметить, что на сегодняшнее время поводов для тревоги по этому поводу достаточно. Многие ученые утверждают, что семья пребывает в кризисном состоянии, и причина данного кризиса заключается в том, что в обществе наблюдается социальные изменения глобального характера, происходит урбанизация и рост мобильности населения, секуляризация, что в свою очередь, приводит к расшатыванию и ослаблению устоявшихся семейных устоев. Данные факторы явились причиной изменение семьи в ценностных ориентациях. Отметим, что во времена СССР институт семьи был отмечен не достаточно высоким статусом, однако, государство оказывало влияние и поддержку на семейные отношения. Проведение всевозможных реформ способствовало негативному снижению роли семьи, что повлекло за собой расшатывание социальных, экономических, нравственных основ института семьи, обесценивание семейного образа жизни, брака, увеличение возраста заключения

брачного союза (отметка близится к 30 годам), увеличивается число внебрачных детей, становится актуальным одиночество и независимость. Также, следует сказать о сокращении роста рождаемости, однако, государством предпринимаются меры, чтобы устранить данную проблему, например, выплачивая материнский капитал.

Согласно В. Бурматову автору статьи «Проблемы современной семьи и общества: пути их решения», в которой автор пишет, что к проблемам современной семьи и общества можно отнести тот факт, что с каждым годом все больше и больше разрушаются семейные устои, для большинства людей уже является нормой расторгнуть брак, не хранить верность партнеру[1].

Необходимо отметить, что институт семьи является той ступенью в развитии человека, где он проходит этап первичной социализации, вбирая в себя модель взаимоотношений своих родителей, друг с другом, т.е., семьи, в которой он растет, в целом, в будущем, он перенесет эту модель на свою собственную семью, поэтому важно, заложить на этом этапе правильную установку.

К. Мальцев[2] в своей публикации на тему «Если брак оказался с браком», приводит следующие факторы, приводящие к разрушению брачных союзов.

Ø утрачена прежняя ценность семьи;

Ø ссоры, измены

Ø для современного общества характерная свобода нравов;

Ø бытовые проблемы;

Ø поспешность принятия решения о вступлении в брак[2].

При этом обратим внимание и на межэтнические эгалитарные семьи. В проведенном нами социологическом исследовании на тему «Отношение к межнациональным бракам в современном обществе», мы можем сказать о том, что 64,4% респондентов имеют круг знакомых, которые состояли в межнациональном браке, но в силу определенных причин, данный брак распался. Перечислим некоторые из них:

Ø различие культура,

Ø различие в мировоззрении;

Ø различие семейные понятия;

Ø неспособность адаптироваться к обычаям, традициям, правилам, вкусовым пристрастиям, которые естественны для национальности супруга или супруги;

Ø различие в менталитетах;

Ø расхождение традиций.

Итак, проведя вторичный социологический анализ, мы можем сделать следующий вывод о том, что в настоящее время, институт семьи переживает кризисное состояние, вызванное рядом трансформаций происходящий в обществе, данные изменения необходимо исследовать, чтобы решить существующие проблемные стороны, выявить и предвидеть новые негативные тенденции, что может способствовать выведению из кризиса одного из базовых институтов общества.

Источники и литература

1) Бурматов В. «Проблемы современной семьи и общества: пути их решения «/[Электронный ресурс] /Режим доступа: http://burmatovi.ru/problema-sovremennogo-obshhestva-i-znanie-sila/
2) Мальцев К. «Если брак оказался с браком»// «Степные зори».– 2019

Березецкая Мария Ивановна

Белорусский государственный университет, факультет философии и социальных наук, Минск, Беларусь

Социализация детей в семье в условиях современного общества

Социализация - это двусторонний процесс постоянной передачи обществом и освоения индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в обществе [1, с. 139]. В данной работе мы фокусируем свое внимание на изучении особенностей протекания данного процесса в период взросления человека, т.е. первичной социализации.

Главным образом первичная социализация протекает в семье, где ребенок усваивает самые важные нормы, ценности, правила поведения. Отец и мать, брат и сестра, бабушка и дедушка - это те люди, которые помогают ребенку понять окружающий его и пока еще незнакомый мир: они показывают ребенку, как пользоваться окружающими его предметами; на своем примере показывают, как взаимодействовать с окружающими людьми. В семье формируются главные ценностные ориентации человека, которые впоследствии определяют его стиль жизни, устремления, жизненные планы и способы их достижения. Наблюдая за своими родственниками, ребенок познает, а также проецирует на себя существующие в том или ином обществе социальные роли. Также в ходе

социализации семья оказывает влияние на формирование психологического пола ребенка; под влиянием семейного воспитания формируются умственные способности ребенка, его отношение к учебе; [2, с. 158-165]. При этом важно понимать, что семейная социализация не проходит по какому-то единственно возможному сценарию, очень многое зависит от особенностей конкретной семьи. Структура семьи, финансовые возможности, уровень образования членов семьи, степень их вовлеченности в общественную жизнь, род деятельности, условия проживания - все это оказывает непосредственное влияние на характер и качество социализации [2, с. 157]. Также необходимо иметь в виду, что семейная социализация не происходит в вакууме, трудно не заметить существующую сегодня тенденцию к возрастанию влияния СМК (медиапространства) как института социализации личности. В современном обществе человек постоянно находится под влиянием потоков информации, которые поступают к нему через газеты, журналы, телевидение, кино, интернет и многие другие источники. Современные дети рождаются и взрослеют в окружении гаджетов: по данным Белстата за 2018 год 76,7% респондентов в возрасте от 6 до 17 лет пользуются Интернетом каждый день [3, с.77], а дети в возрасте от 6 до 10 лет наиболее активно используют Интернет для игры в компьютерные игры, а также просмотра и скачивания фильмов и музыки [4, с.71].

СМК для современных детей становятся таким же авторитетным источником информации, как и родители. В этой связи и образуется пространство для возникновения конфликта между этими двумя институтами социализации, т.к. далеко не всегда одобряемые в семье нормы, ценности, правила поведения, социальные роли совпадают с тем, что демонстрируется на экранах кино, телевидения и в Интернете. Поэтому родители все чаще задаются вопросом о том, сколько же времени ребенок должен проводить за компьютером и с телефоном, ведь помимо полезного, развивающего и развлекательного контента в Интернете таится множество опасностей и рисков для их детей (кибербуллинг; негативный, жестокий и излишне откровенный контент и др.).

Приведем результаты авторского исследования, полученные в ходе проведения серии интервью с родителями детей в возрасте до 10 лет (опрошено 15 человек) в соответствии с которыми большая часть детей дошкольного возраста (4 из 6 детей респондентов в возрасте от 3 до 6-7 лет) уже знакома с компьютером, планшетом или смартфоном. Зачастую данные устройства используются для игры или для просмотра мультфильмов («На компьютере иногда могу включить мультфильм», «Смартфон у нее есть свой, играет на нем в развлекательные игры»,

«Знаком и с компьютером, и с планшетом и с со смартфоном. Он сам играет в развивающие и развлекательные игры и смотрит мультфильмы», «Смотрит мультики в Интернет, на смартфоне играет в мозаику»). С компьютером, планшетом и смартфоном, так или иначе, знакомы все 9 детей в возрасте от 6-7 до 9-10 лет, родители которых приняли участие в исследовании. Так же, как и дети дошкольного возраста, они используют данные гаджеты для просмотра мультфильмов и игр. Родители детей дошкольного и младшего школьного возраста не запрещают им пользоваться компьютерами, смартфонами и планшетами, однако стараются лимитировать время их использования: «Около 15 минут на игры в планшете, мультики могут доходить иногда до 40 минут (когда у меня есть много важных дел, а помощники нежелательны)», «Стараемся ограничивать доступ к этой всей технике, но несмотря на ограничения, она активный пользователь вайбера, пэйнта, на смартфоне играет в развивающие игры (рисование, пазлы, прописи».

Таким образом, можно сделать вывод, что семейную социализацию в современном обществе нельзя рассматривать, как нечто обособленное от окружающей нас социокультурной реальности, поэтому, во избежание возникновения проблем в социализации ребенка, родители должны ответственно подходить к формированию окружающей ребенка медиасреды. Иными словами, современные родители вынуждены становится своеобразными «медиаторами» между СМК и ребенком в младшем возрасте и «проводниками» в старшем.

Источники и литература

1) Ковалева, А.И. Социализация / А.И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – №1. – С.139-143.

2) Мудрик, А.В. Социализация человека: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.В. Мудрик. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2006. – 306 с.

3) Дети и молодежь Республики Беларусь 2018 / И.В. Медведева, И.С.Кангро, Ж.Н.Василевская, О.А.Довнар, Е.И.Кухаревич, Е.М.Палковская, Т.В.Лапковская, И.А.Мазайская, И.Г.Чигирёва. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – 133 с.

4) Беларусь в цифрах / И.В. Медведева, И.С.Кангро, Ж.Н.Василевская, О.А.Довнар, Е.И.Кухаревич, Т.В.Лапковская, Е.М.Палковская, И.А.Мазайская. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 71 с.

Бирюлева Елена Игоревна
ФГБОУ ВО "Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева", Рузаевка, Россия

Конфликт современных студентов и его связь с ценностными ориентациями личности

Конфликты играют исключительно важную роль в жизни отдельного человека, семьи, организации, государства, общества и человечества в целом. Они охватывают всю совокупность социальных отношений и социального взаимодействия людей, выступая при этом необходимым условием общественного развития. Мы полагаем, что от системы ценностных ориентаций зависят способы реагирования человека в конфликтной ситуации. Особенно это актуально в студенческом возрасте, так как будущий специалист только начинает выстраивать свой профессиональный путь и учиться конструктивному решению возникших конфликтных ситуаций.

Теоретико-методологическую основу исследования составили исследования ценностных ориентаций (Н. А. Вдовина [4], М. Рокич [8], Ш. Шварц [10]), исследование конфликта и конфликтного поведения (А. Я. Анцупов [2], А. А. Ершов [2], В. С. Мерлин [9]).

А. Я. Анцупов и А.И. Шипилов представляют конфликт как наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а также борьба подструктур личности. Проблема различного рода конфликтов затрагивает все сферы жизнедеятельности, особенно в настоящее время в условиях повышения уровня интенсивности жизни, стрессогенности современного общества [2, с. 41].

Исследование было проведено на базе научно-исследовательской лаборатории «Развитие профессиональной компетентности педагога и психолога в системе непрерывного образования» кафедры психологии ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» (МГПИ). В исследовании приняли участие студенты-бакалавры в количестве 50 человек.

Для выявления преобладающих ценностных ориентаций студентов нами были подобраны и проведены психодиагностические методики: «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой. Для выявления способа реагирования в конфликтной ситуации, нами была использована методика «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса.

По результатам констатирующего исследования нами установлено, что в структуре ценностных ориентаций личности преобладают материальные и гедонистические ценности. Многие ценностные ориентации современных студентов не развиты. Преобладающий стиль поведения в конфликтной ситуации - соревнование (конкуренция). С связи с этим перед нами встала необходимость в проектировании и реализации программы развития ценностных ориентаций студентов в период обучения в высшем учебном заведении. Мы полагаем, что путем изменения ценностных ориентации личности трансформируются и стратегии поведения в конфликтной ситуации. Развитие ценностных ориентаций студентов будет проходить эффективнее, если проводить данную работу в период производственной практики, так как именно в этот период студент пробует себя в роли профессионала, и может возникнуть большое число конфликтных ситуаций.

Разработанная программа включала в себя 3 блока. Адаптационно-ознакомительный блок направлен на выявление уже имеющихся ценностных ориентаций, их анализ и возможный резерв для перестройки (при необходимости). В этот блок включено просветительское мероприятие «Ценности в моей жизни», и тренинговая программа «Мои ценности», которая включает в себя занятия на осознание ценностей, их принятие, а также обучение конструктивному взаимодействию и выходу из конфликтных ситуаций. Второй блок нашей программы реализовывался в рамках прохождения испытуемыми производственных практик. В ходе прохождения студентам предъявлялись набор заданий: провести диагностику ценностных ориентаций психолога, составить аксиологический портрет воспитателя, провести аксиологическую беседу со школьниками, провести сравнительный анализ ценностей у себя и у профессионального психолога, выявить преобладающие стиля поведения в конфликте у педагога и т. п. Рефлексивно-оценочный блок направлен на анализ произошедших изменений.

По завершению формирующего эксперимента нами были изучены изменения, произошедшие у испытуемых экспериментальной и контрольной групп до и после проведения программы.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что студентов существенно перестроилась иерархия ценностных ориентаций а также изменились стили поведения в конфликтной ситуации. Значительно выше стали такие ценности как «счастливая семейная жизнь» (17 %), «любовь» (16 %), «социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе» (12 %), «общение» (12 %), «признание, уважение людей, влияние на окружающих» (10 %) «интересная работа»

(9 %), «ответственность» (8 %), «красота природы и искусства» (7 %), «активная деятельность» (7 %), «помощь и милосердие к другим людям» (5 %), «самоконтроль» (5 %), «продуктивная жизнь» (4 %), «развитие» (4 %), «счастье других» (4 %), «творчество» (4 %), «уверенность в себе» (4 %). Большинство испытуемых придерживаются стиля поведения в конфликтной ситуации - «сотрудничество» (32 %), «компромисс» (26 %). Следовательно, полученные результаты свидетельствуют о том, что студентов существенно перестроилась иерархия ценностных ориентаций а также изменились стили поведения в конфликтной ситуации, разработанная программа эффективна.

Источники и литература

1) Ананьев, Б. Г. / Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.

2) Анцупов, А. Я. Конфликтология / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – СПб. : Питер, 2017. – 359 с.

3) Божович, Л. И. Проблемы формирования личности / Л. И. Божович. – М. : МПСИ, 2001. – 349 с.

4) Вдовина, Н. А. Развитие социального мышления и профессионально-ценностных ориентаций бакалавров направления подготовки «Педагогическое образование» в процессе изучения курсов по выбору / Н. А. Вдовина, С. В. Сергунина // Гуманитарные науки и образование. [U+F02D] 2014. [U+F02D] № 1 (17). [U+F02D] С. 20[U+F02D]25.

5) Головаха, Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности / Е. И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов. – 2012. – № 2. – С. 258–259.

6) Григорьева, Н. Г. Проблема формирования ценностей в системе профессионального образования / Н. Г. Григорьева, Н. М. Опарина // Высшее образование сегодня. – 2012. – № 4. – С. 15–22.

7) Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев. – СПб. : Речь, 2014. – 70 с.

8) Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов / А. Карелин. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.

9) Мерлин, В. С. Личность и общество / В. С. Мерлин. – Пермь : Лань, 2015. – 244 с.

10) Руднева, Е. Л. Теоретические основы формирования жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студентов / Е. Л. Руднева. – Кемерово : КРИП-КиПРО, 2002. – 302 с.

***Богомягкова Елена Сергеевна*[1]*, Искандерова Лилия Витальевна*[2]*, Ломоносова Марина Васильевна*[3]**

1 - СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; 2 - -, Санкт-Петербург, Россия; 3 - Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра теории и истории социологии, Санкт-Петербург, Россия

Отношение современной студенческой молодежи к вспомогательным репродуктивным технологиям

Стимулирование рождаемости и формирование ценностей многодетной семьи являются приоритетными направлениями современной демографической политики в России. Динамика воспроизводства общества зависит от репродуктивных установок и репродуктивного поведения молодежи. В связи с этим, исследователи отмечают два разнонаправленных тренда, отражающих актуальное отношение к детям. Во-первых, западная культура является детоцентристской, и дети становятся одной из главных ее ценностей. Бесплодие - и вынужденное, и как осознанный личный выбор - рассматривается в качестве значимой медико-социальной проблемы, требующей решения. Во-вторых, в условиях технического прогресса рождение ребенка становится не только и не столько потребностью, сколько индивидуальным проектом, который может быть не связан с сексуальным поведением, созданием семьи, и все меньше ограничивается состоянием здоровья и возрастом будущих родителей.

Репродуктивные установки и репродуктивное поведение современной молодежи формируются в том числе под воздействием информации о развитии биотехнологий и биомедицины, а также растущих возможностей человека управлять процессами зачатия и рождения ребенка, вмешиваться в области, до недавнего времени остававшиеся сакральными и интимными. Важное место среди новых технологий воздействия на сферу репродукции занимают вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ). Согласно официальным данным Российской Ассоциации репродукции человека, число случаев использования методов ВРТ в нашей стране в 2017 году составило 139799 [1].

С целью изучения репродуктивных установок современной молодежи в 2016-2017 гг. был проведен интернет-опрос студентов крупных городов

России в возрасте от 17 до 35 лет. В результате стихийного отбора было опрошено 238 человек: 23,5% составили мужчины и 76,5% — женщины. Средний возраст респондентов - 20 лет. Данные собраны посредством рассылки анкеты, оформленной в «GoogleForms», в университетские сообщества ВКонтакте. Критериями отбора сообществ выступали принадлежность к университетской структуре, возможность свободно оставить сообщение на стене, количестве подписчиков не менее 1 тыс. (например, «Юрфак МГУ», «МГУПП», «Факультет Международных отношений СПбГУ» и др.). В исследовании приняли участие преимущественно студенты ВУЗов Москвы (47%), Санкт-Петербурга (40%) и Казани (8%). Анализ данных осуществлялся при помощи программ Excel и SPSS. В качестве основных средств обработки результатов использовались построение таблиц сопряженности и анализ средних. Учитывались только статистически значимые связи (Sig.$\leqslant$ 0,005).

Согласно проведенному исследованию, репродуктивные установки студентов оказались близки к значению «2 ребенка», среднее предпочтительное время рождения первого ребенка составило 26,5 лет. Бездетными полагают остаться только 4% опрошенных. Любопытно, что ценность «дети» занимает одну из последних позиций в иерархии приоритетов современной молодежи. Также было выявлено, что ценности свободы и самореализации, которые часто предпочитают молодые люди, в некотором смысле противостоят семейным ценностям и, прежде всего, детям как ценности. Поскольку здесь мы остановимся на аспектах формирования репродуктивных установок в свете развития биотехнологий, то в обзор включен только анализ ответов студентов на вопросы, релевантные данной тематике.

Важно отметить, что студенты достаточно хорошо осведомлены о ВРТ. Лишь 3% респондентов не слышали о них либо затруднились ответить на вопрос. В наибольшей степени студенты информированы о суррогатном материнстве, ЭКО и донорстве генетических материалов, что может быть обусловлено большим обсуждением именно этих видов ВРТ в СМИ [2]. В ситуации бесплодия 47% опрошенных предпочли бы воспользоваться ВРТ; 30% выбрали усыновление/удочерение. Бездетными в этом случае пожелали остаться 10% респондентов.

Бесплодие является основной причиной допустимости применения современных методов репродукции (92%); 83% респондентов считают возможным обращение к ВРТ, если вынашивание или рождение ребенка представляет угрозу для здоровья женщины. 52% лояльно относятся к применению ВРТ в ситуации одиночества, что соотносится с тенденци-

ей к росту одиночных домохозяйств во многих странах, в том числе, в России [3].

Треть опрошенных допускает применение ВРТ по причине нетрадиционной сексуальной ориентации; страх беременности и родов считают уважительной причиной использования ВРТ около четверти студентов; для 17% респондентов боязнь испортить фигуру выступает возможной причиной обращения к ВРТ. Характерно, что лояльность к применению ВРТ среди указанных групп респондентов соответствует установкам на рождение меньшего числа детей.

Студенты, выбиравшие в качестве наиболее значимых ценностей семью или детей, значительно реже предполагали остаться бездетными в случае проблем с фертильностью. В этой ситуации, напротив, молодые люди, придерживающиеся ценностей «свобода», «самореализация» и «личностное развитие» - чаще выбирали ответ «бездетность».

Таким образом, отношение к ВРТ и готовность прибегнуть к помощи современной медицины в случае проблем с фертильностью связаны с ценностями молодых людей. Полагаем также, что возможность управления репродуктивным поведением, используя современные биомедицинские технологии, влияет на расстановку приоритетов в отношении желаемого количества детей, а также выбор времени рождения первого ребенка.

Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ, проект № https://kias .rfbr.ru/index.php-A, «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст».

Источники и литература

1) Регистр ВРТ. Отчет за 2017 год. Российская ассоциация репродукции человека, Санкт-Петербург, 2019. URL: http://www.rahr.ru/d _registr_otchet/RegistrART2017.pdf. (дата доступа 30.01.2020).

2) Искандерова Л.В. Вспомогательные репродуктивные технологии в российском публичном дискурсе // Исследования науки и технологий: классические основания и актуальные тенденции: Сб. науч. статей по итогам V Социологической Школы СПбГУ 21–24 октября 2015 года / Под ред. Е.С. Богомягковой. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 157-171. URL: http://xn—-7sbei5agtbmng1a3a2a.xn–p1ai/files/ZSSH-2015_v07.pdf (дата посещения: 30.01.2020).

3) Береснева Е. Вперед, к одиночеству // Кот шрёдингера. 2015. №3 (05). URL: http://kot.sh/statya/142/vperyod-k-odinochestvu (дата посещения: 30.01.2020).

Боев Михаил Дмитриевич
Курский государственный университет, Курск, Россия

Роль института семьи в процессе социализации: успешность тактик

Социализация представляет собой процесс, в ходе которого асоциальный субъект превращается в социальную личность и овладевает моделями поведения, принятыми в обществе. Этот процесс позволяет индивиду интегрироваться в общество и адаптивно сосуществовать в нем. В ходе социализации человек усваивает социально-выработанный опыт и социальные роли. Социализация - это воспитание человека, развитие личности, широко понимаемое, как усвоение традиций, ценностей, обычаев общества, стандартов деятельности [1].

Выделяют субъективные и объективные критерии успешности протекания процесса социализации. К числу объективных критериев относятся: социально-нормативное поведение, ролевое поведение, профессиональное самоопределение и т.д. Субъективными критериями являются: эмоциональное благополучие, социальная адаптированность, положительная самооценка и т.д. [2]. Интеллект, самооценка, личностная активность волевая регуляция, коммуникативные способности, а также степень выраженности позитивной социокультурной ориентации являются основными индивидуально-психологическими характеристиками, определяющими особенностями протекания процесса социализации.

Детство - первая и самая важная стадия социализации. Человек изначально не рождается социальным, а становится таковым в обществе. Именно опыт первых лет жизни ребенка откладывает отпечаток на формирование личности и весь последующий процесс социализации [3].

Главным институтом социализации для человека в детстве является семья. В семье протекает первый адаптационный период в жизни человека, определяется система его отношения к людям и к самому себе. Семья оказывает значительное воздействие на формирование человека как будущего члена общества. В семье формируется ценностные предпочтения, морально-нравственные установки, модели поведения и т.д. В связи с этим функциональная направленность семьи, как социального института, проявляется в реализации потребности общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [4].

Процесс социализации в семье реализуется с помощью воспитательной функции, поскольку семья выступает первичной воспитательной средой, где социальные правила и нормы находят своё отражение во взаимодействии индивидов. В социокультурном пространстве семьи от одного

поколения к другому происходит трансляция приемлемых образцов и норм поведения, принятых в обществе. А.С. Макаренко отмечает, что воспитательная функция семьи должна реализовываться в соответствии с осознанием родителями гражданского долга перед обществом [5].

Семейное воспитание, имея всеобъемлющий характер, предполагает собой процесс создания условий для планомерного и целенаправленного развития человека, который реализуется родителями через различные формы влияния на ребенка. Всевозможные нарушения в воспитательном процессе, оказывающие деструктивное влияние на развитие личности ребенка, способны привести к различным личностным деформациям, что в свою очередь, ввиду того, что каждый отдельный ребенок выступает носителем облика будущего общества, может вылиться в масштабные социальные изменения негативного характера.

Таким образом, семья, оказывая основополагающее влияние на формирование личности человека, является главным институтом социализации. В связи с этим общество налагает на родителей определенный уровень ответственности, связанный с должным исполнением воспитательной функции [6]. В процессе семейного воспитания у ребенка происходит формирование навыков, которые помогут ему беспроблемно сосуществовать с другими членами общества, поэтому, очевидным представляется то, что институт семьи играет значительную роль в процессе социализации, а успешность протекания процесса социализации полностью зависит от успешного выполнения родителями воспитательной функции.

Источники и литература

1) Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М.: изд. Голос 1996. С. 201.

2) Мудрик А.В. Социализация человека как проблема // Социальная педагогика. 2005. №. 4. С. 47–57.

3) Рубчевский К.В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. №. 3. С. 147–151.

4) Мардахаев Л. В. Семейное воспитание: проблемы и особенности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 13(342). С. 173–178.

5) Макаренко А.С. Книга для родителей. Собрание соч. в пяти т. Т. 4 - М.: Правда, 1971. С.18.

6) Андриянова Т.В. Управленческие аспекты социальной политики региона: демография и семья // Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики [Текст]: сб. материалов международной научно-практической конференции. Курск, КГУ, 13-14 мая 2019 г. Курск. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 255–261.

Бухтиярова Ирина Николаевна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Детские миграции: трудности переезда

Миграции являются социальным процессом, пронизывающим жизнь современного общества. Современные люди очень часто переезжают - в поисках места учебы, работы, выбора более комфортных условий для жизни и др. Детская миграции отличается вынужденным характером - дети переезжают вместе с родителями, хотя в последнее время отмечается усиление образовательной миграции несовершеннолетних в возрасте 14-18 лет. Например, исследования института образования НИУ ВШЭ фиксируют изменение образовательных траекторий подростков, когда они желают избежать сдачи ЕГЭ, поступают после окончания 9-го класса в техникумы, а уже после окончания техникума - в вузы. При этом техникумы выбираются в европейской части России, т.е. возраст образовательной миграции снижается.

Задачей исследования является описание пространственных отношений и пространственного поведения детей на уровнях микрорайона, населенного пункта проживания и уровне всей страны, а также выявление значимых факторов, влияющих на их особенности.

Методами сбора эмпирических данных стал анкетный опрос учащихся 5-11-х классов. Анкета включает 21 вопрос, объединенные в блоки «Перемещения», «Населенный пункт», «Окружающий мир/ География», «Дорога в школу», «Путешествия», «Паспортичка».

Пространственные отношения исследуются через детские описания места проживания, а пространственное поведение через категорию мобильностей - повседневных перемещений (школа-дом), переездов, путешествий.

Выборочная совокупность представлена детьми, проживающими в двух дальневосточных регионах - Хабаровском и Приморском краях. Всего в опросе приняли участие 710 человек, в том числе 46,8 % мужского и 53,2 % женского пола.

Населенные пункты Хабаровского края (поселок Хурба, гг. Амурск, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск) и Приморского края (г. Владивосток) были перекодированы в крупнейшие (население - свыше 1 млн. чел.), крупные (население - 250-1000 тыс. чел.), большие (население - 100-250 тыс. чел.), средние (население - 50-100 тыс. чел.) и малые (население - менее 50 тыс. чел.) города или село.

Фиксируется практически равное распределение ответов по группам «многократно», «один раз», «никогда» (32,2%, 32,4%, 35,4% соответственно).

Проверка взаимозависимости частоты переездов и пола с возрастом респондентов не выявила статистически значимых связей, в то время, как связь частоты переездов и размера населенного пункта оказалась статистически значимой (уровень значимости p=0,001), однако взаимосвязь очень слабая (коэффициент корреляции r=0,102).

Сельские жители и жители малых городов переезжают более часто (ответ «переезжал многократно» - 36,2% и 54,2% соответственно), в отличии от детей из больших городов (самый высокий процент ответов «переезжал 1 раз» - 36,8%), и тем более от детей из крупных городов («никогда не переезжал» - 36,8%)

Переезды детей на новое место жительства заставляют их адаптироваться к новому окружению, новым людям, школе и пр. В условиях общества нестабильности и рисков (У.Бек), текучей современности (З. Бауман) адаптационные навыки становятся важным социальным навыком. Обнаруженная статистически значимая слабая связь трудностей, связанных с переездом, и возраста респондентов (уровень значимости p = 0.006, коэффициент корреляции r = - 0,117) демонстрирует явное сокращение количества адаптационных трудностей по мере взросления. Это может быть связано, с одной стороны, формированием адаптационных навыков, а, с другой, - с переоценкой самих трудностей - вытеснением их более значимыми на данном жизненном этапе трудностями подготовки к ЕГЭ, профессионального самоопределения и др.

При этом установлена статистически значимая связь фиксируемых трудностей с размером населенного пункта, в котором проживали на время опроса респонденты (уровень значимости p=0,036; однако, коэффициент корреляции r=-0,030, свидетельствует об очень слабой отрицательной связи, которой можно пренебречь).

На первом месте по частоте ответов у детей, переживших переезд хотя бы раз в жизни, - трудности, связанные с поиском новых друзей - 36,7%. Этот вид трудностей растет вместе с увеличением размеров населенного пункта. Значимость коммуникативных проблем, возникающих

при смене места жительства, подчеркивается собственными высказываниями детей (вариант ответа «Другое»): «Расставание с домом, где ты родился, расставание с друзьями»; «Там остались прежние друзья, и я потерял контакты с ними», «Трудности в общении».

Также информанты говорили о бытовых трудностях обустройства на новом месте жительства, физических трудностях самого процесса переезда: «В квартире было мало места из-за сумок», «Первое время мне приходилось жить в одной комнате со своим братом, мне хотелось иметь свою личную комнату», «Трудности связаны с постоянным разбором вещей и ремонтом в новом доме».

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проекты № проекты № 18-00-00976 и № 18-00-00956

Вангородская Светлана Анатольевна
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Проблемы реализации программ по охране здоровья граждан в оценках экспертов и населения Белгородской области

Решение социально-демографических проблем, связанных с улучшением показателей здоровья и продолжительности жизни россиян, в значительной степени, зависит от успешности реализации программ, направленных на повышение эффективности деятельности учреждений здравоохранения всех уровней за счет внедрения и развития инноваций, а также устранения дефицита кадров и ресурсов [1].

Актуальность данного круга проблем была озвучена в ходе экспертного опроса и серии качественных интервью, проведенных осенью 2018 года в Белгородской области. Среди основных причин недостаточной эффективности реализуемых в регионе программ по охране здоровья граждан эксперты из числа государственных и муниципальных служащих, работников сферы образования и здравоохранения (N=30) отметили «низкий уровень доверия населения к системе здравоохранения» (этот вариант выбрали 56,7% экспертов), «разрыв» между декларируемыми на государственном уровне целями и готовностью к их реализации на уровне регионов и муниципалитетов» (53,3%), а также «недостаточную обеспеченность ресурсами (кадровыми, материальными, информационными) для реализации лечебно-профилактических мероприятий на местах» (53,3%).

Участники фокус-групповых интервью (жители Белгородской области, 18-80 лет, N=35) подтвердили мнение экспертов, акцентировав, при этом, особое внимание на формализме в реализации проектов и программ по охране здоровья населения: «Да, программы по сохранению здоровья были приняты, но, скорее, «для галочки»... И получается - вроде и программа есть, но эффекта нет...» (муж., 24 года, безработный); «Все как всегда в России. Все по бумажкам хорошо, и программы реализуются, и статистика улучшается, а на самом деле, если копнуть...» (муж., 21 год, студент); «Не знаю, у кого как, но у нас [диспансеризация] - это чистая формальность. Пробежались по врачам, галочки поставили, но никто толком ничего не проверяет» (жен., 38 года, мун. служащий); «...Я вот работаю в здравоохранении, я знаю, что есть какие-то программы ..., а моя мама живет в деревне, она и не знает, что эти программы существуют...» (жен., 47 лет, зам. глав. врача поликлиники).

По мнению участников фокус-групп, неудовлетворенность населения качеством предоставления услуг в лечебно-профилактических учреждениях области, связана, в первую очередь, с низким уровнем профессиональной подготовки медицинских работников и отсутствием должного внимания к пациентам: «Мужчина средних лет, шел на работу, ему стало плохо, пошел в больницу, в итоге там его не приняли, даже не осмотрели, сказали подождать в коридоре; в результате он умер» (жен., 21 год, студентка); «Да, в некоторых болезнях и смертях виноваты врачи, которые недосмотрели, вовремя не выявили, не собрали консилиум. ...Не доучились где-то, не запомнили в свое время - и, в результате, жизнь загублена...» (муж., 24 года, безработный); «Приходишь к врачу, а он говорит: «На что жалуетесь?». Описываешь ему симптомы, а он: «Чем обычно лечитесь? Помогает? Продолжайте». И записывает твои лекарства в карточку» (жен., 46 лет, домохозяйка); «У меня мама пошла в больницу, пожаловалась на свое состояние, а врач говорит: «Сейчас «погуглю» Ваши симптомы и скажу, что у Вас» (жен., 20 лет, студентка); «Моя сестра [умерла от рака поджелудочной железы] пришла к онкологу, а он, вместо того, чтобы отправить ее на обследование: «Как вы мне все надоели!»...» (жен., 67 лет, пенсионер).

Еще одной проблемой участники фокус-групп назвали доступность лечебно-профилактических учреждений в целом. Удаленность больниц и поликлиник от мест непосредственного проживания населения характерна, в первую очередь, для малых городов и сел, на ситуацию в которых, по мнению белгородцев, и нужно ориентироваться при оценке региональной системы здравоохранения: «Россия - это не Москва, не большие города. Это, прежде всего, глубинка. В некоторые места «скорая» не мо-

жет проехать по два, по три часа. [...] Если в городе ты можешь в любой момент вызвать такси и поехать в травпункт, то в деревне что ты сделаешь? Ничего. Ты будешь ждать скорую до утра. И приедет фельдшер, который осмотрит тебя и скажет: «Я не знаю...». А до ближайшего райцентра ехать 5 часов» (муж., 20 лет, студент).

Необходимо отметить, что, критикуя реформы здравоохранения в целом, и качество предоставления медицинских услуг, в частности, участники интервью одновременно выражали сочувствие медработникам, которые, по мнению белгородцев, стали такими же заложниками реформ, как и само население: «Да их тоже нельзя винить. У них по 15 минут на обследование одного больного, как все успеть?» (жен., 19 лет, студентка); «...их просто поставили в такие условия. Есть квоты по времени на одного больного и есть количество бумаг, которые они должны заполнить за это время. Вот и получается, что на самого больного времени почти не остается» (жен., 47 лет, зам. глав. врача поликлиники).

Примечательно, что данные, полученные в ходе нашего исследования, во многом перекликаются с результатами аналогичных исследований, проведенных в последние годы в масштабах всей страны и отдельных регионов. В качестве примера можно привести серию интервью, проведенных Л.С. Шиловой и коллегами более 10 лет назад [2]. Это в очередной раз поднимает вопрос об эффективности реформ в сфере здравоохранения, активно инициируемых и щедро финансируемых на протяжении последних десятилетий.

Источники и литература

1) Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» : постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1640 : ред. от 30.11.2019 // Справочная правовая система «ГАРАНТ». Разд. «Акты органов власти». Информ. банк «Законодательство России».

2) Пиетиля, И. Российское здравоохранение: ожидания населения [Текст] / И. Пиетиля, А.П. Дворянчикова, Л.С. Шилова // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 81-88.

Волосков Игорь Владимирович

ГБОУ школа 887, Москва, Россия

Межпоколенческие конфликты в семье в общественном мнении россиян

Конфликты в семье- особая область исследования современной конфликтологии. Семейные конфликты приводят к бытовым правонарушениям и преступлениям, разводу, нарушению взаимопонимания между членами семьи. Помимо типичных для социальной повседневности конфликтами между супругами значимыми оказываются противоречия между разными поколениями в расширенной семье, характеризующейся совместным проживанием нескольких поколений родственников (молодежь, люди среднего возраста, представители старших поколений).
Современная социология конфликта, начиная с неомарксизма (Р. Дарендорф) рассматриваем конфликт как противостояние интересов, точек зрения. Различия в мировоззрениях поколений определяется быстрыми темпами развития современных обществ, изменением социальных практик, систем ценностей, жизненных планов. Быстрые темпы развития общества порождают поколения с принципиально различными характеристиками духовного мира. Современная литература в области социологии молодежи выделяет поколение миллениумов, поколение Z, поколение X. С социологической точки зрения, поколение следует рассматривать как социальную общность людей, критерии выделения которой схожие социально-возрастные характеристики, общий социально-исторический опыт. [1] Быстрое развитие современных поколений неизбежно поднимает проблему отношений между различными поколениями в семье.
Современные родители- представители советских поколений, которые в своем духовном мире руководствуются чувством долга, общественной пользой. Современные же поколения, как свидетельствуют результаты социологических опросов, прагматичны, ориентированы на материальную выгоду, чувственные удовольствия, высокий доход [1]. Потому основными причинами конфликтов часто становятся именно мировоззренческие, основанные на несовпадении точек зрения. При этом мировоззренческие противостояния создают скрытую латентную базу конфликты, способную стимулировать активную фазу часто при наличии несущественного повода. Несмотря на то, что в системе ценностей современной молодежи ценность семьи играет важную роль, речь идет скорее о родительской семье, а не о собственной, создание которой современная молодежь откладывает на более поздний возраст. Исследования бытовых условий жизни молодежи показывает, что 85% молодежи не имеет собственного жилья, 49% вынуждены проживать с родителями [4, с. 285]. Отсутствие материальных средств и собственного жилья делает проживание с родителями вынужденной мерой. В свою очередь, необходимость совместного проживания в сочетании с различием мировоззренческих

установок создает латентные источники поколенческих семейных конфликтов.

Как показывают результаты социологического исследования, проведенного в 2003-2008 годах в Московской области главными причинами семейных конфликтов являются стесненные жилищные условия (55%), отсутствие согласия и взаимного уважения (50%), материальные проблемы (44%), девиантное поведение (38%), развод родителей (31%). Как правило, эти причины накапливаются в семье постепенно и воздействуют комплексно. В повседневной жизни конфликт проявляется в таких формах как психологическое давление (71%), эмоциональное отчуждение (28%), насильственные физические действия (24%), скандалы, стычки, ссоры (24%). [1]. Источниками конфликта почти половина опрошенных считают разные ценности молодого, среднего и пожилого поколения, а также такие аспекты влияния общества на современную семью как социально-экономический кризис и политическую нестабильность, духовный кризис (падение нравов, отсутствию почтения к возрасту, предпочтение новым веяниям нежели традициям) [1]. Отметим, что исследованием проводилось на протяжении пяти лет и затронуло как стабильные, так и кризисные периоды развития российского общества. При этом исследованием проводилось в экономически благополучном субъекте Российской Федерации.

Процесс развития российского общества, стабилизация социально-экономической ситуации, интенсивное развитие информационного общества привело к изменению причин межпоколенческих конфликтов. Социологическое исследование в сибирских регионах в 2018 году показало возникновение таких причин как увлеченность детей компьютерами, компьютерные игры (37%). На втором месте по степени значимости оказалось недисциплинированность, несоблюдение режима дня (32%), длительный просмотр телевизора (30%). По сравнению с 2008 годом значительно падает значимость такого фактора конфликтогенности как грубость старшим (16%), отказ от помощи по дому (16%).

Таким образом, в основном причинами конфликта в современном российском обществе становится содержание досуга современной российской молодежи, значимыми факторами становятся компьютерные игры, высокая значимость телевидения, плохая успеваемость. Конфликты из мировоззренческих все больше приобретают бытовой характер, основываются на разных представлениях о жизни, жизненных ценностях разных поколений современных российских семей.

Источники и литература

1) Вдовина М.В. Межпоколенческие отношения: причины конфликтов в семье и возможные пути решения// Знание.Понимание. Умение.-№3.-2009
2) Волосков И.В. Система ценностей российской молодежи. –М.: Университет, 2009
3) Грунт Е.В. Межпоколенческие конфликты в российских семьях: региональныйаспект//http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/6140 1/1/978-5-7741-0327-0_065.pdf
4) Осипова, Н.Г., Елишев, С.О., Прончев, Г.Б. Динамика представлений российской молодежи.-М., Канон-Плюс, 2018.

***Гараева Эльнара Ильфатовна*[1]*, Костина Наталия Борисовна*[2]**
1 - аспирант кафедры теории и социологии управления, УИУ-филиала РАНХиГС, Екатеринбург, Россия; 2 - кафедра теории и социологии управления, УИУ-филиала РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

Инновации в семейной демографической политике: фактор решения проблемы или создания социальной напряженности?

В своем Послании Федеральному Собранию, представленном 15 января 2020 года, Президент Российской Федерации В.В. Путин в качестве одной из ключевых социальных задач обозначил будущее российских семей с детьми. В частности, предложено реформирование программы предоставления материнского капитала, ключевая инновация которого - получение капитала семьями, родившими первого ребенка. Напомним, что масштабная федеральная программа по предоставлению материнского капитала реализуется в РФ с 2007 года. Программой предусматривалось, что семья, родившая второго ребенка (или третьего/четвертого, если не получили на второго), получала от государства субсидию размером (по курсу на тот момент) более $10 тыс. В 2012 году к ней добавились программы региональных материнских капиталов, которые в основном предоставляли субсидии на третьего ребенка. Принятые меры привели к достаточно быстрому результату: уже летом 2007 года, спустя девять месяцев после анонсирования программы, рождаемость в России увеличилась на 10%, и затем продолжила рост. После 2012 года, когда к федеральным добавились и региональные материнские капиталы, рождаемость уже превышала дореформенный уровень на четверть. Рождаемость росла до 2016 года, однако в 2017 и 2018 годах она упала, причем в первую очередь за счет рождения первых детей [2]. Одним

из факторов снижения рождаемости после ее значительного «всплеска» исследователи (демографы, социологи) называют рост доли сознательно выбирающих бездетный образ жизни. По данным ВЦИОМ, опубликованных в 2018 году, доля сознательно отказавшихся от рождения детей россиян выросла с 0 до 6% за последние 12 лет [1]. При разработке государственной демографической и семейной политики помощь и поддержка предусматриваются только для семей с детьми, инфертильные семьи не рассматриваются как объект какой-либо поддержки. Более того, депутаты Государственной Думы неоднократно вносили на рассмотрение законопроект о «налоге на бездетность», но данная инициатива пока никак не поддерживается. В эпоху СССР налог на бездетность существовал, взимался в размере 6% от размера заработной платы. Уплачивать его были обязаны:-бездетные мужчины в возрасте 20—50 лет вне зависимости от их семейного положения; бездетные замужние женщины в возрасте 20—45 лет. Данный налог существовал до распада СССР. Данные социологических опросов советского времени свидетельствуют, что подавляющее большинство сознательно бездетных граждан, сравнивая суммы налога на бездетность, и финансовые и материальные затраты, необходимые для содержания и воспитания детей, предпочитало уплачивать 6% налога. Анализ советского опыта свидетельствует о том, что налог на бездетность не побуждал граждан к смене идеологии семейной жизни. К тому же получалось, что люди, не имеющие детей, наказывались государством в денежном эквиваленте, причем независимо от причин бездетности, которая могла быть вызвана медицинскими факторами, социальными условиями, свободным выбором формы семьи. Уже само такое наказание является нарушением свободного личностного и семейного выбора, и фактором, способствующим формированию социальной напряженности. Данные наших исследований говорят о том, что инновации по предоставлению материнского капитала вряд ли окажут кардинальное влияние на выбор людей, добровольно выбирающих бездетный образ жизни, поскольку это выбор ценностно-рациональный. Ценности высокого качества жизни, карьерных предпочтений, стратегий самореализации, минимизации рисков (материальных, финансовых, генетических, медицинских и др.) формируют и ценность ответственного родительства. В пространстве социальных сетей сейчас происходит бурное обсуждение решения о выплате материнского капитала на первого ребенка с 01.01.2020, в особенности семьями, которые родили первенца до этой важной даты. Комментарии содержат недовольство, оценку несправедливости ситуации и «обделения» детей, которые родились до принятия этого решения. Некоторые молодые родители, не ограничива-

ясь комментариями, активно подписывают петицию о возможности получения маткапитала на первенца теми женщинами, которые родили в 2019 году. В петиции призывают исправить социальную несправедливость и распространить действие программы материнского капитала на семьи, в которых пополнение произошло с сентября по декабрь 2019 года. Иными словами, формируется ситуация социальной напряженности между группой молодых семей, которые попали под действие маткапитала 2020, и группой, кто под эту программу не попавших. На наш взгляд, только финансовых мер поддержки семей с детьми, пусть и весьма разнообразных, недостаточно. Помимо материальной поддержки требуется целая программа публичных мероприятий, связанных с позитивным социальным позиционированием семей. Только комплексный подход к проблеме может поменять общий фон и повлиять на стремление молодых людей к созданию многодетной семьи. Что касается сознательной добровольной бездетности как ценностно-рационального семейного выбора, то он, как любой выбор, не противоречащий общепризнанным социальным нормам и практикам, имеет право на существование.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90076 «Добровольная бездетность в современной России: социологический анализ»

Источники и литература

1) Рождаемость в России: меры и мнения. [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116649
2) Рождаемость по данным Росстат. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosinfostat.ru/rozhdaemost/#i-7

***Гареева Ирина Анатольевна*[1]*, Гареева Элина Рамильевна*[2]**

1 - Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия;
2 - Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Россия

Факторы социальной среды, обуславливающие самосохранительное поведение студентов

Проблемы самосохранительного поведения рассматривались в работах Э.Дюркгейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина. В современных условиях, исследования самосохранительного поведения приобретают особую актуальность в связи с социальными факторами, влияющими на здоровье.

К факторам, обуславливающим самосохранительное поведение относятся здоровый образ жизни, качество жизни, представления о предстоящей продолжительности жизни, сложившееся в обществе отношение к здоровью, девиантному поведению в отношении здоровья, позитивным стратегиям сохранения и укрепления здоровья [1, с. 154]. Все эти феномены соответствующим образом интегрируются и институциализируются на уровне конкретного территориального субъекта, страны, общества. На основе этих феноменов у конкретного индивида формируется конкретная позиция в отношении индивидуального здоровья.

Известно, что образ жизни влияет на здоровье индивида на 50%. Образ жизни включает уровень культуры и условия для благоприятной жизнедеятельности, уровень гигиенических навыков. Образ жизни, как фактор, обуславливающий самосохранительное поведение, подтверждает заинтересованность индивида в сохранении здоровья и его ценности .

Качество жизни - это восприятие индивидом его положения в жизни в связи с целями, стандартами ожиданиями и интересами самого индивида. Качество жизни понятие, которое включает в себя разнообразие материальных и духовных потребностей, которые способен удовлетворить человек в данных условиях определенного общества. Качество жизни включает такие критерии как удовлетворенность трудовой деятельностью, условиями быта, отдыха, досугом, медицинским обслуживанием, семейной обстановкой, здоровьем.

В качестве критериев оценки качества жизни по рекомендации ВОЗ рассматриваются: физические, психологические, духовные составляющие индивидуальной жизни, окружающая среда, уровень независимости индивида. Рядом исследований доказано что категория «качество жизни» включает в себя комплекс социальных, экономических, культурных и природных факторов необходимых для социального функционирования индивида в современном обществе.

В отечественной литературе имеются мнения, что существует прямая зависимость между уровнем дохода населения и уровнем сохранения здоровья. По мнению Л.С. Шиловой, население с высоким уровнем дохода формируют практики самосохранения здоровья, а население с низким уровнем дохода, в стремлении повысить уровень материального обеспечения необоснованно эксплуатирует свое здоровье и растрачивает [2].

Фактором самосохранительного поведения является и предстоящая продолжительность жизни. Однако, в молодых группах населения, степень его влияния значительно ниже, чем в более старших группах населения. Компенсационные возможности организма позволяют молодым

людям более безответственно относится к своему здоровью. Молодые люди к ожидаемой продолжительности жизни относятся субъективно и это фактор не выступает важным у молодых людей [3, с. 145; 4, с.49].

Основываясь на типологии самосохранительного поведения предложенной И.В. Журавлевой выделяют позитивный и негативный типы самосохранительного поведения [5, с. 133]. Анкетирование студентов высших учебных заведений г. Хабаровска продемонстрировало, что для студентов характерно в большей степени негативный тип самосохранительного поведения. Так, студентов не интересует информация об обременённости родительских семей какими-либо наследственными заболеваниями. У студентов практически отсутствуют знания о генетических предрасположенностях их организма, о наборе полученных в процессе жизни прививок, о факторах рисках способных негативно или позитивно повлиять на здоровье, о методах сохранения и укрепления здоровья. Так, только 10% знают о каких-либо заболеваниях у старших родственников, 5% отметили, что эти заболевания сопровождают нескольких близких родственников, 30% респондентов, считают, что все родственники здоровы, 47% респондентов не обращают внимания на здоровье старших родственников, 8% студентов над этим вопросом не задумывались вообще. Среди респондентов 90% утверждают, что знают содержание понятия «здоровый образ жизни», но только 23% понимают содержание понятия «самосохранительное поведение». Студенты первых курсов обучения, имеющие тесный контакт с семьей (67%), контролируются родителями и еще прислушиваются к советам старших(52%). На старших курсах, студенты становятся все более независимыми (69%), в том числе и финансово, и считают, что родительские советы им не нужны (73%). Время свободное от учебы у студентов старших курсов занято работой (63%). Редко, кто из студентов ведут здоровый образ жизни и имеют достаточный ночной сон (12%), правильное сбалансированное питание (19%), регулярные занятия спортом.(7%), хороший отдых (18%). Студенты старших курсов отмечают, что в процессе обучения приобрели вредные привычки (35%), и что в данный момент они не могут вести здоровый образ жизни (47%) и нет возможности задумываться о самосохранительном поведении (27%).

У студентов «размыты» представления о качестве их жизни. Более 60% респондентов считают, что условия жизни, питания, занятости, отдыха могли бы быть лучше, однако все объясняется их социальным статусом - многие студенты иногородние (47%), не имеют материальную поддержку со стороны родительской семьи (17%), вынуждены работать.

Таким образом, для большей части студентов, факторы социальной среды, обуславливающие самосохранительное поведения имеют негативное влияние.

Источники и литература

1) Кузеванова А.Л., Лещенко Л. А. Самосохранительное поведение как фактор сохранения и продления жизненной активности индивидов: социологический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39). С. 154-161.
2) Шилова Л.С Концепция самосохранительного поведения / Шилова Л.С., Козис А.Е., Пейкова З.И., Никитина И.Л., Журавлева И.В. // Отчет о НИР № 98-06-80440 (Российский фонд фундаментальных исследований).
3) Николаюк Е.А.Ценностная структура российской молодежи и ее самосохранительное поведение на современном этапе // Власть. 2016. Т. 24.№. С. 145-150.
4) Миронова Ю.Г. Особенности самосохранительного поведения современной студенческой молодежи // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 48-51.
5) Журавлёва И.В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 132-152.
6) Корчагина П.С. Самосохранительное поведение учащихся вузов // Молодые ученые - экономике сб. конкурс. работ. Рос. акад. наук. Волог. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН. Вологда, 2012. С. 291-296.

Горбачева Наталья Борисовна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Социологический взгляд на социальную преемственность поколений

В последние десятилетия XX века отечественные ученые: В.И. Чупров, Г.Г. Феоктистов, Т.А. Трофимова, В.Т. Лисовский и другие, опубликовали работы, в которых изучались межпоколенные конфликты, рассматривались проблемы и причины преемственности поколений. При

изучении развития и социализации молодежи, которые напрямую связаны с преемственностью поколений и ценностными ориентациями, были сформированы современные концепции социальной зрелости В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, Вал.А. и Вл.А. Луковых, И.М. Ильинского, Е.Л. Омельченко, Д.А. Леонтьев и других.

Благоприятная атмосфера или конфликты между поколениями характеризуют совместимость ценностных ориентаций, основных норм жизнедеятельности двух поколений, возможность адекватной, успешной социализации молодежи, условия благоприятного взаимодействия со старшими поколениями, соответствие личности требованиям возрастного социального статуса, степень институализации возрастных ролей.

Семейные традиции - это духовная составляющая характеристика уклада жизни семьи, нрав и норм поведения, семейных ценностей, накопленных опытом прежних поколений [1]. Интерес, передача и сохранение семейных традиций - показатель уважительного отношения не только к старшим, но и к предкам, культуре, истории своего народа, что характеризует патриотическое отношение к Родине, куда входят и семья, и близкие. Сопутствующим элементом семейных традиций является сохранение семейных реликвий. Реликвии пробуждают интерес к родным корням, способствуют воспитанию нравственных качеств подрастающего поколения. Реликвия с латинского языка означает: свято хранимая почитаемая вещь, связанная с историческими или религиозными событиями прошлого. Экспонатом семейной реликвии может оказаться любая вещь, напоминающая об истории предков, своем происхождении, традициях: письма, фотографии, шкатулки, награды, которые передаются из поколения в поколение по наследству. Согласно исследованию 2007 года, проведенному ФОМ [2], у подавляющего большинства россиян (91%) дома есть семейные фотографии. У 41% опрошенных хранятся фотографии 1920-1950-ых годов; у 20% респондентов - 1960-1980 годов. В семейных архивах опрошенных находятся фотографии 1901-1920 годов, а также сделанные до 1900 года, соответственно у 6 и 7% россиян. При этом свыше половины респондентов (54%) знают всех, кто изображен на самых старых семейных фото, 28% опрошенных знакома большая часть из них и 6% - меньшинство изображенных на таких фотографиях. Свидетельством о знакомстве с прошлым, изображенным на фотографиях, послужили рассказы старших родственников (58%). За каждым ценным для семьи предметом стоит своя история, легенда, стоят люди со своими переживаниями и судьбами. Иногда семейные реликвии могут рассказать очень многое об истории семьи.

Сохранение семейных реликвий и ценностей указывает на уважение к истории своей семьи и ее традициям. Уважительное отношение к прошлому, истории, традициям является одной из форм коммуникации между родителями и подростками. Трансляция информации о прошлом и памятном семьи через систему символов, знаков и жестов способствует не только эффективной межпоколенной коммуникации, но и эффективной социализации молодежи. Бережное отношение к памяти прошлого, к наследию культуры является критерием духовной воспитанности человека. Память по своей сути избирательна. Из прошлого чаще вспоминается то, что приятно. Восприятие и интерпретация информации о прошлом, памятном и ценном для семьи в той или иной степени отразится на отношениях родителей и молодежи. Непонимание ценности наследия приводит к разногласиям и конфликтам, обострению взаимоотношений между членами семьи.

Функция социальной памяти заключается в том, что символизм каких-либо событий продолжает через многие поколения оказывать свое влияние на характер взаимоотношений и взаимодействий между индивидами. Другими словами, если молодежь принимает память об истории своей семьи и готова передать ее по наследству, она должна понять достоинство и недостатки своих предков. Социальная память способствует накоплению, сохранению и передачи из поколения в поколение социально-культурного опыта. Консервативность взглядов на традиции и ценности являются системой сохранения традиционных норм и ценностей, что определяет функцию социального контроля агентов и социализируемой личности.

Источники и литература

1) Тетов Р.О. Основные теоретические подходы к понятию "межпоколенные отношения" // Вестник Северо-осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2009. №4. С.79-83.

2) Исследование "Семейные фотографии в домах россиян", проведенное ФОМ. Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 24-25 ноября 2007 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. Электронный ресурс: http://bd.fom.ru/report/map/d074822

Грицких Надежда Викторовна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Проституция как вид социально-негативного поведения: социально-экономические, социокультурные, социально-демографические и медицинские аспекты

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что проституция, являясь социально-негативным явлением, проникла во многие сферы человеческой жизни и в обществе назрела острая необходимость анализа проблем и тенденций динамики лиц, вовлеченных в проституцию.

В современном российском обществе наблюдается рост спроса и предложения на рынке сексуальных услуг, который был спровоцирован существенными социальными, экономическими и политическими изменениями. В результате этого принципы половой морали и нравственности претерпели существенные изменения, так экспансия сексуального поведения, влекущего за собой ЗППП и смягчение запретов в половом поведении приводят к росту числа социально-значимых заболеваний. Федеральной службой государственной статистики, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека, в 2005 году была зарегистрирована у 78,6 тысяч человек, и с каждым годом ее распространение росло, к 2017 году уже зафиксировано 693,1 тысяч больных [1]. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние два года число лиц, подвергнутых административному наказанию за занятие проституцией выросло на 22% [2].

Социально-экономический аспект проституции состоит в материальной обусловленности половых отношений. Исследования социально-экономических особенностей выделяют два основных вектора: профессиональный, в силу невозможности/нежелания освоить какую-либо другую сферу занятости; досуговый, секс выступает механизмом обогащения, получения подарков, посещения развлекательных центров и использование иных имущественных благ потребителя сексуальных услуг. Однако общим признаком выступает возмездная основа смены половых партнеров.

Среди ключевых причин, по которым индивиды становятся на путь проституирования, является повышение уровня материального благосостояния в короткий промежуток времени. Как показывают результаты исследований сами проститутки считают данный вид занятости стартовым для открытия новых возможностей на рынке труда (получение профессии, открытие собственного бизнеса и др.), однако оказываются в зависимости от «быстрых и легких» денег и возвращаются в профессию

вновь и вновь. Зачастую сутенеры и иные агенты влияния втягивают молодежь в данный вид деятельности с целью обогащения и эксплуатации, используя формы шантажа и насилия.

Социокультурный аспект выражен в аморальности, легкодоступности, культурной деградации лиц, отрицания принципов целомудрия вовлеченных в занятие проституцией. Одним из деструктивных признаков данного негативного поведения является эмоциональное безразличие к самому себе и к своему будущему, а иногда и отвращение, в силу этого, наблюдается тенденции алкоголизма и наркомании среди, людей оказывающих платные сексуальные услуги.

В последние годы наблюдается появление новых форм проституции:

- вебкам, т.е. флирт и общение эротического характера посредствам Интернета и онлайн видео-чатов;

- пип-шоу/стриптиз, т.е. демонстрация обнаженного тела за фиксированную плату;

- эскорт, т.е. сопровождение на публичных мероприятиях, общение с представителями противоположного пола, не подразумевающие супружеские и романтические отношения, предоставляемые за денежное вознаграждение;

- порнография, т.е. создание фото- и видеоматериалов, отражающих половой акт, которые используются для нелегальной продажи и получения материальной выгоды.

Среди социокультурных причин вовлечения в занятие проституцией учеными выделяются насильственные действия со стороны близких родственников (отцов, братьев, отчимов), распространение в обществе культуры насилия, смена ценностных ориентаций, неспособность адаптироваться к сложным жизненным обстоятельствам [3, с. 438].

Таким образом, проституция как форма негативного поведения несет за собой ряд проблем социокультурного спектра, а именно крах института семьи (осуждение и непринятие данного вида деятельности со стороны родителей и невозможность создания собственной ячейки общества), а также деформацию представлений о брачно-семейных ценностях у детей, рожденных женщиной, вовлеченной в пространство коммерческого секса.

Социально-демографический аспект проституции. Особенностью данного социально-негативного явления в современном мире можно считать изменение половозрастного состава лиц, оказывающих интимных сексуальные услуги. Все чаще среди проституток встречаются мужчины, лица, не достигшие возраста 18 лет, а также транссексуалы и представители нетрадиционных сексуальных ориентаций. Масштаб проблемы

подчеркивается также значительным ростом числа лиц, оказывающих сексуальные услуги за деньги. По оценке Ирины Масловой, руководителя ассоциации секс-работников в России «Серебряная роза» в 2018 число женщин, вовлеченных в занятие проституцию составило 3,5 млн. чел [4].

Социально-демографический портрет лица, оказывающего платные сексуальные услуги, схож с портретом жертв преступлений, связанных с причинением насилия. Среди потребителей секс-услуг нередко встречаются лица с извращенными потребностями и отсутствием границ дозволенного, данное поведение обусловлено тем, что они воспринимают эти отношение не как межличностные, а как товарно-денежные, при этом товаром выступает исполнитель сексуальной услуги. Неспособные оказать сопротивление проститутки остаются наедине с собственными проблемами, в силу отсутствия морально-волевых качеств, недостаточной поддержки со стороны близкого окружения и психологической инфантильности. Кроме того часто им не оказывается поддержка со стороны некоммерческого сектора и государства.

Анализируя данные, мы можем сделать вывод, что эксперты и население сходятся в том, что возрастные группы 15-20 лет (47,4% и 44,3% соответственно) и 21-25 лет (36,8% и 44,7% соответственно) находятся в группе риска вовлечения в занятие проституцией.

Отдельно следует подчеркнуть угрозу общественного развития и порядка, которую составляет детская проституция и порнография, получившая распространение в последние годы, в том числе и в сети Интернет. Не смотря на жесткое законодательное регулирование данный вид деятельности, приносит высокий доход и сохраняет спрос.

Медицинский аспект проституирования характеризуется тем, что большая часть людей, вовлеченное в это асоциальное поведение имеют проблемы с физическим, соматическим и психическим здоровьем.

Самым важным фактором изучения проституции в медицинских науках является распространение социально значимых болезней в российском обществе. Еще в 1889 г. исследования проституток показывали, что порядка 60% из них были больны сифилисом и другими ЗППП и это лишь данные официальной статистики, реальный показатель выше в связи с латентностью данного явления [5]. Федеральной службой государственной статистики, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека, в 2005 году была зарегистрирована у 78,6 тысяч человек, и с каждым годом ее распространение росло, к 2017 году уже зафиксировано 693,1 тысяч больных [1]. Для решения проблем профилактики и предотвращения распространения ВИЧ-инфекции и СПИД в России проводится комплекс мероприятий, примером которых могут выступать

бесплатная раздача средств контрацепции, лубрикантов, анонимное тестирование на наличие социально-значимых заболеваний и проведение профилактических бесед [6].

Доказанным является тот факт, что большинство проституток умирает не достигнув пенсионного возраста от заболеваний, связанных с чрезмерным употреблением запрещенных психотропных веществ, крепких спиртных напитков, а также выявлена тенденция к раннему старению, суицидальным наклонностям. Неправильное самосохранительное поведение женщин, вовлеченных в занятие проституцией, приводит к росту в стране абортов, выполненных нелицензированными специалистами и повышению доли детей, оставленных такими женщинами в детских домах и домах малютки.

Источники и литература

1) Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // URL http://www.gks.ru/ (дата обращения: 02.02.2020).
2) Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 02.02.2020)
3) Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. -М.: Логос, 2004. - 448 с.
4) «Серебряная Роза». Движение секс-работников и тех, кто их поддерживает по защите здоровья, достоинства и прав человека URL: silver-rose.ru (дата обращения 02.02.2020)
5) Статистика Российской империи. Т. XIII. Проституция по обследованию 1 августа 1889 г. СПб., 1890. С. 79
6) Бородкина О. И. Модель целевых групп в профилактике ВИЧ/СПИДа // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. 2008. Вып. 16. С. 287-301.

Грудина Татьяна Николаевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Кризис института семьи как проявление конфликта жизненных ценностей и поведенческих решений населения

Современная ситуация функционирования института семьи как никогда острая и противоречивая. Семья в наше время на грани полного развала [1,2]. Среди ученых существуют разные мнения по поводу

причин данного негативного процесса - в парадигме фамилизма - это ценностный кризис семьи, ослабление потребности в детях. Немаловажным фактором здесь является сложная ситуация с текущими условиями жизни семейного населения, в том числе спровоцированными общим ходом экономических реформ, которые игнорируют интересы большинства граждан нашей страны. В современном обществе происходит смещение в иерархии жизненных ценностей: в системе ценностных ориентаций у большинства населения наблюдается достаточно высокая направленность на социальный престиж и успех, а не на семью и детей.

Важно отметить, что семьи как таковые претерпевают значительные изменения. Семья, состоящая из супругов и их детей, больше не притягательна и не выступает в качестве единственно возможной нормы: все чаще встречаются семьи, в которых есть лишь один родитель (так называемые осколочные форма семьи). К разведенным женщинам, самостоятельно воспитывающих детей, добавляется все больше женщин, которые сознательно выбирают одинокое материнство. «Некоторые женщины и / или их сожители отказываются как от регистрации брака, так и от рождения хотя бы одного ребенка, чтобы не ограничивать свою личную свободу. Рост числа таких людей — серьезная демографическая проблема [4].

У многих современных молодых людей обзаведение семьей перестает быть значимым и перспективным, происходит смещение жизненных целей и ценностей в сторону внесемейного образа жизни. Материальный достаток, карьерные перспективы, успех и высокое положение в обществе, статусные позиции становятся центром их жизни. Фонд общественного мнения в рамках исследования «О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности», выявил первостепенные жизненные стратегии для молодежи. Для половины ответивших «работа», «совершенствование в профессии», «карьера» стоят на первом месте. 19 % отметили важность «получения образования», «востребованности в профессии», 13 % - в качестве значимой ценности обозначили «богатство», «деньги», тогда как к созданию семьи склонны лишь 6% респондентов[5]. Исследование жизненных ценностей и установок, ориентаций на семью и семейный образ жизни, проведенное кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова[4] подтверждает приведенные выше данные. Нацеленность молодежи на построение карьеры, независимость, стремление к успеху и полной и скорой самореализации - все те же тенденции и закономерности. Молодые

люди стремятся найти престижную работу с высоким уровнем оплаты, жертвуют ради этого своим свободным временем, в том числе общением с родными и близкими, отказываются от создания семьи, откладывают «на потом» вступление в законный брак, рождение детей. Дом и семья в такой системе жизненных ценностей не находят себя, главное - материальное благосостояние. «Картина своего будущего у большинства все же расплывчата и противоречива, что объясняется жесткой конкуренцией жизненных ценностей и доминированием не терминальных ценностей добра-правды-красоты, способствующих социальной компетентности личности, а технологических, ориентированных на эффективность, на успех и внешние символы авторитетности. Расхождение вербального и реального поведения показывает низкий уровень интернализации семейных ценностей, несформированность ценностного отношения к семье и браку. Это объясняется тем, что теперь все больше детей и подростков вырастает в «осколочных» формах семьи. Система единственного ребенка в семье, распространенная в период кризиса института семьи, не способствует формированию адекватных ценностных ориентаций на здоровье и семейный образ жизни» [3].

Поведенческие решения и жизненные ценности у населения вступают в острый и противоречивый конфликт - семью хотят создавать после того, как заработают на достойную, безбедную жизнь, а также удовлетворив свои индивидуальные потребности, интересы. Сегодня семья превращается во временное образование, объединение личностей, каждая в которой живет своей собственной личной жизнью и надеется, что семья будет в этом ей благоприятствовать. В прежние времена частная жизнь была неразрывно связана с семейным образом жизни. Теперь же для семьи характерна ситуация, когда она развивается путем того вклада, который она вносит в расцвет личной жизни каждого своего члена: от семейного «мы» идет движение с сторону индивидуального «я», где расцвет последнего - залог благополучного существования.

Таким образом, семья в значительной степени перестает быть социальным институтом и становится формальностью, теряет свои позиции как массовое социальное явление и норма на глобальном уровне. За счет доступности образования расширяется независимость молодых людей в рамках семьи. Исчезает необходимость жениться, выходить замуж, чтобы уйти из-под родительской власти. Материнство и отцовство на протяжении многих десятилетий продолжает обесцениваться. В европейских странах около половины детей рождаются вне брака.

Количество разводов превышает количество регистраций браков. Миллионами совершаются аборты. Человечество превращается в какое - то сборище людей без традиций, без устоев. «Все происходящие изменения рукотворны, являются результатом исторической деятельности много и многих людей - государства, социальных институтов, планируемых и непланируемых воздействий. Именно поэтому нельзя говорить о якобы необратимости тех процессов, которые связаны с кризисом институциональных функций семьи» [3, С. 41]. Обратимость возможна, только было бы желание и крепкое решение, как на государственном, так и на индивидуальном уровне бороться за семью и отстаивать ее интересы до конца.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейнодетных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

Источники и литература

1) Антонов А. И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. — 2016. — № 1. — С. 40–43.
2) Карлсон А. Общество - семья – личность. - М. : Грааль, 2003. – 288 с.
3) Семья, дети - жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Коллективная монография / Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Научно-исследовательский центр Фонда Андрея Первозванного, Институт социологии Российской академии наук. - Москва.: Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы, 2015. - 238 с.
4) Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-brak-krizis-ili-modernizatsiya
5) «О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности». Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 7 сентября 2014. https://fom.ru/TSennosti/11748

Гутик Татьяна Валерьевна

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Особенности поведения населения в сфере охраны здоровья (по материалам социологического исследования)

В настоящее время одним из приоритетных направлений развития системы здравоохранения в России является сохранение и укрепление здоровья населения путем формирования здорового образа жизни и оптимизации профилактической активности [1].

Состояние здоровья каждого члена общества отражает в целом уровень общественного здоровья, определяемый такими показателями, как рождаемость, смертность, средняя продолжительность предстоящей жизни, заболеваемость, инвалидность, уровень физического развития.

Основное положение концепции самосохранительного поведения состоит в том, что поведение индивида в отношении здоровья опосредует влияние остальных групп факторов, таких как генетические, медицинские, социально-демографические, экономические, экологические, социокультурные [2].

Действия и отношения, направленные на укрепление, сохранение здоровья, увеличение продолжительности жизни можно рассматривать как позитивные стратегии в сфере поддержания здоровья, результатом которых будет высокий уровень здоровья индивида. Отсутствие ответственности и активности в поддержании здоровья формирует среди населения негативные стратегии поведения, ведущие к потере здоровья и уменьшению продолжительности жизни.

В октябре-ноябре 2019 года было проведено авторское социологическое исследование среди населения города Хабаровска в форме анкетного опроса. Опрошено было 600 человек, выборка случайная. Среди опрошенных 38% - мужчины и 62% - женщины. Возрастной состав респондентов представлен следующими группами: от 18 до 25 лет - 27%, от 26 до 33 лет - 17%, от 34 до 41 года - 27%, от 42 до 49 лет 15%, и по 7% приходится на респондентов в возрасте от 50 до 57 лет и 58 лет и старше.

В ходе социологического исследования нами выявлена заинтересованность в сохранении здоровья у 92% опрошенных хабаровчан, что подтверждает высокую ценность здоровья для жителей города. Среди всех респондентов 83% считают себя ответственными за состояние своего здоровья. Следует отметить, что на вопрос «Ведете ли Вы здоровый образ жизни» положительно ответили 48% опрошенных, отрицали данный факт - 31% и 21% респондентов затруднились дать ответ, что по нашему мнению, может быть связано с отсутствием понимания понятия

«здоровый образ жизни». Ведение здорового образа жизни зачастую сводят к занятиям физической культурой и спортом и отсутствию вредных привычек. Хронические заболевания по субъективному мнению респондентов имеют 32% опрошенных, но лишь половина из них регулярно наблюдаются у врача в связи с имеющимся заболеванием.

Оценивая состояние своего здоровья, 51% респондентов считают его удовлетворительным, 42% - хорошим и лишь 7% - плохим, но следует отметить тот факт, что только треть опрошенных (34%) дают эту оценку на основе медицинского обследования, а остальные 66% - на основе самочувствия.

Результаты нашего опроса показали, что в качестве основных угроз здоровью 34% респондентов считают качество питания, 30% отметили экологическую ситуацию в районе проживания, и 31% беспокоит ограниченная доступность и низкое качество медицинской помощи. При оценке данных факторов респондентам допускалось выбрать более одного из предложенных вариантов. Наличие вредных привычек как угрозу, отметили 25% опрошенных, а указали наличие их в своем образе жизни почти половина (46%). Образ жизни считают рискованным лишь 19% респондентов. При этом для поддержания своего здоровья регулярно делают зарядку, пробежку всего 16% опрошенных хабаровчан, такое же количество регулярно посещают спортзал. Одна треть респондентов (30%) принимают витамины и БАДы. Регулярно обращаются в медицинские учреждения для контроля своего здоровья 22% и 9% регулярно проводят профилактические курсы лечения без назначений врача. Ничего не делают для сохранения здоровья 21% опрошенных хабаровчан.

В случае наступления болезни 35% респондентов всегда обращаются за медицинской помощью. Обращение только в тяжелых случаях практикуют 44% опрошенного населения, практически не обращаются за медицинской помощью 12%, самолечение предпочитают 13%, не обращаются за медицинской помощью, надеясь на скорое выздоровление 9% респондентов и 6% опрошенных в лечении используют народные средства.

Результаты исследования показали, что высокая ценность здоровья среди населения не является установкой формирования стратегий превентивного поведения. Выявлены гендерные особенности и установлена зависимость самосохранительного поведения от возраста, социального положения и уровня дохода. Среди опрошенных распространено рискованное поведение, проявляющееся отсутствием ответственности и активности в профилактике заболеваний, получении медицинской помощи, медицинской информации и правовой медицинской грамотности; низкой

физической активностью, отсутствием контроля над имеющимися хроническими заболеваниями.

Достижение положительных результатов в сфере здоровьесбережения населения возможно только при массовом вовлечении граждан в практику ответственного отношения к своему здоровью, формировании позитивных стратегий в сфере поддержания здоровья и отказе от негативных. Решить эту задачу под силу только совместными усилиями государства и самих граждан.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Формирование превентивного поведения населения как стратегия сохранения и укрепления здоровья (на примере города Хабаровска)» №19-313-90035.

Источники и литература

1) Улумбекова Г. Э. Здравоохранение России: 2018–2024 гг. Что надо делать? //ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. – 2018 - №1. – С. 9-16.

2) Шилова Л. С. Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения. Стратегии поведения // Saarbruken, LAMBERT Academic Publishing, 2012. - 143 с.

***Дзуцев Хасан Владимирович*[1]*, Корниенко Наталья Владимировна*[2]**

1 - Северо-осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия; 2 - Центр исследований приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН, Владикавказ, Россия

Отношение к межрелигиозным бракам в республиках СКФО РФ

Запрет на заключение брака с иноверцами содержится и в христианстве, и в исламе. На Руси, когда заключение брака находилось в ведении церкви, допускалось венчание (вступление в брак) православных с другими христианами. В исламе мужчина должен жениться на мусульманке, но также дозволителен брак с «женщинами из числа писания» (сегодня это иудаизм и христианство), мусульманкам же запрещено выходить замуж за кого-либо, кроме мусульманина. Очевидно, данные

нормы вступают в конфликт с Семейным кодексом Российской Федерации, согласно которому «Запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам ... религиозной принадлежности» (п. 4 ст.1)

Мы решили исследовать отношение жителей республик СКФО РФ к заключению брака их родственником с представителем другой веры. Исследование базируется на материалах этносоциологических исследований, проведенных летом 2016 года в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: в Республике Северная Осетия - Алания, Чеченской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике. Объем выборки составил 1200 респондентов, также в опросе приняли участие 60 экспертов, по 10 из каждой республики (журналисты, ученые, чиновники, члены политических партий, работники культуры). Объём выборки был равным во всех республиках и составил 200 респондентов в каждой - такой объём позволяет сравнить полученные данные между республиками и с Россией в целом. Опрос репрезентативен по признакам возраста, пола, уровня образования, национальной принадлежности и типоселенческим характеристикам.

В среднем по всем группам самым популярным был ответ «Довольно отрицательно» (28,3%), реже жители выбирали варианты «Довольно положительно» (26,2%), «Положительно» (21,2%), менее популярными были варианты «Отрицательно» (13,3%) или отказ выбрать один из предложенных вариантов (11,1%).

Самый высокий уровень неодобрения показали чеченцы и ингуши - в первом случае самым популярным вариантом ответы был «Крайне отрицательно», из опрошенных ингушей почти половина выбрала более мягкий вариант «Довольно отрицательно», всего же в названных группах эти варианты выбрали 76,8 и 71,4 % соответственно.

Самый высокий уровень терпимости продемонстрировали русские и русскоязычные жители региона, осетины, кабардинцы и балкарцы - варианты «Положительно» (самый популярный среди осетин) и «Довольно положительно» выбрали соответственно 69,8, 69,3 и 67,4 % респондентов.

Более близкие к средним по региону показателям продемонстрировали карачаевцы и черкесы (положительные ответы дали 47,8%, отрицательные - 39,3%, ещё 12,9% отказались выбрать ответ) и народы Дагестана (40,3% дали отрицательные ответы, 37,5% - положительные, ещё 22,3% не выбрали никакой).

Таким образом, приблизительно 2/3 опрошенных представителей титульных наций в ЧР и РИ отрицательно относятся к межрелигиозным бракам среди родственников.

Самый высокий уровень толерантности в вопросах о межрелигиозных браках показали осетины, русский и русскоязычные, кабардинцы и балкарцы.

Несмотря на многовековую историю сосуществования разных религий на территории самого полиэтнического региона России, в ходе которой в обществе сформировалось высокое уважение к религиозным ценностям православных христиан и мусульман [1; 2], идеи свободного религиозного самоопределения и вступления в брак вне зависимости от религиозной самоидентификации зачастую не находят отклик у жителей СКФО РФ. Данные опросов, представленные в первой части главы, а также комментарии экспертов позволяют сделать вывод о том, что религиозная принадлежность в большинстве республик воспринимается как элемент этнической самоидентификации, поэтому выбор религии и заключение брака затрагивают не только религиозные, но и межэтнические взаимоотношения.

Источники и литература

1) Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Общественное мнение населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации о религиозных ценностях мусульман: этносоциологический анализ // Этносоциум. 2017. №2 (104). С. 80-91.

2) Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Отношение населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации к ценностям православных христиан // Этносоциум. 2017. №1 (103). С. 116-126.

Дудина Виктория Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Конфликт между взглядами врачей и пациентов на использование интернета в практиках самосохранительного поведения и в управлении здоровьем

В современном мире интернет все чаще используется для управления собственным здоровьем. Многие практики самосохранительного поведения и здорового образа жизни все в большей мере опираются на использование цифровых приложений, платформ и социальных медиа. Люди ищут в интернете информацию о лечении и поддержании здоровья. Пользователи сети интернет делятся в социальных сетях личным опытом лечения, общения с врачами, использования различных лекарственных средств. Все эти процессы меняют традиционно сложившиеся отношения между врачом и пациентом, делая пациентов более информированными, что часто провоцирует критическое отношение к врачебным назначениям. Возникает пространство «немонополизированного экспертного знания, которое изменяет отношение между пациентом и его непосредственными врачами» [1]. Концепция партисипаторной медицины предполагает, что пациент не пассивный объект помощи, а информированный активно действующий субъект, который имеет доступ к специализированной информации и критически оценивает врачебные назначения. Трансформация отношений между врачом и пациентом неоднозначно оценивается самими врачами, многие из которых видят в интернете угрозу эффективности лечения.

В статье с провокационным названием «Пожалуйста, оставьте свой телефон: политики и поставщики медицинских приложений поощряют участие пациентов, а врачи в кабинете - нет», авторы, авторы рассматривают конфликтующие установки по отношению к использованию интернета в медицинских целях [5]. Несмотря на то, что инновационные медицинские приложения быстро распространяются и широко рекомендуются пациентам производителями и некоторыми представителями медицинского сообщества, самостоятельное использование пациентами интернет-информации как правило, не приветствуется практикующими врачами. Авторы делают вывод, что современная медицинская практика еще не готова к широкому использованию Интернета пациентами и к работе с т.н. «интернет-информированными пациентами». Такие пациенты часто вызывают у врачей раздражение, осуждение или просто игнорирование. В то время как более внимательное отношение врачей к потребностям пациентов в дополнительной информации и к готовности самостоятельно добывать ее в интернете могло бы способствовать организации более пациент-ориентированной медицины.

В исследовании немецких врачей (выборка составила 287 человек), были идентифицированы три основных мотива использования интернета врачами: 1) желание находиться на переднем крае науки, 2) стремление к более высокой эффективности, 3) более рациональная организация

собственной работы [4]. На основе анализа этих типов мотивации, авторы выделили четыре типа использования интернета врачами: 1) интернет-адвокат, 2) ориентированный на эффективность, 3) интернет-критик, 4) ориентированный на самовыражение. Эти типы врачей существенно отличаются по своему отношению к интернет-информированным пациентам, оценкам влияния интернета на отношения врач-пациент, восприятию точности и объективности информации, которую пациенты получают в интернете и оценке возможности использования интернета для коммуникации с пациентами.

В России вопрос отношения врачей к использованию пациентами интернета не исследовался достаточно широко, однако есть некоторые любопытные данные. Например, как отмечается в исследовании 2011 года, более половины опрошенных московских докторов отмечают, что в последние два-три года стали чаще сталкиваться с пациентами, «отягощенными» профессиональными медицинскими знаниями, настоятельно требующими назначать определенные схемы лечения (или, в крайнем случае, принять к вниманию их рекомендации), выписывать рецепты на лекарственные средства, которые они сами себе подобрали в интернете [3]. Другое отечественное исследование, проводившееся в 2014 году, опрос 368 практикующие врачей и 315 студентов медицинских специальностей, показало существенную вариацию в самооценке уровня владения интернетом среди практикующих врачей [2]. При этом 75,3% опрошенных заявили, что используют интернет в профессиональных целях и 5,2% вообще не используют интернет. 70,1% врачей и 81,3% студентов согласились с тем, что у пациентов, чрезмерно доверяющих информации в интернете, могут возникнуть конфликтные ситуации с врачом. Только 9,6% практикующих врачей и 10,1% студентов из числа опрошенных, положительно отнеслись к практике самообразования пациентов в интернете. 73,6% врачей отметили, что в своей профессиональной деятельности встречали "интернет-подкованных" пациентов, при этом, трудности в общении с ними возникли у 42,1%. Автор данного исследования делает вывод о том, что врачи часто воспринимают интернет как «конкурента» в борьбе за доверие пациента и как дополнительную трудность при общении с пациентами. Из положительных моментов использования интернета пациентами, врачи отметили возможность более информированной заботы о своем здоровье. Также, 80% опрошенных считают, что интернет является хорошей площадкой для проведения просветительской работы среди населения [2].

В настоящее время интернет, цифровые платформы и социальные медиа становятся ресурсом, который может использоваться врачами для

работы с пациентами. Предубеждения со стороны врачей о вреде использования интернета в практиках самоменеджмента здоровья могут стать препятствием к использованию этого перспективного ресурса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00726.

Источники и литература

1) Лехциер В. Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literatūros namai, 2018.
2) Павленко Е.В. Врачи в условиях электронного здравоохранения: отношение специалистов к использованию компьютера и интернета в профессиональной деятельности Социология медицины. 2015; 14 (2): 30—34.
3) Тарасенко Е. А. Patient 2.0: коммуникации пациентов и врачей в социальных сетях // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ, 2012. Кн. 3. С. 203–210.
4) Moick M., Terlutter R. Physicians' motives for professional internet use and differences in attitudes toward the internet-informed patient, physician-patient communication, and prescribing behavior. Editors' Choice // Medicine 2.0. 2012. Vol. 1 (2). P. 1–10.
5) Roper L, Jorm C Please leave your phone outside: policymakers and medical app providers are encouraging patient participation, but doctors in the consult room are not BMJ Innovations 2017;3: 65-70.

Жукова Алёна Алексеевна
МГУ им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Роль учреждений социального обслуживания в реализации социальных инициатив и увеличении периода активного долголетия лиц пожилого возраста

Социальное обслуживание граждан представляет собой деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам, оказание постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные

жизненные потребности. В связи с этим социальные услуги рассматриваются как организационная форма социальной работы с пожилыми людьми.

Комплексные центры социального обслуживания и отделения социальной защиты предоставляют социальные услуги населения по месту жительства, что позволяет обеспечить территориальную доступность востребованных социальных услуг для пожилых людей. В настоящее время социальное обслуживание сложилось в целостную систему, которая постоянно совершенствуется, о чем свидетельствует создание новых учреждений социального обслуживания, введение новых видов услуг и др.

По определению ВОЗ, активное долголетие - это процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья и повышение качества жизни в ходе старения [4].

В проектах для пожилых людей большое внимание должно уделяться не только медицинскому аспекту, но и удовлетворению социальных и духовных потребностей, ресоциализации и реинтеграции пожилых в общество.

Отношение к людям старшего возраста - это комплексное отражение материального, политического, морального, религиозного, интеллектуального уровня развития общества. На данный момент, пожилых людей в России воспринимаю только как «пенсионеры» или «ветераны», и основная забота о них сводится к обеспечению прожиточного минимума и базового социального обеспечения. Не удивительно, что понятие «старость» в обществе ассоциируется с болезнями и одиночеством.

С другой стороны, сегодня очень странно говорить о том, что старость - это немощность и одиночество. Развитие медицины, расширение спектра и форм социальных услуг позволяют значительно улучшить качество жизни пожилых людей и дают им возможность активно участвовать в происходящих событиях. Конечно, многое зависит от самого человека, от его ответственного отношения к себе в течение всей жизни и от личного желания быть деятельным после выхода на пенсию.

Основной принцип долголетия - оздоровление тела, души и духа. Увеличение ожидаемой продолжительности жизни возможно при сочетании правильного образа жизни, разумного чередования работы и отдыха, здорового питания, интересных занятий, появления новых социальных связей.

Социальные службы становятся активным организатором досуга пожилых людей. К примеру, при центрах социального обслуживания работают отделения дневного пребывания для лиц старшего возраста. Они

предназначены для социально-бытового, культурного, медицинского обслуживания граждан, для организации их питания и отдыха, привлечения к посильной трудовой деятельности и поддержания активного образа жизни, обучения новым, полезным навыкам.

Также стоит отметить, что различные категории лиц пожилого возраста по-разному, определяют свое социальное самочувствие, а также способы его улучшения. Так, например, анализ вторичных данных показал, что среди лиц пожилого возраста, ветераны Великой Отечественной войны, значительную роль в улучшении социального самочувствия определяет забота и внимание молодого поколения [1].

Активная умственная деятельность является залогом психологического и физического здоровья, в связи с этим, образование людей в пенсионном возрасте не преследует цели получения профессии, оно относится к так называемому неформальному образованию, имеющему цель персонального развития, социальной адаптации и общения людей, сохранению их активной жизненной позиции. Таким образом, расширение образовательных возможностей и возможностей самоопределения и самореализации для пожилых, информирование о возможностях возраста становятся социально важной целью. Такие меры позволяют поднять уровень социального и психологического благополучия пожилых, удовлетворяя их потребность в развитии и активном использовании новых ресурсов и опыта [2, 132].

В рамках обучения «активному долголетию» с пожилыми людьми могут проводиться мастер-классы по следующим направлениям:

- обучение навыкам укрепления и сохранения здоровья, профилактики заболеваний;
- обучение навыкам компьютерной грамотности;
- обеспечение психологического спокойствия, позитивного отношения к жизни;
- обучение организации активного досуга;
- мастер-классы по различным видам искусства.

Одним из видов активной деятельности для пожилых людей может стать участие в муниципальных и всероссийских конкурсах в качестве участников и волонтеров. Пожилые люди также имеют опыт и навыки в различных сферах жизни и творчества. Проведение конкурсов, олимпиад и эстафет для старшего поколения дает им возможность чувствовать себя «в социуме», показать свои таланты, а также желание совершенствоваться, расти в своем мастерстве, обучаться новому и не сдавать позиций.

Источники и литература

1) Анализ социального самочувствия пожилых людей и ветеранов в городском округе Саранск / Д. А. Бистяйкина, Т. В. Соловьева, Е. Г. Панькова // Социальный потенциал пожилых людей: условия, опыт, проблемы эффективного применения : материалы Межрегион. Науч.-практ. Конф. (г. Саранск, 15 ноября 2018 г.); под общ. Ред. Проф. Л.И. Савинова. — Саранск : Издатель Афанасьев В.С., 2019. – С. 5.
2) Ветков Н. Е. Здоровье человека как ценность и его определяющие факторы / Н. Е. Ветков // Наука -2020. – 2016. – С. 126 – 142.
3) Юлдашбаева Г. С. Психологические особенности пожилых людей, выбирающих здоровый образ жизни / Г. С. Юлдашбаева // Наука и мир. – 2016. – С. 129 – 131.
4) World Health Organisation (WHO): What is active ageing? https://www.who.int/ageing/healthy-ageing/en/

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Здоровый образ жизни семей с детьми: парадоксы общественного сознания

Острота общественного дискурса, затрагивающего проблему здорового образа жизни населения, обусловлена текущими демографическими задачами - в первую очередь, повышения рождаемости и снижения смертности. Перспективы рождаемости во многом обусловлены не только численностью репродуктивного контингента, но и физическим состоянием потенциальных родителей [1]. Образ жизни человека играет приоритетную роль среди прочих значимых причин, определяющих здоровье, таких как окружающая среда, генетика, состояние здравоохранения. Методологически проблема здоровья в социальной парадигме глубоко проработана научной школой кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, Института социологии РАН, Научно-исследовательского центра ФАП и ЦНС, Вологодского научного центра РАН (А.И.Антонов, А.Б.Синельников, Е.Н.Новоселова, В.М.Карпова, С.В.Ляликова,

Т.Н.Грудина, А.В.Жаворонков, А.А.Шабунова, О.Н.Калачикова) [2, 3, 4, 5].

В рамках реализации мероприятий по реализации комплекса стратегических программных документов (Национального проекта «Демография», Указа Президента РФ от 29 мая 2017 г. №240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»), ориентированных на повышение качества жизни народонаселения, Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан в 2019 г. был реализован пилотажный социологический опрос родителей школьников (выборка - 325 родителей школьников) [6].

Результаты социологического исследования, методологической базой которого выступили поколенческий, социально-деятельностный и ценностный подходы, позволили определить ряд противоречивых трендов, характеризующих поведение семей с детьми в сфере здоровьесбережения.

1. Размер дохода не определяет рацион питания семьи, но определяет частоту приема пищи.

2. Наличие свободных материальных средств у школьника увеличивает посещаемость им заведений фаст-фуда.

3. Родители «отличников», оценивая состояние здоровья своих детей, подчеркивают негативную роль образовательной нагрузки и нарушение условий организации учебного процесса (85% респондентов данной подгруппы). Родители «троечников» в большей степени озабочены несбалансированным питанием детей - 50% респондентов данной подгруппы считают данный фактор главной причиной нездоровья их детей.

4. Сравнительный анализ результатов социологического исследования и статистических данных показал, что субъективная оценка респондентов по вопросам дефицита или избытка отдельных групп продуктов питания не всегда коррелирует с объективными данными Роспотребнадзора. В частности, по мясным продуктам, где по самооценке респондентов наблюдается дефицит, а по данным статистических органов - избыток (на 10% выше нормы), такая же ситуация наблюдается при оценке потребления молочных продуктов (на 11% выше нормы). В то же время, по овощам и фруктам наблюдается обратная тенденция - по результатам опроса, в большинстве семей нет дефицита в данных продуктах, однако по данным Роспотребнадзора по Республике Татарстан, уровень потребления населением овощей и бахчевых остается ниже нормы, причем существенно - на 29%.

5. Родители знают, какие конкретно действия и мероприятия (не требующие финансовых затрат) способствуют укреплению здоровья, но не следуют им.

На решение обозначенных выше некоторых проблемных вопросов, характеризующих здоровьесберегающие практики семей с детьми-школьниками, направлен подпроект ««Укрепление общественного здоровья» Национального проекта «Демография». Необходимо разработать новые формы работы с населением, вовлекающими их в практикование норм здорового образа жизни. Игнорирование пассивного физического образа жизни, неправильного питания семей с детьми, общественного сознания, в котором здоровье обретает ценность только в условиях его утраты, не позволит достичь целевых индикаторов Национального проекта «Демография» даже при существенном финансировании и модернизации системы здравоохранения.

Источники и литература

1) Римашевская Н.М. Модернизация России: здоровье россиян и демографическая ситуация // Демоскоп Weekly. №509-510. 2012. URL: http:// http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02 .php
2) Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования: монография / А.И. Антонов, А.Б. Синельников, Е.Н. Новоселова [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 540 с.
3) Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография / А.А.Шабунова. - Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010
4) Общественное здоровье и здравоохранение территорий / А.А. Шабунова, К.Н.Калашников, О.Н.Калачикова; под рук. А.А.Шабуновой. - Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010.
5) Здоровье детей: итоги пятнадцилетнего мониторинга: монография / А.А. Шабунова, М.В.Морев, Н.А.Кондакова. - Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.
6) Демографический доклад-2019. Реализация Национального проекта «Демография» в Республике Татарстан: ресурсы, вызовы, перспективы. Монография / Под ред. д.с.н. Ч.И.Ильдархановой – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2020

Ильиных Светлана Анатольевна

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

Практики здоровьесбережения жителей мегаполиса

Практики здоровьесбережения представляют собой ресурс, использование которого приводит к совершенствованию качества жизни, развитию и трансляции новых оздоровительных практик и технологий, повышению профессиональной компетентности всех участников этого процесса, их личностному росту и самореализации, консолидации усилий по совместному достижению сохранения здоровья. Они способствуют укреплению здоровья, повышению продолжительности жизни, успешному продвижению в разных сферах жизни. Актуальность исследования в настоящее время обусловлена существенным ухудшением общественного здоровья, выраженным в количественных показателях. Негативные тенденции в состоянии здоровья населения, появившиеся в середине XX века, продолжают нарастать. Об этом свидетельствуют данные Росстата [7]. Одной из причин ухудшения здоровья является социально-экономическая нестабильность, «старение» населения, социальная дифференциация, бедность, рост теневой занятости. Другая причина связана с ухудшением качества медицинского обслуживания организаций здравоохранения. К третьей причине относится снижение социальной активности индивидов в сфере сохранения индивидуального здоровья. В этом отношении россияне отличаются от представителей многих зарубежных стран, где распространены такие практики здоровьесбережения, как регулярное посещение врачей-специалистов, точное знание собственных диагнозов, отказ от привычек, наносящих вред здоровью, здоровое питание, занятия физической культурой.

В целом в контексте исследуемой проблематики зарубежные теории можно подразделить на две группы. В первой исследуются вопросы сохранения здоровья на макроуровне, во второй - на микроуровне. К первой группе относятся учения Э.Дюркгейма [3], М. Вебера [2] и др. Вторая группа исследований сосредоточена на микросоциальном уровне, что создает возможности по-новому взглянуть на практики сохранения здоровья. Заслугой В. Коккерема является то, что он сосредоточивает внимание на личной ответственности человека за сохранение своего здоровья [9]. В фокусе исследовательского интереса отечественных ученых исследование здоровья, культуры самосохранения появилось относительно недавно. Труды отечественных ученых можно также разделить на указанные выше две группы, охватывающие макро- и микроуровни. К первой группе относятся работы В.А.Медик, А.М. Осипова [5] и других. Во

второй группе исследователи сосредоточивают внимание на микросоциальных факторах. Так, А.И. Антонов, В.М. Медков [1], И.В. Журавлева [4], Л.С. Шилова [8], Н.М.Римашевская [6] обратились к проблематике «самосохранительного поведения».

Для исследования того, какие реальные практики сохранения здоровья распространены в настоящее время, нами было проведено исследование мнения жителей г.Новосибирска. Исследование проведено под руководством автора в июне 2019 года (N=771, из них 399 женщин и 372 мужчины). Использован анкетный опрос, анкета содержала три блока вопросов. Выборка сформирована посредством трехступенчатого отбора территорий. Приведем лишь некоторые результаты. Согласно результатам опроса, 52,3% женщин и 49,2% мужчин оценивают свое здоровье в целом как хорошее. Но при этом у пятой части женщин и четвертой части мужчин часто возникают проблемы со здоровьем, в том числе у 4,6% женщин и 4% мужчин - неразрешимые. Лишь каждый пятый опрошенный указывает, что болеет крайне редко. В связи с этим респондентам был задан вопрос о том, что они предпринимают для сохранения здоровья. Мужчины реже, чем женщины занимаются укреплением здоровья. При этом около 27% женщин и 40% мужчин вообще ничего не предпринимают для того, чтобы сохранить здоровье в случае болезни. В целом это может свидетельствовать о пассивных поведенческих практиках в отношении своего здоровья. Практика сохранения здоровья включает также и правильное питание. По результатам исследования 17,4% женщин и 26,6% мужчин вообще не следят за своим питанием. Практик потребления здоровой пищи придерживаются 38,5% женщин и 31,5% мужчин. По трети опрошенных в каждой группе самостоятельно определяют то, что будут потреблять и от чего могут отказаться.

В целом можно говорить, что только около 40% женщин и 30% мужчин стремятся сохранить свое здоровье путем поддержания культуры правильного питания. В целом в практиках здоровьесбережения эмпирически выделены три стратегии: активная, пассивная и нейтральная.

Источники и литература

1) Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., Изд-во МГУ, 1996

2) Вебер М. Избранные произведения. Прогресс, 1990

3) Дюркгейм Э.(ред.) Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995

4) Журавлева И.В. Здоровье и самосохранительное поведение. Население и общественное развитие. 2. М., 1988

5) Медик В.А., Осипов А.М. Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ. М.: ОИОР; ТНФРА-М, 2012.

6) Римашевская Н.М. Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. №4. С.48-61

7) Россия в цифрах. 2018: Крат.стат.сб. Росстат. М., 2018 [http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf]

8) Шилова Л.С. Институциональные риски для здоровья пациентов / X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». М.: Изд-во МГУ, 2016. С.194-196.

9) Cockerham W., Rutten A., Abel T. Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber // The Sociological Quaterly. 1997. №38 (2). P.321-342

Исаев Дмитрий Петрович

Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

К вопросу о «конфликте поколений» в профессиональных династиях

Междисциплинарный подход к изучению понятия «профессиональная династия» предполагает использование разнообразного методологического инструментария, разработанного как внутри социальной науки, так и рядом других смежных дисциплин. Мы сосредоточим свое внимание на возможностях ретроспективного анализа к изучению династийности, используя социологическое понятие «поколение», а точнее - «конфликт поколений».

Актуальность обращения к данной теме обусловлена тем, что непростая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в России после распада СССР и перехода на рыночные рельсы, привела к кризису самих профессиональных династий (в первую очередь, в «бюджетной» сфере).

Однако, развитие частной собственности в современной России не создало особо благодатного пространства для них и в сфере предпринимательства, органичного именно для ведения семейного бизнеса. К примеру, В. Потанин в 2010 г. заявил, что «мое состояние не будет передано по наследству!» [1, с. 189]. Данные процессы свидетельствуют о том, что общего дела и финансового капитала для воспроизводства династии недостаточно. Обратимся к проблеме взаимоотношения поколений как фактора формирования и развития профессиональных династий.

Относительно изучения перспектив поколенческого анализа в научном исследовании существует разнообразная литература. Так, Ю.А. Левада высказался о «конфликте поколений» как своего рода фантомной категории, не определяющей действительную социальную эволюцию. Рассматривая исторический опыт России в XIX-XX вв., он пришел к выводу, что «речь шла не о противостоянии поколений, а о вызове определенных групп "вертикально" организованной косной общественной системе» [3, с. 238]. Стоит, однако, отметить, что уважаемый автор подразумевал, в первую очередь, макросоциологический/макроисторический уровень. При обращении к микроуровням возникают несколько иные перспективы изучения.

В общетеоретическом отношении профессиональную династию можно определить как локализованную в производственной и социально-экономической сфере социальную группу, характеризующуюся «кровнородственными отношениями, в которой несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» [4, с. 100]. Данное определение предлагает «узкий» вариант понимания указанного социального феномена. Отметим, что здесь существуют те самые вертикальные связи, или «вертикальный» фактор, осмысливаемый Ю.А. Левадой при обращении к теме конфликта поколений. При этом, обратим внимание, что такие признаки династии как общие интересы и взаимопомощь допускают и расширенное ее толкование. К примеру, «научные династии» «формируют» *одну* сферу в опосредованном плане, поскольку могут состоять из представителей разных научных направлений, не связанных формализованными отношениями. Но эта сфера конструирует особую, и в этом смысле, относительно закрытую (корпоративную) научную культуру.

Мы неслучайно акцентируем внимание на данных аспектах. Профессиональная династия существует до тех пор, пока сохраняются вертикальные связи (между поколениями внутри нее). Они же выступают конфликтогенным фактором в жизни династии. Однако, расширенное толкование общей сферы, формирующей пространство династии, поз-

воляет предложить следующую исследовательскую гипотезу. А именно: «конфликт поколений» в профессиональной династии можно представить как объективно существующий в силу наличия самих вертикальных связей между поколениями. С другой же стороны, вообразим его как ментальную категорию. И в зависимости от парадигмы восприятия пространство и результаты конфликта также будут разнообразными. Отказ от формализованных связей, уход в другие сферы жизнедеятельности представителей младших поколений может привести к распаду династии (к примеру, в предпринимательской среде). Правда, это правило скорее характерно для современного общества, в условиях господства малодетных семей. При других «конфликтных» обстоятельствах династия вовсе не так обречена. Обратимся к историческому примеру.

В дореволюционной России семейные истории купеческих династий сохранили и кризисные отношения между отцами и детьми, между братьями и т.д. Например, династия Рябушинских пережила несколько конфликтных ситуаций. К известным относится, прежде всего, случай, когда основатель Михаил Яковлевич отлучил своего старшего сына Ивана от семейного дела за самовольную женитьбу [2, с. 5]. В результате чего преемственность обеспечил средний сын Павел. В последующем, клан Рябушинских разросся достаточно для того, чтобы не опасаться участившихся отходов представителей младших поколений в другие сферы. Н.П. Рябушинский (3-е поколение) не участвовал в семейном деле, и на свою долю наследства вел весьма богемный образ жизни. Его неоднозначные поступки в «свете» вынудили остальных братьев взять Николая под контроль. И в дальнейшем конфликт был преодолен тем обстоятельством, что не лишенный таланта Николай Павлович проявил себя на литературном поприще, тем самым способствуя популярности всей династии [5, с. 113-115].

В целом, конфликтогенный фактор между поколениями может негативно сказаться на успешности ведения общего дела. Неприятие ценностей родителей провоцирует уход в другие сферы жизнедеятельности. При этом особое значение для того или иного варианта трансмиссии статуса в династиях имеет культура ценностей. Но в конкретных случаях конфликт поколений может способствовать расширению пространства династии.

Источники и литература

1) Васильев М.В. Современные взгляды российских исследователей на семейную компанию как объект управления // Ученые записки РГСУ. 2012. № 5. С. 182–190.

2) Девлетов О.У., Семенова Ю.В., Филиппова Ю.В. Развитие семейного бизнеса на примере семьи Рябушинских // Бизнес и дизайн ревю. 2017. Т. 1. № 2 (6). С. 5.

3) Левада Ю. А. Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: НЛО, 2005. С. 235–244.

4) Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100–103.

5) Седова В. «Все для дела – ничего для себя». Братья Рябушинские // Третьяковская галерея / The Tretyakov gallery. 2003. № 1. С. 110–118.

Карпова Вера Михайловна

Московский Государственный Университет, социологический факультет, кафедра социологии семьи и демографии, Москва, Россия

Материальное положение семей с разным числом детей

Материальное положение семей с детьми стало одной из важных тем, затронутых в последнем послании Президента Федеральному собранию [1], озвученному 15 января 2020 года. В рамках политики поддержки семьей с детьми В.В. Путин предложил не только продлить выплату материнского капитала, но и увеличить его распределив между рождением первого и второго ребенка (по 466,6 и 150 тысяч рублей соответственно). Чтобы оценить потенциал такой помощи и актуальную потребность российских семей необходимо более внимательно исследовать реальное материальное положение семей с детьми и изучить его изменение в связи с рождением большего числа детей.

В рамках межрегионального социолого-демографического исследования СеДОЖ-2019 (Семейно-Детный Образ Жизни) [2] проведенного под руководством сотрудников кафедры социологии семьи и демографии в 2018-2019 году был осуществлён опрос супружеских пар (состоящих в зарегистрированном браке) и сожителей с целью изучения их ценностных ориентаций, а также того, насколько для них важен и присущ семейно-детный образ жизни. В рамках исследования респондентов просили ответить на ряд вопросов, характеризующих как их актуальное материальное положение, так и его самооценку, а также уровень притязаний.

Анализ всей совокупности вопросов позволяет сформировать объемную картину материального положения и потребностей современных российских семей.

В ходе исследования было порошено 2489 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет (средний возраст 43,4) состоящих в зарегистрированном браке (90,0%) или сожительствующих (10,0%), подавляющее большинство которых имеет хотя бы одного ребенка (87,7%). Для оценки материального положения семей респондентов использовался вопрос о ежемесячном среднедушевом доходе. Результаты исследования показали, что более половины опрошенных (53,4%) имеют среднемесячный доход на одного члена семьи не превосходящий 40 тысяч рублей, причем свыше 40 тысяч получают лишь треть респондентов (33,8%), а оставшиеся 12,7% отказались назвать конкретную сумму. Сравнение доходов семей с разным числом несовершеннолетних детей показывает рост доли тех, чей доход ниже 20 тысяч рублей (от 16,9% среди бездетных до 25,0% среди многодетных родителей) при одновременном снижении доли получающих свыше 40 тысяч рублей (от 34,8% до 25,8% соответственно).

Учитывая достаточно осторожное отношение респондентов к прямым вопросам о доходах их просили оценить долю их семейного бюджета, которая уходит на питание. Эта техника часто используется для контроля уровня дохода и даже служит для определения уровня бедности в стране [3]. По результатам проведенного исследования почти половина респондентов (46,0%) живут за границей бедности и тратят на питание свыше 40% своего совокупного семейного бюджета. При этом с увеличением числа детей в семье эта доля растет с 43,2% среди однодетных до 57,1% среди семей, имеющих трех и более детей.

Сравнение имеющихся доходов с желаемым уровнем показывает, что в среднем респонденты хотят, чтобы их среднемесячный доход был в 3,58 раз больше. Любопытно, что уровень притязаний респондентов уменьшается с увеличением числа детей в семье. Так бездетные респонденты хотели бы, чтобы их среднемесячный доход вырос в 5,11, те, у кого есть один ребенок в возрасте до 18 лет хотели бы роста доходов в 4,40 раз, двухдетным родителям было бы достаточно роста доходов в 3,20 раза, а многодетные родители, обладая наименьшими фактически доходами демонстрируют наименьший уровень притязаний, желая роста доходов лишь в 2,43 раза.

Подводя итоги приведенным предварительным результатам исследования, можно сделать вывод о безусловной актуальности и необходимости проведения в жизнь мер политики материальной поддержки семей. Нынешний уровень бедности российских семей требует обязательного и

скорейшего решения проблемы, когда решение о рождении ребенка в семье принимается не благодаря имеющемуся материальному положению, а вопреки неизбежным материальным потерям.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

Источники и литература

1) Послание Президента Федеральному Собранию от 15.01.2020 http ://www.kremlin.ru/events/president/news/62582
2) Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — Москва: Москва, 2020 https://istina.msu.ru/publications/book/271501144/
3) Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019;(2):61-68

Кемалова Лиля Исметовна
ФГБОУ ВО "Керченский государственный морской технологический университет", Керчь, Республика Крым Россия

Проблема социализации молодежи: конфликт поколений

Характерной чертой современного общества является преобразование всех сфер общественной жизни. Как результат трансформационных процессов - усиление социально-психологической напряженности, усугубление мировоззренческого кризиса, появление новых форм социальных конфликтов.

В сложившихся условиях традиционные институты социализации также переживают кризис, который проявляется, в том числе, в обострении конфликта «отцов и детей». Нарушается преемственность поколений, когда «отцам» нечего передать «детям», поскольку прежние ценности и нравственные ориентиры утрачивают свою значимость, и молодым

людям приходится самим формировать собственные ценностные установки и идеалы. В эпоху потребительства молодежь отдает предпочтение ценностям материальным, желая получить все и сейчас. Более того, быстрее адаптируясь к переменам и новшествам современного общества, молодежь начинает во многом превосходить своих «отцов», поучать их, что так же усложняет межпоколенческие отношения.

Протестные настроения молодежи проявляются в различных формах социального поведения - от агрессии, сопровождающейся правонарушениями, до «ухода в себя», отчуждения от всего, что происходит вокруг. В поисках новых каналов самореализации молодежь интегрируется в рамках различных молодежных субкультур, которые в зависимости от своей направленности могут способствовать как позитивной социализации, так и негативной, что выражается в деструктивном восприятии мира молодым человеком.

Сегодня на смену традиционным молодежным субкультурам эпохи модерна (панки, готы, эмо, скинхеды и др.) приходят новые молодежные объединения, которые характеризуются размытостью границ, смешением стилей, жанров. Это объяснимо, поскольку современное общество представляет собой мир симулякров, мир «торжествующей анархии», когда происходит разрушение «моделей и копий ради воцарения созидающего хаоса» [1, с. 371]. Учитывая специфику современного общества, некоторые авторы предлагают заменить понятие «молодежная субкультура» понятием «постсубкультура», которое наиболее верно отражает суть эпохи [2]. Как и классические молодежные субкультуры, постсубкультуры отражают те трансформации, которые происходят в обществе, и так же свидетельствуют о конфликте поколений.

Критикуя молодых людей за их безответственность, нежелание работать, старшее поколение, должно учитывать, что молодежь неоднородна по своему составу, принадлежит к различным социальным слоям, имеет разные стартовые возможности. Поэтому говорить о том, что вся молодежь одинаково реагирует на происходящие изменения в обществе нельзя, хотя общая тенденция может быть обозначена. Приписывание молодежи негативных (в основном) качеств (алкоголики, наркоманы, преступники, безответственные, грубые, невоспитанные), вызывает соответствующую реакцию со стороны молодых людей, что выражается в различных формах протеста, в негативной девиации.

В свою очередь старшее поколение слышит в свой адрес упреки от молодежи в их несостоятельности, беспомощности, неприспособленности к переменам, происходящим в современном обществе. Конфликт между поколениями связан не только с утратой прежних ценностных ориенти-

ров, обесцениванием накопленного опыта старшего поколения и разрушением цепочки преемственности поколений на определенном этапе развития общества, но и с общим понижением статуса пожилого человека, отношением к людям пенсионного возраста как к ненужному балласту, как к раздражающему фактору.

Возможно ли в современных условиях снизить остроту конфликта поколений?

Думается, это возможно через продуманную политику сотрудничества поколений, основанную на гуманном и толерантном отношении между ними. Чтобы это стало возможным, необходима эффективная воспитательная работа, в которой будут задействованы все институты социализации. Единство образования, просвещения и воспитания создает благоприятные условия для пропаганды общечеловеческих ценностей уважения, любви к старшему поколению. Преодолеть межпоколенный разрыв возможно лишь в процессе осуществления духовно-нравственного воспитания молодежи, обоюдного стремления к диалогу между поколениями, основанному на взаимоуважении.

Уровень развития общества определяется, в том числе, и по отношению к старикам, детям и инвалидам, по степени остроты конфликта между поколениями. Конфликты были и будут всегда. Задача состоит в том, чтобы формировать через институты социализации ответственность каждого человека за будущее общества и искать возможности для конструктивного диалога между поколениями.

Источники и литература

1) Делез Ж. Логика смысла: Пер. с фр. /Ж.Делез. - М.: "Раритет", Екатеринбург: "Деловая книга", 1998. - 480 с.

2) Иванов С.В. Постсубкультуры в контексте глобализирующегося общества /С.В.Иванов //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2012. - № 5 (19).- В 2-х ч. Ч. I. - С. 79-82.

Ковалева Галина Александровна

ФГБОУ Череповецкий государственный университет, череповец, Россия

Развод родителей как риск, способствующий формированию интернет- зависимости у подростков

В конце XX - начале XXI века возросло количество пользователей Интернетом. Интернет стал основным средством связи и передачи информации. Оно таит немало рисков, которые в совокупности могут привести к формированию нового и порой чрезвычайно опасного вида поведенческой зависимости - Интернет-зависимости. По данным Российского филиала исследовательского концерна GfK (Gesellschaft fur Konsumforschung) Group, согласно отчету «Проникновение Интернета в России», к началу 2019 года «аудитория интернет-пользователей в возрасте от 16 лет и старше составила 90 миллионов человек (+3 миллиона человек к прошлому году) и достигла отметки 75,4% взрослого населения страны [1].»

Одной из главных причин формирования Интернет-зависимости у подростков является развод родителей. По мнению многих ученых, развод родителей является главным негативным событием в жизни подростка, причиной неуверенности и травмирующих переживаний. Во время развода супруги могут забыть про свои родительские обязанности: уделять меньше внимания ребенку, вовлекать в разборки и т.п. Во время развода родителей дети пытаются любым образом привлечь к себе внимание, вследствии чего и создают проблемы, среди которых может быть и Интернет-зависимость.

У подростков снижена критика к собственному состоянию, нарушена социально-психологическая адаптация (проблемы с учебой, сложности в установлении и удержании социальных контактов вне Интернета, низкая самооценка, неудовлетворенность собой). В сравнении с пребыванием в Интернете реальная жизнь представляется детям, зависимым от Интернета скучной, пустой, безрадостной, отдается предпочтение установлению новых социальных связей в Интернет-среде.

Подростки, начиная сталкиваться с реалиями «взрослой» жизни и не найдя поддержки в своём окружении, могут уходить в виртуальную реальность (особенно сетевые игры) с её ясными и понятными правилами, героями и возможностью начать всё сначала в случае чего. Решение жизненных задач самостоятельно оказывается не по силам ребёнку, но об этом родители задумываются нечасто. Низкая сформированность коммуникативных навыков может привести к Интернет-зависимости в силу лёгкости организации общения в сети: достаточно зарегистрироваться в любом виртуальном сообществе, и, используя знаковую форму вместо живых эмоций, пытаться поговорить с возможностью быстрого прекращения диалога в случае неудачи.

В монографии «Социальные факторы риска возникновения интернет-зависимости» [4] для исследования была создана аддитивная инди-

каторная модель измерения риска возникновения нехимической зависимости. В исследовании было выделено 5 групп риска к Интернет-зависимости. Для выделения этих групп был использован индексный метод (метод статистического исследования, позволяющий измерять сложные социально-экономические явления путем приведения различных анализируемых величин к некоторому общему единству).

Ковалева Г.А. пишет о том, что «. . . семья - важнейший институт современного общества. В современное время она оказывает особое влияние на подростков и является источником положительного и отрицательного опыта [2, с.77].» Отсутствие эмоциональной близости и налаженных отношений в семье негативно влияет на ребенка и его поведение. В.Л. Малыгин в статье «Интернет-зависимое поведение» говорит, что «одной из главных причин формирования зависимого поведения является семейная депривация. Директивность способствует эмоциональному снижению или лабильности эмоциональных состояний, а противоречивость, непредсказуемость отношения формируют трудности в принятии ответственности за собственные поступки[3, с.98].» В последнее время развод стал достаточно частым явлением: по данным Федеральной службы государственной статистики на «2018 год число разводов составляет 62393, что на 16% выше чем в 2017 году и на 25% превышает число зарегистрированных браков в 2018 году [5].»

По мнению Якушенко Е.Г., можно увидеть «взаимосвязь между конфликтами в семье и негативным поведением и склонностью подростков к совершению правонарушений, а также снижением школьной успеваемости» [6,с.112]. Данные нашего исследования свидетельствуют, что разница в цифрах явно присутствует. В неполной семье среди всех подростков у 31% высокий риск к Интернет-зависимости, тогда как в полной семье лишь у 19% высокий риск формирования зависимости. Анализируя данные, мы видим, что больше половины подростков, входящие в 4 (68%) и 5 (59%) группы риска, отмечают, что родители не контролируют их времяпровождение в Интернете.

Следующий момент в семье, влияющий на повышение риска - отсутствие эмоциональной близости. Если поставить подростка перед выбором «общение с родителями или Интернет», то чем выше риск, то тем больше подростки выбирают Интернет. Так, больше половины школьников (68%) входящий в 5 группу и около половины (46%), входящих в 4 группу выбирают Интернет, сети и т.д., тогда как 92% школьников из 1 группы и 85% из 2 группы выбирают родителей. Чем выше риск зависимости у подростка, тем реже они общаются с родителями. Дети с высоким риском зависимости отвечают, что родители никогда не выслушивают их или не

прислушиваются к их мнению (34%), лишь 1/5 школьников с низким риском зависимости (23%) отвечают подобным образом.

В связи с ежегодным ростом количества разводов растет и количество детей, подвергающихся риску влияния Интернет-зависимости. Плохое отношение родителей понижает у подростков самооценку, вызывает у них плохое отношение себе, и они ищут защиты в Интернет. И они ее находят.

Источники и литература

1) Всероссийский омнибус GfK. – URL: https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii-1/ (дата обращения: 07.04.2019)

2) Ковалева Г.А. Семья и ближайшее окружение как среда формирования интернет-зависимости у подростков (по материалам социологического исследования) / Ковалева Г.А., Сулейманян Л.В // Современная социокультурная среда города и региона: Материалы Международной научно-практической конференции (Череповец, 16 ноября 2017 г.) / Отв. ред. Г.А. Ковалева. Череповец: Череповецкий Государственный Университет, 2018. – 186 с.

3) Малыгин В.Л.. Оценка социально-психологических факторов риска возникновения информационной интернет-зависимости у современного человека. Сборники конференций ниц социосфера Издательство: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ, 2014г. – С.73-76 – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21600975 (дата обращения: 25.01.2019)

4) Социальные факторы риска возникновения интернет-зависимости : монография / Т. Н. Светличная, Е. А. Смирнова, А. М. Бычкова и др. : [под ред. Г. А. Ковалевой, А. А. Меховой] ; Череповец. гос. ун-т. – Череповец : ЧГУ, 2018. – 199 с

5) Федеральная служба государственной статистики – URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 07.04.2019)

6) Якушенко Е.Г. Поведенческие и эмоциональные особенности подростков из разведенных семей // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – №44. – С.500-504 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povedencheskie-i-emotsionalnye-osobennosti-podrostkov-iz-razvedennyh-semey (дата обращения: 02.03.2019).

***Козина Галина Юрьевна*[1], *Викторова Елена Викторовна*[1]**
1 - Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Детерминанты возникновения конфликтов в системе «семья-ребенок-школа»: импринтинг и импрессинг

Представленная концепция импринтинга и импрессинга как скрытых социальных механизмов взаимодействий индивида, семьи и общества, в определенных условиях обусловливающих возникновение между ними конфликтов, основывается на теоретическом и эмпирическом исследованиях.

Теоретическую основу исследования составили научные труды, в которых рассматривается феномен импринтинга/импрессинга на микро- и макроуровнях его функционирования: как механизм формирования ценностных - моральных, политических и др. - установок личности (М. Перельман, В.Н. Сагатовский), как социальный пусковой механизм наследственно обусловленных творческих способностей личности (Г. Селье, В.П. Эфроимсон), как структурный компонент социализации (И.А. Шмерлина), как механизм формирования общественного сознания и манипулирования им (Т. Лири, Э. Морэн), как социальный феномен в целом (Н.Б. Оконская).

Термины «импринтинг» и «импрессинг» зачастую используются как синонимичные, однако анализ их научного применения позволяет обнаружить между ними существенные различия. Под импринтингом (социальным импринтингом), понимается фиксация (запечатление) определенной информации в памяти, происходящая преимущественно на ранних этапах жизни индивида, следствием которой является устойчивая склонность человека к определенным образцам социального поведения. Не случайно импринтинг рассматривается прежде всего в контексте социального научения. Импрессинг предполагает впечатление, полученное в результате информационного воздействия на личность в критические (не только ранние, но и подростково-юношеские) периоды онтогенеза, следствием которого выступает формирование устойчивых ценностных ориентиров и стремления к определенным видам деятельности. Импрессинг ассоциируется с активированием способностей личности к творчеству и его конкретным видам.

Социальный импринтинг может приводить к социально положительным последствиям, а импрессинг - даже к социально значимым. Конфликтогенные риски в данном случае обнаруживаются в том, что последствия данных феноменов могут быть и негативными.

Экспериментальное исследование импринтинга и импрессинга как механизмов первичной социализации позволяет говорить о том, что во всем многообразии этих феноменов по источнику их возникновения превалируют те, что пережиты в семье (такие впечатления выявлены у 100% респондентов). Наиболее часто импринтинговыми становятся следующие ситуации: развод родителей, ссоры родителей (родственников), смерть родного человека; импрессинговыми - похвала ребенка со стороны родителей, совместное с родителями времяпровождение (игры, чтение, путешествия и т.п.), значимые семейные события (праздники, торжества, традиции). Как можно заметить, преобладают негативные события, обладающие конфликтогенным потенциалом - приводящие в конечном счете если не к открытым межличностным (детско-родительским) конфликтам, то к внутриличностным. Это связано, во-первых, с высокой значимостью для ребенка ролей, которые исполняют родители, во-вторых, с социально-психологической спецификой межличностных отношений в семье: «тесным», интимным и, как следствие, эмоционально насыщенным взаимодействием.

Тенденция к преобладанию эмоционального аспекта над предметно-информационным в семейной среде детерминирует возрастание вероятности нарушений межличностного общения вплоть до возникновения конфликтов. В качестве примера приведем один из самых ярких маркеров эмоциональной перегруженности семейного общения, приводящей к негативным импринтингам, - речевые высказывания: приказания, прямое инструктирование; предостережения, угрозы; нотации, морализаторство; советы и разъяснения; прямая негативная оценка; высмеивание, навешивание ярлыков; интерпретация поведения, постановка диагноза; расследование, допрос. Этот маркер интересен тем, что непосредственно ассоциируется с еще одной средой, которая изобилует импринтингами и импрессингами подобной природы - образовательной средой.

Импринтинги и импрессинги, возникающие в образовательной среде, особенно в школьной, занимают значительное место среди всех впечатлений детско-подросткового возраста (65,9% респондентов испытали импрессинги в процессе школьного обучения, 22% - профессионального). Кроме того, согласно полученным данным, семейные и школьные импрессинги накладываются друг на друга, усиливая свое действие. Обращает свое внимание значительное число негативных или смешанных впечатлений, полученных в ближайшем социальном окружении, которым в детско-подростковом возрасте являются семья и школа (у 14,6% респондентов воспоминания о значимых событиях детских и подростковых лет оказались положительными; большинство - 42,6% - говорило

о том, что среди ярких воспоминаний детства есть как положительные, так и отрицательные; 20,5% пережили, по их словам, «странные, смешанные чувства», «тревожащие душу»; у 8,8% опрошенных воспоминания не вызвали каких-то особенных чувств).

Роль импрессингов и социальных импринтингов в возникновении межличностных и внутриличностных конфликтов в семейной и образовательной среде изучена лишь отчасти. Этим обусловлено продолжение нами эмпирического исследования в данном предметном поле, с учетом, кроме того, и новых реалий общения - цифровых - создающих новые факторы напряжения.

*«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14014» («The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-14014»).

Козлова Татьяна Захаровна
ВШЭ, Москва, Россия

Межпоколенный конфликт как маркёр кризиса семьи на постсоветском пространстве

Семья является институтом,где тесно переплетаются межпоколенные отношения. Ранее исследователи рассматривали межпоколенные отношения в понятиях контракта и солидарности. Идея солидарности базируется на чувстве единения, основанной на тесных семейных связях, что создаёт базу для формирования коллективных идентичностей и практик взаимопомощи [2,с.63] .

Эта модель межпоколенных отношений "работала" в семьях до 90-х годов. За последние десятилетия межпоколенные отношения в семье претерпели такие изменения, что "исследователи говорят о необходимости переписывания семейного контракта"[Там же, с.68]. Результатом межпоколенных отношений являются не только процессы трансмиссии культуры старшего поколения младшему (преемственность поколений), но и некоторые отклонения от общепринятых социальных норм и ценностей, обучение социальным нормам и профессиям. По мнению классика социологии Габриэля Тарда, дети подражают своим родителям, перенимают у них образцы поведения и становятся членами общества.[4].

В России в 90-е годы прошлого века произошла смена (ломка) прежних ценностных ориентаций, что в свою очередь привело к отрица-

нию молодым поколением нравственных ориентиров старшего поколения."Переходное" и "постпереходное" состояния общества обострили противоречия как между поколениями в целом, так и в важнейшем институте общества-семье. В результате этих процессов у среднего поколения сформировались ценности.отличные от родительских. Исследования социологов показали, что противоречия в ценностных ориентациях являются основной причиной межпоколенных конфликтов[1].
Кризис в семье в значительной степени связан с нарушением традиционных межпоколенных отношений. Появилось значительное число гражданских браков, которые после непродолжительного существования, распадались, имея уже детей. Как следствие кризиса в семье в стране сократилась рождаемость и увеличилась численность детей-сирот. Эти негативные процессы -последствия межпоколенного конфликта "родители-дети".
Уменьшение рождаемости с середины 90-х годов прошлого столетия привело к небывало низкому показателю рождаемости в 2000 году[3, с.82]. Такие низкие показатели рождаемости эхом отозвались на последующих годах. В настоящее время проблема демографии -одна из центральных в нашей стране.

Источники и литература

1) М.В.Вдовина .Регулирование межпоколенного конфликта в Российской семье.-М. 2009.
2) В.Семёнова.Социальная динамика поколений: проблема и реальность.-М.: Российская политическая энциклопедия. 2009.:
3) Россия в цифрах.2017.Крат. стат сб. / Росстат-М.2017.
4) Габриэль Тард. Социальные законы: личное творчество среди законов природы и общества.-Спб, 2-е издание, 1908.

Крошилин Сергей Викторович

Государственный социально-гуманитарный университет. Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Коломна, Россия

Возрастной разрыв во взглядах на брачно-семейные отношения в России

Современное российское общество уже далеко от тех идеалов в вопросах семьи и брака, которые были актуальны для предыдущих поко-

лений. Патриархальный строй сменила эмансипация, уважение и почитание старших - необходимостью самовыражения с самого раннего возраста, а "непоколебимые устои" необходимости рождения детей в браке - к свободным отношениям среди молодежи и к "признанию" семей с одним родителем нормой. Общество меняется, меняются взгляды на брак и семейные ценности. Однако, как уже было не раз доказано исследователями есть прямая зависимость между количеством заключенных браков и числом рожденных детей [1,2]. Беспрецедентные усилия руководства страны (материнский капитал за первого и второго ребенка, погашения ипотеки за третьего и тп [3]), разбиваются о банальное нежелание рожать детей в российском обществе (Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РФФИ Грант № 17-32-00005-ОГН).

Несмотря на значительное смещение приоритетов в брачно-семейных отношениях, в нашем обществе остается весьма положительное отношение к семье, как к ячейке общества. Исследования ВЦИОМ [4] "... большинство россиян придерживается мнения о необходимости создания семьи и регистрации отношений (78% в 2017 г. и 77% в 2019 г.). Особенно для людей в возрасте старше 60 лет (84%). Для 11% опрошенных, регистрация брака не является обязательным условием создания семьи. Чаще всего так думает молодежь в возрасте от 18 до 24 лет (17%) и от 25 до 34 лет (18%) [4].

Согласно нашим исследованиям [5,6], проведенных на юго-востоке Подмосковья, отношения к институту семьи и брака в современном обществе проводилось в 2018-2019 гг. Были выбраны 6 городов и 10 населенных пунктов в сельской местности (общая выборка составила свыше 3000 человек). Все опрашиваемые была разделены на возрастные группы, пропорционально половозрастной структуре каждого города. Было выделено 5 возрастных групп: Школьники (14-18 лет), Студенты (19-25), Молодежь (26-35), Взрослые (36-45), Старшие (больше 45). Из всех опрошенных 42,2% находятся в официальном браке, признают свои отношения гражданским браком 14,7%.

Первоначально выяснялось, что именно понимает разные возрастные когорты под предназначением семьи. В основном - это «Продолжение рода», такой ответ дали 67,5% - практически во всех возрастных группах; на втором месте, «Воспитание детей» 56,9% (чаще такой ответ давали "Взрослые" - 64,3% и "Старшие" - 58,9%). На третьем месте вариант "Ячейка общества" (40,59%), однако чем старше возрастная группа тем реже она давала подобный ответ: "Школьники" - 48,4%; "Студенты" - 41,4%, "Молодежь" - 39,5%, "Взрослые" - 38,2%, "Старшие" - 36,6%. Современная молодежь по новому относится к проблемам семьи и брака.

Расхождение к подходам выстраивания отношений в браке у молодежи и их родителей расходятся во многих вопросах. Современное поколение считает, что если рождается ребенок вне брака (сожительство, гражданский брак), то это не является поводом для того что бы узаконить свои отношения. Результаты ответов на вопрос "Является ли необходимой регистрация брака в случае рождения ребенка?" следующие: утвердительно ответили "Да" - "Школьники" - 44,4%; "Студенты" - 56,3%, "Молодежь" - 55,4%, "Взрослые" - 67,5%, "Старшие" - 85,1%. Почти треть всех опрошенных (31,5%) уверены в том, что официально зарегистрированный брак более надёжный (длительный), а почти в половину больше (65,6%) - уверены в том, что длительность от формы регистрации не зависит. Однако при анализе выделенных возрастных когорт "официальный брак" лидирует в более старших группах: "Старшие" - 49,1%, "Взрослые" - 34,4% , "Молодежь" - 30,6%, "Студенты" - 27,8%, " Школьники " - 18,5%.

10,8% опрошенных считают, что если семья создана, то развод это крайняя мера и неприемлемая. Причем более категоричны в данном вопросе старшие поколения. 26,6% - "Школьники", 24,3% - "Студентов", 21,0% - "Молодежь" - воспринимает развод, как нормальное явление.

Тенденция в современном обществе такова, что большинство молодых людей сегодня считают вполне нормальным пожить вместе до заключения брака, создания семьи. Регистрировать свои отношения - становится «немодным», многие это воспринимают, как ограничение собственной свободы, а сам институт брака - «пережитками прошлого». Абсолютное большинство опрошенных 63,6% - уверены, что свои чувства необходимо проверить еще до замужества. Варианты ответов респондентов на вопрос «Необходимо ли жить с избранником/избранницей до вступления в брак?» следующие (дали утвердительный ответ "Да"): "Школьники" - 62,9%; "Студенты" - 72,0%, "Молодежь" - 63,5%, "Взрослые" - 55,4%, "Старшие" - 50,3%. Интересно отметить, что ответ «Да» - давали, в молодых когортах, чаще женщины, чем мужчины.

Причины «популярности» гражданских браков в современном обществе среди всех опрошенных респондентов в следующем (по частоте упоминания): 1) Возможность проверить чувства до вступления в официальные отношения (65,76%); 2) Отсутствие осуждения со стороны общества (48,39%); 3) Возможность избежать ответственность друг перед другом (36,86%); 4) Возможность избежать развода при непонимании (16,53%); 5) Недостаток финансовых средств (14,92%). Причем "возрастной разрыв" наблюдался в двух вариантах закрытия вопроса: в первом случае, чем младше респондент, тем "важнее ответ" на варианты "Возможность

проверить чувства до вступления в официальные отношения" и " Отсутствие осуждения со стороны общества"; а, во втором случае, чем старше респондент, тем "важнее ответ" на варианты "Возможность избежать ответственность друг перед другом" и "Возможность избежать развода при непонимании".

Рождение детей вне брака сегодня норма. В Росси активно развиваются семь состоящие только из матери и ребенка без отца. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Как вы думаете, если ребенок рождается в гражданском браке, то это влечет необходимость зарегистрировать свои отношения официально ?». Больше половины всех опрошенных (52,4%) ответили "... это влечет необходимость зарегистрировать свои отношения официально", а 26,1% - "... можно оставить все как есть" ("Школьники" и "Молодежь" - почти каждый третий дал такой ответ, а "Студенты" и "Взрослые" - каждый четвертый). Не смотря на довольно-таки свободные нравы (судя по предыдущим вариантам ответа) 23,8% опрошенных считают, что необходимо венчаться в церкви, при этом никогда не задумывался об этом 26,4%.

Таким образом, наблюдается весьма серьезный возрастной разрыв во взглядах на брачно-семейные отношения в России и опрос проведенный в Московской области подтвердил выдвинутую гипотезу. Но, не смотря на это, в нашем обществе до сих пор семья остается одним из важных моментов в жизни человека и вселяет оптимизм в будущее развитие института семьи и брака в России.

Источники и литература

1) Медведева Е.И., Крошилин С.В. Современная семья и отношение к рождению детей // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5. № 4 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – С. 280-283 с.

2) Медведева Е.И., Крошилин С.В. Специфика брачно-семейных отношений молодежи Подмосковья // Проблемы развития территории. Вологда: ВолНЦ РАН. - 2018. - № 2(94). - С. 120-140.

3) Медведева Е.И., Крошилин С.В. Гендерные стереотипы молодежи в брачно-семейных отношениях // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика : материалы Международной научной конференции. Москва – Иваново –

Плес, 16–18 мая 2019 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2019. – С. 411-416.

4) Отношение к бракам и разводам: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 8 июля 2019 г. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9793 (Дата обращения 20.01.2019)

5) Крошилин С.В. Проблемы семьи и брака: социально-экономический аспект // Вестник ГСГУ. Гуманитарные науки. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. - 2018. - № 4 (32). - С. 11-24.

6) Медведева Е.И. Современная семья и ее экономические приоритеты // Вестник ГСГУ. Гуманитарные науки. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. - 2018. - № 4 (32). - С. 43-52.

Курилович Наталья Вячеславовна

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Отношение населения Республики Беларусь к здоровому образу жизни

В научном дискурсе представлено немало исследований, посвященных проблематике здорового образа жизни (далее - ЗОЖ). При этом необходимо отметить, что комплексность и многоаспектность ЗОЖ обусловливают наличие самых разнообразных его трактовок. Другими словами, в научной литературе не существует единой общепринятой дефиниции ЗОЖ.

По мнению Т.А. Некрасовой, в исследовании проблемы ЗОЖ можно выделить три основных направления [1, с. 24]:

1. философско-социологическое направление, представители которого рассматривают ЗОЖ как неотъемлемую часть образа жизни индивида и общества в целом;
2. медико-биологическое направление, в рамках которого ЗОЖ сводится к мерам по укреплению здоровья человека;
3. психолого-педагогическое направление, которое акцентирует внимание на вопросах мотивации ЗОЖ.

В современных условиях исследования ЗОЖ имеют междисциплинарный характер, поскольку невозможно продуктивно изучить данное

явление средствами только одной науки. В целом ЗОЖ можно понимать как интегральный показатель жизнедеятельности, характеризующий условия сохранения и улучшения здоровья людей. Как известно, Всемирная организация здравоохранения предложила понимать под здоровьем человека состояние его полного физического, духовного и социального благополучия. Хотелось бы отметить, что в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» закреплена именно такая трактовка понятия «здоровье».

Популяризацию ЗОЖ без преувеличения можно отнести к одному из важнейших направлений социальной политики Республики Беларусь. В стране уже не первый год реализуются комплексные государственные программы в области укрепления здоровья белорусских граждан, активно развивается спортивно-оздоровительная инфраструктура, а также совершенствуется нормативно-правовая сфера в области ЗОЖ.

В Беларуси на государственном уровне признается социальная значимость формирования установок населения на ЗОЖ. В официальном документе под названием «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года» серьезное внимание уделяется вопросам качественного здравоохранения и поощрения ЗОЖ. Развитие системы здравоохранения в стране направлено на укрепление здоровья и пропаганду самосохранительного поведения населения.

Актуальным представляется выявление отношения населения Беларуси к ЗОЖ. В связи с этим обратимся к результатам исследования, проведенного в 2018 году Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в рамках выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни. Целью опроса стало изучение отношения населения к ЗОЖ. Респондентам задавались вопросы об оценке состояния своего здоровья, о восприятии здоровья как ценности, о способах укрепления и сохранения здоровья, о занятиях физической культурой и спортом, о вредных привычках.

Результаты исследования показали, что здоровье занимает первое место в иерархии жизненных ценностей большинства белорусов. К числу основных факторов, влияющих на состояние здоровья, жители Беларуси относят экологическую обстановку, образ жизни и вредные привычки. Интересно отметить, что медицинское обслуживание, по мнению белорусов, в списке указанных факторов располагается на последнем месте. Способы сохранения и укрепления здоровья респонденты расположили в порядке снижения их значимости следующим образом: соблюдение режима питания, активный отдых, подвижный образ жизни, занятия

физкультурой и спортом, отказ от вредных привычек, полноценный сон. Вместе с тем в тройку наиболее популярных средств снятия усталости и напряженности вошли просмотр ТВ и прослушивание музыки, а также сон и общение. А занятия физкультурой и спортом, опередив только алкоголь, заняли у белорусов предпоследнее место в списке средств снятия усталости и напряженности. Отметим, что к числу основных причин отказа от занятий физкультурой и спортом жители Беларуси отнесли отсутствие свободного времени (35,7%), отсутствие желания (27,2%) и лень (12,9%) [2].

Здоровый образ жизни ведут только 8% населения Беларуси, в то время как приверженцами ЗОЖ являются почти 40%. При этом подавляющее большинство респондентов полагают, что улучшение и сохранение здоровья человека зависит в первую очередь от него самого. К числу причин, препятствующих соблюдению ЗОЖ, респонденты отнесли отсутствие необходимого упорства, воли, настойчивости (48%), недостаток времени (34,6%), материальные трудности (11,6%) и недостаток знаний (3%). Основными стимулами к ведению ЗОЖ для белорусов выступают отсутствие болезней (58,8%), долголетие (16,7%), желание быть успешным и всего добиться в жизни (10,1%), а также желание красиво выглядеть (8,6%) [2].

На начало 2019 года 64% белорусов в возрасте от 16 лет и старше оценивали состояние своего здоровья как удовлетворительное, почти 28% - как хорошее. Результаты исследований Национального статистического комитета Республики Беларусь свидетельствуют о том, что в стране увеличивается численность людей, которые на регулярной основе занимаются спортом и физической культурой. При этом женщины уделяют физической культуре больше времени, чем мужчины, а горожан, регулярно занимающихся физкультурой почти в 2 раза больше, чем сельчан [3].

Таким образом, можно констатировать глубинное противоречие между позитивным отношением населения Беларуси к ЗОЖ и не соответствующими такому отношению практиками самосохранительного поведения белорусов.

Источники и литература

1) Некрасова, Т.А. Здоровый образ жизни в контексте современного социологического знания / Т.А. Некрасова // Сервис +. 2010. №4. С. 20 – 27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovyy-obraz-zhi

zni-v-kontekste-sovremennogo-sotsiologicheskogo-znaniya. – Дата доступа: 06.01.2020.

2) Здоровый образ жизни и мы: модульное обследование Белстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatiya/meropriyatiya/meropriyatiya-2018/zdorovyy-obraz-zhizni-i-my-modulnoe-obsledovanie-belstata/. – Дата доступа: 06.01.2020.

3) Здоровый и активный образ жизни в Беларуси набирает популярность – Белстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belta.by/society/view/zdorovyj-i-aktivnyj-obraz-zhizni-v-belarusi-nabiraet-populjarnost-belstat-342783-2019/.– Дата доступа: 06.01.2020.

Леонтьева Таисия Викторовна

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Мультипликационный фильм как фактор социализации подрастающего поколения

Будучи агентом социализации, семья перестает быть единственным средствам коммуникации, передающим социокультурный капитал, теперь она разделяет свои функции воспитания и развития ребенка с телевидением и Сетью Интернет [3]. Просмотр мультфильмов начинает играть важную роль в формировании взаимоотношений с другими людьми: взрослыми и сверстниками, а также оказывают огромное влияние на ценностные ориентации ребенка. Мультипликационный герой является для детей значимой фигурой, с которой они отождествляют себя, копируют поведение и манеры [1]. Однако, современные исследования мультипликации показывают, что происходит замещение продукции детской культуры продукцией массовой «взрослой культуры», с сценами насилия, жестокости, приоритетом силы, а также демонстрацией форм поведения, которые могут быть опасны для жизни и здоровья ребенка, пробуждают агрессивность и формируют негативные черты характера [2]. Это подтверждается в исследованиях проведенных Грицай Л.А., Казаченко О.В., Картушиной Е.А., Бурухиной А.Ф., Немовой О.А., Шарикова А.В., Чудиновой В.П. и другие.

Автором было проведено исследование образа семьи (родительской или прокреационной) в 76 современных российских мультипликационных полнометражных, короткометражных фильмах и отдельных серий

мультипликационных сериалов, общим объемом более 6500 минут, вышедших в прокат с 1992 года, во всех видах дистрибьюции, с использованием методов контент-анализа и визуального анализа. В карточке наблюдения для каждого мультипликационного фильма фиксировались метаданные (название, производитель, год выпуска, категория фильм или сериал, количество серий в сериале, продолжительность), семейная роль героя, тип семьи персонажа, нуклеарная, расширенная, полная, неполная, количество детей в семье, стадия развития семьи героя; модели родительского поведения; стили воспитания в родительской семье; семейные отношения между другими родственниками; а так же фиксировалась лексика на тему семьи.

Было выявлено, что будущие супруги демонстрируют в отношениях тип взаимодействия - конкуренция и псевдосотрудничество. При анализе лексических оборотов выявлен акцент на том, что создавать семью нужно по взаимной любви. Однако, молодые девушки предъявляют высокие требование относительно социального статуса своего жениха, и если социальный и материальный статус мужа ниже, чем ожидала невеста до свадьбы, то это приводит к конфликтам внутри семьи. Образ брачной пары без детей характеризуется межличностными отношениями, такими как псевдосотрудничество практически во всех семьях, это связано с невозможностью грамотного распределением семейных ролей. Образ семьи с детьми, чей возраст не достигает 2,5 лет, характеризуется трудностями, возникающими у родителей в быту. Образ семьи с детьми-дошкольниками, представлен положительно, родители на высоком уровне организовывают досуг и совместное времяпрепровождение с ребенком. В семьях, имеющих детей - подростков решается задача установления равновесия между свободой и ответственностью у детей, родители предъявляют определенные требования к ним в отношении бытовой и материальной помощи. Подростки же, демонстрируют лень и нежелание помогать родителям. Представлен конфликт за наследство между подросшими детьми, между кровными родственниками, которые стремятся завладеть имуществом и перенять высокий социальный статус своего родителя. Образ молодой девушки создается такой: сильная, амбициозная и физически сильная женщина, которая является доминирующей личностью в отношениях с близкими и незнакомыми людьми. В женских образах излишне подчёркиваются вторичные половые признаки. Определена существенная разница между образами матери - одиночки и отца-одиночки: мать - одиночка предстает как женщина внешне не привлекательная, не молодая, не ухоженная, которая все свое свободное время посвящает детям и заботе о них; отец - одиночка в мультипли-

кационных фильмах - это немолодой мужчина с высоким социальным статусом, который карьеру ставит выше семейного благополучия и желания своего ребенка, стиль воспитания в такой семье - авторитарный.

Таким образом, негативные тенденции, которые были выявлены в результате исследования визуального ряда современных мультипликационных фильмов, при ряде других факторов могут оказывать негативное влияние на детей и те установки, которые будут сопровождать человека при создании собственной модели семьи. В мультфильмах необходимо показывать семью как основную жизненную ценность, хотя для каждого возраста роль родителей может различаться, но базовое доверие между ребенком и родителем, поддерживающая функция семьи должны показываться чаще [4].

Источники и литература

1) Немова, О.А. Мультипликационные фильмы как средство формирования семейных духовно-нравственных ценностей/ О.А. Немова, А.Ф. Бурухина//Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. №1. - с. 152-173.
2) Суворова, Н.В. Мультипликация как способ влияния на формирование социокультурной идентичности ребенка / Н.В. Суворова// Молодой ученый.- 2014.- № 8.- С. 740-742.
3) Шариков, А.В. Детское телевидение. Взгляд социолога / А.В. Шариков, В.П. Чудинова // Дети и культура.- М.: КомКнига, 2007.- С. 58-85.
4) Шацкова, В.Н. Влияние мультипликационных и художественных фильмов на поведение детей младшего школьного возраста /В.Н. Шацкова// Социальная сеть работников образования.- 2016.

Лихачёва Светлана Николаевна

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь

Конфликты в молодой семье как показатель состояния ее социально-психологического климата

Конфликтные ситуации характерны для семейных отношений, как и для любой другой сферы социальных взаимодействий. Их причины, виды, способы разрешения, характер последствий имеют свои особенности

с учетом статуса семьи как социального института и малой социальной группы. Конфликты в молодых семьях могут чаще приводить к их распаду в силу отсутствия достаточного житейского опыта, в том числе в семейно-брачных отношениях. Развод в них может стать событием, вызванным не силой «фатальных» объективных закономерностей, а чаще всего наступает в результате неумело решаемых проблем конкретных брачных партнеров, вступивших в союз без адекватного представления о современных реальностях.

Конфликты между супругами приводят к нарушению стабильности брака, то есть партнеры уже намереваются предпринять некоторые действия, чтобы развестись. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2018 году зарегистрировали 546 разводов на 1000 браков, в сравнении с предыдущими годами намечается печальная тенденция. В 2017-м на 1000 браков приходилось 483 развода, в 2016-м — 506, в 2015-м — 402, в 2014-м — 415 и в 2013-м — 414. Чаще разводятся горожане: в 2018 году на 1000 браков в городе было 570 разводов, а в сельской местности — 416 [1, с.35]. Высокие показатели разводов нередко даже вызывают сомнения в перспективах одного из самых древних социальПроблемы стабильности молодой семьи были изучены Отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости» методом анкетного опроса. Выяснилось, что только 19,7% представителей молодых семей утверждают, что у них не бывает семейных ссор, остальные конфликтуют по разным поводам. По результатам исследования выделились их три основные причины - денежные проблемы, на это указал каждый третий (34,4%), отношение с родителями - 25,7%, а также распределения домашних обязанностей, это отметили 23,7% молодых супругов. При этом женщины более болезненно реагируют на недостаток денег. Кроме этого жены почти в два раза чаще своих мужей начинают «выяснять отношения» из-за разногласий в воспитании детей, а также супружеской неверности.

Важной характеристикой конфликтов в молодой семье является форма их прохождения. Оказалось, что у подавляющего большинства (71,6%) ссоры протекают в легкой форме - немного поругаются и вскоре мирятся. Вместе с тем 15,9% после размолвки со своей «второй половинкой» долго с ней не разговаривают, а 6,3% супругов и вовсе уходят к родителям или друзьям, 3,1% указали на рукоприкладство со стороны супруга(и). Также конфликты в молодых семьях могут иметь разное разрешение. По результатам исследования, у каждого второго (48,8%) молодого супруга после размолвки остаётся осадок, который быстро про-

ходит, а у каждого четвёртого (23,5%) респондента любовь становится крепче. Вместе с тем проявилась и негативная тенденция - одного из десяти (9,4%) опрошенных при семейном конфликте посещают мысли о разводе. Женская половина населения и по данному вопросу более категорична, чем их мужья: жены более чем в два раза чаще задумываются о расторжении брака. Сильный же пол более оптимистично подходит к решению семейных конфликтов - после размолвки еще больше любит и понимает свою супругу.

Своеобразным индикатором успешности семейной жизни в целом могут служить ответы участников исследования на вопрос: «Если бы у Вас появилась возможность начать семейную жизнь сначала, то Вы ...?». Положительным является то, что основная часть опрошенных (68,1%) создала бы семью с нынешним супругом. Вместе с тем 15,0% не хотели бы вновь связать жизнь узами Гименея со своей «второй половинкой», а каждый десятый (9,9%) респондент вообще никогда не пошел бы в загс. При этом женщины, по результатам опроса, более категорично настроены в отношении своих мужей. Так, например, они почти в два раза чаще мужчин отвечали, что если и создали бы семью, так точно не со своим мужем, а с другим человеком.

К каким источникам прибегают за советом участники исследования в случае сложностей в семейных вопросах? Ответы на этот вопрос представлены в следующей последовательности: к родителям, родственникам - 38,5%; ни к кому, решаем проблемы сами - 26,1%; к друзьям, знакомым - 23,8%; читаю книги, журналы - 9,8%; к специалистам: психологу, юристу и др. - 1,4%. Можно допустить, что вступившие в брак женщины и мужчины нуждаются в службах, где бы они могли получить консультации и помощь, облегчающие выполнение функций брака и семьи, помогали бы находить правильное решение в конфликтных ситуациях.

Источники и литература

1) Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь : статистический сборник / под ред. И. В. Медведевой. – Минск, 2019.

Лоншакова Надежда Анатольевна

Российская международная академия туризма, Химки, Россия

Отношение студентов к проблеме суицида

В наше время проблема суицида достаточно актуальна, особенно среди молодежи. Проблемы существуют как на глобальном уровне, так и на уровне семьи. По данным ВОЗ, на подростковый и юношеский возраст приходится около 20% самоубийств. В последние два десятилетия число самоубийств в возрастной группе от 15 до 24 лет увеличилось в два раза. Россия по этому показателю стоит на третьем месте в мире — 26,5 случая на 100 тысяч человек. К примеру, по оценкам ВОЗ, в 2016 году с собой покончили около 45 тысяч россиян. Каждые 12 минут в нашей стране кто-то совершает самоубийство. Согласно прогнозам ВОЗ, по смертности от самоубийства к 2020 году Россия займет второе место в мире. По официальной статистике, Россия занимает первое место в Европе по количеству самоубийств среди молодежи.

Демографическое неблагополучие нашей страны сегодня очевидно. Россия испытывает глубокий демографический кризис. Об этом фактически говорится в послании Президента РФ Федеральному собранию. Решение демографической проблемы определено, как одно из важнейших направлений деятельности государства. Государство понесло огромные затраты (на рождение, лечение, образование и пр.), чтобы вырастить молодого человека и, когда от него уже требуется отдача, он добровольно уходит из жизни.

В связи с этим представляет интерес отношение современной студенческой молодежи к такому социальному явлению как суицид.

Для проведения социологического исследования автором были привлечены студенты различных курсов и форм обучения, колледжа. Возраст респондентов был в пределах 15-25 лет и старше. По половому признаку состав респондентов был представлен - 68% женщины и 32% мужчины.

Анализ ответов показывает, что подавляющее большинство (77%) респондентов считает, что суицид это социальное явление. Рассматривая гендерный аспект, необходимо отметить, что женщины (82%) считают суицид социальным явлением, в тоже время лишь 67% мужчин согласны с этим. По мере взросления мнение респондентов по отношению к суициду, как социальному явлению, изменяется в сторону уменьшения. Для возрастной группы 25 лет и выше лишь 50% респондентов против 81% в младшей возрастной группе считают суицид социальной проблемой.

На вопрос «Актуальна ли проблема суицида для России?» 43% респондентов ответили утвердительно. Остальные ответили либо «нет» (9%) либо затруднились с ответом (48%). Женщины (48%), в отличие от мужчин (27%), в большей мере склонны полагать, что суицид для

России это актуальная проблема. Однако большая часть респондентов затрудняется ответить на этот вопрос, что, в какой-то мере, говорит об их некомпетентности в этом вопросе.

Анализ влияния места жительства респондента на его представление об актуальности проблемы суицида для России показывает, что 50% респондентов, проживающих в сельской местности, и 41% в городе отмечают, что данная проблема актуальна для России. Каждый второй респондент затруднился с ответом.

Из ответов на вопрос «Вы когда-либо задумывались о самоубийстве?» ответили утвердительно 15,4% и 72% - отрицательно. Первая ступень - это пассивные суицидальные мысли, фантазии на тему своей смерти у 15,4% студентов пройдена. Суицидальные намерения могут далее вести к непосредственному переходу во внешнее поведение.

Ответы мужчин и женщин несколько отличались. Дали утвердительный ответ 13% женщин и 19% мужчин, что было ожидаемо и соответствует официальной статистике. Влияние возрастного фактора на число респондентов, ответивших утвердительно, наибольшим было в возрастных группах 18-20 лет и 25 лет и выше, соответственно 16% и 37%. Респонденты, проживающие в сельской местности, чаще задумываются о самоубийстве по сравнению с горожанами.

По мнению респондентов наиболее часто причиной самоубийства становятся: потеря близкого человека (58,5%); состояние психического и физического переутомления (44,6%); различные формы страха, гнева и печали (40%).

По мнению мужчин чаще причинами самоубийства становятся «потеря близкого человека» и «состояние психического и физического переутомления», женщины считают - «потеря близкого человека» и «различные формы страха, гнева и печали». Для возрастной группы 17-24 лет в качестве наиболее частой причины самоубийства является потеря близкого человека. В более старшем возрасте на первый план выступает - состояние психического и физического переутомления. Для респондентов, проживающих в сельской местности, наиболее значима причина - уязвленное чувство собственного достоинства. Для горожан - это потеря близкого человека.

С целью выяснения отношения респондентов к самоубийцам были заданы несколько вопросов. На вопросы: «Как вы оцениваете попытку уйти из жизни?» наибольший процент получили: 61% - поступок слабого человека, 35% - человека безответственного. «Как вы относитесь к людям, совершившим самоубийство?»: 20% - осуждают, 21,5% - безразлично, 49% - нет однозначного ответа, 9% - могут их понять. «Что вы

сделаете, если человек попросит помочь ему уйти из жизни?». Большинство (68%) сказали, что откажут и попытаются переубедить.

Результаты исследования показали, что работа по профилактике суицида, которая проводится социумом, недостаточна. По пятибалльной шкале респонденты оценили на три.

Лушавина Алина Александровна
ОА "Самарский диагностический центр"врач-невролог; АНО "Независимый исследовательский центр"социолог, Самара, Российская Федерация

Отказ от вакцинации как новое социальное движение в России

В настоящее время с появлением новых штаммов вирусов и ростом эпидемий вновь становится актуальной проблема вакцинации и вакцинопрофилактики. Несмотря на призывы экспертов ВОЗ в мире продолжается рост отказов людей от вакцин - себе или своим детям. В социальных сетях, поликлиниках, образовательных учреждениях идут споры о необходимости вакцинации. О вреде вакцин высказывается все больше врачей, биологов, фармацевтов, то есть людей, имеющих непосредственное отношение к вакцинации и понимающих суть данной процедуры.

В Российской Федерации антипрививочное движение зародилось в конце 80-х годов XX века, когда на законодательном уровне появилась возможность отказаться от вакцинации и когда в стране начала появляться англоязычная литература по данной проблеме. Несмотря на всю свою молодость, сторонников данного движения становится с каждым годом все больше. В начале 2016 года мы провели эмпирическое исследование, для выяснения основных мотивов отказа от вакцин. Считаем, что полученные нами результаты актуальны до сих пор, так как ряды антипрививочников растут. Объектом нашего исследования стали российские родители (мужчины и женщины до 49 лет), отказавшиеся от вакцинации своих детей. Для исследования проблемы было решено провести качественное исследование. В ходе исследования нами было взято 23 свободных интервью с информантами (двадцать три женщины, двое мужчин). Ими были российские родители, отказавшиеся от прививок своим детям, живущие в разных городах нашей страны. Возраст опрошенных составил от 20 до 49 лет. Также нами было опрошено 4 эксперта разного возраста и профессии. Для того, чтобы более полно изучить

феномен антипрививочных настроений в России, нами было также решено провести нетнографическоу исследование. По адаптации нетнографического исследования Гоулда мы заняли позицию - «наблюдатель как участник». Мы вступили в сообщество в социальной сети «Вконтакте» «Правда о прививках» и наблюдали за участниками. Процесс наблюдения занял около 3 недель. Основная исследовательская задача, которую мы поставили перед собой - выявление форм отказа от вакцинации.

Проанализировав исследования практик отказов от вакцин в Соединенных Штатах, мы поняли, что в России «действуют» похожие факторы мотивации отказов от вакцин. Но все же российское антипрививочное сообщество имеет свои национальные черты. Это связано и с национальным календарем прививок, и с российским законодательством, и с менталитетом граждан. У российских родителей есть различные мотивы отказов от вакцинации:

- Убеждение, что прививки опасны и вредны организму, уничтожают иммунитет ребенка, вызывают побочные реакции и отдаленные последствия, сказывающиеся на здоровье.
- Убеждение, что прививки - биологическое оружие.
- Убеждение, что вакцины - это прибыльный бизнес фармацевтических компаний.
- Убеждение, что прививки не останавливали эпидемий опасных заболеваний, и наличие прививки не обеспечивает гарантий от заболевания.
- Убеждение, что привитые дети болеют чаще и сильнее, чем непривитые.
- Убеждение, что организм сам должен бороться с вирусами и болезнями.

Позиция родителей определялась не одним из вышеперечисленных мотивов. Она формировалась из нескольких убеждений, зачастую и всех приведенных. Основная причина сложившихся мнений - негативный жизненный опыт. Также на формирование негативного отношения к вакцинам повлиял и низкий уровень доверия к медицине. Немаловажную роль в формировании позиции родителей сыграли социальные связи с людьми, настроенными скептически по отношению к вакцинации, а также социальные связи с врачами, не поддерживающими вакцинацию.

Российские родители *по-разному* отказываются от вакцин. Мы выявили некоторую типологию форм отказа от вакцин.

- Тотальный отказ от всех вакцин с рождения ребенка.
- Частичный отказ.
- Частичный отказ с определенного промежутка времени
- Отказ от прививок детям после достижения ими определенного возраста. Этот отказ связан с появлением у родителей убеждения о вреде вакцинации.
- Отказ от прививок до достижения ребенком возраста 1-го года или двух лет. Эта форма отказа связана с убеждением родителей, что в этом возрасте у детей недостаточно сформирован иммунитет для вакцинации.
- Частичный отказ от вакцин против определенных заболеваний.

Антивакцинаторство, как новый социальный феномен, отражает не только кризис отечественной медицины, а также показывает, что мы имеем дело с новым социальным движением. Население заявляет о праве самостоятельно решать вопросы, связанные со здоровьем своих детей и самих себя. Это движение на данный момент не имеет конкретных лидеров и структуры, но продолжает спонтанно разрастаться, объединяя общим интересом родителей Российской Федерации. Антивакцинаторство прямо указывает на назревший конфликт человека и государственной системы здравоохранения. В отношении этого конфликта необходимо не просто закрывать глаза или вставать в обвинительную позицию, нужно рассматривать причины конфликта, налаживать диалог, идти навстречу скептикам, проводить биологические исследования, доказывая необходимость вакцинации или наоборот ее корректировки и делать соответствующие выводы.

Лю Цзэ
ФГБОУ ВО "Юго-Западный государственный университет", Курск, Россия

Традиционное и современное семейное воспитание в Китае: от конфликта к согласию

Технологизация и последующая за ней цифровизация всех сфер общественной жизни привели к более интенсивному ритму жизни людей. Родителям становится все труднее идти в ногу со временем и, несмотря на развитие мультимедийных технологий, прямого общения со своими

детьми становится все меньше. Так, 95,4% китайских родителей предпочитают интересоваться жизнью своих детей по телефону или по видео. Все больше китайских семей оставляют своих детей на попечение бабушек и дедушек [4]. Такая ситуация становится предметом социального беспокойства властных структур и научного сообщества. Поведенческие привычки и вербальное общение детей, растущих в семьях снисходительных бабушек и дедушек, делает их более эгоистичными, упрямыми и неуверенными в себе. Такой ребенок высокомерен в межличностном общении со своими сверстниками и ему намного сложнее преодолевать различные трудности и неудачи.

Экономический расчет не только становится основной социальных взаимодействий между родителями и детьми, но и постепенно становится самым распространенным явлением семейного воспитания в Китае. Родители, устраивая в первую очередь свою жизнь, проявляют значительную экономическую снисходительность, т. е. в определенном смысле откупаются от своих детей. В свою очередь дети утрачивают чувство независимости и становятся потребителями в течение всей своей жизни.

Под влиянием традиционных китайских ценностей в культуре старших поколений по М. Мид воспроизводятся практики воспитания в детях своего продолжения [1]. То чего не достигли сами родители, они ждут от своих детей. В настоящее время многие родители уже не требуют от своих детей заботы о себе. Вместо этого они сами пытаются максимально комфортно обустроить жизнь своих детей, покупая им еду и одежду, оплачивая учебу и развлечения. Тем самым молодое поколение постепенно утрачивает самостоятельность и способность социальной адаптации к обществу.

В одном из последних исследований китайские ученые привели 9 индикаторов, по которым они определил степень обеспокоенности родителей по отношению к своим детям: здоровье, безопасность, успеваемость, формирование моральных качеств, способности к самообслуживанию, хобби, знакомства, прием пищи, ношение одежды. Как показало исследование, 87,2% родителей в большей степени обеспокоены успеваемостью своих детей в школе. В тоже время воспитание моральных качеств поставили на первое место лишь 18,1% респондентов [3].

Мы видим, что современные китайские родители предъявляют более низкие требования к моральному облику своих детей. Такой результат приводит к тому, что люди становятся все более безразличны и равнодушны друг к другу, что подтверждается другим исследованием, проведенным на платформе Shanghai Citizens Mailbox (онлайн-опрос, 2019, n=2300) [2].

Изменения в нравах молодых людей в основном отражаются в их отношении к социальной ответственности, жизни, работе и идеалам:

- пассивность и амбициозность;
- стремление наслаждаться жизнью и отсутствие энтузиазма в отношении работы;
- все большее безразличие к чужим проблемам;
- ослабление чувства групповой принадлежности и коллективизма

«Взрослые не заботятся о детях» - вот мантра китайских родителей. Дети не могут самостоятельно без вмешательства старших сформировать свое здоровое нравственное мировоззрение. У них нет самостоятельности, они всегда склонны подражать. Речь родителей, их манеры, идеи и поведение - все это дети получают от своих родителей в процессе семейного воспитания и обучения. При этом нематериальное влияние представляет собой самое прямое и глубокое образование для формирования моральных ценностей детей.

В свою очередь существует большое различие в методах семейного воспитания между городом и деревней. Образовательные концепции и идеи сельских родителей по-прежнему остаются на уровне традиционной культуры. В китайских деревнях традиционным методом обучения по-прежнему могут быть телесные наказания. Социокультурные модели семейного воспитания городского и сельского населения Китая демонстрируют два разных практических уровня их осуществления. Под влиянием передовой культуры и науки города получают больше сторонников новых идей, в то время как сельские районы по своей природе являются традиционными культурными воспитательными анклавами.

Современное семейное воспитание в китайских городах в переходный период показывает столкновение и слияние западных идей и традиционной культуры. В свою очередь сельские родители под влиянием традиционных ценностей, ориентированных на семью, китайские сельские родители по-прежнему сосредоточены на вопросе о том, являются ли дети достойным их продолжением.

Источники и литература

1) Абрамов А.П., Лю Цзэ. Изменение китайской концепции потребления в межпоколенных практиках социокультурного взаимодействия в период трансформаций 80-90-х годов XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 253-261.

2) Лю Цзэ, Абрамов А.П. Традиционные и современные подходы к изучению практик межпоколенного культурного обмена между ро-

дителями и детьми // Научный журнал Дискурс. 2018. № 2 (16). С. 104-110.

3) Liu Wenrong. Parenting pressure and parenting expectations of young white-collar workers. Contemporary Youth Research. 2015 (3): 44.

4) Jiang Jing. Reflection on the Lack of Family Education in China. Family Education, 2011. (12): 180.

Любавина Наталья Викторовна

ФГБОУ ВО "Тольяттинский государственный университет", Тольятти, Россия

Условия социализации современной молодежи

Молодежь является объектом изучения в различных областях научного знания: социология, психология, педагогика, культурология, право и др. Социология молодёжи - отрасль социологии, изучающая молодёжь как социально-демографическую группу, её роль в общественном воспроизводстве, статус в обществе и взаимодействие с другими социальными группами, а также особенности сознания и поведения молодёжи. Становление личности молодого человека - достаточно сложный процесс, на который оказывают влияние различные факторы и условия. Цель данного исследования - изучение условий социализации современной молодёжи.

Становление личности тесно связано с процессом социализации [2]. Можно выделить ряд факторов, которые оказывают влияние на процесс социализации личности в любом возрасте. К ним мы относим: семью, группы сверстников, школу, средства массовой информации, детские и молодежные организации, секции, клубы по интересам, церковь и другие.

Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Семья - один из важнейших факторов, влияющих на социализацию. В современном обществе распространены малые семьи, в которых примером для поведения и образа жизни в целом для ребенка являются его родители.

Также важнейшим условием социализации личности, особенно детей и молодежи, является включение в группы сверстников. Поэтому необходимо для нормальной социализации отдавать ребенка и в детский сад и школу, где наряду с обучением и воспитанием важную роль играет общение со сверстниками, оно может быть дружеским и конфликтным, может быть на равных, а может - эгалитарным. Но именно благодаря общению

со сверстниками мы получаем жизненный опыт, столь необходимый для процесса взросления.

Обучение в школе - это не просто получение учеником знаний по различным предметам школьной программы. Это школа жизни, где есть определенные правила, которые необходимо соблюдать, это авторитет учителя, который нужно уважать, это оценки и реакции учителя на поступки детей. Этими знаниями и опытом человек пользуется всю жизнь. И от того, насколько успешно он усвоил эту «школу жизни», зависит и успешность процесса его социализации.

Детские, молодежные организации, секции, клубы по интересам, церковь тоже вносят свой вклад в социализации личности.

Социализации молодежи имеет свои особенности. Это не просто отражение действительности и результат воздействия различных социальных факторов, тогда бы социализация просто бы сводилась к выработке механизмов социальной адаптации, повторению из поколения в поколение одинаковых качеств и свойств. Социализация молодых людей сопровождается инициативой, творчеством, ее можно назвать преобразующей действительность. Именно благодаря молодежи общество, его институты и процессы меняются, происходит развитие. Этот процесс получил название ювентизация, он «описывает перемены, вносимые молодежью в общественные отношения. По своему содержанию ювентизация является специфическим видом творчества, порожденного новым доступом молодежи к социально-политической и ценностной системе общества». Ввел это понятие П.Э. Митев [1]. Таким образом, социализация молодежи имеет двойственный характер.

Мы приходим к выводу, что социализация молодежи - это не просто процесс усвоения норм и культурных ценностей общества, это и процесс дальнейшего развития индивидом этого социально-культурного опыта. Молодежь, таким образом, является и объектом, и субъектом социальной деятельности. Но мы должны помнить, что при неблагоприятных условиях общественного развития социализация может сопровождаться отрицанием предшествующего опыта, конфликтами, девиациями и даже деликвентным поведением.

Молодежь в процессе социализации нуждается в помощи и поддержке.

Ее успешность зависит от форм и методов воздействия на молодежь, которые используются агентами социализации. Агенты социализации - это люди, социальные группы, социальные институты, которые оказывают влияние по процесс социализации человека, на процесс становления личности.

Становление личности проходит несколько взаимосвязанных этапов: биологический, психологический, социальный, мировоззренческий.

Все эти этапы связаны между собой и каждый имеет особенное значение для становления личности. Важно отметить, что на определенных жизненных отрезках значимость этапов для становления личности человека меняется. Биологический этап особенно значим для детства (это физиологическое развитие ребенка, основной вид деятельности которого игра). Для молодежи с учебно-производственным видом деятельности доминирующую значимость имеет психологический и социальный этапы становления личности. А для человека более старшего возраста важным является мировоззренческий этап становления личности, ведь без сформированного мировоззрения не возможна творческо-преобразовательная деятельность. Для гармоничного развития личности важны все эти этапы в комплексе. Если какой-либо этап выпадает из процесса, то полноценно развитая личность сформироваться не может. Примером выпадения биологического этапа, могут служить случаи, когда ребенок воспитывался среди животных. Полноценной личностью такой ребенок не станет. Посмотрим другой пример, когда ребенок, родители которого лишены родительских прав, воспитывается в детском доме. Его физиологические потребности полностью удовлетворяются, он накормлен, обут, одет, но нет родителей рядом, нет семьи, некому выслушать, посоветовать, пожалеть, нет примеров для социального поведения. В психологическом и социальном этапах становления личности пошли сбои. Результат - более 80 % выпускников детских домов не могут социализироваться, интегрироваться в социум. Предположим, ребенок вырос в благополучной семье, получил образование, с возрастом расширяется число социальных контактов (друзья, производственный коллектив, семья), число контактов также расширяется с помощью средств массовой информации. Все это оказывает влияние на становление личности, на формирование его характера и мировоззрения, также может быть причиной различных девиаций.

Проблемы на мировоззренческом этапе могут привести человека к стрессовым ситуациям, и он может начать искать выход путем употребления наркотиков, алкоголя, уходя в секту и т.д. Вместо того, чтобы решать проблему, он старается уйти от действительности.

На становление личности влияют различные факторы, как внешние, так и внутренние. к внешним факторам мы относим: экологические, социальные, исторические. А к внутренним: психологические и социально-психологические. Остановимся подробнее на внутренних факторах,

воздействующих на личность, их еще называют механизмами развития личности.

Личность развивается благодаря внутриличностным конфликтам. Сталкиваются умения, навыки, интеллект с целями, стремлениями и планами.

Именно молодость - это наиболее важный возрастной этап развития личности, именно на этом этапе воздействие внутренних факторов очень сильно: нужно принимать решение, как строить свое будущее. Молодой человек должен решить две важнейшие жизненные задачи: профессиональное самоопределение и создание своего круга общения.

Источники и литература

1) Митев, П.-Э. (1983) Социология лицом к лицу с проблемами молодежи. София, 1983. 273 с.
2) Теории молодежи: междисциплинарный анализ / Вал. А. Луков ; Московский гуманитарный ун-т, Ин-т фундаментальных и прикладных исслед., Междунар. акад. наук. - Москва : Канон+, 2012. - 527 с.

Ляликова Софья Викторовна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Условия и факторы, влияющие на воспитание личности: социологический подход

Противоречивый характер ценностных ориентаций и реального поведения личности, в первую очередь в реализации репродуктивного потенциала и создания семьи, заставляет исследователей более детально подходить к анализу ценностной иерархии индивидов, особое внимание уделив факторам, влияющим на воспитание человека. Ведь именно ценностные ориентации и установки, по мнению представителей фамилистической школы, в первую очередь определяют уровень имеющееся у индивида потребности в детях и могут быть использованы в качестве механизма, воздействующего на реализацию репродуктивных установок и поддержание ценности семейно-детного образа жизни.

В рамках межрегионального социолого-демографического исследования семейно-детного образа жизни СеДОЖ-2019 было опрошено около 2500 респондентов из Москвы, а также ряда областных центров РФ. Исследование проводилось методом одновременного опроса мужей и жен,

в опросе приняли участие мужчины и женщины, состоящие в зарегистрированном браке (90,0%) или сожительстве (10,0%), большинство участников опроса имеют детей (87,7%). Рассмотрим особенности ценностной иерархии индивидов по данным эмпирического исследования.

Важнейшими ценностями в жизни респондентов являются «здоровье» и «семья». Анализ результатов исследования показал, что с рангом 2,9 (из 15 возможных) возглавляет ценностную иерархию участников опроса ценность «здоровья», так каждый второй опрошенный определил ее на первое место. На второй строчке разместилась ценность «семьи, детей и заботливых близких» (ранг - 3,7; 21,8% определили ее на первое место). Исследование ВЦИОМ демонстрирует похожие результаты, так на вопрос о наиболее важных сторонах жизни респонденты отметили значимость «здоровья» (индекс 99) и «отношений в семье» (индекс 98).

Определить степень влияния различных факторов на воспитание человека, а также выявить роль семьи в данном процессе, в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов позволяет анализ ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, играет наибольшую роль в воспитании людей?» Согласно полученным именно семья как агент первичной социализации возглавляет иерархию факторов, влияющих на воспитание личности. Подавляющее большинство опрошенных (86,0%) отвели указанному фактору первое место в рейтинге из 14 предложенных для ранжирования категорий. Данный результат оказывается важным при соотнесении его с данными о рекомендуемой иерархии ценностей своим детям. Так, несмотря на высокую значимость семейных ценностей для респондентов в процессе трансляции ценностной иерархии своим детям позиции фамилизма ослабляются, разница рангов ценности «семьи, детей, заботливых близких» для себя и для детей отличается на 1,23 ранга.

Помимо семьи на воспитание человека также влияет его ближайшее окружение. Согласно полученным данным второе и третье место с небольшой дифференциацией поделили между собой «школа» и «друзья», в среднем по 65% опрошенных отвели каждому из факторов 2 или 3 место. Интересно, что для мужчин и женщин значимо отличается вклад в процесс воспитания ряда факторов, мужчины выше ценят значимость техникумов и институтов (6,5 к 7,0), профессионально-технических училищ (7,2 к 8,0), трудовых коллективов (7,6 к 7,9), общественных организаций (8,7 к 9,0), а для женщин наиболее ценными в данном вопросе оказывается литература (7,1 к 7,7), искусство (7,8 к 8,2), а также религия (10,2 к 10,8). Подобные тенденции характерны для лиц с разным уровнем образования: литературу и искусство выше ценят те, кто полу-

чил высшее образование; опрошенные с уровнем образования «среднее и ниже» придают более высокое значение трудовым коллективам, профессиональным училищам, общественным организациям и институтам. С возрастом увеличивается значимость трудовых коллективов среди молодежи (29 лет и младше) данный фактор получил ранг 8,0, среди лиц старше 50 лет - 7,2. Респонденты, не имеющие несовершеннолетних детей, в сравнении с теми, кто имеет трех и более несовершеннолетних детей, выше ценится значимость трудовых коллективов (7,3 - 8,8).

Исследование показало высокую значимость ценности семьи для респондентов и ее высочайшую роль в процессе воспитания человека. Однако, не смотря на подобный результат своим детям участники исследования с меньшей охотой транслируют важность семейных ценностей, что дает основания полагать о последующем развитии негативных тенденций, связанных с девальвацией ценности семейно-детного образа жизни среди будущих поколений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

Малашин Алексей Сергеевич
Тульский государственный университет, Тула, Россия

Ценностные ориентации, влияющие на брачное поведение молодёжи России

Под ценностными ориентациями понимается индивидуальное и групповое ранжирование ценностей, в котором одним придаётся большая значимость, чем другим, что влияет на выбор целей деятельности и средств их достижения. Ценностные ориентации являются важнейшим элементом сознания личности, в них преломляются нравственные, эстетические, правовые, политические, экологические, экономические, мировоззренческие знания, представления и убеждения [1, с.7].

В молодежных ценностных ориентациях отражены, как в зеркале, проблемы и достижения всего общественного уклада. Молодое поколение довольно легко улавливает и быстро перенимает во внешней среде новые ценности и образцы поведения [4, с.12].

Внешняя по отношению к молодежи среда современного российского общества достаточно противоречива с точки зрения брачно-семейных ориентаций. С одной стороны, опыт предыдущих поколений. Он содержит в себе представления о должной структуре и составе семьи, семейных обязанностях, стилях добрачного поведения, которые приняты в качестве основы жизни. В качестве примера подобных ценностных ориентаций можно назвать: ориентацию на моногамность, один брак в течение всей жизни, рождение двух-трех детей в одном браке, уважительное отношение к старшим членам семьи.

С другой стороны - культурный опыт стран Запада. Этот опыт в эпоху глобализации с огромной скоростью распространяется по миру посредством телевидения, киноискусства, сети Интернет, меняя ценностные ориентации российской молодежи в семейно-брачной сфере [2, с.248]. При просмотре телевизионных программ, фильмов, знакомясь с информацией в сети Интернет молодые люди знакомятся с моделями построения отношений со своим партнером. Поведение людей в фильмах и программах становится для них образцом для подражания.

В результате, как объективных процессов глобализации, так и продуманных актов информационной войны происходит разрушение традиционной системы ценностей. Так, некоторые молодые люди разделяют представления своих родителей, другие - ориентируются на современные ценности гедонизма и эгоизма, третья группа - действует ситуационно, подчеркивая свою противоречивость, расхождение между ценностными ориентациями и реальным поведением [3].

С момента знакомства и матримониального периода отношений начинается любой брак. Традиционным способом для знакомства в молодежной среде остается общение мужчин и женщин в одной компании, секции, кружке. Развитие социальных сетей в последние 15 лет значительно упростило общение. Молодые люди могут знакомиться и общаться, строить отношения, находясь при этом на значительном расстоянии друг от друга, даже в других странах [4, с.116].

Поэтому, многие не торопятся заключать брак в надежде найти «идеальную вторую половину». И этот процесс может длиться сколь угодно долго, снижая общую число заключенных в обществе браков. Как показывают многочисленные социологические и психологические исследования, наиболее оптимальный возраст вступления в брак связан с социальной зрелостью и определяется как 22-25 лет, рождения первенца 22-27 лет [2, с.247].

К сожалению, молодежь в настоящее время ориентируется на карьеру, и не думает о рождении детей на протяжении долгого времени. В

последующем это приносит много проблем семейным парам, и негативно отражается на статистике рождаемости в обществе.

Молодые люди руководствуются удобством, легкостью отношений, возможностью быстрого расторжения незарегистрированных союзов. Появление детей в подобных союзах бывает «неожиданным». Зачастую пара не обладает достаточными ресурсами и психологически не готова взять на себя ответственность за воспитание ребенка. Как результат - появляется неполная семья, либо ребенок передается под опеку родственников, либо в детский дом.

Данное изменение ценностных ориентаций в сторону отказа от семьи, равнодушного, либо попустительского отношения к детям должно привлекать общественность. Подобные союзы нельзя приветствовать, необходимо убеждать молодое поколение в обязательной регистрации своих отношений. Поощрять создание новых семейных пар, рождение детей.

Несмотря на рассмотренные нами тенденции, семья как институт и как малая группа продолжает оставаться важной составляющей жизни любого человека. Полученные в ходе социологических исследований данные свидетельствуют, что брак сохраняет свои лидирующие позиции в ценностных ориентациях молодежи. Молодые люди хотели бы иметь свою семью, детей.

Таким образом, в контексте происходящих в стране сложных процессов, свидетельствующих о переоценке культурных ценностей предыдущих поколений, нарушении преемственности в передаче социокультурного опыта, актуальным является формирование системы ценностных ориентаций молодого поколения в сфере семьи и брака. Позитивные, традиционные ценности нуждаются в глубоком исследовании и популяризации среди всех социальных групп, а особенно среди молодёжи. Будущее страны во многом зависит от ее молодого поколения, тех ценностных ориентиров, которые преобладают в его мировоззрении. В связи с этим возникает необходимость укрепления авторитета и поддержки семьи на основе базовых семейных ценностей.

Источники и литература

1) Андреева Т. В. Психология современной семьи. Монография. СПб. : Речь, 2015. 436 с.

2) Борзиева З. М. Ценностные ориентации современной молодежи. Молодой ученый. 2018. №52. С. 247-248. URL https://moluch.ru/archive/238/55006/ (дата обращения: 27.12.2019)

3) Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии. Вопросы философии. 2017. № 2

4) Пельменева С.П. Управление культурой матримониального поведения студенческой молодежи: дис. канд. соц. наук / Читинский государственный университет. Чита, ЧитГУ, 2016. 183 с.

***Медведева Елена Ильинична*[1]*, Максимова Юлия Юрьевна*[2]**

1 - ГСГУ, Луховицы, Россия; 2 - ГСГУ, Коломна, Россия

Влияние инструментов государственной поддержки на моральные и материальные основы семьи

Процессы, происходящие в политической и общественной жизни государства, не могут не сказываться на главной ячейке общества - семье. Важно отметить, что влияние это может носить разный характер, определяя дальнейшие пути и тенденции развития в обществе.

Одной их приоритетных задач государства была и остается укрепление ценностей семьи. В настоящее время в России наблюдается сложный демографический период, характеризующийся снижением рождаемости.

Отметим, что по данным официальной статистики Росстата в 2018 году уровень рождаемости в России снизился на 5,3% [3]. Правительство во главе с президентом РФ Путиным В.В. стремятся переломить негативные демографические тенденции и добиться роста показателей естественного прироста населения в 2023-2024 годах. Это станет возможным при условии серьезной проработке мер социальной поддержки граждан, в первую очередь, семейных пар.

За период с 2011 по 2018 год произошло заметное сокращение количества браков между мужчинами и женщинами в возрасте от 18 до 35 лет. Для людей более зрелого возраста (старше 35 лет) данный показатель характеризуется аналогичными скачкообразными процессами [1].

Основываясь на данных статистики и наблюдаемых общественных тенденциях, прослеживается явное нежелание молодого поколения к ранним бракам и деторождению. В результате чего, период наиболее благоприятного детородного возраста (18-35 лет) молодыми людьми используется для построения карьеры и выбора других приоритетов. Данная позиция объясняется изменением жизненных установок, где главной целью становится материальное благополучие индивидуума.

Однако для возрастной когорты старше 35 лет заключение брака остается одним из важных элементов развития и существования человека, что позволило на протяжении последних лет сохранить и избежать серьезных расхождений анализируемых показателей.

По данным ВЦИОМ (опрос 2017 года), 42% опрошенных считают, что настало время для рождения и воспитания своих детей. Не видят принципиально положительного или отрицательного момента в рождении ребенка 35%. Однако вариант, согласно которому современность - это плохое время, чтобы обзавестись потомством, выбрали 17% [1].

Основной проблемой материнства и детства в стране отмечают низкий уровень детских пособий (24%), недостаточное число воспитательных учреждений (21%), низкий уровень жизни и высокие цены (15%), низкий уровень медицинского обслуживания и нехватка врачей (11%) [1].

В целом можно утверждать, что большинство граждан знают о мерах социальной поддержки семьи, однако детальной информацией не обладают. Только 27% уверены в эффективности предлагаемых мер, считая, что данные инициативы окажут положительное влияние на уровень рождаемости в стране. Особо следует отметить, что большинство респондентов (45%) признают важность такой поддержки, но сомневаются в возможности оказать существенное влияние на демографическую ситуацию таким образом [1].

Необходимо отметить, что молодежь в возрасте от 18 до 24 лет поддерживает президентские социально-демографические меры и 43% респондентов готовы использовать свой репродуктивный потенциал, активно реализуя инициативы правительства страны.

Таким образом, предлагаемые меры должны позволить преодолеть существующие проблемы в социально-демографической сфере. На сегодняшний момент в России около 34 млн. людей в возрасте от 20 до 35 лет (около 23% от всего населения). По прогнозам Росстата, к 2025 году эта группа сократится до 24 млн. человек, что составит лишь 16% от всех граждан. Снижение численности молодежи приведет к уменьшению количества заключенных браков и, как следствие, сокращению рождаемости.

При такой перспективе именно стимулирование и побуждение молодежной когорты репродуктивного возраста к воспроизводству будущего поколения определит динамику изменений естественного прироста населения в стране. Согласно опросам ВЦИОМ, молодое поколение в детородном возрасте готово решиться на рождение ребенка первого или второго, при условии реализации государственных инициатив.

Именно реализация мероприятий по поддержке моральных семейных ценностей материальными методами, возможно позволит восстановить естественный прирост населения страны, тем самым стабилизировать негативные демографические показатели.

Источники и литература

1) Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru (дата обращения: 30.01.2019)
2) Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 30.01.2020)
3) Статистический бюллетень Естественное движение населения Российской Федерации - 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.gks.ru/bgd/regl/b18_106/Main.htm (дата обращения: 30.01.2020)

Низовцева Анастасия Александровна

Дальневосточный институт управления филиал РАНХиГС (г. Хабаровск), Хабаровск, Россия

Правовая социализация молодежи в современном обществе

Правовая социализация, являясь составной частью единого процесса социализации индивида, играет первостепенную роль в процессе формирования у него правового сознания.

Отметим, что Э. Дюркгейм и П.А. Сорокин социализацию, как процесс, определяли через взаимное влияние биологической и общественной компоненты. Так, Э. Дюркгейм указывал, что «социализация представляет собой подчинение биологической природы человека общественному началу, сила которого зависит от степени развитости общественной солидарности». [2, С. 126]

В свою очередь, П.А. Сорокин также определял социализацию, как как «процесс воздействия на индивида социо-культурных сил, в результате которого на основе биологического формируется надорганическая надстройка, представляющая собой совокупность мировоззренческих принципов, религиозных взглядов, политических убеждений и т.д.»

[1] Указанная социальная (надорганическая) надстройка выполняет регулирующую функцию относительно биологической компоненты индивида. При этом конкретизировать механизмы непосредственного регулирования возможно либо для конкретного индивида, либо для узко локализированной социальной общности.

Рассматривая обобщенные уровни правовой социализации, отметим, что первичным из них, как и для социализации в целом, является семья. Здесь, как и при общем процессе социализации, значительную роль играет именно уровень близости семьи, как «социального окружения», непосредственно к ребенку. Отметим также, что «качественный полюс» социализации на уровне первичного звена не всегда имеет положительную ориентацию. Разрешение этого вопроса целиком зависит от конкретной социальной ячейки: социально неблагополучные семьи формируют соответствующий вектор социализации и у ребенка.

Корректировку вектора правовой социализации в дальнейшем принимает на себя общеобразовательное учреждение. Именно здесь индивидуальный уровень, сформированный на базе семейных ценностей, либо усиливается, либо корректируется в соответствии с общепринятыми нормами.

К числу прочих, оказывающих наиболее сильное влияние, агентов правовой социализации следует отнести средства массовой информации и социальные сети. Объединение их в единую категорию находит свое отражение и среди нормативно-правового поля нашей страны.

В качестве видов правовой социализации наиболее логично определить социализацию через передачу знаний (теоретический); через передачу опыта (практический); «символическую» социализацию. Первая представляет собой процесс получения знаний об общественных отношениях через изучение нормативно-правого аспекта и усвоение правовых норм конкретного социума. «Практический» вид являет собой совокупность полученного опыта, не подкрепленного изначальными теоретическими знаниями. Зачастую правовая социализация представляет собой некоторое соотношение первого и второго видов социализации, при этом именно от этого соотношения зависит как качественный аспект правовой социализации, так и период окончательного формирования правовых установок, знаний и принципов конкретного индивида.

«Символический» вид определяется через трансляцию во вне личностных установок, основанных на собственных абстрактных представлениях индивида об окружающей его социальной, правовой, экономической, политической и иных составляющих объективной реальности.

Конкретный набор производных правовой социализации индивида: правовых знаний, умений и навыков, которыми обладает интересующий нас субъект правовой социализации, зависит от совокупности правовых установок, формируемых и корректируемых на всех рассматриваемых уровнях правовой социализации. Следует также отметить, что относительно молодежи, как социальной группы, сомнительным представляется учет вторичных институтов правовой социализации, таких как рабочая среда и т.п.

Здесь следует понимать, что сам процесс вторичной социализации является формирующим уровень правового сознания индивида уже следующей возрастной группы, ввиду чего его учет представляет лишь косвенный интерес при изучении молодежи, как социальной группы.

Источники и литература

1) Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.

2) Шаталова Н.И., Жеманов Я.Н. Механизмы профессиональной социализации личности // Институт современных технологий управления. – 2013. – № 1(31). – С. 124-131.

Новоселова Елена Николаевна

Социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

К вопросу о роли института семьи в трансляции ценностей здорового образа жизни

Понятие здоровый образ жизни является комплексным и многомерным. Существует множество его определений, однако все они так или иначе сводятся к тому, что сущность понятия ЗОЖ заключается в таком личностно-активном поведении и мышлении человека, которые дают возможность поддерживать, укреплять и восстанавливать здоровье, формировать индивидуальную систему привычек, обеспечивающую возможность выполнения личностно и общественно значимых функции в наиболее оптимальных для здоровья и развития человека условиях.

Здоровый образ жизни включает в себя рациональное питание, отказ от вредных привычек, физическую активность, личную гигиену, профилактику заболеваний, своевременное обращение в медицинские учреждения и т.д. Помимо физико-биологических аспектов также следует

сказать о психологических моментах, таких как минимизация стресса, позитивное мышление, умение взаимодействовать с людьми и решать конфликты, т.к. только совокупность психофизических сил организма повышает резервы здоровья.

Семья является основным социальным институтом, отвечающим за «формирование облика человека, его ценностной системы, его культуры» [1]. В семье, складываются основные черты характера ребёнка, его привычки и жизненная позиция, так считает 71% россиян [2] и именно здесь дети предпочитают получать информацию о способах сохранения здоровья, следовательно, семья эффективнее всего способна привить своим членам ценностно ориентированный подход к здоровью. Сделать она это сможет только в том случае, если взрослые ее члены сами компетентны в вопросах, здорового образа жизни, имеют мотивацию к сохранению своего здоровья и здоровья своих детей, являются для них примером.

Падение уровня жизни семей, ухудшение общедоступности медицинской помощи, неблагоприятные изменения экологической ситуации и т.д. ограничивают родителей в средствах укрепления и сохранения здоровья ребенка. В условиях полной внесемейной занятости обоих родителей у них не всегда хватает времени на контакты с детьми, в том числе и на заботу о их здоровье. Родители часто не обладают достаточными знаниями для воспитания культуры здоровья у ребенка, т.к. культура заботы о собственном здоровье в современной России практически отсутствует. Кроме того, родители часто недооценивают «значимость поведенческих факторов риска для здоровья на фоне повышенной обеспокоенности внешнесредовыми рисками» [3]. Вышеперечисленные вещи в совокупности со снижением авторитета родителей, увеличением разрыва между поколениями значительно снижают потенциал семьи как агента формирования ЗОЖ.

Попробуем оценить потенциал современной семьи в деле формирования здорового образа жизни у молодого поколения.

С одной стороны, современные родители считают здоровье одно из главных жизненных ценностей. Данный факт подтверждает исследование, проведенное кафедрой социологии семьи и демографии МГУ имени М.В.Ломоносова в 2019 году (СеДОЖ. Объем выборки: 2489 респондентов). Половина респондентов при ранжировании набора из 15 ценностей по степени важности каждой из них для себя поставили здоровье на первое место - 52,1% женщин и 47,9% мужчин). Если речь идет о здоровье детей, то ценность здоровья только возрастает. При ответе на вопрос «Что должны, на Ваш взгляд, наиболее сильно ценить Ваши дети?» - 63,4% называют здоровье (65,6% женщин и 61,4% мужчин). Средний

ранг ценности «здоровье» для себя - 2,9; для детей - 2,4 - это самый высокий показатель.

С другой стороны, при высокой значимости здоровья его поведенческие практики не всегда соотносятся с понятием «здоровый образ жизни». Респонденты СеДОЖ курят (31,3% мужчин и 8,6% женщин), между тем исследования показывают, что в семьях настоящих и бывших курильщиков (29,6% мужчин, 17,4% женщин) две трети подростков хоть раз в жизни пробовали курить, начинают они это делать раньше и нередко становятся регулярными курильщиками. [4, 5]. При этом курящие считают, что они прививают детям ЗОЖ не только с помощью бесед (47,8% - среди курящих, 31,4% - среди бывших курильщиков, 38,3% - среди тех, кто никогда не курил), но и личным примером (24,2%; 53,7%; 72%). Кроме курения население употребляет спиртные напитки, что не только приводит к рождению потомства, которое отстает в физическом и психическом развитии, но и увеличивает риски заболевания детей алкоголизмом в будущем [6]. Считая, что они ведут ЗОЖ россияне недостаточно времени, посвящает занятиям спортом, мало знают о сбалансированном питании и не учат этому детей. Лишь 15% родителей просвещают время совместному с ребенком спортивному досуг [7]. Известно, что подавляющее большинство детей начинают заниматься спортом именно благодаря влиянию родственников, при высоком уровне понимания, которыми роли «физической культуры в жизни детей 38% последних охотно выполняют утреннюю зарядку и физические упражнения, а при низком только 16%» [8].

Из всего вышесказанного становится понятно, что родители не всегда могут транслировать ЗОЖ своим детям и им необходима помощь, как в виде информационных программ, так и посредством улучшения спортивной инфраструктуры, расширения количества доступных спортивных секций и улучшения качества питания детей вне дома.

При финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

Источники и литература

1) Серебрякова О.В. Семья в системе формирования экологической культуры российской молодежи: диссертация ... кан. соц. наук. Новочеркасск. 2014

2) Источник данных: Воспитание детей // ФОМ. Опрос населения. 13.05.2004. - URL: http://bd.fom.ru/report/cat/famil/child_dress/dd041823

3) Лебедева-Несевря Н. А., Барг А. О. Особенности восприятия родителями внешнесредовых и поведенческих рисков для здоровья детей дошкольного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. - №1. - С. 103.

4) Влияние родителей на отношение подростков к курению // Институт сравнительных социальных исследований. - URL: http://www.cessi.ru/index.php?id=74

5) Курение в семье и возраст начала курения подростка // Европейское Социальное Исследование (ESS). Институт Сравнительных Социальных Исследований «CESSI». - URL: http://www.cessi.ru/index.php?id=74

6) Меринов А.В., Лукашук А.В., Филиппова М.Д. Распространённость химических аддикций у «Взрослых детей алкоголиков» // Тюменский медицинский журнал. 2015. №4.

7) Дети и родители: совместный досуг // Фомнибус. 24.11.2013.- URL: https://fom.ru/posts/11256

8) Цит. по: Шмелёв А.Е Педагогическая культура родителей: заботимся о физическом воспитании и здоровье детей вместе // Наука, образование и культура. - № 4 (28). – 2018. С. 68.

***Носкова Антонина Вячеславовна*[1]*, Проскурина Александра Сергеевна*[1]**

1 - МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Цифровизация высшего образования: новые институциональные противоречия и способы воздействия на обучающихся

Система российского высшего образования проходит путь радикальных неолиберальных реформ и цифровых трансформаций. Они затрагивают ключевые параметры образовательной организации: функции, принципы управления, структуру формальных отношений между преподавателями и руководством университета [1, с. 70], внутриуниверситетскую коммуникацию, взаимодействие преподавателей и студентов, орга-

низацию учебного процесса. Именно высшее образование является важным этапом вторичной социализации - окончательного формирования социальных установок молодых поколений россиян. Поэтому возникающие в этой сфере институциональные конфликты между участниками образовательного процесса имеют последствия, выходящие за пределы института образования [2, с. 2].

Такие конфликты - результат противоречий между 1) новыми и традиционными принципами, методиками и ресурсами ведения учебного процесса и управления им; 2) между традиционными и новыми функциями университетов; 3) скоростью изменения установок преподавателей, сотрудников вузов и темпом развития новых социальных и цифровых технологий [3, с. 6]. Смягчение конфликтных ситуаций возможно при своевременной диагностике, а также через разработку обучающих программ, тренингов для преподавателей. Тем не менее, вне зависимости от степени готовности образовательной организации к работе с новыми цифровыми реалиями, они активно внедряются в образовательную среду и становятся новым стандартом обучения и организации учебного процесса.

Примером внедрения цифровых технологий стало обращение к онлайн-каналам коммуникации между координаторами учебного процесса (тьюторами) и студентами. Тьютор как представитель административного аппарата вуза расширяет возможности взаимодействия между обучающимся и управленческими структурами вуза, преподавателем и студентом, выступая в роли технологического и информационного посредника [4, с. 92]. Реализация образовательных программ такого формата уменьшает объём межличностной коммуникации, что согласуется с принципами неолиберальной парадигмы снижения аудиторной нагрузки на преподавателя, индивидуализации образовательных стратегий, заботы о комфорте студента [5, с. 5]. Поддержание такой коммуникации требует и развития новых коммуникативных навыков, и опоры на классические методы работы со студентами. В ряду функций тьютора - воздействие на образовательную мотивацию и укрепление установок студентов на самообразование, так как фактически студент занимается учёбой самостоятельно с минимальным принуждением извне.

На практике возможность изменений установок на личностном уровне реализуется с помощью социально-поведенческого коммуникативного подхода (social and behavior change communication — SBCC). Этот метод предполагает реализацию изменений в поведении через трансформацию содержания коммуникации на уровне массовых медиа, межличностной коммуникации и коммуникаций в сообществах [6]. В

условиях, когда по частоте и времени интернет-коммуникация студента и тьютора доминирует над оффлайн-взаимодействиями, актуализируется вопрос о возможности воздействия на образовательные мотивы и установки студентов в цифровой среде.

В качестве эмпирического кейса авторы представляют результаты исследования, проведённого методом эксперимента в онлайн-сообществе студентов. Эксперимент был основан на SBCC, реализованной модераторами интернет-сообществ по разработанной теоретической модели. Цель эксперимента заключалась в развитии установок, ориентированных на достижение успехов в обучении и развитие ценностной ориентации на самообразование. Исследование включало также три опроса, которые собрали 3375 ответов участников проекта. Ценностные ориентации измерялись с помощью вопросов об альтернативных видах образовательной активности: реальная vs демонстративная. Результаты показали, что реализация коммуникативной стратегии модераторами оказала значительное влияние на установки участников эксперимента. Первый опрос показал достижение пика ответственности у обучающихся по отношению к успеваемости и самообразованию. Следующие два опроса выявили сокращение реальной образовательной деятельности и рост демонстрационной активности: фотографирования учебы, добавления информации в закладки без выполнения рекомендаций, переключения внимания с достижений на создание образов. Результаты эксперимента показали, что целенаправленная коммуникативная деятельность внутри онлайн-сообществ является действенным способом воздействия на установки обучающихся, но результативность воздействия понижается с сокращением интенсивности коммуникации. Для получения устойчивого результата необходимо длительное воздействие с применением специальных методик.

Иллюстрация преобразований в сфере высшего образования на примере онлайн-тьюторства демонстрирует необходимость во внедрении мероприятий по адаптации к цифровым форматам обучения и управления вузом. Результаты эксперимента иллюстрируют возможности и техники формирования социальных установок у студентов в цифровой среде. Сделан вывод о сохранении институтом высшего образования своей функции вторичной социализации даже в условиях тотальной цифровизации образовательной среды.

Материал подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.

Источники и литература

1) Носкова А.В., Проскурина А.С. Внутриуниверситетские рейтинги преподавателей: эмпирический кейс МГИМО // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 69-75.
2) Деева Н.Н. Роль образования в регулировании регионального рынка труда: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2012. №1. С. 1-6.
3) Крашенинникова Л.В., Захаров К.П. Развитие цифровой образовательной среды для реализации тьюторской деятельности // Интерактивное образование. 2018. № 4. С. 6-13.
4) Шиповская Л.П. Роль тьютора в современном образовании // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012. С. 91-95.
5) Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2018. №1 (97). С. 3-12.
6) Social and Behavior Change Communication // MEASURE Evaluation URL: https://www.measureevaluation.org/prh/rh_indicators/s.. (дата обращения: 14.01.2020).

Обручникова Сабина Рамильевна

ТОГУ, Хабаровск, Россия

Самосохранительное поведение студентов вузов

Успешное достижение цели «здоровая нация» зависит от социальной политики государства, государственной политики в сфере здравоохранения, материально-технической базы системы здравоохранения. Однако, наиболее важными факторами являются отношение населения к здоровью, наличие здорового образа жизни, физкультуры и спорта. Популяризация здорового образа жизни, самосохранительного поведения, выработка позитивных стратегий в сфере сохранения и укрепления здоровья являются важной государственной и общественной целью. Воплощение вышеуказанных идей предполагает формирование позитивной ориентации на самосохранительное поведение в биологическом и социальном отношении, и в первую очередь у молодого поколения и особенно у студенческой молодежи. Студенческая молодежь - это особая социально-демографическая группа, объединенная, в первую очередь, целью получения

образования. Современная студенческая молодежь по своим социоструктурным характеристикам существенно отличается от какой-либо другой социальной группы. В период поступления и обучения в вузе у этой группы меняются, наряду с социальным статусом, образ жизни, жизненные позиции, мотивы, установки, ответственность за свою жизнь. Исследования подтверждают, что для студенческой молодежи присущ феномен отказа от самосохранительного поведения. Студентам приходится делать выбор между здоровьем и успехом в учебе и работой [1, с. 291]. Таким образом, актуальность описанной проблемы состоит в противоречиях между необходимостью распространения норм самосохранительного поведения среди студенческой молодежи и недостатком системных знаний о предпосылках и принципах формирования самосохранительного поведения и здорового образа жизни, мотиваций и установок. Кроме того, в социологии наблюдается недостаток системных знаний о реальном поведении молодежи и в частности поведении сохранения здоровья[2. с. 52]. В современных условиях, исследования самосохранительного поведения приобретают особую актуальность в связи с факторами, влияющими на здоровье. Известно, что здоровье обусловлено на 50% - факторами образа жизни, 20%- наследственностью, 20%- факторами внешней среды, 10% - факторами, зависящими от системы здравоохранения. Социологический анализ самосохранительного поведения предполагает рассмотрение потребностей, установок, мотивов, действий ориентированных на самосохранение[3, с. 145]. Исследование, проведенное среди студентов высших учебных заведений г. Хабаровска продемонстрировало, что в студенческой среде установки на самосохранительное поведение очень низкие. Подтверждением тому служат уровень информированности студентов о генетических предрасположенностях их организма, о наборе полученных в процессе жизни прививок, о факторах рисках способных негативно или позитивно повлиять на здоровье, о методах сохранения и укрепления здоровья. Так, только 10% знают о каких-либо заболеваниях у старших родственников, 5% отметили, что эти заболевания сопровождают нескольких близких родственников, 30% респондентов, считают, что все родственники здоровы, 47% респондентов не обращают внимания на здоровье старших родственников, 8% студентов над этим вопросом не задумывались вообще. Среди респондентов 90% утверждают, что знают содержание понятия «здоровый образ жизни», но только 23% понимают содержание понятия «самосохранительное поведение». Студенты первых курсов обучения, имеющие тесный контакт с семьей (67%), контролируются родителями и еще прислушиваются к советам старших(52%). На старших курсах, студенты становятся все более независимыми (69%),

в том числе и финансово, и считают, что родительские советы им не нужны (73%). Время свободное от учебы у студентов старших курсов занято работой (63%). Редко, кто из студентов имеют достаточный ночной сон (12%), правильное сбалансированное питание (19%), регулярные занятия спортом.(7%), хороший отдых (18%). Студенты старших курсов отмечают, что в процессе обучения приобрели вредные привычки (35%), и что в данный момент они не могут вести здоровый образ жизни (47%) и нет возможности задумываться о самосохранительном поведенеии (27%). Самосохранительное поведение имеет социальную обусловленность, так как детерминировано факторами внешней среды [4, с. 49]. В социальном плане самосохранительное поведение является свойством социализированного индивида, проявляющаяся в том, что отсутствие сознательной потребности в отношении сохранения своего здоровья, индивид будет испытывать серьезные трудности в своей жизни. Эти трудности могут реализоваться в дальнейшем в успешности индивида в обучении, в устройстве на работу, в карьерном росте, в активном отдыха. Для молодых людей в формировании самосохранительного поведения важны мотивы и установки. Мотивы могут быть экономические и социальные. Экономические мотивы для молодых более важны, чем социальные. Студенты воспринимают здоровье, как ресурс, который можно использовать эффективно или неэффективно для достижения карьерных притязаний, хорошего заработка (31%). Установки формируются в процессе социального опыта, нарабатываются в большей степени в семье, но когда молодой человек становится самостоятельным, социальные установки отступают на второй план, а чаще игнорируются. Таким образом, студенты вузов отказываются от самосохранительного поведения, полагая, что молодость компенсирует все проблемы связанные со здоровьем.

Источники и литература

1) Корчагина П.С. Самосохранительное поведение учащихся вузов // В сборнике: Молодые ученые - экономике Сб. конкурс. работ. Рос. акад. наук. Волог. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН. Вологда, 2012. С. 291-296.

2) Кузеванова А.Л., Лещенко Л.А. Социальные ресурсы и стратегические особенности моделей самосохранительного поведения: социологический анализ // Молодежь в науке: новые аргументы. Сборник научных работ V-го международного молодежного конкурса. 2016. С. 50-53

3) Николаюк Е.А. Ценностная структура российской молодежи и ее самосохранительное поведение на современном этапе // Власть. 2016. Т. 24.№. С. 145-150.

4) Миронова Ю.Г. Особенности самосохранительного поведения современной студенческой молодежи // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 48-51

Островский Сергей Николаевич

БНТУ, Минск, Республика Беларусь

Нравственное развитие личности как основополагающая система ценностей

В настоящее время существует немало противоречий относительно того, какого именно человека хочет воспитать отдельная семья, каким его хотело бы видеть государство и что с ним осуществляет в реальности то или иное общество. В миссиях и ценностях многих вузов буквально указывается, что они стремятся подготовить конкурентоспособного специалиста. При этом совершенно не говорится о том, какой это будет человек: нравственный или безнравственный, будет ли он стремиться строить свою карьеру таким образом, что буквально «пойдет по головам» ради своего головокружительного успеха, станет ли хоть мало-мальски обращать внимание на окружающих коллег, дабы оказать профессиональную помощь или поддержку, причем безвозмездно.

В обществе принято говорить о том, что «сейчас другое время», но, тем не менее, даже в этой фразе заложен ложный смысл, поскольку акцент смещается не в сторону самой личности. И человек как бы говорит: «Нет, я хороший, это время сейчас такое» и как следствие, развивается самооправдание, человек прибегает к самообману. Однако нравственный закон незыблем: не время сейчас другое, а человек стал таким.

И, казалось бы, государство и общество хотят сделать жизнь человека лучше, стремятся дать ему лучшее образование и воспитание, но на деле оказывается, что все развивается по законам рынка. Если на пьесу или спектакль приходит мало современного зрителя, то надо подстроиться под запросы этих же самых людей, тем самым изменив свою систему ценностей на систему ценностей, обеспечивающей хорошую прибыль. Именно так развиваются те или иные коммерческие проекты, именно таким программам на телевидении предоставляется самое лучшее время, да и сами шоумены начинают подстраиваться под так называемый «середнячок», лишь бы поднять свой рейтинг или рейтинг телеканала. Дальше

начинают разворачиваться дискуссии: оправдана ли сценическая ненормативная лексика, оголение тела и т.п. Ведь даже малолетнему ребенку понятно, что выражаться - это плохо.

Конечно же, в воспитании ведущая роль отводится косвенному обучению, когда оба родителя прививают ребенку правильный взгляд на мир, формируют личность ребенка сообразно высоким нравственным идеалам. Достаточно одному из родителей начать что-то делать неверно и ориентир сбивается. Кроме того, есть четкая закономерность: дети всегда лучше усваивают пример не слова, а личный, действенный пример. Однако телевидение, да и сами работники культуры и образования зачастую преподносит далеко не самые лучшие примеры, при молчаливом согласии государства.

К сожалению, далеко не многие семьи сейчас ставят вопрос о том, кем вырастет их ребенок, каким человеком он станет. А ведь это все не праздные вопросы. Целеполагание и смыслообразование - это ведущие компоненты развития личности, которые задает именно сама семья. С сожалением следует констатировать, что большинство молодых людей (студенческая аудитория) так и не понимает, для чего они живут, какие проблемы они должны уметь решать и какой системой ценностей им следует руководствоваться. Некоторые из студентов откровенно ленятся, и, порой, не только не принимают, но и отвергают веками устоявшуюся систему духовно-нравственных ценностей. А ведь еще выдающийся чешский педагог Ян Амос Коменский четко указывал на то, что в академиях должны воспитываться только трудолюбивые и честные люди. А в отношении как тех, так и современных лентяев он не раз подчеркивал, что не должно терпеть лжестудентов, которые, подавая другим вредный пример бездействия и роскоши, расточают отцовское имущество и губят свои годы [1].

Для того чтобы человек, общество и государство в целом развивалось стабильно, для того, чтобы становление личности в таких условиях происходило гармонично и правильно, необходимо четко определить и уметь постоянно пропагандировать устоявшиеся веками духовно-нравственные ценности. При таком подходе будет легко определять, а в отдельном случае и контролировать, в каком направлении происходит развитие личности, куда нас «ведет» тот или иной сценарист, к какой системе ценностей тяготеет наш выбор и о чем нам напоминает наша совесть.

В ряде арабских стран эти положения утверждены законодательно, а потому и общество в них, с одной стороны более консервативно, а с другой - более сдержанно в проявлении своих эгоистичных желаний. Благодаря этому не возникает вопрос: смотреть или нет тот или иной фильм,

ставить тот или иной спектакль, принимать ту или иную систему ценностей.

В заключении хотелось бы привести пример очень тонкого и глубокого намека о необходимости правильного нравственного развития вышедшего из-под пера писателя и по сути психолога Ф. М. Достоевского, где в своем романе «Идиот», автор устами камердинера отвечает ожидающему встречи с генералом князю Мышкину: «Нет, здесь вам нельзя покурить, а к тому же вам стыдно и в мыслях это содержать» [2].

Источники и литература

1) Развитие образования в Новое временя. [Электронный ресурс] URL: https://helpiks.org/2-101450.html (Дата обращения: 17.01.2020.)
2) Достоевский Ф. М. Идиот. [Электронный ресурс] URL: https://ilibrary.ru/text/94/p.2/index.html (Дата обращения: 17.01.2020.)

Павлюкова Анастасия Валерьевна

ГГУ имени Франциска Скорины, Гомель, Беларусь

Уровень конфликтоустойчивости у старшеклассников

Увеличение конфликтных ситуаций в подростковой среде является одной из актуальных проблем современного общества. В этом возрасте у подростков появляется чувство взрослости, протестующий характер поведения, повышенная конфликтность с окружающими, которая проявляется в деструктивных формах поведения.

Конфликтное поведение состоит из противоположно направленных действий участников конфликта. Этими действиями реализуются скрытые от внешнего восприятия процессы в мыслительной, волевой и эмоциональной сферах оппонентов. Особенности конфликтного поведения определяются, прежде всего, конфликтностью человека. Конфликтность, как психологическая характеристика конфликтного поведения, проявляется в «открытом» конфликтном взаимодействии индивидов, которое представляет собой совокупность способов, форм и приемов, придающих конфликту свойство динамизма [1].

По мнению К.Н. Поливановой, конфликты порождают кризис подросткового возраста. Разрешение кризиса невозможно в старой системе отношений и поэтому обязательно должно идти через конфликт, который в данном случае имеет положительное значение, он освобождает

место для нового и направлен на разрушение старой системы отношений с миром [2].

На уровень и характер конфликтности старшеклассников существенно влияют особенности семейного воспитания. По данным С.В. Березина, среди старших школьников, склонных к конфликтному поведению 68,35 % оказались детьми из неблагополучных семей. В первую очередь, это деструктивные семьи, где постоянные ссоры, алкоголизация родителей, агрессивные формы поведения по отношению к детям и между супругами. Зачастую в таких семьях плохие материально-бытовые условия, в которых у ребенка не удовлетворяются многие значимые для него потребности - в ласке, заботе, безопасности, а способы разрядки они заимствуют у родителей [3].

Поведение подростков во время конфликта характеризуется неадекватной оценкой ситуации, преобладанием эмоционального начала над рациональным, слабым знанием психологии людей и отсутствием культуры внимания к окружающим.

Цель эмпирического исследования: определить уровень конфликтоустойчивости у старших подростков. *Базы исследования:* ГУО «Средняя школа № 37 г. Гомеля» и ГУО «Средняя школа № 57 г. Гомеля». *Выборка исследования:* 120 человек в возрасте 14-17 лет.

Для определения уровня конфликтоустойчивости у старшеклассников использовалась методика «Определение уровня конфликтоустойчивости».

Результаты исследования уровня конфликтоустойчивости показали, что высокий уровень конфликтоустойчивости выражен у 26 % старших школьников. Для старшеклассников с высоким уровнем конфликтоустойчивости свойственно то, что они умеют сглаживать конфликты, легко избегать критических ситуаций. Когда им приходится вступать в спор, они склонны учитывать, как это может отразиться на их отношениях с окружающими.

54 % старших подростков имеют средний уровень конфликтоустойчивости. Это свидетельствует об ориентации старшеклассников на компромисс, стремлении избегать конфликта.

20 % старших школьников имеют низкий уровень конфликтоустойчивости, свидетельствующий о выраженной конфликтности. Это говорит о том, что старшеклассники настойчиво отстаивают свое мнение, невзирая на то, как это повлияет на их отношения с окружающими.

Очень низкого уровня конфликтоустойчивости среди старших подростков выявлено не было.

Таким образом, можно выделить следующие особенности конфликтного поведения в старшем подростковом возрасте: во-первых, конфликт является неотъемлемой частью становления личности, во-вторых, конфликтные ситуации возникают, прежде всего, в ближайшем социальном окружении; в-третьих, на уровень и характер конфликтности старших подростков существенно влияют особенности семейного воспитания. Изучение конфликтного поведения, его возможные причины и способы разрешения являются в современных условиях важной целью для установления конструктивных отношений между старшеклассниками.

Источники и литература

1) Здравомыслов, А.Г. Социология конфликта / А.Г. Здравомыслов. – Москва: АО Аспект пресс, 1996.– 261 с.
2) Поливанова, К.Н. Психологическое содержание подросткового возраста / К.Н. Поливанова // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 9–10.
3) Березин, С.В. Психокоррекционная деятельность школьного психолога в условиях межличностного конфликта учащихся подросткового возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук: (19.00.07) / С.В. Березин; Исслед. центр семьи и детства. – Москва, 1995. – 194 с.

Полтавская Мария Борисовна[1], Козлова Светлана Ивановна[2], Гарченко Марина Николаевна[2], Соловьева Марина Александровна[2]

1 - ФГАОУ ВО Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия; 2 - МОУ СШ №100 Кировского района Волгограда, Волгоград, Россия

Конфликтность в семейном окружении и образ идеальных родителей в представлениях современных подростков

Данное исследование посвящено изучению представлений современных школьников об идеальных родителях, а также выявлению микроклимата в их семьях. Актуальность выбранной темы определяется необходимостью эмпирически выявить представления подростков об образе идеальных родителей. В процессе написания исследования мы опирались на работы таких отечественных социологов, как И.С. Кон,

С.Н.Майорова-Щеглова. Цель исследования: выявить представления современных подростков об идеальных родителях. Объект исследования: подростки в возрасте 12-18 лет. Предмет исследования: образ идеальных родителей в представлениях подростков. Метод сбора информации - анкетный опрос, декабрь 2018 г., N=114, 63 девушки, 51 юноша 8-11 классов МОУ СШ №100 Кировского района Волгограда. Среди опрошенных подростков 68% проживают в полной семье, 24% подростков живут в семьях, где один из родителей в разводе. Большинство подростков оценивают материальный уровень своей семьи как средний (66%), считают, что уровень их семьи выше среднего 18% подростков, что он достаточно высокий - 8%, остальные охарактеризовали его как низкий (3%) и ниже среднего (5%). Для выявления представлений подростков о социальном климате в семье была использована шкала семейного окружения. Данный опросник, состоящий из 90 утверждений, разработан Р. Музом, адаптирован на русский язык С.Ю. Куприяновым [1]. Респондентам надо было выбрать, какие из утверждений верны, а какие неверны в отношении их семьи. Данная шкала дала возможность оценить микроклимат в семье по следующим критериям: сплоченность, экспрессивность, конфликтность, независимость, ориентация на достижения, интеллектуально-культурная ориентация, морально-нравственные аспекты, организация, контроль, ориентация на активный отдых.

Подсчитывался показатель для каждой шкалы, по каждому критерию мы распределили баллы на три интервала: высокий показатель (5-6 баллов), средний (3-4 балла) и низкий (0-2 балла). Наиболее высокие показатели получила сплоченность - 65% отметили высокую сплоченность между членами семьи, средний уровень сплоченности характерен 27% семей, низкий уровень у 8%. Высокий показатель по критерию "ориентация на активный отдых" отметили 64%, средний показатель по данному критерию у 24% подростков. Ориентацию на достижения, когда члены семьи интересуются качеством и результатами деятельности других, отметили 61%. Однако 29% не разделяет подобного мнения. В этих семьях, видимо, достижениями членов семьи не сильно интересуются. Степень контроля в семье зависит от наличия или отсутствия обязательных правил для членов семьи. Низкие значения по данному критерию говорят нам об отсутствии жесткого контроля в семье. В 17% семей контроль присутствует на высоком уровне. Большинство подростков (63%) оценивает присутствие контроля старших членов над младшими на среднем уровне, минимум контроля в семье отметили 20% подростков. По степени конфликтности 55% семей можно отнести к низкоконфликтным, к среднему уровню конфликтности - 32% семей, а к высокому 13%. По сте-

пени независимости 71% подростков отметили поощрение независимости в семье на среднем уровне, 7% - на среднем, остальные 22% на низком. Наиболее важным для подросткового возраста критерием микроклимата семьи является «независимость»: 71% подростков отметили поощрение независимости, самоутверждения в своей семье на среднем уровне, высокий же уровень независимости выявлен лишь в 7% семей, остальные 22% отнесены к низкому уровню.

На открытый вопрос о чертах идеальной матери ответы были чаще всего в виде прилагательных (добрая, заботливая, умная, понимающая и др.). Частыми были указания, каких черт у идеальной мамы быть не должно (не курящая, не пьющая, не скандалящая, за здоровый образ жизни), 10% подростков затруднились назвать какие-либо качества идеальных родителей.

Доброту подростки считают необходимой чертой как матери, так и отца, такая характеристика называлась подростами чаще всего. Примечательно, что по характеристике «сильная/сильный» наблюдается большой разрыв по частоте ее упоминаний для идеальной матери и идеального отца (2 упоминания для матери, 33 для отца). Скорее всего, это объясняется представлениями подростков о гендерных ролях. Аналогично с чертой «строгий/строгая» - от отца ждут этого качества чаще (5 упоминаний для матери, 21 - для отца). Подростки хотят видеть отца «любящим», эта черта называлась для отца даже чаще, чем для матери (27 упоминаний для матери, 30 - для отца). Видимо, именно этого не достает в реальной жизни современным подросткам. Однако такая характеристика, как «умный/умная», по мнению подростков, теперь больше присуща матери, чем отцу (38 для матери, 33 упоминания для отца). А вот «справедливым / справедливой» должны быть оба родителя.

Таким образом, идеальные родители должны иметь следующий набор личностных характеристик в представлениях подростков. Идеальная мать должна обладать чертами: добрая, заботливая, умная, понимающая, любящая, отзывчивая, справедливая, красивая. В то же время идеальный отец должен быть: добрый, сильный, умный, заботливый, любящий, понимающий, строгий, справедливый.

Источники и литература

1) Шкала семейного окружения (Family Environmental Scale) URL: http://texts.news/prakticheskaya-psihologiya-knigi/shkala-semeynogo-okrujeniya-40958.html (дата обращения 25.01.2020)

Попов Евгений Александрович
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Конфликт традиций и инноваций в современной социокультурной динамике

В социокультурной динамике нередко возникают самые разнообразные конфликты, детерминированные как внутренними процессами, происходящими в самой культуре, так и внешними, связанными с социально-экономическими, социально-политическими и другими изменениями. Немаловажное значение для социокультурной динамики имеет и конфликт традиций и инноваций. Он разворачивается в условиях, когда культура и ее носители либо продолжают сохранять устойчивые ценности и нормы, которые складывались на протяжении длительного периода исторического развития, либо обнаруживают стремление приобрести и закрепить инновации, ранее им не присущие. Конфликт рождается в ситуации столкновения старого и нового. Не всегда он возникает объективно, когда происходит модернизация общественных процессов и культура устремляется за ними; зачастую такой конфликт является следствием субъективных идеологических и политических влияний.

Наиболее сложным видом конфликта традиций и инноваций можно признать сочетание культурных пережитков, культурной мифологии и феноменов, придающих культуре новый облик (нередко к таким феноменам относят ценности и нормы, появляющиеся как отклик на процессы модернизации, глобализации и т.д.). В исследовании такого рода конфликтов заметно повышается роль социологов, которые на эмпирическом уровне способны представить срез соотношения традиций и инноваций в культуре. При этом социолог в изучении конфликта отталкивается от понимания сущности социокультурной динамики, функционирования ценностно-нормативной системы культуры, а также главных процессов развития культуры - например, культурного лага, культурной трансмиссии, диффузии, заимствований и других. Очевидно, что социологу предстоит столкнуться с определенными сложностями, вызванными необходимостью учитывать широкий круг изменений, происходящих в обществе и государстве и безусловно сказывающихся на развитии культуры. Не менее важно учитывать позиции научных областей, также занимающихся исследованием культуры, ее ценностей и норм. К примеру, в последнее время все чаще в рамках культурологического знания поддерживается идея о том, что нужно заботиться о сохранении исконных ценностей культуры, способных в свою очередь обеспечить сохранность этнонационального облика культуры, ее оригинальность и самобытность.

Социолог должен взять на вооружение подобного рода тренды, чтобы иметь четкое представление о границе культурных традиций и инноваций. Для этого ему потребуется вооружиться знаниями о природе конфликта традиций и инноваций и методикой их прикладного исследования.

Сложность эмпирического изучения рассматриваемого конфликта с точки зрения социологии заключается в том, что, во-первых, нужно отличать традиции от инноваций, имея в виду тот факт, что видоизмененные традиции в культуре могут быть приняты за инновации; во-вторых, непросто «операционализировать» и сам конфликт, поскольку не всегда соотношение традиций и инноваций в результате приводит к противоречиям. Таким образом, уже на этапе подготовки прикладного исследования необходимо сформировать представление об обозначенной проблеме. По этому поводу стоит обратить внимание на один из возможных подходов к ее изучению - культургенетический. Он позволяет проследить генезис традиций и если затем соотнести его с социокультурными причинами зарождения инноваций, то можно понять, какие варианты из них способны примириться с давно существующими в культурном пространстве самобытными ценностями и нормами, а какие, не имея генетического родства, возможно, станут источником конфликта. Конечно, признаем, что такой подход в принципе чужд социологии, он потребует дополнительных усилий, но вместе с тем междисциплинарный уровень развития современной науки позволяет социологии задействовать опыт других исследовательских областей, в том числе и тех, которые используют культургенетический анализ. И все же во всех случаях недоступности такого рода анализа социологам имеет смысл обратиться к «аксиологическим основаниям социального инжиниринга» и проследить, какие из ценностей на современном этапе развития общества и человека отвечают перспективе сохранения культуры как таковой, при том что главным признаком ее жизнеспособности будет являться социокультурная динамика и прежде всего соотношение традиций и инноваций. В этой связи стоит проанализировать такое соотношение как минимум в системе защиты культурного пространства, культуры речи, нравственности и доступности культурных ценностей [2, с. 69].

В целом понимание разницы в культурных традициях и инновациях имеет важное значение для распознавания конфликта этих явлений и протекающих процессов, детерминированных ими. Очевидно, что «теория практик идет до конца: когда ломается стул, просто начинается новая практика - практика починки стула» [1, с. 17]. Следуя этой аналогии, можно утверждать, что конфликт традиций и инноваций потребует от

социолога не просто его констатации, но и рекомендаций, направленных на преодоление такого конфликта или смягчение его последствий.

Источники и литература

1) Ерофеева М.А. Проблематизация объекта в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 13-23.
2) Пржиленский В.И., Огородников А.Ю. Аксиологические основания социального инжиниринга: перспективы модернизации российского общества // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 3-12.

Попова Анастасия Валентиновна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Абортная политика в России: прошлое и настоящее

Тема абортов в современном обществе все еще остается предметом дискуссий. Несмотря на то, что в 1981 году вступила в силу Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которую подписали 189 стран, в том числе и Россия, право женщин на аборт все еще оспаривается. Так, 17 мая 2019 года в штате Алабама приняли закон о запрете абортов, за проведение операции врачи и женщины, решившиеся на процедуру, могут получить тюремный срок [3]. В России инициатором дискуссий по поводу абортов выступает Русская Православная Церковь, которая предлагает запретить данную процедуру из этических соображений, не беря во внимание, к чему приводит криминализация операции по прерыванию беременности.

Аборт является, с одной стороны, медицинской процедурой по прерыванию беременности, а с другой, социальной практикой женщин, которые не хотят иметь ребенка по определенной причине. Практика аборта в современной России связана, прежде всего, с отсутствием полового просвещения и понимания необходимости предохранения от нежелательной беременности, а также материальной необеспеченностью семей. Однако современная власть все еще оспаривает право женщин на распоряжение своим телом, рассматривая аборт (его запрет или разрешение) в качестве инструмента регулирования рождаемости, как это было в СССР.

Тем не менее, именно Советская Россия стала первой страной, которая легализовала аборты 18 ноября 1920 г. и отстаивала право выбора сохранения или прерывания беременности за женщинами. Постановление Наркомата юстиции и Наркомата здравоохранения «Об искусственном прерывании беременности», вводило бесплатность процедуры, а также запрещало производить операцию вне медицинских учреждений [4, С. 21].

Сразу после выхода постановления остро выявились некоторые противоречия государственной политики в отношении абортов. Решение о легализации операции преподносилось населению в качестве временной меры, которая будет отменена, когда экономическое положение страны улучшится. Можно предположить, что именно поэтому, данное постановление не было напечатано в официальных журналах и газетах советской власти. Оно было спущено сверху женотделам, отделам здравоохранения и юстиции в качестве инструкции к действию.

На протяжении периода 1920 - 1924 гг. количество женщин, прошедших процедуру аборта, постоянно росло. Главной причиной этого явления была материальная необеспеченность, усугубленная Гражданской войной, а затем и переходом к НЭПу. Поэтому в 1924 г. вышло постановление о формировании абортных Комиссий, которые санкционировали операцию на основе социального положения женщин и медицинского заключения, устанавливали очередь на процедуру, а также распределяли места для абортирующих в больницах. Однако в скором времени они перестали быть эффективными: количество отказов росло и тем, кто остро нуждался в данной процедуре, приходилось обращаться к неквалифицированным специалистам. Поэтому Комиссии было решено закрыть и передать управление в руки участковых врачей и женских консультаций, так как считалось, что они лучше знали своих пациенток [5, С. 8].

Начиная с 1927 года, советское правительство берет курс на ограничение процедуры абортов, несмотря на мнение специалистов о том, что данная операция не влияет на динамику численности населения страны. В конечном счете демографическая политика советского руководства привела к запрету абортов в 1936 году, якобы по «многочисленным заявлениям трудящихся женщин». Лишь в 1955 году процедура по прерыванию беременности была вновь легализована. Однако девятнадцатилетний запрет свел аборты «в подполье», выступая единственным средством контрацепции в Советской России. Причем, только в 1980-х гг. женщины получили широкий доступ к альтернативным средствам контрацепции.

В современной России процедура по прерыванию беременности разрешена законом и входит в систему обязательного медицинского страхования. Главные причины абортов в России фактически не изменились и ими являются: отсутствие сексуального просвещения и низкая материально-экономическая поддержка семей. Именно эти две причины влияют на динамику количества процедур по прерыванию беременности. Однако под влиянием РПЦ, которая видит основной причиной абортов отсутствие морали и ответственности у женщин, вводятся ограничения на данную процедуру. Так, в 2007 году был сокращен перечень социальных показаний для аборта, а в 2011 году была введения так называемая «неделя тишины», во время которой женщинам рекомендуется пройти психологическое консультирование, целью которого является изменение решения в пользу рождения ребенка. Кроме того, с 2014 года полностью запрещена реклама медицинских услуг по прерыванию беременности.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит сказать, что шаги современного правительства РФ в сторону ограничения абортов и сами аборты, как и во времена Советского Союза, продолжают рассматриваться в качестве инструмента демографической политики. Право на собственное тело и репродуктивный выбор женщины всячески оспаривается государством и Русской Православной Церковью. Ограничения права на аборт, попытки вынести данную процедуру из системы ОМС без полноценной поддержки родительства, а также мер по ликвидации гендерного неравенства, затрагивает более уязвимые слои населения и толкает женщин в руки неквалифицированных специалистов.

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного РФФИ, грант № 18-011-01168 А.

Источники и литература

1) Аборты в 1925 г. М.: ЦСУ СССР, 1927. 82 с.
2) Аборты в 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1929. 82 с.
3) В Алабаме почти полностью запретили аборты - даже в случаях насилия и инцеста: BBC news/ русская служба. Дата обращения: 21.07. 2019. URL:
4) Генс А. Б. К проблеме легализации и статистики абортов в РСФСР //Аборты в 1925 г. М., 1927. С. 21 – 29.
5) Лебедева В.П. Вступительная статья // Аборт в деревне. М., 1926. С. 2 – 12.
6) Кон И.С. Сексуальная культура в России: "клубничка" на березке / И. Кон. М.: Объед. гуманитар. об-во, 1997. 459 с.

7) Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 482 с.

Посухова Оксана Юрьевна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Проблемы преемственности в бизнес-династиях в российском обществе

Современные династии врачей, учителей, ученых, работников ИТР, и рабочие династии уходят своими корнями в советское время. Бизнес-династии в современной России только начинают формироваться, также как и политические, в то время как в странах запада они уже давно институционализированы и функционируют по настоящее время, оказывая влияние на глобальную экономику. Престиж их довольно высок в силу социально-экономической и социально-политической коньюктуры.

С точки зрения зарубежных исследований, опирающихся на методологию стратегического менеджмента, семейные компании, как правило, представляют собой комплексную структуру, формируемую тесными семейными и дружескими взаимосвязями, позволяющими оценивать внутреннюю бизнес-динамику компании и внешнюю среду через призму семейных целей, интересов, ценностей, культуры, установок, преемственности, наследования, «братских» отношений и т.д. [1; 11; 19]. С точки зрения отечественных исследований качество межличностных связей между членами семьи оказывают значительное влияние на желание предпринимателя развивать свой бизнес в кругу семьи и в дальнейшем полностью передать его своим детям [2]. В то же время такие характеристики предпринимателя, как пол, возраст, образование, а также занимаемая ниша и способ ведения бизнеса уходят на второй план.

Семейный бизнес это бизнес, в котором основная часть его собственности и возможность контроля за его деятельностью принадлежит одной семье, члены которой непосредственно работают в нем и стремятся передать по наследству следующим поколениям.

Согласно исследованию Сколково во многих российских состоятельных семьях отсутствует системный подход к обсуждению вопросов передачи благосостояния. Только в каждой пятой семье есть механизм регулярного семейного обсуждения и принятия решений по этим вопросам; вовлечение в семейный бизнес молодого поколения происходит достаточно поздно после окончания учебы [4, с. 6].

По данным международной консалтинговой компании McKinsey, только 5% семейных предприятий удается сохранить бизнес в третьем поколении. Эксперты исследовательского центра предупреждают, семейный бизнес — большой риск [3]. Поэтому проблема преемственности бизнеса является актуальной. Как же увеличить число успешной преемственности бизнеса?

Для минимизации конфликтных ситуаций в передаче бизнеса выделено шесть этапов передачи семейного бизнеса: привитие предпринимательских качеств (передача последующему поколениюю профессионального знания, управленческих ценностей и качеств, «души» бизнеса); учеба; формальное образование в самой компании; внешний опыт; официальный старт в семейном бизнесе (с нижней ступени); свобода преемника; передача бизнеса через официально оформленные документы [5, с. 143]. В профессиональных династиях такого рода, подрастающему поколению с детства внушается, что они являются преемниками отцовского дела. Вся система семейного воспитания, образования направлены на усвоение детьми их места в профессиональной структуре общества и развитие тех способностей и получение такого образования, которые в дальнейшем будут способствовать профессиональному успеху в династийном деле.

Однако в данных группах возможны и деструктивные последствия: как только символические статусы перестают приносить экономическую или политическую прибыль, младшие поколения могут потерять мотивацию к сохранению преемственности в профессиональной династии, что может привести к разрыву династий и прекращению семейного бизнеса. В российском контексте, прогнозировать развитие бизнес-династий проблематично, несмотря на декларативные заявления о поддержке развития бизнеса, особенности институциональной среды сильно затрудняют их формирование и развитие, а значит и его преемственность.

Бизнес-династии вносят значительный вклад в развитие экономик таких стран как Великобритания, США. По данным Boston Consulting Group, более 30% компаний во всем мире, чей доход ежегодно превышает $1 млрд, находятся под управлением семей [6]. Одним из ожидающих трендов, который затронет в том числе и Россию, является регионализация бизнеса, что еще более обуславливает актуальность развития бизнес-династий и проблематики преемственности в нем.

Работа подготовлена при поддержке РНФ проект № 19-18-00320.

Источники и литература

1) Chrisman J.J., Chua J.H., Sharma P. Trends and directions in the development of a strategic management theory of the theory of the family firm // Entrepreneurship Theory and Practice. 2005. Vol. 29. Iss. 5. P. 555–575.
2) Murzina, J., Turčeková, N., Mensh, E., & Nakonieczny, J. (2018). Family business and business dynasties: A case study of Russia. Journal of International Studies, 11(2), 288-303. doi:10.14254/2071-8330.2018/11-2/19
3) https://rb.ru/longread/otci-i-deti/
4) Второе поколение российских владельцев капитала: недостаток информации и опасения за своё будущее // https://common.skolkovo.ru/ru/wtc/research/
5) Социальная мобильность в России: поколенческий аспект. М.: Институт Социологии РАН, 2017. – 384 с. С. 141-143.
6) https://rightrack.ru/articles_businessdinasty

Проказина Наталья Васильевна
СРеднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, Орел, Российская Федерация

Конфликт поколения: представления и реальные практики

На смену одним поколениям неизбежно приходят другие и каждое имеет свои ценности, идеалы, ориентиры и установки. В общественном сознании укоренилось представление о конфликте поколений. Однако для каждой эпохи характерно свое содержание главных противоречий и притязаний, обуславливающих существование конфликта поколений. В результате регионального исследования [1, с.84-90] было выявлено, что у большей части респондентов межпоколенческих конфликтов не бывает (68%), изредка конфликты бывают у 22,4% опрошенных. Частые конфликты практикуются у каждой десятой семье респондентов (9,2%).

Основными причинами межпоколенческих конфликтов в семьях являются, как правило, различные ценности и убеждения (32%), а также нежелание молодежи подчиняться старшим (29%). Часто возникновение конфликта поколений в семьях связано с материальными проблемами молодежи (14,9%), а также с непризнанием родителей взросления их детей (9,3%).

Из всего списка предложенных причин конфликта между поколениями, в наибольшей степени «молодое поколение отметило такую причину, как различие в ценностях и убеждениях (56,1%). Четвертая часть опрошенных (24,5%) указала на нежелание молодежи подчиняться старшим, а каждый седьмой респондент (14,5%) - на непризнание старшего поколения того, что их дети повзрослели» [2; с. 574].

По мнению большинства опрошенных представителей старшего поколения они имеют право вмешиваться в личную жизнь молодежи (56,5%), Тем не менее, 43,4% опрошенных отметили, что не стоит попрекать молодых людей и учить их жизни. Молодое поколение отрицательно реагирует на советы старшего поколения и не прислушиваются к ним - так считает 40% опрошенных. О том, что молодежь готова принять советы старших заявляют 36,8% респондентов. Необходимо отметить и тот факт, что затруднились ответить на данный вопрос 23,2% опрошенных.

Связь с родственниками и внимание близких являются обязательными компонентами для обеспечения счастья пожилых людей, занимая в перечне составляющих лидирующие позиции. Так, секрет истинного счастья пожилых людей - это здоровье (96,2%), внимание со стороны детей, внуков (93,8%), материальная обеспеченность (86,4%), связь с родственниками (86,2%), любовь к родине (79,1%). Респонденты оценивают критерии, характеризующие микроклимат в семье на высоком уровне: оказание помощи (74,4%), заинтересованность в делах и проблемах друг друга (72,9%), общение друг с другом (71,2%), влияние материального положения на взаимоотношения (60,1%).

По мнению большинства опрошенных (68,9%), в силу различных ценностей и взглядов, люди разных поколений всё реже контактируют между собой. У представителей старшего поколения существует убеждённость в том, что происходит утрата межпоколенческих связей. Результаты исследования свидетельствуют, что 40% опрошенных старшего поколения активно поддерживают отношения со своими детьми, внуками и правнуками. Проводят время со своими детьми и внуками 1-2 раза в неделю - 22,9% старшего поколения, а 1-2 раза в месяц - 24,5%. Лишь 3,3% респондентов не поддерживают отношения с молодежью и встречаются с ними реже, чем один раз в год. Детальный анализ времени, проведённого с близкими, демонстрирует большое разнообразие повседневных практик, но в целом следует констатировать что на региональном уровне достаточно развиты контакты с родными и близкими.

Результаты опроса молодежи (исследование предполагало проведение социологического исследования как представителей старшего, так и молодого поколения) показывает, что «молодежь встречается со сво-

ими родственниками, прежде всего для оказания им знаков внимания (46,3%)». Во время встреч и посещений «помогают старшему поколению по дому почти пятая часть опрошенных (18,4%), привозят продукты и лекарства - 16,9% молодых людей» [2; с. 574].

Таким образом, между представителями молодого поколения и старшего возраста сохранены теплые отношения несмотря на то, что представления об идеальных качествах молодежи достаточно часто расходятся с реальным поведением молодых людей.

К отрицательным характеристикам современных молодых людей, согласно представители старшего поколения относят, прежде всего, наглость (53,8%), лень (45,0%) равнодушие (39,0%) и агрессивность (38,2%). В числе качеств, которые не одобряют представители старшего поколения - высокомерность молодежи (20,9%) и безразличие к общественной и политической жизни (18,9%). Главными положительными качествами молодежи, представители старшего поколения отмечают: целеустремленность (48,4%) и уверенность (44,4%). К «плюсам» молодых людей также относят, умственный потенциал (40,1%) и энергичность (36,9%).

Следует констатировать что расхождения в ожиданиях и реальности поведенческих практик присутствуют, однако это не оказывает существенного влияния на степень близости и частоты контактов между представителями разных поколений. По мнению большинства опрошенных (85,7%), забота о людях старшего поколения - это долг молодежи. Однако, около 15% респондентов полагают, что забота о пожилых людях не входит в прямые обязанности молодежи. У представителей старшего поколения сформирован устойчивый запрос на необходимость внимания и заботы со стороны молодого поколения.

В современных условиях основными причинами, приводящими к конфликту поколений следует отнести: уменьшение частоты контактов между представителями разных поколений; расхождение в желании опеки со стороны старших и нежеланием ее принимать со стороны молодежи.

Таким образом, расширение контактов между представителями разных поколений с ориентацией на мудрость и степенность старшего поколения и энергичность и прогрессивность молодого поколения являются одним из факторов снижения возникновения конфликта поколений.

Источники и литература

1) Меркулов П. А., Дорохова Ю. В., Игнатова Т. В., Проказина Н. В. Молодежь региона в 2019 году. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень. – Орел: Издательство Среднерусского института – филиала РАНХиГС, 2020. – 148 с.

2) Проказина Н. В. Представления молодежи о старшем поколении // Молодежь XXI века: образ будущего / Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14-16 ноября 2019 года. / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2019. – 876 с.

Проноза Светлана Валерьевна
НГТУ, Новосибирск, Россия

Выбор семейной формы обучения в России: старые и новые конфликты

Современная российская семья вовлечена в процесс школьного обучения ребенка. У родителей имеется довольно много возможностей выбора: учебного заведения, класса, иногда программы и формы обучения, отдельных учебных курсов. Тем не менее, ряд родителей, не найдя приемлемого для себя варианта, переводят ребенка на семейную форму обучения. В этом случае ребенок обучается вне школы, но обязан проходить итоговые аттестации в каком-либо учебном заведении, имеющем соответствующую аккредитацию. Данная статья посвящена тем новым конфликтам, в которые вовлекается семья, выбирая стратегию по семейному обучению ребенка.

Обучение ребенка в семье имеет наиболее давнюю историю и распространение в США, где выбор семейного обучения зачастую является попыткой разрешения конфликта между традиционными и религиозными ценностями, разделяемыми семьей, и транслируемыми в школьной среде. В нашей стране в 2018/2019 учебном году доля детей на семейной форме обучения составляла примерно 0,1% от всех школьников[2]. Исследователи отмечают негативное отношение учителей и администрации школы к семейному образованию, в том числе в связи с недостаточной проработанностью положений закона Об образовании [1],[4]. Психологи проблематизируют изменение детско-родительских отношений в семье в связи с выполнением родителем несвойственной ему роли школьного учителя[3].

В 2018 году были проведены 24 интервью с родителями, проживающими в Новосибирске и Красноярске и обучающими детей в семье, с целью изучения данных практик.

Были выявлены объективные и субъективные основания для конфликта между школой и такими родителями. Объективные основания

- непроработанность законодательства, отсутствие у школы необходимых информационных и материальных ресурсов - связаны с новизной семейного образования как массовой практики. Субъективные основания связаны с негативным отношением школьного учителя к семейному образованию, отмечаемое исследователями, и негативное отношение родителей к необходимости соответствовать требованиям системы образования. Проблему возможного конфликта со школой часть родителей решает посредством отказа от взаимодействия. Достигается это выбором организации с дистанционным прохождением аттестаций либо отказом от промежуточных аттестаций.

Другая часть родителей вступает во взаимодействие школой, но выбирает для прохождения аттестаций школу по принципу лояльности к семейному образованию. Отмечается, что ряд школ (в лице конкретных учителей и представителей администрации в них) активно развивают семейное образование, формируют ресурсную базу для его реализации.

Имеются и те родители, что не стремятся избегать ситуаций возможного конфликта со школой. В том числе, в связи с тем, что есть школы и учителя, готовые оказывать поддержку конкретным ученикам и их родителям, но не желающие заниматься развитием семейного образования в целом.

Если риск конфликта между семьей и школой осознается научным сообществом, учителями и родителями, то еще один вид конфликта слабо осознается. Он озвучивается как конфликт ролей учителя и родителя. Но родители всегда были учителями для своих детей. Возникает вопрос, что возникает принципиально нового в этой роли при переходе на семейное обучение? В связи с требованием прохождения итоговой аттестации, ребенок, независимо от формы получения образования, должен обучаться в соответствии с государственной образовательной программой. Сама по себе роль учителя своего ребенка для отца и матери традиционна, но в данном случае речь идет не о роли учителя вообще, а именно о роли школьного учителя, то есть государственного служащего. Внутрисемейное совмещение роли родителя и роли государственного служащего не просто изменяет детско-родительские отношения, но может спровоцировать как внутриличностный конфликт у родителя, непосредственно обучающего ребенка, так и внутрисемейный конфликт. Отказ от промежуточных аттестаций (который пока возможен) дает не только избегание конфликта со школой, но и частично избавляет от роли госслужащего. Однако, как показали интервью, многие родители находят большие риски в отказе от промежуточных аттестаций, поэтому не склонны его выбирать.

Указанные основания для конфликтов усугубляются неопределенностью в государственном регулировании семейного образования. Идет диалог родительского сообщества и государства. В данный момент на всеобщее обсуждение на Федеральном портале нормативных правовых актов представлен проект нового «Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам - образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», в котором много внимания уделено и получению образования в семейной форме.

Таким образом, выбор родителями семейного образования для своего ребенка не избавляет от риска конфликта с образовательным учреждением, хотя наработаны пути избегания и минимизации такого риска. Кроме того, родитель, непосредственно занимающийся обучением ребенка, вовлекается в принципиально новый конфликт, порожденный совмещением двух ролей, родителя и школьного учителя - государственного служащего.

Источники и литература

1) Морозов Г. Б. Экстернат как реальный инструмент получения образования: анализ федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс] / Г. Б. Морозов, А. А. Садердинов, И. Н. Тулянкина // Педагогическое образование в России. — 2014. — № 3. — С. 149-157. [Обращение к документу: 16 января 2020]. Режим доступа https://elibrary.ru/item.asp?id=21805104

2) Раздел 2.5. Сведения об обучающихся, окончивших все классы, и переведенных в следующий класс или окончивших выпускной класс // Форма ОО-1 на начало 2018/2019 учебного года по субъектам РФ (город+село) (ГОУ+НОУ), [Электронный ресурс]/Единая информационная система обеспечения деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации.[Обращение к документу: 10 января 2020] Режим доступа http://eis.mon.gov.ru/education/SitePages/Общее%20образование-Формы_2018-2020.aspx

3) Поливанова К.Н. Семейное образование в России и за рубежом [Электронный ресурс] / Поливанова К.Н., Любицкая К.А. // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 72–80. [Обращение к документу: 19 января 2020]. Режим доступа http://psyjournals.ru/files/86638/jmfp_2017_n_2_Polivanova_Lyubitskaya.pdf

4) Якунина, А. Н. Педагогические условия становления семейного образования в России: культурно-исторический подход: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. педагог. наук: спец:13.00.01/ Якунина А.Н. Москва, 2014

Радченко-Драяр Светлана Васильевна
Сорбонна, Sorbonne Paris City University (Paris 7), Париж, Франция

Conflicts of their complicity: analysis of origins and implications in human and social activity

The very essence of man's existence is constituted from impulses, which are of a similar order in all human beings and aim at the satisfaction of primal desires in permanent latent or manifest conflicts. In this sense, Freud in his psychoanalytic theory introduced the great opposition between death instincts and life instincts that is the basis of conflict theory. Freud writes: "If civilization is a necessary course of development from the family to humanity as a whole, then as a result of the inborn conflict arising from ambivalence, of the eternal struggle between the trends of love and death..." [1, p.133]. For Freud, the functioning of the mental apparatus and the essence of conflict can be known through a three-pronged approach: a) dynamic, one aimed at the study of unconscious conflicts; b) economic, one which aims to define the forces involved and the power of meaning; c) topical, the one that describes the relationship between instances: Unconscious, Preconscious and Conscious. The origins of conflicts are, therefore, the consequences of the opposition of conflicting internal and external impulsions. In "The Ego and the Id", Freud writes "The way in which the super-ego came into explaining how it is that the early conflicts of the ego with the object-cathexes of the id can be continued in conflicts with their heir, the super-ego"[2, p.13]. He submits to the categorical imperative of the overmen, which is formed from internalized parental prohibitions. The super-ego carries educational requirements and represents the social part of the identifications. In this conception, Freud advances also the idea of the presence in the unconscious of the individual traces of his childhood but also traces of the childhood of all humanity. For Lacan, the essential identification is identification with the father, in the last stage of the Oedipus complex. Lacan introduces so the question of the father into the registers of the Symbolic, the Imaginary and the Real. Based on a founding myth of paternal function in the Freudian essay "Totem and Taboo", Lacan calls "This meaning the Name of the Father and its function, therefore, concerns castration for the child" [3, p.577].

I think that it is according to the norms that achieves the socialization of the individual since his birth in the family and which goes through intrinsic adherence (where the norm is felt like an intimate requirement of the super-ego) and extrinsic adherence (where the individual seeks his protection in a guide to behavior, in laws, in collective thought). From my point of view is introduced the timeless dialectic principle that will direct the ontogenesis of all civilization: namely that every individual is torn between two conflicts: on the one hand to form "like one" (being in society) and on the other hand, preserve the “personal particularities of the one”. Therefore, it must be remembered that at the base of any political power the essential phenomenon of ideology, economy and social policy in the differentiation between members by the degree of the individual’s access into the social universe (family, society, political group, country, humanity). For Freud, the prohibitions and deprivations affecting instincts manifestations mainly concern certain groups or classes, and these develop a strong hostility towards civilization. In this sense, society consists, on the one hand of "privileged" and on the other hand, of "disadvantaged" who are in permanent conflict. Since Sorokin’s work “Social mobility” (1927) the issue of social mobility has been part of social stratification which is also at the origin of various conflicts. “Stratification expresses “something that really exists in the social universe, including domination and subordination, authority and obedience, promotion and degradation” [4, p.8]. Sorokin claimed also that “the social status is calculated based on the following concepts: family status, nationality, religious group, occupational group, political party, economic status, race, and finally the relative person of the individual within each of these groups” [4, p.7]. In accordance with these theories, my scientific research has studied the conflicts at different interdependent levels and their implications on interactions”:1) at the intrapersonal level (between contradictory or mixed instincts to satisfy needs), 2) at the intersubjective level (between family members, colleagues, etc.), 3) at the intragroupal level (between privileged and disadvantaged members), 4) at the intergroupal level (between different groups in the structural hierarchy of political power),5) at the international level (between Us/unity of the national identifications and Them/unity of the national identifications of others countries) [5, p.445]. In conclusion, in the resolution of the conflicts where problems of rejection of its recognition of various identifications and identities, it is necessary to encourage the study of these causes and consequences, of the social dialogue and the continuation of the negotiations at all relevant levels.

Источники и литература

1) Freud S. Civilisation and Its Discontents (1930) // In: J. Strachey. The Standard Edition of Complete Psychological Works of Sigmund Freud, vol. XIX, London: The Hogarth Press, 1962
2) Freud S. The Ego and the Id (1923) // In: J. Strachey. The Standard Edition of Complete Psychological Works of Sigmund Freud, vol. XIX, London: The Hogarth Press, 1962
3) Lacan J. Ecrits I, II (1961-1962), Paris: Édition du Seuil, 1999
4) Sorokin P. Social Mobility New York: Harper, 1927
5) Radtchenko-Draillard S. L'étude psychanalytique de la résolution des conflits dans les interactions internationales et la négociation. Thèse de Doctorat en Psychologie : Paris : Sorbonne Paris Cité-Université Paris Diderot, 2016

Ринчинова Саяна Баировна

Бурятский институт инфокоммуникаций и информатики СибГУТИ, Улан-Удэ, Россия

Проблемы сохранения религиозных традиций в современной бурятской семье

Религиозные традиции приобрели большое значение в современной бурятской семье, охватывая почти все стороны жизни бурят. Рождение детей, свадьбы, болезни и смерть, начало или окончание значимых событий и хозяйственных работ - все это сопровождается обрядовыми и ритуальными действиями. Семья в социальном устройстве всех народов существует как институциональная форма организации общества. В современном обществе бурятская семья под влиянием процессов глобализации приобретает новые характеристики и отношение к религиозным традициям. Рассматривая типологию семейных структур, мы видим, что характеристики определяются по следующим признакам: количественному составу, характеру супружеских отношений, степень однородности супругов по национальности, социальному статусу, классовой принадлежности, уровню образования, профессиональной деятельности, возрасту и т.п. Современная бурятская семья основана на моногамном супружестве, по принципу кровнородственных связей - экзогамии. По мнению ученых у бурят встречаются: патриархальный тип, нуклеарный тип, детоцентристский тип, синкратический тип партнерской семьи, автономный и

коллегиальный типы семей и т.д. [1, 2, 3, 5] Патриархальность характерна для всех семейных отношений в традиционном бурятском обществе, считает К. Д. Басаева. [1].

В современной городской и сельской бурятской семье на современном этапе также по нашему мнению преобладают патриархальные устои. Вместе с этим, по данным исследований Э. В. Гылыковой «В бурятских городских семьях в большей степени превалирует партнерский тип семейных отношений с доминированием влияния мужа» [3, с. 125]. При этом в современной бурятской семье наблюдаются эгалитарные отношения, когда первенство переходит от мужа к жене и наоборот в зависимости от сложившихся семейных обстоятельств. Таким образом, бурятская семья в исторической ретроспективе представляет собой переход от родового уклада, затем приобретая сельский образ жизни, преобразовывается в современную городскую семью. Исторически современная бурятская семья выполняет все функции, свойственные ей - социальную, адаптационную, репродуктивную и т.д. Современная бурятская семья отражает повседневный урбанистический образ жизни, сохраняя при этом национальные ценности и религиозные традиции в зависимости от вероисповедания. В основном в бурятских семьях соблюдаются традиции шаманизма, буддизма, христианства.

В процессе трансформации свойственные всем традиционным семьям традиции становятся синкретическими, отражающие потребности современных бурят, в зависимости от места жительства, образа жизни и т.д. Так, идет процесс ассимиляции, уменьшается количество детей, меняется образ жизни и многое другое. Под влиянием социальных, экономических, культурных и других процессов в бурятской семье соблюдаются цивилизационные параметры деятельности, вместе с этим идет процесс активизации сочетания религиозных традиций с современными технологиями. Например, трансляции религиозных молебнов сочетается с чтением молитв (шаманских, буддийских, христианских) в домашних семейных условиях. В последние годы продолжается процесс возрождения традиционных буддийских обрядов в современной бурятской семье. [5, с. 9].

Вследствие единого процесса семейных молебнов формируются основы ценностного этнического и религиозного сознания. [4]. На селе в бурятских семьях практически не утрачены буддийские традиции, сочетающие шаманские и христианские ценности в единой ритуальной системе. В городской среде в процессе глобализации религиозные традиции приобретают синкретическое значение независимо от вероисповедания. Причиной является повсеместная унификация образа жизни и высокий

технологический прогресс, влияющий на динамику образа жизни современных бурят. Сегодня в современной бурятской семье бурят наблюдаются процессы проведения практически всех буддийских молебнов, связанных с хозяйственной и профессиональной деятельностью; с рождением и воспитанием детей; с семейной жизнью; с почитанием предков; с общественной и образовательной деятельностью; с болезнью и смертью. Буддийские традиции в повседневной жизни бурятской семьи посвящены конкретным божествам и духам. В зависимости от характера и сложности устройства обряды жертвоприношения назывались поразному: дуhаалга, хаялга, залил, хэрэг и т. д. Издавна в систему семейных обрядов входили всевозможные запреты и ритуально-символические действия, определявшие взаимоотношения в семье и обществе. Обязательными атрибутами религиозного буддийского обряда до сегодняшнего дня являются: богородская трава и пихтовая корка для «очищения» присутствующих, вина и съестного; в каждом конкретном случае приготовлялись какие-нибудь вещи - волосяная веревочка (зэлэ), ленточки или кусочки разноцветных материй (залама, дэрбэлгэ) и прочие сопутствующие элементы буддийских традиций. Почти в каждой семье сегодня мы видим, такие элементы буддийской символики. В буддизме социальный статус верующего определяется его кармой, т.е. его деяниями в предыдущих жизнях, при этом каждый человек способен изменить свою карму, каждый может стать просветленным и достичь избавления от страданий как Будда. В буддийской философии рождение в человеческом облике дает ему возможность улучшить свою карму. Многочисленные трактаты буддизма проповедуют любовь к человеку, доброту, великодушие и другие нравственные идеалы. А.Н. Дамбаева пишет, что «Буддийская этика призывает человека к активной духовной деятельности в течение земной жизни... его деяниями в предыдущих жизнях» [6, с. 48]. Поэтому, повседневное исполнение буддийских традиций, особенно важны для религиозной бурятской семьи. Буддизм также переосмыслил родоплеменную идею культа предков в шаманизме, общую идею рождения в идею перерождения души. Например, карма (уйлын урэ) понимается как судьба, или как кара или награда за грехи или добродетели родителей, и всех поколений предков. Осуждая человека за плохие поступки, люди говорили, он «для своих потомков готовит плохую судьбу», предрекая не просто мучения, а плохое перерождение [7, с. 99]. Буряты трепетно относятся к идее перерождения, и в повседневной жизни часто используется обращение к членам семьи для ограждения от плохих поступков. Именно поэтому в повседневной жизни стал популярным среди семейных традиций бурят «Зурхай» - астрологический календарь монголо-

язычных народов, имеющий древние объяснения происхождения мира и природы, взаимосвязи природных и общественных явлений. В основе «Зурхай» положено диалектическое учение «Арга и билиг», согласно которому материальный мир состоит из пяти первоэлементов: огня, земли, железа, воды и дерева. «Зурхай» отражает взаимосвязь всего живого с гелиогеографическими явлениями. Человек рассматривается в «Зурхай» как неотъемлемая часть космоса. «Человек существует в сложном взаимодействии с природой. От мига зачатия в чреве матери и до смерти он находится под влиянием 12 звездных миров, созвездия Большой медведицы, 7 планет Солнечной системы и 28 звезд. Жизнь человеческая вращается в пространстве Времени, дней, месяцев, 9 годовых знаков лунного календаря, 12 Благопричин, 12 знаков зодиака» [8, с. 4]. На основе года, даты, часа рождения современные ламы определяют даты свершения наиболее значимых моментов в повседневной семейной жизни человека, свадьба, похороны и др. Поэтому «мэнгэ» (астрологический знак года рождения) у бурят имеет важное значение в жизни человека, при этом в истинный возраст включается время внутриутробного развития путем прибавления одного года. Сегодня люди все чаще обращаются для решения сложных жизненных задач к ламам-зурхайша (ламам-астрологам). Определяют совместимость по гороскопу, день для важных встреч, решения сложных вопросов и т.д. Например, совместимость в браке молодых. Свадьба назначается в период новолуния или полнолуния, символически даруя полную жизнь молодым супругам. Год рождения «жэлээ оруулха» (вхождение в год своего рождения) повторяется через каждые 12 лет. [8]. Он считается наиболее опасным и рискованным годом его жизни, так как именно в этот период его может настигнуть возмездие за греховные поступки, совершенные им в течение всей его жизни. Поэтому, человек, вступающий в год своего рождения, должен неукоснительно соблюдать моральные заповеди буддизма, творя добродетели и не совершая греховных поступков в течение всей жизни. В современной бурятской семье наблюдается возрождение поклонения богам, установленных в домашних алтарях, гунгарбаа - алтари (шкаф со стеклянными дверцами, установленный на северо-западной стороне дома по направлению к югу). На алтаре возжигается лампада для продления долголетия, здоровья и т.д., там же размещаются статуэтки и фотографии с изображением божеств. Например, дарующего долголетие - Аюши Бурхана или Амитаюса, богатство - Намсарая, милосердие и сострадание - Авалокитешвары или Арьяа Балы, здоровье - Сагаан Дара Эхэ (Белой Тары), которая символизирует просветленную активность всех будд, Ногоон Дара Эхэ (Зеленой Тары), богиня Буржил Лхамо, дарую-

щей детей, Манджушри - покровителя знаний и мудрости и Ваджрапани, представляющего собой силу преодоления препятствий. Статуя Сагаан Убгэна (Белого Старца) - покровителя, хозяина всего живого на земле. [9]. Согласно легенде Будда Шакья-Муни встречался с Сагаан Убгэном. Сагаан Убгэн обычно изображен среди традиционных символов «долгой жизни» - оленя, персикового дерева, журавля, скалы, воды, сосны. Он почитаем как хозяин земли, лесов, рек, скота. Изображение Белого Старца можно увидеть на танка (тканевых рисунках), на которых он сидит под плодовым деревом на фоне холмистого пейзажа среди различных зверей и птиц. Обычно белый старец одет в традиционную бурятскую одежду - дэгэл. В левой руке он держит посох, в правой - четки. Сегодня в семейных повседневных бурятских традициях сохраняется и способ поклонения, сначала следует соединить ладони и согнуть два больших пальца внутрь, как бы «приглашая будду сесть на этот «вымышленный трон»». Сложенные руки следует поднять над головой, чтобы показать свое намерение воспарить в гандэн - область всесовершенных будд. Прикладывая руки ко лбу, мы молимся о том, чтобы очиститься от грехов и страданий. Поднося руки к горлу, мы просим о том, чтобы наши действия очистились сознанием. Также среди верующих бурят популярна мантра «Ум Даре Дудари Дуре Суухаа», часто используется верующими с просьбой о помощи даровать здоровье, любви, удачи, при этом в молитве имеется второе значение, просьба о долгой жизни не только нам, но и всем живым существам. В повседневной жизни люди обращаются к буддийским божествам, не столько за верой, сколько за избавлением от жизненных проблем. Семейные проблемы у бурят связаны со всеми родственниками, не только близкими, но и дальними. Поэтому буддийские традиции сопровождаются обращением не только к конкретной помощи, также помощи всем родственникам и живым существа. Одним из самых известных божеств является бодхисатва Авалокитешвара (санскр. - владыка зрящий) [9], чьим земным воплощением на сегодняшний день считается Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. В семейной традиции бурят проявлять сострадание - это ощущение страданий других существ и желание, чтобы они освободились от любой боли. По рекомендации лам в семьях практикуется повторение мантры сострадания, что благотворно отражается на душевном и на физическом состоянии людей. И в повседневной жизни часто встречается положительные эмоции по реализации каких-либо просьб к буддийским божествам. В бурятской семье, когда наступает кризис материальный или духовный человек обращается к истокам буддизма, неважно какому главная задача обрести душевный покой или получить заветное исполнение желаний.

Если в семье все хорошо, буряты также обращаются к буддизму. Так как стремятся сохранить традиции во всех сферах деятельности, в том числе и в повседневной жизни, сохраняя положительные мотивы бытия в реальной жизни. Буддийские традиции в современной повседневной жизни бурят, объединяют людей в их практических делах, помогают выработать единый, непредвзятый взгляд на события и явления. Религиозные традиции являются основой бурятского менталитета. [10]. Именно семья сплачивает и создает условия для преемственности национальных ценностей и соблюдения буддийских традиций, фиксируя общность интересов, уважительное отношение друг к другу, к человеку и обществу. «Современные традиции, отражающие идентификацию бурят связаны в основном с бытовыми традициями» [11, с. 144]. Именно в быту в повседневности семьи идет процесс преемственности буддийских традиций.

Методом включенного наблюдения, мы приходим к выводу, что религиозные традиции сохраняются несмотря ни на что на протяжении многих веков. Преемственность религиозных традиций необходима бурятскому этносу для консолидации и сохранения национальной целостности, независимо от вероисповедания. Религиозные традиции в современной бурятской семье сохраняют целостность этноса, создавая основы сущности и смысла жизни, что очень важно в век глобальных трансформаций.

Источники и литература

1) Баева К.Д. Семья и брак у бурят. – Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во. 1991. – 192 с.

2) Цоктоева Р.Ю. Структура бурятской патриархальной семьи и трансформация внутрисемейных связей в современной культуре бурят // Вестник бурятского государственного университета. 2012. – № 6-1. – С. 248-251.

3) Гылыкова Э.В. Современная бурятская городская семья: функции, структура (социологический анализ): дисс. на соиск.уч.ст.соц.н. по специальности: 22.00.04 - Социальная структура, социальные институты и процессы. 2000. – 146 с.

4) Санжеева Л.В. Роль семьи в формировании этнокультурного компонента ценностного сознания // Реальность этноса: Глобализация и национальные традиции образования в контексте Болонского процесса: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2005. – С. 433-436.

5) Батомункуева С.Б. Возрождение социокультурных традиций в современной городской бурятской семье: автореф. на соиск.уч.ст.к.соц.н. по специальности: 22.00.04 - Социальная структура, социальные институты и процессы. – Улан-Удэ. 2006. – 16 с.

6) Дамбаева А.Н. Буддийские принципы в традиционных представлениях бурят / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – №7(21). Ч.III. – С. 47-50.

7) Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 115 с.

8) Зурхай. Древняя тибетская астрология или предсказания судьбы. – Набережные Челны: «Издатель», 1991. – 32 с.

9) Буддизм: Словарь. – М: Республика, 1992. – 287 с.

10) Санжеева Л.В. Религиозная картина мира как конструкт формирования целостности картины мира и этнической идентификации бурят // Мир психологии. 2006. – № 3. – С. 254-260.

11) Самбуев Д.Б. Традиции в современной культуре бурят // Артосфера: Культура. Искусство. Образование: Сборник статей международной научно-практической конференции. – СПб.: Астерион, 2018. – С. 138-147.

Рубанов Анатолий Владимирович

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Отношение к здоровью и самосохранительное поведение (на примере жителей г. Минска)

По результатам многих социологических опросов, ценность здоровья стабильно занимает ведущую позицию в иерархии жизненных ценностей человека. И хотя действия людей далеко не всегда способствуют его сохранению, на примере жителей г. Минска, можно говорить о формировании у части населения реальных практик самосохранительного поведения.

Так, доля отличных и хороших самооценок здоровья намного выше у тех, кто постоянно или хотя бы периодически занимается ради поддержания здоровья физическими упражнениями. Физически активный

образ жизни, которым отличается примерно третья часть минчан, проявляется в двух основных формах. Для старшего поколения это, прежде всего, физический труд, чаще на дачном и приусадебном участках. Для людей более молодого возраста - физическая культура и спорт. Регулярно ими занимаются около 20%. По возрастным группам число любителей физических упражнений распределяется следующим образом: до 30 лет - около 30%; от 31 года до 50 лет - около 15%, старше 50 лет - примерно 10%.

Каким видам оздоровления, физкультуры и спорта люди отдают предпочтение? Чаще всего пешим прогулкам - примерно 50% (из тех, кто достиг пятидесятилетнего возраста, таких около 75%). Парную баню, сауну любит примерно треть населения, плавают около 25%, ездят на велосипеде 20%. Есть любители закаливания, туризма, игровых и других видов спорта, как летних, так и зимних. Среди молодежи весьма популярными становятся разнообразные занятия в тренажерных залах.

К сожалению, эти в целом позитивные ориентиры часто не реализуются из-за ряда причин. Прежде всего, судя по ответам людей, в связи с загруженностью повседневными заботами и, как следствием, нехваткой времени. Сказывается личная неорганизованность. К тому же не всем регулярные посещения бани, бассейна или тренажерного зала «по карману». Имеет значение также определенный дефицит физкультурно-оздоровительных объектов, в первую очередь, это касается бассейнов и обустроенных открытых водоемов.

Осознание высокой значимости здоровья для активной жизнедеятельности часто сопровождается принятием мер защиты от возможных рисков и вредных привычек, самосохранительным поведением в повседневной жизни. Примерно 80% населения занимается различными способами профилактики заболеваний. 20% принимают витаминные комплексы. Каждый второй старается не злоупотреблять алкоголем и табакокурением. Из курящих настроены избавиться от табакозависимости примерно 40%. В качестве оправдания своего поведения они указывают на незнание эффективных методов избавления от данной вредной привычки, недостаток волевых качеств, неумение преодолевать стрессовые ситуации другими способами.

По их собственному признанию, в стрессовые ситуации постоянно попадают почти 10%, довольно часто - около 30%. Способы, применяемые людьми для преодоления стрессовых ситуаций, существенно различаются. До 40% стараются их избегать, 30% отвлекаются с помощью работы, каждый четвертый старается чаще отдыхать, в том числе на природе.

Сравнительно немного тех, кто пользуется специальными медицинскими препаратами (до 10%) или психологическими методами (7-8%).

Серьезной проблемой для части людей становится избыточная масса тела. Обеспокоен своей полнотой каждый десятый, несколько выше такая обеспокоенность у женщин. Еще примерно 30% эта проблема беспокоит время от времени, судя по всему в зависимости от колебаний массы их тела. В том, что к нему эта проблема не относится, уверен только каждый четвертый. Разумеется, что с возрастом тема лишнего веса становится для многих более актуальной. С проблемой избыточной массы тела тесно связана тема культуры питания. За тем, чтобы питание было сбалансированным, здоровым, регулярно следит каждый пятый опрошенный. Женщины в этом вопросе особенно щепетильны.

Действия по профилактике и восстановлению здоровья выражаются также в своевременном обращении за квалифицированной медицинской помощью, ранней диагностике и эффективном лечении заболеваний. Однако заявляет о том, что обращается за помощью к врачу сразу после того, как почувствует недомогание, только каждый третий опрошенный, проходит регулярные медицинские обследования - каждый шестой-седьмой.

Анализ причин несвоевременного обращения к медицинской помощью показал, что, расположенные по убыванию частоты упоминаний, они включают следующие: ссылки на отсутствие уверенности в квалифицированной медицинской помощи, надежду на то, что болезнь пройдет сама, склонность к самолечению, дефицит свободного времени, недостаточное внимание, по собственному признанию людей, к своему здоровью в суете повседневных дел, а также недостаток финансовых ресурсов для оплаты эффективного лечения.

Рудковская Анастасия Владиславовна
Госпиталь для ветеранов войн №2 ДЗМ, аспирантка Московского государственного института международных отношений МИД России, Москва, Россия

Мотивы самосохранительного поведения

Понятие здоровья сегодня подменено симулякрами здоровья. Здоровый вид кожи достигается различными инъекциями, румянец на щеках рисуется, мышечная масса наращивается с помощью пищевых добавок, а лишний вес убирается с помощью операционного вмешательства. Мы

смело можем разделить два важных понятия - быть здоровым и казаться здоровым. Проанализируем обращение к здравоохранительным практикам людей с помощью методологии диагностики девиации Р.Мертона. Первый тип людей это те, кто в случае болезни признают данный факт и обращаются к институциональным здравоохранительным практикам, - это конформисты. Второй тип предполагает инновационный подход, например, обращение к остеопатам или сеансы иглоукалывания, которые не входят в понятие институционной практики на территории России. Третий тип обратится в органы здравоохранения, но только потому, что делал так всегда, отношение к самой сфере здравоохранения - негативное. Четвертый тип откажется признавать статус болезни и не будет никуда обращаться. Пятый бунтарский тип предложит свою новую концепцию здравоохранения, например, систему дополнительного медицинского страхования.

В контексте разбора практик самоорганизации и обращения к здравоохранительным институтам интересно проанализировать в том числе и мотивы обращения людей за помощью, оказывающей воздействие на здоровье. Чаще всего о здоровье вспоминают, когда с ним становится что-то не так, иллюстрация тому русская пословица, что пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Со стороны обывателя здоровье состоит из так называемых мелочей, например, из хорошего сна, аппетита, физических возможностей.

Можно сказать, что данные "мелочи" представляют собой уровень, отвечающий за физиологию, по шкале потребностей А.Маслоу. Сама пирамида представлена как иерархия потребностей, вершины которой достигает далеко не каждый. Основание пирамиды - доступ к питанию, лечению. Далее следуют потребность в безопасности, в участие в коллективе, в уважении (признании) и саморазвитии. Сегодня популярно заниматься подменой понятий: забота о своем здоровье трактуется чаще всего как проявление саморазвития, хотя это в большей степени реализация именно базовых потребностей, прежде всего физиологических.

Так, с появлением симптомов различных заболеваний страдает именно базовый - физиологический уровень. Оказавшись в такой ситуации, человек постоянно думает только о своем самочувствии, которое ограничивает его другие потребности и возможности реализации.

Следующая после физиологической потребности идет потребность в безопасности. В общественном контексте она нарушается, когда в информационное пространство поступают данные о массовых заболеваниях, которые могут быть угрозой каждому. На индивидуальном уровне

ощущение безопасности подрывается в первую очередь, когда рядом находится заболевший человек.

Кроме того, здоровье является и социальной потребностью. В данном контексте понятия «болен» и «здоров» скорее воспринимаются как стигмы. Для здорового общества нежелательны больные люди, пример тому история Спарты. Тем временем, прошла не одна тысяча лет, сегодня развитые страны все чаще говорят об инклюзивном пространстве, предполагающем равные возможности для развития как здоровых людей, так и нет.

Наконец, вершина пирамиды потребностей - саморазвитие, безусловно, включает в себя понятие здоровья. Сегодня различные спортивные и духовные практики направлены на развитие здорового духа, например, йога, пилатес, лечебная физкультура. То есть здоровье в данном контексте воспринимается еще и по психологическим критериям.

Проблема заключается в том, что нормой с обывательской точки зрения считается обращение к врачу только по факту появления симптомов, в то время как с врачебной точки зрения нормой является ежегодная проверка состояния здоровья, то есть диспансеризация или check up. Примечательно, что медицинские нормы расходятся с предоставленными государством возможностями. Так, по показаниям врачей офтальмологов лицам старше 40 лет нужно два раза в полгода мерять глазное давление для того, чтобы избежать возникновения глаукомных процессов. Тем временем, сама диспансеризация, предполагающая посещение врача офтальмолога, возможна в рамках бесплатной медицинской помощи, то есть общего медицинского страхования, не чаще раза в год.

Таким образом, можно отметить наличие нескольких принципиальных противоречий, которые вытекают, прежде всего из разницы в понятии здоровья в мировозренческой концепции врача и пациента (по умолчанию пациентом может стать любой индивид): различия в понятии «нормы» здоровья; разница в определении диспансеризации.

С точки зрения большинства жителей, здоровье - все же физиологическая потребность или потребность в безопасности. А вот грамотный подход к здоровью скорее воспринимается в обществе как потребность в саморазвитии, а не в обеспечении своих потребностей. То есть, что с медицинской точки зрения является нормой и базисом, с обывательской точки зрения является высшим проявлением заботы о себе.

Источники и литература

1) Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. - М.: Добросвет, 2000.

2) Кравченко, С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С. А. Кравченко. – М.: Анкил, 2009.

3) Мертон, Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М. : МГУ, 1994.

4) Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2001

5) Фролов С.С. Социология организации: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2001. – 384 с.

Савенкова Анна Алексеевна

Курский Государственный Университет, Курск, Россия

Проблематика феномена материнства в социологической науке: концептуализация понятия в гендерном подходе

Материнство - биологическая функция женщины, которая считается традиционно одной из самых значимых и потому актуальной для исследования [1]. Правда, постепенно от анатомических и биологических определений материнства ученые и исследователи стали переходить к рассмотрению материнства как психологического и социологического феномена. Сформировалось достаточно большое количество подходов к определению этого понятия и среди них обозначился гендерный подход.

В социологической науке многие исследователи обращались к вопросу материнства. Г.Г. Филиппова обозначила тот факт, что материнство - это особая личностная сфера женщины, и она имеет как философскую, так и онтогенетическую функцию. Женский организм наделен особым мышлением и сознанием, а также инстинктами, и стать матерью - один из них. В материнстве женщина в большей степени ориентирована на рождение ребенка, на его последующее воспитание. К тому же, становясь матерью, женщина тут же обретает ответственность, социальную роль в обществе и стремится ей соответствовать [2].

Таким образом, материнство трансформировалось в естественную потребность женщины. Но ей непросто справиться со сложным выбором между материнством и иными жизненными перспективами, которые в XXI веке открыты для нее. Связано это с тем, что женщины постепенно избавились от ограничений, и особую роль в этом сыграли феминистские направления. Как отмечает О.Г. Исупова феминистский подход Е.А. Каплан, М.М. Каплан и Э. Оаклей определил материнство как

существенную, но не всегда обязательную часть жизни женщины[3]. В данном случае решение и ответственность находятся целиком в ее руках. Если женщина осознает, что материнство перестало быть для нее главной перспективой и целью и что она хотела бы реализовать собственный женский потенциал в иных жизненных стратегиях - в современном обществе она не столкнется с препятствиями.

Рассмотрим анализ феномена материнства с точки зрения гендерного подхода. Само понятие «гендер» сформировалось в 70-е годы XX века. Изначально им оперировали социологи и психологи на Западе, но постепенно оно обрело совершенно иной смысл, в том числе и в отечественной науке. Половая принадлежность индивида, социокультурные аспекты его деятельности в соответствии с полом - это именно то, на что обращали внимание исследователи, рассматривая человека с точки зрения гендерного подхода.

В любой сфере гендерный подход предполагает значимые различия, существующие между мужчиной и женщиной, их психологическим состоянием и социальными ролями, деятельностью. В отношении материнства исследователи, среди которых Т.В. Бендас и Ю.П. Лежнина, понимают гендерность как выполнение конкретных социальных предписаний. Они соответствуют полу индивидов, их манерам, стилю одежды, поведению. Психология женщины выходит на первый план - она определяется ее физиологическими особенностями и общим состоянием. Естественно, с анатомической точки зрения любая женщина имеет заложенную в ней способность стать матерью, родить ребенка, воспроизводить потомство, давать ему воспитание и способствовать социализации личности на различных этапах ее развития. В воспитании принимают участие и отцы, но при этом они не испытывают того ощущения в вынашивании ребенка, не имеют той связи конкретно на физиологическом уровне. Соответственно, у женщины в этом плане с гендерной точки зрения гораздо выше роль и ответственность.

От женщин как раз в большей степени ожидают осуществление материнской функции, а также домашнего обслуживания семьи, мужчины. Конечно же, в условиях современности данные предписания постепенно трансформируются, да и отношение самих женщин к материнству заметно усложняется и изменяется[4]. Ощущая новые возможности в образовании, карьерном росте, самоактуализации, реализации своих целей и потребностей, женщины меняют свое отношение к материнству. Они понимают, что теперь их жизнь вовсе не зациклена исключительно на деторождении и желании быть домохозяйкой. Таким образом, возника-

ют совершенно новые социальные ожидания от женщины, и вместе с ней трансформируются и общие социальные взгляды.

По сути, гендерный подход стал одним из первых и принципиально новых в рассмотрении проблемы родительства в целом и, в частности, ключевых проблемных зон материнства. Интерес представляет структурированность материнства, его феноменальность и сложность. До сих пор исследователи в области социологии и социальной психологии продолжают исследовать материнство как трансформирующуюся сферу, изучать ее основные подвижки и изменения. Но остается постоянным факт того, что материнство по-прежнему значимая функция женщины, которая реализуется или самостоятельно, или под влиянием общественных установок и штампов.

На сегодняшний день гендерный подход остается одним из актуальных. Поначалу исследователи выявили проблемное поле, которое состояло в том, что по причине многих изменений в современном обществе роль материнства стала трансформироваться, и дело уже не в гендерном подходе и в рассмотрении материнства с точки зрения половой принадлежности: на данную роль оказывают воздействие множество обстоятельств: социально-экономическая ситуация в государстве и сообществе, идеологические взгляды на те или иные события и явления. Таким образом, материнство действительно трансформируется, но при этом рассматривают его уже немного обособленно от самого гендерного и иных подходов.

Приоритет матери в родительских отношениях не поддается никаким сомнениям, причем в воспитании ребенка любого пола. Женщины приспособлены к выполнению биологических функций, и материнство для них имеет очень большое значение. Но вопрос состоит в самостоятельном, личном выборе женщины в том, стать ли ей матерью или все же отказаться от данной биологической функции в сторону самоактуализации и реализации своего личностного потенциала. С точки зрения многих авторов, материнство будет и далее трансформироваться и видоизменяться, будут возникать новые направления, которые окажут серьезное влияние на взгляды женщины относительно своей материнской роли и функции.

В целом, сегодня среди таких направлений выделяются представители чайлдфри (самостоятельно отказавшиеся от добровольного материнства и родительства в целом) и про-лайферы (те, кто выступает полностью против того, чтобы отказываться от родительства и считают, что рождение ребенка - основное событие в жизни любого человека, к которому он обязан стремиться на протяжении своей жизни).

Источники и литература

1) Савенкова А.А. К вопросу о ценности материнства в представлениях современных девушек // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Вологда, 25 марта – 2 апреля 2019 г. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. С. 278–282.
2) Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
3) Исупова О.Г. Социальный смысл материнства в современной России. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/597/180/1217/011.ISSOUPOVA.pdf (дата обращения: 13.12.2019 г.)
4) Боев М.Д., Андриянова Т.В. Особенности состояния института семьи в современном российском обществе // «Актуальные проблемы современной науки». Сборник научных трудов по материалам Международной научно-методической конференции 24-25 мая 2019 года, г. Владикавказ. 2019. С. 73–77.

Савинов Леонид Иванович

ФГБОУ ВО МГУ им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Отношение государства к самосохранительной функции семьи

Любому живому сообществу самосохранительная функция присуща инстинктивно. Общеизвестная и социально-биологическая сущность термина как социокультурная ценность, выраженная в индивидуально-общественной значимости сохранения себя и своей семьи. В. И. Даль понимал под понятием «сохранять, сохранить что, сберегать, соблюдать, хранить, беречь, блюсти, держать в целости; схоронить, спрятать надежно [2, с.254]. Практически аналогичное понимание данного понятия имеется у С. И. Ожегова «сохранить - сберечь, не дать кому-чему-н. пропасть, погибнуть, или потерпеть ущерб»…сохранно - В целости без порчи» [3, с. 692].

Самосхранительная функция семьи в своих реалиях относится к самопроизвольным изменениям, к самозащитному поведению и по своей

сущности рассматривается в относительном противопоставлении тем изменениям, которые происходят под влиянием внешних по отношению к семье факторов, преимущественно связанных с политикой государства.

Самосохранительная функция семьи включает в себя сохранение семьи, ее целостности собственными усилиями и способами; самосохраняя семью, её общение и её единство каждый член семьи одновременно самосохраняет и себя и других близких ему людей.

Платон в своих законах уделял внимание самосохранительной функции семьи. «Человеческий род по природе своей причастен бессмертию, всяческое стремление к которому врожденно каждому человеку. Именно это заставляет стремиться к славе и к тому, чтобы могила твоя не была безымянной. Ведь род человеческий тесно слит с совокупным временем; он следует за ним и будет следовать на всем его протяжении. Таким-то образом род человеческий бессмертен ибо, оставляя по себе детей и внуков, род человеческий благодаря таким предложениям остается вечно тождественным и причастным бессмертия»[4, с.195].

Результаты самосохранительной функции семьи имеют не только личностно-индивидуальное значение, естественно от них зависит социальный институт семьи, сплоченность супружества и родительства.

Семью в своей исторической эволюции необходимо отнести к тем редким социальным институтам, которые принимали непосредственное участие в становлении и в развитии других социальных институтов, в том числе изначально именно семья была истоком появления государства. Сегодня, по мнению З. Баумана, общество все чаще сталкивается с возрастающим бессилием социальных институтов, которое разрушает интерес к общественным проблемам [1, с.136].

Развитие индустрии, образования, урбанизации, мобильности населения, возрастающая открытость миру - данные общемировые глобальные тренды привели к новым, реально распространяющимся социально и индивидуально значимым процессам, таким как: повсеместное проникновение одного социального института, более молодого, каким является государство, в жизнедеятельность другого, ранее сформировавшегося социального института, каким является семья; в результате один социальный институт приватизирует другой социальный институт. Как следствием данного явления социальные институты становятся эгоцентричными.

Всемирно известные ученые А. Карлсон, Б. Рассел, Ф. Фукуяма предупреждают о невосполнимых потерях для общества, вследствие приватизации институтом государства функций института семьи.

Реальность родительства сегодня такова, что без государственной системы социального обеспечения невозможно представить жизнедеятель-

ность семьи. Люди ждут помощи от государства. Однако более внимательное рассмотрение взаимосвязи, с одной стороны, институтов семьи и родительства, а с другой - института государства, показывает, что государственная система социальной защиты не решила глубоких социальными проблем семьи и родительства[6, с.314-315].

В условия современной российской социокультуры, когда одни вознесены, а другие не привлечены, когда идет процесс накопления негативных мутаций у отдельных слоев и семей, когда идет процесс обмена семейных ценностей на удобства. Социальному институту семьи крайне сложно выполнять самосохранительную функцию.

В России вопрос о соотношении демографических интересов общества и репродуктивных прав супругов решается преимущественно посредством денег. Однако, репродуктивные установки, репродуктивное поведение и в целом рождаемость и социализация детей - это крайне сложные социальные системы, где материальные элементы являются только частью отмеченных систем. Государство заслужило имеющийся уровень рождаемости и процесс депопуляции в целом; они закрепились в нашем обществе.

По поводу экономического фактора мы солидарны с общеизвестным в России этиком А. П. Скрипником утверждавшим, что «оздоровление морали без отлаженной экономики - это реакционная утопия. Нам пора усвоить реалистический взгляд на вещи и признать, что экономика должна оставаться экономикой, а не химерой, составленной из идеологических догм и нравственных проповедей»[5, с.38-39].

Во-первых, нам остро необходима не «общественно заметная деятельность» государства и его структур, а реальные повседневные дела: именно реальность интерпретируется людьми и только она имеет для народа субъектную значимость в качестве цельного миропонимания.

Во-вторых, семейно-демографическая политика должна найти свое постоянное место в государственной политике в целом, а не состоять из разрозненных частей, в зависимости от их актуальности. Государственные структуры только возвысятся, если их действия будут адекватными пониманию того, что независимо от тех или иных изменений, которым подвержена семья, у общества ней ей достойной замены.

В-третьих, гражданское общество должно иметь возможность выступать, действовать и влиять на результаты действий.

Источники и литература

1) Бауман З. Индивидуализированное общество. - М. : Логос, 2002. - 258 с.

2) Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - Т.2 - М. : Русский язык, 2000. - 688 с.

3) Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М. : Русский язык, 1975. - 846 с.

4) Платон. Соч. в 3 т. Под общей редакцией А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т.3. Ч. 2. - М. : Мысль, 1972. - 678 с.

5) Скрипник А. П. Моральное зло в истории этики культуры. - М. : Политиздат, 1992. - 351 с.

6) Социология : Учебное пособие / П. Д. Павленок, Л. И. Савинов, Г. Т. Журавлев. - 3-е изд. - М. : Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2016. - 736 с.

Сазонова Анна Львовна

РУТ (МИИТ), Москва, Россия

Тип семьи как детерминанта брачно-семейных отношений в студенческой среде

Материалом для доклада послужили данные исследования «Представления московских студентов о семье»(2016г., n=448), проведённого под руководством автора.

По анализируемым параметрам эти данные сопоставимы с данными других исследований, при участии/ руководстве автора, по близкой проблематике или имеющих соответствующий сегмент в своём предметном поле («Молодёжь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития», 2013; «Молодежь Южной Осетии и России в контексте трансформационных и интеграционных процессов», 2014; «Отношение молодежи московского региона к семье», 2017; «Молодежь вузов транспортной отрасли: ценностные ориентации, возможности реализации своего потенциала, проблемы образования, труда и занятости, девиантного поведения, социальной защиты и адаптации», 2018-2019).

Одной из задач исследования было выявление зависимости отношения студентов к семье и браку (в т.ч. к различным его видам), мотивации создания семьи и выборе брачного партнёра, форм семейного поведения и семейных стратегий от типа семьи, в которой рос и воспитывался респондент.

Были выделены группы: респонденты выросшие в полной семье; в неполной (2 подтипа: А - семьи образовавшиеся вследствие развода или

вдовства и Б - семьи с матерью-одиночкой , когда женщина рожает детей вне брака); в приёмной семье (в группе всего 2 человека, что не позволяет делать обоснованных выводов о мнениях этой категории); выросшие вне семьи (в число опрошенных студентов не попало ни одного этой группы).

Полученные результаты свидетельствуют о значительной детерминации анализируемых параметров типом семьи респондентов.

Например, ответов на вопрос «Какие проблемы, по Вашему мнению, прежде всего, осложняют жизнь молодой семье?». «Материальные трудности» и «жилищные проблемы» отметило примерно одинаковое количество студентов из групп «полная» (70,7% и 67,4%) и «неполная семья, подтип а» (72,7% и 68.,2%), в группе «мать-одиночка, подтип б» - все; «алкоголизм, наркотическая зависимость кого-либо из членов семьи» - отметило 43,4% респондентов из группы «полная семья», 90% из группы «неполная семья», около трети из группы «мать-одиночка»; проблему «недоступность получения необходимого образования» отметило, соответственно, 8,5%, 18,1%, более 2/3. «Невозможность реализации своего личностного потенциала» волнуют почти всех студентов выросших в семье «мать-одиночка».

Среди мотивов выбора брачного партнёра абсолютное большинство респондентов из полных семей называло «любовь», среди представителей другой группы их всего треть. Зато 80% отметило утилитарные мотивы, а в подгруппе б - почти 90%.

Среди живущих в незарегистрированном браке, а таковых почти 10% всех респондентов, почти 70% из группы выросших неполных семьях.

В стратегиях деторождения групповая дифференциация также весьма рельефна. Более 90% опрошенных студентов хотят иметь детей, но между желаемым и планируемым их количеством исследованием выявлен значительный разрыв. Не хотят «обзаводиться» детьми 2,6% студентов, выросших в «полных» семьях и 7,3% в «неполных». Не планируют рождение детей 6,6% первых и почти треть вторых. Треть последних если и планируют «обзаводиться» детьми, то не более 1 ребёнка (в подгруппе «мать-одиночка» вообще все) и лишь 10% более чем двумя детьми.

Среди причин, могущих помешать иметь желаемое количество, респонденты из неполных семей в 2 раза чаще ссылались на «моральную и психологическую неготовность к семейной жизни» чем выросшие в полных семьях и среди первых нет ни одного кто бы заявил: «Мне ничто не может помешать иметь желаемое количество детей».

Примеры можно продолжать.

На основании полученных данных можно резюмировать следующее.

По данным статистики, более 30% семей Российской Федерации являются неполными [2] и это является серьёзной социальной проблемой (в нашей выборке 30,5% респондентов выросли в неполных семьях).

Неполная семья, возникшая в силу разных причин: рождения ребенка вне брака, смерти одного из родителей, расторжения брака либо раздельного проживания родителей (например, в результате уголовного преследования) имеет, по сравнению с полной, ряд особенностей. Прежде всего ту, что «материнские семьи составляют абсолютное большинство среди неполных семей.

Вследствие отсутствия одного из родителей, оставшемуся приходится брать на себя решение всех материальных, бытовых и педагогических проблем семьи, что весьма затруднительно. Поэтому большинство неполных семей испытывают материально-бытовые трудности и сталкиваются с проблемами воспитания.

Отсутствие одного из родителей лишает ребенка возможности полноценного формирования стереотипа поведения своего пола, что сказывается, зачастую, на его психосексуальном развитии (Установлено, что большинство лиц гомосексуальной ориентации выросли в неполных семьях.) Статистические исследования свидетельствуют, что в силу названных причин дети из неполных семей, по сравнению со сверстниками из полных семей, имеют более низкую школьную успеваемость, более склонны к невротическим нарушениям и противоправному поведению[3] .

Эти особенности являются сильными детерминантами ценностных поведенческих систем в сфере брачно-семейных отношений. Что демонстрируют результаты нашего исследования.

Источники и литература

1) Троицкая Н.Н. Гендерные представления о семье у современной студенческой молодежи // Сборник «Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика». Материалы Международной научной конференции. 2019. С. 416-420.

2) https://firstjurist.ru/razdel-imushhestva/statistika-nepolnyh-semej-v-rossii-2019-rosstat/ Дата обращения 01.02.2020.

3) http://statistika.ru/naselen/2007/11/24/naselen_9363.html /Дата обращения 01.02.2020.

Саргсян Майя Гагиковна*[1]*, Кардакова Арина Сергеевна*[2]*,
***Нигматянов Арслан Дамирович*[2]**
1 - МГУ им. М. В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия; 2 - МГУ, Москва, Россия

Отношение молодежи к феномену сожительства

Семья, являясь фундаментальным институтом общества, должна выполнять функцию воспроизводства населения в каждом следующем поколении. Однако, кризисная ситуация современного общества ставит под вопрос эту функцию. В современном мире традиционная модель семьи и официально зарегистрированный брак постепенно теряют свою привлекательность для значительной части населения, в частности, для молодежи. По данным опроса ВЦИОМ [1], проведенного в начале первого квартала 2018 года, в обществе вполне приемлемой формой отношений считается совместное проживание мужчины и женщины без регистрации отношений, 46% россиян считают это нормальным (среди которых 56% не состоят в браке). Молодежь более толерантно оценивает данный формат отношений, среди 18-24-летних 59% считает сожительство приемлемой формой отношений.

Российская молодежь - один из наиболее активных участников общественной жизни. И от того, какими ценностями она руководствуется и какие идеалы разделяет, зависит характер общественных отношений, социальная структура и векторы дальнейшего развития государства. Для общества важным остается, чтобы молодые люди ответственно подходили к вопросу создания семьи, принимали на себя супружеские и родительские роли в их традиционном понимании. Однако сегодня в сознании значительной части молодежи сформировалось представление, что прежде чем создать семью и узаконить отношения, необходимо попробовать совместный быт, а также быть уверенным в правильности выбора партнера, что зачастую приводит к укоренению сожительства как основной формы брачно-семейных отношений. Также молодые люди, при неправильном понимании незарегистрированных браков, могут не воспринимать свой союз как серьезные и постоянные отношения, что приводит к разрушению и брачно-семейных отношений. В связи с подобным явлением снижения заинтересованности молодёжи в юридическом оформлении отношений следует говорить о явлении «кризиса семьи».

Наблюдаемый кризис семьи обусловлен многочисленными факторами. Например, по мнению Э. Гидденса [2, с.11-12] к данным факторам относятся стирание двойного стандарта в половой морали, разделение функций сексуальности от функции воспроизводства, а также повыше-

ние терпимости общества к добрачным сексуальным связям. Помимо всего прочего, предпочтение незарегистрированного брака зарегистрированному вызвано превращением современных обществ в общества индивидуализированные, базирующиеся на идеологии либерализма, свободы выбора стиля жизни, в том числе и семейного, что в комплексе дает новую модель понимания семьи и брака. Однако проблема заключается в том, что на сегодняшний день отсутствует актуальная и репрезентативная эмпирическая база отношения молодежи к различным формам брака в современном мире.

С целью выяснить особенности восприятия молодежью различных форм брака в четвертом квартале 2019 года было проведено социологическое исследование "Отношение молодежи к различным формам брака", в ходе которого была опрошена студенческая молодежь Москвы и Московской области. В категорию «молодежь» вошли молодые люди и девушки в возрасте от 18 до 24 лет. В ходе исследования было опрошено более 400 респондентов методом анкетного онлайн-опроса. Средний возраст респондентов составляет 20 лет.

Анализ полученных данных показал, что большинством респондентов характеризует сожительство как “Совместное проживание мужчины и женщины на постоянной основе и ведение общего домашнего хозяйства” (46%). Женщины чаще мужчин считают, что длительное совместное проживание без регистрации отношений нельзя считать браком (66%, среди мужчин таковых - 51%). На вопрос “Какие факторы, по Вашему мнению, способствуют распространению сожительства” (респондентов предоставлялась возможность выбора нескольких вариантов), самыми популярными стали ответы: “Возможность «попробовать» семейную жизнь («чтобы лучше понять друг друга»)”- 68,9%, “Нежелание принимать на себя обязательства”- 53,5% и “Стремление к свободе в отношениях” - 47,1%.

С каждым годом всё больше молодых людей вступают в «гражданский брак», считая его «пробным» вариантом создания семьи. Его успешная апробация, как правило, завершается заключением официального брака, который остаётся в сознании людей традиционным, в отличии от «гражданского». Неофициальный брак в большей степени ассоциируется со свободой, что делает его более привлекательным.

Описывая положительные стороны сожительства респонденты указывают на “Отсутствие необходимости делить имущество при расставании” - 61,2%. Среди негативных сторон выделяются: “Вероятность внебрачного рождения ребенка”- 47,9%, “Низкий уровень моральной

ответственности"- 47,2%, а также вариант "Данное совместное проживание не является правовым (не подкреплено законом)"- 40,1%.

Согласно полученным данным можно заключить, что молодежь Москвы и МО, принявшая участие в опросе, характеризуется в целом традиционным представлением о семье. Однако, несмотря на то, что сожительство имеет ряд негативных последствий для института семьи и брака, а также устройства общества в целом, на данный момент социум намного терпимее реагирует на феномен сожительства, охотно описывая преимущества данного образа жизни, что несомненно, демонстрирует нам «принятие» обществом подобной тенденции.

Источники и литература

1) Брак и сожительство: ставим знак тождества? ВЦИОМ. Пресс выпуск 02.02.2018. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0759/opros02.php (дата обращения: 14.10.2019)
2) Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.

Синельников Александр Борисович

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Связь между приемлемостью добровольной бездетности и негативным отношением к многодетности

В современной России растет доля бездетных пар, включая childfree, которые могут, но не хотят иметь детей. В Западной Европе эта тенденция проявляется еще сильнее. Отношение к childfree можно изучать по данным международного Европейского социального исследования (European Social Survey - ESS), раунды которого повторяются каждые два года, начиная с 2002 г. (в России - с 2006 г.). Число анкет-интервью в одной стране за один раунд - от 700 до 3000, в России - около 2500. Информация о ESS на английском языке приведена на сайте: http://www.europeansocialsurvey.org/. В России исследование проводилось Институтом сравнительных социальных исследований (http://www.cessi.ru/). Англоязычная база данных ESS опубликована на сайте: http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview/. Это дает возможность пользователям строить таблицы в режиме online. Анкета и база данных на русском языке опубликованы на сайте http://ess-ru.ru.

По данным ESS, в 10 странах Западной Европы, вместе взятых, (Австрия, Бельгия, Швейцария, Германия, Финляндия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды и Норвегия) 82% опрошенных в 2006 г. и 88% - в 2018 г. не осуждали людей, которые решили никогда не иметь детей, а в России, соответственно - 18% и 32%. Рост толерантности к childfree сопровождается повышением уровня окончательной бездетности среди населения в пострепродуктивных возрастах. В 2018 г. среди респондентов, родившихся до 1958 г. (возраст на момент опроса - 60 лет и старше), никогда не имели детей 8% в России и 14% в 10 странах Западной Европы, а среди родившихся в 1959-1973 гг. (возраст 45-59 лет) - соответственно 10% и 20%.

Нейтральное или позитивное отношение к добровольной бездетности [1], негативное отношение к многодетности [4], а также социальная приемлемость сожительств и разводов [2] - это симптомы кризиса семьи, как социального института [3].

В анкете исследования семейно-детного образа жизни (СеДОЖ), применявшейся для опроса почти 2500 респондентов, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ под руководством А.И. Антонова в 2018-2019 гг. [5], есть утверждения, характеризующие позитивное или негативное отношение к бездетности: «Бездетные часто ощущают пустоту своей жизни»; «Быть счастливым можно и не имея детей»; «Родители часто бывают менее счастливы, чем те, у кого нет детей» и др. Есть в анкете и высказывания, демонстрирующие отношение к многодетности: «Многодетные семьи не пользуются престижем в обществе», «Только неразвитые люди могут рожать множество детей», «Настоящие люди вырастают в многодетных дружных семьях» и др. Респонденты оценивали свое отношение к этим мнениям по 5-бальной шкале от 1 (полностью согласен) до 5 (совершенно не согласен).

Среди респондентов, полностью согласных с типичным для childfree утверждением «Правы те, кто, отказываясь от детей, говорит «нечего плодить нищету», 40% полностью согласны и с характерным для противников многодетности утверждением «только неразвитые люди могут рожать множество детей». А среди респондентов, совершенно не согласных с первым из этих двух утверждений, т.е. не признающих один из главных аргументов childfree, лишь 6% согласны со вторым из них. t-критерий Стьюдента, характеризующий достоверности различий между этими двумя долевыми показателями равен 10,0. Связь между отношением к бездетности и многодетности заметна и с другой стороны. 75% респондентов, не согласных с первым из этих двух утверждений, отвер-

гают и второе. Люди, не принимающие аргументацию (в данном случае - экономическую) в пользу бездетности, как правило, не осуждают многодетных за «неразвитость». Среди респондентов, признающих правоту тех людей, которые отказываются иметь детей, чтобы «не плодить нищету», лишь 25% не согласны с тем, что «только неразвитые люди могут рожать множество детей». В данном случае разница долевых показателей составляет 50% ($t = 15{,}5$). Такие большие различия между долевыми показателями и столь высокие значения критериев достоверности этих различий (они считаются значимыми уже при $t > 2$) редко встречаются в социологической практике. Данные СеДОЖ подтвердили существование аналогичных связей между ответами на ряд других вопросов анкеты, характеризующих отношением к бездетности, с одной стороны и к многодетности, с другой. Если в обществе считается, что быть многодетным - нормально, то быть бездетным - нехорошо. Если же добровольная бездетность считается приемлемой, то многодетность признается отклонением от нормы, из-за чего лишь немногие люди решаются стать «белыми воронами» и создавать многодетные семьи, которые уже не компенсируют малодетность и бездетность подавляющего большинства.

Лишь в вымирающем обществе люди имеют моральное право не вступать в брак, не иметь детей или разводиться без вины и без согласия другого супруга [2]. Это право дают им социальные нормы - неписаные законы, которые во многом формируются под воздействием СМИ. Политика повышения рождаемости может быть успешной, если СМИ создадут в обществе не только позитивный образ многодетности [4], но и негативное отношение к добровольной бездетности, сожительствам [3] и разводам [2].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976-2020 гг.)» №18-011-01037.

Источники и литература

1) Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1. С. 99–110.

2) Синельников А.Б. Развод – революция в семье // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010.

№ 2. С. 130-146. https://elibrary.ru/download/elibrary_15245250_68205239.pdf

3) Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация // Социологический журнал. 2018. Том 24, № 1. С. 95–113. https://www.jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/5715/5853

4) Смолева Е.О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. 2019. Том 25, № 2. С. 116–137. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6389

5) Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А.И. Антонов, В.М. Карпова, С.В. Ляликова, Е.Н. Новоселова, А.Б. Синельников; под. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2020. – 486 с. http://socio.msu.ru/documents/20200127_otchet.pdf

***Синица Арсений Леонидович*[1]*, Елизаров Валерий Владимирович*[2]**

1 - МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 2 - МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, Москва, Россия

Вклад системы дошкольных образовательных организаций в снижение бедности семей с детьми

Развитие сети дошкольных образовательных организаций (ДОО) является одной из важнейших задач государственной политики. Эта мера присутствует среди ключевых в национальном проекте «Демография». Внимание к ней велико, поскольку она позволяет решить ряд наиболее актуальных для российского общества проблем.

Одной из них является снижение бедности. Семьи с детьми являются крайне уязвимой социальной категорией и составляют основную часть бедных, поэтому для них помощь в уходе за детьми является очень значимой мерой поддержки. Её значимость заключается в том, что женщины получают возможность иметь оплачиваемую профессиональную занятость и накапливать пенсионный стаж, а также удовлетворяют свою потребность в профессиональной самореализации и не теряют квалификацию. С точки зрения снижения бедности семья с двумя занятыми родителями гораздо более финансово устойчива, чем с одним. Как показывают наши расчёты, при наличии двух занятых взрослых даже семьи с тремя детьми имеют относительно приемлемый уровень жизни, поскольку

в таком случае трудовых доходов хватает на приобретение примерно полутора прожиточных минимумов для всех членов семьи [1]. Увеличение занятости повышает уровень жизни и сокращает число получателей пособий по бедности, что снижает дифференциацию населения по доходам и уменьшает социальную напряжённость, так как доход от заработной платы у большинства семей превышает доход от пособий. Также регулярное посещение ДОО позволяет снизить расходы на детей, поскольку там они получают за не очень большую плату питание, квалифицированный уход воспитание и образование.
Увеличение охвата детей в возрасте 1-6 лет дошкольными организациями на 1 проц. п. означает, что 85-100 тыс. женщин получат возможность трудоустроиться. Это увеличит доходы семей при средней зарплате женщин в 2017 г. 32,7 тыс. руб. в месяц на 2,4-2,9 млрд руб. в месяц (заработная плата после выплаты налога на доходы физических лиц). Разумеется, некоторые устроятся на полставки, будут работать неполный рабочий день или иметь гибкий график, но далеко не все. Итоговая сумма, получаемая семьями, составит примерно 1,7-2,3 млрд руб. в месяц. Если сравнить размер заработной платы с размером оплаты услуг муниципальных образовательных организаций, то для семьи такое решение является выгодным. Для государства это тоже выгодно, поскольку при снижении числа получателей пособий отчисления во внебюджетные фонды возрастут. Когда мы проводили подобные расчёты примерно 10 лет назад, то и тогда выгоды были больше издержек [3].

Если не затрагивать оплату труда воспитателей в дошкольных образовательных организациях (ДОО), которая продолжает оставаться ниже показателей, введённых Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [2], то наиболее важной проблемой являются низкие темпы ввода мест в систему ДОО.

Проблема доступности мест в ДОО для детей старше трёх лет в настоящее время в значительной мере решена. При этом число организаций, реализующих программы дошкольного образования в масштабах всей страны непрерывно сокращается. Однако существует большой неудовлетворённый объём спроса на места со стороны родителей детей младше трёх лет. Особенно места нужны родителям детей в возрасте 1,5-3 года, так как они уже не получают пособие по уходу за ребёнком, но их расходы только увеличиваются.

В возрасте до трёх лет ДОО посещают чуть менее 1,1 млн детей (примерно 14,5% от численности всех детей, посещающих ДОО). Были планы ввести ещё 90 тыс. мест к концу 2019 г., но как отметил Прези-

дент РФ 15 января 2020 г. в своём Послании Федеральному Собранию, они не были реализованы в полном объёме. Всего к концу 2021 г. согласно паспорту Федерального проекта «Содействие занятости женщин - создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», который является частью национального проекта «Демография», планируется увеличить число таких мест на 255 тыс. (п. 2.9, 2.11, 2.14 паспорта). Можно предположить, что увеличение числа мест в ДОО для детей до трёх лет, в совокупности с другими мерами будет способствовать снижению бедности семей с детьми.

В то же время при развитии сети ДОО для детей младше трёх лет необходимо учитывать реальный спрос на дополнительные места в ДОО, для чего нужны соответствующие обследования населения. Развивая сеть ДОО необходимо учитывать демографические тенденции и проектировать системы ДОО в длительной перспективе с учётом волнообразного изменения численности детей в дошкольном возрасте.

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ 18-010-01196 А «Комплексное исследование факторов бедности семей с детьми и оценка вклада экономических мер семейно-демографической политики в ее снижение».

Источники и литература

1) Елизаров В.В., Синица А.Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2 (212). С. 63-75.

2) Синица А.Л. Влияние формы собственности образовательной организации на заработную плату педагогических работников дошкольного и общего образования // Экономическая наука современной России. 2019. № 2 (85). С. 103-115.

3) Синица А.Л. Экономическая эффективность форм ухода за детьми дошкольного возраста и их воспитания // Инновационное развитие экономики России: институциональная среда. М .: МАКС Пресс, 2011. С. 1060-1068.

***Смирнова Ольга Михайловна*[1], *Фалеев Алексей Николаевич*[1]**

1 - Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва, Россия

К проблеме нравственных основ современной семьи

Сегодня в социологической литературе одним из наиболее часто дискутируемых вопросов является семья, ее настоящее и будущее. К широко обсуждаемым в связи с этим темам (хозяйственно-бытовая жизнь семьи, культура взаимоотношения полов и воспитание детей в семье, несовершенство досуговых форм семейной жизни и др.) [1;2;3]., можно отнести проблему моральных основ современных семейно-брачных отношений.

Согласно недавним социологическим оценкам, любовь была главным мотивом вступления молодых людей в брак. Ее специфическое содержание - самоотдача, духовная близость, взаимопроникновение и самоотверженность. Данную характеристику любви четко выразил Гегель, отметив, что ее истинная сущность состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя в другом я и в этом же исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать сами собою [4]. Единство брака и любви (брак по любви и любовь в браке) рассматривалось при этом как важнейший нравственный принцип семейно-брачных отношений.

Однако на практике браки, в основе которых изначально лежал мотив любви, порой оказываются не долговечными. Те же социологические исследования подтверждали, что каждая восьмая семья не доживала до года, каждая четвертая - до пяти лет [5;6;8]. В связи с этим закономерно возникают вопросы: может ли любовь длиться всю жизнь и как быть, когда она ушла из семьи?

Общего ответа на эти вопросы нет, поскольку любовь сугубо индивидуальна; в ней, по-видимому, нет абсолютно похожих пар. И, стало быть, что правильно в одном случае, будет неверно в другом. В конечном счете, эти и подобные им вопросы с необходимостью подводят к выводу об огромной роли морали, нравственных качеств человека в любви.

Известно высказывание классика марксизма о том, что нравственным основанием брака является любовь. Здесь имеется в виду любовь в ее высшем проявлении (облагораживающая и активизирующая человека, пробуждающая в нем творческую энергию, душевную щедрость, лучшие нравственные качества), любовь как идеал, к которому должно стремиться в браке. Это положение, являющееся правильным по отношению к общей перспективе развития духовно-нравственных основ семейных отношений, как представляется, нельзя целиком и полностью распространять на переживаемый современным российским обществом этап развития и, уж, тем более, на каждый сегодняшний брак.

Дело в том, что нынешние мотивации брачного выбора зачастую не связываются с любовью, индивидуальным предпочтением другого человека. Начинают преобладать рассудочные браки, основанные на выгоде и расчете, материальных преимуществах и социальном престиже.

Ожидания в области любви нередко ограничиваются лишь сексуальными ожиданиями. Особую тревогу вызывает утрата таких нравственных норм как верность и преданность. Уже при вступлении в брак молодожены ориентированы на развод как способ решения семейных проблем. Как вполне современная норма допускается и морально оправдывается в браке супружеская неверность; как приемлемый вариант практикуется адюльтер; не редкость заброшенные старики при благоденствующих детях. Вступление в брак нередко превращается в «прогулку ради развлечения».

Вместе с тем, нельзя оценить, как «безнравственное» поведение человека, которого исчезновение любви и появление нового чувства побуждает расторгнуть старый брак и вступить в новый. Отметим, что существует объективная заинтересованность общества в том, чтобы семья отличалась возможно большей прочностью и стабильностью, поскольку только в семье создаются благоприятные условия для воспитания детей. Поэтому-то, общественное мнение дает высокую оценку людям, стремящимся к тому, чтобы сохранить семью даже тогда, когда чувство любви исчезает [7;9].

Как свидетельствуют социологи, ослабление или даже исчезновение чувства любви порой не всегда с неизбежностью приводит к разводу, к расторжению брачных уз и что любовь - это всего лишь часть внутренней, глубоко-личностной установки на сохранение семьи. Наряду с любовью важную роль играют такие факторы как общность интересов, забота о детях, чувство долга, ответственность за воспитание детей, материальная обеспеченность и др. Значение данных факторов, особенно родительского долга, в укреплении семью бесспорно и в нравственном плане должно быть оценено положительно. Нельзя в связи с этим согласиться с той точкой зрения, сторонники которой полагают, что в своей перспективе любовь должна отделиться от семьи как часть от целого и что моногамия и обремененность заботами о семье и детях должна существовать только «на время любви».

Бесспорно, любовь возможна и вне семьи, и не всегда она «венчается» детьми. Но остается верным и другое: любовь не может быть продолжительной и прочной без семьи, без детей, без забот о них. Сомнение в значимости этого принципа сказывается не только на снижении рождаемости, но и на оскудении самой человеческой жизни, лишенной подлинных радостей и трудностей отцовства и материнства.

В любви существует немало стихийного, эмоционального. Недаром многие авторы (поэты, писатели, философы) называли ее безумием. Видимо, данную стихию полезно проверять силой разума, пытаться осмыс-

лить и понять самого себя. Это не означает призыва к благоразумию и расчетливости, тем более к корыстному расчету в любви, но это необходимая проверка истинности, прочности этого чувства, а также обдуманности и серьезности решения о браке.

Современная социология отмечает, что у нас существует два типа семьи. В первом по традиции львиную долю нагрузок несет на себе женщина. Во-втором - домашние обязанности (покупки, уборка, уход за ребенком, приготовление обеда, мытье посуды и т.д.) распределяются примерно поровну. И самое знаменательное - среди семей второго типа счастливыми себя считают 52%, а среди семей второго типа - 21%. Столь же выразительно соотношение семей, считающих себя несчастливыми: 6,2% среди семей второго типа, 36% - среди семей первого. И, казалось бы, демократизация семейной жизни, высокие притязания супругов в плане таких стандартов, как любовь, общность интересов, единство принципов и убеждений, культурные запросы и отношения в семье должны привести последнюю к укреплению. Однако эти же причины делают ее более конфликтной и менее устойчивой.

Таким образом, в наши дни семья переживает серьезные изменения и глубокие перемены. И, на наш взгляд, связанное с этим переосмысление ее прежних начал, безусловно, поможет становлению и развитию ее новых основ.

Источники и литература

1) Айгумова, З. И. Психология биэтнических семейных отношений / З.И. Айгумова. - М.: Прометей, 2016. - 634 с.

2) Вагин И. Психология выживания в современной России / Вагин, Игорь. - М.: АСТ, 2018. - 352 с.

3) Гаспарян Ю.А. «Семья на пороге 21 века» С-Пб.: Питер, 2008. - 183 с.

4) Духовно-нравственные основы семьи: Этика и психология семейной жизни: Ч. 1: Остров духовной жизни// Ч. 2: Семья в русской литературе: Хрестоматия для учителей (сост. Кислицина Т.Г.; под общ.ред. док.филол.наук Троицкого В.Ю.) Изд. 2-е, испр. Серия: Библиотека журнала "Воспитание школьников" - Москва: Мир, 2019. - 256 с.

5) Егорова Н.Ю., Курамышев А.В. Современная российская семья: основные тенденции. Опубликована: "Социально-гуманитарные знания", 2008, № 4, с. 106-118.

6) Новоселова Е. Семья в России (историко-социологический анализ массовой народной культуры) // Журнал «Демографические исследования», 2010. № 7 - 15 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1085 (дата обращения: 10.01.2020).

7) Роджерс, К. Брак и его альтернативы: позитивная психология семейных отношений / К. Роджерс. - М.: Этерна, 2019. - 624 с.

8) Смирнова О.М. Миф о цифровой эпохе или реальность? Виртуализация культуры: экзистенциальные риски и антропологические перспективы // В сборнике: Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте / Санкт-Петербург. Изд.: Центр научно-информационных технологий "Астерион". 2017. С. 206-211.

9) Фалеев А.Н. Место и роль этики в современном техническом вузе // В сборнике: Инженерное образование и вызовы культуры в XXI веке. Под редакцией Л.В. Волковой, О.М. Смирновой, М.Н. Филатовой / Москва. Изд.: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина. 2017. С. 194-197.

Сойкина Елена Олеговна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Трансформация института брака в современном обществе: брак как открытая система

Современное общество активно развивается и претерпевает изменения различных сферах деятельности общества. Инновации, значительно облегчающее ведение домашнего хозяйства, позволяют личности заниматься индивидуальным саморазвитием. Данный процесс способствует общественному прогрессу. В наше время заметно развитие офисной культуры, включающая в себя карьерный рост. В том числе наблюдается значительный прирост индивидуального предпринимательства, ведение собственного бизнеса. Вместе с этим возник целый класс людей, которые не имеют желания вступать в брак, или откладывают создание семьи, а соответственно появляется проблема, связанная с поздним деторождением. Однако и рождение детей не подталкивают некоторых индивидов к официальному заключению отношений.

Так же серьезную роль сыграла скорость социальных изменений, за счет которых внутри семей стали возникать ценностные разрывы. Начиная примерно с одинаковых позиций, за короткий период времени члены семьи могли оказаться внутри принципиально разных ценностей, ориентироваться на принципиально разные жизненные маршруты. Семья становилась все менее замкнутой, защищенной от внешних воздействий, каждый ее член приносил из внешнего мира очередной апгрейд отношений.

Эти изменения не сильно повлияли на институт брака, люди продолжают жениться, рожать детей и их воспитывать. Отметим, что такие изменение восприятия брака проявляются чаще в городе, нежели в сельской местности. Традиционные установки трансформируются. Современная молодёжь адаптируется к новой брачной культуре, которая отличается от традиционной, но имеет её корни.

Учёные предполагают, что брак в дальнейшем будет развиваться следующим образом:

1. Брак заключается семейной парой для того, чтобы перейти на следующую ступень отношений, показать их серьёзность. То есть официально закрепить отношения людей и строить семью, как это было раньше. Причём такое восприятие никуда не уйдёт, так как человечество нуждается в символическом интеракционизме.

2. Брак будет становиться платформой, на которой индивиду удобно развивать ряд взаимодействий в его конкретной ситуации. То есть, во время каких либо событий, индивид посредством института брака помогает себе справиться с данными жизненными задачами с возможностью дальнейшего его отпускания, когда обстоятельства изменились. Соответственно теряется ценность института брака, он нужен лишь как инструмент для решения проблем - частное проявление идеологии ситуативности жизни.

В итоге брак становится открытой системой. Она допускает индивидуальные стратегии членов семьи, возможность гибкого сочетания личного и коллективного планов. Допуски и компромиссы возрастают.

Причём данные изменения могут повлечь за собой создание новых форм современной жизни, которые отличаются от традиционной культуры. Например, семьи «выходного дня», гостевые браки и так далее. В этом есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, браки становятся прямыми и честными, ценятся отношения. Нет давления традиционных представлений, это позволяет жизни супругов быть разнообразнее. А с другой стороны, такие браки достаточно неустойчивы.

Разводы в современном мире обычное явление и достаточно частое. Так же появилась такая серьёзная проблема как «безотцовщина». Ещё одни проблемы современного института брака - это увеличение детородного возраста и сокращение числа детей в семье. Таким образом, появляются не традиционные формы семьи: сожительство, семьи с одним родителем, однополые браки.

Однополые браки в современном мире уже никого не удивляют. Такая форма брака является предметом многочисленных споров и противоречий. Не во всех странах мира они разрешены. Но в государствах, где такие браки получили официальное одобрение, они сталкиваются с непониманием и дискриминацией. Дети, живущие в таких семьях, испытывают негатив чаще, нежели однополые родители.

Традиционный тип семьи уходит в прошлое, семьи становятся партнёрскими. Такой тип семьи имеет широкое распространение во всём мире. Главенствующие позиции занимают оба супруга, важные решения принимаются по договорённости. Домашнее хозяйство, воспитание детей ложится на плечи обоих партнёров.

Институт брака в Самарской области на данный момент испытывает кризис. По статистике ЗАГС в 2018 году было зарегистрировано рекордно низкое количество браков за последние двенадцать лет. Число разводов растёт. На 2018 год на 1000 браков приходилось 937 разводов. В 2019 году ситуация не имеет особых изменений. Причём по Тольятти разводов больше, чем в Самаре или сельской местности. В Самарской области имеет распространение такая модель брака, как сожительство.

Таким образом, мы видим, что трансформация института брака наблюдается во всём мире. Чаще стали расторгаться браки. Традиционные модели брака подвержены изменениям, появляются новые модели.

В связи с этим есть смысл провести исследование на выяснение отношения населения к видам брака и их социальным перспективам. Целью данного исследования является проведения анализа отношения населения Самарской области к формам брака. Исходя из поставленной цели, были сформулированы следующие задачи:

1. Провести оценку личного опыта респондентов в разрешённых видах брака в России и выяснить мнение о влияние на общество, стабильности и мотивах вступления или невступления в официальный брак в данных видах.

2. Выявить отношение респондентов к неразрешённым видам брака в России (Полигиния, полиандрия, групповые, однополые браки).

3. Определить видение респондентами дальнейшего развития института брака и выяснить личное предпочтения к развитию видов института брака.

Объектом исследования станут мужчины и женщины Самарской области от 18 лети и старше. Предметом исследования - отношение населения Самарской области к видам брака и их социальным перспективам.

Результаты исследования покажут, как население Самарской области относится к видам брака и их социальным перспективам. В дальнейшем подобное исследование может быть распространено по областям страны, для получения полной картины отношения России к трансформации института брака.

Источники и литература

1) Трансформация брака. Как будут меняться формы совместной жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/357085-transformaciya-braka-kak-budut-menyatsya-formy-sovmestnoy-zhizni (дата обращения: 22.01.2020 г.).
2) В Самарской области в 2018 году было зарегистрировано рекордно низкое количество браков за последние двенадцать лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://syzrantoday.ru/news/item/26273-v-samarskoj-oblasti-v-2018-godu-bylo-zaregistrirovano-rekordno-nizkoe-kolichestvo-brakov-za-poslednie-dvenadtsat-let (дата обращения: 22.01.2020 г.).
3) Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института брака в условиях современных модернизацианных процессов // Вестник Омского университета. – 2015 – № 3 – С. 193–200.
4) Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. – 2017 – № 11 – С. 99–110.

Сорокин Геннадий Геннадьевич

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Интегрирующий потенциал межпоколенческого обучения

В условиях демографического старения пожилым гражданам предстоит внести значительный вклад в процессы адаптации общества к

экономическим и социальным трансформациям его возрастной структуры. Серьёзной преградой для полноценной реализациями пожилыми людьми своего потенциала на благо общества и государства является конфликт поколений, набирающий в современном социуме всё большую остроту. Данное обстоятельство требует поиска путей установления межпоколенческого диалога в обществе. Сегодня взаимодействие генераций уже не является противостоянием отцов и детей. Оно предстаёт в более сложной конфигурации: юношество - люди среднего возраста - пожилые. Из чисто семейного противостояния, конфликт поколений переносятся в сферу социальных отношений на макроуровне [1, с 54]. Отношение генерация "дедов" и "внуков" характеризуется особой конфликтностью. Не случайно взаимодействие данных поколений описывается исследователями в терминах, означающих конфронтацию и взаимное отдаление: ("конфликт", "разрыв", "раскол", "ресентимент" и др.). Представленная статья посвящена проблеме сокращения социальной дистанции между молодёжью и старшим поколением.

О природе конфликта пожилых людей и молодёжи сказано немало. Одни учёные представляют его в форме конфронтации систем ценностей [2, с. 117], другие как несоответствие типов социализации [3, с. 350-360]. Но, нельзя не заметить, что в современном обществе практически отсутствуют сферы, предполагающие контакт представителей данных генераций. В доиндустриальную эпоху естественное взаимодействие молодёжи и стариков осуществлялось в семейной сфере. Став нуклеарной семья утратила функцию связи поколений. Ещё совсем недавно в обществе можно было найти сферы, в которых контакт поколений был позитивным и бесконфликтным. Так в СССР институт образования вполне успешно справлялся с задачей установления межпоколенческого диалога. Достаточно вспомнить встречи с ветеранами или тимуровское движение. Сегодня же довольно тяжело привести пример не только сферы, но даже повода для бесконфликтного взаимодействия старшего поколения и молодёжи.

Кризис в отношениях между генерациями достиг такого уровня, что всё чаще исследователями высказываются мнения о необходимости формирования некоторого искусственного пространства межпоколенческого взаимодействия. В частности всё большую популярность набирает идея о необходимости развития программ межпоколенческого обучения. Под данным термином понимают совместное участие представителей разных поколений в образовательных проектах с целью достижения взаимопонимания. При этом учёные не всегда солидарны относительно распределения ролей представителей разных поколений в этом процессе. Например,

Т.М. Кононыгина рассматривает межпоколенческое обучение как обучение геронтов у квалифицированных молодых преподавателей [4, с. 116]. Но нам более импонирует подход, в соответствии с которым, пожилые люди и молодёжь участвуют в образовательных проектах на равных ролях в качестве слушателей. Именно в рамках такого подхода создаются наиболее оптимальные условия для того, чтобы представители разных генераций лучше узнали и поняли друг друга. Как можно догадаться, получение новых знаний не является главной задачей таких проектов - это лишь повод для встреч и общения.

В качестве удачного примера проектов межпоколенческого обучения можно привести программу "Мы видим, слышим, мы читаем вместе", которая реализуется в университете г. Любляна (Словения). Студенты совместно с пожилыми учащимися читают вслух произведения классической литературы и затем обсуждают их. Сотрудники университета пришли к выводу, что далеко не все подходят для проектов межпоколенческого обучения. Примеров "удачных" тем, находящих отклик у всех слушателей, являются: среда проживания, семейные отношения, события, которые воспринимаются поколениями по-разному [5, с. 139].

Организаторы проектов межпоколенческого обучения констатируют значительное снижение напряжённости и дискомфорта в общении между разновозрастными слушателями. Помимо этого, в качестве потенциальных социальных эффектов таких программ отмечается: возникновение у слушателей новых социальных ролей, установление межпоколенческого культурного обмена, выявление проблем интеракции поколений, повышение социально-экономической активности пожилых граждан.

В Российской Федерации площадкой для реализации программ межпоколенческого взаимодействия могли бы стать проекты неформального образования граждан третьего возраста. Сегодня в стране их функционирует несколько сотен. В рамках многих проектов реализуются курсы, ориентированные на сближение слушателей с молодёжью (психология общения, молодёжные субкультуры, возрастная психология и т.д.). Но образовательных программ, в рамках которых сближение поколений носило бы двухсторонний характер, практически не реализуется.

Итак, важным этапом адаптации общества к происходящим в нём демографическим изменениям является снижение остроты конфликта поколений. Одним из эффективных средств уменьшения межпоколенческой дистанции в настоящее время является межпоколенческое обучение. В Российской Федерации программы совместного обучения пожилых людей и молодёжи могут успешно реализовываться в рамках функционирующих в стране проектов геронтообразования.

Источники и литература

1) Bengston, V. L. Is the «contract between generations» changing? Effects of population aging on obligations and expectations across age groups // Bengston, V., Achenbaum, W.A. (eds.) The changing contract between generations. N. Y. Aldine de Gruyter, 1993.
2) Беспалова, Ю.М. Ценностные ориентации молодёжи современной России (межпоколенный подход)/ Ю.М. Беспалова и С.М. Герцен //Вестник Тюменского государственного университета. 2009. - №4. - С. 117-126.
3) Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения: пер. с англ. / М. Мид. - М.: Наука, 1988. – 429 с.
4) Кононыгина, Т.М. Герагогика: Пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей / Т. М. Кононыгина. - Орел: Красная строка, 2006. — 168 с.
5) Финдайсн, Д. Солидарность и взаимосвязь поколений. Диалог поколений. Образование и обучение от поколения к поколению /Д. Финдайсн // Активное долголетие: актуальные тенденции в социальной политике и практике. Материалы международной научно-практической конференции - Туймазы: “Туймазинский вестник”, 2015. – С. 134-143.

Сосновская Наталья Александровна

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

К проблеме влияния информационно-коммуникативных технологий на семейное взаимодействие

Электронные информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) получают все более широкое распространение. Они оказывают значительное влияние как на экономические, политические, культурные и социальные процессы, так и на повседневную жизнь людей. Научное осмысление ИКТ сосредотачивается на анализе преимуществ и непредвиденных последствий экспоненциального развития IT-технологий. Социальная сфера в контексте ИКТ рассматривается с точки зрения возможностей доступа и широтой охвата домашних хозяйств интернетом. Доступ в интернет, согласно данным Internet World Stats, в 2019 году имели 74,4% жителей Беларуси, 76,1% Россиян и 90,3% жителей Евросоюза (28 стран) [1].

Влиянию современных информационных и коммуникационных технологий на жизнь семьи в русскоязычном научном пространстве уделяется недостаточно внимания. В то же время информационные и коммуникационные технологии, включающие устройства (компьютеры, смартфоны, игровые устройства), и программное обеспечение (возможность пользоваться электронной почтой, проводить видеоконференции, общаться посредством социальных сетей), значительно видоизменили привычный формат взаимодействия, связанный с непосредственным общением лицом-к-лицу. Широкое внедрение ИКТ в повседневную жизнь способствовало возникновению противоречий, связанных с их использованием.

Свобода коммуникации - Ограничение свободы. ИКТ предоставляют доступ к коммуникации практически независимо от местоположения индивида. Представления о доступности коммуникации и, тем самым, доступности индивида для коммуникации породили чрезмерную зависимость индивида от необходимости решать профессиональные или семейные проблемы в любых обстоятельствах. Постоянный доступ способствовал возникновению культуры быстрого реагирования на on-line коммуникацию, либо осознанию необходимости устанавливать границы общения. Относительно семьи данное противоречие проявляется, например, в переживаниях родителей о том, что дети-подростки уделяют много времени общению по телефону, и при этом в разочаровании, если дети не отвечают на сообщения или звонки родителей [2, p. 12].

Расширение возможностей - Зависимость. Данное противоречие проявляется в напряженности, которая возникает при отсутствии доступа к технологиям. С одной стороны, появились огромные возможности для самостоятельной работы и общения в Интернете и социальных сетях. В то же время, постоянные изменения информационного потока, динамика онлайнового пространства приводит к появлению ощущения исключенности из событийного контекста, если на некоторое время «выйти» из социальных сетей. Эта реакция способствует возникновению состояния «постоянного ожидания некоторых неуловимых сообщений, которые могут никогда не быть отправлены», что в целом связано со снижением удовлетворенности жизнью [3]. Зависимость проявляется в проверке мобильных устройств настолько часто, что негативно сказывается на межличностном и профессиональном функционировании. Она способствует возникновению конфликтов в отношениях между родителями и детьми по поводу соблюдения правил использования ИКТ.

Удовлетворение потребностей - Создание новых угроз. Наличие свободного доступа к информационным ресурсам обладает рядом несомненных преимуществ. С другой стороны, возникающий при использовании

онлайн-среды цифровой след архивирует любые индивидуальные данные, что создает необходимость учитывать долгосрочные последствия использования интернета.

Расширение компетентности - Некомпетентность. С одной стороны, информационные технологии позволяют людям повысить эффективность выполнения поставленных задач, но с другой потеряли актуальность многие навыки (например, запоминание телефонных номеров, чтение карт), которые способствовали развитию интеллектуальных способностей и деятельности.

Другой аспект данного противоречия связан с использованием мобильных устройств детьми и подростками. Современные подростки научились пользоваться мобильными устройствами, социальными сетями и домашними помощниками в раннем детстве. В то же время современные родители выросли в совершенно иной технологический реальности и могут отставать от своих детей в изучении и внедрении технологий. Родители, как правило, менее творчески подходят к использованию технологий, чем их дети. Такая ситуация создает особенности взаимодействия в семье по поводу ИКТ, когда подростки в значительной степени оказывают влияние на их внедрение и использование [4, p. 3].

Публичность - Приватность. Указывает на размывание границы между публичным и приватным пространством. Об этом феномене свидетельствует, например, использование мобильного телефона для личного разговора в общественных местах, или размещение записей личного дневника в социальных сетях.Противоречие Включенность во взаимодействие - Дистанцированность обусловлено потребностью в установлении границ on-line коммуникации, необходимостью выработки нормативных стандартов, допускающих возможность выхода из нее, не создавая морально-этических проблем в отношениях. Противоречие Иллюзии - Разочарования проявляется в осознании того, что количество информации и общения, предоставляемое социальными сетями не связано с их качеством [2, p. 14].

Признание существования противоречий, связанных с использованием технологий в повседневной жизни способствует постановке вопросов перед исследователями об особенностях влияния информационно-коммуникационных технологий на коммуникативные практики внутрисемейного взаимодействия и, тем самым, на благополучие и устойчивость семьи.

Источники и литература

1) Internet World Stats - Usage and Population Statistics [Electronic recource]. – Mode of access: - https://www.internetworldstats.com. - Date of access: 16.09.2019.
2) Jarvenpaa, S. Managing the paradoxes of mobile technology / S. Jarvenpaa, K. Lang // Information Systems Management. – 2005. – № 22(4). – P. 7–23.
3) Przybylski, A. K. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out / A. K. Przybylski, K. Murayama, C. R. DeHaan, V. Gladwell // Computers in Human Behavior. – 2013. – 29 (4). – P.1841–1848.
4) Dworkin, J. The Use of Communication Technology in the Context of Adolescent and Family Development: An Integration of Family and Media Theories / J. Dworkin, H. Hessel, S. LeBouef // Journal of Family Theory & Review. – 2019. – P. 1-14.

Старцева Наталья Николаевна
Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Российская Федерация

Отношение населения к предоставляемым мерам социальной поддержки семей с детьми

Базовой ценностью во все времена выступала семья. Так, абсолютное большинство россиян (98%) считают отношения в семье одной из самых значимых сторон своей жизни наряду со здоровьем (99%) и безопасностью (96%) [2]. Согласно опросу фонда общественного мнения, проведенного в 2016 году, «идеальная семья» - это семья в которой отношения строятся на любви, уважении и взаимопонимании (31%), в ней есть дети (15%), царит благополучие и счастье (14%), в ней материальный достаток (13%) и есть оба родителя (8%). В идеальной семье, по мнению опрошенных россиян, должно быть двое (54%) или трое (27%) детей [5], при этом 40% отметили, что хотели бы и в своей семье иметь двух детей, 28% - трёх, 14% - четырех и более детей [7]. Вместе с этим, если мы обратимся к статистическим данным, то на сегодня в России женщина репродуктивного возраста имеет в среднем 1,5 ребенка [6]. Почему же ориентации россиян на рождение двух и более детей в актуальных репродуктивных практиках не реализуются? В ситуации вероятного дальнейшего демографического спада вопрос не только о стимулировании рождаемости,

но мотивации на рождение троих и более детей сегодня стоит достаточно остро. Безусловно, сегодня государство пытается проводить системную политику в области стимулирования рождаемости, поддержки семей с детьми, и, согласно последнему обращению Президента Федеральному собранию, продолжит это делать, однако не все россияне верят в эффективность данных мер. Так, по данным опроса ВЦИОМ 45% опрошенных признают важность такой поддержки семьям с детьми, но сомневаются в возможности оказать таким образом существенное влияние на демографическую ситуацию, а 20% россиян вообще не верят в пользу предложенных мер [4].

Необходимо отметить, что несмотря на то, что каждый второй россиянин знаком с информацией о расширении мер поддержки для семей с детьми [4], это качественно не изменило ситуацию. Возникает вопрос почему? Возможно это связано с тем, что существующие на сегодня государственные программы поддержки семьи стимулируют лишь отдельные категории населения обзаводиться вторым, третьим и последующими детьми. Предложенные меры социальной поддержки не мотивируют образованных, профессионально успешных и относительно экономически благополучных ни женщин репродуктивного возраста, ни мужчин, отцов и кормильцев семьи, на рождение большего количества детей. Предложенные меры в большей степени направлены на поддержку семей граждан, относящихся к низкодоходным группам населения, совершенно не направлены на поддержку и создание особых условий для отдельных категорий семей, например, семей с детьми с особенностями в развитии, с одним родителем - неполных семей, с очень молодыми родителями (до 18 лет) и пр. К тому же, та социальная поддержка, которая сегодня оказывается семьям с детьми не полностью ориентирована на решение их реальных проблем. Так, согласно опросам, основными проблемами с которыми сталкивается любая семья с детьми (и тем более многодетная семья) выступают: это низкий размер детских пособий (24%), недостаточное число детских воспитательных учреждений (21%), низкий уровень жизни и высокие цены в целом (15%), низкий уровень медицинского обслуживания и недостаток врачей (14%) [1]. Необходимо отметить, что именно отсутствие в России сформированной и действующей инфраструктуры детства, которая включала бы в себя организационные и институциональные структуры, обслуживающие системы здравоохранения, образования, досуга, правовой и социальной защиты детей [3, с. 207], является главным сдерживающим фактором роста рождаемости.

Для проведения правильной социальной политики, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми, считаем

необходимым учитывать субъективное мнение тех, кто ежедневно сталкивается с реальными проблемами, обусловленными особыми ситуациями воспитания детей. Считаем необходимым изучать мнения семей с детьми о действующих мерах социальной поддержки, выявлять уровень их удовлетворенности ими, определять потребности таких семей в особых мерах социальной поддержки.

Полагаем, что решение демографических проблем напрямую зависит от решения проблем детства, создания «прозрачной» и доступной инфраструктуры детства, что, на наш взгляд, должно осуществляться не только усилиями государства, но совместными усилиями, при активном участии общественных и некоммерческих организаций.

Источники и литература

1) Быть матерью в России-2017 [Электронный ресурс]. URL: https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/family/article/byt-materju-v-rossii-2017.html (дата обращения: 22.01.2020).
2) Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618 (дата обращения: 22.01.2020).
3) Краснослободцева А.Е. Инфраструктура детства как социокультурная ценность современного общества: опыт эмпирического исследования // Вестник ТГУ. Выпуск 9 (89). 2010. С. 207-213.
4) Материнский капитал: даем рост рождаемости? [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9817 (дата обращения: 22.01.2020).
5) Образ идеальной семьи. [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/interaktiv/11024 (дата обращения: 22.01.2020).
6) Послание Президента Федеральному собранию. 15 января 2020. Стенограмма. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/62582 (дата обращения: 22.01.2020).
7) РИА новости: Более половины россиян считают недостаточными демографические меры властей [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=8921 (дата обращения: 22.01.2020).

Стрельникова Валентина Александровна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Конфликт религиозного воспитания в семейных ценностях

Сегодня религиозное воспитание понимается как система особых методов и взглядов, подразумевающих под собой определенный тип воспитания детей. Существует великое множество исторических периодизаций и фактов, выясняющих, каким образом возникло религиозное воспитание в целом. Однако, религиозные ценности, функционирующие в семье как в источнике воспитания, в социологическом знании нередко вызывают конфликт между способом воспитания и семейными ценностями. Для того чтобы понять, в чем проявляется данный конфликт, проинтерпретируем следующие понятия: семья и религиозная семья.

Итак, семья - это социальный институт, базовая ячейка общества, которая характеризуется общностью быта, добровольностью вступления в брак и стремлением к рождению и воспитанию детей. Она принадлежит к важнейшим ценностям человечества. Согласно некоторым научным теориям, именно семья на протяжении длительного периода времени определяла общее направление эволюции макросоциальных систем. На стадиях жизненного цикла человека последовательно меняются его функции и статус. Для взрослой личности семья является источником удовлетворения ряда его потребностей, а также малым коллективом, предъявляющим разнообразные требования. А для ребенка это среда, в которой складываются условия формирования его физического, психического, нравственного, эмоционального и интеллектуального развития.

Религиозная семья - это малая ячейка общества, целью которой является создание праведной жизни с Богом и воспитание детей в соответствии с религиозными нравоучениями. В таких семьях большое значение уделяется духовным ценностям и подобающему поведению. Напрашивается вопрос: в чем же состоит конфликт? Отвечая на него, стоит добавить, что многими социологами отмечаются такие понятия, как религиозные и светские семьи. Деление на такие типы произошло вследствие бракосочетания людей, принадлежащих к какому-либо вероисповеданию, либо лиц атеистического склада.

Сегодня к религиозному оформлению семейных отношений зачастую прибегают, видя в этом форму урегулирования проблем, благодаря чему можно решить многие вопросы. Но это не всегда правильно. Семейная религия представляет собой нечто большее, а именно супружеские взаимоотношения и воспитание детей, проходящие по Божьей воле. Однако, в современном мире такое воспитание воспринимается не всеми семьями. Как было указано выше, существуют религиозные и атеистические

семьи. Для каждой из них религия несет свое значение. Говоря о семьях, где почитание Бога является неотъемлемой частью жизни, вероисповедание всегда будет стоять на первом месте. Для них брак - это одно из девяти христианских таинств. Такое таинство называется венчанием. В нем заключается вся сущность семьи, ведь семейная жизнь есть долгий и серьезный путь, для которого нужна сила и поддержка. Христианские семьи имеют своей целью не столько продолжение рода, сколько духовное единство между всеми ее членами. Дети в такой семье всегда воспитываются в религиозном учении. Считается, что в малом возрасте ребенок способен понять нравственную суть жизни на Земле и закрепить это у себя в памяти.

Стоит также отметить семьи, которые считают себя верующими, но недостаточно полноценно проявляют свою веру. Очень часто родители не разговаривают с детьми о Боге, ссылаясь на то, что ребенок совсем юный и может обойтись без христианских нравоучений. Однако, такой подход является самой большой ошибкой, поскольку именно с детства у ребенка формируется основа характера и приверженность к словам родителей.

Также в современном мире существуют семьи, которые пренебрегают религией и считают веру в Бога бессмысленной тратой времени. Они позволяют себе быть легкомысленными и преступать некоторые законы нравственности. Такие семьи воспитывают детей в соответствии с законами общества, а не Божьими заповедями. Но это не всегда может быть разумным. Ведь совместное служение Богу делает семью осмысленной даже в самые тяжелые для супругов времена. Вне веры люди состоят из отдельных одиночеств, соединенных страхом, корыстью и мирскими желаниями. Опыт показывает, что там, где падала семья, падала вместе с тем и жизнь общественная и государственная [1, с. 60-61]. В труде одного православного доктора отмечается, что любые личные интересы семей не могу существовать, если они преступны [2, с.17]. Неверующие семьи редко уподобляются религиозным ценностям, а то и вовсе не уподобляются им. К сожалению, в современном мире количество таких семей все больше возрастает. Основное значение придается увлечениям, работе, которые как правило отбирают много сил и приводят к хронической усталости, из-за чего в семьях могут назревать конфликты и недопонимания. Жизнь вне религиозности зачастую приводит к свободоволию и инакомыслию, не предполагающих почитание каких-либо правил, а это, в свою очередь, может плохо отыграться на воспитании детей. Данные суждения указывают на то, что семья как источник религиозного воспитания не должна содержать в себе подобные характеристики.

В этом и проявляется социологический конфликт. Стоит отметить некоторые аспекты, которые дополняют семейный источник в религиозных процессах. Семья как целостная система содержит в себе полную картину ее членов: мамы, папы и детей. Исходя из традиционных воззрений, связующей силой и нравственным сосредоточением семьи является мать. Поскольку именно она может держать неразрывную связь с детьми и правильно передавать духовность. Отец как глава семейства имеет сильные мужские черты характера, способные сохранить семейный дух и целесообразно разложить все по своим местам. Дети под крылом отца и матери получают некий барьер, с помощью которого потом смогут социализироваться в обществе. Вместе они составляют единое целое, способное полноценно жить и развиваться в социуме.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современных семьях достаточно явно отражен конфликт религиозного воспитания в семейных ценностях в социологическом знании. И каждая отдельная семья устанавливает свои границы, в соответствии с которыми воспитывает детей.

Источники и литература

1) Священномученик Иоанн Восторгов. ПСС. Т. 1. – СПб.: Царское дело, 1995. – с. 130
2) О хранении целомудрия души и тела. Мнение православного врача. – М.: Лествица, 1997. – с. 152
3) Самыгин С. И., Нечипуренко В. Н., Полонская И. Н., Религиоведение: социология и психология религии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. – с. 547.

Сунгурова Нина Львовна

Российский университет дружбы народов, кафедра психологии и педагогики, Москва, Россия

Конфликт ценностных предпочтений студентов в сетевой коммуникации

В современных условиях на формирование и развитие ценностей студенческой молодёжи, большое влияние оказывают средства массовой коммуникации, в том числе, Интернет. Различные сетевые ресурсы выступают способом передачи и воспроизводства жизненных, личностных ценностей, форм и правил общения, моделей социального поведения.

Неудовлетворенность достижениями в реальной жизни, нереализованность в социальном взаимодействии или профессиональной сфере, личностная конфликтность, также как и желание создать идеализированный образ «Я», стремление к признанию могут привести к конфликту ценности и доступности значимых жизненных приоритетов, к конфликту ценностных предпочтений в сетевом взаимодействии и реальной действительности [1].

Представим результаты эмпирического исследования вариативности виртуальной самопрезентации и ценностей студентов в Интернет-взаимодействии. Объем выборки составили 70 студентов гуманитарного направления в возрасте от 17 до 22 лет. Использовались методики: опросник «Я в Интернет-общении» (И.С. Шевченко) [4], «Уровень соотношения «Ценности» и «Доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова) [3]. Методы математической обработки данных: описательная статистика, непараметрическая статистика,корреляционный анализ. Программное обеспечение: IBM SPSS Statistics Version 20.

Распределение ценностей студентов в различных жизненных сферах можно представить следующим образом: «счастливая семейная жизнь» (8,91), «здоровье» (8,05), «любовь» (7,81), «наличие хороших и верных друзей» (7,77), «уверенность в себе» (7,56), «свобода» (6,94), «познание» (6,83), «материально-обеспеченная жизнь» (6,36), «интересная работа» (5,64), «творчество» (4,84), «активная, деятельная жизнь» (4,4), «красота природы и искусства» (2,88). Статистическая обработка по критерию Фридмана подтвердила значимость представленной тенденции (X_r^2=186,980; p=0). Такое распределение ценностей вполне ожидаемо для студенческой аудитории данного возраста и отражает ключевые задачи развития в юности.

По доступности каждой жизненной сферы мы имеем следующее: «познание» (7,86), «активная, деятельная жизнь» (7,6), «творчество» (7,34), «наличие хороших и верных друзей» (6,72), «уверенность в себе» (6,56), «красота природы и искусства» (6,54), «свобода» (6,46), «здоровье» (6,32), «любовь» (6,26), «счастливая семейная жизнь» (6,06), «интересная работа» (5,59), «материально-обеспеченная жизнь» (4,68). Статистическая обработка по критерию Фридмана подтвердила значимость представленной тенденции (X_r^2=45,580; p=0).

В целом, потребность в достижении значимых жизненных ценностей и возможность достижения в реальности уравновешены. Можно сказать, что значимые потребности, в основном удовлетворены, а ценности реализованы. Но следует обратить внимание, что по некоторым

жизненным сферам ценность и доступность все-таки значительно расходятся. Имеется некоторый «внутренний вакуум», «избыточность присутствия» [3], ощущение ненужности по следующим позициям: «активная, деятельная жизнь», «красота природы и искусства», «творчество». В отношении материально-обеспеченная жизнь» намечается тенденция к «внутреннему конфликту», рассогласованию между «хочу» и «могу». Обозначенные сдвиги находят статистическон подтверждение по критерию Вилкоксона.

Для образа «Я в Интернет-общении» наших респондентов характерна и нравственная вариативность самопрезентации (49% респондентов), и проявление различных социальных ролей, варьирование своим личным, социальным статусом (51% респондентов) [2, с.844]. Статистическая обработка данных по критерию Фридмана не выявила значимых различий в уровне средних значений рангов по шкалам.

Проведенный нами корреляционный анализ результатов исследования показал значимые связи.

Вариативность отрицательно коррелирует с ценностью «любовь» (r_s =-0,259 p = 0,05). Таким образом, можно говорить о том, что проявление различных стратегий, демонстрируемых в Интернет-коммуникации отрицательно влияет на построение близких отношений. Нравственная вариативность отрицательно коррелирует с ценностью «творчество» (r_s =-0,262 p= 0,05). Студенты, склонные к несоблюдению правил социального поведения уделяют незначительное внимание творчеству как ценности.

Вариативность положительно коррелирует с доступностью сферы «творчества» (r_s = 0,24 p = 0,05) и отрицательно с доступностью «свободы» (r_s = -0,27 p = 0,05). Можно сказать, что экспериментируя с собственным виртуальным образом, создавая профили, аватарки и прочее, пользователи развивают креативные способности, но при этом снижается степень независимости в собственных поступках и действиях, формируется зависимость от мнения других. Нравственная вариативность положительно коррелирует с доступностью «активная, деятельная жизнь» (r_s = 0,273 p = 0,05) и отрицательно с доступностью «здоровье» (r_s = -0,237 p= 0,05). Пользователи, склонные к экспериментированию с нравственной самопрезентацией, в большей степени направлены на активность в реальной жизни. Однако у них наблюдается сниженный интерес к собственному физическому и психическому здоровью.

Таким образом, студенты демонстрируют направленность на базовые жизненные ценности, характерные для юношеского возраста. Обозначен-

ные взаимосвязи ценностей и стратегий самопрезентаций в Интернете, вероятнее всего, определяют специфику сетевого поведения.

Источники и литература

1) Сунгурова Н.Л. Личностные особенности студентов с разными стратегиями виртуального взаимодействия: монография. Москва: РУДН, 2018. 176 с
2) Сунгурова Н.Л. Психологические стратегии сетевого взаимодействия студенческой молодежи / Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. - М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2017, С. 843-850
3) Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. Том 2. № 1. URL: https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/58926.shtml (дата обращения: 29.01.2020)
4) Шевченко И.С. Вариативность самопрезентации личности в Интернет-общении: Дисс. . . канд.психол. наук. Казань, 2002.

***Темнова Лариса Витальевна*[1]*, Пучкова Елена Борисовна*[2]**

1 - МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия; 2 - Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Конфликт ценностей и карьерных ориентаций у подростков цифрового поколения

Профессиональная деятельность определяется в отечественной психологии как ведущая деятельность взрослого человека. В рамках психологического подхода карьера рассматривается как самореализация личности. В связи с этим, самореализация человека в профессиональной деятельности становится главным фактором в проектировании карьеры. Многими исследователями (Е.А. Климов, Д. Сьюпер, Э. Фромм, и др.) подчеркивается значимость именно подросткового возраста в формировании осознанного отношения личности к профессиональному будущему. Ядром, определяющим представления о карьерных траекториях подростков, несомненно, являются ценностные ориентации как на индивидном уровне, так и культурном, социально детерминированном уровне.

Ряд работ, посвященных изучению ценностных ориентаций российского общества в межпоколенческом аспекте на базе подхода И. Шварца [1] (Магун В.С., Руднев М.Г., Постникова М.И., Голдырева В.А., Федотова В.А. и др.), выявил, что российская молодежь похожа на своих зарубежных сверстников по ценностям «конформность»-«традиция», а по ценности «самоутверждение» - опережает молодежь почти всех европейских стран. Если сравнивать российскую молодежь с более старшими поколениями, что средний показатель по ценностям «самостоятельность», «стимуляция», «универсализм» у них выше. Эмпирическим объектом указанных исследований являлись молодые люди в возрасте 19-28 лет. Аналогичных исследований в отношении российских подростков цифрового поколения, на активность и систему ценностей которых в большой степени оказывает влияние их высокая включенность в виртуальную реальность [2], не проводилось. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что вид выбираемой карьеры не соответствует ряду психологических особенностей, являющихся глубинными и определяющими жизнедеятельность в подростковом возрасте. Особое внимание было обращено на представленность ценностных ориентаций подростков на двух уровнях: нормативном и индивидуальном. Первый уровень представляет собой систему нормативных идеалов, ценностей личности на уровне убеждений. Эта те ценности, которые оказывают наибольшее влияние на личность человека в целом, определяют направленность, но не всегда проявляются в реальном социальном поведении, его конкретных действиях. Второй уровень описывает индивидуальные приоритеты (личностный уровень), ценности, наиболее часто проявляющиеся в поведении личности. Нас интересовала степень совпадения-расхождения ценностей на этих двух уровнях, которая отражает ценностное давление, которое осуществляется, с одной стороны, через социализацию и, с другой - посредством референтной группы и традиций.

Исследование проводилось на выборке подростков цифрового поколения трёх образовательных учреждений г. Москвы в марте-апреле 2018 г. Выборка составила 120 человек в возрасте от 15-16 лет (70% девушек и 30% юношей). Психодиагностический инструментарий включал в себя: опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна и ценностный опросник Ш. Шварца. Определение корреляционных связей между значимыми факторами проводилось с использованием коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Результаты исследования:

1. Ведущими карьерными ориентациями подростков являются «служение», «автономия» и «интеграция стилей жизни». Менее значимыми - «стабильность работы» и «стабильность места жительства».

2. У подростков цифрового поколения и на нормативном, и на индивидуальном уровнях преобладают ценности группы «сохранение» (она включает ценности «безопасность», «конформность», «традиция») и ценности группы «забота об окружающих» («универсализм, «благожелательность»), в то же время выявлена меньшая значимость ценностей групп «открытость к изменениям» и «самоутверждение»: российские подростки терпимы к другим людям, нацелены на понимание, они конформны, ориентируются на традиции, в жизни для них важна безопасность.

3. Анализ связей карьерных ориентаций с ценностями на уровне нормативных идеалов позволяет сделать вывод о том, что стремление к профессиональной компетенции, автономии в карьере, к созданию нового и управлению связаны, прежде всего, с ценностью гедонизма. В то время как забота о своем ближайшем окружении и стремление к глубине переживаний остаются на периферии системы ценностей подростка.

4. Анализ взаимосвязи ведущих карьерных ориентаций подростков с ведущими ценностями как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов, показал отсутствие большого числа положительных корреляционных связей. Этот факт свидетельствует о несформированности, незрелости осознания подростком своей карьерной траектории.

5. Особо интересными являются случаи, когда карьерная ориентация связана положительно (поддерживается) на нормативном уровне и отрицательно связана на личностном уровне (не поддерживается) с одной и одной и той же ценностью, что свидетельствует о наличии конфликта между декларируемым и поведенческим уровнями подростков.

Декларируемый уровень ценностей отражает стремление подростков отвечать ожиданиям семьи и школьных учителей, делать "как надо". А поведенческий уровень характеризует типичную для подростков тенденцию отстаивать свою свободу, самостоятельность, независимость. По нашему мнению, декларируемый уровень в большой мере связан с давлением взрослых на подростка. Они хорошо знают, чего от них ждут взрослые, прежде всего, родители, которые для представителей цифрового поколения продолжают оставаться и в подростковом возрасте значимыми агентами социализации.

Источники и литература

1) Пучкова Е.Б., Темнова Л.В., Сорокоумова Е.А., Курносова М.Г. Взаимосвязь ценностей и карьерных ориентаций современных подростков \\ Психологическая наука и образование, издательство Изд-во ГБОУ ВПО МГППУ (М.). 2019. Том 24, № 5. С. 27-36.

2) Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology. N.Y.: Academic Press, 1992. № 25. P. 1–65. DOI: 10.1016/s0065-2601(08)60281-6.

Терешонок Татьяна Андреевна

Научно-исследовательский центр (социологический, Вооруженных Сил Российской Федерации), Москва, Россиия

Роль патриотического воспитания в социализации личности в современной России.

За последние десятилетия в современной России появились принципиально новые каналы социализации, - процесса включения личности в сферу социальных отношений в роли субъекта этих отношений, оказывающие сильное влияние на процессы формирования сознания молодежи, ее адаптации в радикально меняющемся обществе. Целью социализации является формирование социально активной личности, действия которой регулируется социальными нормами и общественными интересами, результатом ее служат выработанные определенные взгляды и принципы, усвоенные правила и образцы поведения, необходимые для полноценной жизни в обществе и его дальнейшего развития.

Владимир Путин неоднократно обращал внимание на то, что в современном мире дети получают знания не только в школе, значительное влияние на них оказывают средства массовой информации. Информацию об окружающем их мире, и, самое главное, варианты ее оценки они берут в Интернете и из телевизионных передач. По его мнению - «Культурное самосознание и духовные, ценностные коды сегодня - объект жесткой конкурентности и противоборства, хорошо срежиссированных атак на социумы... Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте, и такой фундамент - патриотизм» [4].

Успешная социализация в современной России невозможна без целенаправленного патриотического воспитания, так как главными задачами патриотического воспитания являются привитие патриотических чувств

и привычек, одобрение и пропаганда благородных поступков. Патриотическое воспитание состоит из таких компонентов как патриотическое сознание, патриотическое отношение и патриотическая деятельность [1].

Патриотическое отношение подразумевает под собой не только любовь к своему государству, но и любовь к своей семье, своим близким, заботу о них, предполагает взаимодействие взрослого и детей в общении и совместной деятельности, которые нацелены на раскрытие и формирование общечеловеческих нравственных качеств личности, приобщение к семейным традициям и национальной культуре. Необходимо сказать о том, что патриотические отношения внутри семьи, в которых присутствуют дружелюбие, поддержка и позитивное отношение друг к другу способствуют хорошему эмоциональному фону, который в свою очередь помогает более легкому процессу адаптации в социальных группах, выработки умения преодолевать стрессовые ситуации [2].

Немаловажную роль в этой работе играют различные военно-патриотические общества (далее - ВПО), которые выступают мощной площадкой для самореализации и самосовершенствования. В последнее время увеличилось количество фестивалей, конкуров, выставок, соревнований и игр патриотической направленности, организованных ВПО. В этих мероприятиях также принимают активное участие Советы ветеранов и участников боевых действий [3].

Благодаря участию в деятельности ВПО можно получить опыт работы в команде, в сфере делового общения, приобрести организационные и управленческие навыки, получить новые знания в различных сферах жизни, и, просто, физически развиваться. И, что немаловажно, с помощью такого рода общественной деятельности молодой человек ощущает себя востребованным и нужным, причастным к общему делу. Кроме того, ВПО могут послужить ступенькой в будущей карьере. К примеру, на базе военно-патриотических обществ готовят к сдаче нормативов программы ГТО, успешные результаты которой дают дополнительные баллы к поступлению в учебные заведения.

Мероприятия ВПО, позволяют оценить участникам свои физические и моральные качества, необходимые современным защитникам Отечества и опытным путем понять, готовы ли они для этой профессии. Например, межрегиональная военно-патриотическая организация «Строевые Выходные» проводит соревнования в армейских условиях, максимально приближенным к реальным, где можно получить первоначальную подготовку по тактике ведения боя, огневой подготовке, порядку применения средств радиационной, химической и биологической защиты, ведению радиообмена и оказанию первой медицинской помощи. Если

молодой человек в процессе обучения понял и осознал, что именно этим он хочет заниматься в будущем, то он всегда может обратиться к руководителям и профильным специалистам, проводящим обучение, для консультации по специфике той или иной военной профессии [5].

Таким образом, патриотическое воспитание в условиях размывания и девальвации системы традиционных ценностей и модернизации важнейших сфер жизни выступает основополагающим аспектом для позитивного развития каждого отдельного индивида и общества в целом в трансформирующем механизме социализации личности в современной России.

Источники и литература

1) Глебов, А.А. Воспитание патриотизма, толерантности и культуры межнационального общения. - Волгоград : Перемена, 2004. - 251 с.
2) Дубовских О. В. Влияние образа семьи супругов на их удовлетворенность браком / О. В. Дубовских, С. В. Ильинский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2015. № 1(17)
3) Петров В.Д. Патриотизм в современной России: вопросы и проблемы/ Патриотический потенциал военного образования: состояние и пути совершенствования: сборник материалов межвузовской научной конференции / под общей редакцией В.М. Шевцова. –М.: ВУ, 2016. С.82
4) Кубанское казачье войско. Владимир Путин: «Патриотизм – прочный фундамент будущего России» [Электронный ресурс]. URL: http://www.slavakubani.ru/p-service/military-service/patriotic-education/vladimir-putin-patriotizm-prochnyy-fundament-budushchego-rossii/ (дата обращения 25.01.2020)
5) Официальный сайт военно-патриотической организации «Строевые Выходные» [Электронный ресурс]. URL: https://xn–b1aagbbc9cceokm9b3ece.xn–p1ai/ (дата обращения: 22.01.2020)

Титова Юлия Сергеевна

Московский Государственный Психолого-Педагогический Университет, Москва, Россия

Отношение современной молодежи к ЗОЖ на примере табакокурения: социологическое исследование

Министерство здравоохранения Российской Федерации разработало «Стратегию формирования здорового образа жизни граждан России до 2025 года». Цель проекта — сокращение к 2025 году потребления табака среди детей (10%) и взрослых (26%), алкоголя до 9 литров на душу населения, а также увеличения числа граждан (до 55%), занимающихся спортом и придерживающихся здорового питания. Мотивация россиян к здоровому образу жизни, их отказ от вредных привычек позволит снизить заболеваемость и смертность от всех основных причин, в том числе смертность населения трудоспособного возраста [1].

Отказ от вредных привычек россиян, в числе которых курение табака, является одним из приоритетных направлений Стратегии. В Стратегии намечены мероприятия направленные на сокращение потребления табака. Для этого предполагается мобилизация пропагандистских, политических, административных, налоговых и финансовых ресурсов.

В 2013 году был разработан и вступил в силу федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (№ 15-ФЗ от 23.02.2013). Казалось бы, по торговцам табака нанесен сокрушительный удар. Ведь 19 статья закона говорит об ограничения торговли табачной продукцией и табачными изделиями. Но так ли на самом деле. По данным «Анализа рынка табачных изделий в России», подготовленного BusinesStat в 2018 г, в 2013-2017 гг. натуральный объём продаж в стране снизился на 28,6%: с 18,3 до 13,1 млрд упаковок [5]. Снижение объема продаж, по нашему мнению, произошло за счет роста цен на табачные изделия. Причинами роста цен можно назвать неоднократное повышение акцизов на табачные изделия и ослабление рубля в 2014 году, которое вызвало удорожание ввозимой табачной продукции, а также сырья для ее производства из-за рубежа. По данным Росстата в 2018 году в Москве количество ввозимой табачной продукции сократилось в 2 раза по сравнению с 2013 годом [3].

А что же с доходами от продажи табака? С ними как раз все хорошо. Они не только не упали, а еще и выросли. По данным РБК доходы от торговли табаком одной только оптовой компании Megapolis выросли на 16,4% и составили около 12 млрд. долларов [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что принятие закона никак не отразилось на доходах от продажи табака, наоборот большинство торговцев от него только выиграли.

Еще одна очень важная статья этого закона Статья 12. Запрет курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах. На наш взгляд выполнение этой статьи закона полностью провалено. Особенно это касается запрета курения табака на детских площадках и в

границах территорий, занятых пляжами; на пассажирских платформах, используемых исключительно для посадки в поезда, высадки из поездов пассажиров при их перевозках в пригородном сообщении [4].

Таким образом, можно предположить, что государственные структуры, в обязанность которых входит следить за соблюдением закона гражданами, не заинтересованы в исполнении ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака». Да и сами граждане относятся к соблюдению закона равнодушно, по принципу «Моя хата с краю». То есть в обществе не сформирована гражданская позиция, которая бы осуждала курение табака. Как известно формирование гражданской позиции начинается еще в детстве [6].

Каково же отношение у современной молодежи к курению табака. Проведенный в 2019 году опрос школьников старших классов и студентов Москвы показал, что 37,6% курят. Всего было опрошено 186 человек. Для сравнения в 2013 году, при подобном опросе процент курящих составил 30,3%. Причем данные различия, проверенные критерием Манна-Уитни статистически не значимы (U=1460,5 p=0,387). Отношение молодежи к табакокурению при проведении опроса имеют следующие данные: в 2013г. «негативное» - 53,3%, «равнодушное» -33,3%, «положительное» - 13,4%; в 2019г. «негативное» -50,5%, «равнодушное» -30,1%, «положительное»- 19,4%. Данные проверены критерием Манна-Уитни статистически не значимы (U=1339,0 p=0,203). Критерием оценки так же могут послужить данные по вопросу «В моем окружении курят?»: в 2013г. «большинство» -50,3%, «немногие» - 46,3%, «никто» - 3,4%; в 2019г. «большинство» - 51%, «немногие» - 44%, «никто»-5,0%. Данные проверены критерием Манна-Уитни статистически не значимы (U=10879,0 p=0,795).

Данные проведенного опроса показывают, что существенно ситуация за 6 лет с момента принятия закона не изменилась, курение среди современной молодежи продолжает быть популярным, в опросе даже фигурируют положительные отклики о табакокурении, молодежь не готова менять свое окружение и равнодушна к своему здоровью и будущему. В послании президента к Федеральному собранию 2018г. была обозначена программа «80+», как может быть обеспечена данная программа, если среди молодежи нет «страха за собственную жизнь», нет понимания каким образом вредная привычка сказывается на здоровье. На наш взгляд принять закон не достаточно, необходимы реальные действия, ужесточение законодательства в части курения в общественном месте, жесткий контроль за людьми нарушающими ФЗ, ведение просветитель-

ской работы среди молодежи, школьников о вреде табакокурения и его последствий.

Источники и литература

1) Медвестник. Портал российского врача: https://medvestnik.ru/content/news/Predstavlena-koncepciya-strategii-po-formirovaniu-zdorovogo-obraza-jizni-rossiyan.html
2) Миллиард в табакерке: сколько Кесаев и Кациев зарабатывают на сигаретах: https://www.rbc.ru/business/19/05/2015/5559f97d9a79477e7f86d5ee
3) Московский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб./Мосгорстат - М., 2018. - 188 с.: http://moscow.old.gks.ru/
4) Федеральный закон от 23.02.2013 N 15-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/1e069557f3bc904d8b3f6a62d5ccbe3ddae6edfd/
5) BUSINESSTAT: HTTPS://MARKETING.RBC.RU/ARTICLES/10219/
6) Савченко И.А. Проблемы пропаганды здорового образа жизни среди подростков // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: Сборник тезисов: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 4 октября 2018 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет /под общ. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2018. – С. 246-250

***Тонышева Анна Игоревна*[1]*, Мокрецова Полина Александровна*[1]**

1 - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

Влияние семейных отношений на интеграцию студентов в малую социальную группу

В настоящее время наиболее активной частью населения России становится молодежь в возрасте 15-25 лет. С экономической стороны это объясняется данными Росстата: менее безработное население страны -

молодые люди до 25 лет - занимают 20,1 % от общего числа безработных. В категорию «молодежь» входят не только работающее население, но и школьники, студенты, которые также занимаются активной деятельностью. Для этой категории людей характерна постоянная смена окружения, круга общения, включая дружеские и деловые отношения. Данный возрастной период предполагает наиболее активное и частое знакомство с новыми людьми, а также приспособление к новому коллективу. В социологии вышеуказанный процесс называется социальной интеграцией.

Эмиль Дюркгейм рассматривает социальную интеграцию и её проблемы как «норма-патология» [1]. Проблемы социальной интеграции, по мнению Дюркгейма, заключаются в том, что носители «патологии» - отвергаются. Под патологией понимается человек, который не принимает нормы своей социальной сферы, следовательно, он не интегрирован к ней. Решением проблемы интеграции индивида является, по Дюркгейму, усвоение им норм социальной среды и приспособление к ним.

Л. Шаффер, Э. Шобен понимали приспособление к социуму, как схему «стимул-реакция» [2]. Эта концепция заключалась в том, что интеграция - это поведенческий акт, окружающая среда - это преграда, которая препятствует индивиду в достижении его целей. Если человек проходит все преграды, то он интегрируется. В противном случае, он не сможет приспособиться к социальной сфере.

В своей статье Гюлджян А.Г. наиболее точно выделяет проблемы социальной адаптации молодежи в настоящее время: возраст молодых людей, мультикультурное население страны и финансовое благополучие населения. Вопрос о проблемах социальной интеграции молодежи становится все более популярным в современном мире. И только сейчас авторы и ученые начинают разбираться в настоящих проблемах данного явления.

В данной статье описывается применение качественных методов в проведённом исследовании, а именно личные экспертные интервью: со старшим научным сотрудником Социологического института РАН, руководителем группы социально-культурных изменений и Биографического фонда Божковым Олегом Борисовичем; преподавателем кафедры социальных технологий, директором проекта учебного медиа-центра Мурашевым Андреем Владимировичем; ведущим научным сотрудником Социологического института РАН, кандидатом философских наук Еремичевой Галиной Васильевной.

В ходе опроса экспертов, акцент был сделан на факторы, влияющие на социальную интеграцию молодежи. Были выделены основные факторы:

1) отношения в родительской семье, воспитание детей, отношение родителей к жизни (профессии, образованию), а также приобщение детей к труду и уважение любого труда - всё это порождает толерантное отношение к окружающим людям, а также ответственность за свои действия;

2) возраст молодого человека, так как именно в молодом возрасте перед человеком открыты возможности для развития в профессиональной среде;

3) ценностные ориентиры и личный профессиональный опыт. «Они, на мой взгляд, оказывают наибольшее влияние на процесс социальной интеграции в современных условиях» - считает Мурашев А.В.;

4) материальное положение семьи. Но, как выделили эксперты, оно не столь существенно при благоприятных обстоятельствах, указанных выше. «Многие из моих сверстников жили если не бедно, то уж точно - не богато. Но там, где первые четыре из названных выше обстоятельства были благоприятны, у детей не было зависти к богатству других, да и сами по себе материальные ценности в структуре их ценностей никогда не выпячивались» - говорит Божков О.Б.;

5) коммуникабельность. Умение общаться и начинать новые знакомства играют огромную роль в социальной интеграции. Людям, которых с детства учат общению и поддержанию диалога, намного проще наладить контакт;

Был выработан ряд рекомендаций:

Одной из проблем социальной интеграции является финансовое положение молодых граждан. Родители из состоятельных семей должны по максимуму пресекать всякое хвастовство, объяснять, что это результаты долгих трудов. А также объяснять, что «богатство» не является характеристикой человека, как хорошего или плохого.

Социальная интеграция начинается с раннего возраста, поэтому с детьми в специальных учреждениях обязательно необходимо нормальное общение и приучение к взаимоотношениям. Работники таких специальных учреждений должны выполнять хотя бы основные родительские функции: тактильные контакты, разговоры на разнообразные темы и т.д.

Не менее важным пунктом является непосредственное воспитание детей. Родители, а также работники учебных заведений, должны прививать любовь к людям, показывать доброжелательность и уважение к каждому человеку.

Таким образом, социальная интеграция играет важную роль в жизни каждого человека. В ходе проведённого исследования выявлены основные проблемы, которые влияют на затруднение социальной интеграции молодых людей. Чтобы предотвратить какие-либо трудности в социаль-

ной интеграции, вынесены рекомендации, внедрение которых будет способствовать положительному приспособлению к обществу.

Источники и литература

1) Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с англ. - М.: Прогресс, 1966. - С. 39-44.
2) Давыдов Ю. Н. История теоретической социологии. Т.1 / Ю. Н. Давыдов. М.: Изд-во. Канон+. ОИ Реабилитация, 2002. - С. 84-85.
3) Гюлджян А. Г. Проблемы социальной адаптации молодежи // Молодой ученый. - 2018. - №29. - С. 136-138.
4) Божков О.Б. Технология социологического исследования: как это варится. Курс лекций. - СПб: Эйдос, 2016. - 296 с.
5) Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. - М.: Наука, 1972. - 240 с.

Троицкая Надежда Николаевна

Российский университет транспорта, Москва, Россия

Особенности гендерной социализации современной студенческой молодежи

В процессе осуществления социализации человек формируется как член того общества, к которому он принадлежит. Социализация представляет собой определенный процесс и результат усвоения и последующего активного воссоздания личностью социального опыта. Гендерная социализация характеризуется как одно из значимых направлений социализации человека и представляет собой усвоение норм и форм поведения, присущих конкретному полу.

Процессы гендерной социализации, характерные современной студенческой молодежи, представляют собой феномены, которые по-прежнему актуальны и интересны для зарубежных и отечественных ученых, занимающихся гендерными проблемами.

Анализ современной студенческой молодежи показывает, что данная социальная группа претерпела ситуации социальной и политической нестабильности, экономических проблем, множества преобразований в

общественной и культурной жизни. И на молодежи, как наиболее динамичной группе, указанные аспекты сказываются в превалирующей степени. Вместе с тем, на формирование молодежи значимое влияние оказывают процессы активного развития и повсеместного расширения виртуального общения. Выявленные особенности развития нынешней студенческой молодежи привели к тому, что для них нормы жизнедеятельности и общественные нормы представляются несколько размытыми и неопределенными, что, несомненно, сказывается на процессах гендерной социализации - молодые люди могут испытывать в этом проблемы.

Значимость рассматриваемой проблемы обуславливается тем, что гендерная социализация современных студентов является проблемой не только частной, раскрывающей преимущественно интимные стороны личности, но и социальной, затрагивающей различные аспекты жизни учащейся молодежи. Непосредственно в рамках социального аспекта процесса гендерной социализации значимыми представляются такие аспекты жизни современных студентов, как: состояние здоровья, образ жизни и стиль поведения юношей и девушек, ценностные ориентации, представления о своем месте семье, работа и профессиональный рост.

В нашей стране традиционный полоролевой аспект социализации подрастающего поколения, в котором активно участвует общество, продолжает воспроизводить традиционные патриархальные стереотипы взаимодействия полов в общественной и личностной сфере. Однако, данные стереотипы все чаще вступают в противоречие с реальными трансформациями гендерных отношений в современном российском обществе, становятся препятствием для раскрытия индивидуальностей, равноправия полов, устойчивого развития демократических отношений. Следовательно, современное общество должно ориентировать современных юношей и девушек на использование возможностей для развития индивидуальных особенностей и собственных интересов, независимо от половой принадлежности, а также поддерживать противостояние подчас устаревшим и неактуальным традиционным стандартам в отношении полов [4, с. 339].

Социальные и политические трансформации, происходящие в российском обществе в последние годы, привели к тому, что у молодых людей видоизменяются представления о социальных ролях современных мужчин и женщин. Таким образом, именно в рамках молодежной группы можно будет наиболее эффективно отслеживать процессы целенаправленной гендерной социализации. Данное утверждение связано со следующими особенностями молодежи как социальной группы:

- в студенческом возрасте формируется мировоззрение человека, частью которого становятся гендерные стереотипы. Следовательно,

это такой значимый этап взросления человека, который будет оказывать влияние на все последующее развитие личности;

- для студенческой молодежи характерен так называемый «ролевой мораторий», когда для молодых людей раскрываются возможности выполняемых ролей, но они не готовы к серьезному и окончательному усвоению этих ролей, а экспериментируют с этими ролями, «примеряют» их к себе [1, с. 71];
- этап первичной гендерной социализации личности связан преимущественно с пассивным усвоением культуры и установок общества, тогда как вторичная социализация предполагает большую включенность когнитивных механизмов молодого человека, а также возможности для творческого преобразования среды [2, с. 134].

В настоящее время в российском обществе наблюдаются характерные тенденции, влияющие на процессы гендерной социализации современной студенческой молодежи:

- радикальная трансформация традиционной половой стратификации, существующей в обществе;
- изменение взаимоотношений между мужчинами и женщинами: переход от иерархического соподчинения к равноправию;
- ослабление проявления половых различий в поведении (этот факт обосновывается совместным обучением и общей трудовой деятельностью представителей обоих полов);
- значительное преобразование культурных стереотипов маскулинности-феминности современного человека [3, с. 650].

В целом, современные образцы маскулинности и феминности не однозначны, противоречивы, изменчивы, а необходимость осуществления эффективного процесса гендерной социализации существует. Современное общество, безусловно, отличается по своим представлениям о гендерной социализации, гендерной идентичности, гендерных различиях и гендерном равенстве от предшествующих культур. В превалирующей степени такие трансформации влияют на современную студенческую молодежь, которая представляет собой динамичную и готовую к инновациям часть общества, готовую преодолеть проявляющиеся гендерные неравенства [3, с. 652].

Источники и литература

1) Макаров В.К., Борисова Е.А. Особенности самосознания подростков. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. С. 71-79.

2) Сазонова А.Л. Любовь в жизни молодых россиян: гендерный аспект. В сборнике: Семейно-детный образ жизни в социологическом измерении. Материалы вебинара. МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет; под общ. ред. А.И. Антонова. 2018. С. 134-140.

3) Троицкая Н.Н. Гендерная идентичность современной студенческой молодежи и влияние семьи на ее формирование. Материалы XXII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 646-654.

4) Троицкая Н.Н. Гендерная социализация и гендерные стереотипы в современной российской семье // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М.: «Экон-Информ», 2019. С. 336-339.

Узакова Салима Андромасовна

Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем, Уральск, Казахстан

Современные представления о семье и семейных ценностях в Казахстане

В классической науке о семье выделяются две весомые теории, в рамках которых осуществляется интерпретация процесса развития и изменения семьи: 1) теория модернизации или теория демографического перехода; 2) теория институционального кризиса семьи. В первой теории (Диркван де Каа [1] и А.Вишневский [2,с.3] трансформация семьи и семейных форм и норм объясняются сменой «традиционного» типа семьи и воспроизводства другим - «современным». Модернизация семьи и изменение семейных ценностей, их феминизация и либерализация, изменение установок на репродукцию и сексуальное поведение интерпретируются как часть и проявление модернизации всего общества. Фамилистический анализ доказал, что «малодетная форма репродуктивного поведения является наиболее одобряемой: у 32% семей нет ни одного ребенка; 35% имеют одного ребенка. 20% супругов состоят в незарегистрированном браке» [3]. Современные перемены касаются также распределения семейных ролей в гендерном поле, следует признать, что роли мужчин и

женщин стали более однородными как в сфере профессиональной деятельность, так и в области воспитания детей. «С 1972 года по 2006 год доля семей с традиционным распределением ролей уменьшилась с 53% до 17% (из числа зарегистрированных браков)» [4]. А.Антонов [5], В.Борисов, В.Медков развили другой подход, который получил в социологических теориях название институционального кризиса семьи. Представители данной парадигмы причины кризиса семьи связывают с аномическими проявлениями общественного развития, с ослаблением социально - нормативной регуляции семейной сферы, с трансформацией пагубных социокультурных образцов и эталонов, кренящихся в сторону денежно - вещевого достатка, что ведет к снижению ценности брака и репродукции, а также нарушению межпоколенческих связей, и господству эгоистических и гедонистических стилей жизни. Как правило, причины кризиса семьи усматриваются большинством социологов во внешних социальных, экономических, политических, идеологических, экологических и даже биолого-генетических факторах. Семья же здесь рассматривается как пассивная данность, существующая в изменяющихся внешних условиях, а преодоление кризиса семьи - видится сторонниками этого подхода в создании благоприятных условий для функционирования семьи. Подобный подход долгое время был доминирующим (представлен в структурно-функциональной модели семьи, разработанной Т.Парсонсом), и лишь в последнее время подвергается критике на фоне неэффективности системы Welfare State в том числе, когда оптимизация социальных условий ведет не к уменьшению, но, напротив, к увеличению числа семейных проблем, к обострению кризиса благосостояния современной семьи. Однако и прогрессивисты, и сторонники теории кризиса единодушны в том, что в современном обществе появилось (сконструировано) большое количество «альтернативных семей». Так, неполная семья стала практически нормой в резуль*ед*тате роста разводов, гораздо реже - смерть супруга или супруги; материнская семья; внебрачное сожительство. Мужчина и жен*ед*щина, живя вместе и ведя общее хозяйство, не реги-стрируют свой брак; годвин - семья или гостевой брак, когда супруги живут раздельно; шведская семья (полиамория); полигамная семья. Один из супругов имеет не*ед*сколько брачных партнёров. Семья - «конкубинат», когда у мужчины есть семья с ребенком, а также лю*ед*бовница, имеющая от него ребенка, получила распространение после аномии 1990-х годов. Появились также Свингерство (временный обмен женами и му*ед*жьями), однополая семья. Л.Руссель выявил еще одну новую форму - «семья - клуб» (lafamille-club). Модель гибкого эгалитаризма мужа и жены идет на смену традиционной доминантно*ед*сти

мужчины. Смысл этой модели семьи в том, что здесь минимизированы претензии на верность и вечную любовь, а супруги в основном стремятся к балансу в отношениях, согласию и удовольствиям. Ребенок в такой семье обретает роль полноправного партнера отношений. Это модель семьи как ассо*ед*циации свободных людей, которые взаимодействуют на основе договоренностей или своего рода контракта. Договор утрачивает силу в случае отречения от него одного из партнеров. Поэтому в данном случае законный брак и свободный союз поч-ти не различаются. Выбор между этими двумя формами брака связан скорее с соображениями удобства, нежели с принципами [6,с.125]. Английский социолог Дж.Флетчер [7] обозначает перспективную модель семьи как «брак между добрыми друзьями» («themarriage of Good Friends»), где преобладает установка на совместное проживание и выполнение обязанностей по выращиванию детей. Тождественность французской модели «семья-клуб» и английского «брак между добрыми друзьями», являются общеевропейским трендом конструирования семьи. Стремительность и разнонаправленность информационных и социально-политических потоков современности ставит перед нами вопрос о том, в каком стиле развивается поле семейного благосостояния и семейных ценностей в современном казахстанском обществе. Х.Аргынбаев [8]делал выводы о том, что изменения во взаимоотношениях членов казахстанской семьи начались уже в 70-х годах прошлого века. Он говорил о преодолении зависимого положения невестки не только по отношению к родителям мужа, но и к самому мужу. Все большее распространение получают дружеские, равноправные отношения в семье. В настоящее время в менталитете казахстанцев представления о семье подвергаются трансформации в сложных условиях ломки старых ценностей и формирования новых социальных, экономических, семейных отношений. Это связано не только с увеличением мобильности населения, укрупнением городов, доступностью общемирового информационного пространства и глобализацией экономических процессов и институтов, но и с эволюцией базовых общечеловеческих ценностей. В этой связи, интересно проследить, какова мотивация брачного поведения, как и кем, она конструируется. Согласно выводам социологических исследований «для современной молодежи брак - это уже не обязательно отношения «на всю жизнь». Было выявлено, что 58% девушек и 54% юношей считают, что в брак можно вступать несколько раз, а причиной развода может стать просто «угасание чувств» [9,с.191]. В ходе исследования, проведенного в 2008 году в Иркутске, желание узаконить отношения является ведущим мотивом лишь для 4,5% ответивших. Показательно, что небольшое значение для вступающих в брак имеют

все виды формализации брачных отношений, абсолютное большинство-71,1% ответивших считает, что главное в браке - это «быть вместе». Регистрацию брака считают важной 11,4%, заключение брачного контракта - 4,1%, венчание в церкви - 3,71% [10,с.127]. Каждый третий ребенок сегодня рожден вне брака. При этом большинство таких детей имеют обоих родителей. Есть сведения, что в Москве таких браков 40%, во многих европейских столицах эта цифра доходит до 70%. В 2014 году вне зарегистрированного брака родилось 22,6% , если сравнивать с 1980 она едва превышала 10% [11]. С другой стороны сегодня мы наблюдаем своего рода возврат к традиционным взглядам на семью и подтверждение этому находим на высшем уровне управления государствами. Провозглашение нового государственного устройства Казахстана - Президентской республики - позволяет утверждать, что решено соединить ценность новых демократических институтов и национальных традиций. Черпать силу, в том числе через структуру государственного устройства решено опираясь на традиции, которые поддерживает народ, проживающий на его территории. Официальный дискурс демонстрирует, что вопросы о том, как в переходных условиях для всех общественных институтов решать важные для сегодняшнего Казахстана задачи и как повысить социокультурный, образовательный потенциал современной молодежи отчасти делегируются для решения в рамках института семьи. Новые задачи поставлены в области системы гражданского воспитания - привить на национальную почву ценность личности, свободы, ответственности, терпимости к различиям, современной политической культуры. О том, каковы перспективы благосостояния семьи для казахстанского общества в дальнейшем, можно судить по взглядам и убеждениям молодежи на этот счет. Согласно опросу Научно-исследовательского центра «Молодежь», 78,2% респондентов 14-29 лет назвали семью приоритетной жизненной ценностью. Большинство молодых людей в РК (65,2%), поддерживают регистрацию брака. Для 21,2% молодежи официальное оформление семейных отношений не является обязательными. 4,5% молодых людей и девушек считают, что достаточно религиозного обряда или обручения. Наиболее частой причиной вступления в брак молодые респонденты называют «желание быть вместе с любимым человеком» - 61,7% от общего числа опрошенных. Желание иметь детей занимает второе место среди причин вступления молодых в брак (13%). Следуют совету родителей или родственников в этом вопросе 12,7% опрошенных. Начинают свою семейную жизнь в соответствии со сложившейся в обществе традицией («так принято») - 4,8% представителей молодежи. И очень небольшая доля молодых людей вступает в брак из-за боязни одиночества - 3,2%»[12].

Данные иллюстрируют достаточно высокую ценность традиционной семьи, важность материнства и деторождения. Ряд исследователей семьи (О. Хазова и др.) [13,с.144] отмечают и в России так называемый «патриархальный ренессанс» или нарастание тенденций возрождения традиционных семейных ролей и уклада. О тенденциях «отката назад» писал и Д. Херцог [14], отмечавший противоречивость процесса либерализации в сфере семейных ценностей форм и традиций. Он писал о регулярных «от*ед*катах назад», постоянной обратная реакция против таких прав, как свободный до*ед*ступ к контрацепции или свобода гомосексуальных отношений. При этом речь идет о процессах, связанных не только с политической властью и церковью, но и с движениями «снизу». Казахстан - не исключение. Например, сегодня населению предлагаются разные рецепты семейного благополучия. Отдельные парламентарии предлагали легализацию института многоженства, по их мнению, многоженство реально может изменить демографическую ситуацию в стране. Однако это не нашло пока широкого распространения среди казахстанских парламентариев во избежание разрушения позитивного имиджа Казахстана [15,с.156]. Все чаще звучат высказывания в СМИ и с высоких трибун о том, что для оздоровления демографической ситуации республики необходим возврат к традиционной семье, педалируется так называемый «восточный тип демографического поведения», который противопоставляется диффузному западному, где нет установки на многодетность и жесткую экономическую зависимость женщины от мужчины. Н. Ювал-Девис в этой связи пишет, что национальная мифология оперирует образами мужественности и женственности, которые преимущественно соответствуют традиционным гендерным ролям [16,с.158]. В республиканских средствах массовой информации, в политических и академических дискурсах муссируется необходимость возрождения традиционных ролей материнства и это становится элементом государственной идеологии. В научном поле также заметно представлен неотрадиционалистский дискурс в отношении семьи, а сама семья рассматривается как винтик для возрождения государства и чистого этноса [17]. Другими словами, казахстанской семье сегодня предлагается еще одна функция - сохранять традиционный гендерный и социально-экономический порядок в семье, ориентированный на репродукцию для возрождения государственности и этнической массы. Реальность наполнена примерами нарастания движений нео-фундаментализма (не только в исламских государствах, но и в европейском и российском христианстве), непринятие альтернативных форм семьи и брака - свидетельствует о том, насколько спорным остается вопрос о векторе движения к полистилистической модели социального

развития семейного благосостояния. Происходящая идеализация традиционной, патриархальной семьи как нормы на государственно-политическом уровне - это путь к моностилистике, когда все остальные формы и модели семьи автоматически отвергаются и стигматизируются. А именно эту тенденцию мы наблюдаем сегодня и в Казахстане, и в России, и во многих других обществах. Неотрадиционализм сводит функции семьи к репродукции, а соответственно к пропаганде многодетности, осуждению малодетности и бездетности, гендерной экономической зависимости, запрету контрацепции и абортов. Д.Херцог прослеживает противоречивые тенденции в трансформации семейных норм и ценностей «в начале XX в. идея предупреж*ед*дения беременности воспринималась обще*ед*ством враждебно, а власти поощряли простие*д*туцию как нечто полезное и даже необходимое для института семьи, то в конце века все иначе: проституция и аборты воспринимаются как бо*ед*лее аморальные действия, чем контрацепция» [18]. Сегодня не только сохраняется, но зачастую набирает силу религиозная и политическая оппозиция либерализации семейных норм и ценностей. Уточнение условий двух выявленных векторов (либерализации и архаизации) изменения современной семьи и ее благосостояния выводят нас на необходимость анализа семейных норм и ценностей (к которым еще предстоит вернуться) и разделение факторов социального конструирования семейных норм на внешние (социальные) и внутренние (личностные). Вместе с тем, при более глубоком анализе данной типологии мы наблюдаем взаимовлияние и целостность связи внутренних и внешних факторов конструирования правил и порядков в системе семейных отношений. Так, социальные установки и ожидания от семьи, ценностные ориентации в семейной сфере, внутри личностные ожидания от мужа/жены и прочее - это, несомненно, внутренние факторы и паттерны личности. Однако эти установки и ориентации являются структурно обусловленными и сформированными в процессе воспитания, социализации личности и социальной адаптации. Поэтому внешние факторы (влияния социальной среды) воздействуют на внутренние факторы (личностные паттерны и особенности) и обусловливают структуру семейных ролей, ожиданий и статуса семьи по шкале благосостояния. Рассмотрим их подробнее. Проблема соотношения внешних и внутренних детерминант является одним из основных вопросов социологии, диагностируя механизмы организации смыслов, действий, социальных фактов и конструктов. Следует отметить, что изучение внешних факторов связано с процессом социализации и усвоения норм, правил, смыслов и ценностей окружающей (социальной) среды, тогда как анализ внутренних факторов включает феноменологические объяснения и оперирует понятиями

личность, личностный выбор, человеческие особенности. В этой связи неизбежно возникает дилемма о первичности - внешней (объективной, социальной) или внутренней (субъективной, личностной) обусловленности процесса формирования семейного благосостояния и норм семейных отношений. О роли внешних, социально-средовых факторов рассуждали мыслители прошлого. Высоко оценивая роль социальной среды ученые древности и средних веков (К. Гельвеций, Д.Дидро), пришли к заключению, что изменить человека, можно лишь изменив среду. Британские мыслители Р.Оуэн и Д. Локк, указывая на решающее влияние среды, как чего-то неизменного, фатально предопределяющего судьбу человека, при этом рассматривали самого индивида как подвергающегося влиянию. О социальной обусловленности деятельности человека много написано в социально-педагогической и социально-психологической литературе (Л. Выготский [19],А.Макаренко, В.Сухомлинский). Однако согласно теории конструктивизма человек отнюдь не пассивный продукт среды, он активный агент ее изменений и источник конструирования новых норм, смыслов и реалий. Изменяя среду и формируя новые нормативные поля, индивид тем самым изменяет самого себя.

Источники и литература

1) Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, Vol. 42,№ 1.Population Reference Bureau, Washington D.C., 1987.-P.284. 2. Вишневский, А. Г. Время демографических перемен: избр. ст. [Текст] / А. Г. Вишневский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». -М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. - 517 с. 3. Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования, 2004. № 5 //URL: http://www.isras.ru /files/File/Socis/2004-05/mitrikas.pdf. (дата обращения12.08.2017). 4. Короткова А.В. Социологические исследования аудитории СМИ в России // Теоретические и прикладные проблемы сервиса. №4 (21). 2006. – 0,2 п.л. 5. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства //URL: http://demographia.net/ journal/2014-04/antonov(дата обращения 25.11.2017). 6. Цит по: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVII-XX вв.). – М.,1997.- С. 125 7. Fletcher A. The Shaking of the Foundations. Family and Society.London. New York: Rout ledge, 1988.-287 p. 8. Аргынбаев, Х. А.Семья и брак казахского народа, А., 1973; Ар-

гынбаев, Х. А.Казахская семья, А., 1996. 9. Гурко Т.А. Брак и родительство в России – М.: Институт социологии РАН, 2008. –С. 191. 10. Гольцова Е.В., Лещенко Я.А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости// Социологические исследования. 2010. № 2. С. 127. 11. Щербакова Е. Демографические итоги I полугодия 2015 года. //URL: http://demoscope .ru/ weekly/2015/0655/barom01.php (дата обращения 25.11.2017). 12. Семья – первая в списке ценностей//URL: http://www.zakon .kz/4669659-semja-pervaja-v-spiske-cennostejj.html (дата обращения 20.01.2015) 13. Хазова О.А. Семейное законодательство: результаты проведенной экспертизы // Гендерная экспертиза российского законодательства: теория и практика / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. М. 2002. № 4 (160). С. 44. 14. Херцог Д. Сексуальная революция и ее издержки// НЛО №177 (5) 2012. //URL: http://www. nlobooks.ru/node/2617 (дата обращения 20.01.2015). 15. Резвушкина Т. Семейно-демографическая политика в Республике Казахстан: официальный дискурс и повседневные практики// Политика семьи и детства в пост социализме. Колл.моногр под ред. В. Шмидт, Е.Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант» ЦСПГИ, 2014. С. 156 16. Цит по: Резвушкина Т. Семейно-демографическая политика в Республике Казахстан: официальный дискурс и повседневные практики// Политика семьи и детства в пост социализме. /Под ред. В. Шмидт, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант» ЦСПГИ, 2014.С 158 17. Нуртазина Н.О ментальности, религии и культурной перекодировке казахов //URL: https://www.altyn-orda.kz/o-mentalnosti-religii-i-kulturnoj-perekodirovke-kazahov-n-nurtazina (дата обращения 20.01.2017) 18. Цит по: Третьяков В. История сексуальности и понятия о ней в XX веке// НЛО. 2012 №117. //URL: http://magazines.russ.ru /nlo/2012/117/t37.html (Дата обращения 20.10.2017) 19. Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры / под ред. М.Г. Ярошевского. – М., 1996.- 512 с.

Филипова Александра Геннадьевна

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Город и дети: точки согласия и конфликтов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-511-00019

Урбанисты часто подчеркивают, что город должен быть соразмерен горожанам и проводят доводы относительно малоэтажности домов и ширины улиц. Но если говорить про маленьких горожан, то это вопрос соразмерности города ребенку. Януш Корчак впервые заговорил о необходимости создавать домашнюю мебель соразмерной ребенку, но с изменением отношения общества к детям, возникла потребность сделать деторазмерным город.

Для исследования особенностей социальных взаимодействий детей и современного города были выбраны методы экспертного интервью и детско-подростковых фокус-групп.

Один из экспертов исследования говорит о «деторазмерном регистре» как ориентации разных мест на детские потребности и продолжает свою мысль: «*Если это театр - то просто спектакль детский. Музеи никак не меняют свою среду для детей и не делают музеев для детей. Есть отдельные программы для детей в этом же самом музее. Придет педагог и на этой же экспозиции, часто теми же словами, что и для взрослых*» (эксперт, жен., культуролог, СПб).

Другой эксперт рассказал о посещении музеев вместе со своим трехлетним ребенком:

мы сходили в Русский музей с трехлетним ребёнком и сколько мы огребли! Сидите не там, вы близко подходите...там скульптура в таком закрытом куполе мне нужно было поднять его, чтобы он на эту лошадь посмотрел...я посчитала, мы за час получили 11 замечаний. . . сидите не там, не стойте близко, сели на пол — нельзя. . . в Русском музее было продемонстировано, что ребенок может прийти в музей только тогда, когда он начнет понимать, как минимум, как грабарь искусства.. а как он начнет понимать? Если его не пустили в три (эксперт, жен., социолог, СПб)

Деторазмерный регистр, как правило, выдерживается коммерческими учреждениями - кафе с детскими игровыми комнатами, маленькими унитазами и подставками под ноги, чтобы дети доставали до умывальников; кинотеатрами с подушками, на которые может сесть ребенок, чтобы быть повыше; детскими уголками в банках, витринами магазинов в рост ребенка и пр. Ориентация на детей коммерческих учреждений, с одной стороны, призвана сделать максимально комфортным пребывание в нем взрослых с детьми, а, с другой, вовлечь детей в процесс потребления, влиять на взрослых через детей.

Примером такого коммерциализированного, но дружественного детям пространства, является ИКЕА:

они же помешаны на дружелюбной среде... потому что у них в каждом отделе есть зона для ребенка. Пока родитель выбирает (они очень продумали это) - ребенок успевает поиграть в какую-то игру. А потом в другом отделе - другая игра. Кроме того они построили за пределами своего здания отдельно огромную детскую площадку и там народ всегда сидит на выходных. И там проводят мастер-классы, где предлагают полепить, допустим... (эксперт, жен., культуролог, СПб)

*Икеа в Кудрово стала для меня откровением. Это лучшая молодежная спортивная площадка, которая может быть в городе вообще. А мы-то приехали специально туда посмотреть, потому что неоднократно слышали положительные отзывы. Это места, в которых можно безопасно, весело провести время. (*эксперт, муж., педагог, СПб)

Эксперты и дети, молодые люди - участники исследования - привели в качестве примеров еще несколько городских мест, дружественных детям и молодежи. В целом можно заметить, что они отвечают общим принципам организации городских пространств для всех групп населения - привлекательные, умные, зеленые, доступные.

Школьникам и студентам - участникам исследования было предложено составить рейтинг и антирейтинг дружественных к ним городских мест. Для итоговых шкал были отобраны места, получившие более пяти выборов.

Рейтинг дружественных мест возглавило пространство «Новая Голландия». Вот, что написали о нем дети: «открытое пространство», «специально высаженные деревья и газон», «нет дурацких ограничений в виде запретов на ходьбу по газонам», бесплатны многие сервисы, «парковая зона в центре города», «нравится все, так как территория отделена от городской суеты», «грамотная логистика и организация пространства».

Возглавили антирейтинг «окраины», к которым респонденты отнесли Дыбенко, Девяткино, Парнас и пояснили свою точку зрения: «большое количество людей, которые никак не объединены общей целью - «муравейник», «спальные районы, в которых ничего интересного не происходит», «нет людей, к кому можно обратиться за помощью».

Филоненко Виктор Иванович

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Семья – основной агент социализации вузовского студенчества

В рамках концепций человеческого и социального капитала общественное положение человека измеряется не только и не столько его индивидуальными чертами, жизненными и ценностными ориентациями, профессией, но и базисной, исходной позицией жизненного старта, обусловленной положением родительской семьи в социальной структуре общества. Своеобразие и механизм социокультурного, духовного и мировоззренческого воздействия семей на вузовское студенчество рассматривается нами по следующим признакам: мотивы выбора профессии; качество образования в средней школе; место проживания до поступления в вуз; ресурсные возможности родителей, их профессиональный статус и образовательный уровень; состояние взаимоотношений между родителями и детьми. Основой данного анализа являются результаты мониторингового исследования, проведенного автором в 2006 г., в 2011 и 2016 годах по изучению проблем, противоречий и парадоксов социализации учащихся вузов Ростовской области и Юга России.

Доминирующим основанием выбора профессии в вузах различного типа и ранга стало удовлетворение собственных интересов, развитие способностей и самосовершенствование - от 51,0% в 2006 г. до 58,9% в 2016 г. По рекомендации родителей/родственников с будущей специальностью определились 18,7% в 2016 г. против 32,5% в 2006 г. Установлено, чем ниже образование отца, тем реже абитуриенты прислушиваются к мнению членов семьи в выборе специальности.

Результаты нашего изыскания подтвердили преобладание парентократической (родительской) модели, в которой образование детей в нарастающей степени обусловлено благосостоянием и желанием самих родителей, нежели от их личных способностей и усилий. К примеру, в 2006 и 2011 годах около 25% опрошенных поступили в вузы Южного и Северо-Кавказского федерального округов после окончания школы нового типа, а в 2016 г. этот показатель достиг почти трети.

Прямая корреляция переменных между образованием родителей и категориями школ позволили установить, что в школах нового типа обучалось 64% респондентов, отцы которых имели высшее образование. В то время как в традиционных школах таковых оказалось около 47%. Примечательно, что в лицеях, гимназиях и профильных школах в 2016 г. обучалось свыше 40% детей, чьи отцы являлись руководителями предприятий, учреждений (в сопоставлении с данными 2006 г. рост на 7,4%), около 38% - дети руководителей структурных подразделений (рост на 12,2%), почти 35% - дети предпринимателей и коммерсантов (рост на 12,7). Мониторинг позволил зафиксировать устойчивый рост численности студентов - жителей крупных, средних и, отчасти, малых городов.

Во всех трех этапах нашего изыскания определено, что каждый второй студент совмещает работу с обучением в вузе. При этом большинство обладателей вторичной занятости имели эпизодическую или временную работу и лишь от 10% до 13% - постоянную. В составе данного большинства почти 80% трудились по причине слабой ресурсной базы родительских семей, остальные - с целью экономической независимости от родителей. Более двух третей «обладателей» эпизодической занятости - представители сельских поселений и малых городов Юга России.

Важным критерием, характеризующим роль и место семьи в процессах базовой социализации студентов, выступает уровень и качество взаимоотношений молодых семей с родителями. Корреляционный анализ межличностных отношений в семье позволил нам выделить три категории учащихся вузов: благополучные, конфликтные, отчужденные. В первой категории - самой многочисленной - во взаимоотношениях с родителями господствует уважение, взаимопонимание. У них установились взаимопонимающие отношения с профессорско-преподавательским составом, от 65% до 80% видят в них пример для подражания. В категории конфликтных находятся те, у которых с родителями сложились напряженные, раздражительные отношения, которые не допускают их в свою личную жизнь. Наконец, для выразителей категории отчужденных семья - источник карманных денег, бытового комфорта и территория мирного сосуществования (и в 2006 г., и в 2016 г. таковых оказалось более 16%).

Результаты нашего мониторингового исследования дают основания сделать следующие выводы: состав учащихся современных университетов ассиметричен социальной структуре местного сообщества; действия семьи, школы, вузов фрагментарны и разновекторны; высшая школа плохо функционирует как социальный лифт для студентов из слаборесурсных семей. Кроме того, уже при поступлении в высшее учебное заведение молодежь обладает разнообразным социальным и материальным багажом, который выступает основой наличия социальной напряженности и конфликтности в студенческом сообществе.

Цинченко Галина Михайловна
Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

Практика факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС по формированию здорового образа жизни студенческой молодежи.

ЗОЖ создает для студентов социокультурную микросреду, в условиях которой возникают предпосылки для творчества, повышение работоспособности, общественной активности. Создание благоприятной социокультурной микросреды зависит от организационной среды ВУЗа, его политики, направленной на формирование и пропаганду ЗОЖ. На Факультете социальных технологий Северо-Западного Института Управления Российской Академии Народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (далее - ФСТ) настоящее время обучается 980 студентов, большинство из которых иногородние. Согласно исследованию, проведённому в 2015 году [1], только 20,9 % молодых людей никогда не употребляли алкоголь и 45,6 % не курили. Согласно анализу самооценки здоровья, 56% учащихся считают свое здоровье хорошим, 32% - удовлетворительным, 10% - плохим. У 37% учащихся диагностированы заболевания опорно-двигательного аппарата, у 19% - органов зрения, 16% имеют заболевания лор-органов и дыхательной системы, что свидетельствует об определенном образе жизни студентов. Низкий уровень физического здоровья заметно влияет на социально-психическое самочувствие: 26% студентов беспокоятся за свою профессиональную карьеру, 21% - за создание семьи и здоровье будущих детей, 19% не уверенны в своих силах. Однако, при этом более 61% студентов заботятся о здоровье «от случая к случаю» и только 24% постоянно. Интересно отметить, что занятия спортом и занятия физической культурой по мнению студентов ФСТ не так важны для поддержания здоровья, как отсутствие вредных привычек и состояние экологии [1, с.168]. Политика СЗИУ РАНХиГС в отношении ЗОЖ является реализуется по направлениям: мониторинг состояния здоровья учащихся с распределением студентов по группам здоровья и выделением групп риска; контроль условий обучения в соответствие требованиям СанПиН; направленность физической культуры как оздоровительного элемента учебного процесса. В 2016-2017 учебном году СЗИУ РАНХиГС занял 1 место в городе Санкт-Петербурге по организации спортивной работы среди студентов. Модель здорового образа жизни СЗИУ РАНХиГС состоит из модулей с собственными задачами, которые образуют целостную систему. Так например, административно-правовой модуль, включает нормативно-правовую базу политики здоровья в СЗИУ РАНХиГС и контроль за ее модернизацией. Медицинский модуль реализует лечебно-профилактическую работу учащимися.

Образовательный и научно-методический модуль, включают научно-методическую литературу, видеофильмы, плакаты и т. д. Информационно-пропагандистский и социально-воспитательный модуль, проводят общеинститутские акции с целью профилактики социально-негативных явлений. Задачи СЗИУ РАНХиГС по здоровому образу жизни состоят в: обучении основам ЗОЖ, сохранении и поддержании здоровья учащихся; формировании у студентов потребности в ЗОЖ; высоком уровне физподготовки студентов, осознании необходимости физической активности как необходимого элемента ЗОЖ; формировании у студенческой молодежи потребности в регулярных занятиях массовой физкультурой и спортом ,а также пониманию необходимости физкультурно-оздоровительных занятий. Политика СЗИУ РАНХиГС предусматривает условия для решения вышеизложенных задач. Особое значение уделяется разработке и внедрению не только системе мер по оздоровлению студентов СЗИУ РАНХиГС и внедрению в деятельность ВУЗа передовых достижений науки и практики в сфере ЗОЖ, но и профилактике девиантного поведения, алкоголизма и наркомании в студенческой среде, созданию единого пространства для формирования и воспитания гармонично развитой личности, физического и психического комфорта в условиях СЗИУ РАНХиГС [3].

Итак, политика факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС по формированию здорового образа жизни в студенческой среде базируется, прежде всего, на профилактике заболеваний, оздоровлению обучающихся, пропаганды и обучения навыкам ЗОЖ, включая комплекс мероприятий не только по сохранению, укреплению и охране здоровья обучающихся, но и по формированию положительных ценностных установок к здоровому образу жизни.

Источники и литература

1) Шамахов В.А., Клюев А.В., Григорьева К.С. Духовно-патриотические ценности и приоритеты студентов северозападного института управления РАНХиГС / В.А. Шамахов, А.В. Клюев, К.С. Григорьева // Управленческое консультирование. - 2015. - № 5 (77). - С. 136-151

2) Анисимова С.Ф. Отношение студентов к здоровью как ценности (по материалам социологического исследования) / С.Ф. Анисимова // Управленческое консультирование. - 2014. - № 3. - С.157-166.

3) Цинченко Г.М., Орлова И.С. Анализ факторов, влияющих на формирование здорового образа жизни студентов / ЗДОРОВЬЕ НА-

СЕЛЕНИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: электронный сборник материалов VI Всероссийской с международным участием заочной научно-практической конференции/ под редакцией з.д.н. РФ, проф. В.С. Лучкевича. – Ч.2 – СПб., 2019. – 421 с. (с. 3387-347)

***Четвертков Егор Васильевич*[1]*, Терехов Дмитрий Александрович*[2]**

1 - ФГБОУ ВО СибГИУ, Новокузнецк, Российская Федерация; 2 - ФГБОУ ВО quot;СибГИУquot;, Новокузнецк, Российская Федерация

Проблема ценностных трансформаций в современном российском обществе

В современном обществе ценности сменяют друг друга, ценностные ориентации меняются постоянно, даже во время равномерной эволюции. Во времена же революционных периодов, при глобальных изменениях общества, ценностные ориентации и ценностная шкала общества может кардинально изменится [1, с. 105]. В большинстве случаев процессы изменения ценностей в такие времена имеют стихийный, неконтролируемый характер.

Для российского государства на протяжении большего периода истории свойственна неоднородность ценностных ориентаций. Это в первую очередь связанно с тем, что на ее необъятной территории проживало множество народов с разнообразными культурами и религиями. Система ценностей современного российского общества представляет собой компромиссный набор представлений, который практически невозможно согласовать и упорядочить, в нем сосуществуют кардинально отличные ценностные ориентации [2, с. 29].

Система ценностей российского общества подвержена, во-первых, влиянию глобальной тенденции модернизации ценностей, во-вторых, «вестернизации» и «американизации» ценностей, то есть перениманию ценностных ориентаций западного общества. При этом система ценностей современного российского общества все еще сохраняет исконно русские традиционные ценности. По мимо этого продолжается процесс модернизации ценностей — постепенный переход от коммунистических к посткоммунистическим ценностям. Кроме этого, в некоторой части современного российского общества происходит архаизация ценностей — принятие ценностей.

Общемировая тенденция такова, что на смену старым ценностям приходят такие как «мир», «консенсус» и «ненасилие», «демократизация»

и «гуманизация», недопущение развития за счет разрушения окружающей среды, творческая самореализация, разум. Центральным звеном при этом выступает сам человек, его жизнь и развитие, человек, способный предвидеть последствия своих действий и не допускающий отклонения от сбалансированного развития системы «Человек — Общество — Природа» [3, с. 85]. Эта тенденция развития ценностей наблюдается и в некоторых слоях российского общества.

Одним из основных направлений изменений ценностей российского общества является индивидуализация жизни граждан. Ценности в посткоммунистической России действительно противоречат друг другу. Нежелание жить по-старому сочетается с разочарованием в новых идеалах, которые оказались для многих либо недостижимыми, либо фальшивыми.

В то же время некоторая часть российского общества придерживается архаических ценностей. Ценности, имеющие земледельческую, архаическую основу, функционируют в среде различных маргинальных групп городских жителей, интеллигенции, студенчества, рабочих и не только не имеют сакрального или практического смысла, как таковое было на момент зарождения этих ценностей, но и не воспринимаются с должной степенью глубины и содержательности.

Ценности старой культуры стали выступают в общественном сознании как традиционные, общезначимые. Сохранение архаической системе ценностей во многом обусловлено тем, что они узаконили жизнь на принципах, которые воспринимались едва ли не как наиболее рациональные

Под влиянием истории государства россияне принимают ценности прошлых эпох, учатся терпеть, мечтать о лучшем, стремится к светлому будущему, уметь не упускать шанса и «крутиться», уметь взаимодействовать с вещами и не зависеть от них.

Не последнее место в системе ценностей современного российского общества занимает патриотизм, ценность родины.

И все же тенденции развития системы ценностей современного российского общества таковы, что со временем традиционные ценности российского общества если не полностью, то в большей своей части будут замещены ценностями западного общества. На данный момент национальные традиции, духовно-нравственные ценности и ориентиры большей части российского общества постепенно уступают место ценностям западного общества. Западная культура культивирует ценности неолиберализма, такие как эгоизм и чувство наживы. Западная массовая культура разрушает и обедняет национальное общественное сознание. В то же время западные ценности пропагандируют веру в собственные силы,

в себя, ориентацию на результат, равенство, демократию. То есть ценности по большей своей части полезные для современного развивающегося общества.

Система ценностей в современном российском обществе пребывает в хрупком балансе: с одной стороны можно заметить сильное влияние западных ценностей, с другой же видно, что национальные, традиционные ценности до сих пор актуальны. Ценностная система российского общества так же подвержена влиянию архаических ценностей, не стоит забывать и о происходящем подстраивании коммунистических ценностей под современные реалии. Определенно стоит учесть и то, что Россия является многонациональной страной, а следовательно, неизбежен и конфликт ценностей различных народов.

При этом стоит заметить, что в российском обществе ценности вступают в конфликт только лишь в открытой конфронтации ценностных систем, а до этого момента могут сосуществовать друг рядом с другом без каких-либо ощутимых последствий.

Источники и литература

1) Ковыршина С. В. Автобиография как форма социального мифотворчества : монография / С. В. Ковыршина ; Сиб. гос. индустр. ун-т. – Новокузнецк : СибГИУ, 2008.
2) Ковалев В. В. Трансформация ценностей в российском обществе: новые вызовы и старые стереотипы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. №1. С. 29-33.
3) Шаров А.В. Трансформация ценностей в меняющемся мире // Вызовы современности и ответственность философа. / Материалы «Круглого стола», посвященного всемирному Дню философии. Кыргызско-Российский Славянский университет. Под общ.ред. И.И. Ивановой Бишкек: 2003. С.85-88.

Чучадеева Людмила Сергеевна

НИ МГУ им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Проблемы семейной и внесемейной социализации детей-инвалидов по зрению

С помощью зрения человек получает большую часть информации о устройстве внешнего мира и об изменениях, происходящих в нем. Частичная или полная утрата зрения приводит к трудностям и проблемам,

как в бытовой сфере, так и в социальной. По России статистика неутешающая: снижение зрения наблюдается у каждого второго жителя нашей страны, в том числе и у детей. Так, с близорукостью в первый класс приходит уже 5% детей, к одиннадцатому классу их становится 25-30%, а к окончанию института - уже 50-70%.

В настоящее время социализация людей с нарушениями зрения является предметом исследования специалистов многих отраслей. В жизни детей-инвалидов по зрению весьма много проблем социального характера. Как правило, ребенок-инвалид, ровно как и остальные его сверстники, основы социализации получает в семье. В семье даются первичные знания об окружающей среде, о правилах поведения в ней, здесь же приобретаются базовые навыки. Но к сожалению, не у всех родителей формируется правильное восприятие существующей ситуации. В результате чего может возникнуть такое явление, как гиперопека, чреватое такими негативными последствиями, как инфантильность, отсутствие самостоятельности.

Родители детей со зрительной патологией зачастую не понимают, что весьма важное условие воспитания - включение ребенка в домашнюю жизнь. Они пытаются ограничивать его от элементарных обязательств, практически все делая за него. В таких семьях ребенок длительное время отстранен от любых других неродственных социальных связей. Жалость, страх, боязнь насмешек толкает родителей на устранение всех факторов риска.

Противоположной моделью воспитания незрячего ребенка является гипоопека. Она подразумевает под собой ограничение заботы и внимания по отношению к ребенку. В данном случае есть большой риск развития у инвалида замкнутости, недоверия, неумения принимать любую помощь извне [2, с.84].

Нарушения зрения влекут за собой не только сенсорную (зрительную) депривацию, но и депривацию эмоциональную (аффективную) и социальную. При этом следует также иметь в виду, что при врожденной или рано приобретенной слепоте дети оказываются лишенными не только зрительных стимулов - у них резко сокращается стимуляция других модальностей в связи с недостаточным развитием сохранных анализаторов, ограниченной мобильностью, бедностью социальных связей и отношений.

Поскольку деформация зрительных функций ведет к нарушению социальных отношений, у инвалидов часто возникает ряд негативных социальных установок. И в детском, и в подростковом возрасте они подвержены привычке избегания зрячих. В будущем у некоторых вырабатыва-

ется такая форма жизнедеятельности, как иждивенчество. Социальное иждивенчество, не обращаясь к его вынужденным формам, в широком смысле представляет собой сформированный по различным причинам отказ от индивидуального развития и достижения социально значимых целей.

Также может наблюдаться синдром неадекватного ситуативного поведения. Незрячие дети в большинстве случаев растут некоммуникабельными. Неуверенность в себе, скованность не дают раскрыться внутреннему потенциалу детей-инвалидов. У них практически нет друзей, они не посещают тематические кружки, не участвуют в активных досуговых мероприятиях. При общении с незнакомыми людьми дети испытывают дискомфорт. При этом основная их психологическая особенность - комплекс неполноценности, который затмевает все личностные качества человека.

Чаще всего незрячие дети получают образование дистанционным способом, либо посещают специализированные интернаты, основной задачей которых лишь отчасти является их социализация в современном мире. Это провоцирует эксклюзию: ограничение доступа к жизненно важным социальным институтам. Под социальной эксклюзией подразумевается механизм, отделяющий группы людей от главного социального потока [1, с.22].

Исследователем Калимулиной были определены основные условия, обеспечивающие преодоление данного феномена. К ним относятся адекватное субъектное включение ребенка-инвалида в процесс социальной интеграции ребенка-инвалида в процесс обучения в массовой школе совместно со здоровыми детьми; на получение детьми-инвалидами профессионального образования и включение их в ту или иную деятельность, а также организацию досуга [163, с.21].

Отношение же социума к детям-инвалидам неоднозначное. Конкретно в нашей стране к инвалидам в целом выстроено покровительственное отношение. Фундаментом их поддержки являются дополнительные льготы и денежные выплаты со стороны государства. Однако, доступность социальной реабилитации носит идеальный характер лишь в теории и в нормативно-правовых документах. Комплексность и масштабность намеченных задач пока не позволяют осуществить создание комфортной и безопасной среды для незрячих, что является основной целью социальной реабилитации.

С целью преодоления проблем социализации детей инвалидов по зрению с их семьями должна проводиться психолого-просветительская работа. Также возможно внедрение в семью технологии социального пат-

ронажа, которая способствует правильному выбору модели воспитания незрячего ребенка и рациональному созданию адаптационных условий. В городах и селах необходимо создание специализированных реабилитационных кружков, где будут проводиться индивидуальные и коллективные адаптационные мероприятия, которые будут направлены на восстановление социальных функций незрячего человека и тренинги в обучающем игровом стиле. Основная цель предполагаемой деятельности - воссоздание коммуникативной функции и приобретение устойчивого социального и психологического статуса инвалида в обществе.

Следующий шаг - повышение готовности общества к интеграции с инвалидами, что тоже несомненно важно. На данный момент не все адекватно расценивают возможное взаимодействие с инвалидом по зрению, в виду существования эмоциональных, коммуникационно-психологических барьеров, стереотипов и различных мифов.

Не нужно маскировать, утаивать или же вовсе умалчивать о проблеме социализации детей-инвалидов по зрению. Напротив - необходимо выставлять этот неразрешенный острый социальный вопрос на широкое обозрение не только в научно-исследовательской среде, но и на уровне СМИ. Непосредственно для того, чтобы привлечь к данному вопросу внимание и общественных, и образовательных организаций. Так как решение существующей проблемы может коренным улучшить жизнь незрячих людей.

Источники и литература

1) Астоянц М. С. Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии : дис. . . д-р. социол. наук : 22.00.06 / Астоянц Маргарита Сергеевна. – , 2007. – Ростов н / Д. – 381 с.

2) Доронина А. А., Панькова Е. Г. Проблема детско-родительских отношений в неполных семьях, имеющих детей-инвалидов / А. А. Доронина, Е. Г. Панькова // Подросток в мегаполисе : продолженное взросление. – 2019. – № 12. – С. 83–86.

3) Калимулина Э. Р. Проблемы социальной защиты детей-инвалидов в условиях современного российского общества : автореф. дис. . . канд. социол. наук : 22.00.04 / Калимулина Эльза Рамисовна. – Уфа, 2007. – 21 с.

Шкурупей Ольга Викторовна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Северо-Западный инстититтут управления, Санкт-Петербург, Россия

Социальная поддержка молодежи в контексте совершенствования механизмов социальной политики

Реализация государственной политики в сфере социальной поддержки молодежи требует системного многоуровневого подхода. Трансформация социальной поддержки в сфере молодежной политики обусловлена реформированием современного российского общества. Совершенно очевидно, что социальная поддержка молодежи со стороны государства, требует совершенствования механизмов и внедрения новых инструментов по социализации и адаптации молодежи в обновленных условиях социума. Изменения в социальной сфере предполагает изменение в законодательстве. Социальная поддержка представляет собой один из важных ресурсов социального развития молодежи, как на уровне отдельных регионов, так и на уровне государства в целом. Однако единого понимания трактовки понятия «социальная поддержка» в современной научной литературе на сегодняшний день не сформировано. Одна из главных сложностей формулирования единого понятия «социальная поддержка», которое могло бы стать общепризнанным для всего спектра гуманитарных наук, коренится в смешанной природе социальных благ. В зарубежной литературе вопросы социализации молодежи представлены в трудах Ш. Рамон, М.Пейн, Б.Мэнди, Д. Брэндон, К. Хурелман и др. В отечественной литературе российская социологическая мысль - в работах В.Н. Филипова, С.И. Иконниковой, Д.Л. Константиновского. В трудах российских социологов Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Б.А. Ручкин отмечено сужение социальных функций молодежи, социальной адаптации и интеграции подрастающего поколения. [4, с. 64] В трудах (В.А. Богданов, Т.Ф. Горбей, Б.Ф. Кваша, В.Т.Лисовский, В.П. Мощняга. Т.В. Пелевин, Н.Э. Петрова, А.В. Ромашов, П. Савченко, М. Федоров и др.) выделяются вопросы организации социальной защиты различных категорий молодежи. На сегодняшний день можно говорить о том, что молодежная политика в российском обществе сформирована в контексте программно-целевого планирования. Вместе с тем В.И. Чуров и Ю.Аю Зубок в исследовательской позиции характеризуют молодежную политику как инструмент нейтрализации различного рода социальных девиаций. Важность влияния институциональной среды и роли государства как координатора социальной помощи молодежи представлены в неинституциональном подходе А.И. Дискина и Р.А. Капелюшникова. [4, с. 66]

Основную цель молодежной политики со стороны государства отражает необходимость обеспечения общенациональных интересов, реализацию мер по ослаблению социальных неравенств в молодежной среде. Патерналистская модель устройства молодежной политики слабо подвержена изменениям и учету уровня экономической и социальной активности молодежи. Социальную поддержку молодежи следует рассматривать в широком понимании и акцент помощи сфокусировать на адресном подходе. В социальной поддержке нуждаются все без исключения категории граждан, а не только нуждающиеся и низко-адапритрованные категории молодежи. [2, с. 114] Важность и возможность социальной поддержки молодежи заключается в стимулировании деятельности личных и общественных достижений различных слоев молодежи. [4, с. 67] С позиции Б. Скиннера разногласия в обществе следует разрешать с основой на реальные факты, а не с помощью «умозаключительных рассуждений». [3, с. 255] С целью исключения проявления девиантного поведения специально созданные условия без подкрепления формируют новую модель поведения, представляющую наиболее желательную. [3, с. 257] Майские указы Президента Российской Федерации гласят о переходе России к новому технологическому укладу, цифровой экономике и в целом, построения цифрового государства. Цифровизация позволяет создавать новые возможности в системе государственного управления и в социальной сфере в том числе. Инновационные формы общения молодежи и государства в сети способствуют принципу «открытого государства», гуманизации общественных отношений и выведение на новый технологический уровень развития. [1, с. 14] Безусловным фактором социальных различий среди подрастающего поколения является регионализация и локализация, бюрократизм и медлительность в реализации социальной политики. Очевидно, что в молодежной среде происходит усиление социально-имущественных различий, формирования «зон застоя и бедности». Разумеется, в современных реалиях жизни российской молодежи требуются альтернативные модели социальной поддержки, носящие отличительный характер устаревшим формам. [4, с. 69] В заключении отметим, что социальная поддержка молодежи в России представляет собой социальный минимум и «не допускает рисков абсолютного обнищания и деградации молодежной среды». [4, с. 68] Для российской молодежи показателем эффективности социальной поддержки является достижение равенства возможностей без социального уравнительства, исключительности, расизма и высокомерия. Наряду с тем, в государственной социальной политике реализуется принцип добровольческого участия молодежи в социальных проектах и программах. В контексте совершенствования

механизмов социальной поддержки молодежи формируются новые коммуникации со стороны государства и общества. «Российская молодежь настроена на модель взаимных обязательств со стороны государства и молодежи, на паритет социального минимума со стороны государства и самостоятельность молодежи в реализации жизненных стратегий». [4, с. 71] Соответственно, важным предпосылками для развития российской молодежи служит процесс социокультурной трансформации российского общества.

Источники и литература

1) Ветренко И.А. Социально-политические проблемы становления цифрового общества в России. Материалы IV Международного научного форума "Гусударственное управление:роль граждан в построении цифрового государства", 21-23 июня 2019 г., Санкт-Петербург. - СПб.: ИПЦ СИЗУ РАНХиГС, 2019. - 96 с.
2) Козыревва Л.Д. Роль государства и бизнеса в формировании системы социальной поддержки граждан // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. - 2014. - Т. 5. - № 2(14). - С. 113-118.
3) Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы: научная монография / Н.Г. Осипова. - М.: Канон+РООИ "Реабилитация", 2018. - 496 с.
4) Страдзе А. Э. Социальная эффективность государственной молодежной политики и государственной социальной поддержки молодежи: синтез приоритетов и целей // Гуманитарий Юга России. 2017. №5. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 31.01.2020).

«Секция 5. Методология и методика социологического анализа социальных конфликтов (рук. проф. Ю.П. Аверин)»

Руководитель секции:
проф., д.с.н. Ю.П.Аверин
Секретарь секции:
доц., к.с.н. В.А.Сушко, доц., к.ф.-м.н. Г.Б.Прончев

Основные вопросы секции:

- Влияние социально-экономического и ощущаемого качества жизни на формирование социальных конфликтов
- Социальные конфликты в виртуальной среде
- Социализация в социальных сетях как фактор формирования социальных конфликтов
- Информационные технологии как инструмент формирования социальных конфликтов

Аверин Юрий Петрович
Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Качество жизни как фактор формирования социальных конфликтов в нормативной сфере: методология и результаты исследования

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №19-011-00548 Конкурс А. «Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России».

В широком смысле социальный конфликт представляет собой социальное взаимодействие, характеризующееся столкновением и противоборством противоположных интересов, целей и способов действий индивидов или групп по отношению друг к другу или обществу в целом [1,2,6]. Конфликтное взаимодействие индивидов или групп с обществом выражается в отклонении от существующего в обществе социального порядка. Социальный порядок характеризует все структурные и функциональные основания общества, обеспечивающие его существование [3]. Одним из видов социального порядка является нормативный

порядок. Отклонение от него выражается в нарушении норм взаимодействия индивидов или групп с обществом по поводу выполнения предписанных им социальных норм, способов дейчствия в различных сферах жизнедеятельности общества.

Для социологического исследования конфликтов по поводу выполнения индивидами или группами предписанных обществом социальных норм целесообразно использовать синергетическую модель описания социальной действительности. Она объясняет существование и развитие общества как целостной социальной системы через анализ происходящих в нем процессов взаимодействия между людьми [8,9]. В любой общественной системе действуют два противоположных начала - «создающее» и «размывающее» порядок [4]. В общественной системе направленность взаимодействия людей всегда выходит за рамки, «предписанные» существующими отношениями и правилами. Этот процесс «размывает» установленный порядок и, тем самым разрушает общественную систему, порождая нормативные конфликты.

На отклонение от нормативного порядка влияют различные факторы. Одним из них является состояние качества жизни. Для его исследования целесообразно соединение социально-экономической концепции и концепции «ощущаемого» качества жизни в рамках единой концептуальной модели, что позволяет использовать достоинства и устранить ограничения каждой из двух концепций [10,11]. Достоинством интегральной концептуальной модели социологического исследования качества жизни является то, что в ней объединяются объективные компоненты качества жизни, рассматриваемые в рамках социально-экономической концепции, с его ролевым субъективным наполнением, присутствующим в рамках концепции «ощущаемого» качества жизни. Объединение «ощущения» и объективных параметров качества жизни в рамках единой концептуальной модели социологического исследования позволяет выявить те параметров качества жизни, которые вызывают у индивидов «болезненные ощущения». Тем самым, полученные в ходе социологического исследования оценки данных параметров дают возможность определить их роль в возникновении нормативных конфликтов и адресно влиять на уменьшение отклонений от нормативного порядка в обществе, вызываемые этими ощущениями, посредством изменения состояния «болезненных» параметров качества жизни.

Опираясь на рассмотренные теоретические подходы были получены эмпирические оценки, характеризующие состояние условного и безусловного социального порядка в экономической сфере в современной России.

Определена степень отклонения данного порядка от предписанного обществом. Выявлено состояние качества жизни российского населения по социально-экономическим параметрам и параметрам «ощущаемого» качества жизни. Раскрыт характер воздействия состояния этих параметров на степень отклонения социального порядка в налоговой сфере и в сфере отношений к способам «зарабатывания» денег среди российского населения. Полученные эмпирические результаты исследования позволили выявить те параметры качества жизни, которые наиболее сильно влияют на формирование отклонений социального порядка в экономической сфере и, тем самым, способствуют возникновению социальных конфликтов в российском обществе. Состояние данных параметры качества жизни в первую очередь требуют изменения для снижения уровня социальных конфликтов при взаимодействии индивидов и социальных групп с обществом.

Источники и литература

1) Анцупов, А.Я. Конфликтология: Учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. - СПб.: Питер, 2013.
2) Вебер, М. Избранное. Образ общества/ Макс Вебер; Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994.
3) Гидденс Э. Элементы теории структурации/ Современная социальная теория : Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
4) Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным// Вопросы философии. 1992, №12.
5) Козер Л. Функции социального конфликта. Перевод с англ. О.А. Назаровой - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2008.
6) Козырев Г.И. Основы конфликтологии: учебник. - М.:ИД «ФОРУМ»:ИНФРА-М, 2007.
7) Козлов, А.С. Конфликтология социальных групп и организаций / А.С. Козлов, Е.В. Левина, П.А. Эстрова. - М.: Ленанд, 2015.
8) Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
9) Николас Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М. 1990.
10) Субетто А.И. «Качество жизни и безопасность России – главные функционалы бытия и критерии социально-экономической политики государства». Выдержка из доклада на V съезде Петровской академии наук и искусств. 17 октября 2002 года, Санкт-Петербург.

11) Ware J.E. Measuring patients' views: the optimum outcome measure. SF 36: a valid, reliable assessment of health from the patients' point of view// BMJ. – 1993.

Алборова Марианна Борисовна
МГИМО, Москва, Россия

Социальные вызовы и угрозы глобального общества в постиндустриальной цивилизации

В условиях активного формирования глобального информационного пространства современное общество переживает сложные, а иногда и критические процессы своего развития. Научно-техническая революция, преобразовав реальность, привела к созданию инновационных прорывных технологий, которые, в свою очередь, повлияли на все сферы жизни современного общества. С одной стороны, информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) выступают одним из важнейших драйверов при формировании постиндустриальной эпохи, с другой способствуют более активному проявлению рисков и угроз нового времени.

Цивилизационный вызов - значительная проблема глубоких изменений в социально-экономической жизни общества, требующая немедленного решения комплексных вопросов и принятия срочных мер, как на глобальном, так и на национальном уровне. Готов ли человек к этим вызовам, сможет ли он справится с обеспечением необходимой безопасности для развития всего общества? Выработает ли человечество механизмы для многосторонней трансформации всех сфер жизни человека? Сможем ли мы обеспечить возможность для эволюции будущих поколений?

В XXI веке все больше развивается глобальная информационная среда, вовлекающая человечество в новую реальность. Современный мир наполняется всепроникающими, интерактивными, сверхскоростными технологиями, которые способствуют развитию мультимедийного контента и нового уровня информационного пространства. Этот процесс происходит на фоне усиления ключевых глобальных инновационных сетей, напрямую управляющих жизненным циклом всего общества. «Цифровая революция» стала новым вызовом и привела к радикальной трансформации мира, появились такие угрозы как киберпреступность, усиление контроля над личным пространством человека в Интернете, произошел глубокий дисбаланс между безопасностью общества и личной свободы в информационной коммуникативной системе [1].

Технологический прорыв, создание искусственного интеллекта, появление компьютерных технологий, виртуальной и дополненной реальности, массовое распространение разнообразных мобильных средств и социальных интернет-сообществ все это породило новые гуманитарные вызовы. На современном этапе все более очевидно проявляются такие проблемы как социальная аномия, потеря ценностных ориентиров, активизация рисков влияния на подсознание человека, вторжение в личное пространство в социальных сетях, общее ухудшение человеческого потенциала, как физического, так и интеллектуального.

Анализируя влияние цифровой цивилизации на изменения глобального общества нельзя не затронуть и проблему социально-культурного изменения в жизни современного человека. С одной стороны всестороннее влияние информационного пространства на человека привело к успешному взаимодействию культур, и открыло новые возможности для диалога и эволюционного развития, с другой стороны породило вызовы и риски и в этой сфере. Сегодня все больше размываются национальные культуры, проявляются риски и изменения в национальном языке [2]. «Глобальная сеть» активизировала и глубокое информационное влияние на сознание и подсознание людей, что также привело к скрытым, а иногда и к явным угрозам. В современном обществе мы наблюдаем за усугубляющимся упрощением сознания, что позволяет управлять мнением людей, изменять их национальные исторические ценности. Информационно-коммуникативная среда кардинально влияет на трансформацию социально-культурных устоев и традиций, часто не формируя ни каких ценностей взамен, что в свою очередь приводит к значительным внутренним рискам.

К сожалению, в условиях современного, практически безграничного и не контролируемого доступа к информации, социум все больше попадает в ловушку упрощения всех форм человеческого мышления, появления и увеличения по нарастающей клиповости сознания. Деградация и оскудение мировоззрения человека, лишенного глубокого знания классических наук и социального опыта проявляется все очевиднее.

Всё больше внимания сегодня начинает уделяется растущему разрыву между инновационными достижениями человека в технологической сфере и фактическому игнорированию его духовного развития. На фоне уже отмеченных угроз все очевиднее проявляется и индивидуализация человека. Появившаяся возможность комфортно чувствовать себя в виртуальном мире привела к «цифровому эгоизму», концентрации исключительно на собственных интересах, отсутствию способности сосредоточиться на эмоциональном состоянии другого человека.

В заключении, хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что современное общество все больше погружаясь в цифровую цивилизацию, без сомнения, сталкивается с значительными вызовами и угрозами, кардинально влияющими на все стороны жизни человека, своевременное понимание этих угроз позволит дать шанс на сглаживание цивилизационного вызова.

Источники и литература

1) Зинченко А.В. Мир или война в киберпространстве // Международная жизнь. - 2018. - № 9. - С. 82-90.
2) Бирюков А.В. Современные международные научно-технологические отношения. - М.: РосНОУ, 2014.

Андросова Елена Вячеславовна

РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Информационно-коммуникационные технологии в среде образования как источник социальных конфликтов

В настоящее время одной из приоритетных задач российского общества является глобальная информатизация. Она должна привести к расширению интеллектуального потенциала общества и интеграции всех сфер жизнедеятельности в виде информационных систем.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) играет важную роль в современной системе образования. Особенно хочется выделить высшую школу на базе научных исследований.

Само использование ИКТ в образовании началось значительно давно, в 70-е г. XX в. С тех пор и до настоящего времени важнейшим элементом является компьютер.

Особую роль в образовательных технологиях играет мультимедиа-технологии. Благодаря им ученикам в наглядном виде можно предоставить тексты, графику, видео и мультипликацию. Мультимедиа подразумевает использующие различных программных и технических средства с целью наиболее эффективного развития обучаемого.

Использование информационно-коммуникационных технологий в образовании ведет к увеличению педагогической мотивации студентов и достижению эффективности образовательного процесса. Большинство педагогов и психологов отмечают, что современные информационные

технологии открывают обучающим доступ к нетрадиционным источникам информации, позволяют реализовать принципиально новые формы и методы обучения с применением средств концептуального и моделирования явлений и процессов, что позволяют повысить эффективность обучения.

Тем не менее, неоднородность доступа обучаемых к современным инфоормационно-коммуникационным технологиям приводят к социальному неравенству и, как следствие, к социальным конфликтам. Неоднородность доступа может быть вызвана различными причинами: географическим положением, социальными причинами и т.д.

Бирюкова Татьяна Сергеевна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

Социальные сети как конфликтогенная среда

Актуальность исследования обусловлена глубокими изменениями коммуникационной среды, и усилением роли одной из ее особенностей - Интернет-пространства, в том числе в формате виртуальных социальных сетей.

Цель исследования - изучение частоты встречаемости слов-конфликтогенов в комментариях в социальных сетях.

По этой теме наиболее интересные работы опубликовали Захарченко А.В., Кришкевич Е.Д. [1], Белинская Е.П., Илюхина С.Н. [2], Дмитрук С. В., Демченко С. В., Мирненко Е. А. [3], Осьмук Л. А., Елкина Ю. А. [4].

Социальные сети стали местом самовыражения для граждан. По мнению Дмитрука С.В. «Несмотря на то, что Интернет представляет собой мир виртуальный, проблемы, с которыми зачастую приходится сталкиваться людям, ничем не отличаются от проблем реальной жизни. Поэтому все обсуждаемые темы в Интернете будут отражать их настоящее мнение [3, с. 744]».

В силу того, что существует «определенная анонимность взаимодействия, физическая не представленность участников, возможность синхронной и асинхронной коммуникации представителей различных социальных групп [2, с. 83]» в социальных сетях нередко возникают конфликтные ситуации.

Предвестником конфликта, в соответствии с термином, который ввел А.П. Егидес [6, с. 4] является действие (или бездействие), слова (зна-

ки), порождающее или способные привести к конфликту - конфликтоген. Также в научной практике используется такое определение: «Конфликтоген - это то, что вызывает неприятие, раздражение, агрессию [5, с. 5]». Как отмечает Осьмук Л.А.: «Все перечисленные конфликтогены становятся таковыми только в определенном социальном/ситуативном дискурсе и с определенной интерпретацией [4]»

Конфликтоген или совокупность конфликтогенов могут привести к возникновению конфликтной ситуации и перерастанию ее в деструктивный конфликт.

В этом плане заинтересовала публикация журналиста, продюсера и телеведущей - Тины Канделаки в социальной сети Instagram: «Продолжаю опровергать стереотипы о «жутко дорогом» правильном питании. Готовим еще один завтрак! Яйца — 3 шт. (80 р. за 20 шт., 4 р. за порцию) Свекольныи хумус (можно заменить на классический) — 80 г (240 р. за 300 г, 64 р. за порцию) Отварное киноа — 100 г (200 р. за упаковку 450 г, 44 р. за порцию) Микс семян — 1 ч. л. (42 р. за упаковку 50 г, нужно 5 г на порцию — это 4 р.)...».

Эта публикация вызвала живой отклик публики и активные, даже агрессивные комментарии. Общее количество комментариев к данной публикации 919. Из них - 240 комментариев (26 %), в которых встречаются слова-конфликтогены.

Проанализировав комментарии, мы выявили, что наиболее часто встречаются «слова, выражающие недоверие». К этой категории мы отнесли 111 комментариев (12 %). Здесь мы видим открытое недоверие и несогласие со словами автора публикации, например: «Цена очень заниженная», «Не во всех городах есть в продаже такие продукты».

Почти в два раза реже встречаются «слова-насмешки» - 43 комментария (5 %). Чаще всего они, как и «слова, выражающие несогласие», касаются уровня цен: «Кажется, цены из на продукты немного из прошлого».

Такие категории как «слова оскорбления», «слова обвинения», «слова, выражающие отрицательное отношение» и «слова, выражающие категоричность» составляют по 2 % от общего числа комментариев.

«Слова оскорбления» встречаются в 18-ти комментариях. Адресованы они не только автору публикации, но и другим людям, оставившим комментарий, например: «Лицемерка», «Вы такая скучная стали».

«Слова обвинения» присутствуют более чем в 20-ти комментариях: «Тина, не вводите народ в заблуждение, десяток яиц стоит 80 руб, но не два. Вы, наверное, давно не заходили в магазин».

К «словам, выражающим отрицательное отношение» относятся, например: «Кому это интересно омг», «Оставь нас со своим здоровым образом жизни !!!!!!!!!!!!».

«Слова, выражающие категоричность» встретились 19 раз, такие как: «На водку и сигареты находят, найдут и на хумус».

Реже всего встречаются некорректные сравнения, 5 комментариев (1 %). К этой категории мы отнесли, например: «Средняя заработная плата в Москве около 80 т.р. с ценой яиц 80 р. за 20 шт. Средняя заработная плата в Ивановской области 23 т.р. с ценой яиц 164 р. за 20 шт. Страна контрастов!!!».

«Слова-угрозы» под данной публикацией отсутствуют.

В свою очередь площадки социальных сетей работают над предотвращением конфликтов. Например, социальная сеть Instagram, где размещена рассматриваемая нами публикация, определяет одной из своих задач создание благоприятной и безопасной среды. Действуют и совершенствуются системы для борьбы с вредным и вводящим в заблуждение поведением. Определен ряд запрещенных действий (в первую очередь это запрет на оскорбление других пользователей), за совершение которых следует наказание, и перечень которых постоянно пополняется.

Проведенный анализ показал, что расхождение мнений в комментариях в социальной сети в отношении стоимости и доступности продуктов, перечисленных в публикации, натолкнуло людей дискутировать по данному вопросу, довольно часто и в больших количествах используя слова-конфликтогены. По мнению Захарченко А.В. «На конфликтоген в наш адрес мы стараемся ответить более сильным конфликтогеном, часто максимально сильным среди всех возможных [1, с. 34]».

Таким образом, практика показывает, что необходима разработка этики поведения в социальных сетях. Попытки создать ее уже встречаются в сети в работах Войскунского А.Е., Морозовой А.А., Ковалевой Н.Д., Сердюковой Е.А., Цвык И.В.

Источники и литература

1) Захарченко А.В., Кришкевич Е.Д. Конфликтогены и причины конфликтов в социальных сетях // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. - 2018. - №1. - С. 34-38

2) Белинская Е.П., Илюхина С.Н. Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». - 2018. - № 4 (14). - С. 81–95.

3) Дмитрук С. В., Демченко С. В., Мирненко Е. А. Определение степени конфликтогенности с помощью анализа интернет-активности // Молодой ученый. — 2016. — №27. — С. 743-746. [Электронный ресурс] URL: https://moluch.ru/archive/131/36512/ (дата обращения: 25.01.2020).

4) Осьмук Л. А., Елкина Ю. А. Конфликтогенность социальной среды и ее влияние на поведение человека // человек в эпоху перемен. Вызовы настоящего, построение будущего: материалы IV Съезда психотерапевтов, психиатров, психологов и консультантов Сибирского Федерального округа (г. Новосибирск, 3-8 апреля 2015 г.). [Электронный ресурс] URL: https://supervis.ru/content/1771638122-osmuk-l-elkina-yu-konfliktogennost-socialnoy-sredy-i-ee-vliyanie-na-povedenie (дата обращения: 29.01.2020)

5) Перов Е.В., Перова М.Б. Концепция конфликтогенности общества // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2014. - № 12 (72). [Электронный ресурс] URL: http://uecs.ru/uecs-72-722014/item/3241-2014-12-19-06-58-57 (дата обращения: 26.01.2020).

6) Егидес, А. П. Психотехника синтонного общения / А. П. Егидес [Электронный ресурс] URL: http://psychologi.net.ru/book3_isk_ob/egides_sinton.html (дата обращения: 30.01.2020)

Бухтиярова Ирина Николаевна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Пространственные взаимоотношения детей и города: по материалам исследования

В последние годы в отечественной и зарубежной социологии находит отражение тема детства в разных проявлениях. Ребенок все чаще воспринимается взрослыми как субъект взаимоотношений, равноправный член общества. Появляется исследовательское поле «география детства», в которое активно включаются социологи, географы, педагоги, урбанисты и другие ученые. Данное направление посвящено не только исследованиям городской среды, соответствующей и отражающей детские интересы, это огромный пласт пространственных отношений и взаимоотношений, пространственного поведения детей. Для географии детства характерно

пересечение трёх взаимосвязанных тем - времени, пространства и благосостояния ребёнка. В число пространств ребенка входит, безусловно, школа, место прогулок со сверстниками и родителями, путь от школы до дома, города совершаемых с различными целями поездок и пр.

Пространственные отношения исследуются через детские описания места проживания, а пространственное поведение через категорию мобильностей - повседневных перемещений (школа-дом), переездов, путешествий. Отдельно изучается вопрос функциональной географической грамотности ребенка как умения ориентироваться в пространстве города/села, коммуницировать с прохожими, строить маршруты перемещений, рассчитывать время перемещений и пр.

Вопросы взаимодействия пространства и детства нашли отражение в социологическом исследовании «Дети и пространства: география мобильности», проведенном авторами в 2019 г.

Методами сбора эмпирических данных стали анкетный опрос учащихся, включающий 21 вопрос, объединенный в блоки «Перемещения», «Населенный пункт», «Окружающий мир/ География», «Дорога в школу», «Путешествия». 5-11-х классов и географические сочинения: «Мое любимое место в городе», «Мои идеальные каникулы».

Задачей исследования явилось описание пространственных отношений и пространственного поведения детей на уровнях микрорайона, населенного пункта проживания и уровне всей страны, а также выявление значимых факторов, влияющих на их особенности.

Выборочная совокупность представлена детьми, проживающими в 16 населенных пунктах, представляющих 6 Федеральных округов: Центральный, Приволжский, Северо-западный, Южный, Сибирский, Дальневосточный. Населенные пункты были перекодированы в крупнейшие (население - свыше 1 млн. чел.), крупные (население - 250-1000 тыс. чел.), большие (население - 100-250 тыс. чел.), средние (население - 50-100 тыс. чел.) и малые (население - менее 50 тыс. чел.) города или село. В изучаемой нами выборочной совокупности присутствовали населенные пункты - представители всех вышеперечисленных групп.

Всего в опросе приняли участие 2242 школьников, обучающихся в 5-11 классе, в том числе 47,78 % мужского и 52,3 % женского пола. Большее количество респондентов в выборке составили учащихся средней школы (5-9 кл.) - 77 %, учащихся старшей школы (10-11 кл.) было опрошено 23%.

В ходе анкетного опроса респондентов просили в 2-3 предложениях описать город или поселок, в котором они проживают. Открытый вопрос требовал дополнительной кодировки, которая была сделана в отношении

упоминаемых городских объектов, эмоций описания места (положительные, нейтральные, негативные), а также принципов организации городского пространства.

Упоминаемые детьми городские места были разделены на двенадцать групп: Достопримечательности, учреждения социальной инфраструктуры, дорожно-транспортная инфраструктура, торгово-развлекательные места, общественные пространства, физическая нецивилизованность, социальная нецивилизованность, функционирующие здания и постройки, природные места, люди и животные, производственный фактор.

Также, исходя из ответов респондентов, выделены принципы организации городских пространств - экологичность; комфортность; безопасность; дружественность жителей; привлекательность; наличие возможностей; другое.

Наряду с прочим, анализировалась эмоциональная окраска ответа, полученная из словестного описания респондентами собственного места проживания.

Была выявлена статистически значимая связь эмоциональной оценки места проживания и возраста респондента. Можно констатировать нарастание критичности в оценке собственного города/поселка как по мере взросления респондента. Также отмечается значимая связь эмоциональной оценки и размера населенного пункта - более положительно оценивают свой город дети из средних, крупных и крупнейших городов, отрицательная оценка прослеживается сильнее у жителей малых городов.

Анализируя оценку своего города респондентами в зависимости от Федерального округа, выявилось статистическая зависимость оценки и удаленности региона от столицы. Так, на первом месте в положительной оценке - Центральный ФО, на втором - Северо-западный ФО, третье место у Южного Федерального округа. Лидером в отрицательной оценке стал Дальневосточный Федеральный округ.

Распределение городских объектов, упоминаемых детьми при описании города, свидетельствует об внимании респондентов к трем основным группам объектов, связанным с людьми и животными, природными местами и физической нецивилизованностью города. Город людей дети описывали через «доброту и отзывчивость горожан», их готовность помочь, улыбки или, наоборот, через атмосферу замкнутости, отсутствие коммуникаций и др. Второе по упоминаемости в описании города - природные объекты. Также достаточно часто встречается в ответах детей негативная характеристика экологии места проживания респондентов - это, чаще всего, мусор, грязь, разрушенные объекты. От-

метим, что количество упоминаний таких объектов возрастает в больших и малых городах. По-видимому, объекты «физической нецивилизованности» в крупных городах компенсируются развивающимися общественными пространствами, новыми городскими объектами, а в сельской местности - природными объектами.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-00-00956 «Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик».

Васенина Ирина Владимировна
социологический факультет, Москва, Россия

Межэтнические конфликты в глобализирующемся мире

Общественные процессы, которые происходят в современном мире, зачастую приобретают острый конфликтный характер, нередко выливающийся в открытое насилие. История отчетливо показала, что по мере развития человечества, угроза его существованию не уменьшается, а все более возрастает, что различные общественные противоречия могут стремительно перетекать в столкновения, в том числе и межэтнические. Во всем мире всё чаще возникают межэтнические конфликты, доходящие до крайней степени остроты, враждебности и взаимонеприятия, и нередко перерастающие в затяжные, вооруженные конфронтации, чреватые национальной деградацией и катастрофой. Именно межэтнические конфликты в современном мире, принимая бескомпромиссные формы, оборачиваются насилием, переворотами с резкими изменениями в настроении и поведении людей, с внутренними расколами общественных движений и институтов, еще недавно представлявшихся воплощением прочности и единства.

Анализ функционирования межэтнических конфликтов в социальных системах подтверждает сложность и многогранность данного явления. Эта сложность проявляется в многоплановом и различном по характеру воздействии межэтнических конфликтов на социальную систему. Он может укреплять её посредством усовершенствования внутрисистемных связей и отношений, но может и привести к распаду системы, как единого целого. Таким образом, межэтнический конфликт является индикатором слабых мест социальной системы, указывает на противоречие механизмов саморазвития и самосохранения этой системы в сложившихся условиях. Изменения в социальных системах, вызванные воздействием межэтнических конфликтов, проявляются в русле двух основных

тенденций: интеграции и дифференциации. В этой роли межэтнический конфликт выступает одним из механизмов эволюции социальных систем.

В мировой науке давно ведутся споры о «полезности» и «вредности» социальных конфликтов для общественного развития. Межэтнические конфликты воспринимаются в основном как негативнее явление. Анализ протекания этих конфликтов в различных общественных системах показал, что формы их выражения и их социальные последствия во многом зависят от социокультурных особенностей субъектов конфликта. [4] Именно культура межэтнического общения, уровень культурного развития этносов имеют решающее значение в развитии межэтнического конфликта, определяют степень остроты, время и формы его выражения. Следует отметить, что оценка позитивности или негативности результатов межэтнического конфликта определяется, в первую очередь, субъективным осознанием современниками конфликта соответствия его результатов доминирующим культурным ценностям, нормам морали и права.

Воздействие межэтнического конфликта носит комплексный характер, оно может проявляться сразу в нескольких сферах общественной жизнедеятельности, имеет объективные и субъективные формы своего проявления. Результаты этого воздействия выявляются в становлении новых и разрушении старых социально-политических, социально-экономических и других общественных институтов, и даже в образовании новых государств на карте мира. Межэтнические конфликты существенным образом влияют на психологию людей. Подобное воздействие может не только привести к неприязни в отношениях между этническими группами, но и проявляться в различных формах национализма. Причем национализм в данном случае является не только результатом воздействия конфликта, но и причиной возникновения новых подобных явлений. [3, 87] Межэтнические конфликты вызывают существенные изменения в демографической сфере, которые оказывают влияние на различные сферы жизни общества и могут детерминировать возникновение новых межэтнических конфликтов. В тоже время межэтнические конфликты на современном этапе развития общества выступают фактором, формирующим новые формы межэтнического взаимодействия, исключающие крайние, насильственные способы разрешения противоречий.

Причинами нарастания межэтнических конфликтов выступают не только геополитические, экономические, этнодемографические факторы, но и перенос западноевропейских ценностей и норм поведения на иные социокультурные образования. Другой причиной их возникновения

являются неравные возможности в реализации прав этнических групп, провозглашенных различными международными организациями.

Признавая закономерность существования межэтнических конфликтов, как формы общественного взаимодействия представляется, необходимым акцентировать внимание на необходимости общественно-политического регулирования подобных явлений, что может стать одной из новых форм их разрешения. Поэтому, наиболее значимой проблемой сегодня является задача выработки действенных способов и методов регулирования и локализации межэтнических конфликтов, недопущения их разрастания за рамки политической сферы общества и применения насилия. При этом, любые действия, любая социальная политика в отношении того или иного этноса без учета его социокультурных особенностей не сможет дать положительного результата.

Источники и литература

1) Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 64-74
2) Дробижева Л.М. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ. // Вестник Института Кеннана в России. М., 2009. Вып.16. С. 16-28
3) Петров В. Н. Этнические мигранты и полиэтничная принимающая среда: проблемы толерантности // Социологические исследования. 2003. - № 7. - С. 84- 91
4) Чернобровкин И.П. Этносоциальный конфликт: природа, типы и социальная роль. Ростов-н/Д., 2003

Грицких Ксения Евгеньевна

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия

Роль Интернета в возникновении глобальных конфликтов в молодежной среде

Современному обществу свойственна постоянная динамика, включающая в себя какие-либо качественные изменения, преобразование социальных связей. Учитывая это, любое изменение в его структуре отражается на работе общества в целом. Такие преобразования нередко стано-

вятся причиной разлада социальных отношений. В условиях информационного общества социальные конфликты выходят за пределы отдельных стран посредством ресурсов Интернета. Так по данным информационно аналитического центра МВД количество преступлений экстремистского характера за последние десять лет увеличилось со 152 до 1450, а вовлечение лиц, совершивших данные преступления, в 89% происходили через сеть Интернет [1]. Следует отметить, что молодежь, как самая активная социальная группа, пользуется Интернет ресурсами регулярно и интенсивно. Это означает, что молодое поколение наиболее склонно к воздействиям негативного контента информационных сайтов нежели другие социальные группы. В следствии особенностей физического и психического развития молодежи формируется нонконформизм или юношеский максимализм, который проявляется в ее мировоззрении, целеполагании и деятельности. Молодые люди стремятся к самостоятельности, их социальные установки направлены на получение образования и построение карьеры. Молодежь ищет себя во многих сферах, поэтому ее представителям свойственен маргинальный характер занимаемого положения, что также говорит о восприимчивости молодого поколения, которая является причиной разжигания глобальных конфликтов как в сети Интернет, так и за его пределами.

При этом нельзя забывать о тех возможностях Интернета, которые позволяют молодому человеку интеллектуально развиваться и самосовершенствоваться. Общение на разных сторонах земного шара, электронные консультации, дистанционное обучение, онлайн-оплата счетов, площадки для творческой реализации индивидов - Интернет теперь окружает молодого человека практически с рождения и, таким образом, имеет огромное влияние на процесс его становления как личности. На просторах сети можно найти информацию из любой области знания современного человечества. С одной стороны, это позволяет значительно облегчить процесс обучения и существенно расширить его границы, но, в противовес, правдивость и качество информации в сети очень противоречивы. Неограниченный доступ к информации без критического анализа может оказать отрицательное влияние как на психическое, так и физическое здоровье молодых людей. По данным исследования, проведенного социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИГУ в г. Иркутске в 2019 году выявлено, что 96% молодежи считывают Интернет уже самостоятельным социальным институтом, степень вовлеченности в него среди молодежи составляет 98%, причем 89% из них пользуются им каждый день.

В современном мире идет постоянная борьба за умы молодежи, эту борьбу иначе называют информационной войной, которая по своей сути является коммуникативной технологией по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями. В настоящее время проблемы такого рода приобрели глобальный характер, основой которых остаются конфликты информационной среды. С ее появлением процесс передачи, копирования и хранения информации стал неконтролируем. Таким образом, все те нормы и правила, что были выстроены годами, трансформировались в совершенно иные формы. Кроме того, Интернет стал площадкой для появления и распространения дестабилизирующих общество организаций террористического и националистического направления. Подобные организации зачастую пользуются такими методами представления информации, которые среди молодежи вызывают большой интерес, манипулируют их сознанием, провоцируют их к его к авантюрам и противоправным действиям. Примером такого контента может являться «Синий Кит. Тихий Дом» и другие.

В связи с тем, что растет скорость восприятия молодежью новой информации, появляется необходимость создавать инструменты, которые бы помогли в формировании положительного влияния Интернета на становление личности молодёжи; исключая при этом такие проблемы, как пагубное влияние на духовно-нравственную составляющую личности молодежи и на ее здоровье, а также на зависимость от азартных или компьютерных игр в сети. Следует отметить важность развития критического мышления, потому как невозможно объективно оценить контент сайтов, которые могут угрожать стабильности государств и общества в целом.

Таким образом, в современной действительности при глобальном развитии технологий и масштабном распространении Интернета в повседневной жизни, доступности средств технической поддержки невозможно представить молодежь, которая не использовала бы ресурсы Всемирной паутины. Поэтому на данном этапе главной задачей для исследователей становится изучение роли и места цифровых технологий в жизни молодежи и их влияние на культуру данной социальной группы, а самое главное уделить внимание изучению конфликтов, рожденных в Интернете и имеющих свое распространение по всему миру по большей части среди молодых людей.

Источники и литература

1) Терроризм и экстремизм в России по данным МВД. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://xn–b1aew.xn–

p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 20.01.20).

Губайдуллина Алина Ильфатовна
Башкирский Государственный Университет, Уфа, Россия

Информационные технологии и формирование социальных конфликтов.

В последние годы социальное пространство подвергается растущему влиянию новых информационных технологий. Это касается всех сфер жизни, включая воздействие на электоральное поведение масс. Эти новые реалии - глобальное расширение социальных сетей, электронная идентификация личности, таргетированная реклама, развитие мобильных устройств и многое другое, - которые сейчас часто имеют определяющее значение, ранее просто не существовали. Безусловно, ключевую роль в управлении социальными конфликтами играют средства массовой информации, обеспечивающие информационное сопровождение противоборства социальным субъектам. Средства массовой коммуникации и средства массовой информации применяются как для сплочения социальных групп и снятия общественно-политической напряженности, так и в совершенно противоположных, деструктивных целях. Для внедрения чуждого образа жизни СМИ массированно используют информационные технологии, которые погружают людей в состояние хронического стресса, страха (постоянная демонстрация не только в хрониках, но и в фильмах ограблений, убийств, терактов, насилия). Тревога повышает восприимчивость человека к внешнему чужеродному воздействию, делает его подверженным манипуляциям, разрушает способность мыслить и человек принимает, как ему кажется, «самостоятельное» решение, исходя не из своих потребностей, а из интересов того, кто им манипулирует - покупает ненужное, «правильно» голосует за враждебную для себя власть.Так, сеть Интернет активно используется для распространения идеологии терроризма, вовлечения в противоправную деятельность новых членов, о чем красноречиво свидетельствует наличие большого количества соответствующих сайтов. Как изменение методов преобразования сигналов в информацию можно расценить широкомасштабное культурное распространение западного образа жизни во все регионы мира, в ходе которой стираются межнациональные различия, происходит унификация культуры. В результате вырастают поколения людей, которым через средства массовой информации прививаются жизненные ценности,

характерные для стран Запада, происходит унификация мышления, облегчается управление поведением этих людей. В XXI веке «информационные войны» становятся основной формой протекания социальных и политических конфликтов. Современные технологии медиа-воздействия на международные конфликты и процесс их мирного урегулирования условно можно разделить на две категории: конструктивные технологии (информирование общественности, формирование и внедрение в сознание участников конфликта установок на сотрудничество и мирное разрешение противоречий, расстановка акцентов, разъяснение сути спорных ситуаций, формирование общественного мнения и пр.); деструктивные технологии (запугивание и угрозы, унижение партнера, оскорбления в его адресат, обсуждения проблемы и лесть) [1, с.146]. Средства влияния на информационные технологии или же как обозначают в современной литературе «информационное оружие» делят на два класса - информационно-психологические и информационно-компьютерные. Первые из них предназначены для оказания прямого или опосредованного воздействия (индивида, социальной группы, государства) путем изменения его мировоззренческих установок, системы знаний об окружающем мире и т.д. Информационно-компьютерные средства предназначены для оказания управляющего и деструктивного воздействия на системы обработки, передачи и хранения информации (компьютерные сети, базы и банки данных, автоматизированные системы управления и др.) [2, с.28]. Влияние информационных технологий в рамках современных конфликтов очень велико, любой политический конфликт следует рассматривать в информационном контексте. Борьбу участников противостояния за власть всегда сопровождает информационная война, ведение которой не возможно без посреднических функций СМИ, а также изготавливаемого и транслируемого ими контента. Возможности медиа могут использоваться участниками конфликта для оказания информационного давления на соперника, манипулирования общественным сознанием, формирования позитивного или негативного образа конфликта с помощью информационных кампаний. Таким образом, информационные технологии предоставляют большие возможности при применении их в конфликтах для навязывания социальной системе определенной модели поведения. Поэтому представляется, что в будущем информационное пространство не перестанет быть «полем битвы», наоборот, именно сюда переместится большинство социальных конфликтов. Для разрешения социальных конфликтов в последнее время особенно актуальным стал вопрос обеспечения информационной безопасности, под которой целесообразно понимать состояние защищенности систем получения, обработки, производства и хранения

информации от различного рода угроз. Поэтому как государству и обществу в целом, так и отдельным людям нужно развивать и овладевать информационными технологиями, не забывая при этом о тех угрозах, которые они несут с собой, а, значит, первоочередное внимание необходимо уделять обеспечению информационной безопасности.

Источники и литература

1) Скакунов Э.И. Стратегия управления конфликтами // Юридическая конфликтология. Ч. III / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Изд-во РАН, 2015. - С. 146.
2) Федоров А.В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе. – М.: МГИМО-Ун-т, 2006.- 220 с.

***Дюкина Татьяна Олеговна*[1]*, Дюкина Юлия Владиславовна*[2]**

1 - Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 2 - Санкт-Петербургский университет управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

ИКТ как инструмент формирования социальных конфликтов

В современном мире растет роль цифровой экономики - отрасли экономической деятельности, основанной на информационных и коммуникационных технологиях и содержащей различные электронные сервисы, электронный денежный обмен (включая предпринимательскую деятельность в области сервисов, реализующих товары и услуги). Так, анализ динамики использования информационных и коммуникационных технологий в организациях России за 2010-2017 гг. с использованием данных Федеральной службы статистики показал, что общий объем использования информационных и коммуникационных технологий в отечественных организациях (в процентах от общего числа обследованных организаций Российской Федерации) неуклонно рос в течение всего исследуемого периода.

В 2017 г. объем использования информационных и коммуникационных технологий в организациях (отношение количества организаций, использовавших глобальные информационные сети, к общему числу обследованных организаций Российской Федерации, в процентах) в России составил 89,7%, что превысило уровень 2010 г. на 7,53 процентных пункта. На основе рассчитанного тренда (с высокой степенью аппроксимации,

R2 равен 94,05%) и экстраполяции по логарифмическому тренду можно утверждать, что выявленная за период с 2010 по 2017 гг. тенденция роста общего объема использования информационных и коммуникационных технологий в отечественных организациях будет иметь место в стране в ближайшем будущем.

Процесс интеграции в бизнес и общество виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта происходит сегодня довольно интенсивно. Кроме того, внедряются технология блокчейн; генерируются и накапливаются Большие данные; формируется Интернет вещей; появляются сервисы дистанционного обучения персонала (веб- и чат-занятия, телеконференции, телеприсутствие и т.д.); стремительно развиваются такие формы ведения электронной торговли, как Интернет-магазины и Интернет-платформы [1], а также Интернет-банкинг (технология дистанционного банковского обслуживания), новые электронные платежные системы, появляются новые виды электронных денежных знаков (виртуальная (цифровая) валюта, криптовалюта).

Цифровая экономика создает новые условия для функционирования компаний: динамично развивающаяся форма ведения хозяйственной деятельности информационного сообщества стремительно трансформирует привычные формы и методы ведения хозяйственной деятельности компаний во всем мире [3, 4].

Новые технологии меняют все сферы жизни: информационную среду, коммуникативные навыки, сферу потребления, техносферу [2], а это, в свою очередь, создает новую среду для формирования новых в количественном и качественном аспектах социальных конфликтов. В цифровой экономике зарождаются новые типы социального конфликта, имеющие особую специфику - новые, информационно-коммуникационно- технологичные элементы в своей структуре. Это обстоятельство вызывает необходимость разработки иных принципов управления конфликтами.

Таким образом, все большее распространение информационных и коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на появление, формирование и развитие новых социальных конфликтов.

Источники и литература

1) Chatterjee D., Grewal R., Sambamurthy V. Shaping up for E-commerce: Institutional enablers of the organizational assimilation of Web technologies (2002) MIS Quarterly: Management Information Systems, 26 (2), pp. 65-90.

2) Chun M., Mooney J. CIO roles and responsibilities: Twenty-five years of evolution and change (2009) Information and Management, 46 (6), pp. 323-334. doi: 10.1016/j.im.2009.05.005

3) Matt C., Hess T., Benlian A. Digital Transformation Strategies (2015) Business and Information Systems Engineering, 57 (5), pp. 339-343. http://proxy.library.spbu.ru:2454/content/121294 doi: 10.1007/s12599-015-0401-5

4) Westerman G., Bonnet D., McAfee, A. (2014) Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. Harvard Business Review Press

Евсеев Евгений Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цифровые социальные медиа и конфликты

Четвертая промышленная революция оказывает огромное влияние на то, как люди общаются друг с другом, эти изменения неоднозначны: можно отметить как позитивные, так и негативные последствия. Несмотря на то, что термин «четвертая промышленная революция», все ещё относится к ближайшему будущему [1], уже сейчас технологические достижения оказывают огромное влияние на политические, экономические и социальные системы. Следует признать появление новых реалий, которые требуют пересмотра как теории, так и практики разрешения конфликтов.

Особую роль в современных конфликтах самого различного уровня играют цифровые социальные медиа, понимаемые в широком смысле, как социальные массовые коммуникации, осуществляемые при помощи Интернета. К социальными медиа относятся не только привычные социальные сети в Интернете, интерактивные интернет-приложения, но и весь контент, создаваемый пользователями (блоги, форумы, видео-, фото- и аудио-хостинги и т.п.). Такие отличительные особенности социальных медиа, как доступность, интерактивность, постоянное изменение ролей пользователя (аудитория-автор), скорость создания, корректировки и распространения контента, его мультимедийность, постоянная оценка популярности (обратная связь), отсутствие централизованного управления и контроля привлекают к этим формам коммуникации особое внимание.

С одной стороны, социальные медиа представляют собой пространство, в котором зарождаются и развиваются конфликты нового, цифрового измерения. Однако основное внимание исследователей привлекают социальные медиа в контексте «классических» этнических, политических, международных конфликтов. В контексте таких конфликтов социальные медиа используются на всех уровнях: на уровне индивидуальных действий, уровне массовых коллективных действий, на уровне элит. Эффект влияния социальных сетей на конфликты и политическую борьбу практически неоспорим, однако степень этого влияния, а также действующие механизмы все еще требуют внимательного, систематического изучения.

В настоящее время ни один социальный конфликт не может быть рассмотрен без изучения использования социальных сетей сторонами конфликта и влияния этих коммуникационных платформ на стороны конфликта, траекторию конфликта, лидеров и рядовых участников, а также более широкий контекст конфликта. Так, например, в работе [2] на основе многочисленных примеров показано, что часто социальные сети повышают мобилизацию и координацию протестов упрощая обмен информацией, повышают уровень осведомленности широкой аудитории, способствуют росту важности протестов. Связи между активистами упрощаются, координация и общение обходятся дешевле. Однако, потенциальные союзники и активисты могут стать мишенями и быть завербованы на другую сторону — эти эффекты наблюдаются как в контексте политического насилия и радикализации, так и в контексте ненасильственных социальных движений. С другой стороны, механизмы использования социальных медиа элитами и государственными структурами зачастую не так очевидны и требуют более пристального внимания.

При анализе влияния социальных медиа можно выделить несколько ключевых пунктов. Во-первых, социальные медиа облегчают общение между людьми, группами, сообществами. Это позволяет активистам эффективно распространять информацию, избегая проблем, типичных при использовании классических СМИ. С другой стороны, это создает возможности манипуляции с помощью фиктивных пользователей, фейковых аккаунтов, «альтернативных новостей» и т.п. Во-вторых, использование социальных медиа увеличивает скорость распространения информации. Это способствует повышению прозрачности и информированности всех сторон конфликта. С другой стороны, это способствует распространению не только недостоверной, но и намеренно искаженной информации. В-третьих, при анализе конфликта важны как стратегия, так и тактика использования технологий в процессе развития конфликта,

которая отражает изменения в составе участников, уровне их поддержки и т.п. И, наконец, социальные медиа дают возможность собирать большое количество разнообразных данных, ранее недоступных. В первую очередь это информация о поддержке, популярности сторон конфликта, изменениях настроений и т.п. Использование при этом методов BigData позволяет лучше понять динамику конфликта, его контекст и структуру.

Таким образом, для того, чтобы понять роль социальных медиа в конфликте недостаточно признать тот факт, что они важны. Социальные медиа могут играть роль «технологий освобождения», быть инструментами правительств, способствовать распространению дезинформации и радикализма. Кроме того, крайне важно понимание стратегического взаимодействия конфликтующих сторон на разных этапах конфликта (скрытый конфликт, манифестный конфликт, эскалация конфликта, кульминация конфликта, деэскалация конфликта, постконфликтный период). Влияние социальных медиа может быть также представлено через систему, которая учитывает пять уровней анализа взаимодействия: индивиды, коллективные действия среди индивидов, межгрупповые действия, институциональная активность и внешняя аудитория.

Понимание технологий социальных медиа позволит использовать их для предотвращения и разрешения конфликтов. Например, уже есть прецеденты использования социальных сетей в качестве онлайн платформ для расширения общения и урегулирования межэтнических, политических конфликтов на уровне сообществ, что позволяет определить причины насилия и смягчить его последствия.

Источники и литература

1) Шваб К. Четвертая промышленная революция / Эксмо-Пресс, 2019 г. 288 с.
2) Zeitzoff T. How Social Media Is Changing Conflict / Journal of Conflict Resolution. 2017, V. 61 (9), pp. 1970-1991.

Зубков Владимир Иванович

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, РФ

Возможности интерпретации художественных текстов в познании социальных конфликтов

Несмотря на многочисленные попытки интеграции науки и искусства, разрыв между ними является фактом, а сам этот факт - след-

ствием общего процесса дифференциации европейской культуры, особенно усилившегося в XX веке. В начале века на этот процесс указывал М.Вебер, в частности отмечая обособление различных экспертных субкультур. В середине века можно считать программной лекцию Ч.П.Сноу «Две культуры и научная революция», прочитанную им в Кембриджском университете и посвященную проблеме увеличивающегося разрыва между естественнонаучной и гуманитарной культурой. Этот разрыв означает неполноту различных способов познания единой реальности, формирование разных мировоззрений «физиков» и «лириков», непонимание ими друг друга, их претензии на монопольное обладание истиной, что чревато серьезными социальными последствиями.

О познавательной функции искусства в прямом смысле этого слова можно говорить только применительно к реализму в его (искусства) изобразительных видах, которые передают правду жизни специфическими художественными средствами, в различной мере проникают в реальность, а, следовательно, с различной глубиной и полнотой позволяют познавать ее. Конечно, наибольшими познавательными возможностями обладает литература, но ее разные жанры опять-таки в различной степени «правдивы»: от самого достоверного жанра - очерка до сказки, хотя и в авторских, и особенно в народных сказках, и вообще в фольклоре может содержаться ценная для исследователя информация.

Одним из познавательных инструментов, который предоставляет нам искусство, и в частности литература является художественный образ. Художественные образы формируют новые цельные качественные представления, объединяющие (сочетающие) в себе многие черты действительности. Другим инструментом познания является толкование художественных произведений, чаще всего текстов, в целом. К концу второй трети XX века в философии сложилось научное направление и метод научного анализа текстов под названием герменевтика.

Толкование текстов с социологической точки зрения - это ни что иное как качественный или традиционный анализ документов: интерпретация их формальных характеристик (внешний анализ) и содержания (внутренний анализ). Для социологии метод традиционного анализа документов в прямом смысле слова традиционен. Но, возможно, социологам, да и другим ученым следует более внимательно относиться к литературе и другим произведениям искусства. При этом вряд ли стоит полагаться на изучение какого-то одного произведения. Для большей обоснованности выводов потребуется одновременно проанализировать произведения нескольких авторов, но определение критериев их отбора - трудноразрешимая задача. Кроме того, для отбора текстов нужно их иметь. Но ав-

торам требуется большее или меньшее время для осмысления «социальных фактов» и написания произведений. А это означает, что к изучению текстов чаще всего можно прибегнуть лишь по прошествии некоторого времени после изучаемых событий.

Особую сложность представляет собой изучение социальных конфликтов, ибо авторы текстов могут находиться по разные стороны баррикад и иметь две и более точек зрения на происходившие события. Предположим, мы хотим наконец-то объективно изучить социальный конфликт, связанный со становлением советского государства по отечественным литературным источникам. При этом, очевидно, нам необходимо учитывать произведения, написанные литераторами: принявшими революцию; не принявшими революцию и иммигрировавшими из страны; не принявшими революцию и оставшимися в стране (а значит творившими под влиянием господствующей идеологии); занимавшими нейтральную позицию («попутчики»); изменившими свою позицию с позитивной на негативную, и наоборот; художественно сформировавшимися после революции. Нужно также принять во внимание принадлежность писателей к различным литературным объединениям, ставившим перед собой различные художественные задачи. Среди них Российская (позже - Всесоюзная) ассоциация пролетарских писателей (РАПП), «Перевал», Левый фронт искусств (ЛЕФ), Литературный центр конструктивистов (ЛЦК), «Серапионовы братья», Объединение реального искусства (ОБЭРИУ). Заметим также, что многие крупные писатели не входили ни в одно из этих объединений. Если же мы попытаемся включить в выборку произведения зарубежных авторов, то картина еще более усложнится.

По поводу объективности получаемой информации можно привести такой пример. Советскую власть приняли и соответствующим образом осветили в печати такие зарубежные литературные авторитеты, как А.Барбюс, И.Бехер, Д.Рид, Э.Синклер, А.Франс, Б.Шоу. Чего только стоят высказывания последнего (летом 1931 года!) о том, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из кризиса и спасти его от полной анархии и гибели, что государственные люди советской России имеют не только огромное моральное превосходство над западными, но и значительное умственное превосходство, что Сталин - гигант, а все западные политики - пигмеи. Правда, некоторые «авторитеты» со временем пересмотрели свои взгляды. Например, А.Жид, которому во время очередного посещения совдепии Б.Пастернак раскрыл глаза на происходящее.

Таким образом, главными проблемами интерпретации художественных текстов являются степень их соответствия реальности и репрезен-

тативность их выборочной совокупности, что, впрочем, касается метода анализа документов вообще - как в его качественной, так и в его количественной формах.

Зубова Оксана Геннадьевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Структура ценностей молодежи и ценностные конфликты в современном российском обществе

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №19-011-00548 Конкурс А. «Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России».

Система ценностей - важнейший компонент культуры. Ценности выполняют важную функцию как в жизни отдельного человека, так и в жизни сообщества людей. Благодаря терминальным ценностям формируются моральные критерии, связанные с общепринятыми общественными идеалами и нормами, представлениями людей о смысле их жизни. Для достижения обычных целей используются инструментальные ценности, выступающие в качестве средств [3].

Трансформация и кризисы общественного развития связаны с распадом системы ценностей и разрушением ценностных ориентиров. Согласно А.Г. Здравомыслову, ценностный кризис заключается в увеличении разрыва между индивидуальным миром и ценностями культуры, когда отсутствуют механизмы передачи и изменения наследия от предшествующего поколения к поколению современному [2].

В современном обществе ценностную структуру важно изучать не только с точки зрения воздействия на нее таких социально-экономических составляющих, как уровень дохода и условия проживания, но также и таких ощущаемых параметров качества жизни, как физическая и социальная активность [1].

На основе проведенного всероссийского исследования в 2019 году, мы можем описать и проанализировать изменения в ценностной структуре современной российской молодежи, определив влияние социально-демографических факторов, связанных с территорией проживания и полом.

Опрос населения проводился в центральных городах, сельских пунктах и районных городах, отбираемых случайным образом. Структуру выборочной совокупности составили 22 субъекта Российской Федерации.

Было опрошено 42,55 мужчин, 57,55 женщин, проживающих в центральных городах (50,5%), районных городах (24,1%), селах (25,4%).

Представителям разных поколений задавался вопрос о том, что они считают наиболее важными в их жизни. Сравнивая результаты можно определить основные изменения, отражающие социальные процессы и модернизацию, а также вывить причины, определяющие возможное конфликтное напряжение.

Для молодежи, как и остального населения, наиболее значимы ценность крепкого здоровья и долголетия (83%), свобода (81,3%), уверенность в будущем (80,1%), создание счастливой семьи (78,3%), достижение материального достатка (75,4%).

Для молодежи менее ценно жить в стабильном государстве (72,6%), реализовывать свой творческий потенциал (61,6%), любить и укреплять Родину (54,1%), постигать духовное наследие предшествующих поколений (48,5%). Значительное расхождение связано с ценностями гедонизма. Современное молодое поколение, воспитанное в обществе массового потребления, стремится комфортно жить, ни в чем себе не отказывая и следовать принципу: «брать от жизни все». Это важно для 75% и 59% молодежи. Пол и территориальная принадлежность значительно не влияют на выбор приоритета данных ценностей. Для старшего и среднего поколения эти ценности не являются важными. Принцип: «брать от жизни всё» стоит на последнем месте.

Были выявлены разные социальные установки молодежи и остального населения по отношению к способам достижения материального достатка. Представители молодежи, также как и остальное население, с одной стороны полагают, что платить налоги, это их долг (25,1%), но при этом 7,9% считают, что надо стараться не платить налоги, 8,3% готовы рискнуть безнаказанно заработать хорошие деньги, нарушив закон, а 13,7% уйти от оплаты налогов. Для старшего и среднего поколений важнее, чем для молодежи в инструментальных ценностях зарабатывать меньше, но при этом не нарушать закон. Ценность, связанную с тем, что главное, это иметь много денег, отмечает лишь 13,7% молодежи и 12,1% - остальное население.

23,6% молодежи готовы покинут Россию и жить в любой стране, чтобы иметь достойный заработок и высокий уровень жизни, лишь 12,6% молодежи, как бы им не жилось в своей стране, никогда ее не покинут. Среди остального населения, противоположный результат: не готовы уезжать - 28,5%, считают, что можно жить в любой стране, где достойный уровень жизни - 15%. Добиваться лучшей жизни в своей стране готовы 19,2% молодежи и 33,5% стальное население. Ответы совпада-

ют при выборе утверждения о готовности, в случае угрозы, защищать страну (22,4%).

В существующих условиях жизнедеятельности современного российского общества, у молодежи остаются фундаментальные терминальные ценности, связанные со значимостью здоровья, семьи, стабильности, материального достатка. При этом, в общей структуре появляются ценности, основанные на культуре потребления, это стремление к комфорту, гедонизм. Ценностный конфликт может быть связан с переходом от «материалистических» к «постматериалистическим» амбивалентным ценностям и разрывам связи поколений.

Источники и литература

1) Аверин Ю.П. Воздействие качества жизни российского населения на его ценностную структуру // Социология. 2019. № 4. С. 87-110
2) Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Учебное пособие для студентов ВУЗов, 3-изд. доп и пер. - М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 148-154
3) Rokeach V. The Nature of Human Values. The Free Press. N.Y., L., 1973. С. 3.

***Иванова Вера Николаевна*[1]*, Колтуновский Кирилл Игоревич*[2]**

1 - Федеральный социологический центр РАН, Москва, Россия; 2 - АО Научно-производственное предприятие Дельта, Москва, Россия

Расширение информационных возможностей как источник усиления социальной конфликтности

В качестве причины информационной экспансии в сегодняшних условиях глобализации часто считают развитие информационных технологий, однако расширение информационного доступа для граждан в первую очередь связано с необходимостью минимизации рисков при принятии решений в сфере экономики, в условиях военных конфликтов, при обеспечении безопасности человечества как вида и т.п. В качестве дополнения к самому процессу глобализации, который нацелен на минимизацию издержек при производстве, транспортировке и потреблению производимых человечеством продуктов, информационное расширение возможностей у общества как бы добавляет еще одну составляющую эффективности хозяйствования - составляющую его рискованности, переводя планирование к уже двумерной постановке. И с этой задачей

информационное насыщение в обществе справляется успешно. Но при этом возникают побочные эффекты сугубо отрицательного свойства. В первую очередь это переход от причинно-следственного анализа возможных рисков при реализации хозяйственных либо личностных проектов со стороны граждан общества к анализу таких рисков на основе информационных возможностей. Т.е. по сути дела переход на анализ статистических данных, будь они в виде традиционных численных рядов либо в виде готовых рекомендаций к действию. Такой переход приводит к устранению творческого начала в анализе сущности происходящих событий в действительности - к анализу информации, точнее к структуризации информационных данных о таких событиях в прошлом. В свою очередь это приводит уже к фундаментальному противоречию - противоречию «между требованием дальнейшей индивидуализации трудовой деятельности, когда творческий труд становится главной движущей силой прогресса, и все возрастающей тенденцией на стандартизацию, единообразие форм продуктов потребления духовной сферы. На лицо конфликт между мировой *человеческой цивилизацией и внутривидовой эволюцией человека»* [1]. И подобное противоречие неизбежно выливается в социальные конфликты между творческим подходом к деятельности у одних граждан (новаторов) и стандартизованным мышлением у других (консерваторов). При этом последних становится все больше и донести что-то новое, пионерское даже в так называемых творческих средах становится трудно, а порой и вовсе невозможно, если, например, тот же молодой человек не имеет какого-то социально значимого веса в том коллективе, где он работает. Еще одной из форм социального конфликта на почве расширения информационного поля становится личностное восприятие окружающими людьми той либо иной профессии, о которой информация через СМИ доносится часто в сильно искаженном виде. И уже отдельный индивид воспринимает людей из смежных социальных групп с очень большим искажением, доходящим вплоть до неприязни, хотя реально для этого нет никаких оснований. А не редко и наоборот - воспринимается «оборотень» в качестве положительного гражданина. В качестве примера последнего можно привести дело специалиста по наполеоновской эпохе Олегом Соколовым, зверски убившего свою молодую пассию-аспирантку, а до этого случая считавшегося образцовым преподавателем-историком, который в свое время был даже награжден французским Орденом Почетного легиона [2]. С другой стороны, в отношении профессий, достаточно востребованных обществом сегодня и еще не так давно обществом же уважаемых и даже почитаемых, в современной России происходит, опять же под воздействием информационных технологий,

жестокая дискриминация. Это касается в первую очередь священнослужителей [3] и чиновников. В отношении последних зампред Правительства России Владислав Сурков высказался так: «Чиновники — это люди, работающие много, выполняющие сложную работу. Можно что угодно там говорить: коррупция, взятки. Но это оскорбляет целый класс очень умных, высокого качества людей. Да, всякое есть, но мне кажется: надо прекратить этот постоянный террор со стороны праздных болтунов, присвоивших себе право говорить от имени общества. Надо прекратить создавать условия, в которых чиновники существуют как отдельная презираемая каста». [4]. Здесь налицо серьезный социальный конфликт между обществом и аппаратом, осуществляющим его же управление. Таким образом, открытая информационная доступность при широких возможностях вольного либо невольного манипулировании такой доступностью привносит немалые проблемы для социальных отношений, в том числе отношений внутри творческих, инновационных коллективов. Пути минимизации негативного влияния информационного шума, информационного манипулирования и просто излишнего информационного давления на ту либо иную социальную группу следует искать в направлении сплачивания такой группы, даже в какой-то мере ее изоляции - по аналогии изоляционной формы движения антиглобалистов. Конкретной же формой такого сплачивания может быть реализация института сословий в России. Если у нас, к сожалению, сословное деление в настоящее время практически себя изжило, то, например, в Западной Европе оно продолжает серьезно влиять на общественное сознание, что определяет разные жизненные приоритеты молодежи в России и в Испании [5]. В последней молодежь менее подвержена смене жизненных позиций по причине смены всяческих модных поведенческих трендов. В России же всё наоборот - изменения и информация подхватываются разными группами молодежи одновременно, т.е. реакция происходит синхронно [6].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00180 «а».

Источники и литература

1) Иванов А.А. Об основном противоречии глобализации. – Материалы конференции «Хозяйствующий субъект: новое экономическое состояние и развитие», ЯрГУ им. П.Г.Демидова, Ярославль, концерн «Подати», 2003.

2) Боброва И. Сир с плесенью // Московский комсомолец. 11.11.2019 г. № 250 (28.122). С. 1, 3.

3) Курзаков О. Чем соблазняется священник // Московский комсомолец. 11.11.2019 г. № 250 (28.122). С. 3.

4) Полубота А. Альянс чиновников с преступниками // https://svpressa.ru/society/article/60031/. (Дата обращения 01.12.2019 г.)

5) Чем испанская молодежь отличается от русской. Поведение и взгляды на жизнь // https://zen.yandex.ru/media/vbarcelone/chem-ispanskaia-molodej-otlichaetsia-ot-russkoi-povedenie-i-vziagliad-na-jizn-5db2b1eab477bf00b2e1f562. (дата обращения 20.10.2020 г.)

6) Андреев А.Л., Садчикова А.С. Поисковые запросы в Интернете как средство анализа социального поведения россиян в условиях социально-экономического кризиса (на примере Приволжского федерального округа) // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Том 4. № 4. С. 7-18.

Килимова Людмила Викторовна

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Диссонанс социализации личности в контексте социальных сетей

В современном обществе существует много способов общения, передачи и поиска информации, за последние десятилетия основным из таких способов стал Интернет. Он соединяет в себе функции поиска, передачи информации, коммуникативную функцию, кроме того посредством информационно-коммуникативных технологий человек осуществляет социализацию. На сегодняшний день социальные сети являются наиболее популярным средством киберсоциализации [1]. Они выполняют коммуникативную, поисковую, познавательную функции. Посредством социальных сетей личность самореализуется и самопрезентует себя в обществе среди таких же пользователей. Социальные сети - социальная среда, за последние годы, создавшая прочно укоренившиеся собственные традиции, нормы и правила, которые оказывают сильное воздействие на социализацию человека в социальной среде. В связи с сильным влиянием норм и правил киберсоциального пространства на жизнедеятельность человека и противоборством норм и правил общества, которые формировались на протяжении веков и новых норм, и правил киберпространства, очень быстро укоренившихся в нашей реальности за последние годы, возможно формирование социальных конфликтов. В процессе социализации

усваиваются ценности, нормы, установки, образцы поведения, присущие той социальной среде, в которой человек осуществляет жизнедеятельность. Такой средой становятся социальные сети, т.е. виртуальная среда становится фактором не только социализации, но и возможных социальных конфликтов между акторами, носителями разных ценностей. Плешаков В. А., вводя понятие киберсоциализации, обозначил этот процесс как «неотъемлемую часть классического понимания процесса становления человека в обществе» [2]. Дальнейшие исследования феномена киберсоциализации показывают, что однозначно считать этот процесс частью социализации в общем смысле нельзя, так как он является, в том числе ее продолжением. Социальные сети являются полноценным институтом социализации молодежи. Они обладают признаками социального института: a) удовлетворяют потребность молодежи в коммуникации, получении новой информации, проведении досуга и др.; b) включают в себя систему социальных статусов и ролей; c) содержат нормы, ценности и правила; d) возникли исторически для поддержания связи внутри университета (США), далее начали формироваться непосредственно пользователями. Совершенствование социальных сетей происходит на основе стремления удовлетворения потребностей пользователя; e) являются саморегулирующими: наполнение контентом социальных сетей полностью зависит от пользователей. Специфика влияния уровня погруженности в социальные сети заключается в своеобразной деформации социализации личности, осуществляющейся у современной молодежи преимущественно посредством социальных сетей и интернет-СМИ; формирование ценностно-нравственного уровня также преимущественно происходит в контексте социальных сетей и наблюдается частый перенос как материальных, так и духовных ценностей из виртуального пространства в реальное; информационный фактор формирования социального здоровья молодежи наиболее тесно связан с использованием социальных сетей. Молодые субъекты постоянно получают неограниченные потоки различного рода информации, что может служить причиной информационной пресыщенности, оказывающей деструктивное влияние на формирование социального здоровья молодежи (эмоциональная, социальная напряженность, апатия и др.); в процессе активного использования социальных сетей формируется уровень самооценки, характеризующийся в большей степени как желательный, чем реальный, это связано с тем, что киберпространство дает возможность виртуальной самопрезентации, отвечающей ценностным идеалам человека; социально-экономические факторы социального здоровья в наименьшей степени подвержены влиянию ки-

берсоциализации, так как требования к удовлетворительному уровню и качеству жизни, карьере, качеству и доступности образования в первую очередь определяются респондентами в контексте реальной социальной активности. Перенос норм, ценностей, идеалов реальной социальной среды в виртуальную среду и наоборот сам по себе не является деструктивным фактором, однако при учете отличной идеологии реального и виртуального общества приводит к различного рода диссонансам в поведении, сознании и восприятии себя в обществе. Отсутствие информационного контроля как такового позволяет пользователям социальных сетей вносить в данную среду информацию различного содержания. В отличие от реального взаимодействия субъектов в обществе, избежать пресыщения ненужной и неуместной информацией практически невозможно. В свою очередь, упразднение роли очного взаимодействия между субъектами усложняет процесс получения социальной компетенции. Таким образом, с одной стороны, социальные сети характеризуются легкодоступностью, информативностью и достаточными перспективами личностного и социального роста. С другой, снижение социальной активности молодых субъектов в реальной жизни, упразднение «реальных» норм и ценностей, актуальных вне киберсреды, информационная пресыщенность, приводящая к различным дисбалансам (физиологическим, психологическим, социальным) способствует формированию диссонанса в процессе социализации и возникновению социальных конфликтов.

Источники и литература

1) Плешаков В.А. Киберсоциализация: социальные практики жизнедеятельности «Homo Cyberus'a» /В.А. Плешаков// Сборник материалов II Региональной научно-практической конференции «Молодежь в глобальной Сети: проблемы, вызовы, возможности, перспективы» (Омск, 3 декабря 2015 г.) / Отв. ред. Ю.П. Денисов, Р.В. Долготович. – Омск, 2016. – 126 с. – С. 87-96.

2) Плешаков В.А. О киберсоциализации в рамках информационно-медийного направления деятельности общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» /В.А. Плешаков// Социальная педагогика в современных социальных практиках. Сборник научных статей VII Международного симпозиума. 21-23 мая 2017 г. – Арзамас, 2017. – С. 287-299

Киселёва Наталья Ильинична

Финансовый университет, Москва, Россия

Информационные технологии как инструмент формирования больших данных о современных социальных конфликтах

Социология как отрасль научного знания нацелена на исследование актуальных проблем развития общества, нахождение источников их возникновения, причин и закономерностей их формирования для принятия дальнейшего управленческого решения. Несмотря на многообразие предметных областей социологии, подходы к исследованию проблемы современности раскрываются тремя стилями [1]: 1) теоретическое толкование исторического процесса развития общества, осмысление социальных противоречий и конфликтов для описания образа общества; 2) научная интерпретация и систематизация данных исследований о состоянии развития общества; 3) получение эмпирических данных и их анализ по отдельным социальным практикам социального взаимодействия в обществе. Накопленные социологией хрестоматийные знания в области социальных конфликтов существенно не продвинули наше понимание о методах их исследования. С точки зрения теории мы констатируем глубинные трансформации общества, вызванные многочисленными нарушениями механизма социального взаимодействия различных структур, приводящим к социальной напряженности, ищем причины их возникновения, способы согласовать интересы, вырабатываем механизмы гармонизации общественных интересов. В тоже время опросы объективные и субъективные показатели свидетельствуют об обратном: российские общество не испытывает политической напряжённости (доверие к проводимой политике нарастает, рейтинг политических лидеров растет, особенно после Президентских Посланий Правительству, 90Тогда почему сегодня социология поднимает вопрос о новых конфликтах в российском обществе? Что является маркером нарастания социальной напряжённости, которая не отражена вопросах общественного мнения и официальной статистике? Какие существуют источники, подтверждающие или опровергающие статистические данные и опросы общественного мнения? Важнейшим источником социальной действительности являются не средства массовой информации и их электронные ресурсы, а социальные сети. Методы их анализа получают все большее распространение: от контент-анализа тем, содержания высказывания, до современного сетевого анализа, моделирующего различные профили (портреты) пользователей. Любая активность в социальных сетях оставляет след, позволяющий выявлять не только актуальные темы, но и отношение к происходящему, даже, если пользователь не фиксировал свое мнение (эмо-

цию). Сетевые данные позволяет конструировать виртуальный социум, выявить число их участников, оценивать степень центральности, близости и посредничества ее участников. Современные возможности анализа социальных сетей позволяют выявить не только спонтанность реакции на тот или иной социальный факт, но и проследить «сезонную» частоту возвращения к ней, степень изменения отношения к происходящему и готовность транслировать этот факт в своем социальном окружении. В мире избытка и дефицита информации современные средства анализа социальных сетей стали мощным источником сбора данных о членах общества, позволяющие отличить простое эмоциональное высказывание (например, статистика дизлайков на новогоднее поздравление президента РФ Владимира Путина в YouTube «Первого канала»: «не нравится» - более 790 тыс. чел. против 12 тыс., которым понравилось[4]), от готовности вести протестную активность. Однако исследователи чаще видят в этом больше органический, чем возможности получения объективной информации: конфиденциальность высказывания, степень экспертности мнения и многие другие. Современные информационные системы анализа данных позволяют построить графы функциональных зависимостей со множеством переменных, однако чаще этим «развлекаются» программисты, чем социологи-исследователи. Поэтому благодаря современным технологиям научное сообщество имеет возможность получить принципиально новый контент современных «болевых» точек (например, личные формы адаптации к изменению пенсионного возраста, последствия потери доверия к социальным институтам, потенциальная готовность к созданию семьи, рождению 2 и более детей, предпосылки к эмиграции как результату социально-экономической трансформации общества).

Источники и литература

1) Батыгин Г.С. Социальные науки в постсоветской России. – М.: Академический проект, 2005.
2) Министр труда оправдался за снижение прожиточного минимума // MKRU 29.01.20 https://www.mk.ru/economics/2020/01/29/ministr-truda-opravdalsya-za-snizhenie-prozhitochnogo-minimuma.html.
3) Поправки к Конституции: значение и отношение //ВЦИОМ №4160 от 03 февраля 2020 https://wciom.ru/index.php?id=236uid=10146
4) Путинское новогоднее поздравление завалили дизлайками на YouTube // Телеграф от 02.01.2019.

https://rustelegraph.ru/news/2019-01-02/putinskoe-novogodnee-pozdravlenie-zavalili-dizlaykami-na-youtube-84907

5) Социальные настроения россиян: итоги 2019 года // ВЦИОМ №4146 от 14 Января 2020 https://wciom.ru/index.php?id=236uid=10115.

***Ковалева Галина Александровна*[1]*, Воробьева Ирина Николаевна*[2]**

1 - ФГБОУ Череповецкий государственный университет, череповец, Россия; 2 - Череповецкий Государственный университет, г. Череповец, Россия

Интернет - зависимость у подростков: методология измерения рисков

Феномен зависимости (или пристрастия) является предметом изучения многих антропологических наук - медицины, психологии, педагогики, социологии, права. ВОЗ (1965) определяет зависимость как «состояние периодической или хронической интоксикации, вызываемое повторным употреблением естественного или синтетического вещества[1, с. 54].» В последние годы наиболее широко распространенным подвидом поведенческой зависимости становится интернет-зависимость. Это связано с постоянным расширением границ компьютерного влияния в обществе, оказывающего деструктивное влияние на формирование личности и образа жизни на самых ранних этапах формирования личности вследствие большей подверженности детей и подростков воздействию маркетинговых технологий и риску развития зависимого поведения.

Как отмечает Т. Н. Светличная и Е.А. Смирнова: «Зависимость и зависимое поведение представляют собой сложный биопсихосоциодуховный феномен и включают биологический (медицинский), психологический, социальный и духовный аспекты[2, с. 9].»

Современные исследования и наблюдения за пользователями Интернета позволяют утверждать, что интернет-зависимость - это объективно существующая проблема, которая является частью, и весьма основательной, проявления нехимических зависимостей. Изучение проблемы имеет свои особенности, связанные с условиями и особенностями протекания этих явлений. Их проявления легче фиксируются в поведенческих актах и имею При правильном разложении данной проблемы на составляющие весьма эффективен при их изучении метод социологического опроса, поскольку основные факты, связанные с диагностикой поля, вполне

фиксируемы по самоопределению индивида. т иное социальное значение, нежели «классические» аддикции. Актуальность именно такого метода изучения нашей проблемы объясняют следующие факторы:

- возможность охвата достаточно большой совокупности респондентов;
- возможность выявления общих тенденции в изучаемой совокупности;
- возможность анализа количественных данных, построения распределений и корреляций;
- простота поиска респондентов;
- акцентирование внимания на конкретных поведенческих актах.

Очевидно, что, поскольку данный метод, как и любой другой, не универсален, мы сталкиваемся с определенными трудностями, которые, безусловно, следует учесть. Среди наиболее вероятных проблем следует отметить:

- отсутствие качественного аспекта исследования;
- уровень искренности респондента. Детям 11-15 лет свойственно через разные виды деятельности преувеличивать свою взрослость, а следовательно, давать заведомо ложные ответы, как отрицательные, так и желательно одобряемые;
- навязывание исследовательской проблематики. Мнение об отношениях с компьютером и гаджетами в обществе сложилось как противоречивое;
- поверхностность данных о сложных и глубинных психических процессах;
- повышенные требования к рефлексивным способностям респондента.

Нам представляется очевидным, что при всех возможных трудностях метод опроса в данном исследовании представляется достаточно эффективным, поскольку в наших интересах найти то общее, что существует в сознании школьников, связанное с их возможной зависимостью, а также с некоторыми сопутствующими явлениями, в том числе и отклонениями. При составлении анкеты нам необходимо учесть следующие стратегические моменты построения вопросника:

- исключить из обращения упоминание о реальных целях исследования, в противном случае мы поставим респондента в крайне неудобное положение, изначально потеряв его доверие к нам;
- учесть разные аспекты феномена компьютерной и иной зависимости: влияние на образ жизни, восприятие реальности, здоровье;

- учесть специфику общения в Интернете;
- разложить собственно проблему зависимости на суждения, с которыми можно согласиться в разной мере (оформить в табличный вопрос).

И, наконец, опрос позволяет создать индикаторную модель как систему совокупных показателей, позволяющую в дальнейшем проводить оценку степени выраженности зависимости и благодаря этому предупреждать возможные отклонения в поведении старшеклассников.

Трактуя понятие индикаторной модели, мы определим ее как «совокупность индикаторов, сформированную на определенном концептуальном основании и позволяющую получить в систематизированном виде информацию об изучаемом явлении, процессе, выявить взаимосвязи между составляющими элементами. В структуру индикаторной модели могут быть включены группы индикаторов, позволяющие измерить как когнитивный компонент, так и его составляющую [2, с.85].» Нами была предложена и создана аддитивная индикаторная модель измерения риска возникновения нехимической зависимости. было выделено шесть основных индикаторов измерения уровня риска возникновения нехимической зависимости:

1. Эмоциональная зависимость;
2. Низкий уровень самоконтроля;
3. Коммуникационные проблемы в реальности;
4. Ухудшение здоровья, физического состояния;
5. Интересы в реальной жизни и в социальных сетях;
6. Период времени пребывания с гаджетами, за компьютером

В соответствии с полученным индексом все школьники были разбиты на пять групп:

1-я группа - нет риска, индекс меньше или равен 2.

2-я группа - низкий уровень риска, значение индекса - от 2 до 2,5 включительно;

3-я группа - средний уровень риска, значение индекса - от 2,5 до 3 включительно;

4-я группа - высокий уровень риска, значение индекса - от 3 до 3,5 включительно;

5-я группа - очень высокий уровень риска, значение индекса - выше 3,5.

Разработанная модель была апробирована на исследовании, проведенном в школах г. Череповца в 2017 году. Было опрошено 829 подростков от 11 до 15 лет. Тип выборки - кластерная. Даннеы позволили сделать неутешительные выводы. Почти 16 % школьников можно диа-

гностировать, как группу, имеющую высокий и очень высокий уровень риска формирования интернет- зависимости. Дальнейшие исследования позволяют расширить представления, в рамках каких источников риска кроются наиболее серьезные по своим социальным последствиям проблемы.

Источники и литература

1) Гоголева А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика. М.: МПСИ, Воронеж: НПО МОДЭК, 2002. 240с
2) Социальные факторы риска возникновения интернет-зависимости : монография / Т. Н. Светличная, Е. А. Смирнова, А. М. Бычкова и др. : [под ред. Г. А. Ковалевой, А. А. Меховой] ; Череповец. гос. ун-т. – Череповец : ЧГУ, 2018. – 199 с.:

Ковальчук Валерий Константинович

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бедность сельского населения России как фактор генерации социальных конфликтов

В настоящее время бедность является одним из ключевых факторов, способствующих росту числа социальных конфликтов в сельской местности, а также косвенным образом поддерживающих их интенсивность в городах.

На сегодняшний день мы наблюдаем существенный разрыв между уровнем ожиданий жителей сельских поселений, формируемым в первую очередь господствующей урбанистической культурой, и реалиями жизни в сельской местности [3, с. 21].

Уровень безработицы на селе почти в 2 раза превышает значение данного показателя для городов. Так, в 2014 г. для сельской местности оно составляло 8,3%, а для городской - 4,3%. При этом для жителей села характерен более высокий уровень «застойной безработицы». В 2014 г. 35,5% сельских безработных искали работу свыше 1 года, тогда как для горожан этот показатель был зафиксирован на уровне 25,4% [4].

В РФ для сельскохозяйственных производств характерен наиболее низкий уровень оплаты труда в отраслевом разрезе. По данным за первое полугодие 2016 г., среднемесячная номинальная зарплата в сельском хозяйстве составила чуть более 22 тыс. руб., в то время как в среднем

по экономике значение этого показателя составляло 35 тыс. В структуре расходов домашних хозяйств, относящихся к сельской местности (по информации за 2 кв. 2016 г.), затраты на продукты питания составили 41%, в то время как в городе этот показатель был зафиксирован на уровне 31,7%. Также обследование выявило существенный разрыв в расходах на досуг и развлечения: на культурные мероприятия сельские домохозяйства тратят 4% от общих расходов, городские - 7,6% [4].

Отличия между реальным уровнем жизни и представлениями о достойной жизни, закрепленными как посредством произведений массовой культуры, так и через ознакомление с бытом горожан, порождают психологический эффект относительной депривации. В ряде случаев ответственность за существующие противоречия жители сельской местности возлагают на себя (что подпитывает рост числа суицидов и распространение масштабов алкоголизма), старших членов своей семьи, либо на внешних акторов. Объектом неприязни с их стороны могут служить как представители «коллективной власти», так и в целом носители городской культуры. В отдельных случаях формируются закрытые локальные идентичности, для представителей которых характерны недоверчивость и агрессивный настрой по отношению к любому «чужому».

Отдельно следует отметить, что деструктивные последствия относительной депривации, накладываясь на маргинализацию населения, порождаемую оптимизацией социальной инфраструктуры (за 2000-2015 гг. число одних лишь школ в сельской местности сократилось с 45,1 тыс. до 25,9 тыс.), способствуют распространению среди жителей сельской местности бытовой ксенофобии. Последнее приводит к вспышкам межэтнических конфликтов в случае появления в сельской местности национальных диаспор. В особенности острыми бывают конфликты в ситуациях, когда появление национальной общины сопровождается созданием коммерческих структур, в рамках которых представители этнического меньшинства выступают владельцами и управляющими, а местные уроженцы - наемными работниками и клиентами [2, с. 65; 3, с. 22].

Одновременно бедность сельского населения формирует деструктивные тенденции в восприятии агрохолдингов и в целом представителей крупного бизнеса. Итоги всероссийской хозяйственной переписи 2016 г. позволяют зафиксировать интенсивный процесс концентрации земель сельхозназначения в рамках крупных хозяйственных комплексов. За период 2006 - 2016 гг. число фермерских хозяйств сократилось на 116,5 тыс., личных подсобных хозяйств - на 4,6 млн. Одновременно вырос размер земельного надела, приходящегося на одно предприятие. В случае крупных и средних производств он вырос в среднем на 249,3 га, а для

фермерских и индивидуальных хозяйств - лишь на 137,9 га. Экономическая поляризация сельской местности, сопровождающаяся разорением мелких и средних собственников, способствует, с одной стороны, росту популярности радикальных форм правых и левых политических учений. С другой стороны, она формирует социальную базу, на которую опираются гражданские активисты, в силу разных причин конфликтующих с крупными сельхозпроизводствами [1, с. 22, 23].

При этом необходимо обратить внимание на то, что описанные выше процессы оказывают существенное влияние на мировоззрение сельской молодежи, активно мигрирующей в города. Пребывающие из сельской местности молодые люди, привыкшие рассматривать социальную жизнь как сферу перманентного конфликта, с недоверием относятся к идеям медиации и кооперации, и в то же время симпатизируют протестным движениям.

Таким образом, бедность сельского населения превращается в фактор генерации социальных конфликтов, проявляясь как на локальном уровне, так и в рамках процессов регионального и общероссийского масштаба.

Источники и литература

1) Ковальчук В.К. Проблема социальной несправедливости в сельской местности: социологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 21-28.

2) Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования, 2015. № 12. С. 60-69.

3) Мкртчян Н. В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI вв. // Известия Российской академии наук. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19–32.

4) Россия – страна умирающих деревень. Доклад Центра экономических и политических реформ // http://cepr.su/wp-content/uploads/2016/12/Россия-страна-умирающих-деревень.pdf (дата обращения: 25.01.2020).

Леньшин Владимир Петрович

ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Особенности диалектики цифровых и социальных технологий в достижении качества жизни.

История развития общества-это история развития научного знания. История развития научного знания-это история развития общества. Данная диалектика содержательно присутствует в Национальных целях, задачах по реализации задач Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ, Стратегии социально-экономического развития РФ в форме научных технологий как в реальном секторе экономики-производственные технологии, так и в других сферах жизни общества-социальная, политическая, духовная, а также в «стыковых»-социально-экономическая, общественно-политическая, социокультурная. Для реализации задач социально-экономического развития особую актуальность приобретает раскрытая П. Сорокиным одна из особенностей социологического знания: взаимосвязь теоретической и практической социологии. Основной акцент им сделан на том, что последняя является прикладной дисциплиной социальной сферы жизни общества. Основанием для подобного рода интеграции выступают законы, формулируемые теоретической социологией. Таким образом, последняя, согласно П. Сорокину, с необходимостью должна помогать обществу и человеку управлять социальными силами в соответствии с поставленными целями [1]. Наиболее актуальная цель сегодняшнего дня-повышение качества жизни граждан на основе научно-технологического развития всех сфер жизни. К основным субъектам, в рамках полномочий которых входит достижение поставленной цели, относятся все ветви власти, научно-образовательное и предпринимательское сообщества, институты гражданского общества, иные. В основе механизма достижения вышеназванной цели выступают цифровые технологии (производственные, социальные), на основе которых будут решаться задачи во всех сферах жизни. Необходимость внедрения цифровых технологий это и «требование» шестого технологического уклада. Делая акцент на необходимой взаимосвязи между теоретической и практической социологией, остается без ответа вопрос-как, посредством какого интеграционного механизма, возможна реализация этого взаимодействия между теоретической и практической социологией? С нашей точки зрения, эту функцию могло бы выполнить одно из направлений социологии-социальные технологии. Они, основываясь на соответствующей методологии, способны не только создавать условия для реализации задач, но и эффективно решать их не только в социальной, но и в других сферах жизни. Еще одной особенностью социальных технологий является то, что они способны эффективно

решать сложные задачи в «стыковых» сферах жизни: социально-экономическая, общественно - политическая, социокультурная. Социальные технологии-важнейший элемент механизма социально - экономического развития Российской Федерации, при помощи которого значительно повышается эффективность достижения стоящих перед государством и обществом целей на основе научного (системный, структурно-функциональный, иные) подхода. В свою очередь, методологической основой для их разработки и внедрения в предметную деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, научно-образовательного и предпринимательского сообществ, институтов гражданского общества выступают количественные показатели и качественные характеристики, как результат: - мониторинга достижения целевых показателей социально-экономического развития субъекта РФ; - мониторинга правоприменительной практики субъекта РФ; - региональной цифровой аналитической платформы [2] - вторичного анализа данных; - внедренных инновационных научных производственных технологий в реальный сектор экономики субъекта РФ; - внедренных инновационных научных социальных технологий в основные и «стыковые» сферы жизни; - иные. Особенность сферы социальной политики состоит в том, что она относится исключительно к предмету ведения органов государственной власти и органов местного самоуправления. Основные задачи социальной политики: - создание условий для формирования прогнозируемой, мотивированной, солидарной деятельности различных социальных групп граждан (возрастные, профессиональные, этнические, другие) на основе определенных ценностей; - всестороннее развитие человеческого потенциала; - регулирование отношений между различными социальными группами граждан; - создание необходимых условий для консолидированного взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления с научно-образовательным и предпринимательским сообществами, институтами гражданского общества; - иные. При разработке социальных технологий необходимо учитывать не только специфику различных сфер жизни, но и эмпирические материалы, получаемые в процессе научно-методологического, организационно-методического, социологического, аналитического, информационного, коммуникационного сопровождения внедряемых инновационных технологий в профессиональную деятельность различных субъектов. Таким образом, внедрение социальных технологий в деятельность органов власти всех уровней представляется нам одним из основных условий достижения Национальных целей, Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, Стратегий социально-экономического развития субъектов

РФ на период до 2024 года и, что немаловажно, минимизации причин, которые бы могли привести к социальной напряженности.

Источники и литература

1) Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, другие.
2) Распоряжение Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1189-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий ("дорожной карты") по созданию национальной системы управления данными на 2019 - 2021 г.г.».

Логиновских Ульяна Евгеньевна

Уральский институт управления РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

Мужчины и женщины в различных сферах деятельности: социологический анализ гендерных стереотипов.

Сфера гендерных отношений является одной из наиболее острых и значимых областей исследования в социологии. В современном мире имеется практическая задача реализации равноправия между мужчинами и женщинами, ликвидации гендерной асимметрии и формирования новых, свободных от предрассудков гендерных отношений в обществе.

В начале XXI века продолжает происходить трансформация российского общества. Она охватывает практически все сферы повседневной жизни - от приватной до публичной. Границы стираются: все больше мужчин воспитывают детей, все больше женщин занимают высокие руководящие посты. Эти изменения происходят стремительно. Уже сложно сказать, что общепринято женское, а что мужское.

В апреле 2019 года в г. Екатеринбурге было проведено социологическое исследование распространённости гендерных стереотипов методом CAWI-опроса.

В исследовании приняло участие 109 (53,4%) женщин и 95 (46,6%) мужчин.

Респонденты были разделены по возрастным категориям. Так, в возрастной категории 18-25 лет было опрошено 107 (52,4%) человек, в возрастной категории 30-45 лет - 97 (47,6%) человек. Такие возрастные границы обусловлены наибольшей социальной активностью и включенностью данных групп населения в коммуникативное пространство.

Выяснилось, что, по мнению опрошенных деятельности мужчин и женщин кардинально не отличаются, так считают 67,1 %, что говорит о высоком уровне гендерной толерантности и о том, что стереотипы - карьера для мужчин, дом и семья для женщин - уходят в прошлое. Однако больше трети респондентов (26,9%) считают, что все же деятельности мужчин и женщин сильно различны. Здесь стало интересным проанализировать зависимость такой точки зрение от семейного положения.

Более 80% опрошенных, которые состоят в зарегистрированном браке, сильно разделяют деятельности мужчин и женщин, вероятно, эти люди создали семьи и имеют установки о том, что женщина должна в большей степени посвящать себя дому и семье, а мужчина должен созданную семью материально обеспечивать. Следовательно, деятельности мужчин и женщин, по мнению состоящих в браке опрошенных, должны различаться.

Далее, рассмотрим степень активности мужчин и женщин в различных сферах деятельности. Под степенью активности мы понимаем то, насколько в каждой из сфер мужчины и женщины себя проявляют. Респондентам было предложено оценить данные показатели по пятибалльной шкале, где 1 – совсем не активна / не активен в данной сфере, 5 – проявляет наибольшую активность в данной сфере.

Анализируя активность мужчин и женщин в различных сферах жизни, можно сделать вывод о том, что сферы деятельности действительно различаются у разных полов. Так, по мнению опрошенных, женщина больше всего активна в сфере дома и семьи (среднее значение по 5ти бальной шкале - 4,2) , мужчина в сфере бизнеса (4,2) и политики (3,8). Напротив, активность мужчин в сфере дома и семьи оказалась на последнем месте, хотя и имеет достаточно высокий индекс 3,0. Одновременно, респонденты признали, что активность женщины в других сферах жизни тоже высока. Так, в сфере спорта индекс активности женщин равен 3,0 , в сфере бизнеса 2,8 , в сфере политики 2,3 . Такие показатели свидетельствуют о том, что в современном обществе активность и представленность женщин во многих сферах жизни растет. Стереотип «политика и бизнес - не женское дело» постепенно устаревает. Однако, представления о том, что семью и дом больше ассоциируют с женщиной и меньше с мужчиной, остаются актуальными.

Далее, предлагаем рассмотреть отношение респондентов к гендерным стереотипам. Для этого участникам опроса было предложено оценить актуальность 14 утверждений - стереотипов. Таким образом, самым неактуальным утверждением стало «Интеллектуальные способности мужчин выше женских», этот стереотип никто не признал актуальным. Действи-

тельно, в нашем мире много грамотных женщин-ученых, хороших политиков прекрасного пола, бизнесвумен, что не допускает оценить женские интеллектуальные способности ниже мужских.

Основными актуальными утверждениями были признаны «Женщины должны всегда хорошо выглядеть и ухаживать за собой», «Мужчины должны зарабатывать больше, чем женщины» и «Женщины должны уметь готовить и вести хозяйство». Стоит отметить, что красивый внешний вид женщины, ее умение вести хозяйство, а у мужчин способность хорошо зарабатывать высоко ценится в современном мире. То есть признаем, что стереотипы о «мужской» и «женской» деятельность особо актуальны.

Исходя из результатов исследования, можно говорить о том, что женщину чаще ассоциируют с семьей и детьми, но так же женщину довольно часто можно встретить и в других сферах жизни: в политике, бизнесе, спорте. Активность мужчин во всех сферах жизни, в том числе и в семейной, тоже отмечена. Стереотип о том, что карьера только для мужчин, а женщина должна заниматься только домашним хозяйством и детьми начинает терять свою популярность.

В целом, результаты CAWI опроса свидетельствуют о том, что в российском обществе гендерная толерантность растет, и современное положение мужчин и женщин в обществе относительно гендерных представлений не имеет сильных противоречий и расхождений.

Лысюк Анатолий Иванович

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Брест, Беларусь

Проблемы развития дистанционного высшего образования в Республике Беларусь: метод фокус-группы

Аналитическая работа в фокус-группах (октябрь 2019 г.), посвященная проблематике дистанционного высшего образования в Республике Беларусь показала следующие результаты.

В первую очередь следует указать на преобладающее позитивное отношение к этой форме обучения как таковой, подчеркивание, что она обладает в Беларуси большими перспективами, хотя имеет свои плюсы и минусы.

Во-вторых, большинство участников (представители сектора образования) фокус-групп уже соприкасались в своей профессиональной дея-

тельности с дистанционным форматом. Речь идет о: а) проведении в университетах встреч по информированию о наиболее оптимальных способах организации дистанционного обучения; б) организации со школьниками консультаций по программированию в онлайн-режиме; в) использовании этого формата отдельными преподавателями в учебном процессе; г) репетиторство студентов и школьников в скайпе и др.

Почти три четверти участников фокус-групп отмечали, что данная система обучения подходит только мотивированным студентам, которые должны обладать умением планировать свою деятельность, ставить перед собой учебные и творческие задачи, эффективно их решать.

Утверждалось, что дистанционное обучение не в состоянии повлиять на общекультурный уровень студента, так как он не включен в социальные коммуникации и общественную среду по месту учебы и не имеет непосредственного социализирующего контакта с преподавателем.

Около трети участников отмечали, что эта форма может быть использована как элемент в обычном университетском образовании. Однако не как замена традиционного высшего образования, а как его дополнение.

К минусам дистанционного обучения относится, в первую очередь, как отмечал один их участников, тот фактор, что, согласно теории коммуникации, чем отдаленнее связь, тем больше потери, шумов и издержек, а эффектов все меньше.

Также выражалась обеспокоенность в том, что пока непонятно, какие будут использованы при дистанционном обучении способы контроля и проверки знаний и с каким эффектом.

Интересным для современных граждан РБ представляется формат получения европейского дистанционного высшего образования. В особенности, в ситуации, что могут быть предложены «западные» университетские программы, адаптированные под нужды белорусов. Тем более в ситуации, когда по разным причинам ограниченное число белорусов имеют возможность получить диплом авторитетного европейского университета.

Привлекательность подобного формата обучения за рубежом может быть обусловлена и тем, что ВУЗы РБ в гуманитарной сфере имеют определённую идеологическую направленность, догматическую заданность, что приводит как к примитивизации обучения по общественным дисциплинам, так и к формированию спроса на более свободное и разностороннее гуманитарное образование.

Участники фокус-группы отмечали, что в настоящее время существует целый ряд заявлений от администрации белорусских университетов о необходимости развития дистанционного образования в их учреждени-

ях, но практически сделано немногое. Более того, зафиксирована уверенность, что в обозримом будущем вряд ли стоит ожидать в этом направлении каких-либо практических шагов, потому что у государственных университетов отсутствует заинтересованность в развитии этой сферы образовательных услуг по следующим основаниям.

Во-первых, развитие дистанционного обучения на базе университета требует для его реализации огромных материальных ресурсов (специальных помещений проведения вебинаров, хорошего оборудования для организации стримов и др.), которые в настоящее время отсутствуют.

Во-вторых, для дистанционного обучения необходима команда специалистов, его «обслуживающая», которая пока еще не сформирована, что также требует привлечения дополнительных материальных и человеческих ресурсов.

В-третьих, необходимо на уровне университета либо министерства образования организовать специальное обучение преподавателей, подготовить персонал, ответственный за координацию этой деятельности, а также; г) разработать и/или приобрести специальные программы для организации учебного процесса. Фиксировалась в этом сегменте реальная социальная проблема для университетского сообщества - возникновение угроз и рисков для преподавателей, так как в результате этого обучения неизбежно будут сокращены учебные часы (нагрузка). Большинство участников делают вывод о том, что в настоящее время белорусские университеты не готовы к реальной конкуренции с западными университетами в пространстве дистанционных предложений.

По убеждению многих, важное значение имеет правильный подбор специальностей для выхода на белорусский рынок. В наибольшей степени имеют реальный шанс быть востребованными следующие специальности: а) ИТ-сектор; б) менеджмент, финансы и маркетинг; в) политология, социология и международные отношения.

Теми белорусами, которым был бы в первую очередь интересен формат получения дистанционного высшего образования за границей, могли бы быть индивиды, независимо от возраста, стремящиеся получить качественного европейского образование для усиления своих позиций на рынке труда, а также особые социальные группы; а) преподаватели высших и средних учебных заведений; б) люди с ограниченными возможностями; в) активисты политических партий и структур гражданского общества; г) заключенные и др.

***Маркова Юлия Сергеевна*[1]*, Шляпина Анастасия Сергеевна*[1]**
1 - Кафедра социологии, Центр социологических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Социологическая методика изучения толерантности российских студентов к иностранным студентам (на примере ПГНИУ)

Одной из тенденций развития российского высшего образования выступает привлечение иностранных студентов, что актуализирует проблему их адаптации, предупреждения межэтнических конфликтов. Важным является исследование толерантности российских студентов к иностранным как фактора гармоничных взаимодействий.

Толерантность выражается в принятии другого человека как равноправного партнера с его правом на самобытность [1, с.17]. Исследование толерантности раскрывается через триаду: «интерес-понимание-уважение» к личности, группе, культуре, что соответствует когнитивной, эмоциональной и поведенческой составляющей личностно-ориентированного подхода [2, с.23]. Своеобразие типов толерантности соотносится с общественным сознанием, определяя поведенческие стереотипы [3]. Противоположностью толерантности является интолерантность, выражающаяся в конфликтности членов социальной группы.

Сотрудниками Центра социологических исследований ПГНИУ была разработана методика изучения толерантности российских студентов к иностранным. В ее основе -перечень суждений, предлагаемых для оценки по 4-балльной шкале (где 1 - «полностью не согласен», 4 - «полностью согласен»).

При формировании методики применялась трактовка толерантности как типа социального отношения, включающего три компонента: 1) когнитивный (знание о культуре иностранных студентов); 2) эмоциональный (оценка культуры и поведения); 3) поведенческий (реальное или гипотетическое поведение по отношению к иностранным студентам). Для повышения точности шкалы использовались амбивалентные высказывания, т.е. характеризующие толерантное и интолерантное отношение.

На первом этапе для апробации методики, состоящей из 26 суждений, был проведен пилотаж среди студентов ПГНИУ, отобранных стихийным методом (n=100). Анализ надежности методики показал коэффициент Альфа Кромбаха=0,702, что свидетельствовало о ее пригодности. В силу методических требований к инструментарию количество суждений было сокращено до 14[1] на основании анализа корреляционной матрицы с

использованием коэффициента Ро Спирмена и анализа надежности при помощи коэффициента Альфа Кромбаха. Надежность шкалы несколько снизилась (коэффициент Альфа Кромбаха=0,601).

На втором этапе методика применялась в анкетировании студентов ПГНИУ, отобранных квотным методом относительно факультета и курса (n=300).

Для анализа полученных данных использовался факторный анализ. Для проверки пригодности данных к факторизации был применен показатель асимметрии, значение которого должно измеряться в интервале [-2;2]. Этому не соответствовали переменные: «Я думаю, нужно всегда стремиться понять другого человека вне зависимости от его религии/национальности/культуры», «Я не хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей», которые были исключены. Анализ на наличие значимых корреляций привел к исключению переменной «Я хотел бы стать более терпимым к иностранным студентам».

Факторный анализ при помощи коэффициента вращения Варимакс позволил выделить два типа студентов: положительный (58%) и отрицательный (22%). Студенты первого типа помогают иностранным студентам в учебе, проводят с ними внеучебное время, с удовольствием познают их культуру и язык, рассказывают о российской культуре. Студенты второго типа полагают, что иностранные студенты должны жить отдельно от российских, не любят, когда иностранные студенты говорят на своем языке или пытаются приобщать к своей культуре; некоторые этносы вызывают у них неприязнь. Полученная модель обладает мерой адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина на уровне 0,826, т.е. высокой объяснительной способностью.

Для последующей оценки уровня толерантности использовалась медиана. О высоком уровне толерантности свидетельствуют значения 3 и 4 для позитивных высказываний, 1 и 2 - для отрицательных. Наибольшую оценку получили положительные высказывания эмоционального и когнитивного характера. Позитивные поведенческие оказались с оценками «скорее не согласен». Таким образом, российские студенты толерантно воспринимают иностранных студентов, но не спешат пускать их в ближний круг друзей, в повседневную жизнь.

Разработанная методика показала свою пригодность, однако следует продолжить работу по корректировке суждений для повышения точности шкалы.

[1] Суждения, характеризующие толерантное отношение: а) когнитивные: «Я стараюсь рассказывать иностранным студентам о нашей культуре»; «Я с удовольствием познаю культуру и язык иностранных

студентов»; «Я думаю, нужно всегда стремиться понять другого человека вне зависимости от его религии/национальности/культуры»; б) эмоциональные: «Взаимодействие с иностранными студентами позитивно влияет на развитие культуры российских студентов»; «Я хотел бы стать более терпимым к иностранным студентам»; в) поведенческие: «Я помогаю иностранным студентам в учебе»; «Я приглашаю иностранных студентов в гости или провести время вместе». Суждения, характеризующие интолерантное отношение: а) когнитивные: «Я не выношу, когда иностранные студенты пытаются навязать свою культуру мне»; «Есть народы, среди которых плохих и невоспитанных людей больше»; «Нормально считать, что твой народ лучше, чем остальные»; б) эмоциональные: «Есть народы, которые вызывают у меня раздражение»; «Я не люблю, когда иностранные студенты говорят на своем языке»; в) поведенческие: «Я не хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей»; «Иностранные студенты должны жить отдельно от российских студентов».

Источники и литература

1) Дробижева Л.М. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Вып. 16. С. 16–28.
2) Могилевич Б.Р. Межкультурная коммуникация в системе социологического знания: автореф. дис. д-ра социол. наук. Саратов, 2010. – 43с.
3) Скворцов Л.П. Толерантность: иллюзия или средство спасения // Октябрь. 1997. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/october/1997/3/tolerantnost-illyuziya-ili-sredstvo-spaseniya.html (дата обращения: 25.01.2020).

Масалков Игорь Константинович

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Новые социальные конфликты в России и Франции

Социальные конфликты - это всегда противостояния, иногда с применением силы, между социальными группами ради обретения материальных или символических благ.

Социальные конфликты имеют тенденцию к диверсификации как по своим требованиям, так и по способам выражения.

Остановимся на формах проявления конфликта в жизни общества на примере двух отдельно взятых стран:

1. между доминирующими и доминируемыми группами,
2. между несовместимыми социальными ценностями,
3. между различными идентичностями индивида.

Конфликт в основном известен своим дестабилизирующим и даже разрушительным потенциалом, но он также имеет свои достоинства. Роль конфликтов в социальных изменениях во многом зависит от того, как не только социологи, но и правящая элита интерпретируют и управляют конфликтами:

1. Холистический подход считает, что общество - это единое целое. Поэтому необходимо сосредоточиться на цели социальной интеграции. Властные структуры в таком случае рассматривают конфликт как дисфункцию, показывающую разрушение интеграционных механизмов, которая должна быть исправлена. На этой позиции базировалась советская и постсоветская идеологии.

2. Интеракционистский подход (методологический индивидуализм) основан на трактовке поведения и взаимодействия людей. Конфликтующие группы могут вступать в противостояние друг с другом или с обществом в целом. Они обычно умиротворяются, принимая обсуждаемые нормы и способствуя в то же время прогрессивным социальным изменениям.

3. Классовый подход: Пока правящему классу удается навязать свой порядок, конфликты могут частично разрешаться путем компромиссов между противоборствующими классами. В этом подходе, основанном на противоречиях, конфликт свидетельствует о плохом состоянии общества.

Социальные конфликты, отражающие классовую борьбу, были более или менее жесткими в зависимости от страны. Например, забастовка шахтеров на севере Франции в 1963 году была отмечена силовыми столкновениями и жертвами. В 1962 году в Новочеркасске советские власти при подавлении протестных выступлений расстреляли десятки рабочих и боле сотни приговорили к лагерным срокам.

В 1960-х годах возникают уже между новыми акторами наряду струдовыми новые конфликты, которые ознаменовали переход к постиндустриальному обществу. Это привело к появлению того, что американский социолог Рональд Инглхарт называет "постматериалистические ценности" [1]. Объяснение этому явлению в постиндустриальном обществе мы видим в двойственном процессе:

1. расширяется «средний класс», объединяющий разные социальные группы с достаточно стандартизированными доходами, уровнем и образом жизни;

2. имеет место рост социальной исключенности в основном из-за кризиса занятости, что приводило к разрыву социальных связей (безработные, бездомные, лица без документов...) [2].

Эти два противоречивых и совпадающих по времени процесса ломают старые границы (например, классов) и вносят серьезные коррективы в структуру общества:

1. Возникают конфликты поколений, где бэби-бумеры противостоят людям старших возрастных групп. Рождаясь в обществе с определенным изобилием материальных благ, подростки выступают против социального порядка по разным поводам.

2. Появляются новые социокультурные лозунги, порождающие свои социальные конфликты: феминистские движения с притязанием на равенство прав в оплате труда, в разделении семейных и домашних обязанностей.

Несмотря на кризис занятости традиционные структуры протестной мобилизации во Франции не смогли адаптироваться к новым условиям и продолжают терять свое влияние. Так обстоит дело с французскими профсоюзами: потеря аудитории и числа членов (менее 10% французских работников в настоящее время объединены в профсоюзы) порождают стихийную координацию. Развиваются новые способы протестного действия, заменяющие митинги или классические забастовки: «ревностная работа по правилам», отказ работать сверхурочно, сидячая забастовка, марши молчания.

В российской действительности, где условия согласования разрешения на проведение забастовки являются практически невыполнимыми, социальные конфликты зачастую представляют собой просто стихийные остановки работы, в малой степени зависящие от деятельности пассивного профсоюза. В то же время протестные акции нередко исподволь специально организовывались самой же администрацией («красными директорами») с целью, во-первых, выбивания финансовых ресурсов из центра, а во-вторых, формирования «аварийного клапана» в случае накопления недовольства деятельностью администрации со стороны трудового коллектива.

В России имеет место особое явление - социальная критика как своеобразное соединение абстракции с конкретным телесным и эмоциональным жизненным опытом [3]. Темами обсуждения мужчинами в гаражах и женщинами перед подъездами домов становятся следующие темы:

1. социальное неравенство, являющееся следствием кричащих различий в доходах простых наемных работников и чиновников,

2. пространственное неравенство в уровне жизни двух столиц и регионов.

Зарубежные социологи улавливают в этом становление воображаемой «мы идентичности» на национальном уровне. Мобилизационным способностям россиян в ее реализации на практическом уровне мешает глубоко укоренившееся чувство неспособности изменить порядок вещей. Это чувство коренится в уверенности в непоколебимости кумовского олигархического капитализма[4].

Источники и литература

1) Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. Пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкановой, научн. ред. Э. Д. Панарин. — Москва: Мысль, 2018.

2) Масалков И.К. Проблемные поля развития клинической социологии в России// Развитие личности Development of personality. №1, 2016. С. 116-134.

3) Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Издательство «Весь Мир», 2020.

4) Clement C. Expérience de vie et critique prolétarienne. [Электронный ресурс]. – https://www.laviedesidees.fr/La-lutte-sociale-en-Russie.html le 26 avril 2019 (дата обращения: на 28.01.2020)

Матвеева Наталья Юрьевна

Российский университет транспорта, Москва, Россия

Выражение социальных и культурных смыслов испано-каталонского противостояния в твиттер-коммуникации

Противостояние центральной власти Испании с силами, ставящими своей целью достижение независимости Каталонии, насчитывает уже, по меньшей мере, около ста лет. Это период, за время которого сформировались и созрели идеи независимости Каталонии, а также был получен опыт разных форм и способов борьбы за независимость. Очевидно, что устойчивость социального явления - в данном случае, требования

независимости со стороны части политических сил и гражданского общества, доказывает, что этот конфликт не может рассматриваться как временный и обусловленный теми или иными политико-экономическими соображениями (например, желанием не платить налоги в центр). Многочисленные факты, включая смыслы самоидентификации народов Испании и Каталонии, позволяют говорить о том, что проблема носит социокультурный характер.

В этом качестве она может быть понята при помощи исследования не только политических позиций сторон, но и смыслов, вкладываемых обычными людьми в их повседневную, в том числе, сетевую, коммуникацию. При этом смыслы, связанные с испано-каталонским противостоянием, могут быть изучены при помощи обращения к социальным сетям, как источнику эмпирической информации, порой даже с большей степенью адекватности, чем при помощи таких традиционных методов, как анкетирование или интервьюирование. Причина этого - специфика проблемы, с одной стороны, и особенность построения и социального функционирования социальных сетей, с другой. Специфика проблемы состоит в том, что она связана с самыми интимными социальными эмоциями и чувствами. Особенность же социальных сетей как источника социологической информации заключается в том, что они позволяют людям общаться, но при этом не взаимодействовать с оппонентом лицом к лицу. Кроме того, социальные сети самоорганизуются по принципу группового участия и создания хоть и текучих, незамкнутых и взаимопересекающихся, но вполне реальных групп, отличающихся по интересам и предпочтениям. Это облегчает социальную коммуникацию по таким «тонким» темам, как межнациональные конфликты и отстаивание политических взглядов, социальной и культурной идентичности в многонациональной стране.

Нами было проведено исследование социально-культурных смыслов испано-каталонского противостояния на основе анализа данных, полученных из социальной сети Твиттер. Охват исследуемого материала составил более двух лет - с весны 2017 по осень 2019 гг. Было проведено два относительно независимых эмпирических исследования:

1. Анализ смыслов конфликтного противостояния, выражаемых пользователями сети - сторонниками единства Испании и сторонниками независимости Каталонии - сквозь призму их коммуникации по поводу твитов ведущих политиков ЕС. Рассматривались смыслы конфликта, как они выражались в условиях наличия третьей стороны, предполагаемого посредника или третейского судьи, - Евросоюза. Несмотря на то, что ЕС официально отказался от этой роли, он не мог полностью сойти со сцены данного противостояния. Твиттер-формат позволил участникам

коммуникации использовать твиты ведущих политиков по актуальным темам в качестве повода для обращений или комментариев. В этом случае, они обращались не непосредственно к своему оппоненту, а к третьей стороне, которая, как предполагалось, должна носить характер посредника и поэтому к ней можно было обращаться, выражая требования, жалобы, просьбы, и т.д. Методом данного исследования послужил качественно-количественный контент-анализ реплик обычных пользователей сети - сторонников и противников независимости Каталонии - на твиты ведущих политиков Евросоюза. Преимущество было отдано качественному рассмотрению, что обусловлено как характером собранного материала, так и - главное - целью исследования, состоявшей в изучении и интерпретации смыслов участников коммуникации.

2. Был проведен визуальный анализ политических плакатов и карикатур, размещаемых в сети Твиттер ее пользователями - сторонниками единства Испании и сторонниками независимости Каталонии. Было собрано более 280 плакатов и карикатур с обоих сторон конфликта. Эти визуальные материалы были разделены на несколько смысловых категорий, таких как социальная и культурная идентичность сообществ, их отношение друг к другу и ведущим политикам собственного и противоположного лагеря, реакция на референдум о независимости Каталонии 2017 г. и последующие события (арест и суд над каталонскими политиками), методы противостояния и борьбы. Был проведен качественный интерпретационный анализ данных визуальных материалов.

В результате были получены следующие выводы:

1) Сторонники единства страны руководствуется традиционалистскими, консервативными смысловыми позициями и нарративами. Они являются менее активной стороной конфликта. Напротив, сторонники независимости автономии руководствуются современными смыслами, выражающими стремление сообщества к активному развитию в разнообразных сферах жизни общества и проявляют большую активность в достижении цели.

2) Основной проблемой, определяющей развитие конфликтного противостояния, является проблема отсутствия взаимопонимания между народами Испании и Каталонии, и желания найти пути к такому взаимопониманию с обоих сторон. Данная социальная проблема угрожает углублением конфликта, что может быть источником постоянной напряженности и рассогласованности в социальной, политической, экономической и культурной жизни страны.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00608 А «Противостояние между Испанией и Каталонией: социокультурные смыслы участников».

***Мокрецова Полина Александровна*[1]*, Тонышева Анна Игоревна*[1]**
1 - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

Количественные методы исследования интеграции студентов в научающую организацию

Во многих общественных процессах существуют различные проблемы. Социальная интеграция не исключение. Социальная интеграция - процесс «внедрения» человека в общество, приспособления личности к новым социальным условиям, в результате которого достигается формирование самосознания, способности к самоконтролю и поддержанию адекватных связей с окружающими. Главная цель интеграционного процесса есть освоение личности в уже существующую систему социальных отношений.

Социальная интеграция занимает важное положение в жизни молодых людей. От приспособления к окружающим людям зависит качество работы человека, процесс коммуникации с коллективом, а также, сам процесс социализации, так как интеграция в какой-либо группе может иметь как положительное, так и отрицательное влияние на молодой организм (может появиться замкнутость, неуверенность и т.п.). Чтобы понять, как социальная интеграция повлияет на будущее личности, необходимо знать факторы и проблемы, объясняющие конечный результат процесса приспособления, так как личность и социальная интеграция являются взаимозависимыми системами.

М. Вебер утверждал, что человек стремится осознать свои цели и соотнести их с «рациональными» [1]. Проблемой социальной интеграции для него было отклонением от идеальной модели интеграции. Если человек не подчинялся существующим нормам окружающей среды, то он не мог положительно интегрироваться в ней.

Изучая указанную проблемную ситуацию, было определено, что существует как положительное, так и отрицательное влияние социальной интеграции на молодых людей. Отрицательной интеграция является в тех случаях, если личность не справляется с различными проблемами,

возникшими на первой стадии интеграции. В данной работе был изучен процесс социальной интеграции современной молодёжи, а также проблемы и причины их возникновения в данном процессе.

В исследовании применялись такие количественные методы сбора информации, как массовый опрос и анализ результатов опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения и Фонда общественного мнения. В опросе проведенный в Google Форме (N = 350 чел.), возраст респондентов - от 17 до 30 лет, принимали участие жители Санкт-Петербурга, Гатчинского района, Архангельска и Архангельской области, Москвы, Новосибирска, Ямало-Ненецкого автономного округа, Лаппеенранты (Южная Карелия, Финляндия). Возраст респондентов - от 17 до 30 лет.

Полученные в ходе исследования результаты показали, что 175 человек, что соответствует 51% от общего числа опрошенных респондентов, редко оказываются в компании незнакомых людей. По данным ФОМа, молодежь демонстрирует достаточно заметную вовлечённость в гражданскую активность. Организовывать новый коллектив для того, чтобы прибраться в лесопарковой зоне, готовы 44% молодых россиян [2]. Если говорить об отношении молодёжи к общению с новыми людьми, то 58,6% опрошенных респондентов чувствуют себя приемлемо в «своей» компании, а в новой компании 66,5% респондентов - вполне комфортно. Примерно столько же (65,6%) могут начать знакомство при условии, что люди сами к ним подойдут и только $\frac{1}{4}$ спокойно может начать диалог первыми. 39,4% людей в условиях непринятия себя новой компанией будут стараться наладить хорошее общение, в то время, как 21,3% расстроятся и не будут появляться в данной компании. 35,9% опрошенных респондентов испытывают дискомфорт в новой компании, если они считают себя менее образованными, 28% чувствуют себя менее привлекательными, 15,7% - менее успешными, 9,3% - менее обеспеченными. Лишь 0,6% говорят о том, что чувствуют себя комфортно в любых обстоятельствах.

В ходе исследования были выяснены некоторые проблемы, которые влияют на затруднение социальной интеграции молодых людей. Среди них можно выделить основную проблему - неуверенность в себе из-за недостаточно хорошего уровня образования, привлекательности, успешности и материального положения. Хотя некоторые молодые люди все-таки придерживаются активной позиции, указывая в опросе на полную уверенность в себе.

Исследование показало, что хоть молодые люди достаточно часто оказываются в окружении новых людей, они все-таки стремятся оставаться в привычной им обстановке, не заводя новых знакомств. Моло-

дёжь чувствует себя приемлемо в компании, в которой находится в данное время. В новой обстановке большинство ощущает себя комфортно, но 25% респондентов указали на существование дискомфорта при общении с незнакомыми людьми.

Некоторые молодые люди не видят проблему в том, чтобы начать диалог с новой компанией первыми, но большинство придерживаются нейтральной позиции - «познакомлюсь, если подойдут».

В результате исследования оказалось, что большинство опрошенной молодежи не способны по каким-либо причинам начать знакомство первыми. Чтобы подтолкнуть их на коммуникацию, сотрудники образовательных учреждений (среднего, профессионального, высшего образования) или сотрудники разнообразных организаций должны стать временным посредником между личностью и коллективом, чтобы поддержать в социальной интеграции «новеньких». Но выполнение данной функции не должны переходить черту и вмешиваться в личную жизнь и пространство.

Источники и литература

1) Фонд Общественное мнение [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832 (дата обращения: 29.12.2019)
2) Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с.
3) Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. - М.: Наука, 1972. - 240 с.
4) Божков О.Б. Технология социологического исследования: как это варится. Курс лекций. - СПб: Эйдос, 2016. - 296 с.
5) Гурьянов А.С. Социализация личности в процессе образования // Решетневские чтения. - 2017. - №21-2. - С. 677-678.
6) Муфтахова А.Н. Расхождение в приоритетных задачах // Архитектура и дизайн. - 2017. - № 3. - С. 13-19.

Мунина Ольга Владимировна

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского» социологический факультет, Саратов, РФ

Виртуальная среда как социальное пространство социализации поколения Z: концептуализация конфликта

Универсальность реализации социализации в качестве процесса, встраивающего индивида в конкретный социум, обладающий колоритной картиной самобытных характеристик, долгий период времени достигалась за счет адаптивных возможностей социализирующих механизмов, стимулируемых непосредственными агентами социализации.

Функциональная нагрузка, связанная с передачей накопленного опыта и культуры, усвоением индивидом социальных норм и необходимых социальных ролей, первоначало закреплялась за семьей и ближайшим окружением, а в последующем, с усложнением общественной системы, - и за институтом образования. Социальные и политические акторы, ранее из числа членов общины (н-р, через процедуру инициации), а позже в лице представителей власти (н-р, через распределение обязанностей, прямой и опосредованный вербальный инструктаж агентов), применяя рычаги неформального и формального контроля, следили за продуктивностью деятельности агентов социализации и параллельно задавали процессу социализации необходимый вектор, преследуя, собственные цели (сохранение существующего строя), либо, стремясь к развитию социума в целом, и отдельно взятой личности, в частности.

В результате, система взаимоотношений и коммуникативные практики первичных групп семьи, ближайшего окружения индивида и образовательных сообществ на микроуровне воспроизводили всю специфику социума и его нормативного порядка таким образом, что социализационный процесс протекал для индивида подспудно (что достаточно актуально с учетом выраженного в той или иной мере критического мышления подростков и молодежи), а сам индивид, приобретая личностные черты, практически безболезненно, встраивался в существующую социетальную систему. В этом контексте ключевое положение представителей интеракционизма «личность - социальна и вне общества существовать не может» представляло собой утверждение, фиксирующее многовековую практику социального воспроизводства.

Стремительные темпы социальной динамики современного социума преобразовали социальные институты и их функциональную нагрузку, модифицировали сознание и поведение индивидов, привели к появлению новых форм социального действия, заявили новые требования к личности как к субъекту и участнику социальных взаимодействий, и, тем самым, поставили вопрос о необходимости трансформации механизмов первичной и вторичной социализации различных поколений, с целью вхождения в «информационное общество».

Виртуальное пространство оказало значительное влияние на жизнедеятельность современного человека: Интернет стал не только средой

удобной коммуникации, но и основным средством получения и последующего распространения информации, в том числе, касающейся процесса социализации.

Противоречивый характер виртуальных коммуникаций обозначил спорные моменты, связанные с конкурирующими, а, порой, и с конфликтующими социальными воздействиями на индивида в процессе социализации со стороны ее ведущих агентов и акторов. В последнее десятилетие виртуальная среда существенно потеснила первичные группы семьи, ближайшего окружения индивида и образовательных сообществ. Вместе с тем, говорить об отработанном алгоритме социализирующего воздействия на индивида на просторах социальных сетей и блогосферы не приходиться. Ситуацию усугубляет цифровая анонимность, обезличивающая коммуникативный аспект и нивелирующая ответственность агентов и акторов социализации [1, С. 7]. Кто конкретно осуществляет социализирующие функции в виртуальном пространстве, с учетом каких ценностей, норм и инструкций, а, главное, в чьих интересах? На этот вопрос ответить однозначно сложно.

Стоит также отметить и специфику реализации процесса социализации в виртуальном социуме через призму поколенческой теории, в соответствии с которой на просторах Интернета взаимодействуют между собой преимущественно представители поколения X или «Странники»/«Неизвестное поколение» (1963-1984 гг.р.), поколения Y или «Миллениумы»/ «Герои»/ «Поколение next»/ «Поколение сети» (1984-2000 гг. р.) и поколения Z или «Центениалы»/ «Хоумлендеры»/ «Художники»/ «Домоседы» (с 2000 г.р.). Каждое поколение при этом демонстрирует качественно иные способы передачи и восприятия информации и социокультурного опыта, разные языковые коды и разный взгляд на социализационную траекторию.

Поколение X прагматично, - это индивидуалы, надеющиеся только на себя, пропагандирующие гендерное равноправие, неформальные взгляды и готовность к изменениям; их отличает стремление учиться в течение всей жизни, техническая грамотность и глобальная информированность.

Поколение Y характеризует ответственность, мораль, гражданский долг, наивность, умение адаптироваться и подчиняться, свобода виртуального общения, fun (веселье). Взросление в быстроменяющемся мире развило у Миллениумов склонность к быстрому потреблению и желанию быстро достигать высоких результатов. Поэтому знание Y-ков поверхностно, дифференцировать информацию они не умеют, преобразовывать ее в знание тоже. Y не способны концентрировать свое внимание и сосредотачиваться на решении задач, не способны глубоко вникать в

проблему и решать ее, поэтому им надо подразделять крупные задачи на более мелкие и отдельно контролировать выполнение каждой.

У поколения Z преобладает сетевое общение, иммунитет к рекламе, космополитическое сознание, терпимость и спокойствие, синдром дефицита внимания, клиповое сознание, стремление получить максимум информации в короткий срок. Поколению Z необходимы инструкции и разъяснения к работе. Им нужна предельная ясность в последовательности действий, только тогда они смогут эффективно работать. Также предпочтительней будет все требования и подсказки оставлять в виде схем или инструкций, поскольку представители поколения Z не привыкли долго слушать.

Вышеперечисленные специфические характеристики работы с информацией, ее передачей и потреблением, качественно разнящиеся у представителей разных поколений, обостряют существующие противоречия обезличенной социализации в виртуальном пространстве, базирующемся исключительно на информационном потоке.

И последний спорный момент реализации социализации через виртуальную среду, по нашему мнению, связан с диспропорцией фаз социализации личности. Как известно, механизм социализации подразумевает следующие три фазы, которые индивид проходит последовательно в процессе становления личности: адаптация, индивидуализация и интеграция.

В ходе адаптации индивид приспосабливается к социально-экономическим условиям, ролевым функциям, социальным нормам, социальным группам и социальным институтам, выступающим в качестве среды его жизнедеятельности. Индивидуализация предполагает самопроявление Я, т.е. выработку собственного индивидуального опыта социального взаимодействия и общения, индивидуального отношения к предписываемым ролям и позициям. Интеграция характеризуется субъект-объектными отношениями личности с социумом, выбором оптимального варианта жизнедеятельности, способствующего самореализации человека в обществе.

На просторах наблюдаемой нами виртуальной среды доминирует индивидуализация: социальные сети и видеоблогинг, выступают, прежде всего, в качестве канала экстериоризации, предполагающей внешнее выражение (через знаковую и социальную форму: действия, высказывания) внутренних состояний психологических структур молодого человека, его замыслов, планов. Подобный дисбаланс формирования структурных элементов личности, таких как «I», «Me», «Self», может угрожать консенсусу как принципу равновесия общества в качестве социального организма.

Подводя итоги предпринятого дискурса, следует, во-первых, подчеркнуть важность научного осмысления процессов социализации в виртуальном пространстве с точки зрения прогнозирования последствий формирования личности в условиях цифровой анонимности. Во-вторых, обратить внимание научной общественности на необходимость разработки критериев эффективной социализации личности в виртуальной среде.

Источники и литература

1) Ивлиев П.А. Анонимность в Интернете: проблемы и особенности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №4. Т. 2. С. 6-8.

Мылтасова Ольга Валерьевна

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Социальные сети как источник социальных противоречий и взаимодействия

Сегодня мы живем в мире, в котором информация распространяется и передается молниеносно - благодаря современным технологиям IT-инженерии. Особого внимания заслуживают виртуальные социальные сети как особое пространство для общения разных людей на любую тему и в любом формате.

Существует отправная точка, обозначающая появление первой соцсети - 2004 год, год официальной регистрации Facebook. На сегодняшний день существует множество социальных сетей, схожих между собой и отличающихся интерфейсом, системой навигации, целевой аудитории. На Западе одной из самых известных сетей является Twitter, в нашей стране - Вконтакте, Одноклассники. В последние годы наибольшей популярностью среди молодежи пользуется сеть Instagram, зарегистрированная в 2010 году, основная функция - обмен фото и видео, насчитывает порядка 800 миллионов пользователей. Согласно данным Social Media List [2], на начало 2019 года насчитывалось 250 социальных сетей, список которых постоянно растет.

Анализ литературы показал, что не существует четкой трактовки термина «Социальная сеть» - с одной стороны, под социальной сетью понимается «многопользовательский веб-сайт, наполнением которого занимаются сами участники сети» [1], с другой - к социальным сетям отно-

сят форумы, онлайн-игры и т.п. У социальных сетей, как и у любой системы существуют характерные особенности. Во-первых, для того, чтобы можно было пользоваться ресурсами социальной сети, пользователю необходимо создать свою страничку - профиль. Во-вторых, пользователи могут взаимодействовать друг с другом: просматривать чужие профили, содержащие фото, видео и текстовую информацию, отправлять личные сообщения или взаимодействовать с пользователем публично (делая комментарии к выставленным материалам или, если такая функция есть в соцсети, писать на страничке пользователя на т.н. «стене»). В-третьих, объединение в группы по интересам на площадке данной конкретной сети (чаты, сообщества и т.п.). В-четвертых, возможность обмена друг с другом различной информацией, а также отметка пользователей. Еще одной особенностью социальных сетей является создание для своего профиля приватности, когда возможность отправлять сообщения, просматривать содержание профиля могут только те, кто есть в списках контактов или те, кому данный доступ разрешен.

Остановимся на одной из сторон взаимодействия в социальных сетях, связанной с возникновением конфликтной напряженности и противоречиями и попробуем выявить их причины.

Виды конфликтного взаимодействия в социальных сетях: вербальная и косвенная агрессия, троллинг, навязчивый контакт с жертвой, диссинг, распространение информации без согласия объекта.

Причинами подобного конфликтного взаимодействия в социальных сетях, на наш взгляд, являются следующие аспекты:

1) Объективное расхождение во взглядах. Когда автор странички затрагивает эмоционально важную для читателей тему. Причем, тема, изначально, может быть безобидной и даже нести положительный для социума смысл. Пример: в конце 2019 г. в ВК был размещен пост, посвященный жертвам насилия и созависимых отношений: стилизованные постановочные фото, с разными формами насилия, причиняемого мужчинами в отношении женщин. Данный пост набрал большое количество комментариев, основная часть которых содержала агрессию мужчин к женщинам, одобрение данных действий. Комментарии с обеих сторон носили выраженный агрессивный характер, пользователи не стеснялись в выражениях, напрямую оскорбляли друг друга, высмеивали и унижали.

2) Зависть, желание принизить значимость успешного в социальном пространстве блоггера. Множество различных ситуаций, когда человеку, достигшему успехов и активно делящемуся ими в соцсетях

пишут оскорбительные вещи - чаще всего указывающие на якобы физические недостатки самого блогера, его детей и партнера; подвергаются сомнению профессионализм и успех в тех областях, о которых блогер рассказывает (например, какой же Вы врач, если Ваш ребенок заболел?)

3) Обида и мстительность. Буквально на днях столкнулась с ситуацией: одна из блогерш в Instagram некорректно и грубо высказала свое мнение относительно одного из социальных явлений, связанного с сексуальным поведением. Ее подписчица резко выразилась в комментариях, подвергнув сомнению, в том числе, профессиональную компетентность блогерши. В результате, блогерша посвятила ей отдельный пост, «нарезала» несколько сториз, в которых в унизительной и нелицеприятной форме выставила подписчицу. Пост собрал 1000 комментариев за сутки, в которых подписчицу оскорбляли, унижали абсолютно незнакомые ей люди.

4) Личная неприязнь в пространстве off-line, которая переходит в пространство социальных сетей. Человека троллят, подвергают диссингу. К этому подключаются люди, близкие к нападающему, но как правило, никакого отношения ни к объекту нападения, ни к самой ситуации не имеющие.

Конфликты в социальных сетях - это феномен, который имеет свои специфические особенности: всегда можно прекратить дискуссию, которая кроме негатива не дает никаких результатов, можно закрыть свой профиль или ограничить к нему доступ, заблокировать нежелательных пользователей на своей страничке. А вот попытка объяснить свою позицию, урезонить агрессоров при помощи логичных доводов и аргументов может иметь обратный эффект. Таким образом, классические стратегии поведения в конфликте в соцсетях имеют иную эффективность (в описанных выше случаях самым эффективным является избегание).

Источники и литература

1) Что такое социальные сети? //Социальные сети от А до Я. Путеводитель по социальным сетям интернета [эл. ресурс] URL: http://www.social-networking.ru/article/social-networks (дата обращения: 10.01.2020)

2) Social Media List. Список социальных сетей [эл. ресурс] URL: https://socialmedialist.org/spisok-sotsialnykh-setey.html (дата обращения: 15.01.2020)

Набиулин Ислам Ринатович
Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация

Проблема национализма в конструктивистской социологической парадигме: сравнительный анализ подходов Бергера, Лукмана и Бурдье

В современных обществах наблюдаются две тенденции. С одной стороны идет стремление преодолеть поликультурность различных наций (особенно актуально в многонациональных странах), с другой стороны идет осознание нациями своего «Я». Наблюдая за рядом стран, можно заметить рост националистических настроение в них, появление националистических партий и увеличение их сторонников. Происходит это на фоне различных внутренних проблем в обществе и государстве, к примеру поток мигрантов в европейских страны усиливает позиции национализма в этих странах. Националистические настроения не могу появиться на пустом месте, для них должны сложиться определенные предпосылки. Слабость социальных структур, непродуманная внутренняя и внешняя политика приводит к формированию националистических настроений.

По утверждению известных социологов Бергера и Лукмана, обыденная жизнь людей всегда представляет из самих себя реальность, которая обязательно имеет большую важность в качестве единого цельного мира [2]. Этот мир формируется в их идеях, мыслях, действиях и переживается всеми ими в качестве чего-то реального. У абсолютно любого индивида могут иметься собственные знания о существующей реальности. Между тем индивид понимает, что мир обыденной жизни так же реален, существует и для него, и для остальных. Только когда сам человек начинает жить в том же мире с иными индивидами, он социализируется, это помогает ему вступить в общество. «Первичная социализация это первейшая социализации, которая имеет влияет на человека в отрочестве и именно благодаря ей индивид становится членом общества. Вторичная социализация - это обязательно каждый дальнейший процесс, помогающий уже социализировавшемуся человеку войти в абсолютно новые сектора объективного мира общества».

После появления в процессах социализации интерсубъективного мира, он (этот мир) имеет определенную тенденцию продолжать собственное существование. Однако его непременно нужно поддерживать. Данную функцию должна исполнять легитимация. Она представляет из себя различные способы и попытки объяснить и оправдать существующую

социальную реальность. Одними из наиболее важных агентов поддержания субъективной реальности в индивидуальной жизни являются значимые другие. Наименее значимые другие являются чем-то вроде “хора”. Исследователи утверждают [2], что в поддержании реальности взаимоотношений между такими группами как значимые другие и “хор” они являются наиболее подвижными: они вступают во взаимосвязь и между собой, так и одновременно с той же субъективной реальностью, поддержанию которой они все непременно служат.

Религия, по словам исследователей, довольно эффективно поддерживает существующую реальность социально сконструированного мира [2]. Если к примеру появляется конкуренция между какими-ибо реальностями, то терпение может сохраняется только до того момента когда одна реальность часто утверждается вопреки конкурентам.

Вводя агента в противовес субъекту и индивиду, Бурдьё старается отделиться от структуралистского и феноменологического подходов к анализу и пониманию социальной реальности [1]. Он обращает особое внимание на то, что такой термин как «субъект» применяется в распространенных пониманиях о «моделях», «структурах», «правилах», когда социолог словно занимает объективистскую точку зрения, видя в субъекте скорее марионетку, которой руководит какая-либо структура, и может лишить его личной активности. В данном случае субъект изучается как тот, кто выполняется осознанную целенаправленную практику, действуя согласно правилу. Агенты выполняют различные стратегии — системы практики, которые движутся в соответствии с определенной целью, но не направляемые сознательно этой целью. Бурдьё использует основой для описания практики агентов не теоретическую концепцию, выполненную с целью представить данную практику «разумной» или, того хуже, «рациональной», а описывает ее скорее как логику практики, используя определенные ее феномены, к примеру практическое чувство или габитус или стратегии поведения.

Пожалуй, одним из самых главных терминов концепции Бурдьё является термин габитус [1]. Габитус — это система определенных диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он дает возможность любому агенту моментально ориентироваться в любом социальном пространстве и отвечать разумно на различные ситуации. За всем этим безусловно стоит не малая работа по образованию и воспитанию в ходе социализации абсолютно любого индивида общества, по изучению им не только эксплицитных, но и так же имплицитных принципов поведения в различных жизненных ситуациях.

Зачастую современное СМИ выступает в роли агентов национализма. Во многих телевизионных программах, журналах, в интернете есть скрытый подтекст с призывом к национализму. Обычные обыватели как правило не замечают этого, по причине незаметности информации. Этот националистический материал скорее направлен на подсознательное восприятие. Тут могут быть изображены националистические символы на фоновых предметах, музыкальное сопровождение. Может быть подтекст в какой-нибудь статье. Не просто все это различить. В качестве примера можно привести телеканал Хабар, в частности выпуск посвященный казахскому народу («Код нации»). Там, прикрываясь научными суждениями, проглядываются националистические суждения о уникальности и превосходстве казахского народа (где-то даже можно заметить националистические фрагменты).

Источники и литература

1) Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2001
2) Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995

Назаренко Сергей Владимирович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Социальные сети и иные Интернет-ресурсы как средство социализации россиян в условиях цифровизации национальной экономики

Институционализация цифровизации конституирует новую реальность социально-экономической и финансово-экономической жизнедеятельности граждан. Векторы ее трансформации - от социальной к цифровой, от реальной к виртуальной реальности. Если ранее содержание дилеммы определялось выбором между предметной и коммуникативной деятельностью, то в настоящее время - между традиционным межличностным общением и инновационным - общением посредством Интернет-ресурсов и социальных сетей.

Дифференциацию сменила классификация общества, получившая последующее развитие в стратификации [2, с.75]. Сформировавшийся

мир социальных статусов и ролей претерпевает напряженность в связи с изменением приоритетов. Ему на смену все больше приходит мир авторитетов. Развитие постиндустриального общества размывает жесткие грани социально-демографических и профессионально-трудовых характеристик, дополняя их культурно-досуговыми. Группы и общности людей все менее стратифицируются и все более сегментируются или кластеризируются в целевые аудитории потребителей [1, с.15].

Социализация - это добровольный для личности процесс освоения социальных статусов и усвоения тождественно ему социальных ролей. Образовываемое социальное пространство посредством обязанностей, прав и ответственности нередко упрощается до плоскости, посредством исключения из данной триады «слабого звена». Барьеры и фильтры преимущественно восходящей мобильности для молодого, горизонтальной мобильности - для старших поколений подчёркивают латентную дисфункцию мира институционального общения и легальной трудовой деятельности. Добровольный уход в виртуальный мир - это вызов современного человека как движущей силы экономических и социальных процессов. Ответом со стороны общества на него является - создание комфортных условий для жизни и деятельности в новых условиях - условиях цифровой социальности.

Вследствие стремительного возрастания роли интернета как средства массовой коммуникации увеличились объем и скорость распространения информации. Она в свою очередь стала одним из источников глобализации человечества, его сетецентричного конституирования через цифровые технологии. Так, социализация все больше находит свое продолжение в виртуализации - освоении цифровых компетенций, которых в социальной реальности нет, но которые востребованы в условиях цифровизации экономики и электронного правительства.

Цифровые компетенции - это знания, умения и владения человека, его способность (осведомленность, осмысленность и деятельность) реализовать информационные и коммуникационные технологии для личной и профессиональной целенаправленности (целеполагания и целедостижения). Их модус генетически корнями уходит, с одной стороны, в виды экономической - производство, распределение, обмен, потребление, а с другой - виды управленческой деятельности, точнее менеджмента (управления производством) - разработку, создание, управление, контроль. При этом их фокус - оптимизация коммуникативной и предметной деятельности, имеет две альтернативных направленности - гуманно-рациональную и рационально-гуманную. Если для первой характерна приоритетность ценности жизни человека, то для второй - ценность труда

человека. В этом общие истоки общественной востребованности содержания как социализации, так и виртуализации, как социальных, так и цифровых компетенций, а именно способность: 1) использовать аппаратное и программное обеспечение; 2) просматривать данные - официальную и исследовательскую статистику и аналитику; 4) оценивать цифровой контент; 5) взаимодействовать с другими субъектами посредством цифровых технологий; 6) обмениваться данными; 7) участвовать в реализации гражданских прав, инициатив; 8) соблюдать этикет сетевого общения; 9) управлять своей личной цифровой идентичностью (цифровым профилем гражданина); 10) разрабатывать свой цифровой контент, свою цифровую среду; 11) интегрировать свой цифровой мир в цифровой мир группы, общности, общества; 12) соблюдать авторские права и лицензионные соглашения; 13) обеспечивать защиту личных данных и конфиденциальность; 14) заблаговременно определять потребности в цифровой продукции (товарах и услугах); 15) творчески использовать новые возможности цифровых технологий; 16) совершенствовать цифровое мышление и цифровую компетентность.

Современная цифровая инфраструктура, с одной стороны рационализирует общественную жизнедеятельность, а с другой стороны - отвечает на вызовы граждан страны, которые проявляя разного рода активность, как правило, добровольно подчиняются закону «неуклонного роста благосостояния (качества, уровня жизни) населения». В исключительных случаях - возникновения или усиления противоречивости, роста напряженности - социальному контролю. Он с социализацией находится в диалектическом единстве. Если социализация формируя исправляет, то социальный контроль - исправляя формирует личность. Однако, его ретроспективный характер снижает эффективность общественных мер, санкций воздействия на девиантов.

В связи с этим, актуальной является проблема минимизации ретроспективности и максимизация проспективности социального контроля. Так, посредством цифровизации общественной жизнедеятельности на смену системе социального контроля (ретроспективного характера) все более приходит система социального доверия или кредита (проспективного) характера. В управленческой практике - это значит, что приоритет от разрешения социальных конфликтов смещается к предупреждению их.

Источники и литература

1) Киселева Н.И., Новиков А.В. Методологические подходы к оценке финансовой грамотности населения России / Экономика. Бизнес. Банки. 2019. № 11 (37). – с.8-21.
2) Оборский А.Ю. Становление современной науки как социального института / Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 71-79.

Николаева Алла Алексеевна
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Трудовые конфликты в организациях социальной сферы: опыт социологического исследования

Трудовой конфликт - это столкновение интересов, взглядов, мнения, либо отсутствие согласия между двумя или большим количеством сторон, возникающих в процессе трудовой деятельности.

Субъектами, или сторонами, трудового конфликта в организации могут выступать как частные, как официальные лица (представители учреждений и организаций), так и отдельные сотрудники или группы.

Одной из важных особенностей организаций социальной сферы, которая имеет значение в понимании причин и способов урегулирования трудовых конфликтов, является специфика работодателя. Такая организация не является предприятием в полном смысле этого слова, а руководитель в значительной степени подотчетен вышестоящим органам управления и лишь частично выполняет функции работодателя. Также сама организация труда в учреждениях социальной серы имеет ряд особенностей, которые в определенных условиях могут послужить конфликтогеном: высокая степень стандартизации выполняемых функций, монотонность и однообразность выполняемых задач, несоответствие сложности выполняемых трудовых действий и требований, предъявляемых к работнику, сложность учета индивидуального вклада работника и измерения результата труда и др.

С целью изучения причин и особенностей трудовых конфликтов в организации социальной сферы был проведен социологический опрос сотрудников МФЦ городского округа Химки Московской области. В опросе приняли участие 48 сотрудников в возрасте от 20 до 40 лет со стажем работы более от 1 года до 5 лет.

На вопрос: «Какой социально-психологический климат, на Ваш взгляд, присущ организации?» большинство опрошенных (57%) сотрудников ответили, что социально-психологический климат в организации

неблагоприятный.Это говорит о том, что в трудовом коллективе очень напряженные отношения: присутствует раздражительность сотрудников, пессимизм, враждебность.

При ответе на вопрос о том, как часто в организации возникают конфликтные ситуации, 67% отметили, что такие ситуации происходят в организации очень часто. Причем 47% из-за этого готовы сменить место работы. Также респонденты отметили, что конфликтные ситуации чаще происходят между работниками - 57%. Конфликты между руководством и подчиненным происходят немного реже - 43%.

На вопрос: «Какая, по Вашему мнению, главная причина трудовых конфликтов в организации?» большинство респондентов (44%) в качестве таковой указали несправедливое распределение обязанностей. Также причиной возникновения трудовых конфликтов в организации является несправедливая оплата труда - 33% опрошенных выбрали этот вариант ответа. Следует отметить, что такие факторы как различие в представлениях и ценностях, высокие амбиции некоторых сотрудников и другие социально-психологические аспекты в качестве причин конфликтов указали лишь незначительное количество опрошенных сотрудников - 1-2%. Это, на наш взгляд, говорит о том, что причины конфликтов в данной организации носят системный характер и связаны с организацией труда, а не с личностными особенностями работников.

В рамках исследования было уделено внимание и способам разрешения конфликтов, которые применяются в данной организации. На вопрос: «Какой тип разрешения конфликта в Вашей организации со стороны руководителя?», 78% ответили, что авторитарный. Партнерский тип разрешения конфликта наблюдается лишь в 22% случаях. Это означает, что руководство разрешает конфликтные ситуации, используя должностное положение. При этом сам конфликт не разрешается, причина не устраняется.

Следует обратить внимание, что 47% опрошенных сотрудников, ответили, что руководство пытается разрешить конфликт используя метод внушения. 23 % респондентов ответили, что по личной симпатии и 22 % респондентов ответили, что используя материальный метод, то есть руководитель лишает премии, урезает заработную плату. И лишь 8 % опрошенных сотрудников ответили, что руководитель применяет конструктивный способ, то есть пытается разобраться кто прав, кто не прав.

Такой подход к решению проблем нередко вызывает негативную реакцию и настроения среди работников, порождает новые конфликты, вследствие чего коллектив становится менее дружным, разлаженным.

Поэтому 67 % опрошенных сотрудников в организации считают, что после таких методов разрешения конфликтов со стороны руководства, конфликты не разрешаются, отношения не налаживаются.

Таким образом, можно сделать вывод, что в данной организации социальной сферы трудовые конфликты являются достаточно частым явлением, их причины носят системный характер, при этом конфликты в большинстве случае не разрешаются, причины не устраняются и возможно вновь проявление конфликта.

Источники и литература

1) Савченко И.А. Конфликты в образовательной организации в условиях организационных изменений // Конфликтология / nota bene. 2018. № 2. С. 24-35.
2) Савченко И.А., Кайманакова О.Б., Кожемяко О.С. Технология управления конфликтами в современной организации // Экономика и предпринимательство. 2016. № 2-1 (67). С. 796-802.
3) Сафонова А.О., Какадий И.И. Технология разрешения межличностных конфликтов в управленческой деятельности // Научный журнал Дискурс. 2017. № 3 (5). С. 103-110.

***Николенко Наталия Александровна*[1]*, Байша Наталья Сергеевна*[1]**

1 - Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования lt;lt;Волгоградский государственный университетgt;gt;, Волгоград, Россия

Новые «значимые другие» для акторов виртуального сетевого пространства как фактор конфликтогенности межпоколенного взаимодействия *

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340005 «Социальная поддержка предпенсионеров на региональном рынке труда в условиях цифровой экономики».

В статье акцентируется внимание на технологиях искусственного интеллекта, которые, по мнению авторов, могут выступать в качестве «значимых других» и воздействовать, в той или иной степени, на процесс интернализации личности. Наряду с этим, выдвигается предположение

о том, что с появлением новых технологий искусственного интеллекта - новых «значимых других» повышается риск разрушения социальных связей между поколениями людей и развития напряженности в их взаимодействии.

Исходя из положений представителей социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана [1] о том, что «каждый индивид рождается в объективной социальной структуре, в рамках которой он встречает значимых других, ответственных за его социализацию» [2, с. 12], необходимо обратить внимание на стремительное развитие массового взаимодействия, происходящего между «живыми» (людьми) и «искусственными» (машинами) акторами виртуального сетевого общества. При отсутствии массового использования современных технологий искусственного интеллекта на роль «значимых других» претендовали только ряд референтных групп (члены семьи разных поколений, друзья, знакомые, школьные учителя и пр.), представители средств массовой информации, транслирующие установки, принимаемые индивидом и впоследствии превращающие его в носителя «закладываемых» со стороны «значимых других» установок и ценностей. Идейные представления ученых о социальном конструировании повседневной реальности, подталкивают на дополнительные немаловажные размышления о том, а могут ли усовершенствованные технологии искусственного интеллекта выступать в роли «значимых других» и вносить свою «лепту» в формирование личности, внушая новое содержание реальности, имеющимся интеллектом, созданным, в свою очередь, реальными людьми. Важно, вместе с тем, отметить, что несмотря на многообещающее название интеллекта «искусственным» и предполагающего под собой возможную альтернативу человеческому интеллекту, его «функционирование происходит строго по законам физического мира и представляет собой реализацию тех алгоритмов, которые заложены в него программистом» [3, с. 117], в то время, как сознание человека способно абстрагироваться от существующей реальности, способно воображать, фантазировать и размышлять о том, что совершенно не имеет отношения к физическому пространству.

С целью избегания развития конфликтогенности между людьми разных поколений необходимо отметить, что взаимодействие представителей разных поколений, как и любое социальное взаимодействие между людьми, может быть основано на осуществлении социального обмена. Так, согласно постулатам, выдвинутым основателем теории обмена Дж. Хомансом, следует, что действующий субъект вне зависимости от своего возраста стремится к получению выгоды, которую он способен тщательно и рационально просчитывать. Так, исходя из полученных в ходе ко-

личественного исследования данных [5], около половины респондентов - представителей современной молодежи (45%) (в данном случае, акцентировано внимание на возрастной категории: от 18 до 30 лет), уверены, что людям старшего поколения вовсе необязательно быть задействованными на рынке труда или в общественно-политической деятельности, следовательно, для того, чтобы установить взаимовыгодный и полезный контакт между двумя вышепредставленными поколениями, необходимо переключиться, например, с трудовой, на семейную сферу жизнедеятельности, в которой, по мнению 48% опрошенных, старшее поколение оказывается наиболее востребованным. В связи с определением подходящей области деятельности для установления молодыми людьми крепких, взаимовыгодных социальных связей с более старшим поколением, обратим вновь внимание на задействование в межпоколенном взаимодействии еще одних действующих акторов, не посредников, а самостоятельных субъектов взаимодействия - технологий искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект, проникающий в различные сферы повседневной жизни, в том числе, и в семейную, становится одним из значимых субъектов, воздействующих на интернализацию, становление подрастающей личности: так, одним из примеров такого тесного взаимодействия «живого» и «искусственного» акторов является активное задействование юных, не социализированных пользователей технологий искусственного интеллекта, в ряде видеоигр, неоднократно приводящих к негативному воздействию на психику и здоровье их участников [4]. Таким образом, происходит не только развитие риска утрачивания людьми старшего поколения позиции в семье «значимого другого» для более молодых, юных людей, проходящих первичный этап социализации, но и, свидетельствующий из этого, рост недопонимания и напряженности в их дальнейших взаимоотношениях даже в той области деятельности, которая по мнению большинства респондентов - молодых людей, является наиболее подходящей.

Для возможного предотвращения развития межпоколенной конфликтогенности необходимо, по мнению авторов, минимизировать активное использование социализирующимися субъектами технологий искусственного интеллекта, поскольку внушаемое пользователю видение и понимание повседневной реальности современными технологиями возможно не только при прохождении индивидом вторичной социализации, но и на самых первых этапах его знакомства с повседневной реальностью.

Источники и литература

1) Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : «Медиум», 1995. – 323 с.

2) Захаркин, Р.А. Значимые другие в процессе вторичной социализации (коммуникационный аспект) [Текст] / Р.А. Захаркин // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 4. – С. 12-14.

3) Тавокин, Е.П. Искусственность «искусственной социальности [Текст] / Е.П. Тавокин // Социологические исследования. – 2019. – № 6. – С. 115-122.

4) Статья «Опасные игры! Берегите детей! или Игры, которые играют детьми!» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http s://урок.рф/library/opasnie_igriberegite_detej_ili_igri_kotorie_igr_172832.html – Время доступа: 13.01.2020. – Загл. с экрана.

5) Социологическое исследование на тему: «Восприятие социальных проблем жителями Волгоградского региона», организованное кафедрой социологии ВолГУ и проведенное в июле-августе 2018 г. под руководством к.социол.н, доц. Николенко Н.А. (Метод – формализованное интервью (N=426, из них было опрошено в г.Волгоград – 291 чел., в г.Волжском – 90 чел., в г.Калач-на-Дону – 45 чел.). Тип выборки: комбинированная, многоступенчатая, районированная маршрутно-квотная. Критерии выборки: пол, возраст. Предел погрешности – 5,8%, уровень доверия – 95%). – Текущий архив кафедры социологии ВолГУ. – Волгоград, 2018.

Прончев Геннадий Борисович[1], Прончева Надежда Геннадьевна[2], Гончарова Инна Владимировна[1]

1 - Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 2 - ИПМ им. М.В. Келдыша РАН, Москва, Россия

Изотропия виртуальных социальных сред как причина социальных конфликтов

Социальная активность россиян все более перемещается в виртуальные социальные среды, функционирующее на базе современных информационно-коммуникационных технологий в глобальной сети Интернет [1]. В 2018 году 42% населения нашей страны в возрасте от 15 до 72 лет осуществляли он-лайн взаимодействие с органами власти, 78% российских граждан, имеющих доступ в Интернет, пользовались социальными сетями [2].

Одной из характерных особенностей виртуальной социальной среды в Интернете является неиерархичность ее структуры: все субъекты такой среды имеют равные возможности. «Отношения между пользователями ..., если рассматривать их только как пользователей, отвлекаясь от остальных социальных качеств этих людей, - это отношения равенства: все они являются пользователями сети, делятся с нею определенной частью своих персональных данных и получают доступ к определенным ресурсам, предоставляемым ее создателями... Равенство между пользователями социальной сети не уничтожает неравенства между этими пользователями в обыденной жизни» [3]. В результате возникает явление «социальной изотропии» социальной среды: состояние равного доступа субъектов в участию в социальном взаимодействии.

Изотропия виртуальных социальных сред имеет положительные и отрицательные последствия для обществе в целом.

К положительным последствиям относятся: развитие демократических институтов [4], сглаживание социального неравенства [1], цифровизация общества [5]. Каждый субъект общества имеет возможность посредством виртуальной социальной среды воздействовать на социально-политические процессы в государстве [6].

К отрицательным последствиям можно отнести: мало контролируемое увеличение объема поступающей информации, возникновение информационных угроз из-за бесконтрольности виртуальной социальной среды, медиазависимость и агрессия в виртуальных социальных средах. Упомянутые последствия способствуют развитию социальных конфликт в обществе.

Одним из последствий является информационный потоп или, как ее еще называют «информационный удар», в результате которого наблюдается мало контролируемое увеличение объема поступающей информации. По данным IDC объем общемировых данных вырастет с 33 зеттабайт в 2018 году до 175 зеттабайт в 2025 году. Почти 30% этих данных нужно будет обрабатывать в режиме реального времени [7]. В случае перенасыщения информацией, увеличения объема цифровых данных возникают немалые трудности в управлении информацией (поиск, получение, хранение, обработка, передача информации). При этом материальные затраты на информационные системы значительно увеличиваются, а их эффективность чаще всего снижается. В случае недостаточной квалификации пользователя появляется возможность «легализации» недостоверной информации («фейковой информации» или «фейковых новостей»). «Фейковые новости» в последнее время активно используются в «информационных войнах» [8].

По причине изотропии виртуальных социальных сред в Интернете возникают информационные угрозы для персональной безопасности пользователей. К ним относятся [9]: угроза конфиденциальности информации в социальной сети; угроза целостности информации в социальной сети; угроза доступности информации в социальной сети; угроза полноте информации в социальной сети; угроза актуальности информации в социальной сети; угроза важности информации в социальной сети; угроза адресности информации в социальной сети; угроза избыточности информации в социальной сети.

Серьезной проблемой в виртуальных социальных средах в настоящее время является медиазависимость. Последствиями которой является усвоение потребителем социальных ценностей и норм, пропагандируемых в конкретной виртуальной социальной среде. Однако, эти ценности не всегда могут соответствовать нравственным и правовыми нормам, принятым в «реальном» обществе, в котором проживает пользователь. В Интернете можно встретить сетевые сообщества, где размещаются материалы клеветнического, лживого или враждебного характера по отношению к отдельным лицам или социальным группам. Очень часто в этих сообществах наблюдается девиантное поведение пользователей, проявления насилия и агрессии в различных видах: электронная речевая агрессия, проявляющаяся по отношению к другим пользователям или группам пользователей в интернете; онлайн игры агрессивного и насильственного характера; информация экстремистской направленности, в том числе террористического, ксенофобского толка [10].

Таким образом, изотропия виртуальных социальных сред в Интернете помимо положительных несет и отрицательные последствия для общества, выступая причиной целого ряда новых социальных конфликтов.

Источники и литература

1) Муравьев В.И., Прончев Г.Б., Прончева Н.Г. Современные Интернет-технологии как средство сглаживания социального неравенства в контексте взаимоотношений гражданского общества с государством // Образование и право. — 2013. — № 12(52). — С. 77–85.

2) Цифровая экономика: 2020 : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 112 с.

3) Прончев Г.Б., Муравьев В.И. Социальные сети как фактор перехода России к инновационному развитию // Социология. — 2011. — № 3. — С. 36–56.

4) Прончев Г.Б., Муравьев В.И. Социальные сети в условиях перехода России к инновационному развитию // Труд и социальные отношения. — 2012. — № 2. — С. 64–73.

5) Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. - № 10. – С. 46–63.

6) Прончев Г.Б., Монахов Д.Н., Прончева Н.Г. Информационно-коммуникационные технологии как причина социального неравенства // Политика и общество. — 2018. — № 2. — С. 1–10.

7) Reinse D., Gantz J., Rydning J. The Digitization of the World – From Edge to Core. IDC White Paper. Doc# US44413318. November 2018. 28 p.

8) Прончев Г.Б., Прончева Н.Г., Гончарова И.В., Прончев К.Г. Медиаглобализация: информационные угрозы // Образование и право. — 2019. — № 7. — С. 11–18.

9) Кораблев М.Н., Лонцов В.В., Прончев Г.Б. Защита конфиденциальной информации в социальных сетях Интернета // Социология. — 2010. — № 4. — С. 33–45.

10) Васенина И.В., Прончев Г.Б. Речевая агрессия в социальных сетях Интернета // Образование и право. — 2018. — № 2. — С. 170–177.

Прошкина Ольга Владимировна

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Татарстан

Методические аспекты анализа организационных конфликтов: причины, факторы, управление

В статье в краткой форме систематизирован расширенный спектр основных положений формирования и профилактики организационных конфликтов (причины, механизм возникновения, формы проявления и последствия конфликтов, основные факторы силового воздействия, стратегии поведения в конфликтных ситуациях, методы управления

и профилактики); показана управляемость природы организационного конфликта.

Ключевые слова: конфликт, конструктивность, деструктивность, организация, управление, компромисс, сотрудничество.

Проблема внутрифирменных конфликтов является одной из наиболее острых в менеджменте предприятия. Конфликт - частое явление в организациях, независимо от целей, размера, формы собственности, способов управления или условий функционирования. Сложная система внутриорганизационных отношений неизбежно приводит к столкновениям, специфичным по мотивам, содержанию, уровню, динамике и т.д.

Конфликт (от лат. «столкновение») - отсутствие согласия между двумя и более сторонами [1].

В большинстве случаев основными причинами организационных конфликтов являются:

1. Несоответствие прав и обязанностей, зарплаты и ответственности.
2. Распределение ресурсов.
3. Разные установки по целям и средствам их достижения.
4. Взаимозависимость задач (например, жалобы на низкую производительность - жалобы на ремонтную службу - жалобы на нехватку специалистов).
5. Нарушения в коммуникациях (неполная, неточная, несвоевременная информация).
6. Манера и стиль руководства, превышение полномочий.
7. Социальные причины (возраст, различные уровни образования, культуры, воспитания и др.).
8. Психологическая несовместимость (темперамент, характер, ценности, привычки и т.д.), и др.

Механизм возникновения организационных конфликтов:

Конфликт = У1 + У2 + КС + И,

где У1 - непосредственные участники конфликта,

У2 - заинтересованные в том или ином исходе конфликта стороны,

КС - конфликтная ситуация - накопившееся противоречие между людьми,

И - инцидент - действия или слова, которые символизируют начало силового воздействия.

Конфликты могут быть не только разрушительными, но и положительными. Последствиями конструктивных конфликтов для организации являются:

1) нахождение решения, удовлетворяющего все стороны;
2) быстрота и легкость воплощения совместно принятого решения;
3) развитие опыта сотрудничества при решении спорных вопросов;
4) улучшение взаимоотношений между людьми;
5) нахождение причин проблемы;
6) активизация деятельности;
7) нахождение новых методов решения;
8) разработка плана действий;
9) эмоциональная разрядка и моральное удовлетворение;
10) экономия времени и ресурсов;
11) развитие организации и др.

Следует отметить, что компромисс не является конструктивным последствием конфликта, так как в полной мере не удовлетворяет ни одну из сторон. Компромисс может оказаться началом нового конфликта.

Деструктивные (разрушительные) конфликты препятствуют эффективному взаимодействию и принятию решений. Последствия деструктивных конфликтов:

1) непродуктивные, конкурентные отношения между людьми;
2) прекращение сотрудничества;
3) чувство обиды, неудовлетворенность, низкая самооценка, депрессия;
4) снижение производительности и эффективности труда;
5) текучесть кадров;
6) остановка производства, убытки, банкротство;
7) усугубление ситуации и накапливание проблем.

Формы проявления конфликтов в организации:

1) открытые (забастовка, саботаж (преднамеренный срыв работы при соблюдении видимости ее выполнения, скрытое противодействие), общественный протест (митинг, демонстрация), бойкот, словесная агрессия, физическая агрессия и др.);
2) скрытые (увольнение по собственному желанию; пьянство; плохое здоровье; постоянные опоздания; скрывающееся поведение (невозможность застать человека на рабочем месте) и др.).

Формами силового воздействия (факторами силы) индивида в организации являются:

1) должностное положение,
2) обладание финансовыми ресурсами,

3) психологические качества личности,
4) владение информацией,
5) количество сторонников (поддержка),
6) физическая сила,
7) фаворитизм,
8) профессионализм.

Наиболее перспективной и надежной формой (фактором) силы для личности в организации является профессионализм. Именно он обеспечивает стабильно устойчивое положение индивида в организации.

Выделяют пять основных стратегий поведения в конфликтных ситуациях:

1. Принуждение, обычно приводит к ухудшению отношений между сторонами; правомерно в критической для организации ситуации.
2. Уклонение (уход), если предмет спора не существенен или нет времени или условий для разрешения проблемы.
3. Приспособление (уступка), если предмет спора для индивида имеет меньшую значимость, чем мирные взаимоотношения.
4. Компромисс (взаимные уступки). Как отмечалось, не является выходом из ситуации, так как из-за своей неполноты может стать причиной нового конфликта.
5. Сотрудничество. «Не ты против меня, а мы вместе - против проблемы» [1].

Методы управления конфликтами на предприятии:

1. Четкое обозначение границ прав и обязанностей, полномочий и ответственности.
2. Следование принципу единоначалия.
3. Формулировка единых целей и ценностей.
4. Система поощрений, основанная на эффективности деятельности всей организации.
5. Приказы, распоряжения, директивы и прочие административные меры (вплоть до увольнения).
6. Изолирование участников конфликта.
7. Создание резервов.
8. Привлечение третьего лица (юриста, психолога, эксперта).
9. Индивидуальные беседы.
10. Коллективное обсуждение.
11. Личный пример.

Методы профилактики конфликтов:

1) рациональное распределение ресурсов;
2) соблюдение законодательства;

3) взаимодействие с профсоюзом;
4) планирование социального развития коллектива;
5) соблюдение служебной этики;
6) налаживание коммуникаций внутри коллектива и др.

Таким образом, из обозначенных методических аспектов и основных положений формирования внутрифирменных столкновений вырисовывается управляемая природа организационных конфликтов. Знание причин, механизма возникновения и последствий конфликтов, форм их проявления и силового воздействия, стратегий поведения и способов разрешения и профилактики позволит предприятию не только снизить деструктивность их влияния, но и сделать организационные конфликты одной из детерминант развития фирмы.

Источники и литература

1) Конфликт (психология). Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Конфликт_(психология) (дата обращения: 14.12.2019).

***Самойлов Никита Георгиевич*[1]*, Герштейн Илья Захарьевич*[2]**
1 - ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ИМОМИ, Нижний Новгород, Россия; 2 - ННГУ им.Н.И.Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Пенсионная реформа во Франции в контексте раскола протестного движения

Пенсионная реформа во Франции вызвала серьёзное недовольство во французском обществе. Этот факт подтверждают результаты соцопроса, опубликованные в середине января 2020 г. агентством Harris Interactive, согласно которым, 67% французов обеспокоены желанием правительства перейти к универсальному пенсионному режиму, в то же время 60% граждан Франции поддерживают забастовочное движение [1]. Причём если сравнить эти данные с результатами декабрьского соцопроса, проведённого тем же агентством, то выяснится, что общественное мнение практически не изменилось: 67% французов выразили обеспокоенность в связи с попытками исполнительной власти привести 42 пенсионных режима к одному универсальному, 62% граждан высказались в поддержку забастовок против реформы. Примечательно, что несмотря на не состоявшееся «рождественское перемирие» между бастующими и правительством, которое ожидалось 69% опрошенных [2], уровень поддержки протеста обществом значительно не снизился.

Однако, не взирая на поддержку большинства населения протеста, забастовочная активность идёт на спад. Движение против пенсионной реформы опиралось в основном, во-первых, на неограниченную по времени забастовку железнодорожников, образовавшую сбои в работе железнодорожных сетей Франции, и, во-вторых, дни всеобщей межпрофсоюзной мобилизации. В обоих случаях была велика роль профсоюзов, причём настолько, что правительство признаёт их как ключевых акторов, ведя с ними переговоры по поводу реформы [3].

Если дни межпрофсоюзной мобилизации продолжают собирать массы французов, так к примеру, почти 250 тысяч, согласно данным МВД, или более миллиона, согласно данным профсоюза CGT («Всеобщая конфедерация труда»), приняли участие в демонстрациях 24 января[4], то что касается забастовки железнодорожников, начиная с 21 января, железнодорожное сообщение практически нормализовалось [5]. Этот факт обусловлен рекордной длительностью забастовки, начавшейся 5 декабря 2019 г., и расколом в профсоюзном движении.

Учитывая ключевую роль профсоюзов, конфликт между ними, образовавшийся в следствие временной отмены правительством повышения пенсионного возраста, можно в полной мере назвать расколом протеста в целом. Три основных профсоюза Франции, а именно CGT, CGT-FO («Всеобщая конфедерация труда - Рабочая сила»), CFDT («Французская демократическая конфедерация труда») [6], придерживаются разных позиций по вопросу будущего пенсионной системы. CGT и CGT-FO являются противниками перехода к бальной универсальной пенсионной системе [7], в то время как CFDT поддерживает переход к универсальной бальной пенсионной системе, но выступает против повышения пенсионного возраста [8]. Единственное, что объединяло CGT, CGT-FO с CFDT - это общность позиции по вопросу о повышении пенсионного возраста, заявив о временном отказе от повышения возраста выхода на пенсию [3], премьер-министр снял эту проблему с повестки дня, усилив позиции правительства за счёт раскола профсоюзного движения, который отражают слова Филиппа Мартинеса: «Так называемые реформистские профсоюзы желают этой реформы, в то время как работники, которых они представляют, не хотят её (проведения)» [9].

Внеся раскол в профсоюзное движение, правительство выигрывает в краткосрочной перспективе, однако вряд ли оно сможет развить свой успех. Неприятие французами пенсионной реформы, проводимой партией власти, и опыт протестной активности делают возможным новую активизацию протестного движения и явно подрывают позиции представителей партии «Вперёд, Республика!» на будущих выборах.

Источники и литература

1) Réforme des retraites: les Français soutiennent-ils toujours la grève? [Электронный ресурс] / LCI. URL: https://www.lci.fr/social/reforme-des-retraites-les-francais-soutiennent-ils-toujours-la-greve-sondage-harris-interactive-2142887.html (дата обращения: 30.01.2020).

2) Réforme des retraites: 62% des Français soutiennent le mouvement de grève. [Электронный ресурс] / RTL. URL: https://www.rtl.fr/actu/debats-societe/reforme-des-retraites-62-des-francais-soutiennent-le-mouvement-de-greve-7799715653 (дата обращения: 30.01.2020).

3) Réforme des retraites: la «conférence de financement» réunit les syndicats ce jeudi. [Электронный ресурс] / Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/social/la-conference-de-financement-reunit-les-syndicats-ce-jeudi-20200130 (дата обращения: 30.01.2020).

4) Réforme des retraites: une huitième journée de grève et de manifestations. [Электронный ресурс] / Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/01/29/nouvelle-journee-de-greve-et-de-manifestations-contre-la-reforme-des-retraites_6027600_823448.html (дата обращения: 31.01.2020).

5) Grève nationale et illimitée à la SNCF dès le 5 décembre 2019. [Электронный ресурс] / C'est la grève. URL: https://www.cestlagreve.fr/greve/sncf-decembre-2019/ (дата обращения: 31.01.2020).

6) Quels sont les principaux syndicats de salariés français? [Электронный ресурс] / Le Mag du C.S.E. URL: https://www.lemagducse.com/dossier-47-principaux-syndicats-salaries-francais.html (дата обращения: 31.01.2020).

7) Syndicats «réformistes» vs «contestataires», une lutte qui sert Macron, le patronat et la CFDT? [Электронный ресурс] / RT France. URL: https://francais.rt.com/france/70210-syndicats-reformistes-vs-contestataires-lutte-sert-macron-patronat-cfdt (дата обращения: 31.01.2020).

8) Depuis quand la CFDT défend-elle la retraite par points? [Электронный ресурс] // CheckNews. Libération. URL: https://www.liberation.fr/checknews/2020/01/16/depuis-quand-la-cfdt-defend-elle-la-retraite-par-points_1772947 (дата обращения: 31.01.2020).

9) Philippe Martinez: «En France, les syndicats ne sont pas respectés» [Электронный ресурс] / RTS Info. URL: https://www.rts.ch/info/

monde/11008176-philippe-martinez-en-france-les-syndicats-ne-sont-pas-respectes-.html (дата обращения: 31.01.2020).

Смирнов Владимир Алексеевич
Костромской государственный университет, Кострома, Россия

«Нереактивные» методы исследования социальных конфликтов в условиях цифрового общества

Буддистский концепт непостоянства, обретший новое звучание в работах социологов конца 20 века и трансформировавшийся в такие понятия как «текучая современность», «ускользающая реальность» и т.д. - сегодня становится не просто метафорической фигурой речи, но феноменом повседневности любого социолога. Количество символических и физических миров, в которых одновременно существует человек, ежедневно увеличивается, число сообществ, в которые он интегрирован, с которыми вступает в конфликт, растет в геометрической прогрессии.

Сегодня социолог оказывается в ситуации амбивалентности [1]. С одной стороны, интуитивно и \или рефлексивно он осознает все более усложняющийся характер социального и все возрастающий объем данных об обществе, с другой - приходит понимание, что «традиционные» методы социологической науки, которые и раньше вызывали определённое недоверие (в силу, например, высокой сенситивности многих вопросов, включаемых в классическую социологическую анкету [2]), сегодня скорее репрезентируют фантомы, нежели социальную реальность. Огромный объем «цифровых» следов, оставляемых ежесекундно людьми, - это новый вызов для социолога, предполагающий пересмотр многих методологических установок.

Один из возможных путей для этого - это актуализация аксиологических, методологических и методических оснований «нереактивной» стратегии социологического исследования.

Впервые термин «нереактивное» исследование появился еще в доцифровую эпоху, в 1966 году в работе американских социологов [3]. Такое исследование предполагает противопоставление «заметным» методам сбора информации (опрос, фокус-группа и т.д.), которые зачастую провоцируют социально-одобряемое поведение респондентов. В качестве альтернативы предлагается анализировать «следы» человеческой деятельности: документы, наблюдаемое поведение, результаты целенаправ-

ленной деятельности и повседневных практик (например, истоптанность газонов, содержимое мусорных баков и др.).

Представляется, что сегодня использование «нереактивной» методологии при анализе цифровых «следов» жизнедеятельности человека и сообществ возможно на трех уровнях.

Во-первых, повышение надежности и релевантности как «классических», так и до-цифровых «нереактивных» методов социологического исследования. Так традиционно сенситивный вопрос о доходах человека, требующий серьезного тестирования при использовании классического подхода [см. 4], может быть дополнен изучением огромных массивов данных, отражающих расходы по банковским картам, анализом десятков тысяч фотографий покупок девушек в Инстаграмм или же стоимости спортивного оборудования сотен тысяч пользователей сервиса Strava. Классическое наблюдение, например, протестного поведения (как формы социального конфликта) может быть переосмыслено при использовании сотен видео постов о десятках сходных событий в разных регионах страны.

Во-вторых, исследование социальных феноменов с использованием только цифровых «следов». В данном случае исследователь полностью переходит на методологию «нереактивного» исследования, проектируя и реализуя его таким образом, чтобы максимально повысить надёжность и валидность полученных результатов. Зачастую он оказывается в ситуации, когда ему доступны данные всей генеральной совокупности, что автоматически,снимает многие проблемы, связанные с обеспечением репрезентативности выборки. Так одно из исследований автора было посвящено анализу добровольческих он-лайн сообществ, объектом которого стали все подобные группы социальной сети vkontakte [См. 5].

В-третьих, «большие данные» и развитие технологий машинного обучения позволяют перейти в рамках «нереактивного» исследования к реальному моделированию социальных процессов. Если «классическое» моделирование носит априорный характер и предполагает экстраполирование результатов выборочного исследования на генеральную совокупность, машинное обучение с использованием «больших, нереактивных данных» дает возможность наблюдать динамику реального процесса и «обучать» модели с высоким предсказательным потенциалом.

Выделим возможные области использования «нереактивной» методологии при изучении социальных конфликтов.

1) Изучение и анализ латентной фазы конфликта, которую невозможно «проявить» классическими методами.

2) Использование «нереактивных больших данных» позволяет «увидеть» даже самые «текучие» сообщества, вовлеченные в конфликт. Так, например, использование сотовой геолокации позволяет проанализировать поло-возрастную, региональную структуру участников протестных акций, проходящих в мегаполисах.
3) Т.к. любой конфликт дискурсивно проявляется в интернете, анализ потока твитов, постов, комментариев, лайков и т.д. дает возможность проследить всю динамику его развития.
4) Технологии машинного обучения позволяют смоделировать траектории развития типовых конфликтов, тем самым повысив эффективность социальной управления.

Таким образом, «нереактивная» методология может стать эффективным инструментом анализа современных социальных конфликтов.

Источники и литература

1) Смирнов В.А. Новые компетенции социолога в эпоху "больших данных" / Смирнов В.А. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2015. - №2 (125). - с. 44-54
2) Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы. Введение в проектирование опросного инструмента. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2003
3) Webb, E. J., Campbell, D. T., Schwartz, R. D., & Sechrest, L. (1966). Unobtrusive measures: Nonreactive research in the social sciences. Rand Mcnally.
4) Рогозин Д., Мануильская К., Климов И. Тестирование вопросов о доходе / Рогозин Д., Мануильская К., Климов И. // Социальная реальность. - 2006. - №11. - с. 103-115
5) Смирнов В.А. Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети vkontakte) / Смирнов В.А.// Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2019. - №3. - Том. 25. - с. 71-93

Сушко Валентина Афанасьевна

Социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Параметрическая модель оценки ощущаемого качества жизни и ее исследовательские возможности при исследовании социальных конфликтов

Существенно возросший интерес науки и практики к проблематике качества жизни, свидетельствует о том, что наше общество озабочено уже не столько проблемами самосохранения, сколько вопросами устойчивого социального развития, необходимостью создания достойных условий жизни как для будущих, так и ныне живущих поколений. Социологический опыт и исследовательские поиски последних десятилетий показывают, что так и не удается сконструировать унифицированную модель «качества жизни», определить оптимальные «работающие» индикаторы измерения, предложить неполемические стандарты жизни.

Содержательно в субъективном благополучии выделяются два основных компонента: аффективный и когнитивный. Аффективная составляющая представляет собой оценку своей жизни, которая даётся на основе эмоций и чувств, в то время как когнитивная составляющая выступает как рациональная оценка, полученная при сравнении своей жизни и идеальной жизни.

Интересным представляется подход к измерению ощущаемого качества жизни (субъективная оценка качества и количества трудовой деятельности, потребляемых человеком благ и услуг), включающий в себя обобщенную параметрическую модель оценки ощущаемого качества жизни:

1. Оценки ощущаемого физического качества жизни (на основе подхода J.E.Ware)

- Физическая активность - объем повседневной физической нагрузки, которая не ограничена состоянием здоровья.

- Роль физических проблем в ограничении жизнедеятельности - степень ограничения повседневной деятельности проблемами со здоровьем.

- Боль - оценка объема субъективных болевых ощущений, которые испытывал человек за последние 4 недели.

- Общее здоровье - оценка общего состояния здоровья на момент опроса.

- Жизнеспособность - оценка состояния жизненного тонуса за последние 4 недели.

- Роль эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности - степень ограничения повседневной деятельности эмоциональными проблемами.

- Психическое здоровье - оценка состояния ментальной сферы.

- Сравнение самочувствия - дополнительный показатель, характеризующий динамику изменения самочувствия в течение года

2. Оценки ощущаемого социального качества жизни

- Доверие органам власти (государственным, региональным, местным).

- Доверия к выборам органов власти

- Социальная активность - оценка объема социальных связей.

- Чувство защищённости в повседневной жизни

- Чувства к повседневному социальному окружению

Важным представляется исследование структуры ценностей населения: характерное для индивида представление о желаемом, которое имеет жизненно важное значение для его существования.

На основе подхода М. Рокича: безопасность, стабильность, материальная обеспеченность, патриотизм, счастливая семейная жизнь.

На основе подхода Ш. Шварца: гедонизм, долгая жизнь, познание, свобода, творчество.

Немаловажную роль играют факторы формирования качества жизни населения: материальное положение, семейное положение, возраст, пол, профессия, образование, вид трудовой деятельности, место трудовой деятельности.

На основе выбранного нами подхода, было проведено Всероссийское социологическое исследования ощущаемого качество жизни российского населения, которое показало, что с 2002 по 2019 годы оно постоянно росло. Ощущаемое качество жизни и социально-экономическое состояние влияет на формирование качества жизни в целом. Уменьшилось расслоение по ощущаемому качеству жизни среди российского населения, при этом для групп населения с низким ощущаемым качеством жизни по большинству его составляющих оно или не менялось, или ухудшалось. Эти группы населения ниже опускались на «дно» по состоянию ощущаемого качества жизни. А специфика социального настроения состоит в том, что оно отражает действительность, исходя из содержания устойчивых интересов, целей и идеалов индивидов, социальных групп. Данная преломлённая действительность определяет целеполагающую деятельность субъекта, постановку им важнейших целей в жизни. Именно поэтому социальное настроение участвует в регулировании как отдельных поступков, действий людей, социальных групп, так и демонстрирует их ценностные ориентации и установки, умонастроения и мироощущения.

Однако нередко социальные цели людей не могут осуществиться из-за того, что отсутствуют возможности их удовлетворения. От этих противо-

речий зависит психофизиологическое и эмоциональное состояние людей. Поэтому социальное настроение напрямую зависит от степени разрешаемости социальных проблем, противоречий, удовлетворения социальных интересов и потребностей.

Один из самых больших вкладов в повышение ощущаемого качества жизни российского населения оказало уменьшение роли эмоциональных проблем в ограничении его жизнедеятельности, т.е. эмоциональные проблемы стали меньше ограничивать повседневную деятельность людей. Они стали более эмоционально устойчивыми. Проведенный анализ результатов исследования показывает то, какие первоочередные задачи необходимо решить для повышения ощущаемого качества жизни российского населения в настоящее время и в ближайшей перспективе. В первую очередь необходимо повысить уровень социального здоровья российского населения, создать условия для появления у него чувства спокойствия.

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научно-исследовательского проекта №19-011-00548 Конкурс А. «Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России».

***Тер-Никогосова Наталья Александровна*[1]*, Любавина Наталья Викторовна*[1]**

1 - ФГБОУ ВО Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Социальные сети в аспекте возникновения конфликтных ситуаций виртуального пространства

В современном мире особую значимость приобретает усиление роли влияния виртуального пространства на повседневную жизнь человека. Изо дня в день мы сталкиваемся с активным использованием возможностей Интернета, будь то социальные сети, чаты, форумы или почтовые сервисы. Глобальная сеть как средство коммуникации является не только важнейшим новшеством в аспекте технологий, но и олицетворяет безграничный простор для выстраивания взаимоотношений. Таким образом, перед нами открывается возможность полного функционирования в виртуальном пространстве, конструирования и реализации действий, направленных на межличностные связи. Посредством использования Интернет-ресурсов, осуществляется коммуникация, которая может нести в

себе и негативный оттенок, вызывая множество противоречий. Целью данной работы выступает анализ социальных сетей сквозь призму возможности возникновения конфликтных ситуаций.

Акцентируя внимание на особенностях возникновения и функционирования конфликтных ситуаций глобальной сети, раскроем ключевые аспекты и обратимся к терминологии. Конфликт является результатом непосредственно взаимодействия индивидов, обусловленного противопоставлением различных мнений, взглядов и точек зрения. Данный феномен социальной жизни может принимать разные формы и оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. В настоящее время выделяют несколько типов конфликтных ситуаций: межличностный, процессуальный и конфликт целей [2].

Социальные сети в аспекте функционирования Интернет-пространства играют значимую роль в стадиях развития конфликтов. Многие исследователи сетевых коммуникаций отмечают уникальность её социокультурного статуса. Например, А.М. Лещенко говорил, что социальные сети, так или иначе, выступают в качестве средств массовой коммуникации. По мнению автора, данный вид Интернет-ресурсов определяется как глобальный, демократичный и бесконтрольный. Зачастую человек, реализованный в виртуальной действительности, чувствует себя безнаказанно, над ним нет жёсткого контроля, он может оставаться и вовсе анонимным. Таким образом рождается немалое количество споров, стычек и вовсе непосредственной агрессии между пользователями. В современном мире исследователи стимулируют интерес к феномену социальных сетей как к масштабному явлению повседневности. Форум, чат или электронная почта давно вышли за рамки обыкновенных средств передачи сообщений. По мнению В.В. Андрамонова, в следствие развития технологий коммуникации у человека рождается зависимость от социальных сетей. Множество людей проводить в Интернете большую часть как повседневного, так и рабочего времени. В результате непрерывного сетевого общения начинают появляться конфликты с семьёй, родственниками или друзьями [1]. Тем самым, мы понимаем, что социальные сети порождают не только конфликтные ситуации в виртуальном пространстве, но и заходят в зону реальной социальной жизни.

Для актуализации представленной тематики рассмотрим исследование фонда «Общественное мнение», где раскрывается отношение различных категорий населения к развитию коммуникативных Интернет-ресурсов. Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод, что наиболее посещаемыми социальными сетями среди молодого населения стали такие как «ВКонтакте» и «Facebook» (93%), когда старшее поко-

ление (40-49 лет) отдаёт предпочтение «Одноклассникам» - 67%. Около 72% респондентов отмечают социальные сети как платформу для общения, половина опрошенных говорит о важности обновления новостей и потреблении медийного контента. Интересно, что зачастую круг общения людей в Интернете пересекается с реальными людьми их окружения, но 17% лично не знают многих друзей в своих социальных сетях [3]. Тем самым, мы видим, что представители как молодёжи, так и более старшего поколения адаптированы к Интернет-новшествам. Они активно пользуются социальными сетями, некоторые из них и вовсе более активным в виртуальном пространстве, нежели реальном.

В заключение хотелось бы отметить, что социальные сети в жизни современного человека давно уже играют одну из главных ролей. Как и в любом жизненном пространстве, виртуальная среда даёт множество возможностей и может порождать различные взаимоотношения. Социальные сети могут побуждать конфликты как в глобальной сети, так и в повседневности.

Источники и литература

1) Жуйков, А. А. Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности / А.А. Жуйков, А.Р. Каспаров, А.А. Нурахмедова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология – 2019. – №2 (239). – С. 89-94.
2) Левина, Е.В. Конфликты в виртуальном пространстве: особенности регулирования и разрешения / Е.В. Левина // Социологические науки. – 2016. – №9 (51). – Ч. 1. – С. 135-139.
3) Онлайн-практики россиян: социальные сети // ФОМ [Электронный ресурс] Режим доступа: https://fom.ru/SMI-i-internet/12495 (дата обращения: 09.01.2020).

Тимшин Вадим Алексеевич

Вятский государственный университет, Киров, Россия

Информационная открытость в виртуальной среде как фактор повышения статуса медицинской сестры и преодоления информационного дисбаланса

В рамках реализации национального проекта «Здравоохранение» особое внимание уделяется среднему медицинскому персоналу [1]. Однако, по мнению Президента Ассоциации медицинских сестёр России Валентины Саркисовой, современный статус медицинской сестры всего лишь как помощника врача «легко превращает медсестру почти в прислугу, тогда как у неё есть свой обширный функционал». Руководитель считает, что необходимо менять отношение общества к профессии среднего медицинского работника (медсестры, акушерки, фельдшера), выстраивать между медсестрой и врачом партнёрские отношения, учитывая, что задача у них общая - здоровье пациента, и помнить, что «один лечит пациента, другой за ним ухаживает». Медицинские сёстры могли бы взять на себя некоторые функции врача, «больше и интереснее работать с пациентами», уделяя внимание выстраиванию полноценного диалога и рассказывая пациентам об особенностях проводимого лечения [2].

Неоднозначный статус медицинской сестры проявляет себя и в виртуальной среде. Так на официальных сайтах медицинских организаций минимальная информация о среднем медицинском персонале (фамилия, имя, отчество, должность, стаж работы, квалификация, фотография) зачастую отсутствует, либо представлена в неудобной табличной форме, которую к тому же сложно найти. А информация о старших и главных медсёстрах встречается редко и очень скупа. Создаётся впечатление, что работников данных категорий вообще нет в медицинских организациях, хотя соотношение врачей и среднего медицинского персонала в нашей стране составляет примерно 1 к 2,12 [3].

Последствия такого информационного дисбаланса сказываются на формировании мнения о невысокой значимости медицинской сестры. Кроме того, такая ситуация не позволяет пациенту идентифицировать медсестру, с которой он контактирует. Если учесть, что среднее звено медицинских работников наиболее часто взаимодействует с пациентами, то внимание пациентов к медицинской сестре возрастает. Человек может обратиться за дополнительной информацией относительно профессиональной компетентности медицинской сестры на официальный сайт, в социальные сети. Однако велика вероятность, что он её там не найдёт.

Как сами медицинские сёстры относятся к такой ситуации? Анкетирование медицинских сестёр Кировской области, проведенное автором в 2018-2019 годах, позволило получить следующие результаты. В анкетировании приняло участие 179 человек - медицинские сёстры и фельдшеры (53%), старшие медсёстры (30%), главные медсёстры (17%). Это специалисты со стажем работы от 5 до 48 лет.

Прежде всего, сами медицинские сёстры подтверждают тот факт, что информации лично о них нет на сайтах тех организаций, в которых они работают. Об этом говорят 59% опрошенных. При этом 27% респондентов не знают, есть информация о них или её нет, и только 15% уверены в том, что информация о них есть на официальном сайте.

Пациентов интересует информация о медицинских работниках организации. Так считает 88% медсестёр. Кроме того, по мнению большинства респондентов (82%), такая информация, размещённая на официальном сайте, может сформировать у пациентов положительное мнение относительно медицинских работников организации.

Основные категории работников, на которых должен быть сделан информационный акцент - это врачи (так считает 98% медсестёр), руководство медицинской организации (88%), главная медсестра (64%), старшая медсестра (47%), рядовая медицинская сестра (45%). Примерно 9% опрошенных считают, что также должна быть информация и о младшем медицинском персонале.

Помимо фамилии, имени и отчества указанных категорий работников, 88% респондентов отмечают, что на сайте должна присутствовать информация об образовательном учреждении, которое закончил работник, стаже работы, курсах повышения квалификации. Более половины медсестёр (58%) отмечают необходимость сопровождения данной информации фотографией работника, а 45% считают, что желательно указывать профессиональные качества (жизненный девиз) работника, а также награды, грамоты и другие достижения.

То что, медицинская сестра уделяет себе скромное место, подтверждается следующими данными. Примерно половина медсестёр (49%) выделяет, что информации лично о них не должно быть на официальном сайте. Лишь 23% соглашаются рассказать о себе, а 12% говорят об обязательном условии - информация о них должна быть положительной. 16% медсестёр сомневаются в необходимости размещения информации о себе в публичном пространстве.

В то же время у медицинских сестёр есть чёткое понимание того, что её персональный имидж в глазах пациентов может положительно влиять и на имидж всей медицинской организации в целом. Так считают 82% опрошенных.

Среди основных факторов, которых не хватает медицинской сестре для формирования положительно имиджа, называются: недостаточно привлекательный внешний вид, невысокая заработная плата, нехватка времени, неуважение к профессии, низкий уровень культуры, знаний, терпения, оптимизма, квалификации.

Таким образом, на данном этапе развития сами медицинские сёстры не в полной мере готовы к смене своего статуса и не до конца осознают важность информационной открытости в профессиональной деятельности. В то же время, уделяя должное внимание информационной наполненности виртуальной среды о среднем медицинском персонале, можно способствовать повышению его роли в оказании медицинских услуг и формированию положительного мнения пациентов относительно медицинской сферы.

Источники и литература

1) Совещание по вопросам модернизации первичного звена здравоохранения 20 августа 2019 года // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/61340 (дата обращения 10.01.2020).
2) Шубина Д. «У нас каждый медик выполняет работу, которую в других странах поручают специалисту, стоящему на ступень ниже» // Vademecum № 11, 2018. URL: https://vademec.ru/article/u_nas_kazhdyy_medik_vypolnyaet_rabotu-_kotoruyu_v_drugikh_stranakh_poruchayut_spetsialistu-_stoyashch/ (дата обращения 10.01.2020).
3) Семенова Т. В. Проектирование кадровых изменений в рамках программы модернизации первичного звена здравоохранения в субъектах Российской Федерации. – М., 2019. URL: http://frc.rosminzdrav.ru/информационные-материалы/ (дата обращения 10.01.2020).

Титаренко Екатерина Игоревна

ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный экономический университет", Санкт-Петербург, Россия

Трудовые конфликты на предприятии: структура и причины возникновения

Статья посвящена рассмотрению структурных элементов трудового конфликта. Рассматриваются стадии конфликта, анализируются основные причины возникновения столкновений в коллективе.

Ключевые слова: трудовой конфликт, стадии конфликта, элементы конфликта, социальная напряженность.

Конфликты являются неизменным спутником социальной жизни человека, т.к. возникают они только в процессе общения. Большую часть

времени человек взаимодействует с семьей, друзьями, начальством, подчиненными, коллегами и просто незнакомыми людьми. В процессе такого взаимодействия возникает большое количество причин для взаимного непонимания, что приводит к возникновению разногласий. В случае, когда цели одной стороны явно противоречат устремлениям другой стороны, возникает конфликт. Под конфликтом понимается открытое проявление противоречий со стороны людей, имеющих противоположные, несовместимые взгляды, позиции и интересы, ценности [4, с. 41]. Это наиболее острая форма социального взаимодействия, которая часто сопровождается выбросом отрицательных эмоций, отсутствием эффекта диалога, разрывом коммуникаций. Трудовым конфликтом называется столкновение интересов и мнений, оценок между представителями различных групп по поводу трудовых отношений (содержания, условий, организации и оплаты труда) [1, с. 250].

До появления в организации конфликта наблюдается повышение социальной напряженности в коллективе, т.е. нарушение нормальных отношений и функционирования участником взаимодействия. В организации это явление сопровождается отказом персонала от нормального сотрудничества. Социальная напряженность возникает под воздействием внешних и внутренних факторов. К первой группе, в частности, относятся: нестабильная обстановка в стране; ущемление законодательством социальных льгот; острый дефицит товаров первой необходимости; резкое ослабление правовой и социальной защиты интересов сотрудников. В числе внутренних факторов выделяют: внедрение радикальных преобразований в ущерб интересам работников; подстрекательство со стороны неформальных лидеров; несправедливое распределение материальных благ и фонда оплаты труда; невыполнение руководством предприятия своих обещаний без объяснения причин и др.

Все конфликты разные, обладают своими особенностями - они по-разному протекают, имеют различные причины и последствия. Но при этом все споры имеют схожие составляющие. Элементы конфликта можно разделить на объективные, не зависящие от воли, сознания и личностных качеств человека (объект, предмет, участники, среда конфликта, пособники и подстрекатели), и субъективные, основанные на психофизиологических, психологических, этических и поведенческих свойствах личности (ценностные ориентации, цели, мотивы, интересы, потребности, черты характера, установки личности, образующие тип индивидуальности, неадекватные оценки и восприятия, манеры поведения) [5, с. 4].

Под объектом конфликта понимается ценность, по поводу которой возникает столкновение участников конфликта. Предмет конфликта - это противоречия, возникающие между взаимодействующими сторонами и которые они пытаются разрешить посредством противоборства. Среда конфликта представляет собой совокупность объективных (физических и социально-психологических) условий конфликта.

Конфликт - это процесс, проходящий в своем развитии ряд стадий. На предконфликтной стадии возникает конфликтная ситуация, выявляются противостоящие стороны, происходит инцидент, приводящий к открытому противостоянию. Конфликтная стадия включает шесть фаз: начало конфликта, его развитие (мобилизация всех ресурсов), пик конфликта, затухание, прекращение, урегулирование (устранение причин). На постконфликтной стадии противостояние ослабляется, стороны подводят итоги, оценивают достигнутые результаты. При остром конфликте возможно циклическое повторение фаз до полного урегулирования разногласий.

Определение причин трудовых конфликтов дает возможность их классификации, а также определения возможностей и принципов их разрешения. Причина предшествует появлению самого столкновения сторон. Проанализировав работы А.В. Горшкова, Е. Нечепуренко, П.А. Златина, А.Я. Кибанова и др. можно утверждать, что большинство исследователей-теоретиков видят объективные, основанные на реально существующих недостатках, и субъективные, основанные на личностных и социально-психологических факторах, причины для возникновения разногласий по поводу трудовых отношений.

Часто объективные конфликты возникают в результате незнания или нежелания сторон исполнять трудовое законодательство (например, задержка выплаты заработной платы, незаконные увольнения и др.). Нарастанию напряжения в коллективе способствует борьба за лидерство, неудовлетворительная информированность работников, отсутствие четкого разделения ответственности. Кроме того, на социально-психологический климат влияет обстановка в стране (различного рода санкции, уменьшение законодателем социальных льгот некоторым категориям работников, рост безработицы). Основная субъективная причина - психологическая несовместимость сотрудников. Не стоит забывать, что люди разной половозрастной категории, национальности и т.п. имеют различные (а часто полностью противоположные) взгляды на одни и те же факты, события. Поэтому в системе «человек-человек» субъективные конфликты неизбежны.

Источники и литература

1) Буртовая Е.В. «Конфликтология: учебное пособие» – М.: Юнити, 2003. - 512 с.
2) Горшков А.В. «Социология труда. Краткий курс» - М.: Окей-книга, 2010. - 121 с.
3) Златин П.А., Крекова М.М., Соколянский В.В. «Социология и психология труда. Часть 1» - М.: МГИУ, 2007. - 426 с.
4) Сорокина Н.Д. «Конфликтология: учебное пособие» - М.: ИТЦ МАТИ, 2012. - 208 с.
5) Кибанов А.Я., Коновалова В.Г., Белова О.Л. «Управление конфлик-тами и стрессами: учебно-практическое пособие» / Под ред. А.Я. Киба-нова - М.: Проспект, 2015. - 83 с.
6) Нечепуренко Е.К. Социально – трудовые конфликты и протестное поведение рабочих // Современные научные исследования и инновации. - 2011. - № 1.

Шавочкин Артем Романович

МГППУ, Москва, Россия

Антипатриотический аспект социальных конфликтов. Методика классификации антипатриотизма

Патриотизм описан в научно-понятийном поле вдоль и поперёк и, несмотря на противоречия и в научном, и в политическом, и в общенародном кругах касательно самого лексического значения термина патриотизм, в нашей стране выстроена система патриотического воспитания, которая работает официально с 2001 года при полной инициации и прямой поддержке органов государственной власти РФ поныне и носит постоянный характер, предполагающий плавный и целенаправленный процесс, а также имеет свои результаты и возможность динамически отследить эффективность и успешность проведённой государственной программы по данным всероссийских опросов населения различными организациями, непосредственно этим занимающимися [1; 2; 3; 4].
Однако, наравне с патриотизмом, имеется и его противоположность - антипатриотизм, проявляющийся как внутри нашей страны, так и за её пределами. И если второй вариант задаёт нам определённую работу, но лишь косвенно влияет на внутренние государственные дела, то первый

может уничтожить нашу страну или подвести её к опасному краю, как это было уже на протяжении нашей истории неоднократно. Несмотря на то, что в нашей стране существует достаточно развитое законодательство и система воспитания гражданственности и патриотизма, всё же есть целые отрасли права, где законы и иные нормативно-правовые акты не учитываются как отдельными лицами, так и целыми организациями как на обыденном уровне, так и в средствах массовой информации. На многое «закрываются глаза», т.к. те или иные феномены уже укоренились в российском обществе, а некоторые - в органах правопорядка. Население страны сегодня стратифицированно и разобщено по определённым причинам и имеет весьма латентный характер. Или некоторые слои населения имеют точку зрения отличную от государственной по определённым вопросам. Всё внимание к мелочам. Например, более половины россиян "скучают" по Советскому Союзу, причём положительная тенденция к этому идёт у того слоя общества, который в Советском Союзе никогда не был, т.е. у сегодняшней молодёжи. Различные молодёжные и детские течения порождают новые конфликтогенные ситуации, которые могут привести к бунтам и мятежам. Например, сегодняшние контркультурные течения как "АУЕ" или "околофутбол" быстро распространяются по нашей необъятной и носят криминальный оттенок, а субкультурнее течение "руферы" своей рискованностью разносят по социальным сетям видеоролики и фотографии с прекрасными панорамами видов с крыш и задают молодёжную моду, при этом вовлекая детей в такие занятия, подвергая их жизнь не просто опасности, а смерти. Антипатриотизм является социально-значимым явлением как потенциального, так и действительного характера [5]. Вышеперечисленные примеры и являются антипатриотизмом. Здесь представлено само определение антипатриотизма и если просмотреть это понятие с точки зрения структуры, то можно выявить наиболее значимые его элементы. Терминологический аппарат, представленный ниже, является выводом анализа данного явления и обобщение уже описанных научным сообществом терминов.

Патриотизм - индивидуальное и социальное чувство, ценность, политическое течение, идея, стремление к деятельности и деятельность, положительно направленные на социальную стабильность, развитие и процветание территории малой и большой Родины, этнических групп, проживающих на территории РФ, культуры этих этнических групп, связующая составляющая всех индивидов, проживающих на территории РФ в один народ; также индивидуальное и социальное чувство, ценность, политическое течение, идея, стремление к деятельности и деятельность, направленные на противостояние и борьбу с антипатриотической направ-

ленностью.

Антипатриотизм - обратное патриотизму индивидуальное и социальное чувство, ценность, политическое течение, идея, стремление к деятельности и деятельность (в том числе умышленное бездействие), направленные против психического, физического и социального здоровья самого индивида, другого индивида, микрогруппы, макрогруппы с деструктивной целью, если при этом индивиды и группы индивидов являются этико- и правопослушными людьми, деятельность которых не признана антипатриотической и не имеет потенциальной или действительной угрозы для индивида, социальной группы, народа вцелом, культуры этнических групп, проживающих на территории РФ, общих материальных и нематериальных благ, суверенности РФ или любой институциональной ниши РФ.

Патриот - качественная характеристика человека, чувства, стремление к деятельности и деятельность которого являются патриотическими или именуются патриотизмом.

Антипатриотический элемент - любое физическое и/или юридическое лицо, организация, сообщество, неформальное объединение; социальное, физическое, историческое и другое явление; материальный предмет; иное, что может негативно сказываться на общественной стабильности, уровне патриотичности, общественной безопасности населения РФ как внутри страны, так и за её пределами; является первопричинным элементом причинно-следственной структуры антипатриотической направленности.

Действительный антипатриотический элемент - любое физическое и/или юридическое лицо, организация, сообщество, неформальное объединение; социальное, физическое, историческое и другое явление; материальный предмет; иное, которое непосредственно имеет факт(ы) деяния, негативно сказывающиеся на общественной стабильности, уровне патриотичности, общественной безопасности населения РФ как внутри страны, так и за её пределами.

Потенциальный антипатриотический элемент - любое физическое и/или юридическое лицо, организация, сообщество, неформальное объединение; социальное, физическое, историческое и другое явление; материальный предмет; и иное, которое имеет факт(ы) того, что оно собирается осуществить (имеет определённое направление деятельности) в некоторой отдалённой перспективе и/или косвенно предпринимает неумышленные попытки деятельности, негативно сказывающиеся на общественной стабильности, уровне патриотичности, общественной безопасности населения РФ как внутри страны, так и за её пределами.

Антипатриотический кластер - причинно-следственная временная структурная модель, начальным структурным элементом которой является антипатриотический элемент, последствия действий которого могут быть последовательными, параллельными или смешанными, имеющие большую степень вероятности дальнейшего деструктивного курса событий общественно-государственного характера.

Антипатриотическая направленность - комплексная временная структура, состоящая из совокупности антипатриотических кластеров антипатриотических элементов, создающая направление процесса деструкции общества, которое можно предупредить посредством социального прогнозирования и моделирования.

Классификация объектов социальной реальности, подвергающихся классифицированию их в качестве антипатриотических элементов

Социальные явления

Поведение и деятельность физических лиц

Деятельность организаций и общественных объединений

Деятельность неформальных социальных объединений и движений

Исторические факты

Научные факты

Классификация последствий антипатриотических элементов по степени социальной реакции

1. Лёгкой степени (слабо выраженная социальная реакция, освещённая в СМИ и СМК, большая часть населения относится нейтрально к антипатриотическому элементу, нет социальной стратификации касательно антипатриотического элемента)
2. Средней степени (имеется не явно выраженная социальная реакция, малая часть населения рассматриваемой территории испытывает отрицательное отношение к антипатриотическому элементу, социальная стратификация явно не выраженна)
3. Тяжёлой степени (имеется выраженная социальная реакция вплоть до открытых конфликтов, значительная часть населения рассматриваемой территории испытывает конфликтное отношение к антипатриотическому элементу, выраженная стратификация населения)
4. Критической степени (крайне выраженная социальная реакция вплоть до явно незаконных действий с жертвами, значительная часть населения рассматриваемой территории имеет настрой населения близкий к революционному и мятежному, резко выраженная стратификация населения).

Антипатиротизм рассматривается намного более масштабнее, чем преда-

тельство индивида или группы лиц, направленные на какую-либо политическую силу или страну. Если объектом патриотизма назвать Родину, состоящую из трёх компонентов (Родина как географическая территория, Родина как народонаселение; Родина как культура (материальные и нематериальные ценности)), то и у антипатриатизма как у деалектической противоположности существует тот же объект - Родина. Т.е. патриотизм не исходит от главенствующего государственного аппарата, стоящим над народом, а исходит от народа, где государственный аппарат является общественным институтом, выполняющим регулятивную и управленческую функцию этого народа. Если государственный аппарат не выполняет возложенных на него обязанностей и противостоит обществу, его деятельность может считаться антипатриотичной.

Источники и литература

1) Основы Государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года
2) Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года
3) Указ Президента РФ от 20.10.2012 N 1416 (ред. от 25.07.2018) "О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания"(вместе с "Положением об Управлении Президента Российской Федерации по общественным проектам")
4) Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы»
5) Шаповалов В. Ф. Российский патриотизм и российский антипатриотизм / В. Ф. Шаповалов // Общественные науки и современность», 2008. – № 1. – С. 124-132.

Шаповалов Алексей Викторович

ФГАОУ ВО "Северо-Кавказский федеральный университет", Михайловск, Россия

Социологическое изучение школьных конфликтов и путей их профилактики в социальных проектах

Социологическое исследование «Возможности внедрения восстановительных технологий в образовательных учреждениях Ставропольского

края» было проведено в 2019 году в 34 территориях Ставропольского края, где было опрошено 3549 учеников 8-11 классов и 373 педагога в рамках социально-значимого проекта «Региональный центр общественной защиты «Содействие +», реализованного Предгорненским районным местным отделением российского благотворительного фонда «Нет алкоголизму и наркомании», при поддержке Фонда президентских грантов для некоммерческих организаций (второй конкурс 2018 года).

Цель данного исследования - изучение и оценка восстановительных программ, используемых представителями образовательных учреждений и общественных объединений, а также, изучение возможностей внедрения в их работу восстановительных практик и технологий. Инструментарий исследования включал в себя 3 блока вопросов: 1) Школьные службы примирения и конфликты в образовательной организации; 2) Профилактика употребления психотропно-активных веществ; 3) Правовая и финансовая грамотность педагогов и учащихся.

В данном исследовании (когда объектом изучения являлся социальный конфликт) педагоги и учащиеся не противопоставлялись друг другу, как группы, имеющие разные интересы, вместе с тем исследователям представлялся интересным «перекрёстный» взгляд на проблему конфликтов в образовательной организации, способную привести в ряду отрицательных последствий, как для участников образовательного процесса, так и для местного сообщества.

23 % опрошенных учеников говорят о том, что решением конфликтов в их школах занимаются классные руководители, либо психолог (21 %) и директор школы (18,8 % опрошенных). Школьная служба примирения и конфликтная комиссия - инфраструктуры, крайне редко занимающиеся разрешением конфликтов. Данное обстоятельство стоит принимать во внимание, ориентируясь на данные опроса педагогов - около трети опрошенных (39,4 %) признались, что в их школах школьная служба примирения находится на стадии создания. Таким образом, в условиях отсутствия работающей школьной службы примирения конфликты в школах решаются, преимущественно с применением административного ресурса.

Конфликты в школах (по словам учащихся) происходят в первую очередь из-за оскорбления личного достоинства (признаем, что данная причина достаточно обширна и может легко «вбирать» в себя различные конфликтогенные факторы) - 34,8 %. Наименее вероятной причиной конфликта становится разное социальное положение участников конфликтных ситуаций - это отмечают 1,5 % опрошенных. В то же время, мы можем считать «оскорбление личного достоинства» поводом к конфликту:

он наиболее нагляден, а истинная причина - «разное социальное положение (материальный достаток и статус родителей, жилищные условия)» отходит на второй план, и не всегда осознаётся участниками конфликта.

35,6 % школьников при возникшей конфликтной ситуации стараются решить проблему сами, затем, обращаются к друзьям и родственникам (22,8 % и 21,3 % соответственно). В последнюю очередь - обращение к школьному психологу и администрации школы. Налицо недоверие учеников, попавших в конфликтную ситуацию, к администрации школы, неверие в способность последней разрешить конфликт.

27,9 % опрошенных учеников считают, что «Благоприятный психологический климат» способствует снижению числа конфликтов (правонарушений) в школе. 22,4 % опрошенных же видят решение проблемы школьных конфликтов в «Профессионализме и авторитете педагогов образовательной организации». «Наличие школьного самоуправления в образовательной организации» - задача, над которой следует работать в школе, по мнению 16,7 % школьников. Работа школьной службы примирения оценивается как эффективная мера в снижении числа конфликтов 5,9 % опрошенных. Таким образом, ученики считают, что для уменьшения числа конфликтов (в том числе, и между учащимися) учителям, педагогам школ нужно повышать свой профессионализм и авторитет.

Почти половина опрошенных педагогов говорят о том, что вмешательство администрации школы необходимо для разрешения школьных конфликтов. Школьники также считают вмешательство в конфликт администрации частым, но нежелательным явление.

Наиболее приемлемым способом решения конфликтной ситуации школьникам видится «Совместный поиск решения с учётом интересов обеих сторон» - 35,5 % опрошенных. Наименее приемлемым - «Использование своей власти для принуждения собеседника принять твою сторону» - всего 6,1 %. Очевидно, что у опрошенных есть опыт конфликтных ситуаций, которые разрешались с помощью силовых, принудительных мер по отношению (в том числе) к ним, однако в приоритете - установка на конструктивные способы решения конфликта (42,7 % опрошенных учеников допускают, что конфликт бывает конструктивным)

Таким образом, проведённое исследование выявило:

1. Сфера негативного влияния конфликтов в образовательных организациях - гораздо шире, чем проблемы успеваемости и конфронтации с педагогами.

2. Необходимость совместного (педагоги и обучающиеся) поиска нестандартных способов решения конфликтов образовательных учре-

ждениях, а также обучение и педагогов и учащихся инструментам профилактики и разрешения конфликтных ситуаций.

3. Уровень готовности образовательных учреждений к внедрению в образовательный процесс инструментов профилактики и разрешения конфликтов - констатируется исследователями как недостаточный.

«Секция 6. Политические конфликты современности: методологии исследования, технологии урегулирования (рук. проф. Н.С. Федоркин)»

Руководитель секции:
проф., д.ф.н. Н.С. Федоркин
Секретарь секции:
доц., к.с.н. Н.В. Карпова

Основные вопросы секции:

- Политический конфликт как вид социального конфликта, структурный элемент механизма функционирования социально-политических систем
- Теоретические и методологические проблемы исследования политических конфликтов
- Технологический процесс урегулирования и социологического сопровождения политических конфликтов
- Соотношение в системе социальных изменений понятий политического конфликта, политического кризиса, политических реформ и революций
- Новые тенденции в развитии политических конфликтов в XXI веке

Ernazarov Dilmurod Zuxriddinovich
Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Узбекистан

Роль НПО в решении конфликтов в развитии гражданского общества

Быстрый рост частных субъектов, в том числе крупных корпораций, политических группировок, НПО в международных отношениях и конфликтах начался в 1970-х годах. Усложнение политических отношений, изменение характера парадигмы «власти», «конфликты» и «обогащение» способствовали активизации деятельности местных и международных НПО. Наряду с традиционными акторами возросла роль нетрадиционных акторов в политических вопросах и конфликтах. Тесная взаимосвязь и характер их взаимоотношений способствовали многогранному

изучению данного вопроса. Представители Школы плюрализма, (нео) либерализма, (нео) корпоративизма и марксизма разработали теоретические основы деятельности негосударственных субъектов. НПО изучали как «группы интересов», «посредниками», «группы давления» и «лоббистские группы».

Многие НПО играют все более важную роль в предотвращении конфликтов и являются существенными для этого процесса, благодаря их знанию зон возможных конфликта и деятельности в них. Однако между гуманитарными организациями и другими сторонами, участвующими в предотвращении конфликтов и установлении мира, существуют непростые отношения. В конце концов, государства остаются важнейшими действующими лицами в сегодняшней международной системе, и если под угрозой находятся их национальные интересы, они могут склониться к тому, чтобы ограничить деятельность международных организаций в пользу международных контактных групп или односторонней деятельности.

На сегодняшний день среди институтов гражданского общества роль НПО, так называемого «третьего сектора», является значительной. Понятия «глобальное гражданское общество» и «транснациональное гражданское общество» также вышли на первый план. Деятельность международных неправительственных организаций лежит в основе транснационального гражданского общества. [1]. Деятельность НПО также были изучены с точки зрения теорий социального развития. Согласно теории, НПО могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи.

Мы считаем, что технологическое развитие и политическая либерализация способствуют развитию транснационального гражданского общества. В своей книге «Сила идентичности», анализируя парадигму «власти» после глобализации и информационной революции, М. Кастелл отмечает, что существует связь между социальными институтами и доминирующей идентичностью. В книге отмечены три различных типа идентичности (1) легитимность, (2) противоречивая идентичность, (3) проектная идентичность. Законность вводится доминирующими институтами общества с целью усиления доминирования социальных субъектов.[2]

Глобализация и интернационализация негосударственных субъектов сделала его одним из наиболее активных участников международных

отношений и посредниками предотвращений конфликтов разного характера. Стоит, отметит, что международные организации как Greenpeace, Amnesty International, Médicins Sans Frontières и другие крупные международные НПО имели большие успехи в предотвращении конфликтов разного характера [3].

Р. Кеохане и Дж. Най, представители Школы неолиберализма, в книге «Сила и взаимоотношения: на переходном этапе мировой политики», демонстрируют явный иерархический рост прямого участия негосударственных субъектов в мировой политике. [4]

Мы считаем, что в сфере урегулирования международных конфликтов НПО могут выполнять две важных роли.

Во-первых, в рамках превентивной дипломатии НПО предпринимают меры по предотвращению перерастания межгосударственных споров, разногласий, конфликтов разного характера. НПО вносят свой весомый вклад в поддержание и установлении мира на планете. Они содействуют установлению дружественных отношений в целях снижения угроз и вызовов. Данная практика получила название «второе направление дипломатии» (track two diplomacy). В научной литературе можно встретить другие названия: «неофициальная дипломатия» [5, с. 5-10] и «экспертная дипломатия» [6, с. 14-25].

Во-вторых, НПО могут играть роль посредника и медиатора. В данном случае их деятельность направлена на разрешение уже существующих вооруженных, социальных конфликтов и примирение конфликтующих сторон. Данная практика получила название «полуторного направления дипломатии».

Источники и литература

1) Thomas Richard Davies. The rise and fall of transnational civil society: the evolution of international non-governmental organizations since 1839. // http://www.staff.city.ac.uk/tom.davies/CUWPTP003.pdf

2) Castell M. The power of identity. Volum II. Cambridge, 1997. Creating global governance. The role of non-governmental organisations in the United Nations.p.15-18 – Helsinki, 2000

3) Peter Sutch and Juanita Elias. International relations: the basics // 2007 by Routledge. p.72. // https://www.ebooks.com/en-us/308500/international-relations-the-basics/peter-sutch-juanita-elias/

4) Keohane, R. and Nye, J. (1977) Power and Interdependence: World Politics in Transition, Boston, MA: Little, Brown. // https://www.

worldcat.org/title/power-and-interdependence-world-politics-in-transition/oclc/2748258

5) Лебедева М.М. Развитие неофициального посредничества в современном мире: тенденции, проблемы, перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 3. С. 5-10

6) Генюш С.В. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. Вып. 5. С. 14-25

Баженов Анатолий Матвеевич

Тульский государственный университет, Тула, Россия

Современное российское общество в контексте политического конфликта

После очередных выборов президента 18 марта 2018 года в повестку дня встал вопрос о дальнейшем развитии России. По мнению экспертов, сегодня либеральные реформы не востребованы ни правящей группой и бюрократической системой, ни населением, которое скорее предъявляет запрос на большую эффективность вертикали власти и величие страны.

Разумеется, политика - особая сфера деятельности. Не все участники правильно в ней ориентируются, строго следуют ее принципам.

Многие специалисты разделяют точку зрения о том, что современная Россия имеет архаическую политическую систему, малоэффективную местную власть, пирамидальную структуру управления, коррумпированную бюрократию. С таким запасом ресурсов стране существовать в современном мире нельзя. В то же время она развиваться боится, так как это развитие может привести к радикальным изменениям. Все это формирует конфликтное состояние общества.

Как отмечает экономист С. Алексашенко: «Для радикального изменения ситуации нужны не экономические меры. Это - вопрос политических реформ, политической конкуренции, независимого суда, равенства всех перед законом, борьбы с коррупцией. Чтобы системно улучшить положение дел в экономике, нужно заниматься политическими реформами» [1, с. 10].

Специалисты считают, что в российской политической системе власть принадлежит коллективной бюрократии, чье распределение между ветвями власти носит столько же условный характер, как и распределение

депутатов по фракциям внутри самой Государственной Думы. Однако это не значит, что в процессе обсуждения законов не происходит столкновения групп интересов - просто эти группы не разделяются по ведомственной и фракционной принадлежности.

В этих обстоятельствах лидеру, руководителю государства надлежит показывать особые достоинства, не быть пленником устаревших своих привычек. Выразительно об этом заметил выдающийся русский философ Владимир Соловьев: «Предоставленная самой себе, совесть самодержца, как и всякого человека, может быть ослеплена страстью, обманута ложным рассуждением и неведением, ослаблена личными грехами. Окончательное решение всякого дела, без сомнения, принадлежит этой единичной самодержавной совести, но для того, чтобы это решение было добросовестно, оно должно быть предварительно проверено священным авторитетом религии и свободным советом лучших людей» [2, с. 588].

На пути укоренения демократического режима серьезным препятствием является и состояние массового сознания, в котором с трудом просматриваются признаки гражданственности и реалистического понимания населением стоящих перед страной проблем. Выход из конфликтного состояния определенная часть наших соотечественников видит не в дальнейшей последовательной демократизации и модернизации всех сфер общественной жизни, а в реализации неких самобытных моделей.

Кроме того, в российской социокультурной традиции конфронтация доминирует над согласием. В духе этой традиции публичное пространство российского общества пронизано конфликтами, в нем ощущается острый дефицит культуры толерантности. Некоторые исследователи отмечают, что публичная сфера разорвана на части, имеет «лоскутный характер», в ней образуются замкнутые пробелы рефлексии, которые не имеют общего алгоритма взаимодействия. Это, конечно, мешает формированию общенационального публичного согласия.

В этот сюжет укладываются действия власти по недопущению независимых кандидатов на выборах в Московскую городскую думу 8 сентября 2019 года. Протестное движение сторонников независимых кандидатов в Москве в июле - августе 2019 года жестоко подавлялось и было заведено уголовное дело о якобы произошедших беспорядках. Причем российские власти сравнивают московские протесты с «желтыми жилетами» в Париже. Во время официального визита во Францию 19 августа 2019 года президента В. Путина эта тема затрагивалась в беседе с Э. Макроном.

По словам президента Франции, граждане, которые участвуют в спонтанном протестном движении «желтые жилеты», свободно прини-

мают участие в выборах в Европейский парламент и муниципальные органы страны. Этим они отличаются от московских протестантов. Кроме того, Э. Макрон заметил, что он ратует за участие граждан в избирательном процессе, так как это уменьшает социальную и политическую напряженность в обществе.

Конечно, российское общество находится в сложном положении, поскольку оно расколото на две половины. Первая часть состоит из граждан, которые готовы верить власти во всем, что она заявляет и делает в обществе. Как правило, эти граждане минимально участвуют в обсуждении проблем общества и государства. Вторая половина российских граждан полагает, что политические институты у нас малоэффективны. Государственное управление осуществляется в ручном режиме. Практика показывает, что упрощенная модель управления некоторый период времени работает, потом теряет связь с реальностью и способствует движению общества к кризисному состоянию. Сменяемость власти отсутствует, что ведет к застойному состоянию общества. Происходящие события задевают и травмируют очень глубокие слои национальной жизни и ментальности.

В то же время в России имеются люди, которые «болеют» за страну, они готовы проявить и направить свою креативность, энергию на переустройство своего Отечества. Здесь явно просматривается конфликт между двумя половинами граждан России, что составляет главную характеристику нынешней ситуации.

Итак, российское общество находится в ситуации, которая прямо связана с политическим конфликтом.

Источники и литература

1) Андреев Е. Сергей Алексашенко: Для спасения экономики нужны политические реформы // Новая газета. 2016. № 6. С. 10.
2) Соловьев В.С. Византизм и Россия // В.С. Соловьев. Сочинения в двух томах. Том 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 588.

Басимов Михаил Михайлович

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

Психологическая природа активной политической позиции

На формирование социально-политического сознания молодежи оказывают влияние как внешние факторы (культурно-исторические, региональные и т.п.), так и внутреличностные (духовно-нравственные, психологические и т.п.). Мы исследовали политические предпочтения молодежи и их личностные особенности по шести психологическим методикам. Под социально-политической активностью, согласно Д.В. Ольшанскому, понимается «деятельность социальных групп или индивидов, связанная с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты» [2]. Несмотря на определенный интерес к политике, наблюдается крайне низкое реальное участие молодежи в политических действиях, а политическая и гражданская активность не являются приоритетным интересом молодого поколения. Так, по результатам социологических опросов на 2017 год наблюдается небольшой процент респондентов, которые интересуются политикой не только на словах, но включаются в политическую деятельность: 3,9% ответивших за последние полгода лично участвовали в политической деятельности [3]. Обработка данных (120 респондентов) проводилась с использованием авторского метода множественного сравнения, в рамках которого сравнивались выделенные группы (всего 89) по номинальным ответам на вопросы анкеты. В расчет для сравнения групп по политическим предпочтениям (всего 63) были включены дополнительно 26 групп по отношению к «гражданскому браку». В результате расчета было выявлено, что политические предпочтения значительно сильнее определяются психологическими личностными характеристиками, чем отношения молодежи к «гражданскому браку». В задаче множественного сравнения, результаты которой приводятся в статье, рассматриваются 89 психологических шкал. Рассмотрим психологические особенности двух политически активных групп. 1. Группа респондентов, которые принимают активное участие в митингах, демонстрациях, пикетах (15 респондентов), оказалась на десятом (из 89) месте по совокупной экстремальности личностных качеств. Наибольшая сравнительная весомость среди изучаемых личностных психологических показателей для нее равна +5433, минимальная сравнительная весомость равна -2770. Среди шкал методики MMPI у респондентов рассматриваемой группы можно отметить ярко выраженную истерию (сравнительная весомость равна +5433), в меньшей степени депрессию (сравнительная весомость равна +2457) и психопатию (сравнительная весомость равна +2210). Представители данной группы в рамках личностной типологии Кеттелла характеризуются подверженностью чувствам (фактор

G), что определяется значительной отрицательной сравнительной весомостью, равной (-2161) по шкале «Подверженность чувствам - высокая нормативность поведения». Акцентуации по Смишеку определили, что представителей группы можно охарактеризовать как достаточно демонстративных (сравнительная весомость равна +2550). В рамках методики Лири в группе достаточно существенная отрицательная сравнительная весомость (-2770) наблюдается по шкале «Подчиняемый тип», что им, таким образом, совсем несвойственно. В рамка 5-факторной модели политически активных представителей группы можно охарактеризовать как неаккуратных (сравнительная весомость по шкале «Аккуратность - неаккуратность» равна +2819). 2. Группа респондентов, которые принимали участие в забастовках (6 респондентов), оказалась на 13 месте по совокупной экстремальности личностных качеств. Наибольшая сравнительная весомость среди изучаемых психологических показателей для нее равна +4375, минимальная сравнительная весомость равна -6483. Акцентуации по Смишеку определили, что представителей группы можно охарактеризовать как очень демонстративных (сравнительная весомость +4040). В рамках методики Лири в группе наблюдается яркая выраженность по шкале «Агрессивный тип» со сравнительной весомостью +3082. В рамках опросника DSM со знаком минус, т.е. что абсолютно несвойственно представителям рассматриваемой группы, можно отметить самоуверенный тип (сравнительная весомость равна -5130). Преобладающим же типом этой группы является авантюрный тип с вероятным для этого типа расстройством «антисоциальный» (сравнительная весомость равна +4375). В рамках дополнительных показателей отметим шкалу «Достоверность» опросника MMPI (сравнительная весомость равна -6483), что говорит об очень достоверной самооценке респондентов. Также можно еще раз подтвердить ярко выраженную агрессивность, что определяется в рамках объединенной шкалы по двум противоположным типа методики Лири «Агрессивный - дружелюбный» со сравнительной весомостью -5402. Это продолжает наши исследования в рамках изучения нелинейной природы применительно к общественным наукам и наукам о человеке. Хотя при этом нелинейная природа психологических и социологических данных для большинства исследователей актуальной не является, а разговор о традиционных ошибках, возникающих благодаря “новым” правилам статистики, когда следуя невидимым для подавляющего большинства исследователей грубым ошибкам получаются “нужные” результаты, поднимался автором и его единомышленниками на социологических (ESA, ISA) [8,19,20,34,35,36,37] и психологических (ECP, IPC) [12,15-18,21-23] конгрессах (всего 58 презентаций), а также в

многочисленных статьях, например [4,6,9-11,14,28,32,33].
Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01071а

Источники и литература

1) Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с. http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author

2) Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М., 2002. С. 21.

3) Чуев С.В., Тимохович А.Н. Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. М., 2017, №11. С. 57.

4) Basimov M.M. Study of political preferences and type 1 errors in the traditional correlation approach // Advances in Social Science, Education and Humanities Research / ed. by O. D. Shipunova – Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia. – Том. 289. Proceedings of the International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. Pp. 488-494. https://www.atlantis-press.com/proceedings/csis-18/55913876

5) Basimov M.M. Political activity as a cause for political and social preferences of students // Advances in Social Science, Education and Humanities Research / ed. by O. D. Shipunova – Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia. – Том. 289. Proceedings of the International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. P. 495-499. https://www.atlantis-press.com/proceedings/csis-18/55913876

6) Basimov M.M. Study of political preferences and type 2 errors in the traditional correlation approach // Proceedings of the Internation Conference on "Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects" (HSSNPP 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 333. 2019. P. 11-18. https://www.atlantis-press.com/proceedings/hssnpp-19/articles?q=Basimov

7) Basimov M.M. Accepted idea as a cause for political and social preferences of students // Proceedings of the Internation Conference on "Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects"

(HSSNPP 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 333. 2019. P. 350-354. https://www.atlantis-press.com/proceedings/hssnpp-19/articles?q=Basimov

8) Basimov Mikhail Modern Interpretations of Correlations in Sociology As a PATH to Mock-Scientific Results // Book of Abstracts accepted for presentation at the XIX ISA World Congress of Sociology. Toronto, Canada, July 15-21, 2018. P. 109. https://www.isa-sociology.org/en/conferences/world-congress/toronto-2018/

9) Basimov M.M. Non-linear nature of respondents' socialattitudes // RPTSS 2018 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences (Irkutsk National Research Technical University, 26 - 28 April 2018). The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Published by the Future Academy, Volume L, Pages 1- 1464 (18 December 2018) 2018. C. 128-136. https://dx.doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2018.12.1

10) Basimov Mikhail "Convenient" correlational errors in modern psychological science (mathematical aspect) // RPTSS 2018 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences (Irkutsk National Research Technical University, 26 - 28 April 2018). The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Published by the Future Academy, Volume L, Pages 1- 1464 (18 December 2018) 2018. Pp. 137-146. https://dx.doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2018.12.1

11) Basimov M.M., D.V. Semenov*, N.S. Varfolomeeva, N.V. Belyakova, A.O. Blinov, M.A. Kovaleva, A.V. Romanova, A.S. Shcheglova Attitude to Alcohol as Predominantly Nonlinear Psychological Process // Pharm. Sci. & Res. Vol. 10(11), 2018, Pp. 3001-3004. http://www.jpsr.pharmainfo.in/issue.php?page=111

12) Basimov M. Modern Interpretations Of Correlations In Psychologyas A Path To Mock-Scientific Results // The 15th European Congress of Psychology (Amsterdam, The Netherlands, 11-14 July 2017) / Abstract book (Wednesday. July 12. Poster): Amsterdam, 2017 – P. 59. https://psychologycongress.eu/2017/ download/

13) Basimov M. Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers) // (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association

«(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017. – Pp. 7–28. http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

14) Basimov M.M. Non-linear nature of tolerance characteristic "The sensation of closeness to one's family" // RPTSS 2017 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences (Tomsk, 18-21 May 2017). The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Published by the Future Academy, 2017. Pp. 156-163. http://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/RPTSS%202017

15) Basimov M. The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology. – Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 851. (P2093). DOI: 10.1002/ijop.12332

16) Basimov M. Vanity in the system of requirements to the teachers profession (non-linear psychology) // International Journal of Psychology. – Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789. (P1848). DOI: 10.1002/ijop.12328

17) Basimova P., Basimov M. Competitiveness as the reason Impulsiveness in non-linear psychology (Five-Factor Personality Model) // International Journal of Psychology. – Volume 51, Supplement S1, 2016. Pp. 903. (P2186). DOI: 10.1002/ijop.12337

18) Basimova P., Basimov M. Commitment to Principles in Pedagogic Activity (non-linear aspect) // International Journal of Psychology. – Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789. (1849 P.). DOI: 10.1002/ijop.12328

19) Basimov M. Modern interpretations of correlations in sociology as a path to mock-scientific results // The 13th Conference of the European Sociological Association (Athens, Greece, 29 August to 1 Sepember 2017) / AbstractBook: Athens, 2017. Pp. 813-814. https://www.europeansociology.org/ publications/esa-conference-abstract-books

20) Kornienko V., Basimov M. Printed publications as a source of information about the policy // The 13th Conference of the European Sociological Association (Athens, Greece, 29 August to 1 Sepember 2017) / AbstractBook: Athens, 2017. P. 563. https://www.europeansociology.org/publications/ esa-conference-abstract-books

21) Basimov M.M., Basimova P.M. Regression psychological defence as cause and effect of interpersonal relationships in youth environment

// Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2-5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). – Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 1065-1066. https://ecp2019.ru/ru/programme/thematic/

22) Basimov M.M. The sample implementation of the author's method of studying the relationships for mathematical functions // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2-5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). – Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 556. https://ecp2019.ru/ru/programme/thematic/

23) Basimov M.M., Padurina E.A. Positive feelings in the family and their expression among mothers and fathers // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2-5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). – Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 1100. https://ecp2019.ru/ru/programme/thematic/

24) Basimov M.M. Methods of multiple comparison in psychological research. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2008. – 101 p.

25) Basimov M.M. Methods of multiple comparison in psychological research // The 11th European Congress of Psychology ECP09, Oslo, Norway 7-10 July 2009 / Abstracts, Poster Sessions: Oslo, 2009. – P. 747.

26) Basimov M.M. Method of multiple comparison in sociology // Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010. – P. 569-576.

27) Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.

28) Basimov M.M. Methods of the non-linear psychology // Ponte. International Scientific Researches Journal. Vol. 72, No. 7, Jul 2016. – Pp. 66-92. http://www.pontejournal.net/

29) Basimov M.M. Methods of multiple comparison in psychological research // Ponte. International Scientific Researches Journal. Vol. 73, No. 5, May 2017. – Pp. 110-139. http://www.pontejournal.net/

30) Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

31) Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

32) Basimov M. Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers) // (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017. – Pp. 7–28. http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

33) Basimov M.M. Studying the family as the object of non-linear sociology (Изучение семьи как объекта нелинейной социологии РГСУ) // «Economic and Social Development» 34th International Scientific Conference on Economic and Social Development – «XVIII International Social Congress (ISC-2018)» / Book of Proceedings (18 -19 October 2018) – Moscow: Varazdin Development and Entrepreneurship Agency in cooperation with Russian State Social University, University North, Croatia, Faculty of Management University of Warsaw, Poland, 2018. – Pp. 598-610. https://en.rgsu.net/

34) Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.

35) Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. Pp. 988-989.

36) Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // The 10th Conference of the European Sociological Association (Geneva, Switzerland 7th to 10th September 2011) / Abstract Book: Geneva, 2011. Pp. 413-414.

37) Basimov M. Automatic classification of dependences in sociological research // The 12th Conference of the European Sociological

Association (Prague, 25-28 August 2015) / AbstractBook: Prague, 2015. Pp. 1015-1016.

Бикметова Эльвина Вильевна
Частное образовательное учреждение "Новошкола", Уфа, Россия

Роль образовательных организаций при реализации государственной политики в сфере противодействия экстремисткой деятельности на примере БГПУ. Им. М. Акмуллы

Российское государство по своей природе является многонациональным и представляет собой в совокупности свыше 190 этнических общностей. Ввиду наличия особых обычаев, традиций, ценностей и норм различных этнических групп возникает некое тяготение к сотрудничеству и периодические взрывы конфликтности. В связи с этим, для Российской Федерации, исторически сложившейся как многонациональное государство, экстремизм является одной из актуальных и насущных проблем, для решения которых осуществляется особая государственная политика в сфере противодействия экстремизму.[1].

Определяющим значением является взаимосвязь национальности человека с его вероисповеданием. Ввиду определенных традиций и обычаев, зачастую, грань между национальностью и вероисповеданием человека становится довольно прозрачной. Мы не отождествляем данные понятия, однако отрицать этот факт не станем. В этой связи, рассмотрение национального и религиозного экстремизма будет осуществляться как единого целого.

Законодательно закрепленная дефиниция «экстремизм» трактуется достаточно широко и представляет собой явление, выходящее за определенные социально-правовые нормы, либо как приверженность к крайним взглядам и идеям, наиболее часто проявляемым в религии, политике и международных отношениях. В настоящий момент национально-религиозная экстремистская деятельность создает существенную угрозу для функционирования государства, посягает на конституционные права и свободы граждан РФ, общественный порядок и безопасность.

Статистические данные Генпрокуратуры РФ свидетельствуют об эффективности государственной политики в области противодействия экстремистской деятельности в последние годы. Так, для сравнения в 2015 г. было зарегистрировано 1329 преступлений экстремистской направленности, в 2016 г. - 1450, в 2017 г. - 1521, 2018 г. - 1265, за январь, февраль,

март 2019 г. - 281 преступлений экстремистской направленности. При этом, из них совершено преступлений на территории Республики Башкортостан: в 2015 г.

Государственная политика в сфере противодействия экстремистской деятельности является одной из приоритетных задач государства. В Республике Башкортостан для обеспечения безопасности населения была утверждена государственная программа «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан». Она включается в себя три подпрограммы, наиболее значимой из них является подпрограмма «Профилактика терроризма и экстремизма». Её основная цель - это снижение уровня экстремизма к 2020 году по сравнение с 2013 на 30%, путем повышения эффективности мер профилактики, противодействия распространению идеологий экстремизма[3]. Согласно данным подпрограммы в 2013 году в Республике Башкортостан выявлено 22 преступления экстремистской направленности, а в 2018 году - 12.[4] Ссылаясь на официальные данные можно утверждать, что подпрограмма является достаточно эффективной, в связи с которой количество преступлений экстремистского характера действительно сокращается.

Для реализации государственных программ сотрудники ЦПЭ МВД по РБ, органы власти, правоохранительные органы, научные работники, представители духовенства на регулярной основе принимают участие в работе лекторских групп. Их прерогативой является разъяснение основ религии Ислам, вопросов профилактики религиозного экстремизма в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего образования. Деятельность, которую осуществляют лекторские группы, направлена на профилактику распространения радикальных идеологий, а также противодействие вербовочным мероприятиям среди студенческой молодежи.

В рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации БГПУ им. М. Акмуллы на протяжении многих лет реализует План мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Для этих целей при БГПУ им. М. Акмуллы был создан научно-исследовательский институт духовной безопасности и развития религиозного образования, который тесно взаимодействует с Советом по государственно-конфессиональным отношениям при Главе РБ, ЦДУМ России, ДУМ РБ, а также другими российскими вузами-участниками этого проекта. В январе 2017 года между БГПУ им. М. Акмуллы и ДУМ Дальнего Востока было подписано соглашение о сотрудничестве в рамках реализации Плана

мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама на территории Дальнего Востока.

Значимым в противодействии экстремистской деятельности являются выездные мероприятия образовательных учреждений. Так, например, 26 сентября 2018 года для реализации и исполнения положений Протокола заседания антитеррористической комиссии РБ под председательством Главы РБ в целях профилактики религиозного экстремизма в городе Мелеуз, была направлена лекторная делегация, в состав которой вошли сотрудники Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы, Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Башкортостан, Министерства молодежной политики и спорта республики, ДУМ Республики Башкортостан.

Стоит отметить, что также в рамках профилактической деятельности, начиная с 2016 года в БГПУ им. М.Акмуллы ежегодно проводится всероссийская научно-практическая конференция по вопросам совершенствования и координации деятельности органов государственной и муниципальной власти, общественных и религиозных организаций по профилактике экстремизма и терроризма на республиканском и федеральном уровнях. Количество участников и представленных работ свидетельствуют о заинтересованности и активности молодежи в содействии в борьбе с экстремистской и террористической деятельностью.

В 2018 году научная конференция была организована под названием «Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия». Организаторами мероприятия выступили БГПУ им. М. Акмуллы, РИУ ЦДУМ России и ДУМ РБ при содействии Антитеррористической комиссии РБ, Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе РБ, Министерства молодежной политики и спорта РБ.

Проведение конференций и других мероприятий по профилактике экстремистской деятельности подтверждает активность руководства государства, Республики Башкортостан, научного сообщества и духовенства. Государственная программа «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан», подпрограммой которой является «Профилактика терроризма и экстремизма» реализуются достаточно эффективно в настоящий момент. Однако проблемы экстремисткой направленности до сих пор существуют и несут вред охраняемым общественным отношениям. В связи с этим, государству необходимо не только сохранить уже достигнутый уровень защиты, но и стараться его приумножить. Это положение может быть реализовано, на наш взгляд, пу-

тем предоставления дополнительных инвестиций со стороны государства и решения проблем занятости и трудоустройства населения.

Источники и литература

1) Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: URI: http://publication.pravo .gov.ru/Document/View/0001201408010002 01.08.2014.
2) О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон №114-ФЗ (ред. 23.11.2015) от 25.07.2002 // Российская газета. 30.07.2002. №138-139.
3) Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crime stat.ru/offenses_map
4) О государственной программе «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан»: Постановление Правительства Республики Башкортостан № 670 от 31 декабря 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. Режим доступа: URL: https://npa.bashkortosta n.ru/10086/ 22.01.2019 5. Абдрахманов, Д.М. Актуальные проекты по профилактике молодежного экстремизма: опыт Башкортостана / Д.М. Абдрахманов // Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 25–27 апреля 2018 г.). Уфа: «Мир печати», 2018.
5) Абдрахманов, Д.М. Актуальные проекты по профилактике молодежного экстремизма: опыт Башкортостана / Д.М. Абдрахманов // Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 25–27 апреля 2018 г.). Уфа: «Мир печати», 2018.
6) Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_153536/ (Дата обращения: 09.05.2019)

7) Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map (Дата обращения: 03.05.2019) [3] О государственной программе «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан»: Постановление Правительства Республики Башкортостан № 670 от 31 декабря 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. Режим доступа: URL: https://npa.bashkortostan.ru/10086/ (Дата обращения: 03.05.2019) [4] Министерство внутренних дел Республики Башкортостан [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://02.мвд.рф/ (Дата обращения: 03.05.2019)

Болдырев Алексей Сергеевич

Институт социологии НАН РБ, Минск, Беларусь

Роль СМИ в современных политических и военных конфликтах

В XXI веке политические конфликты являются одним из главных кризисных явлений современного мира. Они приводят к огромным человеческим потерям, усугубляют нищету, пагубно влияют на окружающую среду, способствуют миграции населения и создают огромные проблемы для всего международного сообщества. Так, большинство исследователей полагают, что миграционный кризис, произошедший в Европе в 2015 году, спровоцировали мигранты, которые стремились покинуть свои страны не по экономическим причинам, а из-за войн или угрожающего им насилия [1].

Средства массовой информации являются важнейшим источником информации о глобальных конфликтах для большинства людей, который оказывает значительное влияние на восприятие и формирование мнения относительно политической ситуации в мире. Как правило, СМИ используют две полярные стратегии. Либо средства массовой информации принимают активное участие в освещении конфликта различными способами, либо игнорируют его и не вмешиваются в политические споры.

При этом, освещая один из аспектов конфликта и умалчивая о других, средства массовой информации могут воздействовать на общественное мнение, на динамику и результаты конфликтов, тем самым, определяя перспективы успеха противоборствующих сторон. В научной среде

такой процесс создания реальности посредством манипулирования фактами и событиями получил название фрейминга [2].

Именно поэтому лидеры конфликтующих сторон (главы государств, политические партии, общественные движения) стремятся использовать средства массовой информации для достижения своих целей. Например, правительства стран, вовлечённых в военные действия, стремятся оправдывать своё участие в них и получать поддержку среди населения и, тем самым, прилагают немало усилий для формирования одобрительного общественного мнения через средства массовой информации.

Немаловажным фактором влияния СМИ на военные и политические конфликты в мире на протяжении долго времени являлась политическая ситуация в стране. Так, при противоборстве политических элит события в СМИ (печать, телевидение) отображались с различных точек зрения; при монополизации власти главной политической силой - с одной. Однако с развитием современных средств коммуникации, в частности, интернета, эта проблема на сегодняшний день постепенно утратила свою острую актуальность.

Одними из самых значимых проблем, связанными с ролью СМИ в освещении конфликтов, и с которыми сталкивается весь цивилизованный мир, являются дегуманизация социальных отношений и привыкание к насилию. Дегуманизация может проявляться в том, что представители определённой нации или общественной группы объявляют своих противников не достойными жизни, тем самым стравливая стороны конфликта. Данный феномен особо распространён в ходе информационных политических войн. Тем самым это зачастую приводит к проявлению индифферентности к насилию, которое может способствовать приучению к агрессии, заставляя людей воспринимать насилие как нечто обыденное и повседневное. Также одним из эффектов такого поведения является широко распространённое «развлекательное насилие» в киноиндустрии и в других видах массового искусства. У людей постепенно вырабатывается эмоциональная невосприимчивость к чужим трагедиям из-за перенасыщенности жестокости в медиапространстве, которое интерпретируется как нечто естественное.

Таким образом, следует признать первостепенную роль СМИ в современных военных и политических конфликтах, её воздействие на общественное мнение и ход событий. В свете сложившейся ситуации должна возрастать роль этических кодексов и автономий средств массовой информации в освещении военных действий с целью стабилизации общественных отношений путём мирного регулирования возникающих конфликтов.

Источники и литература

1) Ferreira, S. Migratory crisis in the Mediterranean: Managing irregular flows // Stability: International Journal of Security & Development. – 2016. – №5(1). – P. 1–6.
2) Scheufele, D.A. Framing as a theory of media effects / Scheufele, D.A.,Dietram, A. //Journal of Communication. – 1999. – №49(1). – P. 103–22.

***Вартумян Арушан Арушанович*[1]*, Карабущенко Павел Леонидович*[2]**

1 - Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске, Пятигорск, Российская Федерация; 2 - Астраханский государственный университет, Астрахань, Росссийская Федерация

Политические конфликты современных элит южного Кавказа: общие признаки и «демократические берега»

Современные политические элиты Южного Кавказа демонстрируют архаичный способ управления и разделения ветвей власти. Многие политические конфликты в южных регионах Кавказа возникают вследствие несовершенства политических региональных режимов, несоблюдения элементарных категорий политического процесса, отсутствия адекватных политических систем и деструктивным действием политических элит.

Политических элит в классическом варианте здесь практически нет. Существуют их имитационные формы, призванные скрыть незрелость государственных институтов власти в том числе и демократии, понимаемую ими как разновидность власть. Демократия является не продолжением воли народа, а продолжением воли власти.

Традиции клана или этноса оказываются превалирующими на фоне требований соблюдения государственных интересов. «Особенность политической культуры подавляющего большинства постсоветских стран состоит в приверженности групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. Для большинства из этих стран характерны этнический и профессиональный корпоративизм, высокая степень персонализации в политике, установки на авторитаризм и клиентелизм, большая роль традиционных ценностей в политической культуре. В результате слабость социальной базы демократического транзита обусловливается

неструктурированностью гражданского общества, неразвитостью среднего класса, отсутствием эффективной многопартийной системы при наличии множества мелких политических партий, которые не в состоянии создать реальную и действенную оппозицию существующей власти. Эти факторы в значительной степени определяют сущностные характеристики политических режимов большинства постсоветских государств». [2; с. 53]

Для элит стран постсоветского пространства характерен также хорошо известный в философии и социальной психологии феномен «ресентимент» (ressentiment). Термин ввел в оборот ещё Ф. Ницше. Макс Шелер в специальном трактате (1912), дал этому явлению всесторонний анализ, подходя к нему как проявлению «патологии культуры». [5; с. 14] Как известно, ресентимент - это целый комплекс негативных чувств, среди которых первенство принадлежит жажде мести; ресентимент является реакцией на длительное подавление, унижение слабого сильным, когда подавляемый, однако, не может ответить обидчику прямым действием, и вынужден затаить мстительное чувство в глубине души. Ресентимент реактивен и активен. Для ресентимента характерна «концентрация на негативных моментах, сопровождаемая острым чувством наслаждения». [5; с. 17]

Политические элиты Южного Кавказа пытаются за какими-то «пустыми формулами», скрыть отсутствие идей о себе самих. Им порой нечего бывает о себе сказать конструктивного. Прикрываясь некими абстрактными формулировками (общечеловеческими ценностями и западнодемократическими нормами), элиты и их лидеры пытаются дистанцироваться от советской традиции, которая преследует их всюду по пятам. Диагноз, который мы можем поставить всем этим политическим системам, гласит: *демократия на словах и авторитаризм на деле.* Данный диагноз отражает тысячелетиями существующие здесь традиции народной демократии, не похожую на военную демократию знакомую нам по европейской истории, но схожую своими кодами с евразийской политической культурой догосударственного периода развития.

Например, специфика современного грузинского политического руководства заключается в том, что они с маниакальной настойчивостью отказываются от наследия Советского Союза и внедряют у себя западные политические технологии и ценности. Внедрение это идет порой весьма прямолинейно, без учета сложившихся в этой стране традиции (особенно без учета ментальности грузинского общества, веками привыкшего к определенным системам отношений). Россия через это прошла в «лихие

девяностые», когда входе либеральных реформ здесь пытались внедрить «передовые» западные технологии.

Если в XX в. многие увлекались политэкономией, то в начале XXI столетия мы имеем дело с повальным увлечением геополитики. Некоторые авторы даже в этой связи даже утверждают, что функции государства «носят преимущественно военный и преимущественно геополитический, нежели экономический и внутриполитический, характер». [6; с. 63] Популярность геополитикой объясняется падением роли элит и отдельных лидеров в деле решения важнейших международных проблем. Если раньше геополитикой занимались только элиты и их лидеры, то в настоящее время ею интересуются широкие народные массы, и каждый мнит себя диванным геополитиком.

Когда «малые государства» начинают заниматься геополитикой это, по меньшей мере, выглядит крайне смешно, а в большей - несет им серьёзные опасности. Геополитика удел великих держав. Малым к ней лучше вообще не прикасаться. Эксперты отмечают, что «Южному Кавказу традиционно присуще политическое, этническое, конфессиональное разнообразие. В определенной степени это является сдерживающим фактом для доминирования крупных держав в регионе. Дружественные отношения сохраняются лишь между Турцией и Азербайджаном, остальные страны находятся в состоянии перманентного противостояния». [1; с. 56]

Для южно-кавказских государств характерны следующие общие признаки: 1) слабость и неструктурированность партийной системы; 2) слабость или фактическое отсутствие независимых СМИ, свобода которых зачастую нарушается цензурой и вынужденной самоцензурой; 3) неразвитость системы разделения властей и механизма сдержек и противовесов; 4) низкий уровень политической культуры и политической активности граждан; 5) высокий уровень бюрократизации, не оправданная закрытость и недоступность учреждений и органов государственной власти; 6) высокая коррупция; 7) авторитарные стили руководства; 8) формальная демократия.

В политической традиции Южного Кавказа роль президента всегда была большее отведенных ему правом полномочий. «Можно без преувеличения утверждать, что в реальной жизни стран Южного Кавказа [в 1990-2000-е гг.] роль главы государства значительно шире и сильнее тех полномочий, которые зафиксированы в конституциях этих стран. Самостоятельность правительства в системе разделения властей нельзя понимать в отрыве от полномочий Президента, который, хотя и не возглавляет исполнительную власть де-юре, де-факто полностью контролирует её деятельность».

Еще одной общей чертой всех южных кавказских государств была слабо развитое гражданское общество. Известно, что в условиях слабого гражданского общества оппозиция воспринималась не как альтернатива власти, а как угроза всему существующему порядку. «Причем возникающие там политические партии и организации, как правило, отражают существующие в соответствующих обществах реальности племенной, клановой, клиентелистской, этнической, региональной, конфессиональной и иных приверженностей. Принадлежность к меньшинству и большинству, правящему режиму и оппозиции большей частью определяется именно этими реальностями. Как известно, в странах Запада, где политический плюрализм и консенсус между различными общественно-политическими силами относительно базовых принципов государственно-политического устройства сформировался в течение многих поколений, оппозиция является законным и равноправным партнером в политической игре. В большинстве постсоветских стран, наоборот, оппозиция, как правило, может восприниматься как угроза существованию как государства, так и самой нации». [3; с. 82]

Мы согласны с мнением экспертов, которые считают, что «по шкале «автократия-демократия» большинство республик находятся, несомненно, ближе к первому полюсу. Можно с полным на то основанием утверждать, что ни одна из национальных республик в своей трансформации не достигла «демократического берега». Достигнув определенных результатов, они все еще находятся в процессе трансформации, в котором демократия в собственном смысле слова представляется чем-то идеальным и очень далеким». [2; с. 25] При этом данный процесс в таких условиях, какие есть в данном регионе еще не скоро (а возможно, что и никогда!) не достигнет берегов процветающей демократии.

Для южно-кавказских государств развитие их демократий упирается в отсутствие оппозиции как политического института. Оппозиция в этих странах воспринимается как предатели и изменники, т.е. к ней существует сугубо авторитарно-тоталитарный подход. Последнее делает демократию в этих странах фикцией. «Обвинения в заговоре по сути дела лишают оппозицию возможности вести активную политическую борьбу за место во властной структуре. Широким слоям населения настойчиво внушается мысль о том, что все, что связано со свободой, демократией и прогрессом, является результатом национального самоопределения и, напротив, межэтнические конфликты, беженцы и мигранты - результат происков враждебной Грузии северной империи. Именно путем обвинений в заговоре или покушении на жизнь того или иного руководителя государства были отстранены с политической арены многие политиче-

ские деятели, так или иначе не устраивавшие высшее руководство этих государств (например, в Азербайджане - бывший премьер С. Гусейнов, бывший спикер Р. Гулиев, Р. Джавадов, в Грузии - бывший шеф безопасности И. Гиоргадзе, целый сонм «предателей», выявившихся в ходе известных событий ноября 2007 года, после пятидневной войны 2008 года и др.)». [3; с. 41] Без конструктивной оппозиции все разговоры о демократии в этих странах является авторитарной демагогией.

Наряду с этим в политической истории Большого Кавказа мы встречаем и т.н. «фейковую демократию», которая выставляет напоказ все свои якобы демократические достижения, на самом деле прикрывая ими свои агрессивные и авторитарные практики. Так, эксперты признают, что «Вашингтону льстит тот факт, что Грузия за относительно короткий промежуток времени сумела превратиться в «оплот демократии», ставшей моделью для подражания для всех постсоветских стран. Однако в условиях тотального финансового дефицита на первый план выступают соображения прагматического характера. Главным из них стало то, что интересы Вашингтона на Южном Кавказе стали приобретать более неопределенные очертания, а продолжать игнорировать Россию просто не представляется возможным». [4; с. 92] Страны этого региона оказались еще дальше от либерализма, чем было когда они входили в состав СССР. «Либерализм настоящий не позволяет использовать свободу для того, чтобы ее уничтожить. ...Либеральное государство — это то, где автомобилисты свободны ехать, куда им заблагорассудится, но уважая при этом правила дорожного движения». [7; с. 87] Позволить себе такого уровня понимание свободы старны Большого Кавказа пока не могут в силу целого ряда объективных причин и субъективных обстоятельств.

Источники и литература

1) Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: Сб. статей / Под ред. В.С. Ягьи, М. Л. Лагутиной. СПб.: СПБГУ, 2011. С.152.

2) Гаджиев К.С. Природа политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Россия и мусульманский мир, 2012, №6.

3) Гаджиев К.С., Примова Э.Н. Природа политических режимов стран Южно-кавказских государств // Мир и политика. – 2012. – № 5 (68).

4) Гегеяашвили Н. А. Политика ЕС и США в Черноморско-Каспийском регионе / Н. А. Гегелашвили // Россия и Америка в XXI веке. 2012. №2.

5) Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука: Университетская книга. 1999.
6) Mann M. The Sources of Social Power. Vol. I. Cambridge, 1986. P. 511.
7) Routier L. Les mystiques economiques. P., 1983, P.50-51.

Галицкая Диана Владимировна
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Ненамеренные конфликтные последствия и риски цифровизации в социально-образовательной сфере: практики России и Германии

В настоящее время повсеместно происходит внедрение информационных технологий во все сферы социальной жизни. Не обходят стороной процессы цифровизации и социально-образовательную сферу, которая активно трансформируется под воздействием инновационных технологий, позволяющих быстрее транслировать опыт и знания. Появляются онлайн-библиотеки, онлайн-курсы, открывается доступ к уникальной информации. Однако любые социально-технологические инновации амбивалентны: они несут не только социальные блага, но и различные риски, явные и латентные конфликты.

В этой связи автор рассматривает эффекты цифровизации в образовании в двух перспективах, первая из которых — внедрение цифровых технологий в сферу школьного образования в России и Германии. Вторая исследовательская перспектива — дискуссия родителей и учителей вокруг проблемы внедрения цифровых технологий в учебный процесс. Для рассмотрения процесса цифровизации в сфере образования был использован метод нетнографии, позволивший выделить ключевые проблемные фокусы цифровизации средней школы. В результате исследования было охарактеризовано восприятие цифровизации школьного образования участниками образовательного процесса — школьниками, родителями, представителями школ. Сравнение России и Германии позволило выявить эффекты цифровизации в различных культурных и социальных контекстах.

Для создания высокотехнологичной образовательной среды во всех школах Москвы с 2018 года реализуется проект «Московская электронная школа» (МЭШ), целью которого служит эффективное использование IT-инфраструктуры для улучшения качества образования [4]. МЭШ

предполагает ведение электронных дневников и журналов, интерактивные уроки, виртуальные лаборатории. Подобные нововведения, как показало исследование, вызывают разногласия среди родителей и учителей. Их беспокоит влияние технологий на здоровье детей: многие опасаются, что использование планшетов и компьютеров отрицательно скажется на зрении, а тотальный контроль и накопление цифровой информации об успеваемости негативно отразятся на психологическом самочувствии школьников. Данная проблема обостряется тем, что общественности не были предоставлены данные исследований или результаты проверок нововведений на безопасность для здоровья. Кроме того, внедрение интерактивных панелей убирает ряд функций учителей. В системе МЭШ каждый этап урока снабжён аннотацией и подсказками для учителей (о чём рассказать, что сделать во время урока). У учителей пропадает возможность индивидуализировать обучение, творчески подходить к подготовке занятий.

В Германии аналогом этих процессов является реализация в школах с 2019 года цифрового пакта "Школа" (Digitalpakt Schule), который предусматривает использование скоростного интернета, планшетов, приложений с дополненной реальностью. Например, с использованием подобного приложения ученики могут просмотреть историю Второй мировой войны, слушая голограмму рассказчика в образе одного из очевидцев военных действий и просматривая записи тех событий. Таким образом происходит более глубокое погружение ученика в изучаемую тему. Однако, это одновременно способствует ослаблению социальных связей, так как школьники в итоге реже вступают в прямой контакт с учителем, что приводит к снижению социальных навыков, ведя за собой риск потери человеческого общения и его социальных эффектов для детей.

Следует отметить, что на официальном уровне в обеих странах в основном признаются положительные результаты цифровизации. «На примере «умных школ» демонстрируется, как может работать цифровое обучение. Ученики учатся понимать и применять цифровую технику, чтобы уверенно формировать собственный жизненный путь в быстро развивающемся цифровом мире», — заявила федеральный министр образования Йоханна Ванка [1]. Руководитель Департамента образования и науки Исаак Калина также видит многие преимущества в цифровизации школьного образования с помощью проекта МЭШ: «Благодаря МЭШ ученики могут самостоятельно готовиться к урокам, а родители — контролировать их посещение и успеваемость» [4]. Такие позиции катализируют остроту конфликта между сторонами образовательного процесса.

Цифровизация и роботизация подчёркивают важность развития творческих способностей людей, т.к. это становится одним из немногих навыков, которые пока не могут быть заменены машиной. Однако, внедрение инновационных технологий в образовательные процессы может способствовать постепенной утрате способностей к творчеству. Цифровые технологии атрофируют многие компетенции своих пользователей, отучают их выстраивать собственную целостную картину мира [3]. С электронными носителями не нужно запоминать много информации, так как всё можно записать и сохранить, поэтому нет смысла тренировать и развивать память. На передний план выходит задача не выучить и запомнить, а задача знать, где найти материал в случае необходимости. Новыми рисками становятся угрозы распространения некачественной информации, дегуманизация отношений между преподавателем и учеником, появление новых форм отчуждения. Трансформация развиваемых цифровизующимся образованием навыков и нарастающий вокруг этой трансформации конфликт — это сфера, требующая исследовательского и управленческого внимания на всех уровнях реализации образования.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

Источники и литература

1) Первая цифровая школа в глобальной компьютерной сети // Ваше окно в Германию URL: https://www.deutschland.de/ru/topic/znanie/obrazovanie-i-obucenie/pervaa-cifrovaa-skola-v-globalnoi-komputernoi-seti (дата обращения: 14.01.2020)

2) Родители против проекта «Московская электронная школа» // Московская электронная школа. Вся правда о МЭШ URL: http://московскаяэлектроннаяшкола.рф/?p=11 (дата обращения: 31.01.2019)

3) Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2018. №1 (97). С. 7

4) 2,5 миллиона пользователей: «МЭШ» для школьников, учителей и родителей // Официальный сайт Мэра Москвы URL: https://www.mos.ru/news/item/52789073/ (дата обращения: 02.01.2020)

Герасин Дмитрий Леонидович

Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Выборы как предмет политического конфликта

Прошедшее десятилетие было ознаменовано участившимися случаями возникновения политических кризисов в странах с демократическим устройством. Исключением не стали и одни из наиболее развитых стран Запада, включая США, Великобританию, Францию и Германию, что наводит на мысль о наличии неких общих системных проблем, а также позволяет рассматривать данную ситуацию в контексте существования глобального политического кризиса демократических систем. Более того, каждой дестабилизации демократических систем предшествовала аномальная активность на выборах, идущая вразрез со сложившимися в обществе политическими традициями.

В случае с США, где политический кризис начался в 2016 году, можно четко обозначить основную причину дестабилизации политической системы — победа Дональда Трампа в президентской гонке. Однако мог ли всего один человек привести к столь серьезному кризису, особенно в стране, которая так сильно гордиться своими демократическими институтами и традициями? Если бы всё было именно так, то политическая система США сумела бы сразу устранить подобную угрозу путём импичмента, однако этого не произошло, чему есть ряд объяснений [1]. Во-первых, Трамп не является «абсолютным злом», каким его хотят изобразить оппоненты, напротив, за весь XXI век он стал первым президентом США, отклонившимся от сложившегося политического курса страны. Во-вторых, политическая система США обладала конфликтогенным потенциалом задолго до победы Дональда Трампа на президентских выборах, однако именно приход к власти несистемного политика вскрыл множество существующих проблем, вызвав раскол в обществе. Другими словами, аномальная активность на выборах спровоцировала начало политического кризиса в США.

В Великобритании же политический кризис начался из-за Brexit, по результатам которого было принято решение о выходе страны из ЕС, однако данное объяснение не будет исчерпывающим без упоминания контекста, благодаря которому данный референдум стал возможен. Большинство аналитиков согласны с тем, что этот кризис вызван серьезными просчетами властей, а в особенности — бывшего премьер-министра страны Дэвида Кэмерона [2]. Именно ложная уверенность Кэмерона в понимании предпочтений электората саботировала усилия по подготовке к иному исходу голосования. Однако является ли случившееся виной исключительно Кэмерона или же это лишь видимость, которую упорно

пытаются создать британские политики, чтобы обелить себя? Вероятно, истинная причина случившегося заключается в иррациональной уверенности британских политических элит в существовании «единственно верного исхода голосования». Если рассматривать данную ситуацию в контексте межпартийной борьбы, то Brexit может предстать в более интересном свете, как попытка усилить свои позиции перед грядущими выборами за счет того, что, по их мнению, пользовалось большей поддержкой, чем они сами — ЕС. Учитывая вышеизложенное, одной из основных причин начала политического кризиса в Великобритании можно назвать утрату обратной связи между гражданами и политиками.

Несмотря на существенные различия между политическими системами Великобритании и США, одной из основных причин начавшихся в них политических кризисов является аномальное голосование, когда поведение электората перестало соответствовать ожиданиям системных политиков, к чему те оказались абсолютно не готовы. В каком-то смысле, системные политики затягивают процесс выхода из политических кризисов, чтобы повлиять на граждан, заставив тех усомниться в возможности улучшения ситуации в их странах через отход от привычных электоральных предпочтений, являющихся одним из гарантов присутствия во власти нынешних политических элит.

К схожим выводам можно прийти, изучая и другие демократические страны, переживающие политический кризис. Например, Франция, власти которой не могут сократить государственные расходы на протяжении уже многих лет. Президент Франции Эммануэль Макрон своими антикризисными мерами спровоцировал ряд крупных акций протеста, включая небезызвестное движение «жёлтых жилетов», выступившее сначала против повышения цен на топливо, а позже — и против политического курса президента страны в целом, что связано с неспособностью властей страны убедительно обосновать гражданам свои действия. В Германии же ситуация противоположная — граждане страны не могут донести до властей своё недовольство. Даже столь значимые события как беспорядки в Хемнице не повлияли на политический курс Меркель, что постепенно увеличивает мощь оппозиционных партий (например, «Альтернативы для Германии»).

Если обобщать, то глобальный политический кризис демократических систем неразрывно связан с выборами, а точнее, с наметившейся тенденций отхода избирателей от поддержки традиционных политических сил, что связано с излишней консервативностью системных политиков, их неготовностью решать актуальные для общества проблемы. Попытки властей противодействовать смене электоральных предпочте-

ний через обвинения других стран в «электоральном вмешательстве» не изменят эту ситуацию [3]. Не так важно, кто воплощает собой перемены — Трамп, евроскептики или же «жёлтые жилеты» — их позиции будут лишь усиливаться, пока они предлагают новые пути выхода из сложившегося кризиса.

Источники и литература

1) Ньют Г. Понимая Трампа. Правдивая история о человеке, а не о президенте. М.: Эксмо, 2018. - 480 с.
2) Ананьева Е. В. Британия: раскол в ведущих партиях на фоне брекзита // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2019. №1 - с. 17-23.
3) Фельдман Павел Яковлевич Концептуализация понятия "электоральное вмешательство" в эпоху "гибридных войн" // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. №4 — с. 3-12.

Гитолендия Гиоргий Гиаевич

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Национальные интересы в политических конфликтах глобализирующего мира

Современный этап глобализации к началу третьего десятилетия XXI века стал обретать все новые черты, отличающие его от прежних. С одной стороны, он характеризуется усилением экономических взаимосвязей различных стран и регионов мира, с другой стороны - резким ростом политического противостояния и конфликтов. На наш взгляд, можно даже утверждать, что политические конфликты являются неизбежной чертой становления нового глобального миропорядка. Но вопрос о том, каким будет этот новый миропорядок, а также множество иных вопросов, в том числе и то, как будет построено глобальное управление в этих условиях остаются остро дискуссионными.

Несмотря на то, что практически все исследователи отмечают резко возросшие масштабы взаимосвязей и степень взаимозависимостей, они совершенно по-разному оценивают эти процессы. Так, ряд ученых, полагая, что глобальные политические процессы неизбежно отразятся на международных отношениях в лучшую сторону, утверждают, что интенсификация процессов приведет к «усилению международного взаимодействия и общения, углубленного международного сотрудничества,

взаимного доверия и предсказуемости, что позволяет существенно продвинуться в решении многих крупных международных, в том числе и глобальных проблем». [1, с. 4] Но практика показывает, что международные политические конфликты в условиях *глобализирующего мира в настоящее время удается лишь только сгладить, снизить уровень напряженности, но не полностью разрешить, поскольку пока не существует реальных механизмов такого рода их разрешения. А сами они* являются одной из наиболее характерных черт современного кризиса глобального общества, поскольку они часто порождены противоположностью национальных интересов государств и их столкновением в мировой политике.

И здесь следует обратить внимание на то, что в понятие национальных интересов различными учеными и политиками всегда вкладывалось различное, а порой - противоположное содержание. При этом многозначность и широкий спектр проблем, вкладываемых в анализ сущности и содержания понятия национальных интересов, зачастую приводило к тому, что исследователи вынуждены часто прибегать к достаточно расплывчатым его определениям, опираясь на ту или иную сторону его сущности и содержания. В результате чего «отличительной особенностью дебатов и исследований данного понятия стало то, что за последнее столетие термин остался тем же, чем и был: операционно полезным, но безнадёжно неопределенным». [2, с. 111] В целом соглашаясь с этим, мы все же должны признать реальность и обоснованность как их существования, так и их реального позитивного содержания.

Стремление к полноценной реализация собственных национальных интересов приобретает качество одной из основ прагматичной внешнеполитической стратегии России в современный период эпохи глобализации, а сама полноценная реализация национальных интересов приводит к обеспечению национальной безопасности. Признание необходимости прагматизма в политике характерен для различных направлений политической мысли. Но здесь нам хотелось бы привести следующее достаточно характерное мнение, с которым мы в целом можем согласиться: «прагматизм должен исходить из базового положения о том, что в мире существует не одна-единственная истина, монополизированная ведущей державой, а несколько разных принципиальных позиций, от которых их правообладатели никогда не откажутся и с существованием которых надо смириться». [3, с. 28]

Учитывая особую опасность постоянного противостояния национальных интересов и потенциальную угрозу военного столкновения ведущих ядерных держав мира, следует предпринимать все возможные попыт-

ки выработать реальные механизмы их согласования и тем самым создать возможности урегулирования и предотвращения международных политических конфликтов. Открытым остается лишь вопрос о том, такого рода сотрудничество и интеграции должна осуществляться исключительно на добровольных началах и собственном стремлении государств включаться в эти процессы.

Источники и литература

1) Ильин И.В. Формирование глобальных политических процессов и глобального управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 6. С. 3-14.
2) Коростиков М.Ю. Динамика внешней политики КНР через призму национальных интересов. Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4. С. 108-125.
3) Добреньков В.И. Политический реализм или политический прагматизм в международных отношениях // Гуманитарий Юга России. 2019. Том 8. № 1. С. 18-32.

Горбунова Юлия Александровна[1], Корнеева Вера Александровна[2]

1 - ЧОУ ВО Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия; 2 - УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шоуизация политизированного религиозного конфликта

Современный период политического противостояния ведущих западных держав ознаменовался трансформацией стратегий их конфликтного взаимодействия. Так, среди трендов геополитических кампаний выступают: «перенос» театра военных действий на территорию других стран (Афганистан, Ирак, восточная Украина, Сирия), актуализация политического дискурса в спортивной дипломатии, санкционный «пинг-понг», поиск «вражеского следа» во внутриполитических процессах других стран (выборы президента в США, дело Сергея и Юлии Скрипалей в Великобритании, массовые беспорядки во Франции, масштабные протестные акции в Венесуэле).

В конфликтологическом дискурсе принято считать, что в случае, когда интересы противоборствующих субъектов социального конфликта

прослеживаются в векторе «власть-подчинение» / «независимость-подчиненность», то речь идет о политизированном конфликте. Этнополитический конфликт - яркий пример эволюции и политизации этнического фактора в конфликте, на который пришлась львиная доля всех исследований в области политологии, политической конфликтологии нескольких последних десятилетий. В настоящее время все активнее происходит процесс рекрутирования и религиозной элиты в политических участников конфликта. Речь идет о политизации духовной сферы общества: межконфессиональной и внутриконфессиональной.

Так прецедент по предоставлению автокефалии УПЦ стал новой информационной единицей в гибридной войне. Переход политических информационных кампаний в интерактив трансформировал религиозный конфликт на политическом рынке в потребительский товар для широкого зрителя. Конфликт между московской и украинской православными церквями, по сути, можно представить как практику эскалации невоенной части российско-украинского противостояния, поскольку это событие интегрировало в себя огромное количество «мягких», смысловых (ценности, имидж, гражданская идентичность, дипломатия, символизм) и «жестких» (каноническое право, независимость, территориальность, национальная безопасность) ресурсов. Весь этот иньектированный в противоборство капитал обогащает информационную среду масс-медиа и превращает конфликт в политическое шоу.

Можно выделить следующие ключевые характеристики шоуизации политизированного религиозного конфликта, обусловленной неизбежным смещением политики в digital пространство - туда, где сосредоточена массовая аудитория:

1. Мемеизация и вирулентность конфликта, его превращение в «мем» (Р. Докинз) и «медиавирус» (Д. Рашкофф) - медиасобытие, распространяющееся в инфосфере, воздействующее на массовое сознание и вызывающее масштабные социальные перемены [1]. Подобно вирусологам, политические лидеры используют шоу-конфликты для преодоления рисков разрушения политического организма, борьбы с «инородным» для социальной системы. Кроме того, мемеизация конфликта становится проявлением постиронии, включается в систему политейнмента.

2. Зрелищность, конфликт как перформанс, он-лайн фидбэк от граждан - пассивных созерцателей шоу. Конфликт как шоу отражает переход к имиджевой политике, основой которой выступает «характер», репутация действующих лиц, возможность постоянного мониторинга общественного мнения и передачи его обратно публике в реальном времени [2, с. 180].

3. Конфликт как игра: носит развлекательный характер, разыгрывается в определенных границах места и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами, характеризуется напряжением, неопределенностью исхода, наличием противника (антитетичностью) и приза, выигрыша [3]. Ключевым свойством игры является то, что успех в ней разделяется группой, идентифицирующей себя с победителем. Шоуизация конфликта, основанная на апелляции к агональному инстинкту, желании превзойти других, становится значимым инструментом конструирования национальной идентичности, этнополитического и религиозного единства. «Политические шоу, подобно другим публичным зрелищам, превращаются в неослабно и монотонно вколачиваемое в головы сообщение о приоритете идентичности над интересами <...> важно лишь то, кем вы являетесь, а не что вы делаете» [4, с. 118].

4. Шоу-конфликт вписывается в общую стратегию идентификации в условиях диджитализации, когда медиа обеспечивают мгновенную тождественность, поверхностную идентификацию (за счет отождествления с символами, знаками, внешними атрибутами и т.д.) в режиме потребления, коллекционирования ощущений [4, 5].

В целом, шоуизация (вирусное распространение персонажных мемов с Порошенко, социологические опросы "зрителей" конфликта, использование языка вражды в агональном конфликте ("Кто против томоса - против Украины"), выставление томоса на всеобщее обозрение в Софийском соборе Киева, "томос-тур" Порошенко) представляет собой основной тренд развития политизированного религиозного конфликта в медиа пространстве.

Источники и литература

1) Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура, 2003. 368 с.
2) Маккуайр С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. М. : Strelka Press, 2014. 392 с.
3) Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.416 с.
4) Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
5) Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. 257 с.

Данилов Юрий Дмитриевич

Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь

Об использовании термина «информационная война»

Происходящие в мире глобальные перемены существенно отличаются от цивилизационных процессов прошлого. В настоящее время уже не сами люди, не территории, не природные ресурсы не могут каждый по отдельности, рассматриваться в качестве основного ресурса обеспечения национальной безопасности. Их дополнил и стал играть доминирующую роль интеллектуально-технологический потенциал политической власти, способный генерировать, модернизировать и даже полностью уничтожать духовно-интеллектуальные ресурсы не только отдельных личностей или социальных групп, но и целых народов. Соответственно, т.к. в мире активно меняются формы и содержание ведения политической борьбы, то и научные походы к описанию этих процессов также претерпевают изменения. Как и ранее, в политике одним из основных объектов воздействия на человека остается его сознание. Однако раньше, в телеологическом контексте описания политических процессов, оно использовалось в большей степени как некая обобщенная форма духовности, то в современных условиях, сознание приобретает таргетированную объектность - становится четко определяемым и рассчитываемым предметом для дальнейшего воздействия и оперирования. По сути, это привело к тому, что борьба за массовое сознание трансформировалась в рутинную политическую деятельность, которая ведется в том числе и неполитическими средствами. Ее характер породил и новые терминологические феномены, которые все чаще используются для отражения процессов, происходящих в самой политике, так и для их описания в политической науке. Таковым, в частности, является понятие «информационная война», которое в профессиональном политическом дискурсе, научной, и, особенно, публицистической литературе, применяется крайне небрежно. С одной стороны, под этот термин подводится вся информационно-пропагандистская деятельность политических элит, лидеров, партий и целых государств. С другой, категория «информационная война» используется в очень узком значении, например, когда ее отождествляют только с явлениями, в которых применяются современные технологии и новейшие технические средства, в частности - с чисто военным понятием «радиоэлектронная борьба». Вместе с тем, следуя правилу В. Стейница, который утверждал, что политическая борьба - это борьба за ресурсы, и что «чем больше преимуществ будет получено в отдалённых от военных действий областей (к примеру - в духовной сфере, - авт.), тем вероятнее

взять контроль над всеми ресурсами противника» [1], получается, что информационное господство непосредственно с войной не связано. Такое же мнение заключено и в классическом определении войны К. Клаузевица, который в борьбе за господство четко отделил военные средства от традиционных политических. Безусловно, в XX- XXI веках появились новые методы ведения войн. В одних, решающая роль отводится современным бесконтактным способам вооруженной борьбы, в других — экономике (блокады, санкции и т.п.), в третьих — подрывным методам, т.н. «цветным революциям», подготовке и использовании «пятых колонн» и т.д. Повышение роли информации, а также обладание новейшими технологиями ее трансформации и распространения, породили и нетрадиционные конфликты, в которых содержание противоборства может принимать характер самых различных комбинаций, вплоть до таких, когда состояние войны бывает сложно отличить от состояния мира. Именно таким уже проявила себя на глобальном уровне «холодная война», примерно так рассматриваются в политической теории состояния, определяемые категориями «четвертая мировая война», «пятая мировая война», «консциентальная война» и т.п. Хотя данные определения и не получили широкого признания ни в научных кругах, ни в политике, тем не менее процессы, характеризуемые ими, детально описаны в доктринах С. Хантингтона («глобальное столкновение цивилизаций»), А. де Маранша («противостояние между западной цивилизацией и арабо-исламским миром»), Д. Вулси («конфликт Америки с арабскими режимами и радикальным исламом»), Ж.-Л. Брюгюскре («столетняя война современности») и другими. Сегодня этим, некогда предсказаниям, уже не одно десятилетие. Очевидно, что наиболее уязвимым местом информационно-психологической безопасности личности и всего общества, является та часть информационного поля, которая преднамеренно неадекватно отражает окружающий мир, вводит людей в заблуждение и мир иллюзий. Именно поэтому данная среда и становится основным театром «военных действий» за массовое сознание. Этому также способствует и сама философская концепция информационного общества, которая базируется на нематериальном субстрате. Суть парадигмы заключается в том, что реальной экономической и социальной ценностью становиться исключительно информация. Общество стремится к позиционированию себя как информационного, практически не связанного с материальным производством, хотя на самом деле, зависимость от него только возрастает. В этом смысле необходимо принять точку зрения А.Н. Панарина о том, что «...информационное общество» — это психоаналитическая структура, замешанная на вытеснениях, репрессиях и подменах...» [2,

63]. Таким образом, можно утверждать, что «информационная война» - термин, который описывает принципиально самостоятельное явление политической действительности, конечная цель которого состоит в изъятии людей из сложившихся культурных феноменов путем тотального и непрерывного (в пространственном и временном измерениях) применения с необратимыми последствиями.

Источники и литература

1) Иванов И. Занимательная политология. [Электронный ресурс] – 2011. – Режим доступа: http://ivanivanov4.narod.ru/ Дата доступа: 10.01.2020.
2) Панарин А. Стратегическая нестабильность XXI века. // Издательский дом: Алгоритм/ – 2004. – 65с.

Зиновьева Елена Борисовна

РАНХиГС, Москва, Россия

Роль средств массовой информации в исследовании конфликтов современности

Политические процессы напрямую связаны с информационными ресурсами субъектов политики. Россия давно является активным участником глобальной информационной среды. И если рассматривать процесс урегулирования современных политических конфликтов, то управление общественным мнением через средства массовой информации приобретает особое значение. Становится актуальным исследование средств массовой информации как технологии влияния. В государственном управлении одной из важнейших задач является проблема исследования средств массовой информации (СМИ) с целью урегулирования политических конфликтов.

Сейчас в мире происходят важные процессы, связанные с обменом информации. Помимо традиционных печатных и электронных СМИ появляются виртуальные объединения, которые на различных интернет платформах ведут активные информационные кампании. Для того чтобы выявить цель политической коммуникации следует осуществлять постоянный мониторинг средств массовой информации учитывая глобализацию, то есть быстрый обмен информацией со всем миром. Благодаря развитию современных информационно-коммуникационных сетей возникает

возможность присутствия в виртуальном пространстве всех представителей политического процесса. Любой политический диалог становится достоянием общественности, дает возможность открытого обсуждения и высказывания субъективного мнения. В связи с этим интернет исполняет роль гаранта доступа к информации. Но одновременно возникает опасность разжигания политического конфликта и использование СМИ как технологии манипуляции.

В настоящее время в России субъекты сбора, распространения, а также использования информации являются частью всей политической системы управления и активно влияют на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности страны. Следует отметить, что реализация конституционных прав человека на доступ к информации, ее использование в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также защита информации, обеспечивает личную безопасность. Интересы общества в информационной сфере заключаются в обеспечении интересов личности в этой сфере, упрочении демократии, создании правового социального государства, достижении и поддержании общественного согласия в России.

В качестве угрозы информационному обеспечению государственной политики Российской Федерации следует выделить монополизацию информационного рынка России и риск блокирования деятельности государственных СМИ по информированию аудитории, как российской, так и зарубежной. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, при рассмотрении угроз, в частности отмечается, что «различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников». Также в доктрине отмечается, что «состояние информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства характеризуется стремлением отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве»[1, с.6].

Другой составляющей преодоления политических конфликтов является информационное обеспечение государственной политики Российской Федерации, связанное с доведением до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике

Российской Федерации, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни, с предоставлением доступа гражданам к открытым государственным информационным ресурсам. Здесь важны укрепление государственных СМИ с расширением их возможностей по своевременному доведению достоверной информации до мировой общественности и интенсификация процесса формирования открытых государственных информационных ресурсов.

Субъектами политических конфликтов обычно являются социальные группы или представляющие их политические институты. В данной области выделяются две противоречащие друг другу тенденции, с одной стороны - это агрегирование политических интересов двумя-тремя ведущими политическими силами с «поглощением» мелких политических конфликтов. А с другой стороны имеет место диверсификация политических интересов. Именно сочетание разнообразных подходов в информационной коммуникации и различных стилей политической деятельности может быть выявлено социологическими методами исследования. А мониторинг и контент-анализ средств массовой информации должен оказать серьезную помощь в урегулировании политических конфликтов.

Источники и литература

1) Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo .gov.ru, 06.12.2016, "Собрание законодательства РФ", 12.12.2016, N 50, ст. 7074

Ивченков Сергей Григорьевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия

Протестный ландшафт саратовцев (по результатам опроса митингующих в г. Саратове)

В современной российской социально-политической реальности мобилизация населения - прерогатива периода электоральной активности в преддверии различных выборов. И здесь не последнюю роль играет умело используемый акцент на внешнеполитический контекст, милитаризм.

С другой стороны, обостряется потребность социума в изменениях относительно внутренней политики - возвращении роста доходов, решения проблем роста пенсий, инфраструктуры, коррупции, образования, здравоохранения. Поэтому налицо противоречие милитаризма и ухудшение отношений с Западом с задачей ускорения экономического роста страны и роста благосостояния населения. Эти процессы потенциально могут нарушить баланс политического ландшафта страны. Одним из камней преткновения могла стать пенсионная реформа, особенно - повышение пенсионного возраста, вызвавшая серию митингов во многих российских регионах, что не могла не вызвать интерес социологов.

В ходе проведения митинга 4 ноября 2018 г. в Саратове по поводу пенсионной реформы опрошены были все участники. Общий объем составил 436 человек. Результаты обобщения данных позволили получить социально-демографические характеристики участников мероприятия. Из числа опрошенных 63,9% -мужчины, 36,1% - женщины. 50% - семейные саратовцы. Возрастной диапазон участников варьировался в возрасте от 18 до 92 лет. Молодежь до 30 лет включительно составила 43,9% участников. 35,5% составили саратовцы среднего возраста (до 60 лет). 20,6% - пожилые участники митинга старше 60 лет.

Уровень образования большинства опрошенных участников мероприятия достаточно высокий. Высшее (специалитет) указали 44,4%, высшее бакалавриат - 19,4%, основное общее среднее - 16,7%, среднее специальное - 13,9%. По 2,8% было тех, кто имеет неоконченное среднее или высшее (магистратура) образование. 50% участников митинга являются работающими. По 13,9% составляли учащиеся, студенты, или пенсионеры. 11,1% составили домохозяйки. По 5,6% было тех, кто безработный, или находится в отпуске по уходу за ребенком.

62% опрошенных - интересуются политикой, 27,3% респондентов -нет, 10,7% - затруднились ответить на этот вопрос. Среди тех, кто не интересуется политикой 27,6% указали ведущим мотивом нехватку времени, 20,5% респондентов не видят партии, отвечающей их интересам, 7,1% считают, что не хватает информации о деятельности партий и организаций, 12,6% не устраивают люди, возглавляющие политические партии. 3,9 % саратовцев считают, что партии в России вообще не нужны, 10,2 % не нравятся средства достижения целей и, наконец, 2 % респондентов указали, что они являются членами политической партии.

Около трети присутствующих на митинге знают о характере мероприятия, чуть более 20% не смогли бы сказать однозначно, лишь догадываются и более 40% не знают, что происходит. 11% от числа присутствующих на митинге являются его организаторами, 24,4% - участники,

27,8% - случайные прохожие, заинтересовавшиеся происходящим, 36% - сторонние наблюдатели. Около 60% присутствующих на мероприятии не знали о его планируемом проведении. 14% узнали о проведении митинга от друзей, знакомых, 14%- из местных СМИ, 5,6% - знали заранее, поскольку сами являются организаторами, 8,3% - из анонсов официального сайта Правительства Саратовской области. Таким образом, большинство участников митинга являлись сторонними наблюдателями, любопытствующими горожанами, что свидетельствует о низком уровне мобилизации населения и спокойном социально-политическим ландшафте.

Основными мотивами присутствия на данном мероприятии являлись: помощь в организации (13,9%), выражение своих взглядов (22,2%), интерес к происходящему (13,9%), составить компанию друзьям (8,3%), провести время, пообщаться (5,6%). 30,6% указали, что они вообще случайно там оказались. Примерно для каждого третьего горожанина митинг ассоциировался с развлечением, а не важным социально-политическим мероприятием. Возможно, это связано с презентизмом молодежи, живущей сегодняшним днем и пока не думающей о пенсии. С другой стороны, пожилые люди, уже получающие пенсию, не попадают под новые условия и потому также не выказывали своей излишней заинтересованности.

41,7% участников мероприятия потенциально готовы принимать участие в подобных митингах на регулярной основе, 52,8% - нет, и 5,6% - не определились с этим. Наиболее популярными формами выражения политических взглядов из числа приемлемых для участников митинга являются: мирные шествия, демонстрации (28,8%), дискуссии, беседы с друзьями, знакомыми (9,6%), письма, петиции представителям власти (9,6%), личное общение с представителями власти (7,7%), пикеты, забастовки (7,7%), обращения через СМИ (7,7%), открытые агрессивные митинги (9,6%), посещение выборов (3,8%). 15,4% заявили, что предпочитают не выражать свое мнение вообще в силу бесполезности.

Иными словами, можно констатировать, что пенсионеры и люди среднего возраста достаточно значимо дистанцированы от институтов власти. Они на базе своей семьи, дачного участка, банковских кредитов, вторичной занятости создают свое собственное социальное пространство, в котором они относительно свободны от государства, от других неприятных для них институтов. В этом собственном поле они используют свои механизмы социальной поддержки, выживания в нестабильной ситуации, что способствуют спокойному балансу социально-политического ландшафта в регионах.

Каневский Павел Сергеевич
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Корпоративизм как модель разрешения социально-политических конфликтов: эволюция и нынешнее состояние

Корпоративизм происходит от латинского слова *corpo* (тело) и в широком смысле означает организацию и структуру социально-экономических интересов общества. Как политико-идеологическое течение, корпоративизм начал активно развиваться во второй половине XIX в. в странах западной Европы. С одной стороны, корпоративизм во многом стал ответом на политический либерализм, который по мнению его критиков порождал слишком большое количество социальных расколов и провоцировал социально-политические конфликты.

Главные идейные предпосылки корпоративизма содержаться в средневековой католической социальной философии, к которой не раз обращались корпоративисты XIX в. Они настаивали на установлении «коллективистских и иерархических отношений ради преодоления социальных разрывов и достижения общего блага». Ранний корпоративизм рассматривал доиндустриальное средневековое общество, как пример гармоничного и естественного общества.

Одним из наиболее ярких манифестов раннего корпоративизма стала энциклика Папы Римского Льва XIII от 1891 г. Папа выступил с критикой одновременно и социализма, и либерализма, предлагая частичное возрождение духа средневекового коллективизма. Решение классовых конфликтов он видел в создании ассоциаций наемных работников и работодателей, схожих со средневековыми гильдиями, которые служили бы цели защиты своих членов и способствовали решению спорных вопросов, касающихся в первую очередь распределения доходов.

Вплоть до Первой мировой войны идеи корпоративизма были фактически монополизированы социальным католицизмом. Однако в межвоенный период ситуация меняется и корпоративизм постепенно становится политическим мэйнстримом.

Примечательно, что впервые корпоративизм стал полноценной основой государственной политики в авторитарных и тоталитарных странах. Несомненным лидером не только с точки зрения внедрения, но и научного осмысления корпоративизма оказалась Италия эпохи Б. Муссолини.

Один из родоначальников фашистской теории корпоративизма А. Рокко считал, что должен быть постоянный диалог между объединениями работодателей и объединениями наемных работников для решения трудовых конфликтов.

Будучи прочно связанным в общественном мнении с фашизмом, термин корпоративизм перестает употребляться в научном лексиконе после Второй мировой войны, однако реальные корпоративистские отношения никуда не исчезли. Приняв либеральные конституции, разрушенные войной страны Западной Европы, не были готовы к быстрой либерализации. Поэтому практически все страны Западной Европы, которые до войны находились под влиянием теории и практики корпоративизма, сохранили высокую роль государства в управлении групповыми интересами. Главное отличие заключалось в том, что новый корпоративизм подразумевал, что теперь ассоциации и прочие секторальные группы становятся главными действующими акторами, в то время как государству отводится лишь роль регулятора.

Новый корпоративизм стал обозначать не просто институциональную поддержку со стороны государства для больших ассоциированных групп, но и четко выстроенный процесс согласования и принятия решений, основную роль в которых играют ассоциации с постоянным штатом, стремящиеся к выражению интересов наиболее важных общественных групп. Иными словами, корпоративизм стал моделью гарантированного отражения идей, мнений и интересов основных социальных групп, что вело к усреднению общественного интереса и снижению риска серьезных социальных конфликтов, так как система была способствовало раннему выявлению проблем.

Европейский корпоративизм стал не только механизмом принятия решений, но и определенной системой ценностей, прочно укорененной в политической традиции и базирующейся на равноправном доступе к политическим ресурсам и коллективному решению социально-политических конфликтов.

При этом корпоративизм всегда балансировал между идеологиями либерализма и социализма, представляя собой если не третий путь, то набор сглаживающих идей и практик. В частности, Й. Шумпетер видел в корпоративизме способ сдерживания социализма, который, по его мнению, содержит постоянную тенденцию к чрезмерной централизации и крайностей либерализма, грозящих конфликтами и социальными разрывами в обществе.

Однако в 1980-90-е гг., вместе с наступлением неолиберальной эпохи, теория неокорпоративизма постепенно теряет свое влияние, так как на место взаимодействия между вертикально организованными ассоциациями профсоюзов и промышленников приходят плюралистические отношения.

Это не значит, что корпоративизм оказался полностью замещен плюрализмом, так как ряд важных элементов корпоративистского механизма согласования интересов сохраняются, особенно в тех странах, где корпоративизм является давней частью политической традиции. Однако новый виток развития политических систем в условиях неолиберализма и, как следствие, дробление систем групп интересов, повышение значимости частных интересов при принятии решений, индивидуализация политики, привели к тому, что «золотой век» корпоративизма остался в прошлом.

Современная неолиберальная модель ведет к усилению социальной напряженности, росту неравенства и неспособности систем эффективно отражать интересы разных социальных групп. Исходя из этого, теория и практика корпоративизма нуждается в серьезном переосмыслении современными политиками, учеными и экспертами.

Карпова Наталья Владимировна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет, Москва, Россия

Конфликт и консенсус как условия демократии в политической социологии М. Липсета

Научный подход к проблеме исследования конфликтов в демократических системах в рамках предметной области политической социологии определяется не столько техническими вопросами борьбы по поводу завоевания и удержания власти, но прежде всего пониманием того, каким образом конфликтные взаимодействия отражаются на характере функционирования и развития самой социально-политической системы. Именно в таком контексте ставилась проблема рассмотрения конфликтов в работах американского ученого М. Липсета, определившего статус и судьбу политической социологии как самостоятельной дисциплины.

Обращение М. Липсета к теме конфликтов в рамках созданной им социологии политической жизни было очень важным для западных стран периода конца 50-х - 60-х гг. прошлого столетия, и выступило как анализ социальных условий и поиск определенной политической формулы, способствующей устойчивому демократическому развитию политических систем. Не потеряла своей актуальности эта проблема и в наши дни, как для западных стран, так и для современных становящихся демократий. «Как неудивительно это может звучать - отмечал ученый в

своем классическом труде «Политический человек: социальные основания политики» - стабильная демократия требует манифестировать конфликт, или раскол, ... чтобы шла борьба за ведущие позиции, чтобы кто-то бросал вызов партиям, стоящим у власти, чтобы происходили смены правящих партий» [2, с. 23].

В сущности, М. Липсет ориентирует политическую социологию как науку на решение проблем, поставленных еще в свое время А. де Токвилем, о том, каковы социальные потребности и последствия демократии. И, прекрасно осознавая деструктивные возможности конфликтов для любых систем, он подчеркивает, что без наличия в политической системе консенсуса, позволяющего «вести мирную игру с властью» и реализации политического курса по общепринятым правилам игры не состоится никакой демократии. Любой потенциальный или реальный конфликт может рассматриваться как условие демократического развития исключительно при существовании легитимного консенсуса между «своими» и «чужими», и только общественный консенсус является условием балансировки потенциально дестабилизирующих демократию социальных расколов.

Разделяя позицию К. Маркса о наличии базового социального конфликта, предопределяющего социальные интересы и последующие политические противоречия, а также подтверждая, что система стратификации неизбежно создает расколы в любом обществе, М. Липсет принципиально не соглашался с его утверждением, что общество может характеризоваться «либо постоянным конфликтом (даже если он подавлен), либо консенсусом, но никак не их сочетанием» [2, с. 27]. В отношении институциализированной демократической системы для М. Липсета конфликт и консенсус не являются взаимоисключающими альтернативами, а видятся как расходящиеся тенденции, которые должны найти формат своего сосуществования. Так, одной из основных проблем в данном контексте становятся вопросы уровня и степени политического участия в обществе, достаточного для поддержания демократических структур, но не приводящего к нарушающему консенсус расколу.

Для своего стабильного функционирования демократическая политическая система, с позиции М. Липсета, должна предоставлять, с одной стороны, «регулярные конституционные возможности для смены официально управляющих лиц», а, с другой стороны, гарантировать наличие социального механизма, позволяющего наибольшей части граждан влиять на основные решения, посредством института конкурентных демократических выборов. Конечно, в демократической системе социальные механизмы влияния на принятие политических решений могут быть

реализованы на всем уровне входящих потоков, включая артикуляцию, агрегацию интересов, отчасти выработку политического курса, однако главное условие при этом составляет наличие в обществе представлений и убеждений, устанавливающих легитимность правил демократических процедур. Соответственно, основная формула баланса между консенсусом и конфликтом в условиях демократии реализуется посредством разделяемых и поддерживаемых обществом формальных и неформальных правил, что обеспечивает возможность протекания в политической системе институционализированных конфликтов.

Таким образом, поиск условий формирования и функционирования политической системы демократии у М. Липсета отчасти переходит в проблему поиска политико-культурных оснований, определяющих и потенциал воплощения конституционных возможностей, и реализацию социальных механизмов влияния на власть со стороны общества. Получается, что характер и тип сложившейся в обществе политической культуры, политические традиции становятся условием поддержки легитимности политической системы и ее институтов, поскольку, как подчеркивает сам ученый, группы склонны воспринимать политическую систему как легитимную, «в какой мере ценности этой системы соответствуют их собственным» [2, с.89]. Очевидно, что на роль подобной культуры демократического консенсуса в большей степени подходит созданная практически в то же время модель гражданской культуры Г. Алмонда и С. Вербы, содержание которой способно обеспечить такой баланс, при котором «политическая активность, вовлеченность и рациональность» граждан выступают действенным социальным механизмом выражения и конкуренции интересов и не приводят к дестабилизации политической системы [1]. Однако формирование гражданской культуры - это уже другая серьезная проблема демократии.

Источники и литература

1) Карпова Н.В. Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем // Вестник Московского университета. 2016. №1. С. 196.

2) Липсет М. Политический человек: Социальные основания политики /пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. – М.: Мысль, 2016. – 612 с.

3) «Человек политический». Перечитывая Липсета. Дискуссии / Е. Ясин, Л. Гудков, Э. Паин, Л. Васильев и др. // Официальный сайт

Фонда «Либеральная миссия». [Электроный ресурс]. URL: http://liberal.ru/articles/7036

Ковтун Екатерина Андреевна
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Конфликт интересов как фактор возникновения политической коррупции

Вопросы, связанные с противодействием коррупции на сегодняшний день в российском обществе находятся в фокусе внимания на различных уровнях власти и в центре внимания общества. Так, в 2019 году внесены изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции» [1], утвержден Указом Президента РФ «Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 годы» [2], при этом внимание общественности и СМИ весной 2019 года привлекли акции и митинги, направленные против коррупции и показавшие высокий уровень конфликтогенности коррупции как социально-политического явления.

Рассмотрение связей коррупции как социального феномена с системой политических отношений, властью, политическими институтами и процессами отсылает нас к таким формам коррупции как, например, незаконное финансирование политических партий, парламентские злоупотребления. Также наиболее часто рассматривается явление «политической» и «административной» коррупции, связанных с борьбой элит, трансформацией политического статуса, злоупотреблением полномочиями административного аппарата, использованием коррупции в политической борьбе.

На политико-правовом уровне коррупция зачастую трактуется как злоупотребление служебным положением и полномочиями, дача или получение взятки, при этом характерным признаком является конфликт интересов между действиями должностного лица и интересами государства и общества, либо конфликт между действиями выборного лица и интересами электората.

С точки зрения антикоррупционной политики и эффективного государственного управления одной из значимых проблем в области публичного управления является именно конфликт интересов. Законодательство Российской Федерации определяет конфликт интересов как «ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвен-

ная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [1].

Стоит отметить, что существует несколько форм существования такого конфликта: фактический конфликт интересов — открытый, прямой конфликт между долгом и личными интересами, который явно прослеживается и легко может быть идентифицирован; проявленный - начинающий зарождаться конфликт, проявляющийся в неэффективности исполнения должностным лицом своих обязанностей в виду возможного существования конфликта интересов; потенциальный конфликт интересов - ситуация наличия личной заинтересованности, которая еще не привела к конфликту интересов и может быть с большей долей вероятности урегулирована профилактическими механизмами антикоррупционной политики [3].

Для предотвращения и урегулирования конфликта интересов в сфере публичной власти используются различные механизмы: этические (разработка и внедрение этических кодексов, стандартов поведения), правовые (механизмы кадрового обеспечения, обязанности и ограничения государственных служащих, обязательство декларирования финансового и имущественного положения должностных лиц), профилактические (отстранение должностного лица от процесса принятия решений при наличии конфликта интересов).

Очевидно, что избежать ситуации возникновения конфликта интересов в сфере публичной политики и государственного управления невозможно, однако развитие мер по их урегулированию, а в большей степени — по их профилактике принципиально важно для совершенствования антикоррупционной политики.

Источники и литература

1) Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О противодействии коррупции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (Дата обращения: 30.01.2020)

2) Указ Президента РФ от 29.06.2018 N 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352/ (Дата обращения: 30.01.2020)

3) Нисневич, Ю. А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. М.: Изд-во Юрайт, 2019. С. 206.

Костин Анатолий Иванович
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Кризис дискурса глобального управления и политика на новом этапе глобализации.

Кризисные процессы на разных уровнях и в разных сферах глобального развития в значительной степени предопределили кризис дискурса глобального управления. В современных условиях идеи глобального многоуровневого управления и сильных наднациональных структур кажутся все менее реализуемыми. Государства, разочарованные в глобализации, начинают замыкаться, вводить протекционистские меры, санкции, переходить от политики международного разделения труда к политике импортозамещения, тщательнее следить за границами, вводить меры контроля над информационным пространством. В условиях глобальной неопределенности дискурс глобального управления переживает закономерный кризис наравне с другими концепциями «глобалистского оптимизма». В современном мире борьба за конкурентные преимущества значительно возрастает между государствами и интеграционными системами. Существующая международная система, основанная на изменчивом соотношении сил государств-наций и их союзов, переживает кризис. Функциональная целостность и взаимозависимость мира, возникающая под воздействие*д*ем глобальных интеграционных процессов, вступают в противоречие с политической фрагментацией международной системы. На смену однополярной системы приходит новая геоэкономическая модель, определяемая ведущими тенденциями к политической и экономической дифференциации мира. Новыми полюсами станут интеграционные системы. С точки зрения ранжирования, системы будут выстроены в глобальную иерархию, которая, по-видимому, закрепит социально-экономическую поляризацию планеты. Конкуренция между системами за экономические и политические пространства будет неуклонно расти. В ближайшем будущем наиболее адекватной характеристикой планетарной структуры может стать интеграционно-конфронтационный полицентризм[1]. Одно из основных условий формирования политических пространств интеграционными системами заключается в росте политической составляющей этих процессов. Воздействие институтов управляю-

щих центров интеграции постепенно происходит на политические системы стран - участниц. Такое влияние в прямой или опосредованной форме присутствует во всех интеграционных системах современности. Предположительно в рамках подобных интеграционных систем и может формироваться феномен коллективного глобального лидерства. Критически оценивая применимость “городоцентричной” модели глобализации как альеgтернативной формы современного социально-политического порядка для стран постсоветского и не западного проеgстранства становится очевидным, что степень вовлеченности городов данного провстранства в глобальные взаимодействия зависит как от характеристик самого города, так и в значительной степени от госу-дарственной политики, которая создает условия для размещения актороов глобальных игроков в опрееgделенных точках транснационального пространства. Референдум в Великобритании о выходе из Европейского союза является одним из свидетельств конеgца того этапа глобализации, который определялся дерегулированием и доминированием таких международных институеgтов, как ЕС и ВТО. Ныне политическим выбором многих стран становится приоритет национальных интересов над космополитическими соображениями, то есть “ответственный национализм”. Мировая политика и экономика входит в новый этап глобализации[2]. В условиях цивилизационного и финансово-экономического кризисов, мощных транснациональных миграционных процессов, высокой угрозы террористических актов заметно возрастает роль гражданского образования. Современное развитие весьма остро поставило проблему плодотворного взаимодействия локальных и региональных образований в иерархизированном мире. Благоприятные перспективы откроются лишь с признанием США и ЕС новых реалий - многополярности и мультицивилизационности мира, необходимости создания по-новому организованной мировой экономики и обеспечения глобальной стабильности эфективным политическим взаимодействием субъектов мировой политики[3]. России за последнюю четверть века пока не удалось создать предпосылки прорыва в будущее: используя свои цивилизационные особенности обеспечить себе индустриальную и технологическую базу для дальнейшего рывка в информационное общество.

Источники и литература

1) Костин А. И., Изотов В. С. Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2015. —№2

2) Кондратьев В. Б. Новый этап глобализации: особенности и перспективы Мировая экономика и ме-ждународные отношения, 2018, том 62, № 6, с. 5-17

3) Политическая глобалистика : направления исследований в условиях глобальной неопределенности : коллективная монография / Под ред. А.И. Костина. – М. :Издательство Московского университета, 2019.

Лаврикова Анастасия Александровна

Тульский государсвенный университет, Тула, Россия

Исследование конфликтогенного потенциала политического участия: возможности и ограничения

Политическое участие, как и любое полиструктурное, исторически обусловленное и трансформируемое в ходе онтогенеза явление несет в себе конфликтогенный потенциал. Его развитие детерминировано комплексом объективно-субъективных факторов, дифференциация которых по четырем группам во многом связана проявлением доминирующего влияния общественных процессов (объективные и организационные факторы) или субъективных намерений и действий участников (социально-психологические и личностные факторы). При этом первые две группы факторов определяют содержательное наполнение политической деятельности, реализуемой рядовыми членами общества, а вторые две - выбор определенных инструментов / технологий ее реализации в конкретной ситуации. В результате полифакторное исследование проблемы охватывает макро - и микроуровни по принципу «воронки причинности». Представленные параметры указывают не на некий императив, а лишь на условия благоприятствующие развитию конфликтного вектора политического участия (необходимо принимать во внимание возможность разновекторного влияния указанных факторов, а также пространственную неоднородность, ведущую к возникновению различных тенденций развития феномена в разных сегментах общества). С целью повышения функциональности политического участия в системе взаимодействия «власть - общество» важно заранее реконструировать проблемные зоны, вычленить потенциальные риски конфликтного взаимодействия и трансформировать возможные признаки конфликтного манифестирования в русло институциализированного согласования притязаний и стоящих за

ними интересов. При этом необходимо максимально использовать позитивный потенциал конфликта, определить траектории неконфронтационного взаимодействия в конфликтной ситуации с ориентацией на технологии, ведущие стороны к лучшему взаимопониманию, партнерству и минимизирующие обращение к насильственным, агрессивным, жестким, с эффектом продавливания, способам взаимодействия. Следует учитывать, что анализ конфликтогенного потенциала политического участия невозможно осуществить только на основе изучения отдельных конфликтов, разворачивающихся в той или иной сфере общества, и их влияния на политическую активность граждан. Сочетание перечисленных факторов порождает кумулятивную причинность (Т. Веблен), а взаимовлияние и взаимопереплетение конфликтных взаимодействий (так называемых моноконфликтов), так или иначе связанных с проявлениями политической вовлеченности, ведут к формированию сложносоставного конфликта со своей логикой развития и специфическими процедурами для осуществления его конструктивного регулирования. Катализатором расширения конфликтогенного потенциала политического участия являются проблемы, проявляющиеся в той сфере, которая наиболее актуальна в данный момент для общества или определенной группы, а их сопряжение подчинено содержательным особенностям переживаемого периода, что задает параметры пространства политической деятельности как элитных, так и массовых групп. В целом конфликтогенность политического взаимодействия в системе «власть - общество», его направленность (конструктивная / деструктивная) во многом зависят от особенностей ценностной консолидации общества, а также от умения обеих сторон коммуникации формулировать и транслировать свои интересы, адекватно оценивать ресурсообеспеченость (как свою, так и оппонента), определять рискогенность окружающей среды, и на этой основе выбирать соответствующие стратегии поведения. Однако следует принимать во внимание, что полное и окончательное устранение противоречий, свойственных для пространства политического участия, не представляется возможным, речь может идти только о «регулировании», т.е. упорядочивании силовых взаимодействий сторон. Использование предлагаемой исследовательской модели анализа конфликтогенного потенциала позволяет диагностировать проблемные (с точки зрения роста социально-политической напряженности) зоны в развитии пространства политического участия, определить те из них, которые могут выступить в качестве системообразующих для формирования сложносоставного конфликтного взаимодействия, связанного с массовым вовлечением рядовых граждан в политический процесс, выявить перспективы использования различных

технологий оптимизации взаимосвязи в системе «власть - общество».

Малик Елена Николаевна
Академия ФСО России, г. Орел, Россия

Урегулирование политического конфликта в Сирии

Исторически Ближний Восток - горячая точка на карте мира. Еще с древних времен здесь сошлись интересы Запада и Востока. Ну а с XX века военные конфликты на этой территории вообще не утихают. Прежде всего это касается территории современной Сирии.

Еще до того, политический как конфликт набрал обороты, многие сирийцы жаловались на высокую безработицу, коррупцию и отсутствие политической свободы под руководством президента Башара аль-Асада, который пришел на смену своему отцу, умершему в 2000 году. Беспорядки распространялись, а репрессии усиливались. Сирийская оппозиция, по своей природе имеющая суннитской основу, выдвинула лозунги о свержении правящего режима Президента Башара Асада. После того, как силовики начали применять огнестрельное оружие для разгона демонстрантов, протесты с требованием отставки президента начались во всей стране. Насилие стремительно обострялось, и на страну обрушились гражданская война.Разрастание гражданской войны пришлось на период создания в данном Ближневосточном государстве Национальной коалиции сил сирийской революции и оппозиции в ноябре 2012 года [5]. В ряды вооруженной оппозиции, состоящей в основном из суннитских исламских радикалов, стали прибывать «борцы за веру» из всего арабо-мусульманского мира. Внешняя поддержка вооруженных антиправительственных групп позволила укрепить деятельность террористической организации «Исламское государство» (ИГ запрещена в России), которая летом 2014 года провозгласила «халифат» http://ria.ru/world/20140630/1014163185.html. Нельзя не отметить тот факт, что в милитаризованном конфликте, на стороне оппозиционных сил, в большинстве своем участвовали иностранные наемники-экстремисты[4].

К осени 2015 г. политическая ситуация в Сирии была критической: большую часть страны захватили различные террористические группировки, за спинами которых стоял обширный конгломерат как западных, так и ближневосточных спонсоров, под контролем правительства и Вооруженных Сил оставались лишь столичный регион и часть побережья Средиземного моря. Президент Сирии Башар Асад обратился к Москве

с просьбой об оказании военной помощи. Россия, имея военные базы в Сирии, начала воздушную кампанию по поддержке президента Асада, что стало переломным моментом в ходе войны, дающим преимущество правительственным войскам. Военная цель операции состояла в воздушной поддержке сирийского правительства в его противодействии террористической группировке «Исламское государство». А после того, как российские военно-космические силы уничтожили большинство объектов террористов, в декабре 2017 года российский Генштаб сделал прямое заявление о полном разгроме «Исламского государства» на обоих берегах Евфрата, значительная часть российского воинского контингента по поручению В. Путина была отозвана из Сирии.

В рамках политического урегулирования военной ситуации в Сирии состоялся целый ряд переговоров, инициированные Россией, Ираном и Турцией. «За это время стороны подписали меморандум о создании зон деэскалации в Сирии, согласовали и утвердили Положение о совместной оперативной группе по мониторингу режима прекращения боевых действий и др.» [7, с.317]. Таким образом, достигнутые договоренности позволили приступить к разрешению острого социально-политического вопроса о национальном примирении в Сирии. Важно отметить, что Россия превратилась в главную державу, которая хранит верность по отношению к своим союзникам и которая является честным посредником между противоборствующми сторонами в этом конфликте. 22 октября 2019 года Президент России https://svpressa.ru/persons/vladimir-putin/ и Президент Турции https://svpressa.ru/persons/redzhep-erdogan/ подписали соглашение о северо-восточной зоне Сирии. В соответствии с этим соглашением российская военная полиция и сирийские пограничники начали следить за выводом курдских военных формирований на глубину 30 км от границы. Турция и Россия начали совместное патрулирование в северо-восточной зоне конфликта в Сирии с 1 ноября этого же года.

Сирийское урегулирование и дальше будет решаться в трехстороннем формате Россия - Турция - Иран. Уход американцев из северной Сирии, открывший дорогу турецкой операции против курдов, которая, в свою очередь, привела к соглашению между курдами и Асадом и восстановлению контроля Дамаска над еще одной частью территории страны, стал поводом для обвинений Трампа в предательстве. Доверие арабов Персидского залива к США было подорвано не только решением Д. Трампа об уходе из Сирии, а всей «дотрамповской» ближневосточной политикой США[6, с.118-119].

Напротив, российские военные добились хороших результатов и вскоре завоевали репутацию справедливых администраторов во многих соглашениях о прекращении огня, заключенных в рамках политического процесса. Они установили охранные буферные зоны между враждующими сторонами, сопровождали конвои террористов и их семей в безопасную зону, охраняли гуманитарные коридоры для гражданских лиц, чтобы покинуть зону конфликта, предоставляя временное убежище, продовольствие и медицинскую помощь гражданским лицам, спасающимся бегством, и они обеспечивали безопасность для инспекторов ОЗХО.

Как заявил Президент России В. Путин на XI саммите БРИКС, «интересы собственно России заключались, прежде всего в том, чтобы избавить Россию от инфильтрации на территорию РФ большого количества обученных и подготовленных боевиков с опытом боевых действий». В рамках встречи Президент России особо подчеркнул, что после того, как Россия приступила к оказанию поддержки законного правительства в Дамаске, 90% территории страны было освобождено от террористов. «И не просто освобождено, а поставлено под контроль легитимного правительства. Чего мы и добивались, что мы и сделали», - отметил он. Российский лидер призвал другие страны объединить усилия в борьбе с терроризмом. «Для всех стран существует угроза инфильтрации, выхода боевиков с территории Сирии, выхода боевиков в другие страны. Все в опасности, поэтому нужно объединять усилия. Надеюсь, что мы будем конструктивно вместе работать» [2], - добавил В.Путин.
В заключении необходимо указать на тот факт, что в конце 2017-го было объявлено о победе над ИГ. «Война в Сирии действительно закончилась. Страна постепенно возвращается к нормальной, мирной жизни», - сказал глава МИД России С. Лавров. Министр отметил, что «отдельные очаги напряженности сохраняются до сих пор, но только на территориях, неподконтрольных правительству Сирии» [3]. На первый план выступило политическое урегулирование, восстановление страны и возвращение беженцев. Разработка конституционной реформы, станет важным этапом в продвижении политического процесса, ведомого и осуществляемого самими сирийцами при содействии ООН.

В любом случае окончательная победа в сирийской войне благодаря проявленному мужеству и дипломатическому искусству будет принадлежать Дамаску, а с ним и поддерживавшей его до конца Москве. Российские военные заслуживают признания в качестве гуманитарных миротворцев. Они стали частью многогранных усилий российских лидеров и дипломатов, поскольку они стремились положить конец конфликту, который мог охватить не только весь Ближний Восток, но и весь мир.

Россия последовательно и настойчиво возвращает свое геополитическое влияние на Ближнем Востоке. Поддержка Сирии как давнего союзника и партнера России в урегулировании политического военного конфликта, повышает статус РФ на мировой арене в борьбе с международным терроризмом.

Источники и литература

1) Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора: пер. с англ. –М., 2016. –С. 217-227.
2) Владимир Путин прибыл в Бразилию для участия в саммите БРИКС [Электронный ресурс] http://kremlin.ru/events/president/news/62036
3) Война в Сирии закончилась: глава МИД России говорит о возвращении «в арабскую семью»// [Электронный ресурс] https://lv.sputniknews.ru/Russia /20190913/12438144/Voyna-v-Sirii-zakonchilas-glava-MID-Rossii-govorit-o-vozvraschenii-v-arabskuyu-semyu.html
4) Гражданская война в Сирии // РИА новости [Электронный ресурс] // https://ria.ru/20180129/1513416087.html
5) Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. –М., 2016. – 294с
6) Мартыненко Е.В. Взаимодействие и конфликт внешних акторов войны в Сирии// Общество: политика, экономика, право. – 2016. - №10. – С. 115-123.
7) Шишкина А.Р. Сирия: секреты стойкости режима // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после «Арабской весны». М.: ЛКИ, 2019. – 349 с.

Маркосян Ани Аветиковна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Территориальный треугольник: есть ли решение Косовского конфликта?

Косовский прецедент, имеющий более чем двадцатилетнюю историю, требует особого внимания. Косово - согласно юрисдикции властей, фактически контролирующих большую часть региона - Республика Косово,

согласно юрисдикции Сербии - Автономный край Косово и Метохия в составе Сербии [2]. Конфликт, возникший на этой территории достаточно сложен, поэтому для того, чтобы его изучить, необходимо провести небольшой исторический экскурс.

По своей сути конфликт религиозный, и связан с взаимной неприязнью проживающих на данной территории албанцев-мусульман и сербов-христиан. В 1946 году по конституции Югославии был образован автономный край Косово и Метохия в составе Сербии [3]. К 1960-ым годам этнический состав резко изменился (соотношение албанцев к сербам составило 9:1[9]), в связи с политикой И. Тито, приветствовавшего активно иммигрирующее в Косово албанское население. После его смерти в Косово прошла волна массовых беспорядков косовских албанцев, начавшаяся в Университете Приштины [12].

В сентябре 1991 г. косовские албанцы провели референдум о независимости края, единодушно высказавшись за создание независимой республики, а в мае 1992 г. - выборы президента и парламента. Хотя руководство Сербии объявило эти выборы незаконными, оно не слишком мешало их проведению [1].

Государственное насилие, массовые убийства гражданских лиц и этнические чистки стали официальным поводом для бомбардировок НАТО в Сербии [1] в марте 1999 г. Интересно, что военные действия НАТО, принесшие огромные потери местному населению [7], не были санкционированы ООН. В июне того же года ООН постановила «развернуть в Косово, под эгидой ООН, международное гражданское присутствие и присутствие по безопасности» [8].

В результате, в 2008 году, когда парламент Косово проголосовал за принятие декларации о независимости, а позднее одобрил Конституцию [4]. Независимость была признана практически сразу признана мировым сообществом, в частности, США, Великобритания и Франция (как постоянные члены Совета Безопасности ООН), но не была признана Россией и Китаем.

Как считают признавшие государственное образование страны, «Косово - особый случай»[6], но почему? Мир должен быть привержен верховенству международного права, но примеры других территориальных конфликтов, в ходе которых возникшие образования не получили признания, говорят об обратном.

Если изучить другие территориальные конфликты, можно проследить некую закономерность, вернее сказать, схожие сюжетные линии, позволяющие государственным образованиям, возникших в результате территориальных споров, претендовать на реализацию права на само-

определение (в соответствии с пунктом 2 статьи 1 Устава ООН). Несмотря на то, что данный принцип противоречит другому - п. 4 ст. 2 территориальная целостность (неприкосновенность) - в случае нарушения такого права в рамках государства, народ имеет право на нарушение целостности государства. Именно на основании ущемления данного права жители определенных территорий выступают за независимость.

В таких условиях возникает вопрос, что делает случай Косово особенным? Миротворческая миссия ООН? Период возникновения конфликта? Может, территория? По мнению К. Райз [11], таковым прецедент становится благодаря сочетанию нескольких факторов, среди которых распад Югославии, этнические чистки и преступления против гражданского населения в Косово, а также длительный период администрации ООН. Как уже отмечалось, есть схожие черты и с другими конфликтами, так протекторат ООН становится единственным серьезным отличием косовского конфликта, из чего напрашивается вывод о том, что если другие конфликты получат (пусть даже на время) покровительство ООН, то и они обретут тот самый заветный «особый» статус, но в реальности этого будет недостаточно.

Получается, мир все еще характеризуется словами «все государства равны, но некоторые равнее» и вновь все определяет сила? Иначе как объяснить различия в отношении к действиям государств, в значимости их позиций, даже в представительстве в Совете Безопасности, где до сих пор только пять государств имеют право вето. Политические (государственные) интересы становятся в таких условиях единственным определяющим инструментом разрешения территориальных конфликтов.

Сербия, Косово и Албания - три угла возникшего в результате конфликта треугольника. Проблема отношения стран, в первую очередь P5, к Косово, ровно как и непримиримые позиции сторон, не просто усложняют урегулирование конфликта, но делают его невозможным.

Провозглашая независимость, Косово бесспорно желает добиться автономии и суверенитета. Сербия видит Косово частью своего государства, не признавая правомерность действий действующих властей. Албания (в 1992 году признавшая независимость Косово) считает его присоединение вопросом времени. Так, в 2019 году стороны подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве во внешней политике и объединении диппредставительств [5]. Однако ни один из возможных вариантов не способен стать полноценным решением косовского конфликта, устраивающим все вовлеченные стороны. Кроме того, идет процесс отзыва признания независимости разными странами. Сегодня таковых уже 17 и последний отзыв произошел в ноябре 2019 года [13].

Таким образом, конструктивный выход из «территориального треугольника» не представляется возможным ни для одной из сторон. Все они (стороны) должны быть готовы к компромиссам, чтобы найти наиболее приемлемое решение возникшему конфликту.

Источники и литература

1) Гуськова Е. Агрессия НАТО 1999 года против Югославии и процесс мирного урегулирования. http://ogrik2.ru/b/elena-yurevna-guskova/agressiya-nato-1999-goda-protiv-yugoslavii-i-process-mirnogo-uregulirovaniya/16412/protivostoyanie-v-90-e/5
2) История конфликта в Косово. Справка. 13.08.2009г. https://ria.ru/politics/20090813/180766974.html
3) Катунин Д. А. Равноправие этносов и языков в законодательстве Федеративной Народной Республики Югославия (1946–1963 гг.) как один из основополагающих принципов создания государства // Русин. 2016. №3 (45). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/ravnopravie-etnosov-i-yazykov-v-zakonodatelstve-federativnoy-narodnoy-respubliki-yugoslaviya-1946-1963-gg-kak-odin-iz
4) Конституция Республики Косово https://www.vfgh.gv.at/cms/vfgh-kongress/downloads/ru/The_Constitution_of_the_Republic_of_Kosovo_RUS.pdf
5) Косово и Албания объединят посольства // РИА Новости, 04.07.2019, URL: https://ria.ru/20190704/1556206392.html
6) Марти Ахтисаари: "Косово – особый случай". URL: https://obzor.westsib.ru/article/229153
7) Операция НАТО против Югославии (март-апрель 1999 года). Справка. 24.03.2009. https://ria.ru/politics/20090324/165834722.html
8) Резолюция СБ ООН №1244 от 10.06.1999 https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/172/91/PDF/N9917291.pdf?OpenElement
9) Скворцов А. Косово и Метохия: можно ли защищать права человека посредством насилия? http://www.rummuseum.ru/lib_s/kosovo34.php
10) Устав ООН от 24.10.1945. URL: https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html

11) Borgen C. J. From Kosovo to Catalonia: Separatism and Integration in Europe // St. John's University School of Law, Faculty Publications, 2010. URL: https://scholarship.law.stjohns.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1114&context=faculty_publications

12) Pavlović M. 1981 demonstrations in Kosovo. 26.04.2013. http://www.transconflict.com/2013/04/1981-demonstrations-in-kosovo-264/

13) Republika Nauru povukla priznanje lažne države Kosovo // Informer, 22.11.19. URL: https://informer.rs/vesti/politika/473563/jos-jedna-velika-pobeda-srbije-republika-nauru-povukla-priznanje-lazne-drzave-kosovo#.Xde-1pIndMI.twitter

Мациевская Анастасия Николаевна

Томский государственный университет, Томск, Россия

Хосе Ортега-и-Гассет и Кристофер Лэш: восстание масс vs восстание элит

В докладе рассматривается проблема соотношения элиты и массы в работах Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» и Кристофера Лэша «Восстание элит и предательство демократии». Задача - выяснить, является ли восстание масс и восстание элит одним и тем же процессом? Каким образом концептуализируется социальная реальность в работах Х. Ортеги-и-Гассета и К. Лэша? Описывают ли они один и тот же субъект власти и исходят из одного типа социальной реальности, или речь идет о разных типах личности, которые являются субъектами власти в различных типах социальной реальности?

Хосе Ортега-и-Гассет анализирует массовое общество, частью которого он является. Испанский мыслитель выделяет три фактора его формирования: индустриализация, экспериментальная наука и либеральная демократия. К особенностям массового общества он относит многолюдность или всеобщую переполненность, а также доступность достойных условий жизни для большинства. Описанная социальная реальность породила нового субъекта - человека-массу. Масса интерпретируется у него в двух смыслах - количественном и качественном. Под количественным понимается факт увеличения численности людей в XX веке. В качественном отношении философ фиксирует значительные изменения, при которых масса - не социальный слой как, например, пролетариат. Понятие «человек-масса» не означает принадлежность к определённой социальной страте. Испанский мыслитель связывает человека массы с его осо-

бой духовной организацией. Он интерпретирует массу как заурядного человека, лишённого индивидуальности.

К его характеристикам философ причисляет неблагодарность, безответственность, самодовольство. Неблагодарность проявляется в равнодушном отношении к цивилизации, которая обеспечивает его существование. Желания и требования этого типа субъективности растут в геометрической прогрессии. Безответственность демонстрируется в неспособности ручаться за свои действия по отношению к другим. Драма, которая предстаёт перед ним в результате его поспешных решений, кажется ему несерьёзной. Самодовольство выражается в уверенности в собственном совершенстве. Он довольствуется готовыми идеями и мыслями, не собираясь при этом дальше развиваться и познавать себя. Человек массы становится субъектом власти, проникая во все сферы человеческой жизни, что и подразумевается в понимании Ортеги как восстание масс. Массы вышли на сцену, заняв места избранного меньшинства, что порождает и усугубляет кризис европейской культуры.

Кристофер Лэш уверен, что наблюдает другую картину, а именно восстание элит. Лэш критикует концепцию человека-массы Хосе Ортеги-и-Гассета. Он заявляет, что в современной ему исторической ситуации психологические особенности, которые испанский философ приписывал человеку массы, характеризуют человека элиты. Исследователь рассуждает в контексте информационного американского общества, не углубляясь в его историю. Он указывает на демократический кризис, который возник из-за неправильного понимания демократии. Данная ситуация подтверждается безразличием по отношению к общим нормам и иллюзией открытой социальной лестницы.

Американский историк безответственность, неблагодарность и самодовольство приписывает человеку элиты. Поэтому Лэш констатирует, что теперь данный процесс - это не «восстание масс», а выступление меритократии. Прототип массового человека - это человек науки. Однако, по мнению американского исследователя, это не просто внешняя подмена «фигуры учёного грамотея старого образца специалистом», а изменение во внутренней структуре человека и общества. Данный процесс присущ меритократии. Меритократия - это некая пародия на демократию, которая предлагает социальную мобильность как шанс на успех для всех талантливых. На деле она только укрепляет силу влияния элит, поддерживая иллюзию основополагающей роли личных заслуг. К сожалению, меритократия будет лишь усиливать безответственность элит перед обществом, которые не признают обязательств перед предшественниками.

Не особо беспокоясь о собственном долге, элиты ускользают от обязательств перед государством.

Таким образом, восстание масс и восстание элит, в сущности, один и тот же процесс, который просто принимает различные формы в процессе развития одного и того же типа общества. В первом случае, это вышедшие на мировую сцену массы, которые отвергли устаревшие заповеди, чтобы жить, не подчиняясь никаким правилам. Восстание масс здесь является причиной кризиса европейской культуры, а также наиболее видным симптомом европейского морального кризиса. Во втором случае, восстание элит - это выступление меритократии. Человек элиты - это меритократ, который является субъектом власти благодаря своим личным заслугам. При этом он не чувствует себя обязанным обществу, поэтому заботится лишь о собственном социальном положении. Восстание элит здесь выступает основанием демократического кризиса. Восстание масс Ортеги-и-Гассета предполагает активную деятельность масс во всех сферах жизнедеятельности, которая им не присуща. Восстание элит Лэша описывается как формирование избранного меньшинства, которое подрывает демократические ценности, увеличивает разрыв между богатыми и бедными. При этом элиты поддерживают иллюзию равных возможностей. Однако в основании этих процессов лежит один и тот же субъект власти, обладающий одним и тем же набором признаков.

Источники и литература

1) Christopher Lasch: The Revolt of the Elites: And the Betrayal of Democracy, 1994. / Кристофер Лэш: Восстание элит и предательство демократии. Перевод на русский язык: Дж. Смити, К. Голубович. – М., 2002. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 20.10.2012. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5424 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. / Хосе Ортега-и-Гассет; Пер. с исп. Е. Нелединского. – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. – 199 с.

Машкин Станислав Сергеевич

ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Абсентеизм как скрытая фаза развития политического конфликта

В современной науке сложилось представление о пассивности электората как реакции избирателей на политический процесс в стране. Несмотря на предоставленные Конституцией Российской Федерации гражданам права, определенная часть населения отличается недостаточной политической активностью и отрицательным отношением к формированию институтов государственной власти и местного самоуправления. Низкая явка избирателей напрямую влияет на легитимность избирательного процесса.

Один из подходов к разделению видов электоральной активности, предложенный В.Г. Зарубиным, выделяет следующие модели: «активистскую», которая включает в себя последовательный тип избирателей и непоследовательный; «колеблющихся предпочтений», избиратели которой участвуют в выборах от случая к случаю; «абсентеистскую», при которой электорат не участвует в голосовании [1]. В российской политической традиции факторы, влияющие на электоральное отчуждение избирателей, принято объединять в три основные группы: правовой нигилизм, недоверие к власти, негативная социальная адаптация.

Сущность правового нигилизма заключается в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, кроме того, он понимается как юридическое невежество, косность, отсталость, правая невоспитанность основной массы населения [2, с. 20].

Следующая группа факторов, отрицательно влияющих на электоральную активность, - это недоверие к власти. «Доверие или недоверие масс к политике властных структур - это мировоззренческие позиции сторон, возникающие в ходе длительного процесса развития той или иной страны» - отмечает Л.Б. Москвин [3, с. 8]. Такое недоверие раньше могло выражаться количеством бюллетеней с «галочками» в графе «против всех», однако после отмены данной графы на выборах всех уровней электорат стал выражать свое недовольство в достаточно высокой неявке.

Негативная социальная адаптация - третья группа факторов. Человек, у которого социальная адаптация прошла положительно, не ищет возможности обвинить в своих неудачах отдельных представителей власти или правовой режим государства в целом. Социальная адаптация показывает готовность индивидуума к жизнедеятельности, насколько удачно человек может встроиться в социальную среду, ставить и достигать цели, избегать девиантное поведение [4, с. 91].

В области электоральной активности граждан выделяют три группы причин неучастия людей в голосовании, на основе которых выделяются

несколько типов электоральной пассивности, например, к одному их таких типов причисляют лиц, которые были готовы прийти на избирательный участок, но не смогли принять участие в выборах по объективным причинам. При этом повлиять на причины такого характера невозможно [5].

Особняком стоит такой тип электоральной пассивности, который связан с политическим абсентеизмом и является показателем отчуждения граждан от власти, формой политического протеста против сложившейся политической системы, власти, общественного строя в целом. В то же время нарастание абсентеизма свидетельствует о расхождении интересов политической элиты и населения, что является признаком политического конфликта.

Абсентеизм можно отнести к начальной стадии развития политического конфликта, когда происходит формирование конфликтной ситуации и обострение противоречий в системе межличностных и групповых отношений в силу появившегося расхождения интересов, ценностей и установок субъектов конфликтного взаимодействия. На этой стадии можно говорить о скрытой (латентной) фазе развития конфликта [6, с. 296].

Для того чтобы в регионах избежать перехода со скрытой фазы развития конфликта на открытые акции протеста, которые можно наблюдать в крупнейших городах России после проведения единых дней голосования последних лет, необходимо проводить работу по нивелированию причин электоральной пассивности населения.

Источники и литература

1) Зарубин В.Г. Элективное действие. Формирование корпуса российских избирателей : автореферат. дис... канд. юр. Наук. СПб., 1998. 173 с.

2) Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 17 - 33.

3) Москвин Л.Б. Власть и общество: проблема доверия // Власть. 2011. № 9. С. 7 - 10.

4) Смолянинова Е.С. Социальные и психологические причины электоральной пассивности молодежи // Общество и выборы: пути развития избирательной системы России : сб. материалов науч.-практ. конф. Иркутск, 11 апреля 2014 г. / Избирательная комиссия Иркутской области; Национальный исследовательский Иркутский го-

сударственный технический университет; Институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. Иркутск, 2014. 300 с.

5) Джандубаева З.З. Абсентеизм как феномен современной российской практики: дис...канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2005. 134 с.

6) Политология: Учебное пособие / Под ред. В.М. Капицина, В.К. Мокшина, С.Г. Новгородцевой. М.; 2013. 596 с.

***Милецкий Владимир Петрович*[1], *Черезов Дмитрий Николаевич*[2]**

1 - ФБГОУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет; СПбГЭТУ (ЛЭТИ), Санкт-Петербург, Россия; 2 - РАНХиГС СЗИУ, Санкт-Петербург, Россия

Социодинамика политико-правовых институтов конфликторазрешения в современной России.

Как известно, социальные институты есть естественно-эволюционно формирующиеся устойчивые структуры и формы стандартизированных социальных действий, практик и моделей поведения людей, с помощью которых на основе официальных и неофициальных норм осуществляется упорядоченное и организованное удовлетворение базисных нужд и потребностей отдельных индивидов и разночисленных социальных общностей и групп, обеспечивается их консолидация в сплочённые сообщества, поддерживается стабильность социума и минимизируются транзакционные издержки. Особой разновидности последних выступают институты конфликторазрешения, поскольку их функционирование непосредственно связано с удовлетворением общественно значимых потребностей в предупреждении, урегулировании и разрешении многообразных социальных конфликтов, поддержанием социальной стабильности и мира во всех сферах общества и на всех уровнях социальной реальности.

Поэтому по уровню социальной реальности, на котором создаются и действуют институты конфликторазрешения, они дифференцируются на международные и внутренние (национальные), а по сфере общественной жизнедеятельности подразделяются на экономические, политические, правовые, идеологические, социально-экономические, политико-правовые и др.

Отличие политико-правовых институтов конфликторазрешения состоит в том, что они возникают и функционируют в двух подсистемах социума: политической и правовой. В свою очередь по характеру властных

полномочий все вышеперечисленные институты конфликторазрешения дифференцируются на государственные, муниципальные и гражданские политико-правовые институты, которые в современной России находятся в процессе активного формирования и совершенствования (Социодинамики).

1. Главенствующее место в политико-правовой надстройке занимает такой институт конфликторазрешения, как парламент, являющийся одновременно и законодательным-правовым, и представительным политическим органом власти.

2. Заметную роль в политико-правовой сфере играет институт главы государства. В современной России главой государства является Президент, который осуществляет преимущественно правоприменительную роль, но также обладает правом нормотворчества посредством подготовки проектов законов для парламента, издания указов, подписания кодексов, законов, принятых парламентом и др.

3. Многогранную роль в России играет Правительство, исполняющее преимущественно политико-управленческую и правоприменительную роль. В качестве политического института Правительство играет в стране весомую роль в политическом конфликторазрешении.

4. Среди государственных институтов особой место принадлежит институтам конфликторазрешения сугубо правовой сферы общества. Среди них особую роль исполняет институт судебной власти или правосудия, который является главным образом правоприменительным институтом судебного конфликторазрешения, но исполняет и отдельные нормотворческие функции.

5. Правоприменительную роль в совокупности государственных институтов общества играют правоохранительные органы (Прокуратура, органы государственной безопасности, юстиции и внутренних дел и др.), повседневно участвующие в конфликторазрешении.

6. К муниципальным политико-правовым институтам конфликторазрешения относятся органы представительной и исполнительной власти местного самоуправления. Хотя в современной России МСУ не входит в систему государственной власти, их роль в нормотворческой и правоприменительной практике постоянно растёт. Местные советы всех уровней занимаются муниципальным нормотворчеством.

7. Мэрии городских муниципальных округов и районные администрации являются правоприменительными инстанциями, организующими исполнение не только всероссийских и региональных законодательных актов, но и муниципальных правовых актов на подведомственной им территории. В этом качестве они выступают политическими институтами

конфликторазрешения, ибо используют муниципальную власть для решения актуальных задач политического управления на своих территориях и своевременного урегулировании и разрешения конфликтов.

8. Отдельное место среди правовых институтов занимают гражданско-правовые неправительственные организации (НКО), к которым относятся адвокатура и нотариат, занимающиеся непосредственным обеспечением и защитой как гражданско-политических, так и социальных прав людей.

9. Среди многопрофильных гражданско-правовых институтов конфликторазрешения особое место занимает Общественная Палата, учрежденная в соответствие с Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». Этот «полуофициальный» институт гражданского общества занимается не только экспертизой правительственных законопроектов, но также урегулированием и разрешением социальных конфликтов.

10. Среди гражданско-правовых институтов конфликторазрешения выделяются многопрофильные ***предпринимательские институты***, которые практикуют корпоративную социальную ответственность и занимаются урегулированием и разрешением социально-трудовых и других конфликтов.

11. Заметную роль в современной России играют такие многопрофильные гражданско-правовые институты конфликторазрешения, как Межрегиональная Правозащитная Группа, Комитет «Гражданское содействие», «Солдатские Матери», Общество защиты прав военнослужащих и др.

Моисеенко Наталья Анатольевна

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Определение уровня политической конфликтогенности в стране на примере анализа социологических опросов уровня доверия к политическим структурам

Изучение конфликтогенности современного общества является животрепещущей проблемой. Конфликт, безусловно, является одним из основоположных факторов развития общества. Так, Льюис Козер, известный американский социолог, утверждает, что социальный конфликт пред-

ставляет собой процесс, который в зависимости от условий возникновения и протекания может приводить как к деструктивным, так и конструктивным последствиям. Ярким примером конструктивных последствий социальных конфликтов является достижение справедливости в обществе. В свою очередь, деструктивными проявлениями социальных конфликтов являются разрушения социальных структур, убийства, затраты ресурсов, повышение социальной напряженности [10]. Важно разделять понятия конфликт и конфликтогенность. Конфликт, по мнению Л. Козера, представляет собой борьбу за определенного рода ценности и претензии на определенный статус. Конфликт характеризуется противоборством сторон, характеристикой которых является несовместимость ценностей, взглядов, потребностей и интересов.

В свою очередь, конфликтогенность представляет собой совокупность напряженности в обществе, которая способна привести к возникновению конфликта. Напряженность в обществе [4] имеет следующие характеристики: распространение настроений неудовлетворенности хотя бы в какой-то одной сфере жизнедеятельности (рост цен, инфляция, снижение личной безопасности и пр.); пессимистические оценки будущего [2, 3], массовое беспокойство [1]; утрата доверия к властным структурам; стихийные массовые действия (ажиотажный спрос, вынужденная миграция [7], протестные выступления [5, 6]).

В качестве определения уровня социальной конфликтогенности служат социологические опросы. Рейтинги уровня доверия политикам, оценки деятельности президента, правительства, уровень поддержки политических лидеров и партий представляют собой своего рода индикаторы определения уровня политической конфликтогенности в обществе.

Ниже представлен сравнительный анализ социологических опросов по проблеме уровня доверия к политическим структурам, проведенных ВЦИОМ 27 декабря 2019 и 28 декабря 2018. Полный отчет исследований представлен на официальном сайте всероссийского центра изучения общественного мнения [8], [9].

Результаты опросов разделены на несколько смысловых блоков: 1) определение степени одобрения деятельности Президента, Председателя Правительства и Правительства России; 2) определение степени неодобрения деятельности Президента, Председателя Правительства и Правительства России; 3) определение уровня доверия к политикам; 4) определение уровня недоверия к политикам; 5) электоральные рейтинги политических партий.

В конце 2018 года деятельности Президента одобряли 64,8%, через год уровень одобрения Президента снизился на 2%. Деятельность госу-

дарственного института в лице Главы Правительства одобряли в декабре 2018 года 37,2% опрошенных, в 2019 данный процентный показатель изменился несущественно (увеличился на 0,2%). Деятельность Правительства одобрена в 2018 году 41,2 % респондентов, в 2019 - 41,3. В данном смысловом блоке можно предположить, что на снижение уровня одобрения деятельности Президента РФ послужило проведение ряда реформ внутри страны, в том числе и Пенсионной реформы. По показателям неодобрениям деятельности перечисленных выше государственных структур на первом месте располагается Председатель Правительства как в 2018 году, так и в 2019.

Вопрос, посвященный уровню доверия политикам, был открытым. Респонденты сами выбирали политиков и давали произвольное число ответов. Так, например, наиболее существенное изменение уровня доверия представлено в отношении Президента РФ. В декабре 2018 года 36% указали, что доверяют Путину В.В., в 2019 году их процент составил 30,6. Снижение уровня доверия Путину В.В. напрямую связано со снижением одобрения его деятельности на посту Президента РФ.

В конце 2018 года, исходя из результатов опроса, лидером по уровню недоверия был Жириновский В.В., а в 2019 году наибольший процент опрошенных указали, что не доверяют Медведеву Д.А.

Электоральные рейтинги политических партий представлены в виде ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу Российской Федерации, за какую из следующих партий Вы бы, скорее всего, проголосовали?» Исходя из результатов опроса, можно сделать вывод: электоральный рейтинг снизился у следующих политических партий: Единая Россия, КПРФ, Справедливая Россия, а вот ЛДПР готовы поддержать большее, чем в 2018 году, число опрошенных. Важно отметить, что к декабрю 2019 году увеличилось число тех, кто не стал бы участвовать в выборах. Несмотря на вышесказанное, лидером электорального рейтинга как в 2018, так и в 2019 году является политическая партия Единая Россия.

Анализируя ряд интернет-изданий газет в 2019 году, можно составить ряд событий в стране, которые являются наиболее явными показателями напряженности за указанный период: сибирские пожары, наводнения в Иркутске, строительство мусорного полигона в Архангельске, проведение пенсионной и мусорной реформ, крушение самолета Sukhoi Superjet 100 «Аэрофлота», пожар на подлодке в Баренцевом море, скандал в Национальном медицинском исследовательском центре здоровья детей (НЦЗД) и др.

Вторичный анализ проведенных социологических исследований позволяет сделать вывод о том, что уровень политической конфликтогенности в стране за прошлый год существенно не изменился.

Источники и литература

1) Воронов К.А. Социокультурные параметры управленческого потенциала дискурса ксенофобских настроений в современном российском социуме / К.А. Воронов, А.В. Траханов // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018. № 6 (35). С. 19-24.

2) Мамедов А.К. Информационное общество: эволюция неравенства // А.К. Мамедов, Э.Д. Коркия // В сборнике: Актуальные проблемы информационного общества в науковедении, культуре, образовании, экономике. Сборник научных докладов XV Международной научно-практической конференции. 2018. С. 375-285.

3) Мамедов А.К. Социальное неравенство: варианты становления / А.К. Мамедов, В.К. Ковальчук // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2014. № 5-6 (132-133). С. 55-61.

4) Мамедов А.К. Социальное неравенство: новая онтология и вариативность в информационную эпоху / А.К. Мамедов // В сборнике: Философия и социальные науки в современном мире. Материалы Международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. 2019. С. 11-15.

5) Моисеенко Н.А. Дискурсивные технологии исследований электорального выбора молодежи / Н.А. Моисеенко, С.А. Шилина // Экономика. Социология. Право. 2017. № 3 (7). С. 84-112.

6) Моисеенко Н.А. Социальные технологии практического дискурса пропаганды и рекламы в современном мире: их влияние на электоральное поведение / Н.А. Моисеенко, С.А. Шилина // В сборнике: Практический дискурс высшей школы. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. — 2016. — С. 132-136.

7) Vershinina I. He identity of migrants in a modern megacity: applied aspects / I. Vershinina, E. Korkiya, A. Mamedov, N. Panich // Research journal of applied sciences, engineering and technology. — 2015. — Т. 11. № 9. — С. 1036-1040.

8) ВЦИОМ [Электронный ресурс]: Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий

// №3851, 28 декабря 2018 URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9499 (дата обращения: 25.01.2019).

9) ВЦИОМ [Электронный ресурс]: Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // № 4138, 27 декабря 2019 URL: https://wciom.ru/index.php?id= 236&uid=10095 (дата обращения: 25.01.2019).

10) Перов Е.В. Теория и анализ социальной конфликтогенности общества [Электронный ресурс]: Вопросы безопасности. 2013. № 5.С. 67 - 141. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=2308 (дата обращения: 25.01.2019).

Невская Татьяна Александровна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет, Москва, Россия

Особенности конфликтов XXI века: причины обострения

Конфликты в XXI веке обрели новый характер и черты, что позволяет говорить об особенностях конфликтов нового поколения.

Во-первых, военные конфликты вспыхнули там, где еще 25-30 лет назад они казались невозможными: на территории бывших СССР, Югославии, в целом в Европе.

Во-вторых, видоизменился состав участников конфликтов, в них все более значимую роль играют негосударственные, неправительственные субъекты. Имеются в виду частные армии, террористы, экстремистские религиозные организации.

В-третьих, для современных конфликтов характерно несоблюдение никаких правил ведения вооруженной борьбы. Стирается разница между военными и невоенными объектами, нередко действия направлены против памятников истории и культуры и - что особенно бесчеловечно - против мирных граждан.

В-четвертых, приметой времени стали асимметричные угрозы и асимметричные конфликты. Они вызваны быстрым развитием научно-технического прогресса в информационной и неправительственных военных сферах, что позволило резко повысить возможности небольших государств, террористических организаций и неправительственных военных формирований создавать и осуществлять угрозы в отношении крупных

стран. В ходе конфликтов с негосударственными противниками неэффективным подчас оказывается самое современное оружие. Как отмечает З. Бжезинский, «сила слабости является политическим эквивалентом того, что военные стратеги окрестили асимметричными боевыми действиями. Фактически революция в военном деле, доводящая до максимума физическую силу того, кто главенствует в технологической сфере, компенсируется резким возрастанием социальной уязвимости, увеличивающей страх сильных перед слабыми» [1, с. 66].

Появилось также новое понятие - гибридные войны. Современные войны, которые на Западе принято называть гибридными, представляют целый спектр многоуровневых системных действий, смешение классического и иррегулярного ведения войны, сочетание разрешенных и запрещенных методов борьбы, использование «обычной войны, малой войны, кибервойны». Это - «война не по правилам» и «удары по уязвимым местам противника», применение дипломатии, политического давления, экономических санкций, военной силы (и угрозы ее использования) [3].

В геополитическом контексте гибридная война представляет собой относительно новое понятие, применяемое главным образом в сфере операций специальных сил и сочетающее опыт жестких противостояний с возникающими угрозами международной безопасности и уроки, полученные в борьбе с экстремизмом государственных и негосударственных субъектов. Гибридная война ведется как силами, действующими внутри страны или региона и стремящимися ослабить или свергнуть правительство, так и внешними. Действия внешних сил заключаются в оказании содействия повстанцам в вербовке сторонников и их подготовке, оперативной и тыловой поддержке, воздействии на экономику и социальную сферу, координации дипломатических усилий, а также проведении отдельных силовых акций. Для этих целей привлекаются силы специальных операций, разведка, организованная преступность, осуществляется масштабное информационное психологическое воздействие на население, личный состав вооруженных сил и правоохранительных органов, властные структуры с использованием всего диапазона информационно-коммуникационных технологий [2]. В последние годы гибридные войны велись в Ираке, Афганистане, Сирии, Грузии, на Украине. Новой формой ведения нетрадиционной войны негосударственными субъектами являются действия ИГИЛ.

С учетом особенностей гибридной войны задачей правительства является организация противодействия за счет комплексного синергетического использования дипломатических, информационных, экономиче-

ских, финансовых, правовых ресурсов государства совместно с военной силой.

По своей сути гибридная война не является ни тактикой, ни стратегией, представляя собой результат социально-культурного построения гибридного общества. Для глубокого понимания гибридной войны нужно понимать исторические, социальные, этносоциальные, культурные, политические, экономические и военные аспекты. Поэтому понимание гибридной войны предполагает наличие знаний об обществе, в котором появились гибридные вооруженные силы и соответствующая стратегия. Без таких знаний будет трудно понять схему войны и ее детали, а соответственно, сложнее и выработать эффективные методы противодействия.

Многое из арсенала гибридных войн использовалось давно, но никогда прежде не применялись в таких масштабах высокотехнологические интеллектуальные системы, радиоэлектронные и кибернетические средства, такие изощренные способы пропагандистской обработки противника и никогда раньше с таким ожесточением не велись «войны памяти».

Особенность конфликтов XXI в. еще и в том, что на смену межгосударственным все чаще приходят военные конфликты, протекающие в рамках одного государства. Современные внутригосударственные конфликты имеют свойство быстро приобретать международную окраску в силу вовлеченности в них большого числа стран, ООН и других международных организаций. Сирийский и украинский конфликты, зародившись вначале как внутренние, за короткий срок превратились в международные в полном смысле этого слова.

Источники и литература

1) Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004.

2) Бартош А.А. Гибридные войны будущего - прогнозирование и планирование. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html (дата обращения: 17.01.2020)

3) Савинкин А.Е. Гибридная война: проблемы и перспективы постконфликтного урегулирования (часть II). URL: http://nvo.ng.ru /concepts/2015-03-13/1_gybrid2.html (дата обращения: 17.01.2020)

***Новикова Лариса Васильевна*[1]*, Завьялова Владислава Станиславовна*[1]**

1 - СПб ГБПОУ Фельдшерский колледж, Санкт-Петербург, Россия

Политизация этничности как конфликтогенный фактор

Понятие этничности стало активно использоваться в общественных науках с 1970-х годов сначала в англоязычных, а затем, на рубеже 1990-х годов, - во франкоязычных источниках; этничность, как отмечает Семененко И.С., была заявлена как наиболее важная характеристика «в системе самоидентификации человека» [5, с. 9-10]. Толчком к изучению данной проблемы, по мысли того же автора, стал резко выросший поток эмигрантов в Европу по причине краха колониальной системы [5, с. 10].

В переводе с древнегреческого языка понятие «этнос» интерпретируется как «племя», «род»; в современном греческом языке оно означает нацию [5, с. 10].

На современную российскую этнологию наиболее сильное влияние оказала конструктивистская теория Ф. Барта» [1], в которой этничность, как отмечает Семененко И.С., трактуется как форма «социальной организации культурных различий» [5, с. 10]. Данный автор полагает, что именно этничность в эпоху ценностного релятивизма становится опорой для человека «в обезличенном мире» [5, с. 11-12].

В последнее время проблемы этничности широко освещаются в их связи с политическими процессами [2, 3, 5].

Все постсоветские государства сформировались, как пишет В.В. Лапкин, на основе полиэтнических сообществ и стали центром притяжения сепаратистских политических сил [3, 54]. Это породило этнонационализм и ксенофобию - главные препятствия на пути формирования единого государства, где мирно сосуществуют все национальности. В качестве примера Лапкин приводит ситуацию, связанную с политическими событиями 2014 г. на территории Украины, где политическая элита использовала ресурсы «этнонациональной консолидации и политизации этничности». Ученый называет данное явление «имитацией этнического конфликта» ради прагматических целей правящей элиты [3, с. 54]. Подобная насильственная консолидация общества на националистических идеологических основаниях, по его мнению, может привести к краху государственности как таковой [3, с. 55]. В.В. Лапкин отмечает, что даже при отсутствии больших потрясений политическая элита может создавать «одиозные» правила управления полиэтническим обществом на принципах моноэтничности, что никак не способствует его консолидации (страны Балтии) [3, с. 57].

Что касается современной Европы, то в ней, как отмечает И.С. Семененко, выражены две противоположные тенденции - «взрыв этнично-

сти», приводящий к конфликту идентичностей и мешающий поддержанию «общего пространства социальных взаимодействий в рамках национальных государств» [5, с. 15], и, одновременно, постоянный рост численности «носителей космополитических ориентаций» («граждан мира») [5, с. 11].

В качестве позитивного примера управления межэтническим конфликтом на территории Европы можно назвать ситуацию с итальянским регионом, имеющим особый административно-политический статус. Им является Больцано (Южный Тироль). С учетом того, что в регионе проживает большой процент немецкоговорящего населения, ему была предоставлена культурная и лингвистическая автономия. Бывшая беднейшая провинция стала самым благополучным итальянским регионом. Поддержка «языковой, культурной и экономической автономии» вместо политики «итальянизации», преодоление межэтнической напряженности путем процессов «последовательной автономизации и поддержки инновационного развития», по выражению И.С. Семененко, деполитизировали конфликт [5, с. 15-16].

На территории нашей страны тоже можно видеть, «как возможно успешно, без насильственных конфликтов преодолевать сложные этнополитические противоречия...» [4, с. 4]. Примером может служить республика Татарстан. В данном регионе проводятся многолетние социологические исследования с опорой на мониторинговую методологию. Они направлены на изучение межнациональных отношений, представленных в исследовании двумя уровнями - институциональным и межличностным, межгрупповым. Первый уровень исследуют политологи, второй - этносоциологи [4, с. 4-5]. Ученые и политические деятели данного российского региона вносят весомый вклад в осуществление государственной национальной политики Российской Федерации, целью которой является «упрочение общероссийского гражданского самосознания и обеспечение мира и согласия, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений» [4, с. 4].

Источники и литература

1) Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. - 200 с.

2) Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100-115.

3) Лапкин В.В. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 54-64.

Плотникова Мария Анатольевна
Администрация городского округа Краснотурьинск, Краснотурьинск, Россия

Общественная палата как институт по урегулированию социальных конфликтов

Проблема конфликта охватывает все виды, уровни взаимодействия и отношений человека с человеком, личности и группы, индивида или группы с обществом. Столкновение жизненных потребностей и интересов различных социальных групп, объективные противоречия, политическое противостояние, временами приобретает острый характер.

Возникшая напряженность в отношениях между людьми порождает социальный конфликт, столкновение социальных субъектов, трудноразрешимое противоречие, связанное с противоборством и острым эмоциональным переживанием его участников по поводу предмета спора.

Согласно теории С. Хантингтона для обеспечения общественного единства и согласия появляется необходимость в высокоразвитых политических институтах. Кроме того, прочные политические институты позволяют определять и реализовывать общественные интересы, которые, в свою очередь, тождественны интересам общественных институтов. В любом обществе по мере роста разнообразия общественных сил политические институты усложняются и усиливаются. При всем этом обязательным условием создания политических институтов является совместимость интересов социальных групп [1, стр.134].

Работа Общественной палаты (или ОП) Российской Федерации может дать некоторое представление о сложности взаимодействия политики и общества в современной России. В сентябре 2004 года Владимир Путин, будучи президентом России, предложил создать эту палату в качестве «платформы для широкого диалога; места, где можно было бы подробно представлять и обсуждать гражданские инициативы».

По сути, палата создана как институт гражданского общества, где неправительственные эксперты анализируют ключевые решения прави-

тельства, законопроекты, проводят консультации по законодательному процессу, осуществляют контроль работы исполнительных органов.

После того как обе палаты парламента России приняли законопроект о создании Общественной палаты, Путин подписал его в апреле 2005 года.

Будучи новым институтом, палата продемонстрировала свою силу и стала заметной для общественности прежде всего благодаря вмешательству в защиту прав и интересов российских граждан. Членам палаты было предложено принять участие в расследовании печально известного дела о жестоком обращении с армейским новобранцем Андреем Сычевым. Представители ОП смогли выполнить свои обязанности и попытались разрядить общественное негодование, выполняя при этом функции по расследованию и контролю за деятельностью военных командиров, выработке рекомендаций по изменению официальной политики. В июне 2006 года некоторые члены Общественной палаты (Анатолий Кучерена, Николай Сванидзе и другие) занимались активной адвокатской деятельностью от имени жителей микрорайона Южное Бутово на окраине Москвы, когда те сопротивлялись попыткам правительства Москвы перевести их в другой микрорайон, чтобы открыть дорогу для строительства новых многоквартирных домов. Конфронтация привлекла к себе пристальное внимание средств массовой информации и сделала Общественную палату более заметной, чем когда-либо до недавнего времени.

С течением времени Общественная палата все более институционализирует выполнение своих функций, собирая информацию о проблемах, затрагивающих права граждан, пытаясь привлечь внимание общественности к этим проблемам с целью выработки рекомендаций относительно изменений в политике, которые часто могут быть достигнуты с помощью нового законодательства [2, стр. 2].

С принятием в 2016 году Федерального закона N 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» общественная палата выступает важным связующим институциональным звеном между Общественной палатой РФ и общественными палатами муниципальных образований, формируя единую систему общественного контроля деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

На практике проходит обсуждение актуальности системной работы по профилактике социальной напряженности и по разрешению имеющихся в регионах социальных конфликтов, рассматриваются медиативные технологии работы с конфликтами, выстраиваются алгоритмы системного взаимодействия региональных общественных палат с рабочей

группой ОП РФ по развитию медиации социальных конфликтов [7, стр. 1].

Сама по себе Общественная палата представляет собой площадку столкновения и урегулирования конфликтов интересов между представителями власти, бизнеса и общества, у которых свои определенные точки зрения, куда необходимо привносить навыки цивилизованного диалога, профессиональной модерации. Такие конфликты интересов также можно рассматривать как социальные конфликты. Для их урегулирования необходима разработка своих методик и обучение ими членов палат.

Сложности межсекторного взаимодействия при принятии решений в Общественной палате возникают на фоне разнонаправленности групп участников (бизнес, власть, общество).

Конфликтам в работе местных общественных палат сопутствует неустроенность: отсутствие нормативного регулирования по порядку ее формирования, отсутствие финансирования на ее содержание, отсутствие возможности в местных палатах работать на освобожденной основе [3, стр. 90].

Однако, по мнению экспертов, членство в Общественной палате хорошо сказывается на узнаваемости, медийном потенциале и, соответственно, на карьерном росте. Некоторые члены из созывов палат успешно избираются в законодательные представительные органы (Госдуму, Законодательные собрания субъектов, городские думы), используя палату как трамплин в карьере. Эксперты считают, что люди должны понимать, что идут туда вкалывать, а не для того, чтобы светиться в СМИ и получать преференции. Сейчас в палату идут известные люди — актеры, бизнесмены, певцы, таким проще достучаться до чиновников. Это часто бывает эффективно, но на отдельных выкриках ничего не сделаешь. Нужны законы о палате, которые бы обязали прислушиваться к мнению экспертов. Пока все сказанное звучит как общие слова, а нужно принимать конкретные документы.

На местном уровне, Общественная палата это место, где поднимаются темы жизнеобеспечения, ведутся острые дебаты, а городские проблемы звучат в публичном пространстве для поиска оптимального пути совместного решения. И в ходе этих дебатов важно, чтобы члены палаты не оказывались в ситуациях, когда их личная заинтересованность может повлиять на процесс принятия решения и, таким образом, принести ущерб интересам общества.

В своем экспертном интервью председатель Общественной палаты городского округа Краснотурьинск делится о том, что отдельные члены местной палаты неправильно понимают свою роль в работе такого инсти-

тута. При решении злободневных вопросов муниципалитета, таких как: питание в образовательных учреждениях, вывоз твердых коммунальных отходов, очередность благоустройства территорий городского округа, строительство тротуаров и дорог на сельских территориях, финансирование спортивных учреждений, отдельные члены палаты не понимают принципа своей деятельности в ОП, которая заключается не только в выявлении злободневных проблем муниципалитета и представлении их властям, но и в обязательном поиске решения этих проблем путем диалога с жителями городского округа, сбора предложений по решению той или иной проблемы, возникших в этом диалоге, экспертной оценке и представлению власти вариантов решения. Для этого необходимо дополнительное обучение членов ОП методам общественного контроля.

По выводам Козера: социальная структура, в которой есть место для конфликта, может избежать состояний внутренней неустойчивости или модифицировать эти сомнения, изменив существующее соотношение властных позиций [4, стр.1].

Необходимо учитывать алгоритм конфликта - появление противоречий, зарождение напряженности, идентификация субъектов напряженности, распространение напряженности на внешние связи подсистем общества.

Внедрение методик по урегулированию конфликта интересов, таких как: разработка и введение кодекса этики для членов палат, формирование комиссии по этике, приглашение экспертов из соседних городов для участия в решении вопросов и дачи независимой оценки по урегулированию конфликтов интересов, принятие совместных решений по отработке положения о палате, урегулирование совместно противоречий в процессе принятия решений по формированию и деятельности Общественной палаты, налаживание диалога между жителями и органами власти, выстраивание внутреннего диалога, непрерывное формирование общей цели приведут к снижению напряженности и выполнению институциональных функций палаты по решению проблем жизнеобеспечения населения.

Источники и литература

1) Гаджиев Х.А. Политические институты: институциональный и неинституциональный подход // Власть. Выпуск № 7. 2015.
2) Эванс А. The Public Chamber and Social Conflicts in Russia (Общественная палата и социальные конфликты в России). Доклад

для представления на ежегодном совещании Западной ассоциации политических наук, Сан-Франциско, Калифорния, апрель 2010 года. [Электронный ресурс]. https://www.researchgate.net/profile/Alfred_Jr2 (Дата обращения 30.01.2020).

3) Михеева Т.Н. К вопросу об общественных палатах муниципальных образований // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 88–92.

4) Н.А. Соколова. Медиация как технология разрешения конфликтов в образовании // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 30.01.2020).

5) Теория конфликта Козера – Студопедия. [Электронный ресурс]. https://studopedia.ru/10_67291_teoriya-konflikta-l-kozera.html (дата обращения: 30.01.2020).

6) Федеральный закон от 04.04.2015 № 32-ОЗ «Об общественной палате в Российской Федерации». Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

7) В ОП обсудят профилактику социальных конфликтов // Независимый общественный мониторинг// [Электронный ресурс]. https://nom24.ru/ (дата обращения 30.01.2020).

Покатов Дмитрий Валериевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация

Конфликт традиционализма и модернизма в управленческой парадигме и практике российской политической элиты

В условиях сохраняющегося в российском обществе мобилизационного типа общественного развития с характерным для него доминированием политических институтов и субъектов, слабости общественных структур, по-прежнему лидирующие позиции в определении вектора развития общества занимает политическая элита. Как показывают события последнего времени, продолжающийся в России процесс модернизации сопровождается потерей интегрирующих основ, что проявляется как в развитии базовых идеологических приоритетов, так и практик функционирования отдельных подсистем. В этой связи именно к элите общественные вызовы предъявляют требования быстрого реагирования

и рационального ответа на стоящие задачи. Это тем более важно для российского общества, остающегося сегодня не только мобилизационным, но и транзитивным, характеризующимся причудливым переплетением черт, свойственных традиционной, индустриальной, постиндустриальной стадий.

В этой связи очень многое зависит от выбранной элитой формулы правления (если вспомнить одного из создателя теории элит Г. Моска), выражающей в концентрированном виде основные политико-идеологические приоритеты элитной группы. Мировой опыт свидетельствует о закреплении в управленческой стратегии и тактике как минимум нескольких таких формул, в том числе «экстенсивно-традиционалистской» (технократической) и «инновационной» (социально-ориентированной). Для первой характерны «политическая составляющая» и «бессубъектный подход к управлению безличностными элементами)» [1, с. 8]. Большее внимание представители элиты уделяют здесь организационно-правовым вопросам, и рычагам хозяйственного управленческого механизма (вопросы ценообразования, экономических нормативов). Вторая «инновационная» (социально-ориентированная) парадигма олицетворяет элитную деятельность на основе ориентации на индивида, предвидение изменений и принятия в связи с этим экстренных решений.

В современной России можно говорить о закреплении ещё одной - дисперсной, гибридно-эклектической формы функционирования, в которой причудливо интегрируются черты архаичности и модернизированности в общественном развитии, а также в идеологии элиты - своеобразный конфликтный дуализм её модернистских ориентаций и практик их осуществления. Данный дуализм напрямую детерминирован объективными факторами как развития общества в целом (в том числе, цивилизационным типом развития российского общества и своеобразным, по образному выражению М.К. Петрова [2, с. 225] и В.Л. Римского [3, с. 154], профессионально-именным социокодом, определяющим значимость в элите ценностей стабильности, служения государству, сохранения общественной иерархии, закрепляющимся разрывом основ городской и сельской культуры и особенностями социальной структуры в целом), так и рядом субъективных показателей, прежде всего, спецификой профессионально-личностного потенциала самой элиты (характера её образования, условий социализации).

Как известно в современной России сохраняется высокий удельный вес сельского населения в социальной структуре. Наиболее типично это для таких регионов, как Республика Алтай (72, 4 % сельского населения), Чеченская Республика (65,1%), Республика Ингушетия (61,7 %)

[4, с. 401]. Объективно детерминированным остается разрыв ценностных приоритетов города (где приоритет отдается использованию высоких технологий в промышленности, демократических ценностей и норм в политике) и села (с характерным для него преобладанием экстенсивного (в своем большинстве) сельского хозяйства, этатизма в политике и превалирования традиций и обычаев - духовной сфере). В условиях происходящих в обществе деформаций в социальной структуре значительный вес приобретают прослойки «сервис-класса» а также «салариата», имеющие размытые профессионально-личностные характеристики и ориентированные на запросы общества потребления, что вынуждена учитывать политическая элита [5, с. 21].

В самой политической элите доминирующими в плане образования являются представители технократических кругов (по проведенным автором подсчетам их доля в составе элиты составляет сегодня - 39,2%). Весьма противоречив и характер социализации современной элиты. Хотя выходцы из городской среды и составляют большинство, однако значителен вес лиц, чья первичная социализация проходила на селе (в федеральной элите - 29 % политиков) [6, с. 116]. Доминирование технократов и сохраняющаяся значительная прослойка выходцев из села, с характерными для них логикой «штабного мышления», отличающейся схематизацией действительности, содержащей в себе потенциальную возможность подмены реальности её идеализированными моделями, не могут не способствовать сохранению конфликтного дуализма, как в управленческой парадигме, так и тактике элитных слоев. Хотя во многих декларациях представителей элиты и звучат инновационные предложения, связанные с большим предоставлением прав и свобод гражданам, четкой реализации принципа разделения властей, формированием основ цифровой экономики, на практике наблюдается сохранение разрыва притягательных для многих инновационных установок и организационного обеспечения их достижения в условиях глобальной ориентации элиты на сохранение стабильности.

В целом, изменить данную ситуацию может только процесс глубинной трансформации, как самого общества, так и потенциала элиты, изменение принципов элитного рекрутинга, который позволит преодолеть конфликтный дуализм её ценностных установок и практик их реализации.

Источники и литература

1) Поляков В.Г. Человек в мире управления. Новосибирск, 1992.

2) Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995.

3) Римский В.Л. Архаизация политических элит и государственного управления России // Власть и элиты. 2018. Т. 5.. С. 150-180.

4) Дука А.В. Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии) // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Спб.: Интерсоцис, 2014. 456 с.

5) Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

6) Покатов Д.В. Политическая региональная элита: социологический ракурс трансформационной динамики. М.:. ИПЦ «Маска», 2017. – 164 с.

Савин Сергей Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Этнополитические конфликты в условиях становления российской нации на современном этапе

Когда говорят о формировании политической нации в России, поразному понимают ее основания. Что это, просто чувство единства государства и общества, выражающееся в доминирующей государственно-гражданской идентичности, или равенство гражданских прав, которые люди реализуют в своей стране, видят в них источник развития и процветания общества? Если рассматривать политическую нацию только в первом ключе, то можно заметить, что чувство национальной общности то растет, то падает в зависимости от периодов успехов или кризисов в государственной политике, от динамики политических процессов. И тогда можно сказать, что в последние два десятилетия в России более или менее успешно формировалась политическая нация, когда рост общероссийской идентичности был связан с осознанием людьми растущей силы государства и верой в национального политического лидера. Но как только эта вера начала подрываться, стали заметны проблемы делегитимации власти, под вопросом оказались и успехи нациестроительства. Этот неустойчивый характер данного основания свидетельствует о том, что результаты нациестроительства подменяются результатами «текучей» идентичности.

В России имеется ряд проблем, которые имеют потенциально высокий уровень конфликтности. Особенно остро эти проблемы проявляются в виде латентных противоречий на уровне национальных республик РФ, в которых национальная региональная политика выстраивается в русле этнической исключительности, конструирования энтонациональных версий истории и практики этнического неравенства в структуре хозяйственного и политического управления. Одной из явно выраженных этнополитических тенденций изменений в российском обществе становится этническая гомогенизация ряда национальных республик. Соответственно, на фоне оттока русских из регионов в центральные мегаполисы, происходит, с одной стороны, демографический кризис, влияющий на региональное развитие. А с другой стороны, концентрация политического влияния на региональном уровне в лице наиболее успешных этнонациональных образований. При этом, как отмечают эксперты, этническая обособленность может проявить себя более отчетливо через десять лет, а через двадцать лет эта тенденция может стать определяющей [2, с. 554].

Вторая болевая точка этноконфессиональных отношений имеет внешний фактор противоречий российско-украинских отношений. Политический конфликт между Россией и Украиной был следствием геополитических противоречий и грубой политики этнонационализма как украинских властей, так и националистических движений. Несмотря на разрядку военной обстановки, в настоящее время сохраняется угроза новой эскалации конфликта с вовлечением в него многосторонних международных структур. В то же время жители территорий с непризнанным международным статусом живут в условиях постоянной социально-политической напряженности, нестабильности, что способствует этническим, конфессиональным, политико-идеологическим и иным социальным расколам.

Центром социологических и Интернет-исследований СПбГУ были проведены телефонные опросы на темы: «Самоидентификация жителей республики Крым» (N = 851, жители Республики Крым, декабрь 2018), «Гражданское самосознание в современном российском обществе: проблемы социальной идентичности, национальной гордости и стыда» (N=1653, всероссийский, сентябрь 2019 г). Кроме того в октябре 2018 г. был проведен интернет-опрос жителей Донецкой и Луганской обл. Украины в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook» в политически нейтральны группах (N=291). Социологические исследования показали, что большинство опрошенных крымчан и жителей территорий Донбасса ориентированы на интеграцию с Россией, обладают в значительной сте-

пени российскими национальными ценностями, преобладающей гражданской идентичностью, общностью исторической памяти.

Прогнозируя продолжительность конфликта на Украине, 36,1% опрошенных крымчан считают, что конфликт будет длиться более 5 лет, но рано или поздно закончится, 18,4% думают, что конфликт будет длиться от 3-5 лет, еще 1-2 года дают 18,1% респондентов, относительно высокий процент респондентов затруднился ответить - 19,9%, в то время как неопределенно долгую длительность конфликта предполагают 7,5% респондентов. Известно, что если этнический конфликт принимает вооруженные формы, то его последствия не исчезают при жизни как минимум одного поколения, а иногда в замороженной форме и дольше. Большинство жителей Крыма и Донбасса отдает себе отчет о данной ситуации и ориентируются на постепенную поэтапную деэскалацию конфликтной напряженности с Украиной и Западом.

Успехи внутренней политики по интеграции национально-территориальных образований в составе России и преодоления этнополитической напряженности во многом будут зависеть не только от того, насколько будут решены текущие социально-экономические проблемы, но и от решения важнейших задач гражданско-политической интеграции, формирования единой сплоченной российской нации. Когда в основания нации кладутся гражданские ценности консолидации общества с целью реализации прав и свобод человека, его духовного потенциала и возможностей улучшения качества жизни, модернизации общества, то нация формируется как устойчивая общность. Этнополитические конфликты в таком процессе переходят в регулируемую политико-институциональную плоскость и напрямую связаны с демократизацией общества [1, с.89].

Источники и литература

1) Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69-94.

2) Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2018.

Самсонова Татьяна Николаевна

МГУ имени М.В.Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия

Особенности управления урегулированием политических конфликтов и их роль в функционировании социально-политических систем

Исследование методологии и проблем управления процессами урегулирования политических конфликтов, несмотря на несомненные успехи в развитии современной политической конфликтологии, имеет немаловажное значение как в теоретическом, и в практическом плане.

Управление урегулированием конфликтов - наименее формализованная часть конфликтологического знания. Это не разрозненный набор действий и различных мероприятий, а сложный тип деятельности, который носит системный характер, требует немалых знаний, энергии и ресурсов. Всю «цепочку» упрощенно можно изобразить следующим образом: управление конфликтом - это его предупреждение - урегулирование - разрешение. При этом велика роль симптоматики, диагностики, прогнозирования, возможной профилактики конфликтов.

Управление процессами урегулирования конфликтов имеет свои специфические особенности, отличающие его от других видов управленческой деятельности. Оно предполагает осуществление действий, направленных на людей, которые имеют свои потребности, интересы и мотивы по поводу власти и властных полномочий. Каждый политический конфликт, как и всякая социально-политическая система, по-своему уникален. Поэтому его урегулирование - во многих отношениях уникальная политическая кампания. Необходимо учитывать все элементы структуры конфликта, вскрывать внутренние механизмы возникновения противоречий в динамике его развития, факторы управляемости процессом его урегулирования. Как и любая политическая кампания, урегулирование политического конфликта сопряжено с рисками. Поэтому процесс его урегулирования носит вероятностный, в значительной степени непредсказуемый характер, поскольку далеко не всегда можно просчитать развитие конфликтных событий. Указанными особенностями обусловлено сомнение в возможности построения общей теории конфликта. Изучение конфликта, как отмечает В.А. Лефевр, представляет собой «необычайный случай взаимодействия объекта и теории. Объект всячески пытается быть неадекватным теории, он непрерывно «уходит» от построенной теории, делая ее неверной» [1, с. 9].

Для конструктивного урегулирования конфликтов важно верно определить критерии их разрешения, которые будут признаваться его субъектами/сторонами (правовые нормы; нравственные принципы; мнение авторитетных лиц; прецеденты решения аналогичных проблем в прошлом;

контроль достигнутых соглашений Успешное управление конфликтом требует учета социокультурной составляющей, поскольку политическая культура задает тон восприятия и реакции на действия различных слоев и групп социума. Велико значение практического применения психологических механизмов влияния, которые смогут оказать правильное действие на конфликтующие субъекты/стороны (убеждение, внушение, подражание и др.).

Конфликтные ситуации в настоящее время возникают практически во всех сферах жизнедеятельности общества, поэтому решение задач урегулирования конфликтов имеет первостепенное значение. Политические конфликты способствуют выявлению противоречий социально-политической системы, препятствуют ее застою, являются стимулом развития. Нарушению механизма функционирования политической системы угрожает не конфликт как таковой, а её жесткость, подавляющая разного рода напряженности, которые могут затронуть базовые ценности, основы общественного согласия. Кроме того, нередко сказывается отсутствие у властных субъектов умения отреагировать на него должным образом. «Все конфликты проистекают из-за того, что различные системы стремятся к застыванию в сложившихся формах, что делает невозможным их сосуществование» (В.Швёбель, ученый и публицист XIX века).

Политическая жизнь очень изменчива и многообразна, а поскольку каждый политический конфликт по-своему уникален, то и ориентация на предшествующий опыт с неизбежностью сужает «поле» поиска способов, приемов разрешения конфликтной ситуации. Это особенно актуально для России, где на протяжении нескольких десятилетий рушились сложившиеся традиции, меняются ценностные ориентации людей, их оценки и устремления. Но это вовсе не означает, что следует ставить под сомнение необходимость систематизации знаний о политических технологиях, возможностях их применения, и ориентироваться исключительно на интуицию. Управление процессом урегулирования политических конфликтов - специфический вид политического менеджмента, сложный управленческий процесс, нацеленный на достижения положительного результата с помощью методов и средств, которые исключают применение открытых форм принуждения и права издавать обязательные нормы и правила. Это наука и искусство, применение широкого спектра технологий, выходящих за рамки нормативно-правового регулирования и обеспечивающих эффективное управление и разрешение конфликтов, что позволяет минимизировать их деструктивные последствия.

Важная составляющая управления конфликтом - деятельность института посредничества Профессиональная реализация возложенных на

посредника/медиатора аналитических, организаторских и коммуникативных функций, выбор наиболее эффективной тактики обеспечивает успешное урегулирование конфликтов, выстраивание надежных отношений между субъектами/сторонами конфликта. «Тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории, - утверждал Р. Дарендорф. - Тот, кто упустит такую возможность, получает этот ритм себе в противники» [2, с. 140].

Источники и литература

1) Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. Издание второе, перераб. и доп. М.: Изд-во «Советское радио», 1973. URL: http://31415 9.ru/lefebvre/lefebvre1.htm
2) Darendorf R. Society and Democracy in Germany. N.Y., New York & London: W. W. Norton & Company, 1969. P. 140.

Сингаевская Марина Владимировна

МГУ им.М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Роль СМИ и формируемого ими общественного мнения в политическом конфликте и его урегулировании (США - Россия)

В данном докладе затрагивается проблема роли СМИ и формируемого ими общественного мнения в политическом конфликте и его урегулировании (США-Россия). Анализ любой научной проблемы предполагает наличие чёткого исследовательского инструментария, требуюшего определённости в системе операциональных понятий и категорий, с помощью которых можно выстроить исследовательскую методологическую концепцию. Согласно М. К. Горшкову, общественное мнение - «своеобразный способ существования и проявления массового сознания, посредством которого выражается духовное или духовно-практическое отношение народного большинства к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности [1, с.584].».Динамика общественного мнения, по мнению М.К.Горшкова [2, с.511-522]., представляет собой процесс последовательной смены присущих ему стадий зарождения, формирования и функционирования, которые в своём единстве составляют его динамическую структуру.

Формирование общественного мнения является качественно иной стадией его развития, которая связана с выходом индивидуальных оценочных суждений за границы индивидуального сознания, с их взаимодействием, взаимовлиянием и определённым слиянием в сферах группового, коллективного, национального и иного сознания.

Элемент дискуссионности присущ общественному мнению изначально, поскольку иначе тема не становится объектом обсуждения. Невыраженное общественное мнение, которое существует по отдельности, допустим, в домашних ячейках, в кругу друзей - М.К. Горшков называет «вещью в себе [3, с.17].». Чтобы оно стало вещью для нас, для общества, оно должно быть услышано. Предназначение общественного мнения в том и состоит, что оно должно говорить, оно должно о себе заявлять. СМИ выступают «открывателями» тем, которые и так существуют как потенциальные объекты общественного мнения.

Политический конфликт, как противоборство и столкновение двух и более сторон-антагонистов за конкретный предмет или реализацию интереса, может выступать фактором формирования общественного мнения. Источником политического конфликта является несовместимость интересов и целей, которые непосредственно связаны с политической властью. Политическое урегулирование конфликтов, т.е. нахождение взаимоприемлемого согласия между участниками конфликта путём переговоров, политических технологий и процедур, сегодня является важнейшей категорией современной конфликтологии и политической науки вообще.

В развернувшемся политическом кризисе российско-американских отношений едва ли не единственный метод противостояния - информационная кампания, с реализацией мобилизационной политической технологии формирования общественного мнения, направленной на формирование образа врага в отношении противника [4, с. 129]. Образ врага - это качественная или оценочная характеристика врага, которая сформирована в общественном сознании. На формирование образа врага оказывают влияние стереотипы и установки, которые присущи массовому сознанию. Восприятие образа врага опосредовано определёнными источниками информации, в первую очередь СМИ, которые могут целенаправленно формировать определённый образ врага. Данная технология реализуется разнообразными методами информационной агрессии, в том числе и пропагандой, и применяется как американским, так и российским политическим руководством. Немаловажное значение имеет то, что Соединенные Штаты Америки обладают мощнейшим в мире потенциалом «мягкой силы», который и включает в себя средства информационного

воздействия. Информационная политика взаимного формирования образа врага в США и России молниеносно образует вполне ожидаемые и закономерные результаты. Так, в соответствии с данными опросов общественного мнения, с 2014 г. в США наметилась тенденция роста антироссийских настроений: 70-78% американцев отрицательно высказывались о России, 49% воспринимали Россию как критическую угрозу жизненно важным интересам Соединенных Штатов [5]. Согласно исследованиям общественного мнения Дж. Гэллапа, Россия стремительно «вырвалась» с 2015 г. в качестве наиболее серьезной угрозы и главного врага для американцев, оставив далеко позади такие страны как Северная Корея, Иран и Китай [6]. Тенденции общественного мнения в России абсолютно аналогичны, у россиян формируется негативное отношение к США и, согласно опросу Левада-Центра, в январе 2015 г. процент достиг своего исторического максимума - 81% (январь 2014 г.- 46%)[7]. Опрос ФОМ 2017г. лишь подтверждает тенденцию ухудшения отношений между Россией и США. Согласно данным опроса, 57% россиян полагают, что отношения между Россией и США являются плохими [8].

Взаимное формирование образа врага посредством СМИ в информационном пространстве - объективный и популярный тренд современных российско - американских отношений. Негативные последствия подобной информационной политики могут ощущаться еще долгое время, независимо от современных политических противоречий.

Источники и литература

1) Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2015. С.584.

2) Горшков М.К. О сущности, специфике и движущих силах формирования и проявления общественного мнения / Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С.211-212.

3) Горшков М.К. От общественного мнения – к общественному действию. // НГ. 2008.02.13. С. 17. URL: http:// www.ng.ru/science/2008-02-13/17_action.html

4) Козырев Г.И. Формирование образа врага / Социология общественного мнения: учебное пособие. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2014. С. 129.

5) CNN poll: Favorable views of Russia drop following Malaysian airliner crash URL: 2014/07/21/cnn-poll-favorable-views-of-russia-drop-following-malaysian-airliner-crash/

6) Gallup: Americans See China's Economic Power as Diminished Threat. // Economy. 2015.02.26. URL: https://news.gallup.com/poll/181733/americans-china-economic-power-diminished-threat.aspx?utm_source=critical%20threat%20to%20vital%20interests%20to%20the%20United%20S&utm_medium=search&utm_campaign=tiles
7) Левада-Центр: Международные отношения. URL: https://www.levada.ru/2015/02/09/mezhdunarodnye-otnosheniya/
8) Опрос ФОМ: отношения России и США резко ухудшились URL: https://www.google.ru/amp/s/www.bbc.com/russian/amp/news-40902175

Столетов Олег Владимирович
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Геоэнергетическая стратегия США как фактор современной международной конфликтности

В условиях обострения геоэкономической конкуренции между ведущими международно-политическими акторами, крайне важно исследовать изменения, происходящие в торговых отношениях между ними. Торговые войны являются характерным проявлением современной международной конфликтности. Жесткая торгово-экономическая конкуренция в настоящее время характерна для различных секторов мировой экономики, однако, одно из центральных мест принадлежит энергетической отрасли.

Принципиально новым явлением XXI века, оказывающим серьезное конфликтогенное воздействие на международных отношения в сфере энергетики, стала новая геоэнергетическая стратегия США, призванная обеспечить Соединенным Штатам глобальное энергетическое доминирование [1]. Отправной точкой для начала реализации этой стратегии стал 2015 год, когда Конгресс США снял запрет на экспорт американской нефти за рубеж, действовавший с 1970-х годов. В рамках реализации новой геоэнергетической стратегии США стремятся обеспечить себе привилегированные позиции в мировой торговле энергоресурсами, вытесняя конкурентов с наиболее энергоемких рынков [2].

На начальном этапе реализации геоэнергетической стратегии США начали активно наращивать экспорт нефти в Китай, а также инициировали совместный с КНР проект «Аляска СПГ». США предполагали

таким образом сократить дефицит американо-китайского торгового баланса. Однако, уже во второй половине 2018 года в условиях все более агрессивной протекционистской политики, проводимой Соединенными Штатами, и ответных мер Китая, КНР начала резко сокращать закупки американской нефти, а также отказался от импорта сжиженного природного газа из США, компенсируя свои потребности поставками из России, Саудовской Аравии и других ближневосточных стран. В этих условиях США продолжили проводить политику, направленную на снижение уровня диверсифицированности углеводородных поставок в Китай из-за рубежа, в частности, добиваясь от Китая прекращения поставок иранской нефти.

Военно-политическое и дипломатическое давление США на Иран (антииранские санкции, санкции в отношении третьих стран, покупающих иранские энергоносители, выход США из международного соглашения о ядерной программе Ирана, «танкерная война», убийство высокопоставленного иранского генерала Касема Сулеймани) обусловлено также тем, что это государство является естественным экономическим конкурентом для Соединенных Штатов на энергетических рынках третьих стран, в том числе в Азии. Ограничивая энергетические возможности Ирана и способствуя общей военно-политической напряженности на Ближнем Востоке, США осуществляют влияние на азиатские энергетические рынки. В частности, в условиях усиления американского давления на Иран, Китай и Индия вынуждены были сократить импорт иранской нефти, а впоследствии практически полностью его заморозить [3]. Кроме того, Индия, столкнувшись с нарастающей нестабильностью на Ближнем Востоке, согласилась на подписание своей крупнейшей нефтеперерабатывающей компанией Indian Oil Corp. годового контракта на поставку нефти из США.

В рамках борьбы за европейский энергетический рынок, США противодействуют реализации международных газотранспортных проектов в Европе - «Турецкий поток» и «Северный поток-2». В оборонный бюджет США, утвержденный в декабре 2019 года, был включен пункт, вводящий санкции в отношении этих проектов. Параллельно США усиливают свое влияние на средиземноморскую энергетическую политику посредством развития своего сотрудничества по вопросам безопасности и энергетики с Израилем, Кипром и Грецией [4]

США стремятся интегрировать свою энергетическую геостратегию в более широкую геоэкономическую стратегию, призванную сдерживать глобальную внешнеэкономическую экспансию КНР, реализуемую в рамках инициативы «Один пояс - один путь» [5]. Одной из доктринальных

основ американской геоэкономической стратегии выступает Индо-Тихоокеанская концепция США, подчеркивающая важность американо-японского и американо-индийского энергетических партнерств и конституирующая особую роль США в обеспечении энергетической безопасности Индо-Тихоокеанского региона в долгосрочной перспективе [6].

Источники и литература

1) Волошин В.И. Энергетическая политика США и сотрудничество Россия – ЕС в нефтегазовом обеспечении // Мировая экономика. – 2018. – №9. – С. 58 – 75.
2) Хлопов О.А. Новые подходы в энергетической стратегии администрации Д. Трампа и их влияние на внешнюю политику США // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2018. – № 1 (11). – С. 86-100.
3) Гостева Е. Прогнулись под Америку: Китай сливает иранскую нефть // Газета.ru, 28.05.2019. URL: https://www.gazeta.ru/business/2019/05/28/12380689.shtml (дата обращения: 27.01.2020).
4) США усиливают позиции в Средиземноморье для противостояния РФ и Турции // Коммерсантъ, 26.12.2019. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4207499 (дата обращения: 27.01.2020).
5) Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России: рабочая тетрадь // РСМД. – 2019. – № 49. – https://russiancouncil.ru/papers/USA-IndoPacific-WP49.pdf (дата обращения: 27.01.2020).
6) A Free and open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision, 04.11.2019. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (дата обращения: 27.01.2020).

Султанбахмудов Гаджимурат Гаджимуратович

Северо-Кавказский Федеральный Университет, Ставрополь, Россия

Ценности сельской молодежи как фактор преодоления социального напряжения

Сельская молодёжь является многочисленной территориально-демографической группой, которая проходит путь социализации в условиях социо-культурного пространства села, что оставляет за собой след

в дальнейшем социальном развитии личности молодого человека из села. При миграции в город он сталкивается с новым для себе соци-культурным пространством, которым является город, оказывающий сильное влияние на сознание молодых людей Кроме того, их социализация осуществляется в условиях кризиса и угрожающе низкого достатка [1, с. 23]. Социальные конфронтации с новым для них социо-культурным пространством оказывают сильное влияние на социальное представление сельской молодёжи, что в свою очередь затрагивает все аспекты жизни молодых людей, включая их новое социальное представление о старых нормах и ценностей. Особое же влияние на процесс изменения ценностных ориентаций в условиях современной нестабильности оказывает социальная идентичность [2, с. 3]. Молодёжи, особенно сельской, очень трудно противостоять негативной стороне жизни в городе, как в провинциальном, так в мегаполисе. Город для приезжих сельских студентов является новым социокультурным пространством, которое им предстоит освоить. При поступлении в вуз молодой человек оказывается на стыке двух культур: городской - модернизированной и сельской - традиционной. Первые трудности, испытываемые абитуриентами - мигрантами из села, связаны со знакомством с городом и устройством на жительство. При миграции в город сельский студент обретает новую идентичность - идентичность горожанина. В связи с тем, что идентичность объективно определяется как размещение в определенном мире, иметь данную идентичность - значит занимать особое место в мире. Новое социальное пространства является огромной трудностью для сельской молодёжи, так как несёт в себе большое количество противоречий для мигранта из села, что часто может приводить к социальному напряжению и конфликту со стороны коренных жителей города и выходцев из сёл. Изучение трансформации ценностных ориентацией сельской молодёжи особенно важно, так как это будет являться показателем изменения ценностного отношения человека к окружающей действительности и к своей жизнедеятельности, что в итоге поможет адаптироваться мигрантам из села к нормам и ценностям городской жизни и преодолеть социальное напряжение. Важную роль в изменении ценностных ориентаций играет вуз. Необходимо учитывать, что в новых социальных группах, какими являются студенческие группы, собираются юноши и девушки из разных слоев населения, из разных семей, имеющих самые различные ценностные установки и традиции, что тоже оказывает значимое воздействие на социальные отношения внутри этих групп, что в свою очередь тоже может привести к конфликтам. В процессе обучения, взаимодействия друг с другом, по мере становления референтных для каждого челове-

ка групп будет происходить трансформация этих ценностей, что в свою очередь позволит снизить уровень недопонимания при помощи общих установок, целей и ценностей. Такие ценности, как «справедливость, свобода, равенство, счастье других», которые занимают ведущие позиции в современном образованном обществе перестали занимать таковых в личностных ценностях сельской молодежи, но здесь и не их вина, поскольку эти качества воспитываются на примерах из жизни разных людей, разных поколений, это очень серьезные философские категории и для того чтобы они стали значимой ценностью для молодых людей, необходимо познавать их, чем и будет заниматься вуз, образовывая сельскую молодёжь для комфортного прибывания сельских студентов без конфликтов в новом для них социальном пространстве. Уже на протяжении многих лет образование является значимой ценностью для молодёжи, в том числе и сельской, однако стимул получить высшее образование не подкрепляется желанием повысить уровень своих знаний, расширить кругозор, лучше понимать окружающий их мир, поэтому мы говорим об исключительно рациональном подходе к образованию - как о возможности получить более престижную, высокооплачиваемую работу, как о возможности дальнейшего карьерного роста [1, с. 27]. Это приводит к недопониманию со стороны более широко мыслящей городской молодёжи. Поэтому вуз должен дать сельскому мигранту не только качества и навыки, которые он сможет использовать в своей специальности, но и развивать его в широте знаний и привить стремление к познанию. Важно понимать, что от культуры и традиционных ценностей русского села и сельской молодёжи зависит не только его собственное благополучие, но и духовная целостность России, поэтому важно найти социальный компромисс между селом и городом, сельским и городским населением, в том числе и молодёжью, так как от целостности и духовно-нравственного состояния первого зависит стабильности не только второго, но и России в частности.

Источники и литература

1) Кузьмина В.М. Сравнительный анализ ценностных ориентаций сельской и городской студенческой молодежи, обучающейся в Курской государственной сельскохозяйственной академии // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. №3.

2) Волков Е.С. Психологические особенности развития ценностных ориентаций у студентов педвуза : автореф. дис. . . . канд. псих. наук. М., 1983. 24 с.

Суровяткина Полина Александровна
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Переговоры как способ урегулирования конфликтов, возникающих на местном уровне.

Социальная напряженность представляет собой состояние общественного сознания и поведения, свойственного конфликту и сопровождающее его. Все чаще она проявляется в стихийных и организованных митингах, демонстрациях, забастовках и иных формах выражения недовольства и несогласия. Выходя на улицы, граждане выносят конфликты в публичную плоскость. С одной стороны, это значит, что работа по урегулированию конфликта на ранних стадиях велась неэффективно, избранные способы не сработали на результат. С другой стороны, в случаях, когда конфликт становится публичным, появляется социальная значимость для его разрешения или урегулирования с применением примирительных процедур, так как обеим сторонам взаимодействия важно не допустить проявления деструктивных форм поведения и разрешить противоречие с учетом интересов каждой из сторон.

В Российской Федерации право на проведение публичных мероприятий гарантировано в ст. 31 Конституции. Эта конституционная норма регулируется Федеральным законом от 19.06.2004 №54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», который за последние годы (с 2012) неоднократно редактировался [1]. Некоторые из внесенных поправок характеризуются в Меморандуме Комиссара по правам человека «О свободе мирных собраний в России» от 5 сентября 2017 года как ограничивающие право граждан на свободу публичных мероприятий [2]. При сравнительном анализе международных и национальных стандартов выявляются следующие несоответствия: превращение уведомительной процедуры в процедуру разрешения, ужесточение наказаний за нарушение порядка организации и проведения публичных мероприятий, большое количество ограничений для организаторов публичных мероприятий, ограничения по возможным местам и времени проведения публичных мероприятий, отсутствие правовой базы для стихийных и срочных собраний [3, с.179].

Ужесточение законодательной базы в сфере публичных мероприятий привело к возникновению новых типов конфликтов в плоскости отношений граждан и органов местного самоуправления. К таким конфликтам, к примеру, можно отнести те, которые возникают из-за несогласования публичного мероприятия по причине того, что на этом месте якобы пла-

нируется мероприятие, уведомление, на проведение которого было подано раньше; согласования, но в месте, противоречащем принципу пропорциональности и пункту «видимости и слышимости», указанным в Руководящих принципах по свободе мирных собраний, согласно которым, не следует переносить место проведения собрания в удаленные от центра районы города, а также следует способствовать проведению собраний в пределах «видимости и слышимости» целевой аудитории [4].

Конфликты подобного рода могут быть урегулированы с применением переговоров. В пример можно привести переговоры, прошедшие в Перми при посредничестве Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, между представителями Администрации города и организаторами публичного мероприятия на предмет проведения протестной акции. По итогам продолжительных (7 часов) переговоров было найдено следующее решение: согласовано место проведения акции. Сам факт проведения переговоров нашел поддержку гражданских активистов и местного сообщества.

Переговоры в данном случае были эффективным средством достижения согласованных решений. Именно в открытом общении, с учетом интересов каждой из сторон, можно прийти к взаимоудовлетворяющему варианту. Выступивший в качестве референтной фигуры Уполномоченный по правам человека выполнял функции посредника, выстраивая конструктивную коммуникацию между сторонами и следя за балансом сил в переговорах.

Изучив конкретный переговорный кейс нам удалось выявить не только стимулы для встраивания переговорных процедур в работу с конфликтами, возникающими между гражданами и органами местного самоуправления, но и выделить барьеры для проведения конструктивных переговоров между ними, такие как наличие избирательного отношения органов местного самоуправления к тематике публичного мероприятия и организаторам, политические установки и несамостоятельность сторон в переговорном процессе.

Переговоры могут стать одним из основных способов для разрешения или урегулирования конфликтов только в том случае, если в их проведении будут заинтересованы обе стороны как граждане, так и органы власти и местного самоуправления. Сделать это возможно путем нормативного закрепления переговоров и иных примирительных процедур как способов, к которым могут прибегнуть стороны в случае конфликтного взаимодействия. С 2007 года практика подобного рода уже имеет место быть в Краснокамском городском округе (муниципальное образование в составе Пермского края). Согласно Решению Земского Собрания Крас-

нокамского городского округа «Об утверждении Положения о порядке урегулирования конфликтных ситуаций, связанных с защитой прав и интересов граждан Краснокамского городского округа» регулируются права и законные интересы граждан при возникновении признаков конфликтных ситуаций на территории Краснокамского городского округа [5].

В конфликтах, связанных с реализацией гражданами их основных прав и свобод, крайне важно выстраивать диалог и находить согласованные решения, ориентированные на профилактику социальной напряженности в местном сообществе.

Источники и литература

1) Федеральный закон №54-ФЗ от 19.06.2004 (последняя редакция) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/ (дата обращения: 15.01.2020)

2) Меморандум Комиссара по правам человека «О свободе собраний в Российской Федерации». Страсбург. 5 сентября 2017 // URL: https://rm.coe.int/-/1680758b23 (дата обращения: 15.01.2020)

3) Суровяткина П.А. Проблемы снижения социальной напряженности при проведении публичных мероприятий. // Материалы X Краевой студенческой научно-практической конференции «Социальное благополучие человека в современном мире». Пермь. 17 мая 2018 г. С. 178-180

4) Руководящие принципы по свободе мирных собраний. БДИПЧ ОБСЕ. Варшава. 2007 // URL: https://www.osce.org/ru/odihr/24524?download=true (дата обращения: 15.01.2020)

5) Решение Земского Собрания Краснокамского городского округа от 29.05.2019 N 90 «Об утверждении положения о порядке урегулирования конфликтных ситуаций, связанных с защитой прав и интересов граждан Краснокамского городского округа». URL: http://krasnokamsk.ru/Organy-vlasti/Gorodskaja-Duma/normotvorchestvo/2019/?order=title&direct=asc/ (дата обращения 15.01.2020)

Терновая Людмила Олеговна

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Угасание признаков конфликта поколений в «цветных революциях»

Тридцать лет назад в странах Восточной Европы вспыхнули протесты, приведшие к смене в них социально-политического устройства. Собирательно они получили наименование «бархатных», «осенних» или «студенческих» революций. Значение тех событий выходит и за рамки региона, и за границы данного периода, ибо они могут служить своеобразной точкой перехода протестных действий от четко акцентированного конфликта поколений, присущего большинству проявлений социальной напряженности в течение двух предыдущих столетий, к конфликтности вне возрастного типа. О конфликте поколений исследователи писали, начиная с Ж. Дромеля, в середине XIX в. выявившего «закон поколений». [1] Основоположники марксизма утверждали, что «история есть не что иное, как последовательная смена поколений». [2, с. 44-45] Выделение поколений входило в задачи выработки стратегии политической борьбы. В. Ленин видел «три поколения, три класса, действовавшие в русской революции». [3, 261] Натиск бури, поднятой молодым поколением после Первой мировой войны, стал основанием для обращения исследователей к проблеме поколений. Именно так называлась опубликованная в 1928 г. статья К. Мангейма. [4, с. 276-320] В 1960-е гг. на Западе, реализуя потребность выявления причин подъема молодежного и студенческого движения, авторы активно использовали терминологию конфликта поколений. Л. Фойер, взяв основу своего «Поколенческого манифеста» «Манифест Коммунистической партии», утверждал: «История всех до сих пор существующих обществ является историей борьбы между поколениями». [5, с. 527] М. Мид на этнографическом материале пыталась выявить закономерности разрыва поколений. [6, с. 322-361] Г. Маркузе в «Контрреволюции и бунте» (1972) обращался к причинам поражения «Красного мая» в Париже в 1968 г. [7] Но С.М. Липсет указывал, что в такой активности студенчества уже таились противоречия между отрядами внутри самого молодого поколения, например, между студентами и молодыми людьми, не получающими высшего образования. [8; 9] Чтобы понять истоки недовольства молодого поколения порядком, установленным старшими, ряд авторов того времени обращался к трудам З. Фрейда. Фойер считал, что в основе межпоколенных конфликтов лежит «Эдипов комплекс» — соперничество между отцом и сыном, более значимая, чем классовая борьба, движущая сила истории. Ж. Мандель,

опираясь на комплекс «Электры», переводил состояние конфликта поколений в кризис. [10] Новый этап теоретического осмысления проблем молодежи начинается в 1990-е гг. Н. Хоув и В. Штраус независимо друг от друга подробно изучали изменения содержания понятия «поколение», когда модели поведения людей, принадлежащих к одному поколению, совершенно не похожи на модели поведения представителей поколения другого в пору того же возраста. Возникла концепция смены поколений, выразившаяся в их труде «Поколения» (1991). [11] Четыре основных типа, четко сменявшие друг друга, были условно разделены на «пророков/идеалистов», «кочевников/активистов», «героев/примиренцев» и «художников/приспособленцев». Так как смена периодов происходила практически без сбоев, исследователи сравнили ее со сменой времен года, а поколениям дали названия по аналогии с сезонами. «Зимний период» — подходил для «художников», «весенний» — для «пророков», «летний» — для «кочевников» и «осенний» — для «героев». На основе этой и написанной теми же авторами книги «Четвертое превращение» [12] родилась теория, известная как теория поколений. В ее основе лежит представление о том, что поведение человека зависит от того, в каких условиях он жил и воспитывался до 12 - 14 лет, поскольку до этого возраста у человека формируется собственная система ценностей, которую он потом проносит через всю свою жизнь. В демографии, социологии и СМИ утвердилась практика деления поколений на: X, родившихся с 1960 по 1980 г.; Y, миллениалов, родившихся в 1981 - 2000; Z, родившихся уже в XXI в. Молодежь в XIX и XX вв. обвиняла старшее поколение в неэффективном управлении государством, устаревших методах ведения хозяйства, отсталых формах духовного творчества, а потому яростно требовала большей власти молодым, новых рабочих мест, свободы культурного самовыражения. Претензии к старшим поколениям у молодых оформлялись как социально-политические запросы, в которых четко просматривался конфликт поколений. Ситуация начала меняться, когда возник новый феномен «цветной революции», смысл который выводится из пособия по их организации Дж. Шарпа (1993). [13] Некоторые ведут отсчет подобных протестных акций от парижских событий 1968 г., в качестве первого опыта упоминаются «Революция гвоздик» в Португалии (1944) и «желтая революция» на Филиппинах (1986). Модель «цветной революции» получила такое количество модификаций, что ее вдохновителям и участникам становится все сложнее маркировать протестные акции определенным цветом или символом. [14] Не только в многообразии символических вариаций, но и в усложненном социальном составе участников в последние три десятилетия стало все сложнее находить

выражение конфликта поколений. Безусловно, молодежь остается одним из наиболее активных отрядов протестующих. При этом ее претензии к старшим поколениям не просто теряются в массе иных вызовов, бросаемых власти, они становятся менее императивными. Объяснение размывания признаков конфликта поколений в «цветных революциях» следует искать не в заслугах власти, а в новых характеристиках поколения Z и сменяющего его поколения альфов, чье становление происходит под влиянием цифровизации, формирующей навыки многозадачности, клиповость мышления, приоритизацию онлайн-общения и т.д. В этом ряду противоречия со старшими поколениями отодвигаются даже не второй, а на более дальний план. Для реализации собственного социально-политического видения молодым людям уже не важно, к какому поколению относятся их единомышленники, значимы лишь схожие переживания, близкие символические образы своей страны и мира, власти, социальных ролей и т.д. «Цветные революции» становятся жестким завершением конфликта поколений. Но этот вывод нельзя считать окончательным, ибо пока не просматриваются как признаки следующего поколения, так и того, каким образом в будущем власть и общество смогут удовлетворить его претензии на политическое участие.

Источники и литература

1) Dromel J. La loi des revolutions Les generations, les nationalités, les dynasties, les religions. Paris: Didier, 1862. 531 pp.
2) Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 7 – 544.
3) Ленин В.И. Памяти Герцена / ПСС. Т. 21. С. 255 –262.
4) Mannheim K. The Problem of Generations / Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul, 1952. Pp. 276–320.
5) Feuer L.S. The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement. N.Y.: Basic Books, 1969. P. 527. 543 pp.
6) Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями / Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 322– 361.
7) Marcuse H. Counterrevolution and revolt. Boston: Beacon press, Cop. 1972. 138 pp.
8) Lipset S.M. Student Politics. N.Y.: Basic Books, 1967. 300 pp.

9) Lipset S.M., Altbach P. Students in Revolt. Boston: Houghton, Mifflin, 1969. 561 pp.

10) Mendel G. La crise de générations; étude sociopsychoanalytique. Paris: Payot, 1969. 254 pp.

11) Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991. 538 pp.

12) Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y.: Broadway Books, 1997. 400 pp.

13) Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005. 81 с.

14) Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 274 с.

Торощина Анастасия Андреевна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Смертная казнь в фокусе социального конфликта.

Смертная казнь является высшей и исключительной мерой наказания, которая применяется с древнейших времен. Данная проблема сложна и многогранна. Она затрагивает многие аспекты жизни общества. Казнь, являясь наивысшим проявлением наказания, вызывает в обществе ожесточенные споры, поскольку затрагивает многие аспекты общественной жизни. Это и моральные колебания, о правомерности данного действия. И стремление государства, с помощью данного вида наказания и страха перед ним, контролировать общество. Душевные страдания людей, которые вынуждены присутствовать на смертной казне или исполнять ее. Ведь всегда существует шанс вынесения ошибочного приговора, последствия которого уже никак нельзя будет исправить, в отличие от других мер наказания.

Нет единого мнения на этот вопрос. Общество делится на два лагеря: сторонники и противники смертной казни. При этом, в настоящее время, многие государства стремятся к смягчению законов и отказываются

от смертной казни как проявления наивысшего наказания. Также пересматривают свою точку зрения на феномен в целом. В связи с этим возникает вопрос о правомерности и необходимости смертной казни. Ведь с помощью страха смерти государство может регулировать социальную жизнь.

Настолько противоречивое влияние, которое оказывает смертная казнь на общество, не оказывает ни одно другое общественное явление.

Наличие, либо отсутствие такой меры наказания является индикатором жизни общества, качества жизни, безопасности и уровня культуры в целом. Ведь существует определенная закономерность между обществом и смертной казнью.

М. Н. Гернет подметил интересный факт в движении числа смертных приговоров: «При каждом новом политическом режиме число смертных приговоров больше в первые годы, нежели позднее»[1, с.469]. И действительно, если обращаться к истории, в чрезвычайных ситуациях в государстве система кар и наград начинает действовать, но только в пользу определенных лиц. Например, военное положение. В этот период перестают действовать обычные законы, гражданские суды заменяются на военные, которые являются более строгими и чаще выносят смертный приговор. Кривая кар начинает расти вверх, объединяя общество столь жестоким образом.

В периоды революции, когда общество разделяется на две или более групп, когда нет единого настроя общества, увеличивается недовольство и растет напряжение, тогда государство решает установить чрезвычайное положение, которое, как выше было сказано, характеризуется увеличением кар.

В этом случае, необходимое единство общества добивается с помощью наказаний. Кривая кар не начнет снижаться, а будет только увеличиваться, чтобы подавить конфликтные ситуации, пока государство не добьется желаемого результата - единства общества. Результат всего явления - рост наказаний, повышение жестокости и большее число жертв. Государство вводит чрезвычайные положения, военные суды, карательные отряды. В ходе этого действия начинаются расстрелы, как группами, так и поодиночке, переполняются тюрьмы, виселицы начинают работать активнее. Но общество не молчит, а отвечает тем же способом. Чем больше становиться казней, тем чаще начинают происходить террористические акты, тем сильнее и ожесточеннее становятся восстания. Линия кар и наград с той и другой стороны делает резкий скачок вверх. В конце концов, одна из сторон побеждает. После победы кри-

вая санкций продолжает еще идти вверх или держится на достигнутой высоте.

Также продолжается уничтожение неугодных, и устрашение других от совершения «преступлений». Но с течением времени вновь установившийся шаблон поведения постепенно входит в жизнь, делается привычным, «страна успокаивается» и кривая санкций начинает опускаться вниз. Э. Дюркгейм видит в этом частный случай сформулированного им общего закона колебания кар, который гласит: «интенсивность кар прямо пропорциональна степени абсолютности и неограниченности центральной власти. Чем не ограниченнее последняя, тем более жестокие кары»[1, с.473].

У Э. Дюркгейма это объяснение сводится к следующему: направленные против коллективных благ (идеальных и материальных); направленные против индивида (убийство, воровство, насилие). Первые преступления, которые являются оскорбительными для коллектива и караются сильнее, так как коллективные блага нельзя оскорблять, нельзя идти против коллектива. Вторые же оскорбляют только индивида, никак не затрагивая коллектив и коллективные блага, и потому караются не так жестоко.

В современном мире не так много стран осталось, где смертная казнь все еще является наивысшей мерой наказания. Тенденция такова: снижение вынесения приговоров, где наказанием выступает смертный приговор. Но данный общественный процесс еще продолжительное время будет привлекать к себе повышенный интерес общества и исследователей. Так как общество вряд ли когда-нибудь придет к единому мнению.

Источники и литература

1) Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М. : Астрель, 2006. – 504 с.

Федоркин Николай Семёнович

МГУ им. М.В.Ломоносова, Социологический факультет, кафедра политологии и социологии политических процессов, Москва, Россия

Политический кризис в структуре конфликтного развития общества

В 90-е годы прошлого века отечественный социолог А.Г. Здравомыслов относил изучение проблем социальных конфликтов, к одной «из наиболее сложных теоретических задач», к числу «фундаментальных проблем социологии конфликта" [1.С.130.].

За прошедшие годы в стране сложилась целая отрасль знания о социальных и политических конфликтах, но для неё эта проблема остается не менее сложной, чем это было в 90-е годы прошлого века.

Это обусловлено многими причинами. Во-первых, как и во всей политической и социологической науке в этой сфере знания все-таки не сложилась общезначимая для научного сообщества теория социального и политического конфликта. Хотя, как известно, не сложилась она и в зарубежной традиции, несмотря на особую атмосферу творческого поиска «научных теорий» в эпоху так называемой поведенческой революции (50-70-е годы прошлого века).

Во-вторых, вторая проблема во многом определяется первой. Она связана с концептуализацией и унификацией понятийного аппарата теорий конфликта. Эта проблема также остро стояла и в западной традиции становления современной политической науки. Попытки создания в середине прошлого века унифицированного понятийного аппарата политической науки оказались неудачными и остаются одной из актуальных проблем и в наше время.

В-третьих, среди конфликтологов не сложилось и единого понимания этапов конфликтного развития политических процессов, переходов от конфликта к кризису, от кризиса к эволюционной или революционной формам их развертывания.

Поэтому, на наш взгляд, позиционируемая проблема политического кризиса в структуре конфликтного развития общества является частью более широкой проблемы, системного анализа социальных и политических конфликтов, неким «примирением» структурно-функционального и конфликтологического подходов их изучения. Противопоставление этих подходов, как отметит А.Г. Здравомыслов, достаточно условно, поскольку, дихотомия «конфликт - консенсус» или «напряженность-стабильность» «сохраняется как важнейшая проблема всех более или менее значительных теоретических построений социологии Х1Х-ХХвв.»[1.С.45.], Отметим, что еще раньше, в 50-е годы прошлого века, М. Липсет также относил проблему «достижения надлежащего баланса между конфликтом и консенсусом» к одной из системообразующих тем политической социологии. И полагал, что для социолога трудно представить себе исследование общества, «которое бы не включало по-

литическую систему в качестве существенной части этого анализа» [2. С.13, 25-26].

Политический кризис - это не просто поворотный пункт, крутой перелом в механизме функционирования социальных систем. Это качественно новая фаза в развитии политического процесса, реакция системы на неурегулированные и потрясающие ее конфликты во всех сферах жизнедеятельности общества (если речь идет о системном кризисе), проявление ее неспособности выполнять взятые на себя обязательства.

Это точка отсчета уже сложившейся кризисной ситуации и заявившего о себе политического кризиса, вышедшего к «развилке»» его возможного развития в эволюционном либо революционном формате.

Сложность описания и исследования политических кризисов обусловлена многими его особенностями и видами. Он всегда уникален, информативен, часто персонифицирован, может проявляться в открытых или латентных формах, носить взрывной либо линейный и циклический характер, развиваться в условиях различных политических режимов, нести в себе сущностные черты исторической эпохи и самой социально-политической системы. Это огромная информация для теоретических обобщений, разработки и развития теории социального конфликта.

Развитие теорий социального конфликта, как и любой иной теории, представляет собой качественный скачок в ее содержательном, понятийном и теоретическом контексте. Поэтому, к примеру, систематизированная В.И. Лениным марксистская теория социального конфликта в его теории «революционной ситуации» и обоснованный им «основной закон революции» был и остается значительным вкладом в развитие социологической теории и технологий революции, понятия политического кризиса [3. Т.26. С.218-219; Т.41. С.69-70.]. В эпоху между двумя мировыми войнами эта проблема решалась в русле поиска путей формирования новой политической науки, завершившегося несколькими этапами поведенческой революции, в ходе которой сформируется нынешнее понятие политической науки, проявятся ее реальные достижения и не вполне решенные проблемы, в том числе и в проблемном поле конфликтологии. В послевоенную эпоху, в границах этих этапов, в контексте развития и осмысления теорий модернизаций и политического развития стран третьего мира, будет сделан свой значительный вклад в разработку теории конфликта и политических кризисов и условий политического развития этих стран. Особо здесь можно выделить Л.Пая [4.].

Таким образом, можно сделать обобщающий вывод о том, что теория социального конфликта, во-первых, действительно остается одной из наиболее сложных и фундаментальных задач социальных наук, и, во-вторых, что эта область социально-политического знания, тем не менее, развивается, хотя и в несколько ином контексте парадигмального становления научного знания.

Источники и литература

1) Здравомыслов А.Г. Социолгия конфликта. Россия на пути преодоления кризиса. М.: Аспект Пресс, 1995.
2) Мартин Липсет. Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016.
3) Ленин В.И. Крах 11 Интернационала. Полн. собр. соч., Т.26.
4) Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч,, Т.41.
5) Мир политической науки. Учебник. В 2 кн. Кн.2. Персоналии / М.Г. Миронюк; под общ. ред. А.Ю.Мельвиля. М.: Просвещение, 2005. С.348-354.

Хорошкевич Наталья Геннадьевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина, Екатеринбург, Россия

Тенденции развития политических конфликтов и роли государственных гражданских и муниципальных служащих в современных обществе

В настоящее время европейские страны, США, Канада осуществляют строительство нового постиндустриального типа общества. Россия также пытается войти в постиндустриальный этап развития. Новый тип общества предполагает изменение во всех сферах жизнедеятельности: экономике, образовании, семье, и т.д. Для нового, более высокого уровня развития общества характерна другая культура, более высокого ценностно-нормативным уровня. Однако столкновение политических

интересов различных социальных общностей будут иметь место и в постиндустриальном обществе. Но, в условиях более высокого культурного развития содержание и формы протекания и решения политических конфликтов должны измениться. В настоящее время выделяют три типа политических конфликтов: конфликт интересов, конфликт ценностей, конфликт идентицикации [1, с.241]. С учетом изменения политической культуры в обществе, а точнее ее политических ценностей, произойдет изменение в содержании и формах политических конфликтов. В качестве новых политических ценностей сегодня выделяют: высшая ценность – это человек, плюрализм политических мнений, самовыражение личности в политики, толерантность, новые формы выражения води народа, прозрачность политических процедур и т.д.. Кроме того сегодня происходит переосмысление уже давно существующих ценностей, таких как: гуманизм, социальная справедливость, патриотизм и т.п. Учитывая новые политические ценности, можно считать, что пойдут на спад конфликты идентификации. С течением времени в иерархия ценностей возможны изменения. Но, станет происходить спад конфликтов ценностей, так как считается, что такие конфликты «характерны для развивающихся государств с неустойчивым государственным строем» [1, с.241]. Изменится содержание конфликтов интересов. Если в прошлом веке были актуальны проблемы, выносимые на политический уровень, такие как: утверждение принципов демократии, прозрачность демократических процедур и т.д., то сегодня это – охрана окружающей среды, реализация прав граждан с ограниченными возможностями, и т.д. Далее содержание политических конфликтов станет меняться согласно иерархии потребностей, предложенной А.Маслоу, т.е. все больше отход от вопросов физического выживания индивида – к вопросам реализации принципов гуманизма в современном понимании. Как следствие прогресса общества и политической культуры само протекание политических конфликтов станет происходить в более цивилизованных формах. Здесь можно говорить о тенденциях развития таких форм, как: – явные конфликты должны носить не насильственный характер. – должны быть отработаны процедуры разрешения конфликта: постановка проблемы, обсуждение и принятие решения. Здесь имеется ввиду проработанность этих этапов решения политического конфликта на законодательном уровне, это первое, и второе, соблюдение этой законности. – в современной России в политическом языке наблюдается «тенденция к употреблению стилистики сниженной лексики и фразеологии» [2, с.63]. Однако более высокий уровень политической культуры предполагает соблюдение рамок политической этики оппонентами. – на законодательном уровне также необходимо поставить

вопрос о соблюдении этики политического взаимодействия (проведение дебатов, дискуссий и т.д.). Затрагивая проблему прогресса политических конфликтов, необходимо рассмотреть роль государства и государственных служащих. Сегодня часто отмечают снижение роли государства в решении проблем общества [3, с.52]. Это действительно так. Отпадает надобность в сильном государстве ввиду отлаженности решения проблем правовым способом и ввиду соблюдения законности. Как известно, изменения требования к государству, приводят к появлению новых требований к деятельности государственных служащих. В этом случае роль государственных гражданских и муниципальных служащих станет иной в решении политических конфликтов. В новых условиях им станет необходимо: – соблюдать законность и открытость процедур в процессе решения проблем; – своевременно законодательно регулировать решения социальных проблем, процедуры их решения; – демонстрировать более высокого уровня политической культуры в сравнении с остальным населением; – соблюдать принципы гуманизма (главное- это благо человека), но достижение этого, соблюдая законодательство; – быть готовыми к принятию разных форм политического участия граждан; – стараться решить проблемы социального характера, не доводя их до острого политического столкновения.

Источники и литература

1) Блохина О.В. Политические конфликты современности: теория и практика / Вестник университета. 2014. № 6.
2) Бобровская Г.В. Об особенностях современного политического языка //Русская речь. 2006. №4.
3) Оболонский, А.В. Кризис бюрократического государства : Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011.

Циватый Вячеслав Григорьевич

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

Политические конфликты современности в социологии дипломатии и теории международных отношений: исторические метаморфозы, политико-институциональная аксиоматика и технологии урегулирования

В современном полицентричном мире институционально оформились и трансформировались как исторически традиционные, так и новые социальные конфликты во всём многообразии их конкретного проявления. Социология дипломатии и теория международных отношений XXI века активно исследует их базовую аксиоматику, осуществляет типологический анализ конфликтов, причинную обусловленность конфликтов, технологии их урегулирования, их динамику и управление конфликтами в условиях глобализированного мироустройства [1, с. 26-29].

В историческом прошлом теоретической основой изучения социальных конфликтов, в частности - политических конфликтов, служила гуманитарная парадигма, основанная на построении умозрительных (вербальных) образов конфликтов, их чувственном восприятии и последующем анализе методами логики «здравого смысла», с опорой на исторический опыт, исторические модели и традиции, на опыт предшественников [2, с. 268-280].

Естественно, что наука о конфликтах, как и любая другая наука, должна использовать полученные ранее знания, но её базу должна составлять собственная постоянно развивающаяся дедуктивная теория, способная строить системные модели конфликтов, вскрывать и объяснять их закономерности и на этой основе предлагать способы рационального управления ими в конкретных ситуациях. При отсутствии такой теории, опираясь только на глубокие, но разнородные мысли предшественников в историко-институциональном пространстве, можно получить служанку идеологии, но не науку XXI века.

Новыми теоретико-методологическими приоритетами для моделирования конфликтов в сфере теории дипломатии, социологии дипломатии, внешней политики и международных отношений должны стать - концепции теории систем и системного анализа, общей теории управления и кибернетики, синергетики, неравновесной термодинамики, информационных технологий и логиколингвистики, теории хаоса и активных систем и т.д.

Новые тенденции в развитии политических конфликтов XXI века, новые социальные конфликты требуют и новых эффективных методов изучения этих конфликтов на основе математических, структурно-логических, кибернетических и имитационно-компьютерных подходов.

Политические конфликты современности - это класс (институциональный кластер) социальных конфликтов. Политические конфликты происходят в социальной сфере.

Любой конфликт приобретает политическую окраску, если он связан с борьбой за власть. История всех цивилизаций представляет со-

бой непрерывную цепь политических конфликтов различного масштаба и значимости - начиная от доктрин завоевания мирового господства и заканчивая стремлением захватить власть в отдельно взятом государстве. Власть можно рассматривать как своеобразный ресурс, необходимый для существования людей и социальных групп. Дефицит этого ресурса в различных формах его проявления и служит неиссякаемым источником всевозможных политических конфликтов между людьми и социальными группами.

Конечно, социальные группы представляют собой разнородные институционально-иерархические системы, в которых взаимодействуют экономика, внешняя политика, внутренняя политика, дипломатия, социология, церковь, религия, культура, искусство, географическая среда, быт людей, нормы их поведения, дипломатический протокол, этикет международной вежливости и т.д. [3, p. 119-218].

Однако их развитие происходит в политико-международном пространстве, состояниями которого выступают, с одной стороны, крайние политические режимы власти (деспотия, теократия, авторитаризм, тоталитаризм и т.п.) и, с другой стороны - различные формы демократий, от древнегреческих до современных западных [4, p. 79-96].

Переходы от крайних политических режимов власти к демократиям и наоборот - и есть политические конфликты, проявляющиеся в виде революций, контрреволюций, переворотов, мятежей и других общественных потрясений. В своём большинстве они деструктивны, так как ведут к разрушению сложившихся в обществе институтов, устоев, страданиям ни в чём не повинных людей, неоправданным человеческим жертвам.

Следует уточнить, что развитие общества по демократическому пути также связано с политическими конфликтами. Отличительная черта этих конфликтов состоит в том, что в своей основе они легитимны. В условиях демократии существует реальная возможность институционализации политических конфликтов. Она достигается создание различного рода комитетов, общественных объединений, посреднических организаций и других институтов, деятельность которых направлена на предупреждение кризисных ситуаций, урегулирование спорных вопросов, предотвращение переходов политических конфликтов в военные и т.д. [5].

Важной чертой политических конфликтов является использование для их разрешения как силовых, так и несиловых способов. В первом случае они балансируют на грани перехода в военные, во втором - чаще всего приобретают юридическую, договорную окраску.

Таким образом, в новых геополитических условиях XXI века социология дипломатии, теория внешней политики и теория международных отношений акцентируют свою исследовательскую парадигму на новых подходах в исследовании политических конфликтов - на основе использования современных методов математического и компьютерного моделирования. Наряду с традиционными подходами к изучению, моделированию и анализу политических конфликтов следует привлекать и новые подходы: использовать последние достижения в области естествознания, математики, информатизации и компьютеризации.

Источники и литература

1) Ціватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття (інституційний контекст) // Зовнішні справи. – 2014. – № 08. – С. 26-29.

2) Циватый В.Г. Институционально-исторические традиции политико-дипломатических систем и дипломатии: социологический аспект // Социология дипломатии: Гипотеза, структура и тематические исследования: Монография / Милан Язбец, Вячеслав Циватый и др. – Киев: Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, 2015. – С. 269-280.

3) Melissen, Jan. Public diplomacy, in Pauline Kerr, Geoffrey Wiseman (eds.), Diplomacy in a Globalizing World: Theories and Practices. – 2nd edn. – New York, Oxford University Press, 2018. – P. 199-218.

4) Hocking, Brian. Communication and Diplomacy: Change and Continuity // Global Diplomacy. – SpringerLink, 2020. – P. 79-96.

5) Malesevic, Sinisa. The Sociology of War and Violence. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 360p.

«Секция 7. Кризис глобального общества в современную эпоху (рук. проф. В.И. Добреньков)»

Руководитель секции:
проф., д.ф.н. В.И.Добреньков
Секретарь секции:
проф., д.ф.н. А.Б.Рахманов

Основные вопросы секции:

- Глобализация как причина социальных конфликтов
- Роль глобальных и локальных ценностей в развитии социальной напряженности
- Влияние либеральной экономики на появление новых социальных расколов в обществе
- Проблема взаимоотношений между «глобальным Севером» и «глобальным Югом»
- Способы гармонизации общественных интересов в условиях глобального общества

Антипова Анастасия Евгеньевна
АНО "НИЦ", Самара, Россия

Альтруизм как способ гармонизации общественных интересов в условиях глобального общества.

В середине XX века Питирим Сорокин возродил интерес к изучению альтруизма. Но разработанная им программа социокультурных преобразований была подвергнута критике. Тем не менее идея глобальной альтруизации одна из самых ярких попыток решения социально-политических проблем на международном уровне.

Благодаря неограниченному альтруизму, по мнению социолога, можно предотвратить глобальные конфликты, остановить тоталитарные и авторитарные тенденции и заложить основы стабильного развития. [3,32]

В современную эпоху кризис глобального общества очевиден, и не смотря на реализацию множества различных проектов, призванных исправить ситуацию универсальное решение

так и не найдено. Поэтому видится необходимым обратить внимание на прошлые наработки и выяснить как именно альтруизм проявляется в современном глобальном обществе и какова его роль в гармонизации общественных интересов в наши дни.

В начале 21 века мы наблюдаем процесс повсеместного размывания границ. Формируются новые надгосударственные объединения на иной экономической основе. Размываются культурные границы. Идет процесс утраты национальной идентичности. «Единая информационная среда, общие проблемы молодежи, независимо от страны проживания и культуры делают возрастную идентичность более стойкой и значимой, чем, например, национальную.» [6]

Как следствие глобализации неожиданно укрепляются в молодежи установки на инфантилизм и гедонизм, постепенно во всем мире формируется тенденция «идейной безработицы». Раньше молодые люди были нацелены на поиск своего места в социуме, а сегодня популярна тенденция ухода в себя и даже отказа от семьи. [6]

Альтруизм же изначально считается именно родственным и заложен в нас генетически именно для защиты рода и дальнейшего распространения собственных генов.

Один из важнейших факторов развития кооперации и проявления альтруизма - это межгрупповая конкуренция. Т.е. для проявления альтруизма крайне важно чувство - Мы. В наши же дни Я—идентичность приобретает все большую ценность по сравнению с преобладавшей в прошлые эпохи Мы—идентичностью — ощущением принадлежности к семье, роду, племени, этносу, государству.[3]

Теперь свою идентичность человек в большей мере определяет самостоятельно и даже изначальные гендерные особенности больше не являются жесткими рамками для самоидентификации.

С другой стороны в наши дни размывания границ меньше вероятность «трагедии трайбалистского альтруизма» которую обозначал П. Сорокин описывая неизбежность межгрупповых конфликтов при усилении внутригрупповой солидарности. [4]

По Э. Дюркгейму именно солидарность делает общество обществом и является условием любых социальных изменений. И в наши дни солидарность объединяет глобальное общество ставя перед человечеством общие проблемы такие как угроза ядерной войны, экологической катастрофы и истощения ресурсов Земли.

Страны и народы всё больше связаны между собой и это порождает потребность в глобальной солидарности. Если раньше она выражалась представителями одного класса или профессии выходившей на забастов-

ки в отстаивании своих прав, то в начале 21 века многомиллионные акции протеста против войны США в Ираке прокатились по всему миру. Представители глобального общества всё больше чувствуют боль граждан не только своей страны, но и осознают общую заинтересованность в сохранении мира на всей планете. Иностранцы постепенно перестают быть далёкими чужаками. Мы начинаем чувствовать других как себя. Возрастает эмпатия - спутник альтруизма.

Для теоретического объяснения альтруистической трансформации и перехода к просоциальному действию П. Эрнандес-Вольфе описывая опыт Колумбийских правозащитников использует понятия «альтруизма, рождающегося из страдания», выносливости и посттравматического развития. У индивидов, испытавших страдание, появляется мотивация к оказанию помощи другим исходя из собственного негативного эмоционального опыта.»[5] Пережитый ими опыт привел к росту способности к эмпатии, более глубокому пониманию страдания других и обостренному чувству обязанности помогать. Автор отмечает терапевтический эффект, оказанный на правозащитников альтруизмом.

Также об альтруизме рожденном из страдания мы можем говорить анализируя мотивы социальных предпринимателей сподвигнувших их на просоциальные проекты. Это в большинстве своем люди, которые либо сами столкнулись с социальной проблемой, либо попытались оказать помощь страдающему родственнику, самостоятельно, а затем сумели «дорастить» свою инициативу до бизнеса. [7,57] Так нашли решение проблемы инфраструктуры и занятости для инвалидов или организация досуговой деятельности детей и т.д. Дела на благо общества помогли бизнесменам пережить собственные страдания.

Но альтруизм рождается не только из страдания. Также рост уровня эмпатии и альтруистических смысложизненных ориентаций отмечен после тренинговых психологических программ по авторским методикам.[1]

Некоторые интернет - площадки мотивируют к солидарности и альтруизму (Cheng.org, Crowdsourcing.ru и др.)

Подводя итог вышесказанного можно говорить о присутствии феномена альтруизма в глобальном обществе начала 21 века. Однако на данный момент конечно же речь не идет о повсеместной альтруизации. Тем не менее нельзя отрицать положительный эффект, просоциальных действий на общественные процессы.

Источники и литература

1) Антипова А.Е. Формирование альтруистических смысложизненных ориентаций как способ улучшения общественного здоровья

// Социальная справедливость – основа общественного здоровья / Материалы научно- практической конференции 13 марта 2018 г. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018.

2) Аргунова В.Н., Антипова А.Е. Влияние альтруистических смысложизненных ориентаций на здоровье. // Здоровье как ресурс: V. 2.0 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ 402-407с.

3) Вебер А Б. Солидарность в век глобализации // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 497-508

4) Долгов А.Ю. Теория альтруизма Питирима Сорокина: Глобальная перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2015. №2.

5) Долгов А.Ю.2012.02.005. Эрнандес-вольфе п. Альтруизм рождается из страдания: как колумбийские правозащитники трансформируют боль в просоциальное действие. Hernández-wolfe p. Altruism born of suffering: How Colombian human rights activists transform pain into prosocial action // J. of humanistic psychology. – Beverly Hills (CA), 2011. – Vol. 51, N 2. – P. 229–249.

6) Клементьев Б.С. Глобализация и индивидуализация: Логика социально-философской взаимосвязи. // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2

7) Ульянова Н. Предприимчивый альтруизм // Социальное предпринимательство. Бизнес – журнал июнь 6 2014г - 57- 60 с.

8) Якимова Е.В. Феномен альтруизма: новые аспекты и Современные аналитические тенденции.// Альтруизм как проблема Социологических исследований. 241-266 с.

Аргунова Вера Николаевна

Вятский государственный университет, Киров, Россия

Общественное движение за создание народовластия в современной России как антиглобализационное явление

В последнее время в России сформировалось мощное движение по созданию органов местного самоуправления, альтернативных существующим административным структурам. Оно протекает в разных формах.

Создаются территориальные общины и народные советы граждан, решающие самостоятельно вопросы местного уровня; сформировалось движение по воссозданию Советского Союза, который, как доказывают его участники, был ликвидирован незаконно и по всем юридическим нормам существует и по сей день. В рамках движения по воссозданию СССР по всей территории страны возникают советы, как форма народовластия. Активная часть населения страны оценивает современное положение страны как зависимость от иностранных государств. Часть социальных активистов считает, что СССР находится в иностранной оккупации, другая часть обосновывает утверждение о колониальной зависимости России от ведущих стран капиталистической системы. В любом случае, сложившаяся ситуация в России и пути выхода из нее рассматриваются в мировых масштабах, а не сводятся только к изменениям внутри политической системы. Это вызвано, по нашему мнению, прежде всего, социально-экономическими и политическими последствиями «реформ», начавшихся в 90-е гг. в силу которых страна вошла в мировую капиталистическую систему. В течение непродолжительного времени была подорвана экономическая самостоятельность государства и страна превратилась в поставщика сырьевых ресурсов для развитых стран капиталистической системы. Был утрачен статус развитой мировой державы и страна перешла в группу «развивающихся» стран. По терминологии Валлерстайна, Россия стала полупериферийным государством, в то время как экономическое развитие СССР находилось на уровне государств «ядра» капиталистической мир-экономики.

Структура мировой капиталистической системы иерархична. В ней нет, и не может быть равноправного положения государств, поскольку прибавочная стоимость распределяется неравномерно как в пространстве, так и между классами. Всякое «развитие» в одной части мировой капиталистической системы имеет своей оборотной стороной «упадок» или «слаборазвитость» кого-то другого. Валлерстайн подчеркивает, что наличие отсталости группы стран периферии и полупериферии не означает, что отсутствуют внешние символы модернизации (высотные здание, развитие информационных технологий и пр.). Однако большинство населения страны станет жить хуже, несмотря на видимость развития. [1,214-215]

Стремление населения страны непосредственно участвовать в управлении делами государства связано также с тем, что в условиях глобализации идет процесс формирования корпораций-государств. Корпорация-государство выражает интересы крупного мирового капитала, игнорируя общенациональные интересы. В таком государстве отношения меж-

ду людьми носят исключительно экономический характер. Задача государства состоит на минимизацию издержек по содержанию территории прописки, сведение к минимуму социальных обязательств, избавление от лишнего, нерентабельного с экономической (корпоративно-государственной) точки зрения населения. Если в национальном государстве в жизнь страны включается большинство населения, то задача корпоративного государства состоит в исключении из социальных процессов всех тех, кого нельзя эксплуатировать как производителей или потребителей [2,142-143].

Вхождение России в мировой капиталистический рынок привело к «приватизации» национального государства ТНК, ресурсы которых более значимы, чем ресурсы национальных государств. Несмотря на провозглашение народа главным носителем суверенитета, население фактически отстранено от выдвижения своих кандидатов в государственные органы власти всех уровней, не может дать наказов своим депутатам и требовать их исполнения. На протяжении последних десятилетий власть удерживается небольшой группой лиц, проводящей политику защиты интересов ТНК. Буквально в последние дни 2019 г. подписаны указы о приватизации морских портов, аэропортов, множества институтов, связанных с электроникой и информационными технологиями, Центра радиоэлектронной борьбы. Общественность оценивает такие действия руководства страны как распродажу Родины и не желает мириться с этим.

Отстранение народа от участия в деле государственного управления вершится в последние десятилетия. Делается это руками властвующих политических группировок через принятие соответствующих правовых норм. Социально ответственная и активная часть населения понимает, что вернуть национальный суверенитет возможно только посредством реального народовластия. Набирающий силу процесс возрождения национального самосознания имеет антиглобализационную направленность. Глобализация как распространение экономического, политического и культурного влияния монополистического капитализма на страны мира не является необратимым процессом. Это лишь современная форма капитализма, которая ярко демонстрирует его историческую несостоятельность.

Источники и литература

1) Валлерстайн И. Анализ мировых систем в современном мире. СПб., 2001

2) Нравственное государство. От теории к проекту / под общ.ред. С.С. Сулакшина. М., 2015

Багаева Алиса Валерьевна
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, социологический факультет, кафедра социологии международных отношений, Москва, Россия

Гармонизация общественных интересов под влиянием деятельности транснациональных акторов мировой политики

Одним из основных каналов, в которых формируются ведущие тенденции глобального развития, является соединение потоков региональной интеграции и транснационализации, имеющее тенденцию к расширению. Первостепенными механизмами данного процесса выступают иностранные филиалы ТНК и единый рынок интеграционного объединения. Точно так же, как транснационализация экономики и интеграция по отдельности имеют разные скорости и темпы в отдельных регионах, их совместное развертывание часто происходит не плавно, последовательно, а имеет скачкообразный ритм. Он определяется тем, что каждый из участников этого процесса вносит вклад с учетом собственных интересов. Конфликт интересов национальных государств и транснациональных корпораций не может не влиять на интеграционные процессы. Особенно четко этот конфликт заметен при создании ТНК стратегических альянсов, с компаниями третьих стран и других регионов. Эти действия создают восприятие политики ТНК в регионе как действий внешнего агента, не всегда лояльного программам регионального социально-экономического, а порой и политического развития. Кроме того, активизация влияния ТНК третьих стран на едином экономическом поле региона может отрицательно сказаться на эффективности местных производственных объединений со всеми вытекающими социальными последствиями, решать которые будет вынуждено государство. И все же положительные результаты даже такого взаимодействия ТНК с нерегиональной производственной или финансовой организацией перевешивают негативное восприятия данного процесса лидерами национального бизнеса, государственным руководством и региональными управленцами в силу того, что таким путем создается еще один инструмент поддержания баланса сил в мировой экономике. Выше отмечалось совмещение траекторий региональной и корпоративной интеграции. Как правило, в этой паре именно первая выступает стимулом для развития второй. Региональная экономическая ин-

теграция, имеющая свои правила, выравнивая социально-экономические условия в государствах региона, вводя общие стандарты в самых разных областях, эту же общую логику переносит на предмет корпоративной интеграции. Для ТНК эффект от такого проникновения очевиден и проявляется в благоприятном изменении их конкурентного положения. В регионе под влиянием интеграционных процессов ТНК оказывается вынужденными играть по правилам регионального развития, где, хотя и ставится задача снижения различий центра и периферии, они сохраняются. Региональная интеграция не может развиваться в стилистике жесткого регулирования сверху. Так, невозможно не учитывать специфику государств, включенных в интеграционный процесс, уважать традиции, культуру, особенности менталитета народов. Потребность принимать все это во внимание при развитии деятельности ТНК в регионе с историко-культурным многообразием — сложно выполнимая задача, во многом тормозящая интеграционные процессы в мире. Поэтому практика Евросоюза постоянно демонстрирует национальное сопротивление усилиям брюссельской бюрократии в самых разных направлениях. Что касается ТНК, то для них принцип дирижизма (фр. dirigisme) неприемлем в связи с тем, что он противоположен принципу саморегулирования экономики на основе действий рыночного механизма и конкуренции. Поэтому ТНК, приходя в регион, подталкивают национальную экономику к движению по пути либерализации, показывают образцы использования внутренних стимулов к саморазвитию и достижению высокой эффективности производства. Эти импульсы транслируются на уровень регионального управления, в первую очередь в области торговых и финансовых отношений. Все такие меры способствуют образованию регионального хозяйственного комплекса, структура и пропорции, которого отражают, в конечном итоге, потребности региона. Препятствует ли агрессивная политика ТНК региональной интеграции? На этот вопрос нельзя ответить утвердительно, но и полностью отрицательный ответ будет далек от истины. Сформировались весьма устойчивые стереотипы восприятия политики ТНК, как основанной на настойчивом стремлении сломать существующие культурные различия. Отсюда следовало, что нивелировка национальных культур им представлялась необходимой для совершенствования управления мультинациональными и мультикультурными объединениями, что требовало проводить политику унификации культур без сантиментов, без учета разнообразия культур. Это — не совсем справедливо. Ни степень мощности ТНК не позволяет им добиться успеха в такой ломке, ни сила национального своеобразия не дает ему исчезнуть без следа. Поэтому участие в процессах регионализации стало для транс-

национальных корпораций своеобразным мостиком к вхождению в национальные системы. Наиболее успешный опыт региональной интеграции в Европе является одновременно результатом развития национальных корпораций, ставших транснациональными. Для развития российской экономики, углубления интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) изучение взаимовлияния транснационализации и регионализации имеет практический смысл. Одной из задач региональной интеграции на постсоветском пространстве является создание на территории ЕАЭС крупных финансово-промышленных групп и ТНК, которые могут выступать как альтернатива гегемонии западных транснациональных капиталов в данном регионе.

Источники и литература

1) Аварский С.А. Создание на территории ЕАЭС крупных финансово-промышленных групп и ТНК как альтернатива гегемонии западных транснациональных капиталов на постсоветском пространстве // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 32 (74). С. 77 — 80.

***Барановский Максим Витальевич*[1], *Веремчук Владимир Игоревич*[2]**

1 - Финансовый университет, Москва, Российская Федерация; 2 - ФГКВОУ ВО Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия

Доверие в глобальном цифровом обществе

Ответ на современные вызовы цифровизации общества и его экономической сферы не может ограничиваться только техническим и программным сопровождением глобальных, региональных и индивидуальных социальных взаимодействий и финансовых операций. В эпоху декларирования транспарентности межличностностных и межорганизационных взаимодействий именно социальные аспекты развития цифрового общества имеют особую значимость. Как это ни парадоксально, но цифровизация общества в целом, и его экономической сферы в частности, ведет не только к обезличиванию социальных отношений между людьми и государствами, но и к усилению роли таких феноменов, как доверие и репутация. Так, по мнению Кевина Келли «безумное глобальное стремление, чтобы все постоянно были на связи друг с другом, незаметно ведет

к измененной технологической версии социализма» [4, с.159]. Однако, этот «цифровой социализм» относится не к политике и государству, а к экономике и культуре.

В свою очередь, социологические исследования доверия как перспективного направления решения проблем цифровизации экономики могут быть выражены в изучении взаимосвязей абстрактного (доверия институтам) и межличностного доверия.

Также, доверие может быть рассмотрено в качестве социальной установки и структурировано на эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты [3, с.105-114].

Интересен подход к структурированию доверия, предложенный британским социальным историком Дж. Хоскингом, по мнению которого доверие представляет собой сложносоставное социальное явление, включающее в себя несколько феноменов [6, с.42-44]:

1. Доверие-чувство - ощущение надежности, безопасности, свободы действий и поступков.

2. Доверие-позиция - устоявшееся мнение об объекте, событии, личности, группе, организации, институте, умонастроения и взгляды, влияющие на поведение человека, его предрасположенность действовать тем или иным образом.

3. Доверие-отношения - непрерывное устойчивое взаимодействие людей друг с другом, группами, организациями и институтами.

Все три вида доверия - чувство, позиция и отношения - подразумевают социальный контекст. Они связаны с эмоциями, знаниями, поведением и действием или потенциалом для действия [1, с.137-145].

Подтверждение актуальности взаимосвязи доверия и цифровизации финансовой сферы мы можем найти в популярной социально-экономической модели совместного потребления. Рэйчел Ботсман, один из авторов этой концепции, предложила свой подход к периодизации «эволюции доверия» в истории человечества, выделив три ее основных этапа: локальный, институциональный и распределенный [2].

По ее мнению, на первом этапе - приблизительно до середины 1800-х гг., доверие строилось исключительно на тесных взаимоотношениях между людьми и носило локальный характер.

На институциональном этапе - в середине XIX века общество и доверие в нем пережили трансформацию. Рост числа городов и городских жителей, способствовали созданию финансовых корпораций и других «авторитетных органов», незнакомых с людьми лично, но наделенных институциональным доверием, основанным на полномочиях. На этом этапе часто фиксируется «обман доверия» и неуклонное снижение дове-

рия к институтам и корпоративным брендам, вследствие ненадлежащего выполнения ими своих обязательств по отношению к людям.

Третий этап протекает в современном обществе и на нем формируется новая разновидность доверия. Классическое понимание доверия институтам в цифровую эпоху постепенно отмирает. Сетевые сервисы совместного потребления и совместной деятельности, основанные на взаимовыгодном сотрудничестве и оценке репутации пользователей, создают нелинейное доверие, строящееся на открытости механизмов межличностного взаимодействия. Доверие «распределяется» между людьми, а репутационный капитал может быть трансформирован в финансовую прибыль.

Самый грандиозный инновационный проект, являющий «симбиоз» сетей доверия и цифровых финансовых механизмов, представляют собой блокчейн-технологии. Первоначальная сфера применения блокчейн - электронная валюта нового поколения - децентрализованная, прозрачная, независимая от экономических институтов государства и регуляторов, обозначила начало перехода от институционального доверия к распределенному. Блокчейн-технологии способны принести реальную пользу в системе межбанковских операций и биржевой торговли, а также способствовать прозрачности и сокращению расходов на ведение всех видов государственных реестров, проведение выборов и референдумов [5, с.15-19, 237-258].

Современные цифровые технологии способны уже сегодня полностью изменить общество. Однако, для того чтобы своевременно отвечать на вызовы и угрозы, скрывающиеся за якобы моральной нейтральностью процессов технологизации, необходимо положить в основу электронной экономики и политики социальные механизмы доверия, прозрачности, открытости и личной ответственности субъектов взаимодействий.

Источники и литература

1) Барановский М.В. Доверие в военной организации // Социологические исследования 2019. № 10 С. 137-145.

2) Ботсман Р. Мы перестали доверять институтам и начали доверять незнакомцам [Электронный ресурс] URL: https://ideanomics.ru/lectures/13161 (дата обращения 14.10.2019).

3) Зарубина Н.Н., Носкова А.В., Темницкий А.Л. Доверие к социальной науке в России как исследовательская проблема // Социологические исследования. 2018. № 7. С.105–114.

4) Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фебер, 2018.

5) Табернакулов А., Койфманн Я. Блокчейн на практике. М.: Альпина Паблишер, 2019.

6) Хоскинг Д. Доверие: История. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

Белокреницкая Полина Александровна
ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

Кризис категории "случайность" в современную эпоху

В последнее время в литературе ученые стали чаще употреблять категорию «случайность». В связи с этим возникли споры: что это за категория и как ее интерпретировать. Раньше, в рамках детерминизма, эта категория рассматривалась исключительно как нечто недоисследованное, порочное, суеверное, неразумное. Но сейчас ее широко используют в науках, в том числе и в социологии. Во многом трансформация содержания категории «случайность» связана с переходом от детерминизма к индетерминизму.

Эта трансформация произошла на стыке восемнадцатого и девятнадцатого веков, когда случайность стала основой фундаментальных процессов природы и общества [1]. И если раньше все точно знали, что случайность не признана, то сейчас такой общности во взглядах на ее теоретико-методологические возможности нет. Отчасти потому, что не все знают о данном переходе, хотя, конечно, и чувствуют изменения в ее содержании. Сейчас существует некий дисхроноз, но итог один: если в прошлом мы должны были бежать от неопределенности (случайности), то в XXI веке должны учиться жить и работать в условиях ее проявлений.

Проблема интерпретации случайности и ее значения сейчас пользуется популярностью в Европейском научном обществе: люди изучают ее в своих сферах (бизнес, искусство, аналитика) и выпускают книги. Отголоски этой темы и попытки ее интерпретации или всего лишь применения есть в каждом научном труде.

В своей совокупности интерпретации категории «случайность» дают хотя и достаточно всестороннюю, но и весьма противоречивую картину. По-прежнему главной научной проблемой остается поиск ответа на вопросы, что же такое «случайное», какова его природа и в чем его специфика.

Поэтому было решено изучить теоретико-методологические возможности категории «случайность» в науке и общественной жизни и использования в повседневности.

Исследование выполнено в качественной стратегии. Основными методами были выбраны:

1) Качественный контент-анализ содержания категории «случайность» в теоретических, методологических, художественных и научно-популярных работах;
2) Глубинное полуструктурированное экспертное интервью. Респонденты — представители теоретической выборки, в поле интересов которых входит случайность, контингентность, теория и методология исследования;
3) Вторичный анализ исследования, в котором случайность используется как причина материального состояния респондента.

В качестве ключевой теоретической концепции была выбрана концепция причинности Рэндалла Коллинза. В контексте данной работы категория «случайность» рассматривается не как нечто аморфное, а как реально существующее и признанное явление. Также условно можно разделить авторов, рассматривающих категорию «случайность», на два тематических блока — теоретический и повседневный:

1) Теории и концепции о признании случайности в науке, методологии и повседневности. Здесь центральными фигурами являются Я.Хакинг[1], Н.Талеб [2], Л. Млодинов [3];
2) Концепция практик оправдания Л.Болтански, Л.Тевено [4].

Результаты исследования показали, что переход от детерминизма в индетерминизм изменил статус категории «случайность» с непризнанной на признанный, ее стали чаще и увереннее использовать в научных трудах.

Случайность может быть интерпретирована как форма проявления совпадений неких событий, которые определили исход из всех возможных. Она исключительна, сильна и ретроспективна — объяснение приходит только после события.

Интерпретация категории «случайность» современниками с помощью глубинного интервью показала, что семь респондентов признали случайность, а один не признал. Видимых причин не непризнание случайности не нашлось: разве что это аспирант, который давно прочитал книгу Талеба и не остался к ней равнодушен. Также он сам называет одну из

причин — детерминизм: «Но в нашем мире... повсюду витает детерминизм, поэтому единственное, что объединяет Волю и Случайность — это их полное отсутствие в моей системе координат».

В разговоре о случайностях респонденты назвали следующие ее характеристики:

- событие, у которого нет причины (потому что причины нет, а не потому, что мы ее не видим), то могло произойти как одно событие так и крайне ему противоположное;
- это то, что мы не понимаем, на что мы надеемся, чего мы хотим избежать. А еще это результат наших собственных действий и результат действий контрагентов, который мы не сумели просчитать;
- случайность определяется как фактор, который определил исход эксперимента из всех возможных;
- эта некая последовательность сингулярных событий. Но очевидно, что это не так;
- случайность — это необходимость, которую следует принимать во внимание. Случайность не как философская категория, а как реальность, как явление, с которым ты сталкиваешься в повседневности.

Исследование интерпретации случайности в повседневности доказало, что сейчас под случайностью люди подразумевают вполне рациональные причины. Проблема в том, что во всех исследованиях, как и в том, которое было проанализировано, людей спрашивают ретроспективно, о прошлом опыте. А, как показывал Л. Болтански, люди склонны оправдывать свои действия, возможно в прошлом иррациональные, чем-либо рациональным. И случайность в этом случае признана одной из причин их действий, поступков и т.п.

Источники и литература

1) Hacking I. The taming of chance Institute for the History and Philosophy of Science and Technology, University of Toronto // Ian Hacking. p. cm. - (Ideas in context) ISBN 0-521-38014-6. -ISBN 0-521-38884-8 (pbk.)
2) Талеб Н. Черный лебедь // Издание второе, дополненное — М.: Колибри, 2010. — 735 с.

3) Млодинов Л. (Не)совершенная случайность. Как случай управляет нашей жизнью // А. Збарская - Гаятри, 2006. — 352 с.
4) Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов // Пер. с фр. О.В. Ковеневой, под ред. Н.Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Бештоков Магомет Владимирович
ИСИР Ростов-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

Проблемы социализации в глобальном обществе современной эпохи: информационно-коммуникационный ракурс

Среди множества аспектов социальной напряженности в эпоху глобального общества отдельно стоит выделить социологическое направление касающееся социализации молодежи в среде информационно-коммуникационных технологий.

Аспекты, касающиеся социализации, вопросы социального поведения молодежи и ментальных программ [3], патриотизма [2], рискогенности и духовного кризиса [1] молодежи продолжают находиться на острие научного интереса. Современная молодежь погружена в среду компьютерных и сетевых технологий, их проникновение во многие сферы жизни общества не оставляет шанса избежать их влияния. Глобальность этой информационной среды уже сейчас приводит к ряду социализационных рисков, к искажению социализационного процесса, ценностной системы и поведенческих моделей, к утрате влияния российских традиционных социальных институтов на российскую молодежь, что в итоге становится основой многочисленных социальных конфликтов.

Нами было проведено два исследования (2018 и 2019-2020 гг.) социализации современной российской молодежи, данные которого говорят в пользу этой гипотезы. Один из характерных факторов мощности социализационного потенциала компьютерных и сетевых технологий состоит в длительности и регулярности их использования молодежью. Результаты исследования показывают, что 94% (2018) и 96% (2020) респондентов пользуются ими ежедневно, что совпадает с данными ФОМ - 98% (среди подростков) [4].

Следующие вопросы показывают аспекты рискогенности, связанные с социальными институтами. Так, на вопрос «можно ли утверждать, что Интернет стал лидирующим конкурентом семьи и культурно-образовательных учреждений в проведении досуга молодежью?» ответ "определенно да" выбрали 42,4% (2018) и 34,1% (2020) респондентов, и ответ

"еще нет, но скоро станет" 17,4% и 24,2% соответственно. На вопрос «можно ли утверждать, что Интернет стал лидирующим конкурентом школ и ВУЗов в получении молодежью знаний о жизни и мире?», "определенно да" ответили 30,2% (2018) и 33,1% (2020) и "еще нет, но скоро станет" 29,1% и 26,1% соответственно. Результаты показывают, что социализационные процессы, происходящие с молодежью в контакте с компьютерными и сетевыми технологиями, явно конкурируют с воздействием традиционных российских социальных институтов.

Наряду с этим наблюдается недостаточность и востребованность использования современных компьютерных и сетевых технологий в рамках традиционных социальных институтов. Так на вопрос «Хотели бы вы, чтобы компьютерные и Интернет-технологии чаще использовались в жизни: в обучении в школе/ВУЗе, в культурно-массовых мероприятиях, в досуговой деятельности?» большинство респондентов, 61,6% (2018) и 43,6% (2020) дали ответ "хотел бы большего использования", при этом только 26,2% и 34,4% соответственно считают, что такие технологии "и так уже используются оптимально".

Еще один немаловажный фактор - возможности ведения пропаганды и агитации в среде компьютерных и сетевых технологий (2020). На вопрос "Как вы считаете, насколько широко используются интернет-ресурсы для ведения пропаганды и агитации (и негативной, и позитивной)?" большинство респондентов ответило 44,3% "используется постоянно" и 36% "используется часто"; при этом на вопрос "Как часто вы сталкиваетесь с негативной, деструктивной пропагандой на интернет-ресурсах?" наиболее популярный ответ - "часто" - 42%, наряду с 15% "постоянно" и 27,1% "редко".

Завершают картину два вопроса, касающиеся безопасности данных технологий и уровня позитивности их текущего состояния. Так, на вопрос «как вы оцениваете уровень информационной и социально-психологической безопасности молодежи в Интернете?» (2018) многие респонденты отметили пункт "средний" - 44,8% и "низкий" - 33,7%; в то время как на вопрос «как оцениваете культурное, духовное и образовательное состояние Интернета, по отношению к российской молодежи на сегодняшний день?» (2018), большинство отметило "состояние среднее" 45,9% и "состояние плохое" 23,8%. Такие результаты говорят сами за себя.

Исходя из этих данных мы можем заключить, что кризис глобального общества в современную эпоху находит свое отражение и в вопросах социализации. Глобализация общества, катализирующаяся компьютерными и сетевыми технологиями открывает все новые и новые возможности

для всевозможных социальных акторов транслировать свои ценности, нормы и социализационные образцы. К сожалению, обилие негативной пропаганды, утрата влияния традиционных социальных институтов и низкий уровень информационной и психологической безопасности приводит общество к состоянию социальной напряженности, что в итоге выражается в социальных конфликтах. Такое положение дел бросает вызов отечественной науке и ставит перед ученым сообществом не менее глобальную задачу - в совершенстве овладеть современными технологиями и поставить их на службу прогрессу и гражданскому обществу.

Источники и литература

1) Vereshchagina A., Sazhina L., Samygin S. (2016) Civilization security of third century in conditions of challenges of globalization era. Society, culture, personality in modern world. Materials of the VI international scientific conference on February 16-17 (pp. 64-68). Prague.
2) Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Lubsky A.V. (2018) Patriotism In Local Communities Of The South Russia. Modern Journal of Language Teaching Methods, Vol. 8, Issue 9, 143-151
3) Lubsky A.V., Kolesnikova E.Y., Lubsky R.A. (2016) Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society. International Journal of Environmental and Science Education. Volume 11, Issue 16, 9549-9559.
4) Исследование ВЦИОМ. (2019). "Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности?". Электронный ресурс. Дата обращения 20 января 2020. Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9587

Большаков Владимир Ильич

РГУ нефти и газа им.Губкина, Москва, Россия

Вызовы глобализации и ответ России

Мир в настоящее время может незаметно скатиться от божественного права через Вестфальскую систему, утвердившую равные суверенитеты, к откровенному диктату одной страны или военного блока под маской глобализации по отношению к другим странам.

Европейский правопорядок существует уже более 300 лет и был закреплен Вестфальским миром, и последующими решениями ряда европейских, и общемировых конвенций. Однако события последних лет в

Югославии, Афганистане и Ираке демонстрируют явную тенденцию отказа от Вестфальской системы равного суверенитета. Совершенно очевидно стремление США поставить себя выше суверенитетов отдельных стран, причем делается это даже иногда в обход решений ООН.

В результате, сегодняшняя ситуация в мире крайне неравновесна, и если исходить из системного взгляда на социально-экономические мировые процессы, то мы должны признать, что причиной современного социально-политического неравновесия являются сами США, которые, имея пять процентов населения земного шара, потребляют почти половину всех энергетических мировых ресурсов и производят столько же мировых отходов. Рано или поздно такую неравновесную систему либо настигнет мировая катастрофа, либо усилиями других мировых центров она будет изменена цивилизованным способом.

В ответ на разрушение в Нью-Йорке зданий Международного Торгового Центра и гибели под их руинами нескольких тысяч людей, Америка начала широкомасштабную военную операцию против ею же выпестованного фантома, вина которого впрочем, совершенно не доказана. Были нанесены массированные удары по Афганистану, и эта операция названа «Возмездие». Хотя можно сказать, что это не что иное как системная реакция мира на системное неравновесие, которое существует в сегодняшней мировой социально-политической и финансово-экономической системе. И даже если бы взрывы не состоялись, США придумали бы какой-то фантом, который позволил бы им «поиграть военными бицепсами».

Когда были выкачаны все ресурсы из бывшего СССР, а потом из России, дополнительные источники поддержания паразитизма США может дать только масштабная война. Так, например, Римская империя воевала в течение всех лет своего существования потому, что только война позволяет поддерживать столь вопиющую социальную поляризацию, столь разительное социально-неравновесное состояние, которое существовало в Древнем Риме. Кроме того, можно себе представить, что произойдет в самих Соединенных Штатах, если та «социальная бомба», которую они заложили под здание СССР, под названием самоопределения нации, вдруг взорвется в США, и там начнут тоже «самоопределяться».

«Что же делать России?» Ответ очевиден: надо защищать свои национальные интересы, чтобы не оказаться в той роли, которая ей была уготована в таких мировых трагедиях, как, например, нашествие Наполеона или Гитлера, когда выращенные Западом фантомы, приобретали какую-то магическую силу и стремление подчинить себе весь мир, а Россия всегда оказывалась последним рубежом, который эта сила не могла

преодолеть. Сегодня России очень важно не оказаться в той же роли, потому что эта наша победа может оказаться Пиррова.

У России две реальные опасности, первая:

- оказаться на переднем крае борьбы двух цивилизаций:

Для того, чтобы этого не случилось, надо в условиях сегодняшнего противостояния США и ислама налаживать диалог цивилизаций, то есть диалог восточно-европейской или русской православной цивилизации с исламской, и, одновременно с их войной, укреплять дружественные связи в самых широких областях: культуре, образовании, экономики, туризме, науке с теми странами, которые придерживаются именно традиционного ислама (Египет, Сирия, Ливан, Алжир, Кувейт, Иран, а также на Дальнем Востоке - Индонезия и Пакистан).

Если России удастся не быть втянутой в столкновение Запада с радикальными исламистами со стороны, то агрессивная составляющая этих двух цивилизаций может взаимоуничтожиться, что обеспечит для России самое благоприятное развитие событий.

Вторая опасность:

- принять на свои плечи бремя финансового гнета США.

Для поддержания неравновесной социально-экономической системы война - самый подходящий социальный фон. Поэтому сейчас столь агрессивна американская дипломатия по отношению к России с целью втянуть ее в какую-либо военную операцию по планам США (Украинский, Грузинский конфликты), сделать Россию одной из основных опор для поддержания своей долларовой финансовой пирамиды, распространив ее на весь мир.

И в этом смысле защита национальных интересов России означает, что мы должны, играя на дипломатическом поле, сохранять необходимую дистанцию с США, чтобы не позволить втянуть себя в пропасть в случае краха ее финансовой пирамиды, в то же время укреплять свои политические и финансово-экономические отношения с другими мировыми центрами, такими как Китай, Индия, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Западная Европа, Япония и Латинская Америка. Нам нельзя оказаться держащим небо Атлантами, под которым совершенно беззаботно живет такая процветающая паразитарная супердержава как США.

Васецкий Николай Александрович

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, социологический факультет, кафедра социологии международных отношений, Москва, Россия

Конфликтогенная среда на постсоветском пространстве

1. Нищета конфликтологии. Сразу сделаем неприятную заявку. Не проработана эта конфликтная среда ни в России, ни где бы то ни было ещё. С одной стороны, на официальном уровне невыгодно признание конфликтов по политическим мотивам. За что боролись, когда разоблачали советский тоталитаризм? С другой - постсоветские конфликты не укладываются в прокрустово ложе западной конфликтологии. А иной, чем западная, на постсоветском пространстве не придумали. Нищета философии, как любил выражаться К.Маркс. Есть и третья сторона. Исследовательская мысль попросту не успевает за динамикой постсоветской действительности. 2. Межцивилизационный характер. Есть сближение точек зрения на том, что межгосудартвенные конфликты классического типа для постсоветского пространства не характерны. Главный конфликтогенный источник, по нашему мнению, в интернационализации этнополитических конфликтов и их неминуемом выходе на межцивилизационные отношения. В постсоветской конфликтологии центральное место принадлежит именно цивилизационному фактору мировой политики и его военному измерению. 3. Утрата цивилизационной этносистемности. Советская цивилизация в период расцвета в 1970-е годы представляла образцовую этносистему мирового масштаба. Под этносистемой нами понимается совокупность национально-этнических взаимоотношений при отлаженной субординации, которая в советских условиях не ущемляла ни в чём части системы, наоборот, способствовала их развитию. Эту субординацию обеспечивала интернациональная политика правящей КПСС. Распад многонационального Советского Союза реанимировал множество застарелых проблем и конфликтов на его бывшей территории. Центральной среди них была и остаётся пограничная. Она уникальна по масштабам и качественным характеристикам. Состоит из 24 новых границ. Их протяжённость более 24 тыс. километров. Из них – 11 тыс. (46 процентов) выпадает на Российскую Федерацию. 4. Межцивилизационная конфлигурация. Крайне сложная, состоит из следующих субэтносистем российского пограничья: 1) Прибалтийская – по границам между Россией, Белоруссией, Латвией, Литвой и Эстонией; 2) Восточнославянская - между Россией, Украиной и Белоруссией; 3) Кавказская - между Россией и государствами Закавказья; 4) Каспийская - по поверхности Каспийского моря рубежи между новыми прикаспийскими

государствами; 5) Центрально-азиатская - по границам между новыми государствами Центральной Азии, а также между Россией и Казахстаном. 6) Приднестровская – по украинско-молдавской границе, хотя территориально и не соотносящейся с Россией, но играющей существенную роль в её внешней политике. (См. В.В.Жириновский, Н.А.Васецкий. Социология мировой политики. М. Изд-во ЛДПР, 2014). Каждая субэтносистема отличается спецификой. Общим пограничники называют прозрачность границ между бывшими советскими республиками и сохраняющаяся неопределенность статуса всех этих границ. Действует принцип: Uti posidentis – владей тем, чем владеешь, то есть каждому – своё. 5. Конфликтные узлы. Их насчитывается по меньшей мере 9. В Европе: Приднестровско – Молдавский, частично Крымский. На Кавказе: грузино – осетинский, грузино – абхазский, Нагорно – Карабахский или армяно – азербайджанский узел. В Средней Азии еще 4 узла: Киргизско – узбекский, киргизско – таджикский, узбекско – таджикский и частично казахско – узбекский. 6. Межцивилизационные зоны. Эти узлы находятся на стыках Российской (Восточно- христианской православной) цивилизации и Западно-христианской цивилизаций, Российской и Восточно-исламской цивилизаций, в формирующейся Евразийской цивилизации. Носят типично этнополитический характер. А с точки зрения их возможного разруливания - совершенно бесперспективный характер, по крайней мере, в обозримом будущем. 7. Следствие противоречий. Каждый из этих типов конфликтов - результат переплетения противоречий: этнических, территориальных, политических, экономических, религиозных. К ним добавляются ещё и 3 типа вооруженных конфликтов: 1. конфликты на почве стремления этнических меньшинств к реализации права на самоопределение; 2. конфликты по разделению наследства бывшего СССР; 3. гражданские войны. 8. Притязания отдельных этносов на изменения границ с Российской Федерацией: присоединить часть Псковской и Ленинградской областей к Эстонии; часть Псковской области – к Латвии; северо-западную часть Белоруссии – к Литве; южные районы Литвы – к Белоруссии; часть Гомельской области – к Украине; часть Черниговской области Украины к Молдавии; юго-восточные области Украины – к России; на Кавказе Приморский район Краснодарского края – к Адыгее. Список можно продолжать до бесконечности. Например, финны потребовали восстановить границы до войны 1940 г. 9. Картина проблем на постсоветском пространстве сводится к следующему: 1) спорность линий границ, связанная с её изменениями и с изменениями национально-государственной принадлежности территории; 2) спорность принадлежности и статуса территориальной единицы, свя-

занная с их изменениями и упразднением или слиянием автономий; 3) отсутствие автономии ряда этнических групп, имеющих государственность на других территориях или не имеющих её вообще; 4) этническая неоднородность национально-государственных образований; 5) этническая, историческая, конфессиональная, культурная, экономическая общность территорий, разделенных национально-политическими границами; 6) невозможность проживания народа на данной территории как следствие депортаций, заявлений об исключительности прав одного этноса на его «исконные» территории и др. 10. Известно как минимум 5 концепций внешней политики России по отношению к конфликтологии на постсоветском пространстве. Но ни одна из них не решает вопрос с позиций цивилизационного фактора мировой политики. Это: 1. Узкоранционалистическая, отстаивающая идентификацию России в её нынешних границах и настаивающая на отказе от различий между близким и дальним зарубежьем. 2. Воссоздание СССР как некоего союза равноправных республик. 3. Национал-патриотическая, предусматривавшая создание союза неравноправных субъектов во главе с Россией. 4. Либерально - космополитическая концепция, предполагавшая восстановление СССР в форме евразийского союза. 5. Национально-либеральная, исходящая из возможности добровольного (на основе референдума) объединения ряда бывших республик, включая Россию, в федеративное государство на основе цивилизационно - культурной общности.

Герасимова Алиса Ильинична
РГСУ, Москва, Россия

Дауншифтинг как актуальная социокультурная практика и жизненный выбор

Современный мир представляет собой динамичный, сложный и противоречивый процесс. Ему характерна модернизация различных сфер общественной жизни, а также различные системные изменения. В данные изменения включена также сфера социокультурных отношений, в ней, в свою очередь, прослеживаются крайне быстрые, стремительные и порой очень непредсказуемые изменения, появляются новые феномены и явления. Именно к таким феноменам можно отнести дауншифтинг.

Термин дауншифтинг в первоначальном значении имеет технический контекст. Downshifting - переключение автомобиля на более низкую передачу, замедление или ослабление какого-либо процесса. Но дауншифтинг имеет и куда более глубокий социокультурный смысл. Это целая

жизненная стратегия, последователи которой осознанно понижают свой социальный статус, жертвуя материальным благополучием и пренебрегая общепринятыми нормами и ценностями. Многие из этих людей добились успеха в различных областях деятельности, занимали руководящие посты в крупных компаниях, но в какой-то переломный момент жизни настолько устали от стрессов, эмоционального и профессионального выгорания, что решили посвятить жизнь себе, своей семье, друзьям, хобби, зарабатывая при этом необходимый минимум, либо же работая фрилансером.

В данном смысле понятие «дауншифтинг» впервые был употреблен в 1994 году Сарой Бан Бреатнах в статье «Жизнь на пониженной передаче: дауншифтинг и новый взгляд на успех в 90-е» [1]. Но еще в 1981г. Дюэйн Элгин опубликовал книгу «добровольная простота», в которой говорилось о таком явлении как дауншифтинг, но сам термин не употреблялся. Что интересно, в США до сих пор подобное социальное явление часто называют «добровольная простота». [3]

Мнение многих исследователей сводится к тому, что у дауншифтинга глубокие исторические корни, ведь из прошлого можно взять достаточно примеров осознанного понижения социального статуса. К первым дауншифтерам можно отнести, к примеру, древнегреческого философа Диогена Синопского. Он предпочел жить в бочке из-за осознанного отказа от жизненных удобств, так как считал, что человек очень привязан к материальным благам и вещам, которые, в свою очередь, делают его несвободным.

Также примером «раннего» дауншифтинга можно считать определенный период жизни великого классика русской литературы Льва Толстого. Писатель прошел через глубокий мировоззренческий кризис, после чего пришел к выводу, что куда лучше прожить жизнь обычного земледельца, крестьянина, не обременяя себя излишними материальными благами, т.е. жить жизнью «простого трудового народа» [2].

Если говорить о современных дауншифтерах, то наиболее ярким примером будет Ричард Кэннон, оставивший высокий пост в British Rail и занявшийся земледелием и овощеводством. Также необходимо сказать о Джоне Дрейке, который на протяжении 15 лет возглавлял рекрутинговую кампанию и является автором бестселлера «Дауншифтинг: как меньше работать и больше наслаждаться жизнью».

Конечно, данный феномен выходит за рамки общепринятых норм, именно поэтому дауншифтеров часто считают маргиналами, а их поведение девиантным. Однако в последнее время таких людей становится все больше, можно говорить о формировании новой социальной группы,

ведь у представителей данного движения есть свои сообщества в социальных сетях, форумы, блоги, многие активно ведут личные странички, Instagram-профили, показывая на своем примере, как в один момент можно «выйти из гонки», «сойти с дистанции» и начать «жить для себя», пренебрегая общепринятыми нормами и ценностями.

Выделяются следующие виды дауншфитинга:

1. Карьерный. Добровольное решение о понижении должности, переход на фриланс, или любой другой вид деятельности, требующий меньше затрат времени и сил.

2. Географический. В данном случае смысл в большей степени заключается в кардинальной смене места проживания.

Самыми распространенными и привлекательными местами проживания для дауншифтеров является: Гоа, Бали, Таиланд. Однако довольно часто дауншифтеры переезжают в сельскую местность. Более инновационный стиль жизни - переезд в эко-поселение.

В России же дауншифтерами часто считают людей, которые возвращаются к натуральному хозяйству или переезжают из шумного мегаполиса в тихую спокойную деревню.

3. Ценностный. Американский социолог А. Этциони рассматривает дауншифтинг как внутреннее очищение, процесс изменения культуры потребления. [4].

В заключении хотелось бы сказать, что дауншифтеры уже давно превратились из белых ворон и маргиналов в определенную социальную группу. Высокий процент последователей данного явления зафиксирован в наиболее благополучных странах, например, в США более 30% относят себя к дауншифтерам, в Австралии - 26%, в Западной Европе - не более 17%.

В России движение дауншфитинга только набирает обороты, о больших цифрах говорить пока рано. Данное явление для современного российского общества является новым, тем ни менее, оно нуждается в глубоком системном культурологическом анализе.

Источники и литература

1) Бреатнах С.Б. Жизнь на пониженной передаче: Дауншифтинг и новый взгляд на успех в 90- е. С. Братнах //The Washington Post. 1991.Dec.-31.

2) Толстой Л.Н Дневник. Толстой Л.Н. 1881.

3) Элгин Д. Добровольная простота. D. Elgin // Voluntary Simplicity. 1981.

4) Этциони А. Добровольная простота. Etzioni A.// Voluntary Simplicity. 1998.

Грабельных Татьяна Ивановна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Возможности гармонизации общественных интересов в современную эпоху

Исследуя условия и возможности достижения политического консенсуса в сложные для России годы - конец 80-х - начало 90-х гг. XX столетия, нами был сделан вывод о неразрывной - диалектической взаимосвязи социальных взаимодействий консенсусного и конфликтного характера. Культура политического консенсуса, которой мы посвятили свое социологическое исследование в те годы [1], явилась тем самым феноменом, о котором мы сегодня говорим с позиции общественных интересов. По сути, речь идет о диалектике общественных интересов в условиях системных социальных изменений и устойчивого развития, социальной стабильности и социальной нестабильности. Уникальность взаимопереходов состояний и качеств отношений в обществе, взаимовлияний внешних и внутренних факторов и тенденций, взаимопроникновений социальных и культурных пространств, стремительность социальных сдвигов и возросший спрос на новые технологии и стратегии безопасности, - все это, безусловно, является отражением типологических черт нового цивилизационного этапа развития общества и его культуры.

Формирование на новом этапе «культуры политического консенсуса» как высокой политической культуры сосуществования и продвижения общественных интересов, совместных согласованных действий и взаимодействий в социальном пространстве выступает тенденцией в развитии государства и общества в современную эпоху. Представляется, что только такой путь может обеспечить гармонизацию общественных интересов и разрешение социальных противоречий и конфликтов.

Имеющие место научные и социальные дискурсы о статусе и значении общественных интересов условно можно разделить на 4 группы: 1) гуманистические; 2) общественно-государственные; 3) информационно-технологические; 4) публичные.

Если в обсуждениях представителей первой группы приоритет отдается общественным целям и общественным идеалам, гуманистическим

ценностям и цивилизационным нормам отношений, мировоззренческим поискам и реализации гуманистических целей, то общественно-государственная проблематика при разных обсуждениях имеет свои установленные границы. В пространство общественно-государственного дискурса с необходимостью входят вопросы о: природе государственной власти и обществе как сложной социальной системе; правовом государстве и гражданском обществе; системе государственного контроля и институте общественного контроля; политической культуре и гражданской культуре; типах правления, государственном режиме и механизмах их легитимности; местном самоуправлении и местных сообществах; моделях партнерских отношений - «государственно-частном партнерстве», «общественно-государственном партнерстве», «государственно-общественно-частном партнерстве» и мн. др. Мы видим, что спрос на гармонизацию общественных отношений и общественных интересов прослеживается в обоих ракурсах, однако во втором случае первичны - государственный интерес, политический консенсус, зрелое гражданское общество, эффективные системы национальной безопасности. Соответственно, базовые условия формирования общественных интересов устанавливаются государством при участии гражданского общества, которое открывает более широкие возможности для их выявления, представления и реализации. Данный подход положен в основу формирования общественных палат и общественных советов разных уровней, открытых правительств в России и ее субъектах. Реализуемые сегодня в российском обществе цифровые технологии также формируются на государственных платформах. События последнего времени (в том числе, обсуждение вопросов местного самоуправления на федеральном уровне) подтверждают государственный заказ на реализацию технологий «обратной связи» с населением.

Что касается значения информационно-технологического дискурса при исследовании возможностей гармонизации общественных интересов, то оно напрямую также зависит от спроса государства и понимания современных процессов со стороны общества. Разделяем мнение о том, что становление цифрового общества является закономерностью общественного развития. Поэтому столь важно исследование процессов, связанных с разработкой и внедрением новых технологий и платформ (управленческих, интеллектуальных, цифровых, информационных, экспертных, научно-образовательных, гражданских, сетевых и др.), «центров управления регионом», информационно-аналитических и ресурсных центров. Представляется, что активизация совместной деятельности ведущих субъектов регионального развития в новых условиях способна

придать значительный импульс дальнейшей гармонизации общественных интересов в регионе.

Публичные доклады и публичные обсуждения актуальных социальных проблем, публичные слушания и публичные акции в определенной степени образуют публичный дискурс, но не всегда формируют публичное пространство с его историей и хронологией событий, перспективами во времени. Дополняя предыдущие дискурсы, публичный дискурс является одним из важных проводников для достижения гармонизации общественных интересов. Именно в этом качестве видится его большая ценность.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что в современную эпоху существуют разные возможности для гармонизации общественных интересов в государстве и обществе. Информационно-цифровая цивилизация, наступление которой мы переживаем, является серьезным вызовом для любой страны при решении глобальных и локальных проблем. Ответом на новые вызовы может стать формирование «культуры политического консенсуса» как высокой политической культуры сосуществования и продвижения общественных интересов, совместных согласованных действий и взаимодействий в больших и малых социальных пространствах, создающих свою уникальную историю.

Источники и литература

1) Грабельных Т. И. Культура политического консенсуса : дис. ...канд. социол. наук: 22.00.05 – политическая социология. М. : Моск. пед. гос. ун-т имени В. И. Ленина, 1993. 226 с.

Грудина Татьяна Николаевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Отношение к смерти: социокультурные особенности и конфликты современности

Проблема феномена смерти в современной социологической литературе обсуждается не столь часто. С одной стороны, общество здесь накладывает определенные табу, поскольку тема смерти неудобна, ее больше замалчивают - современный человек старается подавлять мысли о смерти. С другой - практически любое СМИ на своих страницах публикует данные о катастрофах, терактах, убийствах, трагических происшествиях и пр. Как отмечает Ф. Арьес в своем фундаментальном

исследовании: «изгнанная обществом через дверь, смерть вновь входит в окно, возвращается также стремительно, как и исчезла» [1, С.6].

В секулярном обществе предпочитают не говорить о смерти, поощряется отказ любых упоминаний, связанных с данной проблематикой. Привычным для большинства является отстраненность в отношении темы смерти: люди стремятся не думать о собственной смерти, а также о смерти своих родных и близких. Убегая от смерти, люди все же оказываются рядом с ней без всякого понимания и осмысления происходящего. Вместе с тем, возможность публичного разговора о смерти имеет больше перспектив и конструктивного осмысления, нежели представления атеистического мировоззрения, где смерть вытеснена из текущих проблем и представляется как печальное воспоминание утраты, а также грядущего конца собственной жизни, про который лучше не задумываться и не размышлять [2].

Отношение к смерти зависит от социального и культурного контекста в обществе. У Д.Д. Фрэзера в книге «Вера в бессмертие и почитание умерших» отмечено, что «проблема смерти совершенно естественно занимала умы людей во все времена. В отличие от большого количества проблем, интересующих лишь нескольких отдельных мыслителей, этот вопрос равно касается нас всех» [3].

Социологический подход к изучению феномена смерти в современном обществе, критическое осмысление ныне существующей ситуации в данной области научного знания представляется весьма сложной задачей, но вместе с тем актуальной и значимой. «Смерть - один из коренных «параметров» коллективного сознания, а поскольку последнее не остается в ходе истории недвижимым, то изменения эти не могут не выразиться также и в сдвигах в отношении человека к смерти. Изучение этих установок может пролить свет на отношение людей к жизни и основным ее ценностям» [1, С.11]. Таким образом, направленность на социологическое изучение установок и поведенческих моделей, связанных с феномен смерти, раскрывает новые исследовательские перспективы в будущем.

Источники и литература

1) Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. – М., «Прогресс», 1992. – 528 с.

2) Рогозин Д. Как возможен осмысленный разговор о смерти // Телескоп. 2014. №1 (103). С. 18-31.

3) Frazer, J. G. The Belief in Immortality and the Worship of the Dead. Vol. London, 1913.

Данилов Юрий Дмитриевич
Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь

«Цифровая мечта» как проявление глобального кризиса общества

Стремительные перемены, происходящие в современном обществе под воздействием бурного развития информационных технологий, стали предметом интереса не только писателей и публицистов, но и ученых. Наиболее радикально мыслящие специалисты-робототехники считают, что мир встал на путь сдвигов, в ходе которых компьютерные системы уже в обозримом будущем, сначала вытеснят человека из системы производственных отношений, а затем и коренным образом изменят все общество.

Представители научного прогнозирования более сдержаны в выводах и заявляют, что машинный интеллект будет заменять человека постепенно. Это произойдёт только тогда, когда разность между скоростями биологической эволюции и темпами развития искусственного интеллекта достигнет критической величины, после чего человеку просто придется искать новое место для своей самореализации в мире суперкомпьютеров.

Ученые-прагматики, бизнесмены и финансисты (С. Пинкер, Д. Хофштадтер, С. Возняк) в большей степени склоняются к тому, что машины всегда будут лишь незначительным приложением к человеку. Навязываемую обществу технологическую сингулярность они считают не более чем очередным научным мифом, «цифровой мечтой».

Оригинальный взгляд на проблемы влияния информационных технологий на будущее человечества представлен в трудах Ш. Зубофф, которая заявляет о вступлении общества в новую эпоху развития - «капитализма наблюдения» (surveillance capitalism). Его проявления состоят в том, что уже сегодня ни одна государственная служба не в состоянии конкурировать с интернет-корпорациями по возможностям контроля над людьми. Кроме того, интернет-компании не только следят, но и активно влияют и изменяют мнения, интересы и предпочтения людей, формируют из них необходимые поведенческие стереотипы и извлекают колоссальные прибыли.

Экономическое содержание этих изменений заключается в попрании классических законов капитализма, предполагающего единство рыночного спроса и предложения. Превращение информации, средств ее обработки и распространения в товар, привели к интеграции функций изобретателей, практиков и собственников инновационных технологий и цен-

ностей в руках интернет-гигантов. При этом, люди практически не задумываются, что такое стало возможным благодаря тому, что они сами предоставили в руки корпораций данные о своих привычках, интересах и поведении. На этой основе стали формироваться новый рынок и новые ценности, где главным товаром становятся информационные средства для извлечения прибыли, преподносимые человеку как «цифровой рай».

На самом деле данный процесс представляет собой погружение общества в глубокий кризис, при котором человеку грозит полная утрата свободы или примирение с любой эксплуатацией. Сама личность с присущими ей качествами, в условиях «капитализма наблюдения» рассматривается как своеобразное «сырье», которое «перерабатывается» с целью создания требуемого и программируемого извне поведенческого стереотипа [1].

Однако самая главная угроза данного кризиса состоит в том, что многие люди продолжают жить иллюзиями «цифровой мечты», ожиданиями получения в будущем невиданных ранее жизненных благ. Они не замечают и не осознают, что сценарий этой иллюзии порождает эволюционный тупик: человечество вновь вступит в очередную эпоху выбора между сохранением социальности как таковой, и тотальными информатизацией, автоматизацией и программированием, которые будут все шире и активнее использоваться для наблюдения за людьми и установления всеобщего контроля над их поведением.

Кульминация кризиса заключена в том, что в такой среде индивид становится все более заинтересованным в своей собственной «автоматизации» - возможности генерировать при помощи всевозможных гаджетов свой собственный опыт, знания, эмоции в информационное пространство, во все возрастающем объеме и со все большей скоростью.

Сегодняшняя реальность такова, что благодаря интернету человек может получить доступ к огромным массивам данных, что само по себе нарушает естественные процессы обмена информацией. В таких условиях киберпространство для многих становится предпочтительнее реальности: индивид, как по необходимости, так и по собственному желанию, значительную часть жизни проводит в социальных сетях, в чатах, на форумах и т.д. Отстранение же от такого образа жизни ведет к дискомфорту и формирует интернет-зависимость.

Существенные изменения происходят в социальной структуре и качественных характеристиках «новых классов». За счет более быстрого и эффективного приспособления к жизни в цифровом пространстве, наибольшие преимущества получают представители молодых поколений, начинает формироваться информационно-технологическая управ-

ленческая элита, активно внедряются новые способы социального и профессионального взаимодействия. Но как показывают данные исследований, все это происходит на фоне стремительно возрастающего разрыва в профессиональных компетенциях специалистов с их социально-коммуникативными навыками, организационно-распорядительными способностями, умениями интегрироваться в коллективы и самостоятельно принимать решения [2, с.166].

Рассматривая данные кризисные явления важно подчеркнуть, что речь не идет о каком-то социальном апокалипсисе. Решение вопроса состоит в необходимости нахождения эффективных институциональных противовесов, которые смогут уже в ближайшем будущем минимизировать негативные последствия распространения цифровых технологий, несущих угрозу естественной и здоровой эволюции общества.

Источники и литература

1) Шошана Зубофф. Создание ценности в эпоху распределенного капитализма [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/creating-value-in-the-age-of-distributed-capitalism. – Дата доступа: 10.01.2020.
2) Данилов Ю.Д., Бурко О.П., Кудрицкая Е.Г. Социально-профессиональная адаптация молодых специалистов как фактор конкурентоспособности. Проблемы и социальная адаптация молодежи: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 26 апреля 2019 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. – 204 с. – С. 162-168.

Добреньков Владимир Иванович

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Глобальный конфликт между Западом и Востоком как следствие либеральной глобализации

В современной социологии уже нельзя рассматривать любое социальное явление вне контекста глобализаций. Сущность глобализации, на наш взгляд, в самом кратком определении заключается в том, что это объективный, естественный процесс интеграции человечества.

При более глубоком анализе глобализация предстает как чрезвычайно противоречивый и сложный процесс. С одной стороны, глобализация - это процесс закономерный и необходимый интеграции человечества, сопровождающийся ростом качества жизни и уровня благосостояния человечества, ускорением экономического и политического развития стран, активизацией обмена технологическими, научными и культурными достижениями между различными странами и народами. С другой стороны, глобализация в условиях экономического и военно-политического господства США и их союзников закономерно приняла прозападную, либеральную форму и означает установление господства западных транснациональных корпораций и западных правительств над всем миром.

Развитые державы Запада во главе с США, опираясь на свою экономическую и политическую мощь монополизировали процесс глобализации, загнали его в «прокрустово ложе» вестернизации и американизации, используют его для извлечения максимальных выгод для себя, как средство порабощения всех незападных народов транснациональными корпорациями и западными правительствами и установления своего господства. США в новом миропорядке отводится роль главного мироустроителя и гегемона. В этом суть так называемой либеральной глобализации в ее современной проамериканской, прозападной форме.

Либерально-капиталистическая глобализация стремится унифицировать мир, построить его по одному - американскому (западному) - стандарту. Человечеству навязывается единообразная культура, в которой доминируют западные ценности и вкусы. Глобальный Запад во главе США стремится к переустройству всего мира на либерально-демократических принципах, то есть так, как это выгодно в первую очередь западным странам. Их не беспокоит, нужны ли эти либеральные ценности другим народам. Все это вызывает законное и вполне понятное возмущение и недовольство огромных масс людей в разных странах мира.

С помощью своих транснациональных корпораций, средств массовой информации (точнее, средств массовой глобальной дезинформации и промывания мозгов в интересах Запада), международных правительственных и неправительственных организаций, наконец, либерально-правозащитной «пятой колонны» США и некоторые их союзники из числа западных держав по сути развязали третью мировую войну против всего человечества. Ее цель - полностью подчинить весь мир диктату Запада во главе с США.

Америка весь мир объявила зоной своих национальных интересов. Любая страна, которая не подчиняется диктату США, препятствует их. интересам, объявляется врагом и изгоем, и каждой из таких стран объ-

является война. Это мировая война. Ведется по трем направлениям в «холодной» и «горячей» формах: первое - мощная информационно-психологическая пропагандистская обработка общественного сознания населения тех стран, которые выбираются в качестве объекта экспансии; второе - создание специальной агентуры влияния, «пятой колонны» в этих странах, оказание этой агентуре всевозможной помощи, главным образом, финансовой, для внедрения, проталкивания и поддержки «своих» людей в экономические, политические и государственные структуры власти, захват этими агентами влияния всех средств массовой информации для манипулирования сознанием людей прямо изнутри этих стран, финансовая поддержка любых общественных организаций, политических объединений и тех партий, деятельность которых способствует расшатыванию государственных устоев, созданию беспорядков и политической нестабильности в стране; третье - открытая вооруженная агрессия против стран с целью замены власти и создания в них марионеточных проамериканских правительств.

В качестве протеста, ответной реакции на диктат тотальной либеральной глобализации возник так называемый антиглобализм, который сам в свою очередь приобрел глобальный характер и в любой его форме носит четко выраженную антиамериканскую направленность.

Протест против негативных последствий либеральной глобализации принимает нередко уродливые формы: терроризм, экстремизм и фундаментализм. В условиях неоспоримого экономического и военно-политического господства Запада слабые и отчаявшиеся в развивающихся странах нашли свой ответ: терроризм. Мы рассматриваем его как варварский ответ на варварскую либеральную глобализацию в ее современных проявлениях. Первопричиной современного терроризма является агрессивная политика Запада. Поэтому пока США и западные страны будут проводить такую политику, терроризм будет существовать всегда.

Поэтому логика развития глобализационных процессов в современном мире ставит на повестку дня вопрос о необходимости объединения и консолидации усилий стран, противостоящих экспансии Запада во главе с США и создания военно-политических союзов и блоков. Это неизбежно рано или поздно, но произойдет.

Глобализация по-американски несет с собой множество таких угроз человечеству, которые поистине смертельны для него. Мировая общественность еще не до конца осознала глубину и масштабность этих угроз, которые ведут человечество к гибели.

Отметим, на наш взгляд, наиболее важные из них. Во-первых, либеральная глобализация ведет не просто к подрыву суверенитета неза-

висимых национальных государств, а к их полному уничтожению. Во-вторых, либеральная глобализация, создавая унифицированную культуру, а точнее глобальный суррогат культуры, пытается уничтожить также и национальные культуры. В-третьих, либеральная глобализация обрекает человечество на полную бездуховность. Она создает человека-зомби, лишенного исторической памяти, оторванного от национальных корней, традиций, не помнящего своих предков, равнодушного к своей Родине, способного только на потребление, то есть ориентированного исключительно на удовлетворение своих физиологических потребностей. Либеральная глобализация стремится превратить человека в животное. В-четвертых, либеральная глобализация, лишая страны мира их национально-государственной и культурной идентичности, превращает всю планету в некое однородное, однополюсное пространство, на котором господствуют только одно государство. В-пятых, либеральная глобализация имея своей целью всемирный порядок, всемирное правительство, всемирную полицию, всемирные вооруженные силы логично ведет человечество к невиданному до сего времени и страшному по своим последствиям установлению на всей планете глобального тоталитаризма, когда США как центр глобальной манипуляции будут управлять всеми народами.

Либеральная глобализация привела к возникновению Великого противостояния между Западом во главе с США и Востоком. Главным противоречием нынешней эпохи, определяющим всю политическую архитектонику и развитие современного мира, является глобальный конфликт между Западом и Востоком.

Этот конфликт в принципе неустраним и непреодолим теми способами, которые предлагает либеральная глобализация. Его нельзя решить путем поглощения Западом Востока, посредством использования против недовольных последствиями либеральной глобализации силовых методов. Именно стратегия либеральной глобализации является причиной напряженности в современном мире, ибо она, обостряя конфликт между Западом и Востоком, ведет человечество к глобальной войне.

Основная угроза существованию мира исходит от США. Амбициозные, гегемонистские устремления США на установление мирового господства с использованием силы и вооруженной агрессии для достижения своих целей ведут человечество к катастрофе.

Все это позволяет нам сделать заключение о том, что глобальным центром мирового зла являются именно США, где разрабатываются стратегия и тактика реализации либеральной глобализации мира.

Дягилев Василий Васильевич
доцент Департамента Социологии, истории и философии Финансового университета при правительстве РФ, Москва, Россия

Современный социально-экономический кризис и «Кризис нашего времени» (Прогностическая теория П.А. Сорокина)

О войнах и революциях в современном мире.

Социально - экономические и идеологические конфликты прошлого и современности.

Искажение («недуги») чувственного понимания мира.

Кризис в системах истины: вчера и сегодня. Разрушение современных идей чувственного права.

Идеология глобализма и ее связь с чувственной культурной парадигмой.

В своем выступлении автор хотел бы провести исторические параллели между проблемами, описанными в работе П.А. Сорокина «Кризис нашего времени» с современным социально-экономическим и идеологическим состоянием общественной жизни. Автор также хотел бы провести параллели между самой системой чувственного восприятия действительности и состояния современных социальных институтов. Кризис современной системы международного права, по мнению автора, напрямую связан с идеологическим кризисом и определенным интеллектуальным бессилием нашего времени.

Социальная ситуация, которая сложилась за последнее десятилетие в Европе, должна послужить для нас тем практическим уроком, который должен оцениваться у нас в России как негативный опыт. При этом встает проблема между культурным и цивилизационным заимствованием. Заимствования цивилизационного плана (если они имеют рациональный характер) необходимы и позитивны; заимствования в культурном плане, чаще всего, носят к негативный характер и ведут к культурной деградации. По сути дела, они подрывают систему национальных критериев системы истины, о чем предсказывал в своих работах П. Сорокин. То, что Сорокин назвал «декадентским мышлением», продолжает торжествовать и в современном мире. По всей видимости, его прогноз о необходимости перехода к идеациональной системе этики и права, созданию новой системы ценностей является совершенно обоснованным, без данного перехода общество не способно развиваться. Более того, нынешняя социальная стагнация неизбежно приведет к деградации, к социальным потрясениям и конфликтам. Наш современный социальный и идеологический кризис имеет очень глубокие корни. Открывая заново творчество

Сорокина, мы должны задуматься о современном кризисе, который переживает весь мир, сделать необходимые выводы.

Источники и литература

1) Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. Политиздат, 1992.

Дягилева Мария Васильевна
МГУ им М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, Россия

Кризис в системе истины: наука, философия, религия.

П. Сорокин, один из величайших умов XX века, обладавший поистине философским предвидением, еще в далеком 1941 году описывал состояние глубочайшего кризиса Европейской цивилизации. Данный кризис, по его мнению, затрагивал все без исключения сферы жизни общества - науку, религию, философию, искусство, область закона и морали, нравов и манер, социальных, политических, экономических и даже семейных и матримониальных отношений. [1]

Все оптимистические, или как он их называл «розовые теории прогресса», оказались не более чем иллюзией на фоне ужаснейших событий XX века. Как гипотетическую причину, обосновывающую появление таких кровавых событий, Сорокин выдвинул теорию циклических смен культурных суперсистем. Согласно данной теории, всю историю можно разбить на фазы последовательного перехода от чувственной культуры к умозрительной, а потом и к идеалистической. Чувственной культуре свойственно материалистическое и утилитарное мировоззрение, натурализация искусства, эгоистическая эксплуатация окружающей действительности. Умозрительной (идеациональной) - аллегоричность искусства, абсолютизация бытия, приоритет духовных потребностей, стремление к милосердию и альтруизму, стремление к самосовершенствованию. Идеалистическая суперсистема - самая непродолжительная (100-200 лет) - представляет собой синтез двух предшествующих. Ее основной принцип «частично сверхсенсорный и религиозный, а частично светский и посюсторонний».[2]

Кризис современной чувственной культуры с ее апокалиптическими ощущениями, утопическими замыслами и роковыми катастрофами, проявляется в жестокой критике современного искусства (причем иногда и самим искусством), в эгоистичной политике, сексуальных революциях, увеличении патологий и криминальных явлений.

Стоит хотя бы вспомнить его ремарку, во введении к фундаментальному труду «Пути и сила любви: типы, факторы и техники моральной трансформации», о том, что современное сообщество больше внимания уделяет разрушительным и паталогическим явлениям, нежели исследованию благоприятных для социума явлений, таких как любовь и альтруизм.[3]

С точки зрения Сорокина, любая культура рано или поздно поднимает вопрос, заданный Понтием Пилатом Христу: «Что есть истина?» Ответов на этот вопрос неизмеримое множество, но все они могут быть разбиты на три категории, соответствующие трем суперсистемам. Умозрительная истина, в его понимании, неразрывно связанна с трансцендентным, с Божественным, с Его неизмеримой милостью. Сверхчувственным путем и мистическим опытом, который открывается благодаря откровению, слабый и смертный человек имеет доступ к вечной, глубокой и животворящей истине. «Такая правда может называться истинной веры». [3]

В эпоху чувственной культуры истина приравнивается к эмпирическому, или опытному познанию мира. Истинными считаются лишь восприятия, почерпнутые их органов чувств. Ко всему сверхчувственному данная культура либо испытывает равнодушие, либо воинственно отрицает.

Идеалистическая истина признает оба подхода: она признает важную роль органов чувств, как источника и критерия обоснованности предложения, а с другой стороны, утверждает необходимость Божественного откровения для любого познания. Более того, благодаря разуму человек может обрабатывать и сверхчувственные суждения, такие как суждения логики и математики, объединяя в себе всю полноту истины чувств, истины веры и истины разума. Между чувственной и умозрительной истинной всегда существует конфликт, подобный конфликту между зарождающимся христианством и греко-римской цивилизацией. Особо ярким примером данного утверждения служат известные высказывания Тертуллиана, наиболее известное из которых «верую, ибо абсурдно».

Из такого понимания истины и ее критериев, с точки зрения Сорокина, ведет к тому, что «...в чувственных культурах и обществах эмпирические системы философии набирают силу, а философия, основанная на идеалистической и идеациональной истинах, приходит в упадок».[4]

Чувственное мышление имеет тенденцию к механистической, материалистической и бихевиористской интерпретации. Это отражается также и на системе ценностей и идеалов, потребностях и удовольствиях. В свя-

зи с этим возникает и концепция релятивизма, который в свою очередь «уступает место скептицизму, цинизму и нигилизму».[5]

Источники и литература

1) Sorokin P.A. The crisis of our age. Oneworld Publications Ltd, 1992.C. 16.
2) Сорокин П. Человек. //Кризис нашего времени//Цивилизация. Общество. Политиздат, 1992. С. 431.
3) Sorokin P. The ways and power of love: Types, factors and techniques of moral transformation. Boston, 1954.
4) Сорокин П. Человек. //Кризис нашего времени//Цивилизация. Общество. Политиздат, 1992. С. 467.
5) Там же. С. 471

Захаров Валерий Константинович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

макрорегиональная интеграция и новый уровень мировой межгосударственной эксплуатации

1. Архетип номовой интеграции и амальгамации

В статьях [1] и [2] было показано, что субъектом мирового исторического процесса является популяционное системное общество, названное номом.

Ном является трёхуровневым обществом, устроенным в виде совокупности основных (под)систем, связанных друг с другом в единую систему и зависящих друг от друга так, что без каждой из этих систем ном существовать не может. Основными системами нома являются: содержательная, обеспечительная, учётная, совокупная распорядительная и верховная системы.

Ном, как субъект мирового исторического процесса, проходит ряд вынужденных устроительных этапов своего развития. Эти устроительные этапы мы условно обозначим так: этап малой семьи, этап большой семьи, этап рода, этап племени, этап простого государства, этап державы, этап империи и этап макроса.

Номы следующего устроительного этапа при исчерпании ойкумены предыдущего устроительного этапа получаются номовой амальгамацией (т.е. объединением с воспроизведением строения и деятельности) некоторых номов предыдущих устроительных этапов.

Начало надустроительного этапа амальгамации номов, когда образуются первичные квазиномы, называется номовой интеграцией.

В связи с исчерпанием державно-имперской ойкумены в 20 веке пробудился археспособ номовой амальгамации и наступил постимперский надустроительный этап. Стали возникать макрорегиональные интеграционные объединения (квазиномы), называемые макросами.

Возник Северо-Американский макрос, имеющий в качестве центра США и включающий в себя Канаду, Мексику, Японию, Южную Корею, Тайвань и пр. Возник также Европейский макрос (ЕС).

2. Невозможность глобальной обогащающей эксплуатации природы и архетип межномовой эксплуатации

Уже в глубочайшей древности возник и закрепился архетип глобального природно-народного равновесия, который состоит в том, что человечество осуществляет своё бытие в природной среде так, что годовой глобальный природный приход на душу населения планеты остается практически неизменным во времени [3].

Именно поэтому человечество исторически пошло по пути ограбления одних номов другими номами, как внешними, так и внутренними. Ещё на этапе малой семьи начал создаваться архетип межномовой эксплуатации. Он является самостоятельным и не зависящим от распропагандированного и преувеличенного архетипа классовой внутриномовой эксплуатации.

В итоге на каждом этапе номовой амальгамации происходит надстраивание нового более высокого уровня мировой межномовой эксплуатации при сохранении всех предыдущих уровней.

Так исторически возникает иерархия (соподчинённость) амальгамационных уровней мировой межномовой эксплуатации.

3. Современные интеграционные и эксплуатационные угрозы для России

В настоящее время самыми мощными действующими единицами среди всех номов и квазиномов современного мира становятся описанные выше макросы. При создании макросов надстраивается ещё один самый высокий уровень межномовой эксплуатации. Именно макросы будут самыми большими бенефициарами в будущей мировой многоуровневой межгосударственной эксплуатации.

Поэтому для современных государств и квазигосударств державного и имперского устроительных этапов возникает принципиально новое и тяжёлое геополитическое положение, в котором они ещё никогда не находились.

И новой задачей для них в этом новом геополитическом положении является занятие и отстаивание своего более успешного (и желательно более справедливого) места в современной иерархии мировой межгосударственной эксплуатации.

Из сказанного в первой части следует, что при происходящей в мире региональной и макрорегиональной интеграции слабая одинокая Россия рискует повторить судьбу СССР и послужить дальнейшим осколочно-объединительным материалом для создания и расширения мировых макросов. Это первая угроза для России.

Из сказанного во второй части следует, что над современной Россией выстраивается более высокий уровень межгосударственной эксплуатации со стороны мировых макросов. Это вторая угроза для России.

4. Защищённость России в современной мировой интеграции и межгосударственной эксплуатации

У современной ослабленной имперской России имеются, по крайней мере, две возможности для занятия и отстаивания своего более успешного места в современной многоуровневой межгосударственной эксплуатации.

Первая возможность — это самой стать центром интеграции и дальнейшей амальгамации и притягивать к себе некоторые, в том числе соседние государства. Создание в 2014 году такого надроссийского интеграционного экономического объединения, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), как раз и стало хорошим шагом в этом направлении [4].

Вторая возможность для России использовать специализирование и комбинирование — это стать одним из активных центров дальней межгосударственной кооперации и создавать кооперанты с евразийскими, южно-американскими и африканскими государствами, в особенности с Китаем, Индией, Ираном, Турцией, Бразилией, ЮАР и пр., которые сами являются объектами эксплуатации со стороны указанных могущественных макросов. Произошедшее сближение с указанными государствами в рамках таких надроссийских кооперационных экономических объединений как ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) и др. являются хорошими шагами в этом направлении.

Источники и литература

1) Захаров В.К. Государственность и государственное управление как архетипы // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. № 24. С. 1-18.

2) Захаров В.К. Три представления об экономической безопасности государства в широком смысле // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 6. № 11. С. 45-56.

3) Захаров В.К. Архетипический процесс глобального равновесия // В книге «Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания» – М.: МАКС Пресс, 2009. № 2. С. 167-183.

4) Евразийский экономический союз: опыт, проблемы, приоритеты развития и безопасности (к 5-летию образования). – М.: РУДН, 2019.

Канашевич Надежда Михайловна

Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Республика Беларусь

Деглобализация: новый тренд или кризис глобального общества

Глобализация - один из самых серьезных «вызовов», с которым человечество столкнулось на рубеже XXI века, поэтому до настоящего времени не утихают споры экономистов, политологов, культурологов о ее природе и последствиях. Для анализа степени глобализации по заказу компании DHL - мирового лидера в области логистики в 2011 году разработал Индекс глобальной интеграции (Global Connectedness Index DHL, GCI), посредством которого определяется рейтинг интегрированности в мировую экономику на основе анализа четырех аспектов глобализации: международной торговли, степени мобильности капитала, обмена информацией, мобильности человеческих ресурсов. В результате составлен список 50 стран-лидеров, представляющих все шесть континентов. Процессы глобализации затронули весь мир и прежде всего европейский регион. В первую десятку стран вошли: Нидерланды, Сингапур, Ирландия, Швейцария, Люксембург, Великобритания, Швеция, Бельгия, Гонконг (Китай), Мальта [1]. Еще одна картина глобализации представлена в данных, систематизированных на основе Индекса глобализации KOF (KOF Index of Globalization), который был разработан в 2002 году при Швейцарском экономическом институте (KOF Swiss Economic

Institute). Индекс носит комбинированный характер и включает оценку уровня интеграции страны в мировое пространство по 24 показателям, объединённым в три основные группы (экономические, социальные, политические) и исчисляется как сумма указанных составляющих с весовыми коэффициентами 36%, 39% и 25%, соответственно. По обновленным в 2018 году данным, охватывающим 209 стран и территорий, в первой десятке стран с наивысшими показателями оказались: Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Швеция, Австрия, Дания, Франция, Великобритания, Германия, Финляндия [2]. Процесс растущей значимости международных торговых и финансовых связей в мировой экономике, в своей основе связанный с научно-техническим прогрессом, безусловно, несёт в себе интегрирующее начало, проявляясь в интернационализации экономической жизни, появлении глобальных информационных сетей и пространств, способствующих взаимообмену экономик, технологий, культур. Однако этот процесс чреват новыми противоречиями и кризисами. Исследования по методике GCI подтверждают, что «бонусы глобализации» распределены неравномерно»: по уровню торговли самыми взаимосвязанными регионами оказались Восточно-Азиатский и Тихоокеанский, а по уровню мобильности капитала и обменом информацией - Северная Америка. Когда Китай стал стремительно набирать баллы по важнейшим глобальным индексам, ярые поборники глобализации США начали с этой страной торговую войну. Апологеты глобализации и антиглобалисты продолжают ожесточенно спорить о благотворности или вредоносности глобализации, не ставя под сомнение ее наличие. Однако глобализация, измеряемая в международных потоках товаров, капитала, информации и человеческих ресурсов, уверенно росла в 2005-2007 гг., а затем ее темпы резко сократились после глобального кризиса 2007-2008 гг. Аналитики считают, что фактический уровень международной экономической интеграции существенно ниже, чем это считалось ранее. Как заявил Панкаджм Гемават: «Наше исследование показывает, что глобальная экономическая интеграция не настолько глубока, как считается [3]. Более того, все чаще аналитики приходят к выводу о начале деглобализации. Так, ключевым мероприятием российской повестки в рамках Всемирного экономического форума в Давосе (январь 2019 г.) стала тема «Бизнес в (Де)глобализированном мире» [4]. Систематизация определяющих тенденций деглобализации, выявившихся в последнее десятилетие, дана в статье А. В. Егорова. По мнению этого автора о деглобализации свидетельствуют следующие тренды: отставание объемов международной торговли от роста мирового ВВП; «политизация» экономической политики - широкое распространение экономических ры-

чагов в виде «торговых войн» для давления на политических противников; «финансовая деглобализация» - сокращение объемов ряда сегментов международного финансового рынка и возрастание инвестиций в отечественную экономику; активизация внутренних источников роста экономики, усиление протекционизма и повышение автономности национальных экономик; общая тенденция возрастания роли государства в экономике[5]. К этому можно добавить, что более важную роль, чем глобализация, начинают играть процессы регионализации. Исследования, проведенные с помощью Индекса глобальной интеграции, выявили, что львиная доля международных интеграционных связей относится к странам с общими границами (например, в Северной Европе) или к странам с глубокими культурными и историческими связями. Те сложные вопросы экономического и политического взаимодействия государств, которые пока не удается урегулировать на глобальном уровне, все чаще находят решение в рамках региональной интеграции. Устойчивость тенденции к возрастанию роли государства в экономике, по мнению А. В. Егорова, позволяет сделать вывод, что «эпоха либеральной экономики, торжества идеи рынка, расставляющего все по своим местам, подходит к концу» [5]. Представляется, что в современном мире скорее имеет место сложное и противоречивое взаимодействие процессов глобализации и деглобализации, что является следствием цикличного развития мировой экономики. Сегодня мир очевидно находится в конце 30-летнего суперцикла активной глобализации.

Источники и литература

1) Global Connectedness Index // DHL (Official Website) / [Electronic resource]. – Mode of access: http: // www.dhl.com/en/about_us/logistics_insights/studies_r esearch/global_connectehttp://www.dhl.com/en/about _us/logistics_insights/studies_research/global_connecte dness_index/global_connectedness_index_2012/gci_results.html. – Date of access: 12.01.2020.

2) Рейтинг стран по уровню глобализации KOF [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nonews.co/directory/lists/countries/ globalization-index.– Дата доступа: 12.11.2019

3) Индекс глобальной интеграции» от DHL: темпы роста глобализации восстанавливаются [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://logist.ru/news/indeks-globalnoy-integracii-ot-dhl-tem py-rosta-globalizacii-vosstanavlivayutsya. – Дата доступа: 23.12.2019

4) Деглобализация и ее последствия. Главные темы третьего дня форума в Давосе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/6038757. – Дата доступа: 21.12.2019.

5) Егоров, А.В. Глобальная экономика: смена вех [Электронный ресурс] / А.В. Егоров // Банковское дело. – 2017. – № 8. – Режим доступа: https://popecon.ru/441-deglobalizacija-mirovoi-ekonomiki.html. – Дата доступа: 23.12.2019.

Козырев Геннадий Иванович

Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия

Патриотизм и антипатриотизм как причины конфликта идентичностей в современном российском обществе

Патриотизм - это социально-психологическое и эмоционально-нравственное чувство принадлежности к родине (стране, своему народу) в которой человек родился, проходил социализацию или считает своей по «зову крови». Это гордость за ее успехи и переживания за неудачи; это действия и поступки, способствующие процветанию отечества и готовность жертвовать своими интересами и даже жизнью ради его благополучия в настоящем и будущем.

Капиталистический строй, особенно в эпоху глобализма, антипатриотичен по своей сущности. Ибо капитал, особенно крупный, в поисках наибольшей прибыли, стремиться разрушить все национальные границы. Но для большей части мелкой и средней буржуазии необходима защита государства, как от внешней «коммерческой» экспансии, так и от внутренней нестабильности. Поэтому буржуазию любой капиталистической страны можно условно разделить на два основных вида: национально ориентированную или патриотическую и компрадорскую - антипатриотическую. И от того, представители какой буржуазии захватили власть в стране, зависит внешняя и внутренняя политика государства.

Наглядным примером правления компрадорской буржуазии в России является Временное правительство 1917 г., свергнутое большевиками. В 1990-е годы компрадорская буржуазия взяла своего рода реванш и с тех пор управляет страной. Она антинародная, антигосударственная и антипатриотическая по своей сути.

Так, по результатам опроса экспертов, проведенного специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии челябинского филиала РАНХиГС, 58,8% респондентов считают, что государственная власть

в России защищает интересы крупного финансового, торгового и промышленного капитала. 52,9% экспертов считают, что власть защищает свои собственные интересы; 41,2%, - интересы правящей элиты; 23,5% - интересы бюрократии; 17,6% - интересы армии и силовых структур. При этом такие варианты, как малый и средний бизнес, пенсионеры, рабочий класс и крестьянство, а также бедные - не выбрал ни один из экспертов [1].

В самих государственных структурах идет явная и скрытая борьба между условными государственниками-патриотами во главе с Президентом РФ Путиным и чиновниками и депутатами антипатриотами. В лице этих «антипатриотов» мы имеем дело с таким социально-политическим и морально-нравственным феноменом как «патриоты-предатели», которые в публичном пространстве призывают других к патриотизму, а в реальности не связывают своё будущее с Россией. В ней они видят лишь временный источник личного обогащения. Многие из них имеют двойное гражданство или вид на жительство, в том числе и в странах, враждебно настроенных по отношению к России. В этих «враждебных» странах учатся их дети, и проживают семьи.

Двуличие и лицемерие чиновников и депутатов-антипатриотов к началу 2020-го года стало одним из основных раздражителей в российском обществе. Очевидно, под давлением общественного мнения, Президент РФ в своем послании Федеральному Собранию (15.01.2020 г.), предложил внести в Конституцию РФ в качестве одной из поправок, положение о недопустимости наличия двойного гражданства или вида на жительство в другой стране лицам, занимающим важные государственные должности. Данную поправку можно было бы принять за эпизод в борьбе между государственниками и компрадорами во властных структурах, если бы Президент РФ в своем послании предложил радикальные изменения в экономической политике государства. А так эта поправка - отвлекающий маневр или подачка недовольному компрадорской политикой государства «плебсу».

Следующая линия конфликта идентичностей - историческое прошлое страны. Так если победой в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. гордятся 87% россиян, то оценка Октябрьской революции 1917 г. весьма неоднозначна. 48% респондентов оценили её в апреле 2017 г. положительно, а 31% - негативно [2].

Конфликтным является и такой фактор патриотизма как «настоящее и будущее России». Большинство россиян испытывают стыда за нереализованные возможности. 61% респондентов выбрали вариант ответа

«Великий народ, богатая страна, а живём в вечной бедности и неустроенности» [3].

На улучшение жизни в будущем, по данным опроса ФОМ (июнь 2019), надеются лишь 16% респондентов. 43% россиян ответили, что не ждут улучшений, но и хуже жизнь не станет. А 26% считают, что жизнь в стране станет хуже [4]. На вопрос «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?», 54% респондентов ответили «Нет» и 41% - «Да» [5, 7]. Следовательно, большинство россиян не довольны настоящим и не уверенны в будущем.

Неудовлетворенность жизнью сочетаются с низкой гражданской активностью россиян. Только 13% опрошенных в полной мере ощущают свою ответственность за происходящее в стране, ещё 16% ощущают свою ответственность в значительной мере, 28% - в незначительной мере, а 39% не считают себя ответственными за то, что происходит в России. При этом лишь 5% россиян считают, что могут в полной мере повлиять на происходящее в стране, 6% считают, что могут оказать существенное влияние, 27% - незначительное влияние. А 58% респондентов считают, что они не имеют никакого влияния на события в России [6].

Не видя выхода из сложившейся ситуации, многие россияне покидают страну. Так, по данным Росстата, с 2012 по 2017 год включительно, Россию покинули 1 миллион 700 тысяч человек. Это рекордный за последние годы показатель.

Источники и литература

1) Челябинские социологи выяснили, кого защищает государственная власть. URL: http://chelyabinsk.bezformata.ru/listnews/zashishaet-gosudarstvennaya-vlast/47293899/ (дата обращения: 10.01.2017). Почти половина россиян положительно оценила революцию 1917 года. URL: https://www.interfax.ru/russia/557046 (дата обращения: 08.01.2020). «Русский опрос» от Левады»: Чем мы гордимся и чего стыдимся. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Frusskij-opros-ot-levady-chem-my-gordimsja-i-chego-stydimsja_179177 Боязнь будущего: что россияне ожидают от завтрашнего дня. URL: http://actualcomment.ru/boyazn-budushchego-chto-rossiyane-ozhidayut-ot-zavtrashnego-dnya–1906081132.html (дата обращения: 11.01.2020). Мониторинг перемен: основные тенденции // Вестник общественного мнения. № 1-2 (128) январь-июнь 2019. Россияне возложили на себя ответственность за происходящее в стране. URL: https://lenta.ru/news/2019/10/22/responsibilities/ (дата обращения: 28.01.2020).

Корнилов Сергей Владимирович
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Понятийный инструментарий социологии П.А. Сорокина, его применение для анализа социальных конфликтов

П.А. Сорокин - одна из самых значимых фигур в социологии XX века. Разработанная им концепция отличается масштабностью и теоретико-методологической обоснованностью. Ее создание было связано с существенным обновлением языка социологии. Каковы ключевые понятия концепции Сорокина, как использовать их для изучения общества и его противоречий?

Наиболее важными для понимания логики развертывания мысли ученого являются следующие его работы: «Границы и предмет социологии» (1913), «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914), «Проблема социального равенства» (1917), двухтомная «Система социологии» (1920), «Социология революции» (1925), «Социальная мобильность» (1927), «Социальная и культурная динамика» (1937-1941), «Общество, культура и личность» (1947), «Социальная философия в век кризиса» (1950). Библиография работ П.А. Сорокина [1] демонстрирует многообразие его творческих интересов.

Руководящими принципами, положенными в основу его ранних работ, как признавал сам автор «Системы социологии», было убеждение, что теоретическая социология должна, во-первых, строиться по принципу естественных наук, во-вторых, изучать реальность такой, какая она есть, без всякого нормативизма, в-третьих, стать наукой о явлениях взаимодействия людей, а не о «психических явлениях», в-четвертых, прекратить отвлеченное умозрение, в-пятых, отбросить идею монизма и утвердить принципиальный плюрализм в исследовании [3, с. 50-53].

В качестве простейшей родовой модели социального явления Сорокин рассматривает взаимодействие двух индивидов. Анализ позволяет выделить в нем составные элементы - ими являются индивиды, акты и проводники. Изучение условий взаимодействия индивидов дает возможность ученому ввести понятие социальной группы. Следующая задача, которая решается исследователем, заключается в переходе от изучения взаимоотношений индивидов к исследованию взаимодействий социальных групп. Тогда возникает вопрос, каковы важнейшие социальные группировки? Каково место индивида в выявленной группе? Каков состав и виды сложных общественных агрегатов? На какие слои и группы распа-

дается социум? Как совершаются в последнем перегруппировки и циркуляции индивидов от слоя к слою?

Постановка этих проблем ведет Сорокина к важному социологическому открытию, которое фиксируется введением принципиально новых понятий - «социальная стратификация» и «социальная мобильность» [2, с. 315]. Их детальное исследование осуществлено в работе «Социальная мобильность», открывшей новую страницу в изучении общественных отношений. Социальная стратификация понимается Сорокиным как дифференциация совокупности людей на иерархически соподчиненные классы. Она выражается в неравномерном распределении социальных благ, прав и привилегий в обществе. Социальная стратификация имеет многообразные формы, наиболее важными из которых являются экономическая, политическая и профессиональная. Их изучение позволяет выделить два типа стратифицированных обществ - подвижные и неподвижные. Они различаются тем, что если в первом случае перегородки между социальными слоями очень тонки и проницаемы для индивидов, то во втором - мембраны не имеют никаких «отверстий» и человек навсегда остается прикрепленным к своему социальному слою.

«Под социальной мобильностью, - пишет Сорокин, - понимается любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности - всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, - из одного положения в другое» [4, с. 119]. Следует различать горизонтальную и вертикальную мобильность. Индивид может перемещаться из одной социальной группы в другую, находящуюся на том же уровне, но также он способен переходить в иные общественные слои, повышая или понижая свой статус.

При рассмотрении понятийной «сетки» социологической концепции мыслителя следует учитывать, что она претерпела изменения вместе с развитием его взглядов, выразившемся в переходе от бихевиористических (по характеристике самого Сорокина) установок к «интегральной» социологии. Итоговая теоретическая модель развития общества представлена в его труде «Социальная и культурная динамика». Различая основные культурные системы (язык, этику, религию, искусство и науку), он считал возможным объединить их интегрирующим понятием «социокультурная система». Согласно Сорокину, «социокультурные системы» могут быть подразделены на «чувственные», «идеациональные» и «идеалистические» в зависимости от преобладающих в них методов познания и типов мировоззрения. В разные периоды истории эти суперсистемы занимают доминирующее положение в обществе. Масштаб размышлений Сорокина в поздний период его творчества изменился, что

было ясно самому мыслителю, который отмечал: «Поскольку почти все великие социологические системы несут на себе отпечаток философии истории и поскольку большая часть философско-исторических учений является в определенном плане социологией культуры, я ничуть не буду возражать против того, если кому-нибудь придет на ум причислить настоящую работу к этому разряду» [5, с. 26]. Осмысление теоретического наследия П.А. Сорокина - задача, которую еще предстоит решить.

Источники и литература

1) Библиография трудов П.А. Сорокина / Под ред. Ю.В. Яковца. СПб., 1999.
2) Корнилов С.В. Русские философы. СПб.: Лань, 2001. – 453 с.
3) Сорокин П. А. Система социологии: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. – 447 с.
4) Сорокин П. А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005. – 588 с.
5) Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

Костюкевич Светлана Викторовна

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Классический и утилитарный подход к образованию: вклад в разрешение социальных конфликтов

Исторический анализ ценностного отношения к образованию позволяет выделить классический и утилитарный подходы. Классический подход к образованию означает общее развитие человека для воспитания культурного человека и поиска истины (традиция, идущая от древних греков и институционально закрепленная в либеральной школе и либеральных ценностях). Утилитарный подход к образованию означает профессиональную подготовку человека к рынку труда (институционально, этого не было в античном греко-римском мире, это продукт позднего средневековья и начала нового времени в истории Европы, когда профессиональное образование стало проходить в учебном заведении). Греки создали педагогику воспитания культурного человека - это их знаменитая пайдейя. В основе пайдейи как воспитания греческого культурного

человека лежала педагогическая доктрина воспитания воли и развитие разума в рамках либерального образования [1]. Греки были убеждены, что 1) знание развивает разум человека и, тем самым, готовит его к политическому лидерству, а также к поиску истины (следует вспомнить, что именно греки создали геометрию как теоретическую науку и философию как искусство теоретического мышления) и 2) знание, если оно истинное, воспитывает добродетельного гражданина. Таким образом, греки сформулировали классические ценности образования: 1) образование воспитывает и 2) образование развивает человека. Впоследствии, много веков спустя, в массовом сознании эта модель образования сохранится как «университетское образование - для жизни», и подобный подход характерен для англосаксонских стран [2]. Для Германии и стран, следующих ей, характерен другой подход: образование дает профессиональную квалификацию и готовит человека к занятию позиции на рынке труда. Анализ данных опроса населения Беларуси 2018 года показал, что в ценностном сознании граждан доминирует утилитарное отношение к образованию. Подобное отношение естественно для больших масс людей, в жизни которых основным средством существования является работа за плату. В контексте доминирующего, утилитарного, отношения граждан Беларуси к образованию высокий ранг такой позиции как «образование развивает ум и способности человека» (2-й ранг для всего массива) может означать, что опрошенные связывают профессиональный успех (карьеру и заработок) с общим развитием человека, т. е. чем более развит человек интеллектуально, тем более успешен он может быть в профессиональной деятельности. Однако высокий (второй) ранг данной позиции может быть также связан с восприятием образования как ценности самой по себе (то есть как ценности культуры) - традиции, идущей от античной Греции, которая начала традицию образования как воспитания и развития человека (что было затем воспроизведено в средневековых университетах на факультетах свободных искусств). Но, скорее всего, высокий ранг данной позиции связан с развитием научно-технической сферы в республике, требующей интеллектуального работника. Утилитарный подход к образованию и классический подход к образованию присутствуют в сознании жителей Беларуси. И расставленные ими приоритеты: 1 ранг (подготовка человека к труду - образование должно давать профессиональные знания и навыки) и 2 ранг (общее развитие человека - образование должно развивать ум и способности) закономерны для белорусского общества: • в котором подавляющее большинство граждан должны трудиться для заработка (отсюда нужны профессиональные знания и навыки) • и в котором значительная доля граждан заняты интеллек-

туальным трудом (в советский период в республике была создана довольно большая для, в общем-то маленькой страны, научно-техническая сфера и большой сектор высшего образования) В качестве проблемной ситуации можно выделить невысокую значимость для населения такой ценности как «образование воспитывает нравственные качества, характер» (6 ранг для всего массива), что можно интерпретировать как то, что жители Беларуси не связывают образование с воспитанием. В дореволюционный период воспитательная функция в белорусском обществе была в основном монополизирована церковью: при немногочисленности учебных заведений на территориии Беларуси это было закономерным итогом. В советский период, в секуляризированном советском обществе, в котором школа стала массовой, воспитательная функция была передана учебным заведениям - советская школа и вузы воспитывали марксиста-ленинца. И, тем не менее, в современном белорусском обществе, наследнике советских традиций, широко не распространилась ценность образования как воспитания. Анализ ценностного отношения населения к образованию показал, что в рамках классического подхода к образованию следует обратить внимание на повышение воспитательной функции учебных заведений как фактора формирования толерантных и ответственных граждан, способных на договорной основе снимать социальную напряженность и конфликты. В рамках утилитарного подхода следует обратить внимание на социальную мобильность в обществе. Опрос показал, что молодежь ожидает от образования, прежде всего, расширения границ социальной мобильности, но при этом выпускники вузов отмечают, что высшее образование эти ожидания более не обеспечивает: исследование зафиксировало, что только респонденты послевузовского образования (аспиранты, докторанты) связывают высшее образование с возможностью карьерного роста и социального продвижения.

Источники и литература

1) Йегер Вернер, В. Пайдейя: формирование греческой мысли. – М.: Изд-во «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1997. – 336 с. 2.Саймон, Б. Общество и образование. – М.: Прогресс, 1989. – 200 с.

Кувшинова Анастасия Анатольевна

МГППУ, Москва, Россия

Социальная изоляция в эпоху цифровых технологий

В современном мире цифровые технологии играют одну из самых значимых ролей в коммуникационных процессах между людьми. Цифровизация общения носит глобальный характер, и практически все люди в мире зависимы от цифровых технологий.

С одной стороны мир развивается, техническая оснащенность растет. А с другой стороны, в мире наблюдается тенденция утраты важных социальных навыков, в том числе межличностного общения. Замена живого общения на общение посредством электронной почты дало нам преимущество во времени. Но замена живого общения на электронное не способствует здоровой социальной среде.

Развитие цифровых технологий поспособствовало появлению новых социальных индивидуумов - хикикомори. Под этим японским термином подразумеваются молодые люди, которые стремятся к полной социальной изоляции [1]. Данный термин возник в начале XXI года, и к настоящему моменту стал одним из самых востребованных в связи с развитием интернет - технологий и социальных сетей.

Для того, чтобы выяснить, способствуют ли социальные сети развитию социальных отшельников, нами было проведено исследование.

Взяв за основу группу в социальной сети ВКонтакте «Hikikomori» с количеством подписчиков более 700 000 пользователей, мы провели анонимное анкетирование 40 разновозрастных подписчиков на предмет того, почему пользователь решил стать хикикомори.

Анкетирование включало в себя 3 вопроса:

1) Откуда вы узнали о хикикомори?
2) Считаете ли вы себя хикикомори?
3) Согласны ли вы с тем, что хикикомори нуждаются в помощи?

На первый вопрос анкеты ответы были следующими:

- 76 % респондентов ответили, что узнали про хикикомори из интернета;
- 20 % сказали, что про хикикомори узнали из печатных источников (книги, комиксы, манга);
- 4 % затруднились ответить.

На второй вопрос респонденты ответили следующим образом:

- 66 % - да;
- 34 % - нет;

- 6 % - не думал (а) об этом.

На третий вопрос 88 % опрошенных респондентов ответили согласием, а 12 % не согласились с предложенным утверждением.

Таким образом, проведенный опрос показал, что интернет в большинстве случаев повлияла на распространение термина «хикикомори». Более половины опрошенных считают себя хикикомори, при этом более 80% опрошенных респондентов согласны с тем, что хикикомори нуждаются в помощи. Полученные данные приводят нас к тому, что цифровые технологии породили новые формы социального отшельничества, у которого большое число «последователей». При дальнейшем развитии цифровых технологий, проблема будет ухудшаться, поскольку люди привыкнут к подобной социальной изоляции и в будущем могут принимать ее за социальную норму, в то время как она будет способствовать дальнейшей атомизации общества население и отдалять людей друг от друга.

Источники и литература

1) Кевин Кун. Хикикомори, Like Book, 2017. – 320 с.
2) Провоторова Т. Г. Проблема одиночества в социальных сетях // Молодой ученый. — 2016. — №6. — С. 676-679. — URL https://molu ch.ru/archive/110/26876/ (дата обращения: 29.01.2020).

Кудрявцев Владимир Александрович

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоноосова, Москва, Россия

Конфликт или солидарная коммуникация?

Историю человечества можно, конечно, трактовать как и историю всевозможных конфликтов. В то же время в философии и социологии современности, со времен Витгенштейна, Хабермаса, Апеля и др., налицо тренд описывать и объяснять информационное общество как множество коммуникативных систем. Здесь не конфликт, а коммуникация как акт и процесс передачи информации есть главный, ключевой социальный механизм. С.С. Хоружий констатирует: «Как убедительно рассуждал Никлас Луман, коммуникацию следует считать первопринципом общества, она полагает общество и социальный порядок, она первичней нежели само общество. В этой влиятельной парадигме реальность предстает как «коммуникативная реальность». Соответственно, и познание

осуществляется лишь из перспективы участия в коммуникации. Таким образом, коммуникация - господствующая и всеохватывающая стихия, если угодно, сама материя социального существования; и разумеется, она обладает богатым многообразием форм, видов, технологий, которое, к тому же, постоянно расширяется и растет» [2].

Отсюда возникает целый ряд закономерных методологических вопросов: какое понятие отражает суть наших времен и, значит, шире по значению - «коммуникации» или «конфликта»? Конфликт включает в себя коммуникацию как подсистему, или наоборот - коммуникация несет в себе конфликты, составляющие саму ткань коммуникации? Нет ли явного противоречия между трактовкой общества как коммуникации и занявшей чуть не центральное место теорией конфликтов, отражающей ныне саму суть социальной реальности на всех её срезах и во всех её проявлениях?

В историко-социологическом плане нужно всегда помнить, что со времен классиков сам социологический позитивизм как социальная теория возник как реакция на крушение религиозных скреп общества и как попытка рукотворными (позитивными) средствами достичь новых форм справедливости/солидарности в условиях секуляризации общественного сознания [1]. Все современные социологические теории, на наш взгляд, есть лишь различные трактовки той изначальной цели, которую поставили перед собой социологи со времен Конта/Спенсера/Дюркгейма. Все они всё-таки делали акцент на постепенности общественных изменений, а значит, выступали апологетами коммуникации, а не конфликта. Но другая линия в социологии, идущая от Маркса, заложила в основу социологического дискурса противоположную тенденцию - смотреть на историю как на изначальный конфликт интересов и целей.

Трудно отрицать очевидное: именно череда конфликтов формирует сегодня социальную реальность. Однако социологам следует попытаться синтезировать понятие коммуникации [3], основанной на солидарности и сотрудничестве и понятие конфликта, трактуемого в ряде парадигм как основа и движущая сила истории. В современной истории с её тотальным конфликтом цивилизаций, культур, религий, морали, поколений, бизнес-интересов такой подход имеет теоретические и практические перспективы.

Источники и литература

1) Липпман У. Общественное мнение. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.

2) Хоружий С. О ценности личного общения. 2011. Источник: https://royallib.com/book/horugiy_sergey/o_tsennosti_lichnogo_obshcheniya.html

3) Эпштейн М. О гуманитарном изобретательстве. Журнале НЛО. - №2. – 2016. Источник: https://magazines.gorky.media/nlo/2016/2/o-gumanitarnom-izobretatelstve.html

Кузъминова Татьяна Владиславовна

Государственный университет управления, Москва, Россия

Религиозное мировоззрение как модель разрешения социальных конфликтов в XXI веке

Питирим Сорокин выделял идеациональные, чувственные и смешанные системы культуры [1, с. 48-51]. Крайними проявления указанных систем он обозначал аскетическую идеациональную ментальность, которая предполагает контроль человека над собой, и активную чувственную ментальность, характерной чертой которой является контроль человека над внешним миром [1, с. 53].

В любой культуре в начале ее формирования и развития активно проявляются положительные черты, способствующие развитию общества, далее начинают проявляться противоречия, приводящие к конфликтам. Большинство современных глобальных проблем является следствием активного развития чувственных культур, построенных на идеях либерализма. Логично предположить, что решение этих проблем лежит через формирование идеациональных культур, чему может активно способствовать религиозный взгляд на мироздание. Далекий от религиозности вольнодумец Вольтер признавал необходимость веры в высшее существо и писал свои оппонентам: «Вы сами признаете в некоторых местах вашего сочинения, что вера в Бога удержала некоторых людей на краю преступления; этого достаточно. Если бы эта вера предотвратила всего десять убийств, десять случаев клеветы, десять несправедливых приговоров на земле, я считаю, что вся земля должна бы принять эту веру». [2, с.100]

В основе религиозного мировоззрения лежит тот факт, что материальный мир создан по образу и подобию Божьего. Как человек должен

творить, чтобы выполнить свое предназначение? Если мир создан по образу и подобию Божьему, то в мире должно быть подобие инструмента, которым Бог создал наш мир. «Вначале было Слово...»

Человеческим словом написаны Откровение, мировая классическая литература, научная и учебная литература, слово может убить человека, а может вывести из состояния безысходности (то же относится к молчанию, заставляющему искать слово). На пике развития цивилизаций уровень владения словом среди людей повышается, рождается высокая литература, поэзия, на этапе упадка появляются упрощающие отношение к жизни сленги. Лучшие педагогические методики развивают мышление человека посредством формирования грамотной речи.

Вначале появилась устная речь (звуки), и лишь позже - письменная. Если говорить о символе Слова Божьего, то, скорее всего, это устная речь, письменная речь - вторичный символ Слова Божьего, и первичный символ человеческой устной речи. Устная речь - это звуки, звук в физическом понимании - это волна. Волна, распространяясь в пространстве, заполненном газом, приводит в движение молекулы и атомы газа. Вещества, состоящие из одинаковых атомов, но по-разному структурированных в молекулы, принимают разные физические свойства (химики называют это аллотропией).

Самая известная аллотропия - алмаз и графит (аллотропные формы основы всех органических соединений на нашей планете - углерода). Алмаз имеется в мире в гораздо меньшем количестве, чем графит, и, безусловно, несоизмеримо дороже. Возможно, аллотропия графита и алмаза - это еще один символ, символ потенциала развития жизни на Земле. Для получения алмаза из графита кристаллическая решетка последнего из параллельных слоев углерода должна превратиться в единое целое, где каждый атом углерода соединен со всеми другими, если не напрямую, то через последовательность соединений в виде цепочек атомов.

Мы приблизились к пониманию воздействия звука на изменение физического мира. Какие звуки наиболее сильно оказывают воздействие на человека? Пифагор заставил вора отказаться от своего намерения залезть в окно чужого дома, просто попросив скрипача сыграть красивую музыку. Если устная речь фиксируется для будущих поколений в виде письменной, то музыка передается посредством нотной грамоты. Развитие нотной грамоты привело к появлению теории музыки - сольфеджио.

В сольфеджио есть понятия консонанса и диссонанса, есть правила, по которым они возникают. Есть правило добра (консонанс) и правило зла (диссонанс). Они образуются из одних и тех звуков, их всего семь - базовых. Нельзя выдать информацию о добре (консонанс), не выдавая

информацию о зле (диссонанс). Творя материальный мир, Бог пользовался только правилами консонанса. Бог не мог дать человеку знание о консонансе, не дав знания о диссонансе. Отсюда появилось зло. Зло - это неумение человеком применять на практике теорию музыки.

Приблизиться к познанию Божественного мира можно многими путями. Один из не самых простых - хорошо изучить материальный мир и узнать в нем символы Божественного мира. Многие нобелевские лауреаты - представители естественных наук верили в Бога. Красиво это обозначил В. Гейнзберг: «Первый глоток из кубка естествознания порождает атеизм, но на дне сосуда нас ожидает Бог» [3]. Но это путь не может быть массовым. Приблизить массы к целостному мировоззрению можно только через соответствующую систему образования.

Религиозное мировоззрение дает нам модель решения глобальных проблем современности. На первый взгляд модель кажется наивной, но, если она массово будет принята обществом на уровне подсознания, она способна кардинально изменить наш мир. Основные элементы этой модели: человечество должно стать единым, как кристаллическая решетка алмаза; критерии общественного блага должны иметь более высокий приоритет, чем личностные; система образования должна иметь в качестве первичных приоритетов нравственные критерии.

Источники и литература

1) Сорокин П. Социокультурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений /Пер. с анг., комментарии и статья В.В. Сапожникова. – СПб.: ГХГИ, 2000, - 1056 с.

2) Вольтер. Бог и люди: статьи, памфлеты, письма. В 2-х т. Том. 2. – М.: издательство АН СССР, 1961. – 427 с.

3) 15 физиков, химиков и медиков, нобелевских лауреатов, которые верили в Бога. URL: https://www.invictory.org/articles/science/7987-15-fizikov-himikov-i-medikov-nobelevskih-laureatov-kotorye-verili-v-boga Дата посещения 01.12.2019

Лескова Ирина Валерьевна

ФГБОУ ВО РГСУ, Москва, Россия

Феминистские проявления трудовой миграции

Применительно к социальной группе женщин-мигранток из Средней Азии, находящихся в современной России, скорее, можно говорить не столько о «движении», как оформившемся общественном или политическом явлении, сколько о нарастании в социальной среде женщин-мигранток умонастроений, связанных с усилением тенденций к самовосприятию в качестве субъекта программирования своей жизни, а не объекта мужских манипуляций в сферах гендерных и трудовых отношений. Основная цель трудовой миграции среднеазиатских женщин - обеспечение выживания семьи. В своем большинстве, женщины-мигрантки заняты в торговле и в сфере общественных услуг, спрос на которые в России будет только расти. В отличие от типичной ситуации мигрантов-мужчин, ведущую роль в принятии решения о миграции женщины играет семья или домохозяйство. Это обусловлено тем, что в странах Средней Азии сильно влияние традиционной исламской культуры в повседневном бытовании людей. Соответственно женщины менее самостоятельны в принятии таких решений. Поэтому для них особенно важно наличие социальных сетей в стране-пребывания.

Трудовая миграция женщин оказала серьезное влияние на жизненный уклад их семей и, через это, - на жизненный уклад их стран. Финансовые трудности, которые испытывают среднеазиатские семьи, привели к перераспределению ролей в семейной жизни традиционных обществ. Женщина берет на себя функции кормильца и «добытчика», а мужчина берет на себя выполнение домашних обязанностей. Трудовая миграция женщин может быть менее продолжительной, чем у мужчин. Семья вынуждена принимать решение отправлять женщину в миграцию, поскольку зачастую она может больше заработать. Другой причиной являются соображения безопасности - то, что мужчин-мигрантов чаще, чем женщин в крупных городах России останавливают, а впоследствии и задерживают на предмет легальности нахождения и осуществления трудовой деятельности.

Женщины-мигрантки проявляют большую социальную адаптивность, чем мужчины. Мужчины, в новой для среднеазиатского социума социокультурной и социоэкономической ситуации, нередко проявляют свою неспособность поддержать и материально обеспечить свою семью в критические моменты жизни.

Большинство женщин-мигранток работают на нелегальной основе, поскольку не имеют возможности заплатить за регистрацию, оформить санитарную книжку. У многих сильна боязнь сексуальных домогательств. Поэтому, чаще всего они предпочитают самозанятость. У женщин-мигранток обострено чувство национальной солидарности: они ста-

раются держаться вместе по 2-3 человека, что не только облегчает им взаимовыручку в процессе работы и ее поиска, но и позволяет им более эффективно защититься от возможных бесчинств или необоснованных претензий.
Кроме сферы услуг, в которую вовлечены женщины-мигрантки, их нишей также является рынок потребительских товаров, например, они активно вовлечены в торговлю сельскохозяйственной продукцией (прежде всего, - овощами и фруктами). И, в целом, они оказываются довольно честными и в отношении работодателей, и в отношении покупателей: поскольку их основная цель - честным трудом заработать «на кусок хлеба» для своей семьи, попытки обмана в их среде всячески пресекаются, что, во многом обусловлено боязнью лишиться работы ввиду шаткого миграционного положения.

Феминистское движение женщин-мигранток набирает обороты. В большинстве случаев трудовая миграция женщин оказывается более эффективной для поддержания уровня благосостояния семьи и обеспечения ее сохранности в целом. В том числе ввиду большего чувства ответственности, присущего женщинам.

Лысюк Анатолий Иванович
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Брест, Беларусь

Николай Бердяев о роковой роли марксизм в русской революции

Значительную (и роковую) роль в новейшей истории России, по убеждению Бердяева, сыграл марксизм. Проблема заключается не столько в том, что он архаичен, не соответствует императивам современных научных философских знаний, искаженно отражает социальную действительность. Главная проблема в том, что марксистское учение претендует на то, чтобы быть религией, «идущей на смену христианству, претендует ответить на религиозные запросы человеческой души», т. е. стать цельным мировоззрением, дающим ответы на все вопросы жизни, определяющим смысл жизни человека, призванным, в конечном счете, привести к принудительному единству мысли. Для достижения этой цели оно требует «прежде всего изменения сознания. Религиозные верования должны быть уничтожены не тюрьмой, расстрелом и гонением, а революционизированием сознания» [1, с. 129-130]. Укоренение марксистской

доктрины в российскую почву (и душу) приводит к серии разрушающих Россию эффектов. Ключевой проблемой марксизма, по убеждению Бердяева, выступает то, что идея коммунизма является социальной утопией. Следовательно, она не только неосуществима и бессмысленно расточает жизненные силы общества, но и неизбежно приведет Россию к социальной трагедии и отсталости.

В представлении Бердяева, настоящий «кошмар русского марксизма» выражается и в том, что отрицая Бога, он одновременно отрицает и всякого человека как Его образ и подобие и на котором изначально лежит печать божественности. Подобное отрицание заключает в себе смерть свободе человека, которая по своей природе, имея «примат над бытием», действует как Свобода-Дух, творчески освобождая, преображая и возвышая конкретного индивида. Все это «превращает коммунизм в силу дегуманизирующую, враждебную человеку» [1, с. 145].

У Бердяева существуют и моральные претензии к марксизму, который, по его убеждению, вдохновляется вовсе не состраданием к народу и жертвой во имя его освобождения. Он пишет: «Коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской, евангельской морали, морали любви, жалости, сострадания. И это может быть и есть самое страшное в коммунизме» [4, с. 135].

С другой одной стороны, - речь идет не об отказе русскими марксистами от морали как таковой. Бердяев констатирует, что моральный компонент отчетливо представлен в концепции Маркса, который осудил бесчеловечность капиталистического режим и для которого понятие эксплуатации является не только моральным, но и экономическим. Однако изначальный атеизм приводит к тому, что они «не могут принять Творца, сотворившего злой, несовершенный, полный страдания мир. Они сами хотят создать лучший мир, в котором не будет таких несправедливостей и страданий... Для революционера все морально, что служит революции» [4, с. 35, 52].

Борьба коммунистов с религией в реальности вызвана не столько тем, что она враждебна марксистской идее, сколько стремлением самого коммунизма приобрести многие черты религиозной системы и стать верой, но уже противоположной христианству. Поэтому, по убеждению Бердяева, русская революция является прежде всего феноменом духовного порядка, а только потом - социально-политическим. Для него очевидно, что завоевать и организовать власть, подчинив себе «рабоче-крестьянские массы» невозможно только силой оружия и чистым насилием.

Для Бердяева неприемлемо и заложенное в марксизме отрицание ценности аристократических идеалов «благородства, породы, качества».

Коммунистическая идея настаивает на доминанте эгалитарности, на «духе большинства». Русский философ убежден, что подобный подход непродуктивен, тем более учитывая то обстоятельство, что «разрушение исторической иерархии и исторической аристократии не означает уничтожения всякой иерархии и всякой аристократии. Образуется новая иерархия и новая аристократия... И господство черни создает свое новое избранное меньшинство, свой подбор лучших и сильнейших в хамстве, князей и магнатов хамского царства» [2, с. 582-583]. Все это приводит к утверждению в российском обществе провинциального, партикуляристического духа.

Бердяев указывает на то, что марксизм способствует понижению культурного уровня индивидов, страны в целом, воспринимая духовные ценности как иллюзии сознания, производные от материального фактора и отражающие экономическую структуру общества, а дух выступает только в качестве иллюзии плохо организованной материи.

И это не отвлеченная философская проблема. С точки зрения Бердяева, доминанта материализма естественным образом приводит не только к понижению уровня духовной культуры общества. Существует угроза признания великой духовной культура прошлого продуктом эксплуатации.

Этому процессу способствует и то обстоятельство, что по убеждению русского философа, марксизм содержательно является философией блага, а не ценностей. По этой причине для марксистов непонятен разговор о ценностях и их иерархии, поскольку в их философской системе существуют только необходимость и польза.

Бердяев констатирует, что марксизма является динамичной силой, обладает большой энергетикой и влиянием в качестве демагогического пропагандистского оружия. Эта динамичность в силу ее ложности заключает и серьезные социальные риски для России.

Источники и литература

1) Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

2) Бердяев Н.А. Философия неравенства / Философия свободы. М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 477–728.

***Малахова Светлана Игоревна*[1]*, Наличаева София Александровна*[2]**

1 - факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия; 2 - Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, Севастополь, Россия

Терроризм как феномен глобального общества

В истории человечества понятие терроризм появилось двести лет назад, однако насилие в отношении неугодных людей существовало с глубокой древности. И если в 19-м и 20-м веках основным методом терроризма был индивидуальный террор, когда террористы убивали политических и государственных деятелей, то современные террористы в качестве жертв выбирают мирных граждан, число которых превышает сотни и тысячи. Изменились и средства для осуществления террористических целей - если раньше террористы пользовались холодным и огнестрельным оружием, то сегодня террористы используют взрывчатые вещества. Основная направленность развития современной террористической деятельности связана с оснащением технической и технологической базы. Современные террористические организации вышли за пределы одной страны и стали международными организациями. Этот факт говорит о том, что процессы глобализации идут и в этой среде, а также о том, что глобализация не является монопольным образованием одной страны, одной экономической системы, одного образа жизни; и в этом обществе террористы хотят отстоять свое место. Это также осознание несовершенства нашего мира, который порождает постоянно усиливающийся терроризм[2]. В чем смысл психологии терроризма, что несовершенно в нашем обществе до такой степени, что ряды террористов продолжают умножаться? Как мы должны учиться понимать друг друга, чтобы совершенствовать свои формальные и неформальные отношения?

Государства и государственные структуры изначально создаются людьми для того, чтобы облегчить свою жизнь. Однако затем люди сами страдают и мучаются под тяжестью власти созданных ими же государственных органов и структур. Осенью 2001 года международным терроризмом был показан урок государственной структуре одной из самых благосостоятельных стран мира, когда была продемонстрирована ее полная несостоятельность и несовершенство. Средства массовой информации быстро распространили информацию по всему миру, подчинив себе сознание миллиардов людей во всем мире и вызвав у них шоковое состояние. Количество террористических актов по всему миру продолжает расти, они широко освещаются средствами массовой информации

и уже давно стали частью нашей объективной реальности. По телевидению идет трансляция репортажей с места терактов, в интернете сообщаются подробности событий, и идет активное обсуждение последних новостей о деятельности разных террористических организаций, в общественном транспорте висят предупредительные плакаты, призывающие пассажиров сообщать о бесхозных предметах, и относится к ним с осторожностью, а также сообщать о подозрительном поведении окружающих людей. Все это вместе формирует у людей переживание террористической угрозы, риск стать жертвой теракта. Страх большого числа людей лежит в основе террора, если нет страха, то нет и террора. Страх очень редко ощущается людьми перед непосредственным приближении опасности, страх охватывает человека спустя какое-то время после опасной ситуации и преследует его затем в схожих или аналогичных ситуациях. Так работает механизм «отложенного страха», на который в основном и рассчитывают террористы, пытаясь подорвать способ организации нашей привычной жизни. Некоторые исследователи терроризма пишут, что «терроризм более чем наполовину театр, это мрачный спектакль, разыгрываемый при помощи средств массовой информации с целью создать общую атмосферу кризиса и неустойчивости, подорвать доверие к правящему режиму и спровоцировать его на жесткие репрессивные меры, которые коснутся большинства населения страны»[3].

Можно предположить, что современные террористы неосознанно чувствуют несовершенства и недостатки современных государств, и это делает их чужеродными элементами для многих групп населения. Чем же отличаются люди, которых не устраивает высокий уровень формализованности нашей жизни и наших государств, и за что они нас наказывают? Изучение личности террориста является почти неразрешимой задачей, т.к. пока террористы находятся на свободе, они недоступны исследователям. Они готовы встречаться с журналистами с целью пропаганды своих взглядов, однако избегают встреч с учеными и юристами. Зарубежные и отечественные исследователи пытались создать «профиль типичного террориста», но безуспешно, т.к. люди, вступающие в террористические организации, имеют различное этническое происхождение, исповедуют разные религии, являются приверженцами разных идеологий и принадлежат к разным культурам. Личностные особенности террористов и особенности террористических организаций проявляются в особенностях их деятельности. Для деятельности террористических сообществ характерен феномен сдвига риска, описанный в социальной психологии, и выражающийся в большей рискованности группового решения по сравнению с суммой индивидуальных решений. По мере того как группа принима-

ет все более рискованные решения и ставит все более дерзкие задачи, то в конечном счете, столкнувшись с профессионально организованным сопротивлением государства, она заканчивает свое существование. «Террористов можно и нужно обезвреживать и наказывать, однако победить терроризм как явление можно будет только тогда, когда в обществе создастся такая атмосфера, что все, в том числе и сами террористы, поймут, что даже для тех, кто разделяет их политические или религиозные взгляды, они, в лучшем случае, являются опасными сумасшедшими. Бороться с террористами должно государство, но победить их сможет только общество»[1].

Источники и литература

1) Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
2) Ольшанский Д.В. Психология терроризма. Издательство: Питер. 2002.
3) Business Week. 2001. November 5. № 41.

Мамичев Михаил Васильевич

Брянский государственный технический университет, Брянск, Российская Федерация

Социоприродный подход как новая методология исследования политических конфликтов

В настоящее время политические элиты мира поверхностно рассматривают влияние техногенного мира на природном мир. В тоже время современный окружающий мир полноправно можно назвать социотехноприродным, т.е. представляющим собой взаимосвязь социальных, природных и техногенных процессов. Однако современная политика чаще всего говорит о социальных и техногенных проблемах, забывая о природе. Политический конфликт по своей сущности является наиболее серьёзным и опасным не только для социума и природы в целом. По мнению С.М. Емельянова: «политический конфликт - это противостояние субъектов социального взаимодействия политических партий, политических классов и политических организаций, политической элиты, а также целых государств на почве противоположных политических взглядов, интересов, целей и ценностей, определяемых их ролью

и положением в политической системе» [2, с.234]. Известный политолог А.Г. Здравомыслов дал одну из самых простых трактовок политического конфликта: «Политический конфликт - есть непрерывная борьба за власть в данном конкретном обществе» [3, с.12]. Можно сделать вывод, что политический конфликт- это столкновение политических сил, политических лидеров, общественно-политических организаций. Исходя из их исследований, техногенное общество (цивилизация, социум, общественная система) - это во многом уже постаграрная общественная система на индустриальной и постиндустриальной ступени общественного развития и рационализации, генезис которой осуществляется преимущественно на основе наукотехники и создаваемой ею предельно урбанизированной среды - техносферы, которые, взаимодействуя с социумом и биосферой, подчиняют, трансформируют и разрушают их и тем самым изменяют качественные характеристики традиционного (земледельческого) социума и биосферной природы [1, с.16]. Говоря о причинах разжигания политических конфликтов, нельзя не сказать о природном аспекте. Более того, необходимо говорить о рассмотрении политического конфликта в рамках социоприродного подхода. Понятие социоприродного подхода дано в работах Е.А. Дергачевой, Н.В. Попковой, Э.С. Демиденко. Социоприродный подход - понятие, которое открывает новые методологические возможности и приемы исследования общества и природы, земной реальности на основе их взаимосвязанного социально-природного развития. Речь идет не просто о взаимосвязанном развитии общества и природы, а о создании вместо биосферной социоприродной метасистемы [4]. По мнению Е.А. Дергачевой социоприродный подход является весьма мощным методологическим подходом к исследованию процесса изменения мира и жизни [2, с.10]. Н.В. Попкова говоря о социоприродном подходе, отмечает, что социоприродный подход преодолевает одно их характерных для традиционных подходов и противопоставлений, а именно, человечества и природы [5]. Социоприродный подход занимает особое место во взаимосвязи с другими уже известными подходами и методами, и прежде всего системным, синергетическим, постиндустриальным и глобально-эволюционным. Такой интегрированный подход в изучении взаимосвязанного развития общества и природы, их отдельных процессов и явленийhttp://sphil.iipo.tu-bryansk.ru/persons/demidenko-eduard-semenovich/ называет «системным социоприродным подходом»[4]. Следует отметить, что негативные изменения в природе сказываются на социальном самочувствии миллионов людей. В свою очередь экологические проблемы превращаются во все более значимый политический фактор, происходит их политизация. Проблемы социоприродного

взаимодействия выступают как вопросы политики, поскольку они затрагивают интересы многомиллионных масс, становятся все более существенной частью политики государств, партий, социальных институтов. В ближайшем будущем, когда природные ресурсы иссякнут, политические конфликты начнут перерастать в военные, т.е. ресурсные войны. В настоящее время объем природных ресурсов крайне истощён в таких странах как Китай, США, Япония и др. Именно здесь наиболее возможно разжигание войн за природные ресурсы. Опасным фактором проведения таких военных конфликтов будет не только гибель населения, но и загрязнение окружающей среды военные отходами. Человечество подошло к черте, за которой стоит бездна с непредсказуемыми экологическими последствиями. Военно-промышленный комплекс является потенциальным источником химического и радиационного заражения недр нашей планеты. Предотвращения данного сценария развития мира возможно лишь с помощью социоприродного подхода, когда учитываются интересы не только населения, но и природы в целом. Важен принцип общественного договора и взаимопомощи стран.

В заключение можно отметить, что современным политическим элитам необходимо пожертвовать своими политическими пристрастиями во имя выживания человечества.

Источники и литература

1) Дергачёва, Е.А. Философия техногенного общества: монография. – Москва: Книжный дом «ЛЕНАНД», 2011. – 214 с.
2) Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни // М: Российская академия наук, 2017. -27 с.
3) Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. – СПб., 2000.
4) Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М., 1994.
5) Попкова Н.В. Философия техносферы.-М.,2008.
6) http://sphil.iipo.tu-bryansk.ru/glossary-erm/

Некрасов Станислав Николаевич

Уральский государственный аграрный университет, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Цивизационный неоиндустриализм как пятая мировая теория: перспективы понимания противоречий в истории

Предлагаемое нами интегративное научное направление «Цивилизационный неоиндустриализм - пятая мировая теория» исходит из опасности социальной гибридизации как следствия неясности и навязанности элитам и народам цивилизационного выбора под влиянием эклектического смешения идеологий и ведущих мировых теорий. Поскольку три ведущих мировых теории - либерализм, фашизм и коммунизм дополняются в последние годы четвертой теорией - консерватизмом, возникает новое искушение вычленения специфического социального субъекта современной эпохи. Либерализм закрепляет эту субъектную роль за личностью и ее модернизированной пульсацией в постиндустриальном конце истории как такого сцепления противоречий, которое уничтожает общество и государство. Фашизм следит за маршем преобразованной им из аморфной массы сплоченной зовом крови нацией и также устраняет глобальные противоречия, поскольку сохраняет один глобальный радикальный субъект. Коммунизм фиксирует эмансипаторскую миссию пролетариата и его диктатуры во всемирно-историческом масштабе или в слабом звене в цепи капиталистических стран и тем самым разрешает антагонистические противоречия. Возникающий из смешения трех мировых теорий консерватизм апеллирует к единому народу, которому не позволяют соскальзывать «назад и вниз», консервируя противоречия. В условиях недостаточности четырех мировых теорий возникает необходимость введения и обоснования неоиндустриального вектора развития выделенных исторических субъектов, в ходе которого диалектика столкновения противоречий обрекает на гибель постиндустриальный тупик глобального либерализма, расовый тоталитарный миф слияния государства и человека, сокрушает ошибочный курс на демонтаж диктатуры пролетариата и создание химеры общенародного государства. Наконец, гибель старого мира инферно позволит преодолеть и религиозные народнические авторитарные утопии и духовные скрепы консерватизма.

Цивилизационный неоиндустриализм представляет собой концептуальный авангардный повышенной сложности интегративный дисциплинарный научный курс геополитики, политэкономии товара и знака современности, культурологии, социальной философии, эпистемологии, геополитики, новейшей истории философии. Цивилизационный неоиндустриализм действует на оригинальном материале, ранее не введенном в научный оборот. Он может быть полезен аспирантам, преподавателям гуманитарных дисциплин, аналитикам государственных служб в качестве пособия для развития аналитического творческого мышления в области философского осмысления проблем ближайшего и отдаленного будущего нашей страны и всего мира.

Цивилизаторская миссия неоиндустриализма

Социальная диалектика неоиндустриализма демонстрирует игру противоречий в предыстории человечества и начале подлинной истории. Цивилизационный неоиндустриализм в этих кризисных условиях спасает человечество от варварства, поскольку требует от здоровых цивилизаций осуществить свой цивилизационный мессианский выбор выхода в будущее, который доступен не для всех цивилизаций. Часть цивилизаций уже выбрала гибель в тупике постиндустриализма, ряд цивилизаций склоняются к обреченному на гибель региональному модерну и только русская цивилизация, ориентированная на сверхмодерн, способна осуществить и повести за собой народы в русле неоиндустриального прорыва освоения природы и космоса микро и мегамира.

Диалектика возникновения вдохновленного Россией цивилизаторской миссии неоиндустриализма показывает историческую исчерпанность и обреченность капитализма как социально-импутированной основы идеологии либерализма. Диалектика неоиндустриализма также объясняет историческую несостоятельность фашистских, национал-социалистических и корпоративистских или расистских моделей социального устройства развитого общества как продукта кризисной мутации буржуазной демократии в условиях империалистического порождения фашистской идеологемы. Диалектика неоиндустриализма практически обосновывает историческую ограниченность второй после Парижской коммуны героической попытки построения социалистического общества в одной или нескольких странах при установлении диктатуры номенклатуры как ложной социальной основы ревизионистских и оппортунистических извращений учения о социалистической революции, диктатуре пролетариата и двух фазах коммунизма.

Разработка концепции неоиндустриальной системы в современной РФ

Применительно к современной РФ разработка концепции неоиндустриальной системы уникального российского социума отвергает неолиберальный геноцид 90 гг., преодолевает старую советскую индустриальную систему, отвергает технологический характер преобразования социума, при котором большинство населения в трансгуманистическом духе станет излишним после переобучения. Наиболее перспективны три типа неоиндустриальных проектов развития российской социальности в контексте динамики единого комплекса. Сейчас народы мира ждут спасения от катастрофы постиндустриального общества. Они нуждаются в избав-

лении от свободного рынка, информационной эры, от фетиша свободной торговли, глобализма и санкционного протекционизма. Здесь необходимо применить силу и политическую волю - вернуться средствами стратегического планирования к развитию сельского хозяйства и промышленности, улучшению качества образования и повышению жизненного уровня рабочей силы. Локомотивом такого глобального неоиндустриального развития в общее и безопасное будущее объединенного человечества может и должна стать Россия.

Никитина Алена Сергеевна
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Проблемы молодых соотечественников, проживающих за рубежом

«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760»

Соотечественники - это колоссальный резерв для страны, резерв ее международного влияния и авторитета, позитивного имиджа в мире, углубления взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными странами, сохранения и развития русской культуры и языка. В условиях усиления напряженности в международных отношениях, информационного давления на общественное мнение в последние годы актуализируется тема «русского мира», частью которого являются наши соотечественники за рубежом.

Как отметил Президент РФ в своем выступлении об утверждении новой редакции Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы, «ситуация в мире непростая. Увеличиваются напряжённость и непредсказуемость. Подрываются основы международного права, рушатся многолетние договорённости между государствами. В ход идут и русофобия, к сожалению, другие формы крайнего, агрессивного национализма». Таким образом, все более обостряются проблемы молодых соотечественников, проживающих за рубежом.

Больше всего русских на Украине (8 млн 334 тыс человек по данным 2001 года). Русское население Украины живёт в первую очередь под тяжелейшим психологическим и пропагандистским гнётом. После распада

СССР в особо тяжёлом правовом положении оказались русские в Прибалтике (557 тыс. человек в Латвии, 330 тыс. в Эстонии, 177 тыс. в Литве), где местные законы о гражданстве и языке с самого начала носили откровенный дискриминационный характер. Согласно опросу агентства ЕС по правам человека (2008 год), дискриминацию на расовой или национальной почве в Эстонии ощущали 59% русских, в Латвии - 25%, в Литве - 12%.

Для решения назревающих проблем, предлагаем региональным властям комплекс мероприятий по поддержке молодых соотечественников за рубежом.

С целью взаимодействия с молодежными организациями соотечественников стран СНГ, а также Абхазии организовать тесное сотрудничество с Всемирным координационным советом российских соотечественников, проживающих за рубежом, с Фондом поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, а также с Региональным координационным советом российских соотечественников стран ближнего зарубежья. В связи с этим рекомендуем:

- принять участие во всемирных тематических конференциях по актуальным для соотечественников из стран СНГ темам;

- принять участие в работе тематических форумов, конференциях, круглых столах, направленных на консолидацию русскоязычной молодежной диаспоры в странах СНГ с целью расширения взаимодействия организаций соотечественников и развитие их всесторонних связей со Свердловской областью;

- организовать и провести комплекс скоординированных мероприятий молодых соотечественников, проживающих в странах СНГ в рамках празднования Дня Победы;

- содействовать повышению правовой грамотности актива общественных организаций соотечественников, проживающих в странах СНГ;

- осуществлять всестороннюю поддержку проектов по созданию и развитию центров правовой помощи в странах СНГ и дальнего зарубежья, в том числе региональных центров правовой информации;

- оказывать содействие в организации и проведении культурно-просветительских мероприятий, ориентированных для юных и молодых соотечественников (фотовыставки, литературные викторины, творческие конкурсы и фестивали) и физкультурно-спортивные мероприятия;

- оказать содействие участию молодых соотечественников в международных и всероссийских молодежных образовательных форумах, организуемых в Российской Федерации

С целью взаимодействия с молодежными организациями соотечественников стран ШОС, а также стран Японии, Казахстана, Кореи, Вьетнама организовать тесное сотрудничество с Всемирным координационным советом российских соотечественников, проживающих за рубежом, с Фондом поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, а также с Региональным координационным советом соотечественников стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В этом аспекте необходимо:

- принять участие во всемирных тематических конференциях по актуальным для соотечественников из стран ШОС темам;

- принять участие в работе тематических форумов, конференциях, круглых столах, направленных на консолидацию русскоязычной молодежной диаспоры в странах ШОС с целью расширения взаимодействия организаций соотечественников и развитие их всесторонних связей с регионами России;

- оказать соотечественникам методическую, информационную, организационную юридическую помощи при защите их прав, свобод и законных интересов в государствах проживания;

- содействовать повышению правовой грамотности актива общественных организаций соотечественников, проживающих в странах ШОС;

- осуществлять всестороннюю поддержку проектов по созданию и развитию центров правовой помощи в странах ШОС, в том числе региональных центров правовой информации;

- оказывать содействие в организации и проведении культурно-просветительских мероприятий, ориентированных для юных и молодых соотечественников (фотовыставки, литературные викторины, творческие конкурсы и фестивали) и физкультурно-спортивные мероприятияю.

С целью взаимодействия с молодежными организациями соотечественников стран Прикаспийского региона и Прибалтики, а также стран Польши, Финляндии, Словакии организовать тесное сотрудничество со Всемирным координационным советом российских соотечественников, проживающих за рубежом, с Фондом поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, с Региональным координационным советом соотечественников стран Северной Европы и Балтийского моря.

Таким образом, предложенный комплекс мероприятий позволит улучшить существующую обстановку и решить проблемы молодых соотечественников, проживающих за рубежом

Источники и литература

1) Герасимова В. А. Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 1. С. 904-921
2) Тарханова Э. И. Эволюция и основные направления оптимизации политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом // Вопросы политологии. 2016. № 4(24). С. 106-123.
3) Балашова Т. Н. Проблемы реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом // Вестник РУДН. Серия: юридические науки. 2009. № 1. С. 5-10.

***Нурбина Марина Витальевна*[1]*, Тараненко Сергей Борисович*[2]**

1 - НИЦ Курчатовский институт, Москва, Россия; 2 - НИЦ quot;Курчатовский институтquot;, Москва, Россия

Цифровизация как институциональная ловушка: развитие vs деградация

Анализ устойчивости и трансформации социальных институтов - как формальных, так и не формальных - требует адекватных теоретико-экономических инструментов. Таким инструментом может быть предложенное В.М.Полтеровичем представление о институциональной ловушке как факторе, определяющем возможность и направление развития [1].

Цифровизация, при всей многофакторности своего генезиса, применительно к российской экономике и социальным институтам носит индуцированный характер. Россия как источник суверенитета во многом вынуждена проводить цифровизацию ускоренными темпами, продуцирующими высокие (во многом неизбежные) риски.

Так, в частности, в целях «эффективности», «конкурентоспособности» российской экономики вопросы разработки и применения механизмов цифровизации были переданы интересантам соответствующих процессов [2]. При этом интересанты, выражая свой частный интерес, получают инструмент его продвижения, оказывающий фундаментальное влияние как на структуру экономики, так и на институциональную структуру общества.

Отчётливо видимым эффектом такого рода процессов можно назвать «цифровое отчуждение» как новое проявление отчуждения, предложенное поздним марксизмом [3] и проявляющееся в сфере цифровых технологий и сопутствующих им цифровых процессах [4].

Помимо эффекта отчуждения имеют место выраженные процессы деградации, связанные с развитием цифровых технологий [5]. Так, развитие цифровых технологий вытесняет высокотехнологические (а, следовательно затратные) производственные процессы в пользу низкотехнологических. Развитие цифровизации, подчиненное интересам частного бизнеса без надлежащего учета общественного интереса - источник смещения всей структуры экономики в пользу легкоприбыльных низкотехнологических процессов, а с этим и структуры экономики в целом. Имеет место т.н. эффект вымещения, обусловленной цифровыми возможностями. По итогу - широкое распространение таких процессов продуцирует т.н. «цифровой разрыв» как фактор социального неравенства в гораздо большей степени, чем развитие реальных высокотехнологичных производств. Так, цифровизация во многом стала синонимом доставки пиццы трудовым мигрантом.

Одновременно и в единстве с этим, развитие цифровых бизнесов требует существенной деформации или стирания сложившихся институциональных барьеров, препятствующих внедрению и применению цифровых технологий. Давление, которое оказывают на эти барьеры интересанты, столь велико, что эти барьеры будут преодолены. Среди этих барьеров - базовые институты общества, такие как право.

Имеет место ускорение процесса смещения права с модели «правил» к модели «оперативного управления», или выражаясь акцентировано, сеньората. Именно эта модель снимает препятствия по регулированию и оперативной настройке выстраиваемых цифровых процессов. Вместе с тем, цифровые технологии - эффективный инструмент такого сеньората. Имеет место выраженный риск фрагментации права на отдельные правовые сеньораты, реинкарнации территориального феодализма в виде феодализма отраслевого, цехового. Наблюдается выраженный риск возврата к предыдущим поколениям права, отказ от группы прав и свобод человека, новых по своему содержанию и по форме реализации, возникших во второй половине XX века.

Имеют место глубокие онтологические процессы трансформации человеческого капитала. Так, например, смещение исследовательской парадигмы с поиска понимаемых закономерностей к поиску практически используемых корреляций - серьезный симптом возможного разрушения науки как базового института современной цивилизации.

Цифровизация, являясь причиной трансформации человеческого капитала, одновременно и эффективный инструмент такой трансформации. Электронные обучение и тестирование смещают цели и задачи образования; критерием успешности знаний становится «умелая презента-

ция», а новаторская идея, по своей природе изобилующая неточностями, не проходит формальные электронные фильтры.

Параллельное развитие искусственного интеллекта (понимаемого сегодня как глубокие сети с обучением), больших данных и технологий их обработки сегодня уже выведено из сферы науки, и передано в сферу глобального бизнеса, что обеспечивает их успешное и безальтернативное развитие по описанной выше модели. Имеет место ярко выраженная институциональная ловушка цифровизации, результатом которой с неизбежностью станет деформация и возможная смена базовых институтов общества в пользу институтов, обеспечивающих эффективный и неоспоримый контроль бизнеса над обществом и его институтами, включая государство.

Понимание этих процессов недостаточно для преодоления вызовов, обусловленных цифровизацией. Необходимы глубокие социо-теоретические модели базовых институтов общества, определяющих и формирующих новые социальные институты цифровой эры.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16130.

Источники и литература

1) Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы// «Экономика и математические методы», Т.35, №2, 1999.

2) Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», http ://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPg u4bvR7M0.pdf

3) Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения \\ М: Алгоритм. 2006 г. 480 с.

4) К. О'Нил Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М. АСТ. 2018

5) Жулего В.Г., Балякин А.А., Нурбина М.В., Тараненко С.Б. Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 9-2. – С. 36-43

Осипов Тимур Алексеевич

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Доверие как ключевой ресурс преодоления конфликтов

На сегодняшний день в условиях актуализации вопросов социальной консолидации и интеграции как преодолении глобальной конфликтности в первую очередь необходимо понимать, какие основные ресурсы и инструменты могут способствовать процессам установления стабильной ситуации в этом аспекте и исследовать их. В связи с этим необходимо отслеживать современные тенденции, которые могут влиять на эти моменты тем или иным способом. Во многом наличие или отсутствие социального консенсуса зависит от того, каким образом установлено социальное взаимодействие, как функционирует общество в этом аспекте, какие использует ресурсы и инструменты для стабилизации ситуации и многое другое. Конфликтность современного мира в целом, определенная сложность в установлении социальных контактов расшатали ситуацию в этой сфере. Связано это с такими тенденциями как утрата культурного единства в обществе, упадок ценности норм нравственности и морали, продвигающейся все дальше технологизации и цифровизации общества, которые создали не только новые возможности в области социальных контактов, но и новые проблемы. В таких условиях актуализируются вопросы доверия в обществе. Доверие является основой для развития коммуникации и любого социального взаимодействия в целом, в связи с чем общая целостность и гармоничность социума зависима от доверия как социального феномена.

Современные тенденции коренным образом изменили ситуацию в аспекте социальных взаимодействий. Глобализация как процесс культурной интеграции и унификации столкнул между собой множество групп, которые имеют принципиально разные ценности, убеждения, мнения, интересы и другие моменты, определяющие и регулирующие их жизнедеятельность. Таким образом, зачастую это приводит скорее к процессам дезинтеграции, чем интеграции, возникновению множества конфликтных ситуаций, так как сталкивает друг с другом во многом противоречащие друг другу элементы культуры. Конфликтность многих глобализационных процессов во многом обусловлена низким уровнем доверия к незнакомому. Более высокий уровень доверия в этом случае позволил бы процессам глобализации протекать более гладко и стабильно, гармонизируя потенциально конфликтные ситуации, что привело бы к взаимоуважению различных культур в современном обществе, а также обмену опытом между ними для их последующего развития.

Процесс технологизации в свою очередь повлек за собой появление возможностей увеличения количества социальных контактов, а также изменение их характера в целом. Обширные возможности дистанционного общения обуславливает повышение уровня анонимности в социальных

взаимодействиях, а также появление феномена множественности виртуальных идентичностей. Этот факт является и предпосылкой и результатом упадка обобщенного доверия в обществе, следствием чего является возникновение конфликтных ситуаций. Тем самым это можно рассматривать как бесконечный процесс, который отрицательно влияет на ситуацию в аспекте доверия, ведет к расшатыванию и дезинтеграции общества в целом. Это в свою очередь не позволяет использовать потенциал технологизации в этой сфере. Даже если признать верным категоричный тезис о том, что поддерживать высокий уровень обобщенного доверия на сегодняшний день невозможно, технологизация имеет невероятный потенциал в сфере межличностного доверия, то есть сфере личных доверительных контактов. Причем этот потенциал можно использовать как для расширения сети доверительных контактов, так и для их поддержания. Гармоничные отношения в области межличностных отношений стабилизирует в первую очередь повседневную жизнь человека. Минимизация конфликтов в повседневной жизни в рамках ближайшей сети доверия в перспективе позволит транслировать эту ситуацию на общественные отношения в целом. Кроме того, при рассмотрении процессов технологизации можно затронуть вопрос доверия социальным и политическим институтам. Технологизация позволяет реализовать и поддерживать функционирование принципа открытости деятельности тех или иных институтов. Это можно использовать как возможность предоставления отчетов по результатам деятельности в различных сферах жизни общества, а также как инструмент поддержания демократии, позволяющий народу участвовать в политической жизни. Это позволит поднять уровень доверия социальным и политическим институтам, который в России признается довольно низким. На этом фоне происходят конфликты между властью и народом, существуют различные взаимные претензии.

Таким образом, анализ феномена доверия в контексте современных тенденций подтверждает то, что доверие на сегодняшний день является основой для оптимального протекания всех коммуникаций и социальных взаимодействий. Это обуславливает то, что доверие является важным ресурсом для социальной интеграции и консолидации, как главном способе преодоления конфликтности глобального общества. Также видится необходимость в систематизации и концептуализации имеющихся знаний в этой области и формирование генерализующей дефиниции этого феномена. Кроме того, по нашему мнению, в последующих исследованиях необходимо подробно проанализировать и классифицировать различные виды и уровни доверия. Перспективной отраслью исследования, по нашему мнению, является рассмотрение доверия технике и явление тех-

нооптимизма. Дальнейшая разработка данного феномена в социальной теории позволит еще больше раскрыть его потенциал в аспекте преодоления социальных конфликтов в условиях глобального общества.

Источники и литература

1) Кривопусков В. В. Концептуализация доверия как социологического феномена / В. В. Кривопусков // Вестник адыгейского государственного университета, 2013. – №82. – С. 14-20.
2) Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Н. Луман // Социологический журнал, 2000 – №2. – С. 16-35.
3) Штомпка П. Доверие – основа общества / П. Штомпка. – М.: Логос, 2012. – 440 с.

Пивоварова Марина Борисовна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Формирование новых форм социальных конфликтов в контексте нарастания глобализации

Процесс глобализации, охватывающий большинство стран земного шара, оказывает значительное влияние на развитие современной России: происходит формирование единой мировой экономики, «стираются» границы между государствами, мир становится единым. Этот процесс способствует формированию новых подходов для решения возникающих экономических, политических, социальных и научных проблем.[1] Наука XXI века определяет основные векторы развития экономик стран и ставит в зависимость принятие политических решений на глобальном уровне. Наука сохраняет и усугубляет свое значение в производительных способностях и возможностях национальных государств в постиндустриальную и постмодернистскую эпоху. [2] В свою очередь, научное знание призвано сохранить стабильность общества и способствовать его прогрессу. Информационное общество XXI века влечет глубокие изменения в структуре традиционной академической науки в России, так как наука и технологии начинают играют значительную роль в развитии общества и целого государства.

В современных условиях глобализирующегося мира запускаются разнообразные механизмы для различных социальных процессов, которые

с одной стороны способствуют увеличению возможностей для развития общества, но с другой - приводят к нестабильности, дезорганизации и кризису.

П.Сорокин в своей работе «Кризис нашего времени» отмечал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань.»[3] Под кризисом автор подразумевал кризис западной культуры. В настоящее время, кризис наблюдается во всех сферах жизни общества - социальной, экономической, политической и духовной. Основными факторами, влияющими на его проникновение во все сферы является отчуждение и аномия, превалирующая в современном обществе, о которой писали еще Маркс и Дюркгейм.

В настоящее время, мировой социум трансформируется и выстраивается не только на принципах информационного общества, но и переходит к основополагающим установкам концепции «Общества 5.0» - оптимизация ресурсов не одного индивида, а социума в целом через интеграцию физического и киберпространства.[4] Главной особенностью новой социальной реальности становится нарастание демократизации мирового политического, социального и экономического пространства. Информационно-коммуникационные технологии приводят к количественным и качественным изменениям в жизни общества. Используя данные технологии осуществляется децентрализация в обществе, что приводит к самоорганизации и самоуправления, которые становятся основными регуляторами общественной структуры. Таким образом, возникает больше малых предприятий с гибкими организационными структурами.

Переход общества к основным положениями концепции «Общества 5.0» и внедрение в повседневную жизнь человека новых форм коммуникаций вызывает нарастание и появление новых форм социальных конфликтов. Структурные изменения, которые происходят в общественной системе, оказывают колоссальное воздействие на межличностные отношения, которые оказываются наименее устойчивыми и наиболее подверженными конфликтам. Социальные конфликты в информационном обществе возникают в «матричном» конфликте между общественным самоуправлением и государственным управлением.

Наиболее крупными субъектами социальных конфликтов становятся государства. Выявление причин возникновения социальных конфликтов в информационном обществе позволит регулировать и управлять ими на самых ранних этапах их зарождения. [5]

При построении типологии социальных конфликтов, возникающих в информационном обществе, особое место занимают информационные конфликты на уровне личности, конфликт между личностью и социумом.

Процессы глобализации требуют от социума определенного мышления, осознания мира как единого целого, что крайне необходимо для разрешения существующих социальны конфликтов. Развитие конкуренции, рост глобальных угроз, нарастание внутренней и внешней напряженности могут нарушить естественных ход глобализационного процесса. подорвать и даже обратить вспять весь глобализационный процесс. Мировому сообществу необходимо осознать значимость происходящих социальных конфликтов и подобрать эффективные формы глобального управления рисками и возможностями глобализации.

Источники и литература

1) Глобализация. URL: http://www.grandars.ru/college/sociologiya/posledstviya-globalizacii.html (дата обращения 3.01.2020)
2) Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/ Перевод с французского Н. А. Шматко, "Институт экспериментальной социологии", Москва Издательство "АЛЕТЕЙЯ", Санкт-Петербург, 1998.- с.20-22
3) Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427. URL:https://www.socionauki.ru/journal/articles/501204/ (дата обращения 5.01.2020)
4) Норицугу У.ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ | № 4/2017 с. 2-11 URL: https://www.mitsubishielectric.ru/upload/iblock/53f/53f2560073cbe2fccf6bb878481c9d0c.pdf (дата обращения 5.01.2020)
5) Грязнова Е.В., Афанасьев С.В. — Социальный конфликт в информационном обществе: к вопросу о типологии // Конфликтология / nota bene. – 2016. – № 4. – С. 227 - 235. DOI: 10.7256/2454-0617.2016.4.21737 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21737 (дата обращения 5.01.2020)

Погосян Вардгес Григорьевич

Российский государственный социальный университет, Москва, РФ

Радикальная трансформация матричных институтов как конфликтоген

Внедрение ряда военных, технико-технологических и организационных инноваций обусловило социально-экономический и политический подъем стран западного мира в новое время и в купе с превращением США по итогам мировых войн в гегемона принципиально изменили характер взаимодействия цивилизаций и общемировых процессов, которые возникают в новейшее время. Западный мир в своей самопрезентации предстает как особая цивилизация, которая превосходит по важным параметрам все другие общества. Несущие на себе печать подобной ангажированности концепты модернизации, глобализации и постиндустриализма служат теоретико-идеологическим обоснованием глобального преобразования мироустройства под нужды функционирования западного капитала, реализующего собственные колониальные притязания в отношении источников сырья, рынков труда и сбыта. Фундаментальная мировоззренческая парадигма современной западной культуры, насаждаемая с помощью манипулятивных технологий, основана на принципе онтологического монизма мировой истории, который служит обоснованием универсалистских претензий, отвергающих принципиальную гетерогенность культурно-цивилизационных систем. Однако в рамках последних на основе алгоритмов выживания в конкретных геополитических и климато-географических условиях, выработанных исторически, закрепленных в массовом сознании и оформившихся в устойчивые системы ценностных ориентаций и смысложизненных установок, происходит становление как уникальных перцептуальных миров, так и стереотипизация социального поведения, которое может отличаться от социального поведения соседей ближних, а тем более - дальних [1]. Именно онтологизация частной модели развития одного культурно-исторического типа приводит к стадиальному телеологическому сценарию развития планетарных обществ, извращая предопределенный логикой исторического развития человеческого сообщества и коллективистской природой человека, объективный характер единения человечества, и находит выражение в субъективистской глобализации, с утверждением не взаимозависимости равноправных субъектов, а абсолютной зависимости переферии от метрополии, с соответствующим неравноценным обменом ресурсов и технологий. Подобная политика неоколониализма с целью установления полного контроля над ресурсными, миграционными, финансовыми потоками, выражающая интересы транснациональных корпораций, осуществляется путем военной, экономической, финансовой и культурной экспансии в отношении большинства стран планеты со стороны страны-гегемона и стран-сателлитов. При поддержке местных компрадоров, капитал выводится из-под контроля государства, государство в этих странах теряет национальный

характер, становится периферийным исполнителем воли регулирующего таким образом глобальную экономику блока стран Запада, а народонаселение - этнографическим материалом, выборочно пополняющим собой чужие культурно-исторические типы. Такие периферийные страны при сохранении действующего положения обречены на крупномасштабную эмиграцию населения, деградацию экономики и образования, а в условиях все более низких санитарно-гигиенических норм, недостаточного и низкокачественного питания, ухудшающегося состояния медицины и прогрессирующей депопуляции - на вымирание. Атакующему воздействию, таким образом, подвергается безопасность общества, его способность сохранять и воспроизводить себя. Протестный потенциал против цивилизационной экспансии оформляется вариативно: от пикетов антиглобалистов до крайних форм экстремизма, радикальных националистических идеологий, религиозного фундаментализма и т.д. Попытка замены локальных социальных регуляторов и ломка институциональной структуры приводят общество в состояние глубокой аномии, усиливаются дезинтеграционные процессы, нарушаются механизмы обратной отрицательной связи, возникает риски гражданской войны. Неминуемый социальный взрыв, охлократическая реакция как следствие элитарного эгоизма компрадорской власти сдерживается путем проводимой через СМИ политики эвфемизма, созданием ложной картины мира, латентной идеологической индоктринацией массового общественного сознания, имитацией социально востребованных преобразований. Социокультурная специфика есть фундаментальный признак уникальности конкретного общества, задающий его коэволюционное развитие, тот самый исторически сложившийся алгоритм поддержания целостности сложной социальной системы с набором препятствующих дезинтеграции параметров порядка и соответствующим институциональным устройством [2]. Вопрос о том, почему при всей имманентности плюрализма научному сообществу, но и неприемлемости в нем апологетики и догматизма, проблема модернизации продолжает дискутироваться в рамках и дискурсе несостоятельной западноцентристской теории (идеально-типической имплементации которой на планете не обнаруживается) и, именно в направлении, задаваемом упомянутой идеологемой, с привнесением чуждого местной специфике институционального устройства, были проведены и продолжают осуществляются, с насаждением недееспособных институций и с сопутствующим прогрессирующим накоплением конфликтного потенциала, преобразования российского общества - остается открытым.

Источники и литература

1) Poghosyan V. Philosophies of social behavior research: meta-analytic review // Wisdom. 2018. Т. 11. № 2 (11). С. 85-92
2) Pogosyan V. Change and variability of phenomena in complex social systems // Wisdom. 2019. Т. 2. № 13. С. 95-103.

Пустовалова Елена Валерьевна

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Пропаганда толерантности как источник социальных конфликтов

Толерантность как отношение к социуму в современном мире стала знаковым явлением. В ее содержание вкладывают и определенный нравственный смысл. Вместе с тем, в оценке данного феномена присутствует двойственность как по отношению к его природе, так и к формам реализации в обществе.

В социальное и гуманитарное знание термин «толерантность» пришел из медицины, где определял способность принятия иммунной системой человека инородных тканей, пересаженных в результате трансплантации. В системе социальных отношений толерантность понимается, чаще всего, как способность человека и/или общества принимать иное, отличное от него, миропонимание, другую культуру и т.д. терпимо, без отторжения и противостояния.

Внешне такой подход представляется вполне адекватным и, в современном глобально преобразующемся мире, очень востребованным, направленным на вполне гуманистические цели. Однако, с точки зрения духовно-нравственных и иных канонов вызывает много вопросов и обнажает большое количество противоречий, требующих более четкого осмысления и обоснования. Прежде всего, следует обратить внимание на саму постановку вопроса о необходимости без возражений, как данность, принимать «Иное». Если исходить из того, что каждый человек уникален по сути своей, то очевидным является наличие у него иных, отличных от другого ценностей, привычек, предпочтений, а также своего индивидуального жизненного опыта, культурных и социальных предпочтений. Заявление о необходимости особого (терпимого) отношения к индивидуальности представляется, таким образом, неуместным, провоци-

рующим обособление и возвышение собственной уникальности, актуализирующим возникновение противоречий. Таким образом, толерантность как социальная позиция, призванная гармонизировать общественные отношения, подобной постановкой вопроса может привести к обратным последствиям.

Тем не менее, отмеченная выше глобализация и мультикультурный подход к общественному развитию инициируют у элит необходимость пропаганды толерантного отношения в жизни. Казалось бы, такое положение дел способно положительно отразиться на стабилизации общественных отношений и снижении уровня социальной напряженности и конфликтности. Но анализ социально-политической ситуации в мире не позволяет оценивать подобную пропаганду комплементарно. Содержательная двойственность толерантности оказывает негативный эффект на развитие общества, провоцируя возникновение и развитие социальных конфликтов разного уровня. Стремление создать и сохранить поликультурную среду приводит к поглощению одной культуры другой, нацеленной на сохранение традиций. Это происходит, прежде всего потому, что далеко не каждый человек, социальная группа принимает идеи толерантного отношения в обществе. Подобная несоразмерность и приводит к утрате самобытности целых народов. Попытка ее сохранить способна провоцировать серьезные межличностные и межгрупповые конфликты.

Серьезные опасения вызывает и пропаганда толерантного отношения к новым формам семейных отношений. Легализация однополых браков, стирание гендерных различий в системе социальных отношений, в гражданско-правовой коммуникации и т.д. могут, безусловно, вызывать восхищение и провозглашаться «апофеозом демократии». Однако, следует задуматься и о последствиях подобных идеологических изысков. Представляется достаточно очевидной высокая вероятность возникновения противоречий и конфликтов с представителями традиционных подходов к семье и браку. При этом, антагонистичность позиций не позволяет надеяться на компромисс. Вероятность успешного разрешения подобных конфликтов крайне мала.

Таким образом, при всей позитивной направленности целей внедрения толерантного отношения в общество, существует достаточно большое количество потенциально и актуально противоречивых последствий данных действий. Это должно инициировать необходимость пересмотра данной позиции и критического анализа существующих и вероятных последствий для дальнейшего развития человечества. Необходимо сопоставить положительные и отрицательные результаты пропаганды в об-

ществе толерантного отношения между людьми и определить, насколько она необходима и безопасна для будущего цивилизации.

Рахманов Азат Борисович
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бизнес-элита России и ее основные характеристики

Российская бизнес-элита (миллиардеры и миллионеры) обладает рядом важных характеристик, определяющих многие черты экономической, политической и духовной жизни страны.

Во-первых, бизнес-элита (и капиталистический класс России в целом) еще не завершила своего формирования, и внутри нее происходят интенсивные флуктуации, продолжается борьба за передел уже полученной собственности, а также борьба за приватизацию государственной собственности. И все же процесс ее становления близок к своему завершению.

Во-вторых, бизнес-элита России довольно малочисленна и имеет весьма слабые корни в российском обществе - более слабые, чем бизнес-элиты других стран в своих государствах.

В-третьих, представители бизнес-элиты России относительно молоды (на фоне своих коллег из большинства ведущих стран мира).

В-четвертых, в бизнес-элите России мало женщин.

В-пятых, представители бизнес-элиты России характеризуются довольно высоким уровнем детности.

В-шестых, для бизнес-элиты России характерен весьма высокий уровень качества self-made.

В-седьмых, для бизнес-элиты России характерно доминирование сырьевых интересов, связанных с нефтью, газом, металлами, древесиной, зерном и т.д. Довольно мощными являются финансово-торговых групп внутри бизнес-элиты. Интересы, связанные с развитием обрабатывающей и высокотехнологичной промышленности, в среде крупнейшей буржуазии России представлены слабо.

В-восьмых, российская бизнес-элита крайне неравномерно расселена по территории страны. Подавляющее большинство миллиардеров и миллионеров России проживает в Москве, и, следовательно, не связано с другими регионами какими-либо интересами, помимо своекорыстных. Они не заинтересованы в развитии страны в целом.

В-девятых, многие из происходивших в последние годы в России политических конфликтов обусловлены, в конечном счете, борьбой за собственность: 1) между группами миллиардеров и 2) между слоем миллиардеров и субмиллиардеров, с одной стороны, и слоем миллионеров, с другой.

В-десятых, отмеченные характеристики обусловливают относительную слабость ее позиций в рамках мировой капиталистической системы, внутри транснационального капиталистического класса.

Рукина Наталия Александровна
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Глобальные вызовы технологий искусственного интеллекта

В широком смысле слова искусственный интеллект (ИИ) - это наука и технология создания интеллектуальных машин, особенных интеллектуальных компьютерных программ [1]. ИИ становится предметом изучения с середины 1950-х [7], но в ходе развития технологий сильно трансформируется его сущность. Проводится разграничение понятий сильного и слабого ИИ [6], где сильный ИИ отличается возможностью выполнять комплексные задачи такие, как планирование, целеполагание, формулирование логических выводов. Кроме того, в зависимости от уровня адаптивности человеческим способностям и автономности работы систем выделяют автономный, адаптивный, общий ИИ, ИИ человеческого и сверхчеловеческого уровня [4].

Трендами развития систем ИИ являются разработка автономных навыков целеполагания и прогнозирования, возможности самосовершенствования систем и способности принимать независимые решения [12]. Кроме того, актуальны исследования в области анализа больших данных, оптимизации алгоритмов, машинного обучения систем и распознавания образов [13].

Осознавая роль ИИ в глобальной экономике будущего и стремясь захватить международное лидерство, государства принимают стратегии по развитию ИИ. С начала 2017 года более 30 стран приняли стратегии [4], 9 международных организаций ведут работы по использованию технологий ИИ в своей деятельности [15], а 10 октября 2019 года Стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года утверждена в России [5].

ИИ становится «новым электричеством» [11], от использования и уровня развития которого зависит экономический успех государств.

Несмотря на высокие технологические результаты отдельных стран, лидерство в области ИИ сохраняют США, а ближайшими конкурентами являются Китай и ЕС [2] [16]. При этом лидерство США не безусловно, развитие технологий Китая отличается высокой динамикой, а в соответствии с государственной программой Китай планирует занять лидирующее положение в области ИИ в 2030 году [9]. Данную вероятность подтверждает отчет консалтинговой компании PwC, где зафиксирован возможный прирост ВВП Китая на 26% за счет использования ИИ, тогда как рост ВВП США может составить 14.5%. Доля ИИ в мировом ВВП составит 14% или $15.7 триллионов [14].

Несмотря на то, что США заявляет об ориентации работ в области ИИ на исследованиях и разработку, внутреннее устранение барьеров для инноваций, поиск и развитие талантов [10], некоторые исследователи отмечают, что политика США в области ИИ фокусируется скорее на противодействие развитию ИИ в Китае [2].

В отчете ООН о деятельности в области ИИ рассмотрены наиболее актуальные тематики, разработкой которых занимаются 9 международных организаций, а также отдельных программ и проектов ООН [15]. Рассмотрена роль ИИ в борьбе с распространением ядерного оружия, проблемы анализа больших данных и создание систем предупреждения авиационных катастроф, изменения на рынке труда, стандартизация в области ИИ, ИИ в здравоохранении. Обозначена роль ИИ в реализации программы устойчивого развития, программ электронного правительства.

Карелов С.В., выполнив анализ национальных стратегий в области ИИ, выделяет два глобальных тренда [2]:

ИИ - национализм, при котором развитие ИИ происходит в соответствии со стратегией государства;

ИИ-национализация, особенностью которой является технологическая запутанность (Technological entanglement), вследствие развития ИИ, в том числе технологий двойного назначения, «исходя из сплетения интересов и ресурсов международных компаний в процессе глобализации».

Все чаще передовые технологии создаются в старт-ап компаниях, небольших организациях. Крупные международные компании инвестируют в их развитие, соперничают и ведут борьбу за таланты. Одним из ключевых становится вопрос централизации или децентрализации ИИ и то, каким образом распределена ответственность [11]. Технологии ИИ достигли того уровня развития, что могут стать угрозой и вызвать негативные социальные последствия: гонка вооружений, изменение структуры

занятости и рынка труда, социальное расслоение, снижение эффективности социальных лифтов [4].

Пока не решены социальные, правовые и этические проблемы, проблемы восприятия чувств человека и обработки ИИ. С развитием технологий возникает потребность в оценке этичности технологии и создании новых правовых норм. Например, компания Мерседес заявила о том, что система беспилотного транспортного средства будет отдавать приоритет в аварийной ситуации пассажирам, а не пешеходам. О неправомерности таких заявлений компании напомнили в Министерстве транспорта Германии [3]. Способствуя решению проблем современности, например, создавая системы обучения детей с особенностями [11], управляемые инвалидные кресла и комплексы, беспилотные транспортные средства, воплощенных диалоговых агентов и способствовать социальному взаимодействию [8], ИИ сохраняет риски негативного влияния на общество.

Вместе с такими передовыми технологиями, как блокчейн, интернет-вещей, биотехнологии, развитие умных городов, ИИ перестает быть предметом исключительно компьютерных наук, требуя анализа глобальных трендов, возможных социальных последствий, как на общество, так и на отдельного индивида. Глобальные вызовы ИИ требуют исследований с позиции мягких наук (soft science), по аналогии с мягкими навыками (soft skills), подчеркивая роль социальных наук в компьютерных науках [8].

Источники и литература

1) Дороганов В.С., Баумгартэн М.И. Возможные проблемы, возникающие при создании искусственного интеллекта // Вестник КузГТУ. 2013. №4. С.132-135.

2) Карелов С.В. ИИ-национализм и ИИ-национализация // Международные и социальные последствия использования технологий искусственного интеллекта. Рабочая тетрадь Российского совета по международным делам (РСМД). №44. - М., 2018.

3) Карлюк М.В. Этические и правовые вопросы искусственного интеллекта // Международные и социальные последствия использования технологий искусственного интеллекта. Рабочая тетрадь Российского совета по международным делам (РСМД). №44. - М., 2018.

4) Колонин А.Г. Искусственный интеллект – благо или угроза для человечества? // Международные и социальные последствия использования технологий искусственного интеллекта. Рабочая тет-

радь Российского совета по международным делам (РСМД). №44. - М., 2018.

5) Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (28.01.2020)

6) Шефтелович Д.Р. Искусственный интеллект: время слабых // Международные и социальные последствия использования технологий искусственного интеллекта. Рабочая тетрадь Российского совета по международным делам (РСМД). №44. - М., 2018.

7) Anyoha R. Blog, Special Edition on Artificial Intelligence. The History of Artificial Intelligence. // Harvard University. The Graduate school of arts and science. 2017. http://sitn.hms.harvard.edu/flash/2017/history-artificial-intelligence/ (28.01.2020)

8) Cassell J. Artificial Intelligence for a Social World // Issues in Science and Technology 35. 2019. no. 4. P. 29–36.

9) China aims to be a leader in AI by 2030 // Written by consultancy firm "Cassiopeia Services". Becoming Human: Artificial Intelligence Magazine. Nov 2018. https://becominghuman.ai/china-aims-to-be-a-leader-in-ai-by-2030-ec5382329034?gi=51270ea489e5 (28.01.2020)

10) Executive Order on AI // Правительственный портал США https://www.whitehouse.gov/ai/executive-order-ai/ (28.01.2020)

11) Gissel V. Artificial intelligence and its impact on the fourth industrial revolution: a review // International Journal of Artificial Intelligence & Applications (IJAIA). Vol.10. 2019. No.6. P. 41-48.

12) Ignatyev V.I., Privalov A.V. Artificial Intelligence as the Technosubject of Hybrid Society // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Volume 333. 2019. P. 47-51.

13) Pavaloiu A., Kose U., Boz H. How to apply artificial intelligence in social science // IASOS - Congress of International Applied Social Sciences. 2017. https://www.researchgate.net/publication/325398286_How_to_Apply_Artificial_Intelligence_in_Social_Sciences (28.01.2020)

14) Sizing the prize PwC's Global Artificial Intelligence Study: Exploiting the AI Revolution // Сайт компании PricewaterhouseCoopers PwC https://www.pwc.com/gx/en/issues/analytics/assets/pwc-ai-analysis-sizing-the-prize-report.pdf (28.01.2020)

15) United Nations Activities on Artificial Intelligence (AI). International Telecommunication Union. Geneva. 2018.

16) Castro D., Mclaughlin M., CHIVOT E. Who Is Winning the AI Race: China, the EU or the United States? // Center for data innovation. 2019. https://www.datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states (28.01.2020)

***Сапунова Екатерина Сергеевна*[1], *Щукова Марина Александровна*[1]**

1 - СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Технологические аспекты регулирования ценностного конфликта на примере концепции созидательного альтруизма П. Сорокина

Анализ статистических данных крупнейших поисковых платформ сети Интернет показывает, что в последние годы среди пользователей из России наблюдается двукратное увеличение интереса к понятию «ценности» [1]. Количество запросов со словом «ценности» за последнее время можно оценить на уровне около 800 тысяч раз в месяц [6]. Вместе с тем, в современной конфликтологии все чаще наблюдается отказ от учета и анализа данной категории как доминанты социального действия, в то время как классики конфликтологической парадигмы (М. Вебер, П. Сорокин, Р. Мертон, Л. Козер и др.) придавали ей первостепенное значение, также как и некоторые современные авторы, например, С. Хантингтон, М. Лебедева.

Как отмечает С.Ф. Хантингтон [5], в эпоху глобализации и многообразия культурных парадигм, при высоком уровне свободы их выбора, обостряются ценностные противоречия между отдельными индивидами, социальными группами, общностями и цивилизациями. В этих условиях возникает потребность глубокого анализа современных ценностей и ориентаций, институционализации базовых ценностей и норм, технологизации механизма регуляции потенциала ценностных конфликтов. Для решения этой проблемы представляется полезным обратиться к истории конфликтологической науки, наследию крупнейших российских и зарубежных ученых. Это поможет, с одной стороны, избежать открытия «конфликтологических Америк», не допустить напрасной траты интеллектуальных сил исследователей, а с другой, популяризировать отчасти уже забытое или недостаточно освещенное в научной литературе наследие крупных исследователей проблем ценностных конфликтов.

Проблема ценностных конфликтов занимает особое место в научных трудах многих авторов, важное место среди которых занимает российско-американский ученый П. Сорокин, уделявший особое внимание проблематике ценностных ориентаций, как значимых причин большинства социальных конфликтов, так и самих ценностных конфликтов. Начиная со своей дипломной работы, он не без основания полагал, что любой социальный конфликт в той или иной мере является ценностным [3, С. 274]. В социокультурной практике автор выделял индивидов и группы (основные субъектысоциального взаимодействия), нормы, значения и ценности, являющиеся проводниками обмена между индивидами. Предметом обмена могут выступать конкретные действия, ресурсы (включая власть) и материальные артефакты, чувства и эмоции, идеи. Нарушение равноценности такого обмена, по мнению исследователя, является главной причиной, основой социальных конфликтов.

П. Сорокин предлагает собственную технологию регуляции ценностных конфликтов, где объектом воздействия являются ценности, а предметом технологии - процесс их психического осмысления. Ученый отмечает, что событие, поведение, материальный предмет наделяется ценностным значением только в случае его психического переживания. Религиозная и светская атрибутика, памятники культуры и искусства, нормы морали и этикета сами по себе не имеют ценности, но обретают ее лишь в момент их психического осмысления [2, С. 135]. Автор концепции созидательного альтруизма пытался разработать научную основу для построения нового, более гармоничного общества. Единственным возможным механизмом становления общества, основанного на мирных стратегиях взаимодействия, ученый называет постепенное принятие мировым сообществом единых ценностей, где ключевыми должны стать идеи добра и альтруистической любви как основные и верные. Созидательный альтруизм, по мнению П. Сорокина, является единственным реальным путем преодоления межличностных и межгрупповых конфликтов, вооруженных столкновений и войн [2, С. 138].

Ключевой идеей концепции П. Сорокина можно назвать признание человека, личности главной ценностью, центральной мерой всех вещей [3, С. 276]. Исходя из этой идеи, ученый предлагает конкретные механизмы, которые позволили бы мировому сообществу вступить в новую эпоху развития. Прежде всего, автор указывает на необходимость глобальных перемен в сфере международных отношений. В частности, речь идет о расширении политики разоружения и, в перспективе, полном отказе от войны как средства ведения политики; превращении соперничества сверхдержав в здоровую конкуренцию и сотрудничество путем форми-

рования крупных корпораций и обмена опытом в научной и культурной сфере. Отказ от военного сценария развития международных отношений, по мнению ученого, приведет к росту международной торговли, культурного и научного обмена между различными странами и регионами, формированию глобального международного сообщества [4, С. 144 - 146].

Проблема ценностных конфликтов в последнее время становится все более актуальной, как в России, так и в контексте отношений на международном уровне. Ключевым этапом разрешения ценностных конфликтов может стать институционализация единых ценностей и норм, технологизация этого процесса, основой которого может послужить теория созидательного альтруизма П. Сорокина.

Источники и литература

1) Google Trends [Электронный ресурс] URL: https://trends.google.ru/trends/explore?date=today%205y&geo=RU&q=%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 23.10.2019).
2) Сорокин П. А. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134 – 139.
3) Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006.
4) Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 140 – 148.
5) Хантингтон С. Ф. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008. 637 с.
6) Яндекс: Подбор слов [Электронный ресурс] URL: https://wordstat.yandex.ru/#!/?words=%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82 (дата обращения: 20.10.2019).

Сафонов Сергей Андреевич

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Новая социальная среда как фактор появления новых расколов в обществе

Современное общество является динамично развивающейся системой. Социальная среда в которой существует индивид, может оказывать на него достаточно большое, а иногда и определяющее влияние. Уровень и качество социальной среды, как правило обуславливает качество и степень удовлетворения жизнью рядового человека. Отсюда, можно говорить и о влиянии социальной среды на жизнедеятельность всего общества.

С развитием российского общества, его перехода от советского, также развивается и социальная среда. Мы можем увидеть, что на смену коллективисткой идеологии пришел индивидуализм. Безусловно, на такую достаточно радикальную смену идеологии, не могла не отреагировать социальная среда. Индивиды в большей степени начали придерживаться индивидуального образа жизни, провозглашение первостепенного значения личности, личную независимость в рамках конституционного правопорядка.

Современное российское общество является продуктом переходного периода от общества советского к российскому. Кризис в социально-политической и социально-экономической системе привел к полному краху советского государства. Отказ от командно-плановой экономики, смена политической идеологии, провозглашение индивидуального образа жизни доминирующим над групповым - все эти явления не могли не отразиться на социальной среде и жизни обычного человека. Отсюда, мы можем говорить и о трансформации социальной среды, в которой существует человек. Для выявлений различий между социальной средой советского и российского общества, необходимо рассмотреть их более детально.

Советское общество было высоко консолидировано, отчасти благодаря общей идеологической направленности. В роли надзорного органа выступало общество со всеми его репрессивными механизмами в виде общественного порицания, общественных работ и т.д. Стоит отметить, что такая сплоченность советского общества, во многом было обусловлено пропагандой именно коллективистских ценностей. Человек был интегрирован в большое количество социальных групп. К примеру, это семья, рабочий коллектив, общественный коллектив, товарищество жильцов, различные культурные кружки, спортивные секции. Это указывает нам на высокую степень социальной активности людей. Также необходимо упомянуть и о важности принадлежности советского человека к своей стране. Патриотизм, участие в политической жизни своей страны, проведение различных митингов, также влияли на степень консолидации людей, позволяя им ощутить рядом с собой «таких же» граждан, как

и они. Участвуя в таких мероприятиях они тем самым давали понять о своем благоприятном мнении о них. Социальную среду в значительной степени формируют индивиды, как составные части этой системы. В свою очередь социальная структура воспроизводит ценности, характерные для этих людей. Это подтверждается на вышеуказанном примере. Важным является то, что ценности, принятые в собственной культуре, как правило, воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, как некая данность. Их осознание происходит лишь при общении с представителями других культур, когда обнаруживаются различия в ценностных ориентациях. Эти различия зачастую и являются основной причиной непонимания и отчужденности, что в конечном счете затрудняет общение. Такое утверждение легко проверить при общении современной молодежи с лицами пенсионного возраста. Люди, выросшие на ценностях советского общества, коллективизме, зачастую высказываются против новых порядков, в частности повсеместного индивидуализма.

Рассматривая же индивидуалистские общества, в частности современное российское, немецкий социолог Э. Фромм писал: «Современный человек отчужден от себя, от других людей и от природы... Стараясь как можно меньше отличаться от окружающих, он неожиданно оказывается одинок, его одолевают чувства неуверенности, тревоги и вины, что всегда происходит, когда человеческая разобщенность не может быть преодолена» [1, с 164-165]. Такое положение показывает нам, что в связи с капиталистической экономикой, в основе которой лежит именно индивидуализм, а не коллективизм, уровень консолидации таких обществ находится на низком уровне. Человек является «выключенным» из множества социальных групп и процессов, происходящих вокруг него. Степень консолидации такого индивидуалистского общества находится на крайне низкой степени. Это и обуславливает наличие достаточно хрупкой социальной структуры, где все индивиды конкурируют между собой. Это можно описать наиболее подходящей фразой Т. Гоббса: «Человек человеку волк».

Рассматривая уровень консолидации современного российского общества, необходимо заявить, что он находится на достаточно низком уровне. В связи с выбранным путем развития и нацеленностью на индивидуалистические концепции, необходимо сформировать государственные и общественные инициативы, способные стать отправной точкой для формирования наиболее коллективного образа жизни. Представляется важным, создать механизмы, способные в нужный момент суммировать все имеющиеся человеческие ресурсы.

Подводя итог, необходимо сказать, что современное российское общество нуждается в кардинальных переменах. Прежде всего, в аспекте формирования наиболее коллективистской социальной среды. Которая в свою очередь, станет отправной точкой для формирования наиболее сплоченных человеческих ресурсов. Что в дальнейшем позволит лишь укрепить самосознание населения.

Источники и литература

1) Гольцова Е. В. Снижение качества социальной среды [электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-kachestva-sotsialnoy-sredy/viewer (дата обращения 29.01.20).
2) Добреньков В. И. Фундаментальная социология в 15 томах. Т 1. Социальная структура. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 1096 с.
3) Петрова С. И. Социальная среда и личность [электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-sreda-i-lichnost-1 (дата обращения 29.01.20).
4) Фромм Э. Искусство любить / Эрих Фромм ; [пер. с англ. А. В. Александровой].- Москва : Издательство АСТ, 2019. – 256 с.

Стифуткина Виктория Александровна

ИГУ ИСН, Иркутск, Россия

Проблема ВИЧ/СПИДа в молодежной среде: пути решения и профилактика

ВИЧ-инфекция — это хроническое заболевание, вызванное вирусом иммунодефицита человека. На конец 2019 года общее число зараженных ВИЧ в мире составляет более 38 млн. человек, а на территории России - 11,4 миллиона [3]. Скорость размножение вируса иммунодефицита увеличивается, и 70 % новых случаев заражения были зарегистрированы у россиян в возрасте от 20 до 35 лет, то есть у такой социально-демографической группы как молодежи [2]. Это можно объяснить тем, что молодежь подчас чаще всего подверженная соблазнам, алкоголю и запрещенным веществам, не задумывается о последствиях случайных половых связей или употребления наркотиков. А на сегодняшний день, как известно, огромный рост числа ВИЧ-инфицированных обусловлен употреблением наркотических веществ, требующих инъекционного введения. И второе место среди причин инфицирования занимает половой путь передачи (через «незащищенные» сексуальные контакты).

Противодействовать распространению вируса среди молодежи возможно, если сделать упор на профилактические программы. Подобные программы являются важной составляющей государственной программы, сосредоточенной на укрепление здоровья всего населения, и входят в зону его гигиенического воспитания и образования. Развитие здорового образа жизни и предупреждение заболеваний, передающихся половым путем, и различных аддикций представляет собой конечную цель профилактики [1].

Существуют различные методы проведения профилактической работы:

1) подготовка информационных материалов по различным аспектам асоциальных явлений и размещение их в интернет-СМИ, в учебных заведениях и на рабочих местах;

2) организация лекций, бесед, круглых столов, дискуссий касательно ВИЧ-инфекции и наркомании среди школьников и студентов;

3) вовлечение экспертов, молодежных кумиров, бывших наркоманов к обсуждению вопроса ВИЧ-инфекции;

4) использование популярных печатных и электронных изданий;

5) проведение профилактики, основанной на принципе равенства, когда «равный учит равного».

Вспомогательная, весьма существенная просветительная задача профилактических программ - развитие толерантности к людям, живущих с ВИЧ, посредством информирование молодого поколения о заболевании. Главными тенденциями, согласно которым проводится профилактическая работа среди населения являются:

1. Вырабатывание здорового образа жизни.

2. Развитие осознанного отношения к репродуктивному здоровью.

3. Консультирование касательно профилактики, передачи и лечения заболевания. (Организуется в качестве неотъемлемой меры до и после тестирования на ВИЧ и в индивидуальном порядке.)

4. Информирование о путях передачи ВИЧ-инфекции.

5. Мотивирование к безопасному половому контакту.

6. Потребность диспансерного наблюдения - профилактического тестирования и врачебного наблюдения для ВИЧ-позитивных [4].

Финальной задачей информирования - формирование у молодежи навыков, которые либо ликвидируют, либо способствуют снижению до минимума риск передачи ВИЧ-инфекции.

Подводя итог вышесказанного, следует отметить, что молодежь, по данным статистики, является группой риска для вируса иммунодефицита. Следовательно, крайне важно внедрение технологий, таких как про-

филактика и нормативное подкрепление поведения. Они поспособствуют предупреждению таких заболеваний, как ВИЧ-инфекция и других ЗППП, формированию здорового образа жизни и правильного отношения к болезни, а также побудить молодых людей провериться и узнать свой статус.

ВИЧ-инфекция — это хроническое заболевание, вызванное вирусом иммунодефицита человека. На конец 2019 года общее число зараженных ВИЧ в мире составляет более 38 млн. человек, а на территории России - 11,4 миллиона [3]. Скорость размножение вируса иммунодефицита увеличивается, и 70 % новых случаев заражения были зарегистрированы у россиян в возрасте от 20 до 35 лет, то есть у такой социально-демографической группы как молодежи [2]. Это можно объяснить тем, что молодежь подчас чаще всего подверженная соблазнам, алкоголю и запрещенным веществам, не задумывается о последствиях случайных половых связей или употребления наркотиков. А на сегодняшний день, как известно, огромный рост числа ВИЧ-инфицированных обусловлен употреблением наркотических веществ, требующих инъекционного введения. И второе место среди причин инфицирования занимает половой путь передачи (через «незащищенные» сексуальные контакты).

Противодействовать распространению вируса среди молодежи возможно, если сделать упор на профилактические программы. Подобные программы являются важной составляющей государственной программы, сосредоточенной на укрепление здоровья всего населения, и входят в зону его гигиенического воспитания и образования. Развитие здорового образа жизни и предупреждение заболеваний, передающихся половым путем, и различных аддикций представляет собой конечную цель профилактики [1].

Существуют различные методы проведения профилактической работы:

1) подготовка информационных материалов по различным аспектам асоциальных явлений и размещение их в интернет-СМИ, в учебных заведениях и на рабочих местах;

2) организация лекций, бесед, круглых столов, дискуссий касательно ВИЧ-инфекции и наркомании среди школьников и студентов;

3) вовлечение экспертов, молодежных кумиров, бывших наркоманов к обсуждению вопроса ВИЧ-инфекции;

4) использование популярных печатных и электронных изданий;

5) проведение профилактики, основанной на принципе равенства, когда «равный учит равного».

Вспомогательная, весьма существенная просветительная задача профилактических программ - развитие толерантности к людям, живущих с ВИЧ, посредством информирование молодого поколения о заболевании. Главными тенденциями, согласно которым проводится профилактическая работа среди населения являются:

1. Вырабатывание здорового образа жизни.
2. Развитие осознанного отношения к репродуктивному здоровью.
3. Консультирование касательно профилактики, передачи и лечения заболевания. (Организуется в качестве неотъемлемой меры до и после тестирования на ВИЧ и в индивидуальном порядке.)
4. Информирование о путях передачи ВИЧ-инфекции.
5. Мотивирование к безопасному половому контакту.
6. Потребность диспансерного наблюдения - профилактического тестирования и врачебного наблюдения для ВИЧ-позитивных [4].

Финальной задачей информирования - формирование у молодежи навыков, которые либо ликвидируют, либо способствуют снижению до минимума риск передачи ВИЧ-инфекции.

Подводя итог вышесказанного, следует отметить, что молодежь, по данным статистики, является группой риска для вируса иммунодефицита. Следовательно, крайне важно внедрение технологий, таких как профилактика и нормативное подкрепление поведения. Они поспособствуют предупреждению таких заболеваний, как ВИЧ-инфекция и других ЗППП, формированию здорового образа жизни и правильного отношения к болезни, а также побудить молодых людей провериться и узнать свой статус.

Источники и литература

1) Азовцева О. В. Профилактика ВИЧ-инфекции в молодежной среде [Электронный ресурс] / О. В. Азовцева // Вестник НовГУ. 2016. №1 (92). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-vich-infektsii-v-molodezhnoy-srede (дата обращения: 12.12.2019).

2) Как борются с ВИЧ среди молодежи — Россия – это Европа [Электронный ресурс] // Телеканал Дождь - URL: https://tvrain.ru/lite/teleshow/rossija_eto_evropa/kak_borjutsja_s_vich_sredi_molodezhi-403453/ (дата обращения: 06.12.2019).

3) Официальная статистика ВИЧ, СПИДа в России [Электронный ресурс] // ВИЧ-инфекция, СПИД, ЗППП за 2017-2018 годы - URL: https://spid-vich-zppp.ru/statistika/epidemiya-vich-spida-v-rossii-2017.html (дата обращения: 06.12.2019).

4) СПИД в современном обществе и проблемы молодежи [Электронный ресурс] // Учебные материалы онлайн studwood.ru - URL: https://studwood.ru/606728/sotsiologiya/spid_v_sovremennom_obschestve_i_problemy_molodezhi (дата обращения: 30.11.2019).

Титаренко Лариса Григорьевна
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Новые конфликты: противоречия универсальных и локальных ценностей

Глобализация общества привела к изменению природы конфликтов: их акценты изменились. От доминирования классовых конфликтов и противостояния в мире двух противоположных социальных систем конфликты сместились в социально-культурные и духовные сферы, в которых огромную роль играют ценности. Противостояние ценностей имеет место как на глобальном уровне, так и локальном: это и религиозные конфликты, и этнические войны, и напряженные отношения на основе различий национальной, культурной, гендерной идентичностей. Данную специфику современных конфликтов и противостояний подчеркивают многие европейские социологи, приводя примеры культурного, этнического столкновений мигрантов, религиозных общин внутри одной страны, языковые конфликты и др. [1]. Новые конфликты требуют иных подходов к их разрешению. Как демонстрируют события на Ближнем Востоке, решения конфликтов с позиций военной силы не приносят успехов надолго. Нужно тщательно разбираться с ценностной составляющей конфликтов, приняв за основу идею, что универсальных подходов нет: в каждом конкретном случае должен быть учет ценностей, идентичностей, политических сил и т.п. Национальные государства с трудом осознают новую ситуацию, которая стала глобальным вызовом для их политики, вплоть до угрозы самому их существованию.

Новые конфликты по-разному интерпретируются социологами разных стран и регионов. Противоречия между разными уровнями ценностей получают рефлексию в теоретических конструктах социологии. Социологи стран социологического мейнстрима исходили из раздела глобального мира на регионы. Глобальный Юг и Север - пример такой рефлексии, еще недавно признаваемый и представители глобального Юга. Сегодня развитая в XX веке картина мир-системы Валлерстайна [2] не актуальна, однако и Южные теории, созданные социологами «перифе-

рии» [3], не получили широкой поддержки. Общих универсальных концепций, признаваемых хотя бы в рамках одного из основных регионов мира, нет. Поэтому конфликты в рамках даже одного крупного региона могут создавать потенциально взрывоопасную ситуацию и для региона, и для мира в целом. Так, ценностные противоречия Индии и Китая в Азии, множество более мелких напряжений религиозно-этнического характера между другими странами этого региона с трудом удается урегулировать, привлекая к этому процессу многие страны и организации.

В рамках одной страны имеют место противостояния политических ценностей, которые можно рассматривать не как оппозицию глобального-локального, а как универсальный конфликт разных ценностных систем. Так, в Польше правящая партия отстаивает право национального государства проводить политику, отличную от ЕС, как в случае мигрантов, исходя из тезиса, что прием мигрантов требует огромных средств, необходимых и польским гражданам. При этом в политическом смысле Польша теряет статус партнера, действующего по общим правилам ЕС. В подобных конфликтах трудно предвидеть, кто победит, они расшатывают стабильность всей системы.

Конфликты ценностей могут касаться цивилизационного развития страны. Традиционные и модерные цивилизации построены на разных ценностях, они объединяют население на основе противоположных базовых конструктов, конкурирующих между собой. Экономическое доминирование постиндустриальной цивилизации не означает, что традиционные цивилизации менее развиты: оценка зависит от ценностных критериев, которыми оперирует социолог. Если следовать принципу мультимодерности, который разработал израильский социолог Ш.Айзенштадт, то проблема сравнительной оценки разных цивилизаций снимается: все существующие цивилизации равноправны, их различия объясняются спецификой культурно-исторических условий развития каждой из них [4]. В случаях напряжений между такими цивилизациями баланс интересов маловероятен, однако, как утверждает президент Международной социологической ассоциации С.Ханафи, смягчение напряжения и решение конфликта возможно не через подчинение ценностям более сильного геополитического актора (цивилизации), оно может быть найдено «только через перекрывающийся кросскультурный консенсус, а не путем универсализации ценностей, приходящих из евро-американского контекста» [5].

Без развития равноправного диалога в международной политике «право сильного» всегда будет функционировать против социальной справедливости и против равенства стран на международной арене. В сфере социологии отказ от равноправного «диалога ценностей», диалога

идей будет приводить к тому, что страны социологического мейнстрима сохранят свое доминирование и дальше, вплоть до авторитаризма в процессе производства нового научного знания.

Методология кросскультурного диалога позволяет включать в процесс производства знаний все страны и учитывать социально-исторический контекст каждой страны, региона. Для успешного развития такого диалога нужны новые категории анализа и интерпретации социальных процессов и явлений, чтобы рассматривать глобальное социальное развитие не альтернативно, а комплементарно. Таким образом удастся избежать роста конфронтации среди самих социологов и снять противостояние категорий глобального, национального и локального, которое, в конечном счете, приводило к признанию того, что одна из этих категорий (как правило, глобальное) более важна, чем другие.

Источники и литература

1) Трофимова И.Н. Социальные изменения, концепты и политика (о XIV Конференции Европейской социологической ассоциации) // СОЦИС. 2019. №12. С.137-139.
2) Wallerstein I. The World-Systems Analysis: An Introduction. Durham: Duke UP, 2004. 128 p.
3) Connell R. The Southern Theory. Sydney: Allen & Unwin, 2007. 288 p.
4) Hanafi, Sari. 2019. Global Sociology – Toward New Directions //Global Dialogue. Vol. 9, №1. Available at: http://globaldialogue.isa-sociology.org/
5) Eisenstadt, Shmuel N. 2000. Multiple Modernities // Daedalus. Vol. 129 (Winter), no. 1, Multiple Modernities, pp.1-29.

***Федоровский Александр Петрович*[1]*, Корнилова Елена Николаевна*[1]**

1 - АНО ВО Северо-Кавказский социальный институт, Ставрополь, Россия

Конфликтогенность идентичностей как разновидность общественного конфликта

Полагаем, не будет преувеличением рассматривать проблематику социального конфликта в качестве одного из краеугольных камней современной теоретической мысли. Возникнув еще в позапрошлом веке, тема

конфликта прочно вошла в повестку дня научных симпозиумов, заняла видное место в планах исследовательских институтов, стимулировала инициативные разработки отдельных авторов. При этом, мы могли наблюдать весьма широкое прочтение, как существа общественного конфликта, так и его последствий.

Констатируя перманентную трансформацию конфликтогенной сценарности, тем не менее, необходимо указать на тот факт, что в настоящее время мы имеем дело с принципиально новым типом социального конфликта, определяемого нами как «конфликт идентичностей». Последний не только имеет принципиальные различия, по отношению к классическим образцам противостояния социальных субъектов, но и обнаруживает тенденцию к доминированию в конфликтогенном пространстве современности.

Возникнув как реакция на процессы глобализации и социокультурной унификации, протекающие в логике фукуямовского «конца истории», «конфликт идентичностей» изначально представлял собой своеобразные «арьергардные бои» неких автохтонов с превосходящими силами наднациональных структур, локализованных в наиболее развитых странах, обладающих неограниченным финансовым и медийным ресурсом и поддерживаемых космополитическим населением мегаполисов по всему миру.

Перспективы данного противостояния не вызывали сомнений уже в силу того, что появление альтернативных глобализму идеологем виделось принципиально невозможным. Ю. Хабермас объяснял это атрофией мыслительных функций массового актора, чья ментальность «настолько ориентирована на пассивное, развлекательное и приватизированное использование информации, что когерентные, т.е. целостные образцы толкования (хотя бы среднего радиуса действия) просто не могут больше сформироваться» [1, с.91]. В свою очередь, А. Лингис связывал перспективы возникновения космополитичной, потребительски артикулированной социокультурной идентичности с экзистенциальной зависимостью планетарного социума от западных моделей потребления, приходя к выводу о том, что «наши тела расчленены на части в парах с продуктами промышленного производства и поставлены в зависимость от этих продуктов» [2, с.224].

Тренд на моноидентичность, активно разворачивающийся в 90-е годы, стал заметно тормозиться в «нулевые», вызывая повсеместную противоположную реакцию. Реперными точками утверждения контрглобализма мы склонны считать возвращение международной субъектности России, «фактор Китая», избрание Д. Трампа и «Brexit». За внешней

оболочкой всех этих событий можно видеть не просто стремление самых разнообразных социумов к сохранению своей самости, но и установку на ее активное позиционирование в различных практиках и коммуникативных моментах.

Противостояние идентичностей глобального мира и локальных социокультурных агломераций дополнилось внутренними конфликтами, затрагивающими каждую из указанных сфер. Причем «сражение» ведется с переменным успехом для каждой из сторон. Первое поражение глобалистов связано с отказом, на институциональном уровне, от концепции «плавильного котла» и ее замена постулатами мультикультурализма, предполагающими равноправное сосуществование языков, культур и традиций. В свою очередь, мы наблюдаем беспрецедентную активность носителей глобалистского сознания в Гонконге, территориально входящем в состав неизменно традиционалистского Китая, а также не знающую компромиссов борьбу мондиалистского истеблишмента США против изоляционизма президента Трампа, чья риторика апеллирует к интересам и чаяниям американцев, интерпретируемых последним как лишенных глобалистской контекстуальности.

Заметим, что речь идет не столько о противостоянии предписанных идентичностей, сколько об антагонизме идентичностей приобретенных. Так, подобный конфликт может иметь место и в рамках общего монистического этнокультурного пространства, проходя по линии политических взглядов, сексуальной ориентации, или гендерной самоидентификации.

При этом накал страстей, проявляющийся в конфликте приобретенных идентичностей, зачастую превосходит даже межэтнические конфликты. Если за участие в последних предусмотрены санкции со стороны государства, они превентивно пресекаются или локализуются, то противоборство носителей диаметрально противоположных ценностей юридически и морально легитимировано, осуществляется в рамках конституционных прав и свобод граждан. Причем к решению данной проблемы государство даже еще и не приступало, несмотря на то, что огромные массивы отечественного социума пребывают в состоянии «холодной гражданской войны», когда «лоялисты» конфликтуют с «либералами», а сторонники и противники церковного строительства выходят «стенка на стенку». Очевидно, что перед властными структурами, равно как и перед гражданским обществом в целом стоит задача, заключающаяся в снижении как общего уровня конфликтогенности, так и нейтрализацию тех конфликтов, которые представляют собой столкновение идентичностей. Необходимы солидарные усилия, направленные на достижение широкого консенсуса, построенного не только на толерантности, но и на

сближении диаметрально противоположных позиций, осуществляемых на принципах компромисса и взаимоуважения.

Источники и литература

1) Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: Academia, 1995. – 252 с.
2) Lingis A. Death Drive // The Journal of Value Inquiry. - Vol. 29. - № 2. – 1995. – 217-229 p.

Фейгин Александр Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Положение национального государства в поликультурном пространстве современности.

Большое количество легальных и нелегальных миграций, рост агрессивной риторики национальных государств, кризис международных институтов конфликторазрешения, - такова нынешняя реальность, и она содержит в себе огромный конфликтогенный потенциал в области межкультурных отношений.

Дж. Берри выделяет четыре стратегии аккультурации: ассимиляцию, интеграцию, сепаратизм и маргинализацию. Благоприятному существованию индивида в новой для него культуре удовлетворяют только первые две стратегии. Однако, как справедливо отмечает ученый, они становятся невозможными, если принимающая сторона выступает «против» [1, pp.10].

В свою очередь реакция принимающей стороны зависит от многих факторов. Один из них - внутренняя политика государства. Как отмечает Й. Галтунг, можно проследить «перенос» функций дискредитированного трансцендентного бога на государство [2, pp.298]. Действительно, в современном мире именно оно определяет угодных и неугодных, разделяет людей на «Своих» и «Чужих», как раньше это делала церковь.

На рубеже веков Ю. Хабермас отметил упадок национального государства и необходимость в развитии наднациональных институтов, которые в перспективе возьмут на себя ведущие роли [3, с.199]. Современные условия жизни, связанные с глобализацией, в частности в области экономики, угрожают государственному суверенитету, а также приводят к увеличению межкультурных контактов как на международной арене,

так и внутри государств, требуют реорганизации функционирования системы и гибкости людей.

Однако сегодня мы видим, что национальное государство не намерено сдаваться. Цивилизационный раскол и нередко вынужденный плюрализм культур порождают в обществе чувства тревоги и угрозы. Принимающее население может видеть в иммигрантах реальную угрозу (угрозу своим экономическим интересам) и/или символическую угрозу (угрозу культуре). Кроме того, людям важно оценивать свою группу положительно по сравнению с другими, в противном случае возникает угроза самооценке [4, p.284]. Вследствие этих причин, происходит интенсификация враждебности по отношению к «Другим» и популяризация политических объединений правого толка [5, с.104].

В свою очередь государство и те, кто его олицетворяют, заинтересованы в сохранении своих позиций и могут извлекать ряд выгод как из поддающихся контролю межкультурных конфликтов внутри собственного общества, так и из конфликтов с другими государствами, в зависимости от обстоятельств.

Можно выделить ряд факторов, - актуализация которых находится преимущественно в руках политической «верхушки» - положительно коррелирующих с формированием эксклюзивного сознания у населения.

1) Создание солидарности на основе идеи национальности, а не гражданственности. Культивирование чувства исключительности данной от природы, связанной в первую очередь с кровными узами. Недостаточное внимание идее общности на основании общих ценностей и правил поведения. Имплицитное постулирование первичности естественноисторических связей в образовании и развитии общества; вторичности значимости взаимодействия по модели «общественного договора».

2) Политика изоляционизма в международной коммуникации, насколько это возможно в современных условиях. Политика плавильного котла либо сегрегации по отношению к иммигрантам в области культуры. «Жесткая» миграционная политика в социальной и экономической сферах, структурно закрепленная дискриминация. Политика протекционизма в экономике. Агрессивная внешняя политика.

3) Культивирование негативного, а не позитивного патриотизма.

4) Эксплицитная и имплицитная дискредитация «Другого» посредством манипулирования массовым сознанием через СМИ и заявления политических лидеров.

5) Тотемификация государственной символики.

6) Формирование авторитарного массового сознания и гонка за превосходством в области вооружений, акцент на силовой компонент.

Каждый из этих факторов может быть актуализирован множеством способов. Также стоит отметить, что не всегда то или иное политическое решение, описанное в терминах данных факторов, обязательно преследует цель формирования эксклюзивности сознания. Как бы то ни было, знание о «катализаторах эксклюзивности» может оказаться полезным как при теоретическом анализе конфликтогенности отношений представителей различных культур внутри одного общества, так и при практической деятельности в области принятия политических решений.

Источники и литература

1) Berry J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation. Applied Psychology: An International Review, 1997, 46 (1), pp. 5-68
2) Galtung, J. Cultural Violence. In: Journal of Peace Research, 1990, vol. 27, №3, pp. 291-305
3) Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – 2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2008
4) Tajfel, H., Turner, J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. URL: https://student.cc.uoc.gr/uploadFiles/%CE%92310/Tajfel%20&%20Turner%2086_SIT_xs.pdf (дата обращения: 23.01.2020)
5) Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. – М. : Альпина Паблишер, 2019

Хаткевич Александра Анатольевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Пути альтерглобализации в современном мире

Глобализация, как один из важнейших процессов современности, порождает смежные и противоположные тенденции, каковыми являются альтерглобализация и антиглобализация. Сущность глобализации состоит в снятии барьеров и образовании тесных связей между государствами в экономическом, политическом и культурном аспектах, в результате чего происходит превращение мира в глобальную систему, унификация и стандартизация. Альтернативная глобализация — движение, которому так же свойственна интенсивная интеграция национальных государств, но на основе иных ценностей. В ходе альтерглобализации внимание акцентируется на таких вопросах, как права человека, социальная справедливость, экология, охрана труда, сохранение разнообразия культур,

Рассмотрим теоретические основания альтерглобализации. Концепция альтерглобализма сформировалась на практической почве, как ответ на идеи глобализма, теоретическое осмысление данного феномена происходило постепенно постфактум. Сторонники альтерглобализма сходятся на том, что необходимо устранить или минимизировать влияние тех форм глобализации, последствия которых негативны для общества. Они выступают за так называемую «глобализацию снизу», ориентированную на человека и его интересы [6]. Ключевой пункт расхождения во взглядах альтерглобалистов и глобалистов — универсальность неолиберальной модели развития, характеризующейся европоцентризмом и американоцентризмом.

Среди принципов альтерглобализма — интернационализм, международная солидарность, ценности демократии, трактуемые как «право народа знать о решениях и критиковать собственные правительства» [7]. Предпосылки альтерглобализма контрастны: с одной стороны, это сетевое общество (общество знаний), с другой — «глобальная гегемония капитала» [4]. Политический аспект альтерглобализма базируется на «глобальных сознании и осведомлённости» [3]. Важно отметить, что цель альтерглобалистских движений состоит не в разрушении уже сложившейся системы, а в её преобразовании, которое должно противодействовать социальной эксклюзии и маргинализации [1].

Что касается реализации идей альтерглобализма, можно выделить две категории основных акторов этого процесса. Поскольку альтернативная глобализация трактуется как общественное движение, она проходит в смежной плоскости с формированием глобального гражданского общества, первая группа субъектов — международные некоммерческие и неправительственные организации. Ассоциация за налогообложение финансовых сделок во благо граждан находится в числе организаторов Всемирного социального форума, который стал основополагающим мероприятием всего альтерглобалистского движения. Международное сетевое движение “Future Team” является «посредником» во взаимодействии различных молодёжных организаций мира, «социальным лифтом на международный уровень» [2]. Кроме того, в этом ключе речь идёт об экологических организациях и профсоюзах.

Ко второй категории акторов можно отнести международные региональные и трансрегиональные объединения, межправительственные организации, чья деятельность способствует конструированию полицентричного миропорядка. Например, в азиатском регионе это Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Шанхайская организация сотрудничества, в Латинской Америке — Боливарианский альянс для народов на-

шей Америки, Союз южноамериканских наций. Важную позицию в альтерглобализационном процессе занимают БРИКС и программа «БРИКС плюс», а также АСЕМ — форум, направленный на диалог двух частей света: Азии и Европы.

Исходя из типологии субъектов альтернативной глобализации можно предложить классификацию путей, посредством которых она осуществляется. Во-первых, это создание площадок для коммуникации экспертов, общественных деятелей. Наиболее известной и изученной из них является упомянутый выше Всемирный социальный форум как альтернатива Всемирному экономическому форуму, а также региональные социальные форумы (Средиземноморский, Европейский, Азиатский, Южноафриканский).

Во-вторых, это проекты международных объединений, нацеленные на выработку совместных действий в области устойчивого развития, продвижения культуры мира, решения проблемы разрыва между «глобальным Севером» и «глобальным Югом». В контексте БРИКС и АСЕМ речь идёт о Народных форумах и Профсоюзных форумах. В декларации по итогам Профсоюзного форума 2019 года, состоявшегося в Бразилии, подчёркивается, что факт создания и функционирования БРИКС демонстрирует «переход от однополярного мира к более справедливому глобальному устройству» [5]. Из этой формулировки следует, что сопротивления глобальному сотрудничеству в такого рода объединениях нет — они выступают за интеграцию в целях фомирования полицентричного мирового порядка и обеспечения государств равными возможностями для развития.

Итак, в результате исследования предложено выделять два основных способа реализации концепции альтерглобализма. Феномен альтерглобализации является актуальной темой для изучения, поскольку может быть рассмотрен как следствие процесса глобализации, который интенсивно продолжается и приобретает новые формы в современном обществе. Данный предмет представляет собой широкое поле и перспективу для дальнейшего исследования.

Источники и литература

1) Emerging countries, globalization and alter-globalization – URL: https://intercoll.net/Emerging-Countries-Globalization-and-Alter-globalization (дата обращения: 18.01.2020).

2) Future Team – URL: https://futureteam.world/ (дата обращения: 18.01.2020). Tselepy J.C. Capitalist Hegemony: The Political Challenge

of Alter-Globalization // About Inquiries Journal – 2015. – vol. 7, no. 03.

3) Tselepy J.C. Capitalist Hegemony: The Political Challenge of Alter-Globalization // About Inquiries Journal – 2015. – vol. 7, no. 03.

4) Бузгалин А.В. Альтерглобализм: к теории феномена // Режим доступа: http://www.alternativy.ru/old/alterglobalism/2005/04. – 2003 (дата обращения: 17.01.2020).

5) Декларация VIII Профсоюзного форума БРИКС. г. Бразилиа 2019 – URL: https://tufbrics.org/ru/docs/34/ (дата обращения: 21.01.2020).

6) Михайлова А.С. Альтерглобализм: основания и перспективы // Социология власти. – 2011. – №. 7.

7) Полиновская Е.А. Особенности мировоззрения и программные принципы альтерглобализма // Философия образования. – 2011. – №. 5. – С. 19-25.

Шибков Юлиан Игоревич

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Правовое регулирование социальных конфликтов

Под конфликтом понимается столкновение двух или более участвующих сторон, которые осознают несогласованность своих конечных целей. Среди множества возможных видов конфликтов стоит выделить социальный конфликт. Под социальным конфликтом понимается особый тип социального взаимодействия людей, основной причиной которого является наличие противоречий между потребностями, интересами, целями, социальным статусом, ролями, функциями и другими характеристиками социальных объектов.

В конфликте не происходит непосредственное столкновение интересов, целей или же мотивации сторон, а имеет место именно столкновение реальных субъектов. В связи в этим достаточно актуален субъектно-деятельностный подход к пониманию самого конфликта. Этот подход основан в первую очередь на учете понятия деятельности в специфике общественного бытия, в том числе и в конфликтологическом аспекте [1, с.69].

Основной ценностью права в данном аспекте является то, что оно определенным образом управляет поведением людей в обществе, а также оказывает прямое воздействие на их деятельность, а соответственно и на сам социальный конфликт.

Под первым действием по управлению ситуацией при социальном конфликте с использованием права следует считать его институализацию. Она предполагает наличие или разработку правил, на которых строится деятельность по поиску наиболее рационального решения возникшего конфликта. Эти правила включают различные нормы, процедуры, санкции, которые легитимны при определенных условиях. Конфликтная ситуация может быть нормативно регулирована при условии, что нормы определяют дозволенные формы конфликтного взаимодействия и запрещают или ограничивают иные, выходящие за принятые в качестве допустимых пределы. С правовой точки зрения необходимо понимать границы прав и обязанностей сторон конфликта, а также их количественные и качественные признаки. Механизмы и формы воздействия правовых норм непосредственно на поведение участников этого конфликта достаточно хорошо изучены на сегодняшний день [2, с.86].

Во-первых, это такое воздействие, когда сторонам, участвующим в конфликте, предлагаются различные варианты поведения, одобряемые или запрещаемые обществом и государством.

Во-вторых, необходимо определить коррелируя с правовой нормой ценности, признаваемые как обществом, так и государством.

В-третьих, сама правовая норма непосредственно обладает возможностью применения государственного принуждения в отношении тех, кто нарушает ее правила.

При нарушении норм вступает в действие правоприменительный механизм в различных своих проявлениях. Таким образом, право прямо воздействует на сами причины возникновения конфликта, на его ход и развитие, результаты и на последствия его завершения. Само правовое регулирование конфликтов делает систему более стабильной и прогнозируемой и тем самым является наиболее эффективным решением для стабильных общественных и государственных систем. Разрешение конфликта представляет собой его определенное логическое завершение. В отличие от урегулирования, при разрешении конфликта он прекращается, как результат прямого взаимодействия сторон или же с участием третьей стороны, а также на основе анализа причин и содержания разногласий. В таком случае ни одна из сторон не получает никаких значимых преимуществ и дальнейшие постконфликтные взаимоотношения могут в дальнейшем породить новый конфликт [3, с.123].

С процедурой разрешения конфликта связано все чаще используемое в юридической практике понятие «альтернативное разрешение конфликтов». К таким формам относятся прямые переговоры между сторонами, примирение, а также посредничество. На сегодняшний день вышеназванные процедуры и активно применяются при разрешении конфликтов с помощью правовых норм, а также становиться возможным их эффективное использование наравне с судебными процедурами.

Альтернативные способы разрешения конфликтов предполагают, что стороны самостоятельно или при участии каких-либо посредников прилагая определенные усилия для преодоления возникшего противоречия стремятся прийти к компромиссу или полностью исчерпать повод, побудивший стороны вступить в конфликт. В этом случае субъективизм при принятии решения сведен к минимуму, поэтому оно более действенно для конфликтующих сторон.

Судебная процедура обеспечивает мирное урегулирование конфликтов с использованием элемента государственного принуждения. Разрешение конфликта производится актом суда, однако принятие его нередко еще не означает окончания конфликта, так как после этого наступает стадия исполнения принятого решения, в ходе которой могут возникнуть некоторые разногласия, а также некоторое время требуется и для прохождения всех стадий судебного разбирательства. Несмотря на это, судебная система имеет существенные недостатки: загруженность; достаточно высокий размер государственной пошлины; отсутствие полной состязательности и равенства участвующих сторон; продолжительные сроки рассмотрения; сложная процедура рассмотрения.

Таким образом, альтернативные средства имеют практически универсальный характер. Они могут быть применимы к большинству категорий дел. Законодательным путем устанавливаются нормы, которые позволяют не только государственным, но и частным организациям работать в сфере альтернативного разрешения конфликтов, что, в свою очередь, позволяет значительно разгрузить судебные органы и тем самым дать им возможность сосредоточить больше внимания на сложных вопросах.

Источники и литература

1) Алянкина Л.Д., Верченко В.А. Социальный конфликт и методы его разрешения в социальной работе // СамГМУ, 2018. С. 69.
2) Омелаенко Н.В. Социальный конфликт: диагностика, причины, управление // Тюменский индустриальный университет, 2019. С. 86.

3) Старыгина П.С. Правовое регулирование медиации как альтернативного способа разрешения конфликтов // Марийский государственный университет, 2018. С. 123.

«Секция 8. Межпоколенческие конфликты в современных организациях (рук. проф. С.А. Барков)»

Руководитель секции:
проф., д.с.н. С.А.Барков
Секретарь секции:
доц., к.с.н. О.В.Гавриленко, доц., к.с.н. А.В.Маркеева

Основные вопросы секции:

- Возраст и стаж работы сотрудников как факторы возникновения организационных конфликтов
- Демографические группы персонала как носители организационной культуры
- Конфликты в процессе слияния и поглощения компаний
- Стратегии трудоустройства современной молодежи
- Лица, достигшие пенсионного возраста, в систем трудовых ресурсов постиндустриального общества

Ананишнев Владимир Максимович
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Межпоколенческий конфликт как социальная проблема

Конфликт между поколениями как социальная проблема в разное время изучали представители социальных, философских и других наук, такие как Т. Лисовский, И.В. Бестужев-Лада, Э. Шамис, И.С. Кон, К. Мангейм, М. Мид, Э. Никонов, Х. Ортега и Гассет, Э.А. Саар, М.Х. Титма, Н.Г. Чернышевский и другие. Следует отметить, что каждый социальный конфликт, конфликт поколений является как функциональным, так и дисфункциональным. Во-первых, конфликт поколений способствует прогрессу общества и ослаблению напряженности, как писал Г. Зиммель. Социолог из США Л. Фойер в своей работе над студенческим движением отметил, что «конфликт поколений является универсальной темой в истории человечества. Он основан на самых основных чертах человеческой природы и, возможно, является еще более важной движущей силой в истории, чем классовая борьба». Вспоминая фразу

«Коммунистический манифест», Л. Фойер писал, что «история всех обществ, которые существовали до сих пор, - это история борьбы поколений» [2]. Во-вторых, конфликт создает много проблем для конфликтующих сторон, а также для социальной среды и процессов, происходящих в обществе. Конфликт между поколениями может превратиться в социальную проблему, которая может нарушить нормальное функционирование общества. Межпоколенческие конфликты как социальные проблемы часто представляют «вредные социальные условия, которые становятся предметом озабоченности и объектом усилий по реформированию» [7, с. 8]. Следует отметить, что социальные проблемы отличаются своим масштабом и негативным влиянием на развитие общества в целом. Поэтому они требуют внимания и соответствующих мер для их преодоления. Конфликты между поколениями соответствуют вышеуказанным параметрам, поэтому они могут быть представлены в научной литературе как социальные проблемы. Исследования и различные интерпретации понятия «поколение» выявили множество теоретических и методологических подходов. Почти все науки разработали определенные классификации поколений. Следует отметить, что классификация может основываться, например, на возрасте «как совокупности людей, принадлежащих к определенным возрастным интервалам, или в несколько ином смысле, как совокупности сверстников, образующих возрастной слой населения» [3] или отношение к определенной исторической эпохе (например, советское поколение, поколение 90-х и т. д.). Например, параметр возраста можно считать более универсальной основой для классификации поколений. С этих позиций основными категориями населения могут быть поколения молодых, зрелых людей и стариков. Межпоколенческий конфликт определяется в конфликтологии как столкновение интересов, взглядов, потребностей и ценностей представителей разных возрастных категорий населения с целью осуществления их воли [5]. Иногда большая интенсивность и масштаб конфликтов между поколениями создают угрозу нормальному функционированию всей социальной системы. Их дисфункция отчетливо проявляется в ситуациях массовых социальных протестов и других ситуациях. Например, Т. Парсонс рассматривал любые нападки недовольной молодежи как девиантное поведение, которое не может быть одобрено обществом. Основные социальные факторы конфликта для молодого поколения можно определить следующим образом: молодое поколение хочет занять важные социальные позиции и возмущается, если старшее поколение не уступает им; готовность пожилых людей контролировать, комментировать, но зачастую в бестактной форме. Необходимо выделить некоторые параметры, касающиеся коммуни-

кационных особенностей некоторых представителей старшего поколения. Они так часто считают, что их уважаемый возраст дает им право не считаться с другими возрастными группами населения, особенно с молодым поколением. Как правило, старость подразумевает мудрость и доброжелательность, которая является сутью социальных ожиданий старшего поколения. Однако такое злоупотребление социальным контролем, имитацией обыденного сознания не оправдывает ожиданий, более того, оно оскорбляет и раздражает молодое поколение и не способствует взаимопониманию между разными поколениями. Рассмотрим факторы, которые вызывают стресс и недовольство и вызывают конфликт со стороны старшего поколения: - вызывающий, пренебрежение от молодого поколения к старшему; - отдельные позиции молодежной субкультуры, такие как музыка, прически, сленг, способ одеваться, способы развлечения и т. д. Кроме того, момент, когда принадлежность к молодежной субкультуре является возрастным, временным и обычно проходящим явлением то это, как правило, не учитывается. Вступление во взрослую жизнь, цели построения карьеры и семьи создает условия для ознакомления молодежи с культурой социальной среды и сферой старшего поколения. Обратите внимание, что конфликты между поколениями, связанные с отказом от молодежной субкультуры старшим поколением, являются одними из самых распространенных в обществе. Массовый характер и негативные последствия этих конфликтов позволяют отнести их к категориям социальных проблем. В то же время возникновение таких конфликтных ситуаций имеет большое субъективное значение, поскольку эти конфликты не имеют базовых оснований, поскольку фундаментальные ценности разных поколений Российской Федерации одинаковы. Об этом свидетельствуют исследования прошлых лет и современности. Например, Центр научной политической мысли и идеологии провел социологический опрос экспертов для изучения и выявления ценностно-мотивационных установок современного молодого поколения России и его социокультурного и гражданского потенциала. В процессе социологического исследования молодые люди ответили на вопрос: «Для молодого поколения некоторые ценности старшего поколения близки, а другие далеки. По вашему мнению, каковы ценности старших, близки вам сегодня? Результаты опроса молодых людей показали, что из всего списка ценностей старшего поколения, предложенного исследователями, семейные ценности, любовь к родителям, богатство, материальное благополучие и заработки являются самыми близкими молодому поколению [4]. Существуют и другие, наиболее существенные причины конфликтов между поколениями: молодое поколение хочет занять социальные, производственные и другие позиции

старшего поколения, но в то же время потенциал старшего поколения еще не полностью раскрыт. Следует также отметить, что такое широко распространенное негативное явление, как эйджизм, связано с конфликтом поколений - дискриминацией по возрасту. Эйджизм - это предвзятое отношение пожилых людей к молодежи и наоборот (конфликт поколений, отцов и детей) [6]. Основными причинами конфликтов между поколениями в семьях являются вредные привычки, такие как наркомания и алкоголизм, а также зависимость, желание жить за счет родственников, несправедливое распределение семейных обязанностей, бедность и низкое жилищное обеспечение. Зачастую возникновение межпоколенческих конфликтов в семьях связано с выбором брачных партнеров молодым поколением. Эта проблема освещается в ряде социологических исследований в различных областях науки.

Источники и литература

1) Вдовина М.В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социс. Социологические исследования. 2005. № 1. С. 103.
2) Игнатова Т.В. Преемственность и конфликт поколений [Электронный ресурс] // Образование и общество : науч., информ.-аналит. журн. 2005. № 3. URL: http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html (дата обращения: 06.06.2016).
3) Социологический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 247.
4) Сулакшин С.С., Хвыля-Олинтер Н.А. Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка [Электронный ресурс]. URL: http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molod eji-ekspertnaya-ocenka (дата обращения: 05.05.2019).
5) Цой Л.Н. Конфликт поколений: устойчивость и развитие // Адлеровские чтения : сб. материалов Респ. конф. Альме-тьевск, 2006.
6) Эйджизм [Электронный ресурс]. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/20941/%D0%AD%D0%B9%D0%B4%D (дата обращения: 27.07.2016).
7) Handbook of Social Problems. A Comparative International Perspective / ed. by G. Ritzer. Maryland, 2004. P. 8.

Андриянова Татьяна Владимировна

Курский государственный университет, Курск, Россия

Возрастные кластеры работников организаций культуры как показатель эффективности управления социальной средой

Управленческие ресурсы организации нередко зависят от таких факторов как возраст и стаж работников; их активность в процессе повышения квалификации и переподготовки; желание участвовать в реализации общезначимых проектов и т.д. На этом пути руководитель может столкнуться с определенными барьерами и рисками возникновения конфликтных ситуаций.

Исследования, начатые автором с 2000-х годов в сфере культуры и искусства Курской области, показывают, что значительная часть работников находится в возрастной когорте 45+, имеет значительный трудовой стаж и это оказывает влияние на стратегии руководителей в области повышения эффективности работы коллективов [1-2]. Так, в 2008-09 гг. в результате анкетного опроса сотрудников детских школ искусств было выявлено следующее: «поддерживать квалификацию на высоком уровне половине педагогов удается без продолжения обучения, так как 83 % считают свои знания и умения достаточными для педагогической деятельности» [3, с. 60]. В качестве причин для отказа от дальнейшего образования респондентами было указано: «отсутствие желания (21 %)»; «очень заняты основной работой» (11,3 %); «работа не требует повышения квалификации» (9,5 %). Отметим, что подавляющее большинство опрошенных имели на тот момент стаж работы более 10 лет. Из тех работников, кто имел стаж работы менее 10 лет в районах Курской области проживало 23 % и 51 % в г. Курске, что означает значительное снижение доли «молодых» работников по районным организациям культуры. В целом по выборке (N=327) более половины опрошенных были старше 45 лет, из них респонденты до 30 лет составляли 14 %; до 50 лет - 55,6 %; старше 50 лет - 30,4 %.

Для уточнения полученных данных в современной ситуации автор в 2019 году на базе ОБОУ ДПО «Учебно-методический центр комитета по культуре Курской области» провел анкетный опрос работников детских школ искусств Курской области (N=227). Цель исследования - изучить образовательные потребности работников учреждений культуры, проходивших курсы повышения квалификации в сетевой форме в рамках реализации национального проекта «Культура». Одной из задач выступал поиск управленческих резервов в использовании различных форм повышения квалификации и переподготовки кадров. Для сравнения показателей по возрастным группам все респонденты были сгруппированы в

4 возрастных кластера: от 22 до 35 лет - 8,8 % («молодые»); от 36 до 45 лет - 16,7 % («зрелые»); от 46 до 56 лет - 29 % («опытные»); старше 56 лет - 45,4 % («мудрые»). В трех кластерах был выявлен стаж работы подавляющего числа респондентов более 10 лет (без конкретизации): «зрелые» (89,5 %); «опытные» и «мудрые» (по 97% соответственно). В группах «зрелые» и «опытные» не оказалось респондентов со стажем работы менее 5 лет, а в группе «мудрые» таких нашлось 2 %. От 5 до 10 лет отработали 10,5 % из кластера «зрелые», 3 % из «опытных» и 1 % из «мудрых». В кластере «молодые» картина отличалась от других: менее 5 лет работало 25 % опрошенных; от 5 до 10 лет - 40 %; более 10 лет - 35 %.

В каждой группе практически все опрошенные согласились с тем, что работнику необходимо повышение квалификации («молодые» и «зрелые» - 95 % соответственно; «опытные» и «мудрые» - 92 % соответственно), но здесь увеличение возраста обратно пропорционально степени согласия. В вопросе: «Как часто необходимо работнику повышать свою квалификацию?» респондентам предлагалось выбрать из нескольких вариантов ответа от «раз в год» до «раз в 5 лет». Здесь тоже можно проследить определенную динамику по кластерам. Так, особняком снова остались «молодые», половина из которых готова активно повышать квалификацию раз в три года, а каждый пятый может это делать раз в 2 года или раз в 5 лет. В кластерах «зрелые» и «опытные» половина согласна повышать квалификацию только раз в 5 лет; раз в три года это могут делать 23,6 % и 31,8 % соответственно; раз в два года - 18,3 % и 10,6 % соответственно, а раз в год - 13,1 % и 9,1 % соответственно. Здесь налицо утрата мотивации к частому повышению своего уровня из-за уверенности в собственных силах и нежелания воспринимать что-то новое. Эти выводы подтверждают данные по кластеру «мудрые», где только 5,8 % готовы повышать квалификацию раз в год; 14,6 % - раз в два года; 36 % - раз в три года; 38,8 % - раз в пять лет и 4,8% выбрали вариант «другое». В данном случае большее количество респондентов, чем в двух вышеупомянутых кластерах хотели бы повышать квалификацию раз в три года и меньше хотят ждать этого по пять лет.

В вопросе о том, кто должен выступать инициатором процесса повышения квалификации мы предложили респондентам выбрать между учредителем, руководителем или самим работником с целью проследить их настроения. Во всех кластерах проявилась патерналистская тенденция - около 40 % опрошенных заявили, что инициатором является руководитель организации и еще треть хотела бы видеть в этой роли учреди-

теля. На себя в вопросе повышения квалификации ориентируются 30 % «молодых», 19,8 % «опытных», 17,5 % «мудрых» и 16 % «зрелых».

Нехватка самостоятельной инициативы работника в вопросах повышения квалификации может стать вызовом руководителю, который в условиях турбулентной социальной среды не всегда сможет его оценить и принять верное решение. Патернализм, неоднократно обнаруживающийся в результатах многих социологических исследований в современной России, является тормозом на пути введения инноваций в управленческий процесс и процесс становления коллектива организации. Одним из путей решения данной проблемы и устранения конфликтогенного риска является самоорганизация рабочих мест и развитие творческой инициативы работника.

Источники и литература

1) Андриянова (Безуглова) Т.В. Новые формы развития учреждения культуры // Справочник руководителя учреждения культуры. М., 2004. №9. С. 39 – 45.
2) Андриянова (Безуглова) Т.В. Социальное взаимодействие учреждений культуры и общества в контексте развития региональной культуры (на примере Курской области): автореф. дис. ... канд. социол. Кур. гос. тех. университет, Курск, 2006.
3) Андриянова (Безуглова) Т.В. Социальная роль преподавателя: самооценка в контексте времени // Музыкально-просветительская работа в прошлом и современности (к 90-летию учреждения Г.Л. Булычевцевым «Народной консерватории» в Курском крае): Материалы международной научно-практической конференции / Гл. ред. М.Л. Космовская. Отв. ред. С.Е. Горлинская, Л.А. Ходыревская. Курск: Изд. Курск. гос. ун-та, 2010. – С. 58 – 63.

Ахметова Эльмира Ирековна

ГАНУ"Институт стратегических исследований РБ", Уфа, Российская Федерация

Преемственность поколений в науке: социологический аспект

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-311-00266 мол_а «Адаптационные стратегии молодых ученых в условиях институциональных изменений в науке: региональный контекст».

В условиях трансформации науки неоднозначность выбора профессиональных ориентиров и карьерного роста молодых ученых может привести к системному кризису воспроизводства научных кадров. Несмотря на то, что в настоящее время повышение кадрового потенциала и преодоление разрывов между поколениями заявлено в качестве основной задачи государственной научно-технической политики, остается нерешенным вопрос о ее приоритетах и механизме осуществления. Эффективное использования инновационного потенциала молодежи, создание условий для его воспроизводства становятся приоритетным направлением политики Российской Федерации, отраженной в Концепции социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, согласно которой «формирование инновационной экономики означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности» [1].

Преемственность поколений предполагает как наращивание научного знания, так и различные формы наставничества, помощь в построении научной карьеры, формирование научной школы. Однако в современных условиях социально-экономических трансформаций, достаточно сложно не только воспроизводить, но и сохранить научный капитал.

В рамках этой работы, были проанализированы данные 2 социологических исследований: молодого поколения ученых и старшего. Опрос проводился в марте-августе 2019 года, в г. Уфа[2].

Построение успешной карьеры, для молодого ученого по данным опроса, зависит от присутствия следующих факторов, которые так же были оценены по 10-бальной шкале: трудолюбие, усидчивость, целеустремленность - 8,9; интеллект, талант, способности -8,6; общительность, умение строить взаимодействие и способность к креативному мышлению -8,5; непрерывное самообразование и команда, коллектив - 8,4; постоянное повышение квалификации - 8,2; доступ к финансовым ресурсам, грантам - 7,8. Примечательно то, что фактор «связи и знакомства в академической среде» набрал наименьший балл - 7,4.

Анализируя поддержку, которую им оказывает старшее поколение ученых, молодые ученые в большей степени оценивают недостаточно высоко. По их мнению, в большей степени эта поддержка выражается в обучении, наставничестве в области профессиональных знаний - 6,9 баллов, консультация в подготовке статей - 6,7 баллов, помощь в написании диссертации (научное руководство диссертационной работой) - 6,5 баллов, помощь в налаживании научных связей - 6,2 балла, помощь при организации защиты - 6,1 балл (максимально -10 баллов).

Наименее высоко оценена помощь при устройстве на работу - 5,0 балла, проведение экспериментов и необходимых расчетов для разработок - 5,4 балла, помощь в подготовке заявок на гранты, премии, конкурсы и т.д. - 5,7 баллов, при организации и исполнении научных проектов - 5,8 баллов.

Вместе с тем, старшее поколение ученых среди приоритетных направлений своей работы с молодыми называют: обучение, наставничество в области профессиональных знаний (78,6%), помощь при устройстве на работу (57,1%), помощь в подготовке заявок на гранты, премии, конкурсы и т.д. (50,0%), помощь в налаживании научных связей (50,0%), помощь при организации и исполнении научных проектов (42,9%).

По результатам исследования практически половина (45,5%) молодых ученых считают, что оказываемой им поддержки со стороны старшего поколения ученых недостаточно. Интересно, что старшее поколение ученых также не всегда считает, что оказываемой ими поддержки достаточно: 35,7% ответили отрицательно на этот вопрос.

Среди причин недостаточной поддержки молодежи состоявшиеся ученые называют отсутствие материально-технической базы (60%), отсутствие достойной смены (45,0%), недостаточный уровень вознаграждения за подобный труд (40,0%), отсутствие потребности в знаниях и опыте со стороны молодых исследователей (39,0%).

Среди ответов молодых ученых на вопрос «Как Вы думаете, выполняет ли старшее поколение задачу по формированию нового поколения ученых?» 38,8% ответили положительно.

При этом, молодые ученые достаточно часто сталкиваются с негативными ситуациями недобросовестного использования их труда. Так, только 44,2% молодых ученых никогда не стакивались с подобным отношений. Чаще молодым ученым вменяется обязательство указывать в публикациях как автора научного руководителя, руководителя организации/отдела (25,6%), поручение работы, которую старший ученый обязан делать сам (преподавание, разработки и т.п.) (20,9%), использование результатов труда в статьях с присвоением приоритета в публикации, эксперименте и т.п. (18,6%) и другие случаи эксплуатации.

Среди преимуществ молодого перед старшим поколением можно выделить: более легкая ориентация в массиве информации/владеют цифровыми технологиями (62,8%), более высокая эффективность в способности перенимать зарубежный опыт и достижения (34,9%), более быстрое реагирование на возникающие проблемы и тенденции (34,9%), свобода от «багажа прошлого», неактуальной методологии (23,3%).

Таким образом, на сегодняшний день ощущается острая нехватка выстраивании научных связей, преемственности у молодого поколения, несоответствие ожиданий молодых исследователей в плане наставничества, научной поддержки и помощи со стороны старшего поколения ученых. Это же ощущают и сами состоявшиеся ученые. При этом, встречаются процессы недобросовестной научной этики, оценки научного партнера как ресурс, со стороны обоих поколений ученых, что также создает барьеры для эффективного взаимодействия.

Источники и литература

1) Концепция долгосрочного социально-экономического развития. Российской Федерации на период до 2020 года. http://governmen t.ru/info/6217/ (дата доступа 9.01.2020)
2) Экспертное социологическое исследование «Молодые ученые в региональном научном сообществе» 1 исследование: объектом - молодые исследователи в возрасте до 35 лет, с активной исследовательской позицией: либо только начинающие активно работать в исследовательской среде, либо имеющие значительный исследовательский багаж. В качестве критериев отбора были выбраны: количество публикаций, грантов, патентов за последние 5 лет. В исследовании молодых ученых с учетом статистических распределений доли исследователей по разным направлениям науки (медицинские, социальные и гуманитарные, естественные, технические), сфере занятости (вузы, предпринимательский сектор, научно-исследовательские организации), категория исследователей (аспиранты, кандидаты наук до 35 лет, доктора наук до 40 лет, исследователи без степени) были сформированы соответствующие страты. Метод сбора данных – снежный ком. Общий объем выборки составил 150 человек. 2 исследование - контрольная группа были опрошены представители старшего поколения ученых: кандидаты наук от 40 лет, доктора наук, имеющие признанные результаты исследовательской деятельности, активную научную позицию. Выборка строилась по отраслям наук и месту основной работы (вузы и НИИ). Всего было опрошено 50 чел. Метод сбора данных – снежный ком.

Барков Сергей Александрович

Московский государственный университете имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Межпоколенческий конфликт в рамках классового подхода к исследованию социальных проблем

За последние два столетия классовый подход из достаточно узкой методологии социального познания превратился в широкую мировоззренческую платформу, систему ценностей, особый взгляд на социальные, политические и экономические процессы. При такой широкой интерпретации сущность классового подхода лучше всего выражают знаменитые слова поэта: «Если звезды зажигают - значит - это кому-нибудь нужно?». Для сторонников классового подхода важно за любым явлением общественной жизни видеть те силы, кому это явление выгодно, тех, кто усиливает свою позицию благодаря этому явлению. Другая сила при этом теряет свои позиции, часто даже не подозревая, что за «объективной реальностью» перемен скрыта чья-то воля и чьи-то конкретные действия.

С гносеологической точки зрения классовый подход не приемлет единой социальной теории, которая бы отстраненно объясняла то, что происходило, происходит и будет происходить. Всегда будут существовать две теории, которые будут давать два различных толкования одних и тех же событий и процессов. С наибольшей очевидностью такую трактовку познания можно наблюдать у заслуженно признанного основателя классового подхода К.Маркса: в свое время он попытался создать пролетарскую политэкономию в противовес существовавшей у других авторов буржуазной.

Сегодня вполне очевидно, что две силы, конституирующие классовый подход, могут быть самыми разными, выделенными по ряду критериев. Поэтому форм и видов классового подхода множество. Наиболее разработанными и часто используемыми являются три варианта классового подхода:

1. имущественный, идущий от Маркса и включающий всех явных и неявных его последователей (в этом случае класс с низкими доходами противопоставляется классу с высокими доходами, обычные люди - элите, сконцентрировавшей всю полноту политической и экономической власти);

2. гендерный, связанный с развитием феминизма (здесь противопоставляются мужчины и женщины и соответственно теории, которые отражают интересы полов в обществе);

3. геополитический, ориентированный на противопоставление интересов разных стран на мировой арене (силы и соответственно теории, способствующие реализации национальных интересов какой-либо стра-

ны - России, США, Германии, Китая и др. - оказываются в конфликте с теми, которые ориентированы на ослабление ее геополитического влияния).

Нетрудно заметить, что главными критериями являются традиционные демографические показатели, используемые при проведении переписей населения и построения многообразных демографических концепций (доход, пол, национальная принадлежность). Исходя из такой предпосылки, странным может показаться то, что практически не существует целостного варианта классового подхода. основанного на столь понятном и универсальном демографическом критерии, как возраст. И это несмотря на то, что конфликт «отцов и детей» является одним из системообразующих в любом обществе и даже нашел отражение в содержании текстов клинописных табличек и древнеегипетских папирусов. Нетрудно понять, почему не развился возрастной вариант классового подхода - за ним, в отличие от перечисленный выше, не стояла явная форма политической борьбы. Поэтому межпоколенческий конфликт не воспринимался как макросоциальный, он скорее носит семейный или внутриорганизационный характер.

Сегодня с заметным ростом продолжительности жизни, а также повышением трудовой и политической активности старшего поколения, возникают предпосылки для формулировки некоторых базовых положений возрастного варианта классового подхода. Основой для такой формулировки могут служить два известных высказывания. Первое традиционно приписывается У. Черчиллю и звучит так: «Если ты в молодости не был либералом, у тебя нет сердца, а, если ты в стрости не стал консерватором, у тебя нет ума». А второе является формулировкой общественного договора, данной основоположником консерватизма Э.Берком: «История - это союз между умершими, живущими и еще не родившимися».

Сравнивая социально-политические и мировоззренческие позиции представителей молодого и старшего поколений можно обратить внимание на четыре важных аспекта:

1. проживание жизни есть накопление отрицательного опыта;

2. старшее поколение обладает более длительной историей переживания общественных перемен, что позволяет наблюдать маятниковые движения в социальном развитии;

3. институциональные контексты развития личности и общества в настоящем и прошлом различаются, и у старшего поколения возникает ситуация столкновения фантомного старого контекста с существующими сегодня институтами как совокупностями правил поведения;

4. личный опыт дает возможность увидеть проявление и значимость латентных функций социальных явлений и процессов.

Первый пункт в данном перечислении непосредственно определяет осторожность старшего поколения по отношению к переменам как на макро-, так и на микросоциальном уровне. Наличие отрицательного опыта, как правило, приводит к отторжению революции как средства, двигающего общество вперед.

Столкновение фантомного и реального институциональных контекстов может приводить как к положительным, так и к отрицательным последствиям. Положительные последствия связаны со специфическим синергетическим эффектом, имеющим место в процессе столкновения (и/или взаимодополнения) старых и новых правил. Так, осторожная езда водителей, имеющих «советский опыт» обращения с машиной, который включал в себя сложность и дороговизну ремонта, позитивно сказывается на современном состоянии дорожного движения в нашей стране. Отрицательные последсвтия проявляются в неприспособленности старшего поколения к новым условиям, непонимании движущих сил и последствий современных социальных процессов.

Второй и четвертый пункты определяются тем простым фактом, что люди старшего поколения могут наблюдать дольше за развитием событий. И в ходе такого наблюдения им становится понятным, что во множестве ситуаций движение в определенном направлении через некоторое (иногда очень длительное) время сменяется движением в обратную сторону. Кроме того, в процессе исторического развития незаметные вначале функции того или иного нововведения оказываются более важными, чем изначально предполагавшиеся его явные функции.

Бендрикова Альбина Юрьевна*[1]*, Кочетова Юлия Юрьевна*[2]*,
***Лукин-Григорьев Виктор Владимирович*[3]**

1 - Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия; 2 - ФГБОУ ВО Алтайский государственный медицинский университет Минздрава РФ, Барнаул, Россия; 3 - ФГБОУ ВО Алтайский государственный медицинский университет Минздрава России, Барнаул, Россия

Влияние социальной среды вуза на особенности реализации поведенческих траекторий участников образовательного процесса в конфликтной ситуации

Проблема педагогических конфликтов в ВУЗах является в настоящее время достаточно актуальной. Это связано как минимум, с двумя факторами: существенными преобразованиями в системе высшего образования и относительно небольшим числом исследований данной проблемы.

Различие в ролях преподавателей и студентов состоит в том, что преподаватель осуществляет роль носителя и донора профессионально значимого опыта, социально важных качеств и способностей специалиста, а за студентами закрепляется роль потенциального реципиента этого опыта. Различия в данном взаимодействии проявляют себя не только в различии социальных ролей, но и в принадлежности к разным субкультурам [1].

Особенно интенсивно в период студенчества происходит развитие специальных способностей, важных для будущей профессии. С точки зрения Б.Г. Ананьева, этот период жизни наиболее благоприятен для обучения и овладения профессией [2].

Педагогические конфликты в вузе могут происходить в различных плоскостях совместной деятельности преподавателей и студентов. В частности, Л.В. Симонова выделила некоторые типы взаимосвязей, отражающих отношения студентов и преподавателей [3].

С учётом этих типов взаимодействий Р.В. Куприянов выделяет три группы педагогических конфликтов, возникающих в процессе общения студентов и преподавателей:

1.Конфликты, связанные с самой учебной деятельностью.

2. Ролевые конфликты.

3. Личностные конфликты [4].

Как полагает Р.Х. Шакуров, в основе любого конфликта находится ситуационная несовместимость. В целом, в социально-психологической совместимости выделяют две её стороны: деловую и коммуникативную [5].

Большую роль в развитии, возникновении и разрешении межличностных конфликтов играют социальные нормы и нормативные ожидания сторон. В качестве основного источника возникновения большинства межличностных конфликтов отмечается нарушение социальных норм, нормативных ожиданий. Иными словами, содержание причин межличностных конфликтов в ВУЗе может быть различно, однако, практически во всех случаях они являются нарушением социальных норм или экспектаций участников общения [6].

Мы предполагаем, что на особенности протекания конфликтов во взаимодействии участников образовательного процесса также влияет длительность обучения в ВУЗе. Так, в качестве причин конфликтов со сто-

роны студентов младших курсов могут выступать эмоционально - личностные факторы (пренебрежительное, нетактичное поведение преподавателя, несправедливая оценка знаний студента). На старших курсах в качестве причин конфликта больше выступают деловые факторы, непосредственно связанные с учебным процессом. Со стороны преподавателей на младших курсах в качестве причин конфликтов со студентами большую роль играют дисциплинарные факторы, а на старших, наряду с дисциплинарными, нормативно-правовые (в частности, использование студентами чужих авторских материалов для написания самостоятельных работ). В практическом исследовании мы попытаемся исследовать данные факторы.

Исследование проводилось на базе Алтайского государственного медицинского университета. В исследовании приняли участие 80 студентов (40 - 1-3 курс и 40 - 4-6 курсов лечебного и педиатрического факультетов) и 80 преподавателей (40 - преподающих на 1-3 курсах и 40 - преподающих на 4-6 курсах). Общая выборка - 160 испытуемых. В выборке были выделены следующие подгруппы:

1.Студенты 1-3 и 4-6 курсов

2.Преподаватели 1 - 3 и 4 -6 курсов

3.Студенты и преподаватели 1- 3 курсов

4. Студенты и преподаватели 4- 6 курсов.

В качестве методов исследования мы использовали анкетирование и тестирование. Для целей исследования нами были разработаны анкеты (отдельно для преподавателей и студентов), позволяющие оценить основные причины конфликтов, а также методика диагностики поведения в конфликте К. Томаса.

По результатам анкетирования были сделаны следующие выводы:

1. Основными причинами конфликтов студентов младших курсов с преподавателями были эмоционально-личностные факторы (необоснованные упреки, несправедливая оценка знаний).

2. Основными причинами конфликтов студентов старших курсов с преподавателями были факторы, связанные с учебной деятельностью, а именно преподавание курса, несоответствующего современному уровню, морально устаревшего, авторитарность преподавателя.

3. Основными причинами конфликтов преподавателей со студентами младших курсов были как эмоционально-личностные (агрессивное, нетактичное поведение студентов), так и дисциплинарные (опоздание на занятия, пропуски занятий).

4. Основными причинами конфликтов преподавателей со студентами старших курсов были преимущественно дисциплинарные факторы (пропуски занятий, низкая дисциплина на занятиях).

Статистический анализ результатов позволил сделать следующие выводы:

1. Для студентов 1-3 курсов в конфликте с преподавателями характерно поведение по типу соревнования и приспособления.

2. Для студентов 4-6 курсов в конфликте с преподавателями характерно поведение по типу избегания и сотрудничества

3.Для преподавателей на 1-3 курсах в конфликте со студентами характерно поведение по типу соревнования и избегания

4.Для преподавателей на 4-6 курсах в конфликте со студентами характерно поведение по типу компромисса и сотрудничества.

В данной работе рассмотрены лишь некоторые проблемы, связанные с межличностной конфликтностью. Сама по себе эта тема чрезвычайно обширная и многоаспектная. Все это оставляет богатые возможности для продолжения исследований в данном направлении.

Источники и литература

1) Бреслав Г.Э., Корнеску Е.Г., Сидоряк В.И. Конфликты между преподавателями и студентами //Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2015. - 33. - С. 16-20. - URL: http://e-ckoncept.ru/2015/95388.htm.

2) Ананьев, Б.Г. К психофизиологии студенческого возраста/ Б.Г.Ананьев// Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. - Л., 1974, - С.3-15.

3) Симонова Л.В. Межличностные конфликты педагогов и старшеклассников и пути их разрешения: дисс.канд. психол. наук/ Л.В.Симонова. – М., 1989.

4) Куприянов Р.В. Межличностные конфликты в диаде преподаватель – студент: монография/ Р.В. Куприянов; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. ун-т. - Казань: КНИТУ, 2011. – 196 с.

5) Шакуров Р.Х. Социально-психологические основы управления: руководитель и педагогический коллектив / Р.Х. Шакуров - М.: Просвещение, 1990. - 206 с.

Борисов Александр Федосеевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, РФ

Корпоративные конфликты и способы их регулирования

В результате социологического исследования, проведенного в четырех средних промышленных корпорациях Тамбовской области («Пигмент», «Электроприбор», «Тамбовмаш», «Милорем») было выявлено, что проблема корпоративных конфликтов является весьма актуальной для данных предприятий.

Корпоративные конфликты чаще всего происходят как конфликты интересов между основными субъектами и участниками корпоративных отношений. Чаще всего они происходят между тремя группами стейкхолдеров: 1) акционерами и топ-менеджерами (59%); 2) менеджментом и персоналом (55%); 3) с конкурентами (41%). Далее по степени убывания фиксируются конфликты: 4) с государственными органами и партнерами по бизнесу (28%); 5) с потребителями/заказчиками (21%); 6) между крупными и мелкими акционерами (21%). Редки конфликты: 7) между советом директоров и исполнительным органом (10%); 8) между членами совета директоров (7%).

Одним из наиболее хорошо методологически и методически разработанных и применяемых на практике способов преодоления корпоративных конфликтов является определение приоритетов в удовлетворении интересов участников корпоративных отношений. В исследовании важно было получить ответы респондентов на вопросы: «Чьи интересы реализуются в корпорации в первую очередь, во вторую очередь, в последнюю очередь» и определить последовательность выборов. Данная последовательность сформирована на основе группировки разности всех положительных выборов (первый и второй выбор) и выбора отрицательного (в последнюю очередь). Полученные результаты раскрывают социальное поле интересов участников корпоративных отношений, которые удовлетворятся по мере их значимости.

Удовлетворение интересов крупных акционеров (27,8%) и том-менеджеров (18,6%) в средних региональных компаниях стоит на первом месте. В выборе респондентов в пользу инвесторов ((.;%) , заказчиков/потребителей (5,2%), банков (2,1%) и государства (0,1%) подтверждается зависимость компании от позиции и политики этих участников корпоративных отношений на рынке. Выбор в «последнюю очередь» респонденты делают по отношению к зависимым от компании (властно, материально, социально) таким социальным группам, как поставщики, местные органы власти, персонал. Можно поменять поставщика (3,0%),

отказать в просьбе местной власти (10,2%), задобрить персонал (10,7%), игнорировать мелких акционеров (18,6%) , но все эти действия существенно не отразятся на положении корпорации в целом.

Для разрешения конфликтов интересов практикуется с различной степенью результативности использование формальных правовых регуляторов. Федеральные законы и правовые нормы задают рамки правового поля деятельности корпорации. Уровень соответствия Федеральных законов интересам участников корпоративных отношений в половине случаев оценивается как «удовлетворительный (52%). Только одна треть респондентов (34%) высказала удовлетворение «хорошим» уровнем законодательных норм.

Разработка внутренних документов может детализировать законодательные нормы и повилять на формирование системы корпоративного управления в конкретной компании. Этого мнения придерживается в целом (83%) респондентов.

В исследовании была отмечена ценность полуформализованных документов корпоративных взаимодействий - договоров. Было подтверждено, что приоритетом при заключении соглашений пользуются договоры с постоянным, уже проверенном партнером (76%), а соглашения с новыми партнерами должны готовиться заранее (48%). Предпочтительными являются также договоры, заключаемые со стратегическим партнером (31%), или на основе конкурсных торгов (28%). Вопрос о привлечении опытного переговорщика - профессионала (медиатора) для заключения выгодного договора не является достаточно актуальным для участников корпоративных отношений (7%).

Таким образом, конфликты интересов в промышленных корпорациях Тамбовского региона регулируется на основе приоритетного удовлетворения интересов крупных акционеров и менеджеров, а также на основе норм Федерального законодательства, которые соответствуют интересам большинства участников корпоративных отношений, внутренних корпоративных документов и договоров с постоянными партнерами.

***Вардикян Мария Самвеловна*[1], *Николаева Алла Алексеевна*[1]**

1 - Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Факторы возникновения организационных конфликтов на предприятии

Любая деятельность предприятия строится на человеческом ресурсе. Без людей невозможно полноценное функционирование организации [3]. Под трудовым коллективом принято понимать формальное сообщество людей, объединенных совместной деятельностью для достижения определенных целей и задач [4]. Например, это может быть производство продукции или ремонт дома.

В процессе производственной деятельности между работниками часто возникают недопонимания, которые в дальнейшем перерастают в организационный конфликт. Это противоречие, возникающее между работниками, коллективами организации в процессе их совместной трудовой деятельности [1]. Причиной может являться несовпадение интересов, отсутствие согласия по решению любых деловых вопросов [2]. Такие конфликты имеют положительный и отрицательный аспект, так как с одной стороны, они являются двигателем прогресса и продвижением деятельности организации, в то же время, как с другой стороны, они могут перерасти в более острую форму и навредить успеху организации [5].

В ноябре 2019 года нами было проведено исследование в строительной компании ООО «КСМ ГРУПП», целью которого являлось определение факторов возникновения организационных конфликтов на предприятии.

В анкетировании приняли участие 100 человек, из которых 42% - представители мужского пола, а на долю женского пришлось 58%. В ходе проведения нашего опроса, большинство респондентов оказались в возрасте от 31 до 45 лет, целых 60%, 24% в организации сотрудники возрастом от 46 до 60 лет, от 20 до 30 лет составили 15% и 1% людей пенсионного возраста после 60 лет. Многие работники компании работают с её основания (10 лет) - 74%, 5 лет работают (10%), меньше 5 лет работают (16%). Согласно данным опроса среди респондентов 20% занимают руководящие должности и 80% являются рядовыми работниками строительной организации.

Мы спросили наших респондентов «Довольны ли Вы своей работой?». Ответы респондентов распределились следующим образом:

- «Да, меня все устраивает» - 42%;
- «Нет, мне не нравится работа и коллектив» - 30%;
- «В целом да, но мне хотелось бы, чтобы заработная плата была выше» - 25%;
- «Затрудняюсь ответить» - 3%.

Исходя из данных, мы видим, что большинству респондентов всё же нравится их деятельность, но при этом 30% опрошенных не устраивает их работа и коллектив.

Отвечая на вопрос: «Устраивает ли Вас коллектив?», респонденты ответили следующим образом: 58% ответили, что «коллектив в целом хороший, но есть некоторые недопонимания из-за различий в возрасте», 34% респондентов отметили «у нас хороший коллектив, меня всё устраивает», «в коллективе каждый думает о себе и своей выгоде» посчитали 6% опрошенных, и 2% ответили «воздержусь». Анализируя данные ответы респондентов, можно сделать вывод, что большая часть работников недовольны коллективом из-за разницы в возрасте. Это, в свою очередь, может стать одной из причин возникновения конфликтных ситуаций в данной организации.

Респондентам был задан следующий вопрос: «Какие из перечисленных ниже факторов наиболее значимы для Вас?». Большинство респондентов отметили 3 наиболее важных показателя:

- «Размер заработной платы» - 82%;
- «Справедливость руководства в вопросах морального и материального стимулирования» - 74%;
- «Отношение коллег к выполнению своих обязанностей» - 58%.

Анализируя взаимосвязь ответов, стоит отметить, что для молодых сотрудников наиболее важным является размер заработной платы, несмотря на то, что в компании они работают не так давно, и у них нет достаточного уровня компетенций. Более опытные сотрудники старшего возраста выделяют для себя отношение к выполнению должностных обязанностей. Отвечая на вопрос: «Совпадают ли Ваши интересы с интересами других работников?», респонденты в большинстве своём (66%) ответили, что «интересы не совпадают». Ценностные ориентации в основном (72%) также различны. У большей части персонала разные ценности и интересы, работники не заинтересованы в общении и взаимодействии друг с другом.

Мы задали вопрос касательно уровня организационной культуры на предприятии. Больше половины опрошенных респондентов (52%), считают, что уровень организационной культуры находится на достаточно низком уровне, так как руководство не заинтересовано заниматься данным вопросом. При этом работники организации (88%) отмечают, что отношения с руководством у них «хорошие».

Отвечая на вопрос: «Как часто у Вас в коллективе возникают конфликтные ситуации?», большая часть (60%) опрошенных респондентов ответили, что «часто», несмотря на то, что социально-психологический климат в коллективе работники оценили в целом (78%) благоприятным.

Таким образом, анализируя результаты проведенного исследования, стоит отметить, что в данной компании на возникновение организаци-

онных конфликтов оказывают влияние объективные факторы: перераспределение социально-экономических ресурсов, взаимозависимость ответственности и заданий, несогласованность целей различных групп работников, слабая разработанность этических нормативов. И личностные факторы: неадекватные оценки работников и восприятия действительности, манеры поведения, этические ценности, черты характера и типы личностей.

Руководству предприятия рекомендуется заняться сплочением коллектива, так как организационные конфликты могут привести как к улучшению функционирования организации в целом, так и к распаду организационной структуры, прекращению деятельности организации.

Источники и литература

1) Большаков А.Г. Конфликтология организаций: Учебное пособие / А.Г. Большаков, М.Ю. Несмелова. – М.: МЗ Пресс, 2001. – 182 с.
2) Николаева А.А., Савченко И.А., Корецкая Е.А. Корпоративная культура образовательной организации как средство разрешения и профилактики конфликтов // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 3 (24). С. 76-82.
3) Скрипак Д.М., Николаева А.А. Межличностные конфликты в системе государственного управления // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. Т. 28. № 2-2. С. 252-256.
4) Шаленко В.Н. Конфликты в трудовых коллективах: Спецкурс / В.Н. Шаленко. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 80 с.
5) Щербаков И.Д. Конфликты в организации, причины их возникновения и способы разрешения // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 3. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4610 (дата обращения: 18.01.2020).

Волкова Лариса Витальевна

Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва, Россия

Конфликт поколений в российской системе образования

Российское образование уже длительный период времени переживает процесс трансформации или, как полагают некоторые исследователи, системный кризис. [1;2;3;4;5;6] Он сопровождается сокращением количества образовательных учреждений и работающих в них педагогов. В условиях неизменно растущего спроса на образовательные услуги только за 2018/19 учебный год педагогический состав российских вузов сократился в совокупности на 9 тыс. человек, а с 2006 года - почти на 90 тысяч. [7;8] Средний возраст российского педагога устойчиво превышает 50 лет, доля молодых колеблется от 6% в вузах до 23% в школах. [9] Поколения Y и Z выбирают быстроразвивающиеся отрасли, в основном в сфере услуг, в то время как сфера образования остается уделом старших поколений. Логичной политикой в этих условиях было бы лояльное отношение к «возрастным работникам» и меры по удержанию их на рабочих местах. Но многочисленные исследования говорят об обратном: педагоги старших возрастов чувствуют все более сильный дискомфорт и неуверенность на рабочих местах, ощущают себя «лишними», бесправными не из-за отсутствия компетенций, но из-за возраста. [10;11;12]

Ключевой вопрос проведенного нами исследования звучал: возникает ли вследствие описанной ситуации конфликт поколений в сфере образования, и если да, каковы его причины?

Методологической рамкой исследования была выбрана теория социального конфликта Р. Дарендорфа, выводящего различные трения (антагонизмы) из неравенства социальных позиций. [13]

Методы исследования - вторичный анализ статистических данных и проведение полуструктурированных экспертных интервью. В качестве экспертов выступали студенты, учителя средних и высших учебных заведений, заведующие кафедрами вузов, директора школ, проректоры и руководители департаментов вузов.

Гипотезой исследования стал тезис о том, что конфликты поколений в сфере российского образования провоцируются не столько возрастными, психологическими и мотивационными различиями и уровнем компетенций, сколько целенаправленной политикой государства, заинтересованного в сокращении бюджетных расходов на образование.

Опрошенные студенты практически единодушно отмечали, что главное для них не возраст преподавателя. Равнодушные, агрессивные, малокомпетентные, формалисты присутствуют во всех возрастных группах. Но довольно часто звучало мнение, что все-таки пожилые преподаватели в целом дают больше знаний и доносят их более доступно.

Учителя и преподаватели старшего возраста, а также часть заведующих кафедрами отмечали у молодых недостаток компетенций в сочета-

нии с завышенными амбициями и стремлением к быстрому карьерному росту. При этом постоянно звучали оговорки, что молодые все разные, есть среди них замечательные, если их научить, они станут прекрасной сменой. Многие говорили, что сегодня молодые педагоги часто получают значительно больше и продвигаются по служебной лестнице вне зависимости от компетенций и качества работы. Это делается руководством для того, чтобы удержать их на рабочих местах. В результате работники старшего возраста фактически подвергаются прямой дискриминации по возрастному признаку. Некоторые участники интервью высказали в разных формах мысль, что именно руководство «стравливает» молодежь и старших по принципу «разделяй и властвуй».

Главная претензия молодых педагогов к старшим - низкий уровень цифровой культуры, инертность и консерватизм. Но мысль о том, что старшие все разные также звучала почти у всех. В целом, молодые отрицали наличие конфликта со старшими.

Руководители образовательных учреждений условно высказали две позиции: первая сводилась к аргументации внешними обстоятельствами (старших нужно убирать, иначе учреждение закроют, присоединят, лишат финансирования, аккредитации и т.д.) Вторая позиция заключалась в обвинениях «возрастных» преподавателей в неспособности и нежелании адаптироваться к новым условиям, слабой управляемости, низкой исполнительской дисциплине, саботаже принимаемых решений.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. Конфликт поколений искусственно создается государством, ведущим политику двойных стандартов. С одной стороны, повышение пенсионного возраста в сочетании с сохраняющимся уровнем пенсий, обеспечивающим людям существование на грани между бедностью и нищетой, на первый взгляд, должно стимулировать людей старшего возраста работать как можно дольше. Государство подкрепляет этот посыл правовыми актами, запрещающими увольнение или отказ в приеме на работу предпенсионеров (но не пенсионеров!) С другой стороны, множество подзаконных актов в виде положений, инструкций, критериев оценки деятельности и т.п. прямо требуют от образовательных учреждений снижения среднего возраста педагогического персонала одновременно с сокращением штатов.

«То, что противоречие может быть подавлено, несомненно, является очень старым предположением руководящих инстанций. Однако подавление является не только аморальным, но и неэффективным способом обращения с социальными конфликтами. В той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, вместе с этим стремятся к еще более насильственному подав-

лению, пока, наконец, ни одна сила на свете не будет более в состоянии подавить энергию конфликта». [14] Если не прекратить дискриминацию старших поколений, риск разрушения преемственности и распада всего российского образования становится чрезвычайно высоким.

Источники и литература

1) Вершинина И. А., Павлова В. Г. Образование и глобализация: социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 3. С. 173–189.

2) Лавринович Е.В. Трансформация образа восприятия конфликта как метод управления / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 1999.

3) Мартыненко Т. С. Трансформация социального неравенства в «эпоху доступа» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 161–170.

4) Смирнова О. М., Балычева М. Б. Цифровой мир и образование / Сборник тезисов региональной научно-технической конференции «Губкинский университет в решении вопросов нефтегазовой отрасли России», посвященной 100-летию Московской горной академии. - 2018 – С.318.

5) Филатова М.Н., Волкова Л.В., Гусейнова Ф.Д., Ситнова Л.И., Матвеева О.В. РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина: социальная динамика и общественное мнение. К 75-летию РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина / Москва, 2005.167 с.

6) Юдина М.Е. Темная сторона цифровой эпохи: "Старый мир обречен. Новый мир неизбежен!" / Глобальные риски цифровой эпохи и образы будущего: Материалы IV Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения (Москва, 4-5 апреля 2019 г.). Ч. 2. // Отв. ред.: Смирнова О.М. Ред.: Балычева М.Б., Волкова Л.В., Рябчун Н.П. – М: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2019. – 354 с. С.345-354.

7) Образование в цифрах: 2017 : краткий статистический сборник / Д.Р. Бородина, Л.М. Гохберг, О.Б. Жихарева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 80 с.

8) Образование в цифрах: 2019 : краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 96 с.

9) Пугач В.Ф. Возраст преподавателей в российских вузах: в чем проблема? // Высшее образование в России. 201. № 208 (1). С. 47-55.

10) Вишневская Н.Т. Работники старших возрастов на рынке труда в странах ОЭСР // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 4. С. 680–701.

11) Забелина О.В., Мирзабалаева Ф.И. Рынок труда работников старших возрастных групп: готовность к изменениям в сфере занятости / Человеческий и производственный потенциал российской экономики перед глобальными и локальными вызовами: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, 30 ноября 2018 г. — Саратов: Издательство «КУБиК», 2019. — 414 с. С. 121-129.

12) Рябинина Е. В. Конфликт поколений в системе трудовых отношений // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 161–166.

13) Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С.143.

14) Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С.145.

Гавриленко Ольга Владимировна

Социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Многообразие культур в современной организации: путь к бесконечным конфликтам или новым формам солидарности?

Современные организации в условиях глобализации, размывания национальных границ и, в какой-то степени, размывания культурной идентичности представляют собой сложный клубок, переплетение самых разнообразных культур - национальных, деловых, гендерных, этнических, поколенческих и т.п. Существует ряд параметров, определяющих специфику управления (его моделей, техник) в разных организациях и странах: верования, степень неравенства между людьми, отношение к закону, отношение к неопределенности, ценности, язык, маскулинность/феминность, отношение ко времени, отношение к природе, приоритет личности или общности и т.д.. Разработано множество теорий

и моделей управления, основанных на выявлении параметров межкультурных различий, которые объясняют, почему, например, потенциально перспективные слияния компаний терпели неудачу из-за непонимания специфики организационной культуры (теории Ф. Тромпенаарса-Ч. Хэмпден-Тернера, Р. Льюиса, Э. Холла, Г. Хофштеде и др.)

Испытывая определенные сложности с собственной культурной идентификацией, мы в организациях сталкиваемся с носителями других культурных ценностей, норм, верований, стереотипов, поведенческих паттернов. Степень принятия «инаковости» во многом зависит от того, на какой стороне шкалы «этноцентризм - культурный релятивизм» мы находимся. Дискурс «толерантности», принятия «иного» сегодня становится все более выраженным, иногда даже «агрессивно навязываемым», что очень хорошо видно, например, в скандинавских странах и в странах Запада, в целом. В данном контексте становится понятным все большее внимание, уделяемое таким теориям модернизации культуры, как теория Р. Инглхарда.

Теория культурной эволюции Р. Инглхарта основана на противопоставлении материалистических ценностей, ценностей выживания, свойственных более экономически «отсталым» странам, постматериалистическим ценностям, ценностям самовыражения, присущим «богатым странам» [2]. Общества, где доминируют ценности выживания, отличаются низким уровнем счастья, личного благосостояния, отсутствием межличностного доверия, нетерпимостью к инакомыслящим, принятием авторитарных способов управления, спокойным отношением к гендерному неравенству. Россия, по исследованиям Р. Инглхарта, тяготеет к материалистическим ценностям и выживанию. Но эта тенденция намного более выражена в когортах старшего поколения, в то время как молодые люди, так называемые «миллениалы» и представители «дигитального» поколения, демонстрируют склонность к постматериалистическим ценностям, ценностям самовыражения. Это можно объяснить тем, что их становление и взросление пришлось на достаточно спокойный, стабильный период развития страны, кроме того, глобализация способствует культурной диффузии «западных» ценностей, связанных и индивидуализмом, свободой, толерантностью[*]. В обществе, где доминируют постматериалистические ценности «неприлично» быть гомофобом, сексистом, проявлять снисходительное отношение к мигрантам, в целом допускается больший выбор индивидуальных «свобод» - сексуальной, семейной, религиозной, политической.

Проблема столкновения представителей различных культур в организации становится все более актуальна и чувствительна именно для стран

ЕС в связи резким увеличением числа мигрантов, в основном исповедующих ислам. Так, согласно некоторым прогнозам к 2050 году 14% всех жителей ЕС будут представлять именно мигранты-мусульмане. Причем в Германии, Франции, Австрии их доля будет доходить до 19%, а наиболее критичной ситуация может стать в «наиболее толерантной и гостеприимной по отношению к мигрантам» Швеции - 30,6% [3]. В такой ситуации понимание чужой культуры, умение выстраивать отношения с носителями других культурных паттернов (через ассимиляцию «чужаков» или через создание новых культурных паттернов) становится фактически условием выживания.

Опираясь на различные форсайт-исследования [1], можно говорить о возрастании значимости социальных (social skills) навыков и навыков комплексного решения проблем (complex solving problem skills), в отличие от предыдущих периодов, когда ключевые компетенции были напрямую увязаны с особенностями выполняемой работы. Социальные навыки, связанные с выстраиванием взаимодействий, умением работать в команде, в условиях мультикультурности, развитие эмоционального интеллекта становятся по значимости столь же важными, как и узкоспециализированное знание. Развитие социальных навыков способствует развитию эмпатии, в том числе, культурной, учит выстраивать отношения с людьми, которые демонстрируют «инаковость», являются носителями других ценностей и норм, демонстрируют иные паттерны поведения, принадлежат к другим группам - социальным, гендерным, возрастным, этническим. Как отмечалось выше, общества с доминирующими постматериалистическими ценностями, демонстрируют более выраженную толерантность, допускают большую свободу самовыражения. В таких обществах растущее многообразие культур в организации по-видимому должно вести не к конфликтам и неприятию друг друга, а к формированию новых форм солидарности, солидарности «непохожих».

[*] Интересно, что и российская система образования среагировала на такой «запрос времени»: например, одна из общекультурных компетенций, формируемых у бакалавра, звучит как «способность работать в команде, *толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия* (ОК-6)» (см, например, ФГОС ВО 39.03.01 «Социология» уровень «бакалавриата» от 2015г.)

Источники и литература

1) Атлас новых профессий – М.: АСИ, Сколково, 2014.
2) Р. Инглхард Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. – М.: Мысль, 2018.

3) Pew Research Centre: Muslims in the EU, Norway and Switzerland in 2050: high migration scenario https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/pf_11-29-17_muslims-update-23/

Галанова Ксения Владимировна
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Поколенческий аспект как фактор возникновения конфликтов в организации.

Обращаясь к вопросу организационных конфликтов, необходимо учитывать, что они являются разновидностью социальных конфликтов, и четкой границы между этими понятиями не существует. Важным пунктом является то, что конфликты сами по себе неизбежны, но при этом они не всегда носят деструктивный характер. Предлагаем рассмотреть положительные стороны организационных конфликтов [1, с. 95-96]:

1) Являются причиной развития организаций. Через решение конфликтов изменяются цели, задачи и ценности организации;

2) Дают импульс к изменениям. По средствам признания объективных противоречий определяется путь изменения для успешного функционирования организации;

3) Помогают снять напряжение в коллективе, тем самым способствуют улучшению психологического климата в организации.

Позитивные аспекты конфликтов проявляются только тогда, когда конфликт эффективно разрешен. Причины конфликтов в организации можно разделить на три группы [2, с.73]:

1) Несовершенство бизнес-процессов в организации. В ситуациях, когда работник не может выполнять возложенные на него обязанности, возникает несогласие и порождается конфликт. К этому относится нехватка или неэффективное распределение ресурсов, невозможность соблюдения внутренних правил из-за их противоречия, недостаток или искажение информации;

2) Социально-психологические факторы. К ним относятся отличительное личностные характеристика каждого индивида. Эти факторы являются источником различным симпатий и антипатий, которые в свою очередь сказываются на профессиональных и деловых качествах работников;

3) Инновации в организациях. Все изменения происходящие в организациях, даже позитивные, встречают сопротивление персонала. Это и

порождает конфликты. При чем скорость изменений прямо пропорциональна возникающему сопротивлению и конфликтам.

Причины, которые относятся к первой и третьей группам, можно нивелировать с помощью грамотного управления, минимизации ошибок руководства и проведению мероприятий по своевременному информированию персонала. То есть грамотный руководитель может не только разрешать конфликты, но также ими управлять и предотвращать.

Намного сложнее ситуация обстоит с разрешением социально-психологических конфликтов, ведь они являются результатом социально-психологической несовместимости членов коллектива. Суть проблемы заключается в том, что разрешение конкретных ситуаций, не всегда может помощь в разрешении конфликта, так как причина конфликта может быть далеко за пределами организации. В следствии этого, необходимо изучение межпоколенческих конфликтов как первопричины социально-психологических конфликтов в организации.

Возникает вопрос: как поколенческие характеристики влияют на конфликты в организации? Суть состоит в том, что понятие «поколение» мы используем как обобщающую категорию, являющуюся совокупностью таких характеристик как социально-демографические условия формирования личности, ценности, идеалы и прочее. Также важность поколенческого аспекта обусловлена тем, что с его помощью можно типологизировать совершенно непохожих членов общества, понять их мотивы и установки, а также определить поведенческие особенности.

Опираясь на существующие теории поколений [3, с. 154] определим три основные группы, которые сейчас образуют большинство работников в современных организациях. К ним относятся поколения «беби-бум»,X и Y. Без сомнения, современные реалии диктуют нам такие условия, при которых необходимость работать возникает и в более раннем возрасте и продолжается в более позднем, однако мы опираемся на показатели трудоспособного населения (от 16 до 60 или 65 лет в России).

Исходя из имеющихся инструментов «примирения» представителей различных поколений [10], предлагаем рассмотреть эффективные приемы управления для предотвращения межпоколенческих конфликтов:

1) Налаживание взаимодействия между работниками, по средством корпоративной культуры. Это является эффективным инструментом для достижения высокого уровня эмоционального доверия между членами коллектива, формирования открытой площадки для обсуждения ожиданий сотрудников, а также механизмов взаимодействия.

2) Использование знаний и опыта старшего поколения сотрудников. Через построение системы наставничества можно эффективно ис-

пользовать опыт представителей поколения «беби-бум», тем самым формируя площадку для взаимодействия представителей поколений «беби-бум» и Y.

3) Использование технологической грамотности поколения Y. На примере деятельности поколения Y, которое имеет свежий взгляд на рутинные процессы в организации, а также высокий уровень технологической грамотности, можно внедрять новые процессы, а также более эффективно проводить изменения.

4) Построение системы мотивации в соответствии с особенностями поколений. Система мотивации должна учитывать потребности поколений, к примеру, если для поколений «беби-бум» и X фактором мотивации является стабильность в работе, то для поколения Y ключевым фактором является денежная мотивация.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы. Конфликты являются неотъемлемой частью функционирования любых организаций, при этом они представляют собой положительную движущую силу развития организаций. Одной из причин возникновения организационных конфликтов является поколенческий аспект. При корректном использовании положительных черт каждого поколения можно повысить эффективность всей организации в целом.

Источники и литература

1) Мамедова В.Э. Позитивные функции конфликтов в организации // Аллея науки : науч.-практ. электрон. журн. 2017. No 15. С. 94–97.
2) Чекалдин А.М. Причины организационных конфликтов и способы их устранения // Вестник НГИЭИ. 2015. No 9 (52). С. 73–77.
3) Черников Б.В. Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников // Вестник Томского государственного университета. 2014. No 385. С. 153–158.

Говорухина Галина Владимировна

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Факторы, влияющие на выбор места работы выпускниками вузов культуры

В настоящее время изменяется роль субъектов социокультурного развития российского общества, всех специалистов, работающих в сфере

культуры. Повышается ответственность органов государственной власти управления культурой за обеспечение укомплектованности кадрами учреждений культуры, соответствующих по уровню квалификации задачам современной государственной культурной политики [1]. В соответствии с этим стратегии укомплектованности кадрами учреждений культуры становятся объектом специальных исследований.

Так, в Алтайском крае в конце 2018 года при участии автора было проведено социологическое исследование с целью выявления потребности отрасли культуры в молодых специалистах. В опросе приняли участие 180 выпускников Алтайского государственного института культуры 2015-2017 годов выпуска и 170 руководителей и специалистов учреждений культуры Алтайского края.

Концептуально-методологическая основа исследования состояния укомплектованности кадрами учреждений культуры реализовалась через интегративный подход, который включал в себя: изучение динамики развития сети учреждений культуры; состояния кадрового обеспечения учреждений культуры; анализ трудоустройства выпускников; выявление причин, препятствующих трудоустройству молодых специалистов и их профессиональному росту; выявление основных концепций формирования рынка труда и методов его регулирования; определение статуса молодого специалиста в сфере профессиональной деятельности [2-4].

При анализе ответов респондентов были выявлены две тенденции. Одна - связана с факторами выбора выпускниками «идеального» места своей будущей профессиональной деятельности. Так, на вопрос: «Какие факторы были наиболее значимы для Вас при выборе места работы?», - выпускники выделили следующие факторы: финансовую стабильность и надежность организации (75%); соблюдение трудового законодательства (соцпакет, «белая» зарплата и др.) (54%); перспективы карьерного роста и обучения (50%); высокий уровень оплаты труда (29%); соответствие должностных обязанностей полученной специальности (11%); предоставление жилья (4%); «другое» (7%). Как можно заметить, большинство молодых специалистов высоко оценивают финансовую стабильность и надежность организации, а также наличие социальных гарантий, но не менее важна для них перспектива карьерного роста и дальнейшего обучения.

При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, какие факторы препятствуют трудоустройству молодых специалистов в отраслях культуры региона?», - эксперты выделили такие факторы, как низкий уровень заработной платы (97%), отсутствие нормальных жилищных условий (40%),

отсутствие вакансий (10%), не желание работодателей трудоустраивать молодых специалистов (5%).

Как можно заметить, существует противоречие в оценке факторов, влияющих на выбор места работы, самими выпускниками и их потенциальными работодателями - экспертами, что в будущем может привести к конфликту их интересов.

Вторая тенденция связана с факторами определения конкретного места трудоустройства. Так, и выпускники, и эксперты отметили следующую иерархию факторов, влияющих на изменение ситуации по привлечению молодых специалистов в отрасль культуры региона, в частности:

- обеспечение социальных гарантий (предоставление соцпакета, жилья, детских садов и др.) (70% выпускники, 92% эксперты);

- наличие перспективы карьерного роста, стажировок, повышения квалификации (60% выпускники, 50% эксперты);

- активизация привлечения работодателей к образовательному процессу (34% выпускники, 32% эксперты);

- повышение заработной платы (12% выпускники, 10% эксперты).

Как можно заметить, по оценкам выпускников и экспертов «повышение заработной платы» не является особо значимым фактором привлечения молодых специалистов в отрасль культуры.

Но в тоже время и выпускники, и эксперты на вопрос: «Как Вы считаете, какие факторы препятствуют выбору молодыми специалистами места работы в отраслях культуры Алтайского края?», - ответили следующим образом:

- низкий уровень заработной платы (100% выпускники, 100% эксперты);

- отсутствие перспективы карьерного роста и дальнейшего обучения (30% выпускники, 15% эксперты);

- отсутствие нормальных жилищных условий (26% выпускники, 50% эксперты);

- не соответствие должностных обязанностей полученной квалификации (4% выпускники, 7% эксперты).

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что эксперты не учитывают важность для молодых специалистов перспектив карьерного роста и дальнейшего их обучения при выборе конкретного мета работы и завышают значение такого фактора, как «нормальные жилищные условия». Возможно, это происходит в связи с возрастными и статусными различиями респондентов, что может являться причиной межпоколенческих конфликтов в учреждениях культуры.

Таким образом, к стратегиям трудоустройства молодежи в современных условиях можно отнести необходимость получения объективной информации о факторах, влияющих на выбор выпускниками вуза места будущей работы, что может осуществляться через постоянный мониторинг государственными органами управления, результаты которого могут способствовать решению кадровой проблемы. В свою очередь, приоритетными направлениями деятельности вузов должно быть развитие и совершенствование качества обучения путем моделирования будущей профессиональной деятельности выпускников при участии работодателей.

Источники и литература

1) Бовкунова Ю. В. Стратегии вузов культуры и искусств в области трудоустройства выпускников: региональный аспект [Электрон. ресурс] // RussianjournalofEarthscience. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.ores.su/. – Загл. с экрана.
2) Воловская Н.М. Мониторинг трудоустройства выпускников в системе оценки деятельности вуза / Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина, А.В. Русина // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 19. — С. 23-26. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/19/sociology/volovskaya-plyusnina-rusina.pdf.
3) Гуртов В.А. Развитие системы мониторинга трудоустройства выпускников / В.А. Гуртов, Л.М. Серова, И.С. Степусь, Е.А. Федорова, Д.М. Мороз // Высшее образование в России. – 2014. – № 5. – С. 11-23.
4) Пильникова, И.А. Стратегическое партнёрство вуза и работодателей как условие востребованности выпускников / И. А. Пильникова // Ректор вуза. – 2016. – N 9. – С. 28-31.

Гордеева Екатерина Николаевна

Академия управления МВД России, Москва, Россия

Героическое в аксиологическом компоненте эстетической культуры сотрудника органов внутренних дел

Эстетическая культура личности, являясь составной частью профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел, включает в

себя интеллектуальный, аксиологический, мотивационный, эмоционально-чувственный и практический компоненты.

Аксиологический компонент отражается в эстетических смыслах и ценностных ориентациях личности, гармонизации его социальных отношений на основании личностных ценностно-смысловых ориентиров, проявляется в его профессиональной деятельности как высокий уровень эмпатии к гражданам, толерантности к представителям различных культур, высоконравственном поведении.

Проявляясь в разных категориях (Прекрасное и Безобразное, Возвышенное и Низменное, Трагическое и Комическое), эстетика провозглашает высшей жизненной целью гуманизм [1, 598].В тоже время Н.И. Киященко отдельно выделяет из категории эстетики *Возвышенное* категорию *Героическое* [2]. А.Н. Трофимова понимает подвиг как «непрестанную работу духа», а оценку героического поступка связывает с нравственной и ценностной доминантой [3].

Героическое, являясь категорией эстетики, выражена в Присяге сотрудника органов внутренних дел и отражает эстетическую ценность поступков сотрудников, представляющих важное значение для жизни государства и общества и требующих от личности нравственного выбора, проявления мужества, стойкости, самоотверженности, отваги и даже самопожертвования во имя торжества идеалов.

Героический поступок личности, ее героический образ вызывает яркие эмоциональные переживания, восхищение духовной силой, нравственной стойкостью, самоотверженностью и благородством личности, что в свою очередь пробуждает стремление быть похожим на героя, подражать ему в умении сражаться, защищая и отстаивая благородные цели, жертвуя своей жизнью ради жизни другого человека, торжества идеалов справедливости. Героическое связано как с нравственным, так и с эстетическим, поскольку «подлинно человеческая мораль эстетична в самом высоком смысле» [4].

Сотрудник правоохранительных органов, согласно требованиям Закона «О полиции», может оказаться в экстремальных ситуациях, требующих от него морального выбора, когда он будет обязан «*принимать при чрезвычайных ситуациях неотложные меры по спасению граждан»* (Статья 12 п.7 Закона), *«участвовать в мероприятиях по противодействию терроризму»* (Статья 12 п.17 Закона) или «*участвовать в обеспечении режима чрезвычайного положения» (*Статья 12 п.29 Закона) [5].

Эстетическая ценность противоположна утилитарным ценностям, имеющим направленный потребительский характер и эгоистичные про-

явления, т.к. эстетическое отношение проявляется в области высших человеческих интересов.

Воздействие современных СМИ, как показали проведенные социологические исследования, зачастую сказывается на личности отрицательно. Особенно этому негативному влиянию подвержена молодежь, которая ежедневно пользуется Интернетом, узнает новости из новостных сайтов и из новостных передач по телевизору[6]. Так, по данным опроса Фонда «Общественное Мнение» всего лишь 12% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет полагают, что каждый гражданин страны должен быть ее патриотом, почти каждый второй опрошенный считает, что патриоту необязательно знать гимн своей страны и в то же время 70% опрошенных этой возрастной категории допускают, что патриотом может считаться человек, предпочитающий иностранную литературу и искусство отечественной [7].

Коммерциализация Интернет-контента, телевидения, ориентированность на получение прибыли привело к тому, что путем демонстрации и тиражирования отрицательных образов и образцов поведения низменное утверждается в противовес возвышенному и героическому, а потребности, удовлетворяемые передачами, зачастую относятся к достаточно низким и примитивным. Интериоризируя негативные проявления поведенческих, коммуникативных и когнитивных стереотипов, молодежь принимает отрицательные ценности.

Частично это подтверждает и проведенное нами исследование среди 340 сотрудников полиции, где 8% (25) опрошенных считают героический поступок стечением обстоятельств, 18% (61) относят его к спонтанному выбору личности в экстремальной ситуации, и всего 20% (68) относят героизм к проявлению нравственной позиции личности в ее поведении.

Следует отметить, что общество, и в первую очередь, молодежь, нуждается в позитивных образцах героического поведения, являющимися стимулами к нравственно-эстетическому развитию личности.

Как известно, человек с отрицательными характеристиками не может стать настоящим профессионалом, поэтому формирование позитивных качественных ценностно-смысловых характеристик личности, в т.ч. на примерах проявления героизма как в военное, так и в мирное время, является одним из приоритетов воспитательной работы в правоохранительных органах.

Источники и литература

1) Борев Ю.Б. Эстетика. В 2-х т. Т.2. Смоленск: Русич, 1997. 640 с.

2) Киященко Н.И. Героическое как категория эстетики: автореф. ...дис. канд. фил.н. М.: Инст-т философии РАН, 1964. 18 с.

3) Трофимова А.Н. Подвиг как явление русской культуры: автореф. ...дис. канд. фил.н. Н.Новгород, 2008. 36 с.

4) Краткий словарь по эстетике. [Электронный ресурс]. URL: https://esthetiks.ru/ Дата обращения 30.01.2020 г.

5) Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О полиции».

6) СМИ: востребованность и оценки работы. Какие информационные каналы востребованы в разных группах? Насколько объективны нынешние СМИ? [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/14028 (дата обращения: 31.01.2020).

7) Патриотизм. Сколько в стране патриотов? Должен ли каждый быть патриотом? И каковы критерии патриотизма? [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/TSennosti/14222 (дата обращения: 31.01.2020).

Грибкова Ольга Владимировна

Московский государственный психолого- педагогический университет, Москва, Россия

Психолого- педагогические аспекты работы педагогического коллектива ВУЗа.

С кем же больше всего контактируют студенты в течение учебы в университете помимо своих сверстников? Это могут быть различные научные центры, библиотеки, управления, но чаще всего они контактируют с преподавателями. Эти люди работают со студентами напрямую ежедневно, стараясь дать им знания и подготовить к будущей работе по специальности. И действительно, от работы преподавателей в определенной степени зависит жизнь студента как во время учебы, так и после её окончания.

Актуальность выбранной темы для научной статьи состоит в том, что от состояния внутренней среды трудового коллектива, в котором работают преподаватели, в дальнейшем зависит их отношение к студентам и влияние на их обучение в университете. Именно от того, как преподаватели взаимодействуют между собой и какое участие принимает администрация ВУЗов в формировании межличностных отношений в своих

трудовых коллективах, в принципе зависит рейтинг ВУЗа и качество предоставляемого образования.

Для начала стоит разобраться какими навыками должен обладать персонал высших учебных заведений, в частности преподавательский состав. Как известно, одним из аспектов политики государства в рамках образовательной реформы и важнейшим условием для реализации современных концепций образования, является психологизация учебного процесса [4, с.26]. Основу данного аспекта составляет учет и использование психологических факторов, влияющих на повышение результативности учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельности студентов. Это прежде всего создание благоприятной атмосферы для обучающихся, учет индивидуальных психологических особенностей каждого студента (экстраверсия/интроверсия, импульсивность/рефлексивность, личностная и ситуационная тревожность и т.д.), а также учет влияния гендерных особенностей на поведение поколения молодежи в рамках современного общества. [1, с. 15-16]

Соответственно, психологизация учебного процесса требует специальной компетенции преподавателей. В данном случае преподавателю необходимо обладать психологическими знаниями в формировании мотивации студентов к изучению предметов курса и оказании влияния посредством инструментов убеждения, «заражения» для установления продуктивного взаимодействия с обучающимися, обладать способностями к эмпатии и ассертивности, коммуникативными компетенциями [3, с.28]. Отсюда можно выделить такую проблему, как психологическая готовность преподавательского состава, формирующаяся за счет умения устанавливать и поддерживать необходимый контакт со студентами для будущей продуктивной образовательной деятельности в рамках изучаемой дисциплины.

Следующий аспект, который необходимо обозначить в рамках данной статьи, есть нечто иное, как система поощрений и уровень заработной платы. К. Прайор в своей книге «Не рычите на собаку! (О дрессировке животных и людей)» отмечала, что любая деятельность человека должна иметь положительное подкрепление, тогда его производительность и стремление к достижению более сложных целей и выполнению задач будет расти [6, с.3]. Однако стоит отметить, что нагрузка в плане часов преподавания увеличивается, причем не лекционными часами и семинарскими занятиями, а написанием отчетов, программ и т.д. В итоге, встает проблема несоответствия вознаграждения и количества нагрузки преподавателей. В данном случае, руководителям стоит обратить внимание и разработать адекватные оценочные показатели, на основе которых

будет формироваться четкая связь размеров вознаграждений с результатами труда, а также система стимулирования и повышения мотивации работников.

Не будем забывать также о существовании мотивов удовлетворения, основу которых составляет получение положительных эмоций от процесса и результата трудовой деятельности. Известная фраза, ставшая жизненным кредо большинства современной молодежи, гласит о том, что необходимо любить то, что ты делаешь, и делать то, что ты любишь. Применимо ли это к работе преподавателя в ВУЗе? Однозначно. Эмоции - это своеобразная физиологическая оценка ситуаций человеком, с точки зрения его жизненной позиции, стремлений и целей. Положительные эмоции есть благо для каждого индивидуума, а отрицательные наоборот - потери, которые являются нежелательными [2, с.159-160]. Мотивы удовлетворения в данном случае выступают неким фильтром, препятствующим получению отрицательных эмоций. Однако такой фильтр может часто вводить деятельность преподавателей в ситуации риска, когда получение положительных эмоций наступает в результате случайности. В рамках управления персоналом ВУЗа администрация прежде всего должна уметь оценивать степень готовности своих работников к сложным ситуациям. Для этого могут проводиться различные тренинги с целью просвещения трудового коллектива либо тесты для анализа действий преподавательского состава в ситуациях риска [5, с.25-26].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно выделить следующие проблемы управления персоналом в ВУЗах: компетенция преподавателей в рамках политики психологизации учебного процесса (коммуникативная компетенция и психологическая готовность преподавателей), несоответствие уровня заработной платы преподавателей и трудовой нагрузки, получение удовлетворения от своей работы - эти и многие другие проблемы действительно сейчас остро стоят в большинстве российских образовательных учреждений. Можно с уверенностью сказать, что главной задачей администрации в рамках управления персоналом встает подготовка преподавательского состава со стороны психо - физиологических факторов, а также удовлетворения материальных потребностей и поддержка путем предоставления льгот на государственные услуги.

Источники и литература

1) Литвинюк А.А. Актуальные проблемы управления персоналом в российских высших учебных заведениях. [Монография] – Москва, 2008. – 257 с.

2) Васильева А.С., Вокуева А.С., Николаева А.А. Влияние характерологических особенностей личности педагога на поведение в конфликтной ситуации // Вестник университета. 2019. № 2. С. 157-163.

3) Грибкова О.В. Влияние информационных технологий в сфере управления человеческими ресурсами // Сборник: Современная педагогика: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей победителей III Международной научно-практической конференции. 2016. С. 156-158.

4) Корецкая Е.А., Николаева А.А. Профилактика конфликтов в образовательной организации: современные подходы // Педагогика. 2019. Т. 83. № 9. С. 27-35.

5) Савченко И.А. Конфликты в образовательной организации в условиях организационных изменений // Конфликтология / nota bene. 2018. № 2. С. 24-35.

6) Прайор К. Не рычите на собаку! (О дрессировке животных и людей). – Москва: «Эксмо», 2015. – 288 с. 3. http://finbazis.ru/zarplata-prepodavatelya-vuza/ [Электронный ресурс]

Губайдуллина Алина Ильфатовна

Башкирский Государственный Университет, Уфа, Россия

Стратегии трудоустройства современной молодежи

Актуальность исследования проблем молодежной занятости связано с высокой социальной уязвимостью молодежи в сравнении с другими социально-демографическими группами. Эта уязвимость проявляется в противоречивом положении молодых людей на рынке труда. С одной стороны, достаточно высокий теоретический уровень подготовки к труду формирует у молодежи завышенную самооценку своих возможностей и перспектив на рынке труда. С другой стороны, отсутствие практических навыков и профессионального опыта делает молодежь малопривлекательной для многих работодателей. В последние годы проблема молодежной безработицы стала объектом научного исследования экономистов, социологов, психологов, политологов и специалистов по социальной работе. Этот интерес продиктован, во-первых, тем, что благосостояние любого государства зависит, прежде всего, от количества молодых работающих граждан; во-вторых, безработная молодежь является нестабиль-

ной, потенциально криминогенной группой в обществе; в-третьих, молодые безработные - это социально незащищенные слои населения, требующие оказания им социальной помощи. На наш взгляд, в возрастном аспекте молодежная безработица - это вид безработицы, включающий в себя лиц от 16 до 30 лет. Стратегии поведения молодежи, оказавшейся без работы, могут быть разнообразными, но как считают многие ученые, в большинстве случаев эти стратегии носят деструктивный характер. Стратегии поведения безработной молодежи представляют собой совокупность поведенческих и когнитивных попыток справиться с возникшей трудной жизненной ситуацией - незанятостью. Ученый А. Шваков выделяет несколько стратегий: пассивная рефлексивно-запаздывающая, пассивная умеренно-приспособительная, активная позитивно-карьерная, активная позитивно-инструментальная, активная криминально-карьерная . Представители пассивной рефлексивно-запаздывающей стратегии сохраняют старое ценностное сознание, они включаются в рыночные отношения, хотя в основе этого лежит только экономическая необходимость. Возрастные границы этой группы - 27-29 лет. Трудности молодежи, придерживающейся пассивной рефлексивно-запаздывающей стратегии, заключаются не в социально-психологических особенностях этой группы, а скорее, в неадекватных условиях реализации потенциала этой группы из-за особенностей регионального рынка туда. К представителям пассивной умеренно-приспособительной стратегии относятся молодые люди до 18 лет и старше 25 лет. Жизненная позиция этой группы не адаптирована к новым условиям, мышление носит профессионально-ориентированный пассивный характер, констатирующий социальные проблемы. В профессиональном плане молодежь этой группы предпочитает государственный сектор экономики, стабильность заработка иногда в ущерб его размеру. Трудности, испытываемые пассивно умеренно-приспособительную стратегию молодежи при трудоустройстве, являются, как правило, не столько следствием внешних объективных условий, сколько результатом личностных проблем, социальной и профессиональной дезадаптации. Помощь молодежи этой группы должна быть направлена на преодоление стереотипного видения проблемы незанятости. Представители активной позитивно-карьерной стратегии принимают новые ценности. Ее мышление активно, конструктивно, контроль направлен на конкретные проблемы, поэтому она осуществляет регуляцию деятельности, адекватную рыночным условиям. В профессиональной деятельности молодые люди направлены на создание собственного предприятия. Активная позитивно-инструментальная стратегия направлена на рациональное использование новых возможностей как самоцели. У молодых людей этой группы необ-

ходимо формировать рефлексивный подход к осуществлению профессиональной деятельности в условиях неопределенности, к непрерывно меняющимся условиям осуществления профессиональной карьеры. Активная криминально-карьерная стратегия преследует цели повышения личного благосостояния. Возможность получения высокого дохода зачастую связана с полулегальными и даже нелегальными способами деятельности, т. е. приводит молодежь этой группы в криминальные структуры. Возрастные границы этой группы - 17-29 лет [1, с. 22]. Таким образом, соглашаясь с рассмотренными позициями, мы считаем, что стратегии поведения безработной молодежи во многом зависят от внешних социально-экономических условий, но и психологическое состояние личности также является важным. Для эффективного решения проблемы молодежной безработицы и выработки у безработной молодежи конструктивных стратегий поведения необходимо формирование четких трудовых ценностей и реализация рациональной молодежной политики занятости. Без поддержки соответствующих социальных институтов молодое поколение не будет защищено от дальнейшего усиления социальной, профессиональной и психологической дезадаптации.

Источники и литература

1) Шваков А. Социальные характеристики безработной молодежи / Шваков А // Человеческие ресурсы. 2000. №2. - С.22-23.

Данилова Елена Александровна
РУТ (МИИТ), МОСКВА, Россия

Конфликты в процессе слияния и поглощения компаний

Основные причины неудач слияний и поглощений компаний сводятся, как показывает практика, к человеческому фактору. Помимо различных анализов деятельности объединяющихся компаний, необходимо определить роль каждого партнера в управлении новой организацией. Этот процесс может быть довольно спорным и сопровождаться враждебностью поглощенной команды компании. В результате создается напряженная психологическая атмосфера; снижение лояльности сотрудников к организации; уменьшается инновационная активность сотрудников; растет число конфликтных ситуаций между сотрудниками и руководством; появляются новые требования работников к уровню оплаты труда; некоторые ценные работники сами решают подать заявление

об увольнении; производительность труда снижается. Основная ошибка, допущенная управленцами при формировании персонала, заключается в том, что руководство новой компании должно дорого заплатить за массовое сокращение персонала, чтобы минимизировать расходы. Во-первых, этот вопрос регулируется законом, а во-вторых, для выдачи выходного пособия требуется немало средств. Решения, касающиеся организационной структуры формирования персонала для новой компании, иногда не вписываются в существующий бизнес-план. Существует недопонимание сущности базовой компетенции новой компании управленцами, что приводит к увольнению тех людей, из-за которых сформировалась базовая компетенция компании. Серьезные конфликты появляются из-за неправильного формирования организационной и кадровой структуры новой компании, возникающей из-за того, что чаще всего поглощающая компания проводит кадровые назначения в одностороннем порядке (например, через знакомых), а поглощенная компания остается «за бортом». Это приводит к потере ценных специалистов. Поглощающая компания придерживается позиции «там будет видно» и не хочет тратить время на кадровые перестановки. Чтобы эффективно проводить сложный процесс слияний или поглощений, во избежание конфликтных ситуаций целесообразно придерживаться следующих принципов: - всесторонне изучить деятельность компании в области человеческого капитала и организационной структуры; - принимать решения о кадровых назначениях и организационной структуре на основе утвержденного бизнес-плана новой компании; - внести все изменения, чем раньше, тем лучше; - сбалансировать, обосновать и обеспечить «прозрачность» кадровой политики; - открыто обсудить процесс принятия решений; - выявить и немедленно устранить ошибки; - следить за ходом и результатами кадровых назначений; - сформировать командные и корпоративные ценности, не откладывая «в долгий ящик». Руководство должно предоставить сотрудникам информацию о том, как происходит процесс слияния или поглощения в компании. Это позволит устранить слухи и избежать конфликтов, успокоить сотрудников. В противном случае сотрудники решат, что ситуация вышла из-под контроля. К сожалению, большинство руководителей опасаются, что передача слишком большого количества информации персоналу может привести к утечке информации конкурентам. Стоит организовать обучение персонала, чтобы присоединиться к новой команде с другими бизнес-процессами, системой управления и культурой. Материальное и моральное поощрение является еще одним важным условием эффективной реорганизации компании. Чтобы объединить ключевых специалистов, в первую очередь необходимо выявить наиболее ценных

сотрудников, оценить последствия их увольнения, изучить их мотивацию и принять меры по их закреплению (например, разрешить им участвовать в процессе слияния, начислять премии за лояльность или повышать должность).

Долгорукова Ирина Владимировна
Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

Личностный и деловой потенциал женщины-руководителя современного предприятия

Сегодня положение женщины в семье и обществе существенно изменилось. Во многих странах наблюдается тенденция активной самореализации и лидерства женщин во многих сферах жизни социума. Последние два-три столетия женщины активно боролись за свои права. Результатом борьбы стало то, что женщина получила равные права с мужчиной в развитых странах. Именно поэтому в жизни женщин к традиционным ролям матери и жены прибавились и другие роли, не менее важные и трудоемкие - сотрудницы, коллеги, общественного деятеля и тому подобные. Год от года в развитой экономике возрастает число женщин, занимающих пост руководителя [6, С. 25]. Однако, в полной мере преодолеть стереотипы о женщине как исполнителе, который не может и не должен выполнять руководящие функции до сих пор не удалось.

Усилия государства по улучшению положения женщин на производстве, развитие женского движения, идеологическая кампания, направленная на изменение вектора общественного мнения в отношении женского лидерства, развитие малого и семейного бизнеса как важнейшие каналы самореализации женщины становятся основными факторами, которые могут обеспечить изменение роли женщины в развитии экономики и социума в целом [5, С.87].

Актуальность анализа жизненных стратегий женщин-руководителей связана с тем, что в женской модели карьерного роста, в отличие от мужской, требования работы и требования семейно-бытовой сферы предъявляются параллельно, что в значительной мере усложняет профессиональное развитие [7, С.448]. Это часто провоцирует возникновение ролевого конфликта и ролевых перегрузок.

В России женщины составляют 54% от всего населения, из них 44% занято в экономике. Очевиден, тот факт, что женщины вторгаются в

сферу деловой активности быстрее и охотнее, чем мужчины в область домашнего хозяйства. Среди работающих женщин 68% занимают должности, связанные с управлением всех уровней, включая руководителей организаций.

Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ, более трети россиян считают, что женщинам стало легче занять руководящую должность (34%) и реализовывать себя в бизнесе, политике и общественной деятельности (40%). В то время как устроить личную жизнь, растить и воспитывать детей стало сложней (42% и 50% соответственно) [2]. Полученные данные говорят о расширении возможностей женщин в сфере общественного и производственного труда, за счет определенных трудностей в личностной сфере.

Несмотря на то, что женщины в высших эшелонах власти, в высшем менеджменте уже не редкость, доля женщин в топ - менеджменте корпораций низкая. Доля женщин в топ - менеджменте в мире составляет 13,8%. Россия по данному показателю занимает 22 место с результатом на 2016 год - 9.9%, что меньше, чем в большинстве стран Европы, а также Китае, США, Канаде, ЮАР и странах Юго - Восточной Азии.

Процент женщин, желающих занять руководящую должность, в современной России составляет 55% [3], что существенно отличается от данных, полученных в опросах О. Здравомысловой в 1990 - х годах, тогда процент составлял лишь 11.9% [1, С.144].

По данным доклада «Женщины как ценный актив» [McKinsey] женщины России и мира выделяют следующие основные проблемы реализации личностного и делового потенциала:

1. «Двойная нагрузка». В современном обществе женщина в семье по-прежнему выполняет целый ряд функций: воспитание детей, создание уюта, организация быта и др. Больше половины россиянок (54%) называют семью фактором, негативно сказывающимся на карьере.
2. Нестабильность графика руководителя, подразумевающая под собой, необходимость постоянной доступности и готовности к командировкам.
3. Отсутствие уверенности в собственных способностях и навыков саморекламы. Женщинам свойственна недооценка своих возможностей.
4. Отсутствие наставника - более высокого по рангу коллеги, с большим опытом, помогающего молодым специалистам.
5. Неумение устанавливать и поддерживать полезные деловые связи.

Россияне, отвечая на вопрос «Почему женщинам сложней делать карьеру, чем мужчинам?» [2], определили ряд основных сложностей, возникающих у женщины с продвижением по карьерной лестнице:

· семейные обязанности и наличие детей;

· личностные качества женщин (недостаток настойчивости и упорства);

· отсутствие желания и амбиций со стороны женщин;

· предрассудки и стереотипы в обществе;

· несправедливое отношение работодателей к женщинам;

Таким образом, проблемы реализации личностного и делового потенциала женщин можно подразделить на субъективные и объективные. К первым относится отсутствие уверенности в себе и своих возможностях, недооценка своего потенциала, неумение поддерживать нужные связи и др. Объективными причинами трудностей женщин являются общественные стереотипы, сложность совмещения социальных ролей, дискриминация. Деловой рост в сознании женщины-руководителя заключается в постоянном продвижении по карьерной лестнице, признании коллег ее заслуг. Личностный рост выражается понятием «самореализация», как правило, в сферах, не относящихся к рабочей деятельности, будь то хобби либо семейные отношения.

Источники и литература

1) Бабаева Л.В. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь // Российский общественный научный фонд. Научные доклады. 34. М, 1996. С.114

2) Всероссийский опрос ВЦИОМ «Равенство полов: в России стало лучше!» [Электронный ресурс]. URL: http://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/gender-problems/article/ravenstvo-polov-v-rossii-stalo-luchshe.html (дата обращения 18.01.2019)

3) «Leading Women: исследование гендерной диверсификации в России и в мире». [Электронный ресурс]. URL: http://www.hays.ru/cs/groups/hays_common/@ru/@content/documents/digitalasset/hays_1602179.pdf. (дата обращения 18.01.19)

4) McKinsey: доклад «Женщины как ценный актив». [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/print.xml?uid=284556343 (дата обращения 17.01.19)

5) Bormotova T.M., Tanatova D.K., Dolgorukova I.V., Pogosyan V.G., Lidzer E.A. Youth entrepreneurship: Social practices and risks Journal of Social Sciences Research , 2018

6) Kireev E.Y., Yudina T.N., Dolgorukova I.V., Bormotova T.M., Fomicheva T.V. Constructing regional social inclusion: Foundations of sociological analysis// Lecture Notes in Networks and Systems, 2019

7) Tanatova D.K., Yudina, T.N., Dolgorukova I.V. (2017) Models of public health management in the countries of central and eastern Europe and Russia: a comparative analysis, Economic and Social Development Book of Proceedings. Varazdin Development and Entrepreneurship Agency; Russian State Social University, pp. 446-454, 2017

Дурманова Татьяна Юрьевна

ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет", Барнаул, Российская Федерация

Проблема обучения и трудоустройства людей пенсионного и предпенсионного возраста

Численность населения Алтайского края на начало 2019 года составила 2332,8 тыс. человек, в том числе городского - 1322,6 тыс. человек, сельского - 1010,2 тыс. человек. Численность населения в возрасте старше трудоспособного на начало 2018 года, по сравнению с предыдущим периодом, увеличилась на 10,1 тыс. человек (или на 1,6 %) и составила 639,8 тыс. человек. Доля населения в возрасте старше трудоспособного составила 27,2 % от общей численности населения края (на начало 2017 года - 26,6 %). Увеличение численности лиц старше трудоспособного возраста и их удельного веса в общей численности населения Алтайского края влечет потребность граждан пожилого возраста в социальных услугах и медицинской помощи, которые должны оказываться с учетом их возрастных и физиологических особенностей [1].

Для удовлетворения потребности граждан старше трудоспособного возраста в социальных услугах необходимо внедрение новых форм ухода, которые позволят поддержать социальную активность, психологический и физический статус граждан пожилого возраста, а также улучшить качество их жизни вне зависимости от места проживания. Такой новой формой может стать внедрение системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста. [2]. «Система долговременного ухода (СДУ) - это комплексная программа поддержки каждого человека, имеющего

дефицит самообслуживания, частично или полностью утратившего способность к самостоятельному уходу, обеспечивающая максимально возможное качество жизни с сохранением жизненных потребностей, независимости, автономности, возможности самореализации и активной деятельности, человеческого достоинства [3, с.11].» Внедрение системы долговременного ухода предусматривает развитие таких направлений как обучение и трудоустройство людей пенсионного и предпенсионного возраста. «Работа очень важна не только потому, что позволяет сохранить или повысить уровень жизни, но и поскольку дает им возможность заниматься серьезным делом, полнее реализовывать свои профессиональные возможности, делиться с другими людьми накопленными знаниями [4, с.3].»

Сегодня трудоустройство людей старшего возраста является довольно серьезной проблемой, поскольку зачастую работодатель либо не хочет брать пенсионеров и людей предпенсионного возраста на работу, либо предлагает низкооплачиваемые должности. Необходимо создание таких условий и рабочих мест, которые бы обеспечивали пожилым людям комфортные условия, помогали развитию навыкам, а также способствовали передаче жизненного опыта и знаний молодым поколениям.

Министерство социальной защиты Алтайского края реализует направление в социальной политике в отношении пожилых людей - «Активное долголетие», которое предусматривает образование в качестве одного из основных направлений продления активной жизни пожилого человека. Именно образование в современном обществе рассматривается как важнейшее условие полноценной жизни людей любого возраста, включая период старения.

В рамках реализации регионального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение» национального проекта «Демография» предусмотрены мероприятия профессионального обучения граждан. Для организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан сформирован банк образовательных программ. С этой целью постановлением Правительства Алтайского края от 13.12.2019 № 495 утверждены правила предоставления сертификата гражданам предпенсионного возраста на прохождение профессионального обучения и дополнительного профессионального образования.

Стоит отметить, что в 2019 году в Алтайском крае при содействии службы занятости прошли профессиональную переподготовку, повышение квалификации или получили новую профессию 2056 предпенсионе-

ров. Так, например, Специалистами центра занятости населения Третьяковского района в рамках национального проекта «Демография», регионального проекта «Старшее поколение» организовано обучение 30 сельчан пенсионного возраста. Они проходили профессиональное обучение и получают дополнительное профессиональное образование по направлениям: начальное образование, государственное и муниципальное управление, социальная работа в системе социальных служб, пекарь, бухгалтер, управление персоналом и др. Обучение проходило дистанционно, без отрыва от дома и работы. Они смогли обновить имеющиеся профессиональные знания и навыки, повысить свою квалификацию до современных требований работодателей. В свою очередь, работодатели с привлечением государственных ресурсов смогли усилить кадровый потенциал своего предприятия, с минимальными финансовыми издержками повысить производительность труда. Проект будет осуществляться до 2024 года включительно. Он позволит людям старшего возраста приобрести или развить имеющиеся компетенции, обеспечивающие им конкурентоспособность и профессиональную мобильность на рынке труда.

Таким образом, проблема образования и трудоустройства граждан старшего возраста является на сегодняшний момент довольно актуальной. Участие в трудовой деятельности дает им возможность реализовывать свой потенциал, делиться полезными знаниями и навыками с молодым поколением, чувствовать себя полезными обществу, что позитивно сказывается как на их социальном самочувствии, как и на физическом здоровье.

Источники и литература

1) Министерство социальной защиты Алтайского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aksp.ru/news/news/32891/?sphrase_id=125991. – Загл. с экрана.

2) Организация долговременного ухода за гражданами пожилого возраста в городе Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: . http://www.gerontolog.info/docpdf/jul18/metod.pdf.– Загл. с экрана.

3) Долговременный уход: сущность, организация, технология и средсва реабилитации: Учебно-методическое пособие / Под ред. Е. И. Холостовой, Л. И. Кононовой. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. – 265 с.

4) Смирнов Александр Ильич Трудоустроиство и занятость военных пенсионеров // Вестник Института социологии. 2015. №4 (15). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/trudoustroi-stvo-i-zanyatost-voennyh-pensionerov. – Загл. с экрана.

Журавлева Людмила Анатольевна
Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург, Россия

Токсичные отношения как вид организационных конфликтогенов

На сегодняшний день управление организацией представляет собой сложный и многогранный процесс, который, в первую очередь, требует грамотного и ответственного подхода. Любая современная компания должна быстро реагировать и приспосабливаться к динамично меняющимся внешним и внутренним условиям. Политические кризисы, нестабильная экономика, обостряющаяся с каждым днем конкуренция остро влияют на деятельность организаций.

На внутренние условия функционирования организации влияют неразрешенные деструктивные конфликты, препятствующие достижению целей организации и снижающие эффективность ее деятельности.

Конфликтность в сфере трудовых отношений проистекает из сложной природы самой организации с объективно возникающими внутри нее конфликтами интересов и ценностей, влияющих на рутинное поведение различных групп и личностей. Организации будучи противоречивой социальной системой, включающей в себя регулируемые и самоорганизующиеся процессы как по вертикали, так и по горизонтали, постоянно балансируют на грани гомеостаза и повышения приспособляемости к изменениям внутренней и внешней среды [1,19].

Сложность организации как процесса определяется цикличным характером ее функционирования и развития, приводящим к различным производственным, технологическим и поведенческим моделям релевантным на различных этапах ее истории. Структура, распределение власти, цели, корпоративная культура, производственный процесс резко отличаются на различных этапах жизненного цикла организации, что усиливает тенденцию к дезорганизации и нарастанию напряжения между основными игроками во внешней и внутренней среде.

Неуважение к потребителям, систематическое нарушение трудовой дисциплины, подмена общеорганизационных целей частными, бюрократические тромбы, непрозрачность - наблюдаются в организациях с демотивирующим стилем менеджмента, жесткой авторитарной моделью деловых коммуникаций, деструктивными конфликтами и становлением токсичного фона трудовых отношений.

Так, например, проводимый нами опрос менеджеров среднего звена, позволил сделать вывод о перманентной ситуации противоречивости организационных задач квалификации персонала и используемым технологиям, что нередко выступает конфликтогеном в трудовых отношениях, ухудшая социально-психологический климат коллектива и требует коррекции нормативно-ценностной структуры организации. Однако изменение сложившейся ценностно-нормативной среды встречает сопротивление (как правило, скрытое) со стороны работников предприятия не просто в силу сложившихся стереотипов, но и благодаря глубинным архетипам, лежащим в основе того или иного типа организационной культуры, приводя к деструктивным изменениям и повышению процесса неуправляемости организации.

Результаты трехлетнего мониторинга позволили увидеть тенденцию нарастания нового вида конфликтности и деструктивных моделей поведения в сфере трудовых отношений современного общества [2]. В зарубежной литературе данные эффекты получили название «токсичность внутриорганизационной среды» и достаточно активно исследуются специалистами в области теории менеджмента, психологами и социологами. Однако в отечественной литературе данная проблема еще только начинает привлекать внимание исследователей, и актуальной является задача ее концептуального осмысления и выявления региональной и отраслевой специфики.

Для проверки научной гипотезы о нарастании токсичности в трудовых отношениях в июне 2019 года был проведен письменный опрос (N= 500), целью которого было уровня внутриорганизационной токсичности на предприятиях различной отраслевой принадлежности: сельское хозяйство - 7%; промышленность - 7%; оборона и охрана общественного порядка - 7%; образование - 20%; сфера услуг - 20%; торговля - 18%, транспорт - 6%; культура - 5%; медицина - 5 %; экономика - 5%.

Среди респондентов 60% женщин и 40% мужчин, 88% опрошенных работают на постоянной основе, а 12 % - временно; 16% занимают руководящие должности, а 84% исполнительские.

Полученные в ходе исследования результаты позволили выявить негативные тенденции в социальном и физическом самочувствии респон-

дентов на рабочем месте как показатель внутриорганизационной токсичности. Так, на вопрос анкеты «Как Вы считаете, влияет ли Ваша работа на состояние Вашего здоровья?» 76% опрошенных ответили положительно, а 82% из этой группы респондентов пояснили: «Мое самочувствие обычно ухудшается на рабочем месте».

Более половины опрошенных (56%) отметили наличие коллег, подвергающихся оскорблениям на своем рабочем месте, 74% отметили, что таких людей несколько (от одного до 5), а 26% респондентов указали на массовый характер токсичных отношений в организации. Агрессия воспринимается как «новая норма» трудовых отношений. 48% опрошенных за последний год становились жертвами агрессии со стороны клиентов организации, 35 % столкнулись с агрессивным поведением коллег и 27% испытывали давление со стороны руководителей, что подтвердило результаты наших предыдущих исследований [2].

Одной из задач опроса было выявление факторов и проблем, снижающих удовлетворенность трудом и влияющих на социальное и физическое самочувствие работников, которые мы назвали фактором «токсичности».

Приведем мнения респондентов о негативных сторонах работы в организации (в % от числа ответивших).

41 % работников ответили, что систематически испытывают стрессы на рабочем месте.

33 % респондентов не удовлетворены плохими условиями труда, отсутствием программ социальной поддержки персонала и постоянными эмоциональными и физическими перегрузками.

Четверть опрошенных (26 %) выразили обеспокоенность низкой (неиндексируемой) зарплатой, снижающей качество жизни и приводящей к ситуации «закредитованности».

15 % среди негативных факторов, снижающих удовлетворенность трудом, отметили отсутствие перспективы карьерного роста, а 14 % - высокую конфликтность трудовых отношений.

О ситуации моббинга (травле одного или нескольких членов организации с целью их «выдавливания» из коллектива) сообщили 6 % опрошенных, что позволяет сделать вывод о нарастании токсичности трудовых отношений.

Анализ полученных данных, позволяет увидеть следующие тенденции. Во-первых, нарастание в процессе труда факторов «токсичности» внутренней среды организации. Опираясь на двухфакторную теории Ф. Герцберга, легко заметить нереализованность как «гигиенических», так и мотивирующих факторов труда, которые вызывают напряжение и конфликтность трудовых отношений: стрессы, плохие условия труда, отсут-

ствие социальной политики, низкая зарплата, отсутствие карьерного роста (приводящее к деквалификации и демотивации), конфликты и травля на рабочем месте, что снижает социальное, психическое и физическое благополучие трудовых ресурсов современного общества.

Во-вторых, появление «токсичной» деловой атмосферы несет в себе репутационные риски для организации, проистекающие из снижения качества товаров (услуг), «выдавливания» из своей лучших специалистов-инноваторов и технологического отставания от конкурентов.

Процессы нарастания токсичности трудовых отношений приводят к снижению социального благополучия и качества жизни персонала, формируют его трудовую демотивацию, что в конечном итоге детерминирует рост организационной патологии и увеличивает риски неэффективности управленческих решений. Все это в итоге приводит к усилению отчужденности персонала как главного организационного ресурса, что сказывается на эффективности производства и нарастании ценностного конфликта в обществе.

Одним из путей снижения внутриорганизационной токсичности как одного из видов конфликтогенов, на наш взгляд, является гуманизация труда и инвестиции в человеческий капитал как основной ресурс организации. На наш взгляд, только стабильная индивидуализированная мотивационная система и повышение качества менеджмента могут нейтрализовать токсичность отношений, повысить удовлетворенность трудом сотрудников организации, что скажется не только на качестве производимого организацией продукта (услуги), но и на здоровье и социальном благополучии работников и укрепит имидж организации во внешней среде.

Источники и литература

1) Блинова О.А., Журавлева Л.А., Кружкова Т.И., Оболенская А.Г. Организационная девиантность: социально-философский анализ //Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 19-27

2) Журавлева Л.А., Кружкова Т.И., Носкова К.В. Виктимизационные риски социально-трудовых отношений // Достойный труд - основа стабильного общества: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Ответственные за выпуск: И.А. Кулькова, А.Ю. Коковихин, Е.Б. Дворядкина. Издательство: Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, 2016, С. 66-71.

***Иванова Татьяна Николаевна*[1]*, Раджаббекова Роза Сангмамадовна*[2]**

1 - Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия; 2 - Тольяттинский государственный университет, Душанбе, Таджикистан

Эмоциональный интеллект как фактор социального самочувствия студенческой молодежи

Изменения в экономической, социальной, политической, культурной сферах влияют на чувство защищенности, уверенность в завтрашнем дне, стабильность, а также ведут к утрате внутренних ориентиров личности. От этого возрастает социальная неопределенность и напряженность. Особенно остро эти проблемы предстают перед молодым поколением, в силу того, что именно оно наиболее восприимчиво к переменам, происходящим в обществе. В отечественной социологии термин «социальное самочувствие» появился в 1980-х г.г., и сегодня он применяется для анализа тенденций жизнедеятельности субъектов общественности.

В отечественной социологии выделяют несколько подходов к изучению «социального самочувствия». Первый связан с определением «социального самочувствия» на основе исследования удовлетворенности человека различными аспектами и сферами жизни (экономическая, социальная, семейная, трудовая, досуговая и др.). Второй подход связан с рассмотрением интегральных характеристик жизненных перспектив и стратегий индивида, субъективными сторонами окружающей действительности. Другой подход связан с эмоциональной сферой человека. Социальное самочувствие здесь рассматривается как основа социального настроения, эмоциональный фон, обусловленный оценкой и самооценкой социального статуса и положения; проявляется человеком как представление о достижении желаемого [3, с. 45].

К середине 80-х г.г. 20 века начали появляться работы, связанные с проблемой социального самочувствия. Эти работы были написаны в русле концепции образа жизни. Среди таких представителей можно выделить Т.М. Дридзе, И.Т. Левыкина, Л.А. Орлову, О.Л. Барскую. Все они определяли «социальное самочувствие» как удовлетворенность различными сферами жизни человека [4].

Что же касается изучения «социального самочувствия молодого поколения», то можно выделить ряд работ таких авторов как Е.А. Бойко, Н.Д. Вавилиной, А.Н. Вольского, Я.Н. Крупец, Л.Е. Петровой и др.

Так, например, В.П. Щербакова определяет «социальное самочувствие молодежи» как интегральный показатель социальной адаптации

к общественным переменам в России, включающий комплекс объективных и субъективных факторов, отражающих ситуативно-нормативную сторону процесса» [6]. По мнению автора, феномен «социальное самочувствие» призван отражать степень комфортности или дискомфортности, выражающую состояние удовлетворенности или неудовлетворенности личности жизненной ситуацией, перспективой и положением.

Кафедра «Социология» Тольяттинского государственного университета провела социологическое исследование, направленное на изучение эмоционального интеллекта как фактора формирования социального самочувствия студенческой молодежи.

Один из вопросов анкеты, направлен на изучение вопроса удовлетворения респондентами различными аспектами своей жизни: жилищными условиями, питанием, отношениями в семье, отношениями с друзьями, проведением досуга, качеством образования, материальным положением, здоровьем. Исходя из вопроса, мы получили следующие данные. Так, например, жилищные условия полностью устраивают 30% респондентов, «скорее устраивают» - 44% опрошенных, 18% молодых людей «скорее не довольны» жилищными условиями, полностью не удовлетворены данным аспектом жизни 8% людей. Если сравнить средние взвешенные показатели удовлетворенностью жилищными условиями среди желающих и нежелающих работать по специальности, то средний показатель у молодых людей, которые не желают работать по профессии, будет выше (3,09), нежели у желающих трудоустроиться по специальности (2,83). Среди желающих работать по специальности удовлетворенных отношениями в семье оказалось также больше (86%), нежели среди тех студентов, которые не желают трудоустроиться по специальности (78%). Проведением свободного времени и досуга полностью довольны 42% опрошенных, почти столько же респондентов (41%) с долей сомнения, но всё же считают также, 15% молодых людей признаются, что личное времяпровождение скорее не устраивает их, и 2% людей отметили вариант, что проведение досуговой деятельности их полностью не устраивает.

Результаты проведенного социологического исследования показали, что студенческая молодежь г. Тольятти в целом положительно относится к городу, но большая часть респондентов всё же планирует переезд в другой город; возможно, по той причине, что перспективы для успешного трудоустройства и карьерного продвижения молодые люди оценивают очень низко. Мы выяснили, что большая часть студентов, которая планирует трудоустройство по профессии, желала бы занять руководящие должности, в то время как часть нежелающих работать по специальности хотели бы достичь статуса квалифицированного специалиста. Мы

убедились в том, что для молодых людей, независимо от их планирования будущего трудоустройства, на первом месте находится семья, затем стремление быть здоровым, затем желание жить в достатке и после этого необходимость иметь любимую работу. Также можно заметить, что уровень социального оптимизма выше у студентов, желающих работать по специальности, они с большей уверенностью смотрят в свое будущее. Студенты г. Тольятти определили главные позиции в будущей профессии: на первом месте находится достойная заработная плата, затем интерес к работе и после условия труда (эти позиции в будущей профессии посчитали наиболее важными среди имеющихся и те, кто хочет работать по специальности и те студенты, которые не желают трудоустраиваться по профессии). Отношениями в семье и с друзьями довольны примерно одинаковое количество респондентов в обеих категориях. Жилищными условиями в большей степени довольны те студенты, которые работать по специальности не планируют, однако другими жизненными аспектами, такими как питание, здоровье, качество образования, проведение досуга и т.д. наиболее удовлетворены те молодые люди, которые желают трудоустроиться по профессии.

Таким образом, эмоциональный интеллект как фактор социального самочувствия студенческой молодежи, рассматривается в контексте удовлетворенности своей жизнью молодыми тольяттинцами в целом. Более удовлетворены те молодые тольяттинцы, которые работают по специальности, нежели те студенты, которые не хотят связывать свою трудовую деятельность с профессией, полученной в вузе.

Источники и литература

1) Базарова Т.С. Динамика социального самочувствия студентов в условиях меняющегося общества / Т.С. Базарова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2014. – №4. – С. 6.

2) Константиновский Д.Л. Молодежь России на рубеже 20-21 веков: образование, труд, социальное самочувствие / Д.Л. Константиновский. – М.: ЦСИиП, – 2014 . – 548 с.

3) Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами / Л.И. Михайлова // СоцИс. – 2010. – № 3. – С. 45.

4) Петрова, Л.Е. Социальное самочувствие молодежи / Л.Е. Петрова // СоцИс. – 2000. – № 12. – С. 52.

5) «Город молодых – 2011» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://stydopedia.ru/4xdbd1.html. (дата обращения: 03.12. 2019)

6) Щербакова В.П. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель её адаптации к общественным переменам в России [Электронный ресурс] // Режим доступа:https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-molodezhi-integralnyy-pokazatel-ee-adaptatsii-k-obschestvennym-peremenam-v-rossii .(дата обращения: 12.12. 2019)

Ковалев Артем Геннадьевич
Военный Университет, Москва, Россия

Конфликты в военной организации: поколенческий аспект

В связи с ростом роли человеческого фактора как одного из ключевых активов, который обеспечивает стабильное развитие и конкурентоспособность военной организации, актуальным становится вопрос исследования поколенческих конфликтов в военной организации. Несмотря на специфику военной организации, ее развитие полностью зависит от человека. Вследствие чего, можно говорить о том, что достижение сплоченных отношений в воинском коллективе - одна из приоритетных задач командиров.

В военной социологии понятие конфликта определяется как наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия военнослужащих, заключающийся в активном противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями [1].

К наиболее частым причинам конфликтов в военной организации можно отнести: а) содержание воинского труда: несоблюдение Устава, дефицит ресурсов, неправильное их распределение, ложная информация и ее искажение - все это приводит к определенному сбою при исполнении своих должностных обязанностей, что приводит к несогласию и, впоследствии, к конфликту; б) социально-психологические факторы: появление субъективных симпатий или антипатий, которые перекладываются на выполнение своих должностных обязанностей, в результате чего проявляются несовпадение ожиданий, ущемление сторон, предвзятое отношение; в) введение новых управленческих решений в военной организации: любые изменения в деятельности организации провоцируют сопротивление и конфликты.

Важно отметить, что причины первой и последней групп конфликтов можно устранить с помощью грамотного управления, слаженным

действиям командиров, которые способны не только эффективно разрешить конфликты, но не допустить их появления.

Самым неоднозначными конфликтами являются конфликты, основанные на социально-психологических особенностях военнослужащих, так как не всегда разрешение конфликтных ситуаций приводит к нейтрализации конфликта, так как сама база противоречий лежит далеко за пределами военной организации.

Попытаемся рассмотреть решение данной задачи, исходя из межпокленческих разногласий, в связи с тем, что именно понятие «поколение» включает в себя и обобщает как средовые (социально-демографические и культурно-исторические), так и личностные (социально-психологические) условия формирования личности.

Исследование поколенческого аспекта при изучении конфликтов в военной организации позволит типологизировать членов воинского коллектива, понять мотивы их действий, определить усредненные поведенческие особенности. То есть изучение данного аспекта поможет нам структурировать, казалось бы, совершенно разные поведенческие характеристики: идеалы, темперамент, ценности, характер.

Существует типология поколений: «беби-бум», X и Y (это усредненный показатель, основанный на трудоспособном возрасте - от 16 до 55 лет). К поколению «бэби-бум» относятся люди, 1943-1963 года рождения, отличительными особенностями которого являются вера в коллективизм, а также индивидуальное вложение усилий ради общего блага [4]. Для них приоритетом в трудовой деятельности является стабильность, и избегание конфликтов.

Поколение X - это люди, рожденные в промежутке между 1963 и 1983 гг. Это самостоятельно сформированные личности, которые уже не готовы работать ради коллективного результата. Они отличаются умением рассчитывать только на себя, добиваться индивидуальных успехов. Причем для достижения этого успеха поколение X готово долго и упорно трудиться, не терпя при этом внешнего контроля [5]. Для достижения этой цели X необходимы развитая корпоративная культура и четкая формулировка поставленных задач. При этом потребность в некоторой стабильности (например, в фиксированном окладе) сохраняется, у них нет уверенности в справедливом коммерческом стимулировании [6].

Наконец, представители поколения Y родились в период с 1984 по 2000 г. Их понимание успешности резко отличается от представителей двух других поколений. Они нацелены на моментальный успех и не готовы преодолевать все ступени профессионально роста. Для таких требований существует ряд оснований: во-первых, у поколения Y абсолютно

отсутствует доверие к отдаленной перспективе (что также может быть связано с формирующими событиями - развалом СССР, дефолтами); во-вторых, для достижения успеха они готовы много и упорно трудиться, развиваться в самых различных областях; в-третьих, новые условия труда дают возможность для мгновенных заработков при наличии высокой технической грамотности, которой это поколение обладает вполне.

Поиск гармонии между интересами различных поколений в организации является ключевым элементом эффективной деятельности военной организации. Учитывая уже имеющиеся приемы «примирения» представителей различных поколений в организации [7], а также ориентируясь на их краткие характеристики, представим приемы эффективного управления в военной организации:

1. Работа по налаживанию взаимодействия между членами воинского коллектива.

2. Использование опыта старшего поколения.

3. Использование конкурентных преимуществ так называемого «технологичного поколения».

4. Формирование системы мотивации с учетом особенностей каждого поколения.

Основываясь на проведенном теоретическом анализе можно сделать вывод, что именно поколенческие особенности являются причинами несовпадения трудовых ценностей военнослужащих в организации. В связи с этим использование ключевых особенностей представителей поколений в качестве инструмента для передачи уникальных знаний и опыта, а также подстраивание организационной культуры под эти особенности позволят создать условия для высокой продуктивности военной организации.

Источники и литература

1) Калюжный, А.С. Конфликты в коллективах военнослужащих : учеб. пособие / А.С. Калюжный. – Н. Новгород : НГТУ, 2004. – 33 с

2) Льюис Козер Функции социального конфликта. М. «Идея-Пресс». 2000. Перевод с английского языка О. Назаровой. Под общей редакцией Л.Г. Ионина.

3) Чекалдин А.М. Причины организационных конфликтов и способы их устранения // Вестник НГИЭИ. 2015. № 9 (52). С. 73–77

4) Cherrington D.J., Condie S.J., England J.L. Age and Work Values // Academy of Management Journal. 1979. Vol. 22, no. 3. P. 617–623

5) Smola K.W., Sutton Ch.D. Generational Differences: Revisiting Generational Work Value for the New Millennium // Journal of Organizational Behavior. 2002. Vol. 23, no. 4. P. 363–382.

6) Абрамова Ю.В. Управление культурой в организациях на стыке поколений X и Y // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2017. Вып. 1. С. 64–68.

7) Формирование корпоративной культуры в организации [Электронный ресурс] // HR по-русски. 2015. 14 окт. URL: http://hr-elearning.ru/korporativnaya-kultura-organizacii/

Козина Ксения Алексеевна

Курский Государственный Университет, Курск, Россия

Трудоустройство современной молодежи: региональные тренды

Молодежь считается самой трудоспособной и мобильной частью населения, поэтому вопрос о трудоустройстве молодых людей после окончания учебы в высшем учебном заведении или на последних курсах ставится особенно остро. Известно, что все общественные процессы взаимосвязаны и взаимозависимы. Так, для решения задачи по ускорению экономического роста, которая стоит в стране, необходимо создать условия для роста количества работающих людей, и в первую очередь, молодежи. Как показывают исследования, представители данной социальной группы наиболее остро ощущают необходимость трудоустройства. Обучающиеся высших или средних учебных заведений, осознавая, что детство закончилось, и вступая на новый уровень, начинают поиски работы в разных направлениях. Молодые люди устраиваются как на квалифицированную работу, требующую набор специальных навыков и умения, так и на неквалифицированную, связанную с физическим трудом. Считается, что молодые люди более выносливы, поэтому студенты часто соглашаются на такие виды работ, где требуется затрачивать больше физических, чем умственных сил. Стоит отметить, что проблема трудоустройства молодых людей заключается не только в нехватке рабочих мест по тем или иным направлениям, но и в желании и нежелании самих молодых людей работать. Еще в 90-х годах XX века видными российскими социологами Я. Астафьевым и В. Шубкиным в ходе исследований были предложены так называемые «пирамиды профессий». Они основывались на престиже той или иной области трудоустройства и желании молодых

людей в ней работать. Первая пирамида была построена согласно потребностям общества от самых непрестижных профессий внизу к самым престижным наверху. А вторая пирамида отражала ожидания молодых людей от их будущих профессий. Была обнаружена интересная закономерность. По профессиям с низким престижем изначально выделялось больше рабочих мест на рынке труда, но число желающих там работать было намного меньше, тогда как по профессиям с высоким уровнем престижа количество желающих превышало число рабочих мест [1, с. 161-178]. Одной из проблем современного трудоустройства является недостаточный интерес молодых граждан к получению высшего образования по техническим специальностям, что существенно отражается на их профессиональной деятельности. Многие высокотехнологические производства, заводы требуют от своих сотрудников высокой квалификации, а человек без высшего образования на таком производстве будет в состоянии выполнять только «черную работу». Однако в целом молодые люди видят перспективы в получении высшего образования, повышении квалификации и получении дополнительного образования. Все чаще у молодых людей проявляется тяга к непрерывному образованию, что делает их конкурентоспособными в профессиональном плане [2, с. 477-481]. Какие же проблемы, на наш взгляд, поджидают молодых работников в начале построения карьеры? В первую очередь, отсутствие опыта. Многие работодатели боятся брать неопытных сотрудников на постоянные должности, поэтому предлагают стажировки, которые могут быть оплачиваемыми или неоплачиваемыми. Здесь же возникает другая проблема, суть которой в том, что амбиции молодых людей на первых порах оказываются куда «круче» того, что им предлагает работодатель. Многие молодые люди отказываются работать за довольно низкую для их региона заработную плату, что существенно затрудняет поиск работы. Далее к проблемам можно отнести «устаревание» коллектива. Зачастую работодатель очень неохотно прощается со работниками, вышедшими на пенсию, но продолжающими трудиться, опираясь за их опыт и наработанные навыки. Но ведь если старые работники не будут уходить, то их места не будут освобождаться для молодых сотрудников. Такая проблема наблюдается в основном в сфере государственного и муниципального управления. Следует отметить, что проблемы трудоустройства молодежи целесообразнее рассматривать в рамках отдельного региона [3], поэтому мы провели небольшой мониторинг курских сообществ в социальных сетях на тему трудоустройства молодежи и сделали следующие выводы. При анализе информации мы обнаружили интересную закономерность. Например в сообществах, связанных со здравоохранением, пользовате-

ли жаловались на отсутствие специалистов в поликлиниках, на что им были даны ответы от комитета здравоохранения Курской области о том, что сегодня «специалистов не хватает, но сейчас заканчивают обучение некоторое количество студентов, обучающихся по целевым направлениям от конкретных больниц». Из этого мы можем сделать вывод, что обучение студентов на местах за счет бюджета той или иной организации существенным образом облегчает задачу трудоустройства студента и положительно влияет на ситуацию в регионе. Показатели рынка труда Центра занятости населения Курской области говорят о том, что в 2018 году было поставлено на учет 3171 молодых людей (что составило 48,4% от общего количества зарегистрированных), из них было трудоустроено 2374 человека (60%), а в 2019 году - 3404 человека , из которых 2620 человек было трудоустроено (что составило 69,1%) [4]. Динамика свидетельствует о росте количества безработных среди молодежи. Здесь стоит отметить, что далеко не все молодые люди регистрируются в Центре занятости населения, что затрудняет проведение полноценного анализа. Таким образом, проблема трудоустройства молодежи является одной из наиболее острых социальных проблем государства. Считается, что будущее за новыми поколениями, но, чтобы будущее страны было действительно достойным, необходимо создать и обеспечить все условия для трудоустройства молодых людей и их карьерного роста.

Источники и литература

1) Астафьев Я.У., Шубкин В.Н. Социология образования в СССР и России // Мир России. Социология. Этнология. – 1996. – № 3. – С. 161–178

2) Радковская Е.В., Кочкина Е.М. Трудовая занятость молодежи как фактор экономического развития // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 9-2. – С. 477-481

3) Андриянова Т.В. Социальные аспекты выбора будущей профессии обучающимися учреждений СПО культуры и искусства Курской области // Христианские ценности в изменяющемся мире: проблема выбора: материалы XII Международных научно-образовательных Знаменских чтений [Электронный ресурс]. – Курск: Изд-во Курского гос.ун-та, 2016.

4) Показатели рынка труда. Интерактивный портал комитета по труду и занятости населения Курской области. URL: https://trud46.ru/labormarket/?division=c5df8b41-86cb-493d-aac0-cde6e5ddddbcc&year=2018&period=8cf63678-5744-4261-b6bd-4569da08d470&s

howresults=true&templateid=00000000-0000-0000-0000-000000000000 (дата обращения 26.01.2020)

Колодезникова Инна Валентиновна
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Вовлечение лиц пожилого возраста в активную трудовую жизнь на российском рынке труда

-В настоящее время для большинства европейских стран и России характерны следующие основные тенденции, которые оказывают существенное влияние на рынок труда:

- Уменьшение рождаемости
- Увеличение числа пожилых людей в общей численности населения
- Увеличение нагрузки на работающих

Российский рынок труда также ощутит на себе последствия «демографической ямы 90-х».

-В этих условиях необходимостью становится более активное вовлечение лиц пожилого возраста в активную трудовую жизнь

-Для этого необходимо

- Изучить мотивацию пожилых людей к трудовой деятельности
- Учесть эти мотивационные установки при разработке государственных программ занятости пожилых
- Рассмотреть возможности диджитализации для трудовой деятельности пожилых

-Исследования позволяют выделить основные факторы, побуждающие пожилых людей работать

- возможность улучшить личное благосостояние
- необходимость поддерживать членов их семеи
- потребность трудиться, пока позволяет здоровье
- потребность в общении с коллективом
- увлеченность работои

-При этом на рынке труда пожилые люди сталкиваются с рядом проблем, которые осложняют их участие в трудовой деятельности. Среди основных проблем необходимо выделить

- Отношение работодателей и коллег (стереотипы)
- Недостаток квалификации
- Недостаток знаний
- Отсутствие информации о вакансиях

-Для решения этих проблем в настоящее время в России предпринимаются значительные усилия. Принята стратегия в отношении лиц пожилого возраста, принимаются различные программы, которые ставят целью более активное вовлечение в трудовую жизнь лиц 50+. Так, например в Москве за последние годы реализуются Программы для пожилых в центрах занятости « Моя работа» и «Моя карьера».

-Более активное вовлечение возрастных сотрудников положительно скажется на состоянии рынка труда в России, поскольку работодатели получат возможность использовать знания и опыт возрастных сотрудников. В целом для общества это может означать большую стабильность и уверенность в будущем.

Источники и литература

1) Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2014
2) Возраст и работа: Исследование// E-xecutive.ru
3) Институциональные и технологические ловушки: калейдоскоп идей //в Интернет-издании Капитал страны http://kapital-rus.ru/articles/article/202594
4) Нестерова О., Владимирова Е. О возрастной дискриминации //«Труд»31 мая 2017 года
5) Полтерович В.М. Общество и реформы.Институциональные ловушки: есть ли выход? http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866995/Polterovich.pdf
6) Потапова Т. Возрастная дискраминация при приеме на работу// http://handbooks.ru/articles/4?stPage=5
7) Смирнова А. Идеальный возраст работника// «Ведомости» 02 августа 2011

Коржова Дарья Александровна[1], Смеричевский Эдуард Францевич[1]

1 - Донецкий национальный медицинский университет им. М.Горького, Донецк, Донецкая Народная Республика, Украина

Проблемы руководства молодого руководителя в "зрелом"коллективе

Важную роль играют различия между поколениями. В основном офисы современных компаний сегодня наполнены работниками поколений X и Y, а также «беби-бумерами» – представителями поколения «старой закалки». Если сотрудники поколений X или Y ослеплены скоростью и с удовольствием перестраиваются под новые потоки методик, то «беби-бумеры», к сожалению, не готовы трудиться в среде, отличающейся многозадачностью. Ситуации, когда руководитель значительно младше своих подчиненных, в последнее время встречаются все чаще. И причиной этому служат очевидные доводы [4]: - Меняющиеся условия на рынке вынуждают внедрять новые подходы к управлению компанией. Существенные изменения происходят именно в момент кардинальной смены руководства. - Молодой руководитель – смелое и грамотное управленческое решение. Специалист, работающий в качестве исполнителя, в первую очередь должен быть стабильным и опытным. А опыт – это время, а значит, зачастую, и соответствующий возраст. Тогда как руководитель обязан обладать качествами лидера, энергией, долей риска в принятии решений. - Значение информационных технологий в любом направлении бизнеса занимает первостепенную важность. Поэтому среди навыков специалиста сегодня высоко ценятся не только опыт и знания, но и умение пользоваться современными технологиями – сетью Интернет, гаджетами, мультимедийной техникой. - Молодой специалист обходится компании дешевле. Дело не в том, что «по причине возраста» ему компания будет меньше платить. Его рвение, стремление добиться высоких целей уже присутствует, оно заложено в его методы и подход к работе, чего не скажешь об опытных специалистах, привыкших трудиться в монотонном, привычном темпе. Заставить их «шевелиться» бывает нелегко и недешево для компании. Основная проблема, которая скрывается за конфликтами и открытой враждой между молодым руководителем и более старшими подчиненными – абсолютное непризнание его авторитета. Сложившийся «костяк» из более возрастных работников скептически относится к нововведениям, а неприятие порождает психологическое давление в отношении молодого управленца. Неприятие нововведений, которое бывает наблюдается в коллективе, усиливается в несколько раз, когда их внедряет молодой руководитель [3, с. 52]. Чтобы примирить сотрудников разных поколений, главе компании необходимо

обратиться к следующим методам: 1. Вводить инновации постепенно, учитывая ритм прежней работы коллег. Не забывать говорить о том, что изменения необходимы, приводить конкретные примеры, пригласить специалистов, рассказывающих о возможностях новых технологий и методик. Ежедневная «пропаганда» улучшений, которые неизбежно будут видны после внедрения новой системы, снизит «радиус сопротивления». Важно донести до «возрастных сотрудников», что нужно идти «в ногу со временем», а игнорирование новшеств ни к чему хорошему не приведет. 2. Сформировать несколько смешанных команд, где молодые сотрудники будут трудиться наравне с опытными. Несмотря на трудности, у коллектива, где присутствуют представители разных поколений, больше шансов на успех и совместную плодотворную работу. Им есть чем делиться: молодым будет полезен опыт «старых» сотрудников, тогда как последним будет интересно поучиться чему-то новому у более «продвинутых» коллег. Например, одни поделятся опытом, тогда как другие научат коллег пользоваться Интернетом или общаться по Skype. 3. Создать открытую корпоративную культуру, которая базируется на взаимном уважении. Чтобы успешно применить данную технологию, можно организовывать специальные тренинги, приглашать опытных тренеров, коучей. 4. Завоевать авторитет у «старых» коллег. Доказать свое право «на управление» не словами или подписью в приказе. Старожилы, видя профессионализм и безоговорочные задатки лидера, станут прислушиваться к мнению молодого руководителя. На пути к становлению авторитетного главы в лице молодого сотрудника могут возникнуть непредвиденные проблемы, решать которые придется самому управленцу. В этой ситуации важно восприятие и демонстрация не биологического возраста руководителя, а психологического. Основная ошибка руководителей-новичков заключается в выстраивании неправильной линии поведения с первого дня «в новом чине» [1, с. 73]. В итоге необходимо отметить, что все нововведения должны внедряться постепенно. Руководитель должен уметь продавать новые методы своим консервативным сотрудникам так же, как он продает продукты компании заказчикам. Если у этой команды уже есть свой собственный руководитель, его заместителем должен быть назначен новый человек. Сохраняя прежний психологический климат и используя сложившуюся модель управления, в роли заместителя даже проще проводить модернизацию [2, с. 41]. Нужно наладить отношения с формальными и неформальными лидерами команды. Беседовать с ними, доводить до них преимущества новых методов работы, привлекать к проектам, которые осуществляются по-новому. Если удастся этих людей зарядить позитивным настроением, значит, они передадут его другим

сотрудникам. Сроки адаптации могут быть разными: от одного года до трех лет. За это время вполне реально скорректировать бизнес-культуру опытных специалистов и обеспечить приток новых кадров со свежими идеями.

Источники и литература

1) Захаров Н. Л., Пономаренко Б. Т., Перфильева М. Б. Управление настроем персонала в организации; Инфра-М, 2016. - 288 с.
2) Шлафман А.И., Бачин Д.А. Методы обучения действием и коучинга в развитии персонала//Мир экономики и права. - 2017. -№ 1-2. - С. 40-45
3) Юрасов И. Корпоративная культура на местах / И. Юрасов // Журнал Управление Компанией. 2016. - № 5. - С. 51 - 54
4) Горячева Т. Дискриминация на рынке труда [Электронный ресурс] // Вакансия.ru: [Электронный ресурс]: http://www.vacansia.ru/inform/7/1073.html (дата обращения: 13.01.2020)

Кочергин Вячеслав Яковлевич

Институт социологии НАН РБ, Минск, Беларусь

Профессиональная культура и организационные изменения

Профессиональная культура наряду с другими аспектами важна и потому, что процесс стандартизации не может предусмотреть всех практик и решений, которые могут быть использованы в специфических проектах для достижения качества и значимых целей. Профессиональная дисциплина в культуре ориентирует своих носителей добавлять, модифицировать, изменять практики, невостребованные стандартами, но не бесполезные в достижении целей проекта. В отсутствии такой культуры организация может подчиняться специфическому обеспечению процесса стандартизации, но будет неудачной в попытках интерпретации стандартов в систему, которые позволяют одновременно достигать стандартов и целей организации. Профессиональная культура понимает процесс стандартизации как продукт сообщества, который не требует переизобретения. Ригидно принимая новые содержания, профессиональная культура указывает стандарты вознаграждения профессионального поведения [1].

Профессиональная культура строится из смеси различных культурных фрагментов. Сначала устанавливается ядро верований или принципов, поддерживающих исполнение профессиональных практик. Эти верования, как правило, исходят от руководителей организаций. Отсутствие поддержки начальства, по сути дела, являются основной причиной, почему программы по оптимизации терпят неудачу. Для возможности трансформации профессиональной культуры в повседневной активности должны изменяться ожидания, поведение, которые сообществом полагаются как приемлемые.

В связи с этим выделяют позитивную и негативную профессиональную культуры [2]. Позитивная профессиональная культура характеризуется осмысленным профессиональным развитием персонала, успешными реформами в том, что касается самой профессии. Структуры с позитивной профессиональной культурой обладают общим профессиональным языком, описаниями успешной деятельности, возможностями для профессионального развития, церемониями, отмечающими благоприятные изменения, сотрудничество и обучение. Все эти элементы формируют сообщество, повышают мотивацию и дальнейшее профессиональное совершенствование членов группы. Негативная профессиональная культура носит стагнационный, консервативный характер, препятствуя как индивидуальному, так и групповому развитию членов профессиональной группы, благоприятствуя инерции и враждебным отношениям внутри профессионального сообщества.

Таким образом, для трансформации профессиональной культуры необходимо подготовить возможности трансформации профессиональной практики. Управленческими действиям необходимо подготовить и защитить плодородную организационную среду, внутри которой профессиональная культура может развиваться. Однако культура может находиться в состоянии стагнации. Только постоянная бдительность, постоянное практическое взаимодействие с ней может прекратить цикл профессиональной культуры и привнести нечто в нее новое, чтобы она могла развиваться, двигаться дальше.

Источники и литература

1) Osigweh, C. Management and professionalism // Mid Atlantic Journal of Business, № 24 (2), 1986. — pp. 1 - 20.
2) Peterson K., Deal T. Shaping school culture field book. San Francisko: Jossey-Bass, 2002.

Ксенофонтова Елена Геннадьевна
МГУ им. М. В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, РФ

Чем меньше организованности, тем конфликтнее организация

Кто повышает конфликтное напряжение в организации, вынужденно состоящей из разнообразных социальных групп? С одной стороны, молодые бывают конфликтнее «возрастных», в частности, потому, что последние стараются быть «осторожнее». Однако работодатели думают, что молодых можно «подогнать под свой стандарт», тогда как негибкость и «вредный опыт» более старших делает их менее управляемыми. С другой стороны, полезный опыт и ожидаемая исполнительность-старательность более старших сотрудников не перекрывает по ценности ожидание энергичности-креатива со стороны молодых. Однако сама молодежь далеко не всегда направляет энергию собственно на работу, поскольку среди жизненных приоритетов даже карьера и зарплата считается не главной ценностью поколения рожденных (с их точки зрения точнее говорить родившихся) в самом конце XX века. Напрягает ли это их более старших коллег? Еще как! А что с приоритетами достижения целей и общих для компании задач? В одной организационной культуре культивируется командная работа, в другой - дисциплинированность индивидуальных подчиненных. В одной процветает тотальный контроль, в другой - многое отдается на самоорганизацию. При значимости первой для себя работы для любых персональных целей, молодой человек легче привыкает к контролю, чем тот, кто работал уже при других стилях менеджмента. Но при важности коллективного напряжения сил из-за сверхзначимости общей задачи, более старшие и нагруженные семейными обязанностями работники могут быть даже более командными игроками, чем те, кто привык к молодежным «тусовкам». При молодом руководителе рекрутмент не решается ставить в неловкое положение и подчиненных, и самого руководителя, существенно сокращая доступную выборку кандидатов с полезными квалификациями-компетенциями. Однако молодые мечтают о гибких формах трудоустройства, они к ним более готовы как объективно, так и субъективно (и там их значительно больше). В таких новых формах занятости качество управления дистанционными работами ценнее, чем возраст руководителя, так же, как и члены команды ценны конкретными навыками-квалификацией. Поэтому конфликт вытекает из сбоев в рабочем взаимодействии, дополнительные поводы создает сокращение социальных гарантий в случае прекарной работы. А какие там коллеги по месту происхождения, полу

и т.д. случае их качественной работы - определяющего значения уже не имеет [1]. При появлении государственной программы повышения пенсионного возраста нарастающий груз бремени работающих по обеспечению увеличивающейся доли стариков мог бы снизить напряжение молодых [2]. Но получается наоборот - относительная чрезмерность программ поддержки предпенсионеров стратегически опасно повышает напряжение молодежи - ведь у чиновников теперь не только в трудоустройстве, но и в профессиональной подготовке-переподготовке приоритетом становится не молодежь. При этом предпенсионеры часто не хотят переобучаться вообще, тем более за стипендию... Итак, конфликтное напряжение может возникнуть у любой социальной группы при противоположных обстоятельствах, задающихся не столько свойствами данных групп, сколько ситуациями, сознательно или непроизвольно выстроенными управленцами. В деловой организации собираются люди далеко не всегда однородные. А по опыту и профессиям даже желательно, чтобы они были именно взаимодополняющими, то есть разнородными. В каком случае они будут искать различия и «виноватых»? Когда то, ради чего они собираются каждый рабочий день, плохо организовано. При этом «наверх» нужно выдавать результат, который не получается качественно или вовремя сделать «из-за того, что коллеги слишком молоды или стары, безответственны или консервативны». Однако как отмечали гуру японского менеджмента, 95% проблем в работе организации создаются именно управленцами. Равнозначны ли уровни детерминации конфликтов внутри организации? Нет. На уровне индивида, один может кричать: «В гневе я страшен по природе, держите меня, я за себя не отвечаю!», а другой говорит, что он «Всадник, который в состоянии справится со своей лошадью», то есть свойствами уровня физиологии, силой уровня выше - социальной личностной самоорганизации. На уровне подразделения компании - одни говорят о конфликтности мешающей им личности, другие справляются с этой трудностью, используя рациональные или силовые методы уровня выше - социальной психологии групп. На уровне всей организации, которая выполняет определенные функции в обществе, конфликтностью и неуправляемостью любого типа или поколения сотрудников невозможно оправдаться перед клиентами организации за не произведенный качественно или вовремя продукт - руководитель в таком случае несостоятелен и на его место приходит более дееспособный. Следовательно, каковы бы ни были особенности внутриорганизационных социальных групп, социология управления должна уделять основное внимание именно социальному уровню происходящего. В организациях - это группы должностей, которые в управляемом общем биз-

нес-процессе (деловом процессе, не обязательно коммерческом) создают некую социальную ценность для «внешней» социальной группы - клиентов или потребителей. Требуется ли для этого управление конфликтами или управление разнообразием? В первую очередь требуется управление общим делом. Хотя кто-то может сказать: «До чего же конфликтные персоны встречаются иногда в трудовых коллективах! Особенно среди этих.... (называется инородная социальная группа)!».

Источники и литература

1) Тартаковская И. Н., Ваньке А. В. Трудовые траектории прекарных работников и формирование прекарного габитуса // Социологический журнал. 2019. Том. 25. № 2. С. 99-115. DOI: https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.2.6388
2) Дидух Ю. Памятка работодателям по обращению с предпенсионерами. Клуб кадровиков - КлубТК. 2019// https://clubtk.ru>pamyatka-rabotodatelyam

Кузнецова Ирина Валерьевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия

Работать на пенсии – выбор россиян

Произошедшее в стране повышение пенсионного возраста лишь обострило проблемы людей старших возрастных групп, многие из которых продолжают работать и после его достижения. Количество работающих пенсионеров в последние десятилетия неуклонно увеличивалось. За 2005-2017 гг. численность занятых в возрасте 50-72 лет выросла на 30%, или на 4,5 млн человек [1, с. 6].

Чтобы разобраться с ситуацией на российском рынке труда обратимся к исследованиям, проведенным НИУ ВШЭ [1, 2]. Авторы первого исследования отмечают изменения в профессиональной и отраслевой структуре занятости людей пожилого возраста, которые в целом совпадают с теми трендами, которые произошли за последние десятилетия в структуре занятости в целом по стране. Она характеризуется подвижками от низкоквалифицированной занятости к высококвалифицированной, от физического труда к интеллектуальному, от материального производства к сфере услуг.

Однако есть и отличия. Так профессиональная структура занятости работников старшего возраста сильно поляризована. Один полюс представлен наиболее квалифицированными (руководители) профессиональными группами, а другой наименее квалифицированными (сельскохозяйственные работники, неквалифицированные рабочие). И чем старше возраст пожилых работников, тем сильнее проявляется данная тенденция.

Наиболее активно росло количество возрастных работников в таких отраслях, как образование, здравоохранение и торговля. Причем безусловными лидерами здесь являются первые две отрасли. Что касается сферы торговли, то численность занятых в ней работников старшего возраста все еще сильно отстает от численности работников младшего и среднего возраста [1, с. 24-25].

На основании проведенного исследования [1] авторы утверждают, что массового вытеснения работников старшего возраста на малоквалифицированные рабочие места не происходит. «Из абсолютного прироста занятости в 4,8 млн человек среди лиц старше 50 лет за 2005-2015 гг. 3,4 млн человек пришлось на беловоротничковые профессии, в том числе 2,3 млн человек - на профессии руководителей и специалистов» [1, с. 24]. Прогнозируется ухудшение положения работников старших возрастных групп, занятых физическим трудом, которые традиционно раньше прекращали свою рабочую жизнь, по сравнению с занятыми высококвалифицированным трудом. С ростом пенсионного возраста им придется дольше оставаться в сфере занятости. Нельзя также не учитывать малопривлекательность таких видов труда для большинства молодых работников.

Помимо отмеченных выше изменений в профессионально-квалификационной структуре рабочей силы необходимо учитывать существующие различия в оплате труда работников разных возрастных групп. В том, что заработки работающих с возрастом изменяются, нет ничего необычного, так как на протяжении трудовой жизни меняется их человеческий капитал. В начале трудовой биографии он, как правило, быстро растет, потом рост замедляется и наконец прекращается совсем. Производительность и конкурентоспособность человека в конце трудовой жизни может снизиться в частности из-за ухудшения здоровья. Указанные возрастные изменения человеческого капитала работников не могут не отражаться на их заработках.

Прекращения роста заработной платы влечет за собой как минимум два важных социально-экономических следствия. Во-первых, оно влияет на благосостояние работников и их семей, на их потребление и сбережения, а во-вторых, на формирование и накопление пенсионных отчисле-

ний. С одной стороны высокие заработки в конце трудовой биографии увеличивают пенсионные отчисления, а с другой делают привлекательным сценарий продолжения трудовой активности и после наступления пенсионного возраста [2, с. 3].

Основной причиной побуждающей людей работать после выхода на пенсию является недостаточный объем пенсионных выплат, что подтверждают результаты опроса, проведенного ВЦИОМ [4]. Каждый пятый пенсионер в России продолжает работать. По мнению опрошенных россиян, чаще продолжить трудиться пенсионеров заставляют материальные трудности, нежели интерес и привычка к работе. Средний размер оплаты труда в любой отрасли выше, чем средняя пенсия, поэтому пенсионеры даже предпочитают сохранить занятость и одновременно получать пенсию. Выплату пенсий и оклада работающим пенсионерам в полном объеме считают справедливой 81% опрошенных ВЦИОМ респондентов.

Анализ, проведенный НИУ ВШЭ [2] показывает, что пик заработков на российском рынке труда наступает раньше, чем в развитых странах, а после достижения работником 40-летнего возраста начинает снижаться. Таким образом снижение заработков начинается в России задолго до наступления предпенсионного возраста и идет достаточно быстро. «К собственно пенсионному рубежу россияне подходят, находясь уже довольно низко на наклонной траектории зарплат. Увеличивается и дифференциация в заработках внутри возрастных групп: у старших она выше» [2, с. 34].

Демографическая ситуация в стране характеризуется ростом численности старших возрастных групп населения. В тоже время по размеру заработков молодые заметно обгоняют работников старших возрастов. Такая ситуация может спровоцировать межпоколенческие конфликты, когда старшие возрастные группы будут заинтересованы в прямом межпоколенческом перераспределении ресурсов [2, с. 36].

Источники и литература

1) Лукьянова А.Л., Капелюшников Р.И. Отраслевая и профессиональная структура занятости российских работников предпенсионного и пенсионного возраста [Электронный ресурс] : препринт WP3/2019/04 / А. Л. Лукьянова, Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (1 Мб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 39 с. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/280803544 (дата обращения 30.01.2019)

2) Гимпельсон В.Е., Зинченко Д.И. Цена возраста: заработная плата работников в старших возрастах [Электронный ресурс] : препринт WP3/2019/05 / В. Е. Гимпельсон, Д. И. Зинченко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 40 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2019/07/12/1479459990/WP3_2019_05_____.pdf (дата обращения 30.01.2019)

3) Правила вычитания // Российская газета. Столичный выпуск № 132(7890). 20.06.2019. URL: https://rg.ru/2019/06/20/dolia-rabotaiushchih-pensionerov-v-rossii-snizilas-v-dva-raza.html (дата обращения 30.01.2019)

4) Выход на пенсию - не повод бросать работу? / Аналитический обзор ВЦИОМ № 2978 от 19 ноября 2015 г. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115470 (дата обращения 30.01.2019)

Лавринович Елена Васильевна

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, РФ

Межпоколенческие конфликты в организации – подход к управлению

Возникновение и существование конфликтов в организации является одной из естественных составных частей процесса их развития, будь то государственные, коммерческие или общественные организации [1;3;8]. Одной из наиболее сложных и конфликтогенных ситуаций, с которой приходится сталкиваться практически всем развивающимся организациям, это период ее преобразования из первоначальной «тусовки» в организацию, управляемую профессиональным менеджментом [1;3]. Типичными конфликтными ситуациями этого периода развития организации являются межпоколенческие конфликты - противостояние «старых» и «новых» сотрудников организации, сотрудников уже в возрасте, часто работающих в организации с самого ее основания, и молодых кадров [6;9]. Пришедший в организацию «новый» персонал обладает отличающейся от «старичков» системой ценностей и убеждений, другими походами к решению организационных задач, более современным образованием, что постоянно создает основу для возникновения конфликтных ситуаций [2;5;7;8]. Преодоление этих межпоколенческих конфликтов в

организации становится одной из ключевых задач руководства организации в этот переходный период. В каждодневной деятельности руководители до 20 % своего рабочего времени тратят на разрешение конфликтных ситуаций, а в некоторые периоды развития организаций и более. Сталкиваясь с конфликтами на практике, они в большинстве случаев опираются при их разрешении на собственный жизненный опыт, интуицию и здравый смысл. Однако этого часто бывает недостаточно для успешного управления сложными конфликтными ситуациями. Любой социальный конфликт всегда носит персонифицированный характер и представляет собой столкновение конкретных людей, независимо от того, отстаивают они личные или групповые интересы. В современных общесоциологических теориях (Ю.Хабермас, П.Бурдье, Э.Гидденс и.др.), в социологии конфликта (Л.Козер, Р.Дарендорф, К.Боулдинг) и в конфликтологических исследованиях признается тот факт, что процесс восприятия конфликтной ситуации ее участниками является центральным, определяющим процесс взаимодействия участников конфликтной ситуации - их восприятие и переживание ситуации, и выстраиваемое на основе образа восприятия ситуации поведение в конфликте. Образ восприятия ситуации является сложно структурированным образованием. Отечественные и зарубежные исследований по этой теме показали, что образ восприятия включает в себя: самооценку и самовосприятие субъектом себя, его ценности и убеждения, целевые компоненты деятельности, прошлый опыт и привычные паттерны поведения, отражение ситуации, в которой осуществляется поведение. А также образ другого или других участников ситуации, представления об их ценностно-мотивационных, целевых и поведенческих компонентах. Исследование особенностей восприятия конфликтной ситуации ее участниками показал, что источником их столкновения друг с другом во всех случаях являются различия в образах восприятия ситуации [4]. Но по-разному протекает трансформация образа восприятия конфликтной ситуации у тех участников, которым удалось успешно разрешить конфликтную ситуацию и найти ее взаимоприемлемое решение и у тех, кому это не удалось. При успешном разрешении конфликта, как показало исследование, образ восприятия у его участников последовательно проходил три трансформации. Окончание одной трансформации и начало другой основывалось на появлении «ключевых» убеждений, которые определяли изменения образа. Первая трансформация образа конфликта выражалась в осознании конфликтной ситуации как ситуации нарушения взаимодействия с оппонентом, осознании невозможности достижения своих целей, и формировании убеждения о необходимости поиска выхода из сложившейся

конфликтной ситуации именно за счет анализа образа себя, образа оппонента и ситуации нарушенного взаимодействия. Вторая трансформация образа конфликтной ситуации выражалась в анализе ценностей и убеждений себя и другого, основных своих и оппонента целей, стратегий и поведения с целью поиска причин нарушения взаимодействия, появлении убеждения о собственной ответственности за возникновение и разрешение конфликтной ситуации, выработке представления относительно желаемого характера взаимодействия с оппонентом. Третья трансформация образа конфликтной ситуации выражалось в формировании на основе желаемого характера взаимодействия с оппонентом новой цели и стратегии ее достижения, определении необходимых конкретных действий (тактики поведения) для реализации стратегии с учетом условий сложившейся конфликтной ситуации, последовательной реализация выработанной стратегии в своем поведении. При неуспешном разрешении конфликтов у респондентов трансформации образа восприятия конфликтной ситуации, основанном на убеждении о своей ответственности за разрешение конфликтной ситуации и формирования представления о желаемом характере взаимодействия с оппонентом, осознания необходимости смене стратегии поведения, не происходило или происходило только частично. Межпоколенческие конфликты в организации в своей основе в первую очередь имеют конфликт ценностей и убеждений разновозрастных, а также «старых» и вновь пришедших сотрудников. Разработанная методика анализа и управления образами конфликтной ситуации у ее участников [4], включающая анализ различных его компонентов, в том числе ценностей и убеждений, может оказать существенную помощь руководителям в эффективном разрешении межпоколенческих конфликтов.

Источники и литература

1) Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации: пер. с англ. / Ицхак Адизес - М., 2015 – 512 с.

2) Волкова Л.В. Представления российской молодежи о социальной не-справедливости // Сборник: Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными. - М., 2016. -С. 602-605.

3) Кошелев А.Н, Иванникова НН. Конфликты в организации: виды, назначение, способы управления. – М., 2007.- 212 с .

4) Лавринович Е.В. Трансформация образа восприятия конфликта как метод управления: . автореферат дис.канд.социол.наук / МГУ им.М,В,Ломоносова.- М., 1999. – С.25.

5) Пищик В.И., Королева Н.В. Ситуационный анализ конфликтного взаи-модействия сотрудников компании, принадлежащих к поколениям X и Y // Социальная психология и общество.- 2018. -Т. 9. № 1.- С. 78—89.

6) Рикель А. М., Доренская С. В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. - 2017. - Т.14, №4. - С.205-225.

7) Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе: как его понять и найти с ним общий язык пер. с англ./ Стиллман Д., Стиллман И. – М., 2018. – 310 с.

8) Тагибова А.А. Конфликты в системе корпоративных отношений [Электронный ресурс]// Общество: социология, психология, педагогика. - 2016. - №10 (28.10.2016) - URL:http://dom-hors.ru/vipusk-10-2016-obshchestvo-sociologiya-psihologiya-pedagogika/ (дата обращения: 25.01.2020)

9) Чистякова Д. П. Конфликты в организации: поколенческий аспект [Электронный ресурс] //Общество: социология, психология, педагоги-ка. – 2018. – №. 5 (30.05.2018). - URL: http://dom-hors.ru/vipusk-5-2018-spp/ (дата обращения: 25.01.2020)

Макаренко Мария Витальевна

ФГБОУ ВО "Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)", Ростов-на-Дону, Россия

Управление конфликтами: к вопросу о межпоколенческих конфликтах в организациях.

Когда мы говорим об организации или предприятии, то представляем себе общность людей, отличающихся друг от друга по многим параметрам: возрасту, статусу, уровню дохода, национальности и по многим другим. Разумеется, не смотря на всю разнородность всех этих людей связывает одно - общее место работы. И поскольку деятельность любой

организации - всегда взаимодействие между индивидами и группами индивидов есть вероятность назревания различного рода недопониманий, ссор, несогласий, т.е. всего того, что объединяют понятием «конфликт».

Конфликтная ситуация - особое социальное явление, без которого не обходится ни один вид общения человека. Термин «конфликт» с латинского contlicus определяется как «столкновение». Отсюда понятен характер конфликта: противоборство двух и более мнений, мешающих реализации противоположной. Другими словами, конфликт есть наличие разногласий двух и более сторон. Чекалдин А.М. определяет конфликт как: «ситуацию, при которой поведение одной стороны (личности, группы, коллектива) препятствует реализации интересов другой стороны, провоцируя ответную реакцию» [3]. Вообще природа конфликтов широко изучается различными дисциплинами, например, психологией, конфликтологией и др. Говоря о конфликте, мы понимаем, что не бывает одного вида данного явления. Напротив, существует определенная классификация: внутриличностные, межличностные, между личностью и группой, межгрупповые конфликты, конфликты на уровне общества и глобальные [1]. «Человеческие конфликты, в свою очередь, делятся на: а) внутриличностные; б) социальные — межличностные; между личностью и группой» [1].

Интересующий нас конфликт между поколениями - один из видов межличностных конфликтов в организациях. Так называемая проблема «отцов» и «детей» всегда была актуальной. Однако отношения между поколениями не в обыденной жизни, но в «корпоративной» - суть разные вещи. Те правила поведения, которые установлены обществом между старшими и младшими определяют вектор действий, настраивающий младшее поколение, в первую очередь, на уважение к старшим. Однако, корпоративная этика устанавливает свои модели поведения. Разумеется, речь не идет о том, что стираются границы между уважением и дерзостью.

Итак, когда мы говорим о межпоколенческих столкновениях внутри организации стоит сказать, что важным будет умение решения таких конфликтов. Причинами таких конфликтов могут служить различные явления, такие как социально-психологические факторы, технологизация, или модернизация деятельности организации, неспособность к совместному взаимодействию и т.д. Например, во второй половине первых десятилетий XXI в. прошел бум компьютеризации предприятий, когда одним из первых критериев к тому, чтобы устроится на работу или оставаться на прежнем месте (не говоря о подъеме по карьерной лестнице) было умение пользоваться компьютером. Большинство сотрудников

предпенсионного и пенсионного возраста были отправлены на специализированные компьютерные курсы, в противном случае им грозила потеря места работы. К тому же, конкурентность со стороны молодежи, прекрасно владеющей новыми технологиями, только наводило все больший страх за свое место. Следствием такого явления может стать и тот самый конфликт между поколениями внутри организации.

Для того, чтобы урегулировать такого рода столкновения необходим грамотный подход. И здесь очень важна личность руководителя, его находчивость и предприимчивость, дабы найти верный подход к разрешению противоречий. Мескон М. в своей работе «Основы менеджмента» выделяет некоторые способы управления конфликтом: структурные методы (разъяснение ожиданий, координационные и интеграционные механизмы, соподчиненные цели, вознаграждения) и межличностные стили (уклонение, сглаживание, принуждение, компромисс и решение конфликта) [2]. Каждый из методов имеет свои сильные и слабые стороны, в зависимости от природы самого конфликта. В данном случае интересно рассмотреть именно межличностные стили разрешения конфликтов.

Итак, уклонение - стремление личности не попадать в конфликтные ситуации. Слабый метод, поскольку вероятность того, что за всю трудовую деятельность личность не будет ввязана в противоречивые ситуации крайне мала. Сглаживание, т.е. стремление «замаскировать» конфликт наличием общих целей и одной командой, однако - это все же не выход из ситуации, поскольку корень проблемы не исчерпан и ждать, когда снова случится «взрыв» долго не придется. Принуждение - стремление навязать свое мнение, подрывая инициативность сотрудников. Компромисс - один из позитивных и действенных методов. Представляет собой принятие одной стороной конфликта идей другой стороны, однако корня проблемы такой подход может и не решить, поскольку скрывает саму проблему во избежание ее углубления. Самым действенным и результативным будет стиль, именуемый Месконом как решение конфликта. Этот путь сложный, но помогает исчерпать проблему самым рациональным способом, поскольку включает как изучение природы конфликта, так и наличие нескольких мнений, по поводу его разрешения.

Таким образом, пытаясь разрешить межпоколенческие конфликты для начала всегда следует узнать корень разногласий и мнения поколений, в следствие чего важно подобрать верный способ выхода из конфликта.

Источники и литература

1) Лукин Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами: учебник для вузов / Ю.Ф. Лукин. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2007. – 799 с.

2) Мескон М. Основы менеджмента. Пер. с англ. Л.И. Евенко. М.: изво Дело, 1997. – 493 с.

3) Чекалдин А.М. Причины организационных конфликтов и способы их устранения // Вестник НГЭИ, 2015, №9

Макаров Сергей Николаевич

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Инструментальные средства диагностики межпоколенческих конфликтов в современных организациях

Современная организация представляет собой сложный, живой, динамичный организм, который имеет свои стадии развития и подвержен влиянию множества факторов. Факторы, влияющие на современную организацию, достаточно разноплановы и имеют различную природу происхождения. Можно выделить факторы экономические, финансовые, психологические и, безусловно, социальные. В данной статье рассматриваются социальные факторы, определяющие эффективность организации в контексте управленческих взаимодействий. Это не означает, что социальные факторы являются ведущими в процессе рассмотрения жизненного цикла организации, но их важная роль в организационном функционировании определяется самой сущностью организационного построения; организация - общность, состоящая из людей.

Внимание к таким аспектам организационной жизни имеет достаточно объемную историю изучения как с академической, так и с прикладной позиции. Можно констатировать, что ученые выполняли своего рода социальный заказ бизнеса, продиктованный экономическим эффектом от грамотного построения организационного, прежде всего, управленческого контекста социальных взаимодействий.

Проблематика организационного управления четко увязывается с вопросами организационной экологии [1]. В этом случае авторы тяготеют к проекции организационного построения и развития в русле теорий социал-дарвинизма, которые, и это вполне логично, используют биологизаторское направление как почву для обоснования теоретико-прикладных выводов [2].

Спектр разнообразных течений в рамках теорий организационной экологии достаточно широк. В нашем случае остановимся на тематике конфликтов и способах управления ими.

Организационные конфликты становятся перманентной частью социальной среды организации в силу самой природы взаимодействия индивидов в рамках относительно замкнутого пространства существования, а также того времени, которое индивид проводит на работе. Конфликтные ситуации как часть организационно-управленческих проблем детально рассматривается в работах современных авторов [3]. Пусковыми механизмами дисбаланса в системе социальных управленческих взаимодействий внутри организационного контура могут выступать: конкурентные отношения (зачастую целенаправленно поддерживающиеся); культурологические различия; проблема лидерства; ритуализация организационного пространства; демографические особенности персонала [3, с. 251-355]. В этом перечне конфликтогенных факторов демографические особенности персонала имеют особое значение. Это связано с тем, что возраст, пол - это характеристики, которыми сложно управлять известными менеджерскими приемами, но необходимо учитывать руководителю в создании экологически благоприятной организационной среды.

Внимание к управлению организациями в эпоху постмодерна выстраивается в контексте управления людьми как некоего эквивалента числового выражения экономической эффективности организации [4]. Опыт крупных зарубежных компаний свидетельствует о пагубности таких проектов, когда внешний консалтинг, преследуя тактические цели, наносит стратегический вред [4, с. 280-281]. Именно поэтому благоприятная организационная экология должна выстраиваться на основе первичности социальных показателей, которые будут на уровне стратегического планирования удовлетворять экономическим запросам.

Такого рода задачи требуют своего инструмента для актуализации проблемы и предложения способов решения. В данном случае основным становится методология социологического исследования, которая должна быть адаптирована к практике принятия управленческих решений внутри конкретного организационного пространства.

Вариантом реализации подобной задачи может выступать методика «Система поддержки принятия управленческих решений» [5]. Ее основными содержательными компонентами являются индикаторы управленческих взаимодействий, фиксирующиеся в области трех ресурсов управления - руководства, лидерства и лидерского управления. В данной методике, построенной на основе фреймовой структуры и учитывающей принципы методологии социологического исследования, осуществляется

перевод числовых показателей в текстовые форматы, позволяющие реагировать на управленческие предпочтения индивидов, входящих в организационное пространство. При этом реализуется принцип отбора, анализа и сравнения управленческих практик на основе демографических показателей (пол, возраст, стаж, занимаемая должность).

Таким образом, у руководителя существует реальная возможность управлять средой организации, учитывая современные тренды организационной экологии, курс на предупреждение конфликтов, учет управленческих предпочтений в зависимости от демографических показателей носителей организационных статусов.

Источники и литература

1) Ханнан М. Т., Фримен Дж. Экология организационных популяций. – Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. Менеджмент (4), 2004. – С. 143-185.
2) Astley W. G. The two ecologies: Population and community perspectives on organizational evolution. – Administrative Science Quarterly 30 (2), 1985. – P. 224-241.
3) Виртуальные русские и их экономические реалии: коллективная монография / под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова, А.В. Маркеевой. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2019. – 376 с.
4) Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги и постмодерне и постмодернизме. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019. – 376 с.
5) Макаров С.Н. Современные аспекты технологизации социальной среды компании. Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – М.: Инфра-М, 2017. - №6 (6)/2017. – С. 10-13

***Манина Валерия Алексеевна*[1]*, Мугиль Юлия Валентиновна*[2]*, Спасенкова Светлана Владимировна*[3]**

1 - ФГБОУ ВО Оренбургский ГАУ, Оренбург, Российская Федерация; 2 - ФГБОУ ВО Оренбургский ГАУ, Оренбург, Россия; 3 - ФГБОУ ВО Оренбургский ГАУ, Оренбург, РФ

Стратегия преодоления межпоколенческих организационных конфликтов как элемент корпоративной культуры

Разница поколений существует не только в личных отношениях, она переносится в работу, бизнес. Принадлежность к определенному поколению накладывает отпечаток, как на личность сотрудника, так и на его

сферу общения, стиль ведения рабочих отношений и деловое поведение в целом.

Разработанная Н. Хоувом и У. Штраусом, «Теория Поколений» классифицирует поколения не только по возрасту, но и по приоритетным ценностям людей. Ценности определяют наш жизненный путь. Наша система ценностей формируется в первые годы нашей жизни, под влиянием общественных, политических, экономических, социальных, технологических событий и воспитания в семье. Основой теории стали ценности представителей разных поколений [2, С.95].

Поколение - это группа людей, рождённых в определённый период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, с похожими ценностями. Есть явления, которые важны для всех поколений: семья любовь, профессиональное и личное развитие, здоровье, материальное благополучие, успех, свобода.

Всё индивидуально для каждого человека, но у поколений есть общие нюансы отношения к жизни, например, к деньгам. Поколенческую разницу восприятия денег полезно знать всем тем, кто принимает людей на работу, кто разрабатывает системы мотивации и вознаграждения сотрудников. Для Молчаливого поколения (1923-1945 гг рождения) деньги - это часть жизни, мера оплаты труда, они нужны для решения жизненных проблем. Для поколения Бумеров (1945-1965 гг рождения) деньги - это подтверждение своей успешности, статуса. Деньги - ценность сами по себе. Для поколения Х (1965-1984 гг рождения) деньги - для реализации своей мечты, путешествий, для обеспечения своей безопасности. Для поколения У (1984-2000 гг рождения) деньги - это возможность сделать все блага доступными [1,3].

Люди разных возрастов имеют различные взгляды на работу и на бизнес. И порой эти взгляды вступают в серьезное противоречие. Конечно, конфликты и недовольства на работе могут возникать по разным причинам. Вместе с тем конфликт поколений рождает совершенно определенные конфликтные ситуации в работе, которые напрямую связаны с тем, в какое время и как формировались ценности каждого поколения.

Новое поколение имеет противоречивые взгляды на работу и ее место в собственной жизни. Молодое поколение готово работать, но не готово к тому, чтобы работа становилась их жизнью. Скорее, работа не должна мешать их интересам и личной жизни, поэтому они хотят гибкого графика и возможности работать дома через Интернет. Они жаждут успеха и уверены в собственной ценности. Представители этого поколения не собираются надолго задерживаться на одной работе и даже в одной профессии. И порой скептически относятся к таким понятиям, как предан-

ность фирме. Это поколение, выросшее в спорах с родителями, теперь спорит с работодателями. Для молодых не столь важно быть лучшими, сколь - индивидуальными, уникальными, особенными. Они понимают, что эмоции и отношения помогают в деле, поэтому и на работе продолжают выстраивать отношения и проверять их. С этим связано активное внедрение молодыми сотрудниками корпоративной культуры.

Несмотря на то, что адаптация представителей нового поколения происходит довольно быстро, конфликты с представителями старшего поколения имеют место быть. Отчасти они связаны с барьерами общения, отчасти с разностью интересов и ценностей. В таких ситуациях и должна приходить на помощь служба управления персоналом. В каком направлении должна идти работа HR-специалистов, и какие типичные ошибки допускаются в разработке подобных программ мы и поговорим.

Чаще всего вопрос о работе с сотрудниками разных поколений встает в двух случаях: при разработке программ резерва кадров, наставничества, внутреннего обучения или же когда конфликтные ситуации выходят на поверхность и конфликты представляются неконструктивными. Иными словами, когда взаимодействие разных поколений становится особенно плотным. Если в первом случае регламентировать взаимоотношения между разными поколениями позволяет внутренние положения и устав компании, то во втором урегулирование конфликтных ситуаций происходит силами HR-специалистов и начальника подразделения.

Для того чтобы работа по разрешению конфликтных ситуаций была продуктивной и не становилась причиной новых конфликтов в организации можно со стороны специалиста HR-отдела могут быть предприняты следующие действия:

1. Установление объективной картины конфликтной ситуации.
2. Обсуждение конфликта с непосредственными участниками «боевых действий».
3. Изучение социально-психологического климата коллектива.
4. Составление плана коррекционных мероприятий по результатам оценки психологического климата.

В качестве коррекционных мероприятий можно проводить небольшие групповые занятия в форме семинаров - тренингов.

По итогам проведения коррекционных мероприятий составляются общие рекомендации для руководства и отдела по персоналу и индивидуальные для каждого участника.

Вопрос разности поколений существует. И специалист по персоналу не сможет, нарушив ход истории, стереть эту разницу и сделать общение людей разных возрастов полностью бесконфликтным, но при этом HR-

специалист имеет возможность снизить напряженность между представителями разных поколений и урегулировать их конфликты хотя бы в формате производственных отношений. Все это представляется возможным благодаря включению в корпоративную культуру элементов, регулирующих отношения разных возрастных групп.

Источники и литература

1) Зайцева Н.А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. №2 (3). С. 1-16
2) Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. №1 (1). С.95-97
3) Сыроед Н.С. Конфликт поколений как социальная проблема // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №8.

Маркеева Анна Валерьевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия

Проблемы формирования бренда работодателя в современных российских условиях

Современный рынок труда в России при общем сокращении количества рабочих мест практически во всех секторах экономики характеризуется дефицитом квалифицированных специалистов, что актуализирует потребность повышения эффективности деятельности организации при привлечении персонала, развитии новых инструментов рекрутмента. Одним таких инструментов становится бренд работодателя (прим.employer-brand, HR-brand). HR бренд позволяет эффективно решать проблемы разрыва между ожиданиями работников и работодателей от действий и поведения друг друга, работать на перспективу -"растить" сотрудников для организации и эффективно удерживать существующих работников на основе трансляции важных для них ценностей.

Компании из различных секторов вынуждены будут строить бренд работодателя во всем мире к 2020 году для решения задач, связанных как с привлечением и удержанием качественной рабочей силы, так и с повышением их вовлеченности в трудовой процесс: важность его для системы рекрутмента возрастет с 31% до 40% [1]. Для ряда отраслей (финансового, технологического секторов, сферы профессиональных услуг)

его развитие будет становиться фактором выживаемости организаций на рынке [2].

Ценность HR-бренда формируется под влиянием множества факторов: предыдущего опыта работы потенциальных работников, отрасли, местоположения компании, информационных затрат и инвестиций в формирование и продвижение образа компании. Ключевыми факторами также становятся: профиль рабочего места; бренды (товары, услуги) компании, заявляемые компанией обязательства перед различными группами стейкхолдеров и последовательность их выполнения [3]. В последние несколько лет дополнительным фактором повышения привлекательности компании как работодателя выступают социальные программы. Приверженность компании принципам и практике социальной ответственности позволяет привлекать больше претендентов[4;5].

Актуальность развития HR-брендов поднимает ряд ключевых проблем (теоретического, методического и организационного плана), которые связаны с их формированием и продвижением. Во-первых, как соединить при формировании ценностного предложения - ориентации разных поколений, с учетом углубляющегося поколенческого сдвига на рынке рабочей силы; как создать привлекательность рабочего места для представителей поколениях X,У,Z. Согласно исследованию Randstad (2018) факторами, наиболее важными для россиян при выборе места работы являются заработная плата и социальный пакет, финансовая стабильность компании и возможности карьерного роста. При этом демографический фактор оказывает ключевую роль в приоритетности выделенных факторов: так, совсем молодые специалисты сильнее других социально-демографических групп заинтересованы в карьерном росте, представители возрастной группы от 25 до 44 лет больше всего ценят достойную оплату труда, а для кандидатов старше 45 лет наиболее важна финансовая стабильность компании[6]. В отсутствие доказавших свою эффективность инструментов, рекомендаций по совмещению ценностных установок разных поколений при разработке HR-брендов, многие компании используют стратегию "точечного" привлечения определенных возрастных и профессиональных групп (кейсы Сбербанка, GE по привлечению IT специалистов и молодых инженеров).

Во-вторых, актуализируется потребность в развитии и адаптации существующих методик по формированию бренда работодателя под задачи, сферу деятельности и размер организации. Не секрет, что большинство из существующих исследований и методик по формированию брендов работодателей опираются на анализ опыта глобальных или крупных государственных компаний, лидеров в своих отраслях. Однако возмож-

ности брендинга работодателя гораздо шире: создание привлекательного образа работодателя необходимо и начинающим стартапам, и средним региональным компаниям с хорошим репутационным капиталом. Но многие из разработанных инструментов и рекомендаций не могут быть ими применены в силу ограниченных ресурсов и условий ведения бизнеса. Это открывает возможности для консалтинга в этой сфере.

Третий аспект связан с процессом разработки бренда работодателя. Как уже отмечалось, для эффективного осуществления программ требуется данные о существующих ценностных установках и предпочтительности факторов выбора работодателя по определенным профессиональным группам, по социально-демографическим срезам внутри данных групп. Подобные данные сегодня собираются рядом исследовательских центров, однако они приводятся не в разрезе региональных предпочтений, часто не включают (в силу особенности методологии проведения исследований и задач) прогнозы об изменении предпочтений и ожиданий потенциальных работников. Решить данную проблему может расширение использования больших данных, агрегированных из социальных сетей, агрегаторов вакансий, рекрутинговых компаний. Но это требует создания методики работы с поиском и агрегацией больших данных в целях формирования бренда работодателя, с учетом существующих практик использования социальных сетей, региональных особенностей.

Ключевой фактор, способствующий углублению существующего разрыва между ожиданиями работников и позиционированием работодателей на рынке труда обусловлен не недостаточностью данных и отсутствием навыка работы с ними, а отсутствием понимания важности целенаправленной работы по позиционированию компании как "хорошего" места работы, отсутствием у компаний стратегических планов по управлению человеческими ресурсами.

Источники и литература

1) 2020 Outlook:the future of employer branding. Report. Universum 2015. Режим доступа: https://www.peoplematters.com/Archivos/Descargas/Informes/Estudio%20Outlook%202020/2020%20Outlook%20-%20Part%201%20State%20of%20Employer%20Branding.pdf (дата обращения 29.01.2020)

2) Edelman Trust Barometer Employee Experience (2018). Report. Режим доступа: https://www.edelman.com/sites/default/files/2018-05/Edelman_Trust_Barometer_Employee_Experience_2018.pdf (дата обращение 29.01.2020)

3) R.Wilden, S. Gudergan, I. Lings Employer branding: strategic implications for staff recruitment // Journal of Marketing Management.2010. Vol. 26, Nos. 1–2, Pp.56–73

4) Turban, D. B., & Greening, D. W. 1997. Corporate social performance and organizational attractiveness//Academy of Management Journal. 1997. Vol.40, Pp. 658–672.

5) Tsai, W. C., & Yang, I. W. F. Does image matter to different job applicants? The influences of corporate image and applicant individual differences on organizational attractiveness// International Journal of Selection and Assessment.2010. Vol. 18, pp. 48–63.

6) V исследование привлекательности работодателя в России. Randstad. Employer brand research. 2018. Режим доступа: http s://award.ancor.ru/upload/2018/04/05/ancor-ra2018-research.p df (дата обращения 17.01.2020)

Маскальцова Ольга Валентиновна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет", Москва, Российская Федерация

Проблемы реализации трудового потенциала молодежи в современных реалиях

Молодежь является важным человеческим капиталом, драйвером развития и определения лидерских позиций, объектом кадрового ресурса экономического роста нашей страны и обеспечения сохранения преемственности традиций. В связи с чем сегодня особенно актуально наращивание трудового потенциала молодых специалистов: создание высококвалифицированных рабочих мест, содействие в решении проблем адаптации молодежи на рынке труда, мотивации молодого человека на результат в личностном росте и развитии.

Однако практика говорит о том, что значительное количество выпускников оказывается в определенной степени не готовым к переходу от учебы к работе. Результаты опросов показывают, что основной причиной отказа принятия на работу молодых специалистов является отсутствие практического опыта. Осложняет поиски работы мечты несоответствие полученных молодыми специалистами в период прохождения обучения

компетенций или уровня подготовки требованиям работодателя. Свою лепту также вносит неудовлетворенность молодых людей предлагаемыми потенциальным руководителем уровнем заработной платы, должностью, условиями труда.

Традиционно молодежь считается одновременно и социально уязвимой, и социально опасной демографической группой, и невостребованность молодых специалистов, их неудовлетворенность своим материальным положением и статусом в обществе может стать следствием социально-политических конфликтов.

Развитие молодежи играет ключевую роль в структуре процесса преемственности и смены поколений. Отчасти решению проблемы трудоустройства будущих молодых специалистов может способствовать усиление профориентационной работы среди школьников, направленной на осознанный выбор молодым человеком будущей профессии, а также разработка новых методик подготовки и реализации программ профориентации молодежи с учетом тенденций развития современного общества и запросов рынка труда.

Результаты опросов свидетельствуют о том, что только около трети молодых людей работает в соответствии со своей первоначальной специальностью, остальные переориентировались на другие сферы [1, с.232]. Современные девушки и юноши к кратковременной занятости или частой смене работы относятся как к пробе сил и поиску себя.

Современные реалии подводят к решению следующих задач, способствующих нивелировать имеющиеся «болевые точки»:

- развитие способностей к саморазвитию и адаптивности к имеющимся условиям: креативность, предприимчивость, эффективность, инновационность, коммуникативность, солидарность;

- увеличение качественных показателей профессионального образования путем создания новых форм образования, направленных на мотивацию молодых людей к индивидуальному развитию;

- стимулирование дополнительной образовательной активности молодых специалистов путем обеспечения возможности посещения молодыми людьми лекций и семинаров ведущих специалистов, предоставления удаленного доступа к образовательным программам и информирования молодежи о возможностях саморазвития;

- расширение практики наставничества: передача опыта сформировавшихся (успешных) наставников для личностного и профессионального развития молодых специалистов;

- решение проблем адаптации молодежи [2] на рынке труда путем непрерывного самообразования.

Деятельность, связанная с наращиванием трудового потенциала молодежи зависят от ряда факторов, в частности от изменения уровня социально-экономического развития России. С учетом указанного фактора целесообразно будет рассмотреть два сценария - инерционный и инновационный.

По статистике именно среди молодежи наблюдается самая высокая доля безработных. Инерционный сценарий, предполагающий возрождение системы обязательного распределения молодых специалистов, в значительной степени сможет решить эту проблему. Данная система достаточна перспективна, потому что молодому специалисту это дает возможность применить и отработать свои знания и навыки, полученные при обучении, в работе, проявить себя и реализовать карьерные устремления. Работодатель в свою очередь получает шанс комплектации штата сотрудниками в соответствии с запросом.

Выбор инновационного сценария соответствует первоначальным приоритетам, интересам и запросам современного молодого человека. Нацеленность субъектов Российской Федерации на развитие инновационного потенциала путем создания особых экономических зон, открытия технопарков, формирования промышленных кластеров [3] свидетельствует о готовности местных рынков труда к серьезным преобразованиям, влияющим на успешность в реальном секторе экономики. А организуемая работа по привлечению внимания выпускников ссузов и вузов к предприятиям родного края должна способствовать не только решению вопроса кадрового обеспечения инновационной политики, но и компенсации сокращения численности молодых граждан, обеспечивающий экономический рост и повышение конкурентоспособности в малых городах.

Источники и литература

1) Лукьянова Е.Л. Стратегии занятости: в поисках концептуального обоснования инновационной политики. Известия саратовского университета. Новая серия. Серия социология. Политология. 2019. С. 231-237

2) Лопаткин И.В. Адаптация молодежи на современном рынке труда: социологический аспект: автореф.дис.канд.социол наук. Саратов, 2015

3) Иванова В.С. Стратегии трудоустройства выпускников вузов // Вестн. науки Сибири. 2016 № 1 (20) С7 12-217

Михайлов Валерий Алексеевич
Тверской государственный университет, Тверь, РФ

Социально-психологический климат в трудовом коллективе как конфликтогенный и антиконфликтный фактор

Социально-психологический климат - относительно устойчивая духовная атмосфера в данном коллективе, проявляющаяся в отношениях людей друг к другу, в их отношении к общему делу, формирует у членов трудового коллектива новые возможности, всячески способствует проявлению их потенциальных задатков и проч. Соответственно, благоприятный социально-психологический климат положительно влияет на работоспособность трудового коллектива, неблагоприятный, напротив, снижает уровень взаимной поддержки в достижении главных целей организации, размывает сплоченность коллектива, а, в конце концов, снижает эффективность совместной трудовой деятельности. Известно, что хорошее настроение работников влияет на повышение производительности их труда (как правило, возрастает на 10-15%), а при плохом настроении работников производительность их труда снижается (до 50-60%).

Многочисленные исследования показали, что в качестве основы благоприятного социально-психологического климата в трудовых коллективах выступают: интерес сотрудников к процессу своего труда, материальная заинтересованность в работе, достаточно высокий уровень переживаний по поводу социальной значимости результатов своего личного и коллективного труда и др. При этом наиболее существенными признаками благоприятного социально-психологического климата являются - ровные отношения между коллегами, минимум проявлений личной неприязни, конструктивный и доброжелательный характер возможной критики, доброжелательные межличностные контакты между членами трудового коллектива, конструктивное преодоление возникающих конфликтов, связанных с нововведениями и проч.

В рамках проверки и развития данных теоретико-методологических положений было проведено конкретно-социологическое исследование (опрос работников, выборка - сплошная) на одном из местных предприятий сферы ресторанных услуг, деятельность которых имеет весьма высокий внутренний и внешний конфликтогенный потенциал. ООО «Крафт» (г. Тверь) - общедоступное предприятие общественного питания, предоставляющее потребителям широкий ассортимент блюд сложного приготовления, в основном, по индивидуальным заказам, а также вино-водочные, табачные и кондитерские изделия. Обслуживание сочетается с организацией отдыха посетителей.

Результаты исследования показали, что социально-психологический климат в ресторане неустойчивый. Основные причины, мешающие оптимальному развитию социально-психологического климата, следующие: разногласия в работе управленческого и исполнительного персонала; различия в стилях руководства разных менеджеров; некачественное донесение информации; долгая и трудная адаптация новых сотрудников; неравное распределение работы среди сотрудников; неравенство во взаимоотношениях; отсутствие возможности повышения квалификации.

Имеющиеся проблемы - это потенциальные конфликты. В ходе исследования были выявлены следующие основные проблемы: «перекладывание» ответственности за работу на других членов коллектива; проявление негативных личностных качеств работников - лень, нежелание подчиняться, нежелание идти на уступки, отказ в помощи; непринятие новых членов коллектива (стажеров); невыполнение должностных инструкций; «навязывание» руководством решений тех или иных проблем, игнорирование со стороны руководства предложений от исполнительного персонала по разрешению конфликтных ситуаций с гостями; неравенство во взаимоотношениях, выражающееся в явном пренебрежении одних работников другим, уверенности в одних, неуверенности в других; неравное распределение работы, состоящее в том, что один официант принимает заказы, в то время как другой официант убирает столы.

Все респонденты отметили, что для настоящего коллектива необходимо доверие друг к другу, а также чувство принадлежности к коллективу. Большинство сотрудников (около 90%) отметило, что им крайне важно общее настроение в коллективе: оптимизм, поддержка, взаимопомощь, общий позитивный настрой. В критических ситуациях, которые на предприятии возникают достаточно часто, одинаково важны сплоченность коллектива и желание прийти на помощь другому. Большинство опрошенных подчеркнули, что не смогли бы долго работать в негативно настроенном коллективе - при подавленном настроении, пессимизме, групповой конфликтности.

С точки зрения большинства респондентов, для формирования благоприятного морально-психологического климата необходима атмосфера свободного выражения собственного мнения при обсуждении тех или иных вопросов. Сотрудники желают равного и справедливого отношения ко всем членам трудового коллектива.

С точки зрения предпочтений в выборе тех или иных механизмов разрешения конфликтов важно отметить следующий момент: возникающие конфликтные ситуации самого разного рода респонденты пожелали разрешать самостоятельно, не апеллируя к руководству. При этом был

выявлен основополагающий конфликт (между исполнительным персоналом и управляющим): с одной стороны, управленческий персонал (менеджер и управляющий) отметили массовое отсутствие заинтересованности в исполнении приказов и предписаний, с другой, - исполнительный персонал обвинили управленческий персонал в излишнем давлении во время работы, недонесении полной и точной информации.

Большинство работников ресторана крайне негативно оценили имеющиеся различия в управленческих стилях каждого из менеджеров. Было отмечено, что это негативно сказывается на общей дисциплине трудового коллектива, т.к. сотрудники гораздо охотнее выполняют поручения «доброго» менеджера, чем «строгого» и «требовательного».

Одной из острых проблем коллектива ресторана, как следует из ответов респондентов, является процедура принятия новых сотрудников. Так, управленческий персонал подметил ярко выраженную незаинтересованность коллектива в тех сотрудниках, которые не могут проявить себя уже в первый же день работы. Как итог - из-за отсутствия должной поддержки со стороны -такие новые работники быстро увольняются. Работники ресторана отметили, что успешная работа нового сотрудника будет возможна лишь при выполнении следующих условий: обязательная удовлетворенность работой и уровнем вознаграждения за нее; четкие перспективы профессионального роста и выдвижения; хорошее состояние рабочего места; удобный распорядок работы; возможность качественного отдыха; формирование и удержание чувства преданности коллективу.

Таким образом, основными задачами по оптимизации социально-психологического климата в трудовом коллективе ООО «Крафт» (г. Тверь) можно назвать следующие: формирование обстановки для полноценной реализации личности в процессе работы; повышение вовлеченности в деятельность организации сервиса; укрепление уверенности членов организации в собственных силах и способностях, причастности в достижениях целей; предоставление равных возможностей и справедливого распределения обязанностей; создание обстановки, стимулирующей дискуссию, обмен знаниями и опытом; гибкость в осуществлении контроля, избегание излишне тщательного и непрерывного контроля, который отрицательно сказывается не только на эффективности деятельности, но и на моральном настрое коллектива; выравнивание стилей руководства взаимодействия руководителей и способов взаимодействия руководителей верхнего звена с руководителями среднего звена (последние, излишне ограниченные осуществлении своих полномочий, во взаимоотношениях с подчиненными слишком часто прибегают к порицаниям и критике под-

чиненных).

Набиуллин Эмиль Ильдарович
РГСУ магистратура, Москва, Россия

Интеграция европейских традиций в практиках российского общества

Специфический социокультурный статус российской цивилизации в XXI столетии обуславливает своеобразный синтез различных аксиологических компонентов в пространстве историко-культурной динамики российского государства и общества. Определенной частью российской прослойки интеллектуалов концепт «европейские традиции», «европейские ценности» воспринимается как некий культурно-цивилизационный абсолют, «образцовая матрица» для организации когнитивно-повседневной структуры повседневности. С другой стороны, в основном интеллектуальном срезе современной российской действительности понятие «европейской традиции» частично оказалось дискредитировано и подвержено полуофициальной обструкции.

Так, согласно принятому в 2014 г. стратегическому законопроекту «Основы государственной культурной политики» европейская социокультурная традиция с одной стороны не противопоставляется, а с другой стороны, критикуется и вычленяется отдельно от российского цивилизационного топоса. Поэтому данное проблемное поле требует подробного изучения и характеристики. В настоящее время существует дискурс европейских традиций в российском общественном сознании.

Представляется¸ что определенной частью населения данные традиции ассоциируются с наиболее позитивными проявлениями социального поведения - хозяйственным прагматизмом, предпринимательской инициативностью, правопорядочным поведением, бережным отношением к окружающей среде, благорасположенностью к другим членам общества. С другой стороны, существует очевидный институционально-идеологический кризис, вызывающий противоречие с таким дискурсом: позиционирование в условиях социал-консервативных идеологических паттернов в РФ самого образа европейских традиций как изначально «русофобских». Ситуация усугубляется кризисом методологического аппарата цикла социогуманитарного научного знания, в рамках которого получение достоверного и качественного научно-прикладного результата в настоящее время представляется затруднительным.

Другим осложняющим фактором выступает очевидный кризис идентичности и аксиологических навыков современного индивида: набор ценностных ориентиров и поведенческих паттернов человека в условиях глобализации стал размытым и ситуативным, зависящим от бесконечного множества факторов, привязанных к конкретному хронотопу. В современной научно-исследовательской литературе представлены попытки осмыслить данное проблемное поле. Так, некоторые специалисты заявляют, что реализации «подлинных» европейских традиций в российской практике не происходит; в частности, такой позиции придерживаются Ц. Рингерт [3], И Клямкин. Согласно такой позиции, то, что пытаются представлять как европейские традиции в российском контексте, на самом деле представляет собой симулякр таких ценностей. «Оптимисты» склонны рассматривать своеобразные общие «стержни», которые объединяют российскую социальную практику с аналогичными проявлениями в европейской социокультурной среде: с таких позиций выступают концепции Г.П. Артемова [1], А.П. Купрюшина [2] и др. В качестве одного из таких стержней указывается проекты общеевропейского гуманизма и идеологии Просвещения, свойственных как европейскому, так и российскому интеллектуальному наследию. Другой показательной матрицей общей традиции выступает почти единовременное развитие информационно-образовательной среды: в Европе - «эпоха Гутенберга», российский «аналог» - «эпоха Федорова», «лицами» российской и европейской образованности выступают ученые-универсалы И. Ньютон и М.В. Ломоносов и т.д. Как следствие, поиск общих точек соприкосновения в XXI в. предлагается искать в сфере гуманитарно-образовательного сотрудничества. Конструирование системы европейских традиций в структуре идентичности членов современного российского общества осложнено рядом аспектов, без разрешения которых невозможно распространение и развитие европейских традиций в российских реалиях.

Во-первых, необходима культивация активистской политико-правовой культуры и формирование позитивного образа гражданского общества, устранения юридических препятствий к возникновению и функционированию его институтов. Во-вторых, распространение европейских традиций осложняется «мифологизацией» самого образа европейской действительности - как позитивной, так и дискредитирующей. В условиях подвергания сомнению привлекательности образа европейской цивилизации (со всеми ее достоинствами и недостатками) как примера интересного и неоднозначного социокультурного цивилизационного общества рассуждать о каких-либо форматах успешной реализации европейских традиций в российской социальной действительности поспешно и

опрометчиво. В-третьих, из-за нарастания политической напряженности сильно урезаны практически все возможные программы российско-европейского научного и культурного сотрудничества и обмена, что «замораживает» реализацию данного процесса.

Таким образом, в предстоящие несколько лет ключевой задачей российского научного сообщества будет выступать поиск, формулировка и культивация новых социогуманитарных смыслов, основанных на принципах общности с европейской интеллектуальной традицией и соответствующими когнитивно-поведенческими паттернами. Помимо этого, предполагается, что в ближайшее время будет пересмотрено отношение к практическим мерам налаживания двусторонних контактов по активизации российско-европейского сотрудничества в социокультурной сфере.

Источники и литература

1) Артемов Г.П. Моральные установки и ценности населения России в европейском контексте // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 2. С. 3-9.
2) Купрюшин А.П. Процессы глобализации и «европейские ценности» в социально-экономическом и культурном развитии России // Власть. 2016. Т. 24. № 3. С. 72-76.
3) Рингерт Ц. Россия и Европейский Союз: эфемерный поиск общих ценностей? // Балтийский регион. 2012. № 4 (14). С. 125-136.

Орлова Инна Степановна

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Занятость пожилых людей в современном российском обществе

Современное российское общество по ряду признаков можно считать, находящимся в стадии перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Дж. Гэлбрайт, характеризуя индустриальное общество, выделяет его основную черту - это «применение все более сложной техники», заменяющей существовавшие виды труда, что, в свою

очередь, обуславливает появление потребности «в специальной рабочей силе» [1, с.40].

Интенсивное развитие сфер предоставления услуг: торговли, банковского дела, страхования, транспорта, здравоохранения, образования научно-исследовательской деятельности, управления и др., рост занятости населения в этих сферах, по мнению Д.Белл, выступает первым критерием становления постиндустриального общества [2].

Кастельс считает главным признаком постиндустриального общества - информациональность, инновационность, развитие информационных технологий, научных исследований [3, с.21]. На рынке труда востребованы профессионалы, работники, имеющие хорошее профессиональное образование, обладающие творческим потенциалом.

Происходящие в российском обществе изменения меняют потребности рынка труда и структуру занятости населения. Наиболее уязвимой категорией населения на современном рынке труда оказываются люди пожилого возраста, получившие образовательную подготовку в предыдущие годы. Они обладают меньшей мобильностью, имеют большие трудности, по сравнению с другими социально-демографическими группами, в адаптации к быстро меняющимся социально-экономическим условиям и новым потребностям рынка труда.

Можно говорить о вытеснении пожилых работников из современных, инновационных, высокооплачиваемых сфер экономики. Работодатели из других сфер также предпочитают им представителей молодежных групп. В то же время большинство пожилых людей в возрасте до 75 лет сохраняют трудоспособность и интеллектуальный потенциал, способны выполнять работу зачастую лучше, чем молодые работники.

Проблемой пожилых людей становится невозможность реализовать себя в трудовой сфере, что ведет к потере профессионального, экономического, социального статуса, возникновению ощущения собственной ненужности.

Проблема трудовой занятости пожилых людей актуализируется и обостряется в связи с проведением в России пенсионной реформы, введением поэтапного повышения планки выхода на пенсию, увеличением количества лиц старших возрастов, которым требуется работа.

С проблемой трудовой занятости сталкиваются люди уже в так называемом «предпенсионном» возрасте, когда до выхода на пенсию остается пять и менее лет. По данным газеты «Известия», со ссылкой на Письмо Пенсионного Фонда в Роструд, в 2018 год только 40% представителей этой группы имели официальную работу. Среди мужчин этот показатель составил - 43%, среди женщин - 38% [4].

Число лиц пенсионного возраста в возрастной группе - 55 (60)- 72 года, продолжающих трудиться, будет еще меньшим. В 2018 г. имели работу 2,9% пенсионеров, мужчины - 26,7 %, женщины - 30% [5]. В тоже время, как показал опрос пенсионеров, проведенный Центром изучения пенсионной реформы, только 9% опрошенных пенсионеров не могут и не хотят работать по состоянию здоровья[6].

Время поиска нового рабочего места для пенсионеров также будет достаточно продолжительным и в определенной мере зависит от территории проживания. Наибольшие трудности в решении этого вопроса испытывают пенсионеры Сибирского округа, время поиска работы у них занимает в среднем 9,9 месяца. Наименьшее время затрачивают на поиск пенсионеры Уральского округа - 7,2месяца и Центрального округа -7,5 месяца [5].

Характер труда российских пенсионеров зависит от того, где они будут продолжать работу после выхода на пенсию. В случае продолжения работы на прежнем рабочем месте пенсионеры, в основном, занимаются квалифицированным трудом. Это труд в сферах предоставления различных услуг: здравоохранении, образовании, культуре, торговле, общественном питании. социальном обслуживании. При увольнении с прежнего места и смене работы характер труда чаще всего меняется в сторону неквалифицированного труда. Традиционными вариантами труда становятся профессии консьержа, гардеробщика, вахтера, уборщицы [6].

Наличие работы для пожилого человека - это возможность оставаться в коллективе, не выпадать из активной профессиональной жизни, быть занятым и востребованным.

Потенциал пожилых людей важен и для государства, может быть дополнительным ресурсом и базой для дальнейшего социально-экономического развития, при грамотном его использовании. Становится очевидной необходимость учета в государственной политике занятости выше обозначенной проблемы.

Примером нового подхода в решении проблемы трудовой занятости пожилых людей в российской политике занятости может быть разработка и реализация службой занятости с 2019 года программ переобучения лиц предпенсионного возраста, как имеющих работу, так и безработных. Расширение спектра программ, распространение их на лиц пенсионного возраста позволит снять остроту проблемы трудовой занятости пожилых людей.

Источники и литература

1) Дж. Гэлбрайт Новое индустриальное общество. М.: АСТ, Транзиткнига, Тегга Fantastica, 2004. 602 с.
2) Д.Белл. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с
3) М. Кастельс. «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура», 2000. 608 с.
4) Нетрудовой возраст: как предпенсионеры оказались без работы. Названо число неработающих предпенсионеров в России /[Электронный ресурс] - режим доступа:: . https://www.gazeta.ru/business/2019/08/29/12609253.shtml (дата обращения 22.01.2020)
5) Занятость и безработица /[Электронный ресурс] - режим доступа:: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения 22.01.2020)
6) Особенности трудовой занятости российских пенсионеров/[Электронный ресурс] - режим доступа: http://rospens.ru/research/analytics/osobennosti-trudovoy-zanyatosti-rossiyskikh-pensionerov.htm(дата обращения 22.01.2020)

Осипова Ольга Степановна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Департамент социологии, истории и философии, Москва, Россия

Межпоколенческое взаимодействие работников в условиях организационной цифровой трансформации

Проникновение новых технологий во все сферы жизнедеятельности современного общества, нацеленность Российской Федерации на формирование цифровой экономики обусловливают трансформацию социально-экономической политики на всех управленческих уровнях. Создаваемая цифровая среда требует совершенствования нормативного регулирования организационно-трудовых отношений, развития и эффективного использования человеческих ресурсов, предъявляет новые требования к работе HR-подразделений организаций. Переход к новым бизнес-моделям предполагает разработку социально-психологического сопровождения процессов организационной трансформации, переосмысления HR-стратегий и HR-политик, реформирования работы самих систем управления персоналом организаций.

В последние два года опубликовано достаточно много статей, посвященных диджитализации системы УЧР. В них описываются имеющиеся платформы и предоставляемый ими функционал, анализируются трудности, с которыми встречаются HR-подразделения при автоматизации административных процессов. Цифровизация HR-процессов создает благоприятные возможности для внедрения новых стратегических инициатив, касающихся вопросов мотивации, обучения работников, формирования их позиции в отношении вовлеченности в дела организации, создания экосистемы организации. Однако разработка концептуальных основ управления человеческими ресурсами организации с учетом специфики цифровой экономики затруднена тем, что в отличии от предыдущего периода развития теории и практики HR-менеджмента в России в настоящее время на западе нет устоявшихся моделей построения цифровой организации и единого понимания того как должны в рамках нее осуществляться HR-политики, обеспечивающие ее эффективное функционирование. В организациях, являющихся флагманами развития экономики 4.0, идет активный поиск не только новых бизнес-моделей, гибких организационных форм, но и выявление новых нестандартных методов организации работы с людьми, в том числе и по налаживанию межпоколенческих отношений в условиях трансформации классических организаций в цифровые. Данная работа еще не получила своего системного научного осмысления, что в значительной степени актуализирует необходимость ускорения проведения собственной научной рефлексии в области HR-менеджмента, консолидации усилий ученых, занимающихся вопросами социологии управления организациями, психологов, представителей менеджериальных наук. Необходимо проведение исследований, направленных на изучение новой палитры организационных конфликтов, сопровождающих цифровую трансформацию организаций.

Проведенный обзор информационных отечественных и зарубежных источников с целью выявления особенностей адаптации людей разного возраста к условиям цифровой организационной среды показал: 1) отсутствие научных обобщенных результатов по особенностям адаптации к цифровой организационной среде работников старшего возраста; 2) значительную активизацию практической работы в этом направлении со стороны зарубежных и отечественных компаний. Проведение пенсионной реформы актуализировало задачи выявления особенностей адаптации к цифровой среде работников старшего поколения, изучение перспективных направлений и форм взаимодействия разных поколений работников в условиях перехода к цифровой экономике в целях смягчения социально-психологических последствий пенсионной реформы.

Организационные преобразования, обусловленные автоматизацией, актуализируют задачи по формированию цифровых компетенций, развитию мотивационного механизма и совершенствованию образовательных технологий. Осознавая высокую практическую значимость поднятой проблемы, отсутствие обобщенных передовых практик и научных разработок, с 21 марта по 03 апреля 2019 г. был проведен социологический опрос лиц предпенсионного и пенсионного - «серебряного» возраста. Цель - изучение потребностей людей «серебряного возраста» в развитии профессиональных, личностных и информационно-коммуникационных компетенций для разработки образовательных программ по их адаптации к жизни в условиях цифровой экономики, улучшению качества трудовой жизни. Было опрошено 212 человек (свыше 30 городов РФ). За счет того, что опрос «Серебряный возраст» проводился в виде формализованного интервью с последующем заполнением электронной формы опросника интервьюером на платформе Google, были достигнуты не только оперативность проведения опроса, но и высокий уровень достоверности полученных результатов, что подтверждено статистическими расчетами. Новизна проведенного опроса заключается и в том, что он позволяет дифференцировать респондентов по уровню квалификации (высококвалифицированные, среднеквалифицированные и низкоквалифицированные работники, согласно Общероссийскому классификатору занятий), определить уровень цифровой грамотности именно работников «серебряного возраста», разработать рекомендации по адаптации к цифровой трансформации работников зрелого возраста, построению межпоколенческих отношений в организации.

Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-01042.

Панфилова Юлия Сергеевна

ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет", Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Функциональный потенциал профессиональных династий в условиях квазиоткрытой социально-профессиональной структуры

В научной литературе проблематика роли профессиональных династий в разные периоды российской истории включает в основном вопросы, связанные с исследованием их явных функций. Между тем,

современные тенденции развития социально-профессиональной структуры российского общества, связанные с консервацией неравенств внутри профессиональной среды, заставляют по-новому взглянуть на влияние профессиональных династий на воспроизводство рабочей силы. Это актуализирует проведение функционального анализа феномена профессиональных династий в современной России. Обобщение результатов исследований отечественных ученых позволяет выделить следующие основные функции профессиональных династий: 1) Функция воспроизводства образовательного и профессионального потенциала (Мансуров В.А., Иванова Е.Ю., Колесникова Е.М., Коротин Р.А., Попова И.П., Семенова А.В., Юрченко О.В., Калашникова К.А., Рождественская Е.Ю.). Данная функция оценивается как конструктивная и включает в себя следующие аспекты: – воспроизводство профессиональной группы посредством неформальных социальных практик (берут на себя часть этих функций у государства, системы образования и профессионального сообщества); – снижение рисков депрофессионализации группы за счет раннего погружения в профессиональную среду, принятия корпоративных моделей поведения; – профориентация младших членов семьи; – накопление и трансляция социокультурного-профессионального капитала» [1]; [2]. 2) Функция социальной идентификации (Колесникова Е.М.): «династии позиционируются как успешный профессиональный проект, сопровождаемый карьерным ростом, общественным и внутрипрофессиональным признанием. Члены династий преподносятся как эталонные представители профессионального сообщества» [3]. 3) Функция социальной адаптации (Федулкина Е.А., Калашникова К.А., Зибирова Е.А.). В формировании профессиональных адаптационных стратегий династийность, по мнению социологов и психологов, играет положительную роль: семейная принадлежность к профессиональной среде способствует более быстрой адаптации к существующим в профессиональном сообществе нормам, принятию модели поведения [4], помогает нивелировать факторы, отрицательно действующие на процесс овладения профессией [5], выработать адаптационные стратегии профессионального поведения [6]. 4) Вклад в развитие территориального рынка рабочей силы. Как отмечает Колесникова Е.М., профессиональные династии в локальных сообществах часто принимают роль посредника между государством, школой и предприятиями и именно в них активно происходит аккумуляция профессионального капитала территории» [3]. 5) Аккумуляция интеллектуального и символического капитала (Посухова О.Ю.) Эта функция оценивается не так однозначно. Конструктивный потенциал династий в этом отношении проявляется в том, что они

выступают неформальным институтом воспроизводства и развития той или иной сферы деятельности; деструктивный - в монополизации знаний [7]. 6) Функция социальной мобильности. Один из векторов рассмотрения профессиональных династий, который в отечественной науке только начинает свою разработку, является рассмотрение их как следствия стратегий воспроизводства социально-профессиональных позиций. В этом отношении профессиональные династии анализируются как корпоративные акторы, формирующие эксклюзивные каналы восходящей мобильности, что говорит об их деструктивном потенциале. Так, О.Ю. Посухова в этом отношении рассматривает профессиональные династии в трех аспектах: — «социальная монополия, способствующая социальной мобильности членов семьи; — как социальная монополия, затрудняющая социальную мобильность «не-членов» семьи; — сохранение и улучшение статуса членов семьи для высокостатусных профессиональных групп и защита имеющегося статуса у рядовых профессиональных групп, не имеющих дополнительных ресурсов для социальной мобильности» [8]. Таким образом, функциональный потенциал профессиональных династий в современной России нельзя оценить однозначно: выступая, с одной стороны, стабилизирующим фактором воспроизводства социально-профессиональной структуры, с другой - они являются инструментом ограничения доступа к знаниям и определенным социальным благам.

Благодарность: тезисы подготовлены при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в современном российском обществе».

Источники и литература

1) Мансуров В.А., Иванова Е.Ю., Колесникова Е.М., Коротин Р.А., Попова И.П., Семенова А.В., Юрченко О.В. Инженерные династии в России: проблемы формирования и функционирования // [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24–25 февраля 2016 г.) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 603-627.

2) Калашникова К.А., Анипкин М.А., Попова Е.Г. Социологический анализ роли медицинских династий в условиях модернизации современного института здравоохранения // Научный вестник ВАГС. Политология и социология. 2011. № 5. С. 36-43.

3) Колесникова Е.М. Педагогические династии: что они могут дать городу и местному сообществу // Социальное пространство. 2018. № 5 (17).

4) Федулкина Е.А. Теоретико-методологические аспекты влияния династийности на становление профессиональных смыслов будущих специалистов железнодорожного транспорта // Научно-исследовательская работа. 2009. № 9. С. 87-88.

5) Калашникова К.А. Функциональный анализ феномена династийности социального института здравоохранения в условиях модернизации осознанная преемственность или инерция // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. 2011. № 3 (15). С. 169-174.

6) Зиброва Е.А. Психология трудовых династий в контексте адаптации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (38). С. 166-171.

7) Посухова О.Ю. Роль профессиональных династий в академической среде российского общества // Власть. 2018. №7. С. 89-95.

8) Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100-103.

Романцева Екатерина Евгеньевна
МГУ им М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Конфликты в проектных организациях

Постоянное усложнение внешней среды заставляет современные организационные структуры претерпевать существенные изменения. Такие факторы, как: увеличение количества рисков, возрастание роли информационных потоков, динамичное изменение технологий и рынков с неизбежностью приводят к, все более активному использованию разнообразных гибких и автономно действующих проектно-ориентированных форм организации, позволяющих быстро и эффективно фокусировать усилия на достижении конкретной цели.

Эти новые организационные формы могут представлять собой комбинации, включающие в себя матричные, проектные и многомерные структуры, в которых проектный подход является определяющим, или выступать в форме временных (чистых проектных) структур. В любом случае,

идея заключается в объединении в одну команду самых талантливых работников организации, или внештатных специалистов, для реализации сложных проектов с соблюдением требований относительно сроков, качества и затрат.

Участниками проекта являются те субъекты, интересы которых, в той или иной степени затрагиваются конкретным проектом. Ключевыми участниками проекта (project stakeholders) являются субъекты, располагающие большими возможностями и полномочиями для реализации проекта, и «задача команды проекта - обеспечить наиболее позитивное отношение и влияние на проект со стороны этих ключевых участников, что предполагает учет их интересов в первую очередь. При этом в силу разных причин могут остаться без внимания интересы других субъектов проекта, что приводит к возникновению конфликтов [2, с.1].»

Важнейшим фактором успешности любого отдельного проекта или деятельности проектной организации в целом, является работа проектной команды, которая, как правило состоит из менеджера проекта, команды управления проектом и остальных членов команды, непосредственно, выполняющих работу. Необходимость объединения узкоспециализированных специалистов высокой квалификации, в том числе - людей творческих, обладающих нестандартным мышлением, профессиональными амбициями, является объективной причиной социальной неоднородности любой проектной команды и, как следствие, «благодатной почвой» для конфликтных ситуаций. Последние не ограничиваются распространенными межличностными конфликтами, свойственными любой организации и могут принять форму внутрипроектного конфликта.

«Конфликт проекта - это «воплощенное в столкновении противоречие в рамках проекта», их отсутствие рассматривается как одно из условий эффективности команды проекта... некоторые проектные команды совсем небольшие и любой конфликт может стать для них критическим [1, с.1].» К наиболее распространенным видам конфликтных отношений, возникающих в проектных организациях следует отнести следующие:

- конфликты, вызванные нарушением контрактных условий и обязательств между участниками проекта;

- конфликты, обусловленные факторами внутренней среды (менеджмент, процессное взаимодействие, особенности проектной команды);

- конфликты, обусловленные факторами внешней среды (политические, правовые, экономические);

- мотивационные конфликты (отсутствие реальной мотивации у компании-заказчика; сложность процесса точной оценки вклада отдельного участника/сотрудника в проект);

- межличностные, обусловленные сложностью и многообразием человеческих взаимоотношений.

Источники и литература

1) Дроздова В. А. Управление конфликтами в проектной команде: особенности, технологии // Психология, социология и педагогика. 2016. № 8 [Электронный ресурс]. URL: http://psychology.snauka.ru/2016/08/7072 (дата обращения: 30.01.2020).
2) Орлов С. Конфликты при реализации проекта //Спецвыпуск 3, 2005: Внедрение информационных систем [Электронный ресурс]. URL: https://www.iemag.ru/projects/detail.php?ID=17374 (дата обращения: 30.01.2020).

Савенкова Анастасия Сергеевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Конфликты в общеобразовательных учреждениях

Образовательный процесс в современной школе обладает универсальным характером, который оказывает влияние на все его элементы. По этой причине конфликты возникают как ответ на несогласованность работы различных структур школы, неправильно определенную стратегию развития и нюансы в системе межличностных отношений. В сознании сторон конфликта объективные причины воспринимаются по-разному. При этом ложное понимание и истолкование причин конфликта является стимулом для его продолжения.

Первичным толчком для возникновения и развития конфликта служит причина, но чаще всего не она сама, а посредством мотива, из которого она возникает. «Мотив рассматривается как субъективная сторона, выявляющая причины того или иного конфликта. Он присутствует не только в действиях зачинщика, но и в поступках каждого участника конфликта и выражается в удовлетворении своих потребностей или в соответствии со своими представлениями, разумом, чувствами, т.е. в соответствии со своим сознанием». [1, с.384]

Так как не все конфликтные ситуации, которые возникают в общеобразовательном учреждении оказываются зафиксированными правоохранительными органами или руководством школы, следует предположение, что весь персонал общеобразовательного учреждения в большей или меньшей степени может являться участником конфликта.

Структура школы четко определяет роль каждого из субъектов в образовательной системе. Поэтому по направленности взаимодействия субъектов конфликты можно классифицировать как вертикальные, горизонтальные или смешанные.

Внутрисистемные взаимодействия субъектов школы по направленности и внесистемные взаимодействия между учебным заведением и обществом создают разнородные типы социальных отношений, в рамках которых и происходят конфликтные ситуации. Их можно охарактеризовать как «общество-школа», «администрация-педагогический коллектив», конфликты внутри ученического и педагогического коллектива, а также представителей этих коллективов друг с другом.

При взаимодействиях следующей группы - администрации и педагогического коллектива конфликты порождаются объективными причинами: в их основе могут лежать финансовые поощрения, властные полномочия, должностные и статусные разногласия, отсутствие согласованности в действиях работников, низкий уровень коммуникации, непроработанное описание полномочий сотрудников и требований к ним, допущение к работе некомпетентных специалистов, высокая нагрузка на сотрудников, несоблюдение требований к трудовым условиям, неготовность штата к инновациям, ошибки и неточности в формировании корпоративной культуры, отсутствие требований к нормам поведения. [2, с.74]

Взаимодействие группы «учитель-ученик» является одним из основных в образовательной среде школы. Преподаватель играет центральную роль в процессе передаче знаний; сам педагог, в некоторой степени, должен являть собой представителя референтной по отношению к ученику группы и вместе с этим осуществлять воспитательные функции. Однако в настоящее время представления о социальных ролях учителя и ученика претерпело значительную трансформацию. Одной из причин конфликтного поведения выступает тот факт, что ученик нередко ощущает себя в качестве заказчика некой услуги, и хочет получать только необходимые с его, а не с точки зрения педагога.

Довольно типичными для образовательной среды являются конфликты внутри педагогического коллектива, толчком к возникновению которых становятся профессиональные и мировоззренческие взгляды, культурные и личностные особенности. Подобного рода конфликтные ситуации происходят по ряду причин. В качестве основных можно указать разницу в профессиональном уровне и школах преподавания, различных представлений о морали и ценностях, разном культурном уровне, возрастных противоречиях. Разница в финансовом положении также может побудить возникновение конфронтации в педагогической

среде.

Существенной причиной для возникновения конфликтов является нечеткое разделение прав и обязанностей между отдельными работниками, при этом одни сотрудники, перегружены работой, а другие ощущают себя невостребованными.[3, с. 57-70]

Иногда администрация учебного учреждения фактически потворствует усилению конфронтации в преподавательском коллективе по причине неорганизованности рабочего процесса .

Предоставление учителю с большим стажем работы приоритета в выборе удобных часов в расписании; при этом пренебрежение интересами молодых педагогов, время для проведения уроков которым предлагается по остаточному принципу; зачастую с большим промежутком между занятиями. Так, расписание составленное, с учетом просьб более опытного учителя, для его коллеги с меньшим стажем работы грозит увеличением времени нахождения в учебном заведении с несколькими незанятыми работой часами, либо, неравноценным распределением трудовой нагрузки по дням. Возникший межпоколенческий конфликт, требует вмешательства администрации с целью его разрешения и соблюдения принципов объективного распределения учебной нагрузки при формировании расписания. [4, с. 204-208.]

Источники и литература

1) С.М. Емельянов Практикум по конфликтологии Издательство: Питер, 2009 г.; 384 стр.
2) Рыбакова М.М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе. - М., Академия, 2010; 74 стр.
3) Шереги Ф.Э. Конфликт руководителей и педагогов в школе. СОТИС - социальные технологии, исследования. М, 2016 , с. 57-70
4) Некрасова Е.Н., Ильина А.И., Педагогические конфликты в начальной школе, Педагогическое пространство: обучение, развитие, управление талантами материалы международного заочного педагогического форума. М, 2016, с. 204-208.

Сальников Алексей Викторович[1], Осипенко Эдуард Борисович[1]

1 - Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Власть и авторитет в структуре управления: теоретические аспекты

Авторитет часто рассматривается как одна из форм осуществления власти, с помощью которой обеспечивается контроль за действиями людей и их согласование как в общих, так и в индивидуальных интересах.

Соотношение авторитета и власти достаточно подвижно, ибо авторитет - качество как приобретаемое, так и теряемое, если он перестает удовлетворять потребности потребителя авторитета, кроме того, различные виды авторитета могут дополнять друг друга, усиливая или ослабляя совокупный авторитет. Авторитет - величина переменная, уровень которой приходится постоянно поддерживать, сколько бы субъект не оставался у власти. Легче сберечь авторитет, чем завоевать заново. Первым шагом к подрыву авторитета почти всегда становится первый шаг безответственного поведения субъекта управления.

Объект управления постоянно оценивает действия субъекта. При этом он исходит из своих ценностно-нравственных ожиданий, сложившихся на основе общественно значимых ценностей и норм, в содержание которых входят требования к носителю власти как к личности, к его компетентности и ответственности, а также к стилю и способам осуществления властных полномочий [1]. Для того, чтобы сформировался действительный авторитет, необходима позитивная реакция управляемых на каждую из личных характеристик субъекта. Реакция на личные качества обладателя власти становится уважение, на компетентность и ответственность в его способностях и возможностях, на стиль руководства и управления - приемлемость [2, С. 21-22]. Если эти реакции имеются, то ожидания объекта оправдаются, в сочетание уважения, уверенности и приемлемости аккумулируются в доверии, переходящим в авторитет. Если же таких реакций нет или они противоречивы, то авторитет либо вообще не складывается, либо он недостаточен. Для того, чтобы поддерживать авторитет на достаточно высоком уровне необходимо особое внимание уделять изучению того вклада, который человек обязан вносить в законные ожидания, и средства достижения им авторитета, завидного положения, доминирования и статуса в иерархии, доступные в обществе [3, С. 280].

Особое значение имеет также фактор времени, позволяющий потребителю авторитета оценить проявления авторитета и выработать собственную позицию относительно условий потребления этого авторитета.

Наделение властными полномочиями дает лишь возможность той или иной личности проявить себя в качестве субъектов власти. Индивид

способен выступать как единственный источник цели в управленческой системе только в том случае, когда его решения изначально наделены свойством абсолютной истинности. Такое свойство выступает в силу качества, не присущего обычным людям, в силу особого дара, которым наделен данный индивид [4, С. 50-51]. Посредством этого дара («харизмы») они реализуют свое искусство и свою власть [5, С. 179]. Авторитет не может сложиться только в процессе самой деятельности, как один из ее результатов, на основе синтеза личностных и профессиональных качеств носителя власти. При этом уровень складывающегося авторитета будет тем выше, чем больше степень соответствия поведения субъекта власти ожиданиям объекта. Чем меньше это соответствие, тем больше власть удерживается только на полномочиях, утрачивая авторитет. А поскольку авторитет практически всегда выступает в качестве социальной оценки субъекта управления со стороны управляемых, то забота о его сохранении и приумножении должны постоянно находиться в поле зрения властных структур [1].

Источники и литература

1) Ефимова С.С. Механизм формирования общественного мнения о власти в современной России: автореф. Дис. ...канд. соц. наук. Саратов, 2007. 18 с.
2) Аникиц Л.С., Бегинин В.И., Давыдов Г.В., Аракчеева М.Б. Социология власти и авторитета. Саратов, 1994. 26 с.
3) Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ.; под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 319 с.
4) Аверин Ю. П. Люди управляют людьми: модель социологического анализа. М.: Изд-во МГУ, 1996. 144 с.
5) Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542 с.

Свердликова Елена Альбертовна

социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Возвращение женщин в организацию после декретного отпуска: специфика восприятия в социальных сетях

Возврат матерей на работу после длительного отпуска по уходу за ребенком (или после продолжительной экономической неактивности за пределами отпуска) тесно сопряжен с рядом проблем, в которых заложен большой конфликтный потенциал. Мы попытались систематизировать основные проблемы и трудности, с которыми сталкиваются женщины, находящиеся в подобном положении. С помощью метода контент-анализа были проанализированы социальные сети, где женщины делятся своими соображениями по поводу причин и факторов, которые уже привели к конфликтам или могут к ним привести. https://xn–80akibcicpdbetz7e2g.xn–p1ai/; https://hh.ru/; https://www.u-mama.ru/ и др.

На каждом из них было представлено около 5 открытых обсуждений на тему возвращения женщин на рынок труда. Далее, были разработаны понятийная и операционная схемы анализа.

В результате выявлены содержательные и формальные характеристики. К содержательным характеристикам первого уровня отнесены следующие: недостаток опыта, прежнее место работы занято, увольнение в период декрета, невозможность подобрать требуемый график, необходимость регулярно брать отгул, в связи с болезнью детей, нежелание работодателя выплачивать положенные компенсации, нежелание работодателя соблюдать нормы трудового права о дополнительном времени отдыха для кормления, проблема отказа работодателей при поиске работы, понижение в должности на прежнем месте работы. Второй уровень содержательных характеристик - оценки, положительные, отрицательные и нейтральные. К формальным характеристикам отнесены пол, возраст авторов, время написания, объём и удельный вес информации. Единица наблюдения - элемент формализованного содержания текстовой совокупности, состоящей из нескольких слов, словосочетаний, содержащих законченную мысль и ограниченной рамками одной или нескольких содержательных характеристик. Основные результаты исследования. Всего проанализировано 400 текстов, что в совокупности составило 3260 условных строк. Из них, 2728 строк или 83,6% обработанной информации посвящены исследуемой теме. Как правило, женщины пишут достаточно длинные сообщения, в среднем по 8,1 строк, полностью посвящая их указанной проблеме, без отступлений на другие темы. Иерархия внимания коммуникатора к содержательным характеристикам распределилась следующим образом. Наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются женщины, это ситуации, когда прежнее рабочее место женщины уже занято другим сотрудником и работодатель отказывает ей в возвращении (613 строк или 22,5%), а также - неправомерный отказ работодателя при поиске работы (489с./17,9%). Часто

женщины сталкиваются с увольнениями в период отпуска по уходу за ребенком (409/15) и утратой необходимых навыков в период отсутствия работы (425/15,6). Наименее остро стоят такие проблемы, как понижение в должности (129/4,7); нежелание работодателя выплачивать положенные компенсации (98/3,6) и неготовность работодателя соблюдать нормы трудового права о дополнительном времени отдыха для кормления(43/1,6). Что касается следующей качественной характеристики информации - оценок, превалируют отрицательные. До 2019 г. больше всего отрицательных оценок у характеристики «прежнее рабочее место занято»(109), в 2019(73) - небольшая положительная динамика; «отказ работодателей», соответственно, 79/34; «недостаток опыта»-50/44; «нежелание выплачивать компенсации»-43/11. Меньше всего отрицательных оценок: «нежелание соблюдать нормы трудового права о дополнительном отдыхе»-6/5;«понижение в должности на прежнем месте работы»-13/8. Исключение составляет содержательная характеристика «невозможность подобрать требуемый график», в определенных случаях женщины писали об уступках работодателей и возможности подстроить время труда под график ребенка. Другим исключением является характеристика «проблема отказа работодателей при поиске работы». Далее, обратим внимание на формальные характеристики. Исследуемая проблематика изначально является женской (83% авторов информации - женщины). Однако и мужчины затрагивают эту тему в социальных сетях (2,6%). Кроме того, в силу анонимности исследуемых порталов определить пол очень часто не удается(14,3%).

Подводя итоги, определим, что изучение проблем, возникающих у женщин при возвращении на работу после декретного отпуска, фиксирует устойчивую негативную оценку факторов, осложняющих процесс адаптации к новой ситуации. Было установлено, что женщины обеспокоены не одной конкретной проблемой, а целым комплексом взаимосвязанных негативных факторов. По-прежнему сохраняется противоречие между социальной ролью женщины-матери, которая выражается в необходимости создания семьи, повышении рождаемости и социальной ролью женщины-работника, к которой предъявляются требования реальных и потенциальных работодателей, не желающих терять работника на период беременности и ухода за ребенком.

Симонова Маргарита Михайловна

Доцент кафедры управление персоналом и психология, Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия

Работа и стресс, профилактика стресса

Профессиональный стресс — понятие очень сложное. Стресс, связанный с работой, отражается на человеке в целом. И здесь нас также подстерегает проблема, поскольку любой работник приходит на работу с предрасположенностью к стрессу.

Можно выделить несколько источников стресса. Одни относятся к работе. Другие связаны с ролью нанятого в конкретной организации, третьи — с карьерным ростом, четвертые — с отношением к работе и пятые — со структурой и климатом в организации.

Вид взаимодействия со стрессорами на работе также является личностной характеристикой. Стрессоры скорее привносятся в работу, а не появляются в результате, но в любом случае они неотъемлемая часть профессионального стресса. К таким характеристикам относятся: уровень тревожности, уровень нейротизма, толерантность к ситуациям неопределенности.

Сюда же можно включить стресс, возникающий за пределами рабочего места. Эти внеорганизационные стрессоры появляются из семейных проблем, жизненных кризисов, финансовых трудностей и факторов окружающей среды.

Одной из моделей профессионального стресса можно назвать модель напряжения на работе. Согласно этой модели, стресс является результатом повышенных требований к работе и низким уровнем влияния на процесс деятельности. Вы можете представить, как тяжело, когда от вас ожидают высокой продуктивности, не давая возможности решить, что и как делать. В этом случае способ оценивания вас (соответствия выдвинутым высоким требованиям) зависит от факторов, которые вы не можете контролировать. Это крайне неприятно!

Другой моделью может быть несоответствие усилий и вознаграждения. Согласно этой модели стресс - результат слишком больших усилий и очень низкого вознаграждения за хорошо сделанную работу. Здесь на одном полюсе стоит высокая загруженность на работе, а на другом - заработок, оценка и статус на работе. Согласно модели несоответствия усилий и вознаграждения, «требуемые задачи в плохих условиях, плохое продвижение и низкий заработок по сравнению с квалификацией могут угрожать здоровью и благосостоянию работников».

Возможно, профессиональный стресс является комбинацией факторов, включенных в обе эти модели. Таким образом, высокие требования, низкий уровень влияния на процесс деятельности и недостаточное вознаграждение, возможно, являются факторами, вызывающими профессиональный стресс.

Работники, подвергающиеся воздействию профессионального стресса, не получают удовлетворения от своей работы, и у них больше симптомов психосоматических заболеваний, велики озлобление и чувство отвергнутости.

Профессиональный стресс влечет за собой также и психологические последствия. Например, было обнаружено, что в результате профессионального стресса снижается уверенность в себе, возрастает напряжение на работе, а удовлетворенность работой снижается. Помимо этого, исследования психологических последствий свидетельствуют о том, что прогулы и плохая производительность труда также связаны со стрессом на работе.

Профессиональный стресс возрастает, когда неясны цели работы, когда выдвигаются противоречивые требования, когда работы слишком много или слишком мало, когда работники в лучшем случае могут оказывать незначительное влияние на принятие решений и несут ответственность за профессиональное развитие других людей [1].

Каким образом, можно «бороться» с профессиональным стрессом. Во-первых, можно влиять на восприятие стресса.

1. *Найдите что-нибудь смешное в воздействующих на вас стрессорах.* Энергичная преподавательница, расстроенная глупостями, высказываемыми ей директором, записывала их, а потом написала интересную юмористическую книгу на их основе. Директор, может, и не понял, что смешного в этой технике учительницы, но она сама оценила это; к тому же она издала книгу.

2. *Различайте желание и потребность.* Например, высказывание: «Я должна закончить эту работу» скорее значит «Мне так хочется закончить эту работу», это будет более честно.

3. *Отделяйте свою самооценку от работы.* Если вам не удалось справиться с заданием, это не значит, что вы неудачник.

4. *Оцените ситуацию и разработайте соответствующий способ копинга.* Лазарус и Фолкман различали копинг, ориентированный на проблему, и копинг, ориентированный на эмоции. Проблемно-ориптированный копинг характеризуется особыми способами выполнения задания, тогда как эмоционально-ориентированный копинг — способами, позволяющими отрегулировать свои чувства по отношению к задаче [2].

Если вы используете проблемно-ориентированный копинг по отношению к невыполненному заданию (например, прочитать трактат в 200 страниц об обычаях миграции землероек к завтрашним занятиям), вы только расстроитесь и создадите все предпосылки для развития дистресса.

Регуляция эмоционального возбуждения

Регулярные занятия релаксацией могут помешать профессиональному стрессу вызвать заболевание, испортить отношения с коллегами или членами семьи, привести к злоупотреблению алкоголем и наркотиками и поможет предотвратить другие последствия профессионального стресса. Можно найти уединенные места на работе, где часть перерыва можно отвести для медитации или релаксации.

Регуляция физиологического возбуждения

Что касается других стрессоров, то существует много способов реализации побочного продукта стресса. Осознавая этот факт, многие организации построили спортивные залы и стадионы (например, беговые дорожки). Если вам повезло и у вас на работе есть нечто подобное, воспользуйтесь имеющимися возможностями. Если нет, то вы можете пойти в клуб (если вам необходимо общество других людей) или заниматься самостоятельно.

Указанные выше аспекты имеют ключевое значение при управлении изменениями в организации, поскольку данный процесс означает внедрение новых методов и технологий, с тем, чтобы преобразовать деятельность организаций в соответствии с изменяющимися требованиями рынка или извлечь выгоду из создавшихся в бизнесе возможностей.

Источники и литература

1) Базаров Т.Ю. Управление персоналом 8-е изд., стереотип. - М.: Академия, 2010. - 224 с.
2) Столяренко Л.Д. Психология управления: учеб. пособие, -М., 2005. - 512 с.

Солнцева Оксана Глебовна

Государственный университет управления, Москва, Россия

Роль системы мотивации в организационных преобразованиях

Важное значение приобретают изменения во внешней среде, обуславливающие принятие адекватных мер, связанных с обеспечением готовности работников их воспринимать и активно участвовать в их интеграции

в организационную среду, а также используя при выполнении своих профессиональных функций и обязанностей. Необходимо учитывать такие факторы, как специфика деятельности, характер и особенности выполняемых работ, цели организации, ее организационная культура, половозрастной состав компании и др.

Преобразования требуют принятия системных мер, которые объединяют работу по разным направлениям. Особенно ответственные решения должны быть приняты в системе трудовых ресурсов постиндустриального общества, так как от готовности людей будет зависеть результативность внедрения изменений и получения оперативных высоких результатов. Все преобразования, реализуемые в практике организаций сопряжены с тем, как к ним относятся люди разных поколений, имеющие разную степень готовности к использованию их в своей деятельности, так как первоначально располагают различным уровнем подготовки к освоению нового, а также особенности в психологическом восприятии, что вызывается личностными качествами, характеристиками, привычками, традициями [1]. Указанное актуализирует обращение внимания на возможности появления конфликтов и дискриминационных явлений в связи с возникновением возможных противоречий при работе в новой среде. Повышению компетенций персонала во владении им новыми техническими средствами, для работы с электронными устройствами и ресурсами, а также интеграции в измененную коммуникационную среду безусловно будут способствовать адаптационные и обучающие мероприятия, благодаря которым будет достигнут достаточный уровень сплоченности для успешной совместной работы [4]. Основой для расширения функций по обучению и адаптации является действующая система мотивации и стимулирования, включающая как материальные, так и нематериальные элементы. Потенциал данной сферы значителен в связи с тем, что содержит широкий инструментарий, согласно которому можно учесть особенности предпочтений и приоритетов людей разных возрастов и интересов [3]. Для повышения результативности совместной работы в современных условиях необходимо предпринять действия, направленные на повышения командообразования, которые будут влиять на повышение сплоченности коллектива, вызывать желание проявлять взаимопомощь и взаимовыручку. Такая же направленность должны быть и у обучающих мероприятий, предполагающая совместную включенность в изучение и внедрение в практику инновационных процессов [2]. Преобразования в постиндустриальном обществе обуславливают появление значительных изменений и в организационное построение компании и ее среды, в которой выделяются виртуальные подразделения, офисы, распространена

практика удаленной работы, что привносит свои коррективы в систему социально-психологических отношений и должно быть отражено в мотивационных программах [5].

Таким образом, для того, чтобы обеспечить достижение поставленных целей, которые предполагают очевидные изменения в сфере управления людьми, важно в первую очередь выяснить их актуализованные потребности, а также барьеры и препятствия, связанные с решением ими поставленных задач. Далее необходимо оценить социально-психологическую готовность участия персонала в намеченных преобразованиях, принимая во внимание результаты мониторинга удовлетворенности трудом, вовлеченности и лояльности. Важно при этом определить то, насколько на показатели производительности труда и их динамику влияют непосредственно социально-психологические факторы, которые должны быть отражены в системе стимулирования трудовой активности, проанализировать уровень текучести персонала, дать оценку этому явлению в организации, провести исследование обратной связи от персонала на предмет его оценки существующей системы мотивации с учетом наметившихся изменений

Источники и литература

1) Вардиева А.С., Тимофеева А.А. Особенности российской национальной организационной культуры - Материалы 34-й Всероссийской научной конференции молодых ученых. Государственный университет управления. Москва, 2019. С. 300-303

2) Оганесян А.П. Влияние инновационных технологий на стабильное развитие предприятий гостиничной индустрии / А.П. Оганесян // Вестник университета. – 2017. — № 11. – С. 46-50.

3) Оганесян А.П. Отбор персонала в гостиничной сфере - Материалы 34-й Всероссийской научной конференции молодых ученых. Государственный университет управления. Москва, 2019. С. 285-289.

4) Солнцева О.Г. Влияние менталитета на адаптацию организационной культуры в условиях международной компании / О.Г.Солнцева // Вестник университета. – 2019. — № 1. С. 30-33.

5) Солнцева О.Г. Особенности современной системы управления мотивацией сотрудников гостиничного бизнеса — Актуальные проблемы управления-2018 [Текст]: Материалы 23-й Международной научно-практической конференции; Государственный университет управления. – М. : Издательский дом ГУУ, 2019. С. 61-64.

Соловьёва Ирина Юрьевна
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Социальные технологии борьбы с конфликтами в управленческой деятельности

Актуальным является обращение к борьбе с конфликтами в управлении [14, 13]. Очень важным представляется рассмотрение причин возникновения данной проблемы в организации [10, 9], а также внимание к столкновениям между сотрудниками организации, почвой для которых являются экономические интересы [8, 7]. Столкновение интересов - самая частая причина конфликтных ситуаций в любой сфере жизни общества, в том числе в области образования [2, 3, 5]. Управленцам так же приходится сталкиваться с такими ситуациями, в которых подчиненные не могут найти общий язык, что в свою очередь препятствует выполнению их служебных обязанностей. Поэтому управленцам необходимо знать, как правильно выстроить эффективную технологию взаимодействия в организации [4, 12, 11]. Данная технология поможет предотвратить деструктивные конфликты и разрешить конструктивные.

Социология управления - наука, которая дала теоретическое и практическое обоснование данной проблемы в широком смысле [1, 6], но недостаточное внимание исследователи уделяют изучению причин конфликтов в организации. Мы полагаем, что необходимо более подробно описывать каждую из причин, которые провоцируют конфликты. Более подробно мы рассмотрим конфликты в организации на экономической почве.

Движимый собственными экономически обусловленными интересами человек может вступить в конфликт в условиях коллектива, так как в экономических интересах содержатся и элементы сотрудничества, как и элементы соперничества.

Можно выделить два основных вида противоречий в организации, основанных на экономических интересах:

1. Между работодателем и подчиненным;

2. Между профессиональными категориями, обусловленные желанием перераспределением обязанностей и вознаграждения за дополнительные обязанности.

Руководители и менеджеры заинтересованы в росте прибыли и, невзирая ни на что, пытаются любыми путями его увеличить. Подчиненные, в свою очередь, хотят повышения их заработной платы, несмотря даже на убыточное состояние организации. В связи с данными факто-

рами возникает дисбаланс интересов, влияющий на функционирование внутри организации. С другой стороны, если в данных условиях зарождается конфликт, то он дает возможность управленцу обратить внимание на имеющиеся в его организации проблемы.

На основе всего выше изложенного можно сделать вывод, что для борьбы с конфликтными ситуациями на почве экономических интересов необходимо разработать технологию борьбы с данной проблемой, которая будет заключаться в следующем:

1. Необходимо наладить обратную связь между подчинёнными и руководством организации. Подчинённые должны знать, что их интересы учитываются при принятии решений об экономических изменениях в организации.

2. Установить строгий контроль за соблюдением договоренностей как со стороны руководства, так и со стороны подчинённых.

3. Учредить свод обязанностей за несоблюдение, которых будут накладываться определенные обязательства (какие именно это будут обязательства, также должно быть прописано в уставе или договоре).

Итак, нами была рассмотрена тема борьбы с конфликтными ситуациями в управленческой деятельности на экономической почве с точки зрения социологической науки, были выделены основные виды противоречий, образующих конфликты. Также мы попытались выделить социальную технологию, которая, по нашему мнению, поможет в предотвращении конфликтных ситуаций.

В заключение хотелось бы обратить внимание руководителей на необходимость своевременно проводить диагностику социальных проблем, имеющихся в организации. Данная мера поможет правильно расставить приоритеты для подчинённых и наладить благоприятный климат в коллективе.

Источники и литература

1) Бабосов Е.М. Социология управления : учебное пособие : (для системы корпоративной учебы) / Е.М. Бабосов, В.П. Бабкин, А.К. Мамедов; МПО ОАО «Газпром», Социол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2012. 310 с.

2) Вакорина Л.Ю. Инклюзивное образование в России: механизмы управления и повышения эффективности / Л.Ю. Вакорина // Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Российский университет дружбы народов. Москва, 2019. 221 с.

3) Вакорина Л.Ю. ПМПК в контексте инклюзивного образования: ключевые показатели деятельности / Л.Ю. Вакорина, О.Г. Приходько, О.В. Югова // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т.19. №4. С.814-824.

4) Власенко О.А. Теория социальных организаций: современные технологии управления / О.А. Власенко, С.А. Шилина // В сборнике: Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика. Материалы международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 59-64.

5) Гезалов А.А.О. Статус и миссия университета в постмодерне / А.А.О. Гезалов, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов // Век глобализации. 2018. № 4 (28). С. 152-159.

6) Мамедов А.К. Вариативность современного социогенеза: общество знания / А.К. Мамедов, Э.Д. Коркия // В сборнике: Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты. М., 2015. С. 486-493.

7) Мамедов А.К. Информационное общество: эволюция неравенства // А.К. Мамедов, Э.Д. Коркия // В сборнике: Актуальные проблемы информационного общества в науковедении, культуре, образовании, экономике. Сборник научных докладов XV Международной научно-практической конференции. 2018. С. 375-285.

8) Мамедов А.К. Новый взгляд на прежние маркеры социальной стратификации: образование в обществе потребления / А.К. Мамедов, Э.Д. Коркия, С.Г. Малашонок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4. С. 777-788.

9) Семенова И.В. Возможности методики Д. Макклелланда в изучении мотивации персонала // Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика. Материалы IV ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. Н.П. Нарбута, Д. Г. Подвойского. М.: Экон-информ, 2014. С.111-120.

10) Семенова И.В. Управление ценностно-мотивационной сферой государственных служащих: диагностика и модель компетенций / И.В. Семенова // Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Российский университет дружбы народов. Москва, 2019. 150 с.

11) Технологии социальной работы в специализированных учреждениях социального обслуживания. Ч. 1: Учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 39.03.02 – «Социальная работа» // Авторы-составители: Лифанова Т.Е., Шилина С.А. Брянск: «Полиграм-Плюс», 2019. 161 с.

12) Шилина С.А. Коммуникативные технологии в системе отношений государства и общества // Власть. 2013. № 2. С. 043-046.

13) Шилина С.А. Регулирование межличностных конфликтов в системе муниципального управления / С.А. Шилина, А.В. Ячменева // В книге: Практический дискурс высшей школы. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. 2016. С. 149-151.

14) Ячменева А.В. Современные технологии управления по регулированию межличностных конфликтов в системе муниципального управления / А.В. Ячменева, С.А. Шилина// В сборнике: Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 527-532.

Субочев Николай Сергеевич

Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС, Волгоград, Российская Федерация

Модернизация организационной культуры как потенциальный источник конфликтогенности

1. В условиях обострения конкурентной борьбы на рынках труда, товаров и услуг для устойчивого функционирования и развития предприятий требуется разработка и реализация стратегии организационного совершенствования и технического обновления производства. Для успешной реализации радикальных изменений необходимо кадровое обеспечение предприятия квалифицированным и мотивированным персоналом, способным позитивно воспринимать и своевременно осваивать инновации. Необходимость инновационного подхода особенно остро ощущается на предприятиях, которые находятся на стадии стагнации и последовательного ухудшения рыночных позиций. Описывая характерные признаки этой стадии, А.Р.Алавердов и Т.П.Алавердова отмечают среди прочих

такие негативные явления, как снижение общей эффективности HR-менеджмента, ослабление корпоративного духа и ухудшение психологического климата в коллективе, снижение лояльности и сокращение персонала, в том числе инициативные увольнения наиболее ценных сотрудников, резкое увеличение производственных и межличностных конфликтов на всех уровнях управления. [1, с. 36-37].

В этом перечне целесообразно обратить внимание на индикаторы организационной культуры, такие как ослабление корпоративного духа и ухудшение психологического климата в коллективе, снижение лояльности и резкое увеличение производственных и межличностных конфликтов. Дело в том, что восстановление утраченных позиций и переход к стратегии развития невозможно осуществить без модернизации существующей культуры, изменения её состояния таким образом, чтобы она способствовала стратегии обновления организации и её инновационному развитию.

2. Анализ мирового опыта модернизации организационной культуры, проведенный Мэтсом Элвессоном, позволил выделить три основные технологии культуральных изменений: «менеджмент культуры»; «органичное социальное движение» и «переустройство повседневной жизни»[2, гл.8]. Менеджмент культуры, представляет собой самый радикальный и короткий по продолжительности вариант её модернизации, где ведущая роль принадлежит первому руководителю и топ-менеджерам, которые при необходимости могут привлечь в качестве внешних консультантов специалистов по организационной культуре. Здесь главными средствами управленческого воздействия являются административные и экономические методы, применение которых подкрепляется морально-психологической поддержкой сторонников обновления и личным примером руководителей для демонстрации целесообразности и полезности проводимой инновации. Данная технология имеет много сторонников среди ученых и практиков управления за рубежом и в нашей стране. К ним относятся Т. Питерс и Р.Уотермен, Р.Куинн и К.Камерон, Э.А.Капитонов, Ю.Д.Красовский, О.Г.Тихомирова и др.

3. Другая технология модернизации сложившейся культуры - «органичное социальное движение» - не предусматривает быстрых и радикальных управленческих воздействий. Она инициируется и осуществляется руководителями среднего звена с одобрения высшего руководства, осознавших необходимость нововведений. При этом преобразования методов деятельности, норм и правил поведения в организации получают поддержку активной части рабочего персонала, который видит выгоды от реализации проектируемых изменений.

4. «Переустройство повседневной жизни» представляет наименее радикальный и наиболее длительный процесс частичных изменений организационной культуры. Инициаторами здесь выступают непосредственные участники производства товаров и услуг, которые в большинстве случаев постепенно вносят в свою производственную среду новые приемы выполнения трудовых операций, нормы и правила поведения с коллегами и руководителями, а также с партнерами и клиентами организации. Такой способ чаще всего осуществляется спонтанно, под давлением изменяющихся условий внешней среды и других, не зависящих от работников обстоятельств.

5. Опыт развития современных предприятий, атрибутом которого является модернизация организационной культуры, позволяет оценить рассмотренные выше технологии с точки зрения их конфликтогенности. В научной литературе понятие конфликтогенности имеет различные трактовки в зависимости от области исследования. Из этого множества целесообразно выделить определение конфликтогенности, предлагаемое Ю.Г.Грязновой, которая определяет этот феномен как «процесс нарастания противоречий во взглядах, интересах и ценностях под влиянием эндогенных и экзогенных факторов, приводящий к столкновению сторон и обостряющий способы взаимодействия между ними»[3]. Оценивая потенциальную конфликтогенность указанных выше технологий модернизации организационной культуры, есть основания расположить их в зависимости от нарастания возможностей возникновения конфликтов в следующем порядке: «переустройство повседневной жизни», «органичное социальное движение» и «менеджмент культуры».

6. Мы считаем преувеличением относить технологии переустройства повседневной жизни и органичного социального движения к инновациям, поскольку они не предполагают радикальных изменений в трудовом поведении персонала. Между тем именно в таком ракурсе инновации трактуются в научных публикациях и в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике»: «Инновации - это введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях». [4] Поэтому указанные выше частичные изменения организационной культуры следует квалифицировать как эволюционные процессы. Однако наблюдаемое в современном мире обострение конкуренции часто не предоставляет собственникам и менеджменту инновационных предприятий таких возможностей.

7. В этих условиях возрастает востребованность менеджмента культуры, от успешной реализации которого зависит успех предприятия в конкурентной борьбе, где важнейшим фактором становятся инновации. Как верно отмечает О.Г. Тихомирова, «это требует не только реорганизации и перепроектирования производственных процессов, но и переосмысления, установления новых связей и отношений между элементами организации, новой идеологии управления фирмой, т.е. формирования новой организационной культуры.» [5, с.97]. Соглашаясь в принципе с таким подходом, следует заметить, что осуществление инноваций на действующих предприятиях потребует не формирования, а модернизации уже существующей в организации культуры путем разработки и реализации комплекса мер, направленных на формирование позитивного восприятия персоналом инновационных процессов.

Источники и литература

1) Алавердов, А.Р., Алавердова, Т.П. Особенности стратегического управления персоналом на различных стадиях жизненного цикла организации.//Проблемы теории и практики управления. – 2019, №10.
2) Элвессон, Мэтс. Организационная культура. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр. 2005, – 460 с.
3) Грязнова, Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества/ Ю. Г. Грязнова [Электронный ресурс].–Режим доступа:http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1239/gryaznova2011_3.pdf
4) Федеральный закон от 21 июля 2011 года N 254-ФЗ. ««О науке и государственной научно-технической политике» (с изменениями на 26 июля 2019 года)
5) Тихомирова, О.Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка: Учеб. пособие.–М.: ИНФРА-М, 2012.– 151 с.

Сулиманова Алина Магамедовна

СКФУ, Ставрополь, Россия

Поведение молодежи на городских улицах (результаты опроса жителей г. Ставрополя)

Стремление социума к установлению определенных правил поведения базируется на желании построить гармоничную структуру общества. Но, именно молодежь показывает тенденцию к отрицанию установленных культурных норм и порядков. Несмотря на стремление подростков приобщиться к миру взрослых, ребенку, переживающему кризис переходного возраста, присуще также стремление к личной автономности, независимости и самостоятельности, проявление чувства взрослости и критичность по отношению к старшим поколениям [3, с. 140].

Частью поведения городских жителей является и их поведением на улицах. На улицах существуют принятые нормы поведения, такие, как не разговаривать громко; не толкаться; не мусорить; не распивать алкогольные напитки; соблюдать правила дорожного движения (ПДД) и другие [1, с. 20-21].

Несоблюдение молодежью положенных норм поведения доставляет неудобства и неприятности окружающим, что впоследствии приводит к конфликтам и негативной обстановке на городских улицах [2, с. 26].

Цель исследования: выявить мнение жителей города Ставрополя о поведении молодежи на улицах.

Время опроса: 12 ноября 2019 года. Метод: анкетирование с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми вопросами, которое было проведено среди жителей г. Ставрополя. Выборочная совокупность: n=60; 30 - взрослые люди возрастом от 35 до 60 года; 30 - молодые люди возрастом от 17 до 25 лет.

Среди взрослого поколения на вопрос: «С каким поведением молодежи Вам чаще всего приходится сталкиваться?» (разрешалось выбрать несколько вариантов ответа) респонденты ответили: «Поведение, нарушающее нормы» (21 человек) и «Поведение, соответствующее нормам» (9 человек). Важно отметить, что на вопрос: «Как проявляется данное поведение на улицах города? Молодые люди:». Ответы на него были следующие (разрешалось выбрать несколько вариантов ответа): «Громко разговаривают» (20 человек); «Бросают мусор» (25 человек); «Распивают алкогольные напитки» (19 человек); «Дерутся» (9 человек); «Портят детские площадки, фасады домов» (11 человек); «Нарушают правила дорожного движения (ПДД)» (18 человек); «Сквернословят» (2 человека); «Все выше перечисленное» (1 человек). По мнению взрослых людей, на поведение молодежи влияли следующие факторы: «Среда и окружающие люди» (21 человек); «Компьютерная сеть» (Интернет) (20 человек); «Влияние СМИ» (17 человек).

Среди 30 опрошенных молодых людей на вопрос: «С каким поведением молодежи Вам чаще всего приходится сталкиваться?» ответы распре-

делились следующим образом: «Поведение, несоответствующее нормам» (11 человек) и «Поведение, соответствующее нормам» (19 человек). На вопрос: «Как проявляется данное поведение на улицах города?», ответы были следующие (разрешалось выбрать несколько вариантов ответа): «Громко не разговаривают, не кричат» (7 человек); «Не курят и не распивают алкогольные напитки» (11 человек); «Оказывают помощь нуждающимся людям» (10 человек); «Молодые не толкаются, когда хотят кого-то обогнать» (20 человек). Большинство опрошенных людей на вопрос: «Часто ли Вам встречаются молодые люди, нарушающие нормы поведения на улицах города?» ответили: «нет» (22 человека).

Чтобы узнать, с чем может связано отклоняющееся от общепринятых норм поведение респондентам был задан вопрос: «Какие, на Ваш взгляд, факторы влияют на поведение молодежи?» (разрешалось выбрать несколько вариантов ответа). Большинство опрошенных считает, что среда и окружающие люди (27 человек); «Компьютерная сеть (Интернет)» (19 человек); «Негативные качества человека» (19 человек).

На улицах сосредоточено большое число людей, различающихся по взглядам, вкусам, интересам, образованию, национальным и социальным установкам. Чтобы условия для доброжелательного и успешного общения, в таких местах особенно важно соблюдать установленные обществом поведенческий порядок.

На основании ответов людей взрослого поколения о поведении молодежи на улицах города, можно сделать вывод, что у них преобладает негативное мнение, а преобладающим мнением у молодых людей о поведении молодежи на улицах города является положительное мнение.

На основе анализа данных и выводов по результатам исследования, выяснено, что поведение молодежи на улицах города для людей старшего поколения является неприемлемым для других.

Источники и литература

1) Глинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие / Я. Глинский, В. Афанасьев. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал института социологии РАН, – 1993. – 168 с.

2) Иванов В.Н. Девиантное поведение: причины и масштабы // Социально-политический журнал. – 1995. – № 2. – С. 25-28.

3) Ковалев А.И. Социализация личности: норма и отклонение. – М.: Изд-во Моск. ун-та культуры, – 1996. – 376 с.

Тетерин Василий Васильевич
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Конфликт стратегий обучения: модернисты против традиционалистов

Реформы системы образования, ее сильные и перспективные проекты, наряду с провалами и достаточно противоречивыми перспективами отражены в ряде публикаций И. А. Журавлевой и В. В. Тетерина [1,2,3]. При всем многообразии исследований в рамках ценностей молодежи, восприятие перспектив получения образования и последующей трудовой деятельности является одним из актуальных и постоянном меняющихся условий социализации молодежи, а вместе с тем и всего общества. Поэтому, необходим регулярный мониторинг данных процессов, чтобы анализировать, прогнозировать и управлять образовательным и трудовым потенциалом регионов и страны в целом.

Исследование проходило в 2018 году, в котором приняли участие 1800 молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет, обучающихся в вузах г. Иркутска на разных специальностях.

В процессе исследования мы смогли всех респондентов разделить на «традиционалистов» и «модернистов». Традиционалисты (38%) - те, кто следует уже сложившимися траекториями и руководствуется общепринятыми ценностями. «Модернисты» (34%) - те, кто предпочитает разрушать устоявшиеся уклады и формирует новые рамки и стратегии социальной адаптации. Для них более характерна социальная ответственность, инициативность, независимость, стремление к профессиональному совершенствованию, открытость новому опыту, толерантность к окружающим и уважительное отношение к законам. У остальных наблюдается смешанный тип поведенческих паттернов (28%).

Молодые люди «модернистского направления» все чаще рассматривают возможность нестандартных видов занятости (неполный рабочий день, неформальная занятость, фриланс, удаленная работа и т.д.). Это позволяет апробировать и воплотить в жизнь альтернативные модели успешности. Для «традиционалистов» все еще характерны более привычные и типичны сфера деятельности: работа по найму, социальный пакет и т.д. Среди активных и амбициозных «модернистов» в 3 раза больше тех, кто не ограничивается одним образованием. Они или в период обучения учатся сразу в двух вузах, либо после получения степени бакалавра планируют идти в две магистратуры по разным специальностям, некоторые из них думают об аспирантуре или о зарубежных стажировках.

Около 30% процентов модернистов имеют или свое дело или самостоятельную занятость, которая приносит им доход, позволяющий удовлетворять свои потребности и быть относительно независимым от родителей и иных родственников. Они финансово самостоятельны и в более 50% случаев живут отдельно от родителей в своем или арендуемом жилье. Только 10% модернистов живут в общежитиях. Для «модернистов» образование достаточно ценно само по себе - оно выступает вкладом в будущее, ресурсным состоянием. Оно вписывается в план их карьеры. Они как правило четко знают что, где и как хотят получить.

«Традиционалисты» наоборот, даже получая хорошее образование, не всегда понимают, где смогут работать, как применять полученные знания и навыки. Они, как правило, обучаются только в одном вузе, не всегда уверены что обучаются там где хотят и чему хотят, но при этом не готовы перейти в другой вуз, на другую специальность из-за собственной не уверенности и опасения того, что они подведут родителей. Они живут либо вместе с родителями, либо в общежитии, только 10% традиционалистов снимают квартиру и живут самостоятельно.

Анализируя ответы респондентов, можно сказать, что «традиционалисты» в большей степени оторваны от реальности, они защищены родителями, рамками, идеалами, которые не всегда могут быть достаточными для того чтобы противостоять тем реалиям жизни, в которые они входят сегодня. И более чем у половины «традиционалистов» в планы не входит работа по специальности.

«Модернисты» же более гибкие, активные, целеустремленные, готовы меняться и подстраиваться под те требования, что предъявляет им жизнь, но и они от её хотят получить по максимуму. Они хотели бы реализовать свой потенциал по своей специальности или смежной с ней сферой, найти реализацию и практическое воплощение тех знаний, что они получили за годы обучения.

Для «традиционалистов» продолжение образования в аспирантуре - это способ защититься, не принимать решений, которые могут изменить их жизнь. Для «модернистов» - магистратура - это новая ступень для роста, возможности апробировать свои идеи, получить определенную известность и авторитет в своих кругах.

«Хорошая работа» в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» также отличается. Для модернистов она - необычная, креативная, интересная, постоянно требующая приняться нестандартных решений. Среди них около 40% тех, кто готов работать на «ответственной» или «интересной», но перспективной должности при скромном вознаграждении, если это принесет свои плоды в будущем.

Для «традиционалистов», «хорошая работа» - это «не напряжная» и «хорошо оплачиваемая». Они готовы быть «не на самой престижной должности», но зато «хорошо оплачиваемой». «Традиционалисты» ищут стабильную работу в идеале «на всю жизнь», так как жили их родители. «Модернисты» наоборот - готовы менять места работы, пробовать себя в новых проектах, получают опыт и идут дальше, руководствуясь не ориентиром на опыт родителей, а на собственный интерес и профессионализм в одной или нескольких сферах.

Будущее общества принадлежит модернистам, так как образование подстраивается под реалии современности. Но пока есть традиционалисты будет сохранятся инертность системы образования в принципе.

Источники и литература

1) Журавлева И. А., Тетерин В. В. Стратегия модернизации российского образования (социально-философский аспект) // Трансгрессия социокультурного пространства Материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. 2017. С. 35-43.
2) Журавлева И.А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264-273.
3) Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. №6. С. 31-35

Титаренко Лариса Григорьевна

Белорусский гос. университет, Минск, Беларусь

Стратегии выхода на рынок труда современного белорусского студенчества

Проблема гармонизации рынков образования и труда остается в числе важнейших в исследовании белорусского студенчества. С одной стороны, современная молодежь стремится получить образование, позволяющее в будущем найти работу, соответствующую возросшим ожиданиям к содержанию и оплате труда. С другой стороны, экономика не готова включать молодых специалистов без опыта. Имеются серьезные противоречия между ориентацией выпускников на достойную зарплату и предложениями рынка труда [1].

На протяжении 2016-2019 гг. нами проводилось исследование белорусского студенчества. Всего опрошено более 1200 студентов Минска, репрезентирующих три основные направления образования (естественно-научное, техническое, социально-гуманитарное) и приехавших учиться из разных регионов Беларуси. В связи с этим мы полагаем, что полученные данные могут быть распространены на все белорусское студенчество Одна из задач включала изучение связи рынков образования и труда. Исследования выявили, что студенты вырабатывают стратегии выхода на рынок труда, соответствующие их интересам и потребностям, независимо от интересов общества. Прежде всего, мы изучали мотивы молодежи на получение высшего образования. Около четверти опрошенных указали на желание стать квалифицированными специалистами в выбранной области, почти столько же - обеспечить себе материальный достаток в будущем. Шестая часть заявила, что диплом о высшем образовании в любом случае пригодится в жизни. Этот мотив типичен, так как в условиях массовизации образования в Беларуси поступление в вуз приобрело массовый характер и стало рассматриваться как обязательное само по себе, вне связи с конкретной профессией. Именно поэтому четыре пятых студентов выразили уверенность, что высшее образование значительно повышает шансы на успешное трудоустройство [2].

Исследования выявили одну из главных стратегий выхода на рынок труда: приобретение опыта работы в ходы учебы. Большинство студентов последних двух курсов обучения стремятся найти работу и приобрести опыт, необходимый для будущего трудоустройства. Чем выше курс обучения, тем больше таких студентов. На последнем курсе как правило не менее трети студентов имеют постоянную работу, пятая часть временную, в целом около половины работают по будущей специальности. Тем самым они обеспечивают себе возможность получить персональный запрос на распределение (в Беларуси оно имеет обязательный характер для студентов бюджетного обучения) либо стаж работы. Можно сделать вывод, что студенты, выбравшие данную стратегию, ориентированы на ценности достижения будущего успеха через собственный труд и хорошую зарплату.

Только четверть опрошенных студентов не работала: это либо те, кто ориентирован на научную карьеру, либо имеет связи, позволяющие не заботиться о будущем рабочем месте. Причем ориентированных на науку, по ряду критериев, было выявлено всего 5%-8%. Их стратегия - получение максимума знаний и навыков в вузе, развитие творческой инициативы ради научной карьеры. Формирование и развитие инновационного потенциала студентов - важная задача современного образования, даже

если лишь небольшая часть студентов по максимуму пользуется такой возможностью. Остальные студенты этой группы (17-20%) ориентированы на корпоративные связи и достижение собственного успеха этим путем. Эту стратегию можно назвать достижительной посредством связей.

В 2017 г. на вопрос о том, какие качества студенты ценят больше всего в себе и других, более половины студентов указали на инициативность, самостоятельность, ответственность за свои решения, готовность к нестандартным решениям и поиску нового. Во многом эти качества совпадают с теми, которые необходимы для включения в инновационные практики. Однако на вопрос, формирует ли учебное заведение эти качества, только треть студентов ответила положительно. Этот факт косвенно показывает, что студенчество мало мотивировано на учебу в условиях, когда средняя заработная плата в стране невысока, а послевузовское распределение не гарантирует достаточно высоких доходов [3, с.124].

В наших исследованиях студентам предлагалось оценить критерии выбора будущего рабочего места. Оценка варьировалась от 1 до 4 баллов (от «важно» до «совсем не важно»). Затем были рассчитаны средние значения по каждой позиции. Чем выше среднее значение, тем более важным признан данный критерий выбора работы. В результате, основными ценностями по критерию важности для молодого специалиста оказались: интересная работа (среднее значение 3.8 из 4), хорошие условия работы, возможность профессионального роста, высокая заработная плата (значения от 3.5 до 3.7). Полагаем, что полученные данные позволяют считать все указанные мотивы, взятые вместе, первостепенными при выборе стратегии на рынке труда. Студенты ожидают, что хорошая работа должна быть интересной и соответствовать таким критериям, как достойная оплата труда, перспектива сделать карьеру. Самая низкая важность оказалась у возможности творчества и работы по специальности. Это означает, что при выборе стратегии выхода на рынок труда эти ценности меньше принимаются во внимание. Однако проблема в том, что система распределения выпускников редко предоставляет места, отвечающие ожиданиям молодежи.

Таким образом, основными стратегиями белорусских выпускников при выходе на рынок труда, выявленными эмпирически, являются: приобретение опыта работы в ходе учебы, достижение успеха посредством личных связей, и научная карьера.

Источники и литература

1) Соколова Г.Н. Белорусский рынок труда в условиях структурных изменений в экономике: эффективность механизмов подстройки // Социологический альманах. 2016. Вып. 7. С. 120-133.

2) Титаренко Л.Г. Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи и ее влияние на развитие модернизационного потенциала // Социологический альманах. 2019 Вып.10. С.98-105

3) Титаренко Л.Г. Труд и образование в условиях перехода к «индустрии 4.0» // Вестник Брестского университета. Сер.1. 2018. №1. С.120-126

Титова Дарья Владимировна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия

Тайм-менеджмент как инструмент стратегического планирования и преодоления конфликтов в бизнес-организациях

1.Формирование стратегического планирования является концепцией, предполагающей разработку конкретных действий, которые позволят организации достичь поставленных целей, с помощью использования информации, полученной в ходе анализа, расстановки приоритетов и принятия решений по основным задачам, стоящих перед компанией. Кроме того, посредством разработки стратегического планирования организация стремится найти способы увеличения прибыльности и поддержания конкурентного преимущества.

2.Для успешной реализации стратегического планирования необходимо сотрудничество, взаимопонимание, взаимоуважение между руководством и разными социальными группами (сотрудники, руководители, заказчики, потребители, конкуренты). В ходе проведенного нами исследования было выявлено положительное влияние внедрения тайм-менеджмента в управленческую деятельность руководителей бизнес-организаций г. Волгограда. Руководителем производится более четкий анализ, учет многообразных внутренних и внешних факторов, влияющих на эмоциональное, физическое состояние контактируемых групп, учет их индивидуальных особенностей, детальный разбор временных затрат и соответственно правильный выбор механизмов управления, что приводит к удовлетворению всех заинтересованных сторон и соответственно эффективному результату.

3. Тайм-менеджмент помогает сократить время выполняемой работы, он применяется на всех этапах управленческой деятельности: анализ, прогнозирование, планирование, принятие решений, контроль и учесть все потребности, возможности и желания всех социальных групп, с которыми взаимодействует организация.

Вывод: Руководителям бизнес-организаций необходимо использовать в управленческой деятельности в виде инструмента стратегического планирования и способа учета интересов социальных групп техники тайм-менеджмента, что в последствии приведет не только к эффективности организации, но и стрессоустойчивости и заинтересованности всех сторон.

Узюмова Наталья Владимировна
Финансовый университет, Москва, Россия

Корпоративная культура как способ решения межпоколенческого конфликта в коммерческой организации

Смена социально-экономического курса в России создала основу для формирования нового круга, в том числе, профессиональных ценностей. Современные коммерческие организации характеризуются наличием среди сотрудников представителей разных поколений, в том числе прошедших социализацию уже в условиях рыночной экономики, связанных с преобладанием материальных ценностей.

При этом для того чтобы построить эффективную систему управления коммерческой организацией и предотвратить возникновение внутренних конфликтов, кадровая политика, включая стратегию работы с персоналом, должна быть адаптирована к представителям разных поколенческих групп.

Одним из способов приведения ценностей и ценностных ориентаций «к единому знаменателю» может выступать корпоративная культура. В рамках нашего исследования корпоративная культура является методом непрямого управления, основанным на представлении о коммерческой организации как о разновидности социальной организации, обладающей едиными ценностями, в рамках которой согласованы цели и ожидания компании и сотрудников [1].

Смысловое ядро корпоративной культуры составляют следующие элементы:

- миссия компании, идеология, кредо;

- ценности, ценностные ориентации;
- социальные нормы, стандарты, правила поведения;
- организация, средства и условия труда;
- символы и артефакты.

Межпоколенческие различия сотрудников, будучи интегрированы в корпоративную культуру, способны усилить коммерческую организацию, служить повышению её эффективности.
На основе обобщения имеющегося материала и проведённого исследования Т.В. Разина выделила три основных поколения, которые составляют персонал современных российских организаций [2]. Рассмотрим их более подробно.

Представители первого поколения родились примерно до 1960 г., поскольку личность таких сотрудников формировалась в условиях социалистического общества, для них характерны коллективизм, любовь к Родине, ориентация на усердный труд, гуманизм.

Представители второго поколения рождены в 1961-1980 гг., формирование их личности обусловлено «Перестройкой», которая сопровождалась аномией, плюрализмом ценностей, необходимостью сделать ценностный выбор между «советским» и «западным», демократическим.

Представители третьего поколения родились в 1981-2000 гг. их личности формировались в среде индивидуализма, ориентации на личный жизненный успех, мобильность.

Постепенно к трудовой деятельности приступает поколение людей, рождённых в начале 2000-х гг., пока что их вклад слишком мал, чтобы делать выводы, но вероятно, среди их ценностей будут самореализация, возможность управлять своим графиком работы и рабочим временем, гибкие формы занятости.

Учитывая межпоколенческие особенности коллектива, руководство получает возможность не только предотвратить конфликт, но использовать сильные стороны своих сотрудников и компенсировать слабые. Посредством корпоративной культуры решаются следующие задачи [3]:

- сохранение и воспроизводство ценностей, присущих данной компании, вследствие отбора и закрепления лучших образцов;
- создание чувства причастности к общему делу, придание смысла повседневной деятельности;
- адаптация новых сотрудников посредством интериоризации организационных ценностей и норм;

- регламентация и контроль форм поведения принятых в данной организации;
- ограничение нежелательных влияний, создание системы «свой-чужой»;
- обслуживание коммуникации благодаря разделяемым смыслам, специфическому языку, свойственному коммерческой организации.

Для того чтобы корпоративная культура как управленческий инструмент служила целям организации и создавала бесконфликтную среду, необходимо на постоянной основе проводить оценку культуры, осуществлять замеры по основным показателям. Такой анализ позволит коммерческой организации сравнить существующую корпоративную культуру, включая ценности и поведенческие шаблоны, которые работники демонстрируют каждый день, с тем, что хотело бы видеть руководство компании, в результате культура организации служит «консолидации индивидуальных целей в направлении общей организационной цели» [4].

Источники и литература

1) Узюмова Н.В. Адаптация новых сотрудников как критерий социальной эффективности корпоративной культуры организации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – №3 (39)
2) Разина Т.В. Профессиональные научные ценности трех поколений российских ученых // Вестник Сыктывкарского университета. – 2019. – №9.
3) Герасимова, Г. В. Понятие и содержание корпоративной культуры // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2012. – №3 (6).
4) Николаев, А.А. Социология управления: учебное пособие. – М.: Альфа-М : ИНФРА-М, 2011

Фатихов Альмир Ирекович

ГКУЗ Республики Башкортостан "Медицинский информационно-аналитический центр", Уфа, Россия

Модели трудового поведения молодежи на российском рынке труда

Трудовое поведение населения зависит от текущего состояния экономической и трудовой сфер общества. Сменяемые друг друга периоды спада и подъема в указанных сферах воздействуют на модели трудового поведения, в том числе молодежи.

На трудовое поведение молодежи также оказывает влияние недостаточная квалификация молодых специалистов, отсутствие необходимого опыта, низкий уровень зарплат, отношение работодателей и другие факторы. Трудоустройство часто совмещается с учебой в вузе или колледже, что ведет к временной занятости или работе неполный день, которая, как известно, не всегда высоко оплачивается.

Кроме того, существующее противоречие между требованиями работодателей к кандидатам и наличием профессиональных компетенций у самих соискателей, совмещается с не всегда реальными представлениями представителей молодежи о своей будущей трудовой деятельности и путях адаптации в новых организациях.

Тем не менее, имеющиеся сложности не являются однозначным препятствием к трудоустройству. Молодежь в отличие от представителей других социальных групп обладает рядом преимуществ, такими как высокая мобильность, деловая активность, способность быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, интерес к чему-то новому, обучаемость и другие.

Омельченко Е.Л. выделяет две основные практики трудового поведения «молодых специалистов»: активные (самостоятельный поиск и устройство на работу) и пассивные (использование родственных и других сетей или отказ от трудовой мобильности вообще с целью сохранения имеющегося статуса). Пассивные практики, по ее мнению, можно, в свою очередь, разделить на вынужденные и добровольные [1, с. 41].

Активные и пассивные модели трудового поведения в равной степени развиты в молодежной среде. Например, по данным исследования портала SuperJob, проведенного в августе 2019 г., 42% представителей поколения Z считают, что родители не должны помогать детям в трудоустройстве. Каждый четвертый отмечает, что родители должны помогать в поиске вакансий. 24% представителей поколения Z полагают, что родители должны помогать искать работу через знакомых и родственников. 6% готовы доверить родственникам телефонные переговоры с работодателем. 4% респондентов считают, что родителям необходимо ходить вместе с ребенком на собеседования [2].

Сегодня распространена модель пассивного трудового поведения, когда молодые люди не зарабатывают самостоятельно деньги, даже имея соответствующее профессиональное образование, не пытаются найти

работу или способ какого-либо заработка, предпочитая оставаться на иждивении своих родителей или родственников. Такая социальная группа даже получила название NEET-поколение [3, с. 74].

Для модификации пассивных моделей трудового поведения необходим комплексный мониторинг рынка труда в совокупности с анализом характеристик, способствующих улучшению позиции молодых работников в трудовой сфере в целом и отдельных отраслях экономики.

По данным опроса россиян в возрасте от 18 лет, проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ) 14 сентября 2019 г., наиболее доступными для молодежи с точки зрения профессиональной самореализации сферами, в которых требуются специфические знания и навыки, по мнению россиян, являются спорт (41%) и творчество (36%). Сложнее молодежи строить карьеру в сфере бизнеса (77%), государственной службы (73%) и политики (73%) [4].

Изучение особенностей моделей трудового поведения молодежи актуально не только для понимания происходящих процессов на российском рынке труда и направленного воздействия на них, но и для разработки рабочих планов, прогнозов развития и выявления основных направлений обучения и подготовки молодежи к современным условиям.

Объективные условия функционирования современного рынка труда требуют формирования новых моделей трудового поведения, которые бы соответствовали нынешней структуре рынка труда, при этом позволяли удовлетворять потребности представителей молодежи. Для этого необходима система поддерживающих мер, направленных на подготовку специалистов с набором необходимых квалификаций.

Источники и литература

1) Омельченко Е.Л. Стилевые стратегии занятости и их особенности // Социологические исследования. 2002. №11. С. 36-47.

2) 4 из 10 представителей поколения Z ждут помощи от родителей в трудоустройстве [Электронный ресурс] // Исследовательский центр портала Superjob.ru. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/112234/4-iz-10-predstavitelej-pokoleniya-z-zhdut-pomoschi-ot-roditelej-v-trudoustrojstve/ (дата обращения: 29.01.2020).

3) Голиусова Ю.В., Ключарев Г.А. О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. - М.: Новый Хронограф, 2017. С. 72-90.

4) Карьера российской молодежи: перспективы и трудности [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественно-

го мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9905 (дата обращения: 29.01.2020).

Фомичева Татьяна Владимировна
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Ценности и социальная напряженность: взаимосвязь в современном социуме

Социальная напряженность как социальное явление свойственна конфликтам, зачастую сопровождает их и является близким по смыслу к конфликтам понятием. В научной литературе сам термин «социальная напряженность» зачастую описывается во множественных аналогах, близких по смыслу, в частности в таких, как «социальная дезинтеграция», «девиация», «аномия», классовая борьба и пр. Э. Дюркгейм имеет ввиду «социальную напряженность», говоря о процессе дезинтеграции как о разрыве социальных связей, утрате ценностных ориентиров [1]. Можно назвать социальную напряженность своего рода своеобразной «предконфликтной ситуацией». Социальная напряженность может выступать индикатором социального кризиса, конфликта [3]. Точно также как конфликт, социальная напряженность может быть результатом рассогласования (противоречивости) интересов и потребностей представителей различных социальных слоев. Аналогично конфликту, социальная напряженность является обязательной составляющей развития и существования социума. Социальная напряженность, точно также, как и конфликт, проходит в своем развитии несколько стадий. Одной из причин формирования социальной напряженности в обществе, называют стремление утвердить в том или ином социуме определенные ценности, например, «стремление утвердить в России ценности индивидуализма и коллективизма, социализма и капитализма» [2]. Основными направлениями деятельности для снижения уровня социальной напряженности можно назвать: создание благоприятных социально-экономических условий для жизнедеятельности различных социальных групп; развитие социальной политики государства; повышение уровня социальной защищенности населения; реализация социально-развивающих мероприятий для определенных социальных слоев и пр.

Источники и литература

1) Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. М., 1901.

2) Иванов О.И. Социальная напряженность и социальный конфликт // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. 2005. Вып. 3. С. 24-30.

3) Рукавишников Ю.В. Пик напряженности под знаком белого коня // Социологические исследования. 1990. № 10. С. 14

Фролов Сергей Станиславович
МГИМО МИД Россия, Москва, Россия

Институционализация как основа формирования интегрированных систем

В настоящее время мы являемся свидетелями сложных структурных перестроений и флуктуаций, которые протекают как на уровне государственных объединений, так и в организационных структурах внутри отдельных обществ. Центральным пунктом, приковывающим внимание представителей разных наук, является процесс интеграции.
Несмотря на очевидные различия в целях интеграции у различных социальных систем, их всех объединяет одно стремление - создавать новые (более крупные) организационные образования, которые могли бы существовать и функционировать в течение достаточно длительного промежутка времени. Подобные стремления мы наблюдаем как процессе глобализации (крупные социальные системы), так и в условиях укрупнения различных организационных образований. Это происходит в силу ориентации политических и управленческих подструктур на снижение уровня экономической и политической неопределенности, уменьшения степени энтропии (проявляющейся в силу излишней дифференциации), а также ради достижения лучшей управляемости в отношении поведения отдельных системных единиц. Можно с уверенностью сказать, что интегрированное целое в большинстве случаев показывает наиболее эффективные результаты своей деятельности по сравнению с действиями отдельных частей (так называемый эффект синергии).

Анализируя существующие социальные практики, мы можем сделать вывод о том, что действия по достижению полноценной системной интеграции сталкиваются с целым рядом существенных социально-экономических, социально-политических и культурных проблем.

Действительно, любая системная интеграция представляется конфликтной по своей сути, так как в ходе интегративных процессов происходит существенная перестройка структурного обмена системных единиц с внешним окружением, а также перераспределением ресурсов жизнедеятельности в отношении различных структурных составляющих. Самым болезненным моментом в ходе осуществления процесса интеграции можно считать перераспределение ресурсов власти, когда подвергается сомнению независимость отдельных частей интегрированного целого. Кроме того, существенной проблемой в построении интегрированной системы может оказаться отсутствие приверженности интегративным изменениям со стороны представителей социальных общностей, составляющих данную систему. Негативные последствия, возникающие в ходе осуществления процесса интеграции во много снимаются посредством успешной институционализации. Значение социальных институтов обусловлено тем обстоятельством, что каждый социальный институт представляет собой совокупность особых отношений и социальных практик , создаваемых для обеспечения порядка в определенной области человеческой деятельности. В этом случае на процесс интеграции накладывается институциональная матрица, устанавливающая особую территорию, поле или сферу политической, экономической или культурной интеграции.

Использование в данном случае функционалистской семантики видится нам уместным, так как позволяет в самом общем виде оценить результаты процесса интеграции. В этой связи целесообразно выделить пять основных функций, которые являются общими для всех социальных институтов.Наиболее важной в отношении влияния на процессы интеграции следует признать такую функцию социальных институтов как формирование и развитие социальных связей. В данном случае успешность осуществления процесса интеграции зависит от создания и активации социальных сетей, содержащих значимые социальные связи между отдельными единицами интегрированного целого. Если процесс интеграции можно рассматривать как содержание, то социальные сети можно считать паттерном (формой). Выполнение этой функции необходимо для конструирования социальной архитектуры создаваемой системы. Это позволяет добиться состояния взаимозависимости и взаимоответственности между системными единицами. Устойчивость процессов интеграции поддерживается такой функцией как воспроизведение культурных образцов. Опыт налаживания социальных связей показывает, что успешное протекание процесса интеграции зависит от преемственности ценностных ориентации, установок и норм поведения, составляющих ценностно-нормативную систему, которая поддерживает интегрированное целое.

Многие исследователи считают важной регулятивную функцию социальных институтов. В нашем случае значение этой функции видится в применении ресурсов власти и зависимости для осуществления контроля по отношению к деятельности в рамках социальных сетей.
Обеспечение преемственности в сохранении и развитии социальных связей и культурных ценностей обеспечивает транслирующая функция социальных институтов.

Коммуникативная функция обеспечивает упорядоченность коммуникативного пространства в отношении интегрированной системы, а также решение проблемы управления каналами передачи информации. В данном случае повышается уровень управляемости в системе и эффективность воздействия на отдельные структурные единицы. Если институты успешно выполняют свои основные функции, интегрированная система приобретает оттенок устойчивости и, в известной степени, надежности в процессах обмена с внешним окружением.

Черевкова Алена Игоревна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Профессиональные династии как предмет исследований В.А. Ядова

Российский рынок труда, несмотря на непрекращающиеся экономические и общественные трансформации, характеризуется большой численностью работников, являющихся представителями профессиональных династий. Особенно заметна роль династий в таких сферах как здравоохранение, культура, юриспруденция [1, с. 100]. Например, представляется социально значимым число потомственных медиков в кадровой структуре здравоохранения - около 50 % от общего числа работников [2].

В социологии сформировались несколько подходов к осмыслению профессиональных династий. Классики интерпретируют династийность с позиций социальной мобильности как результат специфического селекционного механизма (П.А. Сорокин), с позиций теории социального пространства - как механизм преемственности (сохранения и поддержания) социального капитала семьи (П. Бурдье). В российской социологической мысли династийность часто трактуется как производная советского периода и характерных для него этакратической и патерналистской систем; как результат господства коммунистической идеологии, формировавшей новую «рабочую аристократию» в противовес сословной (В. Радаев, О. Шкаратан, В. Ильин).

Профессиональные династии выступали предметом исследования выдающегося российского социолога В.А. Ядова. Совместно с учеными Карлтонского университета (проф. Дж. ДеБарделебен, Т. Барткью, Г. Ди Джакомо и др.) научный коллектив Института социологии РАН под руководством В.А. Ядова в 2002-2004 гг. провел масштабный анализ трудовых отношений и практик их регулирования в Канаде и России. Эмпирической базой исследования стали глубинные интервью с работниками 5 российских машиностроительных заводов, являющиеся «различными модификациями постсоветских предприятий», находящимися на разных стадиях адаптации к рынку. Результаты этого исследования отражены в монографии «Становление трудовых отношений в постсоветской России» [3] и статье «Практики узаконенных и неформальных правил трудовых отношений на российских предприятиях: плюсы и минусы» [4].

Рассматривая трансформацию трудовых отношений в начале 2000-х гг., В.А. Ядов пишет, что ранее регулировавшие их социальные нормы в условиях рыночной экономики оказались неприменимы, что стало культурной травмой постсоветских реформ. К механизмам, которые несмотря на изменение правил игры остались действующими, ученый относит профессиональные династии, понимая их как «неформальный рычаг в трудовых взаимодействиях» [3, с. 79]. Эта формулировка содержит амбивалентную характеристику династийности, которая далее поясняется.

С одной стороны, династии являются хранителями трудовых традиций предприятия (*«задают тон»*) и выполняют функцию регулятора поведения работников, стремящихся сохранить честь фамилии. Высокая степень идентификации со «своим» сообществом, встроенность деловых отношений в родственные, соседские, дружеские обеспечивают неформальный контроль за поведением членов коллектива [4, с. 101].

С другой стороны, большое количество династий в рамках одного предприятия порождает сложности для его реорганизации, прежде всего при необходимости сокращения персонала; создает эффект «*коммунальной кухни, где все друг друга всё знают*». В исследовании отмечаются негативные последствия лоббирования интересов друг друга представителями династий, проявляющиеся в приеме на работу родственников по упрощенной процедуре «на основе личной беседы с кадровиком и одобрения начальника» [3, с. 126]. На одном из заводов описывается практика, согласно которой, несмотря на ориентацию предприятия на прием эффективных работников, представитель крупной династии будет иметь преимущество перед всеми кандидатами независимо от уровня квалификации [4, с. 111]. Если он окажется не лучшим работником «его станут

учить, воспитывать, поощрять и наказывать в надежде, что тот будет стараться, чтобы не посрамить династию» [3, с. 200]. И даже если это не возымеет эффекта, руководство не поставит под сомнение практику таких льгот, так как это нарушило бы «внутренне непротиворечивый уклад жизни сообщества, в котором весомо отношение к традициям».

Описываемые в монографии конструктивные и деструктивные черты ставят вопрос о необходимости поддержания трудовых династий. Работники двух заводов отметили, что трудовые династии пользуются уважением, поддерживаются со стороны руководства и включены отдельной статьей в общую программу работы с кадрами. Впрочем, зачастую отношение к династиям характеризуется как ритуальное, а меры поддержки четко не определены: «*Награждаем, чествуем. Как еще поддерживать, не знаю. Есть такой обычай, значит надо что-то делать. По старинке, как говорится*» (представитель профсоюза одного из заводов) [3, с. 210].

Таким образом, В.А. Ядов и его коллеги трактуют профессиональные династии как неформальный механизм в трудовых отношениях и выделяют их конструктивный (сохранение традиций и социальный контроль) и деструктивный потенциал (связанный с ригидностью кадровой структуры предприятий, приеме на работу членов династии без проверки профессиональной пригодности и т.д.) на российских предприятиях периода перехода к рыночной экономике. Эти идеи остаются актуальными при исследовании современного общества и спустя более чем 15 лет и открывают горизонты для дальнейшего изучения профессиональных династий как социальных монополий в общественно-профессиональной структуре, условий и факторов их формирования.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 19-18-00320.

Источники и литература

1) Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-dinastiya-kak-rezultat-semeynyh-strategiy-inertsiya-ili-preemstvennost (дата обращения: 12.01.2020).

2) Калашникова, К.А. Профессиональные династии в современном российском институте здравоохранения: диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Калашникова Ксения Александровна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. – Волгоград, 2012. – 182 с.

3) Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии) / ред. совет Джоан Де-Барделебен, С. Климова, В. Ядов. – М, 2004. – 278 с.

4) Климова С.Г., Клемент К.М., Ядов В.А. Практики узаконенных и неформальных правил трудовых отношений на российских предприятиях. Плюсы и минусы. // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 /Отв. ред.Л.М. Дробижева – М.: Институт социологии РАН, 2003. С.93-126.

5) Инженерные династии России: монография /научн. ред. В.А.Мансуров – М.: РОС, 2017. – 331 с.

Черкасова Татьяна Васильевна

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Межпоколенные конфликты у студентов и неофициальные технологии разрешения: анализ по соцопросам 90-х г. XX века и двух десятилетий XXI века

Межпоколенные конфликты традиционны и актуальны для всех исторических периодов развития любого общества.Стремление молодого индивида адаптироваться и интегрироваться в различные социальные структуры предопределяет поиск собственной модели жизненного самоопределения.Противоречивый выбор молодыми своих личностных траекторий социального поведения не всегда одобряется взрослыми, и это детерминирует межпоколенные конфликты.Л.Хендри и П.Митев увидели в подобных ситуациях не конфликт поколений, а конфликт ценностных ориентаций, возникающий по вопросам стиля жизни и поведения молодежи.Не углубляясь в научную полемику, отметим, что межпоколенный конфликт-реальность любой эпохи, но детерминирующие его факторы и сами формы проявления вариативны и ситуативны.Достаточно сравнить некоторые эмпирические данные многолетних авторских соцопросов, проводимых в Республике Башкортостан 2019 и 1996г.По силе эмоционально-психологического воздействия на субъектов-непосредственных участников этот тип социального конфликта может быть как конструктивным в воспитательном плане,так и разрушительным для определенных категорий молодежи, с размытыми ценностными ориентирами. Во-первых, для половины современных респондентов -2019 основной причиной конфликтов с родителями стала традиционная девиантная

зависимость молодых, обусловленная индивидуальной приверженностью к психосоматическим «стимуляторам» настроения(табакокурение, спайсы, алкоголь, наркотики).Что касается алкогольной зависимости, то в исследованиях-1996г. только 8,6% указали на эту причину конфликтов, а на наркотическую зависимость обратили внимание лишь-2,1%!Во-вторых, «постоянное сидение в Интернете (игры, сетевые переписки, знакомства) 2019г.-49,4%;1996г.-10,7%.Показатели ответов возросли почти в пять раз,«мировая электронная паутина» успешно зомбирует молодую генерацию.В-третьих, «влияние приятелей и антиобщественное поведение (грубость дома,на улице, мелкое воровство и хулиганство, сквернословие) 2019г. - 45,1%;1996г.-7,4% опрошенных.Отказ в 90-х от молодежных организаций, воспитывающих личность, привел к тому, что современные молодые не знают норм культурного поведения «младших в обществе старших».В-четвертых, современная молодежь указала на «игнорирование советов и просьб старших по бытовым вопросам - 2019г.- 40,1%;1996г.-19,3%.Некоторая молодежь активно нарушает «домашние каноны общежития».В-пятых,33,3% отметили «неудовлетворительную учебу, пропуски занятий».В-шестых, «нежелание трудоустраиваться и зарабатывать деньги»-2019г.-31,5%;1996г.-10,3%.Инфантильное поведение молодых нашло отражение в их ответах.В-седьмых, «ночные прогулки и посещение клубов, ресторанов»-30,2%.В-восьмых, «домашнее насилие со стороны старших над младшими членами семьи (угрозы, побои)»-2019г.- 21,6%;1996г.-10,8%.Беспомощная реакция родителей на неуправляемость детей проявляется в насилии, ведь треть опрошенных не хотят учиться или зарабатывать деньги, но при этом предпочитают ночную клубную жизнь.В-девятых, модные увлечения не типичные для российской субкультуры, такие как тату, пирсинг, вызывающая одежда, прическа, жаргон-2019г.-16%;1996г.-15,5%.Конфликтогенные ситуации этого формата сохранились в молодежном социуме без изменений.В-десятых, «членство в неформальных молодежных субкультурных объединениях-12,3% и мода на «нетрадиционные сексуальные связи»-2019г.-12,3%;1996г.-7,8%.Западная пропаганда псевдосвободных гендерных отношений проникает в «российскую глубинку»!При сравнении эмпирических данных видно, что реалии жизни не только расширили диапазон факторов, детерминирующих межпоколенные конфликты, но и усилили частоту этих конфликтов, возникающих по ряду традиционных причин.Как студенты разрешают конфликты?Во-первых, большинство указали на традиционные семейные беседы-2019г.-72,2%;1996г.-63,8%.Во-вторых,самостоятельно урегулируют конфликтные проблемы-2019г.- 43,2%;1996г.- 21,1%.В два раза возросло количество молодых,

склонных к ответственным поступкам.В-третьих, в процессе общения с друзьями успешно преодолевают конфликтные истории-2019г.-38,3%;1996г.-3,1%.Студенты выбирают «референтное посредничество».Итак, имеем массовое применения смешанных технологий урегулирования конфликтов:«сам(а)-семья»;«сам(а)-друзья»;«сам(а)-семья-друзья».Менее популярна тактика ухода(4,3%)- «сплю, выпиваю, курю сигареты и ничего не делаю, верю, что все само разрешиться.Обращение к официальным медиаторам, как конфликтологическая практика в региональной реальности маловероятна, она очень индивидуальна и ситуативна:«разговариваю с моим начальником»-2019г.-3,7%;1996г.-3,1%;«советуюсь с учителем, преподавателем»-3,1%.Парадоксально,но не получили признания в 2019г. такие альтернативы, как «консультируюсь в социальных центрах(1996г.-1,4%.)», «звоню по телефону «Доверия».Мало востребованной у студентов стала альтернатива-«обращаюсь в правоохранительные структуры(участковый, адвокатура, суд)»-2019г.-1,2%;1996г.-4,5%.Таким образом, для технологий разрешения межпоколенных конфликтов 2019г.характерна внутриличностная, межличностная и неофициальная микрогрупповая замкнутая специфика на уровне персональных интеракций.У молодой генерации на региональном уровне доминирует модель-«не выносить сор из избы», то есть отказ от институционализационной практики.

Шамиева Ия Юрьевна
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Влияние возраста и стажа педагогов на возникновение конфликтов в коллективах образовательных учреждений

Актуальность данной темы обусловлена тем, что конфликты в педагогических коллективах явление распространенное. Выделяют множество причин конфликтов между педагогами, в том числе недостаточная или излишняя учебная нагрузка, неудобное расписание уроков, личные причины, значительные по времени затраты на дела, не касающиеся образовательного процесса, начисление стимулирующих выплат, а также отсутствие взаимопонимания между педагогами, относящимися к разным возрастным группам.

Исследования подтверждают зависимость частоты возникновения конфликта от стажа работы в образовательном учреждении и, соответственно, от увеличения возраста педагога: чем больше педагогический

стаж педагога, тем реже он вступает в конфликты. Наибольший процент возникающих в коллективе конфликтов у педагогов с небольшим педагогическим стажем - до 3 лет, при этом причина возникновения конфликтов не влияет на частоту их возникновения. С увеличением педагогического стажа понижается частота возникновения конфликтов. Например, процент конфликтов из-за неудобного расписания уроков сокращается по мере увеличения стажа работы (от 3 до 30 лет) - в 1,4 раза, в 2 раза реже происходят конфликты из-за увеличения учебной нагрузки [1]. Этот факт можно объяснить тем, что происходит адаптация педагога к педагогической деятельности и коллективу учреждения, который имеет свою специфику (в основном, женский). Педагог с большим стажем, имея навыки бесконфликтного разрешения проблем, понимает деструктивные последствия конфликтов.

Рассмотрим причины конфликтов между педагогами с различным педагогическим стажем.

Опытные педагоги часто считают, что молодые не имеют права оспаривать их точку зрения, так как у них отсутствует достаточный опыт работы. Оспаривание может восприниматься как покушение на репутацию, провоцируя амбициозный конфликт [2]. Педагоги с большим стажем работы могут делать некорректные замечания молодым педагогам, работающим в том же коллективе, создавая конфликтную ситуацию [3].

Молодой педагог постоянно борется за свой авторитет: его компетентность подвергают сомнению различные участники образовательного процесса (небольшой преподавательский опыт может сказываться на проведении занятий). Руководители образовательных учреждений часто нагружают молодых педагогов дополнительной работой, от которой отказываются опытные педагоги.

В большинстве своем молодые педагоги более активны, что определяется физиологией. Излишняя активность также может создавать конфликтную ситуацию.

Преимуществом молодых педагогов является то, что в большинстве своем они лучше справляются с различными видами инновационной деятельности, используют новые нетрадиционные технологии, новые методики обучения, которые внедряют в практику. Опытные педагоги, часто работающие по старым методикам, отрицают эффективность инноваций: старая школа большое значение придавала теории, основная часть занятия отводится на изложение материала, на практику времени не хватает. В результате возникающего противоречия может произойти профессиональный конфликт.

Спутниками большого педагогического стажа зачастую являются выгорание и усталость. Результаты работы с обучающимися часто оказываются несоразмерны потраченным усилиям, именно с этим связано педагогическое выгорание в конце учебного года, то же касается и возраста.

Многие педагоги старшего поколения нелегко осваивают информационные технологии: от ведения и заполнения электронных журналов до участия в независимой диагностике для подтверждения соответствия занимаемой должности и проведения занятий с использованием компьютеров.

Все вышеперечисленное может отрицательно сказываться на психологическом состоянии педагогов со стажем, повышать их тревожность (боязнь не прохождения диагностики или аттестации, потеря авторитета среди коллег, учеников и родителей, боязнь увольнения), вызывать конфликтные ситуации.

Конфликты в педагогическом коллективе могут иметь позитивное значение, а не только приводить к различным разногласиям. Конфликтная ситуация может явиться стимулом для профессионального роста педагогов, к развитию их конфликтологической компетентности, может указать на различные пробелы в управлении образовательной организацией. От действий руководителя во многом зависит, насколько быстро будет разрешена конфликтная ситуация в коллективе [4]. Руководителю необходимо не только грамотно разрешать конфликтные ситуации, но и стараться правильно подбирать педагогические кадры, проводить работу по налаживанию отношений между членами коллектива, использовать опыт старшего поколения педагогов в сочетании с активностью молодых педагогов.

Источники и литература

1) Шейнов В.П. Управление конфликтами // [Электронный ресурс] - https://psy.wikireading.ru/60137 (дата доступа 27.01.2020).
2) Иванова О.А. Конфликтология в социальной работе // [Электронный ресурс] - https://studme.org/112531/pedagogika/konfliktologiya_v_sotsialnoy_rabote (дата доступа 27.01.2020).
3) Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 464 с.

4) Якушин А.С. Конфликты в педагогическом коллективе: действия руководителя образовательной организации // Бюллетень науки и практики. 2018, Т. 4, № 6. – С. 328-332.

Шиляева Виктория Витальевна
Северо-Кавказский Федеральный университет, Ставрополь, Россия

Проблема межпоколенческих конфликтов в современных организациях

Современное общество представляет собой многогранную, стремительно развивающуюся систему, подвергающуюся процессам глобализации, информатизации, компьютеризации и многим другим. По мере внедрения новшеств происходит трансформация общественных отношений, социальных ролей, социальных институтов, организаций. Вследствие этого вновь рождающиеся люди растут в условиях совершенно иных, нежели предыдущие поколения. Соответственно, они имеют другие установки, ценности, приоритеты, подходы, методы и средства достижения целей.

Разность поколений неизбежна во всех сферах человеческой деятельности: в культуре, искусстве, науке, религии и т.д., а также в различных организациях, из которых состоит современное общество. Каждый человек в течение всей своей жизни так или иначе связан с организациями. В них люди проводят большую часть своей жизни, в них они растут и учатся, работают и отдыхают, лечатся и развлекаются. Организации развивают экономический потенциал общества, создают его культуру, деятельность организаций пронизывает все аспекты жизнедеятельности государства и социума.

Организация представляет собой сознательно координируемое социальное образование с определенными границами, которое функционирует на относительно постоянной основе для достижения общей цели или целей. Но, как и любое явление (процесс), организация имеет свои проблемы, одной из которых выступают межпоколенческие конфликты. [1, с. 6]. В исследовании конкретных конфликтных ситуаций используется следующее определение конфликта: это «частный вид социального взаимодействия между участниками, имеющими взаимоисключающие или несовместимые ценности» [2, с. 76]. Несмотря на то, что конфликт - явление само по себе отрицательное, он далеко не всегда имеет деструктивный характер. Например, по мнению Л. Козера, «признание конфликта

в качестве неотъемлемой характеристики социальных отношений никак не противоречит задаче обеспечения стабильности и устойчивости существующей социальной системы» [3, с. 40-41]. В своих работах он пришел к выводу, что конфликты неизбежны и в некоторых случаях даже необходимы, поскольку не всегда несут плохие последствия.

Конфликты в организациях могут иметь место, так как они детерминируют изменениям и зачастую выступают стержнем развития организации, приводя ее к новым целям и перспективам.

Рассмотрим межпоколенческие конфликты в организациях в понимании их как предприятий/учреждений. Под межпоколенческими конфликтами мы будем понимать конфликты, возникающие между двумя и более людьми и основанные на разногласиях, вызванных разностью поколений. Как показывают исследования, люди испытывают наибольшую удовлетворенность на рабочем месте, если другие сотрудники относятся к той же возрастной группе. И это совершенно не удивительно, поскольку каждое поколение имеет коллективную память, исторически и социально осознает свое местоположение, т.е. по своей сути обладает критическим сознанием, и люди, принадлежащие разным поколениям, имеют взгляды и поведение, присущие тому обществу, в котором они росли, и поэтому, чем больше разница в возрасте, тем больше вероятность возникновения недопониманий между членами одной организации.

Межпоколенческие разногласия значительно влияют на социально-психологические отношения в организации. Например, поколение людей, родившихся и живущих в годы Второй мировой войны и после нее (поколение «Беби-бум»), имеет установки на коллективизм, на трудовой вклад ради общего блага. Поколение людей, выросших в условиях кардинальных общественных изменений (поколения X-Y), когда благополучие каждого человека зависело от него самого, имеет уже другие установки - на индивидуальный труд и достижение собственных целей личными усилиями. Представители современного поколения (поколения Z) в виду широчайших возможностей привыкло решать свои проблемы быстро и, в связи с этим, они относятся к любой работе проще, чем люди поколения «Беби-бум» или X-Y. Когда между представителями этих совершенно разных поколений происходит столкновение, очень сложно прийти к компромиссу. Однако для эффективности функционирования организации необходимо найти способы, которые приведут межпоколенческое взаимодействие не к конфликтам, а к обмену опытом и знаниями. К таким способам можно отнести следующие.

1. Проведение неформальных, культурно-просветительских, развлекательных мероприятий, которые бы поспособствовали сближению со-

трудников организации. Дружеская доверительная атмосфера, возможность отвлечься от рабочих тем позволит найти людям разных поколений общие интересы и в дальнейшем снизить вероятность возникновения конфликтов.

2. Распределение обязанностей между сотрудниками организации таким образом, чтобы они могли успешно обмениваться, в первую очередь, профессиональным опытом, заимствуя полезные качества друг у друга (например, умение и желание работать в коллективе от поколения «Беби-бум», ловкость и выдержка в самостоятельной работе от поколения X-Y и быстрота и навыки владения современными средствами и технологиями от поколения Z).

3. Отсутствие строгих возрастных ограничений для определенного рода деятельности. Это нужно для того, чтобы каждый человек понимал, что для всех в организации действуют одинаковые правила и возможности. Это создало бы мотивацию для качественных и быстрых результатов работы и избавило от предрассудков и предвзятого отношения к некоторым добившимся большего успеха лицам в организации в виду их возраста.

Таким образом, межпоколенческие конфликты неизбежны в современных организациях, однако в некоторых случаях их не нужно избегать, но и допускать слишком частое проявление также не стоит.

Источники и литература

1) Ружанская, Л.С. Теория организации: учебное пособие /Л.С. Ружанская, А.А. Яшин, Ю. В. Солдатова; под общ. ред. Л. С. Ружанской. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 200 с.

2) Удальцова М.В. Социология управления: учебник. 2-е изд., доп. М.: Изд-во, 2016. 150 с.

3) Мамедова В.Э. Позитивные функции конфликтов в организации // Аллея науки : науч.-практ. электрон. журн. 2017. № 15. С. 94-97.

Щербакова Лидия Ильинична

Южно-Российский государственный политехнический университет(НПИ) имени М.И.Платова, Новочеркасск, Россия

Межпоколенческие конфликты в производственных организациях в контексте успешной профессиональной адаптации молодых специалистов

Выбор стратегий занятости выпускниками образовательных учреждений и их успешная адаптация на производстве обусловлены как личностными характеристиками, так и набором объективных факторов внешней среды. Мир, в котором живет и взрослеет современная молодежь, полон неравенства и социальной несправедливости [1,с.14].

Если рассматривать общий культурный и социально-экономический контекст российского общества с позиции макросоциологической концепции общества травмы, представленной в монографии Ж.Т. Тощенко, оно отличается наличием элементов деградации, неопределенности и хаоса. Отдельные группы населения, не нашедшие себе постоянной ниши в структуре занятости, утрачивают привычные жизненные позиции и социальный статус, пополняют слой прекариата [2, с. 9]. Следы этих противоречий можно также увидеть сквозь призму профессиональных траекторий и судеб молодых современников. Определенную социальную напряженность создают неисполнение институциональных правил, сложившиеся неформальные практики приема на работу молодых людей: необоснованное требование наличия практического опыта работы, прохождение испытательного срока без оплаты труда, предложение работать на условиях устной договоренности, без заключения трудового договора и с неясной временной перспективой [2, с. 195-196].

Межпоколенческий конфликт в профессиональной среде работников может быть рассмотрен в контексте концептуального описания П.Сорокиным антагонистического и солидаристического актов взаимодействия. Он подчеркивал, что антагонизм взаимодействия дан тогда, когда одна сторона стремиться побудить другую сторону на такие акты, которые другая сторона совершить не хочет или совершению которых она противится. Он предложил ряд оснований для классификации антагонизмов или конфликтов: по интересам, по характеру антагонизирующих групп, по количеству взаимодействующих лиц, по потребностям [3, с. 14-18].

Применительно к социальным организациям предприятий межгрупповые конфликты могут быть охарактеризованы противоречиями интересов молодежи и других субъектов взаимодействия - социально-возрастных, квалификационных, профессионально-стратификационных, этнических групп сотрудников. При этом главным предметом возникающих межпоколенческих конфликтов становятся рабочие места, социальные льготы, а также другие материальные и символические ресурсы. Социально-психологическая сторона межпоколенческих отношений содержит в себе ролевые, мотивационные, когнитивные аспекты, а также эффекты позитивной-негативной ассиметрии, межгрупповой чув-

ствительности и межгрупповой дифференциации, черты ингруппового фаворитизма [4, с.192-198]. Межпоколенческий конфликт имеет и ценностную окраску, связанную с противоречиями традиционных ценностей представителей старшего поколения работников - стереотипов, предрассудков, групповых эмоций, и псевдолиберальных ценностей молодого поколения, затрудняющими конструктивный контакт и диалог.

Особенно остро эти противоречия и конфликтные ситуации проявляются в текущей обстановке, связанной с цифровизацией производственного процесса, гарантией трудовой занятости для кадровых работников предпенсионного возраста, оптимизацией и сокращением рабочих мест для инженерных работников и среднего управленческого персонала в условиях повышения доли наукоемких операций.

Отдельным субъектом межличностных отношений в сфере молодежной занятости и конфликтности являются работодатели, проявляющие осторожность и недоверие к вновь поступающей молодежи. Так, почти половина выпускников, искавших работу, указали, что они непосредственно обращались к администрации (работодателю) - 41 % [5, с. 69]. При этом они выделили следующие факторы, влияющие на решение работодателя принять на работу: образованность, профессиональная подготовка, способность работать с полной отдачей, общительность, знание современных технологий, опыт предыдущей работы, рекомендации родственников [5, с.20]. Нельзя также не учитывать отношение молодого поколения к получению устойчивой работы и завышенные притязания на зарплату. Как отмечают ученые-социологи, в молодежной среде происходит своеобразная нормализация безработицы и частой смены мест работы, а также профессий [5, с. 114]. Эти обстоятельства отражаются на уровне участия в рабочей силе выпускников, окончивших профессиональные образовательные организации и образовательные организации высшего образования: по данным за 2016 г. уровень занятости этой категории молодежи составляет 80,6%, уровень безработицы - 8,9% [6, с. 66].

Для преодоления межличностных конфликтов на производстве целесообразно реализовать следующие технологии их преодоления: включение в процесс подготовки специалистов дисциплин, раскрывающих технологии урегулирования конфликтных ситуаций на основе использования междисциплинарных методов анализа и прогнозирования развития социально-экономической обстановки на производстве и в регионах, современные технологии выработки и принятия управленческих решений. Отдельного внимания требуется развитие навыков осуществления конфликтологической экспертизы и диагностики, формирование

умений управления своими эмоциями в конфликте, освоение латентных техник бесконфликтных коммуникаций. Положительную роль могут сыграть на предприятиях службы примирения или медиации посредством реализации среди сотрудников различного рода восстановительных программ [7, с. 123].

Источники и литература

1) Молодежь: конструирование трудовой биографии [Электронное издание] / [М. К. Горшков и др.]; отв. редактор М. К. Горшков. – Электрон. дан. (объем 1,6 Мб). – М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. – 148 с.

2) Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография / Ж.Т. Тощенко. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. – М. : Наука, 2018. – 350 с.

3) Сорокин, П.А. Система социологии. Т.2. Социальная аналитика: учение о строении простейшего (родового) социального явления / П.А.Сорокин.- Сыктывкар: Коминвест, 1991.- 158 с.

4) Гулевич О.А., Сариева И.Р. Социальная психология. - М. : Издательство Юрайт, 2015. - 452 с.

5) Занятость молодежи в мотивационном и структурном измее*д*рении [Электронное издание] / [М. К. Горшков и др.]; Отв. редак*ед*тор М. К. Горшков. – Электрон. текст. дан. (объем 1,5 Мб) – М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2017. – 129 с.

6) Индикаторы образования: 2018 : статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В.Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2018. – 400 с.

7) Лабадзе О.Е., Щербакова Л.И.Социальные технологии в управлении российским малым предпринимательством: монография / О.Е.Лабадзе, Л.И. Щербакова; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.- Новочеркасск: ЮРГПУ(НПИ), 2018. – 175 с.

Юрасова Мария Владимировна
МГУ им. М.В. Ломоносова социологический факультет, Москва, Россия

Карьерные стратегии: проблема подхода к измерению

Договорные отношения работника и работодателя с давних времен предполагают нахождение взаимноприемлемого уровня отношений. Работник старается найти лучшее в своем представлении место работы, расставляя различные приоритеты, а работодатель пытается заполучить и удержать хорошего сотрудника.

Уже более десяти лет в форматах работы ведущих предприятий появилась, на первый взгляд, странное направление работы: «развивают навыки и компетенции персонала для обеспечения его будущей мобильности и возможности трудоустройства». То есть хороший работодатель должен таким образом развивать персонал, чтобы сотрудники были востребованы на рынке труда, но при этом, создать такую систему мотивации, чтобы удерживать лучших.

Согласно данным портала Superjob, почти три четверти сегодняшних работников хотят сменить работу. Вопрос о желании и реальной возможности сокращает эту группу. Половина из желающих сменить работу - недовольны нынешнем уровнем оплаты труда.

Рассмотрим несколько стратегий такого поведения. Старшее поколение, подогреваемое слухами о невозможности найти работу после 45 лет, предпочитает дорабатывать до пенсионного возраста. И что интересно: есть множественные примеры того, что после выхода на пенсию, они трудоустраивались в другие организации со значительным повышением.

Служба Исследований компании HeadHunter опросила соискателей об их уровне счастья и построила собственный Рейтинг счастья в профессиональных областях [Где работают самые счастливые сотрудники, а где — не очень? 11 ноября 2019. Служба Исследований компании HeadHunter опросила соискателей об их уровне счастья. Опрос проводился с 21 по 27 октября среди 5459 российских соискателей [1]. На сайте приведена средняя оценка уровня счастья у представителей разных профобластей. Там же выделено топ-5 областей, где работают самые счастливые сотрудники.

- Медицина, фармацевтика - 6,1
- Госслужба, НКО - 5,9
- Управление персоналом - 5,8
- Туризм, гостиницы, рестораны - 5,7

· Высший менеджмент, а также строительство и недвижимость - 5,6

А также топ-5 антирейтинга с самым низким уровнем счастья:

· Автомобильный бизнес - 4,4
· Рабочий персонал - 4,7
· Начало карьеры, студенты - 4,8
· Информационные технологии - 4,8
· Закупки - 5

Говоря о современной проблеме измерений в области HR, хотелось бы привести цитату с саммита HR Digital 2019: «Скорость развития такова, что проводить исследование вовлеченности, «360 градусов» и так далее раз в год уже невозможно. Кому нужна информация, полученная с такой задержкой? Это все равно что при взлете самолета снять показания приборов, а в конце, через несколько часов полета, использовать их при посадке. Современная компания, учитывая динамичность развития и постоянный поток данных, не может управлять бизнесом с таким подходом» [2].

Еще одна цитата, которая отражает современный уровень развития измерений в HR принадлежит Давиду Яну, сооснователю Yva.ai Technologies [2]: «Простого статистического разнообразия недостаточно, нужна инклюзия. Если разнообразие означает, что количество мужчин соответствует количеству женщин, число молодых — числу пожилых и так далее, то смысл инклюзии заключается в предоставлении равных возможностей для вклада в общий успех, в том, что персонал по-настоящему ощущает себя частью компании, не кучкуется в «гетто» своих отделов, а вовлечен в принятие решений. В этом случае уровень счастья в компании повышается и благотворно отражается на бизнес-показателях. Однако для этого нужны другие технологии, иной уровень статистики и исследований того, что люди чувствуют».

Современные организации, перегружающие сотрудников излишней отчетностью, формируют формальное отношение к труду, желание сменить работу, а также снижают инициативу и др. Есть работодатели, которые оберегают свой персонал от излишне бюрократической работы.

Например, одна из крупных компаний, возглавляемая молодым руководителем, для однократной бумажной бюрократической работы нанимает внешнего аккуратного и пунктуального сотрудника (чаще студента) на стажировку. Таким видом работы может являться подготовка рабочей документации к сертификации. То есть в обязанности стажера входит реестр документации, приведение ее к требуемому формату. То есть, практически, механическая работа. Это позволяет компании не

отвлекать сотрудников на формальную работу, а только поручать им текущую проверку в рамках своей компетенции. А у стажера появляется возможность проявить себя, познакомиться с работой компании и продолжить сотрудничество уже в штате компании.

Другая ситуация, когда подобные функции распределяют между всеми сотрудниками организации. Возникают проблемы игнорирования поручений, формальность их выполнений. Очень показателен пример программ учебных дисциплин, которые можно найти в сети интернет. Выполняя формальные требования обновления учебной литературы, авторы просто меняют год. Это создает определенную путаницу, так как в эти годы учебник не выходил. Проверяющий посмотрит на год издания, но редко проверит вообще существование указанного источника. Формальный подход к показателям привел к отзыву огромного числа публикаций и как следствие, громкие скандалы. Например, недавняя информация об отзыве научных статей

Таким образом, необходимо учитывать многие современные реалии. Сложно работать только по показателям. И любой службе HR приходится варьировать и выбирать те показатели, которые отражают реальное положение дел, а не ограничиваются исключительно формальными данными.

Источники и литература

1) Служба Исследований компании HeadHunter Режим доступа: http s://hh.ru/article/25725
2) О чем говорили на саммите HR Digital 2019: несколько ярких цитат 7 октября 2019. Режим доступа: https://hh.ru/article/25479

Ягафарова Дилара Гафуровна

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Преемственность в науке: оценки молодых исследователей

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-311-00266 мол_а «Адаптационные стратегии молодых ученых в условиях институциональных изменений в науке: региональный контекст»

Преемственность в науке предполагает не только наращивание научного знания на базе теорий и методологии предшествующих поколений, но и

различные формы наставничества, трансляция научных идей, моделей поведения и научной этики, способов построения карьеры, формирование научной школы, где в том числе должны происходить эти процессы. Однако в условиях серьезных социально-экономических преобразований, когда происходит ломка межпоколенческих связей, не только в науке, но и в целом в обществе, трудно сохранить и воспроизводить дальше накопленный научных капитал. Помимо социальных проблем, статистические данные показывают низкий уровень жизни молодых исследователей, что также создает дополнительные сложности вовлечения в научную деятельность и эффективную исследовательскую работу [1]. В рамках проекта «Адаптационные стратегии молодых ученых в условиях институциональных изменений в науке: региональный контекст» (РФФИ, 18-311-00266 мол_а) реализовано исследование молодых ученых [2].

Молодое поколение исследователей оценивает поддержку, которую им оказывает старшее поколение ученых недостаточно высоко. Так, в большей степени эта поддержка выражается в обучении, наставничестве в области профессиональных знаний - 6,9 баллов из 10 возможных, консультация в подготовке статей - 6,7 баллов, помощь в написании диссертации (научное руководство диссертационной работой) - 6,5 баллов, помощь в налаживании научных связей - 6,2 балла, помощь при организации защиты - 6,1 балл.

Наименее высоко оценена помощь при устройстве на работу - 5,0 балла, проведение экспериментов и необходимых расчетов для разработок - 5,4 балла, помощь в подготовке заявок на гранты, премии, конкурсы и т.д. - 5,7 баллов, при организации и исполнении научных проектов - 5,8 баллов. В целом такой разброс понятен, и связан с разным этапом карьеры исследователей, однако общая оценка недостаточно высока.

Старшее поколение ученых среди приоритетных направлений работы с молодым поколением называют: обучение, наставничество в области профессиональных знаний (78,6%), помощь при устройстве на работу (57,1%), помощь в подготовке заявок на гранты, премии, конкурсы и т.д. (50,0%), помощь в налаживании научных связей (50,0%), помощь при организации и исполнении научных проектов (42,9%). По результатам исследования почти половина (45,5%) молодых ученых считают, что оказываемой им поддержки со стороны старшего поколения ученых недостаточно. Интересно, что старшее поколение ученых также не всегда считает, что оказываемой ими поддержки достаточно: 35,7% ответили отрицательно на этот вопрос.

Среди причин недостаточной поддержки молодежи состоявшиеся ученые называют отсутствие материально-технической базы (60%), от-

сутствие достойной смены (45,0%), недостаточный уровень вознаграждения за подобный труд (40,0%), отсутствие потребности в знаниях и опыте со стороны молодых исследователей (39,0%).

Достаточно часто молодые исследователи сталкиваются с негативными ситуациями недобросовестного использования их труда. Так, только 44,2% молодых ученых никогда не стакивались с подобным отношений. Чаще молодым ученым вменяется обязательство указывать в публикациях как автора научного руководителя, руководителя организации/отдела (25,6%), поручение работы, которую старший ученый обязан делать сам (преподавание, разработки и т.п.) (20,9%), использование результатов труда в статьях с присвоением приоритета в публикации, эксперименте и т.п. (18,6%) и другие случаи эксплуатации.

Однако нередко и сами молодые исследователи бывают нечистоплотны в научной деятельности. Исследование показало достаточно частые проявления инфантильности, нежелание прилагать больше усилий для достижения результата (41,0%), низкую степень ответственности (36,8%), плагиат, присвоение результатов работы в публикациях без указания ссылок (35,9%), низкий уровень дисциплины, несоблюдение обязательств (34,2%). Недопустимо, чтобы преемственность в науке провалялась именно таким образом: трансляция моделей поведения, дискредитирующих науку и ученого как исследователя.

Таким образом, есть несоответствие ожиданий молодых исследователей в плане наставничества, научной поддержки и помощи со стороны старшего поколения ученых. Потребность в выстраивании научных связей, преемственности у молодого поколения есть, причем достаточно острая, однако в силу ряда причин - материальных, ощущения отсутствия явного запроса, потенциальных ценных кадров - старшее поколение ученых эту потребность не всегда имеет возможность реализовать. Акцент на практикоориентированность, внедрение результатов, поиск финансирования научных проектов формирует иной подход к научной деятельности, не всегда понятный старшему поколению, привыкшему к фундаментальной науке. Возможно, это влияет на разное понимание поколениями ученых той необходимой поддержки, которую молодое поколение ждет от старшего.

Источники и литература

1) Наука. Технологии. Инновации: 2019 : краткий статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский

и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 84 с.

2) Экспертный опрос «Молодые ученые в региональном научном сообществе», 2019 г. Объект исследования: молодые исследователи Республики Башкортостан. Объем выборки: 150 человек. Выборка: квоты по сфере исследовательской деятельности, по отраслям наук, научному статусу (аспирант, кандидат наук, молодой исследователь без степени).

Янбекова Елена Радиковна

Башкирский Государственный Университет, Уфа, Россия

Возраст и стаж работы сотрудников как факторы возникновения организационных конфликтов

Развитие любой организации представляет собой сложный процесс, сопряженный с возникновением, протеканием и разрешением конфликтов. Под организационным конфликтом обычно имеют в виду не всякий конфликт, происходящий в рамках организации, а такой, который вызван какими-либо специфическими ее свойствами, структурными особенностями, взаимодействием с другими организациями [4]. Факторами возникновения организационных конфликтов выступают: 1. Проблемы распределительных отношений; 2. Сложности функционального взаимодействия; 3. Ролевые противоречия; 4. Сугубо деловые противоречия; 5. Раздел вины, ответственности, лидерства [2]. Возраст и стаж работы сотрудника оказывает влияние на все вышеперечисленные факторы. Так, опытные сотрудники, как правило, имеют и дополнительные льготы, и более высокий «кредит доверия» у руководства, за счет чего могут рассчитывать на самые интересные задания, хорошие поощрения, премирование. Молодые сотрудники со свойственным энтузиазмом не всегда готовы с этим мириться. Сложности функционального взаимодействия - одна из самых скрытых, трудно изучаемых причин трудового конфликта. В качестве главного здесь можно назвать следующее противоречие: чем сложнее дифференциация и кооперация трудовой деятельности, чем активнее и ответственнее отношение самих людей к ней, тем вероятнее и социальные столкновения. В качестве примера ролевых противоречий может выступать ситуация, когда опытные сотрудники воспринимают молодых как помощников, при этом будучи трудоустроены на одну должность.

Вероятны организационные конфликты между более взрослыми и молодыми сотрудниками на основе стиля профессионального мышления. Так, первые более консервативны в методах достижения цели, зачастую полагаясь на проверенные способы, среди молодого персонала обычно преобладают «новаторы». Из этого вытекает и следующая причина, состоящая в несогласии в способах достижения цели, которая влечет и невозможность раздела вины и ответственности в случае неудачи. Довольно редко вся трудовая группа, организация как таковая принимает на себя ответственность, чаще происходит болезненный процесс определения конкретного виновника, персонификации вины. Лидерство и основанный на нем трудовой конфликт могут проявиться не только в сложных, но и в простых видах трудовой деятельности, где выполняются самые примитивные задачи и функции. Трудовой конфликт на основе лидерства может протекать как борьба: за власть и господство; за занятость, сохранение собственной работы; за наставничество. Таким образом, возраст и стаж работы сотрудников выступают фактором организационных конфликтов. Это подтверждает следующее: 1) молодому работнику иногда свойственно переоценивать свои способности, недооценивать опыт старших; 2) опытные старшие работники не оказывают помощи молодым, особенно в период адаптации; 3) опытные старшие работники иногда недооценивают способности молодых; 4) молодежь не всегда понимает некоторые специфические сложности и потребности работников старшего поколения; 5) работники старшего возраста иногда слишком ревностно относятся к "слишком быстрой" профессиональной реализации молодых специалистов. На этапе конфликтной ситуации наиболее эффективна «стратегия совета», когда руководитель вначале оценивает позицию каждого работника по отношению к проблеме, а затем организует собрание, на котором предоставляет возможность всем членам коллектива выразить свое мнение в благоприятной атмосфере [1].

Важны следующие условия: - руководитель должен оставаться объективным и нейтральным; -руководитель не должен выступать первым, озвучивая свое мнение; - возможность высказаться должна быть предоставлена всем членам коллектива. При этом руководитель анализирует точку зрения каждого, выражая тем самым свое уважительное отношение к мнению выступающего; - самым последним выступает руководитель, обобщая всю полученную информацию и интегрируя все мнения.

Источники и литература

1) Белинская Е.В. Конфликты в организации: виды, причины и пути разрешения// "Энергетическая стратегия", № 5, 2016. URL: https://www.b17.ru/article/61029/ (дата обращения: 03.12.2019)

2) Зеленцова Л.С., Бобрешова И.П., Попова Т.Е. Экономика и социология труда: Методические указания к изучению дисциплины. Краткий конспект лекций. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. – С.54 URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/194/19194/1550?p_page=1 (дата обращения: 03.12.2019)

3) Пригожин А.И. Социологический словарь // отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М, 2014, с. 470-471.

4) Хисматуллина З.Н. Организационные конфликты: понятие и типология // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 3. – С. 108-110 URL: http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5908 (дата обращения: 02.12.2019)

«Секция 9. Гармонизация интересов социальных групп в государственном управлении (рук. доц. В.П. Васильев)»

Руководитель секции:
доц., к.э.н. В.П. Васильев
Секретарь секции:
доц., к.с.н. Н.Г. Деханова

Основные вопросы секции:

- Стратегическое планирование – механизм артикуляции интересов социальных групп
- Роль государства в реализации принципов устойчивого развития
- Социальные противоречия и риски цифрового развития
- Методы сокращения социальной эксклюзии
- Социальные противоречия пространственного развития

Авдеева Екатерина Вадимовна[1]***, Авдеева Ольга Анатольевна***[1]
1 - ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, Иркутск, РФ

Методологические подходы к исследованию проблемы правовой интеграции регионов в общегосударственную правовую систему России

Анализ правового статуса субъектов, образующих состав Российского государства в XVII-XIX вв., в силу актуальности проблемы совершенствования механизма правового регулирования в условиях глобализации и интеграции международной жизни находится в поле пристального внимания научных кругов [1, С. 96] Исследуя процесс реформирования государственного аппарата в контексте взаимодействия государственных органов исполнительной и судебной власти, Л.Е Лаптева промульгирует идею о «традиционной особенности политики Российской империи в отношении нерусских народов», обусловившую наличие в механизме реализации публичной власти признаков национальной автономии. В развитие данного подхода С.В. Кодан отмечает особенности процесса империостроительства в России, связанные с отсутствием по сравнению с колониальными государствами «резко очерченного деления на метрополию и колонии». Л.А. Стешенко подчеркивает, что «генеральным направлением» в механизме правового регулирования статуса туземных народов

являлось проведение «прагматичной, гибкой политики». Государственно-правовое строительство на территории Сибири отличалось политикой поэтапного интегрирования региона в общеимперскую правовую систему. Правовая политика России проводилась с учетом геополитического, социально-экономического, демографического факторов, основываясь на особенностях родоплеменной организации коренных народов Сибири и их этнической раздробленности. Специфика территориальной организации власти на территории Сибири заключалась в установлении в рамках унитарного государственного устройства «особых» принципов формирования органов государственной власти и самоуправления и реализации ими публично-властных полномочий. С одной стороны, наметилась политика по целенаправленной централизации управления посредством учреждения Сибирского приказа, координирующего реализацию на востоке страны вверенных полномочий в сфере осуществления исполнительной и судебной власти. В обоснование данных принципов реализации государственной власти легла отдаленность Сибири от «имперского центра» и ее территориальная протяженность. [2, С. 2] В результате по мере поэтапного освоения проводится политика военного администрирования, предусматривающая: создание разрядов и воеводств; учреждение в 1708 г. в целях дальнейшей централизации управления Сибирской губернии; разукрупнение ввиду расширения территориальных границ Сибирской губернии на Тобольское и Иркутское генерал-губернаторства; разделение Сибири в 1822 г. на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. В ходе реализации во второй половине XIX - начале XX в. с учетом геополитического фактора политики военного администрирования: Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено; создано Степное генерал-губернаторства; в качестве самостоятельных административно-территориальных единиц выделены Тобольская и Томская губернии; Восточно-Сибирское генерал-губернаторство преобразовано в Иркутское генерал-губернаторство в составе Енисейской и Иркутской губерний, Якутской и Забайкальской областей; на территории Дальнего Востока путем отделения от Восточной Сибири учреждено Приамурское генерал-губернаторство в составе Приморской, Амурской, Камчатской и Сахалинской областей [3, С. 32]. Таким образом, реализация государственной политики в период империостроительства характеризуется созданием на территории Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока административно-территориальных единиц, наделяемых разным правовым статусом во взаимодействии с центральными органами государственной власти. Политика военного администрирования предопределила особенности структуризации и функционализации

органов государственной власти. В частности, принимая во внимание такие факторы, как активизация деятельности по освоению территории, мобильность русскоязычных переселенцев, миграционные процессы инородческого населения, концентрация сосланных на каторгу и поселение, предопределившие актуализацию проблемы удержания власти на новозавоеванной территории, в условиях острого дефицита кадрового потенциала и недостатка лиц дворянского происхождения проводится политика по предоставлению органам местной администрации судебной власти. С другой стороны, ввиду экономического потенциала региона и реализации налоговой политики, «неравномерности распределения населения, его разбросанности и происходящей отсюда значительности разстояний между поселениями» осуществляется активная деятельность по изучению «условий применения» общеимперского законодательства, производится «запрос мнений и заключений» глав сибирской администрации о состоянии «общественно-экономических отношений» и «местных торгово-промышленных и сельскохозяйственных интересов». Особенностью реализации публично-властных отношений в Сибири является роль институтов общественного управления, действующих по территориальному, сословному и корпоративному принципам [4, С. 57]. В процессе освоения Сибири на основании Сибирского учреждения 1822 г. создается разветвленная система волостных, горных, станичных, крестьянских, духовных, городских органов общественного управления. Для обеспечения стабильности и правопорядка на законодательном уровне регламентируются «предметы и пределы власти» органов общественного управления. Особое внимание уделялось созданию на территории Сибири эффективной системы самоуправления коренных народов. В соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г. и Положением об инородцах 1892 г. организация «поразрядного» инородческого управления предусматривала переход от «прямого» к «косвенному» управлению, осуществлявшемуся на основе исторически сложившихся «изустных правил». Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что государственно-правовая политика России в отношении Сибири в период империостроительства с учетом военно-стратегических задач государства, геополитических, этнических, демографических факторов, влекущих специфику развития региона, отличалась активной правотворческой деятельностью, направленной на оптимизацию административных и иных ресурсов, содействовавших поэтапному интегрированию региона в общеимперскую правовую систему.

Источники и литература

1) Кодан С.В. Империя как политико-правовое явление (теоретический и исторический аспекты) // Государство и право в условиях глобализации: проблемы и перспективы. - Екатеринбург, 2004. - С. 94-98.

2) Лаптева Л.Е. Опыт типологии административной политики. // Право и политика. - 2001. - № 8. - С. 58-64.

3) Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. - М.: Новое издательство, 2005. - С. 18-47.

4) Мигунова Т.Л. Правовой аспект общинного самоуправления в период правления Екатерины II. // История государства и права. - 2004. - № 4. - С. 55-58.

Александрова Ольга Аркадьевна

НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ Москвы; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Конфликтогенность реформы здравоохранения: причины и последствия

В последние годы информация о ситуации в здравоохранении напоминает сводки с полей сражений. «Линии фронта» проходят между врачами, говорящими об экстремизме пациентов (нападение на врачей), и пациентами, сетующими на бесчувственность медиков; между рядовыми и руководящими медицинскими работниками (забастовки медиков); наконец, между гражданами и государством, которого они винят в резком снижении доступности и качества медицинской помощи. Наблюдаемые явления подтверждают соцопросы. Согласно Лиге защиты пациентов, в 2017 г. врачам доверяли лишь 36% россиян; по данным РОССТАТа, в 2018 г. 34,5% россиян не обратились за помощью в лечебные учреждения, в том числе, в силу недоверия к системе здравоохранения [1]; по данным опроса ВЦИОМ, в 2019 г. не доверяли поставленному диагнозу или перепроверяли назначения врача 41% россиян (в городах-миллионниках - каждый второй) [2]. Недоверие к системе здравоохранения усиливают и расхождения между тем, что ощущает население, и тем, что им рассказывают в СМИ. И действительно: в 2018 г. власти признали массовую фальсификацию причин смерти, когда смертность от заболеваний, по которым установлены целевые показатели, искусственно занижается. Так,

поскольку действовавшая в 2008-2012 гг. программа, а затем и майские указы президента 2012 г. требовали снижения смертности от сердечнососудистых заболеваний, эти показатели стали резко снижаться, а показатели смертности от старости и «прочих» болезней расти. В регионах, где смертность от онкологии была ниже запланированных Минздравом средних показателей, ее стали до них поднимать (в отчетности), а где выше — снижаться в сторону целевых значений [3]. Манипуляции со статистикой подтверждались и в рамках наших исследований. Так на вопрос, как на фоне «оптимизации» сети лечебных учреждений может сократиться смертность от инфарктов и инсультов, для которых чрезвычайно важен фактор скорости оказания медицинской помощи, один из экспертов ответил: «В статистике смертности число смертей от «других причин» выросло настолько, что туда можно слона засунуть». Подобное, поясняли эксперты, возможно из-за подчинения патологоанатомической службы медицинскому ведомству [4]. Таким образом, налицо социальный конфликт, последствия которого - рост смертности и инвалидизации населения, профессиональное выгорание и текучесть медицинских кадров. Так, массовый опрос медиков в столичных больницах и поликлиниках, проведенный нами в 2019 году под эгидой НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента, показал, что лишь треть из них работает в меру своих сил, половина же - «очень устает», а каждый пятый и вовсе работает «на пределе сил». При такой нагрузке относительно высокая зарплата уже не кажется справедливой оценкой их труда. При этом медиков изнуряет не столько своя работа, сколько отчетность (60,9%) и выполнение работы за недостающий персонал (43,6%). И среди факторов, мешающих качественной работе, московские медики отметили завышенные нормы обслуживания пациентов, психологический дискомфорт при работе с пациентами; недостаточную обеспеченность оборудованием и препаратами, избыточную регламентацию. Не случайно проинтервьюированные в рамках проекта главврачи нередко говорили о страхах: молодые медики боятся пациентов, а опытные - нарушить бесконечные инструкции. Показательно, что при всей своей нагрузке более 40% врачей и более 60% медсестер ответили на последний - открытый - вопрос нашей анкеты (52-ой по счету!) о том, что может способствовать повышению качества медпомощи: вновь лидировали нормирование труда и его оплаты. Недовольны и пациенты: по данным опроса сайта «Медицина-Москва», в 2016-2019 гг. две трети москвичей, недовольных недоступностью медицинской помощи, невнимательностью медперсонала и его низкой квалификацией, оценили московское здравоохранение на «двойку» и 20% - на «тройку» [5]. То есть, даже в благополучной Москве ситуа-

ция - достаточно напряженная. Не случайно в 2019 г. здравоохранение неоднократно оказывалось в фокусе внимания федеральных властей, а спор между вице-премьером Т.Голиковой и министром здравоохранения В.Скворцовой вылился в публичную плоскость - вплоть до представления их высказываний на мониторах в вагонах столичного метро. Но случайны ли возникшие проблемы? Увы, нет. Они заложены в 2010 г. печально знаменитым законом №83-ФЗ, за техническим названием которого не все могли увидеть коренной перелом в здравоохранении [6]. Были те, кто об этом предупреждал, но их не слушали [7]. И в 2012 г. большинство опрошенных нами в шести регионах России руководителей медучреждений прогнозировали и «оптимизацию», и рост платности, а причины как тогдашних проблем, как и будущей «оптимизации» объясняли неадекватно низкими объемами бюджетного финансирования. А вот население, как показал наш опрос, было в полном неведении о том, что затевается, отсюда - и его шок от плодов этой реформы [8].

Источники и литература

1) Линделл Д., Звездина П. Треть россиян при заболеваниях не обращаются к врачам. URL: https://www.rbc.ru/society/03/04/2019/5ca399a89a79471c9288034f?from=newsfeed

2) Губернаторов Е. Более 40% россиян заявили о недоверии врачам . URL: https://www.rbc.ru/society/11/12/2019/5df089c29a79479c2d976fb1 (дата обращения: 15 января 2020 г.)

3) Линделл Д., Звездина П., Д.Янаев Старость и «другие»: что не так со статистикой смертности россиян URL: https://www.rbc.ru/society/21/12/2018/5c13be709a794763085f768c (дата обращения: 15 января 2020 г.)

4) Александрова О.А., Комолова О.А. Реформа здравоохранения: руководители медучреждений на острие проблем (часть первая)// Народонаселение. 2018. №4. С. 96-108

5) Медицина, здравоохранение в Москве - отзывы и результаты опроса 2016-2019. URL: https://medicina-moskva.ru/sostoyanie-meditsiny-v-moskve-kommentarii-i-obsuzhdenie (дата обращения: 15 января 2020 г.)

6) Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 № 83-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/doc

ument/cons_doc_LAW_100193/ (дата обращения: 15 января 2020 г.)

7) Александрова О.А., Ненахова Ю.С. Человеческий потенциал России и реформа социальной сферы// Народонаселение. 2012. №4, С.51-59

8) Александрова О.А. Качество жизни и реформа бюджетных учреждений: почему все не так?// От качества жизни – к качеству народонаселения. Сборник статей участников Конференции в рамках программы «МЭФ-2016»/ отв.ред. В.В. Локосов, ред.-составитель Е.В. Моргунов. – М.: ООО «Вариант», 2017, С. 6-25.

Андреев Константин Геннадьевич

СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

Предотвращение социальной эксклюзии лиц предпенсионного возраста в сфере трудовых прав

Федеральный закон № 350-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий", принятый 03.10.2018 года, сдвинул границы пенсионного возраста, который на протяжении десятилетий оставался неизменным [1]. Цифры 55 и 60 лет являлись для российского общества барьером, по достижению которого заканчивался общепризнанный период активной трудовой деятельности и начинался возраст «дожития». В свою очередь, многие работодатели, в целях ротации трудовых кадров, приёма на работу более молодых или квалифицированных специалистов воспринимали достижение работниками такого возраста в качестве повода их увольнения по собственной (работника) инициативе, то есть их выхода на пенсию.

Из-за повышения пенсионного возраста на 5 лет в зоне риска оказалась возрастная группа людей, которые должны были выходить на пенсию по ранее действующему законодательству. Сложилась ситуация, при которой сотни тысяч не вышедших на пенсию людей могут оказаться в состоянии социальной эксклюзии - лишиться доступа к труду. Ведь далеко не каждый работодатель заинтересован в сохранении у себя работника пожилого возраста даже высокой квалификации, и в случае увольнения до достижения «нового» пенсионного возраста такой человек попадает в ситуацию резкого снижения уровня доходов и сопутствующего этому

ухудшения качества жизни. При этом общеизвестными являются проблемы, возникающие у пожилых людей, пытающихся устроиться на работу [6, с. 22].

В целях защиты социально уязвимой возрастной группы и недопущения описанной ситуации законодатель ввёл уголовную ответственность для работодателей. Федеральным законом от 03.10.2018 г. № 352-ФЗ "О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации" в УК РФ была добавлена статья 144.1, согласно которой отказ в приёме на работу или увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста - под ним в законе понимается пятилетний срок до назначения страховой пенсии по старости - наказывается штрафом до 200 тысяч рублей или в размере дохода нарушителя за период до 18 месяцев либо обязательными работами на срок до 360 часов [2]. Верховный Суд РФ в своём Постановлении от 25.12.2018 г. № 46 "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ)" особо отметил, что состав данного преступления будет даже в случае, когда работник уволился по собственной инициативе, но имеются доказательства принуждения его к увольнению в связи с достижением предпенсионного возраста [3].

В настоящее время в судебной практике уже имеется случай ссылки на данную статью со стороны лица предпенсионного возраста, оспаривавшего своё увольнение. В этом деле, однако, по совокупности доказательств в удовлетворении требований гражданина суд отказал (см. подробнее Апелляционное определение Самарского областного суда от 09.07.2019 г. по делу № 33-8251/2019) [4]. Стоит отметить, что применение данной нормы на практике затруднено сложностью доказывания факта увольнения либо отказа в приёме на работу именно по основанию возраста человека - очевидно, что работодатели будут стремиться указывать иные «недискриминирующие» причины.

Ещё одной мерой по снижению риска исключения лиц предпенсионного возраста из активной трудовой деятельности является их дополнительное обучение и переобучение, производимое за счёт бюджетных средств. Этому посвящена специальная программа, рассчитанная до 2024 года и утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2018 г. № 3025-р [5]. Однако плановый показатель обучения - «не менее 450 тысяч граждан» [5, с. 4] довольно небольшой по сравнению с возрастной стратой «предпенсионеров» в России. Пока рано говорить об эффективности программы, так как неизвестно, насколько востребованными для работодателей окажутся профессии, получаемые пожилыми людь-

ми в результате такого обучения. Ввиду того, что никакого обязательства брать на работу человека, прошедшего такое обучение, у работодателя нет, существует вероятность, что для конкретного человека результатом участия в программе будет получение неприменимого в дальнейшем свидетельства или иного документа.

С учётом постепенного старения населения России проблемы, связанные с сохранением включённости пожилых людей в социальное взаимодействие и, в частности, в трудовые отношения, сохранение для них возможности поддерживать достойный уровень жизни, всё сильнее актуализируются в общественном дискурсе. То обстоятельство, что государство пытается реагировать на этот запрос, вводя меры дополнительной защиты лиц предпенсионного возраста, является позитивным фактором, способствующим разрешению социальных конфликтов. Вместе с тем, рассмотренные выше слабые стороны принятых мер, указывают на необходимость дальнейшего увеличения охвата государственных программ, анализа их результативности для возможных корректировок, а также потребность в индивидуальном рассмотрении ситуаций увольнения людей предпенсионного возраста.

Источники и литература

1) Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий" // Доступ из СПС "Консультант Плюс"
2) Федеральный закон от 03.10.2018 № 352-ФЗ "О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации" // Доступ из СПС "Консультант Плюс"
3) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)" // Доступ из СПС "Консультант Плюс"
4) Апелляционное определение Самарского областного суда от 09.07.2019 по делу № 33-8251/2019 // Доступ из СПС "Консультант Плюс"
5) Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2018 № 3025-р // Доступ из СПС "Консультант Плюс"
6) Бойко О.А., Панов С.Л. Защитит ли права работников предпенсионного возраста введенная в УК РФ статья 144. 1 //

Виктимология. 2018. №4 (18), с. 20-25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschitit-li-prava-rabotnikov-predpensionnogo-vozrasta-vvedennaya-v-uk-rf-statya-144-1 (дата обращения: 24.01.2020).

Андриянова Татьяна Владимировна
Курский государственный университет, Курск, Россия

Нормативное регулирование и сокращение социальной эксклюзии как основа управленческой деятельности в сфере культуры

Государственное регулирование, связанное с сокращением социальной эксклюзии в Российской Федерации, в настоящее время представлено достаточным количеством нормативных документов. В них содержатся положения: о полноценном участии лиц с ограниченными возможностями здоровья в общественной жизни; равном доступе к получению образования, к культуре и всей необходимой информации; борьбе с дискриминацией в современном обществе [1]. Конвенция о правах инвалидов вступила в силу 3 мая 2008 г., Российская Федерация подписала ее 24 сентября 2008 г., а затем Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон от 03.05.2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов». В соответствии со статьей 15 Конституции Российской Федерации Конвенция о правах инвалидов является составной частью правовой системы государства [2]. Все граждане общества независимо от сложившейся ситуации несут определенную ответственность (юридическую, должностную и др.) за несоблюдение ответственности или прав, предусмотренных законодательством РФ, относительно доступной социальной среды и оказания услуг лицам с ограниченными возможностями здоровья. Социальная защита таких лиц осуществляется на территории проживания с возможностью реализовать себя с гражданской, политической и экономической позиции, учитывая при этом права и общепризнанные принципы [3].

Регламентирована техническая составляющая безопасности зданий и сооружений для открытого доступа категорий лиц с ограниченными возможностями здоровья и всего населения в целом, а также проектная документация, разработка и все инженерные решения, касательно зданий и сооружений и несения в этой связи определенной ответственности [4]. К таким сооружениям и зданиям относятся жилые, общественные,

производственные здания и сооружения, в которых обеспечивается возможность передвижения для лиц с инвалидностью [5].

Идет речь и об услугах, касающихся социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья, лиц, которые подверглись травме в результате боевых действий или участников войн. В частности, указываются соответствующие реабилитационные услуги, предоставляемые реабилитационными предприятиями, организациями и учреждениями, и устанавливаются их основные виды, объем и содержание [6]. Утверждены реабилитационные мероприятия (восстановительная терапия, реконструктивная хирургия и др.), технические средства реабилитации и специальные услуги для лиц с ограниченными возможностями здоровья [7].

Далее разрабатывается «дорожная карта» как план мероприятий, направленных на повышение показателей доступности объектов и услуг для лиц с ограниченными возможностями здоровья [8], а также предусматривается равный доступ к оказанию услуг лицам с ограниченными возможностями здоровья, равное развитие и трудоустройство такой категории лиц [9]. Авторские исследования рассмотренного вопроса на примере региональных учреждений культуры в Курской области позволяют сделать вывод, что определенное влияние на управленческую деятельность и сокращении социальной эксклюзии в данной сфере оказывают нормативные документы Министерства культуры РФ [10-13]. В них, во-первых, упоминаются все виды учреждений культуры, которые предоставляют лицам с ограниченными возможностями здоровья и маломобильным группам населения условия для беспрепятственного доступа к объектам учреждений культуры и услугам, которые они предоставляют [14]. Во-вторых, речь идет о соблюдении правил предоставления услуг и условий нахождения лиц с ограниченными возможностями здоровья и маломобильных групп населения в учреждениях библиотечного типа, оказании первой помощи такой категории лиц, создании безбарьерного доступа к передвижению на территории библиотеки и предоставлении услуг наравне с иными посетителями с учетом их потребностей [15]. В-третьих, оговаривается предоставление всех условий, благ и культурных ценностей лицам с ограниченными возможностями здоровья и устанавливается свод правил, действующий при оказании необходимой помощи такой категории лиц. Предоставление услуг наравне с иными посетителями учреждений культуры направлено на преодоление барьеров для лиц с ограниченными возможностями здоровья [16]. В-четвертых, гражданами общества должен соблюдаться свод правил относительно пребывания лиц с ограниченными возможностями здоровья в музее, в том числе

компетентность персонала, возможность предоставления услуг ознакомления с отдельными отделами музея и безбарьерного передвижения по ним [17]. В целом указано, что при посещении объектов культуры и соответствующих учреждений лицам с ограниченными возможностями здоровья должен быть предоставлен доступ к объектам этих учреждений и сама возможность доступа наравне с другими получателями услуг [18].

Нормативные документы в значительной степени способствуют созданию в нашей стране единой государственной системы реабилитации инвалидов, учитывающей экономические, политические, медицинские, социальные, культурные и профессиональные аспекты [19]. Разработка основных направлений государственной политики по отношению к инвалидам и основ законодательства об их защищенности должны базироваться на принципах обеспечения равных возможностей для инвалидов в доступе ко всем социальным институтам и их организациям, предоставляющим соответствующие услуги.

Источники и литература

1) Федеральный закон от 03.05.2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35237.

2) Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.constitution.ru/.

3) Федеральный закон № 181-ФЗ от 24.11.1995 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/

4) Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2014 г. № 1521 «Об утверждении перечня национальных стандартов и свод правил (частей таких стандартов и свод правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона от 30.12.2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://government.ru/docs/16446/

5) Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения" [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/13636

6) ГОСТ Р 54738-2011. Реабилитация инвалидов. Услуги по социальной реабилитации инвалидов [Электронный курс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/gost-r-54738-2011

7) Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2005 № 2347-р «О федеральном перечне реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-30122005-n-2347-r/

8) Постановление Правительства РФ № 599 от 17.06.2015 г. «О порядке и сроках разработки федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления мероприятий по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг в установленных сферах деятельности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-30122005-n-2347-r/

9) Постановление Правительства РФ от 01.12.2015 №1297 «Об утверждении государственной программы «Доступная среда на 2011-2020 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zhit-vmeste.ru/gosprogramma-dostupnaya-sreda/normativnye-pravovye-akty/dokumenty-programmy-dostupnaya-sreda/88533/

10) Андриянова Т.В. Сфера региональной культуры в показателях и оценках. Logos et Praxis, 2017, Vol. 16. № 3. С. 86–96. DOI: http://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.11.

11) Andriyanova T.V., Kirnosova E.N., Starodubtseva I.F. Organizations of regional culture in assessments of quality of services // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2018, Vol. XXXV (35). pp. 3–42. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.5

12) Стародубцева И.Ф., Кирносова Е.Н., Андриянова Т.В. Региональные учреждения культуры в системе оценки качества: специальные библиотеки для слепых Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. Т.8 №2 (27), 2018. С. 147–161

13) Андриянова Т.В. Доступная среда для лиц с ограниченными возможностями здоровья в контексте культуры региона. Курск: Курск. гос. ун-т, 2018. – 99 с.

14) Приказ Министерства культуры РФ от 09.09.2015 № 2400 «Об утверждении требований доступности к учреждениям культуры с учетом особых потребностей инвалидов и других маломобильных групп населения». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512170019

15) Приказ Министерства культуры РФ от 10.11.2015 г. № 2761 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов библиотек и библиотечного обслуживания соответствии с законодательством РФ о социальной защите инвалидов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.roskultura.ru/documents/854560/

16) Приказ Министерства культуры РФ от 16.11.2015 № 2800 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов культурных ценностей и благ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/71280536/

17) Приказ Министерства культуры РФ от 16.11.2015 г. № 2803 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов музеев, включая возможность ознакомления с музейными предметами и музейными коллекциями, соответствии с законодательством РФ о социальной защите инвалидов» [Электронный курс]. Режим доступа: https://minjust.consultant.ru/documents/17364?items=1&page=5

18) Приказ Министерства культуры РФ от 20.11.2015 № 2834 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный курс]. Режим доступа: https://www.mos.ru/dkn/documents/view/52218220/

19) Приказ Минтруда России от 6.12.2012 г. № 575 "Об утверждении примерной программы субъекта Российской Федерации по обеспечению доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения" [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosmintrud.ru/document/document/index?directoryId=128&accept=court&page=63

Антонова Ольга Геннадьевна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

П. Сорокин о формах разрешения социальных противоречий

Многие идеи выдающегося русско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина (1889-1968 гг.) становятся актуальными в современном обществе, в ситуации нового глобального кризиса.

Вопросы разрешения острых социальных проблем и противоречий в обществе, а также достижения социального согласия вновь с особой актуальностью встают перед человечеством. Современная ситуация обращает исследователей к анализу исторического прошлого и поиску приемлемых форм разрешения конфликтов. Особого внимания, в этой связи, заслуживает научное творчество П. Сорокина, его исследования по проблемам революции и прогресса.

В своих работах П. Сорокин четко проявляет уверенность в том, что все возникающие в обществе проблемы следует решать на основе социального управления, сознательного разрешения социальных противоречий и предоставления каждому человеку возможностей для творческого самовыражения.

П. Сорокин определяет революцию как самую крайнюю форму социального развития, по его мнению, «... революция есть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс, ... которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой» [1, с. 273]. Более того, как утверждал ученый, этот акт - свержения режима - по сути тождественен тем преступлениям, которые совершаются индивидами, но став универсальным, он именуется высокопарно - революцией. В своем труде «Социология революции» П. Сорокин высказывает суждение, что более или менее благополучное развитие общества наступает благодаря его возврату к своим ценностям, прошлым традициям, созидательному труду, сотрудничеству, взаимопомощи и единению всех его членов и социальных групп [2].

Исследуя данную проблему, П. Сорокин раскрывает основные симптомы и сам процесс социальной революции. По мнению ученого, непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения (голод, личная незащищенность, бесправие, национальное и религиозное подавление и т.д.), а также невозможность хотя бы минимального их удовлетворения. Причем, как сила подавления наиболее значимых инстинктов, так и их совокупное число влияют на характер продуцируемого взрыва. Вместе с тем, Сорокин подчеркивал, что важны не только потребности сами

по себе, но и средства их удовлетворения, доступ к соответствующим видам деятельности, который обусловлен социальной организацией общества. Следовательно, согласно П. Сорокину, необходимыми условиями революции, в первую очередь, выступают растущее подавление базовых инстинктов, его всеобщий характер и бессилие групп порядка.

Раскрывая механизм революции, П. Сорокин также выделяет и описывает три фазы, которые типичны для всякой революции при полном цикле ее развития. Первоначальную фазу П. Сорокин называет лучезарной: ее власть гуманна и великодушна, действия мягки, нерешительны и довольно бессильны. Эта фаза, как правило, быстротечна. Она зачастую отмечена радостью по поводу освобождения от гнета старого режима и великими надеждами на реформы, которые обещают все революции.

Как пишет П. Сорокин, эта короткая «увертюра» начинает сменяться обычно второй, разрушительной фразой. На этой стадии, по выражению П. Сорокина, революционная власть безжалостна, тиранична и кровожадна. Ее действия в основном разрушительны, ее методы - насилие и террор. Революция, как ураган, разрушает все на своем пути, причем, не только устаревшие, но и полнокровные институты, которые он уничтожает наравне с отжившими ценностями. Убивает не только старорежимную властвующую элиту, но также и множество творческих личностей и групп.

Далее социолог отмечает, что если «ураганная» фаза не разрушит нацию до основания, то революция перерастает в третью фазу, которая, на его взгляд, может быть обозначена как конструктивная, когда все контрреволюционные силы уничтожены, и начинается строительство нового порядка и новой культуры.

П. Сорокин обращает внимание, что в основе этого нового порядка обнаруживаются не только революционные идеалы, но и происходит восстановление наиболее жизненных дореволюционных институтов, ценностей и особенностей быта, которые были разрушены на второй фазе революции и которые зачастую восстанавливаются независимо от желания революционной власти. В итоге, послереволюционный порядок обычно представляет собой смешение новых порядков и нового образа жизни со старыми порядками дореволюционного времени.

Анализируя механизм и предпосылки социальных революций, кроме того, П. Сорокин доказывает их закономерность, поскольку видит их сущность в смене системы социальной дифференциации. Ученый в своих исследованиях убедительно показывает, что революции провоцируются самой системой, и чем больше проявляется подавление базовых инстинктов, тем сильнее и опаснее оказывается социальный взрыв.

Говоря о причинах социальных потрясений, П. Сорокин подчеркивает, что в степени социальной дифференциации общества существует объективный предел, далее которого она становится опасной и не может происходить без риска крупной социальной катастрофы. Как только общество начинает приближаться к точке перенапряжения, начинается революционная уравнительная, социалистическая и коммунистическая «лихорадка», заражающая все большие массы людей и вызывающая все усиливающееся возмущение народа. По мнению ученого, таков вечно повторяющийся цикл истории.

В этой связи, вполне обоснованно П. Сорокин приходит к заключению, что только реформы должны являться способом перехода от одной социальной системы к другой, так как в основе реформы лежит гражданское согласие людей. Актуальность этой мысли социолога сегодня подкрепляется также его тезисом о том, что нельзя проводить реформу в интересах одной (тем более малой) части общества за счет другой. Результатом, в таком случае, может стать превращение реформы в диктатуру, и насилие над обществом тогда обретает антидемократическую направленность, если осуществляется вопреки способности и готовности большинства населения принять ее.

Рассматривая реформы как предпочтительную форму социальных изменений, в отличие от революции, Питирим Сорокин обращал внимание на ряд их важнейших особенностей. Во-первых, отмечал он, реформы не должны терять человеческую природу и противоречить ее базовым потребностям. С этой точки зрения, многие революции, в том числе, и русский революционный эксперимент, демонстрируют обратные примеры. Во-вторых, по мысли ученого, любому реформированию должно предшествовать научное исследование конкретных социальных условий. Как известно, революция - явление иррациональное. Словами П. Сорокина, революции вызревают не одно десятилетие, но их начало выглядит спонтанным и неожиданным. В-третьих, считал социолог, вначале каждого эксперимента, связанного с социальной реконструкцией, необходимо тестирование в малых социальных масштабах. И лишь при позитивных результатах, масштабы социальных реформ могут быть увеличены. Что касается революций, - констатирует П. Сорокин, - они также игнорируют этот канон. И, наконец, реформы должны проводиться в жизнь лишь правовыми и конституционными средствами. Революции, по выражению П. Сорокина, презирают эти ограничения [3, с. 271].

Особого внимания в наши дни заслуживают опасения П. Сорокина, что при наступлении таких событий, как война и революция, моральные, правовые, религиозные и другие ценности и нормы поведения утрачива-

ются, становятся предрассудками, и тем самым: 1) уничтожаются механизмы, которые сдерживают необузданное проявление чисто биологических импульсов; 2) прямо укрепляются последние; 3) прямо прививаются "антисоциальные", злостные акты. Вот почему, на взгляд ученого, всякая длительная и жестокая война и всякая кровавая революция приводит к деградации людей в морально-правовом отношении [4, с. 459].

Таким образом, П. Сорокин являлся противником всяких социальных потрясений, в том числе революций, выступал за нормальный, как он писал, эволюционный путь развития. Ряд научных положений, развиваемых П.А. Сорокиным, выглядят весьма ценными в сегодняшней России и касаются наиболее острых вопросов, связанных со структурой общества, элементами макро- и микроструктуры, экономическими условиями, культурной жизнью и политическими процессами, определяющими организацию и развитие общества.

Источники и литература

1) Сорокин П.А. Проблема социального равенства и социализма // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1994. С. 273.
2) Сорокин П. Социология революции. М.: Изд-во Территория будущего, Российская политическая энциклопедия, 2005. - 704 с.
3) Сорокин П.А. Проблема социального равенства и социализма. // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1994. С. 271.
4) Сорокин П.А. Современное состояние России // Общедоступный учебник социологии. М., 1994. С. 459.

***Апахова Валентина Максимовна*[1]*, Ваторопин Александр Сергеевич*[2]**

1 - Уральский институт управления - филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия; 2 - Уральский институт управления-филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия

Причины конфликтов при выборе наставника в уголовно-исполнительной системе

Для формирования устойчивой структуры профессиональной группы персонала уголовно-исполнительной системы применяется система наставничества. Качественные характеристики наставника во многом

определяют успешность адаптации нового сотрудника в уголовно-исполнительной системе, поэтому отбор наставников можно характеризовать как инструмент формирования устойчивости профессиональной группы.

В настоящее время при формировании кадрового состава сотрудников, имеющих отношение к адаптации нового персонала, наблюдается повышенный уровень конфликтности в профессиональной группе [1, с. 3], что негативно сказывается на функционировании последней.

Факторы, влияющие на уровень конфликтности в системе наставничества, рассматриваются различными авторами: О.А. Реймер отмечает недостаточность педагогической составляющей в работе наставников [2, с. 62], Е.А. Дроздова видит проблему в их плохой профессиональной подготовке [3, с. 254], а А.Ю. Климов говорит о необходимости выдачи документа, подтверждающего квалификацию наставника [4, с. 38]. Н.Г. Чевтаева обращает внимание на оценку компетенций будущих наставников для совершенствования взаимосвязей в социальной группе [5, с. 199]. А.Н. Михайлов поднимает проблему конфликтов между наставниками, между наставниками и адаптантами, между наставниками и руководством [6, с. 86].

Исследования указывают на необходимость особого внимания к процессу выбора наставника, так как институт наставничества является механизмом пополнения новой рабочей силой и выстраиванием взаимоотношений между новым и уже существующим персоналом. Гармонизация отношений внутри профессиональной группы для входа нового трудового ресурса является основополагающим фактором для положительного управленческого влияния на профессиональную группу и ее характеристики.

В связи с этим важнейшим элементом управленческого воздействия является определение причин конфликтов при выборе наставника в рассматриваемой нами системе. Для выявления причин мы провели экспертное интервью служащих исправительного учреждения строгого режима (опрошено 6 представителей старшего начальствующего состава Федерального казенного учреждения Исправительная колония №10 Главного Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Свердловской области). К основным причинам можно отнести следующие.

Первой причиной является нежелание сотрудника функционировать в роли наставника, так как основополагающей функцией наставничества в уголовно-исполнительной системе является воспитательная составляющая при работе с адаптантом. Если сотрудник не имеет внутренней мотивационной установки для данной деятельности, то воспитательная

функция теряет свою эффективность - по заявлению экспертов кандидаты в наставники в некоторых случаях перекладывают друг на друга роль наставника, что приводит к конфликтам.

Второй причиной является недостаточность стимулирования наставничества: зачастую процедура наставничества занимает много времени на всех этапах своего существования (подготовки к наставничеству, участия в процедуре адаптации, в оценочных процедурах), но вознаграждение за деятельность воспринимается как недостаточное. Это приводит к двум типам конфликтов - между кандидатами в наставники, а также между наставником и его воспитанником, так как недостаточность стимулирования формирует негативное отношение к адаптанту.

Третья причина - в некоторых случаях наставник выбирается без применения оценочных процедур, что может снизить эффективность адаптации нового сотрудника. Наставник выбирается случайным образом, без выявления его характеристик для объективности оценки соответствия с требованиями к роли наставника. Случайное назначение не позволяет прогнозировать результаты наставничества, а также влияет на отношение к наставнику в профессиональной группе.

Четвертой причиной является недостаточность подготовки наставника: - попадание в незнакомую трудовую ситуацию без предварительной подготовки приводит к стрессу. Подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы предполагает наличие высокого уровня стрессоустойчивости и эмоциональной стабильности. Но постоянно повышенный уровень стресса в рабочей обстановке может формировать негативное отношение к адаптанту, роли наставника, что может стать либо основой для предконфликтной ситуации, либо основой для эскалации конфликта, если таковой уже сформировался.

Вышеизложенные основные причины конфликтов при выборе наставника могут быть нивелированы посредством внедрения системы оценки кандидатов в наставники с последующим прохождением обучения. На основании данной оценки, кадровое подразделение учреждение сможет объективно выдвигать в наставники соответствующего кандидата, которому требуется минимум подготовки. Объективная оценка также позволит выявлять мотивационные установки в стремлении к наставничеству, что будет способствовать положительным результатам адаптации и стремлению к бесконфликтному построению коммуникаций внутри профессиональной группы.

Источники и литература

1) Ионова М. С., Рамаева Э. Р. Особенности общительности и поведение в конфликте сотрудников уголовно-исполнительной системы // Огарёв-Online. 2014. № 1 (15). С. 1-5.

2) Реймер О. А. Педагогические основы наставничества как составляющая адаптации выпускников вузов ФСИН России // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. № 3. С. 59-67.

3) Дроздова Е. А., Аксенова А. В. Институт наставничества в уголовно-исполнительной системе: социально-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 4. С. 253-255.

4) Климов А. Ю., Климова В. О. Актуальные проблемы организации наставничества в органах внутренних дел и пути их преодоления // Закон и право. 2019. №. 11. С. 37-39.

5) Чевтаева Н.Г., Мурсалимов А.А., Меркель К.Ю. Оценка компетенций кандидатов в процессе конкурсного отбора на государственную службу // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2014. № 3. С. 198-208.

6) Михайлов А. Н. Взаимосвязь стиля руководства, межличностных отношений и эффективности служебной деятельности сотрудников, несущих службу с оружием в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / А. Н. Михайлов, А. И. Андреев // Прикладная юридическая психология. - 2019. -№ 1(46). - С. 84-91.

Астоянц Маргарита Сергеевна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Возможности преодоления социальной эксклюзии: потенциал социального моделирования

Понятие социальной эксклюзии с 1970-х годов вошло в политический, а затем и в научный дискурс. Это понятие первоначально было использовано для того, чтобы привлечь внимание как политических деятелей, так и населения к положению "исключенных" групп.

Сегодня в социологическом дискурсе понятие социальной эксклюзии определяется как постепенный процесс накопления ущерба, ведущий от

полной интеграции через пограничное состояние надлома к полной изоляции индивида или группы от общества. При этом человек или социальные группы страдают от множества проблем: бедности, безработицы, болезней, дискриминации, плохих жилищных условий, разрушения семьи. Процессы исключения имеют нисходящий характер, когда каждая последующая ступенька, ведущая к полной эксклюзии, еще больше сужает спектр доступных индивиду ресурсов и, подобно снежному кому, тянет его все дальше вниз.

Мы понимаем под социальной эксклюзией многомерный кумулятивный процесс, нарушающий социальные связи индивидов или групп и препятствующий их участию в жизни общества, и состояние отверженности индивидов или групп, возникающее вследствие этого процесса [1, с. 36].

Социальное исключение существует на всех уровнях социальной реальности: на макро-, мезо- и микроуровне. На макроуровне исключение обусловлено нарушениями в функционировании социальной системы в целом, обострением существующих и возникновением новых социально-экономических, политических, социокультурных проблем и соответствующей социальной политикой государства. Социальное исключение может подкрепляться или, напротив, ослабляться под воздействием множества социальных, экономических, политических, культурных факторов, образующих самый широкий контекст, в котором существует та или иная социальная проблема. На мезоуровне исключение связано с функционированием социальных институтов и сообществ, ключевых для тех или иных исключенных групп, и повседневными практиками, в которых проявляется социальное исключение. На микроуровне исключение тесно связано с отсутствием или наличием у индивида ресурсов, необходимых для социального включения. Большое значение на микроуровне приобретают экономический, социальный и культурный капитал исключенных индивидов и групп как ресурс, наличие которого может служить потенциалом для расширения социального включения и участия.

Американский социолог У. Уилсон в качестве исключенных групп рассматривает те, от которых отдаляются, и с которыми рвут контакты группы с более высоким социальным статусом [2]. Существуют группы населения, которые принято относить к исключенным: сироты, инвалиды, беженцы, безработные, национальные меньшинства.

Социальная эксклюзия является следствием ослабления одной или нескольких социальных подсистем. А поскольку все общественные подсистемы хотя и функционируют самостоятельно, но структурно связаны друг с другом, важно учитывать причинно-следственные свя-

зи между различными подсистемами, влияющие на процессы инклюзии/эксклюзии.

На наш взгляд весьма плодотворным подходом может быть моделирование процессов социальной инклюзии/эксклюзии. Например, можно воспользоваться предлагаемой Д. Энгельсом причинно-следственной моделью достижения приемлемого уровня жизни (жизненного стандарта) [3]. Логика при построении модели такова: для достижения определенного жизненного стандарта, включая участие в общественной и культурной жизни, возможность организации своего досуга, необходимо обеспечение определенными материальными и социальными ресурсами. Тот, кто лишен этого обеспечения, не сумеет достигнуть приемлемого уровня жизни. В свою очередь, обеспечение материальными ресурсами становится возможным при условии участия индивида в системе трудовой занятости (в противном случае потребуются значительные социальные трансферы, компенсирующие отсутствие заработка). Инклюзия в систему трудовой занятости предполагает, по меньшей мере, наличие здоровья в форме физического и психического ресурсов, а также образования и соответствующей профессиональной квалификации. Тот, кто не в состоянии подтвердить наличие этого, имеет чрезвычайно низкие шансы для подключения к соответствующим подсистемам.

В ходе построения модели важно на первом этапе определить отправную точку анализа - тематически релевантный исходный пункт, из которого в дальнейшем в дихотомическом смысле будут вестись наблюдения об эксклюзии или инклюзии в подсистему и затем уточнить степень эксклюзии/инклюзии. Выделение такого тематически релевантного исходного пункта инклюзии позволит нам определить набор показателей для измерения инклюзии в каждой конкретной ситуации. Вопрос о том, какие показатели измерения жизненных ситуаций являются важными, а какими можно пренебречь, решается с учетом положения определенной социальной группы.

Например, для моделирования эксклюзии/инклюзии неработающих пенсионеров более релевантными будут связи между их здоровьем, участием в социальной и культурной жизни, а также их социальные связи, в то время как трудовая занятость или профессиональная квалификация уже перестает быть актуальной.

Таким образом, используя потенциал социального моделирования, мы сможем анализировать процессы социальной эксклюзии для разных групп риска и прогнозировать перспективные пути их социальной инклюзии.

Источники и литература

1) Астоянц М.С. Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация): монография – Азов: ООО «АзовПечать», 2009.
2) Wilson, W.J. The Truly Disadvantaged: the inner city, the underclass, and public policy / W.J. Wilson. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – pp. 125-139.
3) Engels, D. Lebenslagen und soziale Exklusion. Thesen zur Reformulierung des Lebenslagenkonzepts für die Sozialberichterstattung // Zeitschrift Fortschritt“, Heft 5, Mai 2006.

Балынин Игорь Викторович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Департамент общественных финансов, Москва, Российская Федерация

Национальные проекты: что нужно сделать, чтобы достичь социально-экономического прорыва?

Актуальность исследования подтверждается реализуемыми в настоящее время в Российской Федерации национальными проектами (11 национальных проектов, 1 национальная программа и 1 Комплексный план; для удобства здесь и далее используется термин «национальные проекты»), которые должны обеспечить достижение национальных целей, определенных в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 года.

Прежде всего, автор считает важным отметить, что он полностью поддерживает идею реализации национальных проектов как ключевого инструмента стратегического управления социально-экономическим развитием Российской Федерации, регионов и муниципальных образований и соответственно достижения социально-экономического прорыва. Но следует отметить, что в реальности они не выступают таковыми, что обусловлено, как минимум, тем, что национальные проекты приняты на период (6 лет), горизонт планирования на который. стратегическим, по мнению автора, не является.

Проведенное исследование выявило ошибки в целеполагании при формировании национальных проектов. Так, в частности, (1) тексты паспортов национальных проектов содержат ни одну конкретную

цель, а несколько; (2) цели и целевые/дополнительные показатели перечислены единым перечнем; (3) в некоторых национальных проектах целевые показатели выходят за рамки ответственности кураторов/руководителей/администраторов национальных проектов (например, в национальном проекте «Образование» 1.2 и 2.2. связаны с высшим образованием (которое авторами национального проекта по старой традиции названо профессиональным), но куратор/руководитель и администратор аффилированы с Министерством просвещения, а не Министерством науки и высшего образования). Возможно, конечно, это связано с тем, что несмотря на яркие заявления в средствах массовой информации и от высших должностных лиц о наличии ответственных за реализацию национальных проектов и наличие кураторов/руководителей/администраторов национальных проектов, сфера их ответственности в тексте паспортов национальных проектов не определена.

В процессе проведенного исследования также было выявлено, что методические указания по разработке национальных проектов (программ) были приняты в октябре 2019 года [3], хотя целый ряд национальных проектов реализуется с 01.10.2018. При этом, была выявлена еще одна ошибка: все национальные проекты (за исключением тех, что реализуются по направлению «Человеческий капитал») были утверждены после начала их реализации.

С учетом вышеизложенного для обеспечения социально-экономического рывка необходимо в кратчайшие сроки реализовать комплекс мероприятий.

Во-первых, целесообразно вернуться к стадии формирования текста национальных проектов. В частности, по мнению автора, следует чётко описать в каждом национальном проекте ответственность куратора, руководителя, администратора (в т.ч. в разбивке по каждому году реализации национального проекта). Аналогично следует поступить и с ответственными лицами за реализацию соответствующих структурных элементов, входящих в национальный проект.

Национальные проекты, по мнению автора, должны быть приняты на очень долгосрочный период (50-100 лет) с выделением целевых показателей в разрезе пятилеток. При этом для достижения целей федеральных/региональных/муниципальных проектов должны приниматься государственные и муниципальные программы (сроком реализации на 10-20 лет). С точки зрения эффективности целеполагания в одном национальном проекте должна быть сформулирована одна цель, достижение

которой обеспечивается комплексом задач, выполнение которых индикатируется посредством целевых показателей.

Для повышения прозрачности управления общественными финансами (данная проблема неоднократно поднималась в научной литературе [1]) представляется целесообразным: (1) формирование на едином портале бюджетной системы Российской Федерации вкладки «национальные проекты»; (2) запуск информационных роликов в средствах массовой информации, посвященных как планируемым к реализации задачам, так и уже достигнутым результатам; (3) формирование на ежемесячной основе брошюр и еженедельных эфиров на ТВ и радио в прайм-тайм о достижениях реализации национальных проектов (4) проведение постоянных опросов населения о строительстве/реконструкции/модернизации тех или иных объектов, а также удовлетворенности государственными/муниципальными услугами. Для вовлечения граждан всем регионам и муниципальным образованиям рекомендуется перенимать опыт г. Москвы, успешно реализующей проект «Активный гражданин».

При этом, при формировании соответствующих программных и информационных продуктов целесообразно задействовать опыт молодежи (в т.ч. школьников и студентов) путем объявления соответствующих конкурсов и грантов, что станет основой для (1) обеспечения их самореализации; (2) практики имеющихся навыков и развитии профессиональных компетенций; (3) источником их личного дохода (4) повышения эффективности бюджетных расходов (как за счет экономности, так и за счет результативности).

Не вызывает сомнения, что абсолютно все расходы должны быть связаны с реализацией национальных проектов, т.к. каждый бюджетный рубль на федеральном, региональном и местном уровне должен быть вложен с целью обеспечения социально-экономического рывка Российской Федерации, стимулируя повышение качества жизни граждан и экономический рост.

Источники и литература

1) Сергиенко Н.С. Российский опыт обеспечения транспарентности публичных финансов // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 3-4. С. 257-264.

2) Путин: каждый министр несет личную ответственность за выполнение нацпроектов. – Электронный ресурс. - Режим доступа: http s://tass.ru/nacionalnye-proekty/6571068

3) Методические указания по разработке национальных проектов (программ) (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 14.10.2019 №12). – Электронный ресурс. - Режим доступа: www.consultant.ru

4) Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты. – Электронный ресурс. - Режим доступа: http://government.ru/projects/selection/741/35675/ .

***Банных Галина Алексеевна*[1], *Ковалев Денис Васильевич*[2]**

1 - Уральский Федеральный университет, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия;

2 - Уральский Федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Цифровизация городского пространства и проект «умный город» в оценках населения

Необходимость повсеместной городской цифровизации и конкретные шаги по внедрению элементов «умного» города становятся важными причинами, побуждающими игроков рынка цифровизации городских пространств развиваться в крупных городах России. Сама цифровизация - современный общемировой тренд, который основан на переходе к цифровым технологиям и формам, за счет чего происходит повышение качества жизни и эффективности экономики. Цифровизация городского пространства отражает изменения, происходящие социально-культурной среде существования горожан и инфраструктуры города, целью которой выступает повышение качества жизни горожан и экономический рост территории. Одним из способов цифровизации городского пространства выступает концепция так называемого «Умного города» (Smart city).

С 2019 года в России в рамках национальных проектов «Цифровая экономика» и «Жилье и городская среда» реализуется проект «Умный город». Были разработаны и приняты паспорт проекта «Умный город», стандарт «Умный город»[1], методические рекомендации для подготовки региональных проектов «Умные города» - программ цифрового развития экономики субъектов Российской Федерации [2].

Сам проект «Умный город» базируется на пяти ключевых принципах: ориентация на человека, технологичность городской инфраструктуры, повышение качества управления городскими ресурсами, комфортная и безопасная среда, акцент на экономической эффективности, в том числе,

сервисной составляющей городской среды. Важнейшее условие реализации этих принципов — широкое внедрение передовых технологий и материалов в городской и коммунальной инфраструктуре и строительстве, использование современных архитектурных решений, а также цифровизация городского хозяйства, что позволит обеспечить достойный уровень жизни граждан Российской Федерации. К проекту подключились несколько десятков городов России, однако административные изменения привели к проблемному финансированию и управлению реализацией данных проектов в городах.

В целом, можно отметить, что проект является актуальным в условиях цифровизации и в основном соответствует международному опыту в области проектирования внедрения технологий «умного города», однако перекос в сторону цифровизации услуг ЖКХ, а также отсутствие показателей использования технологий «умного города» гражданами, ведет к возможности формального выполнения показателей проекта при фактической неудаче в его реализации.

Екатеринбург - город с миллионным населением с необходимостью включился в процессы цифровизации городского пространства и реализацию проекта «Умный город». В тексте Стратегического плана развития Екатеринбурга до 2030 г. присутствует отдельная стратегическая программа «Цифровой Екатеринбург».

В 2018 году Екатеринбург попал на четвертое место в национальном рейтинге умных городов, составленном Национальным исследовательским институтом технологий и связи [3]. Екатеринбург лидирует по количеству банкоматов относительно площади города, а также входит в пятерку городов по количеству объектов инновационной инфраструктуры и точек Wi-Fi, по бюджетным вложениям и развитию умных технологий. Среди городов-участников национального проекта «Умный город» Екатеринбург занимает 3 место по количеству реализуемых проектов - 32 (в Москве - 74) [4].

С целью исследования особенностей цифровизации городской среды в МО «город Екатеринбург» в октябре 2019 было проведено социологическое исследование, позволившее определить потребности жителей города Екатеринбурга, уровень осведомленности населения о возможностях и преимуществах цифровизации городского хозяйства. Исследование включало два этапа: массовый опрос и полуформализованные интервью с ранее опрошенными респондентами. Объем выборки составил 181 человек от 21 до 57 лет (53 мужчины и 28 женщин), постоянно проживающие на территории МО «город Екатеринбург».

Подавляющее большинство респондентов осведомлены о системах цифровизации городского хозяйства, действующих на территории МО «город Екатеринбург» (81,48% опрошенных), а также когда-либо пользовались вышеозначенными услугами (76% опрошенных). 59% респондентов используют системы цифровизации для получения услуг, информационным обеспечением пользуется 35% опрошенных, участие в общественной жизни города с помощью цифровых сервисов принимают не более 4% жителей.

Большинство опрошенных - 70% заявляют, что использование элементов «Умного города» значительно влияет на городское пространство, а 26% отмечают незначительность подобного влияния. Положительное влияние цифровизации на городское пространство отмечают 85,7% опрошенных, а 14,3% заявляют об отрицательном влиянии. При этом в качестве положительных характеристик для 73,3% опрошенных это удобство проживания в цифровом городе.

В ходе проведения полуформализованного интервью выяснилось, что респонденты осведомлены о многих сторонах современной городской жизни, строящихся вокруг цифровизации. Среди таких изменений назывались службы такси, частные и муниципальные организации создающие информационный контент, инновационные технологии в сфере ЖКХ, проект внедрения аппаратно-программного комплекса для управления движением транспорта в городе Екатеринбурге.

Каждый из интервьюируемых назвал в качестве положительных сторон внедрения элементов концепции «умного города» повышение удобства планирования собственного времени. В группе «младше тридцати» респонденты отметили удобство коммуникации и отсутствие необходимости личного присутствия и прямой голосовой коммуникации при оплате или заказе товаров и услуг. В группе «старше тридцати» преобладает мнение о наиболее значимых цифровых изменениях в сфере получения информации, в сфере ЖКХ и удобство получения государственных услуг.

Респонденты из обеих групп сходятся во мнениях о рисках цифровизации города: недостоверной и неточной информации предоставляемой частными источниками информации, отсутствие должного контроля над компаниями, оперирующими личными данными, недостаточной защищенности личных данных, опасности кибертерроризма. По мнению интервьюируемых, необходимо уделить внимание цифровизации в сфере образования, обеспечить полный перевод предоставления муниципальных услуг исключительно в электронную форму, возможность участия в принятии решений и влиянии на проводимую городскими властями

политику посредством голосований и общественных слушаний с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Источники и литература

1) Базовые и дополнительные требования к умным городам: стандарт «Умный город» Министерства строительства и жилищно–коммунального хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мин. строительтсва и жилищно-коммунального хозяйства Рос. Федерации. – Режим доступа: http://www.minstroyrf.ru/docs/17596/ (дата обращения 20.01.2020)
2) Методические рекомендации по подготовке регионального проекта «Умные города» программ цифрового развития экономики субъекта Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мин. строительтсва и жилищно-коммунального хозяйства Рос. Федерации. – Режим доступа: http://www.minstroyrf.ru/docs/17596/. (дата обращения 20.01.2020)
3) Екатеринбург попал в топ-5 «Умных городов» России [Электронный ресурс] // Свердл. Областное телевидение. – Режим доступа: http://www.obltv.ru/news/society/ekaterinburg-popal-v-top-5-umnykh-gorodov-rossii/ (дата обращения 20.01.2020)
4) Банных Г.А., Буракова А.А. Концепция "умный город" и цифровизация городского управления: перспективы Екатеринбурга. Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий материалы V Международной научно-практической конференции. В двух томах. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2019. С. 118-123

Барсукова Владлена Игоревна

Алтайский Государственный университет, Барнаул, Россия

Доверие к полиции в системе ценностей социальных групп

Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Эффективность функционирования правоохранительных органов напрямую зависит от уровня доверия населения и от того,

какого рода отношение к представителям правоохранительных органов сформировано на уровне общественного сознания. Доверие является основой деятельности социальных групп и общества в целом и выступает уникальной ценностью современного общества. Любого рода отношения строятся на взаимодоверии. Доверие социальных групп к полиции выступает условием эффективного государственного управления и социального благополучия. С другой стороны, доверие можно рассматривать и как ценность, присущую той или иной социальной группе.

В соответствии с законом о полиции деятельность полиции должна основываться на принципе общественного доверия и поддержки граждан. Стратегическим направлением деятельности полиции стал её предельно открытый и социально ориентированный характер. Федеральный закон «О полиции» определил перспективы развития взаимоотношений полиции с гражданским обществом. Он содержит ряд концептуальных идей, в числе которых: установление партнерской модели взаимоотношений полиции и общества; контроль гражданского общества за деятельностью полиции; закрепление нового имиджа сотрудника полиции [1, с. 59].

Одной из важных задач реформирования системы правоохранительных органов является расширение взаимодействия общества и полиции. Но несмотря на взаимовыгодность доверительных отношений между полицией и социальной группой, в настоящее время степень готовности к такому взаимодействию и у населения, и у полиции остается неопределенной и доверие населения к сотрудникам полиции проявляется слабо. Большинство граждан довольно критически или с недоверием относится к институтам власти [2, с. 154].

По мнению сотрудников полиции, основными сложностями при налаживании доверительных отношений с социальными группами являются: возросшая нагрузка на полицейского; создание имиджа сотрудника полиции СМИ как злостного нарушителя норм права и морали; возросший документооборот. С другой стороны, по мнению самих граждан, недоверие общества к сотрудникам полиции прежде всего вызвано нежеланием полицейских своевременно откликаться на просьбы о защите прав потерпевших; отмечают низкий престиж полиции и сомневаются в компетентности современного сотрудника полиции.

Важно отметить и то, что в любом обществе убеждения о непорядочности одного представителя социальной группы отражаются на всей группе, из чего следует создание негативного стереотипа о любом представителе социальной группы. В современном российском обществе данный эффект очень ярко проявляется в отношении к полиции. Поэтому

для повышения уровня доверия социальных групп в обществе, необходимо сломать стереотипы о преобладании в полиции нарушителей общественного порядки и безопасности жизнедеятельности.

Очевидно, что эффективность профилактических мероприятий, проводимых полицией, прямо пропорциональна уровню доверия социальных групп к сотрудникам полиции. Наличие доверия способствует снижению уровня правового нигилизма, минимизирует затраты в борьбе с преступностью и на поддержание общественного порядка, обусловливает возможность выполнения взаимных функций и обязательств. Однако следует учитывать и то, что общественное доверие является динамичной категорией, в том числе связанной и с социальными ценностями. Чем больше деятельность сотрудника полиции оправдывает ожидания социальной группы, тем больше у населения кредит доверия к полиции. Без доверия со стороны законопослушных граждан полиция с поставленными задачами по обеспечению безопасности общества не справится [3, с. 168].

В настоящее время проявляются такие негативные тенденции, как разочарование в демократических преобразованиях; сомнения в компетентности сотрудников полиции, снижение уверенности в их способности эффективно выполнять свои обязанности с максимальной пользой для общества, низкая эффективность деятельности как самой полиции, так и государственной власти в целом; преобладающее эмоциональное восприятие образа полицейского как «оборотня в погонах». Очевидно, что в таких условиях культура доверия формироваться не может.

Улучшить отношение населения к полиции возможно, освещая положительные результаты их работы по выявлению, раскрытию, расследованию и профилактике преступлений. Важно сформировать стереотип спокойного, доброго, отзывчивого, умного представителя власти; пропагандировать правоохранительную службу и повышать ее престиж, в том числе используя возможности СМИ.

Доверие населения может проявляться: в участии граждан в охране общественного порядка; в поиске лиц, пропавших без вести; во внештатном сотрудничестве с полицией; в создании общественных объединений правоохранительной направленности, сформированных по инициативе граждан; в членстве в народной дружине и другое.

Таким образом, доверие и поддержка полиции социальными группами - это не только стимул и способ оптимизации деятельности представителей государства, но и форма содействия предупреждению и разрешению социальных конфликтов, форма поддержания социальной стабиль-

ности, общественного благополучия, спокойствия населения, что способствует снижению социального напряжения в обществе.

Источники и литература

1) Бучакова, М. А. Взаимодействие полиции и общества / А. М. Бучакова, О. А. Дизер // Вестник Омского Государственного Университета. Серия. Право. 2015. №2 (43). – С. 58-63.
2) Щеголева, А. Н. Устранение недоверия населения к полиции как форма оптимизации деятельности ОВД / А.Н. Щеголева // Вестник Воронежского Института МВД России. 2017. №3. – С. 154-160.
3) Титаренко А. П. Общественное доверие к полиции как фактор, способствующий индивидуальной профилактической работе с гражданами / А.П. Титаренко // Вестник Томского Государственного Университета. 2015. №393. – С. 167-170.

Бекбосынова Жамиля Аргинбаевна

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан

Совершенствование государственного аппарата в процессе развития государственной службы Республике Казахстан

В 1991 году Республика Казахстан обрела независимость, и особое значение имели новые институты государственной власти, называемые Президентом Республики Казахстан, Правительством Республики Казахстан и судами Республики Казахстан. С этого исторического дня в Казахстане были заложены основы ряда процессов, охватывающих различные сферы жизни развивающегося государства и народа Казахстана. Форма государственного управления изменилась и стала Президентской республикой. Название и предмет государственного аппарата были изменены и обновлены.

Для начала попробуем ответить на вопросы «Что такое государственный аппарат?», «Каковы его особенности и характеристики?».

Существуют различные определения понятия государственного аппарата. Среди них наиболее распространенными в литературе являются: Государственный аппарат - система специальных органов и учреждений, которые выполняют функции государственного управления и защиты его основных интересов [1, 3 с.].

Важно отметить, что понятие «государственный аппарат» в первую очередь рассматривается в области науки управления. Об этом свидетельствует определение, которое иностранные ученые имеют в интерпретации концепции. Хотя происхождение этого термина привело к большим противоречиям, считается, что он впервые был использован Н. Макиавелли в знаменитой книге «Глава государства» («Государь») [2, 3 с.]. Наибольший успех пришел от определения Вебером политики как призвания. По его словам, анархия будет иметь место в стране, управляемой государственным аппаратом, в котором нет социальных институтов.

В целом, проблема совершенствования системы государственного аппарата, в том числе совершенствования института государственной службы, назрела еще на этапе демократизации советского общества, в последние годы существования Советского Союза, когда началось введение новых рыночных отношений. Среди них Атаманчук Г.В., Барабашев Г.В., Бельский К.С., Лукьянова Е.А., Козлова Е.И., Манохин В.М., Несмеянова С.Е., Кабышев В.Т. и исследование других авторов. Научные работы этих авторов, безусловно, оказали значительное влияние на формирование модели государственной службы современного Казахстана в подготовительный период, но также продолжались в середине 1980-х годов до конца 1992 года [3, 3 с.].

Кроме того, среди казахстанских исследователей стоит отметить работу члена Конституционного Совета Республики Казахстан В.А.Малиновского. По его словам, сформирован особый тип государственного аппарата - казахстанский конституционно-правовой институт, основанный на Конституции, других законах и решениях Конституционного Совета.

А. Байменов, видный деятель в области государственного управления в Казахстане, проанализировал и классифицировал этапы административной реформы в стране. «Эффективность решений, принимаемых правительством, определяется степенью профессионализма государственного аппарата, степенью приверженности ценностям честности и соблюдению принципов меритократии», - считает А.Байменов.

Условно первый этап становления и развития системы государственного управления в Казахстане приходится на период 1990-1995 годов, когда республика вступила в собственный путь развития, с тех пор в стране действует независимая государственная административная система:

- с 23 января 1993 года принятие первой Конституции было продлено до 30 августа 1995 года - принятия второй Конституции республики. В Первой Конституции государство было признано унитарным, светским и демократическим. Именно в Конституции было отменено название «ис-

полнительных комитетов» всех уровней, местные администрации были заменены «акиматами», а глава «акимом».

Политические реформы продолжались, и были выбраны основные концепции построения нового государства и теории разделения властей (законодательная, исполнительная, судебная):

- Конституция Республики Казахстан 1995 года устанавила правовые и институциональные рамки для равного доступа к государственной службе и ликвидации дискриминации в области кадровой политики.

В заключение следует отметить, что процесс совершенствования государственного аппарата представляет собой непрерывный процесс, который сопровождается инновационными изменениями в государственной службе в процессе развития страны. Комплексные реформы в системе государственной службы показали положительные результаты:

Во-первых, за годы независимости был проанализирован лучший зарубежный опыт и сделана попытка сформировать казахстанскую модель государственного аппарата.

Во-вторых, в результате ряда мер, принятых для улучшения государственной службы, бюрократия в управлении была сокращена, а профессионализм государственного аппарата оптимизирован.

В-третьих, применение принципа меритократии на протяжении всей карьеры изменило отношение специалистов к государственной службе и укрепило их имидж на всех уровнях государственного аппарата.

В-четвертых, качество работы также улучшилось за счет улучшения этики и корпоративной культуры государственных служащих, основной целью которых является улучшение благосостояния населения. Повышение ответственности за дела сотрудников за счет повышения статуса дисциплинарных комиссий государственных органов.

Источники и литература

1) Комаров С.А. Государство в политической системе общества. // Общая теория государства и права. Академический курс в 2-томах. / Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Том 1 Теория государства. М.,1998. С. 244-245.

2) С.Г.Капаров. Совершенствование государственной службы в Казахстане. Екатеринбург, 2005. – 184 с.

3) Реформирование системы государственного управления: зарубежный опыт и Казахстан. Научное издание. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2005. – 276 с.

Бурибаев Ермек Абильтаевич
Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

Обеспечение достоинства личности как измерение социально-экономической политики государства

Для целей настоящих тезисов мы рассматриваем достоинство личности с позиции обеспечения ее социальных прав, создания условий для благополучной жизни, а также в качестве конституционной ценности, определившей ход социального развития государств.

Принцип социальной государственности неразрывно связан с социально-экономическими и культурными правами личности, широко закрепленными в конституциях современных государств. Конституцией Казахстана в статье 17 провозглашается, что достоинство человека неприкосновенно. В **конституционном праве** достоинство личности — критерий отношения государства к личности и ее правовому статусу, достоинство определяет абсолютную ценность человека как такового.

Учитывая конституционные установки на утверждение Казахстана в качестве социального государства, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы; исходя из основополагающего принципа деятельности Республики - экономическое развитие на благо всего народа, а также признания и гарантированности прав и свобод человека в соответствии с Конституцией; современная государственная социальная политика Казахстана должна гарантировать предоставление мер по социальной защите по всем признаваемым социальным основаниям на минимально допустимом уровне, в соответствии с прожиточным минимумом, а дополнительные формы социальной защиты должны обеспечиваться личным участием граждан в формировании средств - источника финансирования мероприятий. Считаем, что является унижением человеческого достоинства проживание за чертой бедности, доходы ниже прожиточного минимума.

Конституцией всем гражданами Казахстана, достигшим пенсионного возраста, гарантируется выплата пенсии в минимальном размере. Достижение пенсионного возраста - традиционно признаваемый критерий нетрудоспособности за всеми гражданами, достигшими установленного законом возраста, независимо от их материального положения, участия/неучастия в накопительной пенсионной системе, наличия/отсутствия трудового стажа. Все, только в силу достижения пенсионного возраста, имеют право, в соответствии с Конституцией, на пенсионное обеспечение не ниже суммы установленного минимума.

Аналогичный механизм должен действовать в отношении детей. Детство - период нетрудоспособности личности, детский возраст, наряду с пенсионным возрастом, - традиционный социально значимый юридический факт. К сожалению, Конституция в ст. 28 закрепила ценность только инвалидности, пенсионного возраста, потери кормильца в качестве социальных рисков, перечень иных рисков определяется законами. И исключительно за пенсионным обеспечением установлена конституционная гарантия о его предоставлении не ниже минимального размера. Подобная правовая конструкция заложила и определила негативную ситуацию с социальным обеспечением по материнству и детству, семей, воспитывающих детей. А именно произошло законодательное закрепление права на материальное обеспечение исключительно за детьми в возрасте до одного года, за многодетными семьями, а также за семьями с детьми, когда среднедушевой доход семьи ниже черты бедности (национальная черта бедности составляет 70% от величины прожиточного минимума).

Нетрудоспособность в социальном государстве - безусловный социальный риск, обязывающий государственную власть создавать условия для материального обеспечения. Каждому ребенку в социальном государстве должны быть обеспечены минимальные материальные гарантии жизни, не зависящие от уровня достатка, финансового положения семьи в которой он родился и воспитывается. Предоставление мер социальной помощи детям не должно связываться или определяться материальным положением родителей, семей. По аналогии с пенсионным обеспечением, где сам факт нетрудоспособности в связи с достижением определенного возраста является безусловным обстоятельством предоставления социальных выплат не ниже минимального размера, так и материальное обеспечение ребенка должно быть постольку поскольку лицо еще не достигло возраста совершеннолетия.

Современная социальная политика Казахстана должна ставить своей целью предоставить родителям организационные и правовые возможности сочетания работы и выполнение семейных обязанностей, должны быть внедрены правила предоставления родительских отпусков, налоговые льготы для поддержки семей, внедрение гибкой занятости для родителей.

На наш взгляд, необходимо закрепление гарантий реализации двух взаимосвязанных направлений дальнейшего развития законодательства и конституционных социальных прав личности: первое - закрепление императивной нормативной гарантии права на социальное обеспечение не ниже уровня прожиточного минимума семей, воспитывающих детей, а также любого ребенка, второе - признание факта воспитания ребенка в

семье, детства в качестве социальных и юридически значимых фактов, создание условий для материального государственного обеспечения всех семей с детьми, при этом уровень их обеспечения закрепляется не ниже прожиточного минимума.

Существенные риски для национальной системы социальной защиты в ближайшей перспективе несет неформальный сектор занятости, высокий уровень эмиграции, сокращение участия женщин в легальных трудовых отношениях. Социальные услуги для детей и других уязвимых групп недостаточно обеспечены ресурсами и недостаточно развиты.

В целях целенаправленного движения Казахстана по пути построения социального государства необходимы законодательно установленные показатели достойных условий жизни или параметры качества жизни. Государство должно определить: какие конкретно показатели формируют качество жизни человека, семьи на современном этапе, соответствующие уровню социально-экономического развития страны. Определить в правовом пространстве индикаторы, цифровые параметры, отражающие качество жизни человека в социальном государстве.

Васильев Владимир Петрович
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Механизмы преодоления конфликтов макросоциальной динамики

Современные социальные процессы и их динамика в значительной части предопределены действиями трех институтов: государство, бизнеса и семья. У каждого из институтов есть собственные механизмы влияния на разрешения напряженности, противоречий и конфликтов. В структуре каждого из них возникают собственные конфликты целей и установок, методов взаимодействия, факторов, вызывающих напряженность. В современном обществе основополагающим противоречием между властью и обществом (социальными слоями и группами), то затухающим, то обостряющимся, выступает конфликт либерального государства (выборность и свобода) и демократии (широкие границы волеизъявления) в связи с возникающими проблемами, доходов, доступности образования, здравоохранения и других социальных сфер [1]. Причинами обострения конфликтов не гармонизированные властью цели реформирования, неудовлетворенность доступностью и качеством социальных благ.

Более жесткую характеристику предпосылок и причин конфликтов, самым острым из которых является революция, дал П.А.Сорокин. По его мнению непосредственной предпосылкой всякой революции, всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения. [2].

В минувшие 20 лет в России острых конфликтов между властью и социальными группами по поводу базовых жизненных потребностей не наблюдалось. Однако нарастало известная напряженность в связи с падением реальных доходов населения и качества и доступности ряда социальных благ. Это диагностировалось невысоким уровнем доверия населения к ряду органам власти и массовыми обращениями граждан к Президенту РФ [3].

Проявился конфликт между целями развития и реальной социальной практикой, целеполаганием в механизмах развития. Форсированная обращенность к запросам общества скорректировала среднесрочные цели и механизмы обеспечения социальной динами. Вновь избранное Правительство РФ предложило ряд мер, существенно корректирующих направления государственного воздействия на социоэкономическую практику.

Существенными изменениями являются:

1. Переход от концепции сокращения и «оптимизации» социальных расходов к увеличению затрат для малообеспеченных групп населения. Одновременно изменился один из векторов поддержки рождаемости: переход от материальной помощи для роста трудоспособного населения (инвестиции) к материальной поддержке молодых семей и их качества жизни.

2. В экономике - переход от акцента на макроэкономическую сбалансированность к программе запуска нового инвестиционного цикла. Финансовая макро сбалансированность в РФ в принципе достигнута, ее необходимо поддерживать, исключив одновременно формы, сдерживающие инвестиции

3. Корректировка национальных проектов [4]. Здесь оказались недоучтенными важные для общества преобразования в области здравоохранения и цифрового развития. Ряд индикаторов требуют уточнения. Проекты в области образования не отражают решения актуальных для общества проблем.

В социальной сфере складываются некоторые практики, которые невозможно решить на уровне государства, тем более одномоментными институциональными решениями. Одна из них - структура занятости, которая влияет на доходы населения.

Во - первых, изменение соотношения между отраслями экономики. В минувшие 5-7 лет значительно возросла занятость в сфере торговли, она обошла долю обрабатывающей промышленности. Это, ведет к росту масштабов низких зарплат по показателям медианны и моды в оплате труда. В этой сфере существует своеобразное неравенство, сказывающееся на уровне доходов. У сферы торговли «женское лицо», в структуре занятости количество женщин почти в два раза превышает занятых в этой сфере мужчин [5].

Во-вторых, фактором, снижающим общие показатели оплаты труда, является миграционной прирост трудоспособного населения. Прирост происходит, в основном, за счет неквалифицированных кадров, имеющих не высокую зарплату. Сохраняющийся тренд миграционного прироста будет во все большей степени оказывать давление на рынок труда, увеличивая долю низко оплачиваемых работников.

В программах последнего времени непосредственно не ставиться вопрос о сглаживании социального неравенства. Некоторым фактором может быть сокращения слоя бедности, его выход за границу прожиточного минимума. Однако этот потенциальный риск острых конфликтов является многоаспектным и прямолинейное решение, ассоциирующееся с лозунгом «у всех все отнять и поделить» не жизненно. Определенное выравнивание может быть достигнуто привлечением высокодоходных групп населения к участию в финансировании государственных социальных фондов (пенсионного, социального страхования, обязательного медицинского страхования). У этих фондов несколько острых проблем, вызывающих в конечном счете негативизм населения. Нехватка средств, и, как следствие, стремление к минимизации расходов. Представляется, что следовало бы провести актуарные расчеты по одновременному сокращению выплат работодателей (а это значительная нагрузка на прибыль) и солидарные выплаты населения, имеющего сверхдоходы.

Кроме того, общий контекст социального неравенства по доходам в современной России ассоциируется с другими видами неравенства. Во-первых, неравенство в распределении собственности, сложившееся в 90-е годы и воспроизводимое как существенный элемент социальной несправедливости. В странах со сложившейся финансовой аристократией эту проблему предлагается решать ужесточением налогов на наследство, так как в общественном мнении несправедливым получение значительных активов по наследству от предшествовавшего поколения собственников [6]. В будущем этот вопрос актуализируется и для России. В настоящее время несправедливость в распределении собственности частично можно

решать акцентированной благотворительной деятельностью и проявлением других форм добровольной социальной ответственности бизнеса.

Во-вторых, неравенство пространственного развития. Высокорентабельные активы (нефтегазовые и финансовые) бизнеса сосредоточены в ограниченном сегменте субъектов федерации. Это ведет к существенной дифференциации уровня и качества жизни населения.

В - третьих, цифровое неравенство («цифровой разрыв»). Этот вид неравенства обусловлен разными возможностями населения для приобретения современных средств связи (мобильная связь и широкополосный интернет).

Противоречий и конфликтов в социальных практиках довольно много. Однако снятие напряженности в обществе могу снижать единые действия всех субъектов социальной политики - государства, бизнеса семьи.

Источники и литература

1) Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. – 368 с.
2) Сорокин П. А. Социология революции. — РОССПЭН, 2005. — 704 с.
3) https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov/ (дата обращения – 25.01.2020)
4) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/ (дата обращения – 25.01.2020)
5) https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https://gks.ru/bgd/regl/b19_44/IssWWW.exe/Stg/04-05.docx (дата обращения - 25.01.2020)
6) Le Capital au XXIe siècle, Éditions du Seuil, Paris, 2013

Вершинина Инна Альфредовна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальные противоречия пространственного развития глобальных городов

Местоположение, которое индивид или домохозяйство занимают в пространстве, оказывает существенное влияние на качество жизни и перспективы его улучшения. Как указывают эксперты Организации Объединенных Наций, «то, где люди рождаются и живут, имеет колоссальное значение для тех возможностей, которые им открываются в жизни» [1, с. 11]. Это происходит вследствие различия в доступе к разного рода ресурсам, которые не только сказываются на качестве жизни, но и в значительной мере определяют социальную динамику.

Различного рода ресурсы, а также риски неравномерно распределены по территории как планеты, так и отдельных стран, включая Россию, что создает условия для возникновения и воспроизводства пространственного неравенства. Пространственное неравенство на протяжении многих веков было связано преимущественно с условиями ведения сельского хозяйства, однако, ситуация кардинально изменилась после промышленной революции и становления капиталистического общества, которые значительно увеличили многообразие форм, которые принимает пространственное неравенство. Сегодня мы можем констатировать еще большее его усложнение, спровоцированное развитием информационно-коммуникационных технологий и глобализационными процессами.

В условиях глобализации происходит серьезная трансформация социально-экономического пространства, в частности, наблюдается сверхконцентрация ресурсов в узловых точках, которые становятся ключевыми - глобальных городах. Американский социолог Саския Сассен (*Saskia Sassen*) полагает, что с глобальными городами связано появление новой формы пространственного неравенства [3, p. 33]. С одной стороны, происходит формирование нового типа урбанистической системы, в которой города являются важнейшими узлами международной экономики и выступают в качестве ее стратегических площадок. Однако, с другой стороны, необходимо отметить тот факт, что большинство городов, включая значительное число крупных городов, не являются частью этой новой транснациональной урбанистической системы.

Тем самым, растет пространственное неравенство между глобальными городами и остальной территорией страны, где они расположены, причем это происходит в разных регионах мира, однако, в первую очередь затрагивает те страны, в которых существуют явно выраженные города-лидеры. К ним, в частности, относится и Россия, где Москва и Санкт-Петербург традиционно значительно опережают все остальные города не только по численности населения, но и по включенности в мировую экономику.

Как результат, в ряде стран, включая Россию, усугубляется пространственное неравенство, поскольку в случае существования несбалансированной урбанистической системы города-лидеры совмещают выполнение целого ряда функций (политических, экономических, культурных и т.д.), концентрируя ресурсы на своей территории и ослабляя возможности для развития других городов. По словам С. Сассен, это новая форма пространственного, а точнее, межгородского неравенства, для которой уже не так значимы прежние иерархии, основанные на размерах городов [3, p. 41]. Новое неравенство между городамиотличается от традиционного, в первую очередь, тем, что существует на транснациональном уровне. Оно является результатом глобализации в разных ее сферах, начиная с интернационализации производства и заканчивая международным туризмом. Однако последствия этого глобального неравенства между городами имеют место не только на транснациональном, но также на национальном, региональном и локальном уровнях.

Необходимо отметить, что в современном мире обостряется неравенство не только между глобальными городами и всеми остальными населенными пунктами, но и на территории самих глобальных городов, которые зачастую представляют собой огромные города-регионы. По словам Мартина Мюррея (*Martin Murray*), «растянутые глобальные города-регионы без узнаваемого, единичного и динамичного городского ядра, где урбанизированные территории преимущественно фрагментированы и представляют собой отдельные зоны, характеризующиеся концентрированным богатством, глобальной связанностью, излишествами и фантазией, с одной стороны, и запущенностью, обнищанием и лишениями, с другой стороны» [2, p. X]. Тем самым, все более отчетливо фиксируется воспроизводство на территории глобальных городов двух совершенно разных миров, для одного из которых характерно благополучие, обеспечиваемое включенностью в глобальную экономику, а для второго - лишения, связанные с исключением из нее.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», № 18-011-01106.

Источники и литература

1) Мировое социальное положение, 2019 год: как сложится ситуация с неравенством в будущем. URL: https://www.undocs.org/ru/A/74/135 (дата обращения: 25.01.2020).

2) Murray M. J. The Urbanism of Exception: The Dynamics of Global City Building in the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

3) Sassen S. Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000.

***Внутских Александр Юрьевич*[1]*, Сокрута Лидия Валерьевна*[2]**

1 - Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация; 2 - Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Рост производительности труда как путь гармонизации интересов: возможности и ограничения

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-413-590009.

Рост производительности труда считается одним из наиболее универсальных способов борьбы с бедностью, и существенным фактором снижения вероятности социальных конфликтов. Аналитики Всемирного Банка отмечают, что производительность труда — главный источник устойчивого роста доходов населения, а рост доходов — главный фактор борьбы с бедностью. В четверти развивающихся стран, производительность труда которых росла самыми быстрыми темпами в 1980—2015 гг.., бедность снижалась в среднем более чем на 1 п.п. в год, а жители стран с самыми низкими темпами роста производительности труда, напротив, беднели [1]. Если так, рост производительности должен являться важнейшей целью государственного управления, поскольку он в итоге выступает в качестве универсального способа гармонизации интересов разных социальных групп, снижения социальной напряженности, что, в силу значительного социального расслоения, очень актуально для нашей страны.

Однако уровень производительности в России в 2-4 раза ниже по сравнению с аналогичными предприятиями и отраслями развитых стран [2]. Решение этой проблемы включено в список приоритетных национальных задач: с октября 2018 года реализуется национальный проект "Производительность труда и поддержка занятости" [3]. В различных форматах участвуют в этом проекте и предприятия Пермского края и Удмуртской республики - в настоящее время их 52 и 25 соответственно [4].

Исправляется ли ситуация с производительностью благодаря этим усилиям? Имел место небольшой рост производительности на 6% в 2003—2008 гг., затем он был близок к нулю в 2013-2017 гг. По данным за 2018 год - год начала реализации национального проекта - производительность труда выросла на 1,9% [1]. Однако ясно, что нацпроект, начавшийся только осенью 2018 года, к этому росту отношения не имел, а показатели по производительности, установленные майскими указами Президента (2012), достигнуты не были. Кроме того, даже если нацпроект будет реализован в полном объеме, он охватит лишь 10000 предприятий в стране и приведет к росту производительности лишь на 5% в год начиная с 2024 г. На фоне кратного отставания от развитых стран по производительности труда и с учетом истории ее динамики в России, целевые показатели нацпроекта представляются и недостаточно амбициозными и, одновременно, едва ли реализуемыми.

Какие же факторы делают проблему повышения производительности в России "хронической", что мешает российским управленцам, собственникам, менеджерам и наемным работникам осознать общий интерес в решении проблемы производительности труда, ставить адекватные текущей ситуации целевые показатели и их достигать? Вместе с тем важно подчеркнуть, что в России известны предприятия, которые за последние годы сумели кратно повысить производительность труда.
Проводимое нами исследование нацелено на выявление связи социокультурных маркеров и социально-психологических предикторов с уровнем производительности труда на более и менее успешных в этом отношении предприятиях.

Исследования проводились на 4 средних промышленных предприятиях Пермского края и Удмуртской республики. Предприятия 1, 3 и 4 демонстрируют значительный и устойчивый рост производительности (рост валовой прибыли на одного сотрудника с 2014 года в 1,9 - 3 раза) благодаря как внедрению нового оборудования, так и организационным преобразованиям (SMART-цели и оценка их достижения каждым работником через систему KPI). Низким и нестабильным уровнем производительности труда характеризовалось Предприятие 2 (на 4% с 2014 г.) - вопреки существенным вложениям в оборудование и попыткам внедрения модели «бережливого производства».

В отношении сотрудников предприятий (550 человек) были проведены исследования черт личности с использованием опросника HEXACO-PI-R и Короткого портретного опросника Большой пятерки в адаптации М.С. Егоровой и О.В. Паршиковой (2015, 2016), а также организационной культуры предприятий согласно методики OCAI по

К. Камерону и Р. Куинну (2001). В отношении Предприятия 2 можно заметить, что корреляционные взаимосвязи между личностными особенностями сотрудников здесь развиты слабее всего. На наш взгляд, это является свидетельством меньшей осознанности и меньшей готовности к рефлексии сотрудников данного предприятия - а без этого условия сложно представить себе эффективную работу по повышению производительности труда. В отличие от сотрудников более производительных предприятий, сотрудники Предприятия 2 придерживаются традиционных форм поведения и труднее адаптируются к изменениям. Кроме того, по нашим данным на Предприятии 2 относительно меньше выражен рыночный тип организационной культуры, что сами сотрудники, кстати, считают недостатком. Думается, что эти особенности, которые можно рассматривать в качестве препятствий для реализации мероприятий по повышению производительности, помимо прочего препятствуют и налаживанию полноценного взаимовыгодного диалога по вопросом производительности между рядовыми сотрудниками и руководителями нижнего и среднего звена с одной стороны - и высшим руководством предприятия с другой.

Источники и литература

1) Всемирный банк назвал лучший способ борьбы с бедностью. URL: https://news.mail.ru/economics/40137206/ (дата обращения 20.01.2020)
2) Россия отстала в 3,8 раза от Ирландии по производительности труда. URL: https://www.rbc.ru/economics/05/02/2019/5c5872889a794725eb8d815e (дата обращения 12.01.2020)
3) Национальный проект "Производительность труда и поддержка занятости". URL: http://static.government.ru/media/files/R7yQPZhHycRk60uHWCH3gz2gMTHfNJmi.pdf (дата обращения 09.01.2020)
4) Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда. URL: https://xn–b1aedfedwqbdfbnzkf0oe.xn–p1ai/ru/national-project/organizations_pages/?offset=1&limit=20

***Воробьева Ирина Николаевна*[1]*, Мехова Альбина Анатольевна*[2]**

1 - Череповецкий Государственный университет, г. Череповец, Россия; 2 - ЧГУ, Череповец, РФ

Жизненные стратегии молодежи российского промышленного города

Череповец, как и многие средние и малые промышленные моногорода России, сталкивается с проблемой оттока молодежи. В городе сосредоточены основные производственные активы двух крупнейших компаний - «Северсталь» и «ФосАгро». В 2009 году был проведен форсайт «Череповец-2020», который определил стратегию диверсификации экономики и создания широких возможностей для самореализации жителей. В 2018 году город получил статус территории опережающего социально-экономического развития, он заинтересован в росте населения, в активных молодых людях. Однако ежегодно из города уезжает до 45% выпускников школ, стремящихся продолжить образование в других, в основном, столичных городах, и до 20% выпускников местного университета, не видящих возможности для самореализации в индустриально ориентированном городе. Тем самым изучение жизненных стратегий молодежи и возможностей промышленного города создать условия для их реализации приобретает острую актуальность, как в научном, так и практическом аспектах. Череповец, на наш взгляд, создает для этого уникальное исследовательское поле.

Исследованию жизненных стратегий молодежи посвящены труды Н.И. Легостаевой [3], Е.Н. Бондаренко [1], М.К. Горшкова [2] и многих других отечественных ученых. Эмпирической базой послужили данные опросов населения города Череповца, проведенных кафедрой Социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета: «Оценки комфортности городской среды и жизненные стратегии населения» (декабрь 2017, объем выборки 800 человек старше 14 лет); «Образовательные планы выпускников школ Вологодской области - 2018» (весна 2018 г., объем выборки 1751 чел., в том числе 600 по г. Череповцу).

Среди основных составляющих жизненных стратегий молодежи, в соответствии с подходами М.К. Горшкова и Е.Н. Бондаренко, мы выделили следующие: работа, образование и повышение квалификации, семья, заработок, общение с определенным кругом людей, духовные интересы и культура. По данным опросов, при наличии возможностей 16% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет «с большим удовольствием переедут» в Москву, 40% - в Санкт-Петербург. Каковы жизненные стратегии у этих молодых людей, и почему они не видят возможности реализовать их в родном городе?

Подтверждается гипотеза, что больше всего возможностей реализовать свои жизненные стратегии у тех, кто главные интересы связывает с наемной работой в крупном бизнесе и обеспечением приличного заработка. Разрыв в этой части состоит в том, что город больше нуждается в рабочих специальностях, а одним из приоритетов молодежи является высшее образование. Молодые люди очень низко оценивают возможности открыть свое дело - 5,67 балла из 10, не видят возможности использования креативных индустрий.

Город в целом подходит для молодежи, у которой основной приоритет - семья. Но именно эти молодые люди сетуют на нехватку мест в детских садах и экологические условия, которые будут угрожать здоровью детей.

Существенные трудности испытывает молодежь, которая стремится получить хорошее социо-гуманитарное образование, чьи главные интересы связаны с культурой и духовной сферой. Именно такая молодежь стремится в столицы.

Череповец сегодня разрабатывает новую стратегию, одним из главных направлений которой становится формирование условий для развития личности, для удержания молодежи в родном городе. Исследование жизненных стратегий череповецкой молодежи даст возможность конкретизировать стратегию, вовлечь в ее обсуждение, и, в конечном счете, в реализацию саму молодежь.

Источники и литература

1) Бондаренко Е. Н. Жизненные стратегии молодежи закрытых административно-территориальных образований: социологический аспект. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 22 с.

2) Горшков М. К. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты, аналит. докл. / М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 95.

3) Легостаева Н. И. Особенности структуры образа будущего современной российской молодежи / Н.И. Легостаева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. Выпуск 13. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. – С. 285 – 289.

Гаджиев Ханлар Аляр оглы

кафедра политологии и политического управления ИОН РАНХиГС, Москва, РФ

Государственное управление в цифровую эпоху: изменение уровня требований общества

Цифровизация, охватившая практически все ниши социальной жизни, с каждым днем ставит все больше новых вопросов перед современным государственным управлением. Проблем здесь много, но особого внимания заслуживает вопрос об изменениях условий осуществления государственного управления с точки зрения уровня требовательности обществ.

Общества, в которых развиты и очень распространены информационно-коммуникационные технологии, становятся более требовательными к государственному управлению, к его эффективности, к используемым им механизмам достижения заявленных целей. В частности, неограниченный объем доступной информации в виртуальном пространстве о существующих моделях государственного управления в других странах и их возможных преимуществах фактически приводит к формированию более критичной социальной оценки практически любых действий институтов власти. Но если данная составляющая может иметь и позитивные последствия для развития государственного управления (например, стимулировать его к совершенствованию с учетом зарубежного опыта и требований общества), то есть также и другие - негативные последствия новых информационных условий.

Так, весьма неоднозначный эффект имеет то, что информация в цифровую эпоху не просто избыточна и легко доступна, но и сложно «фильтруема». Причем последнее - серьезная проблема и для граждан (она вызвана разными причинами: сложностью выявления «фейковой» информации, отсутствием большого количества времени на изучение всех возможных источников и точек зрения, неравными возможностями ориентации в виртуальном пространстве (следствия т.н. «цифрового неравенства») и т.д.), и для государственных структур.

Для государственных институтов в данном случае ключевая сложность заключается, во-первых, в том, что реагировать на «фейковую» и деструктивную информацию власть может только постфактум (т.е. после того, как информация уже опубликована на тех или иных виртуальных площадках). Во-вторых, деструктивность такого рода информации может плохо осознаваться самими гражданами и, как следствие, - вызвать у них неоднозначную реакцию, в случае ее ограничения. Это, в частности, может приводить к цифровому сопротивлению - децентрали-

зованному движению в разных странах, отстаивающему цифровые свободы, сопротивлению граждан чрезмерному государственному контролю в цифровом пространстве. И с учетом всего этого возникает вопрос о способах решения таких сложных проблем, если метод «ограничений и запретов» не только не решает их в необходимой мере, но и, напротив, способен привести к негативному эффекту.

В нынешних условиях более эффективным и востребованным для государственного управления все чаще становится подход, предполагающий создание собственных государственных источников и механизмов продуцирования информации в интернет-пространстве, обеспечение их большей популярности по сравнению с альтернативными источниками, создание успешно функционирующих механизмов обратной связи. Кроме того, достаточно перспективным, необходимым и в то же время чрезвычайно сложным выглядит формирование у граждан критического мышления в цифровом пространстве - «цифрового социального иммунитета», позволяющего пользователям быть более избирательными в виртуальном пространстве, и с учетом этого более взвешенно и объективно формулировать свои требования к институтам государственного управления.

Очевидно, что в цифровом поле, в условиях конкуренции за внимание граждан, государственные структуры могут получить преимущество только в случае способности более оперативно формировать информационную картину. Поэтому для них уже невыгодно неосвещение важной информации, в том числе относительно результатов решения общественно значимых вопросов. Значительно более продуктивным становится более оперативное формирование собственных описаний ситуации.

Другим важным изменением в условиях функционирования институтов государственного управления в условиях цифровизации становится сокращение времени на принятие решений. Информация (а ее сегодня могут формировать и распространять даже сами граждане), затрагивающая острые проблемы и вызывающая общественный резонанс, заставляет властные структуры очень быстро реагировать - давать объяснения, высказывать свою позицию и принимать необходимые меры.

Изменилось также требование к государственным услугам: современные общества требуют сопоставимо высокое качество государственных услуг, по сравнению с качеством услуг в частном секторе. Причем, понятно, что должна сохраняться доступность государственных услуг.

Наконец, возрастает требование к прозрачности государственного управления [1]. В нынешних условиях прозрачность рассматривается обществом как один из важнейших способов отслеживания эффективности

государственного управления и способствует повышению уровня социального доверия к нему.

Источники и литература

1) Доклад Об итогах внедрения системы «Открытое правительство» и перспективах до 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://report.open.gov.ru/ (дата обращения: 31.01.2020).

Говорова Наталья Викторовна
Институт Европы РАН, Москва, Россия

Государственные расходы на социальную защиту в Европейском союзе

Системы социальной защиты значительно развиты в Европейском Союзе (ЕС): они предназначены для защиты людей от рисков, связанных с безработицей, родительскими обязанностями, болезнью / инвалидностью, потерей супруга или родителя, старостью, жильем и социальной изоляцией. Государства-члены несут ответственность за организацию и финансирование систем социальной защиты в пределах своих границ. Модели варьируются от страны к стране, в то время как ЕС стремится обеспечить, чтобы люди, которые перемещаются через границы, продолжали получать адекватную защиту.

Подразделения, отвечающие за обеспечение социальной защиты, финансируются по-разному. Поступления на социальную защиту включают взносы на социальное обеспечение, выплачиваемые работодателями и защищаемыми лицами, взносы сектора государственного управления и другие поступления из различных источников (например, проценты, дивиденды, арендная плата и иски против третьих сторон). Социальные взносы работодателей - это все расходы, понесенные работодателями для обеспечения права на социальные пособия для своих работников, бывших работников и их иждивенцев. Они могут выплачиваться работодателями-резидентами или нерезидентами и включают все выплаты работодателей учреждениям социальной защиты (фактические взносы) и социальные выплаты, выплачиваемые работодателями непосредственно работникам (вмененные взносы). Социальные взносы, сделанные защищенными людьми, включают взносы, выплачиваемые работниками, работающими не по найму, а также пенсионерами и другими людьми [1].

Пособия по социальной защите - это прямые выплаты в денежной или натуральной форме по схемам социальной защиты домохозяйствам и

отдельным лицам. Социальные пособия выплачиваются домохозяйствам фондами социального обеспечения, другими государственными учреждениями, некоммерческими организациями, обслуживающими домашние хозяйства, работодателями, страховыми предприятиями или другими институциональными единицами, управляющими схемами социального страхования, финансируемыми из частных источников. Пособия классифицируются в соответствии с восемью функциями социальной защиты:

ü пособия по болезни, включая оплачиваемый отпуск по болезни, медицинское обслуживание и предоставление фармацевтических продуктов;

ü пособия по инвалидности, в том числе пенсии по инвалидности и предоставление товаров и услуг (помимо медицинской помощи) инвалидам;

ü пособия по старости, включая пенсии по старости и предоставление товаров и услуг (кроме медицинской помощи) пожилым людям;

ü пособия по случаю потери кормильца;

ü семейные / детские пособия, в том числе поддержка (кроме медицинского обслуживания) в связи с расходами на беременность, роды и уход за другими членами семьи;

ü пособия по безработице, включая профессиональную подготовку, финансируемую государственными органами;

ü жилищные льготы;

ü пособия по социальной реабилитации алкоголиков и наркоманов.

Совокупный размер пенсий включает часть периодических денежных пособий по функциям по инвалидности, старости, по случаю потери кормильца и по безработице. Он определяется как сумма следующих социальных пособий: пенсия по инвалидности, пенсия по старости из-за ограниченной трудоспособности, пенсия по старости, ожидаемая пенсия по старости, частичная пенсия, пенсия по случаю потери кормильца, пенсия по старости по причинам на рынке труда. Расходы на уход за пожилыми людьми покрывают пособие по уходу, проживание и помощь в выполнении повседневных задач.

15 марта 2019 г. Европейская статистическая служба (Евростат) обнародовала данные о расходах на социальную защиту в ЕС и государствах-членах. В 2017 г. общие государственные расходы в Евросоюзе составили 45,8% валового внутреннего продукта (ВВП). Эта доля неуклонно снижалась с 2012 г., когда она составляла 48,9% ВВП. Большая часть государственных расходов в 2017 г. пошла на здравоохранение и социальную защиту.

Среди основных функций общегосударственных расходов в ЕС также

существенная доля была выделена на здравоохранение, общие государственные услуги, включая операции с государственным долгом, а также образование и экономические вопросы. Доля расходов на функции «Общественный порядок и безопасность», «Оборона», «Отдых, культура и религия» не превышали 2%, а «Защита окружающей среды» и «Жилье и коммунальные услуги» - 1%.

Финансирование сферы социальной защиты было приоритетным направлением государственных расходов во всех государствах-членах ЕС и варьировалось по отношению к ВВП от 9,5% в Ирландии до 24,9% в Финляндии. Шесть стран - Финляндия, Франция, Дания, Италия, Австрия и Швеция потратили не менее пятой части ВВП на социальную защиту, в то время как Ирландия, Литва, Мальта, Латвия, Румыния, Чехия и Болгария - меньше 13%.

Расходы на социальную защиту подразделяются на подгруппы, самая существенная из них повсюду в ЕС «Старение», включающая в себя пенсии, составляла 10,1% ВВП по Союзу в целом от 13,8% в Греции и Финляндии и 13,4% в Италии и Франции до 3,4% в Ирландии и 5,7% в Литве.

В Дании, Австрии и Франции велики траты на здравоохранение ($\geqslant$8% ВВП), в Швеции, Дании и Бельгии - на образование ($\geqslant$ 6%), в Греции и Италии - на общие государственные услуги ($\geqslant$8%). Наибольшая доля государственных расходов на экономические вопросы в 2017 г. была зафиксирована в Венгрии (7,1% ВВП) и Бельгии (6,3%), на обеспечение общественного порядка и безопасности - в Болгарии (2,5%) и Венгрии (2,4%). Как минимум 2% ВВП было потрачено на оборону в Греции, Эстонии и на Кипре. Наибольшая доля государственных расходов на отдых, культуру и религию была зарегистрирована в Венгрии (3,5%) и Эстонии (2,1%), на охрану окружающей среды в Нидерландах (1,4%) и Греции (1,3%), на жилье и коммунальные услуги в Болгарии и на Кипре (по 1,6%).

В течение первых трёх лет экономического и финансового кризиса (2007-2009 гг.) государственные расходы в ЕС росли (с 44,6% до 50,0% ВВП), что было в некоторой степени связано со падением объема производства ВВП. В дальнейшем они неуклонно снижались (исключение 2011-2012гг.), составив 45,8% ВВП в 2017 г. Это постепенное снижение было отчасти результатом мер по консолидации бюджета и возобновления экономического роста. Не все сферы государственных расходов эволюционировали одинаково в период 2007-2017 гг. Государственные расходы на пособия по безработице (часть социальной защиты) в большей степени детерминированы стадией экономического цикла, чем расходы на

образование. В период экономического кризиса больше людей становятся безработными, в то время как на количество учащихся больше влияет демографическая ситуация. К примеру, в период с 2007 по 2009 гг. расходы на безработицу в ЕС увеличились с 1,4% до 1,8% ВВП, впоследствии снизившись до 1,2% в 2017 г. За тот же период государственные расходы на образование в ЕС выросли с 4,9% до 5,2% ВВП, а затем постепенно снизились до 4,6% (2017 г.).

Анализируя динамику госрасходов, можно сделать вывод, что статьи «Социальная защита» (с 38,2% до 41,1%) и «Здравоохранение» (с 14,5% до 15,3%) были единственными сферами, доля которых в общих государственных расходах увеличилась в рассматриваемый период. В то же время доля всех остальных статей расходов уменьшилась. Например, государственные расходы на образование сократились с 10,9% в 2007 г. до 10,2% в 2017 г. [2].

Источники и литература

1) Говорова Н.В. Социальная политика и рынок труда. Европейский союз: факты и комментарии выпуск 96: март – май 2019 г. Ассоциация европейских исследований, 2019. С.33-36.
2) Eurostat. News release. 48/2019 - 15 March 2019. General government expenditure in the EU in 2017.

Деханов Сергей Александрович

Российская таможенная академия, Москва, Россия

Государственный совет как механизм обеспечения взаимодействия органов государственной власти

21 января 2020 г. Президент России В.В. Путин внес в Государственную Думу Федерального собрания России законопроект о поправках к Конституции РФ. Одна из поправок касается изменения статуса Государственного Совета. Из текста внесенной конституционной поправки следует, что Президент РФ формирует Государственный Совет в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Статус Госсовета определяется федеральным законом. Предполагается также, что "Госсовет будет конституционным органом, который будет рассматривать вопросы внешней

и внутренней политики" [1]. Статус современного российского Государственного совета характеризуется тем, что он является совещательным органом, содействующим реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. Государственный совет формируется в составе председателя Государственного совета и членов Государственного совета. Председателем Государственного совета является Президент России [2]. В данной связи несомненный интерес представляет судьба Государственного Совета царской России. Министр иностранных дел России в 1906-1910 г.г. А.П. Извольский считал, что Государственный Совет является верхней палатой парламента, хотя царь и правительство отказывались признавать за ним эту функцию. В качестве верхней палаты Государственный Совет был создан в 1905 г. в результате коренного реформирования высших органов государственной власти России. Если до изменения своего статуса Госсовет соответствовал наполеоновскому Conseil d. Etat, который обсуждал наиболее важные вопросы внутренней и внешней политики и давал советы императору, то, превратившись в полноправную верхнюю палату, он стал играть более значительную роль в жизни России. Достаточно своеобразным был и порядок его формирования: он комплектовался из равного числа членов, назначаемых императором и избираемых различными сословиями. Члены «Царской части» Государственного Совета утверждались царем ежегодно, числились на службе пожизненно и за немногими исключениями были представителями высшей гражданской и военной бюрократии. Избираемая часть Совета состояла из духовенства, членов дворянских и ученых обществ, академий, университетов, бирж, торговых палат, а также земств от всех частей империи, где существовали эти учреждения. Представители этой второй части Госсовета избирались на 9 лет, обновляясь каждые три года на одну треть. Благодаря такому порядку формирования Государственный Совет представлял из себя довольно либеральное учреждение в сравнении с верхними палатами парламентов Европы. Однако исключительное своеобразие общественно-политического развития тогдашней России и отсутствие парламентского опыта постепенно превратили Государственный Совет в реакционное учреждение. Государственный Совет в России вряд ли представлял в этом смысле исключение из правил: за несколько последних веков европейским государствам пришлось подвергнуть испытанию почти все формы правления: от абсолютных монархий до тоталитарных режимов, от полного парламентаризма до смешанных или президентских форм правления. То и дело парламент оказывался на вторых ролях в системе раз-

деления властей (Франция периода четвертой Республики, нацистская Германия). В Советском Союзе долгое время парламентский опыт и вовсе игнорировался, и лишь в последние годы существования СССР он стал стремительно внедряться в политическую практику. Не обходилось и без казусов: некоторое время в советской конституции действовала ст. 104, согласно которой Съезд народных депутатов мог принять к своему рассмотрению любой вопрос, относящийся к ведению Союза. Но сегодня положение радикально изменилось, и парламентские институты постепенно становятся все более значительными, хотя и не в такой степени, как президент и правительство. В большинстве цивилизованных в правовом отношении стран, каждая власть ныне действует, как правило, в соответствии с полномочиями, которые ей предоставлены конституцией.

Источники и литература

1) https://www.kp.ru/daily/27080/4152286/(дата обращения 22.01.2020)
2) http://www.kremlin.ru/structure/state-council (дата обращения 22.01.2020)
3) Деханова Н.Г. Социология государственной службы. Учебное пособие. - М.: Альма Матер, 2011.

Деханова Наталья Геннадьевна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Пространственное развитие как источник социальной напряжённости

Современная Россия отличается ярко выраженной пространственной неоднородностью, региональным многообразием, которое связано с проблемой неравномерного регионального развития и социального неравенства.

Российская Федерация представляет собой государство, уникальное по пространственной протяжённости, степени территориальной социально-экономической дифференциации и этнической мозаичности. В основе социально-экономической дифференциации регионов России лежат природно-климатические, культурно-исторические факторы и результаты процесса формирования территориальной структуры хозяйства.

Причины этого явления понятны: пространственное развитие не может быть абсолютно равномерным, а социальное неравенство в целом и социально-территориальное неравенство, в частности, существовали в истории общества всегда. В основе мозаичности современной России лежит, во-первых, дифференциация по условной линии индустриальный север - аграрный юг (являющейся характерной глобальной особенностью); во-вторых, по линии староосвоенный запад- слабоосвоенный восток; в-третьих, классическая поляризация центр - периферия, и наконец, в-четвертых, деление на национальные республики и русские регионы [3]. Это многообразие может служить основой для вызревания всей гаммы конфликтов: целей, ценностей, распределения ресурсов и т.д. Поэтому очень важно, чтобы региональное неравенство не было избыточным, не вело к росту социальной напряжённости и конфликтов в обществе. Ярко выраженное региональное неравенство, содержит в себе конфликтный потенциал, усиливает напряжённость как в отношениях между регионами (например, донорами и реципиентами, богатыми и бедными регионами, между регионами - получателями государственных дотаций по поводу принципов их распределения), так и внутри регионов (как известно, в современной России наиболее экономически развитые регионы, отличаются наибольшей дифференциацией по доходам). Кроме того, нельзя забывать, что экономическое развитие далеко не всегда означает сбалансированное развитие, то есть на практике часто сопровождается серьёзными экологическими и социальными проблемами. Экономическое неравенство регионов может быть результатом объективной реализации конкурентных преимуществ. В данной связи значительное экономическое выравнивание снижает стимулы развития для сильных регионов. Социальное же неравенство регионов необходимо смягчать, так как оно непосредственно влияет на воспроизводство человеческого капитала [1]. В России перераспределение ренты происходит крайне неравномерно как по горизонтали (между регионами, в том числе на основе геополитических приоритетов), так и по вертикали (между богатыми и бедными) [2].

В данной связи в качестве целей региональной политики можно обозначить гармонизацию интересов граждан страны, проживающих в самых разных её частях, гарантию их социальных прав. Соответственно, это будет в какой-то степени компромисс между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Устойчивое развитие включает в свою очередь совокупность экономического, социального, экологического и поселенческого развития. Прогрессивные изменения должны явиться результатом целенаправленной деятельности государства по со-

вершенствованию организации расселения жителей, размещения на территории объектов экономики, социальной сферы, транспортной, энергетической и иных инфраструктур.

Источники и литература

1) Васильев В.П., Деханова Н.Г. Факторы формирования человеческого капитала в сфере высшего образования // Вестник Московского университета.Серия 18. Социология и политология. 2017. Т.23. № 3. С.237-248.
2) Деханова Н.Г. Управление пространственным развитием: оценка эффективности // Качество менеджмента: современные оценки и социальные эффекты Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Сер. "Электронное издание комплексного распространения" Под общей редакцией С.А.Баркова, А.В. Маркеевой. 2018. С.40-53., А.В.
3) Treivish A.I. Geographical space as a mediator between population and economy // Population and Economics. Т. 3, № 1, с. 5-20

Джанелидзе Михаил Георгиевич

Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цифровизация vs цифровая трансформация: конфликт моделей.

Данная статья была подготовлена в ходе исследований по теме НИР ИПРЭ РАН 2020 г. «Механизмы формирования новых подходов к пространственному развитию экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века».

Факторы инновационного развития взаимодействуют в процессе формирования нового технологического уклада, преобразуя условия производства и труда. Особое значение при этом приобретает системность взаимодействия этих факторов, их сопряженность в развитии национальной экономики. Инновационное развитие локализуется в тех странах и регионах, где формируется комплекс благоприятных условий. При этом

формируются национальные и региональные инновационные системы, а также территориальные зоны опережающего роста, которые во многом определяют экономическое развитие страны.

При этом инновационное развитие выступает естественным результатом концентрации специального знания и профессиональных навыков, человеческого и социального капиталов, инфраструктуры как факторов экономической устойчивости территории.

Анализ международных практик инновационного развития показывает, что, помимо таких фундаментальных факторов, как наличие природного и человеческого капитала, гарантий предпринимательской деятельности и интеллектуальной собственности, сохранности собственности и инвестиций, уровня накладных расходов производственной деятельности, все - как страны с переходной экономикой, так и промышленные лидеры зависят от проведения последовательной политики развития своей промышленности.

Критически важными для перехода к современным производствам является развитие технологий, системно преобразующих условия функционирования промышленности. Без широкого распространения передовых производственных технологий (ППТ) невозможно не только инновационное развитие, но и рост экономики РФ. В настоящее время таким магистральным направлением выступает использование современных информационных и коммуникационных технологий во всех сферах деятельности и, т.е. цифровизация.

Важнейшим аспектом эффективности ее проведения является осознание различия между цифровизацией (как оцифровкой) и цифровой трансформацией. Цифровая трансформация в отличие от цифровизации - это не просто автоматизация в форме внедрения цифровых технологий в существующие системы управления, не меняющие характер взаимодействия. Она требует и, в свою очередь, вызывает изменения принципов организации и управления, а также, еще более глубокие радикальные изменения, связанные с инновационным развитием - созданием абсолютно новых продуктов, видов услуг и сервисов, в пределе - новых отраслей и рынков (и разрушением старых).

Как показывают многочисленные исследования цифровой трансформации бизнеса, при ее проведении необходимо изменение организационной структуры управления - как правило, она становится более гибкой. Сложно представить успех цифровой трансформации в системе управления с жесткой субординацией, непрозрачной и консервативной моделью принятия решений, высокой степенью бюрократизации управленческих процессов. Максимально тесное и открытое сотрудничество, совместное

творчество, равноправное общение и укрепление горизонтальных связей являются управленческими аспектами успешной цифровой трансформации.

Анализ национального проекта «Цифровая экономика РФ» [1] показывает, что она ориентирована на цифровизацию, представленные в нем направления и инструменты недостаточны для решения проблем цифровой трансформации российской экономики. Предложения программы направлены, прежде всего, на цифровую операционализацию существующей системы управления.

Чтобы быть эффективной программа цифровизации должна удовлетворять интересам широкого круга субъектов экономической деятельности и граждан, в существующем виде он направлен, прежде всего, на повышение возможностей государственного контроля. Кроме того, при формировании структуры механизмов реализации такой программы (целей, направлений, мероприятий и инструментов реализации) должны учитываться уровни экономического и технологического развития отраслей национальной экономики и промышленности страны, а не только состояние цифровой инфраструктуры [2].

В существующем виде национальный проект недостаточен для решения назревших проблем управления и преодоления существующих структурных дисбалансов российской экономики - в нем отсутствуют инструменты создания условий для развития цифрового производства и формирования новых рынков. Принятая программа имплементирована в существующую структуру управления, в ней отсутствуют положения, связанные с цифровой трансформацией управления, а не просто оцифровкой его процессов. Также, программа цифровизации не учитывает риски сокращения занятости во многих отраслях экономики, достигающие по оценкам экспертов для РФ 12,5 млн. человек [3].

Таким образом, цифровая трансформация в РФ подразумевает проведение структурной перестройки экономики страны, связанной с диверсификацией экономики и инновационным развитием промышленного сектора. Только за счет структурных изменений страна получит возможность использовать преимущества цифровой экономики в целях устойчивого экономического роста и расширения рынка труда.

Источники и литература

1) Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена распоряжением правительства от 28 июля 2017 года №1632-р.

2) Джанелидзе М.Г. Цифровая трансформация и национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Секция 3. «Проблемы и перспективы социокультурной модернизации в XXI веке» 4-ой ежегодной международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» г. Вологда, ФГБУН ВолНЦ РАН, 25 марта - 2апреля2019 г.). Режим доступа: http://global-challenges.isert-ran.ru/ (дата обращения 14.12.2019).

3) Белоусов Д. Цифровизация российской экономики – от тактических задач к стратегической повестке / V Санкт-Петербургский экономический конгресс (СПЭК-2019) «Форсайт Россия: будущее технологий, экономики и человека». Режим доступа: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2019-04-01cifro.pdf (дата обращения 20.01.2020).

Доронина Анастасия Алексеевна
ФГБОУ ВО МГУ им. Н.П.Огарева, Саранск, Россия

Технологии трудоустройства выпускников из числа инвалидов в условиях высшего учебного заведения

По данным на 1 октября 2019 года в Российской Федерации насчитывается более 11 млн. 200 тыс. инвалидов, из них способны к осуществлению трудовой деятельности лишь около 3 млн. 450 тыс. (примерно 31,0%) [1, с.85]. На самом деле количество работающих инвалидов в трудоспособном возрасте составляет 908 650 человек (26,20%). Что касается Республики Мордовия, то число работающих инвалидов составляет 28,01 % [1, с.85]. Если говорить о выпускниках ВУЗов с ограниченными возможностями здоровья, то процент трудоустроенных будет в разы ниже. Это обусловлено такими причинами, как: нежелание работодателей брать на работу молодых людей с ОВЗ; отсутствие специально оборудованных рабочих мест для студентов с инвалидностью; отсутствие опыта работы и др.

В целях содействия в трудоустройстве выпускникам, в том числе и инвалидам, на базе ВУЗов в Российской Федерации начали действовать специальные центры карьеры выпускников (или центры содействия трудоустройству). Основными полномочиями данных центров выступают: формирование банка вакансий, подготовка выпускников к написанию резюме, собеседованиям, мониторинг рынка труда, мониторинг занятости

и т.д. Так как студенты-инвалиды представляют собой особую категорию, требующую индивидуального подхода, для них разрабатываются отдельные программы помощи по трудоустройству.

Например, на базе Мордовского государственного университета разработан ряд технологий, включающий в себя:

- мониторинг занятости студентов из числа инвалидов и лиц с ОВЗ; мониторинг карьерных намерений студентов последнего года обучения из числа инвалидов и лиц с ОВЗ;

- занятия по успешному трудоустройству для студентов-инвалидов последнего года обучения (организация и проведение образовательного курса о состоянии рынка труда, формировании и отслеживании пенсионных накоплений, по технологиям трудоустройства);

- организационно-деятельностная игра «Эффективное трудоустройство» (знакомство обучающихся с основными игроками рынка труда и их поведением в игровой форме);

- «Промышленный туризм» (экскурсии на площадки предприятий и организаций);

- «Ярмарка вакансий» (знакомство с предприятиями, их деятельностью, открытыми вакантными позициями, обмен контактами);

- «Рука помощи» (консультационная поддержка по полному кругу вопросов социального адаптива инвалидов и лиц с ОВЗ);

- Формирование, обновление банка вакансий для выпускников из числа инвалидов и лиц с ОВЗ.

Об эффективности данных мер говорят следующие данные: за последние 3 года процент трудоустроенных выпускников с инвалидность возрос 46,0% до 67,0%.

Помимо этого, многими ВУЗами осуществляется взаимодействие с общественными организациями инвалидов (ВОИ, ВОС,ВОГ и др.), которые могут выступить в качестве работодателей, так как имеют свои собственные специализированные предприятия. Так, например, НИУ «Высшая школа экономики» взаимодействует с общественной организаций «Перспектива», которая является ведущей по вопросам и отстаиванию прав инвалидов в России. На сайте данной организации выпускники с инвалидностью могут разместить свои резюме, или подобрать необходимые вакансии.

Большой вклад в содействие по трудоустройству вносит партнерство ВУЗов и социальный предпринимателей, которые занимаются решением конкретных социальных проблем.

Еще одной действенной технологией, позволяющей повышать процент трудоустройства выпускников ВУЗа выступает профориентация и

профинформирование школьников. Заранее зная о положении рынка труда, будущим студентам проще формировать свои представления о карьере, а также вероятности трудоустройства по специальности в рамках заданной территории.

Таким образом, в настоящее время действует развернутая система мер по оказанию содействия в трудоустройстве выпускников ВУЗа из числа инвалидов. Несмотря на положительную динамику, проблема не нашла своего полного решения. В связи с этим нами предлагаются следующие меры:

- создание единой базы резюме для соискателей с инвалидностью (региональной, всероссийской);

- создание мастерских на базе ВУЗов, СУЗов для развития профессиональных, творческих способностей студентов с инвалидностью;

- активизация деятельности комитета по делам молодежи;

- активное вовлечение студентов с инвалидностью в социальное проектирование и др.

Источники и литература

1) Панькова Е. Г. Современная практика и перспективы социальной защиты семей, имеющих детей-инвалидов, в Республике Мордовия / А. А. Доронина, Е. Г. Панькова // XLVII Огаревские чтения : материалы научной конференции. – Саранск : НИ МГУ им. Н. П. Огарева, 2019. – С. 85 – 87.

Егорова Татьяна Игоревна

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

Эксклюзия осужденных в местах лишения свободы (историческая ретроспектива и современные перспективы)

Наказания, связанные с лишением свободы, известны человечеству несколько тысячелетий.

На пространственно-временной индетерминантности личности был основан такой древнейший вид наказания как изгнание. Совершив первый грех, человек был проклят и изгнан из рая: «И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости делати землю, от неяже взятъ бысть. И изрину Адама, и всели его прямо рая сладости. . . » (Быт. 3:22-24). Также как Каин был изгнан Богом с лица земли «стеня и трясыйся будеши на земли» (Быт. 4:12) и на него была наложена печать (Быт. 4:15).

Очевидно, что данное скитальческое состояние, хотя бы и не было связано с нахождением в конкретном месте, лишало человека свободы, изолировало его на бессрочный период от общения с Богом или другими людьми. Свобода вне родового образования не давала уверенности физического выживания.

Осуществляя историческую ретроспективу, возможно заметить, что в системе восточнославянского судопроизводства также широко использовалось вневременное и внепространственное лишение свободы преступника. Виновного изгоняли из общины, создавая реальную опасность гибели при обитании вне племенного образования.

С увеличением плотности населения и развитием цивилизации изгнание как вид наказания перестал обладать достаточной суровостью. Мысли ученых все чаще обращались к возможности максимально эффективного конкретного пространственного ограничения виновного. Примечательной в этой связи представляется мысль итальянского ученого утописта Томмазо Кампанелло о возможности пожизненного поселения наиболее опасных преступников на необитаемом острове.

Термин «лишение свободы» появился намного позже, чем более ранние виды публичного принуждения. Современное понимание рассматриваемого наказания основывается на самодостаточности изоляции, обеспечивающей необходимый уровень безопасности и правопорядка в пенитенциарном учреждении.

Очевидно, что квинтесенцией опредмечивания принудительного воздействия являются места изоляции, в которых осужденные отбывают лишение свободы. Оборудование пенитенциарных учреждений представляется своеобразным культурологическим выражением условий охраны и надзора отбывания наказания. Наличие распорядка дня, одежды установленного образца и периодичность режимных мероприятий является обязательным для каждого осужденного. Все это порождает возникновение в пенитенциарном процессе определенной статической напряженности, которая характерна для длительной депривации.

В данных условиях нормативно урегулированной пенитенциарной культуре уважительного общения противопоставляется неофициальная субкультура. Ее специфика выражается в ценностно-нормативной и образовательной деформации культурологической среды пенитенциарного учреждения, разрушении и девальвации социальных ценностей и стереотипов поведения. Данные обстоятельства порождают естественное недоверие между сообществом осужденных и правопослушной частью населения [1, с. 85].

Ограниченный круг общения и постоянное пребывание в коллективе способны вызвать у осужденных разочарование в жизни и фрустрацию. Условия депривации являются решающими при сохранении и поддержании развития криминальной субкультуры в обстановке изоляции. Помимо этого дополнительным стрессовым фактором является вынужденная коммуникация лиц, обладающих низким опытом позитивной социализации, несформированными нравственными установками и нарушениями психической деятельности.

Тесная взаимосвязь между преступностью, с одной стороны, и наркоманией, проституцией, бродяжничеством, с другой стороны, порождают психосоциальные отклонения, характерные для ряда признаков личностей их носителей. Деформированные идеи, нормы, ценности и поведение находят выражение в криминальных традициях и обычаях, жаргоне и татуировках, дальнейшем противоправном образе жизни.

С другой стороны, лишение свободы обладает потенциалом специфического психологического давления, обеспечивает возможность справедливой депривации с помощью принуждения ценных или единственно значимых для личности интересов, которыми он пользовался до своего осуждения.

Таким образом, свобода личности подразумевает не только ее физическую, социальную или экономическую независимость. Данное понятие охватывает также возможность самостоятельного обеспечения внутреннего психологического комфорта. Пребывание в местах лишения свободы является для многих осужденных шоковой ситуацией.

В этой связи цивилизационно обоснованным является запрос общества на достижение с помощью лишения свободы социально одобряемого результата, выраженного в исправлении осужденного и предупреждении совершения новых преступлений. Непосредственное пенитенциарное воздействие, осуществляемое в условиях изоляции, должно обеспечить снижение неблагоприятных последствий пенитенциарной социализации и депривации осужденных, которые являются неизбежным следствием ограничения прав и свобод осужденного, находящегося в изоляции от общества в связи с совершением им преступления.

Источники и литература

1) Степанова Е.А., Ефлова М.Ю. Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России // Власть. 2012. № 2. С. 85-89.

Елистратова Ксения Александровна

ГБОУ Лицей 101, Санкт-Петербург, Россия

Современная школа: кросс - многомерная реальность

Особенности образовательной деятельности в настоящее время во многом определяются характером и направленностью изменений в экономике, социальных отношениях, стратегическими установками на технологический прорыв, задаются приоритетами государственной образовательной политики.

В последние полтора десятилетия сложилась новая образовательная ситуация, меняются статус и роль образования в социально-экономических процессах, возвышении потребностей и повышении качества жизни людей.

В данной ситуации образовательная деятельность, усилия профессионально-педагогического сообщества носят полифункциональный, все более усложняющийся характер и, по сути, являются откликом на изменение пространства этой деятельности. Испытывая на себя весь спектр внешних воздействий, интегрируя и преломляя их, общеобразовательная школа существенным образом переформатирует свою деятельность, все больше ориентируется на поиск дополнительных возможностей повышения эффективности образовательной деятельности. При этом, нередко, возникает ситуация, когда темпы приращения ее потенциала опережают развитие организационных структур, педагогической системы, когда возможности управления не совпадают со сложностью формируемых динамических образовательно - воспитательных систем [1] .

Весь комплекс задач и вызовов, стоящих перед современной школой, обусловливает необходимость постановки и решения такой важной научной проблемы как проблема инновациионного обновления образовательной деятельности в условиях кросс-многомерной среды. Под кросс-многомерной средой мы понимаем сложную систему, образующуюся в результате пересечения, наложения, взаимодействия целого ряда пространств и сред (экономическая, социальная, инновационная, технологическая, культурно-историческая, этнокультурная, предметно-пространственная, производственно-профессиональная среды; гуманитарное, географическое, библио-медийное, сетевое, концептуально-парадигмальное, аксиологическое, семантическое, ноосферное, событийное пространства), позволяющую усиливать педагогический потенциал образовательной среды, задействовать в воспитательных и образовательных целях дополнительные ресурсы и возможности.

В этой связи следует отметить то, что в практике воспитания и социально - педагогической работы учитывается социокультурный контекст

образования [2] и межпоколенческий диалог; в событийных практиках задействуется потенциал всех субъектов образовательных отношений; в целях решения здоровьесберегающих задач используется предметно-пространственная среда, а для формирования современного мировоззрения школьников, их общения с глобальным миром - цифровое пространство.

Значительные усилия в последние годы предпринимаются в плане определения количественных параметров качества образовательной среды школы, дошкольного учреждения [4; 5]. Разработан и используется ряд международных инструментов: комплексная оценка качества образования в дошкольных образовательных организациях на основе шкал ECERS-R; исследование образовательной среды школы на основе шкал SACERS.

Андреас Шляйхер (2018) отмечает, что «эффективно организованная учебная среда позволяет находить новые пути укрепления профессионального, социального и культурного капитала общества [3].

Кросс - многомерная среда, как и любое средовое явление, может быть с той или иной степенью объективности и точности описано с помощью соответствующей критериальной системы [6]. Признаками и свойствами такой среды являются *альтернативность, модальность, когерентность, динамичность.*

В результате пересечения различных пространств и сред возможны и, достаточно часто, имеют место ситуации: капсулизации; искусственной изоляции каналов, которые могут питать друг друга и логично дополнять друг друга; кокафоничности звучания; экспансии, в результате чего, например, может происходить девальвация, размывание традиционных ценностей; непреднамеренного получения микс-образований из некоррелируемых составляющих.

Теоретический анализ и обобщение заявленной проблемы позволяет заключить, что в результате многочисленных взаимодействий и пересечений различных сред с их специфическими признаками и свойствами могут иметь место такие явления и последствия, значимые для современной инновационной школы, как: а) открытость и трансграничность взаимодействия; б) трансфер образовательных стратегий, взаимодействие и экспансия педагогических культур (полагаем, что могут быть такие типы взаимодействия, как заимствованно - адаптивный; паритетно - диалоговый; взаимодействие, ориентированное на сохранение индивидуальной уникальности); в) возрастание гетерогенности образовательной среды, ее сложности и альтернативности; г) усложнение оценивания, нормирования, регулирования, управления; д) использование сомнительных доминант и установок, ложных концепций.

Использование феномена кросс-многомерной среды школы в качестве фактора инновационного обновления образовательной деятельности, с практической точки зрения, важно в условиях полномасштабного перехода общего образования на компетентностную модель, когда особую значимость приобретает метапредметный потенциал личности обучающегося, выпускника школы, гармоничное взаимодействие всех участников образовательного процесса, выход образовательного процесса за рамки чисто школьного пространства.

Источники и литература

1) Касаткин А.А. Динамика социокультурной среды как фактор формирования личности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - 2011. - № 4. - С. 130-132.
2) Кривых С.В. Соотношение понятий «среда» и «пространство» в социокультурном и образовательном аспектах // Мир науки, культуры, образования. – 2011, - № 2 (27). – С. 106-111.
3) Образование мирового уровня. Как выстроить школьную систему XXI века?: пер. с англ. / Андреас Шляйхер. - М.: Издательство "Национальное образование", 2018. - 328 с. (Антология образования).
4) Перетягина Н.Н. Социокультурная среда образования: предпосылки моделирования, модель // ИСОМ. - 2011. - № 5. - С. 103-111.
5) Система оценки качества образования: мировая практика и российский опыт: монография / Под общей редакцией Ю.Б. Рубина. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2016. - 528 с.
6) Цирульников А.М. Феномены и культурные практики: формальное и неформальное образование в контексте социокультурного подхода // Вопросы образования. – 2016. – № 3. – С. 260-274.

Епархина Ольга Валерьевна

ЯГПУ им К.Д.Ушинского, Ярославль, Россия

Социальные конфликты на террритории: возможности взаимодействия

В настоящее время крайне актуальной для российских регинов является проблема территориального развития. Основными негативными

тенденциями в данной сфере являются: массовый отток молодежи в более благополучные регионы, падение качества социальной и технической инфраструктуры, межэлитные и вутриэлитныые конфликты, низкий уровень интеграции социальных групп и согласования их интересов, падение качества человеческого потенциала территории, снижение уровня жизни и качества жизни населения. В этих условиях одним способов гармонизации социальных отношений в рамках отдельно взятой территории могут стать различные проекты, связаннные с развитием ее образовательного, и, как следствие, социокультурного и технологического потенциала. Стратегия развития непрерывного образования на территории, осуществляемая местными органами власти на системной основе и комплексно, способна создать новые коммуникационные площадки для согласования интересов групп, включить в процесс развития территории работодателей и различные виды элит в качестве активных соучастников интеграционногог процесса, развить системы социальной коммуникации между группами, оптимизировать инфраструктуру. В частности, такие проекты в настоящее время реализуются в ходе деятельности ЯГПУ им К.Д.Ушинского. Модель устойчивого развития терриитории внедряется на территориии Ярославской области на базе реализации схем непрерывного образования. Для реализации такой модели, однако, необходимо постоянное социологическое сопровождение в мониторинговом формате, который позволяет отследить: факторы риска развития человеческогог потенциалоа территории, потенциальные зоны развитяи конфлиткта интересов, "серые зоны" конфликта, индикаторы охвата различных групп населения проектными технологиями , качественные изменения социальной , в т.ч. образовательной инфраструктуры терриьоториии, сппособные спровоцировать конфликтные взаимодействия.

***Ермаков Дмитрий Сергеевич*[1]*, Ермаков Александр Сергеевич*[2]**
1 - Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация; 2 - МГУ им М. В. Ломоносова, Биологический Факультет, Москва, Россия

Проблемы реализации государственной политики в сфере образования для устойчивого развития

Устойчивое развитие (УР) - не только самостоятельная цель, но и наилучший из имеющихся в распоряжении международного сообщества

инструментов разрешения многочисленных конфликтов, предупреждения возникновения разнообразных проблем. Для достижения Целей УР (ЦУР) необходимы совместные усилия правительств, бизнеса, гражданского общества и всех жителей Земли [1].

Одним из важнейших механизмов реализации УР является образование. Нами обобщены данные Национальных докладов по реализации Стратегии Европейской Экономической Комиссии Организации Объединённых Наций (ЕЭК ООН) для образования в интересах устойчивого развития (ОУР) за 2007, 2010 и 2015 гг. [2]. В целом лидируют Швеция, Словения, Финляндия, Нидерланды, Германия, Австрия, Польша, Кипр, Бельгия, Латвия, Хорватия - 2 и более баллов (по 3-балльной шкале: 0 - деятельность не начата; 1 - осуществляется; 2 - развивается; 3 - завершена).

Национальные доклады свидетельствуют о том [3], что за первоначальный период осуществления Стратегии государства-члены создали основу, необходимую для продвижения ОУР, учредив координационные центры (84 %) и органы (72 %), приняв национальные планы (71 %). 89 % отчитавшихся стран рассматривают образование в качестве составной части политики и планирования по вопросам УР, более 90 % отражают ОУР в документах по вопросам политики в области образования, 74 % включили положения об ОУР в законодательные и подзаконные акты. Многие (76 %) выделяют средства из государственного бюджета, а также предоставляют экономические льготы в поддержку ОУР. Практически везде в сфере формального образования основные темы УР включены в учебные планы (97 %), используются соответствующие педагогические подходы (95%), в том числе общеучрежденческий подход (71 %), который рассматривается в качестве высокоэффективного. Сотрудничество по вопросам ОУР в значительной мере осуществляется в рамках сетевых сообществ, в которые входят занимающиеся проблематикой ОУР управляющие органы и практические работники. Роль педагогов имеет определяющее значение для осуществления ОУР, которое включено в программу педагогического образования почти в 90 % отчитавшихся государств.

Поскольку Российской Федерацией не были представлены полные национальные доклады, в 2019 г. нами проведён опрос экспертов - членов Научного совета по проблемам экологического образования Российской академии образования, специалистов в области ОУР (27 чел., из них д-р наук, проф. - 48 % (в том числе академик РАО - 1; чл.-корр. РАН - 1), канд. наук, доц. - 48 %; средний педагогический стаж: всего - 30,7 лет, в области ОУР - 16,9 лет). В целом для Российской Федерации по

состоянию на 2019 г. отмечается незначительный прогресс. Экспертная оценка составляет по указанной выше шкале 0,7 (деятельность начата; хотя дисперсия оценок у разных экспертов велика - от 0,22 до 0,59), что выше, чем в 2011 г. (0,5), но ниже, нежели в 2014 гг. (1,0) [4].

В числе затруднений эксперты отмечают: общее неустойчивое положение в стране; отсутствие необходимой нормативно-правовой, законодательной базы для реализации УР и ОУР, соответствующих государственных требований, государственного заказа на разработку и реализацию модели УР в образовании, внятной государственной политики, достойного финансирования, интереса со стороны бизнеса; нет единого координирующего центра; не ведётся разработка оценочных средств прогресса в области УР и ОУР на государственном уровне; незнание и непонимание смысла ОУР как системообразующей идеи лицами, принимающими решения в сфере образования, субъектами образовательных отношений; отсутствие широкой информации об этом и, как следствие, отсутствие интереса к ней; идея ОУР потеряла свою актуальность. Практика и содержательное наполнение реальной педагогической деятельности изменяются значительно медленнее и отстают как от технологических реалий мира, так и от передовых стран.

В целях повышения эффективности внедрения ОУР в систему образования Российской Федерации предлагаются: разработка Закона об ОУР; нормативно-методическое обеспечение процесса внедрения ОУР (принятие на федеральном или, как минимум, региональном уровне соответствующих положений); объявление 2020-2030 гг. Десятилетием устойчивого развития в России; создание движения «Города устойчивого развития», в рамках которого ОУР будет одним из ключевых направлений; реализация целевого федерального проекта «Образование в интересах устойчивого развития» в рамках национального проекта «Образование»; система федеральных экспериментальных площадок; включение ОУР в систему приоритетов развития региональных систем образования; включение индикаторов качества ОУР в систему показателей эффективности работы образовательных организаций; введение предмета по ОУР в программу школьного образования; создание системы «зелёных» школ и региональных экологических центров со специализацией в области УР и ОУР; научные разработки; издание учебной литературы.

В числе решений, сформулированных (при участии авторов) участниками секции «Система и инфраструктура образования: вектор на устойчивость» Форума устойчивого развития «Общее будущее» (2019 г.) [5]: создать рабочую группу по УР при советнике Президента Российской Федерации, специальном представителе Президента Российской Федера-

ции по вопросам климата; разработать Декларацию учебных заведений России о присоединении к ОУР; организовать федеральный конкурс «Регионы России - Цели устойчивого развития»; поддержать создание программ «Школьные лидеры ЦУР» и «Дети - послы ЦУР», «Университетские лидеры ЦУР»; поддержать инициативу о создании положения о присвоении звания «Амбассадор ЦУР» в Российской Федерации под эгидой Российской ассоциации содействия (РАС) ООН; создать проектный офис PRO@ЦУР с методическим и операционным центром на платформе РАС ООН.

Российской Федерации необходимо обеспечить эффективное взаимодействие государства, бизнеса, науки и общественности в поиске и реализации подходов к построению процветающего общего будущего.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00722 «Образование для устойчивого развития в действии»).

Источники и литература

1) Transforming our world: the 2030 Agenda for sustainable development. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp ?symbol= A/RES/70/ 1&Lang=E.
2) National implementation reports. URL: http://www.unece.org/env /esd/implementation.html.
3) Learning from each other: achievements, challenges and ways forward : third evaluation report of the UNECE Strategy for education for sustainable development. URL: http://www.unece.org/fileadmin/D AM/env/esd/11thMeetSC/Documents/1521609E.pdf.
4) Ермаков Д. С. Готовность педагогов к реализации образования для устойчивого развития // Педагогическое образование в России. 2016. № 2. С. 30–36.
5) Форум устойчивого развития «Общее будущее». URL: https://обще ебудущее.рф.

Ермакова Екатерина Александровна

ФГБУН Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

Проблема социальной эксклюзии людей пожилого возраста в непрерывном образовании

Увеличение продолжительности жизни и старение возрастной структуры населения - главная мировая демографическая тенденция, которая наблюдается в России. К началу 2018 года в России проживало 146,88 млн. человек. Из них 31,22 млн. (21,3%) граждан старше 60 лет. В социальной структуре российского общества за десять последних лет доля старшей возрастной страты увеличилась на 10%. Данная тенденция рассматривается современными учеными как достижение человеческой цивилизации т.к. увеличение доли представителей старшего поколения в обществе связывается с развитием медицины, улучшением социально-экономических условий жизни и деятельности [2].

Современные пожилые люди существенно отличаются от своих сверстников, живших два десятилетия назад. Они образуют качественно иной социальный слой, для которого характерны повышенные требования к своему социальному статусу, условиям реализации прав и свобод.

В современных условиях положение пожилых людей усложняется во всех сферах общественной жизни. Образование является базой для дальнейшего благополучия, улучшения качества жизни, поэтому особую важность приобретает готовность пожилых людей к обучению на протяжении всей жизни. Однако закрытость современной образовательной среды не способствует их интеграции в изменяющееся общество. Елютина М.Э. и Чеканова Э.Е. констатируют: «Современная образовательная ситуация остается закрытой для людей пожилого возраста, а общество либо негативно настроено в отношении их особых образовательных потребностей, либо индифферентно» [1].

На сегодняшний день система образования пожилых людей в России развита недостаточно, о чем свидетельствует малая доля представителей «третьего возраста», включенных в систему непрерывного образования. В нем участвует всего лишь 8% населения в возрасте 55-64 года.

В качестве основных причин неучастия в формальном и неформальном образовании представителей третьего возраста выделяют несформированные потребности и отсутствие осознанной необходимости в дальнейшем обучении, а также эйджизм в отношении пожилых людей, существующий в российском обществе. В массовом сознании и молодого, и старшего поколения старость ассоциируется с периодом исключения стариков из образовательного пространства как поддающихся обучению, имеющих дефицит времени для ответных компенсаторных действий, но не имеющих никакой социальной цели, кроме работы по дому и воспитанию внуков. Под влиянием общественных негативных стереотипов у представителей пожилого возраста формируется представление о себе

как «неперспективной» и «бесполезной» для общества категории людей, которой учиться ни к чему.

В ходе научного исследования реального экономического потенциала представителей третьего возраста, проводившегося в 2016 году на территории регионов ЦФО под руководством Потехиной И. П. и Чижова Д. В., было выявлено противоречие между высокой степенью способности к обучению и низким уровнем готовности и желания учиться. 69% респондентов отмечают свою способность приобретать новые знания и умения. Противоположной позиции придерживаются 22%. В то же время 68% пожилых людей не готовы этим заниматься. Лишь 23% респондентов утвердительно ответили на этот вопрос, а 7% уже занимаются на курсах обучения и самообразования.

Основная проблема обучения представителей пожилого возраста заключается в том, что образовательные курсы, которые связаны с хобби или направлены на расширение коммуникационных возможностей являются более предпочтительными, чем курсы, имеющие профессиональную направленность. Исследователи предположили, что ключевым фактором отказа от продолжения образования стало непонимание респондентами сферы его применения. Таким образом, образовательная система должна приспосабливаться к появлению пожилых студентов, предлагать различные обучающие программы, которые будут отвечать новым вызовам современного общества, с которыми сталкиваются люди «третьего возраста» [3, с.16].

Образование пожилых людей способно решить проблему социальной адаптации. Специальные программы формального и неформального образования направлены на обучение различным навыкам, которые необходимы в повседневной жизни, благоприятно влияют на здоровье, а также оказывают воздействие на адаптивные способности представителей третьего возраста, создают благоприятные условия принятия пожилыми людьми социальных изменений, процесса старения и состояния старости.

Источники и литература

1) Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества // Социс. 2003. №7.

2) Ермакова Е.А., Петрова Н.Г. Понятие «Геронтологический эйджизм» и его эвристические возможности для социологов //В сборнике: Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении материалы V Всероссийской научно-

практической конференции с международным участием. Брянск: БГТУ, 2019. С. 154-159.

3) Потехина И. П., Чижов Д. В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 3—23.

Зарубина Наталья Николаевна

Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия

Непреднамеренные социокультурные последствия цифровизации: новое качество формальной рационализации, риски десоциализации и дегуманизации

1. В социокультурном плане цифровизацию можно рассматривать в контексте процессов формальной рационализации, которая, согласно М. Веберу, представляет собой упорядочивание действий людей на основе их подчинения формальным принципам — законам, правилам, и которая происходит в сферах управления, права, денежной экономики, отчасти науки. Известно, что Вебер подчеркивал ее противоречия другим типам рационализации, из-за чего ее стали называть «иррациональной рациональностью». Непреднамеренными последствиями цифровизации как формальной рационализации становятся риски десоциализации и дегуманизации, обусловленные не просто заменой живого общения виртуальным, а самим характером цифровых взаимодействий.

2. Отличие цифровизации как формальной рационализации от ее классического веберовского понимания состоит в том, что она 1) принимает принудительный характер вследствие безальтернативности использования цифровых устройств в целом ряде форм социальных взаимодействий, где уже невозможна деформализация правил, а доступность взаимодействия определяется наличием цифровых компетенций и соответствующих устройств; 2) использование цифровой инфрастркутуры социальных взаимодействий основывается на, как правило, не рефлексируемом участниками, действии принципов и правил. От человека уже не требуется сознательная мотивация и контроль действий, что, согласно методологии М. Вебера, лишает его действия статуса социальных [1, с. 83-84]. Так, если в «реальных» играх участники мотивированы сами контролировать соблюдение правил, невольные или сознательные их

нарушения, то в компьютерных играх правила являются встроенными нерефлексируемыми алгоритмами; 3) в цифровых взаимодействиях люди меньше задумываются о соблюдении этических норм, чем в реальных, как вследствие их большей обезличенности, так и возможности переложить ответственность за собственное поведение на внешних регуляторов, например, модераторов сообществ [2, с. 37].

Цифровиация порождает противоречивость поведения людей: принудительная формальная рациональность цифровых устройств, опосредующих взаимодействия, сопровождается ростом иррациональности и даже десоциализации повседневного поведения.

3. Сообщества, создаваемые на основе цифровых посредников, имеют свободный вход и выход, со стороны самих участников не предполагают ни нравственной, ни эмоциональной вовлеченности, ни общности взглядов и целей, ни усилий для того, чтобы соответствовать требованиям к уровню общения. В цифровых сообществах, при внешней свободе самовыражения, отсутствует персонификация и идентификация участников (проблемой является распознавание роботов, имитирующих человеческое общение). Выстраивание горизонтальных сетевых связей приводит к распаду иерархий, авторитет и лидерство определяются по формальным показателям популярности (количество подписчиков и т.п.), а не реальным достижениям и качествам.

4. Достижения цифровых технологий в различных областях, вплоть до создания искусственного интеллекта, можно рассматривать как готовность переложить на цифровые машины и формальные алгоритмы принятие решений в различных областях профессиональной и повседневной жизни, управления и образования, и даже творчества. У людей пропала необходимость запоминать, логически обрабатывать информацию. Педагоги констатируют распространение среди молодежи таких явлений, как «эффект Googl» и «цифровое слабоумие» («digital dementia»), связанных с возможностью быстро находить нужное, не прилагая усилий для самостоятельного освоения материала, осмысления и претворения доступной информации в собственные знания и квалификацию [3, с. 308-311]. Цифровые устройства в повседневной жизни подменяют человеческие компетенции, открывая новые возможности (переводить тексты, не зная языка, и т.п.), но, в то же время, провоцируют обеднение интеллектуальных и культурных навыков людей. Поисковые машины, подбирающие информацию формально в соответствии с типичными запросами, постепенно формируют ограниченную и фрагментированную картину мира при отсутствии смысловых доминант для ее упорядочивания и рационализации.

5. Цифровые устройства создают небывалые ранее условия для познавательной, профессиональной, повседневной деятельности. Непреднамеренный эффект дегуманизации состоит в том, что, при колоссальной памяти и скорости обработки информации, они анализируют ее лишь на основе формальных алгоритмов, в основе их действия лежит сведение многообразия оценок социального и природного мира к количественным показателям, им недоступно эмоциональное, интуитивное восприятие, вследствие чего неформализуемые измерения социальных практик на массовом уровне утрачиваются. Цифровые машины могут адаптироваться к изменениям и генерировать инновации лишь на основе формального анализа прошлого опыта, а не творческого вдохновения. Поэтому именно «человеческое», т.е. иррациональное, интуитивное, становится особенно ценным в «цифровую эпоху», но уже как достояние профессиональных элит, в то время как массовые уровни взаимодействий все больше дегуманизируются.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

Источники и литература

1) Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология. 445 с.

2) Солдатова Г.У., Рассказова Е.И, Чигарькова С.В., Львова Е.Н. Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 374-379.

3) Орлова Л.В. Интеллектуальная пассивность и цифровое слабоумие // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. С. 308-310.

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна[1], Васильева Елена Игоревна[2], Никитина Алена Сергеевна[3]

1 - Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Екатеринбург, Российская Федерация; 2 - Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Екатеринбург, Россия; 3 - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Институты государственной поддержки молодых соотечественников за рубежом

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760.

Соотечественники - это колоссальный резерв для страны, резерв ее международного влияния и авторитета, сохранения и развития русской культуры и языка. Согласно российскому законодательству, соотечественники, проживающие за рубежом, вправе полагаться на поддержку Российской Федерации в осуществлении своих гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав, сохранении самобытности.

Сегодня появляется все больше научных исследований, посвященных вопросам реализации государственной политики поддержки молодых соотечественников за рубежом. Методологический инструментарий управления политикой в отношении соотечественников за рубежом, а также вопросы результативности и эффективности анализируемой политики рассмотрены в трудах С.В. Рязанцева [1, с. 84]. Вопросы социально-экономического сотрудничества с соотечественниками за рубежом были рассмотрены в трудах Д.В. Петухова [2, с. 200]. В работах Р.Р. Гиматдинова и И.Р. Насырова [3, с. 95] исследуется взаимодействие с соотечественниками в Татарстане. Проблемы реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом легли в основу научных трудов таких авторов, как В.И. Тарханова [4, с. 107], В.И. Филиппов [5, с. 46] и др.

Цель исследования - анализ содержания, механизмов и инструментов государственной политики поддержки соотечественников за рубежом, выявление современных тенденций и актуальных вопросов поддержки молодых соотечественников, изучение зарубежного опыта в сфере молодежной политики.

Соотечественники вправе рассчитывать на поддержку Российской Федерации:

в обеспечении своих основных свобод и гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и иных прав, предусмотренных международными пактами о правах человека;

в своих действиях, направленных против случаев дискриминации по признакам расы, пола, языка, религии, политических или иных убежде-

ний, национального или социального происхождения, принадлежности к соотечественникам, имущественного положения или любого другого обстоятельства;

в обеспечении своего права на равенство перед законом [6, ст. 15].

Российская Федерация и её субъекты также содействуют добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию [7, ст. 3]. Реализация Программы началась со второй половины 2007 года в 12 пилотных регионах России, сейчас программа реализуется в 54 регионах страны. Наиболее популярные субъекты РФ для переселенцев - Центральный федеральный округ (39% переселенцев), Сибирский федеральный округ (21%), Северо-западный федеральный округ (11%) [8, с. 82]. На сегодняшний день по Программе переселилось 320,5 тыс. человек.

На федеральном уровне поддержкой молодых соотечественников за рубежом активно занимается Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) и подведомственное ему федеральное учреждение «Международный молодежный центр». Нами был проведен экспертный опрос представителей данных организаций. В качестве экспертов в исследовании приняли участие:

Иванов Дмитрий Валентинович - начальник отдела международной деятельности Управления молодежных проектов и программ Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь),

Соколова Дина Александровна - заместитель директора ФГБУ «Международный молодежный центр» (подведомственное учреждение Росмолодежи). Ответы экспертов на некоторые вопросы интервью.

Иванов Д.В.: «Росмолодежь представлена в организациях объединенных наций, есть такой инструментарий как молодежный форум международного социально-экономического Совета ООН, проведение ежегодного форума молодежного социально-экономического совета ООН... У нас есть сложившиеся, устойчивые партнерские связи с нашими коллегами из Совета Европы, мы представлены на площадках БРИКС и ШОС... Одним из приоритетов международного сотрудничества является наши контакты и наше взаимодействие со странами СНГ... У нас есть такой формат взаимодействия как проведение ежегодного Форума ООН - государств-участников СНГ... С нашими немецкими партнерами у нас выстроены пожалуй одни из самых системных связей... У нас есть координационное бюро по взаимодействию с Японией».

Соколова Д.А.: «С 2012 года наш центр официально осуществляет полномочия российского координационного бюро по молодежным обменам с Германией. С 2015 года мы также участвуем в развитии Российско-Японского молодежного сотрудничества».

Иванов Д.В.: «Важно изучать историю успеха соотечественников, которые проживают за рубежом, их с вязь с Россией, как они могут помогать России, как мы можем помогать им».

На вопрос «В какой поддержке, на Ваш взгляд, нуждаются наши соотечественники, в том числе молодежь, проживающие за рубежом?» Иванов Д.В. ответил так: «Сейчас основная идея - создание международной сети соотечественников... Коммуникационная сеть, - это и соц. сеть и портал, где может их и МИД поддерживать, и консульства, паспортно-визовые вопросы решать, рос молодежь с точки зрения подключения их к нашим мероприятиям. Поэтому создание этой молодежной сети - это будет основной проект, итог нашего форума Балтийский Артек».

Таким образом, на основе экспертных оценок можно сделать вывод об усилении государственной поддержки молодых соотечественников за рубежом в последние годы. Наиболее активно развивается международное сотрудничество со странами СНГ, а также с Германией и Японией.

Источники и литература

1) Рязанцев С.В. Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 84-94.

2) Петухов Д.В. Социальное и экономическое сотрудничество России с соотечественниками за рубежом // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 1(53). С. 197-202.

3) Гиматдинов Р.Р., Насыров И.Р. Взаимодействие с соотечественниками на уровне российских регионов: опыт Татарстана // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 3(42). С. 94-102.

4) Тарханова Э.И. Эволюция и основные направления оптимизации политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом // Вопросы политологии. 2016. № 4(24). С. 106-123.

5) Филиппов В.И. Формирование государственной политики России в отношении соотечественников за рубежом // Власть. 2010. № 12. С. 46-49.

6) О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2019).

7) О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»): Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2019).

8) Прудников А.С., Яковлев В.А. О некоторых проблемах реализации программы добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 81-83.

Иванов Олег Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Социальная эксклюзия российской NEET молодежи: добровольная и (или) вынужденная?

К концу 2018 года в России проживали около 14 млн россиян в возрасте от 15 до 24 лет, из них чуть более 10,2% (1,4 млн) не учились, не работали и не осваивали каких-либо профессиональных навыков. Этих молодых людей принято относить к NEET молодежи, то есть к молодежи вне занятости и образования. Для нее характерны такие основные виды эксклюзии: эксклюзия по полу; эксклюзия по возрасту; образовательная эксклюзия; эксклюзия по здоровью; эксклюзия по социальному положению семьи; эксклюзия по сложившимся социальным интересам. Одни группы NEET молодежи в полной мере не вошли в общественную жизнь по объективным причинам, а другие сами к этому и не стремятся. И, конечно, пути к социальной инклюзии у разных групп NEET молодежи различны. В процессе самоопределения в общественной жизни человек часто оказывается в ситуациях требующих осуществить выбор одного из многих вариантов поведения. Эти ситуации в синергетике получили название "точка бифуркации". Точка «социальной бифуркации» российской NEET молодежи - это ее переходное состояние от временного, промежуточного социального статуса к статусу относительно постоянному и устойчивому, статусу, на котором молодой человек будет способен выполнять на социально приемлемом уровне основные социальные

роли и функции. Точка бифуркации современной российской NEETмолодежи характеризуется ее неустойчивым статусом, неопределенностью возможностей определения главной жизненной траектории, необходимостью выбора одной из нескольких траекторий. Можно продолжать обучение, можно выбрать сферу занятости и начать в ней профессиональное образование или просто приступить к работе и можно совмещать учебу с работой, а можно не стремясь к учебе или работе просто жить в свое удовольствие. Один из важнейших вопросов: сколько времени молодой человек находится в точке бифуркации и сможет ли он сам выйти из нее или ему нужна помощь извне. Выход из точки бифуркации и времени нахождения в ней зависит от целого ряда факторов: объективных (место проживания, семейный статус, ежемесячный доход семьи, отношения с родителями и другие факторы) и субъективных (ценностей, ценностных ориентаций, установок, предпочтений и т.д.). Важнейший теоретический и практический вопрос : на какой основе лучше всего осуществлять выход из точки бифуркации и осуществлять процесс социальной инклюзии. Полагаем, что предпочтительнее это делать на основе имеющихся у молодых людей систем потребностей, способностей и готовностей выполнять образовательную и трудовую деятельности, даже если они недостаточно развиты [1].

На наш взгляд, можно выделить две стратегии выхода поколения NEET молодежи из точки бифуркации. Первая (ускоренная) может проводиться самими молодыми людьми и агентами формирования их потенциала (образовательными организациями, трудовыми коллективами и др.) на основе использования уже развитых систем потребностей, способностей и готовностей молодых людей выполнять образовательную и трудовую деятельности. Вторая (догоняющая) предполагает параллельно-последовательное формирование и использование систем потребностей, способностей и готовностей выполнять образовательную и трудовую деятельности.

Основной предпосылкой выхода из точки бифуркации NEET поколения является наличие и зрелость систем потребностей, способностей и готовностей молодых людей включиться в процессы выполнения общественно-необходимых деятельностей, прежде всего образовательной и трудовой, выполнять основные социальные роли, функции. Поэтому формирование систем потребностей, способностей и готовностей молодого поколения выполнять общественно необходимые деятельности можно рассматривать как один из основных способов сокращения социальной эксклюзии. В формирование указанных систем можно вовлечь родителей, круг ближайших знакомых, образовательные организации, трудо-

вые коллективы и др. Также следует стремиться к созданию благоприятной институциональной среды для реализации сформированного человеческого потенциала молодых людей. На наш взгляд, создание комплекса таких взаимосвязанных условий может стать реальной основой социальной инклюзии современной российской молодежи, находящейся вне занятости и образования.

Тезисы подготовлены в рамках проекта 19-010-00404А «Капитализация человеческого потенциала современной российской молодежи, находящейся вне занятости и образования», поддержанного РФФИ

Источники и литература

1) Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2013.336 с

Иванова Татьяна Николаевна
Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Концептуализация экосоциализации населения как медиационный компонент социально-экономического развития региона

Социологический анализ социо-эколого-экономических проблем рассматривается через изучение важнейших структурных элементов положительных социально-экономических стратегий региона.

Экосистемный подход интерпретирует особенности конструирования новой региональной модели, опираясь на эмпирические параметры концептуализации данного явления, включая главные социальные, экономические и экологические компоненты, способствующие успешной экосоциализации населения.

В процессе социологического анализа выяснено, что управление региона в инновационных условиях возможно на основе кластерного подхода формирования и развития социо-эколого-экономической системы региона.

Прикладная значимость данного исследования и реализации концептуализации заключается в возможности сформировать методологическую базу социологического исследования в контексте анализа инновационной концептуальной модели социо-эколого-экономического развития региона. Согласно этой концепции, выделяются социо-эколого-эко-

номические аспекты инновационного проектирования системы координации действий государственных и социально-экономических региональных структур по развитию Самарского региона как экорегиона.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о важности структурирования и развития теории кластеризации экорегиона, как методологического обоснования и главной категории теории экосистемного подхода в развитии пространства Самарского региона. Целесообразно активизировать и пролонгировать социологические исследования по вопросам изучения экорегиона, с учетом применения целевого сценарного развития региона в рамках комплексного, экосистемного, экологического, экономического, институционального и структурно-функционального подходов. Экологические нормативы направлены на результативное потребление природного потенциала, снижение ущерба окружающего пространства в процессе медиационной деятельности общества.

Концептуализация экосоциализации населения должна опираться на следующие ориентиры: в экономике региона необходимо развивать и внедрять новые методы и технологии, которые снизят потребление природных ресурсов и усилят стимулы для производства экологически чистой продукции; инновационные технологии и методы будут ориентированы на соблюдение экологических нормативов; сегодня предприятия машиностроительной промышленности, энергетической, нефтехимической, расположенные в Самарской области производят стоки в водоемы и реки; рост производства в этих отраслях приводит к повышению экологической нагрузки территорий; социологическая оценка экономической деятельности предприятий должна принимать во внимание возможность возобновления природных ресурсов, количественные характеристики негативного воздействия на окружающую среду. Этот подход позволяет раскрыть критерии экологического баланса, а также корректировать содержание критериев экономического подъема. Использование природного потенциала в процессе производства должно быть подчинено экологическим нормативам. Распределение предприятий на определенных территориях должно учитывать ресурсные затраты. Для реализации принципов устойчивого развития необходимо повышать уровень экологической культуры населения, который в многом зависит от уровня и качества экологического просвещения.

Формирование экосознания и ответственности за сохранение окружающей среды должно стать частью новой идеологии региона. Необходимо экологически воспитывать не только взрослое населе-

ние, но детей и подростков, так как в будущем именно они ответственны за сохранение природных комплексов.

Бережное отношение к природе, как внутренняя потребность людей и экологические знания должны превратиться в убеждения и активную жизненную позицию каждого россиянина.

В связи с этим, следует обратить особое внимание на эффективное использование возможностей экологического образования и просвещения людей для совершенствования концептуализации экосоциализации населения как медиационного компонента социально-экономического развития и управления Самарского региона.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона»

Источники и литература

1) Алферова Т.В., Третьякова Е.А. Устойчивое развитие социально-экономических систем: теоретические аспекты. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013. 168 с.

2) Башлакова О. И. Проблемы экологической безопасности России // Вестник МГИМО- университета. 2015. №3 (42). С.112-121. URL:http ://elibrary.ru/item.asp?id=23676373 (Дата обращения: 06.08.2018).

3) Бортникова С.А. Формирование экологической культуры подростков в индивидуально-ориентированных ситуациях // Мир образования - образование в мире. 2007. № 4. С.288 - 296.

4) Дорошко О.М. Современные подходы к определению понятия «экологическая культура» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №9. С.51. URL: http:// http://elibrary.ru/item.asp?id=18070977 (Дата обращения: 15.02.2017.) (7)

Игнатович Антон Евгеньевич

Могилёвский институт МВД Республики Беларусь, Могилёв, Республика Беларусь

Положение британских мусульман в контексте государственно-религиозных отношений

После терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и 7 июля 2005 г. в Лондоне в принимающем обществе выходцы из стран традиционного

распространения ислама стали маркироваться принимающим обществом именно как «мусульмане» и ассоциироваться как потенциальная угроза. В этой связи важна позиция государства, на которое возлагается ответственность за гармонизацию этих взаимоотношений. Цель работы - определить особенности положения мусульман Великобритании в контексте государственно-религиозных отношений в конце XX - начале XXI в.

В Соединенном Королевстве не чинилось препятствий для возникновения мусульманских молельных домов и мечетей. В Великобритании у религиозных сообществ, в том числе и мусульман, есть статус общественно-полезных союзов, подразумевающий определенные финансовые льготы и выплаты [2]. И если в 1963 г. в Великобритании насчитывалось 13 зарегистрированных мечетей, то в 1985 г. их было уже 338 [1, с.199]. В 2011 г. статистика мусульман говорит о 1486 фактических мечетях, а всего помещений, которые используются как мечети, - 1930, в 2015 - 1640 и 2159, в 2017 - 1825 и 2511 соответственно[9].

С 1980-х гг. организации мусульман начали заявлять о своих религиозных интересах. В период управления страной лейбористами (с 1997 по 2010 г.) происходила активная адаптация государства и общества к мусульманским институтам.

Наиболее дискуссионными остаются проблемы интеграции исламского компонента в систему правосудия. В Соединённом Королевстве в начале XXI века функционировали шариатские суды, но «государство не обеспечило интегративную функцию национальной системы и четкость комплементарного статуса мусульманского права» [2].

В страховании и ипотечном кредитовании развивался рынок продуктов, приспособленных под ограничения ислама на кредиты с процентами [8]. Однако этот сегмент не востребован большинством британских мусульман [5].

С конца 1990-х гг., несмотря на то, что двоеженство в Великобритании считается преступлением, полигамные браки могут формально признаваться государством, если их заключили в странах, где они предусмотрены законом [2]. В случае такого брака заявитель может получать выплату на каждую дополнительную супругу [4]. При этом среди британских мусульман практикуются браки по принуждению и между близкими родственниками, что зачастую принимается как часть культурного своеобразия [3].

Британское государство стремится обеспечить мусульманам трудоустройство без отказа от религиозных символов, а также режима работы, не противоречащего религиозным нуждам. С 2003 г. государственные служащие-мусульмане могут носить платок при исполнении своих обя-

занностей, с 2009 г. головной платок в комплект униформы включили пожарные и полицейские [2].

Отсутствие религиозных исламских предметов в программах британских школ, где мусульмане составляют большинство, стало причиной трений между мусульманскими организациями и местными властями. По инициативе Мусульманского совета Великобритании (MCB), в сотрудничестве с органами образования, были созданы рекомендации для таких школ, как удовлетворять религиозные потребности учеников-мусульман [6]. Но политика уступок приобрела абсурдный характер, очевидный и для мусульман, когда все школьные завтраки и обеды начали готовиться только с использованием мяса халяль [7].

Таким образом, главной особенностью положения британских мусульман является готовность принимающего общества подстраиваться под их религиозные нужды. Ни проявления исламского экстремизма, ни приход к власти консерваторов кардинально не изменили обозначенные тренды. При этом соотношение их интересов нельзя назвать гармоничным: 1) масштабная переориентация на запросы мусульман затрагивает права остальных категорий населения; 2) такая политика не способствует интеграции выходцев из стран традиционного распространения ислама в принимающее общество Великобритании.

Источники и литература

1) Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под ред. Ал.А. Громыко (отв. ред.), Е.В. Ананьевой . – М.: Издательство «Весь Мир» , 2014. – 480 с.

2) Пинюгина, Е. Исламизация Великобритании: социально-политические последствия / Е. Пинюгина [Электрон. ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/desk/islamizacija_velikobritanii_socialno-politicheskije_posledstvija_2014-09-29.htm. – Дата доступа: 25.10.2015.

3) Alibhai-Brown, Y. Shameful silence / Y. Alibhai-Brown // Daily Mail. - 2011. - Jun 10. - P. 15.

4) Benefit entitlement for people in polygamous marriages: Submission to DWP Secretary of State [Electronic resource] / Archbishop of Canterbury Home Page. – 2006. – Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/553693/submission-to-sos-091106.pdf. – Date of access: 24.06.2016.

5) Griffiths, K. After six years, Sharia–compliant bank products are 'huge flop' / K. Griffiths // The Times. – 2010. – Jun. 21. – P. 44.

6) Meeting the needs of Muslim pupils in state school Information & Guidance for Schools. – London: The Muslim Council of Britain, 2007. – 72 p.

7) Muslim leaders criticise halal-only meat for schools // The Times. – 2010. – Aug 6. – P. 14.

8) Sharianomics; Islamic banking // The Economist. – 2004. – Vol. 372, Iss. 8388. – P. 22.

9) UK Mosque Statistics [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: http://www.muslimsinbritain.org/resources/masjid_report.pdf. – Date of access: 12.12.2019.

Кадрова Ирина Витальевна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Социальные противоречия процесса урбанизации в XXI веке

В XXI веке процесс урбанизации стал привлекать внимание многих ученых. Связано это, в первую очередь, с тем, что урбанизация напрямую отражает общий уровень социально-экономического развития общества, а также данный процесс нередко демонстрирует социальные противоречия в городском пространстве.

Урбанизация [1] является глобальным социально-экономическим процессом, для которого характерно постепенное увеличение и распространение городского образа жизни, повышение числа городских поселений, рост промышленности в городах, а также развитие политических и культурных функций города.

Поэтому в современном мире город [2] представляет собой притягательное место проживания, которое предоставляет нам широкие возможности для раскрытия личности. Пространство города становится воплощением и олицетворением современного образа жизни, мировоззрения, одновременно являясь сосредоточием разнообразных возможностей деятельности, насыщенности социальной информации, культурной интеграции.

При всех своих достоинствах современный город представляет собой существенное социальное противоречие, которое именуется как «проблема больших городов» [3]. Суть заключается в том, что фактически один

город не может уместить такое количество жителей. Все это сопровождается увеличением разрыва между активным ростом населения в городах и реальным включением жителей в городской образ жизни.

Для решения такой непростой проблемы сейчас происходит активная застройка сверхвысоких зданий, создаются новейшие инновационные проекты подземных, подводных городов, городов-деревьев, городов-башен, городов-мостов и т. д.

Также существует еще один метод разгрузки городов, который был выдвинут аргентинскими учеными. Его основная суть заключается в переносе столицы в другой менее населенный город. Так, совсем недавно ученые из Аргентины предложили перенести столицу их государства из Буэнос-Айреса во Вьедму.

Преимуществами таких перемен ученые видели в нескольких факторах. Во-первых, произойдет разгруз Буэнос-Айреса, так как агломерация этого города имеет населения около 3 млн. человек, и именно здесь находится почти одна десятая часть всего населения Аргентины.

Во-вторых, будет происходить развитие города, как новой столицы государства. В результате произошел бы отток населения из Буэнос-Айреса в «новую столицу», то есть было бы освоение провинции и как следствие равномерное распределение по всей стране населения. Результатом таких изменений служат снижение уровня урбанизации и взятие контроля над ее процессом.

За последнее время также можно отметить возрастание такой тенденции - с каждым годом все больше и больше людей отдают предпочтение жизни за чертой города [4]. Сподвигнуть на такое решение людей могут следующие факторы: экологическая ситуация в городе, усложнение проблем с транспортными узлами, ценовая политика, а также престиж иметь собственный дом и жить рядом с природой. Данный факт подтверждается и результатами прикладных исследований [5].

Можно заметить, что современные процессы роста городов их состав и размещение вызывают серьезные проблемы, конфликты и при этом же противоречия. Но при всем этом, современные исследования [6] дают нам понять, что, несмотря на все проблемы и катастрофические прогнозы, качество жизни в крупных городах лучше, чем в малых и в сельской местности. Связано это с тем, что в них выше продолжительность жизни и ниже детская смертность, а также преобладает уровень квалифицированной медицинской помощи. Здесь же нельзя не отметить, что есть больше возможностей для получения качественного образования и поиска в дальнейшем работы, а также выше уровень заработной платы, уровень комфорта проживания и т. д.

Таким образом, отметим, что процесс урбанизации все же имеет большое достоинство - он способствует повышению производительности труда и позволяет решать многие социальные, денежные и бытовые проблемы общества. Но при этом из-за резкого роста урбанизации, процесс стал характеризоваться постоянным увеличением крупных агломераций и мегалополисов, а также сильнейшими экологическими проблемами около промышленных центров, ухудшением условий жизни в регионах, выкачивание всех ресурсов из слаборазвитых городов и целых районов.

Источники и литература

1) Филиогло Л. Д. Социология пространства и города: электронное учебно-методическое пособие / Л. Д. Филиогло. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2016. – С. 67–69.
2) Феноменологическая социология и урбанистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/publications/pirogov_sv/fen.pdf (дата обращения: 18.01.2020 г.).
3) Чаплыгина Д. В. Урбанизация. Проблемы и способы решения // Наука и образование сегодня. – 2017. – № 1. – С. 57–58
4) Бреславский А. В каком мире мы живем? В мире пригородов! // Социологическое обозрение. – 2018. – № 2. – С. 342–344
5) Желнина Е. В. Современное управление социо-эколого-экономической безопасностью: взгляд населения города // Азимут научных исследований. – 2018. – № 4 (25). – С. 101 – 104.
6) Шевелева Р. Н. Современные процессы урбанизации: характеристика, влияние на региональное развитие // Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 130–133

Карлова Екатерина Николаевна

Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, Воронеж, Россия

Цифровое неравенство военнослужащих в условиях ограничения доступа к цифровым технологиям

Интернет-технологии прочно интегрированы в повседневную жизнь современного человека, открывновую эпоху в экономике, образовании,

социальной коммуникации и других сферах жизни общества. Вместе с тем, экспоненциальный рост объема электронных данных и взаимосвязей между людьми и организациями сопровождается увеличением угроз безопасности, имеющими критическое значение для обороноспособности государства. Использование личных цифровых устройств и подключение к Интернету увеличивает вероятность кибератак на военные объекты [1], доступность личных данных в Интернете ставит под угрозу военные миссии и безопасность военнослужащих [2], неэтичное поведение личного состава негативно отражается на имидже армии [3], идеологический плюрализм Интернет-пространства создает угрозу подрыва морально-психологического состояния военнослужащих, вовлечения их в деструктивную политическую активность.

В попытке найти баланс между возможностями и негативными последствиями цифровизации Министерство обороны РФ создает альтернативные локальные каналы связи и базы данных, такие как закрытый сегмент передачи данных, объединяющий воинские части и организации [4], систему электронного документооборота [5]. К административным мерам относится принятие нормативно-правовых документов, ограничивающих доступ военнослужащих к глобальному Интернету и использованию личных цифровых устройств. Возможности использования ресурсов глобального интернета в воинских частях и вузах ограничены абонентскими пунктами доступа, эксплуатация которых строго регламентирована. В результате военная организация сталкивается с рядом вызовов: цифровым неравенством военнослужащих как социально-профессиональной группы и несоответствием между уровнем развития электронной инфраструктуры воинских частей и потребностями Вооруженных Сил в использовании цифровых технологий.

Социологический опрос офицеров и курсантов военного вуза показал, что пользовательская активность военнослужащих находится на низком уровне,46% офицеров и 61% опрошенных курсантов проводят менее одного часа за компьютером в будний день, пользуются интернетом менее часа -47% и 78% опрошенных соответственно. Сами офицеры в целом не воспринимают ограничения доступа к цифровым технологиям как ситуацию депривации. Тем не менее, владение некоторыми цифровыми компетенциями респонденты относят к важной составляющей профессионализма, каждый офицер должен как минимум обладать навыками работы с пакетом офисного программного обеспечения и программами антивирусной защиты. Наиболее чувствительны к ограничениям использования цифровых технологий оказались военных вузов, использующие интернет в основном в образовательных целях, они достаточно высоко оценивают

потребность в компьютере и интернете для всех видов учебной и научной деятельности (в среднем 3,9 балла из 5 возможных). Однако интенсивность пользования интернетом для работы и учебы сопоставима с данными всероссийской выборки только у пятикурсников, 39% которых часто пользуются интернетом для выполнения учебных заданий. Всего 7,5% офицеров и 22% курсантов 1 и 3 курсов часто обращаются к интернет-ресурсам для выполнения служебных или учебных задач, в то время как 44% россиян практически ежедневно пользуются интернетом в этих целях. Недоступность цифровых устройств большую часть времени делает их использование курсантами осознанным и рациональным. Лишь каждый десятый курсант отмечает, что цифровые устройства нужны в основном для развлечений, что они мешают, отвлекают от важных дел. Таким образом, образовательная среда военного вуза избавляет курсантов от рисков цифровой зависимости, однако не обеспечивает в полной мере доступ к компьютеру и интернету в учебных целях.

Источники и литература

1) Ромашкина Н.П. Глобальные военно-политические проблемы международной информационной безопасности: тенденции, угрозы, перспективы // Вопросы кибербезопасности. 2019. №1. DOI: 10/21681/2311-3456-2019-1-2-9

2) Solomon S.E. Social media, the fastest growing vulnerability to the Air Force mission. Maxwell Air Force Base, Alabama: Air University Press, Air Force Research Institute Publ., 2017. 38p. URL: https://media.defence.gov/2017/May/11/2001745610/-1/-1/-/CPP_0006_SOLOMON_SOCIAL_MEDIA.PDF (дата обращения: 01.08.2019)

3) Stern N., Shalom U. B. Confessions and Tweets: Social Media and Everyday Experience in the Israel Defense Forces // Armed Forces & Society. 2019. URL: https://doi.org/10.1177/0095327X19859304

4) Макаренко С.И.Перспективы и проблемные вопросы развития сетей связи специального назначения // Системы управления, связи и безопасности. 2017. № 2. С. 18-68.

5) Елисеев Н.И. Анализ и синтез перспективной системы электронного документооборота Министерства обороны Российской Федерации // Наукоемкие технологии в космических исследованиях земли. 2016. Т.8. №2. С.76-84.

6) Просторы интернета: для работы или развлечений? // Пресс-выпуск ВЦИОМ №3767 от 20.09.2018 г. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322 (дата обращения 01.12.2019)

***Карпова Дарья Николаевна*[1]*, Голоухова Дарья Валерьевна*[1]*, Кузьмина Елена Игоревна*[2]**

1 - МГИМО МИД России, Москва, Россия; 2 - МГИМО, Москва, Россия

Цифровизация: ненамеренные последствия и риски глазами социологов и технических специалистов

Цифровизация является одним из ключевых факторов социальных трансформаций, затрагивающих основные механизмы функционирования общества и его институтов. Достоинства цифрового развития очевидны, тогда как его латентные последствия, проявляющиеся в форме новых рисков и уязвимостей, изучены недостаточно. Под влиянием побочных эффектов цифровизации происходит реорганизация и деформация основных социальных институтов, в результате чего традиционные их формы отмирают или адаптируются к новой социальной реальности.

Ненамеренные последствия цифровизации приводят к необходимости разработки научно обоснованного подхода к управлению цифровым развитием. Однако здесь возникает проблема, связанная с расхождением в оценке последствий цифровизации со стороны представителей информационно-технологического сектора, ответственных за разработку новых технологий, и представителей общественных наук, изучающих влияние цифровизации на социальные отношения, институты, процессы. Исследование «Социотехнический поворот в исследовании рисков цифровизации общества», проведенное в 2019 году сотрудниками кафедры социологии МГИМО Д.Н. Карповой и А.С. Проскуриной позволило обозначить эти расхождения [2]. В результате анализа 5 экспертных интервью, проведенных со специалистами технического профиля, было выявлено, что те, кто выполняет поставленные в рамках повестки цифровизации задачи, могут не отдавать себе отчёт о социальных последствиях своей работы в макромасштабе [2]. В частности, были выявлены расхождения в понимании и оценках влияния цифровизации в следующих областях:

1) Трудоустройство и характер труда. Ряд социологов и специалистов в области прогнозирования предполагают, что активное развитие цифровых технологий способно привести к замещению человека

машиной, росту безработицы и радикальной реорганизации рынка рабочей силы. Так, по данным PwC, в Японии риску автоматизации подвергается 21% всех рабочих мест, в Великобритании, США и Германии - от 30% до 38% [7]. Ряд исследователей указывает на риски полного исчезновения отдельных профессий и даже замены некоторых функций человеческого тела технологией [1], другие изучают возможные структурные изменения рынка труда и социально-образовательной сферы, вызванные снижением спроса на устаревшие навыки и знания и ростом спроса на новые компетенции, связанные с внедрение инноваций [8]. В зоне наибольшего риска - наименее квалифицированные рабочие, программы переподготовки которых потребуют значительных финансовых и временных затрат и могут оказаться малоэффективными. Однако опрошенные эксперты-представители технологического сектора практически не видят дисфункциональных последствий внедрения новых технологий для рынка труда. С их точки зрения, «вымирание» определенных профессий естественно и рассматривается как некоторый органичный и логичный процесс, который не окажет революционного влияния на рынок труда, образование и социальную сферу, наблюдаемые трансформации на рынке труда все равно должны со временем произойти.

2) Дегуманизация социальных отношений. Тема дегуманизации всегда сопровождала социологический анализ процессов технологического развития. Исследователи, от К. Маркса с его концепцией отчуждения до Дж. Ритцера с теорией макдональдизации [4, 5], отмечали ненамеренные последствия внедрения новых технологий, связанные с утратой человеком способности к производительному творческому труду и невозможностью реализации человеческого потенциала. Однако опрошенные в рамках исследования эксперты не считают такие риски значимыми. С их точки зрения, цифровые технологии помогают творческим людям реализовывать свой потенциал, они не отрицают человеческую сущность,но дополняют ее, позволяя расширить возможности человека.

3) Появление новых форм неравенства. Неравенство в информационном и сетевом обществе исследуется в рамках концепции «цифрового разрыва» (digital divide), понимаемого как разделение между людьми, имеющими и не имеющими доступ к цифровым медиа [9]. М. Кастельс утверждает, что цифровой разрыв добавляет еще один фактор раскола к уже имеющимся источникам неравенства и соци-

альных ограничений в процессе их сложного взаимодействия друг с другом [3, с. 284]. На глобальном уровне цифровое неравенство проявляется различиях между регионами, обладающими и не обладающими необходимой инфраструктурой для успешного включения в глобальную экономику [6]. Однако опрошенные эксперты затруднились дать оценку этому феномену и назвать его конкретные проявления.

Таким образом, негативные последствия цифровизации рассматривались опрошенными экспертами исключительно с позиции разработчиков, выполняющих определенную практическую задачу. Основные риски связывались с угрозами безопасности, кражи данных пользователей и другими техническими в своей основе проблемами, имеющими последствия, для конкретных заказчиков и пользователей технологии, даже если они представляют собой большую по численности группу.

Недостаток социальной рефлексии со стороны специалистов технического профиля указывает на необходимость контроля за процессом цифровизации, который предполагает гуманистическую ориентацию и направлен на поддержание баланса между цифровым развитием и сохранением неформально-ценностного содержания социальной среды.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

Источники и литература

1) Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. — 2013. — № 1(9). — С. 62–70.

2) Карпова Д.Н., Проскурина А.С. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества [Электронный ресурс]. - М.: Официальный сайт МГИМО МИД России, 2019. - Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/departments/sotsiotekhnicheskiy-povorot-v-issledovanii-tsifrovizatsii-obshchestva/ [дата обращения: 31.01.2020]

3) Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

4) Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010.

5) Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. - М.: Издательская и консалтинговая группа “Праксис”, 2011.

6) The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective / ed. Ragnedda, M., Muschert, G. NY: Routledge, 2013.

7) Human value in the digital age. PwC CEO survey [Электронный ресурс]. - Официальный сайт PwC, 2017. - Режим доступа https://www.pwc.nl/nl/assets/documents/pwc-human-value-in-the-digital-age.pdf [дата обращения: 31.01.2020].

8) The Impact of Digitalization in the Workplace /ed. Harteis, Ch.Paderborn: Springer, 2018.

9) van Dijk, J. The Digital Divide. Cambridge: Polity, 2020.

Киричек Петр Николаевич

Московский гуманитарный университет, факультет рекламы, журналистики, дизайна, кафедра журналистики, Москва, Россия

Социальное партнёрство как механизм санации общественного конфликта

Либеральная реформация основных сфер российского общества, осуществлённая на стыке веков по отечественной традиции «сверху», изначально носила конфликтогенный характер. Шоковые рыночные меры: передел общенародной собственности, неупорядоченность форм обмена и распределения социальных благ, смена ценностных ориентаций, расслоение социума на группы людей, удовлетворённых и не удовлетворённых переменами, - инфицировали общественную атмосферу вирусом конфронтации. Причём, его дозы, полученные обществом, с каждым годом увеличивались и в итоге вылились в стойкое социальное неблагополучие, способное в любой момент взорвать общество. Как заметил С.И. Кубицкий, в социуме «вновь реанимировался «поиск врага», на которого можно было бы свалить вину за наши беды, а не поиск партнера, с которым можно было бы выкарабкаться из кризиса» [2, с. 4].

Увы, социальная практика в России обычно складывалась так, что на поворотных этапах её развития преобладал не эволюционный, а революционный тип изменений. Он круто менял устоявшуюся структуру общества и прежний характер взаимодействия его движущих сил и закладывал на перспективу вероятность попятного движения, поскольку один - управляющий - субъект (элита) подавлял другого - управляемого -

субъекта (массу) насильственно-ограничительными средствами. В этом случае в отношения «победивших» и «проигравших» субъектов изначально закладывалась новая антагонистическая составляющая, предполагавшая возможность реванша по уже пройденному сценарию, только с обратным знаком. Этот фермент антагонизма в принципе свойствен и сегодняшней (пореформенной) атмосфере страны с её непрерывным воспроизводством социальной несправедливости, обретающей в экономической форме выражения колоссальный размер.

Итак, в российском обществе, по мнению Г.А. Зюганова, происходит гипернегативный процесс, разделяющий глубокой пропастью элиту (власть и бизнес) и массу (народ), а именно: «усиление раскола, социального неравенства. Год назад в России было 74 долларовых миллиардера, а стало 110. Один процент самых богатых и ушлых захватил 60% богатств. В руках американских богачей вдвое меньшая доля национального богатства. В руках европейских - втрое меньшая... У половины граждан есть средства только на дешёвую еду и одежду. 40% получают меньше 20 тысяч рублей в месяц. Самая распространённая зарплата - 23 тысячи. Это откровенная бедность. 61% тех, чьи доходы не достигают прожиточного минимума, - это люди от 18 до 40 лет» [1].

Понятно, что в кризисных ситуациях, подобных нынешней, сложившейся в Отечестве, спорадически возникает масштабный запрос на эффективный способ удержания наэлектризованного конфликтностью общества от вероятного «выяснения отношений» посредством насилия и подавления. Против вируса конфронтации существует апробированное социальное лекарство - неконфронтационное средство разрешения симптоматических общественных противоречий с его методологией договорного согласования сталкивающихся групповых интересов. Это средство - «социальное партнёрство», его сущность - иная (мирная) философия жизни, противоположная её трактовке как борьбы классов при якобы фатальной неизбежности и даже исторической необходимости использования способов насилия и подавления управляющим меньшинством управляемого большинства в процессе эволюции (и наоборот - большинства меньшинством во время революции).

Социальное партнёрство зарождается и интенсивно совершенствуется в постиндустриальном обществе. У последнего на той стадии прогресса, когда истина социальная становится истиной технологической, не остаётся иной альтернативы развития, кроме мирно-согласительной формулы общественного бытия, параметры которого во многом задаются вполне созревшим для толерантного уровня отношений общественным сознанием. К сожалению, в России социальное партнёрство слиш-

ком медленно становится работающей данностью пореформенного бытия: специального закона о социальном партнёрстве до сих пор не существует - действует лишь пакет президентских указов, выпущенных в начале 90-х гг., да профильный раздел Трудового кодекса Российской Федерации, принятого в 2001 году.

Между тем социальное неравенстве в стране продолжает разрастаться: «Вопрос - почему население нашей страны сегодня настолько бедное? Ответ: ежегодно более половины нефтегазовых доходов страны оседает в оффшорах и меньше половины достаётся бюджету, а из бюджета - едва ли 7% общей суммы достаётся народу, тогда как в других богатых углеводородными энергоносителями странах - все 77%. Возможно ли столь удручающе несправедливое распределение главного национального достояния для социального государства, каким позиционирует себя Россия в своей Конституции?... В реальности Россия находится на 59 месте по уровню жизни. Выше нас даже такие в прошлом отсталые страны, как Турция (44 место), Мексика (47), Индия (52)» [3].

Коренное изменение с помощью механизмов социального партнёрства сложившейся в России диспозиции «элита (власть и бизнес) - масса (народ)» в пользу второго субъекта станет безусловным общенациональным выигрышем, обеспечивающим всех его участников равноправным голосом в общественной жизни. По результатам такого взаимодействия исчезнут субъекты «победившие» и «проигравшие», а в их повседневных отношениях будет преобладать компонента сотрудничества.

Когай Евгения Анатольевна
Курский государственный университет, Курск, Россия

Стратегическое планирование и гражданская солидарность

Внутреннее единство общества выступает важным условием устойчивого развития страны и ее регионов. Осознание общих целей и задач, достижение согласия в отношении приоритетов социально-экономического развития, уверенность в наличии некоего поля консенсуса и общественной консолидации - важные основания для разработки стратегических планов и их успешного претворения в жизнь.

Разработка данных планов заметно активизировалась в последние годы. Так, на начало 2020 г. в 9 из 18 регионов ЦФО приняты новые стратегии социально-экономического развития до 2030/2035 гг., в которых артикулированы комплексы представлений о стратегических целях

и приоритетах, а также ключевых направлениях развития и средствах реализации поставленных задач. В ряде регионов идут обсуждения стратегических документов с активными гражданами, по итогам которых вносятся корректировки в планы развития.

Следует отметить, что региональные сообщества довольно отчетливо проявляют запрос на перемены практически во всех сферах социальной жизни. Об этом, в частности, выразительно свидетельствуют проведенные в Курской области на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного исследования количественные полевые исследования 2018 г. (май-июнь, N=550) и качественные исследования 2019 г. - глубинные интервью (май-июнь, N=20).

Согласно итогам проведенного полевого исследования, приоритетными задачами развития региона являются нехватка рабочих мест для населения, в том числе и для молодежи (65,8%), невысокий уровень жизни населения (60,42%), недостаточное развитие промышленного производства (34,4%), слабое развитие культурной инфраструктуры (15,5%), недостаточное привлечение инвестиций в экономику региона (14,5%), нехватка инновационных предприятий (12,5%), недостаточное развитие малого и среднего бизнеса (10,7%). Жителям городских муниципалитетов - г. Курска и г. Курчатова Курской области - был адресован вопрос о приоритетах стратегического развития территории. В ответах на открытый вопрос «*Какие вопросы, на Ваш взгляд, должны быть в первую очередь отражены в стратегических документах развития Вашего города?*»), помимо обозначенных выше позиций, были указаны такие, как создание комфортной среды проживания, развитие дорожной инфраструктуры, повышение качества медицинского обслуживания, создание новых предприятий, вопросы образования и обеспечения безопасности граждан.

Жителям названных городов был также задан вопрос о субъектах разработки стратегий развития муниципалитетов. Вопрос звучал следующим образом: «Кто, на Ваш взгляд, должен участвовать в разработке стратегии социально-экономического развития Вашего города?». В Курске на основании ответов был выстроен следующий ряд (указаны доминирующие позиции): администрация города - горожане - губернатор - молодежь - специалисты. В Курчатове порядок приоритетов несколько иной: администрация города - горожане - политические партии и организации - специалисты - инициативные, компетентные люди. Как видим, респонденты ключевые позиции закрепили *за представителями органов управления и самими жителями городов.* При этом анализ ответов показал, что в них почти не были упомянуты представители бизнес-со-

общества. Тем не менее, ответы указывают на важность постановки вопроса о субъекте стратегического развития, о задаче выстраивания их солидарного взаимодействия и сотрудничества.

Отметим, что вопрос об оценке солидарности граждан региона стал одним из ключевых в глубинных интервью, проведенных с активистами политических партий, представителями бизнеса, власти, некоммерческих организаций и средств массовой информации. Респондентам было предложено оценить уровень солидарности граждан по 10-балльной системе и указать на факторы, препятствующие укреплению солидарности. В среднем была дана оценка в 5 баллов и отмечено при этом, что в «регионе много очень позитивных, талантливых, активных людей, но везде есть негативные люди». Обратимся к факторам, отмеченным в качестве препятствий упрочению солидарности. Артикуляцию получили такие проблемы, как весомое различие в уровне дохода («еще древние греки говорили о том, что для консолидированного общества нужен средний класс»), одновременная вовлеченность людей во множество совершенно различных процессов, низкое общее благосостояние народа («когда люди думают о том, как выжить завтра и чем они будут кормить детей, то мысли о том, как помочь другому человеку не остается, остается только агрессия»), отсутствие социальных связей среди разных групп населения, ощущение бесполезности солидарных действий, общий раскол в территориальном сообществе, отсутствие единой гражданской позиции, индивидуализм. Характерно, что представители бизнеса поставили под сомнение саму идею повышения уровня солидарности действий населения, указав на то, что уже прошли времена пионерии, комсомола, общей партии: «... каждый должен заниматься чем-то своим, зачем для этого объединяться и солидарно какие-то вещи выводить. . . ».

Тем не менее, на протяжении 2019 г. в Курской области ее гражданами в проектных мастерских велось активное обсуждение проекта новой стратегии социально-экономического развития, по итогам которого данный проект был значительно скорректирован и дополнен, принято решение о реализации свыше 40 новых проектных предложений администрацией региона. И этот проведенный коллективный «мозговой штурм» стал ярким аргументом в пользу того, что времена солидарных действий не прошли, что эти действия могут приносить весомую пользу развитию территориальных сообществ.

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья).

***Комф Евгения Валентиновна*[1]*, Крейк Альфред Иосифович*[2]**
1 - ФГБОУ ВО lt;lt;НГУЭУgt;gt;, Новосибирск, Россия; 2 - Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Феномен эмерджентности и органичная модернизация

Проблема нахождения наиболее перспективных форм социально-экономического взаимодействия между различными социальными субъектами, а также выявления социокультурных практик, направленных на раскрытие потенциала отдельных индивидов и групп, локусов, на сегодняшний день не теряет своей актуальности. Данное утверждение позволяет предположить, что одной из основных задач государственного управления становится анализ социально-экономических и социокультурных факторов, создание условий для «вызревания» и «раскрытия» этих форм и практик на всех уровнях управления. Органичная модернизация, представляющая собой эволюционный процесс, предполагающий качественное изменение общества в результате преимущественно ненасильственного воздействия с опорой на внутренний потенциал общества, его самоорганизацию, результатом которого является появление новых социальных форм организации, образцов практик и субъектов нового исторического типа, может способствовать созданию таких условий [1, с.30]. Во всемирной истории, а также в истории России мы можем обнаружить образцы подобной трансформации (Япония XIX в период правления Мэйдзи, модернизация Западной Германии в период 1945-1960 гг., реформы Александра II).

Феномен эмерджентности позволяет более фундаментально посмотреть на процессы, связанные с созданием новых форм и практик, являющихся триггерами процесса обновления общества в целом. Сам термин «эмерджентность» может быть рассмотрен с точки зрения различных подходов. Анализ различных трактовок эмерджентности позволяет сделать следующее обобщение: ее суть сводится к тому, что это свойство целостности быть другим, чем составляющие её части (их свойства) и/или арифметическая сумма этих частей (их свойств) [2, с.88]. Исследование феномена эмерджентности в контексте идеи органичной модернизации определяет следующие основные направления: определение эмерджентных эффектов в конкретном обществе как целостности, находящемся в процессе органичной модернизации; разработка классификации данных

свойств относительно конкретного общества находящегося в процессе органичной модернизации.

На сегодняшний день, мы можем зафиксировать определенные шаги в этом направлении, являющиеся результатом как действия отдельных субъектов, так и совместных форм деятельности государства и субъектов изменений. В качестве таких форм и практик выступают наиболее успешные технопарки, индустриальные парки (например, компания «Русский лен» приступившая к реализации в индустриальном парке «Сафоново» [3, с.24]) и кластеры, хакатоны (к примеру, «Цифровой прорыв» [4, с.44]) и т.п. Изучение эмерджентных эффектов на примере приведенных и многих других успешных практик, позволит понять пути и механизмы повышения эффективности их работы, а также проанализировать особенности их реализации в рамках проекта органичной модернизации как одного из наиболее действенных процессов гармонизации различных социальных сил.

Источники и литература

1) Комф Е. В. Органичная модернизация как вид социальной трансформации / Е. В. Комф // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – С. 28–33.

2) Крейк А.И. «Производство» и управление системными эффектами – задача системы управления / А.И. Крейк // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т.- М.: Альфа-М, 2006.- Т.6. Социология организаций и управления. - 420 с.

3) Инкижинова С. Лен, значит Смоленск / С. Инкижинова // Эксперт. - 10 июня - 16 июня 2019. - №24 (1123) - С. 24-27

4) Мамедьяров З. Не олимпиада и не экзамен / З. Мамедьяров // Эксперт. - 7 октября - 13 октября 2019. - №41 (1137) - С.44-47

***Кузеванова Ангелина Леонидовна*[1]*, Реут Александра Дмитриевна*[1]**

1 - Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Пожилые люди и цифровизация: технология преодоления социальной эксклюзии

На протяжении многих лет в разных обществах жизненный опыт и знания пожилых людей всегда ценились очень высоко, однако сейчас складывается ситуация, при которой статус людей пожилого возраста изменился. К причинам такой ситуации относится постоянное развитие и внедрение новых информационных технологий, при овладении которыми у пожилых людей возникают серьезные затруднения [1, С. 20]. В итоге они становятся возрастной группой, оказывающейся в состоянии социальной эксклюзии, одним из способов преодоления которой является социальная технология, связанная с организацией курсов компьютерной грамотности

Авторами в ноябре 2019 г. было проведено анкетирование 100 пожилых волгоградцев в возрасте от 60 лет и выше, проходивших обучение по программе компьютерной грамотности «Статус онлайн» (выборка сплошная). Большинство опрошенных пожилых людей проходят курсы по обучению компьютерной грамотности для овладения навыками интернет-коммуникации с друзьями, бывшими коллегами, родственниками в социальных сетях, в Skype, по электронной почте. Кроме того, одной из наиболее распространенных целей обучения является саморазвитие. Более половины респондентов посещают курсы по обучению компьютерной грамотности потому, что хотят уметь быстро искать нужную информацию.

В ходе исследования были получены данные, которые говорят о том, что для 49,4% опрошенных респондентов основными трудностями при обучении являются сложность в запоминании новой информации и трудности в ее восприятии. Это, вероятно, связано с тем, что с возрастом запоминать большой объем сложной информации становится сложнее.

Анализируя результаты опроса, мы выяснили, что 25,6% опрошенных пожилых людей научились использовать основные возможности компьютера, 23,3% - пользоваться сетью Интернет, 21,1% - самостоятельно создавать и форматировать текстовые документы, 21,1% - сохранять их в памяти компьютера. Каждый десятый из опрошенных научился работать с электронной почтой и социальными сетями и делать покупки через Интернет.

Мы выяснили, достаточно ли респондентам тех знаний, которые они получили на курсах по обучению компьютерной грамотности и хотели бы они научиться большему. На этот вопрос были получены следующие ответы : «да, безусловно» - 53,3%, «скорее да, чем нет» - 41,1%, и только 5,6% опрошенным пожилым людям достаточно тех знаний, которые они имеют.

В ходе исследования так же было выяснено, используют ли пожилые люди знания и навыки, которые они получили на курсах по обучению компьютерной грамотности в повседневной жизни. Как показал опрос, 47,8% респондентов часто используют знания о компьютере, полученные в результате прохождения курсов, 24,4% опрошенных респондентов иногда используют полученные знания, 17,8% - очень часто, и лишь 6,6% - редко.

Главной перспективой использования полученных навыков, по мнению 89,5% участников опроса, является возможность общения с друзьями, семьей с помощью социальных сетей. Вторым по популярности стал вариант ответа «использование сервисов государственных услуг (жилищно-коммунальных, медицинских, образовательных, социальных)», на третьем месте оказался вариант «поиск новых знакомств, единомышленников с помощью Интернета» (так думают 40,7% опрошенных). 23,3% респондентов планируют, используя полученные знания, использовать их при заказе покупок и услуг через Интернет.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в целом пожилые люди, которые посещают курсы по обучению компьютерной грамотностью, несмотря на трудности в восприятии и запоминании новой информации, делают успехи в обучении компьютерной грамотности и часто используют полученные знания и навыки в своей повседневной жизни при общении с близкими людьми в социальных сетях, при использовании сервисов государственных услуг и при поиске новых знакомств. Таким образом, обучившись всему этому, пожилые люди могут постоянно поддерживать контакт с своими близкими, решать повседневные проблемы путем использования различных Интернет-ресурсов для поиска информации, не выходя из дома и не тратя на это время, которое можно уделить другим более важным занятиям. Таким образом, реализация социальной технологии, основанной на организации курсов по обучению компьютерной грамотности пожилых людей, способствует повышению уровня их знаний об информационных технологиях, создает условия для их успешной адаптации в информационном обществе и преодолению состояния социальной эксклюзии.

Источники и литература

1) Земнякова М. А., Помуран Н. Н. Специфика проблем в процессе адаптации пожилых людей в современном обществе [Текст] / М.А. Земнякова, Н. Н. Помуран // Медицина и образование в Сибири. - 2014. №3. - С. 19-25.

Кутепова Наталия Ивановна
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, Россия

Вредные мифы о "вреде" профсоюзов

Обращение к проблемам, связанным с влиянием профсоюзов на социально-экономические процессы в современных условиях, объясняется существенными расхождениями между последствиями деятельности профсоюзов в теории (а также в учебниках, излагающих эту теорию и описывающих модели влияния профсоюзов на рынок труда) и в реальной действительности. В рамках выступления критически рассматриваются два важных тезиса о «вреде» профсоюзов: миф о роли профсоюзов как причине безработицы и постулат о вкладе профсоюзов в раскручивание инфляции, показывается, как используются эти теоретические положения для обоснования мер социальной политики, а также прослеживается эволюция основных требований российских и зарубежных профсоюзов. Делается вывод о необходимости пересмотра положений об отрицательных последствиях деятельности профсоюзов для экономики и социальной сферы в учебниках.

1. Миф о том, как профсоюзы провоцируют рост безработицы, и выводы для политики.

Этот по сути идеологический штамп тиражируется практически во всех западных учебниках по экономической теории и экономике труда и, к сожалению, воспроизводится в подавляющем большинстве отечественных учебников. Кроме того, он в разных формулировках повторяется в тестах, с помощью которых проводится контроль знаний студентов, формируя таким образом искаженные представления студентов о месте и роли института, представляющего интересы наемных работников.Он основан на упрощенной трактовке неоклассической модели рынка труда, сформировавшейся в основных чертах еще в девятнадцатом веке, из которой следует, что безработица носит добровольный характер и вызывается завышенными притязаниями к заработной плате.

На этом же строятся и обвинения в адрес профсоюзов, что именно они провоцируют безработицу, добиваясь установления заработной платы на уровне, превышающем равновесный, и при этом возникают дополнительные издержки для общества. Это напрямую вытекает из моделей, в которых профсоюз выступает как монополист. Основной акцент в деятельности профсоюзов, в том числе при ведении коллективных переговоров, обычно делается на вопросы оплаты труда, а другие аспекты профсоюзной деятельности игнорируются.

О «вреде» профсоюзов привычно говорится во многих учебниках экономической теории и при объяснении «жесткости» заработной платы как причины нехватки рабочих мест, что связывают в первую очередь с законодательным установлением минимального размера оплаты труда и заключением коллективных договоров. В этом видят одну из причин устойчивости естественного уровня безработицы. Приведенные теоретические выводы в значительной степени послужили обоснованием для перехода к политике гибкого рынка труда, нацеленной на снижение издержек на труд и ослабление регламентации увольнения и найма работников.

2. Постулат о вкладе профсоюзов в раскручивание инфляции

При рассмотрении основных типов инфляции в курсе экономической теории в качестве одной из важнейших причин инфляции издержек называют повышение заработной платы, обгоняющее рост производительности труда (которое принято связывать с действиями сильных профсоюзов). Из этого мифа также вытекают практические рекомендации для политики по сдерживанию не только реальной, но и номинальной заработной платы. Скажем, как своеобразный социальный эксперимент, впоследствии повторенный правительством Аргентины, можно рассматривать использование в качестве меры антиинфляционной политики задержки в выплате заработной платы и пособий, а также выплату их в неполном объеме, практиковавшиеся в РФ с начала 90-х годов. Таким способом инфляция переводится в подавленную форму, а ее показатели снижаются.

3.Аргументы и факты против мифов о «вреде» профсоюзов

Обвинения в адрес профсоюзов по указанным направлениям опровергаются множеством фактов. Прежде всего современные профсоюзы вследствие ослабления своих позиций и сокращения членства в них просто не могут добиваться тех результатов, которые им приписывают в учебниках, т.е. максимизировать заработную плату членов профсоюза. Это подтверждает одна из устойчивых тенденций двух последних десятилетий - производительность труда изменяется почти такими же темпами, как и реальная заработная плата, незначительно отклоняясь в ту или другую сторону. Поэтому многие исследователи пришли к выводу о том, что рост издержек на труд не может считаться существенной причиной инфляции. Стало быть, не может быть и речи о «вкладе» профсоюзов в инфляцию издержек и безработицу. Тем более в России.

Еще один аргумент, доказывающий несостоятельность мифов о профсоюзах, якобы сосредоточивших свою деятельность на максимизации заработной платы своих членов, - перенесение акцента на борьбу с безрабо-

тицей. Важное требование профсоюзов в рамках борьбы за обеспечение занятости - сокращение продолжительности рабочего времени. Последние по времени массовые акции западных профсоюзов - это выступления против сокращения расходов на образование, против изменения пенсионного возраста, против либерализации трудового кодекса и т.д. - словом, против «непопулярных» мер. «Зарплатная» тематика забастовок была характерна в 90-е годы для российских профсоюзов. Но их основной причиной были задержки в выплате заработной платы, а отнюдь не «установление заработной платы выше равновесного уровня», как об этом пишут в учебниках.

Таким образом, однобокое рассмотрение проблемы в учебниках скорее выполняет идеологическую функцию, формируя у студентов некритическое восприятие проводимой социально-экономической политики.

Ланцев Виктор Леонидович
БУ ОО ДПО "Институт развития образования", Орёл, Россия

Реализация федерального проекта «Цифровая образовательная среда»: риски и перспективы

Развитие системы образования в последние годы в нашей стране происходит по пути формирования новой модели управления качеством образования. В этой связи разработаны федеральные и региональные инструменты, направленные на развитие профессиональных компетенций педагогических и административных кадров, обновление содержания, методов и приёмов обучения и воспитания, модернизации контрольно-оценочных процедур. Среди наиболее значимых инноваций следует особо выделить профессиональный стандарт педагога и национальную систему учительского роста. Несмотря на то, что разработка этих инструментов началась несколько лет назад, основная волна их внедрения будет происходить в рамках реализации национального проекта «Образование», включающего в себя десять федеральных проектов и программ. Достаточно большое количество споров в профессиональной среде вызывают целевые показатели, достижение которых запланировано к 2024 году в соответствии с предлагаемыми дорожными картами. Наибольшую социальную напряженность в профессиональной среде вызывает реализация нескольких проектов, среди которых следует особо отметить федеральный проект «Цифровая образовательная среда». Целью данной

работы стало изучение организационно-управленческих условий реализации данного проекта, выявление возможных рисков профессионального развития педагогов, а также возможных вариантов предотвращения дисфункциональных расстройств в системе образования.

Реализация федерального проекта «Цифровая образовательная среда» происходит в соответствии с целями и задачами сразу двух национальных проектов, а именно «Образование» и «Цифровая экономика». В этой связи ключевой идеей предлагаемого инструмента стало расширение границ использования цифровых ресурсов не только в образовательном процессе, но и в организации и алгоритмизации процессов в области образовательного менеджмента, документооборота, ведения электронных ресурсов организаций и некоторых других [1, с.192]. Одной из наиболее часто обсуждаемых тем стал цифровой документооборот и администрирование. Так, перевод части документов в цифровой формат назрел давно и позволил бы снизить временные, человеческие и, как следствие, финансовые затраты не только на их подготовку, но и размещение на электронных ресурсах. Данное обстоятельство будет иметь полезный результат, заключающийся в снижении нагрузки на администрацию и педагогический коллектив образовательных организаций во время проведения процедур аккредитации и лицензирования деятельности, а также текущего контроля со стороны надзорных органов. Кроме того, исчезнет необходимость предоставлять кипы локальных актов и отчётов на бумажных носителях. Это уменьшит нагрузку не только на руководителя, и весь коллектив, что позволит высвободить время, необходимое на развитие профессиональных компетенций сотрудников. Немаловажным аспектом, имеющим эвфункциональный характер, является обеспечение всех образовательных организаций высокоскростным доступом в сеть Интернет. Для специалистов, в особенности работающих в сельской местности, обеспечение организаций доступа к цифровым образовательным платформам и ресурсам откроет широкие возможность для адресного повышении собственной квалификации и общения с коллегами из других образовательных организаций, муниципальных или субъектов [2, с.46]. В этой связи одним из ключевых показателей является вхождение к окончанию срока реализации нацпроекта не менее 70% педагогов в сетевые профессиональные сообщества. На этом фоне практически в федеральных проектах практически отсутствуют задачи по совершенствованию существующей системы неформального и информального образования учителей, в том числе в рамках действующих общественно-профессиональных объединений педагогов. Вполне очевидно, что подобный подход может сильно ударить по системе про-

фессионального развития педагогов существующей в образовательном пространстве. Существует риски того, что учителя будут зарегистрированы в качестве участников профессиональных сообществ номинально, что создаёт угрозу достижимости задач, стоящих перед федеральным проектом «Цифровая образовательная среда». С другой стороны, активное включение части педагогов в деятельность сетевых сообществ может способствовать разобщению в профессиональных сообществах, действующих в зоне ближайшего окружения специалиста [3, с.344]. Это может привести к диссоциации социальных связей в коллективе и региональном профессиональном сообществе, и, как следствие, снижению устойчивости социального тела организации. В условиях трансформации системы образования только слаженная, направленная на всестороннее развитие личности ребёнка даст возможность добиться результатов, которые позволят российским выпускникам и специалистам конкурировать на рынке труда. В этой связи единственно верным вариантом внедрения цифровых инноваций должна стать не только разработка цифрового стандарта образовательной организации, но и постепенное внедрение ключевых инструментов. Индикатором эффективности цифровой трансформации системы, в первую очередь, должна быть удовлетворённость качеством работы электронных сервисов и удобности использования предлагаемых материалов основными получателями образовательных услуг, то есть обучающимися и их законными представителями, а также специалистами образовательных организаций и органов исполнительной власти.

Источники и литература

1) Кущева Н.Б., Терехова В.И. Современная цифровая образовательная среда в высшем образовании России // Проблемы современной экономики. 2018. №65. С. 191-194.

2) Чекалина Т.А., Тумандеева Т.В., Максименко Н.В. Основные направления и перспективы развития онлайн-обучения // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2018. №3 (31). С. 44-52.

3) Рулиене Л.Н. Преподаватель университета в цифровом образовательном пространстве: риски и ожидания // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. №3 (80). С. 343-346.

Леденева Виктория Юрьевна

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Moscow, Россия

Социологический мониторинг как механизм государственного управления взаимодействия этнических групп населения

Проблемы в области межнациональных отношений всегда являются предметом государственного управления в Российской Федерации. Актуальность этнической сферы связаны с многонациональностью нашей страны, объединившей 193 народа, десятки религий и религиозных течений. Любое недопонимание во взаимоотношениях тех или иных этнических групп, бытовые конфликты могут привести к серьезным межнациональным проблемам, вспышкам межэтнической напряженности или возникновению «горячих точек».

Задача государственных органов власти и институтов гражданского общества — внимательно наблюдать за состоянием этноконфессиональных отношений, выявлять факторы и причины, вызывающие напряженность, регулировать проблемы, сохраняя при этом основной вектор развития страны. Без этого невозможно достичь целей государственной национальной политики Российской Федерации: добиться «упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»; «гармонизации национальных и межнациональных (межэтнических) отношений»; «успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов» [1, с.8].

Социологический мониторинг - это лишь часть системы государственного управления межэтнических отношений. Социологический мониторинг осуществляет Федеральное агентство по делам национальностей.

Помимо сбора и анализа социологической информации о состоянии этноконфессиональных отношений, мониторинг должен обеспечивать ежегодные данные по целевым индикаторам реализации Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [2, с. 14] которая предусматривает контроль за двумя показателями: доля граждан Российской Федерации, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, и уровень толерантного отношения к представителям другой национальности.

В своей работе ФАДН России, как дополнительные источники, касающихся межнациональных и межконфессиональных проблем, гражданской идентичности, отношения к мигрантам и пр., использует данные, опубликованные на сайтах ВЦИОМ, Фонда «Общественное мнение», Ле-

вада-центра и других исследовательских организаций. Анализ этих данных помогает понять общие ценности, потребности и интересы россиян в сфере межнациональных отношений, но эти данные не являются мониторинговыми и дают лишь обобщенную информацию по Российской Федерации в целом, не опускаясь на уровень субъекта или этнической группы. Кроме того, ежегодно в субъектах Российской Федерации проводится более 300 исследований по межнациональной и межконфессиональной проблематике. Однако региональные исследования не имеют общей методики, что делает их несопоставимыми в рамках страны.

В настоящее время концепция Государственного социологического мониторинга в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений, разработанная ФАДН России, предполагает организацию непрерывной системы наблюдений, сбора и анализа данных по научно обоснованным критериям, показателям и индикаторам, позволяющим оперативно оценивать ситуацию в сфере этноконфессиональных отношений на территории каждого субъекта федерации, федерального округа, страны в целом; принимать управленческие решения и давать среднесрочные и долгосрочные прогнозы. Важно, что объектом мониторинга должна быть не только территория — субъект федерации или муниципалитет, а этническая группа (национальность) и конфессиональная группа. В основу системы мониторинга дополнительно положены новые, более чувствительные индикаторы межэтнических и межрелигиозных отношений: 1) доля граждан, которые лично ощущают недоверие или неприязнь к себе, нарушение прав или ограничение возможностей из-за этнической или конфессиональной принадлежности; 2) доля граждан, которые сами с предубеждением относятся к представителям другой национальности или других национальностей либо другой (других) религий и религиозных течений.

Особая роль в социологическом мониторинге ФАДН России отводится экспертам-аналитикам и экспертам-наблюдателям, живущим в наблюдаемой среде или сообществе.

В ФАДН создана экспертная панель, которая наряду с мониторингом СМИ даст оперативную информацию в области этноконфессиональных отношений как в отдельных точках, так и в Российской Федерации в целом. Эксперты сообщают о существующих противоречиях, участвуют в систематических опросах, инициируемых ФАДН России по актуальным проблемам этноконфессиональных отношений, взаимодействуют с органами исполнительной власти в субъектах Российской Федерации.

Таким образом, необходимость разработки и реализации социологического мониторинга межэтнических отношений вполне оправдывает се-

бя и является неотъемлемой частью государственного управления межэтническими группами.

Источники и литература

1) Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года / утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666.
2) Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014— 2020 годы): Федеральная целевая программа / утверждена постановлением Правительства РФ № 718 от 20.08.2013.

Липчанская Ирина Владимировна

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Миссия гуманитарной интеллигенции в гармонизации социальных интересов российского общества

Процесс философского осмысления гармонизации общественных отношений, а именно, их социальной составляющей, на наш взгляд, представляет собой непрерывное, поэтапное согласование интересов социальных субъектов, отражающееся в разрешении противоречий, а также снятия их остроты и напряженности. С учетом изменений социальной, экономической и политической обстановки в условиях перехода к рынку значительно изменилась социальная структура российского общества. Появились новые социальные группы, претендующие на свое социальное самоутверждение в обществе. Как следствие этого, сущность и содержание их интересов нуждаются в научном осмыслении для выявления возможности их согласования с интересами других социальных субъектов.

Рассмотрение процесса гармонизации общественных отношений между различными социальными субъектами российского общества актуально, прежде всего, потому что в современном обществе нарастают дезинтеграционные процессы, ведущие к экономическому, политическому, а то и к социальному хаосу.

В связи с этим актуальность проблемы места, роли и миссии гуманитарной интеллигенции в современном российском обществе в условиях социокультурных и научных трансформаций находится по-прежнему в центре внимания социально-философской мысли. Это связано, с одной стороны с тем, для большей части людей гуманитарная наука представляется бесконечно развертывающимся во времени поиском истины, хотя надо признать, что и сам предмет сложен, и может быть понят только посвященной частью интеллигенции [1, с. 65-67].С другой стороны, своеобразный трагический парадокс российской гуманитарной интеллигенции заключался в отторжении ее властью как до, так и после 1917 года, причем это было характерно для деятелей науки с мировым именем: И.А. Ильин, С.Л. Франк, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, А.А. Эйхенвальд и другие.

Необходимо отметить, что в контексте русской социально-философской и исторической мысли XIX - начала XX столетия определились следующие характеристики интеллигенции: ее малочисленность, вовлеченность главным образом в государственную систему организации науки, осознание себя в качестве «первенствующего ученого сословия» российского общества [2, с. 46].

Можно предположить, что в современном российском обществе изменившиеся условия осуществления научной деятельности (не только снятие многих запретов, но в существенно большей степени соприкосновение ученых с новыми формами организации науки и ее финансирования, особенно развитие в России системы государственного грантового финансирования исследовательских проектов, все более широкое подключение региональных ученых к финансовым источникам зарубежных грантов, а также появление совсем новых источников - частных фондов) приводят к размыванию доминирующего в нашей науке исследовательского стиля, ориентированного на цеховые принципы организации научной деятельности. На смену ему идет новый стиль - презентация научной деятельности, - стиль, влекущий за собой длинные фалды своих маргинальных проблем: шоу- и поп-науку, неразборчивость в связях, даже таких, как ассимиляция с паранаукой и мистицизмом [3, с. 75-76].

В таких условиях, осуществление миссии гуманитарной интеллигенции в современном обществе осложняется в связи с проблемой воспроизводства гуманитарной интеллигенции в новых поколениях, поскольку гуманитарное образование как процесс передачи от старших поколений младшим определенного объема социокультурных знаний и установок, предполагает не только институциональные средства такой передачи, но и наличие некоторой устойчивой общности, которая несла бы в себе им-

пульс такой ретрансляции знаний. Очевидно, что в отношении гуманитарного образования такую миссию несет на себе гуманитарная интеллигенция.

Именно гуманитарная интеллигенция имеет дело с продуцированием нового знания, превращением потенциальной информации в актуальную, включает в себя специалистов высшей квалификации, а также занимается воспитанием и образованием молодого поколения.

В связи с этим, первоочередными задачами государственного регулирования социальных отношений является выявление сущности и содержания интересов социальных групп, играющих основополагающую роль в современном российском обществе. Очевидно, что интеллигенция сохраняет свои позиции в российском обществе, меняя отдельные характеристики.

Однако нельзя не видеть, что в молодежной среде субъективное стремление к воспроизводству интеллигенции существенно уменьшилось, что может влиять на структурно-функциональную трансформацию гуманитарной интеллигенции, а в перспективе - и на ценностно-нормативные перемены в этой социальной группе. Надо отметить, что функциональное назначение интеллигенции изменяется как в российском, так и в глобальном мировом контексте. Умственный труд, интеллектуальное и художественное творчество перестают быть уделом группы людей с определенной образовательной подготовкой, основанной на специальном знании и идентификации с определенными культурными образцами. Это, в свою очередь, является необходимым фактором для осмысления жизненных ориентаций российских студентов, поскольку интеллигенция преимущественно рекрутируется (по крайней мере, последние сто лет) из студенческой среды.

При этом роль гуманитарной интеллигенции в формировании направленности процесса гармонизации общественных отношений заключается не только в оказании влияния на те общественные институты, которые в данный исторический момент являются приоритетными на пути согласования общественных отношений, но и на государство, которое является главным действующим лицом в процессе согласования интересов, имея в своих руках все рычаги воздействия на экономическую, политическую, социальную и духовную сферы жизни общества.

Источники и литература

1) Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура: «под колпаком у власти» // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 2. С. 65-75.

2) Липчанская И.В. Генезис научной элиты (социально-философский анализ) LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co, Germany, 2011. – 133 с.

3) Целищев В.В., Карпович В.Н., Плюснин Ю.М. Наука и идеалы демократии: социальные и методологические ценности в «республике ученых». – Новосибирск: Нонпарель. 2004. 115 с.

Ложечко Александр Сергеевич

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Обеспечение прозрачности финансов государственного сектора как способ сокращения социальной эксклюзии

Анализ ряда научных работ [1, 2, 3, 4, 5] позволяет сделать выводы о том, что прозрачность финансов общественного сектора:

- включает в себя достаточно широкий спектр вопросов, связанных с доступностью информации о структуре и функциях органов государственной власти, открытью сведений о задачах бюджетной политики, документов бюджетного прогнозирования и планирования, планах и результатах деятельности государственных и муниципальных учреждений;
- предполагает широкое общественное обсуждение законопроектов, связанных с управлением ими;
- не может существовать без определения и формализации ответственности органов государственной власти и лиц, принимающих управленческие решения, за разработку и реализацию соответствующих финансовых прогнозов и планов;
- обеспечивается существованием и функционированием специализированных органов государственного финансового контроля за эффективным, ответственным и целевым расходованием бюджетных средств в отношении объектов контроля, а также существованием аналогичного общественного контроля в отношении результатов поверок контрольных органов;
- должна способствовать росту уровня финансовой грамотности населения;

- в конечном счете обеспечивает рост инвестиционного потенциала публично-правового образования.

При этом под прозрачностью финансов общественного сектора, исходя из приведенной выше информации, необходимо понимать не только открытость и доступность для широкой общественности информации о структуре и функциях органов государственного управления, задач бюджетно-налоговой политики, прогнозов и счетов государственного сектора, но и доступность информации о финансовых планах, результатах деятельности государственных и муниципальных учреждений, а также качестве предоставляемых населению общественных благ, возможность участия общественности в управлении финансами общественного сектора.

Отсутствие информации о правилах и способах управления финансами государственного сектора, механизмах привлечения и, главное, распределения государственных финансовых ресурсов порождает, с одной стороны, риски неэффективного управления, а, с другой стороны, возможность ограничения доступа отдельных граждан к общественным благам и качественным государственным услугам. Непрозрачность финансов государственного сектора может привести к ограничению прав граждан на общественное участие в принятии управленческих решений, снижению качества государственного финансового контроля, ограничению доступа к качественным медицинским и образовательным услугам и т.д.

Предотвращение возникновения социальной эксклюзии в данном случае возможно с широким применением новейших инструментов цифровой экономики и лучшего зарубежного опыта в области обеспечения прозрачности финансов государственного сектора. В данном случае возможно использовать как простейшие инструменты и методы (например, «Электронный бюджет»), так и технологии Big Data и блокчейн.

Так, права граждан на получение и распространение любой информации о состоянии и развитии финансов государственного сектора должно опираться на требование опубликования обоснованного закрытого перечня исключений (например, в части финансирования оборонно-промышленного комплекса), а также определения целей и задач бюджетно-налоговой политики на основе анализа социально-экономического развития территории с применением математических многофакторных методов. При этом все документы стратегического планирования должны быть взаимоувязаны с ключевыми инструментами и механизмами реализации и быть опубликованы до начала очередного бюджетного цикла.

Говоря о совершенствовании открытости и прозрачности финансирования деятельности государственных и муниципальных учреждений, следует отметить что в рамках общественного контроля необходим постоянный мониторинг качества предоставляемых населению государственных и муниципальных услуг. Этого возможно достигнуть с помощью, например, широкого внедрения электронных способов проведения опросов на базе единой электронной системы - Портала государственных услуг Российской Федерации и сайта bus.gov.ru, в т.ч. с применением технологий Big Data для обработки и систематизации результатов.

Широко используемая в зарубежной практике концепция открытых данных, дополненная технологией блокчейн, позволит в полной мере автоматизировать процесс государственных закупок [6], обеспечить максимальную прозрачность соответствующего механизма, свести к минимуму коррупционные риски, обеспечить возможность участия широкого круга юридических лиц (в т.ч. малого и среднего бизнеса) в процедурах государственных закупок.

Одной из важнейших задач обеспечения прозрачности финансов государственного сектора является развитие общественного контроля и усиление его роли. Это позволит обеспечить участие широкого круга граждан в т.ч. в процессах распределения общественных благ. Помимо создания специальных профессиональных совещательных органов (общественных советов), необходимо создание и широкое информационное освещение деятельности специальной электронной платформы, в рамках которой гражданам будет доступна возможность обсуждения законодательных инициатив.

Результаты общественного контроля должны быть приниматься по внимание при окончательном принятии законопроекта или управленческого решения с обязательным отражением, например, в пояснительной записке к законопроекту.

Источники и литература

1) Гузь Н.А. Открытость и прозрачность управления общественными финансами: опыт Бразилии // Финансовая жизнь. 2017. № 2. С. 55-59.

2) Фрумина С.В. Вопросы регулирования открытости и прозрачности управления общественными финансами в Российской Федерации // Научное обозрение. 2015. № 13. С. 266-271

3) Дуброва М.В. Управление местными финансами в условиях открытости и прозрачности // В сборнике: Тенденции и перспективы

развития социотехнической среды Материалы IV международной научно-практической конференции. Ответственный редактор И.Л. Сурат. 2018. С. 547-555.

4) Долина О.Н. Государственное регулирование открытости и прозрачности управления общественными финансами в России // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 5. С. 186-189

5) Балынин И.В. Комплекс предложений по повышению прозрачности общественных финансов в Российской Федерации // Аудит и финансовый анализ. 2018. № 4. С. 80-84.

6) Шуина А.А., Мельник С.Г., Ложечко А.С. Развитие инструментов государственных закупок в условиях цифровой экономики // Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции "Архитектура финансов: новые решения в условиях цифровой экономики". Под научной редакцией И.А. Максимцева, В.Г. Шубаевой, И.Ю. Евстафьева. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2019

***Ломоносова Марина Васильевна*[1]*, Бушенкова Ираида Афанасьевна*[2]*, Князева Вера Владимировна*[3]**

1 - Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра теории и истории социологии, Санкт-Петербург, Россия; 2 - ГБОУ Инженерно - технологическая школа № 777, Санкт- Петербург, Россия; 3 - ГБОУ Инженерно-технологическая школа 777, Санкт-Петербург, Россия

Реализация стратегии устойчивого развития в Российской Федерации на примере инфраструктурного проекта «Инженерно-технологическая школа № 777».

Развитие науки и техники уже в середине XX века привело к пониманию, что для человека и общества оно несёт не только решение многих проблем, но оборачивается конфликтами и новыми угрозами глубинных трансформаций человеческого бытия. При этом, нарастающие процессы глобализации показали, что обострение напряженности в одном регионе или сфере человеческой деятельности сложно локализовать, а дальнейший коллапс может привести к непоправимым последствиям. Стало очевидно, что и решение проблем, связанных с отрицательными эффектами научно-технического прогресса, возможно только при общих усилиях

всех государств. В 1987 г. Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию опубликовала доклад «Наше общее будущее», известный как доклад Гру Харлем Брундтланд. В этом докладе впервые прозвучал термин «устойчивое развитие», т.е. модель развития человечества, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения без лишения такой возможности будущих поколений. В одном из его положений отмечалось, что «движущей силой экономического роста является новая технология, которая, хотя открывает потенциальные возможности замедления опасно быстрых темпов эксплуатации ограниченных ресурсов, в тоже время таит в себе большую опасность, в частности опасность появления новых форм загрязнения и распространения по планете новых форм жизни, которые способны изменить направления эволюции» [1, п.14]. Сегодня, спустя 33 года после обнародования положений доклада «Наше общее будущее», мы видим, как сбываются его самые мрачные прогнозы. Тем не менее, есть и положительные тренды. На второй конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) была принята программа «Повестка дня на XXI век», в которой был разработан комплекс конкретных мер, способствующих устойчивому развитию на глобальном и локальном уровнях. В пункте 36.3 программы было зафиксировано: «Просвещение имеет решающее значение для содействия устойчивому развитию и расширения возможностей стран в решении вопросов окружающей среды и развития <...> Как формальное, так и неформальное образование являются незаменимыми факторами для изменения подходов людей, с тем чтобы они имели возможность оценивать и решать стоящие перед ними проблемы в области устойчивого развития» [2, п. 36.3]. В основополагающих документах последних лет о приоритетных направлениях развития РФ нашли отражение большинство целей устойчивого развития ООН, в том числе в 2005 г. была принята «Национальная стратегия образования для устойчивого развития в Российской Федерации».

Одной из стратегических задач российского образования является ориентация молодежи на непрерывное образование, фундаментальную науку и инженерные профессии, так как сегодня конвергентные и инженерные науки превращаются в реальную политическую силу. Эта абсолютно новая для человеческого социума ситуация диктует новые стандарты получения знаний, когда фундаментальным ядром образовательных программ с неизбежностью должна выступать идея конвергенции наук. Именно эта идея легла в основу открытия Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Инженерно-технологическая школа № 777» Санкт-Петербурга (ИТШ). Учебному процессу, на-

чавшемуся в 2019/2020 учебном году, предшествовала фундаментальная работа по разработке основного учебного плана и программ дополнительного образования. Наряду с основными целями образовательной деятельности по программам начального общего, основного общего и среднего общего образования ИТШ обозначила достижение важных стратегических целей развития системы среднего и профессионального образования в России. В школе была создана инновационная образовательная среда как с точки зрения использования новых информационных технологий, инженерного оборудования и современных подходов к обучению, так и с точки зрения разработки уникальной образовательной стратегии для каждого школьника» [3].

Инженерное образование в ИТШ - это не только увеличение часов для углубленного изучения предметов, но и расширение практического содержания программ для развития навыков инженерной деятельности. Интеграция основного и дополнительного образования - одно из приоритетных направлений деятельности ИТШ. Центр дополнительного образования создает условия для развития потенциала каждого ребенка, реагирует на быстро меняющиеся потребности детей и родителей, оказывает поддержку одаренным и высокомотивированным учащимся, формирует ключевые компетенции XXI века: системное мышление, межотраслевая коммуникация, работа с информационными системами, работа с людьми и работа в команде, толерантность, осознанность. Для учащихся открыты двери около 100 творческих объединений центра дополнительного образования «Лахта-полис»: «Фьюзинг», «Лазерное моделирование», «Основы гончарного дела», «Программирование», «Прототипирование и 3d моделирование», «Робототехника», «Аэро-космическая физика», «Биотехнологии, наука и человек в XXI веке» и многие другие, причем 70% дополнительных общеобразовательных программ ИТШ имеют техническую направленность.

В 2020 г. «Инженерно-технологическая школа № 777» стала Федеральной инновационной площадкой по теме «Модель инженерно-технологической школы — инновационная архитектура образовательной сферы». Впереди ещё много работы. Предстоит не только совершенствовать модель инженерно-технологической школы, но и разработать аксиологию инженерно-технологического образования в XXI веке, учитывающую как задачи устойчивого развития, базовые гуманистические ценности, так и стратегические потребности населения России в условиях глобальных вызовов современности.

Источники и литература

1) Доклад Всемирной комиссии по вопросам среды развития «Наше общее будущее» от 4 августа 1987 г. // https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf
2) Программа «Повестка дня на XXI век». Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch36.shtml
3) Ломоносова М.В., Князева В.В., Бушенкова И.А. Дополнительное образование школьников как стратегический фактор инноваций (на примере программы дополнительного образования «Био-технологии: наука и человек в XXI веке» // Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов: сб.докл./ст. участников XV Всерос. науч.-практ. конф. в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». СПб, 9–11 октября 2019 г. / сост. Н.И. Лапин, Р.Х. Салахутдинова; отв. ред. А.В. Немировкая. — СПб.: «Реноме», 2019. — 648 с.

Магомедов Керем Османович
Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Взаимосвязь повышения эффективности местного самоуправления и мотивации социальной активности населения

В современных условиях особенно важным становится то, как выстраиваются отношения и взаимодействия местной власти и гражданского общества, его структур, а также граждан, происходят ли в этом направлении положительные изменения. Данные регулярно проводимых социологической группой ИГСУ РАНХиГС исследований (за 2007 - 2019 гг.) показывают, что более $^{2}/_{5}$ респондентов регулярно отмечают наличие положительных изменений. Однако достаточно большое количество респондентов (то есть граждан, представляющих местные сообщества) не могут определить свое мнение, что говорит, в частности, о невысокой активности структур гражданского общества на местном уровне - об их наличии и субъектных возможностях граждане могут просто не знать, как и о задачах взаимодействия местного самоуправления с этими структурами.

Это вводит в проблему информационной открытости деятельности местных органов власти. Степень такой открытости, как следует из мнений участников исследований, пока явно недостаточна: более трети респондентов оценивает ее в положительном ключе, а более половины в отрицательном и это говорит о том, что местное самоуправление имеет стремление к открытому диалогу с населением о своей работе, но, возможно, не использует для этого все необходимые коммуникационные средства.

Конституционный принцип самостоятельного решения населением вопросов местного значения, который должен соблюдаться всеми работниками органов местного самоуправления, но результаты исследований показывают, что только примерно треть респондентов и около половины представителей экспертной группы считают, что этот принцип оказывает влияние на деятельность муниципальных служащих. Это свидетельствует о наличии определенных проблем в расхождении интересов органов местного самоуправления, муниципальных служащих с интересами населения, что, по крайней мере, должно стать предметом взаимодействия между местной властью и гражданским сообществом, его общественными структурами по устранению причин и последствий данного противоречия.

Решение проблем местных сообществ зависит не только от деятельности органов местного самоуправления, но и от социальной активности граждан, от меры их включенности в социальную практику, от их гражданского участия. Материалы исследований показывают, что определенное влияние на развитие социальной активности населения местная власть оказывает, но при этом треть участников исследования такое влияние отрицает, и еще некоторая из них отмечают препятствия со стороны местной власти в развитии социальной активности населения. Нужно также учесть и то, что многие участники исследования не смогли определить свое мнение по данному вопросу, что можно рассматривать, в том числе, как отсутствие каких-либо действий местных властей в отношении социальной активности населения муниципального образования.

Что касается самого населения, то далеко не все формы проявления социальной активности, предлагаемые ему местной властью, вызывают ответную реакцию в виде активности и участия. На основании мнений участников исследования можно сделать вывод о том, что среди респондентов, представляющих население муниципальных образований, наибольший отклик получили такие мероприятия, инициируемые местной властью, как опросы общественного мнения (40,1%) и собрания граж-

дан (36,4%). Мнения представителей экспертной группы также показывает, что эти два вида мероприятий, проводимых по инициативе местной власти, наиболее характерны для участия в них населения, но также к ним эти участники исследования относят и публичные слушания (42,7%), участие в которых отметил только примерно каждый пятый респондент. Участие населения в других мероприятиях (например, сход, референдум, конференции граждан и т.п.) не носит столь массового характера, хотя они предусмотрены в законе об основах местного самоуправления и могут рассматриваться в качестве отдельных направлений активизации местной властью социальной активности населения.

То же самое можно отметить и относительно участия населения в мероприятиях, проводимых по инициативе самих граждан. Как следует из распределения мнений участников исследования, респонденты в своем большинстве из всех мероприятий, проводимых по инициативе граждан, выделили три основных - субботники (59,8%), собрания (46,4%) и культурно-спортивные мероприятия (37,1%), в которых им приходилось лично участвовать. Представители экспертной группы также выделили эти мероприятия как наиболее характерные для участия в них населения. Остальные виды мероприятий (митинги, пикеты, акции протеста, коллективное обращение к местной власти и др.), как свидетельствуют мнения и респондентов, и представителей экспертной группы, не являются столь привлекательными для проявления социальной активности и гражданского участия населения, хотя небольшая часть населения находит в них себе применение.

Социальную активность населения можно мотивировать, и исследования показывают, что мотивирующими причинами участия граждан в общественной жизни муниципального образования служат в большей степени гуманистические основания, а получение какой-либо личной выгоды от этого отходит на второй план (по мнению респондентов). Таким образом, местная власть может повысить мотивацию социальной активности населения, если примет во внимание, какие стимулы более приемлемы для граждан в их муниципальном образовании, другими словами, проведет изучение структуры мотивации социальной активности населения.

Марсагишвили Мариам Рамазановна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Достижение социального благополучия граждан РФ посредством обеспечения населения качественным жильём

Жилищная политика Российской Федерации является важной составляющей национального богатства страны, отражающей состояние социальных и экономических параметров качества жизни, она направлена на управление жилищным фондом и соблюдение условий жилищной обеспеченности граждан, а также на воспроизводство социальной активности жителей городов и населённых пунктов. На сегодняшний день неудовлетворенность граждан обеспеченностью жильём является актуальной проблемой как для общества, так и для государства. Целью исследования выступила идентификация способов обеспечения граждан РФ качественным жильём как фактора достижения социального благополучия населения страны».

Жилищная политика, как одна из составных частей государственной социальной политики, формирует фундамент восприятия идей и взглядов на то, каким путем должны складываться жилищные отношения в обществе, создает необходимые условия для формирования основных элементов жилищной системы по реализации прав граждан на жильё, уровень социального обеспечения, механизма определения квартирной платы, количества и качества предоставляемых услуг, развития системы финансовых институтов для создания рынка жилья.

Так, в соответствии со ст. 7 Конституции, Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Для соблюдения ст. 40 Конституции РФ [1], жилищная политика государства должна быть направлена на обеспечение граждан доступным жильём, осуществлять меры для реализации права населения на доступное жильё.

В России жилищный вопрос всегда был актуален, так как приобретение имущества недоступно больше чем половине населения страны. Согласно стратегии развития жилищной сферы Российской Федерации до 2025 года [5], за период с 2005 по 2016 года сократилась потребность населения в улучшении жилищных условия (с 61% до 45% семей), в 2 раза вырос объем строительства жилья по сравнению с 2004 годом, достигнут рекордный рост объемов жилищного строительства за всю историю, включая период СССР. Около 6 миллионов семей улучшило свои жилищ-

ные условия за счет ипотеки. Создана система ипотечного кредитования (объем выдачи ипотеки в период с 01.02.2013 по 01.01.2018 увеличился в 32 раза [4], объем ипотечной задолженности достиг 5% ВВП [2].

Большая часть населения нуждается в решении жилищных проблем, проживая в собственных квартирах, но в стеснённых условиях. Очевидно, что из-за завышенных рыночных цен на жильё и высокой себестоимости строительства, в современных условиях решение жилищного вопроса стало самостоятельной задачей граждан страны. Люди вынуждены брать долгосрочные ипотечные кредиты, добровольно оформляя многолетнюю долговую зависимость.

Непосредственно сам процесс распределения жилья отнесён к рыночному хозяйствованию путём купли продажи, а строительство носит ситуативный и хаотический характер, поскольку застройщики (главные субъекты системы отношений по воспроизводству гражданских зданий) в погоне за прибылью не учитывают институциональность жилья как социально значимого имущества, определяющего дальнейшую структуру развития городского пространства, вытесняя жителей за черту города в иные субъекты РФ.

Согласно статистическим данным, на ноябрь 2019 г. введено в действие жилых домов в Санкт-Петербурге - 1604,3 тыс. кв. м. общей площади (из них 1586,6 - частная), в Ленинградской области - 2104,6 тыс. кв. м. общей площади (из них - 2097,2 - частная) [7].

Несмотря на попытки государства удовлетворить потребность населения в жилье и улучшении жилищных условий, количество семей с данной проблемой сохраняется. Это свидетельствует также о высокой степени бюрократизации, выставлении дополнительных барьеров и условий для получения доступа к жилью и оперативного решения жилищных проблем.

Так как город состоит из множества социальных пустот, ради улучшения качества жизни горожан и удовлетворения их потребности в решении жилищного вопроса следует строить в черте Санкт-Петербурга. Для этого нужно искать неэффективно используемые и пустующие земли в городах и строить на них всё необходимое для удовлетворения населения качеством городской среды.

Источники и литература

1) Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.12.2019).

2) Минстрой РФ. Развитие рынков ипотеки и жилищного строительства 2000-2017 - С. 4. [Электронный ресурс]. - URL: http://rusipoteka.ru/files/analytics/ahml/2017/ipoteka-2000-2017.pdf (дата обращения: 26.12.2019).

3) Муфтахова А.Н. Расхождение в приоритетных задачах по обеспечению доступным и комфортным жильем граждан РФ при трансформации жилищного фонда / А.Н. Муфтахова // Архитектура и дизайн. - 2017. - № 3. - С. 13-19.

4) Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования [Электронный ресурс]. - URL: https://cbr.ru/statistics/pdko/mortgage/ (дата обращения: 26.12.2019).

5) Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. - URL: https://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/ec7/Strategiya-zhilishchnoi_-sfery.pdf (дата обращения: 26.12.2019).

6) Терпугова А.В. Жилищный фонд Санкт-Петербурга: проблемы сохранения и воспроизводства / А.В. Терпугова // Современные научные исследования и инновации. - 2015. - №10. - С. 179-182.

7) Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) [Электронный ресурс]. - URL: https://petrostat.gks.ru/ (дата обращения: 26.12.2019).

Мартыненко Татьяна Сергеевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Общество и окружающая среда: новые источники социальных противоречий

Одной из ключевых тем глобальной и национальной повестки дня сегодня являются экологические проблемы и их социальные последствия. Несмотря на то, что на протяжении всей истории человечества ограниченность ресурсов и их неравномерное распределение становились источниками социальных противоречий, их масштаб является беспрецедентным. Сегодня как никогда мы сталкиваемся с ситуацией, когда окружающая среда становится фактором существенных социальных трансформаций: от интенсификации миграционных процессов до усиления со-

циального неравенства, возрастания националистических настроений и новых вооруженных конфликтов.

Начиная с конца прошлого века социологи активно обсуждают вопросы инвайронментального неравенства. В самом широком смысле инвайронментальное неравенство определяют как неравенство, связанное с различным доступом к чистой окружающей среде и представляющее собой неравномерное распределение экологических рисков. Инвайронментальное неравенство часто используют как синоним таких понятий, как «экологическое неравенство», «неравенство инвайронментального характера» и «неравенство в отношении экологических условий». Кроме того, оно тесно связано с такими понятиями, как «пространственное неравенство» (*spatial inequality*) и «витальное неравенство» (последнее отсылает к работам Г. Терборна [См. подробнее: 7]. Таким образом, инвайронментальное неравенство представляет собой социальное неравенство укорененное и во многом обусловленное пространственными особенностями той или иной территории. Более того, даже в рамках одной страны эти условия могут серьезно отличаться. Особенно это актуально для больших стран и стран, расположенных в разных климатических зонах. Россия не является исключением: в разных регионах нашей страны население подвергается различным инвайронментальных рискам, существование которых обусловлено, например, наличием грязных производств на некоторых территориях.

В то же время инвайронментальное неравенство тесно связано с другими формами социального неравенства. Французская исследовательница Дж. Гобер исходит из того, что оно пересекается с тремя другими измерениями неравенства: социальным, пространственным и собственно экологическим. Оно представляет собой выражение экологического бремени, которое несут в первую очередь находящиеся в менее благоприятном положении социальные группы, либо определенные территории, жители которых подвержены этому бремени. При этом важно учитывать, что не любая подверженность загрязнению или экологическому риску, по мнению Дж. Гобер, является неравенством [2].

Наряду с инвайронментальным неравенством в начале XXI века социологи и представители общественности стали все чаще говорить о новых социальных конфликтах, являющихся следствием экологических рисков. Специалисты в области социальных наук подчеркивают, что именно деградация окружающей среды приведет к новым социальным конфликтам и социальной напряженности [6], в то время как специалисты в области естественных наук утверждают, что сохранить планету хотя бы в текущем состоянии (с точки зрения изменения климата и основ-

ных последствий этого изменения) становится все сложнее и фактически невозможно [5]. Для концептуализации новой формы пространственных социальных противоречий американский журналист Кристофер Меррил предлагает использовать термин «насилие экологии» ("*violence ecology*") [1]. С одной стороны, при помощи этого термина он пытается описать особенности жизни в условиях вооруженных конфликтов, их «экологию», с другой - он полагает, что изменение климата вызовет новый виток негативных социальных последствий, поскольку существенно усиливается конкуренция за территории и еще более ограниченные ресурсы. Оно не только станет источником новых конфликтов, но и усилит уже существующие «расколы» между странами и регионами.

Изменение климата и загрязнение окружающей среды будут способствовать интенсификации миграционных процессов и появлению феномена экологических беженцев. Наплыв мигрантов потребует жесткого регулирования и породит новые конфликты на наиболее безопасных территориях. Американский социолог Р. Лахман считает, что экологические проблемы станут основной причиной роста национализма в XXI веке, поскольку их масштаб может лишить жителей некоторых стран и регионов не только ресурсов, в том числе подходящей для употребления воды, но и пригодных для жизни территорий [3]. Несомненно, в наиболее выгодном положении окажутся страны, которые предпринимают попытки решить эти проблемы заранее (например, островные государства, скупающие землю на материке), а также страны, находящиеся в более защищенной от экологических рисков точке планеты.

Более того, этим круг потенциальных угроз не ограничивается: деградация окружающей среды создает преграды для экономического роста, что при возрастающем населения части регионов мира приведет к росту бедности и социальной эксклюзии, а также будет сдерживать развитие государств в целом [4].

Таким образом, экологические проблемы уже сегодня являются источником социальных противоречий пространственного развития, а потому требуют еще более пристального внимания и интереса со стороны науки, государства и гражданского общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01106 «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России».

Источники и литература

1) Eco-Thoughts: An Interview with Christopher Merrill. 23 January 2020. Believer. URL: https://believermag.com/logger/eco-thoughts-an-interview-with-christopher-merrill/ (Accessed: 25.01.2020).

2) Gobert J. Environmental inequalities / Encyclopedia of the Environment. 07.02.2019. URL: https://www.encyclopedie-environnement.org/en/society/environmental-inequalities/#1_How_to_define_environmental_inequality (Accessed 6.01.2020).

3) Lachmann R. Anti-Elite Protest and the Future of Democracy [Электронный ресурс] / Russia in Global Affairs. URL: https://eng.globalaffairs.ru/valday/Anti-Elite-Protests-and-the-Future-Of-Democracy-18605 (дата обращения: 20.01.2019).

4) Martynenko T. S., Vershinina I. A. Digital economy: The possibility of sustainable development and overcoming social and environmental inequality in russia // Espacios. 2018. Vol. 39, no. 44.

5) Глобальное потепление на 1,5%. Специальный доклад МГЭИК. Межправительственная группа экспертов по изменению климата. 2019. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/09/SR15_Summary_Volume_russian.pdf (дата обращения: 07.01.2020).

6) Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Институт Гайдара, 2015.

7) Мартыненко Т. С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 97–101.

Махкамова Шахло Юлчиевна

Институт бюджетно-налоговых исследований при Министерстве финансов Республики Узбекистан, г. Ташкент, Узбекистан

Стратегия трудоустройства молодежи

В Узбекистане обеспечение занятости молодежи в настоящее время и в будущем является наиболее актуальной задачей, требующей своего решения. 33% населения Узбекистана составляют дети до 18 лет, 24% - молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Поэтому вопрос создания

рабочих мест является важнейшей частью Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития республики на 2017-2021 годы [1, с. 1].

Важным и актуальным представляется изучение социально-экономических предпочтений, в частности, жизненных ориентиров выпускников колледжей и лицеев относительно выбора профессии, дальнейшего обучения, трудоустройства и планов на будущее. Оценить эти направления жизнедеятельности возможно только через проведение социологических обследований путем опроса подрастающего молодого поколения.

Основным инструментом проведенного исследования является опрос выпускников колледжей и лицеев путем анкетирования. Для проведения опроса были разработаны программа и анкета обследования.

Объектом исследования выступили выпускники (учащиеся старших курсов) колледжей и лицеев, выбранные из различных направлений обучения.

Профессиональная ориентация молодежи, отношение к трудовой деятельности определяют их социальную зрелость и уровень ответственности. В связи с этим отношение молодежи к труду наиболее актуально и важно в условиях модернизации экономики страны.

Проведенное обследование позволило выяснить, какие требования к своей трудовой деятельности предъявляет современное поколение молодых людей. Полученные данные опроса свидетельствуют о том, что для выпускников колледжей (лицеев) наиболее важными факторами при выборе места работы являются: наличие перспектив роста по должности и размер оплаты труда (59,0%); интересная работа (54,7%); соответствие специальности (46,9%). Вышеперечисленные условия выбора работы должны быть учтены при организации трудоустройства выпускников колледжей (лицеев).

Респонденты при определении места своей работы отметили важность комфортных условий труда и сплоченного и дружного коллектива. Немаловажным является также удобное месторасположение предприятия, особенно в сельской местности (31,1%).

Девушки по сравнению с юношами отдают предпочтение при выборе работы по факторам «интересная работа» (50,6%) и «размер оплаты труда» (60,9%), «удобное расположение предприятия» (52,0%), «соответствие специальности» (66,4%), «хорошие взаимоотношения в коллективе» (38,6%), «не утомительная работа» (9,2%).

В разрезе отдельных социальных слоев населения (уровень благосостояния) существенных различий при выборе места работы по основным факторам не наблюдается. Важными представляются ответы на вопро-

сы о предпочтениях молодежи в выборе места работы в разрезе отраслей экономики.

К приоритетным отраслям, где молодежь хотела бы работать, относятся: банковско-финансовые услуги (14,6%), услуги здравоохранения (9,1%) и образования (13,0%), промышленность (7,0%). Особо нужно отметить желание их работать в такой сфере, как информационно-коммуникационные технологии (6,7%). В целом, предпочтения выпускников колледжей (лицеев) работать в сфере услуг, промышленности и информационно-коммуникационной технологий соответствуют приоритетным направлениям экономической программы страны. Целесообразно больше агитировать и пропагандировать молодежь о престижности работать в индустриальных отраслях и создание более благоприятных условий для привлечения их к работе в высокотехнологичных производствах.

Заслуживают внимания ответы молодых людей о желании организовать свой бизнес (9,2%). Среди девушек предпочтения в разрезе отраслей экономики отданы образованию (30,0%), банковско-финансовому сектору (17,2%), здравоохранению (13,6%), промышленности (6,2%), открытию своего бизнеса (10,6%). Мнения молодежи о путях и формах трудоустройства после завершения учебы разнообразны.

Определенное место при поиске места работы занимает помощь со стороны родственников, знакомых (25,2%) и родителей (14,1%). Столь высокая надежда молодых на помощь родственников и родителей отрицательно может повлиять на формирование у них целевых ориентиров и предпочтений. Нужно отметить, что у девушек (16,5%) опора на родителей больше, а юноши (9,0%) немного самостоятельнее относятся к трудоустройству. Определенная дифференциация в ожиданиях на помощь родителей наблюдается в разрезе городской (9,0%) и сельской (19,7%) молодежи.

Перспективным представляется трудоустройство выпускников в том месте, где проходили практику (23,1%). Это еще раз показывает, насколько важным является расширение производственной практики во время обучения.

Важным аспектом обследования была оценка эффективности трудоустройства выпускников через многосторонние соглашения, заключаемые между предприятиями (работодателями), профессиональными колледжами и их родителями а органами местной власти.

В последние годы активно развивается механизм трудоустройства молодежи через предоставление льготных микрокредитов для организации собственного бизнеса. На вопрос выпускникам колледжей относительно их обращения для получения микрокредитов положительно ответили

только 4,5% респондентов, в т.ч. в городах - 2,9%, в сельской местности - 6,1%.

Анализ полученных результатов на примере обследованных колледжей (лицеев) показал, что из числа обратившихся получили микрокредит всего лишь 22,9%, а 77,1% ответили, что не смогли его получить.

Основными причинами неполучения кредитов, согласно оценке, являются «бизнес-план не получил одобрения» (19,7%), «документы находятся на рассмотрении в банке» (12,9%), «трудно получить кредит без посредников и знакомых» (12,9%). В сельской местности: «бизнес-план не утвержден» (11,1%), «документы находятся на рассмотрении банка» (22,2%). В городах «трудности получения кредита без знакомых» (23,1%) существенно больше, чем на селе (5,6%). Имеющиеся трудности с получением микрокредита для организации малого бизнеса не носят принципиального характера, их можно оперативно быстро устранить.

Определенный интерес представляют полученные ответы относительно желаемого размера заработной платы после трудоустройства в качестве молодых специалистов. Порядка 18,5% намерены получить более 1,0 млн. сум. Объективны намерения девушек относительно размера заработной платы (ниже, чем у юношей).

Анализ результатов проведенного обследования дает возможность сформулировать следующие выводы и предложения:

- для выпускников колледжей (лицеев) наиболее важными факторами при выборе места работы выступают перспективы роста по должности и размер заработной платы, интересная работа, соответствие полученной специальности, которые необходимо учитывать при организации трудоустройства молодежи;

- молодежь, прежде всего, хочет работать в таких секторах экономики, как банковско-финансовые услуги, услуги здравоохранения и образования, промышленность, связь и информационно-коммуникационные технологии. Вместе с тем, целесообразно стимулировать молодежь для работы в индустриальных отраслях с высокотехнологичными производствами;

- при определении более точного количества выпускников, нуждающихся в трудоустройстве, необходимо учесть их планы и намерения после завершения учебы, в т.ч. факторы поступления и непоступления в вуз, занятие предпринимательством, службу в армии, обучение для получения новой специальности, создание семьи и др.;

- целесообразна проработка вопроса о создании специализированных молодежных бирж труда в регионах страны для трудоустройства выпускников вузов и колледжей;

- обучать молодежь по основам создания бизнес планов, вести системный контроль результативности и эффективности выделения льготных кредитов для выпускников колледжей.

Источники и литература

1) Электронныи ресурс. URL: https: // uz.sputniknews.ru/society/20190513/11485670/ Pomoch-molodym- trudoustroitsya-v-Uzbekistane-startoval-spetsproekt-po-zanyatosti.html

Мусиенко Светлана Олеговна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Сделки по слиянию и поглощению: выгоды и потери сторон

Слияния компаний представляет собой сложный многоэтапный процесс, при котором множество специфических и частных факторов оказывают влияние на результат процесса. Традиционно сделки по слиянию и поглощению (M&A) производят для увеличения рыночной стоимости компании и получения синергетического эффекта, повышающего результативность бизнеса. Однако, при этом, могут возникать конфликты и противоречия, которые в конечном итоге не приведут к желаемому результату, а напротив будут способствовать снижению производительности и эффективности бизнеса.

Сделки по слиянию и поглощению осуществляют по ряду различных причин. Стандартные мотивы горизонтальных слияний - это экономия финансовых ресурсов, устранение дублирующих функции, увеличение доли рынка (что в свою очередь позволяет договориться о более выгодных долгосрочных контрактах с поставщиками и клиентами или снизить конкуренцию [1]. Целью вертикальных слияний является стремление получить контроль над смежными этапами производственного цикла для сокращения трансакционных издержек и получения синергетического эффекта.

Рассматривая процесс слияния с точки зрения преимуществ участников сделки, следует отметить, что не только приобретающая компания получает выгоды, но и та, которую приобретают [2]. Так, с точки зрения компании-покупателя основными выгодами от слияния являются:

· увеличение ассортимента, расширение продуктовой линейки;

· увеличение доли рынка, расширение географии присутствия;

· диверсификация бизнеса (как следствие, минимизация рисков);

· повышение доходности бизнеса, общей величины активов, денежного потока, ресурсов в распоряжении;

· укрепление конкурентных преимуществ и устранение недостатков;

· приобретение новых технологий и производственных мощностей, расширение возможностей производства, повышение качества продукции.

С точки зрения компании-продавца выгоды будут проявляться в следующем:

· возможность устранения стратегических недостатков, которые не могут быть решены самостоятельно;

· возможность преодоления финансовых трудностей, погашения просроченной задолженности, расширение доступа к финансовым ресурсам;

· возможность делегировать полномочия по управлению при необходимости ухода из бизнеса собственников.

Таким образом, мотивы обоих участников сделок по слиянию и поглощению свидетельствуют о том, что данный процесс является взаимовыгодным для обеих сторон. Однако, описанные преимущества являются с одной стороны целями, с другой стороны результатами, которые будут достигнуты при грамотном и эффективном осуществлении самого процесса слияния и реструктуризации компаний. Именно на этапе реструктуризации возникают наибольшие трудности, а также конфликты интересов сторон. Это происходит по следующим причинам: различия в организационной структуре, различия в размерах компаний, социально-культурные различия, различия корпоративной культуры и т.п. [3]

Основные риски и негативные проявления результатов слияний приходятся на персонал компаний. Здесь можно выделить следующие ключевые последствия сделок, которые неизбежно вызывают конфликты:

1. Оптимизация административно-управленческого персонала. В первую очередь при объединении двух компаний сокращения происходят среди руководящего состава, поскольку двух руководителей на одном объединенном пространстве быть не может. Рабочие и менеджеры среднего и нижнего звена в наименьшей степени подвержены процессам оптимизации кадров, поскольку расширение ассортимента и деятельности компании в целом, требует выполнения большего объема заказов.

2. Смена стиля руководства. Несмотря, на то, что большая часть сотрудников остается и продолжает работать после объединения компаний, некоторым может быть некомфортно работать в новых условиях, поскольку основные правила поведения (дресс-код, трудовая дисциплина и т.п.) устанавливается руководством. В свою очередь для новых руководителей их новые сотрудники могут оказать «неуправляемой толпой». Все это в совокупности приводит к нарушениям в работе компании, сбоям производственного процесса и т.п.

3. Несогласованность организационных структур. Может проявляться через избыточное наличии или напротив отсутствие управленцев среднего звена в определенных бизнес-процессах, которые были по-разному организованы в объединяемых компаниях.

Помимо прочего основные противоречия и конфликты могут возникать по причине психологической несовместимости персонала двух компаний. [4] В данной ситуации необходимо оценивать все перечисленные негативные последствия заранее, и принимать соответствующие меры по их нивелированию.

Источники и литература

1) Spector, D. (2003) Horizontal mergers, entry, and efficiency defences // Int. J. Ind. Organ. 21, pp. 1591–1600. http://dx.doi.org/10.1016/S0167-7187(03)00078-X.

2) Корпоративные финансы / Эскиндаров М.А. под ред., Федотова М.А. под ред. и др. — М: КноРус, 2018. — 480 с. — (бакалавриат и магистратура). — ISBN 978-5-406-06393-4. — URL: https://book.ru/book/927958 (дата обращения: 10.01.2020)

3) Gökçen Arkalı Olcay, M. Atilla Öner, Ali Bahadır Olcay (2019) A conceptual view of exergy destruction in mergers and acquisitions // Technological Forecasting and Social Change, Vol.143, pp. 336-352, ISSN 0040-1625, https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.06.008.

4) Михелашвили Н.Р. (2017) Сделки слияния и поглощения: причины и пути предотвращения неудач // Финансовая аналитика: проблемы и решения. Т. 10. № 2 (332). С. 215-225.

Мусинова Нина Николаевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ

Роль института сельских старост в повышении инициативы граждан в местном самоуправлении

В последние годы в Российской Федерации явно прослеживается тенденция укрупнения муниципальных образований. Массовые объединения поселений (преимущественно сельских) имели место во многих регионах. Наблюдались далеко не единичные случаи преобразования муниципальных районов и входящих в их состав городских и сельских поселений в единые городские округа. Подобное реформирование, вызывающее оправданное недоумение экспертного сообщества, продолжает стремительными темпами осуществляться в регионах Северо-Западного и Центрального федеральных округов (особенно в Московской области), а Магаданская область в результате такой реформы стала самым урбанизированным российским регионом, состоящим исключительно из городских округов. Несколько менее интенсивно эти процессы проходили в др. федеральных округах.

Процессы укрупнения муниципальных образований, направленные на повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления в сельской местности, предполагают:

- повышение эффективности деятельности исполнительных органов местного самоуправления за счет роста компетентности муниципальных служащих и их руководителей, а также усиления их мотивации за достигнутые результаты;
- оптимизацию организационных структур местных администраций, их материально-технического, организационно-методического и информационного обеспечения;
- привлечение сельских жителей к активному участию в решении вопросов местного значения через создание в крупных населенных пунктах органов территориального общественного самоуправления, а в небольших - института сельских старост, как одной из форм территориального общественного самоуправления.

Неслучайно Федеральным законом от 18.04.2018 № 83-ФЗ в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» внесены изменения в части дополнения статьей 27.1 «Староста сельского населенного пункта». Заметим, что до этого времени в Федеральном законе №131-ФЗ сельские старосты не упоминались. Данная статья, в том числе, предусматривает возможность установления законом субъекта Российской Федерации дополнительных, кроме определенных Федеральным законом № 131-ФЗ, полномочий, прав, гарантий деятельности и иных вопросов статуса старосты сельского населенного пункта.

Институт сельских старост, существовавший еще в царской России, имеет глубокие исторические традиции и возрождается в ряде субъектов

РФ. Сельские старосты на общественных началах действуют в 30 тысячах небольших населенных пунктов и их частях, охватывающих около 5 тыс. муниципальных образований. Уже несколько лет старосты действуют в селах Ленинградской, Вологодской, Владимирской, Нижегородской, Оренбургской, Ульяновской и некоторых других областей. Фактически везде возрождение института старост было инициировано региональной властью и базируется на законодательстве субъектов РФ. Возврат к традиции позволяет повысить оперативность решения возникающих проблем.

Имеющийся опыт возрождения института старост неоднороден, разнообразен.

Из отечественного и зарубежного опыта наиболее реальным для реализации на практике и преобладающим в России на сегодняшний день является вариант с выборным старостой, т.е. модель «сельский староста - глава ТОСа». В этом случае обеспечивается (хотя бы минимальная) поддержка населения, но зачастую возможны безвластие и безденежье.

Другой вариант - менее распространенный (реализуемый, например, в Кемеровской области, Ставропольском крае, Ханты-Мансийском автономном округе) - это когда сельский староста не избирается, а назначается главой сельского поселения (хотя и с учетом мнения односельчан) и включается в штатное расписание поселения. Такой статус сельского старосты обеспечивает ему властный авторитет и соответствующие возможности, но не гарантирует поддержки населения. В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ (п.7 ст. 27.1) этот вариант теперь не может быть реализован. Закон запрещает старосте сельского населенного пункта быть лицом, замещающим государственную должность, должность государственной гражданской службы, муниципальную должность или должность муниципальной службы, состоять в трудовых отношениях и иных непосредственно связанных с ними отношениях с органами местного самоуправления. Закон устанавливает, что «староста сельского населенного пункта назначается представительным органом муниципального образования, в состав которого входит данный сельский населенный пункт, по представлению схода граждан сельского населенного пункта из числа лиц, проживающих на территории данного сельского населенного пункта и обладающих активным избирательным правом».

Органы местного самоуправления объективно заинтересованы в развитии института старост на своей территории, позволяющего более оперативно решать многие местные вопросы организации жизнедеятельности населения. Староста — это авторитетная фигура среди сельских жителей, человек, который способен организовать односельчан на выполне-

ние общественно-значимых задач. Поэтому органы местного самоуправления должны содействовать созданию и развитию института сельских старост и осуществлению их полномочий, находить поддержку со стороны региональной власти.

Источники и литература

1) Некрасов С.И. Институт старостата в системе местного самоуправления Российской Федерации: тенденции, проблемы, перспективы.// Муниципальная академия.– 2017. № 4.– С. 165-168
2) Сергиенко Н.С. Развитие сельских территорий в условиях инициативного бюджетирования // Проблемы инновационного развития сельских территорий Сборник материалов Третьей электронной международной научно-практической конференции.. 2015. С. 157-167.
3) Сергиенко Н.С. Механизмы финансового участия граждан в решении вопросов местного значения // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 3 (116). С. 294-297.

***Николаева Виктория Романовна*[1]*, Кошелева Татьяна Николаевна*[2]**

1 - Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 2 - СНИГУ ИМ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, Саратов, Россия

Волонтерство как форма урегулирования конфликтов в молодежной среде: региональный аспект

В современной России волонтерское движение в последние годы стремительно набирает свои обороты, что свидетельствует о его эффективности в гражданском обществе, где представители молодого поколения являются неотъемлемой его частью. Молодежь объединяется в независимые НКО, общей целью которых является безвозмездная помощь обществу в различных его сферах, начиная с социальной, и заканчивая экологической. Добровольческая деятельность способствует сохранению и укреплению человеческих ценностей, а также разрешению конфликтов. Поступки, совершаемые волонтерами - не просто выполняемые действия во благо народа, но и пример, которому может следовать современная молодежь.

С каждым годом число волонтеров по всей России стремительно растёт. Например, в г. Саратов уже насчитывается свыше 83 тысячи волонтеров[1], которые вовлечены в общей сложности в 36 волонтерских центров города[2].

Волонтеры и различного рода НКО вовлекаются в добровольческие проекты на основании собственного осознанного решения, преследуя общую цель: помочь безвозмездно другим во благо. Именно это рвение и помогает добровольцам подходить более ответственно к разрешению поставленных задач.

В настоящее время вопрос о внедрении волонтеров в «конфликтную среду» все чаще стал обсуждаться в социально - гуманитарным знании. Сегодня проблемы конфликта актуальны как в повседневности, так и в обществе, которое постепенно переходит от подавления внутриличностных конфликтов к поиску способов их урегулирования.

Для оптимизации работы волонтеров в конфликтной среде ежегодно проводятся различные мониторинги и социологические исследования[3][4][5]. Опираясь на результаты одного из социологических опросов, проведенного в Саратовской области[6], можно констатировать следующее:

Как показала практика последних нескольких лет, молодежь выбирает волонтерскую деятельность в качестве отправной точкой реализации своих личностных качеств, а также возможностей помочь обществу в любом формате. Поэтому на современном этапе общественного развития именно волонтерство, как вид добровольной деятельности может стать средством решения внутриличностных конфликтов человека[7].

В ходе рассмотрения выгоды участия в добровольческих движениях города Саратова, волонтёры не только направляют свою безвозмездную помощь во благо общества и людей, состоящих в нем, но и извлекают из этого некие плюсы для себя. 1/3 часть опрашенной молодежи отталкивается от самореализации и развития собственных навыков (34%), а также, практически наравне с этим фактором, респонденты поставили в приоритет неограниченное желание помогать кому-либо (30%). Из этих показателей следует, что волонтеры в большем соотношении преследуют цель реализации себя в помощи нуждающимся, следовательно, практика урегулирования конфликтов может способствовать реализации всех целей работы в добровольчестве.

Внутриличностный конфликт может выступать и как источник развития личности, и как причина развития невротических реакций. Урегулировав конфликтную ситуацию, человек имеет шанс приобрести новые социальные умения, которые приведут его к успешной самореализации.

Примерами важности урегулирования конфликтов в любой форме проявления могут послужить многолюдные городские мероприятия, требующие помощи в реализации порядка во время представления. В Саратове все чаще приглашают волонтеров на такие события, как футбольные, баскетбольные и хоккейные матчи, концерты, спектакли, а также уличные мероприятия. Конфликт может произойти в любой момент, и опытный волонтер послужит важным звеном в этой ситуации.

В современных условиях ситуация разрешения конфликтов на мероприятиях и объектах, где сосредоточено большое количество добровольцев, играет важную роль в обществе, так как роль волонтёров и их количество стремительно увеличивается в настоящее время. Следует также помнить, что прежде, чем позволять добровольцам разрешать конфликтные ситуации теми или иными способами, необходимо исследовать, какими навыками должен обладать волонтер. Обучив молодежь всем тонкостям урегулирования межличностных конфликтов, «остаются в выигрыше» как организация, набравшая волонтеров, так и сами добровольцы, подняв свои навыки на новый уровень.

Источники и литература

1) В первом полугодии 2018-го ряды добровольцев Саратовской области пополнили почти 7 тысяч человек [Электронный ресурс] // По материалам сайта Правительства Саратовской области – официальный портал [Электронный ресурс] : [сайт]. URL: http ://saratov.gov.ru/news/v_pervom_polugodii_2018_go_ryady_dobr ovoltsev_saratovskoy_oblasti_popolnili_pochti_7_tysyach_chel ove/?sphrase_id=487772 (дата обращения: 18.01.2020). - Загл. с экрана. - Яз. рус.

2) Информация об основных результатах реализации молодежной политики в Саратовской области [Электронный ресурс] // По материалам сайта Саратовской областной Думы [Электронный ресурс] : [сайт]. URL: https://srd.ru/documents/analytics/infomolpolit2018.pdf (дата обращения: 18.01.2020). - Загл. с экрана. - Яз. рус.

3) Сенько, Н.В. Добровольческая деятельность как способ урегулирования внутриличностных конфликтов / Н. В. Сенько // Сб. статей по материалам I Международного научно-практического форума / под ред.: Е. Ю. Кудрявцева, Н. В. Кергилова. - Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2018. - С. 81-84.

4) Шевченко, Д.О., Можаева, Н.С., Петракова, Е.В. Предупреждение конфликтов в волонтерской деятельности / Д. О. Шевченко, Н. С.

Можаева, Е. В. Петракова // Сб. материалов V Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной Универсиаде 2019 в г. Красноярске / под ред.: Ж.А. Сержановой, Н.А. Грубы, О.Е. Даниловой. - Красноярск: Изд. СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2019. - С. 116-118.

5) Зейналова, Н.А. Мотивация в структуре внутриличностных конфликтов у волонтеров / Н. А. Зейналова // Психологический vademecum: психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход: сб. научных статей / под ред.: С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи, С.Ф. Пашковича, 2019. - Витебск: Изд. ВГУ им. П.М. Машерова. - С. 115-118.

6) Николаева, В.Р. Социальная активность молодежи г. Саратова (на примере волонтёрства) / В. Р. Николаева // Регион глазами студентов: Межвуз. сб. науч. работ студентов / Под ред. Н.В. Шахматовой, И.А. Бегининой. - Саратов: «Саратовский источник», 2017. Вып. 17. - С. 87-89.

7) Тихонов, Р.В. Изучение мотивационной сферы волонтёров: пилотажное исследование / Р. В. Тихонов // Психология XXI века: Материалы международной научно-практической конференции молодых учёных «Психология XX1 века», апрель 2012 года. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2012. – С. 374-376.

***Петрова Ирина Владимировна*[1]*, Петров Александр Александрович*[2]**

1 - РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, РФ; 2 - ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, Санкт-Петербург, РФ

Государственный патернализм в социализации человека

Обращаясь к современному этапу развития общества, с глобальными кризисными проявлениями во всех областях жизнедеятельности, в т. ч. духовной сфере (т.н. кризис социальной идентичности в России, в некотором смысле связан с отсутствием общенациональной идеи («деидеологизация», ст. 13 гл. 1 Конституции РФ)), выдвигается предположение. Проблема гармонизации взаимоотношений личности и социума может быть приближена к решению с помощью социологического сопровождения государственной медиации в процессе социализации человека.

Со времен образования государств, социальные отношения разрешались на основе государственной этики, изложенной в законодательной

базе. Почему сегодня пытаясь решить социальные конфликты любой категории (межличностные, внутриличностные, межгрупповые, групповые), мы исключаем из социологического формата исследования важный элемент - государство, обращаясь к данному элементу только лишь в бытовых обсуждениях проблем? Для построения эффективной интеграции человека в общественную систему необходим учет валентных координат этой системы, собственно, само общество/гражданское общество и сбалансированный, и что важно, легитимный вариант общества - политическое общество (государство). Общество на основе идеологии, ну, или интеллектуальных и культурных факторов формирует среду для образования государственного аппарата (политического общества/государства), а индивид репрезентирует свое присутствие в обществе с учетом государственных рамок поведения гражданина. Думается, проблема социализации человека в классическом ракурсе рассмотрения: общество-человек (и два глобальных подхода, соответственно, субъект-субъектный и субъект-объектный) требует переосмысления и перевода в другую систему координат: государство-общество-человек (объект-субъект-субъектную). Объективирующая дистанция необходима для проявления актуальной степени контекста понятия «социальное» в исследуемом процессе. Методологический императив логики - объяснение социального как соразмерной связи субъективных и объективных систем. Социального как синоним общественного, социального как социентального, социального как нормативного. Таким образом, выстраивается структурно-функциональный комплекс специфических ожиданий, используемых для адекватной оценки социального инцидента, сложившегося погранично на стыке различных общественных сфер.

Государственно-общественно-личностный (объект-субъект-субъектный) подход к социализации (авторская разработка Петровой И. В.) был применен в решении конкретной исследовательской задачи, изучении проблемы социализации студентов в условиях системы ВПО РФ. [1] С учетом этой стратегии познания процесс для анализа представлен на трех уровнях (координатах): макро-уровень (нормативное обеспечение процесса на государственном уровне), мезо-уровень (организация процесса в рамках института образования), а также микро-уровень (процесс формирования актуального типа социального субъекта (студента, студенческой группы)). Оптика и логика этого подхода позволили комплексно рассмотреть в конкретном научном поиске важную дефиницию «социальное». Предложенный способ мышления может быть отнесен к группе «критических теорий». Во-первых, потому что, фокусируется на определенном наборе институциональных и личностных ценностей, и мо-

жет предъявить основания для критики рассматриваемых социальных институтов, социальных порядков и подобное. Во-вторых, результаты теоретического и практического (что важно) воплощения этой стратегии ориентируют на реформирование или преобразование исследуемых социальных институтов с целью достижения важных детерминантов. В-третьих, как и ряд подходов критических проектов, подход изначально был нацелен как на изучение конкретной социальной проблемы, выявление источников проблемы, так и на предложение конкретных рекомендаций по их устранению/решению. Очевидным доказательством третьего являются авторские разработки Петровой И. В. (кроме обозначенного подхода) - это модель механизма управления социализацией студентов в системе образования, социальная технология «Колесо группового развития» и другие. Стоит отметить, социальная технология апробирована в учебном процессе студентов ЛГУ им. А.С. Пушкина в 2010-2013 гг., также использована в рамках научной и общественной деятельности студенческого научного общества в **ПСПбГМУ им. И. П. Павлова** в 2017-2018 гг. [2]

В условиях противоречивости современного общественного сознания создаются предпосылки для его различных проявлений и даже тенденций, индивидуалистических деструктивных настроений, (десоциализации, контрсоциализации личности), следовательно, для сохранения и развития современной общественной системы важна функция медиации социальных процессов государством. Очевидно, что социологическое сопутствие государственного патернализма способствует эффективному исполнению согласующей роли в противостоянии амбиций и целевых противоречий акторов (личности и общества), обеспечивает устойчивость социальных связей представителей традиционных и новых социальных слоев, а значит и предотвращает/решает социальные конфликты.

Таким образом, для достижения социального консенсуса важны атрибуты: гражданское общество и социальное государство, а в качестве социологического инструмента для прогнозирования потенциальных социальных проблем, открытия и уточнения научных знаний о принципах духовной свободы современного человека и возможностях их закрепления как основных ценностей на уровне государства авторы рекомендуют анонсированную выше стратегию познания.

Источники и литература

1) Петрова, И. В. Процесс социализации студентов в условиях современной системы высшего профессионального образования России /

автореферат дис. кандидата социологических наук / И. В. Петрова // С.–Петерб., гос. Ун-т. Санкт-Петребург, 2016. 22 с.

2) Irina V. Petrova, Aleksandr A. Petrov. Social design: technology «wheel of group development» // 18th PCSF 2018 - Professional Culture of the Specialist of the Future. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Vol. LI – 18 TH PCSF 2018 (30 December 2018), pp 882-893. doi:https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.12.02.95

***Петрова Лариса Евгеньевна*[1]*, Егорова Анастасия Алексеевна*[2]**

1 - МБОУ ВО ЕАСИ - Екатеринбургская академия современного искусства, Екатеринбург, Россия; 2 - МБОУ ВО quot;Екатеринбургская академия современного искусствaquot; (институт), Екатеринбург, Российская Федерация

Паблик-арт как источник конфликта: кейс «Супрематического креста» Покраса Лампаса в Екатеринбурге

Современные города - средоточие множества социальных групп, каждая из которых имеет специфические интересы и нередко использует собственные формы их репрезентации. Паблик-арт является характерной чертой креативного выражения социальности, относительно недавно активно представленной в пространстве российских городов. Вопросы гармонизации социальных отношений применительно к визуальному облику городов, в частности - паблик-арту, не являются объектом научных изысканий.

Активное развитие стрит-арта, его институциализация (организация фестивалей) и коммерциализация (реклама), функционирование сообществ художников ставят задачи интеграции этого направления преобразований в управление городами. Контекст - акцент государства на формирование комфортной среды российских городов.

Цель - характеристика конфликтогенеза вокруг арт-объекта Покраса Лампаса «Супрематический крест» на площади Первой пятилетки в Екатеринбурге в 2019 году. Предлагается междисциплинарный взгляд на интеграцию объектов паблик-арта в городскую среду. Использованные материалы - включенное наблюдение, анализ документов, медиаматериалов, хронология событий.

Фестивалю уличного искусства «Стенограффия» 10 лет и за этот период он стал инструментом городских преобразований, частью управления Екатеринбургом. Постановлением Администрации города № 1542 от 26.06.2019 г. «О проведении фестиваля уличного искусства «Стенограффия» в 2019 г.» определяется цель - укрепление имиджа Екатеринбурга как центра современного искусства.

Медиа-источники позволяют достоверно отследить хронологию конфликта вокруг «Супрематического креста» Покраса Лампаса. История освещалась прессой городского (порталы e1, It's My City), регионального (порталы 66.ru, znak.com) и федерального (информационное агентство tass, портал meduza) уровней. В первых публикациях акцент сделан на wow-факторах - мировой известности каллиграфа, масштабе работы и невозможности увидеть ее целиком с уровня земли, сайтспецифичности и подготовительном исследовании художника.

Хронология. 7 июля завершена работа над росписью. 19 июля объект частично поврежден коммунальными службами, о чем моментально сообщают СМИ. Мэр Екатеринбурга и губернатор Свердловской области высказались о необходимости восстановления «рисунка». 20 июля директор Музея святости Екатеринбургской Епархии Оксана Иванова пишет на FB о том, что она против восстановления арт-объекта. Активистку возмутило отсутствие согласования эскиза с жителями района. 24 июля руководители «Стенограффии» встретились с представителями Екатеринбургской епархии и получили их поддержку. 20 августа на пресс-конференции «Стенограффия» сообщает, что 26 августа Покрас Лампас прилетит в Екатеринбург восстанавливать работу. 25 августа на площади Первой Пятилетки - акция (хэппенинг) православных активистов против восстановления граффити. На площадь приезжают районные власти и координаторы фестиваля. 26 августа «Стенограффия» решает отложить приезд художника, чтобы не обострять ситуацию. Участники конфликта встречаются вечером в администрации Орджоникидзевского р-на. Представители «Стенографии» готовы отказаться от формы креста, поскольку она не принципиальна, в приоритете - художественное высказывание. 29 августа Оксану Иванову обвиняют в организации незаконной акции, сотрудники полиции доставляют ее в районный суд. По итогам заседания материалы дела отправляют на дополнительное расследование. Активистку поддержали официальные представители православного сообщества и организаторы «Стенограффии». 16 сентября представлен новый эскиз росписи - три оторванные друг от друга прямоугольника со вписанной каллиграфией. Очертания креста нет. 5 октября Покрас Лампас

прилетает в Екатеринбург. 6 октября работа по восстановлению росписи по новому эскизу завершена.

Субъектами конфликта стали: 1) организаторы фестиваля «Стенограффия», 2) художник Покрас Лампас, 3) неинституциализированные горожане, 4) Оксана Иванова, директор Музея святости, и православные активисты, 5) исполнительная и судебная власти.

Конфликт можно расценить как краткосрочный, локальный, ненасильственный, спонтанный, политический. Хронология показывает, что арт-объект стал источником конфликта только после широкого освещения в СМИ. Конфликт основан на противоречии во взглядах на возможность репрезентации ценностей, свободе их художественного воплощения. Художник представил классический контент искусства, который был интерпретирован как оскорбление чувств православных верующих. Реакция православных активистов была артикулирована с применением языка современных арт-практик, что особо подчеркивала Оксана Иванова. Паблик-арт, таким образом, рассматривался всеми сторонами конфликта как часть «ставшей» культуры. Однако отсутствие единой конвенциональной системы дешифровки актуального художественного языка усугубило ситуацию конфликта. Показательно, что в ходе конфликта был дезавуирован статус членов комиссии по подготовке и проведению фестиваля, которые утвердили все объекты (не с первого раза). Экспертность сотрудников администрации, организаторов фестиваля оказалась под вопросом.

Итак, в системе гармонизации интересов социальных групп возникают новые объекты анализа и воздействия - арт-объекты, паблик-арт, стрит-арт. Отсутствие отрефлексированного опыта учета интересов социальных групп ведет к потенциальным конфликтам.

Петрушенко Александр Дмитриевич
Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево Московской области, Россия

Государственное регулирование сферы образования и его роль в гармонизации социальных отношений в США

Высокая значимость образования для гармонизации социальных отношений определяется тем, что оно формирует миропонимание человека, его профессиональные качества, благосостояние, умение контактировать с окружающим миром. В этой сфере задействованы большие

массы людей, различные социальные группы, нуждающиеся в согласовании интересов. Так, в системе образования США участвуют 86,4 млн., или 26% населения, более 10 млн. различных категорий работников [1,т. 105.10]. Государственные органы США активно регулируют сферу образования с целью придания большей устойчивости общественному развитию посредством инструментов законодательной, финансово-кредитной политики. Страна по объёму финансирования образования выдвинулась в число мировых лидеров, расходуя на эти цели более 7,3% ВВП. Федеральные ассигнования на него в течение последних трёх десятилетий имеют тенденцию к росту и варьируют от 60 до 101 млрд. долл. [2, p. 71-73]. Среди федеральных органов управления основным проводником финансирования данной сферы является Министерство образования США, имеющее в своём распоряжении более половины федеральных ассигнований на эти цели. Они используются для оказания финансовой помощи школьным округам, предоставления грантов и льготных кредитов учащимся, студентам с низким уровнем доходов, афроамериканцам, этническим группам. Наблюдается увеличение охвата их такой помощью, теперь её получают 85% студентов бакалавриата, что способствует росту квалификации рабочей силы, уменьшению безработицы [3, p. 220]. Актуальным направлением согласования интересов социальных групп является обеспечение безопасности школьной и студенческой жизни ввиду наличия множества правонарушений [4, с. 38]. В 2017 г. более 1,3 млн. учащихся в возрасте 12-18 лет подверглись насилию в школе. Почти 80% общественных школ заявили о наличии множества правонарушений. Около 20% учащихся в возрасте 12-18 лет регулярно испытывают насилие со стороны сверстников. [5,p. iii]. Для ослабления этой проблемы государство объединило ресурсы Министерства образования, исследовательских центров, школьных округов, правоохранительных органов и выделило для этого 71,6 млн. долл. [6, p. 1]. Это позволило за последнее десятилетие двукратно сократить количество различных правонарушений и преступлений. Благодаря масштабному государственному регулированию образования удаётся полнее согласовывать интересы всех социальных групп. Увеличиваются их занятость и культурный потенциал, уменьшается количество правонарушений. Однако в условиях рыночных отношений искоренить имеющиеся противоречия социума объективно не представляется возможным, что предопределяет необходимость государственного управления социальными отношениями на постоянной основе.

Источники и литература

1) Digest of education statistics: 2017. URL: https://nces.ed.gov/programs/digest/d17/index.asp. (дата обращения: 15.10.2019).
2) Fiscal year 2019 Historical tables budget of the U. S. Government. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/BUDGET-2019-TAB/pdf/BUDGET-2019-TAB.pdf. (дата обращения: 18.10.2019)
3) The Condition of Education 2019. URL: https://nces.ed.gov/pubs2019/2019144.pdf. (дата обращения: 27. 10.2019).
4) Петрушенко А.Д. Экономические и социальные факторы преступности в молодёжной среде США и государственная политика по её нейтрализации. Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности: Материалы IV международной научно-практической конференции. - Орехово-Зуево, ГГТУ, 2016.
5) Indicators of School Crime and Safety: 2018. URL: https://nces.ed.gov/PUBSEARCH/pubsinfo.asp?pubid=2019047 (дата обращения: 29 01.2020).
6) U.S. Department of Education Announces New Grant Awards to Address School Safety and Improve Access to Mental Health Services. URL: https://www.ed.gov/news/press-releases/ (дата обращения: 25. 11.2019).
7) Economic Report of the President Together with The Annual Report of the Council of Economic Advisers. March 2019. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/ERP-2019/pdf/ERP-2019.pdf. (дата обращения: 27. 11.2019).

Петрякова Антонина Васильевна

МФЮА, Москва, Россия

О новой модели гармонизации трудовых прав инвалидов как социальной группы в условиях цифровизации

По данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 2019 год в Российской Федерации насчитывается 11 947 тыс. граждан инвалидов I, II, III группы, включая детей-инвалидов[1].

В целом ряде стран граждане, имеющие инвалидность, изображаются объектами заботы — как своеобразное бремя, которое вынуждены нести их близкие, общество и государство.

Вместе с тем существует и другой подход: люди с ограниченными возможностями рассматриваются в качестве активных участников общественной жизни; государственная политика направлена на создание максимальных условий для интеграции инвалидов в общество. Такой новый подход характерен для современной России.

В настоящее время в РФ действует федеральная программа «Доступная среда»[2]. Цель программы - создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни.

В законодательство РФ в 2014 году было введено понятие «абилитация». Согласно ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее по тексту - Закон) реабилитация инвалидов - система и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности. Абилитация инвалидов - система и процесс формирования отсутствовавших у инвалидов способностей к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности. Реабилитация и абилитация инвалидов направлены на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности инвалидов в целях их социальной адаптации, включая достижение ими материальной независимости и интеграцию в общество[3].

Результатом проведения реабилитационно-абилитационных мероприятий должно быть «возвращение» человека в социальную среду как полноправного участника общественной жизни.

Особым вызовом современности является трудоустройство инвалидов. Согласно Стандартным правилам обеспечения равных возможностей для инвалидов, принятым Генеральной Ассамблеей ООН 20.12.1993 Резолюция № 48/96 (Правило 7. Занятость), государствам следует признать принцип, в соответствии с которым инвалиды должны получить возможность осуществлять свои права человека, особенно в области занятости[4].

Новый подход к реализации лицами с ограниченными возможностями здоровья своих прав и свобод, в частности, права на труд, установлен ст. 3.1. Закона, согласно которой в Российской Федерации не допускается дискриминация по признаку инвалидности. Теперь отказ в приеме на работу или иные действия (бездействия) работодателя по отношению к лицу с инвалидностью могут быть расценены как дискриминацион-

ные; Минтруд России утвердил Методические рекомендации по выявлению признаков дискриминации инвалидов при решении вопросов занятости[5].

Хочется отметить новые возможности, которые получили инвалиды в сфере труда в условиях цифровизации.

1. Возможность получать дополнительное образование онлайн. Интернет является источником информации, в том числе, образовательной и профессиональной. Так, «Открытое образование» - современная образовательная платформа, предлагающая онлайн-курсы по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах. Платформа создана Ассоциацией "Национальная платформа открытого образования", учрежденной ведущими университетами - МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбПУ, СПбГУ, НИТУ «МИСиС», НИУ ВШЭ, МФТИ, УрФУ и Университет ИТМО. Все курсы доступны бесплатно и без формальных требований к базовому уровню образования.

2. Возможность получать среднее профессиональное/высшее образование по адаптированным программам. Некоторые вузы реализуют адаптированные образовательные программы с использованием современных цифровых технологий. Так, в МГТУ им. Н.Э. Баумана созданы уникальные условия для обучения студентов-инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья; предлагается обучение по инклюзивным (адаптированным) основным профессиональным образовательным программам с комплексной системой сопровождения, включающей онлайн технологии.

3. Новые возможности по поиску работы. За счет Интернет-ресурсов значительно расширился инструментарий для поиска работы. Например, hh.ru и ru.jooble.org имеют специальные программы помощи инвалидам в поиске работы. На Официальном сайте Мэра Москвы размещен и постоянно обновляется Перечень вакансий города Москвы для лиц с ограниченными возможностями здоровья; подобные базы данных формируются и в других регионах. Общественные организации инвалидов, в частности, Всероссийское общество инвалидов, в сети Интернет размещают полезную информацию по трудоустройству инвалидов.

4. Интернет создает дополнительные рабочие места; в Интернет-компаниях работают специалисты, в том числе, с ограниченными возможностями здоровья. Интернет-среда является местом работы самозанятых граждан, в том числе инвалидов.

В заключение следует отметить, что новая цель - социальная адаптация лиц с ограниченными возможностями здоровья, достижение ими материальной независимости и интеграция в общественную жизнь явля-

ется основой гармонизации отношений инвалидов как социальной группы и государства. Цифровизация может рассматриваться как мощный инструмент, способствующий достижению этой цели.

Источники и литература

1) http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#/ (дата обращения: 25.04.2019)
2) Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 363 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда" // СЗ РФ. 2019. № 15. Ст. 1746
3) Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.07.2018) "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563
4) Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов, приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20.12.1993. М., 2007. С. 209
5) https://rosmintrud.ru/docs/1273 (дата обращения: 10.01.2020)

Плотникова Татьяна Валериевна

Ростовский государственный экономический университет ("РИНХ"), Ростов-на-Дону, Россия

К вопросу о некоторых факторах консолидации этнических групп на Юге России

Важнейшим фактором консолидации этнических групп на Юге России выступает доверие к формальным и неформальным институтам, выражающим национально-культурные интересы этнических групп со стороны их непосредственных представителей. Уровень доверия со стороны целевой группы определяется возможностями организации или ее лидера обеспечивать защиту групповых интересов на уровне органов государственной и муниципальной власти.

Анализ степени лояльности к государственной политике в сфере межэтнических отношений со стороны общественных институтов этнических групп Ростовской области и их лидеров позволяет сделать вывод, что весь спектр национально-культурных объединений декларирует и

публично демонстрирует поддержку принципиальных положений национальной политики России: гармонизации межэтнических отношений при сохранении полиэтничности.

Сохранение лояльности в отношении действующей власти - ресурс и риск развития этнического сообщества, так как если действия власти идут вразрез с национальными интересами членов общности, то конформистская позиция руководства общины негативно оценивается членами группы, подрывая их авторитет и, следовательно, доверие к ним. Подрыв доверия ведет к расколу объединения, симулятивному характеру его деятельности, эффекту фантомизации, маргинализации и деинституционализации группы [2]. Так, фактическая утрата легитимного лидера в случае с немецкой общиной Дона привела к длительному прекращению деятельности самой организации, которая имеет и демографическую основу, отсутствие сложностей с изучением национального языка и культуры, престижность статуса принадлежности к данной общности.

Именно доверие к лидеру, его харизма, обладание необходимым экономическим и социальным ресурсом выступают базовым фактором институционализации группы [4]. В большинстве случаев позиция лидера объединения разведена на два субинститута: председателя и заместителя председателя организации. Первая позиция отводится наиболее успешному в глазах самой общины и признаваемому властью представителю этноса в регионе: или крупному предпринимателю, или высокого ранга отставному чиновнику, военному, сотруднику правоохранительных органов, или действующему высокопоставленному менеджеру от образования, науки, медицины, культуры. В этом случае лидер выполняет преимущественно представительскую функцию и обеспечивает политическую и экономическую поддержку деятельности организации. Вторая позиция, которую, как правило, занимают представители этнической интеллигенции, обеспечивает оперативное руководство общиной, ее участие в культурно-просветительских и общественных акциях, реагирование на потенциальные и реальные межэтнические столкновения. Возникновение конкуренции между двумя позициями в руководстве диаспоры может привезти к расколу организации, что имело место в польских, еврейских, армянских и других объединениях рассматриваемых регионов.

Но не только личностный фактор может привести к утрате легитимности института сообщества. В случае с армянской, азербайджанской и некоторыми другими объединениями авторитет руководителя обусловлен внутренней дифференциацией общности. Так, армянская община на Дону разделена по принципу регионального происхождения членов единой армянской общности. Выделение субдиаспорных групп крымских,

бакинских, донских, сухумских, грузинских, ереванских, среднеазиатских армян проецируется на структуру объединений, их номенклатуру, легитимность лидера. Искусственное навязывание властью принципа «один народ - одна община» в поддержке деятельности национально-культурных организаций играет дисфункциональную роль, так как маркирует субдиаспоры на «свои» и «чужие», «правильные» и «неправильные», подрывает лояльность членов диаспоры, снижает потенциал межэтнической консолидации и т.д. [3]. Субдиаспоризация может не только иметь региональную природу, но и быть обусловленной конфессиональными особенностями различных компонентов этнической группы. Например, дифференциация поляков на католиков и православных, армян - на православных, григорианцев и католиков, немцев - на лютеран, католиков и православных, евреев - на ортодоксальных и нет и т.д. Привнесение религиозного компонента в жизнедеятельность диаспоры может как усилить этническую идентичность, укрепить ее границы (как в случае с донскими греками, добившимися права возрождения греческого храма в Ростове-на-Дону), так и спровоцировать внутреннюю сегрегацию (как в случае с ростовскими евреями, раскол в среде которых был связан с попытками руководства синагоги повлиять на образовательную программу и учебный процесс в еврейской гимназии, финансируемой из средств общины).

Создание консультативных (этнических) советов при муниципальных образованиях обеспечивает возможность развития межэтнического диалога, способствует профилактике ведомственного национализма, деконструкции негативных этнических стереотипов, повышает уровень лояльности общин, укрепляет межэтническую солидарность. Отказ власти от вмешательства во внутриэтнические процессы при условии их развития в рамках нормативного поля Российской Федерации - необходимое условие для укрепления доверия между различными общественными институтами.

Источники и литература

1) Бедрик А.В., Плотникова Т.В. Доверие как фактор внутренней консолидации этнических групп (на примере Ростовской области) // Гуманитарий Юга Росии. 2019. Том 8 (40) № 6. С. 268-276

2) Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сб. ст. / под ред. А.В. Дмитриева. М.: РУСАЙНС, 2016. 226 с.

3) Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение; Ин-т философии РАН, 2014. 232 с.

4) Сикевич З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 206 с.

Полосина Анна Алексеевна

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Социальный диалог как механизм управления трудовыми конфликтами в Российской Федерации

Изучение трудовых конфликтов является одной из актуальных и насущных проблем современной науки. Трудовые отношения в организации могут протекать спокойно, подчиняясь логике ее развития, принятых стандартов поведения и нормативов деятельности, а также способствовать появлению противоречий, конфликтов. В условиях становления демократической политической системы и формирования рыночной экономики развитие трудовых отношений и возникающих в данной сфере конфликтов приобретает особую актуальность [1, с.184]. В связи с этим перед обществом встает необходимость становления эффективной системы социального партнерства и налаживания социального диалога между основными его участниками как способа управления трудовыми конфликтами.

Социальный диалог представляет собой особый вид коммуникации социальных партнеров, направленный на поиск взаимоприемлемых решений, регулирование социально-трудовых отношений, разрешение конфликтов. Для оценки его потенциала представляется необходимым рассмотрение его не только как процесса достижения какого-либо соглашения между сторонами, но и его эффективности в управлении трудовыми конфликтами.

С точки зрения конечного результата представляется необходимым выделить следующие критерии эффективности социального диалога. Во-первых, решение в конфликте в наибольшей степени устраивает всех участников, социальных партнеров, оно является взаимовыгодным. Во-вторых, достигнутый компромисс является эффективным, при этом ни одна из сторон не может дальше улучшать свое положение, не ухудшая положения других. В-третьих, соглашение является устойчивым,

нарушать которое не выгодно всем участникам. В-четвертых, решение обязательно к исполнению, его неисполнение ведет к применению санкций, выполнение соглашения более выгодно, чем его откладывание. В-пятых, существует возможность создания предпосылок для дальнейшего сотрудничества сторон конфликта. Данные критерии представляют собой некую «идеальную» модель оценки эффективности достигнутого решения, соглашения между социальными партнерами. Однако, как показывает российская практика, некоторые из этих пунктов могут не выполняться, либо выполняться, но с очень большими ограничениями, которые, в свою очередь, могут способствовать появлению новых конфликтов в сфере трудовых отношений.

На сегодняшний день в России созданы достаточно хорошие институциональные, правовые и организационно-управленческие условия развития системы социального партнерства. Однако не всегда и не во всем эти условия соблюдаются сторонами социального партнерства. Трудовые конфликты существенно мешают формированию общества социально обеспеченных граждан, развитию бизнеса, привлечению инвестиций, осуществлению модернизационных процессов в стране [2, с.108]. А ведь именно социальное партнерство и социальный диалог как способ разрешения трудовых споров и конфликтов, уже вошедшие в ткань социально-экономической жизни страны, способствуют социализации трудовых отношений, повышению качества трудовой жизни, а также дальнейшему развитию гражданского общества.

Стоит отметить, что на сегодняшний день в системе социального партнерства продолжает наблюдаться дисбаланс сил основных субъектов трудовых отношений. Эта особенность проявилась и на законодательном уровне. В советский период сложились два сильных субъекта социального партнерства: государство, представляющее интересы органов государственной власти, и профсоюзы, выражающие и защищающие интересы наемных работников. Однако в условиях новой социально-экономической ситуации эти отношения претерпели изменения, перейдя от стадии сотрудничества в стадию противоборства. Вторым обстоятельством, способствующим снижению эффективности реализации социального диалога в управлении трудовыми конфликтами, является ущемление прав профсоюзов в системе социального партнерства. Профсоюзы на сегодняшний день являются недостаточно дееспособными институтами по представлению и защите интересов трудящихся. Третьим обстоятельством, влияющим на эффективность реализации социального диалога как механизма управления трудовыми конфликтами и обращения к нему сторон социального партнерства, является наличие действенных

механизмов реализации соглашений и договоров на общенациональном, региональном, отраслевом и локальном уровнях.

Таким образом, социальное партнерство в России находится в стадии своего становления. Деятельность объединений профсоюзов, объединений работодателей и органов государственной власти представляется недостаточно эффективной в регулировании социально-трудовых отношений. В результате формирование социального диалога, применение различных примирительных процедур в регулировании социально-трудовых отношений, урегулировании и разрешении конфликтов в трудовой сфере, управление ими на общенациональном, региональном, отраслевом и локальном уровнях становится достаточно проблематичным. В итоге, деятельность основных субъектов социального партнерства в регулировании социально-трудовых отношений, основанная на принципах солидарности, социальной справедливости, равноправности сторон, будет способствовать устойчивому и динамично развивающемуся обществу и государству.

Источники и литература

1) Афонин, И.Д. Социология труда/И.Д. Афонин, К.В. Лапшинова, Л.А. Митюрникова, В.А. Смирнов/Под общей редакцией д-р социол.наук, проф. Т.Ю. Кирилиной: Учебное пособие. -Королев, «МГОТУ», 2016. -330 с
2) Кашуба А.О., Копосова А.А., Курапова Е.С., Роготень Н.Н. Состояние и проблемы управления процессами трудоустройства современной молодежи // Социальные отношения. - 2016. - № 1 (16). - С. 105-113

Полякова Елена Ивановна

Национальный исследовательский ядерный университет "Московский инженерно-физический институт", Москва, Россия

Обсуждение экологических аспектов устойчивого развития со студентами-физиками

Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт» (НИЯУ МИФИ) осуществляет подготовку высококвалифицированных кадров для атомной отрасли, которые становятся работниками атомных электростанций и институтов, разрабатывающих ядерные реакторы и энергетические установки,

исследовательские и изотопные реакторы, сооружения для изоляции радиоактивных отходов, ядерные технологии для устойчивого развития.

На современном этапе экологическое образование и воспитание экологической культуры современной молодежи в свете базовых положений международной стратегии образования для устойчивого развития приобретают особую значимость. Важно развивать теоретическую и практическую готовность будущего специалиста к решению профессионально-экологических задач с позиций их экологической целесообразности и ответственного отношения к окружающей среде. Весьма актуальна задача формирования и развития в стенах института профессионально-экологической культуры и культуры ядерной безопасности студентов-физиков, и ее выполнение ложится на плечи не только преподавателей, читающих специальные курсы студентами магистрантам, но и на педагогов, преподающих дисциплины гуманитарно-социального блока.

Старшекурсники в рамках учебного процесса часто задействованы в научных проектах, которые связаны с поиском новых материалов и технологий, обеспечивающих экологически безопасную ядерную энергетику. Студентам третьего и четвертого курсов, изучающим дисциплину «Основы профессиональной коммуникации на иностранном языке», предлагается в качестве семестрового задания выступить с презентацией на английском языке по теме «Экологические аспекты устойчивого развития. Вопросы ядерной и физической безопасности». Презентации проводятся в индивидуальном формате или командой, состоящей из двух участников. Во время выступлений развиваются навыки публичных выступлений, умения правильно строить фразы и предложения на иностранном языке, использовать профессионально ориентированную лексику, грамотно отвечать на вопросы аудитории.

В качестве примера приведем тематику докладов, которые были подготовлены в осеннем семестре студентами направлений подготовки «Ядерные реакторы и материалы» и «Радиационная безопасность атомных станций»: о максимизации синергии между ядерной и физической безопасностью; способы и методы для расширения взаимодействия между ядерной и физической безопасностью; о применяемых мерах безопасности во время отгрузки и транспортировки радиоактивных отходов; об анализе мощности дозы излучения от реальной загрузки транспортного упаковочного комплекта; о системах хранения, транспортирования и переработки отработавшего ядерного топлива; о трансмутировании ядерных отходов с использованием малого модульного быстрого реактора и др.

Студенты, магистранты и аспиранты МИФИ участвуют в международных форумах, где обсуждают проблемы устойчивого развития и защиты окружающей среды, ядерного нераспространения и ядерного терроризма. В мае прошлого года прошел российско-американский молодежный студенческий форум, в рамках которого в течение трех дней студенты из России и США обменивались мнениями по проблемам современной международной ядерной отрасли, и принимающей стороной была кафедра «Теоретическая и экспериментальная физика ядерных реакторов» МИФИ. Ежегодно проводится международная молодежная научно-практическая конференция «Будущее атомной энергетики - AtomFuture», на которой студенты, молодые ученые и инженеры обсуждают такие темы, как расчет и конструирование ядерных реакторов, перспективные методы получения и преобразования энергии, контроль и диагностика физических установок. Помимо этого, речь идет также об экологии и безопасности атомной энергетике, о роли профессиональных неправительственных и общественных организаций. Организаторы конференции -«Росатом» и МИФИ.

Год назад в МИФИ состоялась Первая международная конференция молодежной группы Организации при Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, где было отмечено, что вовлечение молодежи в процесс решения проблем запрещения ядерных испытаний становится первоочередной задачей, поскольку за молодежью - будущее всего мира и нашей страны в частности. Молодежная группа открыта для всех студентов и молодых профессионалов, которые нацеливают свою карьеру на глобальный мир и безопасность.

В конце октября проходила ежегодная международная школа-конференция «Новые материалы: Толерантное ядерное топливо», организованная кафедрой «Физические проблемы материаловедения», в работе которой приняли участие ученые из российских и шести зарубежных организаций, а также студенты и аспиранты МИФИ. Основная тематика лекций и докладов - материалы тепловыделяющих сборок активных зон легководных реакторов как фактор обеспечения безопасности ядерной энергетики будущего.

Активное участие студентов, магистрантов и аспирантов инженерно-физического вуза в подобных мероприятиях способствуют формированию и развитию их профессионально-экологической культуры и культуры ядерной безопасности, которые необходимы для эффективного выполнения экологически целесообразной деятельности в рамках деятельности профессиональной.

Источники и литература

1) Барышева Е.В. Экологическое воспитание студентов в системе ценностей личности // Устойчивое развитие: общество, экология, экономика: Материалы XV Международной научной конференции. В 4-х ч. / Под ред. А.В. Семенова, Н.Г. Малышева. – М.: Изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2019. Ч.1. С. 39–44.

2) Гагарин А.В., Алексеев С.Д. Психологические условия решения профессионально-экологических задач будущим специалистом // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: Материалы VII Междунар. научно-практич. конференции / Под ред. В.И. Казаренкова. – Москва: РУДН, 2014. С. 426-430.

Понамарёв Александр Борисович

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Институт сити-менеджмента как способ гармонизации интересов социальных групп

Современный город, если рассматривать его через призму социологии, является полем столкновения интересов множества социальных акторов, среди которых, традиционно рассматриваются представители различных уровней власти (муниципальная, государственная), бизнес сообщество и население территорий. Каждый из вышеописанных акторов, по своей сути, является оппортунистом, ищущим собственной выгоды, которая может выражаться в увеличении различного вида капиталов, среди которых можно назвать политический, общественный и денежный. Социальные интеракции в городских пространствах строятся вокруг обмена одного вида капитала на другой, что возможно только при признании всеми акторами ценности капиталов, которыми владеют другие. Однако ситуация, в которой находятся современные российские города приводит к деформации устоявшихся шаблонов этих взаимоотношений, в рамках которых некоторые социальные группы могут обладать намного большими ресурсами чем другие, что, в свою очередь не может не вызвать определенной реакции со стороны конкурирующих социальных групп [1, с.225]

Перед государственной властью стоит сложная задача урегулировать эти конфликты и создать в городах пространство, в котором все игроки

смогут иметь равные шансы на обретение того или иного вида благосостояния. Иными словами, ситуация, наблюдаемая в городах современной России, требует изменения так называемых «правил игры», имеющих место на институциональном уровне. Мы хотим обратить внимание на высокий потенциал комплексного решения проблем через использование ресурсов сити-менеджеров. Во множестве российских городов всенародно избираемые мэры были заменены на назначаемых конкурсной комиссией управленцев, которых по аналогии с западной практикой назвали сити-менеджерами. В научном дискурсе не утихают споры на тему эффективности назначаемых глав администрации, но в рамках этой работы мы хотим сконцентрироваться на высоком потенциале сити-менеджера решать различные территориальные проблемы и приводить к согласию множество акторов.

Сам факт того, что сити-менеджер является назначаемым, а не избираемым управленцем играет значительную роль в повышении его потенциала к медиации социальных конфликтов. Зачастую руководители городов, особенно если это происходит в национальных республиках, представляют интересы заинтересованных в их избрании кланов, заключают с представителями региональной политической и экономической элиты различного рода соглашения, тем самым склоняясь к определенному фаворитизму, что, конечно же, сказывается на стабильности социально-политической ситуации в регионе и может привести к тому, что некоторые части населения будут получать меньше внимания и поддержки от муниципалитета, чем другие. Это, в свою очередь, приводит нас к пониманию того, что сити-менеджер, избираемый со всеобщего соглашения городских депутатов, будучи одобренным губернатором и прошедший конкурсный отбор будет намного более беспристрастным руководителем, который не будет обладать какой-либо политической ангажированностью. Это позволяет разделить политику и управление, что, по нашему мнению, позволяет увеличить эффективность гармонизации социального пространства во множестве городов.[2, С. 228] Объясняется это тем, что глава администрации, за которым не стоят какие-либо элиты будет нейтральным договороспособным субъектом, который сможет если не удовлетворить интересы противоборствующих социальных групп, то как минимум сможет посадить их за стол переговоров и решить множество вопросов в рамках правового поля.

Сити-менеджмент в его современном варианте практически не способен решать проблемы так, как это описано выше, по причине того, что на него наложено большое количество институциональных ограничений, связанных, в первую очередь, с его полномочиями как главы ад-

министрации. Сити-менеджеры, по сути, не могут выйти на контакт с какими-либо представителями бизнеса и привлечь их к совместным с муниципалитетом проектам, они также не могут обратиться к организациям и наладить с ними сотрудничество. Все вышеописанные проблемы вызываются чрезмерным надзором за органами муниципальной власти и излишней строгости, проявляемой областной прокуратурой. Это позволяет сделать вывод о том, что государственная власть, которая должна быть заинтересована в повышении независимости муниципалитета в решении собственных проблем противоречит самой себе и старается «закрутить гайки», не позволяя руководителям городов решать проблемы по-своему. Потенциал муниципалитета в решениях социальных проблем намного выше, чем у представителей федеральной власти, так как местное сообщество, чем дальше оно от центра, тем сильнее консолидируется вокруг собственных социальных групп и общин.[3, С. 41] Особенно это касается моноэтнических регионов, требующих индивидуального подхода и внимания со стороны местной власти.

Подводя итоги хочется отметить, что новый порядок вступления в должность глав администрации городов имеет высокий потенциал не только со стороны управления, достигаемый за счет разделения политической и управленческой функции, но и повышает вероятность успешного урегулирования конфликтов между множеством городских акторов. Снижение давления на местных руководителей и открытие им доступа к фактически недоступным в настоящее время рычагам управления позволит им в должной степени реализовать свой потенциал и улучшить городской социальный климат.

Источники и литература

1) Дятлов А.В., Попов А.В. Проблемы реализации идеи сити-менеджмента в системе муниципальной власти Российской Федерации: Научная рефлексия на осмысление проблемы // Гуманитарий Юга России, 2017. Том. 6, №6. С. 222-231.

2) Ковалев В. В., Дятлов А. В., Нечушкин А. Ю., Попов А. В. Административная и общественная состоятельность института сити-менеджмента (в оценках экспертов Ростовской области) // Гуманитарий Юга России, 2018. Том. 7. № 5. С. 220-234.

3) Дятлов, А.В. Институционализация сити-менеджмента в муниципальном управлении республики Крым: оценки экспертов / А.В.

Дятлов, В.В. Ковалев, В.А. Чигрин // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. - 2019. - Т.44, №1.-С. 37-49.

Похомова Алеся Андреевна
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Региональный опыт взаимодействия местных органов власти и безработных граждан при содействии в организации предпринимательской деятельности

Профессиональная деятельность во многом определяет социальные позиции человека в обществе, поэтому отсутствие оплачиваемой работы вызывает проблемы как на уровне отдельной личности, так и на уровне общества в целом. В республике беларусь, как и во многих других странах, осуществляется целенаправленный комплекс мер по содействию занятости безработных граждан. Особо актуальными данные меры становятся для таких регионов республики Беларусь, где отмечается напряженная ситуация на рынке труда, например, белыничский, кличевский, костюковичский, мстиславский, чаусский и чериковский районы могилевской области [1].

В соответствии с Законом республики Беларусь от 15.06.2006 № 125-З «О занятости населения республики Беларусь», безработным будет выступать трудоспособный гражданин, не имеющий работы и заработка, который зарегистрирован в органах по труду, занятости и социальной защите в целях поиска подходящей работы, ищет работу и готов приступить к ней. (ст.1). Одной из альтернатив наемному труду выступает организация и ведения предпринимательской деятельности. В могилевской области зарегистрировано относительно небольшое по сравнению с другими областями число индивидуальных предпринимателей (24413 по состоянию на 01.10.2019 г), что является основанием для стимулирования развития этого способа занятости населения [2]. При этом в отношении безработных граждан государством предусмотрен ряд мер по содействию в организации ими предпринимательской деятельности.

В 2019 году под эгидой Центра по правам человека при факультете международных отношений белорусского государственного университета исследовательской группой (Похомова А.А., Довыденко И.И., Березюк Л.А.) был реализован междисциплинарный (социология, экономика, юриспруденция) проект на тему «Содействие безработным женщинам в

районных центрах в организации отдельных видов экономической деятельности (на примере могилевской области)», в рамках которого в апреле-мае 2019 года проводился опрос сотрудников государственной службы занятости в 13 районных центрах могилевской области.

Результаты исследования позволили изучить практику содействия безработным гражданам в организации, в том числе, и предпринимательской деятельности в районах могилевской области. Отметим, что под содействием со стороны государства понимается ряд мер информационно-методического, организационного и финансового характера, принимаемых в отношении безработных граждан с целью обеспечения их интеграции в экономическую деятельность. Так, более 80% опрошенных специалистов отметили, что в рамках исполнения своих профессиональных функций информируют безработных о возможности организации ими предпринимательской деятельности и различных видов самозанятости. Такой вариант имеет отклик у безработных: более 60% респондентов указали, что несколько раз в месяц безработные граждане обращаются по вопросам организации предпринимательской деятельности. Помимо этого безработные проявляют интерес к организуемым государственной службой занятости курсам по основам предпринимательской деятельности и бизнес-планированию. Как правило, такие курсы длятся около двух недель и проводятся в областном центре (г. Могилев), что вызывает ряд затруднений, связанных с физической доступностью данных курсов для безработных жителей районных центров.

Одной из проблем, с которыми сталкиваются безработные, желающие организовать предпринимательскую деятельность, является отсутствие достаточного количества денежных средств. В соответствии с Положением о содействии безработным в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленной деятельности, утв. постановлением Совета Министров респ. Беларусь от 7 марта 2008 г., № 342, в ред. постановления Совета Министров респ. Беларусь от 22 окт. 2016 г., № 856, безработным, предоставившим необходимый пакет документов, предусмотрена финансовая поддержка в виде субсидии за счет средств бюджета государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения республики беларусь, передаваемых в местные бюджеты на финансирование мероприятий по обеспечению занятости населения. По данным могилевского облисполкома, за 2019 год более 270 безработных могилевской области получили субсидии для организации собственного дела. Тем не менее, данная финансовая помощь будет недоступна тем, кто по разным причинам не соответствует условиям, предъявляемым

для потенциального получателя субсидии.

Таким образом, решение вопроса занятости населения могилевской области посредством содействия со стороны государства в организации безработными предпринимательской деятельности сталкивается с определенными проблемами. Среди таковых можно отметить потребность безработных в получении дополнительных знаний в области основ предпринимательской деятельности, отсутствие достаточного количества денежных средств у населения для организации предпринимательской деятельности и ограниченности бюджетных средств для выделения субсидий для безработных и другие. В качестве вариантов решения указанных проблем могут быть рассмотрены дистанционные формы обучения безработных, а также расширение линейки кредитных продуктов для начинающих собственное дело граждан, в том числе и безработных.

Источники и литература

1) Территории с напряженной ситуацией на рынке труда [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. - Режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/territoriya_napryag . – Дата доступа: 03.11.2019.
2) Малое и среднее предпринимательство: пресс релиз январь-октябрь 2019 / Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nalog.gov.by/ru/svedeniya-predprinimatelstvo/ . – Дата доступа: 08.11.2019.

Прокофьева Дина Владимировна

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Трудоустройство молодежи как социальная проблема

Молодежь - социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной зрелости, вхождения в мир взрослых и адаптации к нему. Границы этой группы размыты и подвижны, но обычно их связывают с возрастом 15-30 лет. Современная молодежь как социокультурная группа характеризуется несколькими общими чертами: она более образована, владеет новыми профессиями, является носителем нового образа жизни и социально активна.

В условиях формирующегося и стремительно развивающегося рынка, общественно-социальных преобразований, когда право на труд реализуется не через социальные гарантии, а через личностную инициативу, проблема занятости выпускников ВУЗов приобретает особую остроту и требует кардинальных изменений в системе трудоустройства молодых специалистов [2, С. 113]. «Переходящая от учебы к работе молодежь создает предложение в наиболее гибком и активном сегменте рынке труда, однако при найме она гораздо уязвимее, чем старшие работники, из-за отсутствия опыта работы, недостатков в понимании институтов рынка труда и особенностей его функционирования в реальной практике трудовых отношений» [6, С. 96].

Проблемы, по которым молодые выпускники-специалисты остаются безработными, достаточно разные. Помимо вышесказанного отсутствия опыта работы наблюдается падение значимости духовных и нравственных целей в процессе профессионального самоопределения молодых людей. В новой социально-экономической ситуации происходит переоценка нравственных ценностей, что находит свое отражение, в первую очередь, в формирующемся самосознании молодых людей [3, С. 160]. Ведь в настоящее время работодатель ставит довольно высокую планку для соискателей, в том числе и для молодых специалистов. Среди требований, предъявляемых работодателями, относятся такие, как способность к инновациям, готовность к постоянному самообучению, коммуникативные способности, умение работать в команде и руководить людьми. В современных условиях выделяют формальные и неформальные способы поиска работы. Под формальными понимаются те способы, которые реализуются с помощью формальных посредников - государственной службы занятости, частных (коммерческих) кадровых агентств, а также образовательных организаций. Способы, реализация которых предполагает использование социальных сетей или индивидуальную активность молодого специалиста, который ищет работу, обычно относят к неформальным [1, С. 58].

Поиск работы с использованием неформальных способов является не только самым распространенным, но и крайне эффективным механизмом трудоустройства современной молодежи. Данную ситуацию можно объяснить как социальной неэффективностью и неразвитостью различных государственных служб занятости, которые не в состоянии оказать грамотную помощь молодежи в поиске работы. Однако неформальные способы трудоустройства никак не облегчают ситуацию, а, нередко, усложняют её. Молодежь используется как рабочая сила, которая не имеет стабильного заработка, прав и гарантий [4, С. 306].

Решение проблемы трудоустройства молодежи в данном случае - задача государства. Важно обеспечить социальную поддержку выпускников, смягчив для них критерии приема на работу или обеспечив гибкий трудовой график тем, кто еще продолжает обучение. Возможность трудоустройства даже без опыта работы - еще один принципиально важный критерий. В высших учебных заведениях выпускники получают лишь базовые знания, а уровень практических навыков минимален. Это связано еще с тем, что динамичный рынок труда меняется буквально каждый день. Профессия, которая была востребована в начале обучения, к моменту получения диплома может оказаться невостребованной. Одним из способов адаптации и трудоустройства без опыта работы молодых безработных является стажировка. Цель стажировки - формирование и закрепление на практике теоретических знаний, умений и навыков молодых специалистов, приобретение профессиональных и организаторских качеств для выполнения профессиональных обязанностей и дальнейшего трудоустройства по имеющейся специальности [5, С. 64].

Проблемы трудоустройства молодежи могут коснуться каждого выпускника. В этой связи, желательно еще на этапе учебы студентам заняться мониторингом рынка труда и поиском будущего рабочего места. А с наступлением профессиональной практики и различных стажировок, стоит заводить как можно больше полезных знакомств и всерьез присмотреться к потенциальным вакансиям. В идеале, молодым людям не мешало бы еще до поступления в вуз проанализировать экспертные прогнозы: востребована ли данная профессия, будет ли она популярна после окончания обучения, есть ли уверенность в последующем трудоустройстве. Здесь не стоит забывать о саморазвитии и отстаивании собственной жизненной позиции, например, искусству преподносить себя с лучшей стороны, в том числе, и на собеседованиях, тоже нужно учиться. Необходимо проводить постоянное наблюдение за рынком труда, тесно сотрудничать с кадровыми инстанциями, и конечно, прежде всего, внедрять грамотную информационную политику с самими молодыми людьми.

Источники и литература

1) Варшавская Е. Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 56-66.

2) Рахматуллина З.Б., Сираева А.Р. Безработица и её последствия // В сборнике: Социология и социальная работа: современные образовательные и научно-исследовательские практики сборник материалов научно-практической конференции с международным участием, посвященной 30-летию социологического факультета самарского университета. Самара, 2019. С. 109-115.

3) Рахматуллина З.Б., Дубовова О.А. Социальная адаптация молодежи на рынке труда // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 3. С. 167-170.

4) Рахматуллина З.Б., Аминев М.М. К вопросу реализации прав студентов // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104). С. 305-306.

5) Рахматуллина З.Б. К вопросу о теоретических аспектах мотивации учебно-познавательной деятельности студентов // Вестник ВЭГУ. 2013. № 2 (64). С. 60-65.

6) Чередниченко Г.А. Выпускник на рынке труда (по материалам опроса Росстата) // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 4 (39). С. 96-108.

Пупкова Юлия Валентиновна

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

«Мусорные» конфликты в современной России: следствие управленческих ошибок или сопротивление населения инновациям в сфере обращения с отходами?

В начале XXI в. стало очевидно, что существующие в РФ административно-правовые и экономические механизмы обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) являются серьезным барьером на пути устойчивого развития общества, в целом, и становления циркулярной экономики, в частности. Попыткой решения этой проблемы стала так называемая «мусорная» реформа - которую начали активно проводить в отечественном правовом поле с декабря 2014 г. К январю 2019 г. во

всех субъектах РФ должны были завершиться подготовительные мероприятия и вступить в силу новые территориальные схемы обращения с ТКО.

Однако «мусорная» реформа теоретически столь значимая с точки зрения получения экономической выгоды и снижения экологических рисков в масштабе всей страны в долгосрочной перспективе, на практике уже на этапе своей подготовки привела к обострению ряда социальных проблем и росту социальной напряженности в обществе. В 2017-2018 гг. прошли массовые акции протеста населения против мусорных полигонов и мусоросжигательных заводов [1, с.3]. В 2018 г., только за три весенних месяца работы горячей линии Общественной палаты РФ было зарегистрировано более восьми тысяч жалоб от граждан в связи со строительством и эксплуатацией объектов по обращению с отходами [2, с.6]. Переход субъектов РФ к новым моделям управления ТКО в январе 2019 г. не решил уже существующих конфликтных ситуаций. Более того, он привел к еще большему обострению общественных противоречий. По данным Центра социально-трудовых прав, только в первом квартале 2019 г. в России было проведено 63 акции протеста против «мусорной» реформы [3, с.6]. А сама тема социальных конфликтов, возникших или обострившихся в результате реформирования отечественной системы управления отходами, стала одной из трендовых в новостном дискурсе федеральных и региональных СМИ [4, с.90-91].

В процессе реформирования сферы обращения с ТКО за последние годы особенно остро проявились три группы конфликтов.

Конфликты экономических интересов были обусловлены ростом потребительских тарифов на вывоз бытового мусора, переходом ряда регионов к новым правилам расчета коммунальных платежей (по факту номинального, а не реального количества проживающих в квартире граждан) и многочисленными ошибками в выставлении счетов. Особенно высокие темпы роста тарифов за услуги, связанные с вывозом ТКО, были характерны для сельской местности, поскольку при утверждении нормативов генерации мусора были проигнорированы традиционные для жителей села практики утилизации части бытовых отходов в личных подсобных хозяйствах.

Следующий тип конфликтов связан с различными проблемами переходного периода, когда старые хозяйственные связи прежних операторов разрушились, а новые операторы их еще не наладили. «Новички» не всегда обосновано проводили «оптимизацию» размещения и обустройства контейнерных площадок. Результатом этого стали завалы мусора на придомовых территориях и возникновение стихийных свалок. От «опти-

мизации», связанной с размещением контейнеров для раздельного сбора отходов, пострадала и сельская местность, в которой и раньше хватало проблем с вывозом ТКО из-за плохого качества поселковых дорог.

Третья группа «мусорных» конфликтов связана с различными экологическими угрозами и рисками, возникающими при захоронении, утилизации и переработке ТКО. Самое очевидное их проявление - нанесение прямого вреда здоровью населения, проживающему вблизи мусоросжигательных заводов и объектов размещения отходов. В марте 2018 г., в результате выброса свалочного газа на полигоне «Ядрово» в Волоколамском районе Московской области, произошло массовое отравление детей. На митинг протеста вышло около полутора тысячи граждан [5]. Менее очевидны последствия от уничтожения лесных массивов под площадки строящихся новых мусорных полигонов. Но россияне все более активно противодействуют этим угрозам. Резонансным событием 2019 г. стала борьба против строительства полигона ТКО вблизи станции Шиес. Только в третьем квартале 2019 г. было проведено 37 протестных акций, из которых 21 - за пределами Архангельской области [6, с.20].

Помимо объективных трудностей перехода к новым моделям обращения с ТКО при реформировании не были учтены социально-психологические факторы возможного сопротивления инновационным преобразованиям.

Во-первых, в ходе реформы был сформирован новый институт - «региональных операторов», выполняющих функцию координации всех этапов процесса обращения с ТКО. Но при этом, потребители услуг ЖКХ оказались практически лишены возможности диктовать им свои условия. Присутствие возможной коррупционной составляющей в деятельности этого института [7, с.29] способствует росту недоверия к «мусорной» реформе со стороны социума.

Во-вторых, реформа не учитывала существующей территориальной дифференциации по уровню информированности потребителей о целях и правилах в отношении повсеместно внедряемых новых моделей сбора бытового мусора. Так, в г. Дубна уже с 2004 г. действовал пилотный проект по формированию городской системы фракционного сбора отходов, в ходе которого осуществлялась активная информационно-разъяснительная работа с населением [8, с. 97]. В г. Санкт-Петербург начиная с 2011 г. пропагандой селективного сбора ТКО занималось общественное экологическое движение «РазДельный Сбор». Но подавляющему большинству россиян было предложено перейти к новым повседневным практикам обращения с бытовыми отходами, правила которых, по сути, им были неизвестны. Однако активной информационной поддержки этой катего-

рии граждан со стороны СМИ и местных органов власти так и не последовало.
В целом, можно сказать, что реформа проводится без должного информационного сопровождения и социализации граждан. Культура обращения с отходами не возникнет без активного участия государства. Именно оно, используя свои информационные ресурсы, должно широко освещать опыт стран, успешно решивших или решающих «мусорные» проблемы. Необходимо добиться, чтобы россияне сами захотели быть «не хуже других».

Источники и литература

1) Рост протестной активности в России. результаты всероссийского мониторинга 2017-2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://cepr.su/wp-content/uploads/2018/11/Протесты-в-РФ-всероссийский-мониторинг.pdf (дата обращения 31.01.2020).
2) Общественная палата Российской Федерации. Доклад «Анализ эффективности мер по обеспечению переработки твердых коммунальных отходов и предложения по обеспечению учета мнения граждан Российской Федерации при строительстве объектов, используемых для переработки указанных отходов» [Электронный ресурс]. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/Doklad_TKO_OPRF25012019.pdf (дата обращения 31.01.2020).
3) Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности в первом квартале 2019 года, подготовленного Центром социально-трудовых прав [Электронный ресурс]. URL: http://trudprava.ru/images/content/Monitoring_1_Quart_2019.pdf (дата обращения 31.01.2020).
4) Кадырова Г.Х. Социальные акторы конфликтного медиадискурса: корреляция с действенностью журналистской деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 88-92.
5) Массовое отравление в Волоколамске: жители вышли на митинг [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20180322/1516982173.html (дата обращения 31.01.2020).
6) Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности в третьем квартале 2019 года, подготовленного Центром социально-трудовых прав [Электронный ресурс]. URL: http://trudprava.ru/images/content/Monitoring_3_Quart_2019.pdf (дата обращения 31.01.2020).

7) Селиванова Л.А., Васильева Н.В. Анализ систем управления твердыми коммунальными отходами в Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2018. № 4. С. 24-30.

8) Каплина С.П., Семенова М.В., Дзюба К.С., Андронов С.В., Каманина И.З., Старостина И.А. Твердые коммунальные отходы как вторичные материальные ресурсы (на примере города Дубна Московской области) // Успехи современного естествознания. 2018. № 2. С. 93-98.

Радионова Светлана Павловна

не работаю, Санкт-Петербург, РФ

Человеческий капитал как важнейшая составляющая экономического потенциала в новой парадигме социально-экономического развития региона

Новая парадигма социально-экономического развития региона (СЭР) базируется на двух взаимосвязанных, взаимообусловленных концептуальных платформах (КП-1, КП-2):

КП-1: трансформация региональной экономики (РЭ) в направлении создания многоотраслевой, многоукладной (прогрессивной), инновационной экономики (ИЭ) в целях поддержания устойчивого роста РЭ на основе создания добавленной и новой экономической стоимости, и в целях сохранения социальной устойчивости региона на основе обеспечения занятости населения и повышении качества человеческого капитала (ЧК) в узком смысле [образование, знание, здоровье];

КП-2: трансформация социальной сферы общества в соответствии с переходом к новому качеству экономического роста и инновационного развития, созданию возможностей для творческой реализации человека на основе повышения качества ЧК в широком смысле, включая воспитание, образование, науку, творчество, здоровье, информацию, культуру и искусство, подготовку эффективной элиты, формирование и развитие гражданского общества [1].

Согласно КП-1 необходимо обеспечить изменения составляющих экономического потенциала (ЭП) в заданных пропорциях в соответствии со стратегией СЭР региона. Следует отметить, что приоритетом является соблюдение «запланированной пропорции», а не достижение конкретных целевых показателей. В отношении ИЭ, это особенно важно, потому что

«предел вещей измеряется предвидением. . . , новое можно увидеть ненамеренно, вне направленного взгляда», т.е. необходимо учитывать различие между «символической действительностью,..как условием возможных осмысленных терминов постановки. . . задач. . . и действительным состоянием в мире потенциальной возможности понятия» (в реальности) [2, С.144-150]. К составляющим ЭП относятся потенциальные инвестиционные возможности, рыночный потенциал, конкурентные преимущества, человеческий потенциал, информационный потенциал, организационный потенциал, финансово-инвестиционный потенциал [3]. Обеспечить эффективность функционирования накопленного ЧК (регион, предприятие) и поддерживать его высокое качество возможно через привязку всех потенциалов к потенциалу персонала (знания, наука, творчество, опыт) в рамках конкурентных стратегий. В соответствии с КП-2 необходимо сделать акцент на характеристиках социальной среды (социальная сфера общества, внутренняя среда предприятия) в их последовательном изменении под воздействием политических, экономических, исторических, национальных и других факторов. Выявив процессы, в которых отмечены изменения форм проявления и имеются изменения сущностного наполнения этих форм, можно попытаться сформулировать направления движения и развития социальной сферы общества (внутренней среды предприятия). В современных условиях возникает необходимость разработки рекомендаций по поддержанию экономической, социальной и духовной целостности общества. Поскольку ЧК является важнейшей составляющей экономического потенциала в новой парадигме СЭР, то возникает необходимость создания интегральных концептуальных рамок формирования ЧК нового качества. Во-первых, необходимо определить поэлементный состав ЧК в широком смысле и отметить изменения отдельных элементов, вызванные воздействием внешних факторов, а также определить направления их преобразования (соотношение «идеальное/реальное», «рациональное/иррациональное»; условие «равновесное/неравновесное состояние»). Во-вторых, необходимо разработать схему интеграции этих элементов в отдельные «связки» (возможно многоуровневое интегрирование в зависимости от поставленной цели), качественное своеобразие которых позволяет стимулировать инновационное развитие и формировать социальный капитал, как «сплав личностных и институциональных отношений между людьми» [4]. Для формирования ЧК нового качества необходимы не только значительные инвестиции, но и требуются новые методические подходы, которые целесообразно использовать на каждой ступени образовательного процесса. Например, представляет интерес использование «целостно-личностного

подхода (первичность некоего совершенного целого)» при изучении одаренности, что помогает «обратить внимание на динамичный процесс во внутреннем мире» человека, акцентировать внимание на его «личностных и профессионально-важных качествах, наращивании творческого потенциала» и раскрытии его [5]. Значение личностно-творческого капитала (ЛТК) в современной России многогранно, «ЛТК - главный производительный ресурс в новом информационном обществевек определил новый модус научного мышления. . . - это уход от жестко детерминированной действительности к миру неопределенностей, это критика узкорационалистического подхода и обращение к новой неклассической рациональности. . . .Важно также обрести «механизм», в котором согласованно действуют. . . эмоции, дух, душа, интеллект, воля, энергетика»» [5], что должно найти отражение в возрастании роли культуры, искусства и науки в формировании новой ИЭ. Преобразование и интегрирование в заданном (концептуальном) направлении таких важных элементов ЧК, как воспитание, здоровье, образование, наука, творчество, культура и искусство, поможет осуществить институциональное реформирование и сформировать с заданными свойствами («чтобы искомые изменения происходили в пространстве» [2]) такие сложные составляющие ЧК, как подготовка эффективной элиты, или формирование и развитие гражданского общества, что подтверждает и П. Сорокин, говоря о «необходимости рассматривать общество и культуру как целое» [6].

Источники и литература

1) Корчагин Ю.А. Инвестиции и инвестиционный анализ //Ростов н/Д Феникс, 2010. – С. 601

2) Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация// СПб.: Азбука. Азбука-Аттикус, 2011. – С.288

3) Радионова С.П. Концептуальная модель реализации финансового механизма управления и развития для предприятий среднего бизнеса Часть 1. Теоретические и методические аспекты принятия эффективных финансовых решений)/Журнал Теоретическая экономика, Ярославский государственный технический университет, Научный электронный экономический журнал, №8(56)2019, С.59-75

4) Соболева И.В. Парадоксы измерения человеческого капитала/Вопросы экономики. 2009. №9. С. 51-70

5) Никитин А.А. (2010) Художественная одаренность. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 176 с.

6) Сорокин П. А.Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М.· Политиздат, 1992. — 543 с.

Ребрий Елизавета Анатольевна

Санкт-Петербургский Государственный Университет, факультет Социологии, Санкт-Петербург, Россия

«Инцидент-менеджмент» как новая технология управления в Санкт-Петербурге

Информатизация управления является очень важным процессом организации информационно-технологической среды, которая должна удовлетворять потребности органов власти на самых разнообразных уровнях, а также взаимодействующих с ними организаций и отдельных граждан. Все это обеспечивает открытость, прозрачность, подотчетность органов управления, а также усилить вовлеченность населения в политические процессы.

Данные факторы подтверждают актуальность появления несколько лет назад информационной парадигмы в государственном управлении, которая предполагает возникновение нового типа государства - информационного, управление в котором осуществляется посредством различных информационных технологий и коммуникаций. При этом информационное государство не может выполнять свою регулирующую функцию без содействия гражданского общества. Справиться со всеми проблемами управления можно только объединив усилия государства, гражданского общества и бизнеса, и информационное государство должно отвечать за объединение и консолидацию гражданского общества и корпораций[1].

В данный момент возникают благоприятные условия и факторы для улучшения работы государственных служб, повышения результативности, а также «сближения» государственного аппарата с населением и усиления «прозрачности», что позволяет повысить уровень включенности населения в различные политические и социальные процессы. Создаются и активно используются интернет-сайты и платформы, благодаря которым повышается уровень и скорость предоставления услуг различным организациям и гражданам в целом. В соответствии с ФЗ №8 от

09.02.2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», официальный сайт государственного органа - это «сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащий информацию о деятельности государственного органа или органа местного самоуправления, электронный адрес которого включает доменное имя, права на которое принадлежат государственному органу или органу местного самоуправления»[2].

Одной из разновидностей платформ являются ситуационные, которые возникли как рефлексия на возникновение конкретных проблем. В последнее время в России, в частности, в Санкт-Петербурге также активно начинается вводиться система «Инцидент-менеджмент»[3]. Согласно задумке авторов проекта, данная система позволит наладить прямой диалог между органами власти и населением, что позволит уменьшить количество «бумажной волокиты» - бюрократии; всё это должно приводить к тому, что у населения будет повышаться уровень доверия к властям, а также желание проявить свою гражданскую позицию.

Основная идея данной программы заключается в мониторинге чиновниками основных социальных сетей («ВКонтакте», Facebook, Instagram, Twitter и «Одноклассники»). При выявлении каких-либо проблем или недочетов чиновник будет отвечать на сообщения пользователей, а также следить за сроками ответа. Программа будет сопряжена с основной электронной приемной города - порталом «Наш Санкт-Петербург», и позволит сократить сроки разрешения тех или иных проблем с 3-15 дней до 24, а в случае с чрезвычайными происшествиями и до 3 часов. Немаловажным является и то, что чиновниками, отвечающим за работу данной системы, необходимо «выучить» живой русский язык, общаться с населением простыми словами, поскольку одной из основных функций данной системы будет являться укрепление человеческих взаимоотношений между государственным аппаратом и населением.

Ожидается, что ответственные за «Инцидент-менеджмент» чиновники будут следить за всеми сообщениями в социальных сетях, жителю необязательно обращаться непосредственного в тот или иной орган власти. После того, как программа отсортирует сообщение пользователя Сети, она автоматически направит его в необходимый для разрешения проблемы орган. В свою очередь, там запрос рассмотрят и через электронный портал «Наш Санкт-Петербург» доложат ему о ходе разрешения той или иной проблемы.

Помимо этого регулярно проводится оценка качества предоставляемых услуг, которая помогает уточнять направление реализации и проводить корректировку различных государственных программ в этой сфере.

Всё это должно приблизить власть к людям, показать населению, что их мнения и поступки действительно важны и могут привести к кардинальным изменениям в обществе.

Одной из главных проблем современной России является то, что при наличии огромного количества различных ресурсов ситуация с социальной сферой оказывается довольно неутешительной. Именно поэтому органам государственной власти следует использовать передовой опыт зарубежных стран, говорить с населением простым и понятным языком, предлагать конкретные решения. Именно открытость и прозрачность деятельности позволяют наиболее эффективно взаимодействовать с населением и повышать их доверие. Государство должно «разделять ответственность» за принимаемые решения и вовлекать граждан в процесс обсуждения и реализации решений, а также контроля над их исполнением.

Источники и литература

1) Политология. Базовый курс / И. А. Василенко — «Эксмо», — (Учебники по политологии)
2) Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // РГ 13.02.2009
3) Электронный ресурс. URL: https://www.fontanka.ru/2019/03/08/056/ (Дата обращения: 14.12.2019)

Резникова Екатерина Сергеевна[1], Полтавская Мария Борисовна[2]

1 - Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия;
2 - ФГАОУ ВО quot;Волгоградский государственный университетquot;, Волгоград, Россия

Социальное предпринимательство как объект государственной экономической политики и инструмент инновации социально-экономической сферы общества

Социальное предпринимательство имеет довольно длительную историю своего латентного существования как идеи, начиная с конца XVIII в. Активное сосредоточение и интерес со стороны научного сообщества появились в конце XX - начале XXI вв. Интерес к социальному предпринимательству был обусловлен его значительным потенциалом в решении

социально-экономических проблем общества, его инновационным характером, которые позднее впервые раскрыл и представил М.Юнус, за что был удостоен Нобелевской премии в 2006 году [1, с.112].

Социальное предпринимательство привлекло внимание государства и постепенно заручилось его поддержкой. В рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» развитие социального предпринимательства обозначено как одно из приоритетных направлений социально-экономической политики России. Процесс институционализации социального предпринимательства в России начался с приказа Минэкономразвития № 227 от 20 мая 2011 года, в котором впервые было введено понятие «социальное предпринимательство», однако механизм присвоения предприятию статуса социального предпринимателя не был прописан. В 2019 г. с принятием поправок в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» статус социального предпринимателя стал официальным.

В законе представлена следующая трактовка понятия: “Социальное предпринимательство - предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными частью 1 статьи 241 настоящего Федерального закона. . . . Социальное предприятие - субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий деятельность в сфере социального предпринимательства” [3]. Законодательно утвердили четыре категории заявителей, соответствие одному из которых позволяет отнести предприятие к числу социальных, при выполнении ряда требований [2]. Итак:

- первая категория: субъект малого или среднего предпринимательства, обеспечивающий занятость лиц, отнесенных к категориям социально уязвимых;

- вторая категория: субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий реализацию товаров (работ, услуг), произведенных гражданами, отнесенными к категориям социально уязвимых;

- третья категория субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий производство товаров (работ, услуг) предназначенных для лиц, отнесенных к категориям социально уязвимых;

- четвертая категория: субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей и способствующую решению социальных проблем общества.

В первой половине 2020 года должен быть сформирован первый реестр социальных предпринимателей из числа малого и среднего бизнеса на основании приказа Минэкономразвития РФ от 29.11.2019 г. [2]. В Волгограде приемом заявок от потенциальных социальных предпринимателей занимается Центр инноваций социальной сферы Волгоградской области (ЦИСС), созданный в 2018 году как структурное подразделение Государственного автономного учреждения Волгоградской области "Мой бизнес" для обеспечения эффективного взаимодействия социальных предпринимателей, НКО, инвесторов, органов государственной и муниципальной власти по обеспечению реализации проектов, направленных на решение социальных проблем.

Таким образом, можно отметить, что внутренняя экономическая политика России сегодня имеет социальную направленность. Это становится возможным при поддержке государством социального предпринимательства, специфика которого заключается в воплощении двух противоположных элементов в одном феномене - экономического и социального эффекта, что позволяет производить не только материальную, но и социальную пользу для российского общества и государства.

Источники и литература

1) Арай Ю.Н. Социальное предпринимательство в начале XXI века: основные понятия и страновые особенности // Российский журнал менеджмента. 2013. №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-v-nachale-xxi-veka-osnovnye-ponyatiya-i-stranovye-osobennosti. Дата обращения: 23.01.2020).

2) Приказ Минэкономразвития России от 29.11.2019 N 773 "Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия". [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342111/. Дата обращения: 24.01.2020.

3) Федеральный закон от 26 июля 2019 г. N 245-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации". [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2019/07/31/sozialnoe-predprinimatelstvo-dok.html. Дата обращения: 24.01.2020.

Савченко Ирина Алексеевна
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Социальное партнерство как механизм урегулирования конфликтов в муниципальном образовании

Наша страна на протяжении уже более двадцати пяти лет осуществляет целенаправленные преобразования во всех сферах жизни государства и общества. Эти преобразования породили множество проблем, обострили имеющиеся противоречия, привели к росту социального напряжения. Опыт осуществления реформ в России продемонстрировал, насколько сложно урегулировать конфликты, особенно на местном уровне, используя методы исключительно административного принуждения [3].

Одним из методов, которые вполне успешно используются для регулирования общественных отношений на основе согласования и учета интересов сторон, является социальное партнерство [4]. Особую значимость социальное партнерство приобретает в условиях ограниченности ресурсов, которые характерны практически для всех муниципальных образований нашей страны, когда для решения острых и жизненно важных проблем, для развития территории необходима консолидация усилий всех заинтересованных сторон. При этом важно отметить, что партнерские отношения не допускают одностороннего давления, их базой служит взаимное уважение интересов, а методом реализации - социальный диалог.

В современных условиях одной из функций органов государственного и муниципального управления становится разработка нормативно-правовых и организационных основ, посредством которых возможно нахождение наиболее эффективного способа решения острых социальных проблем совместными усилиями власти, бизнеса и общества. Наиболее цивилизованным способом решения проблем совместными усилиями является партнерство. Следует отметить, что не все формы взаимодействия между властью и обществом можно охарактеризовать как социальное партнерство, поэтому необходимо рассмотреть подходы к определению данного понятия и выявить характерные особенности социального партнерства.

Под социальным партнерством чаще всего понимают технологию регулирования социально-трудовых отношений в организациях [5]. В рамках данного подхода уделяется особое внимание правовому механизму реализации партнерства, который включает в себя регулятивную и охра-

нительную части [1]. Регулятивная часть состоит из вопросов, составляющих содержание трудовых отношений, определяет права и обязанности сторон этих отношений, их участие в управлении, а также описывает порядок ведения переговоров и консультаций. Охранительная часть правового механизма социального партнерства определяет моменты разрешения трудовых споров и конфликтов. Таким образом, использование механизмов социального партнерства позволяет регулировать трудовые конфликты и споры, возникающие в муниципальных организациях.

В последнее время в научном сообществе наблюдается усиление интереса к социальному партнерству как механизму социальной интеграции [2]. В рамках данного подхода особого внимания заслуживает концепция «межсекторного взаимодействия», рассматривающая в качестве субъектов партнерских отношений три основных общественных сектора: власть, бизнес и некоммерческий сектор, а в качестве предмета - широкий спектр социальных, экономических и иных проблем, которые могут послужить причиной социального конфликта (в том числе на территории муниципального образования).

Таким образом, понятие социального партнерства включает в себя совокупность методов и механизмов, посредством которых обеспечивается согласование интересов различных субъектов общественных отношений и их совместная деятельность, направленная на решение социальных проблем и обеспечение социально-экономического развития территориального образования.

В системе муниципального управления имеется ряд противоречий, которые могут служить факторами конфликтности в муниципальном образовании. Это, прежде всего, противоречие между интересами как местного сообщества в целом, так и отдельных его групп и возможностями реализации этих интересов. Также причиной конфликтов в муниципальном образовании часто служит противоречие между необходимостью решать с помощью демократических процедур большое количество социальных проблем (поскольку большинство объектов социальной сферы подведомственно именно органам муниципального управления) и ограниченностью ресурсов, прежде всего материальных и кадровых.

Социальное партнерство, понимаемое как механизм решения наиболее важных социально-экономических проблем муниципального образования за счет интеграции ресурсов власти, бизнеса и некоммерческих объединений, выступают, в данном контексте, как наиболее цивилизованный и эффективный способ разрешения указанных противоречий.

Социальное партнерство позволяет решать ряд задач на уровне муниципального образования:

1) задействовать многообразные ресурсы в решении проблем муниципального образования;

2) способствовать интеграции и стабилизации общества;

3) разработать и развить механизмы согласования интересов и целей, что, в свою очередь, повысит управляемость и предсказуемость социальных процессов;

4) повысить уровень доверия общества к власти;

5) выступить фактором социально-экономического развития муниципального образования.

Таким образом, использование разнообразных форм социального партнерства на муниципальном уровне может служить не только механизмом реализации демократических принципов муниципального управления, но и выступать в качестве средства профилактики конфликтов на уровне муниципального образования, сглаживая имеющиеся социальные противоречия.

Источники и литература

1) Лушникова М.В. Социальное партнерство в сфере труда: учебное пособие / М.В. Лушникова, А.М. Лушников; Яросл. гос. университет – Ярославль: ЯрГУ, 2008.

2) Михеев В.А. Основы социального партнерства: теория и политика: Учеб. для вузов. — М.: Экзамен, 2001. — 448 с.

3) Николаева А.А. Роль профсоюзов в развитии социального партнерства в сфере труда в современной России // Солидарность и конфликты в современном обществе / Материалы научной конференции XII Ковалевские чтения 15-17 ноября 2018 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2018. – С. 282-283.

4) Николаева А.А., Курлянчик А.А. Анализ показателей эффективности и результативности деятельности органа государственной власти // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. Т. 29. № 3.2. С. 245-255.

5) Шулус А. А. Социальное партнерство — российская модель // Социальное партнерство. 2007. № 2. С. 37–42.

Салихова Ольга Григорьевна

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

Цифровые компетенции лиц предпенсионного возраста как фактор конкурентоспособности на рынке труда

До 2025 г. Россия должна перейти на качественно новый уровень использования цифровых технологий во всех сферах деятельности. Широкое внедрение цифровых технологий оказывает влияние и на характер работы, и на требования, предъявляемые к специалистам.

Скорость трансформации технологических основ производства приводит к тому, что актуальность полученного образования стала очень ограниченна во времени. Многие существующие ныне профессии в недалеком будущем либо исчезнут, либо существенно видоизменятся, требуются новые компетенции для работы с цифровыми технологиями. Спрос на цифровую компетентность повысится. Цифровая компетенция - часть социальной компетенции личности в современном обществе, позволяющей решать задачи при использовании цифровых технологий.

Цифровые компетенции формируются на протяжении всей жизни человека, что предполагает непрерывное обучение. Более молодые группы населения получают основы цифровой грамотности еще в школе. Далее цифровые компетенции формируются в сферах профессионального, дополнительного образования и в процессе профессиональной и повседневной деятельности человека. Однако у людей старшего поколения таких основ практически нет. Цифровые навыки старшего поколения отстаю от показателей остальных демографических групп по всем позициям.[6,с.130]. Предпенсионеры в силу быстрого устаревания знаний теряют конкурентоспособность в цифровой экономике.

Особенностью современного рынка труда является дисбаланс между спросом и предложением.[2] При наличии достаточно большого количества вакансий часть безработных не может трудоустроиться, так как не обладает нужными знаниями и компетенциями.

С принятием закона № 350-ФЗ « О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» появилась категория граждан с новым статусом предпенсионер.[1] Данная мера послужила росту числа трудовых ресурсов и усилила конкуренцию на рынке труда.

Конкуренция на рынке труда понимается и как конкуренция между претендентами за право занять рабочее место. В условиях становления цифрового общества складывается ситуация, при которой наиболее конкурентоспособными являются более молодые возрастные группы, обладающими более высокими цифровыми компетенциями, и поэтому они в

большей степени отвечают требованиям рынка труда по сравнению с лицами предпенсионного возраста. Для работодателей, реализующих экономическую функцию рынка труда, труд предпенсионеров наименее привлекателен, чем труд более молодых групп, несмотря на наличие большого трудового стажа.

Лишь наиболее образованные специалисты предпенсионного возраста имеют такие же шансы на занятость, как средний работник старше 25 лет, отмечается в докладе РАНХиГС.[3]

Недостаточная конкурентоспособность отражается на показателе безработицы. По данным Минтруда во втором квартале 2019 года увеличилось число предпенсионеров, зарегистрированных в службах занятости (на 8,5%). [4,с.721]

Данные Росстата по распределению численности занятых по возрастным группам в 2018 году свидетельствует о том, что занятость населения группы 55-59 лет ниже, чем предшествующих возрастных групп.[7]

Исследования РЭУ им. Плеханова по определению факторов, влияющих на трудоустройство старшего поколения, показали, что можно выделить актуальные проблемы: недостаточная квалификация в сфере современных технологий; отказы в связи с возрастом.[5,с.45]

Для поддержки лиц предпенсионного возраста Правительство РФ приняло ряд мер, среди которых введение уголовной ответственности работодателям, увольняющим или затрудняющим прием на работу возрастных сотрудников, минимизируя влияние субъективного фактора-позиции работодателей в отношении предпенсионеров. Однако риски со стороны объективного фактора - несоответствия профессиональной подготовки новым требованиям экономики, недостаточного уровня цифровых компетенций присутствуют и являются значимыми в формировании конкурентоспособности на рынке труда. При сохранении противоречий между имеющимися цифровыми навыками и требованиями экономики возрастают показатели безработицы среди предпенсионеров. Большую роль в повышении компетенций играет самообразование, но этого недостаточно. В настоящее время действуют различные программы для предпенсионеров, направленные на повышение их конкурентности на рынке труда. Однако если проанализировать направленность дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста в рамках проекта «Старшее поколение», то можно сделать вывод, что обучение даже в рамках специальности «Оператор ПК» носит поверхностный характер, поскольку длится один месяц. За это время возможно лишь получить навыки работы на компьютере, а не освоить

новые технологии. Для сравнения - обучение профессии «Слесарь-сантехник» длится 3 месяца.[8]

Учитывая, что в настоящее время недостаточные цифровые компетенции предпенсионеров продолжают являться значимым фактором на рынке труда, а цифровые технологии, стремительно внедряясь в экономическую сферу, предъявляют все новые требования к специалистам в отношении цифровых компетенций, возрастает роль социальных институтов государства. Необходимо адаптировать переобучение лиц предпенсионного возраста в соответствии с потребностями цифровой экономики для повышения их конкурентоспособности.

Источники и литература

1) ФЗ №350-83 (последняя редакция) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий».:URL// https://bazanpa.ru/gd-rf-zakon-n350-fz-ot03102018-h4178478/ (дата обращения 28.01.2020)
2) Оперативная информация о ситуации на рынке труда Российской Федерации. Информация о ситуации на рынке труда Российской Федерации (по данным оперативного мониторинга).:URL //https:/rosmintrud.ru/ministry/programms /inform/11 (дата обращения 28.01.2020)
3) Агеева О. Эксперты констатировали деградацию занятости пожилых мужчин// РБК. Экономика. – 14.06. 2019 // URL.: https://www.rbc.ru/economics/14/06/2019/5d0262ab9a79474943dcfa86 (дата обращения 28.01.2020)
4) Грошева И.А. Человек и труд в условиях цифровой трансформации// Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию Ядова В.А.)/ Отв. Ред. Горшков М.К. - М.,2019. – С. 721 – 725.: URL// https://docviewer.yandex.ru/view/97566263 (дата обращения 28.01.2020)
5) Сахарова Н. В., Зимина А. Д., Михайлова Д. Д. Проблемы трудоустройства лиц старшего возраста в эпоху цифровизации // Наука и практика. - 2019 – № 3 (35). – С.37-46.: URL//https://docviewer.yandex.ru/view/(дата обращения 28.01.2020)
6) Индикаторы цифровой экономики: 2019 : статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – С.248 .:URL// http ://www.hse.ru /data /2019 /06/25/1490054019/ice2019.pdf (дата обращения 28.01.2020)

7) Россия в цифрах .Федеральная служба государственной статистики.:URL//https://www.gks.ru/folder/210/document/12993 (дата обращения 28.01.2020)

8) ГКУ Тверской области «Центр занятости населения города Твери» .: URL// http://www.tverczn.ru/obuchenie (дата обращения 28.01.2010)

Сергиенко Наталья Сергеевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ

Институты гражданского общества в решении вопросов местного значения

В научных и политических кругах наблюдается активная дискуссия о выборе эффективных направлений взаимодействия гражданских сообществ с органами местного самоуправления, которая позволит формировать, в том числе, новый механизм финансового обеспечения местного самоуправления. Поскольку организация содержания и развития муниципальной социальной инфраструктуры, создание условий и удовлетворение социальных и культурных потребностей жителей муниципального образования относятся к полномочиям органов местного самоуправления, именно на этом уровне актуален поиск политических решений по вопросам взаимодействия публичных институтов, формирующих отношения между индивидами и социальными группами по поводу условий создания и распределения создаваемых благ, позволяющих согласовывать потребности социальных групп с увязкой коренных интересов индивидов с интересами и целями общества с учетом интересов будущих поколений. Одним из предложений выступает возможность введения института сельского старосты, который имея давнюю, еще дореволюционную историю, представляет определенную перспективу в малонаселенной местности, для отдаленных поселений. В полномочия старосты входит не только роль общественного помощника на соответствующей территории главы местной администрации, его функции предполагают представление интересов местного сообщества, обличенное в дополнительную форму участия граждан в осуществлении местного самоуправления. Анализ опыта муниципальных поселений выявил активное обсуждение гражданами источников финансового обеспечения такого управленца в случае официального закрепления статуса представителя местного сообщества. Важно отметить, что для старост не предполагается

господдержка в качестве его оплаты труда или иная компенсация затрат, связанных с их деятельностью. Местные власти самостоятельно регулируют данный вопрос. Главное вознаграждением для таких граждан - решение проблемы, актуальной для данного поселения. Другой пример вовлечения граждан в процесс диалога с властями – создание и функционирование территориального общественного самоуправления (далее - ТОС). Данный институт гражданского общества также давно существует и уже хорошо зарекомендовал себя в отдельных населенных пунктах, особенно в сельской местности. Согласно Федеральному закону № 131-ФЗ ТОС имеют ярко выраженный территориальный характер, так как на одной территории может действовать только один ТОС, границы которого утверждаются органами местного самоуправления. В то же время на одной и той же территории могут действовать несколько общественных организаций, которые не имеют утверждаемых границ. На одной и той же территории может возникнуть неограниченное количество общественных организаций ТОС, чьи границы никто не утверждает. То есть словосочетание «территориальное» из названия ТОС исключается. Возникают просто общественные самоуправления жителей на определенной улице, в квартале, доме и т. д. Таким образом, понятие «территориальное общественное самоуправление» исчезает из обращения, нарушаются сложившиеся годами формы работы по взаимодействию с органами местного самоуправления в решении вопросов местного значения. Деятельность ТОС следует рассматривать как выражение концепции социального партнерства, точнее, муниципально-общественного партнерства. Это особый институт гражданского общества, требующий выделения в особую организационно-правовую форму. Данная ситуация особенно актуальна для регионов, где на протяжении многих лет действуют территориальные общественные самоуправления. Они объединяют около миллиона жителей, ведут активную работу с населением. В отличие от других общественных объединений ТОС работают со всеми категориями населения, в этом их социальная функция. Ни одна общественная организация такими возможностями не обладает. Поэтому назревает необходимость придания ТОС особого правового статуса, а также принятие отдельного закона, регулирующего деятельность ТОС. Важно предусмотреть законодательно следующую обязанность органов местного самоуправления при взаимодействии с органами ТОС: оказание финансовой (как прямых субсидий, так и на основе проведения конкурсов), имущественной (в виде предоставления бесплатных помещений), экономической (выделение в муниципальных заказах лотов специально для ТОС, которые они могли бы реально осилить), информационно-методической, информационной и

организационной поддержки в осуществлении коммуникаций с органами местной власти. Таким образом, тема сотрудничества и координации в экономике посредством встраивания институтов гражданского общества в систему муниципального управления через процедуру демократического перераспределения властных полномочий приобретает все большую актуальность. Кроме того, активное вовлечение институтов гражданского общества в процесс определения основных направлений расходования части бюджетных средств осуществляется при реализации партисипативного бюджетирования (бюджетной инициативой), при котором учитывается мнение граждан о направлениях расходования части бюджетных средств. В современных условиях важным видится выстраивание позиции не противопоставления публичной власти на местах местному сообществу, а содействие взаимному диалогу, решение общих задач.

Источники и литература

1) Балынин И. В. Комплекс предложений по совершенствованию финансового обеспечения муниципальных образований в Российской Федерации//Аудит и финансовый анализ. 2018. № 2. С. 196-200.
2) Комов В. Э. Роль социально-ориентированных некоммерческих организаций в решении задач социально-экономического развития муниципального образования//Муниципальная академия. 2016. №3. С. 86-91.
3) Мусинова Н.Н. Роль территориального общественного самоуправления в формировании комфортной городской среды //Самоуправление. 2019. Т. 2. № 3 (116). С. 203-206.

***Сиротина Татьяна Викторовна*[1], *Нагих Алина Юрьевна*[1]**

1 - Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Независимая оценка качества предоставляемой помощи семьям, воспитывающим детей с ментальными нарушениями, как инструмент общественного контроля в Алтайском крае

В настоящее время рождение детей с нарушениями в развитии становится всё более распространённым явлением. В России, как и во всем мире, наблюдается тенденция увеличения численности детей-инвалидов: по данным Федеральной службы государственной статистики РФ число детей с инвалидностью на 1 января 2019 г. почти на 19 тыс. человек больше по сравнению с аналогичным числом на 1 января 2018 г. [7].

Наиболее распространёнными причинами детской инвалидности согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ за 2018 г. по заболеваниям, обусловившим возникновение инвалидности, являются ментальные нарушения. В структуре причин инвалидности наиболее часто наблюдаются психические расстройства и расстройства поведения - 26,94% от общего числа заболеваний на территории Российской Федерации, 32,82% - на территории Сибирского Федерального округа, и 38,01% - на территории Алтайского края [7].

Ментальные нарушения у ребенка означают наличие у ребенка интеллектуальных нарушений и/или нарушений психического здоровья, в силу которых он сталкивается с различными барьерами (психологическими, социальными, средовыми и др.), которые мешают полному и эффективному участию ребенка в жизни общества наравне с другими и которые обуславливают необходимость применения мер защиты и дополнительных гарантий для преодоления таких барьеров. Под ментальными нарушениями у детей мы понимаем стойкие нарушения психических функций организма, обусловленные психическими расстройствами и расстройствами поведения, в т.ч. нарушениями психологического развития (расстройствами развития учебных навыков, РАС, синдромом Ретта и пр.), умственной отсталостью, шизофренией, эпилепсией, синдромом Дауна и др. [2]. Дети с ментальными нарушениями имеют ряд специфических особенностей, которые проявляются в отставании сроков и темпе развития; инертности, пассивности, отмечаемых во многих сферах жизнедеятельности ребенка; недоразвитии моторных и речевых функций; несформированной когнитивной деятельности; снижении познавательного интереса; нарушении эмоционально-волевой сферы. Степень проявления этих нарушений значительно варьируется у детей с ментальными нарушениями.

Увеличение количества детей с ментальными нарушениями обусловило рост внимания к проблемам таких детей и их семей. С одной стороны, в современном российском обществе активно развиваются меры социальной политики в отношении детей с ментальными нарушениями и семей, воспитывающих таких детей, с другой стороны, данные меры реализуются недостаточно эффективно и нуждается в совершенствовании для обеспечения эффективной диагностики нарушений, лечения, проведения абилитационных и реабилитационных мероприятий с целью полноценного участия таких детей и их семей в жизни общества.

Под помощью, предоставляемой семьям, воспитывающим детей с ментальными нарушениями, мы понимаем услуги организаций социальной защиты, образования, медицинских организаций, предоставляемые

детям с ментальными нарушениями, а так же членам их семей, направленные на обеспечение поддержки таких семей с целью реализации детьми с нарушениями всех прав и основных свобод наравне с другими детьми, нормализации жизни семьи [1]. С 2014 года на территории Алтайского края проводится независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями, организациями социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы, организациями, осуществляющими образовательную деятельность [3 - 6]. Независимая оценка качества условий оказания услуг организациями разной ведомственной принадлежности является важным инструментом общественного контроля, реализуемого с целью повышения качества и доступности услуг, улучшения информированности потребителей о качестве работы организаций. В то же время проводимая оценка не позволяет дифференцировать данные о качестве предоставляемой помощи более узкой группе населения - семьям, воспитывающим детей с ментальными нарушениями, организациями разной ведомственной принадлежности, что обусловливает необходимость проведения дальнейших исследований.

Источники и литература

1) Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml

2) О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы: Приказ Минтруда России от 27 авг. 2019 г. N 585н [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2019/11/19/mintrud-prikaz585-site-dok.html

3) Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями, в отношении которых проводится независимая оценка: Приказ Минздрава России от 04 мая 2018 г. N 201н [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2018/05/25/minzdrav-prikaz-201-site-dok.html

4) Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы: Приказ Минтруда России от 23 мая 2018 г. N

317н [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/1305

5) Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность по основным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования, основным программам профессионального обучения, дополнительным общеобразовательным программам: Приказ Минпросвещения России от 13 марта 2019 г. N 114 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2018/05/25/minzdrav-prikaz-201-site-dok.html

6) Независимая оценка качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Алтайского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aksp.ru/work/ocenkachestva/

7) Положение инвалидов // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: https://www.gks.ru/folder/13964

Смолина Елена Григорьевна

Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Гармонизация отношений представителей органов власти и населения в интернет-пространстве: управленческий аспект

В последние годы отмечается тенденция увеличения интереса теоретиков и практиков к вопросу организации отношений между органами власти и обществом. Ведь на фоне низкого уровня доверия граждан к институтам власти и социально-экономических вызовов современности возникает острая необходимость в наличии эффективных средств гармонизации отношений представителей органов власти и населения.

Одной из новых и перспективных площадок, призванных расширить коммуникативные практики властных структур и граждан, на настоящий момент является интернет-пространство. Как часть социального пространства, Интернет трансформирует современные практики и способствует их интенсификации, а также обогащает их за счет своей интерактивности и мобильности. На этих принципах построена концепция

электронного правительства, и благодаря им происходит сегодняшнее преобразование государственного управления в цифровой формат.

На настоящий момент использование цифровых технологий применительно к деятельности государственных и муниципальных органов связывается с расширением участия граждан в вопросах управления, в частности, посредством использования возможностей интернет-пространства. Действительно, если исходить из преимуществ порталов органов власти, интернет-приемных и автоматизированного порядка оказания государственных и муниципальных услуг, электронный формат взаимодействия уже дал положительные результаты. Однако новая парадигма качественного государственного управления сопряжена с развитием интернет-форм партисипации.

В июне 2019 года автором было проведено социологическое исследование путем анкетного опроса жителей г. Волгограда (n=500, выборка многоступенчатая с квотированием по полу и возрасту), целью которого было изучение общественного мнения относительно возможностей гармонизации отношений представителей органов власти и населения в интернет-пространстве. По итогам исследования, большая часть опрошенного населения (79%), несмотря на преимущества электронных взаимодействий, считает интернет-пространство дополнительной площадкой интеракции в вопросе отношений с государственными и муниципальными органами. Акцентируя внимание на муниципальный уровень (как наиболее приближенный к интересам граждан), респондентам предложили оценить практику электронного взаимодействия, сложившуюся на настоящий момент в г. Волгограде. Каждый второй житель города утверждает, что в городе не созданы в полном объеме соответствующие условия для подобного формата взаимодействия. Однако распределение ответов респондентов на вопрос о перечне популярных форм интеракций в интернет-пространстве, заставляет усомниться в аргументированности такой точки зрения. Дело в том, что по итогам опроса, жителям знакомо достаточное количество форм интернет-взаимодействия с властью. В первую тройку популярных способов интеракции вошли 1) портал по оказанию государственных и муниципальных услуг в электронном виде (более двух третей населеня выбрали этот вариант ответ), 2) электронные обращения (каждый третий) и 3) переписка с использованием электронной почты (чуть больше 30 %). Помимо этого жителям известны электронные опросы, порталы петиций и электронное голосование за проект или инициативу. Следовательно, в городе наблюдается наличие сервисов, обеспечивающих возможности для электронного взаимодействия. Однако при дальнейшем анализе полученных результатов

было выявлено следующее противоречие: с точки зрения подавляющей части населения, наличие форм взаимодействия еще не обеспечивает сам факт осуществления интеракции и ее эффективный результат. Действительно, комментируя формы взаимодействия, три четверти респондентов высказывают мнение о низкой информированности граждан относительно порядка организации взаимодействия с помощью имеющихся форм, а также незаинтересованности органов власти в развитии этого направления деятельности.

Другими словами, по итогам исследования, интернет-пространство не воспринимается с точки зрения управленческого потенциала как важный ресурс в рамках оптимизации общественной ситуации. Необходимо отметить, что жителям города в основном не знакомы формы взаимодействия, обладающие высокой степенью субъектности, да и сами граждане не обладают желанием или не готовы принимать участие в партисипации. Исходя из противоречивых результатов исследования, автор делает вывод о том, что потенциал интернет-пространства в вопросе гармонизации отношений между представителями власти и населения зависит, в первую очередь, от целенаправленных действий управленческих структур в этом направлении. Без должного инициирования и полноценного управления взаимодействие органов власти и граждан в интернет-пространстве не способно дать конкретных и долгосрочных результатов. Следовательно, основная рекомендация в этом вопросе касается властных структур, а именно обращение должного внимания, реализация функций планирования и контроля по отношению к интернет-интеракциям с более тщательным продумыванием стратегии действий и соответствующих ресурсов.

Соловьев Аркадий Константинович
Финансовый университет, Москва, РФ

Социальные риски цифрового развития и их влияние на пенсионное обеспечение

Одним из главных результатов цифровизации экономики является радикальная перестройка всей современной системы государственного пенсионного обеспечения. Наиболее глубинные изменения затронут не только ее параметрические характеристики, сложившиеся за долгие годы формирования солидарно-страховых отношений между ее участниками: застрахованными лицами-работниками, страхователями-работодате-

лями и страховщиками-пенсионными фондами, включая государство с его бюджетными гарантиями.

Современные государственные системы пенсионного обеспечения основаны на трудовой теории формирования пенсионных прав наемных работников, которые реализуются на солидарно-страховых принципах. В той или иной степени, в зависимости от уровня развития экономики и социально-трудовых отношений, страховые пенсионные системы в цивилизованных странах гарантируют всем застрахованным лицам достойный уровень материального обеспечения, адекватный их трудовому потенциалу.

В условиях цифровизации экономики должно произойти резкое и быстрое свертывание рынка наемного труда, предусматривающее экономические отношения между работником с его трудовым потенциалом и работодателем. В результате этого принципиальная трансформация должна затронуть институциональные основы экономического механизма всей государственной системы материального обеспечения населения страны в нетрудоспособный период их жизни.

Следует подчеркнуть, что в теории пенсионного страхования именно зарплата и продолжительность трудового стажа являются отправными точками для исчисления размера страховой пенсии и ее дифференциации для различных категорий застрахованных лиц.

Комплексный актуарный анализ рисков финансовой обеспеченности государственных пенсионных обязательств показывает, что прямого влияния старения населения на увеличение численности пенсионеров и тем более на рост расходов бюджета ПФР и федерального бюджета не наблюдается. Причина финансовой сбалансированности бюджета заключается в том, что пенсионная система в современных условиях полностью интегрирована в экономику и все ее экономические параметры в первую очередь зависят от уровня развития экономических отношений между участниками пенсионной системы. Демографические факторы могут выступать только как ограничители для реализации экономических отношений участников пенсионной системы.

Критерием формирования пенсионных прав в рыночных трудовых отношениях является принцип учета «трудового вклада» каждого пенсионера в государственную пенсионную систему путем механизма страхования заработка/дохода каждого работника в течение всего периода трудоспособной жизни. Количественными критериями измерения этого трудового вклада в страховой пенсионной системе общепризнаны показатели трудового стажа и заработной платы/дохода [1, с.50].

Трансформация пенсионной системы на страховые экономические механизмы наряду с позитивными сдвигами сопровождается радикальным изменением в бюджетно-финансовом обеспечении накопленных государственных пенсионных обязательств. При этом пенсионная система как общественный институт должна быть встроена с одной стороны в государственную систему управления в части бюджетного планирования, а с другой учитывать весь комплекс социально-демографических факторов, что делает ее полностью зависимой от всех факторов, определяющих как макроэкономическое развитие страны, так и демографические процессы

Решение стратегической задачи - долгосрочной сбалансированности и устойчивости пенсионной системы может быть достигнуто только при осуществлении комплекса мероприятий как в самой пенсионной системе, так и внешних - макроэкономических факторов функционирования пенсионной системы. Главное направление «предотвращения демографической угрозы старения» для роста нагрузки на федеральный бюджет заключается не в секвестировании их пенсионных прав различными методами, а в создании объективных условий на рынке труда для реализации трудовых прав граждан на занятость и, соответственно, на зарабатывание собственных пенсионных прав в солидарной страховой пенсионной системе [2, с. 130].

Анализ современной практики реализации пенсионной реформы показывает, что ее эффективность зависит не только от страховой оптимизации самой пенсионной модели, но в большей степени - от «внешних» факторов и рисков, которые сопровождают весь долгосрочный период пенсионного страхования. В мировой практике развития пенсионных систем наиболее значительное влияние оказывают макроэкономические и демографические риски.

В текущем столетии на первое место выдвигается новый глобальный вызов, обусловленный цифровой экономикой. Риски цифровизации экономики для развития пенсионного обеспечения проявляются в резком сокращении потребности в участии населения в трудовых процессах и активном «вытеснении» и замещении человеческого труда из производственных процессов. Это означает сокращение трудовой занятости и необходимости изменения системы трудовых отношений как экономического механизма распределения результатов труда между работодателем и работником.

Источники и литература

1) Соловьев А.К. Исследование влияния неформальной занятости на сбалансированность бюджета ПФР и формирование пенсионных прав работника // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – С. 54-64.

2) Соловьев А.К. и др. Пенсионный возраст: актуарно-статистическое обоснование. - М.: Прометей, 236 с.

Стегний Василий Николаевич

ФГБОУ ВО "Пермский национальный исследовательский политехнический университет", Пермь, РФ

К вопросу о противоречиях современного российского общества

Поскольку Россия вписана в процессы глобализации современного мира, то в основе противоречивости ее развития лежат, во-первых, глобальные противоречия и проблемы [1, с. 29-346] и основные тенденции его развития [2, с. 36-154]. Во-вторых, основные процессы, происходящие в современной России, связанные с переходом ее от индустриального к постиндустриальному типу цивилизации.

Противоречие между остатками прошлого, основами настоящего и зачатками социального будущего, сочетающими в себе элементы индустриального и постиндустриального общества, стало определяющим вектором развития как России, так и всего современного мира.

Перед ними встал вопрос поиска новой модели социально-экономического развития. Англо-саксонская модель капитализма, позволившая странам Запада выйти на вершину мирового развития и добиться очень больших результатов во всех сферах общественной жизни, уже исчерпала себя. Она была успешной для индустриальной стадии и при переходе общества в постиндустриальный тип цивилизации становится малоэффективной. Страны с этой моделью развития входят в состояние кризиса. России брать их модель своего развития - это входить в кризис. Ей нужна своя модель социально-экономического развития, которая бы учитывала как тенденции, проблемы мирового развития, его опыт, так и особенности социально-экономического, политического, культурного, географического положения России, ее евро-азиатский тип цивилизации.

Россия, как и страны Запада, столкнулась на данном переходном этапе своего развития с такими проблемами: 1) демографическая, 2) экологическая, 3) чрезмерная стратификация общества: а) между регионами,

б) между социальными группами, в) дефицит государственного бюджета, г) низкие темпы экономического роста или отсутствие таковых. Исходя из этих проблем и ряда других в России, как и в странах Запада, на первый план вышло противоречие эффективности экономического развития общества и социальной защиты личности. Тот, кто найдет ключ к разрешению данного противоречия, тот и предложит новую модель социально-экономического развития постиндустриального общества.

По мнению ряда исследователей, будущее общество прогнозируется как инновационное, информационное, знаниевое, сетевое, технотронное, ядром которого будут нано-, био- и когнитивные технологии, рыночное, демократическое, опирающееся на культуру и нравственность, интеллектуальный потенциал человека.

От будущего общества ждут ответа на вопрос, что или кто будет в центре его развития: «рынок», «бизнес», «деньги» или человек. При этом не просто человек, а какой человек: или это разумный потребитель, или гармонически развитая личность. Исходя из этого предлагается несколько моделей будущего социально-экономического развития. Среди них наиболее активно обсуждаются два варианта: 1) это общество социально ориентированное, социальных гарантий, б) или это чисто рыночное общество, где человек не самоцель, а средство общественного развития [3, с. 8-19].

Принятие и начало реализации в 2019 г. в Российском государстве 12 национальных проектов свидетельствует о появлении определенной идеальной конструкции, направленной на преобразование российского общества, социальный вектор его развития, осознание социального будущего.

Само по себе новое будущее общество в Россию не придет, но переход к нему - это закономерный процесс, основанный на тенденциях мирового развития, которые необходимо познать. Исследовать эти тенденции может только наука, но этого мало. Эти тенденции должны стать основой жизнедеятельности государства. В таком положении научное управление и государственное регулирование становятся атрибутивным свойством, потребностью общества не только в межцивилизационный период, но и в будущем постиндустриальном типе цивилизации. Только стихийное развитие общества на этой стадии становится опасным. В такой ситуации эффективность развития общества все больше начинает зависеть от эффективности функционирующего в нем системы управления. Причем в ней обязательно должны функционировать как административное управление, так и самоуправление. Противоречие между этими уровнями, формами управления, а также противоречие между научным управ-

ление и государственным регулированием становится одним из основным в современном обществе.

Конкретную роль в этом процессе играют представления личности, социальных групп, политических институтов, управленцев, чиновников, бюрократии и т.д. не только о системе управления, а и о будущем общества, тенденциях его развития. Противоречия между идеальным представлением о будущем общества и конкретным претворением его на практике в современной России и мире становится одним из ключевых, т.к. жизнь и идеал - не одно и то же. Жизнь - это действительность, идеал - это идеальная возможность сделать ее такой, какой она мыслится. У человек может быть совпадение и относительное несовпадение замысла и результата. Социологические исследования, проведенные нами, позволили зафиксировать у определенной группы несоответствие между ценностными ориентациями и наблюдаемым поведением.

Источники и литература

1) Медоуз Д.Х. Пределы роста: 30 лет спустя: пер. с англ. С.С. Оганесян / Под ред. Н.П. Тарасовой. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – 358 с.
2) Нейсбит Дж. Мегатренды: пер. с англ. – М.: АСТ: Ермак, 2013. – 380 с.
3) Стегний В.Н. Прогнозирование модели социально-экономического развития страны, территории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – № 1. – С. 8-21.

Степаненок Анастасия Андреевна

Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского, Брянск, Россия

Сокращение социальной эксклюзии на предприятии методом социального проектирования.

В статье поднимаются вопросы определения социальной эксклюзии. Рассматриваются причин возникновения данной проблемы на предприятии и в обществе. Обращается внимание на то, что на предприятии управленцы зачастую ущемляют права сотрудников, что и является социальной эксклюзией.

Ключевые слова: социальные эксклюзии, социальное проектирование, организация, объект социального проектирования, субъект социального проектирования, методы социального проектирования, виды социальной эксклюзии, система социального проектирования, социальное действие, диприваций, дискриминация.

Тема социальной эксклюзии часто становится предметом исследования западных социологов. В настоящее время и в России появляются исследования посвященные данной проблеме, но все же их недостаточно, чтобы разработать категориальный аппарат. Поэтому обратимся к уже сложившейся в западной социлогической школе, которая выделяет два похода к изучению социальной эксклюзии. Первый, рассматривается на макроуровне с позиции общества в котором характеризуется отсутствием доступа социума к механизмам интеграции. Второй подход, характеризует данную проблему на микроуровне (социальные группы, общности). Если в первом случае речь идет о «дискриминации», то в о втором о «диприваций». В данной статье мы обратим внимание на второй подход, т. к. в России не принято разделять данные подходы и в изученных нами исследованиях, не встречаются исследования социальной эксклюзии в социальных группах. [3]

Что же представляет собой социальная эксклюзия? Социальная эксклюзия — это меры при который индивиды исключены из социальной жизни или имеют к ней ограниченный доступ. Она также имеет место неравенства в других ключевых сферах социума. В последние годы, исследователи в своих работах, обращают внимание на цифровую эксклюзию, которая остро выражена в ограничении информации о ситуации в стране или за рубежом и т.д[1].

Зачастую именно в социальных группах индивиды могут оказаться в диприваций, а именно в трудовом коллективе, который является социальной группой. Чего именно могут быть лишены члены коллектива в условиях трудовой организации? На основе анализа социологических исследований, которые проводились в России в период с 2000 по 2018 гг., было выявлено, что эксклюзия в области трудовых отношений выражается в следующих показателях:

- неравные условия труда;
- скрытие руководством от подчиненных мер социальной поддержки;
- отсутствие досуговых (праздничных) мероприятий в коллективе.

Данные факторы влияют не только на психологическое состояние членов коллектив предприятия, но и формируют ряд проблем, которые в свою очередь, влияют на успешность выполнения своих обязанностей у подчиненных. У индивидов падает трудовая и общественная активность,

снижается удовлетворенность процессом и результатами труда, уменьшается роль в общественной жизни более широкой социальной общности, повышается уровень текучести кадров.

В данных условиях руководитель должен внедрить социальное проектирование для решения данных проблем. Для начала необходимо провести анализ социально-психологического климата на предприятии, с помощью небольшого экспрес-опроса, который позволит выявить имеются ли недовольства среди коллектива и в случае положительного результата, выявить суть проблемы недовольства. По результатам опроса, необходимо составить социоматрицу и далее социограмму. После проведения исследования и обработки результатов внедрить программу повышения удовлетворенностью условиями труда[2].

Итак, наш анализ теоретических и эмпирических данных показал, что в российском обществе и всех его сферах существуют социальные эксклюзии, они «выбивают» индивидов из социальной жизни общества и страны, поэтому необходимо взять под контроль данную проблему на всех уровнях социальных групп и общностей. Руководители должны обращать внимание на потребности своих подчиненных и создавать для них все условия, для повышения качества условий труда.

Источники и литература

1) Киселев А.Г., Теория и практика массовой информации: Общество - СМИ - власть: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Связи с общественностью" / - М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2015. - 431 с.: 60x90 1/16 ISBN 978-5-238-01742-6 - Режим доступа: http://znanium.com/catalog/product/883125

2) Киселёв А.Г., Шилина С.А., Управленческий дискурс как социальная коммуникативная технология в системе отношений государства и социума : монография /— М. : ИНФРА-М, 2017. — 120 с. — (Научная мысль). — www.dx.doi.org/10.12737/22345. - Режим доступа: http://znanium.com/catalog/product/753693

3) Тихонова Н.Е. Социальная эксклюзия в Российском обществе// сборник статей: Общественные науки и современность, 2014 г.

4) Чорнобай П.М. Социальная напряженнолсть: опыт изменения// Социологические исследования 2016 №37

Таджибова Лариса Низамиевна

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Санкт-Петербург, Россия

Предотвращение трудовых конфликтов как функция института социального партнерства

Особенностью развития современного общества являются новые фундаментальные преобразования, происходящие в сфере экономики и труда. Эксперты Всемирного экономического форума в отчете «Будущее рабочих мест» указывают на осуществление следующих процессов: - продолжающееся формирование цифровой экономики, в основе которой лежит развитие сети Интернет, распространение вычислительных и коммуникационных устройств; - осуществление так называемой «четвертой промышленной революции», главными отличительными признаками которой являются развитие и внедрение в производство искусственного интеллекта, автоматизация производства, применение автономных роботов, использование больших данных и аналитики [1, с. 8]. Ученые прогнозируют массовое внедрение новых кибер-физических технологий во все сферы жизнедеятельности человека: производственную, трудовую, бытовую. Подобные тенденции оказывают существенное влияние на развитие социально-трудовой сферы. Эксперты Международной организации труда указывают на следующие социальные последствия, проявляющиеся в сфере социально-трудовых отношений: - сокращение числа рабочих мест в традиционных отраслях экономики; - возникновение новых рабочих мест в инновационных секторах, требующих соответствующих навыков и квалификации; - обострение проблемы занятости, рост безработицы в определенных социальных группах, особенно молодежи; - внедрение инновационных технологий, требующих переобучения и переквалификации работников; - быстрое «устаревание» профессиональных навыков и необходимость создания системы «непрерывного» профессионального обучения; - расширение неформальной занятости вследствие распространения новых форм организации труда и бизнеса [2, с. 19]. Подобные последствия неблагоприятно сказываются на системе социально-трудовых отношений, ведут к обострению уже существующих социальных проблем и повышают вероятность трудовых конфликтов. Большинство исследователей отмечают, что дисбаланс в отношениях между работодателями и наемными работниками увеличивается в сторону усиления позиций работодателей и ограничения возможностей работников реализовывать и защищать свои интересы в сфере труда. Это отражается в таких процессах, проявляющихся на глобальном уровне современного общества, как увеличение неравенства в оплате труда между различными категориями

работников, замедление роста заработной платы, сохранение разрыва в оплате труда между мужчинами и женщинами. На глобальном уровне большинство работников находится вне сферы действия коллективных переговоров. Определенные категории работников не обладают правовыми возможностями в них участвовать. Характерной особенностью развития социально-трудовых отношений современного периода является и затрудненность деятельности профсоюзных организаций. Во многих странах сохраняется высокий уровень давления и контроля над деятельностью профсоюзов со стороны государства. Это характерно и для России. Кроме того, по-прежнему происходят случаи дискриминации работы профсоюзов и оказания препятствования их деятельности со стороны работодателей. Ослабление позиций профсоюзов также является фактором, затрудняющим согласование интересов субъектов социально-трудовых отношений. Обострение противоречий интересов работников и работодателей повышает вероятность трудовых конфликтов и выступает фактором, затрудняющим задачи социально-экономической модернизации, стоящие перед современным российским обществом. Данные социологических исследований показывают, что социально-трудовые отношения в современной России характеризуются обострением противоречий интересов наемных работников и собственников, руководителей организаций. Так, например, в 2019 г. на территории России было зарегистрировано 134 трудовых конфликта [3]. Отмечается такая негативная тенденция, как увеличение средней продолжительности трудовых конфликтов. Например, в период с 2017 по 2019 гг. средняя продолжительность трудовых конфликтов увеличилась с 15 до 28 дней, также увеличилась доля «длинных» конфликтов продолжительностью от полугодия и выше [4]. В существующих условиях формируется общественная потребность развития института социального партнерства, функцией которого является регулирование взаимодействия государства, работодателей, работников на основе выявления и согласования их интересов. Необходимым является формирование и проведение государственной политики, направленной на активизацию процесса коллективных переговоров на национальном, отраслевом и организационном уровнях; вовлечение организаций работодателей и работников в данный процесс. Ведение коллективных переговоров дает возможность выявлять интересы сторон социально-трудовых отношений, фиксировать их в принимаемых соглашениях и договорах, уменьшать уровень неравенства в оплате труда. Таким образом, коллективные переговоры в сфере социально-трудовых отношений, являясь основой социального партнерства, способствуют уменьшению обще-

го уровня социального неравенства и являются инструментом снижения социальной напряженности и профилактики трудовых конфликтов.

Источники и литература

1) The Future of Jobs Report 2018. Geneva, 2018. 133 с. [Электронный ресурс] // Centre for the New Economy and Society. World Economic Forum.URL:http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (дата обращения 10.01.2020).
2) Работать ради лучшего будущего. Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда. Международное бюро труда. Женева, 2019. 88 с. [Электронный ресурс] // Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ (дата обращения 10.01.2020).
3) Социально-трудовые конфликты в Российской Федерации. Предварительные итоги 2019 года [Электронный ресурс] // Социально-трудовые конфликты. Мониторинг. Анализ. Прогноз. URL: http://industrialconflicts.ru/lib/70/ (дата обращения: 10.01.2020).
4) Там же.

***Тернов Николай Максимович*[1]*, Ротмистров Станислав Алексеевич*[1]**

1 - НГТУ, Новосибирск, Россия

Концепт "Рухани жаңғыру" в интернет-пространстве Казахстана

На сегодняшний момент, интернет-коммуникация играет важную роль в обществе: информация передается как в текстовом, так и в графическом виде. Люди поколения Y и Z стали свидетелями формирования и новой культурной единицы в интернет-пространстве: мема. Мем, как таковой, стал с одной стороны репрезентацией устоявшихся в дискурсе значений и способов описания мира, а с другой стороны, сам его и формирует. В статье дается краткий обзор ситуации в интернет-коммуникациях Казахстана: постулируемые государством идеи находят своё отражение в мемах, которые, однако, преобразуют их в более ироничный или саркастический продукт.

Огромное количество видов Интернет-коммуникаций (электронная почта, социальные сети, мессенджеры) играют важную роль для нынешнего общества, без них почти невозможно представить существующую

действительность. За счет появления более дешевых и доступных способов коммуникации число пользователей сети-интернет регулярно растет, постоянно развивающиеся новые методы общения упрощают возможности по использованию, что существенно понижает порог вхождения для новых пользователей в развивающихся странах. Основной аудиторией для сети Интернет являются молодые люди из поколения Yи Z, которые были рождены во время становления Интернета в нынешнем его состоянии и его прихода в нынешнюю повседневную жизнь.

Основной культурной единицей в современном интернет-пространстве является мем. Мем часто определяется как средство коммуникации, т.е. подчеркивается коммуникативный потенциал интернет-мема, его вовлеченность в процесс компьютерно-опосредованного общения. Н. Г. Марченко предлагает понимать интернет-мем как «хранилище культурных кодов сетевого сообщества», тем самым акцентируя внимание на культурной специфике этих единиц [1].

Исследование мема как информационного феномена впервые было произведено Р.Докинзом в середине 1970-х годов в контексте эволюционной эпистемологии. В дальнейшем данный вопрос изучали преимущественно следующие биологи и этологи: Л.Кавалли-Сфорца, Ч. Ламсден, М.Фельдман, Э. Осборн Уилсон, и др. Меметику и теорию мемов в культуре развивали следующие специалисты: С.Ф.Голд, Р.Аунгер,К.Дистин,Дж.Залески, Д.Халл, М.Джефрей, М.Ротелла. Теорию мемов в социологии развивали П.Ванден Берге, Дж. Барков, Э.Кэмпбэлл, М.Блат, П.Марсден, К.Аоки. Изучению мемов в рамках когнитивной социологии посвящены работы Е.Зерубавеля («ментальное сообщество»)[2].

С учетом развития интернет-коммуникаций в Казахстане, появление собственной, локальной мем-культуры было лишь вопросом времени. Безусловно, нахождение в социальной сети «Вконтакте», которая принадлежит России, задает и тон причастности к российским интернет-пабликам, «продуцирующим» собственные мемы с российской повесткой. По сравнению с локальными группами, российские более структурированы, охватывают более широкую повестку, и само собой, имеют больший охват. Однако, такие паблики никак не связаны с событиями в Казахстане и не рефлексируют их, в них также отсутствует репрезентация образов других стран, ровно как суждения на волнующие народ темы.

Учитывая, что мем как таковой является производным дискурса с одной стороны, а с другой и сам его формирует, важность мем-культуры казахстанского сообщества трудно недооценить: с момента обретения независимости, Казахстан выстраивает как собственную внешнюю, так

и внутреннюю политику, будь то политика памяти, культурная или языковая. Таким образом, мемы могут послужить индикатором появления в дискурсе новых «узлов» по Лакло-Муфф, седементируя определенные значения и интерпретации событий[3, с. 26].

На сегодняшний день, Казахстан стоит на пути формирования собственной политики памяти и построения идентичности, которая отличается двойственностью подходов: перед элитами стоит выбор между построением этнического государства (восточный национализм) и построением гражданской идентичности (Казахстанцы), вне зависимости от этнической составляющей. Используя концепт «национализирующегося государства» Р. Брубейкера[4], можно сказать, что элита Казахстана пытается сделать его еще более «национальным» вводя новые элементы во внутреннюю политику Казахстана, будь то проекты «Рухани Жангыру»[5], переход на латиницу, продвижение идей «традиционного ислама». В подобном контексте, мемы отражают устойчивые значения в дискурсе и транслируют их в массы, где помимо сугубо казахстанских тем (проблемы коррупции, конфликты между представителями власти и т.д.) особую роль занимает история Казахстана, с присущей ей колоритом и особенностями. Здесь, стоит отметить образ Алаш Орды (существовавшее в годы Гражданской войны самопровозглашенное казахское национально-территориальное образование), которое в мемах всегда ставится в позицию жертвы Советского союза, а также участь казахской интеллигенции в послевоенное время.

Таким образом, в казахстанском обществе, в среде интернет-пространства, существует взаимопроникновение государственной политики и запросов общества, выражаемое в мемах. С одной стороны, постулируемые аспекты проекта «Рухани Жангыру» находят отражение не только в спонсируемых государством кейсах, но и в интернете, а с другой стороны, в коммуникативной среде появляются идеи, схожие с идеями проекта «Рухани Жангыру», но оформленные на более обывательском уровне. Тем не менее, такое сосуществование не идет вразрез ни с идеологами государства, ни с обывателями, и сфера взаимопроникновения нуждается в более тщательном рассмотрении.

Источники и литература

1) Марченко, М.Н. Государство и право в условиях глобализации / М.Н. Марченко ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет. – Москва : Проспект, 2015. – 401 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: http

://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252015 (дата обращения: 30.01.2020).

2) Шайхитдинова С.К. Эвиатар Зерубавель: «Невозможно понять настоящее без понимания прошлого» // ВЭПС. 2007. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eviatar-zerubavel-nevozmozhno-ponyat-nastoyaschee-bez-ponimaniya-proshlogo-1 (дата обращения: 30.01.2020).

3) Йоргенсен М., Л. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л. Филлипс; пер. с англ. – 2 изд., испр. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.

4) Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

5) Информационный портал проекта "Рухани Жангыру" URL: https://ruh.kz/ru/ (дата обращения: 30.01.2020).

Фельдман Павел Яковлевич

Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Политико-конфликтогенный потенциал экологических проблем в современной России

2019 год ознаменовался стремительным ростом внимания российской и мировой общественности к экологической проблематике. Увеличивающаяся в глобальном масштабе тревожность по поводу изменения климата, загрязнения окружающей среды, исчерпания природных ресурсов обостряется средствами массовой информации, политическими партиями, общественными движениями и международными организациями. Как следствие, национально-культурные и экономические триггеры социальных конфликтов постепенно отошли на второй план, уступив проблемное поле вопросам устойчивого воспроизводства среды человеческого обитания. Об этом, в частности, свидетельствует признание Г. Тунберг, олицетворяющей собой молодежное движение «Школьные забастовки за климат», человеком года по версии популярного американского журнала «Time». До недавнего времени экологические протесты разворачивались, преимущественно, на Западе в русле антиглобалистского движения или под эгидой международных правозащитных организаций (Гринпис, Всемирный фонд дикой природы и т.д.). Однако на

современном этапе экологический активизм не только вышел за рамки традиционных общественно-политических институтов, но и получил мощный импульс к развитию в странах БРИКС.

Существуют веские основания полагать, что экологические противоречия обладают колоссальным конфликтогенным потенциалом, в силу своего экзистенциального характера. С одной стороны, в их основе лежат объективно наблюдаемые проблемы (ухудшение качества воздуха и воды, лесные пожары, техногенные катастрофы), а с другой - иррациональные страхи перед мнимыми или не вполне осмысленными современной наукой угрозами. В числе последних особое место отводится глобальному потеплению, антропогенная обусловленность которого зачастую преувеличивается лидерами экологических движений. Подобно тому, как из «закона прибавочной стоимости» выводились основные экономические и политические постулаты марксизма, современные леволиберальные силы пытаются вывести из «теории глобального потепления» необходимость всеобщего отказа от сравнительно дешевой углеводородной энергетики. Более того, организованная борьба с указанным явлением постепенно приобретает контуры всемирного общественного движения со своими идеологическими установками и квазинаучными представлениями о мире. Как следствие, возникает социально-политическая напряженность по четырем ключевым направлениям:

1) экоактивисты - промышленные корпорации;

2) экоактивисты - институты власти и партии, ориентированные на удовлетворение интересов промышленных корпораций;

3) экоактивисты - силовые структуры, охраняющие общественную безопасность;

4) экоактивисты - представители общественности, скептически воспринимающие экологическую повестку или вовсе не предающие ей значения (так называемые «экоскептики» и «экооптимисты»).

Эскалации вышеуказанных противоречий способствует очередной виток обострения электоральной борьбы между Демократами и Республиканцами, которая традиционно достигает своей высшей фазы в период выборов президента США. Однако с недавних пор экологическая проблематика прочно вошла в актуальную общественно-политическую повестку Российской Федерации. В отличие от стран Запада, где камнем преткновения выступает «глобальное потепление», в России основным предметом экологических конфликтов стала утилизация твердых коммунальных отходов (ТКО). Так, в аналитических материалах Общественной палаты РФ и Совета при Президенте по правам человека и развитию гражданского общества совокупность проблем, связанных с реализацией

«мусорной реформы» 2015 г., характеризуется как полноценный «кризис», охвативший более 30 регионов страны [1, 2]. Наибольший резонанс в данном контексте вызывает ситуация вокруг строительства мусорного полигона в Архангельской области на станции Шиес, где в течение трех лет сохраняется чрезвычайно высокий уровень общественно-политической напряженности и регулярно проходят акции протеста местных защитников природы [3].

Имеются определенные предпосылки для того, чтобы экологические конфликты в современной России приняли массовый и деструктивный характер, став потенциальной угрозой для общественной безопасности и социальной стабильности в отдельных регионах страны. Во-первых, критическое загрязнение атмосферы, воды и почвы препятствует полноценному удовлетворению базовых физиологических потребностей граждан, вынуждая их применять коллективные действия для защиты своей жизни и здоровья. Во-вторых, конвенциональные механизмы общественного мониторинга состояния окружающей среды демонстрируют свою неэффективность и зачастую носят имитационный характер. В-третьих, до сих пор не выработана культура цивилизованного диалога между властью и гражданами в ходе реализации государственной экологической политики. Кроме того, в процессе борьбы за власть антропогенные угрозы для окружающей среды могут быть использованы некоторыми представителями несистемной оппозиции в целях эскалации социально-классовых и политических противоречий. Осознание совокупности вышеуказанных обстоятельств обусловливает необходимость выработки адекватных мер превентивного характера. Полагаем, что приоритетное внимание следует уделить совершенствованию коммуникативных инструментов, обеспечивающих учет позиции общества в процессе принятия политико-управленческих решений в сфере экологии.

Источники и литература

1) Доклад Общественной палаты Российской Федерации «Анализ эффективности мер по обеспечению переработки твёрдых коммунальных отходов и предложения по обеспечению учёта мнения граждан Российской Федерации при строительстве объектов, используемых для переработки указанных отходов». URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/Doklad_TKO_OPRF25012019.pdf

2) Рекомендации по результатам 67-го специального (133-го) заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на тему «Предотвращение образования отходов как необходимое условие обеспечения

экологических прав граждан и успешной реализации национального проекта «Экология». URL: http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5589/

3) Ежов Д.А. Экологический протест в политико-технологическом измерении: систематизация методов // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 34-37.

Хамзина Жанна Амангельдиновна

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

Гармонизация трудового права Казахстана с универсальными международными стандартами занятости

За последние годы область трудового законодательства Казахстана претерпела коренные изменения, система соответствующих нормативных правовых актов стала более эффективной вследствие проведения второй кодификации, направленной на либерализацию трудовых отношений.

Заявленная Трудовым кодексом Казахстана (ТК) комплексность в регулировании трудовых и непосредственно с ними связанных отношений предполагает нахождение баланса нормативного, договорного и локального регулирования, определение их взаимных пределов и объектов правового воздействия. В этой же плоскости находится вопрос о границах либерализации трудового законодательства. При реализации задач кодификации трудового законодательства теоретически не было обоснованы пределы, сферы либерализации, работа не опиралась на научный анализ востребованных областей наемного труда, где актуален более либеральный подход в регулировании трудовых и непосредственно с ними связанных отношений. Это можно обозначить как важнейшую проблему совершенствования системы источников трудового права.

В качестве современных проблем определения адекватного сочетания нормативного, договорного, локального регулирования наемного труда можно выделить: законодательное установление пределов договорного регулирования; определение правил разрешения коллизий между нормативными правовыми, договорными, локальными актами. Легально не регламентируется приоритет договорного либо локального регулирования, отсутствует ясная позиция относительно того какие нормы должны иметь приоритет при регламентации трудового отношения: трудового договора, коллективного договора, акта работодателя. Более того, ТК

«изобилует» формулировками, когда один и тот же вопрос особенной части регламентируется одновременно трудовым, коллективным договорами либо или (и) актом работодателя. Вопрос о соотношении приведенных источников трудового права не является разработанным в казахстанской науке трудового права.

В аспекте определения пределов правового регулирования каждого вида источника трудового права применимы положения актов МОТ как общепризнанных стандартов. Базовой является Конвенция № 150 О регулировании вопросов труда согласно которой, государство может, в соответствии с национальным законодательством, передавать определенную сферу в области регулирования вопросов труда неправительственным организациям, в частности организациям работодателей и работников или представителям работодателей и работников. Государство может рассматривать отдельные области своей национальной трудовой политики как вопросы, которые регулируются путем использования прямых переговоров между организациями работодателей и работников. Рекомендация №198 О трудовом правоотношении устанавливает, что характер и масштабы защиты, обеспечиваемой работникам в рамках индивидуального трудового правоотношения, должны определяться национальными законодательством или практикой, либо и тем, и другим, принимая во внимание соответствующие международные трудовые нормы. Национальные законодательство должно носить четкий и адекватный характер для обеспечения эффективной защиты работников в рамках трудового правоотношения. Кроме того, Рекомендация определяет минимальные стандарты труда и занятости, которые должны регламентироваться национальным законодательством. При этом необходимо найти баланс между обеспечением защиты прав работников и свободой усмотрения, договора в коммерческих и гражданских отношениях.

Право на свободу объединений представляет собой одно из важнейших и конституционных прав человека и гражданина, реализация которого отвечает интересам общества и находится под защитой государства. Важно отметить, что статус профсоюзов находится под воздействием норм не только национального, но и международного трудового права, поскольку право каждого создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов предусмотрено Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года (ст. 22 п. 1). Наряду с этим Казахстан, как член МОТ, активно занимается укреплением свободы деятельности профсоюзов в международно-правовой сфере. Республикой ратифицированы Конвенция МОТ № 87 «О свободе ассоциаций и защите прав на организацию», Конвенция № 135 «О защите прав пред-

ставителей трудящихся на предприятии и представляемых им возможностях», Конвенция № 98 «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров». Приведенные ратифицированные Республикой универсальные международные акты требуют проведения объемной и планомерной работы по приведению трудового законодательства Казахстана в соответствии с международными стандартами. В стране еще не в полной мере выполняются рекомендации МОТ в части обеспечения свободы деятельности профессиональных союзов, права трудящихся на членство в профсоюзе.

В соответствии с законодательством, в Казахстане построена следующая единая организационная система профсоюзов. Наверху созданной иерархичной системы находится республиканское объединение профсоюзов, которое является полномочным представителем работников, членских организаций в социальном партнерстве на республиканском уровне. На современно этапе роль этого объединения выполняет Федерация профсоюзов Казахстана. Законодательно не ограничено число создаваемых республиканских объединений профсоюзов, но установлено значительное препятствие: подобное объединение должно иметь членские организации на территории более половины областей, городов республиканского значения и столицы. Далее в иерархической структуре расположены территориальное и отраслевое объединения профсоюзов. Последний уровень - первичная организация профсоюза, создается в организации, состоит не менее чем из трех человек и является структурным подразделением локального или отраслевого профсоюза без образования юридического лица и полномочным представителем работников в социальном партнерстве на уровне организации.

Иерархия профсоюзов с единым республиканским центром, с государственным контролем, отсутствие независимых профсоюзных объединений послужило основанием для критики международными организациями казахстанского законодательства. В конце 2018 года членство Федерации профсоюзов Казахстана (ФПРК) в Международной конфедерации профсоюзов (МКП) было приостановлено.

В целях улучшения ситуации с положением профсоюзов, полагаем, необходимыми является реализации следующих мер: - внести изменения в положения законодательства, с тем чтобы привести их в соответствие с нормами и стандартами МОТ; - упростить процесс регистрации и уточнить критерии регистрации профсоюзов; - изменить подход к формированию профсоюзов: с государственного регулирования структуры на свободное волеизъявление участников объединения.

Хамутовская Светлана Викторовна
Государственное научное учреждение "Институт социологии Национальной академии наук Беларуси", Минск, Республика Беларусь

Цифровые барьеры в современных информационных обществах

В течение нескольких последних десятилетий в большинстве развитых и развивающихся стран мира с целью повышения эффективности экономики и качества жизни людей активно осуществляется цифровизация всех сфер общественной жизни, подразумевающая под собой перевод информации в цифровую форму. В процессе данного перехода не только создаются новые благоприятные возможности для граждан и специалистов, занятых в производстве, науке, бизнесе и т.п., но и возникают разного рода сложности, в том числе цифровые барьеры, усиливающие социально-экономическое расслоение между социальными группами, социальное и цифровое неравенство между странами, а также препятствующие росту инклюзивности государственного управления, что, в свою очередь, следует учитывать при разработке и совершенствовании направлений государственной политики, связанных, прежде всего, с функционированием электронного правительства и оказанием цифровых услуг. В связи с вышесказанным представляется актуальным выявить сущность и охарактеризовать основные виды цифровых барьеров, исходя из данных, полученных в ходе исследований, проведенных Организацией объединенных наций (ООН).

Интерпретация термина «цифровой барьер» исключительно как неравенства социальных групп в доступе к современным информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) является крайне узкой. В документе «Исследование Организации объединенных наций: Электронное правительство 2018» указывается, что наличие цифровых барьеров в мире в настоящее время связано не только с отсутствием доступа к инфраструктуре информационно-коммуникационных технологий (Интернету, компьютерам, телефонам и т.д.), но и со множеством других факторов. Следовательно, определения «цифрового барьера» могут варьироваться в зависимости от того, что берется за их основу (практики применения ИКТ в различных странах, причины и уровни цифрового неравенства и т.д.). При этом сегодня важно обращать внимание как на факт наличия либо отсутствия доступа к Интернету, так и на «полезное использование». Последний термин описывает разницу между доступом к ИКТ и

тем, как люди его применяют. В целом, «полезное использование» может рассматриваться как решающий фактор, влияющий на то, способны ли граждане и конкретные социальные группы воспользоваться преимуществами электронных правительственных услуг [1, с. 35]. Данное понятие целесообразно применять при анализе специфики цифрового неравенства второго порядка (на более поздних стадиях интернетизации).

Помимо доступа к Интернету, который сохраняет за собой ведущую позицию, в число основных инфраструктурных барьеров, сопровождающих цифровое развитие информационных обществ, также входят:

- ценовая доступность ИКТ: от нее во многом зависят возможности внедрения тех или иных технологий как на локальном уровне (внутри государства), так и на глобальном (между государствами);

- международная пропускная способность и способность передавать и получать информацию по сетям;

- необходимость перевода соответствующих ресурсов на местные языки с целью их успешного внедрения на практике;

- скорость передачи данных посредством Интернета: присутствует существенный разрыв между базовым и широкополосным Интернетом.

Кроме того, имеют важное значение и цифровые барьеры, обусловленные социально-демографическими факторами, к которым относятся, прежде всего:

- возраст: как правило, пожилые люди (достигшие установленного пенсионного возраста) в меньшей степени используют ИКТ;

- образование и грамотность: чем они выше, тем выше уровень «полезного использования» ИКТ;

- половая принадлежность: к примеру, по данным ООН, в 2018 году существовала «небольшая, но устойчивая разница в уровне использования интернета между мужчинами и женщинами», а именно женщины в меньшем количестве имели мобильные телефоны и доступ к широкополосной связи [1, с. 34, 37];

- местонахождение: в отдаленных и сельских районах нередко скорость и качество услуг ниже, чем в городских и пригородных;

- инвалидность: использование людьми с ограниченными возможностями web-сайтов может быть затруднено в том случае, когда последние не обеспечены специальными программами;

- миграция: увеличение числа мигрантов в ряде стран требует соответствующих изменений в области предоставления электронных услуг, обеспечения доступа мигрантов к различной информации.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что те или иные барьеры неизбежно возникают в процес-

се цифрового развития. При этом прогресс в области ИКТ может создавать новые цифровые барьеры. Как показывают результаты исследований, осуществленных ООН, с каждым годом все большее количество людей в мире получают доступ к ИКТ. Однако, успешность преодоления цифровых барьеров и, в целом, цифрового неравенства в современных условиях в достаточно большой степени зависит, во-первых, от того, имеются ли у граждан, наряду с доступом, актуальные потребности пользоваться ИКТ, а во-вторых, от того, как конкретно происходит подобное использование. Ведущая роль в борьбе с цифровыми барьерами принадлежит государствам как субъектам, которые принимают решения о внедрении технологий в различных сферах общественной жизни, обеспечивают функционирование электронного правительства, разрабатывают соответствующую политику, определяют приоритеты и возможности инклюзивного государственного управления с учетом необходимости соблюдения интересов и включения всех категорий граждан в процесс цифровизации общества.

Источники и литература

1) United Nations E-Government Survey 2018 [Электронный ресурс] // United Nations. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_Russian.pdf. – Дата доступа: 22.12.2019.

Ханова Любовь Мунировна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Государственное финансирование театров как показатель обеспечения качества жизни населения в России

В условиях формирования личности, жизненных ценностей каждого человека роль государства играет далеко важную роль. В связи с чем «государственная политика в сфере культуры направлена на развитие и реализацию культурного и духовного потенциала каждой личности и общества в целом. По мере развития личности растут потребности в ее культурно-творческом самовыражении, освоении накопленных обществом культурных и духовных ценностей» [1]. Необходимость в удовлетворении таких потребностей потребует определенных мер со стороны государства, прежде всего финансовой поддержки, на что направлены отдельные приоритетные задачи Национальных проектов.

Одним из основных показателей качества жизни отдельного человека является максимальная доступность к культурным благам. Задача любого государства обеспечить такую доступность. Предназначение деятельности театров в данном контексте весьма значительное. Так, «театральное искусство в современной России занимает особое место в развитии человеческого потенциала, в создании благоприятных предпосылок для плодотворной реализации способностей каждого человека, улучшения условий жизни российских граждан и качества социальной среды» [1] .

По данным ВЦИОМ в Российской Федерации на 1 млн. жителей приходится чуть более трех театров, что более чем в 7 раз ниже такого же показателя в Австрии, в 4 раза в Швеции.

По данным статистики Министерства культуры Российской Федерации в 2018 году насчитывалось 657 театров всех ведомств, в том числе 619 театров, подведомственных министерству, что составляет чуть более 94% [2, с. 92]. За период 2010-2018 гг. количество региональных и муниципальных театров в целом увеличилось на 6,9% (в 2010 г. - 579, в 2018 г. - 619). Так, объем направляемых бюджетных средств региональным и муниципальным театрам вырос более чем в два раза, с 20,6 до 50,8 млрд руб., также расли расходы в целом на культуру консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации [3, с. 63].

В докладе отражены результаты исследования бюджетной обеспеченности по региональным и муниципальным театрам за период 2010-2016 гг.

В целом тенденция увеличения или уменьшения бюджетного финансирования в регионах России зависит как от финансовой возможности региона, так и от других объективных факторов. К ним, в первую очередь можно отнести географическое расположение и природно-климатические условия, а также расселение (плотность) населения, развитие транспортной инфраструктуры и другие.

Выводы. Бюджетная обеспеченность театров по регионам России различается в несколько десятков раз. В 2013 году высокие показатели отличались от наиболее низких более чем в 20-ть раз, а в 2016 г. разница увеличилась до 30-ти раз, (соответственно, в Магаданской области — 863/1318 руб. на чел., в Ставропольском крае - 40/44 руб. на чел.). Такие различия можно отнести к объективным факторам (например, природно-климатическим условиям), а также с повышением показателя доступности театральных услуг (например, это связано с организацией гастрольной деятельности театров по отдаленным и малонаселенным районам). Кроме того, уникальность отдельных театров, в том числе с наци-

онально-культурными особенностями требует дополнительных средств. [2, с.100].

Проведенный корреляционный анализ (в сравнении 2013 г. и 2016 г.) выявил относительную зависимость между показателями бюджетной обеспеченности и плотности населения по соответствующему региону и его географическим расположением. Так, чем ниже плотность населения отдельного региона, тем больше направляется бюджетных ассигнований на финансовое обеспечение театральных услуг. При корреляции показателя бюджетной обеспеченности с географическим расположением субъекта выявлено, что в число регионов с высоким его значением входят регионы Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, а также субъекты с неблагоприятными природно-климатическими условиями (Дальневосточный, Уральский, Сибирский и Приволжский федеральные округа. В данном случае нельзя не исключить, что это связано с приоритетным направлением финансирования театров в регионах и вниманием органов государственной власти и органов местного самоуправления к расширению доступности театральных услуг.

Как предложения возможно рекомендовать применять лучшую практику регионов-лидеров в обеспечении театральными услугами, а в регионах-аутсайдерах необходимость детального изучения причин отставания для действенного принятия решений и, конечно, применения опыта лучших региональных практик.

Источники и литература

1) Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 г. №1019-р «Концепция долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года».

2) Ханова Л.М. Улучшение бюджетного финансирования деятельности театров в регионах России как средство повышения культурного уровня россиян //Экономика. Налоги. Право. – 2017. – №5. – С. 91-101.

3) Балынин И.В. Финансовое обеспечение культуры и кинематографии в Российской Федерации в 2008-2020 гг. // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 2. С.213-217.

Холоденко Юрий Александрович
Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра социологии государственного управления, Москва, Россия

Цифровая трансформация: риски для российского рынка труда

Современное общество переживает глубокие социально - экономические изменения. Трансформируются сложившийся социальный и экономический уклад, структура социальных связей, принципы социального управления. Адаптация социума к изменяющимся общественным условиям происходит болезненно, с серьезными экономическими, политическими и социальными издержками. Не всегда элиты, бизнес и общество способны дать адекватный ответ на происходящие изменения. Результат - стагнация в экономике, потеря ценностных ориентаций, апатия и неуверенность в завтрашнем дне, усиление социальной напряженности и конфликтности. Одним из важнейших факторов происходящих социальных трансформаций выступает цифровая революция. Она создает дополнительные возможности для получения новых знаний, наращивания человеческого капитала, профессионального роста, одновременно обостряя экономические и социальные риски, оказывая все большее и противоречивое влияние на рынок труда и занятость населения.

Цифровая революция способна стать драйвером роста российской экономики, важным направлением повышения ее глобальной конкурентоспособности, что становится необходимым условием успеха в условиях обострения глобальной конкуренции. Однако она разрушает сложившиеся условия занятости населения, неоднозначно влияет на рынок труда, обостряет проблему социального неравенства и изменяет его конфигурацию. Цифровизация предполагает активное внедрение в процессы производства кибернетических систем, использование промышленных роботов, интернет - технологий, что означает переход к новому технологическому укладу.

Прежде всего, массовое внедрение технологии 3D- печати способно привести к качественным преобразованиям в медицине, образовании, промышленности и даже строительстве. Сейчас использование 3D технологий сдерживается значительными издержками их применения. Однако их несомненные преимущества - сокращение времени производства продукта, снижение транспортных издержек, возможность создания сложных и уникальных объектов - делают такие технологии привлекательными для широкого массового применения. Так, специалисты прогнозируют, что уже к 2025 году с помощью технологии 3D - печати будут

производиться потребительские товары[5, с.59]. Очевидно, что подобные новации неизбежно приведут к изменениям в структуре занятости.

Другое важное направление цифровой революции - роботизация экономических процессов. К. Шваб считает, что «для многих людей это непоправимо изменит то, как выглядит их работа, среда, семейная жизнь и сама идентичность» [5, с.38] Современные роботы способны заменить работников массовых профессий практически во всех секторах народного хозяйства: отраслях обрабатывающей промышленности, в том числе автомобилестроении, в сферах транспорта, складской логистики, интернет - торговли. Эксперты отмечают, что в ближайшее десятилетие в результате активного внедрения цифровых технологий от 9 до 50% всех ныне существующих профессий могут исчезнуть, а 19% всех рабочих могут быть заменены роботами на 81%. [4]. Несмотря на некоторое отставание России в сфере роботизации, ее примеры уже встречаются в бизнес - практиках некоторых крупных российских компаний, в частности в автомобильной промышленности и в агропромышленном секторе. Например, на ряде молочных ферм, принадлежащих ведущим агрохолдингам, где раньше на 5 000 голов скота требовалось 250 доярок, сегодня то же самое количество коров обслуживают робот-дояр и два оператора [3]. Следовательно, роботизация - процесс с неоднозначными социальными последствиями, так как выдавливает из активной трудовой деятельности работника и обостряет таким образом проблему безработицы. Специалисты неоднозначно оценивают риски цифровой революции для российского рынка труда. Одни считают, что в ближайшие десять лет в России исчезнет примерно 6,5 млн. рабочих мест. При этом 20 - 25 млн. из сохранившихся потребуют от потенциальных кандидатов новых знаний и компетенций. [1]. Другие эксперты более оптимистично оценивают будущее, отмечая, что «технологии Индустрии 4.0 приведут к сокращению около 610000 рабочих мест, но в тот же период появится около 960000 новых вакансий»[2].

Представляется, что цифровая трансформация в обозримой перспективе не приведет к шоковым негативным изменениям на российском рынке труда. Однако серьезные изменения в структуре занятости неизбежны, поэтому государство, бизнес и общество должны быть к ним готовы. В первую очередь, речь идет о развитии новых форм занятости на базе Интернет, использовании дистанционной работы, фриланса, в том числе с применением мобильных приложений. Таким образом, цифровая революция является противоречивым феноменом. Она способна стать фактором роста российской экономики, создавая при этом серьезные риски для рынка труда. Для многих массовых профессий существует угроза

исчезновения [6]. Цифровые технологии изменят характер труда и компетенции работников. Потребуются новые знания, навыки, умения. В условиях обострения условий глобальной конкуренции возникает угроза масштабной структурной безработицы. В этой связи политика российского государства должна быть направлена на развитие системы образования, подготовки и переподготовки работников, способных адаптироваться к массовому внедрению цифровых технологий.

Источники и литература

1) Варламов Е. Цифровая экономика без человеческого капитала несостоятельна.[Электронный ресурс]. Режим доступа: tass.ru on 09.04.2018 09:00 http: tass.ru/opinions/interviews/5100624 (03. 04.2019)
2) Полеванов В. Куда идешь, человек? // Экономические стратегии, 2017, №1, с.82-98.
3) Роботы не приживаются на российских заводах// Ведомости. 13.10.2016. URL.:https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/11/14/664697-roboti-ne-prizhivayutsya
4) Россия 2025: от кадров к талантам/ The Boston Consulting Group, URL.: http://d-russia.ru/wp-co11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdfntent/uploads/2017/
5) Шваб К. Четвертая промышленная революция /— «Эксмо», 2016 - 139 с.
6) Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социальные вызовы цифровой революции // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т.15. № 4. С.39-45.

Хрустова Любовь Евгеньевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Департамент корпоративных финансов и корпоративного управления, Москва, Россия

Регулирование нефинансовой отчетности как фактор, определяющий реализацию устойчивого развития российских корпораций

Масштаб деятельности корпораций на современном этапе развития экономики определяет глубину их воздействия на все стороны жизни

общества. Оценка операций крупнейших транснациональных компаний демонстрирует, что их финансовые показатели сопоставимы с ВВП отдельных стран. Так, объем выручки крупнейшей ТНК (американской компании Walmart) в 2018 году на 1,5% превысил ВВП Бельгии. [1, с. 1036] Особую значимость приобретают социальные и экологические последствия функционирования компаний, а также их роль в преодолении системных экономических проблем, таких как нищета и снижение неравенства между странами. Перечисленные факты обуславливают стремительную переориентацию общественных интересов в сторону реализации принципов концепции устойчивого развития, в том числе в корпоративном секторе экономики.

Соблюдение принципов устойчивого развития способствует улучшению репутации компании, что может положительным образом сказаться на ее инвестиционной привлекательности, котировках акций, капитализации. Можно говорить о существовании заинтересованности со стороны бизнеса в поддержании рассматриваемой концепции, а также широком освещении достигнутых в данном направлении результатов. Таким образом, высокую значимость для корпораций приобретает не только факт соответствия концепции устойчивого развития, но и открытая публикация информации о внимании, уделяемом осуществлению деятельности без ущерба для будущего поколения.

В научной литературе перечень сведений, характеризующих различные направления деятельности компании и не имеющих стоимостного измерения, часто объединяют понятием нефинансовая информация, включая, в том числе, данные о ее корпоративной, социальной, экологической ответственности. Механизмами раскрытия нефинансовой информации являются публикация интегрированной отчетности, отчетности о корпоративной социальной ответственности, отчетности об устойчивом развитии. [2, с. 12] Некоторые корпорации стремятся отразить нефинансовую информацию в текстах годовых и квартальных отчетов.

Выявленная необходимость раскрытия дополнительных сведений, публикация которых не требуется в рамках финансовой отчетности, определила возникновение ряда проблем. Например, в условиях отсутствия нормативно-правового регулирования публикации нефинансовой информации, корпорации имеют некоторую свободу в части выбора событий, которые они хотят осветить в отчетности. С учетом возможности воздействия на репутацию и имидж, менеджмент может принять решение о сокрытии сведений, негативно характеризующих компанию (например, о произошедшей аварии на производстве, повлекшей за собой загрязнение окружающей среды). В то же время далеко не всегда отказ

от раскрытия информации означает существование сведений, негативно сказывающихся на имидже - иногда корпорации препятствуют обнародованию информации исключительно в целях сохранения коммерческой тайны. Можно говорить о том, что соблюдение принципов устойчивого развития в корпорациях может приобретать явную и неявную форму.

Другой проблемой выступает определение критериев соответствия концепции устойчивого развития. Потребление ресурсов в результате хозяйственной деятельности неизбежно, равно как и невозможным является отсутствие воздействия результатов деятельности на общество и окружающую среду. В связи с этим возникает вопрос - каковы критерии, позволяющие говорить о соблюдении принципов устойчивого развития компании? Где проходят допустимые границы воздействия и каким образом минимизировать разрушительные последствия? Переход к реализации концепции устойчивого развития не может быть моментальным - требуется формирование некоторой стратегии, учитывающей возможности и потребности конкретной страны и региона.

Наряду с указанными проблемами, можно говорить также о высоких издержках внедрения эффективной нефинансовой отчетности, наличии рисков, связанных с информационной безопасностью и необходимостью соблюдения коммерческой тайны.

Проблемы нормативно-правового регулирования и формирования стратегии реализации концепции устойчивого развития могут быть решены при содействии государства, в связи с чем его роль существенно возрастает. Однако в настоящий момент российские компании в части подготовки нефинансовой отчетности находятся в числе отстающих. Нормативно-правовое регулирование данной сферы несовершенно, федеральный закон, направленный на регламентацию публикации нефинансовой отчетности уже долгое время находится на стадии разработки.

Высокую заинтересованность в раскрытии нефинансовой информации демонстрируют только крупнейшие компании, а их число по информации Российского союза промышленников и предпринимателей составило лишь 87 в 2019 году (для сравнения в США этот показатель составляет 1729 компаний, в Великобритании - 1417, в Германии - 1125). [3, с. 47].

Государство может оказывать и прямое содействие реализации принципов устойчивого развития в корпорациях. В частности, традиционно большую значимость приобретает финансовая поддержка государством инициатив по устойчивому развитию. Помимо этого государство может создавать стимулы для повышения заинтересованности компаний в раскрытии информации.

Понятия социальной, корпоративной, экологической ответственности становятся ключевыми аспектами, определяющими долгосрочное развитие компании. В связи с этим государство приобретает значимую роль в поддержании концепции устойчивого развития на всех уровнях, в том числе и корпоративном.

Источники и литература

1) Венцетель М.В. Влияние деятельности ТНК на экономику страны базирования и принимающей страны: позитивные и негативные последствия // Финансовая экономика. – 2018. - № 6. – с. 1036-1040.
2) Самусенко С. А. Концепция информационной асимметрии как теоретическое обоснование феномена публичной нефинансовой отчетности //Учет. Анализ. Аудит. – 2018. – Т. 5. – №. 3. – с. 6-12.
3) Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2017-2018 гг. выпуска. Е.Н. Феоктистова, Л.В. Аленичева, Г.А. Копылова, М.Н. Озерянская, Д.Р. Пуртова, Н.В. Хонякова. – М.: РСПП, 2019. – 104 с.

Чернобровкина Наталья Игоревна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Стратегирование социально-экономического развития региона как фактор консолидации регионального социума

Стратегирование социально-экономического развития региона - это совокупность процессов планирования, прогнозирования и управления. Оно осуществляется с учетом заинтересованных в нем субъектов. В качестве таковых традиционно выделяют представителей органов власти, бизнеса, общественных объединений.

Субъектом стратегирования выступают преимущественно органы управления регионом, непосредственно разрабатывающие стратегию и реализующие ее. Аудит стратегии предполагает оценку количественных результатов исполнения и мониторинг. Другими субъектами стратегирования, наряду с органами власти, по мнению ученых, являются предпринимательские структуры. Их сотрудничество с государственными ор-

ганами власти осуществляется в рамках государственно-частного партнерства, которое можно определить как правовой механизм согласования интересов и обеспечения взаимодействия государства и бизнеса.

Консолидированность отношений органов управления и частного бизнеса как субъектов стратегирования социально-экономического развития региона заключается в долгосрочном равноправном характере отношений, разделении рисков и ответственности относительно привлеченных финансовых и материальных ресурсов, которые направлены на реализацию совместных проектов. Формы консолидации управленческих и предпринимательских структур достаточно устойчивы и нормативно закреплены в рамках государственно-частного партнерства. Так, основными формами государственно-частного партнерства в сфере экономики и государственном управлении, как правило, являются: государственные контракты, арендные отношения, финансовая аренда (лизинг), государственно-частные предприятия, соглашения о разделе продукции и концессионные соглашения.

В настоящее время барьерами консолидации субъектов стратегирования в рамках государственно-частного партнерства в РФ является необходимость расширения институциональной базы с учетом отраслевых особенностей регионального развитии. Подобное законодательство для различных отраслей экономики может рассматривать и страховать некоторые риски, например, влияние сезонности или колебания курсов валют на окупаемость совместных проектов. Кроме того, создание концессионной системы государственно-частного партнерства должно осуществляться с учетом возможностей объединения, например, транспортной инраструктуры в единый комплекс, который способен повышать конкурентоспособность региона в кратчайшие сроки и с минимальными финансовыми затратами. В области повышения эффективности управления важно создание территориальных министерств, способствующих комплексной разработки и реализации стратегии социально-экономического развития региона и выработке взаимовыгодных механизмов сотрудничества в рамках государственно-частного партнерства.

Другими субъектами стратегирования выступают органы местного самоуправления и общественность, которая включает заинтересованные слои местного сообщества - некоммерческие организации, представителей научно-образовательных учреждений и культуры, местные средства массовой информации, социально активных граждан. Их консолидированность выражается в высокой интенсивности и сбалансированности общественного участия в разработке и реализации стратегии через информационные и консультационные механизмы. На этапе разработки и

реализации стратегии социально-экономического развития региона формами консолидации органов местного самоуправления и общественности являются круглые столы, дискуссионные площадки, форумы, общественные советы, собрания граждан, волонтерское и сетевое сотрудничества, а также проведение общественных экспертиз. Им предшествуют информационные и консультационные формы консолидации. К барьерам этой консолидации относятся низкая степень вовлеченности общественности в процесс стратегического планирования, осуществление ею функций наблюдения или пассивного информирования. Повышение уровня общественного участия в процессе стратегирования социально-экономического развития региона возможно посредством форсайт-проектов как этапов разработки и реализации региональной стратегии.

Анализ субъектов стратегирования социально-экономического развития региона показал, что научное сообщество не выделяют в качестве такового. Вместе с тем, в рамках научного сообщества разрабатываются методологические подходы к стратегированию, которые потом становятся основанием стратегий социально-экономического развития регионов. Поэтому необходимым условием разработки эффективной стратегии социально-экономического развития региона является консолидация органов управления с научным сообществом с целью разработки последними новых методологических подходов к стратегированию. Задача органов власти - использовать методологические подходы для разработки инновационной стратегии социально-экономического развития региона. Еще одной функцией научного сообщества, способствующей консолидации с органами управления, является экспертиза разработанной органами власти стратегии социально-экономического развития региона. Без этого ее реализация невозможна. Формами консолидации научного сообщества и структур управления как субъектов стратегирования социально-экономического развития региона является разработка теоретико-методологической основы стратегии и экспертиза ее проекта.

Итак, стратегирование социально-экономического развития региона напрямую зависят от качества выработки оптимальных форм взаимовыгодного взаимодействия научного сообщества, органов власти, бизнеса и общественности. Именно этими обстоятельствами определяется практическая актуальность темы исследования.

Чибурова Дарья Юрьевна

Администрация Октябрьского района города Барнаула, Барнаул, Россия

Жилищно-коммунальное хозяйство в системе интересов социальных групп.

В настоящее время жилищно-коммунальное хозяйство (далее - ЖКХ) - одна из самых важных и проблемных сфер в деятельности органов местного самоуправления (далее - органы МСУ), 80% обращений жителей в органы МСУ составляют вопросы ЖКХ. Зачастую по качеству жилищно-коммунальных услуг население судит об эффективности власти. Следовательно, этой сфере должно быть уделено особое внимание.

Развитие рыночных отношений, осуществление важных экономических преобразований в современном обществе создают немало актуальных проблем. На современном этапе формирования рыночных отношений реформа в ЖКХ, осуществляемая в Российской Федерации с 1992 г., имеет огромную значимость, поскольку затрагивает интересы каждого гражданина. Неоспорим тот факт, что осуществляемая реформа ЖКХ является одним из важнейших направлений социально-экономических преобразований в России. Из вопроса «местного значения» реформа ЖКХ превратилась в ключевой вопрос государственной политики, без решения которого невозможна стабилизация в экономике страны [1]. При этом очевидно наличие конфликта между населением и органами местного самоуправления в связи с ростом тарифов на жилищно-коммунальные услуги [2].

При освещении данной проблемы нужно учитывать, что экономическая ситуация современной России опирается на взаимоотношения в условиях рынка, а рынок же жилищно-коммунальных услуг еще до конца не сформирован [3]. Стоит признать, что у основной массы населения сложилось устойчивое представление о том, что цель жилищно-коммунальной реформы состоит в повышении оплаты за жилье и коммунальные услуги [4].

По результатам социологического исследования компонентов социальных установок населения по отношению к реформе ЖКХ, проводимого в период с 2013 по 2014 гг. в г.Иркутск, получены следующие результаты [5].

Так, например, некоторые респонденты считают, что реформа приведет к повсеместному энергоресурсосбережению. При разговоре с испытуемыми прослеживался тот факт, что многие не верят в реальную эффективность энергосбережения, а также отмечают недостаток инфор-

мации извне о способах экономии. При этом большинство испытуемых утверждают об отсутствии у них привычки экономить, что может быть связано с менталитетом, сложившимся в советский период.

Среди населения также прослеживается мнение о том, что реформа усложнит схему взаимодействия населения с поставщиками услуг посредством большого количества посредников, а это еще больше повысит расходы населения на ЖКХ. По мнению автора данного исследования, распространение вышеуказанного утверждения показывает негативную направленность к реформированию ЖКХ, поскольку достаточно большое количество лиц с различным уровнем образования считают, что реформа приведет к усложнению конфликта между населением и органами МСУ.

Рассматривая полученные данные, можно констатировать тот факт, что малое количество испытуемых надеется на понижение издержек в жилищно-коммунальном комплексе вследствие реформы. Однако среди предпринимателей и служащих большее количество граждан выразили согласие с данным утверждением. Наименьшую заинтересованность высказали студенты, которые показали в основном амбивалентное отношение.

Можно отметить, что в целом наблюдается достаточно слабая информированность населения о сущности проводимых преобразований в жилищно-коммунальном секторе. Мнение населения о сути реформы ЖКХ существует в форме неясных представлений и в большинстве своем интуитивных оценок.

Как показало исследование, семь из восьми граждан не знают, что значит с их стороны оплата содержания жилья. Они хотят, чтобы в их квартирах поменяли сантехнику, рамы и балконные блоки, укрепили полы и заделали щели. Парадокс выявленной ситуации - горожане думают, что оплата жилья должна повлечь за собой согласно логике их рассуждений содержание в порядке их квартиры со стороны ЖКХ. Однако на практике горожане вовсе не ждут исполнения таких ожиданий.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что большая часть населения не испытывает симпатии к проводимым преобразованиям в сфере ЖКХ, не доверяет своим управляющим компаниям, в большинстве случаев негативно либо амбивалентно относится к внедрению новых мероприятий в сфере жилищно-коммунальных услуг.

Подводя итог исследования компонентов социальных установок населения в зависимости от возраста, пола, рода занятий, уровня образования и доходов, по отношению к реформе ЖКХ и работе управляющих компаний можно сказать, что когнитивный компонент социальных уста-

новок у населения сформирован в недостаточной степени. При этом наблюдается недостаточное понимание проводимых изменений в жилищно-коммунальном секторе, присутствует тенденция: чем старше граждане, тем менее сформировано понимание сути реформы; чем ниже уровень образования, тем расплывчатее понимание сущности проводимых преобразований; чем ниже доход населения, тем негативнее восприятие реформирования. Следовательно, слабое осознание населением проводимых преобразований, неясность представлений и присутствие амбивалентного отношения к изменениям становится барьером для стабилизации и развития структур ЖКХ. У населения чаще всего нет определенной позиции по отношению к реформированию ЖКХ. Недостаточная информированность населения о конкретных действиях по осуществлению организации жилищной сферы нового поколения, как следствие, ведет к затруднениям при осмыслении функций управления многоквартирными жилыми домами.

Источники и литература

1) Алавидзе Т.Л. Социальные изменения: восприятие и переживание / Т.Л.Алавидзе, Е.В.Антонюк, Л.Я.Гозман // Социальная психология в современном обществе /под ред. Г.М.Андреевой, А.И.Донцова. - М. : Аспект Пресс, 2002. - С. 302–323.

2) Алексеев А.А. Механизм реализации жилищной политики крупного города / А.А.Алексеев. - М. : Машиностроение, 2002. - 316 с.

3) Батуренко С.А. К вопросу о бедности как глобальной проблемы совремнности / С.А.Батуренко // Материалы международной научной конференции «Ломоносов - 2008»: сб.ст.аспирантов. - М.: МАКС Пресс, 2008. - URL: http://lomonosov-msu.ru/ukr/archive.html.

4) Управление инвестиционными процессами в жилищно-коммунальном комплексе города: организационно-экономическое регулирование / М.В.Приверценцев, Д.В.Луценко, М.В.Темников [и др.]. - М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2008. - 367с.

5) Ван А.И. «Компоненты социальных установок населения по отношению к работе управляющих организаций в жилищной сфере»// http://eizvestia.isea.ru (дата обращения 24.12.2019).

Чилькина Ксения Владимировна

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Правовые меры сокращения социальной эксклюзии в Германии в XIX в.: история социального государства и права

Германия обоснованно считается первым государством, вставшим на путь поддержки социально слабых граждан и групп населения: в конце XIX в. здесь была создана система обязательного социального страхования. Система социального страхования была направлена на сокращение социальной эксклюзии путем организационной, материальной и финансовой поддержки лиц, столкнувшихся с социальным риском - болезнь, инвалидность, потеря кормильца, достижение нетрудоспособного возраста и пр. С момента принятия первого закона о страховании в 1887 год, последующих законов в сфере социального страхования, близких по целям законов в сфере трудовых отношений, за кратчайший срок удалось достичь комплексного эффекта: выросла продолжительность жизни, качество жизни населения, производительность труда и другие социально-экономические показатели.

Объяснить успех впервые созданной системы можно только наличием определенного опыта сокращения социальной эксклюзии ранее. Анализ развития немецкого права в XIX в. позволяет говорить об использовании различных методов сокращения социальной эксклюзии на протяжении всего XIX в. Спектр данных методов, согласно законодательству, был обширным.

Представители государственной власти вынуждены были предпринимать данные меры по причине очевидных проблем уже в начале XIX в., так как Пруссия (лидер среди немецких княжеств) в составе четвертой антифранцузской коалиции, объявив войну Франции, разгромно её проиграла в 1806 г. С 1807 года Пруссия начала реформировать систему государственного управления: городам было даровано представительство в законодательном процессе в отношении вопросов местного самоуправления, стала развиваться система представительства граждан. Помимо данных факторов (поражение в войне, потеря земель, большого количества граждан, денежные репарации) обуславливающих социальную эксклюзию, в первой половине XIX в. в Германии, научно-технический прогресс вызывал регулярные экономические кризисы и изменение структуры общества. В литературе более подробно описаны причины и виды социальной эксклюзии [1], однако в настоящей работе речь будет идти не обо всех видах социальной эксклюзии.

Преодолевая социальную эксклюзию, причиной которой была бедность, и как следствие, физическое состояние человека, государство следующими правовыми мерами её сокращало:

1.Исторически первыми в Германии были обязывающие меры (использовались уже до XIX в., сохранялись в последующем) - согласно социальному законодательству, семья нуждающегося, община, в которой он проживает, церковь должны были содержать нуждающегося. Сам нуждающийся обязывался искать себе заработка уголовным законодательством, согласно которому нищенство и бродяжничество признавалось преступлением.

2.Постепенно спектр правовых мер увеличивался. После революции 1848 г. государство начинает использовать контрольные, профилактические, координационные меры.

Контрольно-правовые меры сокращения социальной эксклюзии выражались в учреждении должности фабричных инспекторов, которые следили за охраной труда на предприятиях. Одновременно эти меры можно отнести к профилактическим, так как сокращалось количество несчастных случаев на производстве, улучшалось состояние здоровья работающих, и таким образом, исключалась социальная эксклюзия.

Координационно-правовые меры выражались в организации взаимодействия различных территориальных общин в процессе обеспечения нуждающегося. Так, например, если человек работал на территории одной общины, там получал увечье или заболевал, и возвращался в общину, где родился и находились родственники, то администрация первой общины выплачивала деньги второй общине на восстановление или содержание нуждающегося. Данные меры способствовали сокращению социальной эксклюзии.

3.С момента образования Германской империи в 1871 г. значительно расширились все вышеперечисленные меры. Огромная роль отводилась профилактическим мерам сокращения социальной эксклюзии, в частности социальной гигиене - стали утверждаться нормы обеспечения человека жилищем, регламентировалось санитарное состояние жилища, что приводило с сокращению заболеваний, улучшению качества жизни.

В последние 20 лет XIX в. в. была создана система обязательного социального страхования. Все категории населения, за редким исключением, последовательно включались в данную систему. Новыми правовыми мерами на этом этапе развития государства стало прямое финансовое участие государство в обеспечении нуждающихся, наряду с самими трудящимися и работодателями (система обязательного социального страхования была построена на финансовых долевом участии трудящихся,

работодателей и государства). Однако, при всем многообразии правовых мер сокращения социальной эксклюзии, основной подход государства к восстановлению нуждающихся и их инклюзии состоял в том, что сам нуждающийся должен был быть мотивирован в социальной инклюзии.

Большая часть правовых мер сокращения социальной эксклюзии, разработанных в Германии в конце XIX в., прочно закрепились в законодательстве и с развитием новых общественных отношений, распространялись на них в XX в.

Источники и литература

1) Мельниченко А.А., Гулий Р.М. Социальная эксклюзия: вопросы методологии и использования в сфере государственного управления//Вестник государственного и муниципального управления. 2012. №4. Сс.13-18.

***Шамилева Роза Камилевна*[1]*, Sadueva Аупа А*[2]*, Хубаева Малика Саид-Магомедовна*[2]**

1 - Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова, Грозный, россия; 2 - Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д.Миллионщикова, Грозный, Россия

Регулирование социальных конфликтов в контексте интересов

Сущность социальных конфликтов связана с функционированием в обществе совокупности интересов различных общностей и образований, составляющих ее социальную структуру.

Однако социальный конфликт связан с противоборством его субъектов в системе общественных отношений в процессе социального взаимодействия.

Социальный конфликт можно определить как кульминационную стадию обострения противоречий, отражающих рассогласование интересов между различными группами, общностями и индивидами. В научной литературе содержание данного понятия исследователи закономерно связывают с противоположностью интересов участников конфликта.

К. Маркс видел основу социального конфликта в антагонистическом обществе, где классовая борьба неминуемо должна привести к революционным преобразованиям» [см.:1, с.6-7].

Не следует односторонне подходить к понятию конфликта с позиций его негативного содержания, так как, прежде всего конфликт является формой взаимодействия индивидов. Именно таков подход Л. Козера, рассматривавшего его как один из видов социального взаимодействия, в ходе которого происходит «борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников» [см.: 2, с.137].

В теории Р. Дарендорфа социальный конфликт представляет собой различные по интенсивности виды столкновений, основанных на разобщенности интересов конфликтующих классов, групп и общностей [см.:3, с. 7].

Отсюда, социальный конфликт - противоборство различных общностей, групп и других субъектов социального взаимодействия, характеризующееся противоположностью интересов и потребностей. Интересы, проявляемые в желаниях, чувствах, умонастроениях, в жизненных планах, превращается в совокупность сложных стимулов деятельности в мотивы, которые приводят к реализации определенных систем деятельности. Важнейшим компонентом интересов как комплекса потребностей выступает чувство справедливости или несправедливости. Именно на удовлетворение чувства справедливости и социальной справедливости направлены интересы многих социальных групп.

Институты и системы распределения жизненных благ оказывают влияние на формирование интересов. Через системы распределения решается наиболее существенная задача организации любой социальной общности: соотнесения результата деятельности и признания этого результат через вознаграждение. При этом следует иметь в виду не только материальное е вознаграждение. Это - лишь частный случай более общего социального механизма мобилизации мотивации деятельности индивидов и социальных групп. Вознаграждение - духовные блага, предоставление которых означает повышение престижа вознаграждаемого лица или социальной группы за то, что считается полезным как для них, так и для общества.

По определению пользы и награды, общество интересуется социальными группами, направляя их по некоторым более или менее стабильным каналам. Интересы направлены из-за этого не на общество, а на систему социальных институтов. Через эти институты и закрепляется, а потом и изменяется совокупность социальных положений в обществе.

Процесс регуляции и разрешения конфликта с целью реализации интересов субъектов требует выработки стратегии, прежде всего, исследования социальных форм их проявления, включающая в себя анализ и

оценку, поиск и выбор способов разрешения конфликтной ситуации. В современном обществе причиной подобной ситуации зачастую является несоответствие статусно-ролевой позиции индивидов, что может негативно повлиять на процесс социальной и трудовой занятости индивидов.

В конечном итоге, такое положение может привести к деструктивным процессам, выраженным в отсутствии социальной справедливости и усиления фактора маргинализации. Если политика ориентируется на интересы человека, которому создаются благоприятные условия для всестороннего развития, то повышение активности каждого конкретного индивида (что является безусловным фактором реализации справедливости) способствует динамичному развитию экономики и повышению нравственного потенциала общества.

Одним из серьезнейших элементов социальной несправедливости является феномен безработицы, играющий стержневую роль в процессе маргинализации. Например, в результате военно-политического конфликта на территории Чеченской Республики до 2009 года численность безработных составляла 370 тыс. чел. (т. е. свыше 35%), что составляло около 30% экономически активного населения. Однако, реализация стратегического плана региональной политики, нацеленная на восстановление инфраструктуры республики привела к положительной динамике снижения безработицы, и на конец 2019 года она составила около 9,3% [см.:4].

Если политика ориентируется на интересы человека, которому создаются благоприятные условия для всестороннего развития, то повышение активности каждого конкретного индивида (что является безусловным фактором реализации справедливости) способствует динамичному развитию экономики и повышению нравственного потенциала общества.

Источники и литература

1) К. Маркс Критика Готской программы / В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. М.: Госполитиздат, 1964. С. 9–32.2. Л. Козер. Функции социального конфликта. – М.: ВЛАДОС, 2008. – 196с. 3. Р. Дарендорф. Современный социальный конфликт: очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. – 285.4. Электронный ресурс: https://kavkaz.versia.ru/na-severnom-kavkaze-samyj-vysokij-uroven-bezraboticy-po-rossii. Дата обращения 19.12. 2019 г.

Юртикова Надежда Владимировна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная политика государства в снижении социального неравенства в современном российском обществе

Социальное неравенство представляет собой вечную и многогранную проблему, при этом являющееся неотъемлемой частью социальной жизни.

Современное российское общество достаточно неоднородно, характеризующееся усиливающимся социальным делением общества, социальным и имущественным расслоением, обнищанием одной части населения и обогащением другой. На быстрый рост уровня разрыва оказывают влияние сокращение занятости, снижение трудовых доходов, безработица, низкие доходы занятого населения, особенно в сельской местности и малых городах, высокое экономическое неравенство в распределении денежных доходов и имущества между бедными и богатыми [7, с. 25].

Подобное положение вещей служит источником социальной напряженности и социальных конфликтов и требует совершенствования социальной политики государства, препятствующей возникновению и распространению различных форм неравенства, направленной на согласование интересов противоположных групп, обеспечение благосостояния населения.

Так, в настоящее время в Российской Федерации принято ряд нормативных правовых документов и осуществляется ряд программ, направленных на развитие рынка труда, охраны здоровья населения, поддержку семьи, материнства, детства, социально уязвимых слоев населения, молодежную политику, динамику доходов населения, развитие социальных институтов.

Перечислим некоторые из них.

Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», одной из задач, предусмотренных данным документов, является снижение бедности в 2 раза[1].

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года направлена на устойчивое повышение благосостояния российских граждан [2].

«Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» [3], которые будут реализованы в рамках национальных проектов «Демография», «Здравоохранение», «Жилье и городская среда», «Образование», «Производительность труда и поддержка занятости», государственных программ Российской Феде-

рации «Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Развитие физической культуры и спорта», «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Содействие занятости населения».

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, государственной программе РФ «Развитие образования» на 2013-2020 гг., федеральной целевой программе развития образования на 2016−2020 гг., национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», национальном проекте «Образование» сформулированы приоритеты государственной политики в области образования.

Вопросы охраны здоровья отражены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года, Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

С целью повышения уровня и качества жизни, роста благосостояния граждан на основе обеспечения эффективности российской экономики и стимулирования внутреннего спроса 29 января 2018 г. было принято Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2018-2020 годы [4].

С целью снижения напряженности на рынке труда с 2019 г. реализуется национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости». Составляющей данного проекта является федеральный проект «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда» [5].

Для обеспечения и поддержки граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, совершенствования условий приобретения жилья на рынке, в том числе с помощью ипотечного кредитования, улучшения качества жилищного фонда, повышения комфортности условий проживания разработан национальный проект «Доступное и комфортное жилье».

Другим элементом социальной политики является оказание помощи малообеспеченным гражданам, социальная защита уязвимых групп населения. Такие направления социальной политики содержатся в государственной программе Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» [6].

Перечисленные выше нормативные документы содержат направления, способствующие развитию рынка труда, трудовых ресурсов, обеспе-

чению занятости, поддержке социально-уязвимых слоев населения, обеспечению роста благосостояния населения, повышению доступности образовательных и медицинских услуг, а в конечном итоге, улучшению социального самочувствия населения.

Источники и литература

1) Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/ (дата обращения: 10.01.2020).
2) Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»)[Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134 / (дата обращения: 10.01.2020).
3) «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» (утв. Правительством РФ 29.09.2018) [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (дата обращения: 10.01.2020).
4) Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2018–2020 годы [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2020).
5) Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 1695 «О реализации в 2019 - 2021 годах мероприятий, направленных на повышение эффективности службы занятости в рамках федерального проекта «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда» национального проекта «Повышение производительности труда и поддержка занятости» [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72041590/ (дата обращения: 10.01.2020).

6) Годовой отчет за 2018 год о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» //[Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/1334 (дата обращения: 10.01.2020).

7) Голубева Е. В. Усиление социального неравенства в глобализирующемся мире // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2006. - № 14, с. 21-25.

Сборник материалов

XIV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

«ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В XXI ВЕКЕ»

Электронное издание комплексного распространения

Издательство ООО “МАКС Пресс” Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к. Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891